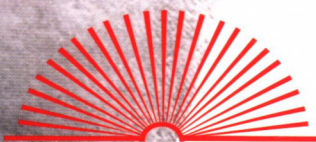

СТОГОФФ

ИЛЬЯ

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЗДАНИЕ

ОТВЕРТКА

КАМИКАДЗЕ

МАЧО НЕ ПЛАЧУТ

MASIAFUCKER

13 МЕСЯЦЕВ

МЕРТВЫЕ МОГУТ
ТАНЦЕВАТЬ

ВСЕ РОМАНЫ

Предисловия:
Павел Крусанов, Алексей Иванов, Дмитрий Глуховский, Вадим Назаров

СТОГОФФ

ИЛЬЯ

ОТВЕРТКА

КАМИКАДЗЕ

МАЧО
НЕ ПЛАЧУТ

MASIAFUCKER

13 МЕСЯЦЕВ

МЕРТВЫЕ
МОГУТ
ТАНЦЕВАТЬ

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЗДАНИЕ

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЗДАНИЕ

СТОГОФФ ИЛЬЯ

ВСЕ РОМАНЫ

О Т В Е Р Т К А

К А М И К А Д З Е

М А Ч О Н Е П Л А Ч У Т

М А С I А Ф У С К Е Р

1 3 М Е С Я Ц Е В

М Е Р Т В Ы Е М О Г У Т Т А Н Ц Е В А Т Ь

Москва
«Астрель»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С81

Все тексты печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Фото предоставлено автором

Storoff, И.

С81 Все романы / Илья Стогофф. – М.: Астрель, 2012. – 990, [1] с.

ISBN 978-5-271-45024-2 (ООО «Издательство Астрель»)

В эту книгу включены ВСЕ романы Ильи Стогова: «Отвертка» (1996), «Камикадзе» (1998), «Мачо не плачут» (1999) с предисловием Павла Крусанова, «mASIAfucker» (2002) с предисловием Алексея Иванова, «13 месяцев» (2003) с предисловием Дмитрия Глуховского и «Мертвые могут танцевать» (2005) с предисловием Вадима Назарова.

Редакционная подготовка издания осуществлена
издательством «Астрель-СПб»

ISBN 978-985-18-1576-6
(ООО «Харвест»)

© Storoff Илья, 2012
© ООО «Издательство Астрель», 2012
© ООО «Астрель-СПб», оригинал-макет, 2012

ОТБЕРТКА

1996

Предисловие Павла Крусанова

Однажды в издательство, где я в те времена работал редактором, пришел отвязный парень в косухе и тяжелых ботинках на все-сезонном протекторе. Он представился Ильей Стоговым и угостил меня огромной, как Ростральная колонна, сигарой — накануне со-стряпал для одного глянцевого журнала статью о кубинском табаке, за что в качестве презента получил от кубинского консула коробку «Ромео и Джульетты».

(Несколько лет спустя мы с Ильей и Александром Секацким, вдохновившись в «Борее» пивом, по старой Илюшиной памяти, ломанулись без приглашения в кубинское консульство, где по случаю годовщины штурма казарм Монкада случилась вечеринка. Там поварята в высоких белых колпаках порционно нарезали еще дымящиеся свиные окорока и было много рома. Стогова с Секацким охрана вскоре отсекла, а меня почему-то оставили, хотя о кубинском табаке я не писал ни слова.)

В тот раз Илья принес кровожадный текст под могильным названием «Череп императора», который мне и вручил. У меня была фляжка коньяка. Зачадив редакцию гаванским дымом, разговорились, и Стогов рассказал о себе, что журналист и магистр богословия.

На представителя фантомной профессии он походил не очень. На богослова — еще меньше. Скорее — на рокера. Тираж «Отвертки» вышел в 1997-м. В ней, чтобы никто ничего не понял, Илья Стогов был персонажем, а автором — некто Виктор Банев.

Это было давно — в конце прошлого века. С тех пор многое изменилось. Через несколько лет после выхода этой книги Стогов стал знаменит. Бросил пить. Потом начал брить голову под колено. Теперь персонаж Илья Стогов известен куда больше, чем писатель Виктор Банев. Реальное действующее лицо вытеснило вымышленно-го автора.

Похож ли он теперь на богослова?

Дудки.

Часть 1
Коктейль
«ЧЕРЕП ИМПЕРАТОРА»

We wait all day, for night to come,
And it comes...

*Группа «U2»,
альбом «Joshua Tree»*

1

— Эй, красавчик! Не скучно?

Блондинка, сидевшая за соседним столиком, кричала во весь голос. Но из-за грохота музыки слышал я ее с трудом.

Интересно, сколько теперь стоит слуховой аппарат?

— Красавчик! Я с кем разговариваю?

Выбравшись из-за стола, решительная блондинка направилась в мою сторону. Я отхлебнул из стакана.

Нависнув так, чтобы было видно: девушка передо мной стоит не бедная... денег на хорошее белье хватает... блондинка выговорила:

— Дай сигарету.

— Не дам.

Она удивилась:

— Неужели не угостишь даму?

— Ты не моя дама. А я не твой кавалер.

Блондинку я заметил сразу, как только вошел в клуб. Вы бы ее тоже заметили. И тогда же я заметил ее спутника: невысокого пухленького мужичонку с китайским лицом.

Сперва я решил, что мужчина... ну, скажем, якут... или бурят. Откуда в этой дыре настоящий заграничный китаец? Однако, сев неподалеку и приглядевшись, решил, что черт его знает. Может, парень и вправду из-за Китайской стены.

Блондинке было года двадцать три — двадцать четыре. Китайцу лихо за шестьдесят. Нездоровый цвет лица — наверное, больная печень. Зато золотые часы, шелковый галстук, перстень с камешком.

Несколько минут назад китаец, морщась от грохота, уплыл по направлению к туалету. Я поразмышлял на тему, есть ли в Китае техно-музыка?

Блондинка уселась в кресле напротив. Коснулась меня ногой под столом. Нога была длинная и теплая. Я отодвинулся так, чтобы она не могла до меня дотянуться, убрал пачку сигарет в карман и еще раз отхлебнул из стакана.

— Поболтаем?

Я промолчал. Судя по тому, сколько оставалось денег, стакан был на сегодня последним. Решив не спешить, я оставил его в стойку, закурил и пустил колечко дыма.

В спертом воздухе лететь ему было некуда. Колечко печально растаяло.

— Так и будешь молчать?

— Тебя это расстраивает?

— Почему ты молчишь?

— О чем нам с тобой разговаривать?

— Смотри, я ведь могу и...

Я сидел спиной к выходу. Однако по тому, как резко замолчала блондинка, понял: из туалета возвращается китаец.

Не обнаружив подружки там, где оставил, он замер посреди зала. Этаким вполне приличный китаец. Дорогой пиджак. Очки в модной оправе. Чего его занесло в этот «MoonWay»?

Блондинка улыбалась во весь красивый рот и махала руками. Разглядев ее, китаец семенящими шагами подошел к столику и мутным взором уперся мне в подбородок.

— Ли! Наконец-то! Милый! Ну где ты был?

Китаец не сводил с меня глаз. Блондинка тут же пояснила:

— А это... Ли, познакомься. Я встретила одноклассника.

О как! Я задрал брови и покосился на блондинку. То есть второгодником я, конечно, мог быть... но все-таки не столько раз подряд.

У китайца оказался очень тоненький, писклявый голос:

— Здьавствуйти. Осень йад, осень йад. Вы с Жасмин дьюзья?

Раз мы друзья с Жасмин, значит, мою новую подружку зовут Жасмин. Логично? Так что на вопрос китайца я кивнул. В смысле, что да. Жасмин я друг, и еще какой.

Все мы тут друзья и подружки.

— Очень приятно! Очень приятно! Будем знакомы: Ли Гоучжень, бизнесмен из Китая. А вы?

Ситуация становилась дурацкой. На кой хрен мне знакомиться с Ли... э-э-э... с бизнесменом из Китая?

Я повернулся к Жасмин и пристально на нее посмотрел. Увела бы она хунвейбина своего вежливого куда-нибудь в задницу. Чтобы людям отдыхать не мешал.

Жасмин, не мигая, глядела китайцу в лицо. Бывают, знаете, такие взгляды, прерывать которые пинком ноги под столом немного неудобно.

Секунду помедлив, я решил, что ладно. Будем доброжелательны по отношению к зарубежным гостям. Пусть они увезут наилучшие воспоминания о нашем городе. Неважно, что в городе какую неделю подряд льет дождь. Зато здесь живут радушные и приветливые люди.

С трудом выкарабкавшись из чересчур низкого кресла, я встал и протянул китайцу руку:

— Илья Стогов. Очень приятно.

— И... Эль... Как вы сказали?

Вечерника вступала в кульминационную фазу. «Мунуэевские» DJ's отжигали по полной. В стоящем грохоте бизнесмену из Китая не светило разобрать, что здесь имя, что фамилия и как все это следует произносить.

Я попытался выговорить более членораздельно. Это было бесполезно. Стоять, когда под коленки упирается кресло, а прямо в... как бы помягче?... давит стол, было неудобно. Я поступил проще.

Нашупав в кармане редакционную визитку, я вложил ее в раскрытую ладонь бизнесмена.

— Журналист? Вы журналист? О-о! Как интересно! Позвольте вас угостить! Водка? Жасмин, ты? О'кей, три водки!

Сжимая мою визитку как величайшее в мире сокровище, Ли сменяющими шагами порулил в направлении бара. Все-таки китайцы очень вежливый народ.

Едва он отошел на безопасное расстояние, Жасмин подскочила в кресле:

— Ты действительно журналист?

— Действительно.

— Как твоя фамилия? Ах да — Стогов... Что-то я о тебе никогда не слышала.

— Хватит того, что я сам о себе слышал.

— Ты известный журналист? Где ты работаешь? На телевидении?

— Нет, в газете.

— У-у, я думала, на телевидении... А в какой газете?

— Не скажу.

Визитки нам на работе выдавали редко и помалу. Вообще-то я их берег, кому попало не раздавал. Но раз так вышло, то ладно. Жасмин была готова выпрыгнуть из платья прямо за столом. Ну и опять-таки китаец угостит.

Первые несколько бутылок пива я купил еще днем, в редакции. Потом было красное вино в отделе социальных проблем. Потом снова пиво. Платить приходилось в основном мне.

Работа все никак не могла начаться, а сразу после этого кончилась. На радостях все поехали к машинисткам домой. У кого-то из них дома был коньяк. Коньяк сразил машинисток наповал.

Потом была водка в закрывающемся уличном кафе, снова водка на заднем сиденье такси, потом снова пиво в магазине «24 часа — продукты» на углу Невского и Пушкинской.

Кто уж там за что платил, вспоминается с трудом. Но когда вместе со спортивным обозревателем нашей газеты Алексеем Осокиным я добрался до клуба, то на вход мы с ним уже сбрасывались.

Кстати, момента, когда Осокин исчез, я не заметил. То ли собутыльник уговорил пару местных балерин продолжить хореографию дома. То ли устал и смылся по-тихому.

Возможно, впрочем, что Алексей Осокин стоит, как последний лох, на улице и блюет. Хотя нет... Только не на улице... На улице сейчас дождь...

Переться под дождем домой в Купчино не хотелось. Так что китаец подвернулся кстати. Если он, имея такой замечательный галстук, потратится на двести граммов водки для русского журналиста, то, скорее всего, не разорится.

— Тебя действительно зовут как цветок?

— Неужели мечта сбылась?! Неужели я все-таки произвела на тебя впечатление?!

Я поразглядывал собеседницу. Расстроился и залпом допил то, что еще оставалось в стакане.

— Вообще-то да. Вообще-то произвела.

— Да? И ты вообще-то да... Слушай, Стогов, давай, когда все кончится, поедem ко мне?

Что кончится? Я прикурил новую сигарету от предыдущей и поискал глазами китайского друга. Где водка?

— Что-то твой паренек задерживается.

-- И чего?

— Может, он передумал меня угощать?

— Труба горит?

— Когда красивые девушки начинают хамить, то со стороны это выглядит отвратительно.

— Прости, дорогой. Не знала, что алкоголь — это святое.

— Я его поищу. Посидишь?

Стоило встать на ноги, и я сразу почувствовал, насколько пьян. На танцполе демонстрировали брачные ритуалы орангутангов. Осторожно обойдя танцующих, я протиснулся в бар. У стойки китайца не было.

— Китаец в пиджаке... в таком классном пиджаке... три водки не заказывал?

— Монгол в тубетейке... в такой классной тубетейке... брал виски. Двое негров в тигровых шурах вчера заходили, пили текилу. Иногда заходят и эскимосы, но это редко. Китайцев пока не было.

Остряк. Шел бы в «Аншлаг-аншлаг» работать.

В чил-ауте было потише, и музыка играла совершенно другая. Молодые люди на диванчиках, громко чавкая, целовались со своими девушками, а может быть и между собой. Еще они засовывали потные ладони друг дружке в трусы. Человека, способного купить мне водки, не было и здесь.

Выйдя из чил-аута, я прошел в другой конец коридора и на всякий случай посмотрел на входную дверь.

У входа располагался то ли гардероб, то ли камера хранения. Лысый мужчина в кителе с аксельбантами сосредоточенно рассматривал чью-то визитку. Возможно, раньше лысый был военным... скажем, бригадным генералом... возможно, раньше он лично водил армии на штурм вражеских крепостей.

Наголо стриженный молодец в униформенном дождевике с надписью «Клуб „Moon Way“, Security» стоял на пороге и пускал кольца дыма в сплошной, стеной идущий дождь. Возможно, раньше молодец ходил в атаки под началом лысого.

При взгляде на низвергавшиеся с небес потоки воды в душе рождалась благодарность к человеку, который придумал найт-клабы. Лишь очень большое сердце могло изобрести такие теплые и сухие места.

Дальше по коридору располагался только туалет. Коридорчик перед туалетом был пуст, а дверь в единственную кабинку заперта.

Ломиться в запертый туалет было неловко. Я решил подождать китайца возле двери.

Бедный, вот скрутило-то. Через каждые десять минут бегают. Я машинально пощупал свой правый бок.

Когда я умру и патологоанатом в длинных резиновых перчатках по локоть влезет в мое распоротое чрево... только тогда станет точно известно, как плохо выглядят мои собственные внутренние органы.

Вдавлив пальцы как можно глубже под ребра, никакой боли я не почувствовал. Я обрадовался и постучал в запертую дверь:

— Господин Ли, вам плохо?

Ответа не было. Я решил поставить вопрос иначе:

— Эй, долго вы там?

Ни малейшей реакции.

За дверью было тихо. Не просто тихо, а абсолютно тихо.

Вернувшись в зал, я наклонился к самому уху Жасмин и прокричал:

— Китаец исчез!

— Как это исчез?

— В бар еще не заходил, а больше его нигде не видели.

— Посмотри в туалете. У него больная печень. Выпьет грамм — и из туалета не вытащишь.

— Смотрел — там заперто, а внутри мертвая тишина.

— Какая тишина?

— Мертвая. Кто теперь купит мне алкоголя?

— Ну-ка, пойдем!

К двери со схематическим мужским силуэтом она тащила меня целеустремленно. Наблюдавший за нами охранник в дождевике завистливо усмехнулся.

— Эй! Ли, милый! Ты меня слышишь?

Никакой реакции.

— Ли! Что с тобой?

Спустя десять секунд:

— ЛИ! СЕЙЧАС ЖЕ ОТКРОЙ!

Жасмин развернулась и посмотрела мне в лицо:

— Ты можешь сломать эту дверь?

— Могу.

— Тогда ломай!

— Как это ломай? Погоди...

— Что?

— Это необходимо? Может, там и не он.

— А кто?

— За дверь придется платить.

— Я заплачу, ломай.

— Погоди, я хоть секьюрити позову.

— Я тебе говорю, ломай!

Хлипкой двери хватило одного удара. Я ударил ногой чуть ниже ручки, и дверь с хрустом ввалилась в глубь кабины.

— Твою мать..., — выдохнула Жасмин.

На полу в луже собственной крови лежал безнадежно мертвый господин Ли Гоу-чжень, бизнесмен из Китая.

2

До пяти часов утра я успел несколько раз изложить свою версию случившегося сперва милиционерам, затем подъехавшим фээсбэшникам, а в пять меня отвезли на Литейный, и там все началось сначала.

По долгу службы в Большом доме я бывал, и даже не раз. Но оказаться в роли допрашиваемого пока не доводилось.

Допрашивали трое. Все в одинаковых галстуках, стрижках и гладко выбритые. В отличие от меня.

Вопрос о том, какого рода отношения связывали меня с покойным, сыщики задавали по очереди. В общей сложности восемь раз подряд. То, что знаком я с ним был ровным счетом пятнадцать секунд, они отказывались принимать даже в качестве рабочей гипотезы.

Раз журналист, значит, с китайцем встречался по делу и что-то скрывает. Не хочет помочь следствию.

— Значит, вы не хотите нам помочь?

— Хочу.

— Ну так помогите.

— Я рассказал все, что знаю. Я не был знаком с убитым. Он пошел к моему столику за несколько минут до того, как был убит.

Близнецы-сыщики смотрели на меня и молчали.

— Что вы хотите от меня услышать?

— Правду.

Глупо получается. Пока я не сознаюсь, они меня не отпустят. А сознаваться мне не в чем.

Я напрягся, и в усталом мозгу забрезжила смутная мысль. Мне показалось, что я нашел убийственный довод:

— Слушайте! Во! Я этому Ли... как там дальше... дал свою визитку.

— Визитку?

— Да, визитную карточку.

— И что?

— Не понимаете? Я дал ему свою карточку, а ведь визитками люди обмениваются только при первом знакомстве.

Минуту подумав, самый гладковыбритый из близнецов встал и молча вышел из кабинета. Двое оставшихся продолжили меня разглядывать.

— Офицеры, у меня кончились сигареты. Может, угостите?

— Здесь не курят.

— Неужели не угостите арестованного?

— Вы не арестованы. Вы приглашены для дачи показаний.

Каких-то восемь часов тому назад я сидел в клубе «Лунный Путь» и уже слышал похожий диалог. Только тогда курить хотела блондинка с именем, похожим на азиатский цветок.

Пьян я больше не был. Ночь прошла. Вспоминать о ней с утра было странно. Как будто все происходило в чужой жизни. Не моей.

Тесный танцпол. Освещенные зеленым светом спайдермены. Горький вкус алкоголя на языке. Большегрудая девица, называющая меня «красавчиком».

Что я там делал? Кто я? Откуда? Что вообще со мной происходит последние несколько лет?

Когда на черной «Волге» меня увозили из «MoonWay», Жасмин еще оставалась в клубе. Может быть, дальше по коридору, в точно таком же светлом и просторном кабинете коллеги моих сиамских близнецов точно такими же вежливыми голосами задают ей точно такие же вопросы.

— Ладно. Не курите, и не надо. Но вы, офицеры, и меня поймите. Я не спал всю ночь. Я не думал, что так получится. Я, между прочим, выпил, и вообще... Теперь у меня болит голова. Дайте хотя бы кофе.

Один из эфэсбэшников встал и вышел. Вернулся он с пластмассовым подносом, на котором стояла чашка кофе, стакан воды и таблетка в упаковке.

— Что это?

— Аспирин. От головы.

Я проглотил таблетку и запил ее кофе. Он оказался паршивым: почти не сладким и совсем не горячим. Такой же кофе в фыркающей кофеварке секретарша Оля варит главному редактору моей газеты.

Майор вернулся минут через пятнадцать.

— Вашей визитки среди вещей убитого не обнаружено.

— Не обнаружено?

— В его карманах найдены две авторучки с золотым пером, кошелек, носовой платок, записная книжка, ключи от автомобиля, зажигалка и начатая пачка сигарет.

— А визитка?

— Визитки с вашим именем нет.

— Может, завалилась за подкладку пиджака?

Он с жалостью на меня посмотрел.

— Вы продолжаете утверждать, что до сегодняшней ночи не были знакомы с господином Ли Гоу-чжень?

— Продолжаю.

Офицеры обменялись взглядами и помолчали. Возможно, они владели техникой передачи мыслей на расстояние и таким образом между собой советовались.

Потом самый старший и самый гладковыбритый спецслужбист сказал:

— Вы можете идти. Вот ваш пропуск. Сдадите его внизу часовому. Это мой телефон. Если захотите что-нибудь добавить к сказанному, позвоните. Если вы нам понадобится, вас вызовут.

Вызовут! Fuck! Ставлю месячное жалование против жетона метро, что, не будь я журналистом, париться бы мне сейчас в следственном изоляторе. Где-нибудь на шестом подземном этаже Большого дома.

Но — благодарение Богу! Я — журналист, четвертая власть, бойкое перо, наглая репортерская морда и все в таком роде.

От сознания собственной значимости хотелось гордо поднять голову. Голова была тяжелой, болела и не желала подниматься. На улице по-прежнему шел дождь. Хотя уже и не тот, что ночью.

Накинув капюшон куртки, я прямо по лужам зашагал прочь. Ехать в редакцию было рано. Кроме уборщиц да главного редактора, в такую рань там никого нет. Однако домой, в Купчино, ехать хотелось еще меньше.

В «24 часа» на углу Фурштатской я купил банку пива и решил, что, кроме редакции, ехать все равно некуда. Так что в магазинчике на первом этаже Лениздата я купил еще четыре бутылки пива. Подумал было о водке, но решил, что ладно, успеется.

В тоскливый кабинет с табличкой «И. Стогов. Спецкор» подниматься не стал. Прошел прямо в редакционный бар.

Бар в таком месте, как Лениздат, — особое место. Поднимаетесь на третий этаж здания, платите за свое пиво, садитесь за столик и обнаруживаете, что напротив сидит... ну, например, Борис Гребен-

щиков... или Анатолий Чубайс... или Аль Капоне в обнимку с Микки-Маусом... впрочем, конечно, не в такую рань.

У барменши были опухшие от недосыпания глаза. Когда-то я помнил, как ее зовут. Сейчас, разумеется, уже нет.

— Можно пачку «Lucky Strike»?

Барменша сказала, что «Лаки Страйк» нет. Тогда я попросил стакан под пиво. Стакан у барменши был. Правда, не очень чистый.

Я сел за стол, выставил бутылки на стол и наконец закурил. Как это обычно бывает, спать почти не хотелось. Захочется позже, ближе к обеду. А пока можно пить свою «Балтику» и дожидаться коллег.

Коллеги появились почти сразу. Трое хмурых и небритых парней из криминального отдела. Журналиги. Зубры острого репортажа. Из тех, что начинают день со стакана теплой водки и потом открывают ударом ноги абсолютно любую дверь.

Я кивнул, и один из зубров тут же подошел к моему столу.

— Как машинистки?

— Нормально, Паша, нормально. Жалуются только — почерк у тебя неразборчивый. Буквы, говорят, иногда пропускаешь.

Эту историю знал весь издательский комплекс. В мифические времена... в эпоху, когда рубашки «Лакоста» еще носили с черными кроссовками «Reebok», а Брежнев был не персонажем комиксов, а (поверите?) политиком... в те времена Паше доверили должность выпускающего редактора.

Паша понял это в том смысле, что перед ним открываются двери в Большую Карьеру. Он купил себе пиджак, при встрече подавал для рукопожатия два пальца и демонстративно называл всех на «вы».

Он просиживал в редакции до двух ночи. Сам лично, не доверяя корректорам, проверил все, вплоть до знаков препинания в прогнозе погоды... а в шесть утра из типографии позвонили и сказали, что в заголовке передовицы вместо цитаты из Маяковского: «Я себя под Лениным чищу» — набрано: «Я себя под Лениным ищу». И фотография улыбающейся девушки.

Тираж ушел под нож. Газета вышла с трехчасовым опозданием. Паше больше никогда не доверяли ответственных постов.

Паша помрачнел и поскреб ногтями похожую на лишайник небритость.

— Знаешь, Илья... мне тут человек с утра звонил. Говорит, какого-то Стогова из «MoonWay» на Литейный увезли. Не родственник?

— Да, Паша. Все правильно. Это меня увезли на Литейный.

— Тебя? А за что?

— Паша, об этом пишу я. Сам.

Паша увял, с тоской посмотрел на «Балтику» и попробовал зайти с фланга:

— Сам так сам. Что хоть случилось? Говорят, какого-то китайца убили?

— Ага. Убили.

— И?..

— Паша, ты не русский? Я же сказал — об этом пишу я. Что непонятно?

— Злой ты, Стогов.

Мы помолчали.

— Дай хоть пивка хлебну.

— Хлебни.

Паша мстительно присосался к горлышку и поставил бутылку на стол, только когда пива в ней осталось на пару пальцев. Потом он, не оборачиваясь, вернулся к своему столу.

В мокрой куртке, прямо с улицы, в буфет влетел буржуазного вида мужчина. Не иначе как обозреватель из еженедельника выше этажом: «А сегодня, дорогой читатель, мы поговорим с тобой о самом главном... о том, о чем нам давно следовало поговорить... о курсе акций ПСБ в наступающем сезоне...»

Я открыл вторую бутылку. Не дай мне Бог дожить до такого вот состояния. В буфет вошли три машинистки и новенькая корреспонденточка из отдела социальных проблем, имени которой я не знал. Машинистки были бледны и не покрашены.

То ли помог аспирин российских спецслужб, то ли все-таки «Балтика». Но головная боль совсем прошла.

Я осторожно потрогал лоб. По ту сторону лба понемногу оформлялся сегодняшний репортаж. Пора идти на рабочее место и писать о загадочном убийстве китайского бизнесмена в петербургском найт-клубе «MoonWay».

«Специально для читателей нашей газеты! Специальный корреспондент И. Стогов, первым оказавшийся на месте преступления, передает!..»

Иногда меня в буквальном смысле тошнит от того, чем я занимаюсь. Впрочем, ничего другого делать я все равно не умею.

Я отнес пустые бутылки на столик с табличкой «Грязную посуду — сюда» и начал похлопывать себя по карманам в поисках ключа от кабинета. В этот момент в буфет вошел мой главный редактор.

- Ага! Стогов! Я знал, что найду вас в баре.
- Здравствуйте, Виктор Константинович.
- Вы знаете, что вам звонили?
- Мне?
- Вам звонили, а вы с утра в баре.

Какая здесь связь, я не понял. Но на всякий случай кивнул. Все ясно: мне звонили, а я с утра в баре.

— А кто звонил, Виктор Константинович? Из ФСБ?

— Почему из ФСБ? Что опять случилось? Нет, звонили не из ФСБ. Звонили из китайского генконсульства. Сегодня в пять часов они приглашают вас на ужин, который устраивается специально в вашу честь.

3

Поспать удалось всего часа полтора. Надеть чистую рубашку я успел. Побриться — нет. В десять минут шестого я нажал кнопку звонка генерального консульства Китайской Народной Республики.

Из глубины тонированного стекла сквозь потоки воды на меня смотрело вытянутое отражение.

Помню, пару лет назад редактор газеты, для которой я тогда писал, устраивал мне интервью. Брать интервью предстояло у его, редактора, знакомого прямо на улице.

Чтобы мы друг друга узнали, редактор по телефону пытался описать респонденту, как я выгляжу. Оглядев меня, он сказал в трубку:

— Стогов, это три «не». Он невысок, небрит и практически всегда нетрезв. В общем, вы его узнаете.

Надеяться оставалось только на то, что китайцы — народ вежливый. К чужим недостаткам снисходительный.

Дверь открылась.

— Господин Стогов?

— Да.

— Очень приятно! Меня зовут Дэн Шан-ся. Это я звонил вашему редактору. Проходите, пожалуйста.

Внутри было сухо и тепло. Китаец был маленький, юркий и носил массивные роговые очки. Он повесил мою куртку на плечики и убрал в стенной шкаф.

— Промокли? Да-а, погода испортилась! Очень испортилась! Осень в этом году дождливая, не правда ли?

Я сказал, что правда. До сего дня я несколько раз бывал в консульствах. В немецком на Фурштатской, в итальянском напротив Кировского театра, в польском на... не помню, как называется улица... в общем, напротив вендиспансера.

Один раз был даже на банкете в консульстве ЮАР. Удивился, не обнаружив среди персонала ни единого негра. В консульствах азиатских стран бывать мне еще не доводилось.

— Сюда, пожалуйста.

Мы вошли в комнату для приемов. Комната была большая. Окон было не меньше пяти, а за окнами шел дождь и чернели воды Мойки.

Справа от двери на стене висел портрет знаменитого китайца. Мао Цзэдун? Конфуций? У дальней стены полукругом стояли диванчик и два кресла, между которыми был втиснут низенький стол с одинокой пепельницей посередине.

В одном из кресел сидел пожилой китаец в дорогом черном костюме. При моем появлении он встал и заулыбался.

— Позвольте вам представить господина Ю Мин-тао, нашего генерального консула. Господин консул, это Илья Стогов, журналист.

Мы пожали друг другу руки. Рука у генконсула была маленькая, сухая и жесткая. Меня усадили на диван. Дождавшись, пока я протиснусь мимо столика, дипломаты опустили в кресла, и тут же в комнату неслышно вошли несколько официантов.

На столе нарисовался чай, сахарница и несколько блюдец. Увидев чай, я расстроился. По телефону китайцы обещали ужин, и я специально не стал перекусывать по пути.

К моменту, когда господин Дэн в третий раз повторил фразу «Да-а, дождливая осень в этом году...», я начал догадываться, что имеется в виду под выражением «китайские церемонии».

Сперва я решил, что главным собеседником будет важный консул Ю. Однако по-русски консул почти не говорил, и общался со мной в основном юркий Дэн. Я так и не мог вспомнить: называл он свою должность или не называл?

Мы допили чай, и бесшумные официанты унесли чашки. Я подумал, что жмоты китайцы не дали к чаю даже пирожных. Как только я додумал эту фразу до конца, на столе начали появляться холодные закуски, соусы в крошечных соусницах и палочки для еды.

— Вас удивляет, что сперва был чай, а потом закуски?

— Нет, не удивляет. Вернее, да, удивляет.

— Понимаете, Илья, мы хотели бы угостить вас так, как это принято в Китае. А в Китае обед начинается с чая, а заканчивается супом. То есть все наоборот, не так, как в Европе.

— Как интересно!

Где-то я читал, что по-китайски европейцы называются «северные варвары». Станный они все-таки народ. Странная кухня. Дурная письменность. Непонятная мимика: то ли действительно рады посидеть со знаменитым петербургским журналистом, то ли изучают меня, как школьники изучают неполовое размножение фикусов.

Мы опять... еще раз... обсудили слякотную погоду. Официанты унесли пустые тарелки. На столе появились три стопочки и бутылка с иероглифической надписью.

— Вы пьете водку, Илья?

К чему врать? Я сказал, что пью.

— Позвольте угостить вас китайской водкой. Думаю, что такой вы еще не пробовали.

Улыбающийся Дэн налил всем на четыре пальца водки и радостно сообщил:

— У этой водки крепость — девяносто шесть градусов. Попробуйте!

Попробовать?

Я положил себе на тарелку креветок. Потом посмотрел на улыбающегося консула и добавил пару кусков обжаренного омара. Потом опять взглянул на девяностошестиградусный напиток и поближе придвинул соусницу.

Я поднял рюмку. Она оказалась тяжелой. Смерти он моей хочет?

Я залпом выпил китайское зелье. И содрогнулся. Дипломаты смотрели на меня в упор, поэтому содрогнулся я про себя. Не схватить креветку прямо руками стоило мне больших трудов.

Не меня выражения лиц, китайцы едва пригубили из своих рюмок и поставили их на место.

Мазефака!

К моменту, когда на столе появилась фарфоровая супница («Ага, скоро конец», — подумал я), мы с Дэном спорили о пельменях. Я доказывал, что это русское национальное блюдо («Вы читали Гоголя? А? Нет, читали или не читали?»), а он стоял на том, что блюдо это китайское, доказательство чему — сама форма слова «Пель-Мень», что по-маньчжурски означает «отрубленная голо-

ва», и, если я хочу, он может рассказать на эту тему старинную и очень красивую легенду.

Иногда я бросал взгляды на забрызганные дождем громадные окна. Думать о том, как в таком состоянии я поеду домой, не хотелось.

Я говорил: «Хорошая водка». «Не выпить ли нам еще?» — спрашивал Дэн. Момента, когда разговор сполз на вчерашние похождения в «Moon Way», я не заметил.

— Скажите, Илья, а как давно вы знакомы с Ли Гоу-чженем?

— Вы знаете, я практически вообще не был с ним знаком.

Дэн скорбно потупил взор.

— Давайте будем откровенны. О господине Ли я спрашиваю вас отнюдь не из любопытства. Убийство нашего соотечественника — событие экс... экзтра...

— Экстраординарное.

— Точно! Не выпить ли нам еще?

— Я с удовольствием выпью с вами еще!

— Вы — журналист. Вы должны понимать: то, что произошло вчера, очень серьезно. Будет скандал. Не в ваших интересах, чтобы скандал получил широкую огласку.

Я вытащил из пачки «Лаки Страйк» сигарету и заверил господина Дэна в желании сделать все возможное для того, чтобы последствия столь печального события никоим образом не смогли бросить тень на наши с Китаем традиционно дружественные отношения.

Фраза оказалась длинной, я запыхался, и поэтому мы выпили еще по рюмочке. После этого я сказал:

— Понимаете, господин Дэн, преступность — это большая проблема. И то, что жертвой бандитского нападения стал иностранный гражданин... Это возмутительно!..

Дэн на меня посмотрел. У него был задумчивый взгляд.

— Бандитского нападения?

— Вашего соотечественника ведь ограбили?

— Нет.

— Нет?

— В ФСБ нам сообщили, что из вещей господина Ли ничего не пропало.

— Даже бумажник?

— Даже бумажник.

Достав из пачки новую сигарету, я прикурил ее от предыдущей. Черт, а действительно... Я как-то не задумывался... но из-за чего все-таки убили китайца?

Вчера в туалете, стоя над его трупом, я решил, что какой-то обожравшийся наркотиков придурок позарился на золотые «Тиссо» коммерсанта. Мало ли уродов с пистолетами ходит нынче по дешевым окраинным клубам вроде «MoonWay»?

— Неужели не взяли даже бумажник?

— Илья, я наводил о вас справки. Все, с кем я беседовал, говорят, что журналистское расследование — это ваш жанр. Расскажите мне, пожалуйста, о чем просил вас наш соотечественник?

Я вздохнул. Медленно, чтобы до китайца дошло, я по пятому разу принялся излагать историю вчерашнего вечера.

Машинисток и их сногшибательный коньяк из уважения к собеседнику я опустил. Перешел сразу к визиту в клуб. Жасмин со своим никотиновым голоданием. Знакомство с господином Ли. Эрго: я ногой вышибаю дверь мужского туалета.

— Вы хотите сказать, что не знаете, кем был Ли Гоу-чжень?

— Знаю. Ли Гоу-чжень был коммерсантом из Китая.

Дэн продолжал улыбаться.

— Ли Гоу-чжень, убитый вчера в вашем городе, был одним из самых известных в мире коллекционеров.

— Коллекционеров чего?

— Коллекционеров всего. Он был «цзи-цзу» — выходцем из семьи китайцев, живущих вдали от родины. Долгое время господин Ли жил в Южной Африке. Там он сделал капитал на алмазном буме конца шестидесятых годов. Он был очень состоятелен. Очень-очень состоятелен. В начале девяностых годов господин Ли решает вернуться в КНР и привозит с собой все сбережения. Понимаете, сегодня у нас все не так, как было во времена культурной революции. Сейчас многие китайцы — очень состоятельные люди. Они вкладывают деньги в национальную экономику, помогают возрождению отчизны. Ли Гоу-чжень тоже помогал.

— Как это интересно!

— Господин Ли ездил по миру, находил предметы китайской старины, выкупал их и бесплатно передавал в наши музеи. За эти заслуги Государственный совет вручил ему орден. Он всего себя отдавал избранному делу. Господин Ли даже не был женат, чтобы семья не стесняла его возможности ездить по свету.

Ага, женат он не был. Выходил из положения другими способами. Наверное, блондинка по имени Жасмин много чего про эти способы может рассказать.

У меня сложилось впечатление, что перед отправкой в Пекин Дэн обкатывал на мне некоторые тезисы официального некролога.

— Обидно, что я не знал всего этого раньше.

— Вам больше нечего сказать?

— А что вам хотелось бы от меня услышать?

Было видно, как старательно Дэн подбирает слова:

— Нам кажется, что в Петербурге Ли Гоу-чжень обнаружил некую культурную ценность, имеющую большое значение для китайского народа.

— И что же это за ценность?

— Этого мы пока не знаем. Но мы думаем, что вчера вечером эта вещь уже была у него в руках. Что именно из-за нее он был убит. А еще мы думаем, что перед смертью господин Ли передал эту вещь вам.

4

Чертовы китайцы.

Среди всего того дерьма, в котором я живу последние несколько лет, только проблем с их убитыми миллионерами мне и не хватало. Остальное было уже все.

Выйдя из консульства, я поймал такси и доехал до круглосуточного кафе «Мандарин» на Думской. Не хотелось ничего — ни спать, ни думать о том, что происходит... вообще ничего не хотелось. Ну разве что пива. Да и то не очень.

Так всегда: мы рождаемся... живем... и рано или поздно доживаем до времени, когда понимаем, что, может быть, нам не стоило рождаться... не стоило жить ВОТ ТАК.

Сколько себя помню, я всегда был уверен, что стану звездой. Что живу ради этого... или ради чего-то в этом роде.

С появления на свет я был нацелен на то, чтобы стоять в лучах софитов и смотреть людям в глаза с обложек глянцевого magazines, как американские «Трайдент» были нацелены в ту пору на Московский Кремль.

Ребенком-дошкольником я хмурил брови, ревниво поглядывал на висающие в квартире родителей портреты Хемингуэя с Есениным и осваивал алфавит, как ребенок Тайсон осваивал хуки в подбородок.

Какой же смысл я вкладывал в словосочетание «стать звездой»?.. несколько месяцев я мучаюсь этим вопросом и не нахожу ответа.

По утрам я просыпаюсь в смятой постели. Лежу и досматриваю сон: на ветке сидит попугай. На левой лапе у попугая шесть скрюченных пальцев. Вернее, пальцев у него пять, но один, указательный, на конце раздваивается.

Некоторое время прикидываю: пил я вчера или не пил? Похмельный я или не похмельный? Судя по содержанию сна — пил... вот и голова ноет... хотя чего уж тут умничать?.. и безо всяких сновидений понятно, что пил... потому что, когда это такое было, чтобы я — да вдруг не пил?

Потом я варю себе кофе, а в радио шепчет потная итальянка с волосатыми и мускулистыми, как у тяжелоатлета, ногами. Все называют тетечку именем, уместным в средневековых трактатах, но никак — во фразе, начинающейся со слов «В постели с...».

Интересно, снятся ли ей попугайчьи ноги с шестью пальцами? По идее, если кого и называть настоящей, не такой как я, звездой, то итальянскую тетечку. Но что по поводу смятой постели, снов с шестипалыми лапами и отвратительного похмельного кофе?

До шести часов вечера — то, что называется «работа». Единственная радость — иногда звонят читатели:

— Алё, это вы? — Пошел на хуй. — Слушайте, вы такой классный! — Пошел на хуй! — Это самое... как сказать-то... вы такой классный! — Читай по губам: П-О-Ш-Е-Л-Н-А-Х-У-Й! — Спасибо вам за то, что вы такой классный! — Пожалуйстапошелнахуй!

Еще, прежде чем снова просмотреть сюжет по поводу попугая и лапы с шестью пальцами, бывают гости. Сто лет знакомые, абсолютно не интересные люди.

Несколько дней назад заходила подруга. Девушка похожа на итальянскую тетечку из утреннего радио. У нее здоровенная грудь и белые волосы. Помню, как лет десять назад эта здоровенная грудь регулярно демонстрировалась всем желающим.

В те годы подружка отжигала как могла. Девушкина мама злилась и обзывала дочь шипящими выражениями. Сегодня точно такими же словами девушка рассказывает мне про собственную дочь.

Если я брошу пить, то, наверное, доживу до дня, когда следующая юная негодяйка станет жаловаться уже на подружку внуучку.

Потом девятиэтажка напротив моего окна станет бордовой. Я и Солнце — оба звезды. Еще часик, и птица с неарийским профилем начнет перебирать у меня в голове шестипалыми лапами.

Постель — кофе — «Косынка» — багровый фасад дома — постель — кофе...

Самая чудовищная фраза, которую лично я встречал в мировой литературе,— это последняя фраза романа Стивенсона «Остров со-кровищ».

Дословно, разумеется, не помню. Суть в том, что, ребенком отъездив по экзотическим краям, герой говорит, что вот, мол, прошли годы, но ему и до сих пор снится берег с пальмами и попугай, картаво кричащий «Пиастры! Пиастры!».

Вы понимаете, да? В большую депрессию меня не повергало ничто и никогда! Парню жить — лет, может быть, еще шестьдесят... всю жизнь. А самое типа того, что интересное,— позади.

Плюнуть на всё. Доехать до того острова. Свернуть попугаю ко-стлявую шею...

Я вытряхнул на запястье часы, застрявшие под манжетой. Офи-циантка убрала пустой бокал и поставила новую пепельницу.

— Еще принести?

— Принесите, пожалуйста. Один бокал.

— Горячее не желаете? Пиццу?

— Денег нет.

Официантка принесла пиво и поставила высокий запотевший бокал на картонный квадратик с надписью «Spendrups». Внутри бокала был никакой не «Spendrups», а «Балтика» номер семь.

Я отхлебнул пива и выгреб из кармана мятые купюры. Если не появится кто-нибудь из знакомых (или еще один полумертвый, но очень щедрый китаец), то, пожалуй, это у нас сегодня последний бокальчик.

Да и хрен с ним.

В «Мандарин» вошла девушка с охапкой букетов. Способ зара-батывания на жизнь у таких девушек состоит в том, что ночь напро-лет они ездят по барам и кафешкам и мешают людям спокойно от-дыхать.

Напирая на джентльменские инстинкты, они втирают подвы-пившим гражданам розы по цене, в три раза превышающей цены самых дорогих магазинов. И ведь покупают! Какой джентльмен от-кажется купить своей даме розы, которые уже принесены прямо к столику?

Лично со мной данный номер не проходит. Вряд ли я когда-ли-бо подходил под категорию «джентльмен». Разве что очень давно.

— Молодой человек, не желаете купить розы?

— Зачем?

— Подарите своей даме.

- Где вы видите даму?
- Неужели у вас нет девушки?
(*Жасмин? Бред собачий.*)
- Нет.
- Поставьте цветы у себя дома.
- У меня нет дома.

Аргумент оказался убийственным. Девушка сделала круглые глаза и отошла в сторону. Я утопил сигарету в переполненной пепельнице и еще раз взглянул на часы.

Можно было и еще посидеть. Или пойти куда-нибудь послушать музыку. Или позвонить Осокину, занять денег и тогда выпить уже по-настоящему. Но не хотелось.

Я отсчитал причитающееся с меня за пиво, положил деньги на стол, накиннул на голову капюшон и вышел.

Снаружи лил дождь. Лил так сильно, что «Гостиный Двор» был почти не виден за потоками воды и лишь желтел кокетливым силуэтом.

Под козырьком у входа в «Мандарин» стояли две совсем молоденькие проститутки. Они с надеждой посмотрели в мою сторону. У меня не было автомобиля. Зато была помятая физиономия и давно не стиранная куртка. Девушки печально отвели глаза.

Я дошагал до Невского, подошел к краю тротуара и поднял руку. Если водитель попадетса нормальный, то денег должно хватить ровно чтобы доехать до моего блочного гетто.

Назвать меня, живущего в Купчино, петербуржцем можно только в той же мере, в какой житель Южного Бронкса является ньюйоркером.

Я ждал меньше двух секунд. После этого, заломив вираж и окатив меня водой, к тротуару подрулил громадный черный джип. Ну, может, не очень громадный... знаменитому ленинскому броневнику размерами он, пожалуй, уступал.

Переднее правое стекло было опушено. Оттуда высунулся здоровенный бритый парень:

- Садись, брат, подвезем.
- Спасибо. Я уж как-нибудь сам.

Прикрываясь ладонью от хлещущего дождя, бритый в упор посмотрел на меня. Сросшиеся брови. Ломаные-переломанные уши. Нос, выглядевший так, будто скульптор, лепивший это лицо, в последний момент решил вдавить его глубоко внутрь головы.

Обаятельный юноша.

— Тебе же сказано: садись.

— Мне в другую сторону.

Я улыбнулся и неторопливо, сохраняя собственное достоинство, зашагал прочь.

Джип дал задний ход. Еще до того, как он полностью остановился, двери распахнулись и из машины выскочили трое.

Унылые гиббоны под два метра ростом. Они начали обступать меня, прижимая к стене.

Происходящее меня удивляло. Чего им от меня нужно? Не вынимая рук из карманов куртки и улыбаясь, так что у меня затекли мышцы лица, я медленно, чтобы до них дошло, проговорил:

— Вы ошиблись. С кем-то меня спутали. Денег у меня нет. Я иду домой. Дойду сам. Спасибо за помощь.

Ни слова не говоря, тот, что был поближе, схватил меня за куртку и рванул на себя. С сочным хрустом куртка порвалась. На асфальт посыпались пуговицы.

Я люблю эту куртку. Ничего особенного: черная немецкая *military* куртка с капюшоном. В любом секонд-хенде за \$25 вы купите такую же или даже лучше. И тем не менее я люблю эту куртку.

Я многое в ней пережил, а кроме того, другой у меня просто нет. Так что ударил я его еще до того, как успел задуматься, правильно ли поступаю.

Удар пришелся чуть повыше скулы. Практически в висок. Парень грохнулся на тротуар. Лицом в неглубокую лужу.

Двое его приятелей не ожидали такого поворота и растерялись. Невский, насколько позволял разглядеть дождь, был пуст. Ни прохожих, ни милиции.

Идиоту понятно: нужно было разворачиваться и бежать... без оглядки... куда жив... но двое оставшихся гиббонов стояли так, что отрезали мне все пути. Я должен был сбить с ног как минимум еще одного.

Я сделал шаг вперед... одновременно отводя правое плечо... и тут я услышал голос... голос, который я не ожидал услышать:

— Ты чего разошелся, красавчик?

Я повернулся к джипу. Там, в проеме задней двери, высунув колени под дождь, сидела Жасмин. Герлфренд убитого китайца.

Я отвлекся всего на секунду. Этого было достаточно. В мозгу взорвалась маленькая ядерная бомба. и последнее, что я увидел, это огромные, куда больше неба, желтые глаза девушки, которую звали как цветок.

Терять сознание легко. Удар, небеса оказываются у тебя под ногами, и всё.

Приходить в себя — тяжелее.

Первой, еще до мыслей и эмоций, просыпается боль. Тупая боль в том месте, куда пришелся удар. Очень быстро боль становится невыносимой. Она заполняет всю голову и начинает изнутри стучаться в закрытые веки.

Ты открываешь глаза, и тут начинается самое тяжкое.

Я попытался открыть глаза, но сразу же снова их закрыл. Подождал с полминуты и попытался еще раз.

Левый глаз заплыл и не открывался совсем. В правом на мгновение мелькнул окружающий мир. Глумливый и коварный, он норовил уплыть вбок, расплывался и не желал принимать узнаваемые формы.

По мере того как я приходил в себя, боль обнаруживалась в самых неожиданных местах. Болело почти все... ну, кроме разве что пальцев ног.

Языком я пощупал зубы. Вроде бы все на месте. Это хорошо. Зубы и ребра — самое главное. Их всегда ломают в первую очередь.

Стул, к которому я был привязан, стоял посреди комнаты. Та была небольшая и плохо обставленная. Диван, ковер, пара стульев. В углу черно-белый телевизор.

На диване лежал здоровенный бритоголовый тип и крутил ручку настройки радиоприемника. Радиопевцы испуганно хрюкали внутри.

Еще один здоровяк сидел на стуле прямо напротив меня. На физиономии здоровяка расплылся огромный, от уха до носа, синяк.

Набитые кулаки, пятьдесят четвертого размера пиджак, шея борца-тяжеловеса. А на шее — дебильная голова пятилетнего ребенка.

Чтобы все достоинства столь замечательной головы были лучше видны окружающим, парень наголо брил свой недоразвитый череп.

— Дима, он очнулся.

У парня был недружелюбный голос. Его дорогой пиджак был весь заляпан грязью. Есть от чего быть недружелюбным.

— Очнулся? Это хорошо.

Лежавший на диване Дима оставил в покое приемник, встал и потянулся. У него был огромный... необъятный организм.

Дима шагнул поближе ко мне.

— Значит, ты у нас тот самый журналист Стогов?

— «Тот самый»? Развяжи руки, я дам тебе автограф.

— Давай лучше я дам тебе по зубам. Хочешь?

— Не-а.

— Хорошо, что не хочешь.

По идее, глядя на него, я должен был описаться от испуга. Терпеть не могу типов, ведущих себя как герои дешевых gangsta-movie.

Я попробовал угадать:

— Грабить будете?

— Зачем грабить? Нам чужого не надо. Ты нам, Стогов, наше отдай.

— А я что-то брал?

Дима походил по комнате, а потом сел верхом на колченогий стул.

— Стогов, давай не будем ссориться.

— Давай.

— Отдай бумагу по-хорошему.

Я напрягся, пытаюсь понять, о чем он.

— О чем ты?

— Я о бумаге, которую тебе в туалете передал китаец.

Я закрыл глаза. Голова гудела. Перед глазами плавали тухлые огненные круги. Кроме того, меня слегка подташнивало. Возможно, от удара по затылку. А может быть, после девяностошестиградусной китайской водки.

Китайцы... китайцы... Бизнесмен Ли? Консул Дэн? Как много новых китайских друзей появилось у меня за последние сутки!

— Никакую бумагу мне никто не передавал.

— Можешь умничать сколько хочешь. Пока не отдашь бумагу, отсюда не выйдешь.

— Но я действительно не в курсе насчет бумаги.

— Значит, ты никогда отсюда не выйдешь.

— Да?

В таком ключе мы поговорили с ним еще какое-то время. Бритоголовый Дима кусал ноготь большого пальца и злился.

— Ты вчера с шаболдой в «MoonWay» ходил?

— Ходил. Только без шаболды. Она ко мне уже там подошла.

— Китаец с вами был?
— Ну был. Только он не со мной был. С девушкой. В смысле — с шаболдой.

— А ты?

— Что я?

— Ты с ним о чем разговаривал?

— Ни о чем я с ним не разговаривал! Нужен мне твой китаец! Он хотел купить мне водки. Давайте-ка, говорит, ребята, я вас алкоголем угощу. Очень он у вас тут в России вкусный.

— Ну и?..

— Что «и»?

— Дальше-то что было?

— А ничего не было. Пошел китаец за водкой... по дороге в туалет заглянул... там его и застрелили. Не ты, кстати?

— И бумагу он тебе не передавал?

— Он хотел мне стакан с водкой передать. Но не успел.

— Пердула получается, а? Когда он в «MoonWay» шел — бумага была у него. На трупе бумаги уже не было. А в клубе, кроме тебя, он ни с кем не разговаривал. Куда ж она делась?

— Ну как сказать? Все-таки человек в туалет пошел. Знаешь, за чем в туалете бумага нужна?

— Ты поостри, поостри! На Северном кладбище целая аллея отведена для тех, кто со мной острил.

Скажу честно: я не люблю долго разговаривать с незнакомыми людьми. От этого я непроизвольно завожусь, нервничаю. Я вообще нелюдимый человек. Но как мне было не поболтать с Димой, если я сидел привязанным к стулу, а он стоял надо мной и задавал вопросы?

Вопросов было много. Вопросы были глупыми и непонятными. Сам Дима тоже был глупый и непонятный. За окном светало. Распаляясь и краснея шеей, он продолжал задавать вопросы по поводу бумаги, китайца и туалета.

Два раза он порывался ударить меня по лицу. Правда, ударил только один раз. Он кричал:

— Порву как грелку!

Я отвечал:

— Не ори. По утрам я пью таблетки, и глухота почти прошла.

Не исключено, что, если бы я испугался их бритых черепов, расплющенных носов, растатуированных бицепсов — ребята бы просто убили меня. Было бы жаль. Я неплохой парень.

Однако страшно мне не было. Ну разве что самую малость.

Спустя еще час Дима плюнул мне под ноги и, не оборачиваясь, прошагал в кухню. Владелец синяка подошел поближе, наклонился ко мне и прошипел:

— Я до тебя, сука, еще доберусь... Ты мне за свои нокаутрующие справа еще ответишь...

После этого он тоже ушел на кухню. В комнате я остался один.

От нечего делать я разглядывал помещение и прикидывал, где все-таки нахожусь.

Где-то я читал, что в последнее время бандиты любят снимать квартиры у небогатых старичков, и потом старички с большим трудом выводят с обоев кровавые брызги и выветривают из квартиры приторный запах жженого мяса.

Утешало одно: возможно, эту историю я не читал, а сам сочинил для какого-нибудь издания. Разве упомнишь все, что для кого-либо писал?

Из кухни Дима вернулся минут не скоро. Но вернулся-таки.

— Ладно, Стогов. Считай, что я тебе поверил. Я все проверю, поговорю с пацанами и рано или поздно найду бумагу. И если окажется, что ты меня обманул, — можешь вешаться. Потому что кранты тебе. Понял?

Я согласно закивал. Понял-понял. Чего тут не понять?

Дима тщательно осмотрел меня и распорядился:

— Развяжите этого придурка. Отвезите его в город.

Он зло посмотрел на меня, еще раз сплюнул на пол и добавил:

— Выкиньте его из машины где-нибудь подальше от дома. Пусть прется пешком.

6

— Красавчик, говоришь?

Квартира была пуста. Разговаривал я сам с собой. Одновременно разглядывая в зеркале лицо собеседника. Оно казалось смутно знакомым. Идти в таком виде на работу, пожалуй, не стоило.

Я воткнул штепсель кофеварки в розетку, посмотрел, как булькает в прозрачной колбе напиток, позвонил редактору и сказал, что заболел. Попросил перекинуть мои рубрики на конец недели.

«Поправляйтесь, Илья», — сказал редактор. «Непременно, Виктор Константинович», — пообещал я.

Редактор знал: ни похмелье, ни простуда не повод для того, чтобы я не вышел на работу. Однако спрашивать, что случилось на самом деле, не стал.

И на том спасибо.

Губы, похожие на первый блин. Левый бок, напоминающий карту Евразии. Интересно, кому еще окажется интересна история подстреленного китайца?

Я налил себе чашку густого, крепкого, вкусного кофе и, обжигаясь, выпил ее целиком. Закурил сигарету и налил еще одну. Потом закрыл глаза и попытался вспомнить.

Ах, ну да, «красавчик». Блондинка с пятым размером груди и полутораметровой длины ногами крикнула мне «красавчик», и я клюнул.

Идиот.

Из клуба нужно было валить, лишь только я заметил, что она собирается открыть рот. Тогда сидел бы сейчас в редакции, пил светлое пиво, писал свои смелые репортажики и беседовал с симпатичными дамами.

Ну не столь, может быть, симпатичными, как Жасмин. Но и рожка не была бы такой синей.

На самом деле я совсем не герой.

Когда разозлюсь, я могу дать по зубам здоровенному мужику. Без страха и упрека могу месяцами выслушивать истеричные вопли каждого, кому не лень набрать номер моего редакционного телефона. Благо указан он в каждом номере газеты.

Как-то на юге... один, ночью, на пляже... я не отступил перед четырьмя аборигенами. Злыми, как черти, и волосатыми, как медведи-гризли.

Они ткнули меня ножом в левую руку и первый раз в жизни сломали мне ребро. Тогда я лежал на теплом песке и, теряя сознание, слушал, как волны накатывают на берег... ленивые и абсолютные ко мне безразличные.

И все-таки я не герой.

Будь моя воля, я предпочел бы, чтобы все только что перечисленное происходило где угодно: в кино... в комиксах... главное, не со мной.

Я выплеснул остатки кофе из кофейника в чашку, придерживая рукой ноющий бок, выбрался из кресла и посмотрел в окно. На другой стороне улицы горела витрина, обещавшая все на свете и круглосуточно. Мой личный филиал Эдемского сада.

Сходить? Купить сигарет и пива? Или не ходить?

Если бы не дождь, я бы, конечно, пошел. Но впихивать ноги в мокрые ботинки... натягивать негнушимися руками грязную, не успевшую высохнуть куртку... переться через дорогу, чувствуя, как за шиворот скатываются холодные капли...

Не сейчас.

Я заварил себе еще кофе и вернулся в кресло. Итак: в страну приезжает китаец Ли. Известный скупщик раритетов. И вообще тот еще фрукт.

Зачем приезжает? Уж не чтобы покататься на теплоходике по осенней Неве. Что-то он здесь нашел... и это что-то оказалось настолько ценным, что в результате парень схлопотал пулю. Так и не купив мне перед этим водки.

Допив кофе, я закурил и попытался вспомнить: что там говорил офицер госбезопасности насчет содержимого карманов китайца?

Кошелек. Кредитки. Золотые «Тиссо». Значит, искали что-то более дорогое. Дорогое и маленькое — вряд ли китаец отправился бы на танцульки, имея во внутреннем кармане пиджака статую Родена.

Золотой слиток? Какая-нибудь старинная статуэтка? Бриллиант? Древняя рукопись? Бритоголовый Дима требовал от меня бесследно пропавшую бумагу. Действительно рукопись? Зачем имбецилу Диме рукопись?

Пожилой парень с больной печенкой и коротеньким именем Ли отыскал в моем городе старинную рукопись. Положил ее в карман и подумал: а не поотжигать ли мне в столь вонючей дыре, как клуб «Лунный Путь»? И поотжигал. И получил пулю. А рукопись пропала. Так, что ли?

Никаких посылок на родину перед кончиной Ли не отправлял. Иначе зачем консулу Дэну поить меня своей ядовитой водкой? С другой стороны, среди вещей убитого тоже не было найдено ничего интересного. Уж кто-кто, а кагэбэшники искать умеют. Небось даже подкладку у пиджака распорол. А с третьей стороны, если я правильно понимаю и китайца убили те же бритоголовые орлы, что едва не убили меня, то шедевр не достался и им.

Российские спецслужбы, функционеры китайского генконсульства, отечественные уголовники... Не слишком ли много счастья для одного меня?

Дурацкая история. С самого начала дурацкая. Слишком много я пью, вот и происходит со мной всякий бред собачий.

Зачем вообще я поперся в тот вечер в клуб? Стал знакомиться с китайцем? Еще и карточку свою ему дал. С карточкой получилось особенно глупо. Тем более что он ее тут же и потерял.

Или не потерял?

Я попытался представить, как, морщась от боли в печенке, господин Ли отходит от нашего с Жасмин столика и устремляется в бар заказывать водку.

Визитка зажата в его руке.

По дороге в бар он видит глаза убийцы и понимает: песенка спета. Визитка выпадает на пол из его ослабевших пальцев. Сам же хунвейбин позорно ретируется в мужской туалет, надеясь отсидеться за фанерной дверцей.

Нет, не годится.

Бар и туалет находятся в разных концах коридора. Чего ради его понесло налево, к туалету, когда идти он собирался направо, в бар?

Что там находится рядом с туалетом? Выход на улицу... Стойка камеры хранения... Чил-аут...

Понял, что его будут убивать, и попытался прорваться к выходу?

Подошел к стойке и сдал туда свои статуи Родена?

Решил красиво погибать под расслабляющую музыку в чил-ауте?

...И вот тут до меня дошло. словно я вращал калейдоскоп, и с очередным поворотом стеклышки сами собой сложились во вмятную картинку.

— Визитка!.. Твою мать!.. Так вот куда он дел визитку...

* * *

Стоило мне выйти на улицу, как сухим во мне сразу остался лишь выпитый с утра стакан сухого вина. Такси выплыло из-за дождя очень не скоро.

— До «Мун Уэя» поедем?

— Докуда?

Задумался я, наверное, на целую минуту. Но вспомнил-таки, как называется улица, на которой расположен клуб.

— Поехали (*быстрый взгляд на мою рожу*). Но деньги вперед.

Еще через двадцать минут я барабанил в дверь клуба.

Открывался «MoonWay» в девять вечера. На моих часах было два часа дня. Дверь открыли двое — в одинаковых униформенных дождевиках и с одинаковыми квадратными подбородками.

Тот, что поздоровее и поглупее, внимательно осмотрел мою физиономию, задержался взглядом на обоих синяках и процедил:

— У нас, брат, не наливают.

Было видно — одно неправильное слово, и он тут же рубанет проходимцу в забрызганной куртке промеж рогов.

Я произнес сразу несколько неправильных слов:

— Чего-то ты не очень похож на моего брата.

— Хамишь? Зря! Таких, как ты, я убивал по нескольку с одного удара.

— Назови хотя бы двоих!

Второй охранник был более миролюбив. А может, ему просто не хотелось разговаривать под дождем:

— Чего вы хотели?

— Я хотел увидеть вашего администратора.

— Зачем?

— Затем.

Секьюрити переглянулись, помолчали, а потом все-таки вызвали своего администратора. Тот носил пиджак от «Lars & Olafsen» и выглядел так, словно мастурбировал у себя в кабинете, а его отвлекли.

— Моя фамилия Стогов. Я журналист. Извините, что беспокою в нерабочее время. По моим сведениям, у вас в секции хранения мне оставили... э-э... кое-что оставили... Не мог бы забрать свое кое-что? Это срочно.

(Как вам кажется, похож этот бред на то, как обычные люди представляют себе работу прессы?)

Улыбка свела негостеприимному администратору мышцы лица. Казалось, будто он хочет чихнуть, но не может.

— О чем речь! Как называется ваша газета? Одну минуту. Алексей Палыч, помогите прессе.

Из подсобных помещений выплыл гардеробщик — лысый бригадный генерал. В глубине слышались звуки музыки. Клуб готовился к очередному вечеру. Может быть, сегодня здесь опять когонибудь убьют.

Я стоял в коридоре. Да, все так и было. Вот здесь перед смертью прошел китаец. А всего пять минут спустя Алексей Палыч стоял и разглядывал визитку.

Мою визитку.

— Будьте добры, посмотрите, не оставляли ли что-нибудь на фамилию Стогов?

— Стогов? Оставляли!..

Он склонился над ячейками секции хранения и извлек оттуда мятый почтовый конверт. Первое, что бросилось мне в глаза, — прикрепленная скрепкой к конверту визитная карточка.

Эту карточку позавчера я вложил в протянутую ладонь Ли Гоучжэня.

— С позавчерашнего дня лежит. Я еще подумал, чего это никто не забирает конверт?

Я не слышал его. Непослушными пальцами я надорвал конверт и вытряс его содержимое на стойку.

Передо мной лежали несколько пожелтевших от времени листов бумаги.

Той самой бумаги, из-за которой был убит китайский бизнесмен Ли.

7

Лет семь тому назад меня, начинающего reporter'a, неожиданно включили в состав престижной команды журналистов, отъезжающих на Курильские острова. Не Багамы, конечно, зато на хляву.

Задумка состояла в том, чтобы своими глазами посмотреть, а потом сообщить читающей публике: живется на Курилах хорошо, сытно, особого недостатка ни в чем не наблюдается. Так что отдавать острова японцам незачем. С прокормом далекой территории справимся сами.

На громадном «Ил-86» мы должны были добраться до Хабаровска. Там пересесть на «Ан-2», отбывающий в Южно-Сахалинск. Оттуда на вертолетах — до Курильска.

Коллеги долетели нормально. А я, единственный из всей группы, решил, долетев до Хабаровска, пообедать в корейском кафе. Салат из собачатинки... и вся фигня...

Пообедал.

Не помню, как добрел до аэропорта... помню, что когда из реанимации южно-сахалинской больницы меня с диагнозом «острое пищевое отравление» перевели в отделение интенсивной терапии, то чувствовал я себя ужасно.

Лишь к вечеру пятого дня я, небритый, тощий как скелет, но живой и не сдавшийся, встал с койки и доковылял до холла. Там сто-

ял телевизор, и народ в пижамах смотрел голливудовский детектив, транслируемый по Первому общесоюзному каналу.

Надо сказать, что сахалинское телевидение — штука особая. Нигде больше мною не виданная.

С материка через спутник вещает на отдаленные земли московское «Останкино». Однако вещает плохо, с малой мощностью. Расположенные неподалеку могучие японские телевышки постоянно забивают хилое российское телевидение.

Смотришь, например, программу «Время». Вдруг — щелк! — и на экране появляется лицо японского диктора. Или даже не лицо, а что-нибудь из цикла «Полезные советы: учимся делать харакири в домашних условиях». И как ни крути колесико настройки, все равно не поможет.

Вот и в тот вечер: удобное кресло, интересное кино, перспектива загреметь в морг откладывается. Много ли нужно для счастья?

Кино было действительно интересное. С кучей зверски изнасилованных негрятенок, оторванными конечностями, Киану Ривзом в главной роли, и вообще. Однако стоило мне вникнуть в сюжет, как начались проблемы.

Телевизор, исправно транслировавший детектив, зашипел, заагонизировал, звук из «Останкино» пропал, и ящик забубнил по-японски.

На экране герой открывал рот и сообщал комиссии ФБР разгадку преступления. А все мы, больные и увечные, слышали только японоязычный лепет.

Потом здоровенный мужик, которому в больнице вырезали аппендикс, сказал:

— Вот блин-компот!

С тех пор прошли годы. Я с тоской посмотрел на забрызганное дождем окно. Финальная, все объясняющая речь прозвучала. Но опять на неизвестном мне языке.

Я проговорил:

— Вот блин-компот!

Несмотря на непрезентабельную физиономию, я все же доехал до Лениздата. Шмыгнул незамеченным в кабинет и теперь курил и разглядывал лежащие передо мной листки.

Ни единой мысли относительно того, на кой хрен листки могли хоть кому-нибудь понадобиться, у меня так и не появилось.

Всего в конверте их было девять. Восемь одинаковых, выдранных, скорее всего, из стародавней, тридцатых городов, амбарной

книги. Девятый — плотный, совсем старинный, аж почерневший от времени.

Первые восемь были разлинованы в крупную линейку, пронумерованы и озаглавлены «Опись предметов этнографической коллекции В. С. Кострюкова. Тибетская экспедиция АН СССР 1928—1932 годов».

Всего — 312 предметов. Сплошь «маски шаманские, 3 шт.», «обувь скорохода, XIX век» и «серьги свадебные женщин народности сьинг».

Последний листок с обтрепанными краями был исписан странными письменами. Может, иероглифами, а может, просто узорами.

Из-за этого фуфла кто-то не поленился и всадил пулю в неплохого парня, моего несостоявшегося собутыльника, бизнесмена Ли? А он, зная, что сейчас его начнут убивать, рванул через весь клуб, лишь бы обезопасить эти бумажки?

Нет, не понимаю...

Я с отвращением закурил новую сигарету, а докуренную до фильтра старую бросил прямо на пол. Если бы Дима не пообещал мне харакири за одну только попытку приблизиться к этому конверту, я бы просто выкинул бумаги и навсегда о них забыл.

Роняя пепел на листки, я перекладывал их так и этак. Может, все дело в последнем, девятом листке?

(«Я, китайский император Сунь-Хрен-В-Чай, закопал свои несметные сокровища в двух верстах от Почтамта города Ленинграда.»)

Я придвинул местный телефон и набрал номер Кирилла Кириллова. Главы и единственного сотрудника отдела истории в нашей газете.

Зачем такой отдел нужен городской газете и чем ему надлежит заниматься, не знал никто. Поэтому Кирилл мог сосредоточиться на любимом деле: пить джин из железных баночек и листать польские порнографические журнальчики.

К активности он пробуждался редко. Редактор пугался этих моментов до икоты.

Как-то Кирилл принес ему статью, посвященную 666-летию со дня рождения среднеазиатского завоевателя Тамерлана. В другой раз — репортаж, в котором подробно, с деталями, освещал ход судебного процесса над Жилем де Ре, маньяком-убийцей, прообразом Синей Бороды, казненным святой инквизицией в пятнадцатом веке.

Как вам материальчики?

— Я слушаю.

— Кирилл? Это Стогов. Как дела?

— Чего ты хотел?

— Ты не занят?

В трубке слышались голоса. Может быть, опять пьет свой джин. А может, действительно занят. Например, берет интервью у аквалангиста, отыскавшего Атлантиду.

— Слушаю тебя внимательно.

— Скажи, пожалуйста, ты когда-нибудь слышал про тибетскую экспедицию Вэ Эс Кострюкова? Тысяча девятьсот двадцать восьмого — тридцать второго годов?

— Никогда не слышал.

— Никогда?

— В чем проблема? Решил податься в востоковедение?

— К кому бы мне по этому поводу обратиться?

— Что тебе конкретно нужно?

— Этот Кострюков привез из экспедиции текст. Мне бы хотелось его перевести.

— А что за язык?

— Понятия не имею. Не английский, это точно. Английский я бы узнал. Что-то вроде иврита... или санскрита. Странные такие загогулилки...

— Экспедиция была тибетская?

— Тибетее не бывает!

— Раз экспедиция тибетская, значит, это что-нибудь буддийское... тохарское... Запиши, я тебе телефон одного дядьки дам.... Сейчас... записываешь? Толкунов Александр Сергеевич. Профессор восточного факультета университета.

— Дядька умеет говорить по-тохарски?

— Дядька за две минуты чего хочешь переведет с любого из тамошних языков. Мужик своеобразный... в общем... э-э-э... сам увидишь. Привет ему передавай.

— Спасибо. Большое. Век не забуду.

Я снова покрутил диск.

— Университет? Здравствуйте. Скажите, а мог бы я поговорить с господином Толкуновым?

На том конце ответили, что мог бы. Я передал профессору привет от Кирилла. Профессор заверил меня, что приятели Кирилла Кирилловича — его приятели. Интерес прессы к проблемам тибетологии был встречен им с пониманием и почему бы в самом деле нам не встретиться прямо сегодня?

Прежде не известный мне восточный факультет располагался там же, где и филфак, — на Университетской набережной. Я надел куртку и, стараясь не попадаться на глаза знакомым, выскользнул из Лениздата.

Тратиться на такси не хотелось. Переться под дождем на другой берег Невы хотелось еще меньше. Я дошагал до Невского и втиснулся в подъехавший троллейбус.

От стоявших вокруг граждан пахло мокрыми куртками. Сквозь неплотно задвинутые стекла в салон залетали холодные брызги. У притиснутой вплотную ко мне женщины по щекам текла тушь и ко лбу прилипли мокрые пряди иссиня-черных волос.

Осень... Слякотная петербургская осень. Черт бы ее побрал.

Этот дождь не кончится никогда. Он будет лить до тех пор, пока серая Нева не выйдет из берегов и не понесет свои мутные воды по узким центральным улочкам. Топя редких пешеходов и запросто скovyрнув с постамента зеленого Медного всадника.

Этот город уйдет на дно. Туда, откуда он и появился. А над водой будет торчать лишь шпиль Петропавловской крепости с поджавшим ноги, насквозь промокшим ангелом на самом острие...

«Только бы он знал этот чертов язык», — вздохнул я, открывая двери университета.

8

В вестибюле филфака я оказался раньше профессора и некоторое время просто слонялся мимо охранника, обсыхал и глазел на студенток.

Охранник, судя по униформе, был полчаса как из джунглей. Он внимательно читал газету «Профессия». Наверное, искал вакансию карателя в республике Чад.

Филфаковские девушки были традиционно хороши.

— Вы, сударь, не из газеты?

Я вздрогнул. Обернулся — и вздрогнул еще раз.

Профессор Толкунов, улыбавшийся и протягивавший мне руку, был громаден. Рыжая всклокоченная борода. Румянец во всю щеку. Пожимая мне руку, он чуть не сломал мне пару пальцев.

Шестьдесят второго размера талия. Нижняя пуговка рубашки, торчащей из-под короткого свитера, не застегнута, и оттуда виднеется тугое волосатое пузо.

Эхо от его голоса испуганно металось по вестибюлю:

— Оч-чень, оч-чень приятно! Пресса прониклась интересом к академической тибетологии, а? Ищете нездоровых сенсаций, а? Ха-ха-ха!

Профессор сказал, что лучше всего нам побеседовать в буфете, и под руку увлек меня в лабиринт бесконечных университетских коридоров.

По дороге он рассказал мне похабный анекдот. Старый, но довольно смешной. На полторы головы возвышавшийся над окружающими, профессор шагал неторопливо, но я за ним едва поспевал.

Свободных мест в буфете не оказалось. С углового, самого удобного столика профессор согнал компанию тянувших пиво студентов:

— Как это ты мне место не уступишь?! Ты сессию думаешь сдавать? Или не думаешь?!

Усадив меня за столик, он ушел к стойке и вернулся с двумя стаканами, двумя чашками, бутылкой коньяка и заварным чайником. Причем все это он перенес на столик за один раз.

Вбухав в чашку с каплей заварки на доньшке чуть ли не двести граммов коньяку, он пододвинул ее ко мне. Мы отхлебнули из чашек.

— Как вам коньяк?

Я сказал, что коньяк бесподобен. Коньяк был довольно мерзкий.

— Замерзли? Промокли? Первейшее средство от нашей петербургской сырости — это чашка горячего чаю и коньяк.

— Да?

— Вы собираетесь писать о Тибете?

— Да.

— В Тибете сейчас хорошо. Ранняя осень. Вы были в Тибете?

— Не доводилось. А вам?

Профессору доводилось бывать в Тибете. Причем не в непальском Тибете, куда повадились последнее время ездить всякие волосатые идиоты... он был в настоящем китайском Тибете, куда редко кто из нынешних умников добирался... а уж раньше в те края и во все было не попасть.

— А я вот там был. Участвовал в ритуалах. Я, между прочим, занимаюсь тантризмом двадцать лет! Вы можете себе представить, а? У меня, между прочим, более сорока печатных работ на эту тему! И несколько томов опубликованных переводов.

Я сказал: «Как интересно!» Потом сказал то же самое еще дюжину раз подряд.

Прежде чем мы допили коньяк, профессор Александр Сергеевич Толкунов рассказал мне о том, чем занимался в Тибете. Самым приличными словами в его рассказе были слова: «сексуальное единение с богиней Кали»...

Интересными штуками занимаются нынче университетские профессора.

Я еще раз хлебнул из чашки. Коньяк кончился. Слушать профессора мне надоело. Нашупав во внутреннем кармане куртки листок, я вытащил его и положил перед профессором.

— Вы не могли бы перевести, что здесь написано?

— «Шунтак-шивати, лакшитмтхара дивья-вирупаши, дакшина кадимата...» Интересный текст.

— Да?

— Разумеется, я могу это перевести! Будете записывать?

— Буду.

— Записывайте: «О, Шакти, как прекрасна твоя черная кожа! Ты темна, как грозовая туча! ты истощена голодом! ты жуешь сырое мясо! Груды твои высоки! твои ягодицы округлы!..» Успеваете?

— Сейчас... «ягодицы...»

— «Твои зубы выступают вперед! Из твоих ушей, как серьги, свисают два разложившихся трупа! их головы отрублены твоим мечом! Ты, Шакти, проявляешь инициативу в сексуальной игре с Махакалой, кровь струйкой стекает с его полового члена!..» Ну и так далее...

— Господи помилуй! Что это?

— Довольно типичный текст. То есть стандартные выражения. Кроме вот этого: «Он вводит свой сияющий бриллиант в твое влагалище!..» Это что-то новенькое. А так — обычный текст из ритуала «рага-марга».

Профессор подлил себе чаю и еще раз пробежал текст глазами.

— Да... стандартные формулы... «Вводит свой сияющий бриллиант в ее влагалище...» Откуда здесь бриллиант? Где вы это взяли?

— Так... Досталось по случаю.

Я достал из пачки «Лаки Страйк» новую сигарету и задал последний интересовавший меня вопрос:

— Скажите, Александр Сергеевич, а фамилия Кострюков вам о чем-нибудь говорит? Я слышал, был такой тибетолог в начале века...

Я смотрел на профессора. Профессор смотрел на меня и бледнел на глазах. Выглядело это так, словно кровь вдруг вся, целиком, ушла из его громадного тела.

Он стал даже не белым, а каким-то... зеленым. Меньше, чем за минуту, из розовощекого здоровяка он превратился в руину.

— Это мантра Кострюкова, да?

В тон ему я ответил шепотом:

— Не знаю.

— Откуда она у вас?

Он все еще держал в руках пергаментный лист. С трудом, как будто преодолевая сопротивление, он оторвал взгляд от моего лица, медленно заскользил глазами по строчкам и, дочитав до конца, выпустил пергамент из рук.

Листок упал на липкий, залитый пивом стол.

— Пойдемте поговорим в моем кабинете. Здесь слишком много народу.

Мы вышли из буфета, поднялись на третий этаж, долго шли по неосвещенным, заставленным шкафами коридорам, затем спустились на второй, потом он остановился перед дверью с табличкой «Вост. факультет. Толкунов А. С., профессор», отпер дверь своим ключом и пропустил меня вперед.

Кабинет оказался вытянутым и узким. Со множеством книжных шкафов и всего одной лампочкой на витом шнуре под потолком. Профессор походил по кабинету, а потом сел на подоконник.

Мы помолчали. Наконец он сказал:

— У вас есть какое-нибудь удостоверение личности?

— Пожалуйста.

Профессор запустил руку за ворот свитера, извлек из нагрудного кармана рубашки очки и водрузил их на мясистый нос. Удостоверение мое он рассматривал долго и пристально.

Мы опять помолчали.

— Так что же насчет Кострюкова?

— Насчет Кострюкова? А что с ним? Был такой востоковед у нас в университете. Заведовал кафедрой. Написал диссертацию «Простонародные формы культа святых в тантрическом буддизме». Ездил в Тибет, привез оттуда мощи Джи-ламы.

— Чьи мощи?

— Джи-ламы. Это тибетский святой. Инкарнация бога-мстителя Махакалы. Очень колоритный деятель... Неужели не слышали?

Он слез с подоконника, подошел к книжному шкафу со стеклянными дверцами, покопался внутри и протянул мне брошюру.

— У меня была аспирантка. Она занималась той же темой, что и Кострюков. Книжку вот выпустила. Ее звали Ирина. Фамилия —

Ляпунова. Ирка-блондинка... Красивая... совсем молодая и удивительно талантливая. Я, дурак старый, даже приударить за ней думал. Все были уверены, что мы поженимся...

— И что?

— В прошлом году она поехала в Тибет собирать материал для кандидатской и погибла... Двадцать три года. Глупая смерть. Если хотите, можете взять почитать.

— Спасибо, профессор. Обязательно прочту.

— Пожалуйста. Прочтите... Надеюсь, вы понимаете, в какую историю влезаете.

— Что вы имеете в виду?

Профессор Толкунов долго и пристально смотрел на меня поверх дурацких очков в роговой оправе. Он сидел сгорбившись, безвольно опустив руки, и от него воняло отчаянием. Запах напоминал ветчину, забытую на время отпуска в выключенном холодильнике.

— Хочется вам в этой истории покопаться — копайтесь на здоровье. Только имейте в виду: первым в Европе Джи-ламой стал заниматься Кострюков. Еще в начале тридцатых. Написал диссертацию, съездил в экспедицию. А в конце тридцатых его расстреляли. Вместе с семьей и всеми членами экспедиции. Потом, после войны, немец один заинтересовался. Помню, все письма писал в Кунсткамеру, вышлите, мол, фотографию мощей. Этот умер от рака. Буквально за полгода сгнил живьем на глазах у изумленных докторов. Потом Ирина... моя аспирантка. Поехала в горы и там сорвалась с утеса. Разбилась так, что даже собирать было нечего.

...

Уже совсем уходя... уже на пороге, я оглянулся и посмотрел на профессора. Все так же, сгорбившись, он сидел на подоконнике.

Посеревшая кожа. Опухшие веки. Дрожащие руки сложены на огромном животе...

И еще долго у меня перед глазами стоял его взгляд: бездонный взгляд затравленного животного.

9

На книжке, которую дал мне почитать чокнутый профессор Александр Сергеевич Толкунов, значилась фамилия автора «И. Ляпунова», а ниже — название: «Загадки Джи-ламы».

На титульном листе все это было повторено еще раз, а кроме того, там имелся подзаголовок: «Экскурс в историю Цоган-толги (экспоната „Белая голова“, единица хранения № 3394, Государственного музея антропологии и этнографии им. Петра Великого)».

Сперва я не понял, какое отношение имеет книжка к тому, о чем мы говорили. Бумажная обложка с размытой картинкой. Плохонькая полиграфия. Куча опечаток. В конце — «Список цитированной литературы» с кучей аббревиатур.

Лично мне больше всего понравилась одна — «ЖОПА № 6» («Журнал Общества потребительской ассамблеи», № 6 за 1906 год).

То есть типа того, что академическая брошюрка, рассчитанная на двадцать читателей с образовательным уровнем не ниже доктора наук. Однако мое пиво в жестяной баночке успело нагреться, кассета в магнитофоне, доиграв до конца, кончилась, а я третий час подряд не мог от книжки оторваться.

История, изложенная в книге, началась в 1912 году на тибетских окраинах пустыни Гоби.

Жили здесь кочевники: тибетцы, монголы, каракалпаки, тохарцы и еще черт знает кто. Общим числом более сорока народов и народовцев.

А поскольку земли эти во все времена считались ничейными... ни русскими, ни китайскими, вроде как сами по себе... и присоединить почти безлюдные горы и пустыни не получалось ни у одной из великих держав, то державы ограничивались тем, что нещадно грабили забитых аборигенов.

Накануне Первой мировой те не выдержали. По Центральной Азии запылал огонь Великого восстания.

Обезумевшие от голода и нищеты кочевники подняли бунт. Собрав пятидесятитысячную армию, они прокатились по окраинам Срединной империи, заливая их кровью и оставляя за собой лишь пепелища да башни, выложенные из отрубленных китайских голов.

Регулярной китайской армии было не до них. В столице императоров из династии Цин происходили дела похлеще. Как раз в этот момент армия Юань Ши-кая свергала с трона последнего императора.

Брошенные на произвол судьбы местные китайцы толпами бежали под защиту неприступной крепости Кобдо. Единственной неприступной крепости на всем Тибетском нагорье.

Через полгода после начала Великого восстания тибетцы дошли-таки до Кобдо, и под восьмиметровыми стенами цитадели их армия намертво встала.

Необученная, плохо вооруженная, голодная и раздетая армия кочевников неделями осаждала крепость, но и крошечного гарнизона Кобдо было достаточно, чтобы играючи отбивать хаотичные наскоки осаждающих.

Среди тибетцев начались разговоры о том, что, мол, может, и ладно... может, и не стоит брать эту крепость... все равно ее не взять... вон стены какие: шапка с головы валится, как голову задерешь посмотреть... но в этот момент верхом на белом верблюде в лагерь въехал Джи-лама. Человек, на десятилетия вперед определивший историю Центральной Азии.

Кто он такой, где родился и откуда взял столь странное имя — тайна сия велика есть. На самом деле звали его Дамбжацан Бэгдэсурэн, а Джи-лама — это титул, одна из ступеней в иерархии буддийского духовенства. Но кочевники и тогда и потом называли его только так.

Джи-лама. Единственный в своем роде.

Этот странный монах носил малиновый монашеский плащ прямо поверх мундира полковника российской армии, а подпоясывался пулеметной лентой.

Вынырнув из неведомых европейцам мутных омутов Центральной Азии, он объявил кочевникам, что является земным воплощением божества-мстителя Махакалы, грозного защитника буддизма, до седьмого колена истребляющего врагов «желтой веры» и избораемого иконописцами не иначе как в окружении свиты обнаженных жриц и несвежего вида покойников.

Он объявил:

— Штурм Кобдо я назначаю на сегодняшнюю ночь. Кобдо — это только начало. Мы пойдем дальше. В бой нас поведут боги. Мы восстановим великую империю Чингиз-хана. Никогда нога китайца больше не ступит на наши святые земли. С вами Махакала! Вы победите!

Никто из стоявших вокруг не решился спорить с сумасшедшим монахом. Так Джи-лама стал верховным главнокомандующим пятидесятитысячной армии.

В тот же день он велел готовиться к штурму. Связав всех имевшихся в лагере верблюдов в упряжки по пять, Джи-лама, едва стемнело, распорядился привязать к их хвостам тлеющий хворост и погнал на крепостные стены.

Животные ревели от ужаса. В крошечной мгле металась огни. Обезумев от боли, верблюды неслись прямо на стены Кобдо.

Китайцы палили по ним из всех имевшихся орудий, но лишь растрастили боеприпасы, которых и так не хватало. Сути происходящего они не понимали, но чувствовали — происходит страшное.

Через час после начала штурма Джи-лама дал сигнал, и на крепость двинулись отряды тибетцев.

Тысячи и тысячи воинов в одинаковых накидках молча бежали к крепости и по трупам верблюдов карабкались на стены. У того, кто поскользнулся в мешавшей шагать крови, шансов остаться в живых не было: его тут же затапывали лезущие сзади.

С ножами в зубах, с пастушьими посохами в руках — стрелять кочевники не умели, — нападавшие толпой бросались на китайских солдат и насмерть забивали их камнями, палками и просто ногами.

Выкрикивая ругательства на жутких вымерших языках, среди них носился Джи-лама. Он хватал китайцев за черные косицы и молниеносным ударом рубил головы. После боя кочевники насчитали на его плаще двадцать восемь пулевых отверстий. Сам воин не был даже поцарапан.

К утру крепость была разграблена, резиденция имперского наместника сожжена, а из пятитысячного гарнизона Кобдо в живых осталось только четырнадцать пленных.

Собрав свою поредевшую армию на главной площади, Джи-лама объявил, что так будет всегда. Эта победа — первая из множества. Он намерен дойти до Пекина и уничтожить китайскую империю.

Для этого ему необходимо лишь одно. Ему понадобятся дамары... много дамаров... особым образом освященных боевых знамен, под которыми его армии было бы не стыдно воевать и одерживать победы.

И тогда слышавшие его речь пленные китайские солдаты позабывали своим убитым товарищам. Они прекрасно знали, что за обычай имеет в виду этот сумасшедший тибетский монах.

Церемония освящения знамен была назначена на тот же вечер. Уже за несколько часов до ее начала на главной площади Кобдо было не протолкнуться.

Кочевники сидели вокруг костров и курили ароматные трубки. Ламы низших рангов читали мантры и исполняли ритуальные танцы. Пленные солдаты тихонько выли от ужаса и отчаяния.

Джи-лама вышел к солдатам своей армии лишь с восходом первой звезды. На нем были доспехи из дубленой кожи, такие же, как

у древних тибетских владык... красная мантия... расшитый жемчужом шлем с высоким гребнем... Кочевники разглядели его новый наряд, и толпу охватил священный ужас:

— Махакала, бог-мститель, защитник «желтой веры», явился покарать ненавистных китайцев!

Девятьсот девяносто буддийских монахов трубили в морские раковины, били в обтянутые кожей барабаны и гнусавыми голосами распевали древние заклинания.

Площадь была освещена лишь красной в полнеба луной. Монахи созывали на свое жертвоприношение духов и демонов гор.

Китайцев раздели догола. Правую руку каждого привязали к левой ноге. Левую — к правой. Косицу обмотали вокруг лодыжек, так, чтобы грудь колесом торчала вперед.

Танцы и чтение заклинаний продолжались несколько часов. А затем Джи-лама вышел вперед, снял с головы шлем и взял в руки большой серебряный серп.

Китаец, к которому он подошел первым, рыдал от ужаса и на всех известных ему языках молил о пощаде.левой рукой лама схватил китайца за горло, а правой вонзил ему в грудь серп.

Вспарывал грудную клетку он медленно. Затем рывком вырвал из груди еще бьющееся сердце. Мальчик-послушник подскочил к Джи-ламе с серебряной чашей, и тот выдавил в нее тягучую, почти черную кровь.

Остальные монахи молча взяли кисти, окунули их в чашу и, вывели на первом из заранее приготовленных полотнищ слова заклинаний, гарантирующих армии Джи-ламы неременную победу.

Четырнадцать пленных попало в тот день в руки Джи-ламы. Утром, когда над Кобдо встало солнце, в остывшем пепле костров белело четырнадцать несгоревших черепов. И ровно четырнадцать освященных кровью знамен поставил Джи-лама вокруг своей палатки.

Позже, утверждала аспирантка профессора Толкунова, знамен будет больше. Очень долго, писала она, дела Джи-ламы шли в гору по прямой.

Его отряды терроризировали Центральную Азию больше десяти лет. Верхом на белом верблюде, с маузером в одной руке и четками в другой, он мог появиться где угодно — от Индии до озера Байкал и Кореи.

И всюду, где он появлялся, тут же устраивались жертвоприношения кровавым буддийским богам, во время которых все больше

расходившийся Жи-лама ночи напролет играл на барабане из человеческой кожи и пил свежую кровь.

Николай Рерих, состоявший с Жи-ламой в личной переписке, рассказывал, что по национальности тот был тибетцем и молодость провел при дворе Далай-ламы XIII. Именно там он в совершенстве овладел тайнами буддийской магии.

Где-то в Лхасе, столице Тибета, писал Рерих, лама встретился с последними учителями древней школы «нъянг-ма», которые и напойли его отваром из тысячи одного гриба, дарующим бессмертие и победу в боях.

Адъютант же адмирала Колчака, Петр Седов, рука об руку с Жи-ламой громивший отряды комиссара Сергея Лазо, наоборот, утверждал в мемуарах, что лама был калмык, подданный российской короны, обучался в Петербургском императорском университете и наизусть читал отрывки из трагедии «Борис Годунов».

И лишь тибетцы знали правду: Жи-лама, неизвестно откуда взявшийся и неизвестно куда время от времени пропадавший, — не кто иной, как спустившийся на землю бог-мститель Махакала.

Известия о начале Первой мировой, а затем революции они восприняли не иначе как сообщение о том, что далекие северные владыки напуганы до такой степени, что устраивают в своих европах и америках черт-те что, лишь бы спастись от его вездесущего гнева.

Империю Чингиз-хана лама не восстановил. Зато к началу 1920-х годов он объединил земли вокруг пустыни Черная Гоби, оттяпав значительные куски и у Китая, и у России.

О его столице, крепости-монастыре Юм-бейсе, кочевники славали не просто легенды — эпические поэмы. Говорили, что только на украшение главного зала дворца ушло несколько ведер бриллиантов. Ну и почти гектар хорошо выделанной человеческой кожи.

В подземных лабиринтах Юм-бейсе в клетках сидели дикие барсы, на которых хозяин любил поохотиться, и тут же рядом — пленники, над которыми тибетские ламы проводили свои до обморока пугающие редких европейских путешественников ритуалы.

Долго так продолжаться, понятное дело, не могло. Оправившись от Гражданской войны и интервенции, большевики начали понемногу прибирать к рукам земли бывшей Российской империи.

К 1924 году украшенные татуировками с серпом-молотом руки дошли и до Центральной Азии.

Власть монгольского богдыхана, оплота «желтой веры», как-то сама собой перешла к Народно-революционному правительству.

Понятно, что делить ее, власть, со всякими Джи-ламами комиссары не собирались.

В 27-й день 8-й луны года черной водяной собаки по старинному лунному календарю, а по новому стилю 10 октября 1924 года, в ворота Юм-бейсе постучали.

Выглянувший охранник обнаружил, что в гости к ламе заглянула делегация монахов, идущих на поклонение в монастыри Тибета. Где уж было догадаться степняку, что, облаченные в малиновые плащи, перед ним стоят лучшие бойцы 18-го Особого батальона Народно-освободительной армии МНР.

Трое суток паломники гостили в крепости. Они устраивали совместные моления с местными монахами и, цокая зубом, осматривали арсенал Джи-ламы. А на четвертый день, прежде чем отправиться дальше, попросили владыку Юм-бейсе поприсутствовать на их службе.

«Это большая честь для вас, — сказали паломники. — Получить благословение от земного воплощения Махакалы — что может быть желаннее для служителей „желтой веры“?»

Одетый в парчовые одеяния и расшитую жемчугом митру, Джи-лама вышел к гостям. После полуторачасового хурала паломники упали перед Джи-ламой ниц и благоговейно сложили ладони над головой в ожидании благословения.

Лама подошел поближе... наклонился... и получил пулеметную очередь в живот. Не давая выхватить маузер, с которым лама никогда не расставался, один из лежащих схватил его за правую руку, другой — за левую, а остальные, стаскивая на ходу плащи, уже бежали по двору монастыря, на ходу перезаряжая винтовки и поливая свинцом все, что не успело спрятаться.

Наложниц Джи-ламы народоармейцы, предварительно навеселившись, отослали в родные кочевья. Сторожевых псов изрубили штык-ножами. Сокровища же монастыря еще больше двух недель вывозили на подводах в Улан-Батор, носивший тогда название Урга.

Дикие нравы! дикие времена! Просто убить Джи-ламу солдатам показалось мало. Вчерашние кочевники вырезали неугомонному монаху сердце, по-братски разделили его между собой и, посолив-поперчив, съели. Дабы набраться храбрости убитого врага.

Однако самая интересная участь ждала бритую и мудрую голову Джи-ламы.

Поскольку еще при жизни он был объявлен земным воплощением божества, то после его кончины были предприняты все меры к тому, чтобы сбересть чудодейственные мощи для потомства.

Отрезанную ножом голову ламы народоармейцы прокоптили над костром и на тибетский манер замумифицировали.

Кочевники окрестили трофей Цаган-толга — «Белая голова». Несколько месяцев ее возили по пустыне Гоби. Суеверные степняки могли убедиться: тот, кого они почитали бессмертным... воплощением Махакалы... оказался смертен... погиб, как простой солдат.

В конце концов голова оказалась в столице. Было решено, что отныне она будет выставлена на всеобщее обозрение перед зданием Монгольского Всенародного Собрания.

Теперь, спеша на заседания, комиссары могли полюбоваться на останки того, кто осмелился встать на пути новой власти.

Однако это не был конец. Это был не конец. За этим последовало продолжение.

В 1931-м из Ленинграда в Ургу приезжает Виктор Кострюков. (Я сказал: «О!») Ученик Козлова и Пржевальского. Ученый-этнограф. Специалист по Центральной Азии и Тибету.

К тому времени «Белая голова», снятая с пики, уже пылилась в запасниках Исторического музея Улан-Батора, устроенного в бывшей резиденции богдыхана.

Неизвестно, на кой хрен понадобился такой сувенир молодому советскому этнографу. Но перед отъездом из Монголии он выкупает «Голову» у музея и получает разрешение на провоз без таможенного досмотра «ящика деревянного, продолговатого» в адрес Этнографического музея АН СССР.

Таким образом мумифицированные мощи государственного преступника нескольких стран Центральной Азии переехали с Тибетского нагорья на берега Невы.

С тех пор в запасниках петербургской Кунсткамеры значился экспонат за номером 3394. Этот экспонат никогда не выставлялся в экспозиции Кунсткамеры и вряд ли когда-нибудь будет выставлен.

Под этим номером значится аквариум с формалином. А в нем плавает почерневшая от времени человеческая голова с выбитыми передними зубами и круглым отверстием от пики в затылке.

* * *

Я отложил книжку и вытряс из мятой мягкой пачки «Лаки Страйк» предпоследнюю сигарету.

Зря музейщики не выставляют «Белую голову». Отличный экспонат. Вполне в концепции Кунсткамеры. Демонстрируют же они

провинциальным школьникам чучельца детей-инвалидов. Почему не брать денег и за осмотр отрезанной башки тибетского бога?

Я пошлепал в прихожую, где в куртке все еще лежал конверт с бумагами убитого китайца. По крайней мере теперь я знал, что именно мог искать в Петербурге Ли Гоу-чжень.

Джи-лама экспроприировал у китайцев некую реликвию. Народоармейцы доставили ее из Юм-бейсе в Ургу. Кострюков купил реликвию для своего музея. Проныра Ли вызнал о той давней истории и приехал, чтобы вернуть ценность китайскому народу.

Логическое мышление всегда было моей сильной стороной.

Я вынул из конверта пожелтевшие листки. Разбираться бы в этом хоть чуть-чуть. Знать бы, почем нынче идут «маски шамана религии Бон». Или, скажем, «верхняя одежда мужчин племени мяо-яо, пошитая из шкуры яка».

Из всех 312 пунктов описи вопросы могли возникнуть только по двум. Экспонат номер 168 («ящик продолговатый, деревянный») и экспонат номер 233 («коробка бумажная, опечатанная сургучом»).

Ну, допустим, «ящик продолговатый» — это та самая «Голова». А вот что такое «коробка»? Да еще и опечатанная? То есть более ценная, чем даже голова...

В пачке оставалась всего одна сигарета. Я вытащил ее и закурил. В этот момент зазвонил телефон. Зазвонил он неожиданно и громко. Я вздрогнул и уронил сигарету на пол.

Еще немного этой истории, и я стану биться в истерике просто от стука собственного пульса в ушах.

— Але! але! господин Стогов? Извините, что беспокою! Это Дэн Шан-ся, из китайского консульства! Вы меня слышите?

— Я вас слышу. Я рад вас слышать. Что-нибудь случилось?

— Если возможно, я хотел бы с вами поговорить. Встретиться и поговорить. Это возможно?

— Что случилось?

— Ничего не случилось. Просто встретиться.

— Совсем просто встретиться?

— Что вы сказали? Я не понимаю.

— Вы хотите встретиться сейчас?

— Почему сейчас? Если вы не возражаете, завтра. У вас будет время завтра?

— Для вас — всегда!

— Спасибо, Илья! Давайте встретимся завтра в буддийском храме.

— Где?

— В буддийском храме. Его адрес — Приморский проспект, дом девяносто один. Любой трамвай от станции метро «Черная речка». Давайте? Отлично, договорились.

Китаец положил трубку.

Я стоял и слушал, как в трубке пищат гудки отбоя. В голове вертелась только одна мысль: почему он выбрал для встречи такое странное место?

10

Санкт-Петербург, город, в котором я живу, является городом трех революций, двух дюжин рек и каналов... а еще — городом тысячи и одного божества.

Где-нибудь на Мойке, в радиусе километра вокруг Кировского театра, вы найдете православный Николо-Богоявленский собор, иудейскую хоральную синагогу, кришнаитское кафе «Новая Навадвипа», заведение под вывеской «Штаб-квартира последователей веры Бахай», курсы зороастрийской астрологии, и даже кружок сатанистов... правда, не очень большой.

Как было обойтись в таком городе без буддийского монастыря?

Ровно в двадцать минут третьего я вошел в ворота петербургского буддийского монастыря, носящего красивое имя «Дацан Гунзэчойнэй». В переводе — «Место распространения Учения Будды, Сострадательного-Ко-Всем».

Я был чисто выбрит, абсолютно трезв и пах одеколоном. А монастырь был большой и напоминал крепость. При взгляде на него сразу становилось понятно, что это вам не просто так, а место, блин, распространения, и вообще.

Прячась от дождя, под навесом стоял вежливый китайский консул Дэн. Мы за руку поздоровались. Консул мне улыбнулся.

Всю дорогу до монастыря я смотрел на витрины сутки напролет работающих магазинов. Я видел сотни витрин. Тысячи тысяч бутылок и банок пива. В моем городе тысячи и одного божества хватало места им всем.

Я думал об этих бутылках... напряженно думал о них... но потом решил, что являться на деловую встречу, воняя пивом, бестактно.

Может быть, консул сам предложит... в прошлый раз мы с ним пили водку... может быть, и теперь...

Консул не предложил. Я расстроился. Консул спросил, как у меня дела. Я соврал: сказал, что отлично. Он предложил пройти внутрь монастыря, и мы прошли.

Первое, что я почувствовал, был запах. В монастыре странно пахло. Запах говорил о джунглях после ливня... о ядовитых, но прекрасных цветах жасмина... о китайках-стриптизершах из дешевых кабаков Шанхая... В монастыре пахло Азией.

На полу главного зала лежал ковер. Потолки были высокие, а у дальней стены сидел позолоченный Будда. Перед ним на полу сидели ламы — человек двадцать. Бритые, в плащах. Не исключено, что настоящие тибетцы.

— Здесь очень красиво, вам не кажется?

— Красиво? Пожалуй, да. Красиво.

— Если вы не спешите, давайте дождемся окончания службы?

Консул сел на скамью у входа, а я, дурак, уселся рядом. Скамья оказалась чудовищно неудобной. Сиденье было узким. Спинки не было вовсе. Позвоночник упирался в холодную и жесткую стену. Посидишь с полчаса, и начнешь прикидывать — а как бы это, блин, переместиться отсюда куда-нибудь, по возможности в nirвану?

Монахам было холодно, и они кутались в плащи. Монахи рассказывались из стороны в сторону, перебирали четки, закатывали глаза и оттопыривались как могли. От их совместного носового гудения высоко под потолком позвякивали стекла.

Консул сидел с таким лицом, что я окончательно понимал: пива с ним попить не светит. Ему нравилось слушать монахов, а мне нет. Я наклонился к его уху и шепнул, что выйду покурить.

Выходить совсем уж наружу под проливной дождь не хотелось. Я дошел до дверей. На столике у входа лежала брошюрка «Как достичь Спасения, следуя буддийским путем».

Наугад открыв книжицу, я прочел фразу: «Буддизм — это не религия, не идеология и не философия. Буддизм — это просто полная свобода...» Фраза меня обрадовала. Раз не религия, а полная свобода, то курить у входа в монастырь скорее всего можно.

Я распечатал новую пачку «Лаки Страйк» и бросил целлофан на ступени. А потому что нечего устраивать такие длинные службы! К моменту, когда я докуривал третью сигарету, занудное пение стихло, и в дверях показался Дэн.

Не заорать во весь голос «Пиво!..» стоило мне больших усилий.

— Вы раньше бывали в буддийских монастырях?

— Не доводилось. А вы?

— В Китае довольно много буддийских монастырей. Правда, наш буддизм совсем не похож на тибетский.

— А пиво в Китае есть?

— О! В Китае очень хорошее пиво. Как-нибудь я вас угощу.

— Сегодня?

— Вы обратили внимание на то, как много здесь тибетцев? Вы ведь знаете, да, что Тибет сегодня, это проблема для нашей страны? Там очень сильны сепаратистские настроения...

— Да?

— Но мы стараемся решить эту проблему.

— Да?

Мы помолчали. Я чувствовал, что скоро потеряю сознание... что уже почти начал его терять.

(Если ячменный солод перегнать в особых чанах... и охладить до температуры в пятнадцать градусов по Цельсию...)

— Холодно здесь. Может, дойдем до кафе?

— В Петербурге мы тоже стараемся установить контакты с живущими в России тибетцами.

— Получается?

— В общем да. Хотя монахи, которые здесь живут, очень заняты. У них очень мало свободного времени.

— Буддийским монахам можно пить пиво?

— Понятия не имею. Наверное, можно. Но у них нет свободного времени. Понимаете, в храме идет ремонт.

— Да? Что они строят? Кафе при храме?

— Они не строят, они реставрируют. Раньше, до Октябрьской революции, на крыше был зимний сад. Специально для медитаций. Там стояли статуи божеств, росли тибетские сосенки... Потом сад демонтировали, а теперь монахи пытаются его восстановить...

— Здорово!

— Если вам интересно, пойдете, я покажу вам эту стройку.

— Может, не сейчас? Может, попозже?

— Зачем ждать?

— А пиво? Как же пиво?

— Пойдемте, Илья. Пиво никуда не денется.

— Пиво — да. Пиво — не денется. А я?

— Пойдемте-пойдемте! Вам будет интересно.

Мы вернулись в молитвенный зал, прошли в дальний правый угол и, не встретив ни единой живой души, оказались в служебных помещениях монастыря. Я ненавидел консула и собственную вежливость.

С изнанки монастырь оказался грязным, давно не прибиравшимся и очень запущенным. Некрашенные стены, толстые ржавые трубы. Пахло во внутренних помещениях не благовониями, а сыростью и вчерашним обедом.

Здрав голову, Дэн сказал:

— Дальше подниматься опасно.

Мы забрались на четвертый этаж и стояли ровно над потолком молитвенного зала. Высоко вверху виднелась крыша пятого, последнего, этажа. Вернее, самой крыши не было. Были остатки дореволюционного навеса. Частью застекленного, частью затянутого полиэтиленовой пленкой.

Сквозь бреши виднелось мокрое небо и капал дождь. Он был мокрый, как губы у парня, который только что выпил бокал холодного пива. Чтобы ниже этажом не протекал потолок, здесь стояли перемазанные цементом тазы и детские ванночки. Сложную конструкцию навеса, состоящую из труб и досок, поддерживали строительные леса.

Еще в самом углу стояли укутанные брезентом статуи буддийских божеств.

— Когда ремонт будет закончен, над монастырем будет стеклянная крыша. А в помещении прямо под ней разобьют садик со скульптурами. Вот этими.

Я сказал: «Как интересно!» По-английски пиво называется «бир». Звучит, как слово «медведь», но по-другому пишется.

— Буддизм вообще интересная религия. Например, садик будет посвящен во-он тем двум божествам.

Дэн задрал голову и указал на две статуи, размещенные под потолком на особом помосте.

— Будде и его жене?

— Богу Махакале и богине Шакти.

Я задрал голову и порассматривал расположенных под потолком богов. Жирный бог-мужичок с оскаленной пастью. Супруга ему под стать: гипертрофированный бюст, вывалившийся красный язык, раскоряченная поза.

— Какая милая пара!

— Вы знаете этих богов?

— Слышал о них.

— Махакала и Шакти. Главные боги тибетского тантризма. Бог-мститель и богиня-шлюха.

Дэн посмотрел на меня. Я посмотрел на Дэна. Мне не понравилось то, как он на меня смотрел.

— Вы ведь знаете, что тибетский сепаратист начала века по кличке *Джи-лама* был инкарнацией именно этого бога — *Махакалы*.

— Да что вы говорите?

— Говорят, ваш земляк, петербургский тибетолог по фамилии *Кострюков*, тоже верил в *Махакалу*. Говорят, он считал, что гибель ученого — это месть *Махакалы* за какие-то его, *Кострюкова*, проступки.

Маленький, худощавый, с черной прилизанной головкой, китаец напоминал умную птицу. Птица смогла на меня и прикидывала: не выклевывать ли мне глаза?

— Вы знали, что *Кострюков* работал здесь, в этом самом помещении? Да-да. Все так и было. Он вернулся из экспедиции на советско-китайскую границу и здесь, в *дачане*, сортировал свою коллекцию. А спустя полтора года его арестовали. Прямо здесь все это и произошло. Работники *НКВД* поднялись по той самой лестнице, по которой только что поднимались мы, и предъявили *Кострюкову* ордер. Он попросил их выйти. Они согласились. Потом *Кострюков* отправился с ними на *Литейный*. Вскоре его расстреляли.

— Какая печальная история! Зачем вы мне ее рассказываете?

— Знаете, что интересно? *Кострюков* успел передать из тюрьмы на свободу всего одно письмо. Он сидел в спецтюрьме *НКВД* на шестом подземном этаже. И тем не менее умудрился переслать жене письмо. Как? Я не знаю. Зачем? Думаю, оно было очень важно для него, это письмо... Поправьте меня, если я неправ.

Я промолчал. Что я мог сказать?

Дэн продолжал смотреть мне в глаза.

— *Кострюкова* сажают в тюрьму. Ему грозит смертная казнь. Но единственное, о чем он думает, сидя в камере, — это как бы переправить на волю письмо. Что заставило его так себя вести? Я не знаю. А вы?

— Я тоже не знаю.

(Он просил прислать ему канистру пива... Холодного...)

— Знаете, о чем я подумал? Если одного человека очень интересует то, что известно второму, то ведь эти двое могут договориться. Сойтись в цене... Вы понимаете, что я имею в виду?

— Абсолютно не понимаю!

(Вернее, понимаю. Ты хочешь, чтобы я откупился от тебя, и тогда отпустишь меня в кафе...)

Пока мы спускались вниз, *Дэн* поддерживал меня за локоть и продолжал бубнить:

— Я не тороплю вас с ответом. Вы знаете, где меня найти. Одному вам все равно не справиться. Наш соотечественник *Ли* уже пытался не учитывать интересы всех сторон...

Потом мы все-таки оказались за оградой монастыря. Десять минут до ближайшего магазина... полдоллара за банку пива... всё!

Дэн предложил подбросить меня на своей консульской машине. Нашел дурака! Он щелкнул дверцей машины и уехал. Я остался стоять под дождем. Я курил и чувствовал, как по лицу стекают холодные капли. Они совсем меня не раздражали.

Докурив, я повернулся к дацану спиной и пошел искать магазин. С пивом. С холодным, как этот осенний дождь, пивом.

Ушел я не далеко.

— Стогов!

У ограды монастыря стояла Жасмин. Девушка, каждое появление которой в моей жизни означало новый виток неприятностей.

Первое, что я сделал, — огляделся по сторонам. Когда я видел эту девушку впервые, в клубе застрелили китайца. Во время второго свидания дубинкой по голове получил уже я сам.

Что на этот раз?

— Давно не было тебя видно. Я начал бояться, что остаток жизни придется провести в тоске и без неприятностей.

— Ты не рад меня видеть?

— Очень рад. Столько времени прошло, а голову мне так никто и не проломил. Теперь, надеюсь, дела пойдут, а?

— Все остришь... Красавчик...

Только тут я понял. Вернее, почувствовал. Жасмин была пьяна. Вернее, нет. Она была не просто пьяна, а пьяна смертельно... вдрабадан.

Она попыталась сделать шаг мне навстречу и рухнула мне на руки. Мягкими детскими ладошками она гладила мне лицо и повторяла всего одну фразу:

— Стогов... Стогов... Милый... Увези меня отсюда, пожалуйста...

Куда угодно... Стогов...

«Этого мне только и не хватало», — подумал я.

11

Когда я входил в Лениздат, часы над входом высвечивали половину пятого. Самое время появиться на рабочем месте. В смысле, немного выпить и -- появиться.

Господи, хорошо-то как!

Жасмин я отвез к себе. Все то время, пока я втискивал ее на заднее сиденье такси, поднимал до своего четвертого этажа, укладывал на диван и покрывал пледом, я не сомневался, что позже стану жалеть о каждой из перечисленных операций.

В редакцию я отправился на той же машине. Доехал без приключений. Вы ведь не станете называть приключением то, что четыре раза за время пути я просил водителя остановиться и покупал себе пиво?

На лестничной площадке второго этажа Лениздата девица из Российско-Американского пресс-центра втерла мне приглашение на завтрашнюю пресс-конференцию жутко знаменитого экономиста. Его фамилию я слышал впервые. С гораздо большим удовольствием я бы узнал фамилию девицы. Между вторым и третьим этажами парень из «Экспресса» рассказал, что его газету в ближайшее время закроют, и занял у меня денег. На третьем из двери с надписью «Корректорская» выплыла полная шатенка и, не выпуская сигарету из губ, заорала: «Сидоркина! Мать обнимать!.. У Никиты Михалкова хвост завис!..»

Все было нормально. Все было на своих местах. Главное, что я тоже был на своем месте.

В буфете было не протолкнуться. Я заказал пиво (четыре буквы... а как много смысла!) и искал свободный столик.

В дальнем от стойки углу бородатые политические обозреватели пили коньяк. Брызгая слюной и сыпля пепел себе на пиджаки, они во весь голос обсуждали последние строго секретные сплетни.

Местами за столиками виднелись хорошенькие девушки. Я искал глазами Осокина: раз есть девушки, значит, он должен быть неподалеку. Осокина в буфете не было, зато я отыскал свободное место и отнес свои бутылки туда.

Напротив, подперев щеку, сидел Белкин, дизайнер толстого глянцевого журнала, квартировавшего на четвертом этаже Лениздата. Его грустные глаза были скрыты темными очками.

Вместо «Здрасти», Белкин сказал мне, что жизнь, оказывается, дерьмо. Я предположил, что, если снять очки, мир станет более солнечным... более светлым. Белкин сказал, что не может: под глазом у дизайнера синяк, и в таком виде он не может ходить по редакции.

— Два раза уже сегодня лбом об углы трескался. А снять очки не могу. Стыдно.

— Что случилось?

Белкин присосался к своему бокалу. Даже глотая коньяк, он сумел несколько раз жалобно вздохнуть.

Белкин был гомосексуалист. Об этом знал весь газетно-издательский комплекс. Белкин был не простым гомосексуалистом, а идейным и очень агрессивным. Он был пророком гомосексуалистической идеи.

Белкин не был похож на типичного гея, как их показывают в кино: жеманного типчика с родинкой на верхней губе и в женском нижнем белье. Двухметровый Саша с пудовыми кулаками и бугристым лысым черепом пил, как лошадь, громко матерился и был не дурак подражаться.

В свое время, еще при коммунистах, за свои половые пристрастия Саша успел посидеть в тюрьме. Говорят, даже там он пользовался неким авторитетом. Звучит фантастично, но я этому верю: несколько раз мне доводилось пить алкоголь с ним в одной компании. На определенной стадии подпития Белкин грабастал самого симпатичного из собутыльников и жутким грудным голосом сообщал: «А теперь, милый, мы с тобой поцелуемся... Возражения?..»

Кроме того, он мог заявиться на работу с накрашенными глазами и губами. Отчего становился похож на персонажа последних фильмов Джона Карпентера.

Вчера Саша со своим мальчиком — у Саши был мальчик, очень вежливый студентик из престижного вуза, — отправился в бассейн.

— Слушай, нормально, блядь, себя вели. Плавали там... типа с вышки прыгали... А рядом бандюги какие-то плескались... Уроды, бля буду...

— Уроды — в смысле некрасивые?

— Уроды — в смысле обзывать начали. Не, бля буду, грязно обозвались... да еще громко так... Короче, это... я им сказал, чтобы они вели себя прилично... все-таки в общественном месте находятся...

— Ну и чего?

— Ну и, это... огреб, короче...

Я представил себе, как все это выглядело на самом деле. Скорее всего, уже с утра вылакавший не меньше бутылки коньяка Саша ржал как конь, тряс своей вдетой в заросший густой шерстью пупок сережкой и норовил прихватить студентика прямо в воде. Чем и вызвал гнев непривычных граждан.

— Приложи к глазу пакетик от выпитого «Липтона». На следующий день синяк пройдет.

— А пройдет ли от «Липтона» гомофобия нашего общества, Илья?

Я вышел из буфета, поднялся на четвертый этаж, отпер дверь кабинета и кинул мокрую куртку на кресло.

Из аппарата успела напозлти длинная, как анаконда, лента факсовых сообщений. Я скомкал ее и швырнул в корзину для бумаг. Секретарша Оля, которой я оставляю ключ, чтобы она иногда прибирала у меня в кабинете, положила на стол несколько писем от читателей. Не читая, я отправил их вслед факсам. Затем в корзину полетели и подсунутые под дверь последние номера городских газет.

Я выкурил, прикуривая одну от другой, несколько сигарет. Через серое окно тщательно осмотрел небольшой кусочек грязной осенней Фонтанки.

Потом я запер кабинет, спустился в магазин на первом этаже, купил упаковку из шести банок «Балтики», поднялся на третий этаж и постучал в кабинет Кирилла Кириллова.

Кабинет Кирилла располагался всего через один от моего. Из-за запертой двери поинтересовались:

— Кто? Кто там?

— Пятьсот на шесть... сейчас... Там — три тысячи грамм. Не помешаю?

— Сколько грамм?

Дверь открыли. Я понял, что не помешаю. Письменный стол Кирилла был, как обычно, завален толстенными полинезийско-латинскими словарями. Вокруг стола сидело в общей сложности человек десять. В основном журналисты, а также парочка незнакомых мрачных типов.

Кирилл сказал «О!». Не знаю, меня ли он имел в виду. Глаза у Кирилла расползались по сторонам, как осенние мухи. Потом он рассмотрел упаковку «Балтики» и еще раз сказал «О!». Подумал и добавил: «Только тебя здесь и не хватало!»

Я решил, что скорее это выражение радости. Пожимая руку мрачным типам, от одного из них я услышал «Шалом», а от второго: «Мир тебе, брат». Я не стал обращать внимания. Знакомые Кирилла все такие.

Не знаю, чем они занимались до моего прихода, но после все какое-то время молча и уперев глаза в пол хлебали из больших стаканов. Кирилл что-то нашептывал на ушко машинистке Тане, а та толкала его в грудь и шипела: «Да отстань ты, извращенец... И хватит плевать. Все ухо мне заплевал...»

Потом лобастый, как доберман, криминальный обозреватель произнес:

— А мы вчера материал о черных следопытах опубликовали.

Присутствующие посмотрели на него.

— Вчера опубликовали, а сегодня с утра кекс один приперся. Типа протест втирать. Мол, на самом деле все не так, как мы пишем. Здоровый такой дядька. Бородатый. В дождевике и с рюкзаком. Вошел и давай орать. А мы ему водки предложили.

— Откуда у вас в отделе водка?

— От верблюда. Это такой зверь с горбами. Угостили мы, значит, дядьку водкой. А он все равно орет. Причем угрожает как-то странно. Непонятно чем... а потом он встает и говорит — так, мол, и так, запивали-то мы все-таки пивом, так что шас приду. И уходит. А рюкзак оставляет в кабинете. Сперва мы ничего, сидим, внимания не обращаем. Спихватились, только когда до нас с Серегой дошло: следопыта этого чертова нет уже минут пятнадцать. А рюкзак стоит. Мы оба замолчали, друг на друга смотрим и слышим — тикает. В рюкзаке.

Обозреватель замолчал. Дым от моей сигареты печально уплывал вверх. Оторвавшись от приставучего Кирилла, машинистка Таня сказала:

— Чем кончилась твоя «Илиада»? Вы всем отделом героически погибли?

— Нет. Мы с Серегой распотрошили рюкзак. Там внутри был грязный спальник, две банки консервов, саперная лопатка и будильник. Просто будильник...

— А куда делся дядька?

— Я вот тоже думаю: куда? Сходил в туалет: так и есть. Следопыт хренов дополз до туалета, сел и заснул, сидя на унитазе. Без штанов. И на весь второй этаж храпит.

Один из бородатых приятелей Кирилла сказал «Да-а...». Второй молча покачал головой. Выбираясь из-за стола, машинистка Таня сказала:

— Чем мне нравятся твои анекдоты, Паша, это тем, что они всегда вовремя. Пардон, коллеги, я — в туалет.

Через минуту после того, как она вышла, Кирилл Кириллов сказал, что пойдет подышать... потому что время такое... и вообще. Он был налит алкоголем до краев.

Молоденький Пашин сотрудник, имя которого я если и знал, то давно забыл, помялся, занял у меня денег и сходил в магазин. Как

я понял, ему тоже нравилась «Балтика-номер-семь». Приятно осознавать, что я не одинок в этом мире. Пиво было холодное и вкусное.

На самом деле я собирался что-то у Кирилла спросить... что-то важное... имеющее отношение к профессору... к рыжему мужчине, знающему, как следует вводить свой сияющий бриллиант между коленок тибетским богиням... впрочем, что именно я хотел узнать, позабылось уже к пятому глотку «Балтики»... такой уж это напиток.

После того как выяснилось, что ни Таня, ни Кирилл из туалета не вернутся, разговор сполз на всякого рода фекалии.

Один из криминалистов рассказал, что живет он на Петроградской. Квартира у него старая, спроектированная причудливо. Санузел смежный: туалет и ванная находятся в одной комнате, но ведут в эту комнату две двери — на одной написано «Туалет», а на другой — «Ванная».

— Все вечеринки происходят одинаково. Заходит дамочка, плотно закрывает за собой дверь, накидывает все крючки, закрывает все защелки и сидит себе... А через минуту в соседнюю дверь врывается кавалер, желающий сполоснуть руки.

— Неудобно получается.

— Да-а...

— А я в прошлом году по бартеру ездил в ЮАР. Там в писсуары для запаха кладут лепестки настоящих магнолий. От попадания во влажную среду лепестки начинают благоухать. Ты, типа, писаешь, а получается, блин, аромат «В спальне у Клеопатры».

— Суки вы все-таки, социальщики.

— Почему это мы, социальщики, суки?

— Потому что, кроме вас, в Африку никто что-то не ездит... по бартеру, блядь.

— А я парня посылал как-то на брифинг в японское консульство. Когда машину консула обворовали, помните? Парень рассказывал, что у японцев писсуары расположены ровно на уровне колена. В смысле для белого — на уровне колена. Попасть — нереально...

— Японцы попадут. Они ловкие...

Потом в магазин пошли мрачные кирилловские приятели. Они принесли еще «Балтики» и рассказали еще на ту же тему:

— У меня есть приятель — он интегральный астролог. Фамилии называть не буду. Этот человек не так давно ездил с лекциями в Казахстан. На одной из станций ему понадобился туалет. А вокруг —

степь. Ровная как тарелка. Но туалет есть. Даже в степи. Выглядит так: стоит огромная юрта. Внутри юрты вырыта большая яма. Через яму перекинута две досочки — «мужская» и «женская». Дамы и кавалеры пристраиваются на жердочках спиной друг к другу и таким вот образом выходят из положения...

Все посмотрели на меня. Потом Паша сказал:

— Дикий народ.

— Ага. Выпить бы.

О! — сообразил я, — моя очередь спускаться в магазинчик.

Я дошел до лестничной площадки. Перед глазами плыло... все-таки «Балтика»... вы же понимаете, это море... по морю положено плыть... смешно получилось?

Сперва я хотел спуститься пешком, но услышал, что в шахте гудит, поднимаясь, лифт. Лифт в Лениздате старый, из тех, что называются «с неподвижным полом». Достаточно вовремя не нажать кнопку — и двери автоматически закроются, замуровав тебя внутри.

Лифт подъехал, и двери начали открываться. Передо мной стояла полная тетка в трикотажном свитере. Она начала входить в кабину — и вдруг замерла. Я ткнулся в ее широкую спину.

Молчание продолжалось долго. Потом женщина отпрянула назад. Острым каблуком она больно наступила мне на ногу. Вместо того чтобы извиниться, она все продолжала пятиться, а потом пронзительно, на грани ультразвука, закричала.

Я отпихнул ее и заглянул внутрь кабины. На полу, скрючившись и неловко заломив руку, лежал мужчина. Из-под его куртки по полу растекалась густая черная лужа.

12

Давно я не видел в Лениздате такого переполоха.

Первыми подъехали омовцы. Громадные мужики в масках, в бронежилетах и с автоматами. Они рассыпались цепью и оперативно перекрыли все входы и выходы. Следом начали прибывать милиционеры на «уазиках», в сопровождении различного уровня начальства — в форме и без.

Последними подъехали машины «скорой помощи». К этому моменту у дверей Лениздата образовалась такая пробка, что санитары с носилками не могли протиснуться к месту происшествия минут пятнадцать...

Вообще-то, ритм петербургской жизни вовсе не напоминает столбчатый. Не знаю, в чем здесь дело. Может быть, это темперамент... он ведь у нас северный... холодное небо и все в таком роде.

В Петербурге редко дерутся в клубах. Еще реже — на улицах. Во времена общественных катаклизмов, типа путча-91, граждане предпочитают отслеживать происходящее не с уличных баррикад, а по телевизору. Да и самих баррикад у нас не строили, наверное, с момента восстания декабристов.

Мне нравится, что я живу в Петербурге. Типа того, что Северной Венеции и Северной же Пальмире... мне нравится мой спокойный город, вовсе не похожий на вечно бурлящие азиатские жопы, вроде Москвы... И, разумеется, мне нравится, что в моем тихом городе очень редко убивают журналистов.

Говорят, что профессия репортера успела превратиться в одну из самых опасных. Утверждают, что мои коллеги гибнут чуть ли не по одному в неделю. Не знаю, может, где-нибудь это и так. Но не в Петербурге.

Мирок петербургской прессы уныл и безопасен. Тут и захочешь, не сумеешь нарваться на неприятности. То есть получить по носу или, скажем, заработать перелом конечности — это запросто. Сколько их, загипсованно-забинтованных любителей сунуть нос в чужие дела, приползает ежедневно в наш редакционный буфет! Но чтобы прямо в лифте Лениздата находили подстреленных мужиков?!

Весь пол на лестничной площадке четвертого этажа был заляпан следами шипастых омовских ботинок. Может быть, это была не кровь, а грязь. Может быть, нет. Над извлеченным из лифта пострадавшим колдовал врач. Рядом, держа в вытянутой руке капельницу, стоял санитар.

Вокруг носилок плотным полукругом стояли крупные милицейские, прокурорские и прочие чины. Каждый старался отдать как можно больше распоряжений. Несчастную тетку, нажавшую кнопку вызова лифта передо мной, допрашивали по пятому кругу.

Дополнительную суету внесли налетевшие телевизионщики. Минут через пятнадцать после приезда милиции они появились на месте события со всеми своими камерами, толстыми черными кабелями и слепящими софитами. Одна бригада с Пятого канала, одна — с городской редакции НТВ.

Неподалеку от меня по стойке «смирно» стоял охранник с первого этажа Лениздата. Пузатый начальник неопределенного проис-

хождения, шипя, интересовался, что ж это он, раздолбай, делает-то?!... может быть, постовой захотел под трибунал, а?.. это можно ему быстро устроить... захотел или что?.. как этот урод с дыркой в пузе мимо постового сюда просочился?.. а?!.. ёкарный бабай?!

— Елисей! Руководство собрал?

— Собрал!

— Давай сюда!

Сквозь толпу стали по одному протискиваться редакторы расквартированных в Лениздате газет и журналов. Они по одному подходили к растрепанному потерпевшему, над которым продолжал колдовать врач. «Нет, не мой», «Первый раз вижу», «Не знаю его», — по очереди отвечали они лейтенанту, оформлявшему протокол.

Я стоял, прислонившись к стене, и курил. Еще в самом начале я изложил все, что видел, и после этого меня никто не трогал. «Вы еще понадобится, — заявил милицейский капитан, первым начавший переписывать фамилии свидетелей, — никуда не уходите».

Если бы меня попросили опознать парня, я не стал бы врать органам. Но меня не спросили. А сам я лезть не стал. Между тем лежащего на носилках я узнал.

Я узнал его сразу, в первую же секунду, как заглянул в раскрывшиеся двери лифта. Для этого мне даже не понадобилось долго вглядываться в его перемазанное кровью лицо. Хватило и того, что я увидел дегенеративный бритый череп, борцовскую шею, а на физиономии — лиловый синяк.

«Все! Мы его увозим», — махнул рукой доктор из «скорой» и пошел выбрасывать окровавленные тампоны. Санитары подхватили носилки и затрусили вниз по лестнице. Доктор вполголоса переговорил с группой мужчин в штатском, пожал плечами и с недовольным видом направился вслед за санитарями.

Я оторвался от стены, догнал доктора и улыбнулся ему:

— Моя фамилия Стогов. Я журналист. Вот удостоверение. Как он? В смысле... серьезно его? Будет ли жить?

У доктора был добрый взгляд, который он прятал за толстыми стеклами очков. Кроме взгляда, ничего доброго в докторе не было.

— Две пули в живот. Если с таким и живут, то хреново... Внутреннее кровотечение.

— Куда вы его? В Военно-медицинскую академию?

— Зачем вам это?

— А зачем вам это скрывать?

— Мне-то что? Понимаете, я же врач.

— Понимаю.

— То есть для меня главное, чтобы больной был здоров, понимаете? А кто уж он там — какая разница?

Ничего я не понимал, но настаивать не стал. Врач побежал догонять носилки. Я подошел к капитану, велевшему мне не отлучаться.

— Слушайте, офицер, я вам все еще нужен?

— Ты у нас кто?

— Я у вас Стогов. Я первым нашел этого парня.

— Пока не уходи. Можешь понадобится.

— Извините, а когда именно я могу понадобится?

— Сказано тебе стоять — значит, стой.

— А если не буду?

— Ты тупой?

— Нет. Я усталый и голодный.

— Если уйдешь, дам твои приметы. Как основного подозреваемого. И ты увидишь свою физиономию напечатанной в газете.

— Знали бы вы, офицер, сколько раз я видел свою физиономию напечатанной в газете.

Я повернулся к капитану спиной и начал спускаться по лестнице. Чтобы он не очень расстраивался, на прощание я сказал, что буду в буфете.

В буфете было пусто. Это было хорошо. За стойкой ерзала буфетчица. Она не знала, что происходит снаружи, и ей было интересно это узнать.

У буфетчицы были пухлые губы и высокие скулы. В журнале GQ я читал, что данные признаки выдают чувственность женщин. Осокин, имевший с буфетчицей роман (Осокин имел романы абсолютно со всеми известными мне женщинами), говорил, что GQ в данном случае прав.

Буфетчица спросила, что нового наверху. Я рассказал, что в лифте нашли парня с пулевым ранением в живот. Посмотрев на ее пухлые губы и высокие скулы, я добавил, что ранение было сквозное, здоровенное, с кулак, и сквозь него можно было просунуть пивной стакан.

Почему у Осокина все так хорошо с женщинами, а у меня все так плохо? Впрочем, хорошо ли то, что Леша меняет до четырех подружек в неделю? И плохо ли то, что никакая пухлогубая дура не отравляет мне жизнь?

Я сказал буфетчице, чтобы она дала мне пива. Возможно, буфетчица вовсе не дура. Ума на то, чтобы поставить рядом с открытой бутылкой чистый стакан, ей хватило.

Я выпил первую бутылку, заплатил еще за одну и закурил сигарету. Зачем парень, которому я позавчера на Невском разбил лицо, приполз в Лениздат? Вернее, не так: зачем этот парень, имея в пузе дырку, через которую проходит пивной стакан, приполз в Лениздат?

За спиной хлопнула дверь. Я глянул через плечо. Петля между столиками, ко мне направлялся милицейский капитан.

Оказывается, в его репертуаре бывали тихий голос, ласковый взгляд и обращение на «вы».

— Вы ведь Стогов? Илья Юрьевич?

— Стогов. Илья. Юрьевич. Только не называйте меня по отчеству, мне кажется, что это меня старит.

— Вас к телефону.

Капитан протянул мне черный «нокиевский» телефончик. Я поднес его к уху и сказал «алё».

— Илья Юрьевич? Это Борисов.

— Борисов?

— Майор Борисов. Федеральная служба безопасности. Пару дней назад мы с вами беседовали в моем кабинете на Литейном... Насчет Ли Гоу-чженя.

Целая минута, наверное, потребовалась мне, чтобы сообразить: майор Борисов — это один из трех близнецов-гэбистов, допрашивавших меня после инцидента в «MoonWay».

«Это Борисов!» Блин! Можно подумать, они там на Литейном представлялись.

— Слушаю вас.

— Илья Юрьевич, ваш сегодняшний подстреленный из Лениздата находится в госпитале. В ближайшее время его будут оперировать. Врачи говорят, возможность успеха — типа того, что фифти-фифти.

— И что?

— Понимаете, Илья Юрьевич. Нужна ваша помощь. Парень отказывается говорить с кем бы то ни было, кроме вас. Вы меня слышите? Не могли бы вы подъехать? Буквально на полчаса.

Я посмотрел на недопитое пиво. Оно было притягательнее, чем самые высокие женские скулы на планете. Но я все равно сказал:

— Хорошо. Еду.

Как у каждого приличного мегаполиса, у Санкт-Петербурга, города, в котором я живу, есть две стороны — видимая и невидимая. Видимая — это глянцевого вида для туристов: парадные проспекты, фасады дворцов, витрины модных бутиков. Невидимая же...

Иногда, когда я думаю о своем городе, мне нравится представлять его чудищем, с множеством сердец и кровеносных систем.

Скажем, мир, который известен мне лучше остальных, — мир городских массмедиа. Редкий турист обратит внимание на уродливую серо-коричневую коробку с допотопными буквами «Лениздат» поверху, стоящую на набережной Фонтанки. Между тем это здание — самое настоящее сердце. Бьющееся, гонящее кровь по жилам.

Сюда, как муравьи, тащат плоды своих расследований репортеры. Отсюда растекаются по планете тысячи страниц факсовых сообщений. Здесь из растрепанных рукописных страничек формируется строгий и величественный газетный лист. Мне страшно представить, что случилось бы, исчезни вдруг эта уродина с набережной хотя бы на денек.

И так во всем. Энергичная банковская система. Цепочка военных комендатур. Даже какая-нибудь задроченная вселенная, вроде мирка игроков в бридж... Все эти миры сосуществуют, не пересекаясь между собой и пронизывая город нитями своих кровеносных сосудов.

Кроме того, есть в моем городе еще один особый мир, знакомый жителям меньше остальных: мир петербургских спецслужб. Очевидно, на экскурсию по этому миру меня и везли теперь в служебном автомобиле с мигалкой и надписью «ГУВД» на бело-синем боку.

Снаружи было пусто и грустно. Стекла в машине были тонированные. По ту сторону стекол виднелось мокрое, серое и громадное небо.

Мы остановились перед крашенными в серое воротами. Водитель библикнул. Слева от ворот открылась калитка.

Неторопливой походкой из калитки вышел здоровенный молодец в камуфляже и с автоматом через плечо. Со скучающим видом молодец обошел машину кругом, заглянул в салон и, остановившись напротив дверцы водителя, лениво поинтересовался:

— Куда?

— К Борису.

Молодец покачал головой. На машину он глядел с таким видом, словно у него болели зубы. Наверное, куда проще, чем с нами разговаривать, ему было взять да и кинуть в салон гранату. Остановив наконец взгляд на мне, он все с той же тоской спросил:

— Фамилия?

— Стогов.

Вздохнув и потеряв ладонью подбородок, молодец махнул рукой кому-то невидимому за воротами:

— Открывай.

Ворота медленно поползли в сторону. Субъект с автоматом пристроился сразу за задним бампером и проследовал через ворота вслед за нами.

Внутри не оказалось ни рядов колючей проволоки, ни особых чудес техники. Несколько оштукатуренных особнячков, коротко стриженные деревья, песочные дорожки между клумб.

На ступенях самого большого особнячка меня ждал типчик в аккуратной стрижке и неброском костюме. Сам типчик тоже был аккуратный, неброский. Наверное, по ходу работы типчики стираются. Как банкноты от частого употребления.

— Илья? Пойдемте. Владимир Федорович вас ждет.

Мы вошли в особняк. Сопровождающий протянул часовому выписанный на меня пропуск.

— Фамилия?

— Стогов.

— К кому?

Я посмотрел на сопровождающего. Он ответил за меня:

— К Борису.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж. Двери, ведущие внутрь здания, были железные, с кодовыми замками. Перед одной типчик остановился, не глядя нажал цифры кода. Подождал, пока над дверью загорится зеленая лампочка, потянул тяжелую дверь на себя. Меня пропустил вперед.

За дверью оказался коридор с ковровой дорожкой. Вся эта шпионская декорация начала меня утомлять. Остановившись наконец перед одной из дверей, сопровождающий постучал, заглянул внутрь, поинтересовался:

— Владимир Федорович, тут Стогов. Можно?

Владимир Федорович сидел за столом. Увидев меня, он встал, улыбнулся, сказал: «Здравствуйте» и еще «Как доехали?»

Глядя на него, я подумал, что, встретить майора на улице — честное слово, не узнал бы. Со времени той первой, четырехдневной давности, встречи его серая, смазанная внешность успела полностью изгладиться из памяти.

Я сел в кресло. Мы помолчали. Мокрый капюшон куртки противно касался шеи. Потом я спросил:

— Здесь курят?

— Курите. Раздеться не предлагаю: сейчас мы с вами перейдем в другое здание. Но сперва я хотел бы прояснить несколько вопросов. Не возражаете?

— Пожалуйста.

— Вы знакомы с гражданином Молчановым?

— С кем?

— С парнем, которого нашли в лифте Лениздата.

— Знаком.

— Как близко?

Я вспомнил ночной неосвещенный Невский. Удар. Резкая боль в костяшках пальцев. Парень валится физиономией в лужу.

— Не очень близко.

— Да?

— Во всяком случае, фамилии его я не знал...

— Да?

У майора был внимательный и вежливый взгляд. Я вздохнул и потушил сигарету.

— Ну что сказать? Мы с ним виделись лишь однажды. Парень пытался порвать мне куртку... Видели синяк у него на физиономии?

Я выкурил еще одну сигарету и рассказал майору, как провел позавчерашнюю ночь.

— Они вас похитили? Почему же вы об этом не заявили?

— Зачем? Все ведь обошлось...

За окном барабанил дождь. Такой же зануда, как мой собеседник.

— Что вы молчите?

— А что вы, майор, хотите, чтобы я вам сказал?

— Илья, вы можете называть меня просто по имени отчеству.

Широкой души человек. Потом мы выпьем вместе алкоголя и перейдем с ним на «ты». Потом я стану звать его «Володька-шпиён».

Я посмотрел на майора и проговорил:

— Давайте обойдемся без дружбы домами, ладно?

- Кто бы спорил.
- Зачем вы меня сюда притащили?
- Я хочу попросить вас о помощи.

Я выдыхал дым и молчал. Мне бы кто помог...

- Дело в том, что Молчанов отказывается с нами говорить.
- И что я могу сделать?
- Он твердит, что расскажет все только вам.
- Мне?
- Не спрашивайте меня почему.
- Да? А я собирался.

Майор взглянул на часы. Они у майора были дорогие, с металлическим браслетом. Наверное, снял с собственноручно убитого агента ЦРУ.

— Молчанов истекает кровью. Сейчас его готовят к операции. От наркоза он будет отходить долго. И вообще неизвестно — отойдет или нет. Поэтому я договорился — нам дадут возможность задать несколько вопросов перед операцией.

Он еще какое-то время говорил о том, какие вопросы подстреленному парню нужно задать и какие ответы от него нужно получить. Я, если честно, почти не слушал.

Мы вышли из кабинета, майор закрыл дверь на ключ, и мы спустились на первый этаж. Часовой отметил мой пропуск. Мы перебежали по мокрой дорожке в особнячок напротив.

Майор сказал часовому: «Это со мной», — и тот открыл дверь. За очередным поворотом выложенного кафелем коридора нас встретила медсестра в белом халатике.

— Семен Яковлевич просил подождать. Пойдемте, пока переодеетесь.

Она проводила нас в раздевалку, повесила мою мокрую куртку на плечики и выдала взамен стопку хрустящего накрахмаленного белья. Белый халат с тесемками на спине, белые бахилы на ноги.

— Разговаривать будем уже в операционной — времени нет.

Вернувшаяся медсестра провела нас к двери, на которой значилось «Операционная»:

— Ждите. Вас вызовут.

Мы принялись ждать.

Майор поглядывал на свои дорогие часы. Я прислонился к стене. Прямо передо мной, напротив глаз, висело объявление: «Курить воспрещается». Жаль, я бы с удовольствием покурил. Рядом была еще одна дверь. На этой было написано «Вход в морг».

Майор улыбнулся и спросил, не хочу ли я осмотреть их морг? Я сказал, что, наверное, нет... может быть, в следующий раз.

— Зря. У нас здесь очень хороший морг. Там, кстати, лежит тело вашего китайца... Генконсульство попросило подержать пару дней, пока они не подготовят все к отправке на родину.

— Ли Гоу-чжэня будут хоронить в Китае?

— У нас в стране азиатов не хоронят, отправляют домой. У индусов это как-то связано с религией. А китайцы и японцы своих покойников в основном кремируют. У нас, сами понимаете, никак...

— Почему?

— Не горят.

— Покойники не горят?

— Не-а. Я как-то пробовал. Году в восемьдесят шестом. У нас тогда одного японца кремировали.

— И как?

— Не горит. Чтобы кремировать белого, отводится минут двадцать — двадцать пять. От тела остается только мелкий пепел. А с этим — открываем камеру через полчаса, а он только обуглился малость. Поддали жару, ждем. Открыли еще через полчаса — опять не готов.

— Так и не сгорел?

— Мы его почти четыре часа поджаривали. Даже саперными лопатками покрошить пробовали — не горит, падла!

— Проблема, блин...

— А знаете почему? Биохимия. Они же рисом питаются. От риса у них биохимия другая. Не такая, как у нас. Вот они и не горят.

— Тяжелая у вас работа...

— А вот с русскими — легко. Сегодня на вскрытие одного мужчину привезли. Профессора. В смысле — бывшего профессора. Вот человек — уважаю!

— Горит хорошо?

— Чтобы его нормально разместить, пришлось сдвигать вместе два стола — на один не помещался. Громадный, рыжий — красота. Не то что ваш Ли.

Профессор? Громадный и рыжий?

— Как его фамилия?

— Чья?

— Этого... Профессора...

— Люда, как фамилия сегодняшнего профессора?

— Толкунов, товарищ майор.

Не обращая внимания на надписи на стенах, я потянулся за пачкой «Luckie Strike».

— Вы что, знали его?

— От чего он умер?

Майор посмотрел на медсестру Люду, и та прочитала по бумажке:

— От множественных пулевых ранений в область головы и грудной клетки.

Я воткнул сигарету в губы. Рука немного дрожала, но попасть удалось с первого раза. Уверен, я бы справился и с зажигалкой, но над дверью зажглась зеленая лампочка, и майор, подобравшись, сказал:

— Это нам. Илья, умоляю — вопросы только по существу. Как договаривались. Пожалуйста.

Мы прошли сквозь очередную бронированную дверь с цифровым замком и попали прямо к операционному столу. Слепящие лампы, много хромированного металла, сладковатый запах. Может быть, разлагающихся китайских трупов.

Гражданин Молчанов лежал на столе. Голый, с побритым животом, к которому уже подвели резиновые шланги, и нереально бледный. Рядом с ним стояли доктора в масках и несколько медсестер.

— Две минуты, Владимир Федорович. Больше не могу. Извините.

— Хорошо. Две минуты.

— Подойдите ближе. Он в сознании и может говорить.

Я сделал шаг в сторону операционного стола. На белом лице парня глаза казались черными, как пролитое на стол в ленинздатовском буфете вино. Еще на лице был громадный синяк. Я сделал еще шаг, и глаза дружно перекатились в мою сторону.

Разумеется, я не помнил ни единого пункта из данных мне майором инструкций. Вы бы помнили?

Шепотом я спросил:

— Болит?

— Болит.

— Говорить-то можешь?

— Ты, Стогов, не мент... тебе скажу...

Парень закрыл глаза. Через десять очень долгих секунд я подумал, что, может быть, он умер.

— Короче, так... За пиздюлятор разбитый потом поговорим... когда поправлюсь... Понял, да? Ты вроде нормальный... так что поговорим.

Он опять закрыл глаза. Врач демонстративно посмотрел на часы. Дыхание выходило у раненого из горла с хрипом и бульканьем.

— Короче... этого Ли завалил я... потому что ты в сортир ломиться начал... а я ж был еще внутри... ну и разнервничался, понимаешь?.. он же мог начать орать... я не со зла, понимаешь?.. просто так получилось: в голову ему: стрельк!.. так что это ты, Стогов, виноват... тебе и ответ держать... ты же понимаешь: нас там трое было: я, ты и китаец... китаец все: в башке дыра и на бобике мусора... а я у него ничего не брал... где камень, никто не знает... интересное кино!

По глазам было видно: он уплывает... теряет нить, связывающую его с реальностью... с нами, пока что живыми.

— Самое-то обидное, что? Самое обидное, что помру, как лох, из-за китайца... Ты когда-нибудь из-за китайца помирал? Вот и я не хочу... из-за китайца... потому что... ты эту падлу отыщи... а главное, камень... потому что с собой у китайца камня не было... гадычем буду, веришь?.. я у него по карманам похлопал: пусто... китаец... я китайцу так и сказал... а он... рожа такая желтая-желтая!.. как солнышко...

Из уголка рта у него потекла струйка крови. Глаза закатились. Врач крикнул:

— Боря, все! Уводи его! *(Развернувшись к остальным.)* Начали! Начали!

* * *

Сто раз подряд я закаивался ходить в больницы. А уж тем более в морги. И все равно приперся. Странный я тип. Никогда не учусь на собственном опыте.

Наверное, я не модный и вообще лох, но я верю, что человек — это не мясо, плюс кости, плюс пара литров жидкостей. Человек — это... В общем, видеть его на операционном столе, растянутого, как лягушка, мне неприятно. Настолько неприятно, что, увидев, я вынужден потом подолгу отпиваться алкоголесодержащими напитками.

Я стоял на крыльце и курил. Майор курил рядом. Из нас двоих руки дрожали только у меня. А голова работала только у майора.

— Вы что-нибудь поняли из того, что он сказал?

— Немного. Так, кое-что понял.

— Кое-что?

— Кое-что.

— Может, поделитесь?

— Поделюсь. Только можно не сейчас?
— А что с профессором? Вы его знали?
— Перед тем как в «MoonWay» убили китайца, тот оставил для меня в камере хранения кое-какие бумаги. На тибетском языке. Вчера профессор Толкунов переводил мне эти бумаги.

— Да?

— Мазефака! Это было всего-навсего вчера.

Мы помолчали. Я прикурил еще одну сигарету.

— Бумаги завтра к двум часам занесете ко мне на Литейный. Пропуск я выпишу. Там же дадите показания. И насчет профессора, и насчет этого... Молчанова...

— Хорошо.

Майор, не отрываясь, смотрел на лужи и кусал рыжий моржовый ус.

Дверь открылась. К нам под навес шагнула медсестра Люда. Она протянула майору заполненный бланк с печатью внизу. Он пробежал бумагу глазами.

— Все. Молчанов умер. В сознание больше не приходил.

Капли дождя... сотни тысяч одинаковых капель дождя продолжали все так же тоскливо ударяться о землю. Звук был негромкий и успокаивающий.

14

Только в машине я вспомнил — дома, наверное, до сих пор сидит блондинка Жасмин. Что с ней делать, я понятия не имел. Терпеть не могу пускать в дом кого попало.

— За трамвайной остановкой налево. И во двор. Сколько?

Водитель был полным мудаком. Он умудрился остановиться прямо посреди громадной, на полдвора, лужи. Вылезая из машины, я промочил ноги. Дождь, обрадовавшись, швырнул за шиворот порцию холодных капель. Настроение испортилось окончательно.

Жасмин сидела на диване в большой комнате. Выспавшаяся, совершенно трезвая и нарядившаяся в мою лучшую рубашку. На полу валялся глянцево-журнал. Он был раскрыт на репортаже, подписанном моей фамилией.

Я сказал блондинке «Привет». Что еще говорят в таких случаях, я не знал и просто пошел переодеваться.

Вместо мокрого «Левайса» я натянул точно такой же, но сухой. Вкусы относительно джинсов сформировались у меня еще в последних классах средней школы. Тогда же я привык, приходя домой, первым делом включать радио. Вернее, сперва это был магнитофон и лишь последние десять лет — радио.

В радио играла песня I Still Haven't Found What I Look For. Знаете? Это U2... такие лысые и старые ирландские клоуны... раньше девушки говорили мне, что я похож на ю-туевского вокалиста.

Жасмин зашла в комнату и сказала:

— Мой руки, журналюга. Будем ужинать.

— Ага. Сейчас помою. И шею тоже. Можно я буду называть тебя «мама»?

— Парень, я потратила целый вечер, чтобы угостить тебя хорошим мясом.

— Увы, я не парень. Я усталый, потрепанный жизнью хам. Негостеприимный и со склонностью к вегетарианству.

Кухня блестела чистотой. Впервые за последние годы. Недельные завалы посуды в раковине исчезли, а на столе красовалась дюжина тарелочек, мисок и кастрюль. Еще на кухне пахло мясом. Вкусным... горячим... таким, каким не пахло в этой квартире черт знает с каких времен.

— Перед моим приходом здесь снимали кино?

Жасмин не реагировала. Она молча курила и смотрела на меня огромными желтыми глазами.

Потрясающе красивая женщина.

Секунду помолчав, я сдался. Я сказал, что не хватает вина, и пошел в комнату проверить, осталось ли чего-нибудь в баре.

Вина, разумеется, не было. Я не люблю вино и ничего в нем не понимаю. Я человек северный. Пью то, что делают из пшеницы, и не пью то, что делают из винограда.

В баре стояли две открытые бутылки водки, громадная, как цистерна, бутылка «Мартини Бьянко», купленная Лешей Осокиным в пулковском дьюти-фри, и гордость коллекции — дорогая, вся в металлических бляшечках бутылка джина «Бифитер».

Получен был «Бифитер» пару недель назад в качестве взятки от мерзкого типа, категорически не желавшего видеть свою фамилию на страницах городской печати. Напиток был принят мною с чувством собственного достоинства. Весь имеющийся на типа компромат после этого был безвозмездно передан коллегам из конкурирующих изданий. Пусть и они угостятся модным алкоголем.

— Ты пьешь джин?

— Еще как пью.

При виде бутылки глаза у Жасмини загорелись. Я убедился: да, действительно пьет, и еще как. Она вытащила из холодильника решетку со льдом и раскидала кубики по стаканам.

До сих пор я был полностью уверен, что в моем доме нет решетки под лед.

Жасмин выпила почти целый бокал, а я значительно меньше. Мясо оказалось нежным и сочным... таким же, как Жасмин.

— Свинина?

— Говядина. Ты что, мусульманин?

— Буддист. Тантрического направления.

— Налей мне еще джина.

— Воспитанные девушки говорят «пожалуйста».

— Хороший джин. Где ты, пьянь ободранная, его взял?

— Подарили. Поклонники моего литературного таланта.

— Может, мне тоже пойти в журналисты? Делать ни хрена не надо, пей целыми сутками, а тебе за это еще и зарплату платят. И дарят джиннов в бутылке. Поговори с редактором, может, меня тоже возьмут?

— Неужели к своим годам ты уже научилась складывать из букв слова?

— В свое время я даже написала...

— Что ты написала?

— Ничего. Ешь мясо.

— Что ты написала?

— Слово «хрен» на заборе. Тебе не нравится мое мясо?

— Нравится. Я фанат твоего мяса. Я куплю себе тишотку с эмблемой твоего мяса и стану ходить по улице. Я даже выпью за здоровье твоего мяса!

Потом я увидел, что от джина осталась только треть. Потом я посмотрел чуть левее и увидел, что из-под моей рубашки, надетой на Жасмин, торчит кусочек ее груди. Небольшой, но мне хватило.

Первый факт меня расстроил, а второй нет. Раздумывая об этом, я даже не заметил, как «Бифитер» кончился совсем. Я пообещал, что сейчас приду, и пошел посмотреть, что там еще есть в баре. Выбор пал на почти целую бутылку «Синопской» водки. Типично дамский напиток.

Возвращаясь в кухню, я ударился плечом о косяк и чуть не выронил бутылку из рук.

Под водку Жасмин достала из холодильника несколько железных банок «Спрайт». Мы выпили водки, и я сказал Жасмин, что в следующий раз пьем на брудершафт.

— Разве мы когда-либо были на «вы»?

Потом я заглянул в ванную. Попил воды, всполоснул лицо. Из зеркала на меня смотрел небритый, потрепанный тип.

Я сидел на краю ванны и думал о том, что всего в получасе от моей теплой квартиры на холодном столе в морге ждет отправки в Китай тело бизнесмена Ли. А неподалеку, на двух сдвинутых вместе столах, лежит рыжебородое тело профессора Толкунова. И еще о том, что завтра лениздатовские уборщицы будут с большим трудом оттирать сгустки засохшей крови, заляпавшей пол и стены редакционного лифта.

Глупо и противно. Ты думаешь укрыться от реальности за стенкой из алкоголя, ничего не значащих слов, множества постоянно окружающих тебя лиц. Реальность все равно никуда не девается. Реальность — это такая штука, которая всегда с тобой.

Когда я вернулся на кухню, бутылка водки была более пуста, чем когда я уходил. Жасмин успела приложиться к ней минимум трижды.

Я сел на диван и посмотрел на блондинку. Мне хотелось задать ей много разных вопросов, но я не был уверен, что точно знаю каких. Прежде чем хоть что-то сказать, я тоже выпил.

— Лешу Молчанова застрелили.

Не знаю, на что я рассчитывал. Но ничего особенного не произошло. Стакан из ослабевших пальцев Жасмин так и не выпал.

— Кто это — Леша Молчанов?

— Твой приятель из джипа.

— Из джипа?

— Из джипа. Как-то на Невском я разбил ему физиономию.

— Стогов, тебе плохо?

Я смотрел на Жасмин. Жасмин смотрела на меня. В радио кончилась песня и началась реклама.

— Не надо делать из меня идиота. Ладно?

— Ладно.

— Два дня назад я встретил тебя ночью на Невском. Ты с приятелями ехала на джипе. Если я правильно понял, вы собирались меня подвезти. Помнишь?

— Ну.

— Тот из твоих приятелей, которому я тогда разбил лицо,— убит. Застрелен.

Жасмин презрительно скривила губы и долила себе в стакан остатки водки.

— Скажи чего-нибудь.

— С чего ты взял, что это мои приятели?

— Ты сидела с ними в машине?

— Ты тоже в ней сидел. Всего через десять минут после меня.

Она посмотрела на меня и, не морщась, выпила все, что было у нее в стакане.

— Только не надо мне рассказывать...

— Заметь, я вообще ничего тебе не рассказываю. И ни о чем тебя не спрашиваю. Сижу себе, помалкиваю.

— В смысле?

— Стогов, тебе хочется испортить вечер? Мне — нет. Чего ты завелся? Лучше выпить чего-нибудь принеси...

— Погоди...

— Нет, не погожу. Не будь занудой. Сказано тебе: тащи сюда алкоголь.

Я сходил в комнату и принес еще одну открытую бутылку. Она была последней.

— Объясни, что ты делала в этом джипе?

— Иди на хрен, понял?

— Нет, не понял.

— Какое именно слово тебе незнакомо?

— Никакое! Ты можешь не выпендриваться?

— Shit! Так хорошо сидели! Охота тебе влезать во все это дерьмо?.. Ну сидела я в тот вечер дома. Вдруг звонок. Открываю — стоят, красавцы. Леша этот твой... Как его? Молчанов. И еще двое. Одевайся, говорят, поедешь с нами. Я не ты — по зубам давать не умею. Пришлось ехать. Ну отвезли они меня куда-то за город. Спрашивали про какую-то бумагу. Зануды — хуже тебя... Ну а где-то часа в два ночи поехали за тобой.

— А дальше?

— Дальше сам знаешь... Минут сорок сидели в машине. Ждали, пока ты накачаешься пивом... Думаю, если бы ты не принялся демонстрировать ребятам бойцовские дарования, они просто покатали тебя в машине, порасспросили и отпустили. Обошлось бы без синяков.

— А потом?

— Когда тебя запихнули в машину, мне места уже не хватило. Меня оставили на Невском, а сами уехали.

Я налил себе водки, добавил туда же «Спрайта» и отхлебнул. Коктейль получился так себе. То, что рассказала Жасмин, было интересно, но бесполезно.

— Больше ничего не просили? Только бумагу?

— Даже за коленки не трогали. Только бумагу.

— И у меня... тоже... только бумагу. Я еще удивился: зачем им какая-то бумага? Они же тупорылые...

Я допил коктейль, сходил в комнату и принес конверт с бумагами:

— Вот эта бумага.

Жасмин раскрыла конверт и вынула листки. Покрутила в руках мантру Кострюкова. Я пояснил:

— Это мантра. Типа заклинание. Инструкция, как вводить во влагалище тибетским теткам сияющие бриллианты...

— Круто. Зачем эта пердула нужна? В смысле, нужна тем, кто не хочет вдуть тибетским теткам? Ты понимаешь?

— Понимаю.

— Всё-всё-всё понимаешь?

— На самом деле я очень умный. Только тсс...

— Расскажешь?

— Отчего не рассказать?

— Только сперва выпьем?

— Только сперва выпьем!

Мы выпили, и я заговорил. Говорил я долго. Жасмин слушала не перебивая. Джи-лама... вырезанное сердце... востоковед Кострюков... этнографическая коллекция... эрго: востоковед расстрелян, куда делась привезенная им ценность, неизвестно.

Потом Жасмин прикурила сигарету и сказала:

— Короче, осталось узнать, что именно привез сюда из Тибета твой востоковедный дядька, и куда он его дел?

— Смотри-ка! Ты пьяная, но умная!

— Выпьем еще?

— На самом деле, что привез и куда дел, я тоже знаю.

— Иди ты!

— Я же говорю: я умный. И ты умный... ум... мная... Не выпить ли нам за это?

— Ну и что же это за сокровище?

— Главное на свете сокровище — длинноногие блондинки.

— Не надо меня в себе разочаровывать.

— Меня... В себе... Как ты сказала? А-а! Ну ладно, скажу. Вообще-то это бриллиант. Я узнал об этом только сегодня. Мне в боль-

нице сказал подстреленный Молчанов. Скорее всего, крупный камень из награбленных Джи-ламой. Не поцеловаться ли нам?

— С какой целью ты расстегиваешь мою рубашку?

— Это не твоя. Это моя рубашка.

— Где теперь находится камень, ты тоже знаешь?

— Тоже. Знаю.

— Но мне не скажешь?

— Почему это не скажу? Скажу.

— Где он?

Я потянулся за водкой, рукой по дороге задел остатки «Спрайта», уронил и его и водку, начал вытирать лужу прямо ладонью, что-то говорил девушке, потом выпил... причем похоже, что выпил все-таки на брудершафт, потому что сразу после этого мы поцеловались.... поцелуй был долгим... я чувствовал, как она дышит... она сказала: «Ух ты!..», и я целовал ее лицо, а она сжимала мои горящие щеки своими мягкими ладошками и что-то шептала... и у нее была восхитительная нежная кожа, а когда я целовал ее, то от нее пахло сигаретами и духами... наверное ужасно дорогими... остановиться я уже не мог, а она говорила «Милый...» и задыхалась, и вся была моя, вся абсолютно.

А потом была темнота. И только музыка еще долго что-то шептала в этой замечательной темноте.

15

Первым ощущением наступавшего утра, как обычно, была сухость во рту. Я давно привык просыпаться от этого ощущения. Хотелось воды. Холодной и вкусной. Желательно ведро.

Я открыл глаза. Это было непросто. У меня на груди лежала девичья голова. Белокурая. Голова была тяжелой как гиря.

Ага...

Подробности вчерашнего вечера начали потихоньку просачиваться в день сегодняшней. От некоторых подробностей хотелось покраснеть.

Я стал выбираться из-под Жасмин. Не просыпаясь, она недовольно помычала. Я погладил девушку по спине и на цыпочках пошел на кухню. Лицо у спящей Жасмин было розовое и очень красивое.

Стол напоминал поле боя. Подбитым дзотом раскорячилась печьница. Наши понесли сокрушительное поражение.

Напились я прямо из-под крана. Вода была теплой и противной. Одежда — даже трусы — осталась в гостиной, рядом с диваном, на котором спала Жасмин. Пока умывался, я еще пару раз приложился к холодной воде.

Потом я вышел на кухню, отыскал сигареты и закурил.

— Привет.

Она стояла, опираясь голым плечом о дверной косяк. Все остальное, помимо плеча, у девушки тоже было голым.

Слегка опухшая ото сна. По щекам трогательно размазана тушь. Белобрысая грива спутана. Губы распухли от поцелуев. От моих поцелуев.

— Иди, поцелую.

— Ты уверен, что похмельное утро — это подходящий момент для поцелуев?

— Назови дату, когда тебе удобно.

— Август следующего года. Поставь чайник. Кофе я пью черный, без сахара.

— Без сахара же невкусно...

Я прошел в комнату, а в комнате пахло ею. Раньше же здесь пахло сигаретами, пролитым мимо стакана алкоголем, тоской и плохо приготовленной пищей. И уже сто лет здесь не пахло женщиной.

Я натянул джинсы, закурил новую сигарету и вышел на балкон. Дождя, к которому я успел даже привыкнуть, почти не было. Так, слегка моросило. Небо не нависало, грозя оцарапать макушку, а, как и положено приличному небу, равномерно серело в вышине.

Осень словно выдохлась. У меня даже возникло чувство, что сейчас и не осень, а самое начало весны. Скажем, апрель.

Апрель... Я пустил колечко и попытался вспомнить: чем я занимался в апреле? Перед глазами возникали странные лица, стены полуподвальных помещений... весна называется.

Жасмин неслышно подошла ко мне сзади и обняла за плечи. У нее было теплое и чистое тело... самое красивое из всех, что я видел. Теперь оно принадлежало мне.

Она спросила:

— Пошли пить кофе?

— Кофе вреден.

— Это не кофе. Это ты вреден.

— Как ты думаешь, мне удастся кого-нибудь в этой квартире соблазнить?

— С утра? Вряд ли...

— Это довольно странно. Обычно девушки любят журналистов. Долго уговаривать не приходится.

— Да и как вас не любить? Вы ведь славные парни. Иногда даже бываете трезвыми.

Мы сидели на кухне и пили кофе. Мне хотелось только одного: чтобы это утро продолжалось неделю. Из кофеварки пахло Бразилией, а Жасмин, помаявшись, сказала, что у нее болит голова, соорудила мне забавную рожу и допила остатки водки.

— Мешать кофе и алкоголь? Невкусно же...

— Водка вообще невкусный напиток. Ты же ее пьешь.

— Пью. Но никогда не мешаю с кофе. Это разные удовольствия. Как переспать с женщиной и убить человека.

— Я бы убила одного человека. За занудство. Чего ты ко мне пристал?

— Sorry. Молчу.

— Вот и молчи. Лучше бы ночью что-нибудь сказал. Бутерброд хочешь?

— Да. С ветчиной, если можно. Что я должен был сказать ночью?

— Хоть что-нибудь. Сказать или сделать. По крайней мере не засыпать сразу. С ветчиной я и сама люблю, бери с сыром.

— Я не хочу с сыром. Меня от бесконечного сыра из ленинградского буфета уже тошнит. А заснула первой, кстати, ты. А я охранял твой сон и мужественно смотрел сквозь окно на звезды. Слушая при этом твоё посапывание.

Мы допили кофе, докурили «Лаки Страйк», и Жасмин начала собираться. Стоя в ванной, она красила глаза и кричала мне, чтобы я включил музыку.

Я прошел в комнату, сдвинул в сторону наваленные перед приемником черновики, факсы пресс-релизов и недельной давности газеты и включил радио. Дебил диджей тут же радостно заворковал. Я снова почувствовал, что квартира просто пропитана запахом этой девушки. Странное ощущение.

Я довольно необщительный тип. Особенно с утра. Но я был бы совсем не против, если бы она осталась.

Она жарила бы мне мясо, я бы завел привычку бриться перед сном, и каждый день был бы как волшебная сказка, с обязательной свадьбой в конце...

Да нет, мотнул я головой, глупости.

— Слушай, а если я побреюсь, ты останешься еще на немножко?

Она вышла из ванной. Чистая, совсем одетая. Как будто и не пила вчера. Как будто не ложилась спать в полшестого утра. Как будто не трепетала вчера в моих руках, словно пойманная бабочка. Какая-то другая Жасмин. Не та, что была ночью.

— Думаю, что нет.

— Что ли, не хочешь остаться?

— Просто много дел.

— Какие дела могут быть у блондинок вроде тебя?

— У блондинок вроде меня может быть целая куча дел. Когда-нибудь я тебе расскажу.

Уже открывая дверь, она обернулась и сказала:

— Пока. Я позвоню.

— Пока, Жасмин.

Она расхохоталась.

— Слушай, Стогов, действительно... Я же тебе так не сказала... Вообще-то Жасмин — это китаец придумал. Ему нравилось так меня называть. На самом деле меня зовут Ира.

— Ира?

— Совсем без экзотики. Привыкай. Пока.

Хлопнула дверь, завыл, спускаясь, лифт. Ира? Ирина... Какая разница? Ирка-блондинка. Я вернулся в гостиную, немного прибавил звук радио и плюхнулся на диван.

«Позвоню...»

Она сказала, что позвонит. Я сниму трубку, а она скажет мне, что едет ко мне, и я куплю нам алкоголя, и все повторится тысячи раз. Жалко, что я не спросил, когда именно она позвонит...

Я вытряс из пачки сигарету. Удивительно, какие мелочи запоминаешь иногда в такие ночи, как эта. Я не помнил, как мы дошли до кровати. Зато помнил две смешные детские ямочки у девушки чуть выше ягодич. Я помнил их столь отчетливо, что узнал бы, даже встретив на улице.

Я бродил по квартире, наткнулся на углы мебели, ронял пепел на пол и не обращал на это никакого внимания.

Я давно забыл о том, что лицо женского пола может выступать в моей жизни не только как официантка или сержант милиции, но и в других ролях. А теперь Жасмин напомнила мне об этом, и все внутри просто клокотало.

На самом деле я не такой, как, например, Леша Осокин. Который может за неделю соблазнить четырнадцать гимнасток или фигуристок с ногами полутораметровой длины, а потом прийти ко

мне, завалиться, не разуваясь, на диван и, цыкая зубами, сообщить: «Что-то перевелась, старик, в этом городе классные телки... Ну что ты будешь делать?»

Я не такой. По природе я моногамен.

После того как три с половиной года тому назад я развелся с Натальей, моя жизнь вообще бедна эротическими приключениями. После развода у меня, пожалуй, было всего два продолжительных романа. И около дюжины совсем случайных meetings. Таких, что с утра я не мог вспомнить не только имени избранницы, но и того, где именно я эту избранницу избрал... и не было ли там чего-нибудь качественнее?

С Натальей я развелся быстро. Пять лет мы прожили вместе, а потом — будто щелкнули выключателем и погас свет. Когда свет зажегся снова, я жил в другой квартире, работал на другую газету и вел совершенно другую жизнь.

Иногда она звонит мне, говорит, что читает мои репортажи, вежливо хвалит. Я не звоню ей никогда. Только тупица строит дом на пепелище. Я и не строю.

Наталья — одна из самых красивых женщин этого города. Приятели рассказывают, что недавно она стала редактором отдела. Получает раза в полтора больше меня.

Вспоминать о подругах, бывавших в моей квартире после Натальи, еще противнее, чем о развалившемся браке.

Первой мое одиночество скрашивала девица со здоровенным бюстом и обалденным хриплым голосом. Не спрашивайте, откуда она взялась и куда делась.

Было это сразу после того, как мы с Натальей разменяли квартиру. Тогда мне казалось, что какая-то женщина обязательно должна быть рядом. Не одна, так другая. Как иначе? Понять, что я ошибаюсь, стоило большого труда. Избавиться от девицы стоило большой крови.

После этого, наученный горьким опытом, я где-то с год вел образ жизни почти спартанский. Меньше женщин — меньше проблем.

В конце минувшей зимы я писал для небольшого журнала. В журнале был зануда-редактор, а у него была секретарша Лена. Когда я понял, что ситуация выходит из-под контроля, было уже поздно.

Пить Лена любила, но не умела. То есть абсолютно. В каждый свой приезд ко мне Лена напивалась до чертиков и потом, пребы-

вая в состоянии алкогольного транса, так голосила в постели, что соседи несколько раз порывались вызвать милицию.

С собой Лена привозила порнокассеты. Жуть, да? Насмотревшись немецких киношек, она выкидывала потом такие коленца, что, бреясь по утрам, я стеснялся смотреть своему отражению в глаза.

Ей что — с утра она никогда ничего не помнила. А каково мне? Я, между прочим, как бы пьян ни был, ничего не забываю. В общем, с Леной тоже не срослось.

Но главное — все эти истории были скучны. Я болтался с подружками по найт-клубам, пил с ними виски и «Бейлиз», а как-то с Леной мы умудрились за день поесть мяса крокодила в «Афродите» на Невском, плова с анашой в «Синдбаде» на Васильевском острове, а потом в «Кукараче» на набережной Фонтанки вытрескать бутылку мексиканской кактусовой водки «Пепе Лопес» с лежащей на дне личинкой гусеницы. Правда, по насыщенности этот денек был не вполне обычным даже для меня.

Я дрался из-за дам, я брал их с собой на интервью, когда в город приезжали импортные звезды, а с той, первой, грудастой девицей я как-то занимался любовью прямо на «Чертовом колесе» в Лунапарке. Ночью, пьяный, под проливным дождем. Причем «Колесо» запустил самостоятельно. Когда приехала милиция, я еле откупился от заспанных сержантов...

И все равно было мне скучно. Ничего, кроме облегчения, не испытывал я в тот момент, когда романы подходили к концу.

А теперь все было иначе. В самую первую утреннюю минуту, когда, открыв глаза, я увидел, что на груди у меня лежит белокурая голова, я понял — теперь все будет иначе. Я чувствовал себя так, словно за окном и в самом деле была весна, и повсюду цветет сирень, а просыпаюсь я от того, что солнце, зараза, слепит сквозь шторы и раскаляет воздух в квартире так, что нечем дышать и сразу хочется в душ.

Я почувствовал, что сигарета дотлела до фильтра и обжигает мне пальцы. Только тут я расслышал: в дверь кто-то звонит.

Я открыл дверь. На площадке стоял майор госбезопасности Владимир Федорович Борисов. В пиджаке и до блеска начищенных ботинках.

Вот уж кого не ожидал.

— Здравствуйте. Илья Юрьевич, можно к вам?

— Что-то случилось?

— Случилось. И серьезное.

Лужи.

Вода сверху, вода снизу. Мокрое небо извергало на мокрую землю океаны воды, и человеку не было места в этом вымокшем скользком мире. Выжить здесь мог бы лишь Ихтиандр, но я Ихтиандром не был.

Весь день остервенело лил дождь. Он торопился взять реванш за утреннюю паузу. За утро, когда мне вдруг показалось, что сквозь тучи на мир глянуло солнце.

Я шагал прямо по лужам. Ботинки были мокрые, джинсы тоже. Я брызгал на плащи и куртки прохожих, но те не возражали. По крайней мере вслух не было произнесено ни единого грубого слова.

Было, наверное, во мне что-то такое, что подсказывало прохожим: безопаснее промолчать и идти дальше. Целее будут.

Несколько часов назад я вплотную подошел к грани, отделяющей просто подпитие от свинского состояния. И с тех пор семимильными шагами двигался вперед.

Сразу после того, как из квартиры вышел майор Борисов, я надел куртку, обулся и вышел из дому. Перешел дорогу, купил бутылку водки, вернулся домой и выпил ее всю. Из горлышка, не снимая куртки. Как воду жизни. Как лекарство от жизни.

Я не думал, куда иду. Не хотел думать. Стоило позволить сознанию начать свою блудливую работенку, и оно тут же, лбом об стену, наталкивало меня на то, о чем думать было столь больно, что проще было бы умереть.

Поэтому я просто шагал и считал шаги. Ноги свое дело знали и привели меня куда нужно.

Зеленая неоновая вывеска «Rose Garden». Ночной клуб. Внутри — тепло и уютно... стучит музыка. Впрочем, какая разница? Это могла бы быть и рюмочная с липкими столами. Мне наплевать.

Перед входом стояла пара охранников. Парни разглядывали девушек. Те толкались неподалеку от женского туалета. Охранники посмотрели на мои выше шиколоток мокрые брюки и нарушенную координацию. Однако, поведив вокруг плаща металлоискателем и убедившись, что гранатомета у меня с собой нет, пропустили внутрь.

Я заплатил за вход и поплелся в бар.

— Что у вас есть... самое крепкое?

— Рукопожатие.

— Сейчас я дотянусь до тебя и выколю тебе, уроду, глаз... **Правый!**

— Текила, джин, водка, виски трех сортов.

— Водки.

— Сколько?

— Всю, сколько есть.

— Я налью вам двести. Идет?

— Двести пятьдесят.

— Садитесь за столик, вам принесут.

Столики были в основном заняты. Я подсел к здоровенному рыжему парню, сидевшему у забрызганного окна и пившему пиво. Не вздумал бы он лезть ко мне с разговорами.

Господи, как глупо! Что за жизнь... Ты ступаешь на зеленую солнечную лужайку, а она оказывается трясинной. Мы предаем, нас предают, кто-то становится изменником, кто-то завтра изменит изменнику.

А ведь я почти поверил, что все будет хорошо.

Девушка в юбке, стянутой так низко, что я видел настоящий цвет ее волос, принесла мне водки.

Водка была честна со мной. Она не обещала того, чего не может дать, зато целиком давала то, что может. Выпиваешь немного напитка, и уже не жизнь пугает тебя, а ты начинаешь пугать жизнь. Справедливо?

Я отхлебнул из стакана, сложил руки на столе и положил на них тяжелую голову. Господи! Ты все можешь! Сделай так, чтобы этот мир не был таким дерьмом, как сейчас. Пожалуйста...

Потом я все-таки разговорился с рыжим. Сказал ему что-то... не помню точно, но вроде бы про любовь.

Мы заказывали алкоголь и пили его и заказывали опять. Перед глазами у меня плавали красные пятна, а воздух в клубе дрожал, как в знойный день.

«Любовь штука особая», — говорил мне парень. «Это точно!» — говорил я. Бармен переводил взгляд с нас на секьюрити и обратно.

Мир терял четкость очертаний. Теперь он был очень пластичный: лепи что хочешь. Теперь мир принадлежал мне... только у меня совсем не оставалось сил, чтобы хорошенько над ним поработать.

Я опустил голову на край стола. «Тебе плохо?» — спросил рыжий. «Мне хорошо», — сказал я. Я почти не слышал его. Последняя водка была явно лишней.

Потом мы с рыжим отправились на танцпол объяснять девушкам про любовь... и рыжий пер через ограждения к будке диджея, чтобы заказать для классного парня Илюхи любимую песню... потом мы пошли блевать в женский туалет, но не сориентировались в пространстве и вместе упали на чей-то столик... своротили тарелки и бутылки... потом секьюрити все же решили принять меры, но мы были тоже не промах и вдвоем с рыжим пробили-таки себе дорогу к выходу, порвав пиджак одному охраннику и в кровь разбив лицо второму... а потом мы бежали проходными дворами, и падали в лужи, и прислушивались: нет ли погони?

Мы сидели в пустом мокром дворе, тяжело дышали и курили одну на двоих сигарету. Свою пачку «Лаки Страйк» я оставил в клубе.

— А что? Суббота началась бодренько.

— Суббота?

— Полночь миновала. Значит, сейчас суббота.

— Да?

— Куда пойдем?

— Никуда. Я — домой.

— Что так?

— Сегодня вечером мне предстоит важное дело.

— Действительно важное?

— Очень важное. Может быть, самое важное за несколько последних лет.

17

— Валера, а ты в боковых помещениях все запер?

— Запер.

— В прошлый раз тоже говорил «за-апер». А настоятель потом ругался. Пришел в понедельник, а двери нараспашку, в кельях сквозняк.

— Честно. Запер. Двери запер на ключ, а ключ повесил на щиток.

— А окна на той стороне проверил?

— Не успел.

— Иди проверь. Если окно откроется, знаешь какая лужа натеет за выходные?

Невидимый из моего укрытия Валера, судя по звукам, пошлепал проверять окна.

Я попробовал разглядеть, сколько времени. Единственный фонарь болтался по другую сторону от дацана. Я не мог разглядеть не только циферблат, но даже руку, на которую были надеты часы.

Вечерняя служба в монастыре закончилась. Прихожане разошлись. Монахи во главе с настоятелем уехали до самого понедельника. Только двое сторожей никак не могли окончательно убедиться, что окна задраены, двери в кельи закрыты и вверенный объект пребывает в безопасности.

Я стоял вжавшись в стену монастырской пристройки. Из-за противоположного угла дацана слышались шаги исполнительного Валеры.

— Ну как? Все заперто?

— Все.

— Хорошенько проверил?

— Хорошенько.

— А собаку спустил?

— Ну какая собака? Ты на погоду посмотри. Ее из будки и мясом не выманишь.

Секунду поколебавшись, собеседник согласился:

— Ладно, запирай двери, пошли.

Позвякав в темноте ключами, сторожа спустились с крыльца, вышли за калитку и, прощаясь, пожали друг другу руки:

— До понедельника.

Теперь только дождь лупил по жестяной крыше пристройки да скрипел, покачиваясь на ветру, фонарь. Я остался один. Нащупав в кармане сигареты, вытащил одну, щелкнул зажигалкой, укрыв ее от сплошной стеной идущего дождя.

Через пару затяжек сигарета промокла и сломалась у самого фильтра. Вот и покурил.

Ничто не мешало мне делать то, зачем я сюда пришел. Можно было приступить.

Попасть внутрь через массивные центральные двери, запертые на громадный амбарный замок, можно было только с помощью стенобитной машины. Так что остается окно.

Окна в дацане были прорезаны на трехметровой высоте. Побродив вокруг здания, я отыскал окошко, под которым росло подходящее деревце, и швырнул в стекло заранее припасенный булыжник.

Последний раз я бил окна лет пятнадцать назад. Но попасть удалось с первого раза. Талант, наверное.

Я прислушался. Вроде бы тихо. Что там насчет собаки говорили сторожа? Встретить сейчас сторожевую собаку было бы как раз кстати. Скажем, голодную, спущенную с цепи кавказскую овчарку.

Я вскарабкался по дереву и, повиснув на одной руке, принялся вынимать из оконной рамы осколки. Крупные кидал вниз на траву, а мелкие проталкивал внутрь. Когда рука онемела от напряжения, я плюнул на оставшиеся мелкие осколки и полез внутрь. Перекинул ноги, стараясь не пораниться, прополз животом. спрыгнул.

Лететь было довольно высоко. Курткой я зацепился за торчащий из рамы осколок стекла, а ладонью угодил прямо в кучу стекол под окном. Кровь тут же закапала на пол. В темноте она казалась черной.

Я приложил к порезу носовой платок и огляделся по сторонам. Молитвенный зал. Очень хорошо. Нужная мне дверь находилась здесь же, слева за статуей Будды. Я уселся на постамент статуи и полез за сигаретами.

Ковер на полу был ворсистый, гасящий звуки. Свет сквозь окна почти не проникал. Сидел бы тут и сидел. В темноте матово отсвечивал золоченый Будда.

Не мог ты, парень, выдумать религию попроще, а? Чтобы, например, без человеческих жертвоприношений? Одни неприятности, блин, от твоего изобретения. Я затушил сигарету, поднялся и вышел на лестницу, ведущую на крышу дацана.

На лестнице пришлось подсвечивать себе зажигалкой. Более или менее светло было только к четвертому, последнему, этажу. Сквозь дыры в застекленной крыше падал дождь и был виден одинокий уличный фонарь, торчащий перед монастырем.

Я задрал голову. Мерзкая парочка была на месте. Жирный бог-мститель Махакала. Похотливая богиня-шлюха Шакти.

Фонарь на улице слегка покачивался на ветру, тени скользили из стороны в сторону, и оттого казалось, будто божественные супруги строят мне рожи.

Архитектор, строивший монастырь, умудрился разместить статуи практически на самом коньке крыши. Если бы не строительные леса, взобраться туда мог бы только альпинист. А по лесам вроде долезу... Я прикидывал: здесь поднимусь по лесам, там перейду по карнизу... Только в самом конце мне, скорее всего, придется повиснуть на руках...

Голова немного болела. Прежде чем лезть, я выкурил еще одну сигарету. Трубы строительных лесов были мокрые и холодные.

Сперва я следил, чтобы не перепачкать голубые джинсы ржавчиной. Потом плюнул. Правая рука, левая нога. Левая рука, правая рука. Вниз я старался не смотреть. Далеко ли до тебя, потаскушка Шакти? Сгорая от страсти, ползу, дабы припасть к твоим тибетским чреслам.

На самом верху было холодно и сквозь дыры в крыше тянуло ветром. Чтобы дотянуться до статуи, мне нужно отцепиться от лесов, встать во весь рост и подпрыгнуть. Ненамного — сантиметров на пятьдесят.

И если с первого раза я не смогу ухватиться, то успею вдоволь наораться, пока, сшибая леса, буду лететь вниз.

Отцепить пальцы от ржавой трубы было сложнее, чем распахнуть рот, поднести к нему бокал пива и, не попробовав, поставить бокал обратно на стол.

Я отцепился, стараясь не смотреть вниз, потихоньку распрямил ноги и поднялся с корточек. Над головой, раскинув длинные стройные ноги и уперев пальцы в соски громадного бюста, возвышалась Шакти.

Полуприкрытыми похотливыми глазами она смотрела прямо на меня и растягивала губы. Зря, дура, улыбаешься. На меня такие фокусы не действуют. Вернее, действуют, но не очень сильно.

Подпрыгнуть, оторвать ноги от твердой поверхности, ухватиться за навес, на котором стояла статуя, и подтянуться на руках. Всё просто.

Я поглубже вдохнул, присел и — прыгнул. Еще до того, как успел хорошенько испугаться собственной решительности. Обеими руками, сдирая ногти, я ухватился за правую ногу статуи, подтянулся, вжался в нее щекой и замер.

Потом, громко дыша, я начал подтягивать правую ногу. Стоило мне упереться ногой в навес, перенести на нее центр тяжести и начать подтягиваться, как сгнивший цемент развалился у меня под ногой. Часть навеса отделилась от стены и ухнула вниз огромным центнеровым куском.

Вжавшись в холодную ногу статуи и чувствуя, как седею, я слушал... а звука не было. Целую вечность, миллионы и миллионы лет не было НИКАКОГО звука! Только потом где-то далеко внизу тяжело ухнул об пол обрушившийся кусок.

Рук я уже не чувствовал. Сипящим шепотом я матерился на всех выученных в жизни языках. Вряд ли эти стены слышали подобные словечки. Со второй попытки я все-таки закинул ногу на

помост, извиваясь как французская лягушка, вполз на навес всем телом и откатился к дальней от края стене.

Ни единой мысли. Абсолютно никаких чувств. Только вдох и выдох, вдох и выдох. Живой. Не упал. Хорошо!

Я сидел у стены, медленно курил сигареты и никуда не спешил. В целом мире не было ничего такого, ради чего стоило бы спешить.

Я кидал окурки вниз и с удовольствием ждал, пока они шелкнут, долетев до самого низа. Куртка была разодрана в клочья, перепачкана ржавчиной, цементом и древней пылью.

Когда консул Дэн привел меня в дацан, то оттуда, снизу, статуя показалась мне знакомой. Я никогда не интересовался буддийским искусством. Я точно знал, что впервые в жизни вижу изображение тибетской богини. И тем не менее...

Статуя раскидывала ноги, изгибала ноги в форме вопросительных знаков. Предлагала подумать. Вспомнить.

Мне потребовалось услышать от умирающего бандита слово-пароль «бриллианты», чтобы сообразить: профессор Толкунов... мантра расстрелянного востоковеда... «ввожу свой сияющий бриллиант в твоё, богиня, влагалище...».

Можете называть меня извращенцем. Я и есть извращенец. Я влез ночью в монастырь, карабкался по лесам на двадцатиметровую высоту, чуть не сорвался вниз и разорвал модную куртку с единственной целью: сунуть ладонь между ног богине Шакти.

Вот я буду идиот, если там окажется лишь то, что может оказаться между ног у богинь.

Я подтянул ноги, сел на корточки, стараясь не подползать близко к краю, подобрался под выпяченный таз богини. Пригляделся. Богиня была изображена во всех анатомических подробностях...

ТЬфу! Это просто кусок камня. На женщину это похоже только формой. Я протянул руку, и ладонь вошла в прорезь, ровно между ног богини. Есть!

Я отполз обратно к стене и взглянул на добычу. Из влагалища богини удалось извлечь две коробочки. Небольшие, обтянутые голубым бархатом, совершенно одинаковые. Почему две? Я поковырял ногтем защелку одной из коробок. Поддалась она хотя и не сразу, но довольно легко.

Внутри коробочки лежал клочок бумаги. Старый, пожелтевший от времени, второпях вырванный из тетради.

Я нащупал в кармане зажигалку, шелкнул, прикрывая пламя ладонью.

«Аллочка!..»

Почерк был сбивчивый. Огонек зажигалки скакал на ветру. Текст записки я разбирал с трудом.

«Аллочка! За мной, похоже, пришли. Если ты сейчас читаешь эту записку, значит, ты получила мое письмо с мантрой и обо всем догадалась. Умница! Прошу тебя — увези Шань-бао из этой проклятой богами страны. Владимир Борисович обещал мне, что поможет вам с Сережкой перебраться в Румынию. Позвони ему, телефон А-14-20. Если мне не удастся выйти, то знай — я всегда любил только тебя. Да хранит тебя Бог. Твой Витя».

Я убрал зажигалку в карман. Ветер гудел в разбитых окнах.

Ровно семьдесят лет назад востоковед Виктор Кострюков заканчивал рабочий день. Убирал экспонаты в коробки или чем он там еще занимался?

Они зашли в кабинет вон через ту дверь вниз. Двое или даже трое. Вежливых, гладко выбритых, похожих на майора Борисова. Кострюков все понял, попросил у них десять минут на сборы и принялся лихорадочно соображать, куда бы ему засунуть алмаз?

Кто такая Аллочка — я уже, наверное, никогда не узнаю. Жена? Сестра? Симпатичная аспирантка? Он был неплохой парень, этот Кострюков. Понимал, что всё — кранты, но думал об этой своей Аллочке.

И засунул свой сияющий бриллиант между ног сладострастной тибетской кобылке... А десятилетия спустя вынул его оттуда я.

Я выкинул вниз до фильтра докуренную сигарету и посмотрел на вторую коробочку. В жизни не держал в руках ничего драгоценнее обручального кольца. Я ногтем подцепил край коробочки и приоткрыл.

...Захлопнув футляр, я зажмурился. Это было как удар по глазам. Молния — и на мгновение мир превращается в негатив. Камень даже внешне напоминал череп — изгибы поверхности складывались в очертания мертвой человеческой головы.

И он совсем не сиял, этот камень. Он был словно черная дыра, выпивающая свет из окружающего мира. Он действительно потряс меня.

Я спустился вниз автоматически. В глазах рябило, и я не обратил внимания на то, что, когда я уходил, молитвенный зал был темн, а теперь в нем горел свет.

Разумеется, я не думал, что просто приду, заберу камень и поеду домой отсыпаться. Но когда неприятности все-таки начались, я еще не был к ним готов.

— Стогов, Стогов... тебя предупреждали, а ты — тупой.— Приоб-
няв блондинку Жасмин, посреди молитвенного зала стоял плечи-
стый и бритоголовый бандит Дима.

18

Я огляделся. Раз, два, три... Всего шестеро. И неизвестно, сколь-
ко еще на улице.

Поиграть в Тайсона? Если выставить башку рогами вперед и ло-
мануть к дверям, то двоих-троих я бы, пожалуй, даже сбил с ног. Но
уйти мне бы не удалось. Все равно бы не удалось.

Блондинка выглядела ленивой и равнодушной. А Дима, как и в
прошлый раз, танцевал на грани истерики.

Он снял руку с девушкиной талии и прошелся по ковру. В пра-
вой, опущенной руке парень держал большой пистолет. К встрече
он подготовился основательно.

— Прикольно здесь, в монастыре. Никогда раньше не был. А ты?
Я промолчал.

— Золоченый мужик это кто — Будда? Чего молчишь?

Я промолчал еще раз. Немного по-другому.

— Дурак ты все-таки, Стогов. В газете работаешь, книжки Буд-
ды наверняка читал. А все равно дурак... Кого ты собирался обма-
нуть? Меня? Знаешь, чего ты добился? Ни хрена ты не добился.

Он остановился и порассматривал мою разорванную куртку. Он
был на голову выше меня, поэтому рассматривал сверху вниз.

— Давай сюда камень. Проигрывать нужно уметь.

Я все еще молчал. Интересно, если я попытаюсь допрыгнуть до
него, он действительно станет стрелять?

— Ну?

Разумеется, шансов не было. Разумеется, я это понимал. И все
равно попробовал. С первого раза до его подбородка я не дотянул-
ся. А попробовать второй раз мне не дали.

Я лежал вжатый лицом в ковер. Один из Диминых убийц нава-
лился мне на руки. Ноги держали двое. Сам Дима, тяжело дыша,
шарил по карманам моей куртки.

Он нащупал коробочки, встал, отряхнул колени, отошел подальше.

— Почему две? Ира, почему коробочки две?

— Не знаю.

— Ира, здесь два бриллианта, да?

Убийцы несколько раз ударили меня ногой, за подмышки подтянули к колонне, прислонили к ней спиной. Когда я отдышался и поднял глаза, Дима пытался прочесть записку из первой коробочки.

Потом он сунул коробочку в карман и ногтем поддел крышку первой.

— Ох, ни хрена себе!..

Алмаз они рассматривали долго.

— Ира, это он, да? Он?

Блондинка медленно подошла поближе и заглянула в коробочку:

— Он.

— Тот, что мы искали, да?

— Это тот самый камень. Алмаз Шань-бао. Камень Желтого

Императора.

— Краси-ивый.

Они тяжело дышали, вполголоса матюгались от восторга и перебирали толстыми ногами.

— А почему у него форма такая... Странная... Как будто череп...

— Трупным ядом разъело.

— Да?

— Этот камень шестьсот лет пролежал во рту у покойника.

— Иди ты!

— Это длинная история. Но зато интересная. Рассказать?

Блондинка полезла в карман куртки за сигаретами.

— Расскажи.

— Хорошо. Сейчас расскажу.

Жасмин закурила, выпустила струю дыма и начала говорить. У нее был скучный голос университетского лектора:

— Этому камню две с половиной тысячи лет. Китайцы называют его Шань-бао, «Череп императора», и боятся как огня. Это один из самых крупных и самый древний бриллиант на планете.

Его история началась за семьсот лет до Рождества Христова, когда на приисках в джунглях Индокитая его нашел безымянный раб. Тогда этот камень был больше, он весил почти сто граммов и его еще не называли этим именем.

Чтобы вынести алмаз с прииска, раб всадил нож себе в бедро, засунул алмаз внутрь раны и только так смог преодолеть все линии охраны прииска. Три года камень пролежал под досками пола в его хижине, а затем раб сбежал, добрался до Шанхая и предложил камень скупщикам краденого.

Скупщики заманили раба в гавань и той же ночью утопили его. А камень был вскоре продан за двадцать тысяч юаней поставщикам императорского двора. Всего через месяц убийца раба был найден повесившимся. На собственной косе...

Девушка докурила, бросила сигарету, раздавила ее ногой.

— Желтый Император Цинь Ши хуан-ди влюбился в алмаз сразу, как увидел его. Он велел придать ему соответствующую размерную огранку и шлифовку. После этого камень потерял в весе почти половину, но даже мелкие осколки были оценены в сто сорок четыре тысячи юаней. По тогдашнему курсу это двадцать — двадцать пять миллионов долларов.

Император Цинь-Ши правил Китаем долго и похоронен был с почестями. В день похорон вокруг могилы Желтого Императора живьем закопали в землю почти сорок тысяч рабов и рабынь. А камень император завещал положить себе, мертвому, в рот.

Говорят, живьем закопанные рабы умирали долго и мучительно. Земля вокруг могилы шевелилась несколько недель. И все это время рабы проклинали своего беспощадного господина.

От этих проклятий тело Желтого Императора пропиталось жуткими ядами, от которых нет противоядий. Яды были столь сильны, что смогли разесть даже алмаз. Китайцы считают, что камень проклят и каждый, кто дотрагивается до него, обречен. Недаром у камня такая странная форма: форма мертвой человеческой головы.

— Интересное, блин, кино.

— Да? В следующий раз камень всплыл только через шестьсот лет. В смутную эпоху Пяти Воюющих Династий на границе задержали караванщиков, пытавшихся вывезти Шань-бао за пределы империи. На допросе они показали, что купили камень у семьи Фан — знаменитой династии осквернителей могил. Караванщиков четвертовали на месте. А алмаз был отправлен в императорскую сокровищницу.

Почти две тысячи лет китайцы боялись даже прикасаться к проклятому бриллианту. Иногда камень пытались украсть. Каждый раз воры не протягивали и месяца. Их хватили, передавали в руки придворных палачей, и те разрубали их тело на тысячу кусков.

А сто лет назад последний китайский император решил продать древнюю драгоценность. Переговоры продолжались несколько лет. В результате за шесть миллионов франков Шань-бао выкупил французский коллекционер.

Чтобы вывезти алмаз в Европу, француз нанял целую армию. Это было бесполезно. Китайцы верят, что камень сам определяет свою судьбу.

Алмаз выбрал нового хозяина. В тысяча девятьсот тринадцатом году обоз, доставлявший бриллиант во Францию, попал в засаду, конвоиры были перебиты, а алмаз попал в руки Джи-ламы...

— Это кто?

— Тибетский революционер.

Я слушал эту историю, и мне казалось, что Жасмин говорит не с Димиными убийцами, а только со мной. На улице была ночь и шел дождь, а девушка стояла посреди заляпанного моей кровью буддийского монастыря и рассказывала мне неправдоподобные легенды.

— Джи-лама постоянно носил алмаз с собой. Тибетцы тоже верили, что камень проклят и несет несчастье. Они боялись на него смотреть, и, когда Джи-лама погиб, никто не смог описать, как выглядел Шань-бао на самом деле. Одни говорили, что это большой и сияющий алмаз, другие — что небольшой и иссиня-черный.

А что было дальше — никто толком не знает. В начале тридцатых в Тибет приезжал ленинградский профессор Виктор Кострюков. Камень оказался у него. Кострюков привез камень в Ленинград и спрятал здесь, в дацане. А наш друг Стогов его нашел.

Жасмин полезла за сигаретами. Она неторопливо затягивалась и подолгу выдыхала дым длинными струями. Затянулась — выдохнула, затянулась — опять выдохнула. Она чего-то ждала...

Дима покачал коробочку на ладони, убрал ее в карман куртки, подошел ко мне поближе и посмотрел опять сверху вниз.

— Знаешь, Стогов, наверное, я тебя сейчас застрелю.

— Мне будет жаль.

— Я не люблю убивать людей. Но тебя по-другому не успокоить.

— Ты совсем-совсем не любишь убивать людей? Зачем тогда ты прострелил голову китайскому бизнесмену?

— О чем ты?

— Да как тебе сказать? Был у меня один дружок, покойник. Пошел как-то в клуб, потанцевать. Больше его живым и не видели...

— Ты о «MoonWay»? Это не я.

— Честное слово, не ты?

— Нет, это Леха Молчун. Я его попросил как человека — посмотри, что у китайца в карманах. А он?

— Зачем тебе знать, что у постороннего китайского бизнесмена в карманах?

— Ирка сказала, что камень со дня на день появится. Осталось, мол, децл: бумагу отыскать, и всё. А что за бумага — не сказала. И мне пришлось послать Леху глянуть. Чтобы он посмотрел, что к чему.

— Веселая компания. Никто никому не доверяет.

— Мудак он был, этот Леха. Зачем полез? Схватил китайца, за-тащил в туалет, начал трясти. А тут ты: «Откройте, откройте!» Леха решил, что, раз ломятся, значит, засада. Всадил китайцу пулю в голову и убежал. Я, кстати, очень из-за этого расстраивался.

— И поэтому решил застрелить самого Леху?

— Я? Ты меня спрашиваешь? Не, пацаны, вы видели? Я — Молчуна? Да это ж ты его... у себя в Лениздате...

— Вы ошибаетесь оба. Его убил я.

В спокойном голосе не было слышно ни малейшего акцента. Автоматные очереди затрещали, словно рвущаяся материя. Парни, стоявшие у дверей, повалились, как сбитые кегли.

Дима схватился рукой за колонну и стал оседать на пол. Было видно, как не хочется ему падать. Он пытался зацепиться хоть за что-нибудь, но остановиться уже не мог и заваливался все дальше назад. На белой колонне остался отпечаток его окровавленной пятерни.

И со всех сторон в зал врывались приземистые китайские командос в черных прорезиненных комбинезонах.

19

Есть такая игра — вы кладете свои ладони поверх ладоней партнера, а он пытается хлопнуть вам по тыльной стороне рук, и, когда это у него получается, ваши руки меняются местами.

Тот, кто ведает моей судьбой, решил от не фиг делать сыграть со мной именно в эту игру. Ладони мелькали в воздухе, как птичьи крылья.

Коммандос ходили по залу и добивали бойцов Диминого отряда. Ногой переворачивали тела вниз лицом и стреляли из пистолета в затылок. Из одного и того же пистолета, который каждый раз передавали друг другу.

На Дэне был такой же черный комбинезон, как и на остальных. Он стоял посреди зала и отдавал отрывистые команды по-китайски. Подойдя к дырявому телу Димы, китаец вытащил из кармана

джинсов покойника коробочку и, не заглядывая внутрь, убрал ее в нагрудный карман комбинезона.

Жасмин наклонилась надо мной и положила свою ладонь поверх моей:

— Тебя не задело?

Разговаривать мне с ней не хотелось. Я просто убрал руки в карманы разодранной куртки и даже не подумал встать с пола.

— Что ты молчишь?

— А что здесь можно сказать?

— Ты ранен?

— Слушай, не лезла бы ты ко мне. Забирай свой чертов Шаньбао и рули.

— Вчера ты разговаривал со мной по-другому.

— Может, это потому, что меня не отвлекали размазанные по стенам мозги?

Она молчала, и я добавил:

— И потом, вчера я еще не знал, кто ты.

— Да? А кто я?

Она выпрямилась и достала из кармана сигареты.

— Ты Ирина Ляпунова. Аспирантка профессора Толкунова. Ныне покойного... Дай сигарету.

Она протянула мне пачку. Я прикурил... выдохнул дым.

— Это ты написала книжку «Загадки Джи-ламы». Кстати, интересная книжка. В прошлом году во время исследовательской экспедиции в Тибет ты погибла. Сорвалась со скалы и — вдребезги...

— Ну и что все это меняет?

— Терпеть не могу, когда мне врут.

— Ты что — спрашивал меня, доводилось ли мне погибнуть в Тибете, а я ответила, «нет»? Ты не интересовался моей биографией. А я не лезла к тебе с разговорами...

— Ты врешь всем: Ли, профессору, Диме, мне... ты и Дэна обманешь. Только он об этом еще не знает.

Она помолчала. Потом сказала:

— Тебе я не врала никогда.

— Иди ты?!

— Когда я тебе врала?

— Ты спала у меня в квартире! Ты пила со мной кофе! А сама просто хотела узнать, что мне известно о камне! Ты спала со мной! А после этого взяла и привела сюда целую банду головорезов. Это не обман?

— Я никогда не обманывала тебя в том, что касается наших личных отношений.

— У нас есть личные отношения?

— А как ты думаешь?

— Я не думаю. Я дрожу от страха. Ты замечала, что все, у кого возникают с тобой личные отношения, очень быстро становятся трупами?

Из-за спины Жасмин появился Дэн. Он был маленький и очень уверенный в себе. Мне были хорошо видны его руки: ухоженные и чистые. А мои руки были разбиты, окровавлены, грязны.

Он стоял, а я по-прежнему сидел. Мерзкий тип.

— Добрый вечер, консул. Зачем вы убили всех этих людей? Теперь вас посадят в тюрьму.

— Не думаю. Несмотря на то что всех этих людей убил я, об этом никто не узнает.

— Да? А почему?

— Потому что все будут уверены, что это ваша работа.

— Почему моя?

— Не знаю. И никто не знает. Но улики показывают именно на вас. Ни на кого, кроме вас.

— Что за улики?

— Вот этот пистолет.

Дэн показал мне «макаров», из которого добивали бандитов. Он был черный.

— Из этого пистолета был застрелен профессор Толкунов. И тот юноша с синяком под глазом. Потрясающая сила воли — я был уверен, что он уже мертв. Из этого же пистолета убиты все эти молодые люди. А единственные отпечатки пальцев, которые можно отыскать на пистолете, принадлежат вам.

— Это точно? Что мне?

Дэн кивнул. Он даже не злорадствовал. Он просто знал, что он победитель, а иначе не бывает.

— Слушайте, Дэн. Неужели вы всерьез думаете, будто милиционеры поверят, что это моя работа? Просто потому, что найдут на стволе мои отпечатки?

— Нет, не думаю. Конечно, они не поверят. Может быть, они даже догадаются, в чем здесь дело. Но у них не будет выхода. Начальство станет требовать результатов расследования, и им придется ухватиться за единственную ниточку, которая торчит из этого дела, за ваши отпечатки.

— Дайте мне еще сигарету. Зверски хочется курить.
— Пожалуйста.
— И скажите, зачем вы их всех убили?
— Конечно, вы имеете право знать правду. Если хотите, я расскажу...

— Хочу. Расскажите.

— В прошлом году Ирина приехала в КНР. И нащупала следы знаменитого алмаза Шань-бао, исчезнувшего в начале века. Государственный совет принял решение помогать ей в поисках. Мне было поручено внимательно наблюдать за их ходом и оказывать необходимую помощь. Мы помогли Ирине выйти на мецената Ли Гоу-чженя, который согласился финансировать поиски бриллианта и даже лично приехал в Петербург. В целях конспирации решено было инсценировать несчастный случай, объявить Ирину погибшей и устроить ей небольшую пластическую операцию, которая сделала ее еще привлекательнее.

— Это все я знаю. Я спросил, зачем вы убили профессора и Молчанова?

— Бритого придурка я застрелил из чувства мести. Попросил Иру узнать, кто совершил убийство Ли, и с удовольствием всадил пулю ему в брюхо. Просто чтобы все понимали: нельзя убить китайского гражданина и остаться безнаказанным. Кто же мог знать, что он потащится на другой конец города, к вам в редакцию... Кстати, он успел что-нибудь рассказать?

— В общем-то нет.

— А профессор... Он никак не мог оправиться после смерти Ирины. Горевал, пробовал копать в этой истории. И даже что-то нащупал... После того как вы побывали у него в университете, он в полной истерике прибежал ко мне в консульство и долго орал... весь зеленый, трясущийся... С ним пора было кончать.

Дэн выкинул сигарету и улыбнулся мне:

— После этого, чтобы подстраховаться, я попросил Ирину побывать у вас дома. Порасспросить о том, что именно вам известно относительно Шань-бао.

На самом деле руку Дэна нужно было почувствовать еще тогда, когда я стоял на лестнице перед собственной дверью, искал в кармане ключи и чувствовал запах горячего и сочного мяса.

Этот ходячий пищевод просто физически не был способен додуматься до чего-нибудь более оригинального, нежели снабдить агентессу парой килограммов парной телятины.

Мне было стыдно, и я зажмурился, а когда открыл глаза, то оказалось, что я все еще сижу на полу, прислонившись к колонне, а Жасмин и Дэн стоят надо мной.

— Знаешь, ты, конечно, неплохо все рассчитал. Шансов у меня немного. Но что, если они все-таки есть? Что, если я все-таки уйду отсюда, а? Что ты будешь чувствовать, если я окажусь умнее и сильнее и все равно достану тебя, а?

— Что я думаю? Честно?

— Да. Честно.

— Если честно, я думаю, что у тебя кишка тонка. Со мной, парень, тебе не справиться.

— Это точно?

— Это точно... И потом — никуда ты отсюда не уйдешь. Некоторое время ты вообще не сможешь ходить.

— Почему?

— А вот почему...

Дэн снял автомат с плеча и выстрелил мне в ногу. Чуть повыше колена. Два раза. Автомат выплюнул пули и затих.

В жизни меня много раз били кастетом. Пробовали тыкать в бок ножом. Перепало однажды и киркой, снятой с пожарного стенда. Но, по сравнению с автоматной пулей в бедро, все это детский лепет.

Я не реагировал, когда в руку мне всунули «макаров», и на нем отпечатались мои пальцы. Не сопротивлялся, когда двое командос Дэна вынесли меня во двор монастыря.

Боль начала стихать только через несколько минут. Я лежал на траве. Чуть дальше, сразу за дацаном, стоял вертолет. Небольшой, шестиместный, с застекленным носом.

Рядом со мной на корточках сидела Жасмин. Она смотрела на меня и гладила пальцами по волосам.

— Бедный... Больно?.. Сигарету дать?

— Дай.

Она достала из пачки две сигареты, прикурила их, одну отдала мне. Китайцы залезали внутрь вертолета.

— Стогов. Ответь мне на один вопрос. Можешь?

— Всего на один?

— Не выебывайся. Просто ответь.

— Спроси, я попробую.

— То, что ты говорил в ту ночь... Это правда?

— Дорогая! В вертолете тебя ждут. Беги. Целую.

— Ответь мне.

— Я не хочу об этом говорить.

— Просто ответь мне.

— После всего, что случилось?.. После того как эта китайская задница заявила, что это он тебя ко мне подослал?.. После того как ты предала все, что только могла?..

— Ты любишь меня? Всего одно слово. Да или нет?

— Уходи. Я не хочу тебя видеть.

Жасмин помолчала. Встала с корточек. Посмотрела на вертолет.

— Знаешь, красавчик... Я ведь еще в клубе понимала — не стоит мне с тобой связываться. С такими, как ты, всегда только неприятности. И все-таки я подседа к тебе. И домой я к тебе приходила только потому, что сама этого хотела.

Она докурила сигарету и отбросила ее от себя. Огонек яркой точкой мелькнул в темноте.

— Такие мужчины, как ты, сейчас редкость... За всю жизнь я встречала только двоих... Знаешь, милый, я еще вчера сказала Дэну, что участвую во всем этом, только если он оставит тебя живым. Это было мое условие. Иначе я пас.

— Мне нужно тебя поблагодарить?

— Почему нет?

— За то, что вы с Дэном подставили меня? И я буду отвечать за то, что здесь случилось? Твой Дэн уверен, что мне предстоит долго сидеть в тюрьме...

— Зато ты будешь жить.

— Для тебя это важно?

— Конечно.

И тогда я решился:

— Если ты все это всерьез, то оставайся. Не улетай. Остайся со мной. Пусть они летят одни.

— Я буду всю жизнь помнить тебя, Стогов. Пока!

— Поверь, я вижу дальше, чем ты. Вы еще не знаете этого, но вы уже проиграли!

Жасмин захохотала, запрокинув голову и блеснув в темноте хорошими зубами.

— Ты псих! Пока, милый.

Она чмокнула меня в щеку и побежала по направлению к металлической стрекозе. Она была уверена, что впереди ее ждет долгая, счастливая и обеспеченная жизнь.

Вот и всё, подумал я.

Но это было не совсем всё.

Я знал, что должно произойти. Но все равно зажмурился, когда разом вспыхнули шесть прожекторов, и вертолет оказался в пересечении их лучей.

Из громкоговорителя рявкнул металлический голос:

— Пилот вертолета! Заглушить мотор! Сейчас же заглушить мотор! С земли не подниматься! Повторяю...

Вместо ответа из вертолета раздалась автоматная очередь, и сразу два прожектора, звякнув стеклами, погасли.

Бешено вращая лопастями, вертолет напрягся и оторвался от земли. Рядом со мной на короточках уже сидел майор Борисов.

— Я думал, вы вообще не появитесь.

Майор был одет в камуфляжную форму без погон. На груди у него висел прибор ночного видения. Форма шла ему больше, чем серые костюмчики.

— Извини, что досталось твоей ноге. Здорово болит?

— Что вы будете делать с ними?

— Пока камень у них, мы ничего не можем сделать. Пусть летят.

Кровь из ноги хлестала, как вода из-под крана. Я пытался зажать ее рукой, но получалось плохо.

— У них нет камня. Камень там, внутри, в кармане куртки у Димы... Здоровый такой парень... бритый... Лежит у колонны... Этот китайский кретин перепутал коробки.

— Точно? Это точно?

Я кивнул.

— Федосеев! Ко мне!

Из-за угла вылетел громадный Федосеев в камуфляже и с гранатометом в руках.

— Давай! По нулевому варианту! Камня у них нет.

Десантник вскинул гранатомет на плечо. Я забыл про простреленную ногу и поднялся на локте. Вертолет успел подняться в воздух и разворачивался над Малой Невкой.

Прожектора еще доставали его, но вертолет набирал скорость и через секунду должен был вырваться за пределы видимости.

— Вы что?! Вы по ним?!

Федосеев сосредоточенно вел стволом гранатомета вслед вертолету.

— Охренели? Там же люди!

Пфф-у-у-ух. От ствола гранатомета отделилась огненная струя. Медленно вычерчивая траекторию в темноте, снаряд рванулся за металлической стрекозой.

— Нет!!!

Вертолет успел отлететь на приличное расстояние. Взрывной волной нас почти не задело. Вспыхнул он сразу, весь целиком. Посреди неба расцвел прекрасный огненный цветок.

Несколько секунд вертолет еще продолжал по инерции лететь вперед, весь в сполохах рыжего пламени, а потом начал разваливаться в воздухе и обрушиваться в реку. Внутри черного корпуса что-то продолжало взрываться, и сквозь грохот взрывов был слышен человеческий вопль: долгий, жуткий, замерший на одной ноте...

Последними, выбив сноп искр из каменных плит набережной, в воду обрушились громадные горящие лопасти. Жадно загребая воду, они долго не могли погрузиться и взбивали на поверхности воды тысячи маленьких водоворотиков...

Ослепленный, оглушенный, почти потерявший сознание от потери крови я орал:

— Не-е-ет! Не-е-ет! Там же она!

Майор тряс меня за плечи и все повторял... кричал мне прямо в лицо: «Успокойся! Хватит! Слышишь?! Хватит! Все уже кончилось! Совсем всё!»

20

— Слышь, мэн! По-русски понимаешь, нет? Сколько с меня?

По-русски хозяин общаться не желал. Вместо этого он на пальцах показал сколько. Я положил деньги на стол, сказал, что сдачи не надо, и вышел из кафе. Достал сигареты, закурил, заковылял вниз по мощенной брусчаткой улице.

В Праге я был уже три недели. За это время даже успел освоиться в этом городе. Если сейчас пойти прямо, через мост, то минут через десять доковыляю до Старого города. А если повернуть налево, то выйду к району... как он, черт возьми, называется?.. в котором куча кафешек и дорогого разливного пива.

В Прагу я приехал двадцать пятого ноября. Это был первый день подготовки к Рождеству. Мой «скорый купейный» прибыл на Центральный вокзал, я вышел в зал ожидания, увидел громадную, до самого потолка, елку и понял: что было, то прошло. Теперь все будет иначе.

Нога моя иногда еще побаливала. Распорядок дня я завел себе простенький. Вставал в восемь утра, алкоголь почти не пил, но все

равно часами сидел в кафешках. Любовался на то, как город готовится к Рождеству. В десять вечера ложился спать.

Жизнь удалась...

Я вышел на набережную, послушал шарманщика с кошкой на поводке, выпил кружку пива, постоял перед витриной недорогого ювелирного магазина.

Напротив здорового универмага, в названии которого шло пять согласных подряд, меня перехватил молодой парень в напыленной поперх куртки футболке, на которой читалось: «Друг животных».

— Мы планируем построить новый приют для бездомных собак. Не пожертвуете денег?

Улыбался парень так, словно у него свело мышцы лица. В руках он держал коробку для пожертвований с прорезью сверху.

Накануне Рождества пражане сошли с ума. Сборщики пожертвований (на что угодно — от организации фонда помощи эскимосам и папуасам до инициативной группы по содействию первому полету на Марс) стояли на каждом углу.

Я опустил в коробку крупную купюру.

— О-о! Пан так добр! С наступающим Рождеством!

— Спасибо.

— Вам спасибо! Животным сейчас действительно нужна наша помощь.

Я заковылял дальше. Мне не было жалко денег даже на такое беспонтовое предприятие, как собачий приют. Мне вообще ни на что не было жалко денег.

Скажи мне кто-нибудь еще полгода назад, что на Рождество я окажусь в Праге, с полными карманами наличных, — рассмеялся бы в лицо. Это ж надо, как все обернулось...

Майор Борисов оказался человеком слова. Сам втравил меня в эту историю, сам и компенсировал понесенный урон.

Через пару недель после сцены в дацане ко мне в больницу явились двое тусклых типов в пиджаках и с кожаными портфелями в руках.

Один из типов проинформировал, что по действующему законодательству мне, Стогову И. Ю., 1970 года рождения, как обнаружившему алмаз Шань-бао, в дальнейшем именуемый «Клад», причитается двадцать пять процентов от стоимости вышеупомянутого алмаза. Каковая сумма составляет...

Когда сумма была озвучена, я не поверил. Оказалось — нет, всё правда. Тип достал из портфелей бумаги, оформленные надлежащим образом, и дал мне их подписать.

Смешно: после этого второй визитер объяснил, что сумма государственного налога на причитающиеся мне двадцать пять процентов составляет чуть ли не три четверти от только что названной фантастической суммы.

Я улыбнулся, сказал о'кей, подписал и это. А уже через две недели ковылял по Центральному пражскому вокзалу и мог не париться по поводу денег на протяжении ближайшего миллиона лет.

...Обогнув Старый город с его фантастическими ценами и тысячами полуподвальных баров, я вышел обратно к реке. Посреди большой площади стояла роскошная голубая елка. Вокруг нее дюжинами бродили Деда Морозы.

От долгой ходьбы я немного запыхался, сел на лавочку и закурил. Бегали детишки. Пахло жареным. Между лавочками ходили продавцы всякой фигни. Где-то на прилегающей улице играла музыка.

Вспомнилась ободранная, хмурая елка, которую под Новый год устанавливают на Невском. На этой, из Праги, висело не меньше тонны украшений. Для той, из Петербурга, средств хватало только на гирлянду красно-синих лампочек.

Еще вспомнилось утро, когда от меня ушла блондинка (про себя я так и называю ее — Жасмин) и сразу вслед за ней явился майор Борисов. Оно стало одним из самых неприятных утр за последние годы моей жизни. Утро-рекордсмен в категории «Неприятности».

Как я мог поверить блондинке с лицом ангела? Как можно было всерьез слушать то, что она мне говорила? Вспоминая единственную ночь, проведенную с ней, я видел — дама перла к цели как бульдозер. Впрочем, вы бы на моем месте тоже ей поверили...

Жасмин пришла узнать, что именно мне известно о Шань-бао, — и узнала. Потом пришел майор и вытащил из меня то, что было лень вытаскивать девушке. Я же говорю: так себе утречко.

Я провел майора в комнату, мы сели, и он стал молча доставать из конверта фотографии. Ирка-студентка: молоденькая, короткостриженная, хорошенькая. Она же с профессором Толкуновым — судя по всему, где-то в гостях. Еще раз она — перед отбытием в Китай за материалами для диссертации.

Дальше шли более свежие фотографии. Она и Дэн. Она и Дима в той квартире, где я очнулся привязанным к стулу. Она наблюдает за тем, как меня, шарханутого дубинкой по затылку, впихивают в Дин-мин джип. Наконец, она, одергивая плащ, выходит из моей парадной.

Последние несколько фотографий были сделаны телеобъективом — с большого расстояния и из укрытия. Однако главное на них было видно: я влип.

Чертовы спецслужбисты следили за мной. С самого первого дня, когда в «MoonWay» застрелили китайца. Майор уверял, что это обычный порядок работы со свидетелями. Мне кажется, он врал, и в тот момент они меня все-таки подозревали. Не знаю в чем.

Они начали за мной следить и сразу же обнаружили, что следят за мной не они одни. Спецслужбисты удивились. Затем заинтересовались. Навели справки. Выяснили, что ни милиция, ни расплодившиеся комитеты слежку за мной не устанавливали.

Тогда они попытались установить, кто же ее установил. И направились на настоящий приключенческий сериал.

Выяснилось, что погибшая и вроде бы даже похороненная в Тибете аспирантка профессора Толкунова развернула в городе активную деятельность.

Чем больше людей участвовало в поисках бриллианта, тем теснее становилось их амбициям. Ли не желал передавать алмаз властям, а консульство на этом настаивало. Дима не желал играть роль простого исполнителя, а просил долю. Дэн не доверял ни Ли, ни Диме, ни Жасмин....

Впрочем, даже при таком раскладе Жасмин должна была выиграть. Она бы все равно забрала алмаз себе, потому что она была умнее всех. Но тут появился я.

В тот момент, когда, выпив лишку в клубе «MoonWay», она под села за мой столик, все пошло наперекосяк. Я был лишним в ее плане, и план рассыпался, как любят рассыпаться скелеты из школьных кабинетов анатомии. Лишний повод задуматься о вреде алкоголя и случайных знакомств.

...Я поднялся со скамейки и побрел вниз по улице. К моменту, когда я дошагал до третьего перекрестка, на моем пути встретились семеро сборщиков пожертвований.

Я по-прежнему совал в их ящики свои бабки. Пользуйтесь, чего уж там. Потом я опять устал идти и спустился в кафе. Разумеется, оно было оформлено под Австро-Венгрию времен Первой мировой.

Уютно и чистенько. На стойке бара — украшенная елочка. На окнах — серпантин и гирлянды. Пражские кафе вообще однотипны.

— Чего желает пан?

— У пана болит голова. Пану бы одно пиво. Светлое.

Услышав русскую речь, бармен расстроился, но пива все равно налил. Я сказал ему: «Спасибо!»

За эти недели, что я провел в Праге, я много думал насчет того, что на самом деле произошло тогда в дацане. Сколько народу побы-

вало в монастыре в тот субботний вечер? Пятнадцать? Двадцать? А живым остался я один...

Ни в одной из просмотренных мною в больнице газет о перестрелке и взрыве вертолета не было ни строчки. Инцидент замяли. Несмотря на отсутствие видимой цензуры и все разговоры о свободе слова, лишь малая доля того, что известно газетчикам, бывает опубликована. Уж я-то знаю.

Это не хорошо и не плохо — это просто так. Отнюдь не обо всем можно говорить вслух. Так что, возможно, бриллиант предназначен майором Борисовым совсем не для музея.

Но — больше это не мое дело. Мне плевать. Я попал в эту историю случайно. Блондинка в найт-клубе подседа ко мне за столик — вот и всё. Этот камень никогда не был мне нужен. Больше того: мне не очень нужны даже причитающиеся проценты.

Нет, сначала-то я обрадовался. Еще как! Еле дождался, пока смогу толком ходить, вырвался из госпиталя, побежал оформлять документы...

Я пригубил пиво и улыбнулся. Приехав из больницы в свою опять сырую, опять неприбранную, пахнущую тоской и алкоголем квартиру, я почувствовал: есть шанс все изменить. Не просто поменять работу, друзей, квартиру и привычки. Изменить ВСЁ. Начать еще раз.

Прошло всего три недели, и я был уже абсолютно не способен вспомнить — что следовало начать?.. почему еще раз?

Деньги — это отличная штука. Не стоит даже обсуждать такие банальности. Когда денег нет — это плохо. Когда деньги есть — это хорошо. Однако когда денег ЧЕРЕСЧУР МНОГО, это опять плохо.

Что мне делать со всей обрушившейся горой наличности? Раньше я работал, чтобы не умереть с голоду. Работа у меня была грязная, но в то же время и интересная. А теперь?

Допустим, я куплю себе в Праге квартиру. Даже целый дворец. Заплачу горничной жалованье на год вперед. Съезжу на сафари в Кению. Что потом? Впереди годы и годы...

На ум приходило одно: сопьюсь и кончу дни в приюте для неизлечимых чешских алкашей. Короче, еще вчера я решил: пора завязывать. Пришло время возвращаться.

Прага — это, конечно, праздник, который всегда с тобой, и всё в таком роде. Но — пусть я буду вспоминать об этом празднике изда-лека. Пусть все это будет для меня тем, чем и должно быть, — мечтой. Несбыточной.

Ну а деньги пристрою, решил я. Способ найдется. В конце концов, должен же у меня в стране существовать какой-нибудь Фонд детских домов. Что я в этой жизни действительно люблю, так это детишек. Своих нет, так помогу хоть чужим.

Готов допустить, что такой выход покажется кому-то смешным. Что ж, я не против. Пусть кто-то весело посмеетсяя.

И знаете, стоило мне все это решить, как жизнь снова стала опять интересной. Осмысленной. Появилась даже мысль о том, что если я решил плюнуть на бабки, то имею право хоть оттопырить напоследок?

Вчера я отправился в самый дорогой ресторан, какой смог отыскать по путеводителю, и заказал копченого лосося, гуся с каштанами, кровяной колбасы, устриц, икру, улиток, зачем-то шампанское «Лоран-Порье», а также большое количество водки.

Вчера я казался себе красавцем. Но съесть все заказанное я так и не смог, а из-за того, что накануне я смешивал столь разные напитки, у меня болела голова. Так что теперь я казался себе моральным уродом из анекдотов и просто пил пиво.

Я поискал взглядом официанта.

— Сколько с меня за пиво? Сколько-сколько?

— Да, пан... о-о!.. Пан щедр... Приходите еще.

— Это вряд ли.

— Вам что-то не понравилось у нас?

— Наоборот — все слишком уж хорошо.

Я вышел на улицу. Прага готовилась к Рождеству. Прекрасный город. Может быть, самый красивый город на планете. Но — только после моего. Вымокшего, серого, хмурого. Того, в который я, наконец, возвращаюсь.

У входа в кафе стоял очередной сборщик пожертвований. Молодой, наголо стриженный и опять с коробкой в руках.

— Пане, пожертвуйте на строительство первого в Чехии буддийского монастыря.

— На что?

— На строительство буддийского монастыря...

— Нет. Категорически. Ни копейки.

Парень задрал брови:

— Почему?

Ответил я ему совершенно честно:

— Знаешь, дружище, с некоторых пор я терпеть не могу буддистов...

Часть 2

Коктейль «КРОВАВАЯ МЭРИ» ПО-ИРЛАНДСКИ

Probably, I've got nothing...
but it's more,
than you've got.

*Группа «U-2»,
альбом «Joshua Tree»*

1

«Жирный, непроглядный мрак давил на нее. В горле стоял липкий комок ужаса. Она знала: сейчас... вот сейчас произойдет непоправимое... но остановить происходящее уже не могла.

Мужчина, взгляд которого она ощущала всей спиной, увязался за ней еще у метро. Сперва она решила, что это ей только кажется... и свернула на уходящую в сторону улицу. Потом на другую... третью...

Мужчина не отставал. Когда она наконец огляделась вокруг, то обнаружила, что оказалась на абсолютно незнакомой улице. Мрачный индустриальный район. Зияющие чернотой пустые окна. И только гулкие шаги за спиной...

Все произошло слишком быстро для того, чтобы она успела хоть что-нибудь предпринять.

Она пыталась бежать, поскользнулась, рухнула на землю. Он бросился на нее и прижал к земле всей тяжестью тела. Она пыталась кричать, но из горла вылетал лишь хриплый стон.

Он засмеялся ей прямо в лицо:

— Все! Ты покойница! Но сперва...

Он отбросил полу плаща, и только тут, замерев от ужаса, она увидела, что...»

На моем редакционном столе зазвонил телефон местной связи. Я снял трубку и сказал «Алё».

— Илья Юрьевич? Это Степашин, ваш редактор.

Главный редактор моей газеты Виктор Константинович Степашин начинал карьеру как комсомольский работник. С тех пор у него сохранилась манера говорить о себе в третьем лице: «Это ваш редактор...», «По мнению нашего редактора...», «Давайте будем с уважением относиться к нашему редактору...»

— Слушаю, Виктор Константинович.

— Не могли бы вы зайти ко мне в кабинет? Нет, ничего не случилось. Минут через пять—семь, хорошо?

Я положил трубку и перечитал последнее предложение: «Замерев от ужаса, она увидела...»

За окнами серела осенняя Фонтанка.

Тоска...

День начался с того, что с утра мне, похмельному, с трудом сообщаемому, что к чему, позвонил приятель, спортивный обозреватель нашей газеты Алексей Осокин, который сообщил, что все — он доигрался.

Обратившись в пятницу вечером в районный кожно-венерологический диспансер по поводу рези при мочеиспускании, приятель и обозреватель узнал: то, что должно было произойти, — произошло. Результаты анализов показали: в мазке Алексея присутствуют злые и коварные бактерии гонококки.

С диагнозом «острая гонорея, сопровождаемая хронической формой трихомоноза», он отбывал на лечение в городскую больницу № 6. Как минимум две недели читатели должны были черпать новости спорта со страниц других газет.

Так началось сегодняшнее утро. Денек выдался утру под стать. Возможно, дело в том, что сегодня понедельник.

Полдня я вылавливал в коридорах городской прокуратуры следователя, который обещал сообщить мне подробности поимки серийного убийцы с Лиговского проспекта.

Ближе к обеду следователя я выловил. Но сколь-нибудь внятнoго рассказа от него не добился. Так что запланированное в завтрашний номер повествование под рубрикой «Ужасы ночного города» давалось теперь потом и кровью. А сейчас плюс ко всему я зачем-то понадобился редактору.

Я выбрался из-за стола и затушил сигарету в переполненной пепельнице. Прежде чем идти в кабинет к Степашину, я зашел к ответственному секретарю газеты — насквозь прокуренной, сморщенной тетечке по имени Ира.

Она посмотрела мне в глаза и спросила, чего надо? Если бы я решился ответить честно, то, наверное, сказал бы, что надо мне выспаться... принять душ... и, может быть, поменять образ жизни. Но отвечать честно я не стал.

— Меня Степашин вызывает. А страшилку о Лиговке я где-то на треть только успел написать.

— И чего?

— Как со сдачей полос? Терпит ли время?

— За час никак не успеешь?

— Никак.

Ира выдохнула струю дыма. Он был вонючий. Что за гадость она курит?

— Знаешь, Стогов, а как ты помотришь, если твою кровавую драму мы перекинем на среду?

— На среду? Какого года?

— Я серьезно.

— Разумеется, я не против. Но чем ты будешь заполнять дырку на второй полосе?

Ира покопалась в бумагах и вытащила одну, свернутую в трубочку.

— С утра по сетям информацию передали... По всем прикидкам — бомба.

Я прочитал распечатку компьютерного сообщения.

Оказывается, история с угоном школьного автобуса в Лондоне и взрывом нескольких кораблей в порту Бирмингема, о которой орали все газеты мира месяцев семь-восемь назад, напрямую касалась отечественной внешней политики.

Британская разведка МИ-6 обнародовала заявление, в котором утверждала, что на самом деле тогда, весной, в пригороде Лондона Ист-Энде была накрыта не база исламских террористов, а перевалочный пункт российских спецслужб.

Чем уж там отечественные орлы занимались — то ли денежки отмывали, то ли перепродавали кокаин с целью поправить традиционно бедственное материальное положение, — об этом МИ-6 умолчала. Однако намекала, что дела в Ист-Энде творились неблагоприятные. В цивилизованном мире не принятые.

В марте британские автоматчики окружили штаб-квартиру, разоружили охрану и махом накрыли всех причастных к делу лиц. Кроме одного, самого главного лица — агента-резидента. Каковой, положив на месте не менее шести британских коллег, взял в залож-

ники целый автобус, набитый маленькими британцами и британочками, и, прихватив деньги, умудрился свалить из Лондона, добраться до Бирмингема и там, оставив дымящиеся руины нескольких доков и не менее тридцати трупов, исчез в неизвестном направлении.

Теперь англичане утверждали, что это направление им известно. Путь супершпиона лежал, как они уверяли, обратно в Россию. Теперь им, англичанам, очень хотелось бы видеть супермена в английской тюрьме. По возможности обосновавшись там навсегда.

— Думаешь поставить в завтрашний номер?

— А что?

— Что ли, ты глупая? Ладно, если бы живыми детками прикрывались моджахеды. Так ведь речь о наших орлах... Когда в дерьмо вляпываются соотечественники, неплохо бы согласовать.

— Я согласовывала. Степашин куда-то звонил, говорит, что выпускать можно.

— Ну тогда конечно. Тогда — с Богом. А репортаж я в среду сдам. В первой половине дня устроит?

Ира сказала, что ее устроит. Со спокойным сердцем я постучал в дверь редакторского кабинета.

— Войдите!

В кабинете сидели посетители. Трое парней и рыжая, ослепительной красоты, девушка.

Девушка сидела прямо напротив двери. Не упереться взглядом в ее бюст было невозможно.

— А вот и Илья Юрьевич! Знакомьтесь — ведущий специалист в области острого репортажа, так сказать, гордость нашей газеты — ха! Ха! Ха! — господин Стогов. Никто не расскажет об интересующих вас сторонах жизни города лучше, чем он. А это, Илья Юрьевич, наши зарубежные гости из Ирландии, из города... э-э...

— Из Корк-сити.

— Да-да! Из Корк, так сказать, сити. Знакомьтесь!

Я обвел взглядом зарубежных коллег. Рослые. Зеленоглазые. Длинноногие. Первый (небритый, длинноволосый, одетый в кожаную куртку и черные джинсы) сказал:

— Брайан Хьюсон. Я сотрудник небольшой газеты «Войс оф фридом». Это студенческая газета Коркского университета.

Второй (подтянутый, хмурый, с тяжелым подбородком и носом боксера) кивнул:

— Мартин Клейтон. Журналист «Айриш ревью».

Третий (блеклый и неброский) представился:

— Шон Маллен. Я стажируюсь в «Корк дейли телеграф». Очень приятно.

Рыжая девушка молчала. Мне хотелось, чтобы она сказала хоть что-нибудь, и я проговорил:

— Илья Стогов.

— Деирдре О'Рейли. Я не совсем журналист. Я аспирантка факультета социологии Коркского университета. Собираю материал для магистерской диссертации.

Редактор смотрел на то, как мы знакомимся, с видом Деда Мороза, которому нравится, что дети сами нашли себе развлечение и, может быть, им не нужно будет дарить подарки.

— Коллеги будут стажироваться при нашей газете всю неделю. А мы, в свою очередь, должны позаботиться, чтобы неделя прошла для них плодотворно. Вы понимаете меня, Илья Юрьевич?

Чего здесь не понять?

Время от времени в Петербург наезжали зарубежные журналисты, интересующиеся отечественной экзотикой. В эти дни, забывая о семьях и работе, сотрудники газеты должны были отбывать повинность гостеприимства.

Связываться с зарубежными коллегами не желал в редакции никто. Однако у редактора Виктора Константиновича имелась идея. Он верил, что долг гостеприимства рано или поздно окажется платежом красен и у газеты появится возможность отправлять сотрудников для стажировки в иные страны.

Никогда еще никто из моих знакомых журналистов не уезжал за счет встречающей стороны никуда дальше Выборга. Тем не менее иностранные гости бывали встречены в редакторском кабинете с неизменным гостеприимством.

До сих пор я только смеялся над невезучими коллегами. Те шипели в ответ и пытались извлечь из обрушившейся напасти хоть какую-то выгоду.

Кто-то гонял гостей за пивом. Кто-то одалживал у них денег, честно предупреждая, что отдавать не собирается. Симпатичных press-girls Осокин сразу приглашал в свою гостеприимно распахнутую постель...

Редактор выразил надежду на то, что гостям понравится наш замечательный город, и принялся выпихивать нас из кабинета. Ирландцы поднялись, пожали ему руку и вышли в коридор.

Я вышел вместе с ними, озадаченно похлопал себя по карманам и, сказав, что забыл в кабинете сигареты, вернулся обратно.

— Виктор Константинович, я категорически не согласен!
— С чем?
— Почему я?! От моего завтрашнего материала готов только заголовок! Виктор Константинович, почему я?!
— Что вы предлагаете?
— Я не хочу с ними возиться!
— А кто станет показывать им город?
— Социальщики целым отделом ни хрена не делают. Им и отдайте. Они еще и спасибо скажут.
— Социальщики заняты. Они освещают работу нового городского правительства.
— Ну почему я, а?
— Я думал было их Осокину передать, но мне тут сообщили...
В общем, кроме вас, заняться ими некому.

— А я не могу!
— Илья Юрьевич! Вы знаете, что наше издание — член Европейской газетной федерации. А это не только права, но и обязанности. Когда в прошлом году федерация поставила нам два новых сканера и компьютер, вы, между прочим, громче всех радовались. Гости пробудут здесь всего неделю. От ежедневных обзоров я вас освобождаю. На летучки можете не ходить. Больше, извините, помочь ничем не могу.

Черт бы побрал всех редакторов на свете. Выходя из кабинета, я хлопнул дверью.

Ирландцы все еще стояли в коридоре. Не глядя на них, я вытащил пачку «Лаки Страйк» и воткнул одну сигарету себе в зубы. Длинный небритый парень в кожаной куртке (Брайан?) поднес мне зажигалку.

— Thank you.
— Можешь говорить по-русски. Мы все учили ваш язык.
— А что именно я должен говорить?
Парни промолчали. Я затыкнул сигаретой.
— Значит, вы из Ирландии.
— Да. Мы из Ирландии.
— А к нам, значит, приехали на неделю?
— Да. На неделю.
— Да-а, блин.
— Нет, не Dublin. Мы из Cork-city. Дублин — это столица, а Корк — второй по величине город Ирландии. Как у вас — есть Москва и есть Петербург.

Я сделал вид, что мне интересно все это узнать.

— И давно вы приехали?

— Сегодня с утра. В восемь тридцать.

Я выбросил докуренную сигарету и вытащил из пачки новую.

— А где остановились?

— В гостинице для иностранцев. У станции метро... э-э... у станции метро «Площадь Мужества». Она называется гостиница «Студенческая».

Мы опять помолчали. Оглядев их еще раз, я глубоко затанулся и спросил:

— Хотите пива?

— Вообще-то, да. Вообще-то, неплохо бы. Куда пойдем?

Могло бы быть и хуже. Редактор мог подсунуть мне старых зачуд, ни слова не понимающих по-русски... По крайней мере теперь у меня всегда будет уважительная причина отвертеться от газетной текучки.

Мы спустились в буфет, купили по пиву и сели за столик.

— У вас журналисты много пьют?

— Порядочно.

— У нас тоже. В Ирландии журналисты — самая пьющая категория населения.

— Приятно слышать, что мы не одиноки.

— В прошлом году в Корке был устроен beer-marathon. В смысле марафон по пиву. Команды разных профессий бежали через весь город и в каждом баре выпивали по кружке «Гиннеса». До финиша добежали только портовые докеры и журналисты. Но журналисты были все-таки первыми.

— Я горжусь вами.

— У вас очень светлое пиво. Темных сортов, таких как «Гиннес» или «Финн», нет.

— А вы неплохо говорите по-русски.

— У нас в Cork state university есть кафедра славистики. Я учился там факультативно. Меня очень интересовали труды ваших революционеров. Мне хотелось выучить язык. Мартин учил русский в колледже, Шон тоже. А Деирдре вообще по образованию славист. Готовится стать большим знатоком вашей страны. Да, Дебби?

Брайан задрал брови, и все трое парней загоготали.

— Странное имя Деирдре.

— Ты можешь звать меня Дебби.

У нее была странная манера не произносить, а цедить слова буква за буквой. Получалось ничего.

— За знакомство!

Мы допили «Балтику», и Брайан сходил купить еще по одной.

— Что именно вы хотели бы посмотреть в нашем замечательном городе? Что вас здесь интересует?

Ребята переглянулись и принялись чесать подбородки.

— Политика? Музеи с театрами? Русская душа в естественном интерьере?

— Наверное, нет. Ничего из этого.

— Тогда что?

— За Деирдре я тебе говорить не буду. Она сама скажет, зачем приехала (новый взрыв хохота). А нам хотелось бы просто пожить здесь так, как живут простые люди. Как ты, например.

— Я не думаю, что вам будет со мной интересно.

— Почему?

— Мой день состоит из того, что с самого утра я сажусь работать...

— А вечером?

— А вечером вам бы со мной тоже не понравилось.

— Ты работаешь целый день?

— С утра до вечера.

— У вас в городе есть night life?

— Есть. С найт-лайфом в городе все в порядке.

— Может быть, ты покажешь в общих чертах, в чем она заключается? Что-нибудь такое, что не лежит на поверхности. Понимаешь, вся ваша странная внутренняя политика... матрешки, перестройка. Чечня... В зубах навязло. Ничего, что я так говорю?

— Ничего...

— Хотелось бы посмотреть на что-нибудь такое... Что-то спешн-ал. Не знаю... Может быть, можно будет побеседовать с какими-то странными людьми... С оккультистами или, например, сатанистами. Брайан очень интересуется маргинальными политическими партиями — троцкистами, синдикалистами, левыми радикалами... Понимаешь?

— Не очень. Я даже не знаю, есть ли в Петербурге все эти троцкисты и оккультисты.

— Есть, есть! Адреса некоторых я даже взял с собой.

— Тогда легче. Тогда найдем.

— А еще я хотел бы встретиться с вашими диггерами. Я читал, что у вас много диггеров — парней, которые живут в подземных хо-

ях и туннелях. Может быть, можно договориться, чтобы они взяли нас полазать по катакомбам?

— С этим сложнее.

— Почему?

— Понимаешь, в Петербурге нет катакомб.

— В каждом городе есть катакомбы.

— А вот в Петербурге нет. В Одессе есть и в Москве есть, а у нас нет.

— Серьезно?

— Во-первых, Петербург — очень молодой город. Моложе Нью-Йорка. Здесь просто не успели ничего такого накопать. А во-вторых, город стоит на болоте. Под нами, на глубине десяти метров, уже вода. Дигерам тут делать нечего.

Мартин залпом допил свое пиво, сходил к стойке и принес всем еще по бутылке.

— Жаль. Я уже пообещал своему редактору. Это точно, что ты говоришь?

— Точно.

— А метро?

— Что метро?

— Ну, можно нам спуститься в ваше ночное метро?

— В каком смысле «ночное»?

— В смысле, когда там никого нет, все закрыто и не ездят поезда.

— Зачем тебе именно ночное метро? Поезжай днем, выглядит оно точно так же.

— Нет, днем неинтересно. Я читал, что в вашем метро ночью творятся странные вещи. Мутируют крысы, исчезают люди...

— Плюнь, ничего там не происходит. Если хочешь, я, конечно, попробую договориться, чтобы вас пустили, но уверяю — ничего необычного там нет. Шахта как шахта.

— Серьезно? Сможешь договориться?

Кивнул я не задумываясь. Какие проблемы?

Если бы вместо пива мы пили водку, то, возможно, я бы пообещал ирландцам, что договорюсь о проходе для них в спальню президента страны.

— Значит, поедem в метро?

— Хорошо. Поедем.

— Сегодня?

— Сегодня? Не знаю. Ты хочешь именно сегодня?

— Why not?

Я попытался вытряхнуть часы, застрявшие в манжете. Полпятаго. В принципе пресс-отдел ГУВД должен работать до шести, но кто там будет сидеть в такое время?

Аккредитация журналистов, желающих сунуть нос туда, куда его не следует совать, находилась именно в их ведении. Если все разошлись, то экскурсии сегодня не выйдет.

— Знаете что? Вы тут допивайте, а я позвоню. Допьете — поднимайтесь. Мой кабинет на четвертом этаже. Номер 428. Там на двери написано «Стогов».

Парни сказали «О'кей», а я пошел звонить в пресс-отдел.

Если бы я знал, чем эта история закончится, то предпочел бы поскользнуться на лестнице, упасть и сломать ногу — лишь бы никогда не дойти до телефона.

Однако ничего этого в ту минуту я еще не знал.

2

Звонки заняли у меня почти час. Ирландцы успели допить свое пиво, подняться ко мне в кабинет и снова спуститься обратно, а я все сидел и накручивал телефонный диск.

Дурацкая ситуация. Я не хотел звонить... я хотел сидеть ниже этажом и пить холодное пиво... вместо этого я сидел и накручивал диск.

Обычно ко всему, что затевали массмедиа, окружающие относились без особого удивления. Можете преподнести им любой какой угодно бред, они проглотят это без лишних вопросов: газетчикам виднее.

На этот раз дела продвигались туго. Добиться для четверых ирландцев, пусть даже и журналистов, пропуска в столь режимное заведение, как метрополитен, оказалось задачей почти невыполнимой.

Если бы я не застал на месте знакомого гувдэшника, которому до этого несколько раз оказывал мелкие услуги, думаю, ничего из этой затеи не вышло бы. Однако знакомый оказался на месте.

— Тебе это пужно?

— Очень!

Зачем я соврал?

— Хорошо. Попробую. Перезвони. Вернее, я сам перезвоню.

— Скоро?

— Минут через десять.

Офицер перезвонил через тридцать пять минут, когда я уже решил, что он плюнул и уехал домой. Сказав, что вопрос улажен, он дал телефон некоего капитана Тихорецкого.

— Это тоже ГУВД?

— Нет, это из офэпэшников.

— Из кого?

— КЗОФП — Комитет защиты объектов федерального подчинения.

— Что за комитет такой?

— Из новых. Занимаются охраной особо важных объектов по всей стране. А может, даже и за границей — не знаю. Очень серьезная контора. Метро — это их епархия.

Капитан Тихорецкий был в курсе дела. Попросил продиктовать имена и фамилии ирландцев и сказал, что в полвторого ночи будет ждать нас у входа на станцию метро «Сенная площадь». Я смог наконец спуститься обратно в буфет.

— Ну как?

— Все о'кей.

— Идем в ночную подземку?

— Едем.

Я кивнул и пододвинул себе кресло.

Часов до десяти мы сидели в ленинградском буфете. Потом переместились в «Баскет-бар» на другой стороне Фонтанки. Когда в полночь он закрылся, мы отправились в кафе «Аквариум» у Пяти углов. Там Брайан предложил выпить не пива, а водки... по чуть-чуть.

Когда в полвторого ночи мы подъехали на Сенную площадь, то тихоню Шона заметно шатало, а улыбка Дебби казалась мне ослепительнее любого из уличных фонарей.

Площадь была пуста, а стеклянная коробка станции метро чернела неосвещенными стеклами.

Моросил дождь. На ступенях виднелась фигура встречающего.

— Вы Стогов?

— Я.

— Я — Тихорецкий. Пойдемте.

Капитан стукнул в запертую изнутри стеклянную дверь, и с той стороны тут же возник постовой милиционер. Мы юркнули внутрь и прошли в ярко освещенный пикет милиции.

За столом сидело несколько хмурых милиционеров. Когда Дебби вошла в помещение, они оживленно заерзали. Раскрасневшаяся белозубая Дебби в мокрой куртке была хороша.

Перехватив их взгляды, капитан тут же принял начальственный вид и попросил милиционеров подождать снаружи.

— Промокли? Раздевайтесь. Одежду оставим здесь, сумки тоже. Не волнуйтесь, здесь ничего не пропадет.

Мы скинули куртки. Дебби стряхнула брызги с рыжей гривы.

— Давайте знакомиться. Зовут меня Игорь Николаевич Тихорецкий. Я капитан Комитета по защите объектов федерального подчинения. Курирую городское метро. Можете называть меня по званию, а можете — по имени-отчеству. Как вам удобнее.

Ирландцы назвали себя и издания, в которых они работали. Капитан улыбнулся Дебби и пожал руки парням.

Невысокий, спортивный, загорелый и сероглазый. Типичный спецслужбист. Герой модного action. Под пиджаком катаются бичепсы, белозубая улыбка, шрамик на скуле.

У эскалатора капитан распорядился, чтобы один из милиционеров запустил двигатель, и мы медленно поехали вниз.

— Собак не боитесь? А то у нас внизу овчарки бегают.

— Нет. Не боюсь. А зачем овчарки?

— Бомбы ищем.

— Часто находите?

— Ни разу пока не находили.

Эскалатор остановился, мы прошли немного вперед и оказались в безлюдном и оттого выглядящем страшновато ночном петербургском метро.

— Давайте, прежде чем мы пойдем дальше, я проведу маленький инструктаж.

Все посмотрели на него.

— Сперва я покажу вам саму станцию и объясню, что к чему. После этого мы пройдем по техническим помещениям: вентиляционная система, водоотводы, блоки безопасности. После этого, если захотите, можем пешком пройти до станции «Гостиный Двор». Прямо по туннелю. Предупреждаю сразу: метрополитен у нас в стране — объект до сих пор закрытый. Фотографировать здесь, к сожалению, нельзя. Записывать и зарисовывать — пожалуйста. Вопросы будут?

— Сколько времени все это займет?

— Станцию мы можем осматривать сколько вам захочется. А по туннелю до «Гостиного Двора» здесь идти минут двадцать. С двух до четырех ток там отключают, так что четыре тридцать — это крайний срок.

В тишине было слышно, как борется с одолевающей икотой Шон.

— Готовы?

— Готовы.

Вообще-то всем петербуржцам с пеленок известно, что подземные джунгли города во много раз обширнее его надземной части, что в лабиринтах метрополитена как-то раз бесследно исчезла целая дивизия МВД, брошенная туда на поимку маньяка-убийцы, и то, наконец, что в подземной дренажной системе водятся трехметровые крысы-мутанты, шестипалые крокодилы, а также гибрид угря и рыбы пираньи, имеющий обыкновение атаковать свои жертвы броском из унитаза в самый неподходящий для жертвы момент. Однако мало кому из жителей города доводилось увидеть реальную подземную жизнь своими глазами.

Своим ключом капитан отпер почти неразличимую на фоне облицованной гранитом стены дверь. Мы прошли внутрь. Технические блоки станции потрясали.

Капитан что-то рассказывал о технических характеристиках агрегатов и иногда советовал ирландцам записать цифры. Те послушно записывали. Время от времени на пути попадались рабочие или охранники в форменных черных комбинезонах. Рабочие кивали капитану, а охранники молча отступали к стене, пропуская нашу компанию.

— Ну что, насмотрелись? Пойдемте, теперь я покажу вам наши туннели. А то не успеем.

Все еще раз поплутали по тесным разноуровневым коридорам. Капитан по-джентльменски подавал руку Дебби, когда она спускалась по гулко грохочущим железным лестницам.

Потом мы непонятным образом снова вышли в главный вестибюль станции. «Сюда, пожалуйста», — кивнул капитан. Мы прошагали в дальний конец платформы, спустились по металлической лесенке и вышли в туннель.

Выкрашенные в черное стены. Тусклые прожектора далеко впереди. Толстые, толщиной с ногу, кабели, протянутые вдоль стен.

Капитан взглянул на часы.

— Хочу сразу предупредить. Через... э-э... через семнадцать минут в туннеле погаснет свет. Пугаться не надо. Это технический перерыв. Раз в сутки на каждом перегоне метро на одну минуту отключают электричество. Всего на минуту — перезарядка аккумуляторов на подстанциях. Впечатления обещаю сильные.

Мы двинулись вперед по туннелю. Сперва все шли молча и озираясь по сторонам. Шаги гулко разносились по туннелю. Черные тени метались из стороны в сторону в такт шагам.

Потом мне надоело шагать, и я спросил у капитана, можно ли курить?

— Ни в коем случае. Строжайшая техника безопасности. Двумя уровнями ниже идут трубы с газом. Рванет так, что от половины Невского проспекта только сизый дымок останется.

Идти в туннеле всем вместе было тесно. Мы разделились на пары. Капитан шел первым вместе с Брайаном, который что-то у него спрашивал и показывал пальцем в глубь туннеля. Сзади молча шагали Шон и Мартин. Справа от меня шла Дебби.

— Ты говорила, что где-то учишься?

Дебби улыбнулась:

— Да, я аспирант... Аспирантка.

— Что изучаешь?

— Социологию.

— Приехала в Петербург собирать материалы для диссертации?

— Ага.

— И какая у тебя тема диссертации?

— «Феномен эротической преамбулы в сексуальном поведении русских мужчин конца 90-х годов».

— Феномен чего?

— Эротической преамбулы. Я собираюсь изучать то, как мужчины в вашей стране уговаривают девушек заняться сексом.

— Ты будешь писать диссертацию о том, как русские занимаются сексом?

— Да.

— Я не понимаю. Ты сказала, что занимаешься социологией. При чем здесь секс?

— Социология — это наука об обществе. А секс — важная сторона жизни общества.

— Зачем?

— Тебе действительно это интересно? — Она сдула со лба челку и: — Понимаешь, Илья, очень многие вещи в окружающем нас мире нужно изучать прямо сегодня. Потому что завтра они будут потеряны для науки. Историки слишком доверяют книгам, но не всем можно прочесть в пыльных фолиантах. Некоторые вещи могут НИКОГДА не попасть в книги.

— Например, то, как русские затаскивают девушек в постель?

— В книгах люди чаще всего пишут о том, какими они хотели бы себя видеть. А не о том, каковы они на самом деле. В древнеегипетских папирусах есть рассказы о военных победах фараонов, но ни слова не сказано о том, чем древние египтяне вытирали задницу. Ты когда-нибудь думал об этом?

— Не доводилось.

— Это историческая загадка! Подумай сам. Туалетной бумаги у них, разумеется, не было. Египет — это практически одна большая пустыня, значит, вытирать задницу листьями растений египтяне не могли. Не могли они мыть ее водой — вода вдали от Нила ценится дороже золота. Как же они обходились, а?

— Станный вопрос. Кому сегодня могут быть интересны древнеегипетские задницы?

— Настоящий ученый всегда найдет повод подумать над загадками истории.

— И это ты называешь загадками?

— Таких загадок очень много. Ты когда-нибудь видел доспех самурая? В таком доспехе человек замурован, как в консервной банке. Чтобы освободиться, самураю требовалось не менее получаса и как минимум два помощника. А в древнеяпонских хрониках постоянно пишут, что, врываясь в захваченные города, самураи бросались насиловать женщин. Как же они их насиловали, а?

— Просили женщин подождать полчаса и звали своих помощников?

— Голландский исследователь Йозеф ван Риббен изучил эту тему и опубликовал монографию, в которой доказывал, что самураи не насиловали женщин в прямом смысле, а доводили их до оргазма петтингом. Петтинг в Японии считался унижительным. Женщина, которая испытала оргазм от рук мужчины, была обесчещена навсегда.

— Я думал, такими темами, кроме тебя, никто в мире больше не интересуется.

— Историческая сексология — это очень бурно развивающаяся наука. Ей почти пятьдесят лет. Американец Хьюго Вейзерман впервые получил грант на исследование в области исторической сексологии сразу после Второй мировой. Мичиганский университет выдал ему восемь тысяч баксов. Тогда это были очень большие деньги.

— На эти деньги он построил приют для женщин, обесчещенных самураями?

— Он отправился в Бомбей и два с половиной года каждый день ходил в публичные дома, покупал проституток, а иногда и просто

знакомился с девушками на улицах. Тема его исследования была «Oral sex in modern India». Он изучал... э-э... как по-русски будет blow-job?

Я ответил на вопрос. В туннеле было темно. Я надеялся, что Дебби не заметит, как я покраснел.

— Исследования Хьюго Вейзермана произвели сенсацию. За эту книгу ему дали Прендергастовскую премию, и он снова поехал в Индию собирать материалы для второго тома.

— Собрал?

— Не успел. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

«Сутенеры зарезали,— решил я про себя.— Не знали, болваны, что человек серьезной наукой занимается».

Я оглянулся. Тихоня Шон что-то доказывал Мартину, толкая себя в руку чуть повыше локтя. Слава богу, кажется, им не было слышно, о чем мы разговариваем.

Я спросил у девушки, как именно она планирует собирать материал для своей диссертации? Я надеялся, что на самом деле Дебби имеет в виду совсем не то, о чем я подумал.

— Я собираюсь провести несколько полевых исследований.

— То есть ты собираешься появляться в людных местах и смотреть, что предпримут русские парни, чтобы затащить тебя в постель?

— Типа того. Жаль, что в этот раз мне удалось выбраться в Россию только на неделю.

— Да?

— Хотелось бы составить по возможности полное впечатление о ваших мужчинах. Хотелось, хотя бы приблизительно, очертить диапазон возможных исследований.

— В смысле?

— Ну, например, правда ли, что русские стесняются показываться перед женщинами обнаженными? Хорошо бы провести распределение мужчин по месту рождения и типу воспитания. Это придаст исследованию большую значимость. Говорят, что ваши мужчины, которые родились на Кавказе, предпочитают иметь с женщинами только анальный секс... Презервативов я привезла столько, что таможенники не хотели меня пропускать.

— А бойфренд у тебя есть?

— Раньше был. Сейчас пока нет.

— Собираешься ли ты замуж?

— Наверное... Не сейчас. Может быть, лет через пять-шесть.

— Что ты скажешь мужу, когда он спросит, чем ты занималась после университета?

— При чем здесь муж?

Вот и поговорили, подумал я. Что, черт подери, творится с этим миром? Я потянулся за сигаретами, вспомнил, что курить нельзя, и расстроился окончательно.

Сзади слышались шаги — нас нагонял тихоня Шон.

— Илья, извините, как... э-э... зовут этого офицера?

— Кого? Капитана... Игорь Николаевич.

— Ыгор Ныколаивеч?

Во всей группе русский Шона был самым худшим.

— Он ведь офицер российских спецслужб?

— Да. Капитан Комитета по... не помню, как точно это называется. Суть в том, что его ведомство охраняет наше государственное имущество.

— Да? А вы видели у него... Впрочем, ладно. Говорите — Игорь Николаевич? Спасибо.

Он улыбнулся и зашагал быстрее, нагоняя ушедших вперед Брайана и капитана.

Я посмотрел на часы. Двадцать минут четвертого. К нам с Дебби присоединился шедший до этого впереди Брайан.

— Чего ты такой хмурый, Илья?

— Выпить бы.

— Да, неплохо бы. Выпить и познакомиться с петерб... петер... с девушками из вашего города. Да, Илья?

— Я бы предпочел просто выпить.

— Ну конечно. Ты же русский. Попроси Дебби, и она поставит на тебе какой-нибудь социологический эксперимент.

Они с Мартином заржали. Девушка лениво посоветовала им заткнуться.

Шагавшие впереди капитан и Шон остановились, поджидая нас. Шон чего-то требовал от капитана, а тот отмахивался: «We'll talk 'bout it later».

— Уже почти полчетвертого. Через две минуты здесь везде отключат свет. По первому разу — очень впечатляет... Да! Перед тем как свет опять загорится, глаза лучше всего прикрыть — целее будут.

Брайан сказал, что лично он советует всем русским, когда погаснет свет, обеими руками придерживать брюки. «Shut your mouth, — беззлобно сказала Дебби. — Shut your fuckin' mouth».

Я задрал голову и посмотрел на мерцавшие под потолком лампы. Они были большие, мощные, хотя и светили вполсилы. И вправо, и влево, насколько хватало глаз, уходили блестящие рельсы, а на стене прямо напротив висел пожарный щит, выкрашенный красной краской. На щите были развешаны огнетушитель, ведро, топор и совковая лопата.

— Осталось десять секунд. Приготовьтесь, это не навсегда — только на минуту... Шесть... Пять...

Свет погас моментально и везде. Гудение ламп и прочей электрической дребедени исчезло одновременно со светом.

Даже в самую темную ночь на небе светят звезды — хотя бы одна. Даже в самой темной комнате всегда найдется щелочка, через которую будет пробиваться лучик света. Здесь не было ничего. Ни единого проблеска. Наверное, так чувствуют себя похороненные заживо.

— Эй! Кто там вышагивает?! Не расходиться! Заблудитесь — искать не стану!

Я прислушался. Слева, впереди, что-то действительно происходило. Шаги — мягкие, крадущиеся, — звяканье металла, шепуршание. Возможно, все это происходило в миллиметре от моего носа, а я ничего не видел.

Когда только загорится этот чертов свет?

Воздух разрезал свистящий звук. Что-то тяжелое рухнуло на землю. Я почувствовал, как маленькие волоски у меня сзади на шее встают дыбом. В тишине совсем рядом с ногами послышался мерзкий звук.

— What's that?!

— Что, черт возьми, у вас там происходит? Стогов! Зажигалка есть?!

Моментально вспотевшие пальцы долго не могли нащупать зажигалку в набитых всякой мелочью карманах. В тот момент, когда я наконец достал ее, в воздухе низко загудело, и в туннеле зажегся свет.

Я открыл глаза и выронил зажигалку из занемевшей ладони.

Мартин смотрел на свои джинсы, заляпанные чем-то темным и вязким, а поперек рельсов, уткнувшись в пол лицом, лежал тихоня Шон. Из его затылка торчал всаженный по самую рукоятку топор. Тот самый, выкрашенный красной краской, с пожарного стенда.

А между рельсами расплывалась лужа густой черной крови.

— Давайте начнем с самого начала. Где каждый из вас находился в момент, когда в туннеле погас свет? Постарайтесь вспомнить поподробнее, ладно?

Капитан обвел нас всех взглядом, вдавил в переполненную пепельницу окурочку и взялся за авторучку.

В пикете милиции мы сидели уже час. У нас сняли отпечатки пальцев, переписали номера паспортов ирландцев и моего редакционного удостоверения.

Постовых милиционеров капитан опять выставил из пикета. Они стояли посреди вестибюля, а вокруг носились типы в штатском. У входа на станцию, мрачные и молчаливые, застыли двое офицеров из того же Комитета, что и капитан.

Само помещение пикета начинало меня раздражать. Грязный, годами не мытый пол. Жесткие и узкие скамейки, спроектированные как орудие пытки для особо несговорчивых клиентов. Вместо пепельницы — банка из-под тушенки с остатками жира на стенках. Выглядела банка омерзительно.

— С кого начнем?

— Давайте с меня.

— Давайте. Фамилия, имя, отчество.

— Стогов Илья Юрьевич...

— Как далеко от убитого вы находились в момент, когда погас свет?

Черт меня подери, если я запоминал, где именно находился в тот момент. Я вытащил из кармана сигареты, закурил и попытался вспомнить. Из памяти не удавалось извлечь ничего.

Пива бы сейчас.

— Точно сказать трудно. Кто мог подумать, что все так получится? Насколько я помню, вы с Шоном стояли чуть впереди... А я чуть сзади и справа. Ближе к правой стене туннеля.

— Как далеко?

— Ну, метрах в трех.

— После того как погас свет, вы перемещались?

— Да. То есть... В общем, когда стало ясно, что творится что-то неладное, я шагнул по направлению к вам.

— Один раз шагнули?

— Один или два — не помню.

— Когда зажегся свет, вы стояли прямо над телом убитого.
— Значит, три шага сделал. Я же говорю — не помню. Не до того было.

— Хорошо. Вы видели... то есть слышали, чтобы кто-то перемещался рядом с вами? Если да, то с какой стороны?

Я обвел взглядом напряженно вслушивавшихся ирландцев.

— Что-то такое я, конечно, слышал. Все слышали. Рядом со щитом что-то лязгнуло. Но я ведь стоял не с той стороны, где висел щит. Так что не знаю, кто это мог быть. Любой мог пройти мимо меня... А потом я почувствовал, как убийца замахивался топором. В смысле, чувствовал движение воздуха... Короче, ничего конкретного по сути вопроса сказать не могу.

Капитан дописал последнее предложение, подвинул ко мне лист и сказал:

— Подпишите. Вот здесь. «С моих слов записано верно». Дата. Подпись.

Я пробежал глазами текст показаний и подписал.

— Идем дальше. Кто следующий?

Ирландцы переглянулись. Брайан решил первым:

— Давайте я.

— Давайте. Фамилия, имя, отчество.

— У нас нет отчества. Есть второе имя, но это не отчество. Другая система, понимаете?

— Отвлекаться не будем, хорошо? Вы уверены, что не хотите воспользоваться услугами переводчика? Имеете право.

— Да нет. Я все понимаю.

— Как далеко вы стояли от убитого, когда погас свет?

— Я стоял рядом с Ильей. Чуть левее. Но от вас с Шоном это было далеко. Метра три-четыре.

— И положения не меняли?

— Нет.

— Слышали ли вы, как передвигались люди, стоявшие рядом с вами?

— Нет.

— Какие-нибудь странные звуки?

— Нет.

— Как давно вы были знакомы с убитым?

— Недавно. Познакомился сегодня с утра. Вернее, вчера с утра.

Перед отлетом в Россию.

— Хорошо. Подпишите.

— Я еще хотел сказать... Илья говорит, что начал двигаться в сторону Шона только после того, как лязгнул топор. Вы знаете... Мне кажется... Извини, Илья, просто мне кажется, что я перестал чувствовать, что ты стоишь рядом со мной, еще до этого. По-моему, ты начал двигаться сразу же, как погас свет. Хотя, может быть, мне это только показалось.

Капитан пристально посмотрел на меня и покусал кончик авто ручки. Сейчас он кивнет замершим у входа ассистентам, и те бросятся на меня. Выпить хотелось страшно.

— Ладно. К этому мы еще вернемся. Подпишите вот здесь. «Я, такой-то такой-то, подтверждаю, что владею русским языком в степени, достаточной для понимания заданных мне вопросов». Дата. Подпись.

Убрав исписанный лист в папку, он взглянул на Дебби:

— Леди?

Дебби пожала плечами:

— Пожалуйста.

— Вы тоже не желаете воспользоваться переводчиком?

— Не желаю. Хотя считаю, что разговаривать с нами в отсутствие консула Ирландии вы не имеете права.

— Простите, но в Петербурге нет ирландского консульства. За консулом нужно будет посылать в Москву.

— Это не мои проблемы.

— То есть вы отказываетесь отвечать?

— Почему? Просто я сразу вас предупреждаю, что в суде мои показания не будут иметь никакой силы.

— Пока что вы даете показания не в суде. Ваши свидетельские показания необходимы для того, чтобы как можно быстрее и квалифицированнее раскрыть это преступление.

— Я все поняла. Вы можете задавать свои вопросы.

Дебби достала из куртки сигареты и закурила. Капитан стенографировал ее ответы: не слышала, не видела, положение не меняла, никого из присутствующих не подозревает.

Последним на вопросы капитана отвечал Мартин. Капитан вынул из папки новый бланк, закурил сигарету и долго смотрел на забрызганные сгустками крови джинсы Мартина.

Сразу, как мы поднялись из туннеля, Мартин начал просить салфетку, чтобы вытереть брюки. Капитан заявил, что брызги — одна из главных улик следствия, и вытирать их запретил.

Точно так же, как и все остальные, ничего особенного Мартин не слышал. Да, лязгал топор о щит, да, свистело в воздухе лезвие. Но кто и куда перемещался — извините, не разглядел. Темно было.

— Как далеко вы стояли от убитого?

— Дальше всех. Я стоял за спиной Брайана и Ильи. Самым последним.

Капитан отложил ручку, глубоко затаился и еще раз глянул на его джинсы. Мартин сделал движение, словно хотел прикрыть успевшие почернеть пятна.

— Понимаете, когда все забегали и вы крикнули что-то насчет зажигалки, я бросился вперед. Я хотел посветить зажигалкой, понимаете? Наверное, в этот момент я и забрызгался. Когда я подошел, Шон уже лежал на рельсах.

Капитан продолжал рассматривать его джинсы.

— Поймите, капитан, я не мог бы добраться до щита, где висел топор, даже если бы хотел. Для этого мне нужно было бы пройти мимо Ильи с Брайаном, а потом Дебби. Они бы почувствовали это. Скажите, ребята, вы что-нибудь чувствовали?

— Ну хорошо. В любом случае джинсы пока не стирайте. Понадобится экспертиза.

Капитан снял трубку стоящего на столе телефона.

— Тимошенко? Осмотр закончили? Короче. Через... э-э-э... через сорок минут из туннеля всех убираешь, понял? На Центральную позвони — пусть ток дают. Отбой.

Он встал из-за стола, потянулся и кивнул сидевшим у двери гвардейцам. Один из них тут же встал и вышел за дверь.

— На сегодня пока все. То, что сегодня случилось,— беспрецедентно. Мы обязательно разберемся. В свою очередь очень надеюсь на то, что вы будете оказывать следствию посильную помощь. Если вспомните что-нибудь важное — звоните. Сейчас вас отвезут домой. Где вы остановились? Очень хорошо. Извините, но прошу вас ставить меня в известность обо всех своих передвижениях. Договорились? Очень хорошо! Лейтенант, проводите.

Ирландцы поднялись, попрощались и вышли за дверь.

— Илья Юрьевич, можно я попрошу вас задержаться еще на минуточку?

Капитан снял серый пиджак, повесил его на спинку и несколько раз потер глаза кулаками. Глаза у него были красные, усталые.

— Вы хотели меня о чем-то спросить?

— Скорее попросить.

— Вы о том, что сказал Брайан?

— Что вы! Я ведь тоже стоял неподалеку. Я прекрасно слышал: с вашей стороны звуков не было.

— Приятно слышать. Особенно приятно это слышать от вас.

— Мы же соотечественники. Зачем вам убивать этого парня? Дураку понятно — это кто-то из них. Какие-то старые счета. Их нужно хорошенько проверить, а времени нет. Сколько они будут в Петербурге?

— Неделю.

— Неделю?

Несколько минут мы молчали.

— Я вас очень прошу — присмотрите за ними. Парня убили в моем туннеле. Расхлебывать мне. За неделю нужно успеть — если они уедут, где я стану их искать?

— Хорошо. Я помогу. Попробую помочь. Только у меня один вопрос.

— Слушаю.

— Перед тем как погас свет, Шон отвел вас в сторону — что он вам сказал?

Капитан помолчал, а потом вытащил из пачки новую сигарету.

— Понимаете, в том-то и дело. Почему, думаете, я тоже уверен, что убийца не вы, а один из этих троих? Когда Шон подошел ко мне, он спросил, правда ли, что я — офицер спецслужбы, и сказал, что хочет сообщить нечто очень важное. Что-то, от чего зависит его жизнь и смерть. Я спросил, что именно, и он ответил: мол, это касается того, что произошло с ним в Ирландии...

Капитан глубоко затянулся и посмотрел мне в лицо.

— Так что убийца — кто-то из этих троих. Брайан, Мартин или Дебби... Вопрос только — кто?

4

Если с Дворцовой площади пройти сквозь арку Главного штаба, а затем перейти Невский, то, чуть не доходя до китайского ресторанчика «Янь Дзяо», вы увидите ступени, ведущие вниз, в полу-подвальное малоприметное заведение.

Немногие знают, что там, внизу, расположен бар «Флибустьер». Именно во «Флибустьере» мы с ирландцами и договорились встретиться на следующий после убийства день.

Проснулся я только в два часа дня, встреча назначена была на три. Дождь как зарядил неделю назад, так ни на минуту и не прекращался. Вылезать из постели и переться по слякоти в центр не хотелось.

С трудом я заставил себя побриться, вышел из дому, поймал такси. Настроение было мерзкое. Всю дорогу до «Флибустьера» я думал о том, что произошло вчера в туннеле метро.

У входа в бар я столкнулся с Дебби.

— Привет.

— Привет, Илья.

Судя по выражению лица, настроение у нее было не лучше моего. Отряхивая капли, мы вошли вовнутрь. Оба ирландца уже сидели за столиком прямо напротив двери.

— Давно ждете?

— Привет, Илья. Ні, Дебби. Только пришли.

— Не могли разбудить? Из-за вас чуть не заблудилась в этом чертовом городе. Что пьете?

— «Килкенни». Настоящее ирландское «Килкенни». Кто бы мог подумать, что в Петербурге людям наливают то же самое пиво, что и у нас?

Я скинул куртку и сказал, что закажу пиво. «Мне тоже „Килкенни“», — сказала Дебби. «Хорошо», — ответил я. Принес бокалы, закурил, устроился поудобнее.

— Чертов дождь. В первый же день у меня промокли ботинки.

Брайан и Мартин одновременно заглянули под стол.

— Что ты носишь? Нужно носить «Доктор Мартинс». Я ношу «Доктор Мартинс» уже лет восемь, и за все время ни одни ботинки у меня так и не промокли.

Он вытянул из-под стола свою затянутую в черные джинсы ногу и продемонстрировал черный блестящий ботинок.

— «Доктор Мартинс» — это обувь дешевых пижонов.

— Даже папа римский носит «Доктор Мартинс».

Мы обсудили достоинства и недостатки английской обуви. Брайан рассказал, что пару месяцев назад был на концерте модной группы «Banshees» и видел у их басиста улетные замшевые ботинки с пряжечками. «Ты знаешь, что их барабанщик — гей?» — спросил Мартин. Брайан не знал.

Разговор не клеился. Брайан сходил к стойке и принес всем еще по кружке «Килкенни». Честно сказать, я был не в восторге от ирландских сортов пива. Я предпочел бы обычную «Балтику».

Дебби спросила:

— Здесь есть бильярд?

— Есть.

— Ты играешь?

Я сказал, что нет, зато сыграть захотел Мартин. Мы переместились в бильярдную. Оформлена она была в виде кают-компания пиратского корабля — «Флибустьер» пытался оправдать название.

По периметру вместо стульев — дубовые бочонки, с потолка свисают веревки и канаты, и даже парень, выдавший нам кии, был одет в кожаную жилетку на голое тело и повязку, прикрывавшую один глаз.

В бильярдной здоровенный бородатый тип лениво гонял шары, а его подруга, с трудом сохраняя равновесие, сидела рядом и упрямо тянула пиво. При нашем появлении тип бросил кий на стол, и они вернулись в зал.

— Почему ты не хочешь сыграть?

— Питаю недоверие к любым видам спорта.

— Разве бильярд это спорт?

— Даже шахматы — и то спорт.

— По тебе не скажешь. Ты мускулистый. И нос как у боксера.

— Это у меня просто жизнь такая. Чуть что — сразу получаю от нее по носу.

— Хочешь, я научу тебя играть в бильярд?

Я сказал, что могу послушать, и она долго объясняла мне насчет разного цвета шаров и того, почему именно нельзя забивать в лузу черный шар. После ее объяснений мне окончательно расхотелось учиться играть.

Мартин без замаха разбил шары. Они испуганно заметались по столу, глухо ударяясь друг о дружку. Рядом со мной пристроился Брайан.

— Еще по кружечке?

— Давай.

Скучавший бармен выставил на стойку два высоких бокала. «Большое спасибо», — сказал ему Брайан. Бармен, не ответив, вернулся на свое место.

— У нас в Корке есть заведение, называется «Dirty Sally», «Грязная Салли». Там всегда липкие столы, в пиве плавают дохлые мухи, тарелки моют раз в неделю, а официантов специально обучают хамить клиентам. Считается, что это очень стильно. Народ часами стоит в очередях, лишь бы попасть в этот бар...

Брайан пускал дым кольцами и лениво поглядывал, как Мартин лупит по шарам, не оставляя Дебби ни единого шанса хотя бы вступить в игру.

— Что ты обо всем этом думаешь? Я имею в виду Шона...

Он выдохнул дым, затушил сигарету и принялся выковыривать из пачки новую.

— Черт его знает... Я полночи уснуть не мог, думал об этом... Ты считаешь, это кто-то из нас?

— А ты думаешь, что это я?

— Да нет, тебе-то зачем? Ты, кстати, извини за вчера. В смысле — за то, что я сказал про тебя капитану. По всему видать, это действительно кто-то из нас. Кому мог помешать Шон?

— Вы дружили там у себя, в Корке?

— В том-то и дело, что нет. Встретились только утром в аэропорту. Я нескольких журналистов в Корке знаю, но это в основном политические хроникеры, а Шон, как я слышал, занимался культурой. Странный парень... Тихий какой-то. Мы втроем как-то сразу разговорились. В самолете бутылку «Бифитера» выпили. А он сидел и всю дорогу читал какую-то книжку. Не такой парень, как мы. Не такой, как ты или я.

— Может, Мартин или Дебби знали его раньше?

— Не знаю... Честно, не знаю. Не думаю. Ты считаешь, кто-то из них?

— Ничего я не считаю. Бред какой-то.

— Точно. Бред. Кому понадобилось убивать Шона? Такой тихий парень...

Мартин от двух бортов вбил последний шар и кинул кий на стол. Так ни разу и не ударившая Дебби подошла к нам и, не спрашивая, вытащила сигарету из моей пачки «Лаки Страйк».

— Этот парень играет как механизм. Ни единой ошибки.

— Я долго тренировал свои руки.

Мартин вытянул руки вперед. У него были пальцы пианиста, тонкие запястья, мускулистые предплечья. Вчера, в туннеле, когда зажегся свет, он стоял почти в такой же позе, как сейчас. Слегка наклонившись, выставив руки вперед. И джинсы у него были густо заляпаны свежей черной кровью.

Дебби курила быстро и нервно. Она расстраивалась из-за проигранной партии.

— О чем шепчетесь?

— О Шоне.

- Не переставая улыбаться, Мартин сказал:
- Бедняга Шон.
 - Вы пытаетесь за парой кружек пива угадать, кто из нас троих его убил?
 - Просто разговариваем. Не высказываем ни единого подозрения.
 - А я бы высказала пару подозрения. Как ты считаешь, Мартин, кто мог убить Шона?
 - Понятия не имею.
 - Ты, похоже, вообще не думаешь об этом?
 - Нет. Меня это не касается.
 - Как это не касается?
 - Не заводись. Проиграла, а теперь злишься.
 - При чем здесь «проиграла»? Как может не касаться смерть человека?
 - Мы все когда-нибудь умрем.
 - Это демагогия! Ты играешь как машина, ты говоришь как машина... Тебе вообще на все наплевать?
 - Наплевать не наплевать — какая разница? Шона убили. Кто? Я не знаю. С нами был этот... как его?.. русский капитан... Он пусть и расследует.
 - Мартин!
 - А что такого? До вчерашнего дня я этого парня вообще не знал. Конечно, очень неприятно, что все так получилось, но у меня в этом городе есть определенная программа. И я обязан ее выполнить. За поездку платит мой журнал. Я обещал редактору привезти несколько материалов. Так что я лично продолжаю работать.
 - Работать? Как ты можешь думать о работе, если вчера тебя по самую задницу забрызгало его кровью?! Ты ведь стоял к нему ближе всех остальных — так?
 - Ну стоял... Что из этого?
 - Ты ведь соврал вчера капитану, когда сказал, что стоял спереди от Шона. Ты стоял сзади, я же чувствовала, как ты прошел мимо меня вперед уже после того, как Шон упал на рельсы!
 - Мартин давно перестал улыбаться.
 - Вчера я действительно сказал капитану неправду. А ты хотела, чтобы я сказал, что был единственным, кто стоял сзади от него? Меня бы прямо там же в метро и арестовали бы. А мне нужно работать.
 - Зачем ты наврал?

— Что бы ты сказала этому капитану на моем месте?! Вместо того чтобы залезать в койки к русским парням, ты бы поехала в русскую тюрьму! Там-то ты написала бы сенсационную книгу!

Мне показалось, что сейчас Дебби его ударит. Но она не ударила. Она швырнула кий на стол, развернулась и, ногой распахнув дверь, вышла из бильярдной.

Брайан кивнул мне: «Иди за ней», — и принялся говорить Мартину английские слова.

Я купил два бокала «Балтики», отыскал Дебби за дальним угловым столиком и поставил один бокал перед ней.

Мы посидели молча.

— Дай сигарету.

Мы закурили, и она залпом отхлебнула сразу полбокала пива.

— Bloody bastard! Ненавижу мужчин.

— А как ты относишься к русскому пиву?

— Пиво как пиво. У нас в Ирландии и получше есть.

Мы поболтали о том о сем, и минут через десять она немного оттаяла.

— Какие планы на вечер?

— Никаких особенных.

— Пойдем куда-нибудь.

— Да уж, наверное. Не торчать же весь вечер в этом «Флибустьере».

— Тебе здесь не нравится?

— Не то чтобы мне не нравилось. Но уж больно похоже на то, чем я каждый день занималась в Ирландии. Как будто никуда и не уезжала... Предложи чего-нибудь специал русского — я с радостью соглашусь.

— Специал русского? Смотря что ты имеешь в виду.

— Как проводят время ваши молодые люди?

— По-разному проводят. В клубы ходят...

— Пойдем в клуб. Только пусть это будет не так, как здесь. Давай сходим в типичный петербургский найт-клуб.

Я посмотрел на часы.

— Типичный петербургский? Хорошо. Только до этого мне нужно будет сделать важное дело. Давай встретимся... так... в десять вечера. И возьми ребят с собой. Ладно?

— Ладно...

— Не ссорьтесь. Чего вам ссориться?

— Посмотрим.

«Интересно,— думал я, пробираясь к выходу между столиками,— а зачем Мартину потребовалось заходить по другую сторону от упавшего Шона, если до того, как зажегся свет, он все равно не мог видеть, что тот убит?»

5

Старожилы рассказывают, что есть в моем городе маленькая улочка, название которой никто уже и не помнит, хотя называется она просто — Шепетовская.

Редки пешеходы на этой улице. Особенно редки в поздний час. Ничто не влечет сюда прохожих. Однако если уж свернет на тихую Шепетовскую улочку молодой и симпатичный мужчина, то происходит с таким мужчиной каждый раз одно и то же.

По крайней мере так говорят старожилы.

Сам не заметив как, мужчина знакомится с женщиной редкой красоты. Мало того что она с радостью принимает его ухаживания, так еще и тут же приглашает к себе: они с подружками тут, неподалеку, в общежитии. Вот только забираться в общежитие нужно через окно, а то очень уж строгая у них администрация.

Наивный, обуреваемый инстинктами мужчина, рискуя жизнью, лезет по отвесной стене к вожаделенному окну и действительно попадает в общество множества женщин всех возрастов, комплекций и темпераментов.

Ночь напролет мужчина предается чувственным утехам. Пьет, так сказать, нектар со множества цветков. А под утро, тайком, бывает выведен через парадный выход... и вот тут — только тут! — на дверях «общежития» видит он вывеску «Кожно-венерологическая больница для женщин № 17».

И демонический смех престелниц заглушается воплем отчаяния, ибо ловелас чувствует, как во все поры его недавно здорового организма проникает множество заразных и наверняка неизлечимых хворей...

В планах на сегодняшний вечер у меня значилось навестить друга Лешу Осокина, оказавшегося пациентом другой легендарной больницы. Тоже венерологической, но только мужской.

Таксист, подвозивший меня от «Флибустьера» до улицы Восстания, пытался завязать светскую беседу... и несколько раз высказывал замечания на тему, что дождь в этом году льет... давно так не лил... а в этом году льет.

Настроения болтать не было. Я молча расплатился и вылез перед воротами красного ажурного особнячка.

Еще со времен, когда распространение вензаболеваний рассматривалось как уголовно наказуемое деяние, на окнах особнячка сохранились решетки. Бабушка-вахтерша, встреченная в дверях больницы, осмотрела меня и буркнула, что вход в больницу слева, через металлические ворота, да только там не пускают, можно даже и не соваться.

Первые пять минут я просто стучал в металлические ворота, а потом начал барабанить двумя руками.

Из внутренних помещений выплыл милиционер в мокрой плащ-палатке. Выглядел он немного печальным. Словно знал, что сейчас рубанет незваному визитеру дубинкой промеж рогов, и это его заранее расстраивало.

— Я хотел бы увидеть Алексея Осокина. Он поступил вчера на третье отделение.

Милиционер осмотрел меня с головы до пят и промолчал. Дождь нудно барабанил по его плащ-палатке.

— Алексей Осокин. Третье отделение.

— Ты тупой?

Наверное, я должен был оскорбиться и уйти. Однако я заплатил за такси, и до десяти, когда у меня было назначено свидание с ирландцами, оставалась куча времени.

— Я не тупой. Я мокрый и усталый. Может, поострим внутри, а?

— Читать умеешь?

— Когда-то меня учили этому в школе. Вам хочется послушать перед сном пару сказочек?

— Ну так читай, если умеешь.

Милиционер с лязгом захлопнул дверь и, удаляясь, забухал сапогами. Я поискал глазами, что бы такое мне почитать.

Слева от двери было приклеено расплывшееся под дождем объявление насчет обмена жилплощади. Ни единый телефон на нем оборван не был.

Справа, метрах в трех, я обнаружил стенд, сообщавший, что больница № 6 является режимным лечебным заведением и любое общение с пациентами строжайшим образом запрещено. Основание — приказ министра здравоохранения от 16 января 1964 года.

Прикинув и так и этак, я решил, что вряд ли милиционер имел в виду обмен жилплощади. Приказ министра я перечитал еще раз.

Даже забрызганный дождем, он выглядел очень серьезно. Но уезжать, так и не повидав Осокина, все равно не хотелось.

Я вернулся к центральному входу, показал старушке свое редакционное удостоверение и сказал, что хочу поговорить с главврачом. Главврач оказался маленьким человеком с красными от недосыпания глазами.

— Слушаю вас.

— Право слово, неудобно вас беспокоить.

— Что вы, что вы...

— Хотел рассказать вам небольшую историю.

— Я весь внимание.

— Она напрямую касается работы вверенной вам больницы.

— Очень, просто оч-чень интересно.

— Дело в том, что два месяца назад должность руководителя ГУВД оказалась вакантна. Неужели, вы не слышали об этом. Странно — это такое громкое событие. Не важно, почему так случилось, важно, что сейчас на этот пост претендуют два человека — Курицын и Петушков. Вопрос решается в Москве, и пока оба претендента в неведении относительно своих шансов. Ведут, так сказать, собственную предвыборную борьбу. Тот, который Петушков, до сих пор занимается делами постовых и охранных структур. Сейчас он особенно упирает на то, что он — человек новой формации, уверяет общественность, что при нем недостатки прежней системы навсегда отойдут, так сказать, в прошлое...

— Да что вы говорите?

— Как вы думаете — увеличатся ли его шансы на занятие должности, если выяснится, что подчиненные ему части милиции, несущие пост на объектах муниципального подчинения, руководствуются в работе приказами тридцатилетней давности?

Врач задумался и от усердия даже пожевал губами.

— Думаю, что не увеличатся. А зачем вы мне это рассказываете?

— Вы не понимаете?

— Нет.

— Видите ли в чем дело. У вас на входе стоит постовой. Очень вежливый мужчина. Пять минут назад он отказался пропустить меня внутрь больницы на основании того, что в 1964 году министру здравоохранения ни с того ни с сего пришлось в голову подобные визиты запретить.

— Ага. И вы собираетесь об этом написать в своей газете?

— Собираюсь. А когда люди Петушкова будут спрашивать меня, зачем я так подставил их шефа, я объясню, что вы не смогли спра-

виться с подчиненными вам милиционерами. Уверяю вас — Петушков этого не забудет.

Я наклонился к собеседнику и прошептал:

— Между нами говоря, он мерзкий и злопамятный человек. Удивительно мерзкий и удивительно злопамятный.

Доктор заволновался:

— Погодите, погодите. Зачем же так драматизировать ситуацию?

Приблизительно три минуты он рассказывал мне о том, как он любит газеты вообще и мою в частности. Потом спросил, не хочу ли я, чтобы постовой извинился? «Не хочу», — сказал я.

Через пять минут дородный медбрат в белом халате провожал меня на вожделенное третье отделение.

Честно сказать, во всей рассказанной истории не было ни единого слова правды. Фамилии Курицына и Петушкова я придумал за секунду до того, как принялся излагать врачу всю эту бредятину.

Глупо, конечно, — но ведь помогло.

На стене кабинета, в котором меня попросили подождать, висел рукописный плакат «Когда идешь к урологу-врачу, попридержи в канале всю мочу!». Я уселся в потертое кожаное кресло и от нечего делать полистал лежавшие на столе брошюры.

Одна из них — «Памятка школьникам старших классов» — описывала, как именно следует заниматься гомосексуализмом, чтобы не подцепить что-нибудь совсем неожиданное.

Вместо «Привет» Осокин спросил, принес ли я сигареты? Выглядел он хреново: небритый, осунувшийся, в дурацких пижамных штанах на два размера больше, чем нужно.

Я через стол кинул ему пачку «Лаки Страйк» и сказал, что он хреново выглядит. Он сорвал с пачки целлофановую обертку, сунул в зубы сигарету и глубоко затянулся:

— На себя посмотри.

— Расскажи, жиголо, почему я должен был переться в эту юдоль скорбей? Неужели ты забыл о технике безопасности?

— Пьян я был, не помню ни хрена.

— Выпьешь?

— А что у тебя?

— Коньяк.

— Хороший?

— Наверное... Дорогой... В «Гостином Дворе» купил, на втором этаже.

— Выпей. Мне нельзя. Меня сегодня с трех часов дня колоть стали. Черт знает что за гадость колют — на задницу не сесть. Сказали, выпью хоть грамм — помру к едрене-фене.

— Долго будут колотить?

— Послезавтра последний день. Чего нового на работе?

— Да так...

— Да так?

Я вытащил из внутреннего кармана куртки бутылку коньяка, отвернул пробку и сделал большой глоток. Коньяк оказался ниче-го, и я отхлебнул еще раз. Затем завернул пробку и убрал бутылку обратно в карман.

Чтобы рассказать Леше обо всем, что случилось вчера в метро, у меня ушло минут двадцать.

— Вот это ты, парень, влип! Стоило отлучиться поболеть...

— Если бы ты не отлучился, то влип бы сам. Степашин собирался отдать всю ирландскую банду под твоё руководство.

— Хрен бы я влип! Думаешь, я бы стал таскать этих чудиков по подземке? Парней — в клуб, девуцу — в койку. Разговор короткий.

Цинизм Осокина иногда меня раздражал. Я вытащил коньяк и приложился к бутылке еще разок.

— Точно не хочешь?

— Говорю же — нельзя. Что ты собираешься со всем этим дерьмом делать?

— А что с ним можно делать? С нами был капитан, пусть он и ищет убийцу. Я здесь ни при чем.

— Сам-то что думаешь? Кто зарубил парня?

— Трудно сказать. Я ж не знаю их никого.

— Ни единой мысли?

— Не знаю. Честно не знаю. Может быть, Мартин? Но — не знаю.

— Почему Мартин?

— Нас там было шестеро. Один убит, значит, подозреваемых пять. Допустим, я и капитан не в счет. Остаются трое. Девушка? Вряд ли. Ты бы видел, как всажено лезвие — по самое древко... Блин, лесоруб какой-то работал... А Дебби не похожа на лесоруба...

— Хороша?

— Охренеть можно, какая девица. Остаются двое — Брайан или Мартин. Шансы — фифти-фифти. Но Брайан — как сказать? Он веселый парень. Смеется все время, пиво всем покупает, Дебби за задницу щиплет. А Мартин... Не знаю. Странный какой-то. Как робот.

Мы помолчали. Я еще раз приложился к коньяку. В бутылке его осталось меньше половины.

— Какие планы на вечер?

— В «Хеопс» пойдем. Поболтаем.

— Точно! Сходи, поболтай. Распутает дело — тебя Степашин редактором отдела журналистских расследований сделает. С прибавкой к жалованью.

— Ты, прежде чем остричь, от гонореи вылечишься. А то выпить по-человечески не можешь, а остришь.

* * *

Когда я уходил из больницы, главврач лично вышел проводить меня до дверей.

Он улыбался, говорил, чтобы я заходил еще, и мечтал о том, чтобы никогда в жизни больше меня не видеть.

Я старался на него не дышать.

— Буду жив — зайду.

— Что вы имеете в виду?

— Опасная у меня, знаете ли, работа.

Я вышел под дождь.

6

Первое, что я услышал, когда мы ввалились в «Хеопс», — охранник жаловался типу в дорогом галстуке и пиджаке с эмблемой клуба на нагрудном карманчике:

— Слушай, Леша, эти громилы тренировались и, это... зеркало в раздевалке у девушек раскололи. Вдребезги... Два стакана грохнули об пол. Они же пьяные в сосиску! Как выступить будут?!

— Эти выступят. А зеркало у меня еще одно есть. Новое повесим.

Мы заплатили за вход и разделись. Гардеробщик выдал каждому по номерку в виде египетской пирамиды.

Я спросил у охранника:

— Что у вас сегодня за программа?

— Борьба без правил. Четыре поединка по двадцать минут каждый.

Мы поднялись на второй этаж и сели за свободный столик у самой сцены.

— Мне срочно нужно выпить.

— Да, неплохо бы.

Покупать напитки послали меня. У ирландцев были красные рожи, и правила русской грамматики теперь давались им с трудом.

— Какие у вас сегодня коктейли?

— Фирменные. Как обычно.

— Что-нибудь посоветуете?

— Возьмите «Мумию».

— А что это?

— Виски пополам с черным пивом. Четырнадцать долларов порция.

— ЧЕТЫРНАДЦАТЬ?

— Да.

— Не надо коктейлей. Дайте мартини. Бутылку.

— Бутылки продают в магазине. У нас напитки подают в стаканах.

— Тогда дайте в стаканах. Четыре по двести. Сухого, если можно.

— Совсем сухого? Ножи и вилки подавать?

— Не стоит, мы погрызем.

Выставляя стаканы на стойку, бармен процедил: «Отдыхайте». В отсутствие основной массы клиентов ему было скучно.

Я вернулся за столик и попытался опустить бокалы на стол так, чтобы не пролить больше половины содержимого зараз.

— ...Ни хрена это не стильно. Это пошло и буржуазно. Правда, Илья?

— Вы о чем?

— Мы обсуждаем местный дизайн. Я считаю, что это очень роскошный и очень стильный интерьер, а Брайан спорит. Этот клуб считается дорогим?

— В общем, да. Не дешевым.

— Девушки в стрип-шоу здесь красивые.

Было еще рано, но на сцене пара крашенных блондинок уже вполсилы демонстрировала публике ягодицы.

Дебби скривилась:

— Коротконогие и плоскогрудые жабы.

Все сразу посмотрели на ее бюст. Бюст у Дебби был что надо.

— Охранник внизу говорит, что сегодня здесь будет борьба без правил.

— Надеюсь, это будет не борьба публики с этим охранником.

— Четыре поединка по двадцать минут каждый.

— Настоящий бой? Прямо на сцене?

— Наверное.

— Терпеть не могу, когда люди соглашаются бить друг друга за деньги.

— Это же не всерьез. Так, аттракцион.

— Один раз в Лондоне я был в клубе, где под потолком была натянута сетка, а на ней здоровенные негритосы трахали девчонок. Внизу посетители сидят, разговаривают, едят дорогую пищу, а они прямо над их головами делают любовь. И все слюни, сперма, пот — все это капает прямо посетителям в тарелки... Смотрится очень стильно.

— Где это? Мне казалось, я неплохо знаю Лондон.

— Это закрытый клуб. Пускают туда не всех.

— Ты знаешь клуб «Silence World»? Это на Westinford Road. Нет? А ты, Дебби? При входе там выдают наушники, и каждый посетитель слушает свою собственную музыку. В зале стоит абсолютная тишина, а народ танцует изо всех сил. Каждый свое — кто-то быстро, кто-то медленно. Очень весело. У вас в городе есть что-нибудь подобное?

— У нас в городе есть клуб «Going Down», и в этом клубе для богатых посетителей есть крейзи-меню.

— Crazy menu? Что это?

— Чисто русское развлечение. Тоже очень веселое. Когда кто-нибудь из посетителей заказывает крейзи-меню, смотреть сбегается весь клуб.

— Да?

— Суть в том, что за свои деньги вы можете устроить заранее оплаченный скандал. За 500 долларов вы можете уволить официанта. То есть все по-настоящему — вписать в трудовую книжку «Уволен», поставить печать и дать пинка под зад. Завтра ему придется искать другую работу. За 700 долларов вам дадут специальный дубовый стул, которым вы имеете право расколоть витрину в клубе. Или расколошматить бар. Можете вмазать директору клуба тортом в физиономию. Директор надевает свой лучший пиджак, вам выносят торт со взбитыми сливками — хоп! Стоит недорого. Долларов двести.

— Давайте пойдем в этот клуб.

— Может быть. Не сегодня.

Я допил свой мартини, сходил к стойке и купил еще один. Брайан затянул длинную и нудную историю о какой-то вечеринке, на которой он был года три назад. Был он здорово пьян и постоянно сбивался на английский язык. Потом он окончательно забыл, к чему начал все это рассказывать.

Мы болтали обо всякой ерунде. Если честно, весело мне не было. Я смотрел в окно ипил мартини. Без единой мысли. Просто сидел и смотрел.

За окном было темно, а в стекло бились капли дождя, и от этого Казанский собор на другой стороне канала Грибоедова был не виден, и только временами мелькали в темноте красные стоп-сигналы проезжающих машин.

Капли барабанили по подоконнику, и я слышал этот звук даже сквозь грохот музыки в стоящих на сцене динамиках.

Грустный, мокрый город. Грустная, мокрая ночь. Зачем я здесь? Кто я? Откуда? Я буду сидеть здесь и напиваться, и напьюсь в результате — это уж точно. А завтра снова. И послезавтра. И так всегда. Без конца. Всю жизнь.

Всю мою нелепую, насквозь пропитанную дождем жизнь...

Брайан потрепал меня за локоть.

— Что с тобой? Не грусти.

— Я не грущу. Так... Плохой у них здесь мартини. Может, выпьем водки?

Все согласились, что водка была бы сейчас кстати, и Брайан принес четыре стопки.

— Хочешь, расскажу тебе анекдот?

— Я действительно не грущу. С чего ты взял?

— Ну я же вижу. Слушай анекдот. Мне рассказал его один американец. Очень смешной.

— Давай.

— Значит, так. Это очень короткий анекдот. Слушай: тысяча адвокатов на дне моря!

В восторге от собственного анекдота Брайан захохотал. Дебби и Мартин тоже довольно весело засмеялись.

— В чем дело? Тебе не смешно?

— погоди, Брайан, наверное, я чего-то не расслышал. Повтори, пожалуйста,— как там было дело?

— Тысяча... ха-ха-ха! Тысяча адвокатов на дне... ха-ха-ха! На дне моря! (Взрыв хохота.) Слушай, Илья, неужели тебе не смешно?

Я по-честному попытался понять, что в этих пяти словах может так насмешить. Тысяча адвокатов на дне моря? Нет, совершенно не смешно.

— Извини, Брайан, а что именно здесь должно быть смешным?

— Ну как... Неужели ты не понимаешь? Ну, адвокаты — это же такие люди... они не могут быть на дне моря! Тем более тысяча. Теперь понял?

— Нет.

— У тебя есть адвокат?

— Нет.

— Хм... Тогда, пожалуй, да... Тогда действительно...

Дебби замахала руками:

— Брайан, ты не понимаешь! Они другой народ. Ты думаешь, что выучил пятнадцать тысяч русских слов и все о них понял? Ни хрена! В этой стране другая психология. Ее надо изучать. Долго и терпеливо.

— Слушай, Илья, а над чем же тогда смеются русские? Расскажи какой-нибудь свой анекдот.

Я попытался вспомнить хоть один. Вообще-то у меня неплохая память. После интервью я никогда не прослушиваю то, что там записано на диктофоне, — и так все помню. Но вот запомнить анекдоты я почему-то никогда не мог.

— Ну хорошо. Только он старый, ничего? Если вы знаете, скажите — я не буду рассказывать. В общем, так. Приходит один мужчина в публичный дом. Уводит девушку в номер. Через пять минут девушка выбегает оттуда и кричит: «Ужас! Ужас! Ужас!» Вторая тоже. И третья. И все кричат: «Ужас! Ужас! Ужас!» Народ в недоумении — что же там творится? Тогда в комнату идет сама хозяйка заведения. Все с нетерпением ждут. Когда хозяйка выходит, то говорит: «Ужас, конечно. Но уж не ужас! Ужас! Ужас!»

Я, конечно, не рассчитывал, что от хохота ирландцы попадают под стол. Но ожидал, что они хотя бы улыбнутся. Они не улыбнулись.

Брайан с Мартином переглянулись, а Дебби спросила:

— В России действительно есть публичные дома?

— Вообще-то нет.

— А как же тогда...

— погоди, Дебби! Я ничего не понял в этом анекдоте. Что там было — в этой комнате? Почему девушки кричали «Ужас»?

Вот, блин, подумал я. Развеселил, называется, собутыльников. Где их чертов британский юмор?

— Как бы тебе объяснить? Для сути анекдота вовсе не важно, что там происходило в комнате. Это как в математике. Знак «икс», на место которого можно подставить что угодно. Незвестная величина.

Ирландцы заржали на весь клуб:

— Ах вот оно что! Теперь дошло! ВЕЛИЧИНА! Ха-ха-ха! Какой смешной анекдот! Незвестная ВЕЛИЧИНА!

Сообразил я, наверное, только через минуту.

— Тьфу ты! Да погодите вы, пошляки! Да не в этом же смысле! Это не то, что вы думаете!..

Договорить я не успел.

— Дорогие друзья и гости клуба! Клуб «Хеопс» и Ассоциация кетча Санкт-Петербурга приветствуют вас!

Все обернулись к сцене. Крашенные блондинки исчезли. Теперь там стоял крепкий мужчина, форма носа которого много говорила о том, чем он зарабатывает себе на жизнь.

Мужчина представился как руководитель Ассоциации и сообщил публике, что привез в «Хеопс» своих подопечных.

Ирландцы заерзали на стульях. Брайан залпом допил свою водку. Дебби вытащила из моей пачки «Лаки Страйк» сигарету и прикурила.

К моменту, когда схватки закончились и официантки стерли со сцены кровь, я успел выпить еще пару рюмочек. Лично мне бои не понравились. Но я был единственным парнем в клубе, кому они не понравились.

Ирландцы молчали. Потом Брайан сказал, что сходит купить пива.

— Вам взять?

— Возьми.

Мартин сказал, что шоу было суперское.

— Тебе понравилось?

— Чисто кельтское развлечение.

— Почему «кельтское»?

— Люди, живущие в Ирландии, Шотландии, Уэльсе и французской Бретани, называются кельты.

— Я в курсе. Эти люди регулярно собираются в барах и выбивают друг дружке зубы?

— Что вообще, Илья, ты знаешь об Ирландии?

— Не так и мало. Я знаю несколько ирландских групп. Я пробовал несколько сортов ирландского пива и ликер «Бейлиз». Я читал об ирландских террористах...

— Это все?

— Н-ну нет. Еще я слышал, что у вас премьер-министр — женщина. И что у всех ирландцев фамилии начинаются на «Мак».

— На «Мак» фамилии начинаются у шотландцев. В Ирландии фамилии начинаются на «О». Как у Деирдре — О'Рейли.

Вернувшийся Брайан поставил на стол четыре кружки пива.

— Это вы о чем?

Дебби сделала из кружки большой глоток:

— О кельтах. Марти сел на своего любимого конька.

— При чем здесь «конек»? Просто все, что перечислил Илья, входит в стандартный набор штампов. Люди говорят: «Ирландия? Как же, как же! „Ю-Ту“, „Гиннесс“ и Микки Рурк. Слышали-слышали!» А ведь на самом деле Ирландия — это совсем не то, что о ней думают. Ирландия — это особенная страна. Мистическая. Загадочная.

— Точно! Когда я выпиваю больше шести «Гиннессов» за вечер, я чувствую себя настоящим мистиком.

— Мы — самый древний культурный народ Европы. Наша история — самая кровавая история в мире. Я не собираюсь ее стыдиться.

— За это и выпьем!

— Кельтские турниры... древние боевые турниры кельтов... это... по сравнению с ними сегодняшнее шоу — детский утренник.

— Да?

— Когда во время боя какой-нибудь древний ирландец убивал врага, он мечом разбивал ему череп и аккуратно выливал мозг в особую чашу. Потом добавлял туда цемента и тщательно все это перемешивал. Получалось, что цемент был замешен на теплом мозге, и когда раствор застывал, то становился крепче камня. Воины обтесывали его в виде боевых метательных шаров и во время педингов бросали во врага. То есть зацементированным мозгом одного врага вышибали мозги другому!

— Отличная традиция! Может, пойдём отсюда куда-нибудь еще?

— Индейцы снимали с врагов скальпы. Японские самураи поедали печень только что убитого врага. Скандинавы одним ударом разрубали ребра лежащего противника, отчего легкие вылетали наружу. Они называли это «запустить орла». Но таких кровавых шоу, как в Ирландии, не было ни у кого в мире...

— Или мы будем сидеть здесь до утра?

— В Дублинской Национальной библиотеке я листал древний манускрипт, посвященный тому, как следует разрубать череп врага, чтобы сделать цементный шар. Представляете?! Текст на триста страниц, посвященный тому, как нужно вскрывать череп! Fuck! Предки знали, как обходиться с врагами! Здесь сзади на черепе — справа и чуть повыше шеи — есть такое место... Если рубануть по нему боевым мечом, то череп откроется, как консервная банка...

— Справа, чуть повыше шеи?..

Мартин резко замолчал. Я смотрел на него и отказывался верить тому, что он только что произнес. Неужели вот так, по-детски, он взял и проговорился?

Правда, заметил это, похоже, я один. Брайан помолчал, покрутил в пальцах водочную рюмочку и сказал:

— Я не разделяю восторгов Мартина по поводу всего этого исторического дерьма. Но мне нравится моя страна. Быть ирландцем — это круто!.. Знаете что? У меня есть отличный ирландский тост. Вы знаете хоть один ирландский тост?

— Смерть британским оккупантам?

— Я знаю английский тост. Он звучит так: «Уыпьем уодки!»

— Нет. Это не то. Я скажу вам настоящий ирландский тост. Илья, запоминай: «Агус баан ан Эйрин!» По смыслу это что-то вроде: «Давайте выпьем за то, чтобы всем нам посчастливилось умереть на зеленом острове Ирландия!»

Дебби сказала:

— Да-да. Давайте все умрем в Ирландии. Отличное место для того, чтобы сдохнуть.

Брайан удивился:

— Ты не любишь Ирландию?

— Терпеть не могу. И вы с Мартином уже достали своим патриотизмом. Один с утра до вечера бубнит о славном кельтском прошлом. Второй — о борьбе свободолюбивого Ольстера. Могу я хоть в России отдохнуть от этого дерьма?

— Давайте только не будем ссориться, ладно? Мы хотели выпить? Давайте выпьем! Как ты там, Брайан, говорил — Агус... багус... вот и хорошо!.. Я смотрю, сегодня здесь уже ничего интересного не будет. Предлагаю отправиться куда-нибудь в другое место.

— Пойдем? Ну пойдем. А куда?

— У меня есть приятель. По прозвищу Минус. Он художник, у него своя галерея. По вторникам Минус устраивает у себя сеансы гадания на Таро. Это такие оккультные карты. Мартин — ты же хотел познакомиться с петербургскими оккультистами, а?

Все вылезли из-за столика и отправились одеваться. Внизу, возле гардероба, пока Дебби и Брайан натягивали куртки, Мартин посмотрел мне прямо в глаза и спросил:

— Ты думаешь, это я убил Шона?

Я пожал плечами. Сказал, что это не мое дело. Но в глубине души я был уверен: если убийца Мартин, то разгадка всей истории будет найдена именно сегодня ночью.

Наверное, в каждом мегаполисе планеты есть район — «черная дыра», живущий по совершенно иным законам, нежели остальной город. Что-то среднее между сточной канавой, сумасшедшим домом и артистическим салоном.

Central Park в Нью-Йорке. Кройцберг в Берлине. Риппербан в Гамбурге. Думаю, что вы понимаете, что я имею в виду. Есть такое место и в Петербурге. Называется — Пушкинская улица.

Лет десять тому назад, еще при советской власти, несколько домов на этой улице было решено расселить и капитально отреставрировать. Расселить-то дома успели, а вот начать ремонт — руки не дошли.

В скором времени оказалось, что большинство пустующих квартир занято художниками, скульпторами, торговцами наркотиками, авангардными фотографами... личностями странными и бородатыми. Художники бумагой заклеили рамы без стекол, подвели к доставшимся помещениям свет и начали обживать.

Помню, когда я попал на Пушкинскую впервые, то долго не мог сообразить: а где кинокамеры? Впечатление, что напрочь свихнувшийся режиссер выбил из сумасшедших спонсоров бюджет под фильм о конце света, а я влетел прямо на съемочную площадку, было полным.

До сантиметра расписанные пульверизаторами стены. Из окон ревет музыка. Посреди двора проповедник в малиновом берете и семейных трусах вербует народ в секту Виртуальных Онанистов.

Здесь можно было встретить аргентинских панков и настоящих шаманов из Тувы. Продавцов марихуаны и девушек, которые уверяли, что скоро родят ребенка от призрака Александра Блока.

А вывески на дверях квартир? «Редакция журнала „Галлюциногенный гриб“». «Портной-авангардист — недорого и модно». «Йога-клуб». «Курсы зороастрийской астрологии». «Трест Дирижабльстрой». Иногда аборигены развлекались: сбрасывали с верхнего этажа голых девушек, за ногу привязанных к резинке.

Выйдя из «Хеопса», мы купили бутылку сухого вина и поймали такси. Мартин приставал к водителю, чтобы тот подхватывал его ирландскую песню. Брайан орал «Fuck off все ирландские песни!» и требовал, чтобы таксист спел «Из-за острова на стрежень».

Дебби высиранивала, как называются улицы, по которым мы едем, и пыталась в темноте погладить меня по коленке. Я молчал.

отодвигался все дальше в угол и пил из горлышка дешевое сухое вино.

Когда мы вылезли из машины, таксист так стремительно порулил прочь, что забрызгал нас с ног до головы.

Первое, что я увидел, оглядевшись, — на рекламном плакате с улыбающейся девушкой и надписью «Сумки из Германии» кто-то из аборигенов старательно закрасил букву «м» в слове «сумки». Улыбающаяся девушка приобрела совершенно непередаваемое выражение лица.

— Это что — здесь?

Я кивнул:

— Здесь.

— Ты же обещал, что мы идем в галерею.

— Мы и идем в галерею. Очень, кстати, модную.

— По-моему, единственное, для чего годится эта улица, — грабить случайно оказавшихся здесь ирландцев.

Дебби добавила:

— И насиловать ирландок!

Мы прошли во двор. У входа в парадную спал пьяный милиционер в шинели.

— Посмотрите налево — это клуб «Meat Factory». Справа — памятник Пабло Пикассо, построенный на деньги аборигенов.

Мы поднялись на третий этаж. Рядом с дверью галереи был изображен повешенный Санта-Клаус и написано: «Dead Moroz». Разумеется, звонок не работал. Стучать пришлось долго.

Когда дверь открылась, грохочущая внутри музыка обрушилась нам на головы, как прошлогодние зимние сапоги, впихнутые на антресоль.

— Привет. Проходите.

Саша Минус был для такого времени суток необычно трезв.

Мы прошли.

— Wow! реальный русский squat!

Ничего важного мы не пропустили. Это я понял сразу. Публика была относительно трезвая. Голым на столах никто не танцевал.

Народ тянул пиво, любовался на ржавые карбюраторы, расставленные по углам в качестве экспонатов, и местами целовался с симпатичными девушками. Саша молча протянул мне начатую бутылку «Балтики».

— Чего это ты? Решил погадать на Таро?

— Ты же знаешь, как я отношусь к потусторонним развлечениям. Привез вот к тебе своих коллег. Знакомься.

Саша пожал ирландцам руки и протянул им по бутылке пива.

— Вы в Петербурге по делу или как?

Ирландцы сказали, что «или как». Саша посоветовал им сходить на конкурс профессионального мастерства гробовщиков. Позавтракав конкурс будет проходить двумя парадными дальше.

— Будет очень интересно. Умелец из Пензы обещал привезти коллекцию гробов, разработанных специально для инвалидов — горбатых, карликов и сиамских близнецов.

Я сказал, что Мартин интересовался, нет ли здесь знатоков оккультизма. Минус сказал, что подобного добра у него в галерее навалом. Они все вместе переместились в зал для гадания на Таро.

Я хотел пойти за ними, но столкнулся с Толиком Кутузовым, владельцем «Розовой Галереи», квартировавшей в этом же здании, но чуть ниже.

— О! Стогов! Сто лет тебя не видел!

Впервые я увидел Толика лет пять назад на выставке, которая называлась Penis-Art. Толик стоял абсолютно голым посреди зала и привязанной к члену кисточкой рисовал на холсте то, что сам называл — «Женщина в сером».

После того как акция была закончена, он отвязал кисточку, глянул на получившиеся каракули и сказал: «Да-а... Не вышла картина... Что-то у меня сегодня эрекция пошаливает».

«Розовая Галерея» была оборудована Толиком в обычной квартире, которую владелец стилизовал под... как бы это поделикатнее?.. в общем, под вульву с изнаночной стороны.

Вход в нее представлял собой дверь, к боковым косякам которой были прибиты розовые матрасы, так что протискивались в галерею посетители с трудом. Каждому протиснувшемуся присваивалось звание «член галереи», и он тут же получал вручную распечатанный Толиком презерватив.

Прихлебывая пиво, мы поболтали об общих знакомых. Толик предложил угостить меня чем-нибудь получше, чем отечественное пиво:

— Я сегодня богатый!

— Неужели такое бывает? Может, долги отдашь?

— Мне заплатил один охрененно богатый фонд.

— Дай угадаю. Ты подлечил эрекцию и нарисовал картину, которую можно продать?

— Я получил грант. Продал фонду идею.

— Ну-ка, ну-ка... Интересно было бы узнать, за какие идеи нынче платят богатые фонды.

— Идея называется «Любовь длиннее жизни». Суть в том, что фонд находит двух добровольцев — мужчину и женщину, — которые завещают моей галерее свои тела. После того как они умирают, я разрисовываю их тела, придаю им такой вид, как будто мужик эту мертвую тетку трахает, и все это вместе заливаю стеклом. Чтобы не разлагались. Все. Шедевр тысячелетия готов.

Я повнимательнее посмотрел на Толика. Выглядел он, конечно, выпившим, но не совсем сумасшедшим.

— Ты думаешь, это реально?

— А что? Отрезал же какой-то чудик себе член на прошлогоднем бьеннале в Москве. Прямо перед камерой отрезал и москвичам из галереи «Squat-2000» подарил. Тут главное, чтобы эти добровольцы померли молодыми. Старые покойники плохо смотрятся.

— Сколько тебе дали за эту твою идею?

— Почти две тысячи долларов.

Живут же люди! Пишешь как проклятый. Мозоль на среднем пальце руки от авторучки зарабатываешь. Со мной три глянцевого журнала уже какой месяц расплатиться не могут. А тут...

Я привстал на цыпочки и попытался разглядеть в толпе своих ирландцев.

— Ты чего?

— Не видел девушку, с которой я пришел? Ирландку. Высокую, грудастую шатенку.

— Не видел. Но, судя по описанию, очень хотел бы увидеть.

Я залпом допил пиво. Если бы удалось пристроить Мартина на сеанс гадания, Дебби — на обмен идеями к Толику, то мне осталось бы сбить с рук только Брайана. С кем он там мечтал познакомиться? с троцкистами, с левыми радикалами?..

Я кивнул Толику:

— Пошли поищем.

Дебби и парни обнаружили в зале для гадания. Ирландцы пили «Балтику», а вокруг Дебби выстроились желающие объяснить ей, в чем именно состоит суть Таро.

— Вообще-то Таро придумали древнеегипетские жрецы. А в Европу эти карты попали от раввинов-каббалистов. Кроме четырех мастей, в колоде есть двадцать две аллегорические фигуры: Маг, Император, Разрушенная Башня, Любовники, Повешенный, Страшный Суд, Звезда... С помощью Таро можно не только гадать, но и активно влиять на судьбу. У этих карт есть своя душа...

— Не совсем верно. Собственной души у Таро нет. Но они способны забирать частички душ у тех, кто с ними соприкасается. Дело в том, что Филипп II в свое время...

Интересно, почему все эти оккультисты выглядят так, словно их показывают по черно-белому телевизору?

Я пододвинулся ближе:

— Извините, что прерываю. Дебби, позволь представить тебе большого знатока отечественной эротики... э-э...

— Анатолий. Очень приятно.

— Деирдре О'Рейли.

— Оч-чень, оч-чень приятно.

— Вот и хорошо, подумал я. Теперь можно и выпить пива. А через час, может быть, даже пойти домой.

Я отправился в бар и попросил барменшу, жену Саши Минуса, открыть мне еще одну «Балтику».

Посетители постепенно переместились из залов галереи в комнату для гадания. В баре я скоро остался один.

Я вытряс из пачки последнюю сигарету и с удовольствием затянулся.

Глупо все-таки устроен этот мир. Парня убили, а мы... Выпили, блин... на Пушкинскую приехали. Хотя, с другой стороны...

Я сижу... пью свое пиво... но случись что не с Шоном, а со мной, и никто ведь даже не заметит.

Я огляделся по сторонам. Пустой зал, ржавые конструкции вдоль стен. За стойкой, подперев щеку, сидит барменша. Никто на меня не смотрит, никому не интересно, здесь ли я, отправился куда-нибудь на хрен, в Шушенское или вообще умер.

Глупый мир... Глупая жизнь... И за окнами по-прежнему барабанил бесконечный нудный дождь.

Я еще раз отхлебнул из бутылки и услышал, как из гадательной комнаты кто-то вышел.

— Илья, кого ты мне подсунул?

— А что такое?

— Он же извращенец! Он такое мне предлагал!

— Неужели тебя это смутило?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что последние сутки... все то время, пока я тебя знаю, ты мечтала познакомиться со знатоками эротики по-русски.

— Стогов. Ты полный кретин. Сколько здесь стоит пиво?

— Для гостей алкоголь бесплатно.

Дебби повертела головой, ища, куда бы усесться, и в конце концов плюхнулась на конструкцию из нескольких сваренных между собою алюминиевых труб. У меня было подозрение, что конструкция находилась в зале в качестве экспоната. Но я решил промолчать.

— Ты полный кретин.

— Я плачу от обиды.

— Но ты самый очаровательный кретин из всех, кого я знаю.

— Из твоих уст это особенно радостно слышать. Ты, кажется, хотела пива?

— Я хотела понять, что, черт возьми, ты обо мне думаешь?

— Я думаю, что ты родом из Ирландии, по профессии — социолог и что через неделю... нет, через шесть дней... ты уедешь домой и больше я тебя никогда не увижу.

— Это все?

— Нет.

— А что еще ты думаешь обо мне?

Дебби взяла открытую бутылку и, далеко высунув розовый язык, тщательно обследовала им горлышко бутылки, а затем, нежно обхватив горлышко зубами, запрокинула бутылку и влила в себя сразу почти половину.

— Тебе бы в цирке работать.

— Это твой ответ?

— Послушай, Дебби. Давай договоримся сразу. Если не сейчас — то когда? Ты пьяна, я тоже, почему бы нам не договориться, а?

— Многообещающее начало, милый.

— Давай договоримся: я никогда — ни-ко-гда! — не попаду в твою коллекцию, ладно? Ты девушка эффектная... О'кей — не просто эффектная. Ты самая эффектная рыжая девушка из всех, кого я до сих пор встречал. Но я никогда не позволю себе купиться на эти твои трюки.

— Почему?

— Потому что вчера в туннеле ты долго и с подробностями рассказывала мне о том, что секс для тебя — э-э... социологический феномен. Мне это не нравится. Для меня секс — это...

— Что?..

— Не знаю. Секс для меня — это НЕ социологический феномен. Меня не радует возможность переспать с девушкой, если я заранее знаю, что для нее это работа.

Я посмотрел на нее поверх плеча. Дебби устало улыбалась и нехотя прихлебывала пиво. Просто прихлебывала.

— Дай сигарету. У меня кончились.

Она протянула мне пачку «Лаки Страйк» и сама прикурила от моей зажигалки.

— Хорошая музыка здесь играет.

— Да, неплохая.

— Ты знаешь эту группу?

— Нет. Кто это?

— «Stanberggies». Они тоже ирландцы. Правда, не из Корка, а из Дублина. Но все равно приятно их здесь услышать.

Мы помолчали. Она глядела на меня, и у нее были очень зеленые глаза.

— Слушай, Стогов. Ты же совсем меня не знаешь.

— Да. Не знаю.

— Я не такая, как ты думаешь...

— Разумеется. На самом деле ты — коротконогая брюнетка родом из Саудовской Аравии.

— Я не об этом...

— А я об этом. Слушай, мы же договорились — ведь правда? Я обещал редактору, что покажу вам мой город. Я и показываю. Чего не хватает?

— Я хочу, чтобы ты не относился ко мне вот так...

Разговор становился утомительным. Я допил свое пиво, поставил пустую бутылку на стойку и улыбнулся барменше одной из своих самых ослепительных улыбок:

— Спасибо.

— Не за что, Илья. Приходи еще.

Дебби спросила:

— Ты куда?

Ей хотелось еще повязнать со мной отношения. Господи, избавь меня от пьяных женщин отныне и вовеки. Пожалуйста.

— Н-ну, как сказать... Мы ведь все-таки пиво пили. Догадываешься?

— Но ты вернешься сюда?

— Очень надеюсь, что мне повезет не остаться там, куда я иду, насовсем.

Я подарил Дебби все, что осталось от моих ослепительных улыбок, и пошагал в сторону уборной.

Проходя мимо комнаты для гадания, я заглянул внутрь. Игроки раскладывали Младший Аркан.

Я поискал глазами ирландцев. Брайан шептался с парнем в кожаной куртке и с бородой а-ля Че Гевара. Мартина в комнате не было.

Уборные в нежилых квартирах на Пушкинской комфортом не отличались. Обвалившаяся кафельная плитка на стенах. С потолков свисают здоровенные куски штукатурки. Унитаз и ванна поставлены друг к дружке впритык.

Я зашел в узкую комнатушку, зажег свет, накинул на дверь крючок, повернулся.

Сперва я решил, что от яркого света после полумрака галереи у меня перед глазами плывут пятна. Однако, присмотревшись, убедился — то, что я увидел, действительно существует. И тогда мне захотелось кричать.

Старая и грязная ванна галереи Саши Минуса была вся, до краев, налита кровью. Еще не свернувшейся, черной и густой кровью. А посреди ванны торчало нечто жуткое. То ли колено, то ли чья-то спина.

Я прислонился к стене и закрыл глаза. Опять? Второй раз за два дня? Кто теперь? Я прекрасно понимал, что нужно подойти и рассмотреть, кто именно лежит, зарезанный и, может быть, обезглавленный, в ванне, но вместо этого, не открывая глаз, нащупал рукой крючок и на ватных ногах вышел в коридор.

— Стогов, тебе плохо?

— Когда ты последний раз видела Мартина?

— Не знаю... Когда все входили в комнату.

— А потом?

— А потом этот твой извращенец полез ко мне со своими предложениями, и я ушла.

— Куда потом делся Мартин?

— Я не знаю. Не видела.

— КУДА ПОТОМ ДЕЛСЯ МАРТИН?

— Не знаю! Что случилось?

Я пытался вспомнить телефон капитана. Служебный это был телефон или домашний? И если служебный — то окажется ли он на месте?

Времени не было. Я подошел к барменше:

— У вас в галерее есть телефон?

— Откуда? В расселенных-то домах?

— А где здесь поблизости автомат?

— На углу с Невским. Что-то случилось?

— Да, случилось. Скажи Саше, пусть закроет дверь и никого не выпускает из галереи.

- Ты серьезно?
- Нет времени объяснять. Там в ванне...
- Что?

Я сглотнул и почувствовал, что просто физически не могу произнести ЭТО. Но все-таки произнес:

- Там в ванне лежит чей-то труп.
- У нас? В нашей ванной?
- Да.
- Не может быть.

– Сходи и убедись. Но сначала предупреди Сашу. Я пошел звонить в милицию.

Не обращая внимания на мои слова, барменша рванулась в сторону туалета.

Секунды тянулись очень медленно. Уборная находилась за поворотом коридора. Мне не было видно, что там происходит, а потом барменша вышла, и на лице ее светилась улыбка:

- Стогов, ты совсем до ручки допился?
- До ручки допился?
- У нас послезавтра вернисаж. Я покрывало с дивана замочила.

– И что?

– К нам в галерею немцы приедут. Хотят купить несколько Сашиных работ. Чтобы их встретить по-человечески, я решила постирать покрывало. А оно бордовое. Залиняло и воду окрасило...

«М-да», – сказала Дебби.

Давненько я не оказывался в настолько дурацкой ситуации.

8

Как и собирался, всю первую половину среды я посвятил тому, чтобы дописать кровавую новеллу о серийном убийце с Лиговки. Материал получился вроде бы ничего.

Ответственный секретарь Ира выдохнула в атмосферу порцию вонючего дыма и сказала, что я гений. Я посоветовал ей рассказать об этом редактору и пусть он прибавит мне зарплату.

Мы обсудили, куда посылать фотографа. Ира спросила, не желаю ли я заявить какую-нибудь тему на следующий номер.

- Не желаю. Времени нет.
- Куда ты его деваешь?

— Ты еще не слышала? Мне редактор стажеров подсунул. Из Ирландии.

.. — А-а! Точно... Видела я этих стажеров. Это твои? Парни и девушка с четвертым размером груди, да? Верстальщики чуть шеи не свернули, когда она позавчера по коридору болталась... Осокина на нее нет.

— Уже и ты про Осокина слышала?

— Все слышали... Бедный Леша.

.. Всю дорогу до своего кабинета я пытался сообразить: неужели Осокин оказался настолько всеяден... что даже секретарь издания Ира?.. даже такое бесполое существо, как Ира?.. нет, я не понимаю Осокина!

.. В кабинете я стащил куртку, взгромоздил ноги на стол и наконец закурил. Из висевшего на стене зеркала на меня смотрело небритое лицо, напоминающее моток колючей проволоки.

Я поскреб щетину и подумал, что, скорее всего, мне опять не удастся ни побриться, ни толком поваляться в ванне. Еще я подумал, что сегодня уже среда. А убийца так и не пойман.

С чего начинают расследование те, кому государство платит за это деньгами налогоплательщиков? Если судить по книгам и фильмам, то с поиска мотива.

Находим мотив, дергаем за него, как за ниточку, — разматываясь, клубок сам приводит к злоумышленнику. Однако в данном случае никакого мотива не было.

Все мы — и ирландцы, и я с капитаном — в тот день видели друг друга впервые. Можно, конечно, представить, что в Ирландии кровь у народа столь горяча, что парни уже на третьем часу знакомства готовы хвататься за ножи и топоры... но это вряд ли... у моих стажеров кровь — не горячее пива из холодильника.

Допустим, я с первого взгляда возненавидел Шона и решил его убить. С чего бы я начал? С того, что как следует подготовился бы к злодеянию. А здесь?

Никто не знал, что в туннеле погаснет свет, — до последнего момента мы даже не знали, что вообще пойдем в тот чертов туннель. Оружие тоже появилось спонтанно. Пройди мы на десять метров дальше, и убийца просто не успел бы снять топор со щита. Что уж говорить об алиби? Мы все стояли друг от друга на расстоянии вытянутой руки, и никто ничего не видел!

Несколько секунд я прикидывал — а не могла вся эта история быть импровизацией?

Никто никого и не собирался убивать. Шли мы по туннелю, и уж больно удачно сложились обстоятельства. «Глупо не использовать такой шанс», — подумал убийца и, когда погас свет, быстро дошел до пожарного щита, схватил топор, вернулся обратно и в темноте рубанул сплеча: уж кому повезет. Самым близким затылком оказался затылок Шона. А я сижу и ломаю голову насчет мотива.

Я посмотрел, как за окном, на другой стороне Фонтанки, укрываясь зонтиками, бредут одинокие, понурые пешеходы, потом переложил из куртки в брюки кошелек, взял со стола сигареты и зажигалку и спустился в редакционный буфет.

В буфете, за столиком у окна, сидел парень со смешной фамилией Карлсон. Звали его Женя. Когда я видел его в последний раз (три недели назад), он сидел в буфете и точно так же гипнотизировал бутылку портвейна. Бутылка, стоящая перед ним сейчас, очевидно, приходилась той внучатой племянницей.

Жизнь Жени, насколько я представлял, была полна смысла. Он пил алкоголь, ходил на вечеринки, на которых пьют алкоголь, угощал знакомых тем, что пил сам, и никогда не отказывался от того, чем угощали его знакомые. Все это продолжалось неделями. Хороший парень.

Я купил пива, подсел к Карлсону и сказал: «Привет, как дела?»

— Здравствуй, Илья. Рад тебя видеть.

Голос у Жени был трезвый и задумчивый. Это значило, что Женя до невменяемости пьян.

— Как дела?

— Неплохо. Совсем неплохо. Вчера я поймал попугая.

— Попугая?

— Ну да. Попугая. Здоровенного попугая, называется ара. Он влетел ко мне в окно и сказал: «Пр-р-ивет, милый». У меня в районе очень много таких попугаев.

— Ты где живешь?

— В Колпине.

— И там много попугаев ара?

— Просто навалом!

Я посмотрел на стоящую перед ним бутылку. А ведь выглядит как обычный портвейн.

— Думаешь, я с ума сошел, да? Почему вы все так ко мне?.. У меня в районе действительно много попугаев. И нечего на меня так смотреть.

— Да я так... я и не смотрю.

— В моем подъезде выше этажом живет мужик, который выращивает этих попугаев на продажу. А форточку закрывать постоянно забывает. Вот они и летают по всему району.

Я облегченно вздохнул:

— А-а-а!

— Хочешь портвейна?

— Нет.

— Потому что много работы?

— Нет, потому что не люблю портвейн.

— А я вот люблю. Как его можно не любить? Но это у меня — последняя. Больше денег нет. Ты-то как?

— Так как-то... Мне редактор поручил развлекать стажеров из Ирландии. Целыми вечерами с ними по клубам болтаюсь.

— Платит-то хоть кто — ты или они?

— Когда как.

Мы помолчали, и я сходил купить себе еще пива.

— Слушай, Стогов. Ты же знаешь — я работаю в глянцево-м журнале.

— Знаю. Так себе журналчик.

— Я работаю светским хроникером. И меня постоянно приглашают на всякие светские мероприятия. Ты об этом знаешь?

— Ага. Устроители поят тебя алкоголем, а ты потом рассказываешь читателям, как плохо тебе было с утра. Об этом знает весь город.

— Ты бы удивился, если бы узнал, насколько трудно меня обидеть... Но я не об этом. В городе постоянно происходят светские события, и меня везде приглашают. Ты об этом знаешь? А я — человек занятой, везде побывать не успеваю. Несмотря на то что там, куда меня приглашают, бесплатно поят и кормят.

— Ты хочешь, чтобы я тебе позавидовал? Я уже завидую.

— Я хочу тебе предложить взаимовыгодный обмен. У меня наверху лежит целая стопка факсов с приглашениями на светские события. В клубы, на модные приемы, и все такое... Ты покупаешь мне две бутылки портвейна, а взамен забираешь мои факсы. Как тебе идея?

— Одну.

— Что одну?

— Я куплю тебе одну бутылку портвейна.

— Идет!

При входе в лифт хмельной Женя чуть не упал, и мне пришлось схватить его за пиджак.

— Осторожнее, пиджак от Хьюго Босса. Очень дорогой.

На этом Женином пиджаке я своими глазами видел бирку фабрики имени Володарского. Хотя, может быть, с тех пор он успел ее отпороть и пришить другую.

Мы дошли до его редакции. Он буркнул, чтобы я подождал, и отправился искать обещанные факсы.

Я полистал наваленные на столе газеты. Столичная и петербургская пресса обсуждала заявление английской разведки МИ-6 и сообщала новые подробности скандала.

«Городские новости» на первой полосе разместили несколько фотографий полугодовой давности. Британские спецназовцы окружают базу в Ист-Энде. Агент-резидент (ни лица, ни подробностей фигуры не видно), прикрываясь школьниками из похищенного школьного автобуса, беседует с полицейскими. Финальный аккорд — дымящиеся руины порта в Бристоле.

Насколько я помню, эти же самые снимки «Новости» уже печатали в марте, но не на первой, а на третьей полосе.

«Невский хронометр» разразился нудной и очень правильной передовицей насчет того, что похищать детишек плохо, а не похищать — хорошо, и если российским властям действительно известно место, где скрывается злодей-резидент, то, как и положено цивилизованным людям, следует выдать монстра англичанам на растерзание, и будет нам за это счастье.

Моя газета на этом фоне смотрелась неплохо. Дословный перевод заявления британцев плюс некоторые подробности скандала из тамошних газет. Леша Сердитов попытался получить комментарий в МИДе — но безуспешно, о чем и сообщал читателям.

Кто-то из молодых, с незнакомой фамилией, здесь же писал, что приметы сбежавшего из Англии российского супермена уже помещены в Интернет и теперь любой желающий может узнать, что единственной особой приметой супермена является татуировка в виде морского змея, пожирающего подводную лодку, наколотая на внутренней стороне предплечья — чуть повыше кисти.

Карлсон наконец вернулся и бросил мне на колени целую стопку скрепленных бумаг. Я полистал приглашения... Женя замер в нечеловеческом напряжении.

— О'кей. Это я забираю. Пойдем, куплю тебе твою мадеру.

Женя вздохнул, напряжение перестало быть нечеловеческим, и мы пошли к выходу.

— Погоди. Я тут вспомнил... Можно от тебя позвонить?

– Звони. Лучше вон по тому, сиреневому, телефону.

– Через девятку?

– Ага.

По аналогии с иностранными шпионскими страстями мне вспомнились собственные неприятности. Пообещав еще в понедельник ежевечерне звонить капитану, взявшемуся за дело об убийстве, я так до сих пор ему ни разу не позвонил.

Трубку взяли почти сразу.

– Здравствуйте. Извините, мог бы я поговорить с капитаном Тихорецким?

– Я у аппарата.

– Игорь Николаевич? Это Стогов. Мы с вами...

– Я узнал вас.

– Как там дела? Нашли что-нибудь?

– Откуда вы звоните?

– Из редакции. Вы сделали анализ пятен на брюках Мартина?

– Сделали.

– Ну и как? Вы говорили, что по конфигурации брызг можно определить...

– Илья Юрьевич. Мне неприятно вам это говорить, но мы сняли отпечатки пальцев с рукоятки топора...

– И?..

– На рукоятке обнаружены ваши отпечатки. Не Мартина, не мои, не кого-нибудь из ирландцев. ВАШИИ! Вы понимаете, о чем это говорит?

На какое-то мгновение мне показалось, что сейчас трубка выпадет из моей ослабшей ладони. Я зажмурил глаза и мучительно захотел проснуться.

9

Я сидел с Дебби в кафе «У Ника», на углу Невского и Владимирского, пил пиво и не мог прийти в себя. Мои отпечатки пальцев! Откуда?!

Бред, – в сотый раз повторял я, но ситуация от этого не становилась понятнее.

Дебби посмотрела на часы. В полпятого мы договорились встретиться здесь с парнями. Было уже почти пять, а парни задерживались.

— Какой-то ты сегодня... У тебя неприятности?

Я кивнул и пригубил из кружки.

— На работе?

— Нет. Не на работе. Сегодня я разговаривал с капитаном Тихорецким.

— И что?..

— И он сказал, что на топоре найдены мои отпечатки пальцев.

— Shit! На том самом топоре?! Откуда?!

— Понятия не имею.

— И что ты по этому поводу думаешь?

Я сказал, что я по этому поводу думаю. Дебби попросила меня больше не произносить при ней таких слов.

— Но я надеюсь, капитан не считает тебя убийцей?

— Я тоже на это надеюсь. Он попросил послезавтра зайти к нему.

— Боишься?

— Чего?

Дебби допила пиво, поставила кружку на стол и вынула из кармана сигареты.

— Я так и думала, что ты спросишь — «чего?». Мне кажется, что такие парни, как ты, никогда и ничего не боятся.

— Что, по-твоему, я должен ответить?

— Ты чего-нибудь в жизни боишься?

Дебби прикурила и посмотрела на меня. Я по-честному подумал и сказал:

— Раньше, когда я жил с женой, очень боялся, что она будет мной недовольна.

— А теперь?

— А теперь у меня нет жены.

— Я не знала, что ты был женат. Мне казалось, что такие парни, как ты, не должны жениться...

— Дурацкое выражение «такие парни, как ты».

Мы помолчали.

— Расскажи, что там у тебя произошло с женой. Почему вы расстались?

— Н-ну... это было так давно... И вообще этого не было. Я пошутил. Купить тебе пива?

Я сходил к стойке и заказал еще две «Балтики». Когда я вернулся, Дебби смотрела в окно и молча курила. В «Нике» огромные окна, через которые видно все, что происходит на два квартала вокруг.

— Знаешь, Стогов, я все утро думала о том, что ты сказал мне вчера в галерее... Ну, насчет того, что тебе не хотелось бы со мной спать... Ты ведь действительно совсем меня не знаешь.

— Не знаю.

— И ты единственный парень, которому я довольно откровенно предлагаю переспать, а он отказывается.

Я отхлебнул пива и решил, что ответить мне нечего.

— Вчера я, честно скажу, расстроилась. Решила, что со мной что-то не так. Приехала домой, легла и долго не могла уснуть. В каждой стране свои представления о женской красоте. Европейцам нравятся длинноногие девушки, а китайцы считают, что длинные ноги — признак уродства... Я перечитала, что писал по этому поводу немецкий социолог Эрнст Марлингер, и подумала, что, наверное, у русских я просто не вызываю тех же эмоций, что у ирландцев...

— На самом деле все не так. На самом деле ты очень красивая девушка. Любой парень был бы рад встречаться с такой девушкой...

— Но не ты?

— Но не я.

— То-то и оно. Я стала вспоминать все, что знаю про тебя, и решила, что национальный менталитет здесь ни при чем. Проблема не во мне, а в тебе...

Я прикурил и сказал:

— Точно.

Я пускал дым кольцами, а Дебби по-прежнему смотрела в окно. Парни опаздывали уже на сорок минут

— Знаешь, Стогов, я просто хочу, чтобы ты знал — такие парни, как ты, никогда мне не нравились.

— Если честно, мне они тоже не нравились.

— Это все, что ты хочешь сказать?

— Нет. Еще я хочу сказать, что если бы я был твоим редактором, то обратил бы внимание, что ты слишком часто употребляешь одни и те же выражения подряд. С точки зрения стиля это нехорошо.

— Ты невыносим. Я понимаю, почему ты не можешь жить с женщиной. Ни с женой, ни с подругой. Тебе нравится строить из себя супермена. Крутого мужика, для которого работа и алкоголь всегда важнее, чем подруга жизни. Но придет день, когда ты пожалеешь об этом. У тебя уже сейчас нет друзей. Нет семьи. Ничего нет! Только твоя работа и твой алкоголь! Отличная компания для супермена!

Дебби выпила всего две кружки «Балтики», но казалась непропорционально пьяной. Она горячилась, с трудом подбирала русские слова и, наверное, воспринимала эти банальности всерьез.

Я следил, как тает в воздухе дым от моей сигареты, и прикидывал, как бы мне попрощаться с девушкой и поехать домой. Именно в эту минуту в зал ввалились парни.

— Hi, guys!

Оба ирландца были насквозь мокрые и запыхавшиеся. Они перепробовали друг друга, извинялись, объясняли, что заблудились, перепутали троллейбус и что-то еще. Я был рад, что они появились, потому что выносить общество Дебби больше не мог.

Брайан повесил куртку на плечики, закурил и спросил, что мы пьем.

— «Балтику». Очень рекомендую.

— Почему вы оба такие хмурые? Когда на улице льет, как сегодня, а вы сидите в тепле, пьете пиво и болтаете с приятными людьми, то нужно светиться от счастья и с каждым тостом благодарить Бога за такое везение.

— Дебби считает, что я слишком мало люблю людей и слишком много пью алкоголя.

— А сколько это — много?

— Не знаю... Дебби, «много» — это сколько?

— Вам бы только поржать.

Мартин принес себе и Брайану по кружке пива, и парни поудобнее устроились на своих стульях.

— Это очень интересный вопрос: сколько может выпить средний человек? Иногда я могу литрами пить виски. А в прошлом году выпил пять кружек пива, пошел в гости к девушке — и весь газон ей заблевал.

— Да-а... Парадокс.

— У нас в Корке есть один бар, называется «Крейзи Пет». Очень известное место. Там устраивают такой аттракцион. Какая-нибудь девушка залезает на стол, встает на четвереньки и задирает голову вверх. А бармен вставляет ей в рот шланг. Наверху у этого шланга есть особая широкая воронка, и, когда девушка говорит, что готова, бармен разом заливает в эту воронку два-три литра пива. Шесть кружек обрушиваются девушке в желудок. Это очень веселое зрелище.

— И что происходит с девушкой?

— Парням приходится вызывать им «скорую». Самое удивительное, что желающие все равно находятся.

— Да-а. Девушки в плане алкоголя — народ слабый.

Дебби сказала:

— Я не думаю, что девушки менее выносливы, чем мужчины.

Парни жалостливо улыбнулись и промолчали.

— Чего вы улыбаетесь? Если бы я выпила шесть кружек темного пива, то могла бы еще и вас всех по домам развезти.

— Никто не сомневается. Только лично для меня шесть кружек пива — это повод лишь начать вечеринку. Я за вечер могу выпить и двенадцать кружек.

— Ты? Двенадцать кружек? Темного пива? Дебби, ты этому веришь? Я — нет! Вряд ли ты выпьешь больше десяти.

— Выпью!

— Десять — это доза для девушки. Десять и я могу выпить.

Я молча наблюдал за тем, как растут ставки. Зрелище было комичное.

— Стогов! А ты чего молчишь?

— Не рискую влезать в разговор профессионалов.

— Ты русский?

— Русский.

— Русские — всем известные пьяницы. Сколько ты можешь выпить за вечер?

— Ты меня не путай. Всем известные пьяницы — это ирландцы. А за вечер я могу выпить столько, сколько мне хочется. Каждый раз по-разному.

— Слушайте, парни, — у меня идея! Раз вы все кричите, что можете выпить море, то давайте устроим конкурс.

— Я ни о чем не кричу. Сижу. Пью свое пиво.

— Стогов, ты сдаешься без боя?

— Типа того.

— Конкурс — это отличная идея. У нас будут две национальные команды — русские и ирландцы.

— И две половые команды — молодые люди и девушка.

— Хорошо. А какие будут правила?

— Купим пива и чипсов. Все вместе будем выпивать по кружке за раз. Кто первый свалится, тот и проиграл.

— Унылая затея. Сидеть, накачиваться пивом...

— Предложи получше.

— Предлагаю. Поступим иначе. Этот проспект называется Владимирский. Весь он, отсюда и до конца, застроен барами, пабами, кафешками и ресторанами. Их здесь, наверно, больше двух дюжин. Давайте подойдем к конкурсу с фантазией...

— Давайте-давайте!

— В каждом кафе мы будем выпивать по пятьдесят граммов водки, запивать ее кружкой пива и переходить в следующее. Кто доберется до конца проспекта, тот и выиграл.

Я посмотрел на Дебби и добавил:

— А кто вырубится первым, тот платит за выпивку.

Как бы они ни кричали: «десять кружек! двадцать кружек!», однако мое предложение заставило их задуматься. Мартин почесал подбородок:

— Затея для настоящих мужчин.

— А я вот согласна!

Брайан сказал, что тоже согласен. Но только с одним условием:

— Пить водку — это нечестно. Это даст тебе, Илья, преимущество. Ты давно пьешь водку и успел к ней привыкнуть. Давайте лучше пить виски.

— Я не против. Только не факт, что во всех кафе есть виски. Мы все-таки не в Ирландии.

— О'кей. Давайте чередовать — один раз виски, один раз водка.

В кафе «У Ника» виски имелось. Поэтому мы начали с пятидесяти граммов «Фэймос Граус» и запили «Балтикой».

Парни выпили залпом и не морщась, а Дебби вспомнила, что, пока мы их ждали, успели выпить несколько кружек. Поэтому нам должна быть дана фора. Мартин сказал, что поражение ей может быть засчитано прямо здесь, и, в конце концов, она тоже выпила.

Мы натянули куртки и переместились за стену, в безымянное кафе всего с парой столиков и липкой стойкой. По дороге Мартин просветил меня насчет того, что «Фэймос Граус» — это шотландский напиток. Тоже кельтский, но все же не то.

В безымянном кафе виски не было. Мы, не раздеваясь, выпили водки, в три глотка одолели пиво и отправились дальше. Барменша проводила нас диким взглядом.

Дальше располагалось бистро «Скорая помощь». Мы зашли, попадали в кресла и закурили. Кресла в «Скорой помощи» были настолько глубокие, что я сомневался: а будет ли меня видно из-за подлокотников?

Брайан спросил у официантки:

— Виски есть?

— Есть.

— Ирландские сорта?

— Кто их знает, какие сорта. Виски как виски. «Джонни Уокер» есть, «Джек Дэниэлс», «Сто волынщиков»...

— Четыре по пятьдесят «Волынщиков». И четыре пива.

— Есть будете что-нибудь?

— Не до еды, девушка. Несите виски.

Я покрутил в руках стаканчик с салфетками и сказал:

— Раньше, лет десять назад, во всех кафе города стаканчики под салфетки были одинаковыми. Такого мерзкого желтого цвета. Внизу узкие, наверху пошире.

— И чего?

— Как-то я пошел на интервью, а потом зашел съесть пиццу в очень дешевое кафе. Что-то вроде фастфуда. Стою, ем. И тут в кафе заходит мужчина и держит в руках бутылку водки. Маленькую, емкостью четверть литра.

— Бывают такие?

— Дело было во времена борьбы с алкоголизмом. Почти «сухого закона». Водку купить было невозможно. А этот счастливец где-то достал. И собрался ее выпить. Мужчина прекрасно понимал, что чувствуют зрители. И старался растянуть удовольствие. А для этого выпить водку не залпом из горлышка, а по-человечески — из стакана. Он подошел к столику и попробовал найти пустой стакан. Грязной посуды на столике было навалом, а вот стакана не было. Все кафе напряженно за ним следит.

Ирландцы курили и внимательно слушали мою историю.

— Тогда он театральным жестом выкинул салфетки (мужчины замерли), медленно открыл бутылку (о окружающие сглотнули) и вылил водку в этот стаканчик (мужчины, которые обедали рядом, чуть не потеряли сознание). Некоторые месяцами не видели водки, а тут такое шоу... Мужчина ухмыльнулся, обвел кафе взглядом, взялся за стакан и чуть не поседел: стаканчик оказался привинченным к столу. Он дергает — стаканчик не двигается даже на миллиметр. Мужик в панике пытается наклонить стол — стол намертво вцементирован в пол. Такая вот история.

— Чем все кончилось? Выпил он?

— Выпил. Схватил чайную ложечку, принялся вычерпывать водку из стакана.

— Фу, какая гадость!

— Нужно было пить водку прямо из горлышка.

— Из горлышка пить — дело чреватое. Когда я учился на втором курсе своего университета, то как-то решил выпить пива прямо на лекции. Купил упаковку «Туборга», сижу, пью. Одну выпил, вторую, третью... А когда пил четвертую, у меня губу засосало в бутылку. Вот так.

Брайан чуть не на десять сантиметров оттянул верхнюю губу, показывая, как именно ее засосало.

— Присосалась намертво — ни туда ни сюда. Сажу как дурак, не знаю, что делать. Короче, минут пять сидел так. Потом надоело. Я дернул за бутылку: вы бы слышали! Хлопок был — как от выстрела «Авроры». Лектор чуть свою вставную челюсть от испуга не потерял! Меня тогда чуть из университета не выгнали, еле отвертелся. Так что из горлышка пить — то еще удовольствие.

— Да-а...

— Кстати, тот лектор был англичанином.

— Скажи: «Ненавижу англичан!»

— Ненавижу англичан!

Мы допили свои напитки, забрали из гардероба одежду и отправились дальше. Дальше были небольшой, всего на десять мест, ресторанчик «Дон Корлеоне», чумазая забегаловка и кафе «На Владимирском». При входе в кафе Мартин зацепился ногой за порог и во весь рост растянулся на полу.

Я бросился помогать Мартину подняться. Пьяная и жестокая Дебби смотрела на нас и громко смеялась.

— Fuckin' shit. Единственные нормальные джинсы испачкал! Где их в этой стране постираешь?

— Сдавайся, пока не поздно, Марти. Если от следующего виски тебя стошнит прямо на стол — будет хуже.

— Почему «единственные джинсы»? У тебя в номере джинсы валяются на каждом стуле. Я же видел...

— Черных больше нет. Эти были одни. Остальные все голубые.

Мы сели за стол. На официантку все смотрели так, словно перед ними личный враг. Официантке было велено принести пива и четыре по пятьдесят «Синопской». До конца Владимирского оставалось не меньше пятидесяти метров. И как минимум полдюжины кафешек.

— Зачем тебе именно черные джинсы? Носи голубые. Это очень модно. Голубые джинсы подходят под цвет твоих глаз.

— У меня карие глаза.

— Носи коричневые джинсы.

Мартин удивленно посмотрел на меня. Я и сам чувствовал, что несу чушь.

— Я всегда одеваюсь только в черное. Понимаю, что это по-тинейджерски, но — привык. Меняться не собираюсь. Стиль такой: определенные цвета, определенная музыка...

- Что ты слушаешь?
- Разное... «Dead Can Dance»... Главное, чтобы это была мрачная, меланхоличная музыка.
- Почему обязательно мрачная?
- Модно. Все мрачное модно.
- Дурацкая мода.
- Не знаю... Мне нравится... Ношу черные джинсы, слушаю мрачную музыку... По-моему, очень цельный имидж.
- Марти, ты просто пижон. Скажи еще, что ты занимаешься гарольдингом...
- А чего? Занимаюсь...
- Что такое этот гар... грол... Чем ты, Мартин, занимаешься?
- Ты не знаешь, что такое «гарольдинг»?
- Не знаю. Из умных слов на «гэ» я знаю гипертонию и геронтофилию...

– Гарольдинг – это...

Договорить он не успел. Официантка принесла поднос, на котором стояли высокие бокалы с надписью «Пивзавод „Балтика“» и четыре стопки с притаившейся на дне водкой. Ирландцы тоскливо переглянулись.

Мартин повертел стопку в руках, помрачнел и сказал ни с того ни с сего:

– А вот Стогов считает, что Шона убил я...

Брайан и Дебби уставились на меня. Я сказал, что самое время выпить и двигать дальше. Морщась и передергивая плечами, ирландцы выпили водку и сделали по паре глотков из пивных бокалов.

– Не халтурить! Пьем до дна!

Если бы человека можно было убить взглядом, то из этого кафе я не вышел бы никогда.

Следующим пунктом был безымянный, но чистенький пивной бар. Перед глазами плыло. Бармен выставил на стойку пиво и виски, и мы уселись за столик в самом углу.

Дебби закурила и сказала:

– Знаете, что я думаю по поводу этого позавчерашнего убийства?

– Что?

– Я думаю, что это была ошибка.

– То есть?

– В туннеле же было темно, так? Убийца просто не разглядел, кто перед ним стоит. Хотел зарубить... ну, скажем, меня. А попал по Шону. Промажнулся. Возможная версия?

— Остается только решить, кого хотел зарубить убийца.
— Бросьте жребий. Он мог метить в кого угодно. Хоть в тебя, хоть в Стогова.

— А зачем ему это надо?

— А зачем ему надо было убивать Шона?

— Кончайте. Был с нами капитан? Вот пусть он этим делом и занимается. Ему за это зарплату платят.

— Можно, конечно, понадеяться на капитана... А можно...

Мартин словно бы говорил сам с собой. Он как будто оглядывался на то, что позавчера случилось в туннеле, и видел все до мельчайшей детали...

— Можете ломать голову над этим преступлением сколько угодно. Можете считать, что это ошибка. Вы все равно не догадаетесь... Перед вами идеально спланированное преступление. Ни мотива, ни улики. Все были рядом, но никто ничего не видел. Ждем, пока погаснет свет, берем топор и всаживаем его в затылок парню — всё! Разгадать такое преступление невозможно...

Я пытался слушать его, а Вселенная скакала, как взбесившийся пони, и я не мог даже на секунду сосредоточиться, чтобы понять, что он говорит. Все вокруг расплывалось, и я не мог сфокусировать взгляд на лице Мартина.

Он говорил: «ждем... берем... всаживаем...», но попробуй пойми — сослагательное это наклонение (предположим, мол, что мы взяли) или чистосердечное признание?

Я пытался сосредоточиться, а Мартин все говорил. Его слова, словно волны тягучей реки, разбивались о мою прижатую к краю столика грудь, распались на отдельные звуки и, поблескивая искорками, исчезали в бесконечном пространстве...

— Кто такой этот Шон? Его никто не знал. Ни мы, ни капитан, ни Стогов. Он появился просто для того, чтобы погибнуть у нас на глазах. Он не успел ничего сказать, ничего сделать — он успел только умереть. Его смерть — это символ. Загадка, требующая совершенно особого подхода. Если вы будете смотреть на нее как на обычное преступление, вы ничего не поймете. Но стоит вам забыть о логике и, отдавшись на волю воображения, пуститься в рассмотрение самых безумных версий, как разгадка обнаружится сама... Обнаружится сама...

Его слова были очень важны, я знал, что должен запомнить их все, ведь где-то в них таилась разгадка... Но орбиты светил, нарезающих витки вокруг моей головы, все сужались, и, чтобы не уплыть

из реальности окончательно, я схватился за стакан с виски и залпом выпил до дна.

Наверное, это была ошибка. У виски был мерзкий вкус. И этот вкус был последним, что мне удалось запомнить из того вечера.

10

Телефон зазвонил ровно без двадцати десять. Он взорвался целым фейерверком мерзких звуков.

Стены рушились от грохота телефонного звонка, и обезумевшие жители в ужасе метались по улицам гибнущего Иерихона.

— Але?

— Стогов? Ты что — спишь?

Это был Осокин. Я сказал, что сплю.

— А ты знаешь, сколько времени?

— Не знаю.

— Вставай, на работу опоздаешь.

— Мне не надо на работу.

— Все равно вставай.

— Леша, ты когда-нибудь слышал о такой штуке — называется «гуманность»?

— Что-то слышал, не помню, что именно. Плохо, дружок?

— Не то слово.

— Выпей апельсинового соку и прими душ.

Из последних сил я спросил:

— Леша, чего тебе надо?

— Давно ты, Стогов, не навещал заболевшего друга.

— После сегодняшнего утра ты навсегда потерял право называться моим другом.

— Да? Жаль. Я, между прочим, хотел тебе помочь.

— Неужели ты сейчас привезешь мне пива?

— Пока ты пьянствовал, я отгадал загадку убийства твоего ирландца...

— Дай догадаюсь. Ты нашел на одежде убитого отпечатки пальцев Джека Потрошителя?

— ...Когда позавчера ты был у меня в больнице, то говорил, что топор всадили ирландцу в череп сзади. Так?

— Так.

— Справа и по самую рукоятку. Так?

— Так. Но имей в виду, если меня сейчас стошнит, виноват будешь ты.

— Тебя не удивляет, что топор всадили именно справа?

Я закрыл глаза и попытался сообразить — о чем это он?

— Леша, ты о чем?

— Подумай сам. Ты стоишь и смотришь в затылок парню, который стоит прямо перед тобой. Представил? Берешь топор, замахваешься... С какой стороны ты замахваешься? Неужели не понимаешь? Любой нормальный человек замахнулся бы правой рукой и всадил лезвие в ЛЕВУЮ сторону затылка. Понимаешь?

— Нормальные люди вряд ли стали бы махать топорами в абсолютной темноте.

— Не тупи. Я имею в виду, что убийца был левшой. Он замахнулся с левой руки — потому топор и оказался справа.

— Запиши — я дам тебе телефон гувэдэшника, который выдает лицензии частным детективам. Нельзя зарывать такой талант в землю.

— Тебя не интересует разгадка этой истории?

— Меня сейчас интересуют две вещи.

— Какие?

— Во-первых, стакан холодной воды.

— А во-вторых?

— А вторых, еще один стакан холодной воды.

— Больше ничего?

— Больше ничего.

— Сволочь ты, Стогов. Я ведь помочь тебе хотел...

— Помоги своему лечащему врачу. Назови всех девушек, с которыми у тебя была связь за последние полгода.

— Это невозможно. За последние полгода у меня было больше ста девушек. Всех разве запомнишь?

Я положил трубку. Рухнул лицом в подушку. В голове грохотали взрывы — девяносто в минуту. Болело, кажется, все — от затылка до кончиков пальцев ног. Плюс немного подташнивало.

Я повернулся на спину и прислушался. К тому, что происходило внутри, прислушиваться было противно, и я прислушался к тому, что происходило снаружи.

В квартире кто-то был. На кухне бубнило радио. В душе слышался плеск воды.

Оторвать голову от подушки и сесть было все равно, как я решил бы руками остановить Луну. После того как встал с кровати, я

еще раз испытал, что именно чувствуют младенцы, только-только овладевающие искусством ходьбы.

Похмелье — это всегда тяжело. Но когда похмельное утро начинается с неожиданностей — тяжело вдвойне.

Как-то я проснулся от того, что радио в комнате хорошо поставленным голосом проговорило: «Московское время — два часа дня. Передаем криминальную хронику. Вчера оперативники задержали на Московском вокзале двух оборотней...»

Те полминуты, пока диктор не объяснил, что «оборотнями» на милицейском жаргоне называют преступников, переодевающихся в милицейскую форму, я физически ощущал, как седею. А сегодня Осокин со своими гипотезами...

Теплая и мерзкая вода из-под крана была восхитительнее французских вин. Скрипя суставами, я натянул брюки и пошел в спальню.

На стуле висели джинсы и футболка Дебби. На полу валялся ее распотрошенный рюкзак. Самой Дебби в спальне не было. Скорее всего, она уже отправилась в душ. Может быть, даже успев перед этим попрактиковаться в русской грамматике: на полу, рядом с кроватью, лежала открытая книга.

Кряхтя и чувствуя, как скачут перед глазами красные кони, я сел, поднял книгу и прочел: «...Его мутные глаза еще не видели, но он уже мог стоять, чуть пошатываясь на своих тонких дрожащих ножках, и частая дрожь морщила его блестящую шкурку...»

Господи, спаси и сохрани! Что же это такое она читает? Уж не о моем ли сегодняшнем утре идет речь?

Я повернул книжку обложкой к себе и прочел: «Феликс Зальтен. Бэмби. Глава 1 — Рождение олененка».

ТЬфу!

— Привет, ковбой!

Она стояла в дверях. Мокрая, свежая, зеленоглазая. Мое старое полотенце, которое она прижимала к голой груди, не могло скрыть даже трети достоинств ее фигуры.

Похмелье обострилось настолько, что об него можно было порезаться. Я почувствовал, что опять умираю от жажды.

— Доброе утро, Дебби.

— Все в порядке? Пульс и дыхание? Полотенце на лоб? Подкожную инъекцию витаминов?

— А нету пива? Холодного?

— Плохо?

— Лучше бы я умер вчера...

— Лучше бы ты что?
— Ты, наверное, хочешь одеться? Я сейчас выйду.
— Неловко просить тебя так напрягаться.
— Ты ведешь себя как в дешевом кино. Не стыдно?
— Как в дешевом кино? Посмотри на себя в зеркало. На выражении твоего лица нужно ставить гриф «Детям до шестнадцати».

Я встал, обошел ее и поковылял на кухню варить кофе.

В раковине со времен какой-то из древних цивилизаций сохранилась пирамида грязной посуды. В нескольких стоящих на столе тарелках были набросаны окурки... горы окурков.

Странно — вечерами, глядя на неустроенность своего быта, я ощущаю приливы чистой, как слеза, вселенской тоски. Зачем мы в этом мире, спрашиваю я себя, и не нахожу ответа.

С утра ничего подобного я не испытываю. Похмелье, ставшее традицией, не допускает абстрактных вопросов.

Дебби тоже пришла на кухню.

— Как ты живешь, Стогов? Нет, ну как ты живешь? Разве можно жить так, как ты живешь? Это же не дом, это помойка!

— Ты можешь пройти и портить мое прекрасное утреннее настроение сидя.

Она показала пальцем на один из моих лучших стульев:

— На что я, интересно, сяду? Вот на это? Оно сейчас развалится.

— А ты попробуй. Выглядишь ты вроде стройной. Не знаю, правда, сколько весит твое чувство юмора.

Дебби посмотрела на меня. Не знаю, что во мне не понравилось ей больше — опухшая физиономия или дрожащие руки. Она молча вымыла нам по чашке, блюдцу и ложке и налила горячего кофе.

— Пить-то хочешь?

— Хочу. Пива бы сейчас.

— Ты пьешь хоть что-нибудь, кроме пива?

— Как-то раз я пробовал кока-колу.

— Ты пьешь коку? Как ты можешь пить эту гадость?

— Ну почему сразу гадость?.. Нормальный напиток. А что пьешь ты?

— Я пью пепси. Не травить же себя кокой!

— Между ними есть разница?

Дебби посмотрела на меня с сочувствием. Мы молча допили первый кофейник, и Дебби намолочила кофе для второго.

— Знаешь, доктора говорят, что лучше всего от похмелья помогает хороший секс. По утрам секс получается наиболее эффективным.

Я помычал в том смысле, что где это, интересно, она видела модлодцов, которые в моем нынешнем состоянии были бы способны на эффективный секс?

— Легче всего свалить все на похмелье. Ты, между прочим, и вечером был тот еще любовничек...

— Я надеюсь, вчера ты не воспользовалась моим состоянием для того, чтобы...

— Воспользовалась.

— Ты хочешь сказать, что мы...

— Естественно.

— Врешь?

— Естественно.

Дебби засмеялась. Она-то чувствовала себя просто великолепно.

— Что тебя так веселит?

— Выражение твоего лица.

— Я ведь и разозлиться могу!

— Это не очень опасно.

За окном по-прежнему лил дождь.

— Это ты привезла меня вчера домой?

— Кто же еще?

— Спасибо.

Все еще смеясь, Дебби рассказала, что вчера совсем уже пьяно-го запихнула меня в такси и таксист с трудом отыскал нужную улицу в купчинских лабиринтах, а я всю дорогу орал, что отыщу убийцу и предам его суду Линча.

— А парни?

— Что — парни?

— Куда делись парни?

— Поехали домой. Брайан, пока ловил такси, упал в лужу, весь перемазался. Ты не помнишь?

— Не-а.

Я решил закурить и прислушался к себе. Организм вроде бы не возражал против курения. Версия Осокина об убийце-левше была, конечно, полным бредом, однако на всякий случай я спросил:

— Знаешь, Дебби... Ты только не удивляйся... Скажи, а среди вас троих... тебя и парней... нет левши? Человека, который все делает не правой, а левой рукой.

— Есть.

Она произнесла это совершенно спокойно.

— Есть левша?

- Да. Это странно?
- Кто он? Мартин?
- Почему Мартин? Нет. Совсем не Мартин. Единственный левша в нашей группе — это Брайан.

11

Все вставало на свои места. Мне дали в руки ключ, и он с первого раза подошел к замку.

Осокин — молодец. Хоть и болеет неприличными болезнями, но — молодец.

Я вспомнил, как в пикете милиции на «Сенной» Брайан говорил капитану, что, когда погас свет, ему показалось, что я начал перемещаться. Похоже, что уже тогда он стремился бросить подозрение на как можно большее количество окружающих.

Я покосился на Дебби. Она молча прихлебывала кофе и смотрела за окно, где великий город, Северная столица и Северная же Венеция, тонул в потоках дождя.

Надо же, всего один маленький фактик — и вся эта история оказалась простой, как задачка для младших классов.

— Ты вообще ничего не помнишь из вчерашнего?

— Почему? Кое-что помню. Помню, как мы наперегонки пили...

— Ты, кстати, проиграл... Ты помнишь, что в час дня у нас встреча с парнями?

— Как это я проиграл? Я как раз выиграл! Только я как джентльмен не хочу тебе об этом напоминать. А где у нас встреча?

— И после этого у тебя хватает совести заикаться насчет выигрыша? Ты же сам вчера договаривался встретиться с ними в кафе на Литейном.

Я попытался вспомнить, какого черта мне понадобилось встречаться с ирландцами именно на Литейном. Вспомнить не получилось. Я молча пошел одеваться.

Кафе «На Литейном» было дешевой забегаловкой. Когда мы вошли, ирландцы уже сидели за столиком. Выглядели парни тоже неважно. Я заказал «Хванчкары» для Дебби и кружку пива для себя.

— Давно сидите?

— Минут десять.

— Ты, говорят, вчера упал? В лужу...

— Я?! Клевета! Я был тверд на ногах, как скала!

— Черт бы вас побрал. Со всеми вашими конкурсами. Придумали тоже — пить наперегонки! Если я помру в этом сыром городе, что скажет мой редактор?

Дебби пожала плечами:

— Лично я чувствую себя абсолютно нормально.

— Может, выпьем граммов по пятьдесят водки?

— А что?! Давайте! Давайте выпьем!

— Хватит пить, ковбои. Все равно не умеете. Вы бы, guys, видели Стогова сегодня с утра.

— Я выглядел плохо?

— Ты никак не выглядел... Такое впечатление, будто тебя вообще не было в комнате.

Брайан равнодушно поинтересовался, переспали ли мы? Я заметил, что кружку он держит действительно левой рукой.

— Ага! Дождешься от этого алкоголика!

— А я люблю делать секс с утра. Очень помогает.

— Научи этому Стогова. А то он умрет, так и не изведав этого удовольствия.

— Какие планы на сегодня?

— Ты забыл? Мы же договаривались!

— О чем?

— Как о чем?! Как о чем?! Ты же сам сказал, что здесь, на Литейном, есть тату-салон, где собираются петербургские радикалы.

Я сделал вид, что о тату-салоне, разумеется, помнил... просто не думал, что им это так интересно.

— Это далеко? Такси ловить будем?

— Это рядом. Дойдем пешком.

— Там хорошие мастера?

— Не знаю. Никогда не видел их за работой.

— Думаю сделать себе татуировочку. Маленькую. Где-нибудь на спине. Через два дня уезжаем. Пусть останется хоть какая-то память.

Я подумал, что если мои подозрения подтвердятся, то никуда дальше колпинской зоны Брайан не уедет.

Тату-салон, который я обещал показать ирландцам, назывался «Тарантул». Официально заведение именовалось «Салон красоты „Nola“», а «Тарантулу» в салоне принадлежала каморка в дальнем от входа конце зала.

Хозяева «Nola» хотели превратить заведение в универсальный центр красоты. Здесь заплетали африканские косички, делали то-

чечный массаж, омолаживали кожу лица и даже могли вживить вам в ногти настоящий жемчуг. Не обойтись тут было и без мастеров-татуировщиков.

Тех пустили в помещение, и вразрез с общей политикой салона тату-мастера превратили свой «Тарангул» в место встречи сомнительных типов, увешанных сережками и пахнущих черт знает чем.

Мы открыли дверь «Тарангула». Первое, что я увидел, — угол, заставленный пивными бутылками. Мы огляделись. Раковина, кушетка, много зеркал. На стене висел порнопостер с начерченной на нем мишенью для дартса.

На низком столике лежали каталоги с узорами. Попросите, и их в темпе нанесут на ваше собственное тело.

Мастера сидели тут же. На жизнь они смотрели мутными глазами. Один из мастеров буркнул:

— Слушаю?

Очевидно, парень давно работал на данном поприще. Его руки, чуть прикрытые рукавами футболки, были изукрашены до самых ногтей. О мелочах вроде пары дюжин сережек, вдетых в брови и ноздри, упоминать не стану.

— Мой приятель хотел бы сделать себе татуировку. Маленькую. На память.

— Который приятель?

Судя по запаху, парень вчера занимался приблизительно тем же, чем занимались мы.

Брайан шагнул вперед:

— Я.

— На память так на память. Садись, выберем узор. Пожелания имеются?

Брайан с мастером зарылись в каталогах. Брайан пытался на пальцах объяснить, что именно он хотел бы увидеть на своей коже. Мастер сыпал названиями модных тату-стилей: трайбл, келтик, нью-скул...

— Что такое твой трайбл?

— Русские народные сказки читал? Помнишь, как там украшены заглавные буквы? Лилии, летящие птицы, львы вполборота. И все плавно друг в друга перетекает.

— А-а! У нас в Ирландии тоже есть такие узоры.

— Ты из Ирландии? Что ж ты не сказал, что из Ирландии? Я люблю, если из Ирландии.

— К вам часто заходят ирландцы?

— Ты — первый.

— Но вы любите ирландцев?

— Охрененно! Тебя как зовут? А меня Володя. Я тебе, Брайан, скидку дам. Дискаунт. Обычно за тату площадью с сигаретную пачку я беру сто пятьдесят баксов. С тебя возьму сто двадцать. Идет?

Брайан стал расстегивать рубашку. Грудь у него оказалась волосатой. Он лег животом на кушетку.

— Сюда колем?

— Сюда, Володя.

Мастер ручкой нарисовал узор на коже, достал из шкафчика несколько тюбиков краски, натянул резиновые перчатки и включил татуировальный агрегат, который жужжал очень мерзко.

«Не больно?» — иногда интересовался Володя. «Все о'кей», — хмыкал Брайан. Сперва все затаив дыхание наблюдали за татуированием. Потом наблюдать надоело.

Мы сходили выпить пива, вернулись, поняли, что ничего не меняется, и заскучили. Мартин листал садомазо-журнальчик. Мы с Дебби рассматривали скотчем приклеенные к стене объявления.

Иногда в помещение заходили другие мастера... а может, не мастера?.. они обсуждали орнамент и трогали кожу Брайана грязными пальцами. Напарник Володи, сидевший в углу, все еще молчал.

Объявления на стенах оповещали о концертах в дешевых клубах и акциях андеграундных художников. Некоторые показались мне любопытными.

В клубе «Werewolf» вчера проходило байкерское шоу. В клубе «Рейхстаг» — концерт экстремальной музыки «Черная месса». В заведении «Рыло на боку» (чего только нет в моем городе!) — акция под названием «Глухонемые за легализацию марихуаны».

Дебби, тоже изучавшая флаеры, спросила:

— Володя, вы коммунист?

— Я? Нет. С чего ты взяла?

— У вас на стене висит плакат с серпом и молотом.

— Не обращай внимания. Это студенческая эмблема.

— В каком смысле студенческая?

— Стас (кивок в сторону неразговорчивого напарника) — студент. Серп и молот означают «Коси и забивай». В смысле «коси» лекции и «забивай» на учебу.

— Это что-то значит?

— Never mind. Ты не желаешь тоже сделать наколочку?

Володя посмотрел на Дебби и широко улыбнулся. Одного переднего зуба у него не хватало.

— Тебе, подруга, за полцены сделаю.

— Нет. Спасибо.

— Это же модно. Мужикам нравится.

— В России мужчинам очень трудно понравиться.

— А пирсинг? В сосок?

— Мое тело нравится мне таким, какое есть.

— Да-а, хорошее тело...

Минут десять Володя молчал. Мне было видно, что ему есть что сказать.

— Скарификация!

— Что «скарификация»?

— Давай сделаем тебе «скарп». Нанесем на тело искусственный шрам!

— Искусственный шрам?

— Да! Раскаленным железом! Выглядит — будто тебя пытались резать.

— А силиконовый имплантат в пенис у вас не ставят?

— Не хочешь скарп?

— Стогов, тебе не кажется, что мы давно не ходили пить пиво?

Володя увял. Еще немного пожужжав машинкой, он выключил ее, снял перчатки и закурил.

— Стасик, контур я набил. Заштриховывать тебе. Я не успеваю. У меня важное дело.

Лежавший на кушетке Брайан посмотрел на серое лицо Стаса... его дрожащие руки... похмельные глаза и заволновался.

— А-а... это...

— Не бойся. Стас — мастер. Выпил вчера, но для работы это неважно.

Стас первый раз подал голос:

— Может, сделаешь сам?

— Не могу. Нужно бежать. За мной мужик приехать обещал. На белом «БМВ».

— Зачем ты нужен мужику на белом «БМВ»?

— Мужик приедет. Он обещал. Я должен сделать наколку его собаке.

— Зачем собаке наколка?

— Мужик купил себе охрененно дорогую собаку. Пока собака была маленькая — она вся была черная. А как подросла, у нее во-

круг глаз шерсть побелела. Вроде как пятно. А с пятнами на выставки не берут.

— И чего?

— Собака стоит несколько тысяч баксов. Мужик упрямее заплатит мне триста, чтобы я закрасил собаке пятно, чем завести новую.

Брайан спросил:

— Вы действительно будете татуировать собаку?

— Мне бы платили — я бы и суслика разукрасил.

— Вы красите собак теми же иглами, что и людей?

— Со стерильностью у нас строго. Не парься. Я даже работаю в одноразовых перчатках.

Володя попрощался и ушел. Стас занял его место, и через полчаса татуировка была готова. Брайан поднялся с кушетки и бросился к зеркалу. На его спине, под лопаткой, сплетаясь телами, расположились лев, хвост которого плавно перетекал в букет цветов, и птица Гамаюн.

— Shit! Ничего не видно! Дебби! Посмотри! Как там?

Дебби сказала, что узор получился красивый, ровно заштрихованный и очень яркий. Мне он тоже понравился. Стас предупредил, что первую неделю тату нельзя тереть мочалкой и лучше почаще смазывать кремом.

Мы вышли на улицу, и Брайан угостил всех пивом. Я спросил, что теперь?

— Не знаю. Посоветуй что-нибудь.

Дебби отбросила допитую бутылку и сказала, что вычитала на афишах, что сегодня в дискассинг-клубе «Dark Side» будет акция, которая называется «Анархо-елка».

— Ты же радикал. Может, тебе будет интересно?

— А что такое «анархо-елка»?

Я пожал плечами:

— Понятия не имею. «Елками» называются новогодние представления для детей. Об «анархо-елках» слышу впервые. Наверное, это новогодний праздник для анархистов. Хотя какой сейчас Новый год?

— Во сколько начало?

— Написано — в пять.

— Мартин, ты не занят сегодня вечером? А ты, Илья? Значит, договорились...

— Тебе это действительно интересно?

— Конечно! Я же левый!

- Как это?
- Я — парень, преданный левой идее!
- Серьезно?
- Я — настоящий левый радикал!

Брайан засмеялся и сказал, что он настолько левый, что даже левша.

При упоминании о левшах перед глазами у меня всплыл окровавленный затылок Шона с торчащим из него топором. С торчащим с ПРАВОЙ стороны топором.

Я посмотрел Брайану прямо в лицо.

— А ты действительно левша?

— Действительно.

— Как интересно... Ты ведь единственный левша во всей нашей компании, да?

— Вообще-то да. А что?

Мы смотрели друг на друга и молчали. Улыбка медленно сползала с его лица.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Да так...

Брайан смотрел мне в глаза. Я смотрел на него. Брайан отбросил докуренную сигарету, медленно раздавил ее каблуком и сказал:

— Знаешь что, Илья. Не здесь же нам обо всем этом говорить, правда? Пойдем в этот fucking клуб «Dark Side», там и поболтаем.

Он помолчал и добавил с усмешкой:

— Поподробнее...

12

Сначала мы выпили бутылку грузинского вина. Ирландцам понравилось. «Хорошее вино», — сказали они. Потом было пиво — то ли по две, то ли по три кружки на человека. Потом я все-таки выпил свои сто граммов водки в маленькой разливочной неподалеку от Русского музея.

Когда в полпятого мы подъехали к клубу «Dark Side», голова уже не болела. Таксист искал указанный в афише клуба адрес так долго, что я засомневался: а хватит ли денег с ним расплатиться?

Дискуссионный клуб «Dark Side» оказался подвалом с обитыми жестью дверями. На дверях клуба висел плакат с улыбочивым карапузом и надписью: «Может быть, завтра он тебя убьет!»

Мы выбрались из машины. Перед входом стояли несколько длинноволосых типов в кожаных куртках.

— Не в курсе, где здесь «анархо-елка»?

— В курсе.

— И где же?

Парень был высокий, с черными волосами и давно не брившийся.

— А вот прямо здесь.

— Можно пройти?

— Вы по приглашению или как?

— Или как.

— На заседания дискуссионного клуба вход только по приглашениям.

Он стоял под козырьком, а мы мокли под дождем. Парню было не интересно на нас смотреть.

— Прессе тоже необходимы приглашения? Или вы все-таки не хотите, чтобы завтра всю вашу тусовку прикрыли как общественно опасное заведение?

— Это ты, что ли, пресса?

— Просто чудесная проницательность!

Тип оценивающе посмотрел на нас. На опухшие лица парней. На мою заляпанную грязью куртку. Задержался взглядом на круглом бюсте Дебби.

— Чем докажешь, что ты пресса?

Упражняться в остроумии, стоя под проливным дождем, не хотелось. Я просто протянул ему свое удостоверение. Парень повертел его в руках.

— Собираетесь писать о нашем заседании?

— Можно, прежде чем ответить, я все-таки войду внутрь и посмотрю, о чем здесь можно написать?

— Можно. Это с вами?

То, что он перешел на «вы», радовало.

— Это мои коллеги из Ирландии. Интересуются петербургскими радикальными организациями.

— Из Ирландии? Это хорошо.

Парень распахнул двери:

— Welcome!

Мы прошли внутрь.

— Здесь у нас Доска почета. Здесь — чил-аут. Очень, кстати, красиво расписанный, я потом покажу. Дальше по коридору туалеты и магазинчик. Торгуют книжками, кассетами, есть интересные. Анти-

семитские работы Карла Маркса, «Тактика партизанской борьбы в северных широтах». Не интересуетесь?

Клуб «Dark Side» оказался совсем крошечным и чумазым. Низкие потолки. Стены из рыжего кирпича. В дальнем от входа углу зала — сцена с парой динамиков. Граффити на стенах: «Жизнь — это болезнь, передаваемая половым путем», «Посетите СССР, пока СССР не посетил вас!», «Благодарим Бога за окончательное доказательство несуществования Жана-Поля Сартра».

Над сценой был натянут плакат: «Хорошо смеется тот, кто стреляет первым!»

— Гардероба у нас нет. Раздеться не предлагаю. Садитесь. Пива хотите? Леха! Принеси четыре пива!

Столы в зале были липкие и ободранные. Кое-где сидели типы в кожаных кепках и девицы с фиолетовыми волосами. В целом, зал был почти пуст.

Красные транспаранты, стены красного кирпича, краснорожие завсегда. В таком месте следовало пить не пиво, а терпкое красное вино.

— Начало у нас в пять. Участники сегодняшней дискуссии еще не подошли. Пока могу рассказать о сегодняшней программе. Хотите?

— Хотим.

— «Dark Side» — это дискуссионный клуб петербургских молодежных организаций. Обсуждаем ситуацию, изучаем труды классиков, делимся идеями, приглашаем интересных людей...

— А танцы у вас тут бывают?

Парень поморщился.

— Бывают. Но редко. У нас не коммерческий клуб. И музыка играет тоже не коммерческая. На прошлой неделе играли парни из группы «Шесть Мертвых Енотов», слышали, наверное?

— Нет. Не слышали.

— Короче, танцы бывают редко. Сегодня у нас «анархо-елка». Наши активисты устраивают новогодний праздник.

— До Нового года еще три месяца.

— Это неважно. Время — это то, что мы о нем думаем. Если мы решим отмечать Новый год осенью — кто может нам помешать?

— Действительно. Почему бы не отметить Новый год осенью? И какова программа?

— Сегодня будут три доклада: «Региональный сепаратизм как веление времени», «Голливудский кинематограф как средство вос-

питания бойца революции» и отчетный доклад петербургского отделения ЕБЛО.

— Используйте непечатную лексику как средство эпатажа масс?

— Нет. ЕБЛО значит «Единый Блоклевой Оппозиции». Это объединение, состоящее из нескольких небольших радикальных партий.

Брайан спросил, что это слово означает по-русски?

— Ругательство. Непереводимая игра слов.

— Да-да. Непереводимая игра... Хотя есть и переводимые. Неделю назад у нас выступали девушки из ассоциации ФАК.

— Феминистки? Воинствующие нимфоманки?

— ФАК означает «Федерация Анархисток Купчина». Это девушки леворадикальных взглядов, ведущие классовую борьбу в южных районах Петербурга. Есть еще художественное объединение «За Анонимное И Бесплатное Искусство». Сокращайте сами.

— У ваших партий отличные названия.

— Думаешь, только у наших? В Москве зарегистрировано общественное объединение под названием «Факел и Щит»?

— Fuckin' shit? такая организация?

— Ну да. Какие-то ветераны то ли МВД, то ли ГРУ.

Я откинулся на спинку стула, закурил и огляделся. Зал постепенно заполнялся. Посетители носили кожаные куртки, армейские ботинки и черные нашейные платки. Наша компания на общем фоне смотрелась странновато.

Я взял лежащий на столе потрепанный журнальчик и перелистнул пару страниц. На первой полосе была помещена картинка, изображающая повешенную на крюке от люстры грудастую блондинку в камуфляжной куртке и с «калашниковым» через плечо.

Картинка иллюстрировала стихотворение «Смерть партизанки»:

...Я вчера потеряла значок с изображением Председателя Мао.

Смогу ли дожить до утра — или должна умереть за оплошность?

Нет мне прощения, товарищ не даст мне пощады!..

Длинноволосый что-то объяснял Брайану про Че Гевару и петербургских анархистов. Я перебил:

— Извините. Вы говорили, у вас можно купить пива?

Парень не оборачиваясь крикнул: «Леха! Твою мать! Сколько можно ждать пиво?!» — и опять забубнил о своем. Скоро появился Леха с подносом, уставленным бутылками. У немолодого Лехи была

седоватая бородка, дырявая тельняшка и здоровенный значок с крупной надписью: «Хочешь ох...еть? Спроси меня как!»

Пиво у анархистов было теплое и довольно мерзкое. Пить его пришлось прямо из горлышка. Дебби поморщилась:

— Сел на своего конька. Ирландская Республиканская Армия! Теория и практика революционной борьбы... Теперь его отсюда за уши не вытащишь.

Мартин тоже выглядел расстроено:

— Зря мы сюда поехали... Могли бы сходить еще раз в галерею, где гадают на Таро. В прошлый раз я познакомился там с молодым человеком, который обещал рассказать мне о кружке настоящих сатанистов. У них есть даже собственный адрес в Интернете...

— Оба вы надоели. И ты, и Брайан. Один со своими анархистами, другой — с сатанистами... Что у вас за интересы?

— Ага. У нас с Брайаном ненормальные интересы. Зато у тебя — нормальные.

— Fuck you, Марти. Ты своих оккультистов сумасшедших отыскал. Брайан тоже нашел, что хотел. А я еще и близко не подходила к тому, ради чего приехала в эту страну. Хотя сегодня уже четверг.

— В чем же дело? Ты была у Стогова дома — могла бы поставить на нем пару опытов.

— Стогов не такой. На Стогове невозможно ставить опыты...

На сцене зажегся свет. Длинноволосый зашипел: «Тссс! Начинается!»

Публика вяло поаплодировала. На сцену поднялся наголо обрнутый юноша с опухшими веками.

— Это наш председатель. Он известный художник. Наш чил-аут расписан лично им.

— Товарищи! Приветствую на очередном заседании дискуссионного клуба! На повестке дня три доклада. Отчет о своей работе предложат активисты ЕБЛО. Организации, так сказать, представляющей лицо нашего движения...

В зале похихикали. Правда, довольно лениво.

— Рад отметить, что активность масс заметно растет. В Выборгском районе у нас появился собственный депутат. Может быть, со временем наш блок выдвинет кандидата и на губернаторских выборах. А может — и на президентских. Революция продолжается! Свидетельство тому — новые предложения, с которыми выступают наши докладчики. Приветствуем докладчика!

В зале раздались несколько редких хлопков. Председатель начал слезать со сцены, но, вспомнив важное, вернулся к микрофону:

— В прошлый раз какая-то гадина кинула в унитаз пивную бутылку. Унитаз засорился. Нам пришлось вызывать водопроводчика. Были проблемы с санэпидстанцией. Очень прошу, не кидайте ничего в унитаз.

На сцену взгромоздился здоровенный детина в тяжелых ботинках. Я пил пиво, курил сигареты и переводил ирландцам непонятные обороты. Скучными доклады совсем не были.

Первым шел отчет о проделанной работе: «В знак протеста против засилья платных туалетов, несколько активистов нашего блока публично помочились себе в штаны...»

Суть работы, насколько я понял, сводилась к тому, что активисты курили анашу, пили портвейн и дрались с приезжими в общественных местах. Заканчивался доклад так: «И если вы с нами, то советую запастись чем-нибудь тяжелым и металлическим. Некоторым затылкам будет полезно ближе познакомиться с силой наших аргументов!»

Дальше следовали два концептуальных доклада. Первый — о том, что велением времени в данный исторический момент является тенденция к отделению Петербурга от всей остальной страны.

— Мы не Россия. Мы — особый регион. Почти особая страна. Почему мы должны платить налоги в центральный бюджет?

Второй докладчик читал текст по бумажке. Его позиция сводилась к тому, что настоящие революционеры обязаны смотреть американские боевики:

— Если в этих фильмах Система демонстрирует обобщенный образ своего врага, то мы должны отнестись к ним чрезвычайно внимательно! Мы должны брать пример с Терминатора, Хищника и колумбийских наркобаронов. Символом новой антисистемной революции станет Фредди Крюгер, вооруженный ножницами и барабаном из человеческой кожи!

Больше всего лично мне в докладах понравилась их краткость. Всего через сорок минут микрофоны отключили, и в динамиках заиграл хард-кор.

Длинноволосый обернулся к нам:

— Как вам?

— Круто. Особенно про Фредди Крюгера.

— Я серьезно. Обсудим предложения?

Брайан закивал головой:

— Насчет отделения Петербурга от остальной России, по-моему, очень здравая мысль.

— Ты же ирландец. Чего тебе до отношения Москвы и Петербурга?

— Петербург очень похож на мой Корк-сити. Ваш город когда-то был столицей, и в Корке тоже еще пятьсот лет назад жили ирландские короли. А теперь оба наших города стали почти провинцией. Если каждый народ имеет право на самоопределение, то почему петербуржцы не имеют права отделиться от России?

Длинноволосый обрадовался:

— Точно! Лично я терпеть не могу ни Россию, ни, особенно, Москву.

— Почему?

— Сумасшедший город. Был когда-нибудь? И не ездил! Стоит Кремль — средневековая крепость. Над кремлевскими стенами торчат царские дворцы, теремки, стеклянное здание Дворца съездов. Все — жутко разные. Рядом с Кремлем — убудочный Манеж. А напротив — серый сталинский отель. И посередине между ними строят подземный город.

— Пусть строят. Что тебе?

— А мне не нравится! В их городе нет прямых углов. Какие-то изгибы, извивы, все корявое, смотрит в разные стороны. Идешь по улице — название одно, а на протяжении ста метров — семь поворотов. А главное — везде холмы. Как они умудряются жить в домах, если с одной стороны в нем три этажа, а с другой — семь?!

— Тебе не нравится московская архитектура?

— Мне ничего в Москве не нравится. Москва — это другой континент. Другой мир. Мы в Петербурге живем так, как европейцы. Еще пятьсот лет назад на этих землях не было ни единого русского. Мы и сейчас не Россия. Петербуржцу легче договориться со швейцарцем или финном, чем с русским. А Москва — это самый русский из всех русских городов. Москва — это Азия. Скуластый и узкоглазый город.

Я сходил взять еще пива. Когда вернулся, Брайан объяснял, что у человека должно быть почтение к символам. Он должен исполняться гордости, когда слышит свой гимн, видит свой флаг, глядит на свой герб.

Длинноволосый спрашивал:

— Ты гордишься своим гимном?

— Горжусь. Мы все гордимся.

— А у нас почти никто гимном не гордится.

— Вам нужно вести работу. Воспитывать людей. Скажи, Илья, почему ты не любишь свой гимн?

— Тебе это интересно? Могу рассказать коротенькую, но жизненную историю.

— Мне будет интересно послушать.

— У меня был приятель, студент. Он учился в университете и жил в общежитии в одной комнате с негритосом.

— С кем?

— С негром. С черным мужиком из Африки. Парень жил бедно и подрабатывал дворником. Мел двор вокруг кемпуса. Каждое утро в шесть часов, когда по радио играл гимн СССР, он вставал и шел на работу. А негр спал. И парню было обидно. В какой-то момент ему надоело, он разбудил негра и говорит: «Знаешь что? Мы ведь живем в социалистической стране, так?» «Так»,— отвечает негр. «А раз так, то изволь соблюдать наши обычаи». «А в чем дело-то?» — спрашивает сонный негр. «Дело в том, что советские люди каждое утро, когда играет гимн, встают и слушают его стоя». «Ладно,— говорит негр,— давай соблюдать обычаи». С тех пор каждое утро они оба вставали, вытягивались по стойке «смирно» и слушали гимн. Потом парень шел на работу, а негр ложился досыпать.

Ирландцы посмеялись над моей историей.

— Это не все. Через одиннадцать месяцев работы парень ушел в отпуск. Вставать ему больше не надо было, он отключил будильник и спит. А негр будит его и говорит: «Вставай, гимн проспичь». Вставать парень не хотел и сказал, что написал в деканат заявление, и ему как проверенному кадру разрешили больше не вставать...

— Чем все кончилось?

— Негр в тот же день побежал в деканат с заявлением: «Прошу разрешить мне, круглому отличнику и убежденному социалисту, больше не вставать в шесть утра. Обязуюсь за это лежать во время исполнения гимна с почтительным выражением лица и учиться на одни пятерки...»

Ирландцы посмеялись еще раз, а Брайан даже не улыбнулся.

— Мне не нравятся шутки по этому поводу.

Он залпом допил свое пиво и поставил бутылку на стол.

— Почему?

— Потому что у человека всегда должно быть что-то святое. Что-то, ради чего он мог бы умереть. Гимн, родина, революция... Над этим нельзя смеяться.

— Почему нельзя?

— Потому что это серьезно. Очень серьезно. По крайней мере для меня.

Дебби скривилась:

— Ты мог бы умереть за свою революцию?

— Мог бы.

— Не строй из себя черт знает что.

— Я не строю. Я говорю то, что думаю.

Брайан закурил, выдохнул дым и, не глядя ни на кого, сказал:

— Ради революции я мог бы сделать все. Мог бы умереть. И я мог бы пойти даже дальше. Иногда людей приходится спасать даже ценой их собственной крови. Их грехи нужно искупить самому, и героем становится лишь тот, кто способен взять эти грехи на себя. Взять и вытерпеть нестерпимую муку палача.

Он затянулся еще раз, посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

— Не стоит улыбаться, потому что сейчас я совершенно серьезен. Ради революции я мог бы даже убить. Потому что убить — это тоже жертва... Иногда еще большая, чем собственная смерть.

13

В пятницу утром, побрившийся и абсолютно трезвый, я отправился в Большой дом. На допрос к капитану Тихорецкому.

Часовой в форме и с автоматом провел меня с первого этажа на третий и усадил в стоящее в коридоре кресло. «Вас вызовут», — сказал он и ушел. А я остался.

Я курил и рассматривал трещинки на потолке. Откуда на тополе взялись мои отпечатки?

Из кабинета выглянул молоденький офицер:

— Вы Стогов? Проходите.

У капитана был большой и чистый кабинет. Пахло вонючими папиросами. Капитан сидел за столом, а за его спиной Литейный проспект тонул в потоках дождя.

— Здравствуйте, Илья Юрьевич. Садитесь.

— Здравствуйте. Спасибо.

— Я пригласил вас, чтобы еще раз взять отпечатки пальцев. Отпечаток, обнаруженный на рукоятке орудия убийства, маленький и смазанный. Однако эксперты уверяют, что больше всего он похож на ваш. Чтобы исключить возможность ошибки, мы проводим повторную экспертизу.

Молоденький офицер извлек из воздуха коробочку с чернильным набором. «Разрешите... И вот этот тоже... Готово...» Он кивнул капитану и вышел за дверь кабинета.

— Это всё?

— В общем-то, да... Официально всё.

— Будет что-то неофициально?

— Если помните, мы договорились, что вы будете оказывать помощь следствию. Приглядывать за ирландцами. Я надеялся услышать ваши соображения.

Я усмехнулся:

— Мне казалось, что после этих отпечатков... Я думал, все изменилось. Что теперь главный подозреваемый — я.

— Нет. Ничего не изменилось. Я до сих пор вас не подозреваю.

— А отпечатки?

— Появление отпечатков говорит только об одном — преступник умнее и коварнее, чем можно было предполагать.

— Вы считаете, что мой отпечаток на топор поставил убийца?

Капитан откинулся на спинку стула, не торопясь вытряс из пачки сигарету и закурил.

— Илья Юрьевич, я не знаю, что мне думать. Отпечаток налицо. Улики свидетельствуют против вас. И они, конечно, могут быть использованы. Если бы следствие вел другой следователь — не я, — то, думаю, на этом оно бы и закончилось. Вы понимаете, о чем я?

— Нет. Не понимаю.

— Я был в туннеле. Присутствовал при преступлении. Я знаю, что с того места, где вы стояли, вы не могли взять топор и подойти к Шону. Но об этом знаю только я. К делу это не подошьешь. И вот на рукоятке топора находят ваш отпечаток. Как он туда попал? Понятия не имею. Однако результаты экспертизы — это как раз та самая бумага, которую можно подшить к делу. Пока что перевешивает мое видение ситуации. Оно и будет перевешивать, уверяю вас, до тех пор, пока я занимаюсь этим делом. Я ясно излагаю свою мысль?

Излагал капитан ясно. Только мысль его, похоже, была не очень внятной. Я все равно ничего не понял, однако на всякий случай помотал головой. В смысле, что да. В общих чертах уяснил.

— Тогда давайте поговорим о текущих делах.

— Давайте.

— Появились ли у вас какие-нибудь соображения?

Все эти мои гипотезы, выстроенные на дырке от бублика, трудно назвать соображениями. Однако, соблюдая хронологический

порядок, я пересказал капитану все, что приходило мне в голову за последние три дня.

Мрачный сатанист Мартин — догадка о ритуальных мотивах убийства — звонок Осокина и его гипотеза насчет убийцы-левши. Финал: Брайан — левша.

— Топором парню досталось действительно не с той стороны. Это ваш приятель правильно подметил. Мы уже на следующее утро навели справки, кто в данной группе мог быть левшой.

— Брайан уже пятый день у вас под подозрением?

— Кроме того, что он левша, — что против него можно выставить? Мотива-то нет. Или вы что-то нащупали?

Я рассказал, как вчера мы с ирландцами ходили в «Dark Side».

— То есть вы считаете, что Брайан мог зарубить Шона из каких-то своих леворадикальных соображений?

— А вы можете предложить другую версию?

Капитан закурил новую сигарету.

— Знаете, когда я в последний раз был в Лондоне, тамошний коллега пригласил меня посидеть в кабачок. Ансамбль в тот вечер играл ирландский — что-то народное. Со скрипками и аккордеонами. Тоска смертная. Но народ смотрит на сцену, аж замирая. Я спрашиваю приятеля: чего это они? А он отвечает: «Они не музыку слушают. Они следят, не собираются ли ирландцы из кабачка сматывать. ИРА опять встало на тропу войны. И если сейчас эти ребята соберут свои балалайки и ломанут на улицу, то через две минуты в барё не останется ни единой души, кроме нас. Сбежит даже бармен...»

Капитан посмотрел на меня, усмехнулся и продолжал:

— Мне кажется, вы попадаете под власть стереотипов. Если ирландец, значит, террорист. Представьте, что вы приехали бы в Штаты, стали свидетелем убийства и следователь начал бы подозревать вас только на том основании, что вы русский, а все русские — мафия. Что реально могло толкнуть этого Брайана на убийство? Я тоже не знаю. Если бы Шон встал на пути ИРА... или отстаивал бы идеи возврата Ирландии под власть Лондона... а так?

Мне было жаль расставаться со своей версией. Я попробовал настаивать:

— Вы хоть проверили? Может, Шон все-таки был замешан в каких-нибудь внутриирландских разборках?

Капитан достал из папочки лист факсового сообщения и протянул мне. На листе под грифом «Полицейское управление графства Мюнстер, Ирландия» шла краткая биография Шона Маллена, 1972 года рождения, уроженца Корк-сити, католика.

Ничего особенного: семья, колледж, университет, полгода работал в школе (английский язык в младших классах), стажер, затем полноправный корреспондент «Айриш ревью».

Специализировался на городских проблемах (образцы материалов прилагаются), печатался не часто и понемногу. Был подключен к новостной Интернет-ленте, какими обычно пользуются телевизионщики. До поездок в Россию за пределы Ирландии и Соединенного Королевства Великобритания не выезжал.

Я отложил листок и попытался вспомнить тихоню Шона. Лопухий, рыжий, с неровными передними зубами и постоянной улыбочкой. Вот он идет с Мартином и что-то доказывает ему, тыча пальцем в руку чуть выше запястья.

Подходит ко мне: «Как зовут этого офицера?» — «Игорь Николаевич». — «Игорь Николаевич?»

Они с капитаном отходят в глубь туннеля, свет гаснет...

Всё...

Я вернул листок капитану.

— Хорошо. Мартина с Брайаном вы проверили и решили пока не подозревать. Так?

— Так.

— Нас с вами мы тоже не рассматриваем, да?

— Да.

— Кто остается? За кем вы мне предлагаете наблюдать? За девушкой?

Капитан смотрел на меня и молчал.

— Почему именно за ней? Она же девушка...

— Я не предлагаю вам никого подозревать. Я предлагаю вам внимательно смотреть и слушать. Может быть, отыщется какая-нибудь деталь.

— Она же девушка. Высокая, сильная, но все-таки не мужик. Не могла она ТАК рубануть топором...

Не меня выражения лица, капитан проговорил:

— Илья Юрьевич, мы спустились в туннель вшестером. Четверо ирландцев, вы и я. Один убит, остаются пятеро. Если это не ирландцы, то кто? Двоих мы рассмотрели, осталась всего одна кандидатура. Давайте рассмотрим и ее. Потому как если выяснится, что и Дебби здесь ни при чем, то... Знаете, какая единственная улика останется в руках следствия?

Я ответил:

— Знаю. Мой отпечаток пальца на топоре.

Первой мыслью, когда я вышел из Большого дома, была: «Почему он подозревает именно ее?» Второй была мысль о том, что неплохо бы выпить, и я дошел до кафе «Багдад» на Фурштатской.

— Что будете заказывать?

Чем мне нравится «Багдад», так это соблюдением чистоты жанра. И повар, и официантки были настоящие арабы из Ирака. На стене висело полотнище с вышитой шелком цитатой из Корана...

Единственным отступлением от норм шариата в кафе был алкоголь. Это было хорошо. Я выпил, потушил в чистой пепельнице первую сигарету и еще раз подумал над тем, что сказал капитан.

Интересная мне досталась компания. Оккультист, левый радикал и нимфоманка... Интересно, а обычные, заурядные, люди в Ирландии бывают?..

После того как я вышел из «Багдада», день пошел своим чередом. Я успел зайти в редакцию, узнать, как там дела, выпить пива с несколькими приятелями, съездить в больницу к Осокину и совершить еще кучу маленьких и ненужных дел.

Большое и нужное дело ждало меня вечером. В десять вечера я с ирландцами шел на party в зоопарк.

Вчера ирландцы сказали, что пятница — это party-day, и куда пойдем? Я был готов к вопросу и веером выложил приглашения, которыми в обмен на бутылку портвейна снабдил меня добрый парень Женя Карлсон.

Над вариантами мы думали вместе и долго. Мы отказались от идеи пойти на фестиваль экстремального джаза. Мы не стали обращать внимания на пицца-турнир в ресторане «Экватор». Мы не пошли даже на шоу с участием модных финских певичек в казино «Sultan».

Вместо этого мы решили посетить мероприятие, обозначенное в приглашении, как «Рейв-вечеринка „Аллигатор“ в петербургском зоопарке с настоящими крокодилами и фейерверком». Дебби сказала, что шоу с крокодиллом — это, должно быть, круто. Вопрос был решен.

Во времена, когда слово «рейв» еще не было понятно без англоязычного словаря, я любил водить на такие вечеринки свою жену. Мы посещали полуподпольные партии в расселенном доме на Обводном. Сходили на «Акваделик-party», когда обожравшаяся наркотиками публика танцевала прямо в подсвеченном лазерными

пушками бассейне. Побывали на «Military-party» в Михайловском замке, где пел настоящий военный хор в аксельбантах, а вся охрана была наряжена в камзолы и напудренные парики...

Все это было давно и кончилось еще до рождения моего нынешнего мира. Жене подобные мероприятия нравились, а я не возражал до тех пор, пока... Впрочем, я не люблю об этом вспоминать.

В десять вечера я забрал ирландцев на станции метро «Горьковская». Увидев меня в пиджаке и галстукe, Дебби спросила:

— Ты чего?

— У капитана был.

— Как живет наш капитан?

— Передавал тебе привет.

Брайан сказал: «Хороший пиджак», и мы зашагали в сторону зоопарка. Честно сказать, в этом костюме я чувствовал себя полным кретином.

Мы прошли мимо утонувших в грязи теннисных кортов, мимо Планетария, Мюзик-холла и казино «Golden Palace». Под струями дождя освещенный фасад казино напоминал дворец вождей Атлантиды.

Мы подошли ко входу в зоопарк. Картина была знакомой, как утренняя головная боль. Грохот рейва в глубине за забором. Батальон секьюрити в форменных дождевиках. Табличка с астрономической цифрой в окошке кассы. И толпа тех, кто не мог позволить себе развлекаться за такие деньги.

Девушки строили глазки охранникам. Молодые люди просто мокли под дождем. Дежавю. Все как обычно. Со времен моей юности сменился только ритм музыки.

Мы стали протискиваться ко входу. У охранника был такой вид, словно его еще с утра предупредили, что придет тут один, в галстукe и с тремя ирландцами, так вот ему, как завидишь, сразу бей в лоб.

Далеко под его капюшоном в засаде притаились два охранниковых глаза. Они были серые, как наш общий город. Охранник вопросительно поднял бровь. Я протянул ему приглашения, полученные от Карлсона. Охранник почитал приглашения, опустил бровь обратно и расстроился. Бить в лоб было не за что.

Мы прошли внутрь. Скучавшие на мощеной дорожке секьюрити взмахом рук показывали, куда идти дальше.

Удары драм-машины доносились из павильона с надписью «Рептилии». За мокрыми решетками жались по углам испуганные дикие звери.

Внутри павильона был оборудован танцпол. Зазор между телами танцоров был столь мал, что в него не просунешь и лезвия ножа. Пока что вечеринка выглядела довольно традиционно.

Наклонившись к уху Дебби, я прокричал:

— Будете танцевать?

— Не знаю. Может быть, позже... Давай чего-нибудь выпьем...

Я привстал на цыпочки, пытаюсь разглядеть, где здесь бар. Протиснуться к нему было не легче, чем по дну, преодолевая течение, подняться от устья Невы к ее истокам.

Напитки здесь разливали в одноразовые стаканчики. Допив, стаканчики нужно было бросать прямо под ноги. Мы заплатили за четыре по двести джина. Столы были липкие, но мы были согласны даже на липкий, потому что свободных столов здесь не было вообще.

— Никогда не любил больших рейвов.

— Разве это большой рейв? Вот, помню, в Корке...

Прихлебывая джин, Дебби рассказала, как обстоят дела с большими рейвами в ее родном городе.

— Сколько, интересно, там в зале народу?

— И где крокодилы? В программке были обещаны крокодилы. Если не будет крокодилов, я через суд потребую сатисфакции.

Брайан сказал, что когда-то он был в Бомбее, Индия, и его возили на крокодиловую ферму. Рассказ показался мне неинтересным.

— Тебе показывали на ферме, как крокодилы живьем пожирают девственниц?

— Нет. Зато меня кормили мясом крокодила. Оно очень полезное.

— Какого пола был крокодил, которого ты съел?

— Не знаю. Какая разница? Может быть, женского.

— Если женского, то был ли он девственен? Крокодилы, которые идут на мясо для белых туристов, обязательно должны быть девственниками.

Брайан заглянул мне в стакан и спросил, что именно я сейчас пил? Мы помолчали. Мартин недовольным взглядом обвел бар, наскоро переделанный из террариума.

— Все-таки во времена, когда я ходил на танцы, все было немного иначе.

— Хуже или лучше?

— Просто иначе. Музыка не была такой громкой. Тексты песен не были такими примитивными. И танцы никогда не устраивались в зоопарке...

Дебби усмехнулась:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать семь.

— Ты говоришь как мой отец. Вот мы!.. в шестьдесят восьмом!..

Sex, drugs, Rock-n-Roll!

— А что? Неплохой девиз. Только «drugs» я бы заменил на алкоголь.

— Очень интересно, что ты сказал именно так. Когда я только-только начинала заниматься секс-социологией, я много ходила по рейвам, смотрела на тинейджеров, слушала их разговоры...

— Следила за тем, как именно они будут затаскивать тебя в постель?

— Некоторых я затаскивала сама. Но если бы встретила тебя, то не стала бы тратить силы... Так вот, один парень тогда сказал мне, что девиз его поколения звучит приблизительно так: «Без рок-н-ролла, без секса, без алкоголя».

— Как это?

— Нынешние молодые люди не любят все то, что любишь ты, **Мартин.**

— Может быть, я действительно отстал от жизни... С алкоголем и рок-н-роллом — ладно. Дело вкуса. Можно заменить на рейв и наркотики. Но чем им помешал секс?

— Что крепче марихуаны ты пробовал?

— Ничего.

— От тяжелых наркотиков человек становится... как это будет по-русски?.. самодостаточен. Вся эта рейв-культура — это же по сути дела новое шаманство, первобытный ритуал... Человеку больше не нужно общаться с себе подобными. Парни через ноздри вдыхают пыль тысячелетий, и им больше не нужны девушки...

— В твоём голосе я слышу подлинную печаль.

Дебби повернулась ко мне:

— У вас в стране парни тоже предпочитают девушкам драгз?

— Наверное... Не знаю.

— Мне казалось, о петербургской night life ты знаешь все.

— Дело в том, что я терпеть не могу наркотики.

— А ты их пробовал?

— Нет.

— Почему?

— А смысл? Я приблизительно представляю эффект, а представлять его еще отчетливее мне страшно. Хватит с меня проблем с алкоголем.

Дебби вытащила из пачки сигарету, прикурила и с шумом выдохнула дым.

— На самом деле все не так. Ты думаешь — вот эффект от алкоголя, а вот эффект от наркотиков. Два эффекта, и твое дело только выбрать тот, который тебе больше нравится.

— Да. Так и представляю.

— На самом деле препараты совсем не похожи друг на друга. Скажи, есть разница между опьянением пивом и опьянением водкой?

— Есть.

— А между эффектом от пива и эффектом от вина?

— Есть, но меньше, чем между пивом и водкой.

— А теперь попробуй представить, насколько могут отличаться между собой наркотики, если даже один и тот же алкалоид в разных напитках вызывает такой разный эффект.

Я промолчал.

— Есть старинная восточная притча о том, как трое караванщиков не успели войти в город до того, как закрылись ворота, и разбили лагерь за крепостной стеной. Когда пришло время ужинать, один достал бутылку вина, второй — трубку гашиша, а третий кальян с опиумом. Все трое хорошенько ускорились. Через час тот, что пил алкоголь, пошел барабанить в ворота и орать: «Открывайте, суки, дверь сломаю!» Глядя на него, тот, что курил гашиш, сказал: «Погоди, друг, зачем спешить? Сейчас докурим и просочимся в замочную скважину». А третий, с опиумом, сказал: «Зачем вам все это надо? По-моему, здесь, снаружи, совсем неплохо...»

— Я все равно не хочу ничего этого пробовать. Говорят, от наркотиков бывает зависимость.

— Черта с два! Зависимость бывает только от опиатов: от морфия, героина... А курить марихуану менее вредно, чем табак. Человек может не выходить из nirваны шестьдесят лет подряд, а потом запасы марихуаны у него кончатся, и он спокойно будет жить дальше.

Мы помолчали. Потом Мартин сказал:

— Знаешь, Дебби, если ты не прекратишь свою наркотическую пропаганду, я просто возьму и не куплю тебе джина. Хотя собирался. Кури свою марихуану и не испытывай ломок.

Дебби улыбнулась.

— Never mind! На самом деле я, конечно, не думаю, что наркотики лучше, чем алкоголь. Я ведь тоже ирландка. Родной «Бифитер» не променяю ни на что.

— Здорово! За это и выпьем!

— Я даже угощу вас сама. Могу я угостить троих симпатичных парней порцией «Бифитера» или не могу?

Парни сказали, что может. Дебби попыталась, не вставая, вытащить кошелек из куртки, которая висела на спинке ее стула. Вытаскивать было неудобно, она выронила кошелек, я наклонился, чтобы поднять его...

От того, что я увидел, я замер с открытым ртом и уже не пытался распрямиться или хотя бы выпустить кошелек из рук. Я смотрел внутрь бумажника Дебби, а там, в целлулоидном кармашке, лежала фотография, с которой, обнимающиеся и смеющиеся, на меня смотрели Дебби и Шон. Молодые и короткостриженные. А в правом нижнем углу поляроидного снимка виднелась оранжевая дата съемки — почти двухгодичной давности.

Я поднял глаза и встретился взглядом с Дебби. В глубине ее зрачков плескалось целое море холодного, липкого ужаса.

15

Через полчаса на сцену выбралась танцевать совершенно голая девица с двумя крокодилами в обнимку, потом в будку с пультом влез модный DJ из Гамбурга, а когда начался фейерверк, Брайан, перекрикивая музыку, спросил:

— Не находите, что здесь скучновато? Может, пойдем куда-нибудь еще?

— Пошли.

— А куда?

— Сегодня пятница. Куда хочешь, туда и пойдем. В ближайшие два дня в этом городе открыто все.

— Предложи чего-нибудь.

— В окрестностях куча отличных клубов. Есть «Достоевски-клуб».

— А что там?

— Там люди играют в шахматы, курят кальян, читают старинные книги из английской библиотеки... А блондинки в старинных очках играют им на клавишине. И так всю ночь.

— Не-е. Пойдем куда-нибудь повеселее.

Я залпом допил джин из своего стакана.

— О'кей. Пусть будет повеселее. Поехали в «Хара-Мамбуру».

— Там хорошо, в «Хара-Мамбуру»?

– Увидишь. Поехали.

Мы выбрались из-за стола и стали протискиваться к выходу. Я чувствовал, Дебби хочет что-то мне сказать... но смотреть на нее я избегал, а сама она при парнях заговаривать со мной не стала.

Перед дверями «Хара-Мамбуру» было пусто. В таких местах желающие всегда имеют шанс пройти внутрь. Другой вопрос, сколько они там сумеют продержаться...

У входа нас встретил громадный охранник в кожаной жилетке на голое тело. Ни Брайана, ни Мартина нельзя было назвать маленькими. Однако оба ирландца упирались носами ровно охраннику в необъятный, заросший жесткими черными волосами живот.

Мы заплатили за вход, вместо билетов получили по тайваньскому презервативу и зашли в клуб.

«М-да», – сказал наконец Мартин. «Может, уйдем?» – сказал Брайан.

Интерьер «Хара-Мамбуру» был выдержан в стиле а-ля «общественный туалет середины семидесятых». Из стен торчали порывевшие писсуары. На кафельной плитке посетители оставляли надписи, типа «Не лсти себе, встань поближе».

Между столиками ходили официантки в нижнем белье с черными кружевами. Напротив входа висел портрет Ленина в татуировках и с помадой на щеке.

Стол, за который мы в результате пристроились, стоял прямо под привешенным под потолком доисторическим мотоциклом. Нам на головы маленькими порциями сыпалась ржавая труха.

– Это так задумано или у хозяев нет денег сделать ремонт?

– Что ты! Это один из самых дорогих интерьеров города.

– Может, поищем какой-нибудь менее дорогой интерьер, а?

– Ладно вам! За вход заплачено, сидим в тепле, куда тебя тащит?

Покачивая бедрами, к нашему столику пробралась официантка. Она была толстой. Складки живота, как небольшой передничек, свешивались на ее кожаные трусы.

Она обвела нас взглядом:

– Ага. Четверо. И чего приперлись?

Ирландцы суетливо и многословно принялись объяснять, что зашли выпить по кружке пива.

Официантка насупилась.

– Для того чтобы заказать пива, вам придется выполнить мои задания. Если выполните хорошо, получите приз. Если выполните

плохо — получите пизды. Ты (палец официантки уперся в Мартина) всю ночь до рассвета будешь откликаться на кличку «Большой Бен». Ты (Брайан съежился под ее взглядом) покажешь нам танец живота. Выход на сцену через семь минут. Ты (очередь дошла и до меня) должен будешь выпить стакан теплой водки и закусить ее салом. Тоже теплым.

Из своего угла пискнула Дебби:

— А я?

— Ты пока сиди. Тебя мы продадим в гарем. Готовьтесь, я подойду.

Официантка развернулась и поплыла прочь. Взмокшие ирландцы разом уставились на меня.

Первым смог говорить Мартин:

— Что такое «Большой Бен»?

Косясь в сторону огромного охранника, Брайан тихонечко спросил:

— И что будет, если я не захочу танцевать на сцене?

Я не стал над ними издеваться. Я объяснил, что официантка в кожаном ошейнике только выглядит как содержательница публичного дома, а в жизни она, скорее всего, студентка театрального института, которой хозяева клуба платят за то, чтобы посетители никогда не успевали заскучать.

— То есть мне можно будет не танцевать на сцене?

— Если хочешь, можешь станцевать. Не хочешь, просто сиди. Обычно люди выполняют свои задания. Зачем сюда ходить, если не для того, чтобы веселиться?

— Я посмотрю, как ты будешь веселиться, когда тебе принесут теплую водку...

Мы поболтали, потом помолчали, потом еще раз поболтали, а потом парни сказали, что помирают от жажды, чертыхаясь, выбрались из-за стола и, петляя между столиками, отправились к стойке бара.

Мы с Дебби остались одни.

Некоторое время мы молча смотрели в разные стороны и старательно курили. Не поворачивая головы, она произнесла:

— Я не убивала Шона.

Я усмехнулся, бросил до фильтра докуренную сигарету под стол и прикурил новую.

— Расскажи это капитану.

— Плевать на капитана! Я не убивала Шона.

— Что, по-твоему, я должен на это ответить?

— Я же вижу: ты думаешь, что это я.

— Думаю... Теперь думаю. Хотя до последнего времени я отказывался тебя подозревать.

— А теперь не отказываешься?

— Не отказываюсь.

— Просто потому, что я знала Шона до этой поездки?

— Потому что ты ЕДИНСТВЕННАЯ, кто знал его до этой поездки.

— И ты считаешь, что это повод его убить?

— Я ничего не считаю. Пусть разбирается капитан.

— Fuck off всем капитанам на свете. Я просто хочу, чтобы знал ты... Не капитан и не судья... Я действительно не убивала его. Я знала его, но я не имею к этому убийству никакого отношения.

От стойки вернулись парни. Пива они не купили и теперь злились.

— Ты представляешь?! Он не дал нам пива!

— Почему?

— Да тоже — со своими конкурсами пристал. Что за клуб?! Нет, ну что за клуб, а?! Пива не дают!

Парни плюхнулись на стулья, закурили по сигарете и стали ждать официантку. В зале было тесно и накурено. Завсегда и в остроносых сапогах и «рэйбановских» солнечных очках проплывали среди облаков дыма, как айсберги в тумане.

Брайан подробно изучил все висевшие на стенах плакаты и показал мне пальцем на один, изображавший тощего бородатого мужчину с глазами тихого пьяницы.

— Знаешь, кто это?

— Нет.

— Это Чарльз Мэнсон. Ты знаешь Мэнсона?

— Что-то слышал. Он убийца, да? Его бандиты зарезали актрису, игравшую в кино мать Антихриста. Он что, до сих пор жив?..

— Чарльз Мэнсон — революционер. Он пытался спасти этот мир, очистить его от скверны. Его отряд начал психоделическое наступление на Систему..

Мартин тут же встрял:

— Ничего подобного. Мэнсон был сатанист. Его преступления носили ритуальный характер.

Я пускал кольца дыма и слушал, как ирландский радикал и ирландский же оккультист спорят насчет того, кто из них имеет больше прав считать своим другом свихнувшегося маньяка Мэнсона..

Минут через десять спорить парням надоело. Еще через пять им надоело ждать. Официантка так больше и не появилась.

— Сил нет. Пойдем хоть куда-нибудь.

Я пытался объяснить, что такая задержка здесь в порядке вещей, что официантка обязательно появится, просто «Хара-Мамбуру» имеет неповторимую атмосферу... не помогло ничто.

Парни хотели выпить. Их не останавливало даже то, что до выступления стриптиз-команды «Отвислые сиськи» оставалось всего сорок минут.

Я сдался:

— Хорошо. Пойдемте. Давайте только сразу решим куда.

— Куда угодно! Только пусть там не заставляют сорок минут ждать пива!

— И чтобы без обидных кличек. Безо всяких там «Больших Бенов».

Я посмотрел на часы. Двадцать минут третьего.

— Можно было бы пойти в хороший бар, но это довольно далеко.

— Пойдем куда-нибудь ближе. Умоляю — поскорее.

— Из «ближе» здесь только гей-клуб.

— Пошли в гей-клуб.

Мартин попробовал вмешаться:

— погоди! Это самое... А что там в гей-клубе?

— Да ладно тебе! Выпьем по кружечке. Не понравится — двинем дальше.

Мы отправились в гей-клуб.

В Петербурге их несколько. Каждый — совершенно не похож на остальные. Есть закрытые для посторонних, и попасть туда с улицы невозможно. Есть экстремальные, где любого посетителя могут привязать вверх ногами к неструганой доске, а потом до крови высечь розгами.

Клуб «Первомай» был совсем другим. Старинный особняк. Интерьеры и вся фигня. Убаюкивающая музыка. Зеркала во всю стену. Единственная необычная деталь — объявление о том, что в «Первомае» запрещена любая фото- и видеосъемка.

Мы заплатили за вход и устроились на плюшевом диване у самого бара.

— Почему этот клуб так называется? Местные геи как-то связаны с рабочим движением?

— Все проще. Раньше в этом здании располагался Дом культуры «Первомай». Стандартное название, безо всякого идеологического подтекста. Дом культуры закрыли, а название осталось. Сейчас так происходит постоянно. У меня рядом с домом есть казино «Большевичка». Никто не удивляется.

— Жаль. Я думал... Геи — очень революционная прослойка общества. В 1974-м в Лос-Анджелесе они построили баррикады и камнями забросали полицию... Жаль, что тогда я был еще очень молодой и не мог во всем этом поучаствовать.

Дебби сказала:

— Ты не революционер, Брайан. Ты просто хулиган. Тебе хочется не рабочей борьбы, а бить окна и бросать камни в полицейских.

Брайан довольно кивнул:

— Я такой. Да. Но все-таки геи, евреи и студенты — это основа любой революции... Среди большевистских лидеров...

— Посмотри по сторонам! Кто тут станет участвовать в твоей революции?

Народу в зале было немного. Молодые люди в модных свитерах. Ухоженные мужчины с внешностью бизнесменов средней руки. Аккуратно и неброско одетые девушки...

Дорвавшиеся до алкоголя, который выставляли на стол сразу, не заставляя откликаться на обидные клички, ирландцы принялись опрокидывать в рот стаканчики.

Пригубив свой «Бифитер», Дебби тронула меня за рукав и предложила пойти потанцевать.

— Не знаю, приняты ли здесь гетеросексуальные танцы?

— Я хочу с тобой поговорить.

Я отставил стакан. Куда с большим удовольствием я бы выпил еще стаканчик и наконец покурил.

Дебби положила руки мне на плечи. Под ладонями я чувствовал ее тело. Оно было горячее даже сквозь тоненькую футболку.

За всю эту неделю я ведь так ни разу к ней и не прикоснулся. Мы болтали, ссорились, выпили вместе небольшое (меньше Ладжского) озеро пива, но я ни разу не притронулся к ее восхитительному телу.

— Ты хотела поговорить?

— Хотела.

— Поговори.

— Я НЕ убивала Шона.

Я молчал и смотрел на нее. На самом деле я очень хотел, чтобы это было правдой.

— Пойми меня правильно. Я не боюсь ответственности. Не боюсь ни спецслужб, ни твоего супермена-капитана. Я — гражданка Юропиен Комьюнити. В том, что мне удастся без проблем покинуть вашу страну, у меня сомнений нет... Я хочу только, чтобы ты

не думал, что это сделала я. Потому что я действительно здесь ни при чем.

— Не думаю, что твое эсовское гражданство произведет на нашего капитана сильное впечатление. Если я правильно понимаю, то еще лет десять—пятнадцать назад он отстреливал ваших граждан по дюжине перед завтраком. Просто чтобы размяться.

— Что он может мне предъявить? Эту фотографию? Глупо! Да, я знала Шона в Ирландии. Мы встречались. Он был моим парнем — и что?

— Ничего. Этого хватит.

— Неужели ты думаешь, мне требовалось доехать до России, чтобы понять: главное, чего я хочу в жизни,— это всадить топор в затылок бывшему бойфренду? С которым мы расстались больше года назад?

— Я не знаю, что сможет предъявить тебе капитан. Но ты единственная, кто знал Шона до этой поездки. И ты не сказала об этом следователю.

— Тьфу на следователя! Я не видела Шона больше года, а в понедельник с утра встретила его в аэропорту и чуть не умерла от удивления. Мы и говорили-то с ним всего пару минут.

— Но ведь говорили, да?

— Он спросил, как я? Я сказала: все о'кей. После этого он достал эту злосчастную фотографию и отдал мне. Сказал, что все это время помнил обо мне и очень скучал.

Она прислонила голову к моему плечу и замолчала. Потом опять начала говорить:

— Он всегда был таким смешным... Лопухий. Весь в веснушках. Все девчонки в колледже смеялись и говорили, что лучше переспать с негром, чем с Шоном Малленом... А мне он нравился.

— Сложно представить.

— Он был очень хороший. Честный и смелый.

— Смелый?

— Нет. Не в каком-то смысле... Я думаю, что, наверное, он не дрался ни разу в жизни. Очкарики редко дерутся... Но он все равно был очень смелый. Когда мы начали встречаться, я любила его. Сильно. И тоже очень скучала, когда мы расстались.

Я слушал ее, и мне казалось, что это говорит какая-то другая Деирдре. Не та, которая в туннеле рассказывала мне о том, что готова на собственном теле испытать, любят ли русские мужчины анальный секс.

Эта длинноногая стерва, способная единственным взглядом сбить с ног махровейшего плейбоя, встречалась с тихоней и откровенным обормотом Шоном?!

Чего-то в этой девушке я не понял.

Музыка кончилась. Мы вернулись за столик. Мартин посмотрел на меня пьяным взглядом:

— Как-то раз у нас в колледже отмечался день святого Патрика. Нудное официальное мероприятие. С безалкогольными коктейлями и игрой в фанты.

— Предлагаешь сыграть?

— Там был такой конкурс: мужчинам завязывали глаза, подводили к шеренге девушек и предлагали, пощупав ноги, определить, кто именно перед ним стоит. А для прикола в шеренгу поставили меня.

— Прикол получился смешной?

— Парень с завязанными глазами долго щупал мои коленки.

Омерзительное ощущение.

Я сделал большой глоток из стакана и спросил:

— Ты все это к чему?

— Ни к чему. Просто хочу, чтобы ты знал: этим щупаньем весь мой гомосексуальный опыт и исчерпывается.

— Ну и?

Мартин наклонился ко мне и свистящим шепотом произнес:

— Илья! Они на меня СМОТРЯТ.

— Кто?

— Все вокруг.

Я огляделся. Публика тянула напитки. В нашу сторону никто не смотрел.

— Ты смылся танцевать с Дебби, и всё. Оглядишься вокруг! Мы с Брайаном, между прочим, смотримся как постоянные члены клуба. На хрена мне это надо? Я не гомофоб, но зачем на меня так сочувственно смотреть?

— Который здесь? За друга Мартина выбью глаз! Чтоб не смотрели, похабники!

— Я не об этом.

— А о чем?

— Может, пойдём, а?

— Господи! Столько слов! Как тебя держит твой редактор? Поехали, собирайтесь.

Брайан пробовал возражать. Говорил, что Мартин мнителен и атмосфера в «Первомае» располагает встретить здесь рассвет... Мартин был неумолим.

Мы забрали в гардеробе не успевшие высохнуть куртки и плащи и поехали в рейв-подвал «ТБ».

Под клуб было оборудовано списанное бомбоубежище. Камуфляжная сетка под потолком, глухо бухающая драм-машина, лазерные пушки в упор расстреливают танцоров.

Я подумал, что вечерок выдался забавный. Куда бы мы ни пришли, мы везде были too much. Для «Хара-Мамбуру» мы были чересчур чисты. Для «Первомая» — чересчур гетеросексуальны. Для «ТБ» мы будем, пожалуй, слишком пьяны.

Стойка бара выглядела настолько ободранной, словно стояла здесь еще со времен первых пятилеток, и уже тогда жизнь ее здорово потрепала. Блики black-light'a отражались на выставленных бутылках, и от этого бар выглядел немного ненастоящим.

Мартин призывно помахал рукой:

— Бармен!

Бармен, стоявший на другом конце стойки и болтавший с симпатичной брюнеткой, покосился в нашу сторону и не шелохнулся.

— Ба-армен! Можно на минутку?!

Та же реакция.

Перекрикивая двухсотваттные динамики, пьяный Мартин заорал:

— Ба-а-армен!

Бармен продолжал разговаривать.

Брайан локтем отодвинул Мартина от стойки:

— Неправильная тактика.

Он едва слышно проговорил: «Пятнадцать долларов!» — и подскочивший бармен сказал, что внимательно его слушает.

— Четыре по сто джина.

— С содовой?

— Давайте с содовой.

— Пива?

— Попозже.

— Чипсы? Фисташки?

— Нет, спасибо.

Бармен выставил на стойку стаканы, назвал сумму и, оглядев нас, сказал уголком рта:

— Я просто был занят. Меня не интересуют ваши пятнадцать долларов.

— Прекрасно. Я и не собирался вам их давать.

Мы сели за столик и хором отхлебнули из стаканов.

— А здесь здорово.

— Если бы не дурацкий рейв, было бы совсем хорошо.

— А что такое «ТиБи»?

— Ты имеешь в виду название клуба? Это значит «Трансформаторная Будка».

— Что такое «трансформаторная будка»?

— Честно сказать, я не большой спец в этом вопросе. Ты, наверное, видел — на улице иногда стоят такие железные коробки. Переключатели городского электронапряжения. В общем, что-то об электричестве. Рейверы любят технологические названия.

— Понятно.

Я отхлебнул еще и сказал:

— У меня был приятель — очень невезучий парень. Troublemaker. Однажды он купил себе ботинки — такие же, как у Брайана. Со шнурками чуть ли не до колена. Надел их, идет по улице, радуется. Но не долго. Получилось так, что в его ботинок попал камешек. Вот в такой высоченный ботинок. Камешек был маленький, но острый. Колет ногу. Идти невозможно. А расшнуровывать ботинок — долго. Может быть, десять минут. Пока развяжешь, пока обратно завяжешь...

Брайан подтвердил:

— Это точно.

— Он и так, и этак... В общем, решил сесть и все-таки расшнуровать ботинок. Остановился у такой вот «ТБ», трансформаторной будки, и решил попытаться еще раз вытрясти этот камешек. Оперся двумя руками о будку и давай изо всех сил дергать ногой...

— И чего?

— В это время мимо шел старичок с палочкой. В ремесленном училище он когда-то изучал технику безопасности. С тех пор старичок знал, как следует поступать в экстренных случаях. Когда он увидел, что у трансформаторной будки стоит человек, которого трясет, как эпилептика, то сообразил моментально: короткое замыкание, человек в опасности. Он не растерялся, подскочил и со всей силы треснул моему приятелю палкой по рукам. Чтобы разомкнуть электроцепь.

— Ну и?

— И сломал ему руку в двух местах. Такая вот история.

Все посмеялись. Мартин сходил купить еще по порции джина.

— Я тоже знал у себя в Корке такого невезучего парня. Он хороший человек и известный журналист, но очень любит женщин. Как-то он пошел в ресторан и познакомился с улетной девицей. И девушка пригласила его к себе. На всю ночь! Они доели, допили все, что было заказано, и поехали к ней. Всю дорогу они целовались, он ее чуть прямо в машине не раздел, и все обстояло шикарно. Они приезжают, входят в дом, она, не зажигая свет, говорит: «Раздевайся, honeу, ложись, я пошла в душ». И уходит. Приятель разделся, нырк в кровать и ждет. Но чем дольше ждет, тем сильнее чувствует... как сказать?

— Что чувствует?

— В ресторане он СЛИШКОМ МНОГО ЕЛ. Ему нужно в уборную. А у нас в Ирландии унитаы и души расположены в одной комнате. В которой не торопясь моется девушка... Она там плещется, напевает, а он сходит с ума. Бегает голый по квартире, не знает, что делать.

Дебби сказала «Фу!»). Мартин не обратил на нее внимания.

— Он не выдержал, схватил газету, постелил на пол... I'm sorry... Газету он выбросил в открытое окно. Уф, думает, все. Но чувствует — нет, не все. Остался запах. Жуткий. «Fuck! — думает приятель. — Этого только не хватало!» Начал опять бегать по квартире — чем бы заглушить? В результате он нашел в темноте что-то вроде косметички этой девушки, схватил флакончик — принялся. Спиртом вроде пахнет. Наверное, дезодорант. Он и набрызгал щедрой рукой во все стороны. Снова — нырк в постель. Из ванной вышла девушка и все прошло удачно, у моего приятеля была ночь бешеной страсти, и заснули они только под утро.

Он вытряс из пачки новую сигарету, прикурил и дорассказал наконец:

— Проснулся он рано. Открыл глаза, и первое, что увидел, — на окне у девушки была натянута сетка от комаров... Тоненькая, незаметная... Далеко его газета не улетела. Парень чуть не поседел. Он на ватных ногах вылез из постели, огляделся, и второе, что увидел, — вчерашний «дезодорант» из косметички оказался... как это будет по-русски? — зеленкой. И теперь везде — на обоях, на мебели, на книгах и одежде были несмываемые зеленые пятна... Короче, романа у него с той девушкой не получилось...

Дебби еще раз сказала:

— Фу, Марти! Какие гадости ты рассказываешь!

— Надо бы выпить за этих невезучих парней. Пусть им хоть раз в жизни повезет.

Мы выпили за невезучих парней... потом за девушек... потом лично за Дебби... а потом за всех нас, потому что в сущности мы ведь совсем неплохие ребята.

Потом Брайан переместился за соседний столик к двум девицам, по самые ушки накачанным чем-то экстравагантным. Девушки громко смеялись и с интервалом в тридцать секунд интересовались, действительно ли он приехал из Ирландии. «Действительно», — кивал пьяной головой Брайан.

Мартин сперва сидел с ними, а потом ушел в туалет и потерялся. У меня перед глазами плыло, но настроения это не портило. Настроение оставалось замечательным. Даже не знаю почему.

К нашему столику подошла девица-коммивояжер со значком «ТБ» на футболке и с целым подносом ярких пакетиков. Она мне улыбнулась. Ее улыбка была искренней.

— Молодой человек. Не желаете приобрести наши клубные товары? Тишотки? Сумки? «Tiger-Eyes»?

— «Тайгер-Айз»? Вообще-то я отрицательно отношусь к наркотикам...

— Это не наркотики. Это контактные линзы, светящиеся во флюоресцентном свете, как тигриные глаза. У нас это обойдется вам почти в два раза дешевле, чем в других клубах.

— Нет, спасибо.

— Представляете, как вы будете смотреться во время танцев?

— Представляю. Поэтому и не хочу покупать.

— А накладные волосы под мышки? Есть с золотыми нитями.

Хит сезона.

— Накладные волосы под мышки?

— Да. Для красоты. Вы сможете носить футболки без рукавов. Знаете, как это нравится дамам? Спросите у своей девушки.

— Это не моя девушка.

Дебби улыбнулась:

— Не слушайте его. Я ЕГО девушка. Но накладные волосы мы покупать не будем. Этот парень нравится мне таким, какой есть.

Продавщица понесла свои чудеса к следующим столам, а я закурил. Сигаретой в огонек зажигалки удалось попасть только с третьей попытки.

— Ты действительно МОЯ девушка?

- Твоя.
- И ты действительно не имеешь никакого отношения к этому убийству?
- Ни малейшего.
- Честно?
- Честно.
- Тогда и я скажу честно. Я пьян, и когда же еще мне говорить честно, как не сейчас? Ты мне очень нравишься, Дебби.
- Настолько нравлюсь, что ты готов попасть в мою коллекцию?
- Ты о чем?
- Всего три дня назад ты говорил, что не хочешь быть махаоном на булавке. И никогда не попадешь в мою коллекцию.
- Да, хочу попасть... В смысле в коллекцию... Можно я буду твоим махаоном?.. А у тебя большая коллекция?
- Если честно, то очень маленькая. Я ведь говорила, что ты действительно не знаешь меня. На самом деле я никогда не позволю себе спать с тем, кого не люблю.
- А как же социология?
- Fuck off социологию!
- Мы выпили за крах лженауки, и она посмотрела на меня своими громадными зелеными глазами.
- Ты действительно хочешь быть со мной?
- Хочу. Очень.
- И когда же?
- Когда скажешь!
- Она засмеялась: «Ловлю на слове!» — и я почувствовал, что если в этом дождливом мире и есть штука, называемая «счастьем», то она выглядит как-то очень похоже на те зеленые глаза, что я видел перед собой.

16

В дверь звонили долго. В том, как визитер жал на кнопку, чувствовалось право звонящего заявляться в мой дом в любое время и в любом состоянии.

Такое право могло быть только у одного человека на свете. У меня самого. Однако я лежал в постели, а звонок продолжал выводить «дзы-ы-ынь, дзы-ы-ы-ынь».

— Да иду я, иду.

Я свесил ноги с кровати, встал, протер глаза, сунул ноги в брюки. Звонок не умолкал.

— Сказал же — иду! Чего непонятно?

Если бы не вечное похмелье, я бы, конечно, догадался. И если бы догадался, то мог еще какое-то время поваляться в постели: такие визитеры, не добившись своего, не уходят.

На пороге стоял гнусно ухмыляющийся Осокин. Ну конечно. Кто еще мог так звонить?

Мы молча смотрели друг на друга.

— Дай догадаюсь. Тебя выгнали из больницы за подрыв моральных устоев, да?

— Ты бы лучше догадался пригласить меня войти.

— Проходи. Чувствуй себя как дома. Ты как — один или уже с дамой?

— Твоими бы устами...

Он прошел в прихожую. Я рассмотрел то, как он одет, и удивился. Чужие ботинки со сношенными каблуками — на пару размеров больше, чем нужно. Оттопыренные на коленках брюки, бывшие модными в те годы, когда я учился без ошибок вписывать буквы в строчки прописей. Подростковая рейверская куртка.

— Леша, ты стоял перед моим домом и раздевал прохожих?

Осокин стянул куртку, под которой оказался пиджак со значком токаря третьего разряда на лацкане, и аккуратно повесил ее на вешалку.

— Знал бы ты, Стогов, как сложно выбраться из этой чертовой больницы. При поступлении всю одежду отбирают. А из дома вещи приносить запрещено.

— Поэтому ты решил принарядиться на помойке?

— Бери выше. Все это богатство я двое суток выигрывал в карты у всей больницы. У тебя пиво есть?

Я сказал, чтобы он посмотрел в холодильнике, и пошел умываться. Когда вернулся, Осокин уже сидел на кухне.

Перед ним стояла полупустая бутылка пива (*«Памятка больному вензаболеванием». Пункт первый: «На весь период лечения больному категорически запрещается потребление любых алкогольных напитков, в том числе пива...»*) и открытый пакет немецких чипсов (*«Памятка...». Пункт четвертый: «...В целях успешного лечения больному также запрещается потребление острых, соленых и квашеных продуктов питания...»*).

Я достал из холодильника бутылку пива для себя и сел в кресло.

— Рассказывай, сифилитик. Почему вместо того, чтобы избавиться добропорядочных граждан от своего общества, ты разгуливаешь на свободе?

Из больницы Осокин сбежал. В четверг днем ему сделали последнюю инъекцию пенициллина, и с тех пор единственное, чем он занимался, — готовился к побегу. Выяснил у старожилков возможные пути обхода постового, выиграл в карты носильные вещи («Не насовсем, только на выходные. Зачем мне это тряпье?») и сиганул через красный больничный забор.

— Понимаешь, мимо милиционера на улицу не пройдешь. Он ворота на ключ запирает. Сам в будке сидит, телек смотрит, а дверь открыта, все видно. Зато если за главный корпус зайти, то по топилям, как по лесенке, на стену забраться можно. А там просто: прыгиваешь на крышу пивного ларька — и вперед.

— Как пацан. Дай этому офицеру пять долларов США, он тебе ворота откроет и честь отдаст. Или у тебя нет пяти долларов?

— Ты не врубаешься, во что я вляпался. Это же режимная больница. За уход из стационара там положена статья Уголовного кодекса. Все серьезно! Там одних сифилитиков — полтора этажа. И у половины мозги уже через уши капаят. Их выпусти наружу — через неделю в городе ни одной здоровой тетки не останется...

Он встал, открыл еще одно пиво, отхлебнул и улыбнулся.

— Ты бы знал, чего я там насмотрелся! Вот бы тебя туда!

— Зачем это?

— На этом материале ты бы сделал себе самое скандальное имя в отечественной журналистике.

— Мне хватает и тех лавров, какие есть. Чужих не надо.

— Лох ты, Стогов, и больше никто. Это же школа жизни! Со мной парень в палате лежит — он вообще не ходит. На процедуры в коляске ездит. У него кличка «Мересьев». Я спрашиваю: что это за болезнь? Знаешь, что он ответил? У меня, говорит, за всю жизнь всего одна девчонка была, и я от нее заразился гонореей. Дело-то пустячное: три дня уколов — и ты в строю. Но он не знал. Решил, что он у девчонки тоже единственный. И не обращал внимания на рези и боль в паху. Долго не обращал — лет пять. А потом — хлоп! — у парня поражение суставов и отказали ноги. Навсегда! Ты врубаешься? Парень делал секс всего с одной девицей в жизни и теперь никогда не сможет ходить!

— Чего ж ты сбежал? Сидел бы в больнице. Набирался жизненного опыта.

— А скучно там. Пока колют пенициллин — вроде ничего. А как доколют — целую неделю лежишь и ждешь: не закапает ли снова. У меня анализы только в следующую среду будут брать. Что ж, мне там до среды и сидеть?

— Да-а.

Осокин ухмыльнулся, еще раз отхлебнул из бутылки и продолжал:

— Позавчера я с девчонкой познакомился.

— Где?

— В больнице.

— Как это?

— Приехала откуда-то... в общем, из задницы. Учится на медсестру. У нас уборщицей подрабатывает. У нее на отделении комнатка с кушеткой. Все по-человечески. Она мне с утра говорит: ты, Леша, парень нормальный. А ведь бывают уроды — вскрыешься!.. Выхожу как-то ночью на задний двор, а там... Мужики!.. Такое делают!.. Я к дежурному врачу. Бегом. Он милицию вызвал. И их всех троих забрали. Я ее спрашиваю: «Не понял, почему троих?» А она обиделась и к стенке отвернулась...

— Слушай, как ты можешь?.. В больнице, с медсестрой... Совети у тебя нет... Ты ведь не от гриппа лечишься...

— А что такого? Она же медсестра! Пусть сама думает...

— Тебе этого не хватило, да? И ты решил устроить веселенький уик-энд? С телками и алкоголем?

— С алкоголем — да. А насчет телок — не знаю. Как получится.

— И чего ты хочешь от меня?

— Напейся с другом.

— Вообще-то люблю это дело. Но сегодня я немного занят.

— Ирландцы?

— Ага.

— Расскажи, что там нового?

Я достал себе еще бутылку пива и рассказал Осокину последние новости.

— А твой капитан знал, что Дебби встречалась с Шоном еще в Ирландии?

— Наверное, нет.

— Но предложил следить именно за ней?

— Предложил.

— А ты все равно думаешь, что она не убивала?

— Леша, чего тебе надо?

— Я хочу разобраться.

— Ты бы лучше со своей сигаретой разобрался. Пеплом всю кухню засыпал. Будь осторожнее — вдруг нечаянно уронишь его и в пепельницу.

Осокин усмехнулся.

— Стогов, что у тебя с этой девицей?

— Иди к черту.

Я поставил пустую бутылку на стол и ушел с кухни. Я застелил кровать, погромче включил радио и даже успел подумать о том, как бы мне для сегодняшнего вечера одеться?

Потом в дверях появился Осокин.

— Я подумал... знаешь... будет лучше, если я пойду к ирландцам с тобой.

— Если ты думаешь, что я в восторге, то повнимательнее взгляни на выражение моего лица.

Осокин внимательно посмотрел на выражение моего лица.

— Если бы я был маленькой девочкой, я бы описался от испуга.

— Только не писайся у меня в квартире. Я боюсь твоих болезней как огня.

— Куда пойдем?

Спорить с Осокиным бесполезно. Если он решит испортить кому-нибудь жизнь, то ни за что не отступится от своего намерения. Я сел на диван и закурил.

— Не знаю... У меня впечатление, что за эту неделю я сводил ирландцев всюду, куда было возможно.

— Пойдем в национальный бар.

— В какой?

— В какой-нибудь.

— Я не люблю ходить в национальные бары. Ты же знаешь.

— Ты водил их в «Долли»?

«Вот черт!» — подумал я. Почему-то эта мысль до сих пор не приходила мне в голову. «Долли» — это один из двух ирландских баров Петербурга. Сводить ирландцев в ирландский бар я не сообщал.

— Не знаю... Можно, наверное... Но там ведь дорого...

— Не жмись, они наши гости.

— У тебя сколько денег?

— У меня нет ни копейки. Я, если ты забыл, сбежал из больницы в чужих брюках и ботинках такого размера, что чуть не потерял их по дороге.

— То есть платить буду я?

— Только не говори, что у тебя не найдется лишних пятидесяти долларов, чтобы угостить больного друга кружечкой «Гиннеса».

— Леша, давай лучше я приглашу своего заболевшего друга в аптеку и куплю ему лекарств. Чтобы друг поправился и смог самостоятельно зарабатывать себе на пиво.

— Кроме того, тебе придется дать мне что-нибудь надеть. И пощи в своем притоне приличный одеколон — я задыхаюсь от запаха медикаментов.

Когда через полчаса мы были готовы к выходу и прошли на кухню, чтобы выпить еще по бутылке пива, Осокин заглянул мне в лицо.

— А она действительно красивая?

— Кто?

— Не придуривайся.

Я подумал.

— Красивая. Очень красивая.

— Покажи мне ее. Уж я-то сразу пойму, способна женщина на убийство или нет.

17

Дебби не торопясь прикурила, обвела зал взглядом и усмехнулась:

— Стоило уезжать из Ирландии!.. Я пролетела над девятью европейскими государствами, тремя часовыми поясами и предъявляла свои документы дюжине мазефакеров с таможенных и паспортных контролей. И ради чего? Ради того, чтобы здесь, в России, сходить в ирландский бар?! Fuck!

Мы встретили ирландцев у Пяти углов. Я представил им Осокина. В моем старом плаще он выглядел глуповато.

В «Долли» лысый охранник указал нам свободный столик. Следующие полчаса все слушали Дебби, которая возмущалась тем, что мы затащили ее в ирландский бар. Точно такой же, как тот, что расположен в подвале ее дома в Корке.

А вот парням «Долли» понравился. Особенно понравилось то, что ни единый человек в баре не знал о существовании в Ирландии такого города, как Корк.

— А вот я не согласен. Чего плохого в том, чтобы сходить в ирландскую пивную именно в Петербурге? Скажи, Илья?

— Точно.

— Охотники, где бы они ни были, тут же бегут убивать зверей. Бизнесмены — отправляются на биржу. Фермеры едут в деревню. Каменщики — в каменоломни. А ирландцы в каждом городе планеты отправляются в ирландский кабачок и пьют «Гиннесс». По-моему, это разумно. Правда, Илья?

— Правда.

— Ты молодец, Илья. Хочешь, я приму тебя в настоящие ирландцы?

— Давай.

— Решено. Отныне и вовеки ты, Илья Стогов, являешься ирландцем. Храни в чистоте это почетное звание. А ты, Дебби, представь, что родина уполномочила тебя проверить соответствие ирландских баров Петербурга нашему национальному духу. Вдруг здесь нет ирландского духа, а? Вдруг ирландское здесь только название? Вот ты, настоящий ирландец Илья Стогов, скажи: что в ирландских пивнушках самое главное?

— Наличие скидок для настоящих ирландцев?

— Нет. Извини, но из ирландцев я тебя исключаю. Как ничего не смыслящего в нашем национальном духе. В ирландских пивнушках главное — это fun. Как по-русски будет fun?

— Никак. В русском нет такого слова.

— Господи! Несчастливая страна. Как же вы живете?

— Ты не понял. У нас нет только слова. Сам fun у нас есть.

— А-а-а... Тогда проще. И какой же специфический fun предлагают посетителям в этом ирландском баре?

— Спросите лучше у Леши. Он здесь бывает чаще, чем я. Для меня ходить в «Долли» слишком дорого.

Ирландцы посмотрели на Осокина.

— Какой fun? Ну, здесь бывают дартс-турниры.

— Извини, Алексей, но это не fun. Это развлечение для тупиц. Чего веселого в том, чтобы кидаться в мишень детскими дротиками?

— Здесь бывают собачьи бои.

— Как это пошло.

— Раз в неделю в «Долли» устраиваются конкурсы любительского стриптиза.

— Что это значит?

— Это значит, что любая девушка из зала может выйти и станцевать голой. Если получится красиво, ей могут дать премию... Иногда бывает и мужской любительский стриптиз.

— Нет. Такие развлечения имеются во всех ирландских пивнушках мира. А есть здесь что-нибудь особое? Что-то такое, чего нет нигде, а?

— Раньше здесь работал барменом один парень. Он клал девушек на стойку, вставлял им между ног стакан, а шейкер запикивал себе в брюки и выливал коктейль в стакан, ложась прямо на девушку. А мог таким же образом вылить коктейль и прямо девушке в рот. И никогда ни капли не проливал. Его даже по телевизору показывали.

— Сейчас этот виртуоз работает?

— Нет. Куда-то уехал.

— Значит, это не в счет.

— Ну хорошо. Каждую зиму здесь проводятся пляжные вечеринки — «beach party». Когда на улице стоит сорокаградусный мороз, людям, которые приходят в «Долли» в плавках и купальниках, коктейли выдаются за счет заведения.

— Но ведь сейчас не зима.

— Дайте подумать. Куплю пива и скажу.

Он занял у меня денег и отправился к стойке. Дебби проводила его долгим, задумчивым взглядом.

— А у тебя симпатичный приятель. Он похож на Киану Ривза.

— Скажи ему об этом. Осокин любит, когда ему говорят такое.

— А ты?

— Я никогда не говорил Леше, что он похож на Киану Ривза.

Похожий на гавайского красавчика Осокин поставил пиво на стол, закурил и улыбнулся.

— Скажи, Мартин, а во многих барах ты видел пиво с рыбками?

— Какое пиво?

— Пиво с рыбками.

— Даже не слышал о таком. Что это?

— Это тот самый эксклюзивный fun, которого ты хотел.

— Ну-ну! Что же это за пиво?

— Обычное пиво. Светлое или темное — роли не играет. Изюминка в том, что в таком пиве плавают крошечные рыбки. Вот такусенькие. И пить пиво нужно вместе с ними. Залпом, чтобы не повредить их при глотании. Выпил кружечку — и чувствуешь, как они, живые, плавают у тебя в желудке.

— А потом?

— А потом ты просто их перевариваешь.

Дебби скривилась:

— Фу, какая гадость!

Парни заерзали:

— И здесь есть такое пиво?

— Конечно. Только оно дорогое. Семнадцать баксов стакан.

— Ребята, ребята! Давайте обойдемся без экспериментов.

— Погоди, это же...

Дебби замотала головой:

— Не-на-до! Пусть рыбки умрут от старости.

Мы сидели и молча пили пиво. Потом Мартин спросил, почему мы не догадались пойти сюда раньше?

— Не знаю... Мало ли пивнушек в городе?

— Только идиоту может прийти в голову вести ирландцев в ирландский бар. Послезавтра будете дома, вот там и ходите по самым настоящим ирландским пивным.

— Надо же, уже послезавтра. Как летит время!

Осокин выхлебал уже пятую кружку пива, и это ему нравилось.

— Я скажу, почему Стогов не водил вас в национальные рестораны. Дело в том, что Стогов ничего не понимает в национальных кухнях. Он не гурман. В бары он ходит не есть и не наслаждаться атмосферой. Для него главное — напиться.

— Да?

— Как-то я ездил с ним в Пицунду. Это курорт на Черном море.

Мы сходили на пляж, позагорали и решили зайти в грузинский ресторанчик. Я не успел еще и меню раскрыть, а Стогов все уже прочел и зовет официанта. «Водки, — говорит, — две бутылки и две порции мжава на закуску». Официант уточняет: «Две порции?» Стогов ему — две-две! несите! Официант два раза переспрашивал, но разве Стогова переубедишь?

— Что такое мжава?

— Это грузинская капуста. Очень дешевое блюдо. Четверть цента за порцию. Причем ее подают в виде целиком замаринованных кочанов. Диаметр в полметра. Когда официант поставил на стол два полуметровых кочана, места не осталось даже для пепельницы... Стогов чуть не умер от удивления.

Ирландцы заулыбались.

— На следующий день мы снова пошли в грузинский ресторан. В другой, потому что в тот Стогов идти отказался. На этот раз он тщательно изучил меню, долго мялся и, наконец, говорит официанту: «Принесите две бутылки водки и... э-э-э... вот эту хинкали». Тот спрашивает: сколько нести? Стогов насторожился: «Один! Вернее, одну! В общем, самое маленькое!» Когда официант принес наш за-

каз, то даже повара из кухни вышли смотреть на мужчин, которые заказывают две бутылки и одну хинкали на двоих. Просто на самом деле это такие очень маленькие грузинские пельмени...

Когда Осокин хотел, он мог понравиться даже кариатидам не- красовского парадного подъезда. Скорее всего эту историю он вы- думал. Хотя кто знает?.. После развода с женой я много пил и пред- почитал не запоминать ничего из творящегося вокруг.

Когда Брайан отправился за следующей порцией пива, Осокин все-таки перешел к разговорам, к которым давно должен был перейти... у него были пьяные и бесстыжие глаза, глядя в которые я удив- лялся: как это он еще кружку назад не перешел к этим разговорам?

— Знаете, Деирдре, у вас такое странное имя... Красивое и стран- ное... Оно что-нибудь означает?

Пока Осокин трезвый — он неплохой парень. Но такой, как сей- час... На какой-то стадии вечеринки он вдруг выбрасывал на хер верхний слой своего лица, и каждый раз я видел перед собой уже не знакомого Лешу Осокина, а снайпера. Не спеша, находим цель... со- вмещаем мушку с прицелом... кладем палец на курок...

Ба-бах! До трупов перепачканный в помаде Осокин пожимает плечами: «Ну что ты будешь делать с этими туловищами, старик?.. Ну никакого отбоя!..»

Дебби усмехнулась.

— Это национальное ирландское имя. Из очень старинной ле- генды. Как у вас Василиса.

— Василиса — это не из легенды. Василиса — это из сказки. Сперва она была лягушкой, а потом вышла замуж за принца.

Мартин кивнул:

— Да-да. Я читал эту сказку, когда учился в колледже. А у обо- ротня, который ее украл, конец хранился там же, где и яйцо.

— Что же за легенда?

— Расскажи ему, Дебби.

— У нас в Ирландии есть такая старинная книга легенд. Называ- ется «Книга Красной Коровы». Там рассказывается, что у короля из Дублина была дочь по имени Деирдре, которая не умела любить. Она владела магией и могла влюбить в себя любого мужчину коро- левства, но сама не любила никого... В общем, это длинная и стар- инная легенда. Дети в Ирландии даже изучают ее в школе. В на- чальных классах...

Осокин начал плести что-то насчет того, что вряд ли принцесса могла быть красивее Дебби. Мартин тут же выдал историческую

справку: рыжие волосы в древней Ирландии считались признаком простонародного происхождения. Дебби, запрокидывая голову, смеялась.

«Пойду еще за пивом». — буркнул я и отправился к бару.

Народу в баре успело набиться раза в два больше, чем рассчитывали те, кто проектировал стойку. Поэтому, прежде чем я получил пиво, мне пришлось потолкаться в очереди.

Бармен, наливавший «Гиннесс», глянул на меня поверх бокала и спросил:

— Это с вами настоящие ирландцы?

— Ага. Настоящие.

— Драться будут?

— Не думаю.

— А песни петь?

— Если заплатите, могут и спеть.

— Может, им футбол включить?

— Не надо футбол. Дайте пива.

Он нацедил еще один бокал и спросил опять:

— Чего ж они, раз ирландцы, не переходят с пива на виски?

Обычно после пяти «Гиннессов» просят уже «Джонни Уокера».

Действительно, подумал я, чего это мы? Я привстал на цыпочки и попытался привлечь внимание парней. Те слушали, как Осокин что-то рассказывает, и громко смеялись.

Громче всех смеялась Дебби. У нее были белые зубы. Мне было неприятно смотреть на то, как она смеется.

— О'кей. Давайте «Джонни». Рэд лейбл. Одну штуку.

— С содовой?

— А как пьют настоящие ирландцы?

— Если настоящие, то пьют чистый виски, безо всякий содовых.

— Тогда и мне чистый. Безо всяких...

Бармен выставил передо мной приземистый бокал. По его сторону стойки отставались мои бокалы с «Гиннессом». Я уселся на высокий табурет и пододвинул виски поближе.

— Не правда ли, сегодня удивительно милый вечер?

Слева от меня сидела девица. Я повернулся к ней, и девица улыбнулась. Толпа прижимала нас почти вплотную друг к другу, и я ощущал запах ее дешевых духов.

Насколько я мог разглядеть, у девицы были длинные черные волосы и длинные белые ноги. Мой друг Осокин говорит про таких девиц, что они напоминают ему неприбранную кровать.

- Так себе вечером.
- Может, потанцуем?
- А что, уже объявили белый танец?
- Пригласи меня сам.

Я выпил виски. Подумал, что содовая все-таки не помешала бы. Но не стал говорить об этом бармену.

— Знаешь, милая. В той битве, когда кайзеровские дивизии теснили наших на верденском направлении, мне оторвало правую ногу. И теперь я хожу с деревянным протезом. Так что насчет потанцевать — извини, не ко мне.

Девушка сочувственно покачала головой:

- А ходишь — ничего. Как с настоящей...
- Привычка.

Она наклонилась к самому моему уху:

- Можно потрогать?
- Лучше не надо. Боюсь, от твоего прикосновения дерево может загореться. Мне не хотелось бы устроить здесь пожар.

Я слез со стула, рассчитался с барменом за пиво и виски и сказал, что «Гиннесс» заберу через пару минут. «Понимаю», — кивнул бармен. «Не правда ли, сегодня удивительно милый вечер?» — сказала девушка парню справа от нее, когда я отошел на пару шагов.

В туалете тоже была небольшая очередь. Руки пришлось мыть втроем в одной раковине. Когда я с пятью бокалами «Гиннесса» протиснулся обратно к столику, то застал там только Брайана и Мартина. Они по-английски обсуждали девушек из-за соседнего столика.

Я поставил пиво и огляделся.

- А где остальные? Дебби? Осокин?
- Дебби ушла с этим твоим другом. Он сказал: «Мы щас придем».

В тот вечер мы просидели в «Долли» до трех часов ночи. Домой я приехал только в полпятого. Ни Дебби, ни Осокин так и не вернулись.

18

Дождь барабанил в подоконник нудно и жалостливо. Словно там наверху кто-то плакал. Кто-то большой и беззащитный. Как ребенок, которому никогда не суждено стать взрослым.

Из окна были видны крыши домов. Повсюду было одно и то же — дождь и ничего, кроме дождя.

« Серое низкое небо всей тяжестью давило на город. От пейзажа воняло тоской.

« Дебби почти шепотом спросила:

— Хочешь кофе?

Я кивнул: «Хочу».

— Здесь будем пить?

« — Все равно.

Она помолчала, а потом сказала:

— Давай здесь. Я сейчас принесу кофейник.

Ничто так не обесценивает жизнь, как смерть, и ничто так не обесценивает начало, как конец.

У всей этой истории с Дебби, ирландцами, убийством и капитаном Тихорецким было начало — и вот все кончилось. Больше ничего не будет. Зачем же тогда это начиналось, думал я, глядя на плачущие тучи. Зачем?

Дебби собирала чемоданы. Она возвращалась в Ирландию, улетала нынешней ночью рейсом Петербург — Дублин. С утра она позвонила, сказала, что парни куда-то смотались, и попросила помочь упаковать вещи.

Я согласился и приехал к ней в гостиницу. Мне было все равно.

От множества выкуренных сигарет во рту стоял металлический привкус. Я все равно вытряс из пачки еще одну, прикурил и отвернулся от окна. Смотреть на льющийся за окном дождь больше не было сил.

Чемоданы Дебби были собраны и стояли в углу. Их лакированные бока блестели. Три больших, дорогих, с металлическими замками и кожаными ремнями. Один старый, размером поменьше.

Бубня под нос, пожилая горничная унесла постельное белье, и на кровати Дебби остался лишь серый казенный матрас, шерстяное одеяло и тощие подушки с печатями гостиницы. На полу валялись листки бумаги.

Все в комнате говорило мне о том, что история окончена, и еще об одной части моей бестолковой жизни можно забыть.

Дебби ногой толкнула дверь и внесла в комнату поднос с кофейником и двумя чашками. Шаги гулко раздавались в пустой комнате.

— Садись.

— Ничего. Постояю.

Я взял чашку, налил себе кофе и вернулся к подоконнику. Мне было неприятно смотреть на ее кровать. Мы молча пили кофе, и я слушал, как в стекло за моей спиной барабанит дождь. Грустный, серый, осенний дождь.

— Осокин звонил. Сказал, что через полчаса будет здесь. Обещал помочь отвезти вещи.

Ответить на это было нечего. Я молчал и, обжигая губы, пил кофе.

— Илья... Это невыносимо... Ты все время молчишь.

Я промолчал и на этот раз.

— Это из-за вчерашнего? Ты ведь не знаешь...

— Это не из-за вчерашнего. Я молчу просто потому, что мне нечего сказать.

Она опустила голову и двумя руками обхватила старенькую чашку с эмблемой гостиницы на боку.

Чем больше я смотрел на нее, тем сильнее мне казалось, что эту девушку я вижу впервые...

Вчера Осокин сказал, что у нее чувственная ямочка между ключицами. Понятия не имею, почему я это вспомнил.

— Я уезжаю. Даже не верится.

— Во сколько твой самолет?

— Поздно. В полвосьмого утра. Но в аэропорту нужно быть часов в пять.

— Зачем?

— Ну как... Таможня, паспортный контроль, все такое... А в одиннадцать по вашему времени я уже буду в Дублине.

— Ты помнишь, что в полночь нас ждет капитан?

— Помню. Я успею.

В полночь на «Сенной площади» капитан Тихорецкий устраивал прощальную акцию. То ли следственный эксперимент, то ли реконструкцию картины преступления.

Трудно поверить: вчера в это же время меня очень интересовала разгадка убийства. Я строил версии, присматривался к подозреваемым, искал мотивы... Сегодня все это занимало меня чуть меньше, чем вопрос, отчего именно вымерли динозавры.

Я выковырял из лежащей на подоконнике пачки «Лаки Страйк» еще одну сигарету и закурил. Неделю назад я увидел эту девушку впервые, а после сегодняшнего дня не увижу ее больше никогда.

Чемоданы собраны, белье сдано в прачечную, через полчаса придет Осокин... Раз так все получилось, значит, так и должно было получиться.

Дебби допила свой кофе и поставила чашку на тумбочку.

— Тебе грустно?

— Не знаю... Наверное...

— Ты уже знаешь, чем будешь заниматься завтра?

— Пока нет.

— Еще не думал об этом?

— Наверное, завтра я буду работать. Снова приду в редакцию, включу свой компьютер и не встану из-за стола, пока не допишу все до конца. Как обычно.

Она уезжала — а я оставался. Теперь она будет жить на своем зеленом острове, а я — в этом насквозь вымокшем городе.

Кто она мне? Однако с тех пор, как вчера она уехала с Осокиным, мне казалось, что я не хочу больше жить.

В дверь постучали. Дебби сказала, что, наверное, это Алеша, и пошла открывать.

— Привет,— пробубнил Осокин, стаскивая набухший от воды плащ. Смотреть на меня он избегал.— На улице льет. Промок до ушей. Вы уже все упаковали?

— Илья помог мне собрать чемоданы.

— Теперь в аэропорт?

— Да. Хочу заранее сдать чемоданы. Из гостиницы нужно съехать до четырех часов дня.

— Такси уже вызвала?

— Сейчас вызову.

— А во сколько тебе в метро? На эту... на место преступления?

— К двенадцати. Капитан сказал, что будет ждать нас сразу, как только закроется метро. Я созванивалась с ним. Он сказал, что больше чем на пару часов нас не задержит. Говорит, что хочет еще раз все сверить и перепроверить. Чтобы потом не пришлось вызывать нас из Ирландии.

Осокин с размаха уселся на кровать. На кровать, в которой целую неделю спала Дебби. Она посмотрела в мою сторону. Я старался не обращать внимания.

— Выпьешь кофе?

— Хорошо бы.

— Приятного аппетита. А я пойду. Дела.

— Погоди, Илья. Выпьешь кофе и пойдешь. Ладно?

Дебби вышла. Мы с Осокиным остались вдвоем.

— Стогов, когда ты так молчишь, я чувствую себя полным кретином.

— Может быть, ты и есть полный кретин?

— Обижаешься?

— Да пошел ты!..

— А чего обижаешься? Лучше бы ты, Стогов, о чем-нибудь меня спросил. Ты ни о чем не хочешь меня спросить?

— Хочу.

— Так спроси.

— Леша, скажи, пожалуйста, сколько времени?

— Настолько охота повыебываться? Ты что — не знаешь меня?

— Знаю.

— Ты же не в курсе, что здесь вчера было!

— Зато ты в курсе, что я никогда не любил порно.

— Ты — мудака. Все ведь иначе.

— Леша, я знаю тебя шесть лет. Что еще я должен у тебя спросить?

— Мы же мужчины. Ты должен меня понять... Черт! Я не так сказал. Не в этом смысле.

— Леша, повторяю второй и последний раз: не пойти ли тебе в задницу, а?

— Ну что ж... По крайней мере я пытался все тебе объяснить.

Осокин усмехнулся и закурил новую сигарету. Потом спросил:

— Ты тоже пойдешь вечером в метро?

— Пойду.

— Капитан вызвал?

— Ага.

Мы помолчали.

— А я сегодня в редакции был.

— Как там?

— Как обычно. Степашин про тебя спрашивал. Когда же, говорит, специальный корреспондент Стогов на рабочем месте появится?

— На подходе новая партия гостей из Ирландии?

— Он тему для тебя придумал. Хочет поручить крупное журналистское расследование.

— Меня его идеи пугают. Как подсунет — хоть вешайся.

— Да?

— Сам, что ли, не видишь?

— По-моему, он хочет, чтобы ты порылся в той истории с английскими спецслужбами. Слышал, да? Наш супермен в Лондоне захватил целый автобус детишек и смылся с денежками.

— На место преступления не пошлет? В смысле, в Лондон? С выплатой командировочных?

— В задницу он тебя пошлет. А в Лондон — вряд ли.

— Плохо, когда твой редактор — придурок. То ирландские журналисты, то английские шпионы... Может, мне вообще не ходить завтра на работу?

— Там выяснились новые детали, и он хочет, чтобы ты написал комментарий. Мне компьютерщики показывали. В Интернете уже неделю висят приметы супермена. Вернее, висит, что у него нет ни единой приметы. Только накладка чуть повыше запястья. В виде морского змея, пожирающего подводную лодку.

— Что?!

— Ты чего?

— Что ты сказал? Повтори!

— Что с тобой?

— Что ты сказал?!

— Я сказал, что у разведчика, который взял в заложники школьный автобус в Лондоне, была накладка. В виде морского змея...

— Да нет! До этого!

— Чего ты орешь? Когда до этого?

У меня перед глазами из отдельных кусочков выстраивалась ясная картина. Я даже не верил, что она стала настолько ясной.

— Знаешь, Леша... похоже, до меня дошло, кто и из-за чего убил Шона.

19

Капитан взглянул на часы:

— Полвторого. Начнем, пожалуй.

Он обвел нас проницательным взглядом холодных глаз и прошелся взад-вперед по туннелю.

Наверное, в школе, где учат кагэбэшников, есть специальный предмет — «Отработка проницательного взгляда холодных глаз». Наш капитан имел по этому предмету твердую пятерку.

— На соседнем перегоне ведутся ремонтные работы. По идее, здесь сейчас должна работать целая куча метростроителей. Но я распорядился, и специально для нас этот отрезок пути перекрыли. Через каждые сто метров у нас есть специальные шлюзы для защиты от оползней. Сейчас эти шлюзы закрыты. Бетонная стена полуметровой толщины. Мы здесь одни. Полностью отрезаны от мира. Мешать нам не будут.

Капитан замолчал и посмотрел на нас. Мы посмотрели на капитана. Интересно, зачем он нас здесь собрал?

Неделю назад все было просто: мы и он. Мы подошли к запертой на ночь станции метро, он провел нас внутрь... А когда мы вышли из туннеля, нас было уже на одного человека меньше.

Теперь все было иначе. В полночь все подходы к станции были перекрыты омовцами в камуфляжной форме. На каждом отрезке пути нас встречал офицер того же Комитета, где служил капитан Тихорецкий.

Пока мы миновали все уровни охраны, пока спустились в туннель — время приближалось к двум часам ночи. Тихорецкий буркнул в висевшую поверх пиджака рацию, шлюзы закрылись, и мы оказались запертыми. Разговаривай сколько влезет.

Курить хотелось ужасно. Я огляделся. Ирландцы стояли, сбившись в кучку, капитан — чуть поодаль. Немного впереди на пожарном стенде висели ведро, совковая лопата и топор. Отмытый и заново покрашенный.

— Для начала попробуем встать так же, как в прошлый раз. Вспомните, пожалуйста, где каждый из вас находился в момент, когда в туннеле погас свет...

Толкаясь и косясь на капитана, ирландцы попытались рассредоточиться по туннелю. «Нет, Дебби, ты стояла чуть впереди». — «Сам отодвинься правее. Вот так». — «Вроде ты стоял ближе к стене, нет?»

Брайан и Мартин заняли позицию в дальнем от щита конце туннеля. Я с Дебби между ними и капитаном. Тихорецкий во главе группы. Все посмотрели на место, где должен был стоять Шон.

Капитан осмотрел нас и кивнул.

— Всегда проще искать разгадку, когда перед глазами место происшествия. Пока мы не закончим, будьте добры, оставайтесь на своих местах... Я надеюсь, мы отыщем ключ к этой истории очень быстро.

В пиджаке с отгопырившимся под мышкой чем-то тяжелым и с белозубой улыбкой, капитан особенно напоминал героя трехкопеечного боевика. Если бы убийцей был я, то сразу бы понял: уйти не удастся.

Я бы посмотрел на него, описался от испуга и тут же начал сознаваться.

Только убийцей был не я.

— Ровно неделю назад здесь был убит Шон Маллен, гражданин Ирландской Республики, двадцати пяти лет от роду. Мы все присутствовали при этом преступлении. И никто из нас не может сказать о преступлении ничего конкретного.

Судя по лицам ирландцев, самым большим желанием каждого из них было выбраться наверх, доскакать до ближайшего ночного бара и присосаться к кружке с пивом.

— Правило номер один гласит: если не знаешь, с какого конца взяться за дело, начинай по порядку. Так что начнем, пожалуй, с вас.

Его взгляд внезапно стал твердым и острым. Этим взглядом капитан уперся Мартину под дых. Под этим взглядом Мартин съежился, посерел и даже стал меньше ростом.

— Мартин Клейтон. Двадцать семь лет. Журналист «Айриш ревью». Пишете, как мне сообщили в редакции, на культурно-исторические темы. Обзоры, рецензии, аннотации...

— Вы звонили в мою газету?

— А как же?

— Но я надеюсь...

— Не беспокойтесь. Разумеется, я не сказал, по какому поводу навожу справки. Сказал, что формальность. Уточняем визовые данные... На работе вас хвалят. Отмечают работоспособность. Однако... Странные темы, на которые вы пишете, заставляют задуматься.

На Мартина была жалко смотреть. А ведь вроде крепкий был парень.

— В Корке вы известны как автор нескольких исследований о сатанизме. Переписываетесь с Энтони Ла Уэем, активистами его «Церкви Сатаны» и прочими странными личностями...

— Это не личности. Это поэты, неформальные философы...

— Кому, как не вам, знать, что убийство Шона носило все признаки ритуального. Удар топором в основание черепа... Именно таким образом жрецы Иерусалимского Храма рубили жертвенных животных... И вы были единственным из всех, кто оказался с ног до головы забрызган кровью...

— Но я же...

— Эту неделю мои сотрудники посвятили тому, чтобы тщательно проверить все версии. Не ухватиться за лежащую на поверхности, а досконально рассмотреть все возможные варианты. Я специально попросил вас встать так, как вы стояли той ночью,

Ирландцы взглянули друг на друга. Я тоже поводил глазами и попробовал сообразить: что он имеет в виду?

— Вы стояли последним. Дальше всех от щита с топором. Чтобы снять его и подойти к Шону, вам пришлось бы *(капитан подошел к Мартину и пальцем показал возможный путь с его места к пожар-*

ному щиту) обогнуть Брайана... не задеть ни Дебби, ни Илью Юрьевича... пройти мимо меня... а затем вернуться на место. Теоретически это возможно. На практике — вряд ли.

Мартин вздохнул и расправил плечи.

— Психологи, которых я просил составить портрет убийцы, нарисовали картину, под которую вы подходите идеально. Но раз возможности взять топор у вас не было, то мы идем дальше.

Капитан перевел взгляд с Мартина на Брайана и усмехнулся.

— А дальше у нас идете вы.

Брайан с каменным лицом смотрел на капитана и ждал продолжения.

— Брайан Хьюсон. Двадцать шесть лет. Гражданин Ирландии, и все такое прочее... А также член партии «Шин Фейн». Партии, поддерживающей ирландский терроризм. И активист коммунистического студенческого движения «Рабочая Правда». В Петербург прибыл как корреспондент газеты «Войс оф Фридом» — «Голос Свободы». В вашем полицейском департаменте мне сообщили, что эта газета — орган радикалов и социально опасных элементов...

— Разве раньше вы не были членом КПСС?

— Был.

— К чему тогда эти ярлыки — «коммунистический», «социально опасный»?

— В моей стране невозможно было работать в спецслужбе и не быть партийным. Но мне всегда было плевать на лозунги. Я просто служил стране. И на ваши взгляды мне тоже плевать. Просто интересно, что рядом с трупом оказался такой человек, как вы... Разумеется, мы проверили ваше досье. И знаете, что нам удалось выяснить?

— Знаю. Вы выяснили, что я левша.

— Отнекиваться не собираетесь?

— Я обратил внимание на то, что топор всажен справа, сразу, как только увидел тело Шона...

— Мы тоже обратили на это внимание. Версию об убийце-левше мы разрабатывали до самого четверга. А потом пришли результаты экспертизы.

— И что показала экспертиза?

— Экспертиза показала, что убийца держал топор в одной руке. Понимаете? Если взяться за топориче двумя руками, то левша будет замахивать справа, а правша — слева. Но, держа топор одной рукой, удобнее замахиваться с той стороны, которая является домини-

рующей. Правше — справа, левше — слева. Убийца не был левшой. Он был обычным человеком. Мы перестали вас подозревать.

Капитан молча прошелся по туннелю. В тишине было слышно, как звякают ключи у него в кармане.

— Тогда кто же у нас остается?

Он посмотрел на нас с Дебби.

На меня. На нее. Снова на меня.

— Остаются две возможные кандидатуры. Илья Юрьевич и Де-ирдре.

Он стоял и молчал. Пауза получилась долгой и томительной.

Момент был не лучше и не хуже других. Но я все равно сказал то, что собирался именно в этот момент. Просто мне осточертело смотреть, как он строит из себя Эркюля Пуаро.

— Три.

— Что «три»?

— У нас остаются три кандидатуры.

— В смысле?

— В смысле, что не забудьте о себе, ладно?

От долгого молчания голос у меня сел. Последняя фраза получилась хрипло-угрожающей. Капитан посмотрел на меня и улыбнулся.

— Интересно было бы послушать.

— Интересно? Послушайте, раз вам интересно...

Дебби покачала головой:

— Илья, прекрати. Игорь Николаевич — офицер спецслужбы...

— Это-то меня и смущало. Будь он секретаршей или пианистом, я бы догадался, в чем дело, еще в понедельник. Дворник — это тот, кто метет двор. Шофер автобуса объявляет остановки и продает талоны. Функционер спецслужбы раскрывает преступления, но никогда их не совершает.

Ирландцы молчали. Капитан откровенно веселился.

— Вы втроем очень необычные ребята. Коллеги нашего капитана посмотрели на вас и бросились выяснять: кто убил Шона — черный маг, ирландский террорист или чокнутая нимфоманка? Кто из них мог в темноте подойти к щиту с топором и незамеченным вернуться обратно... А ведь вопрос должен ставиться совершенно иначе. Не догадываетесь? Нужно спрашивать не о том, кто мог дотянуться до топора, а о том, почему мы вообще оказались перед этим щитом?

Они не понимали, и я объяснил:

— Этот туннель тянется на три километра в одну сторону и на два — в другую. Но в нем, скорее всего, есть только один такой щит. И мы выбрали место для остановки ровно напротив него. Что скажете, капитан?

Капитан продолжал улыбаться, но теперь это выходило у него чуть-чуть невесело.

— Когда преступник знает, что ему в затылок дышат сыщики, он пытается замести следы, делает неверный шаг и попадается. Но что, если дичь и охотник — одно и то же лицо? Правда, здорово, а, Игорь Николаевич? Это как играть с собой в шахматы: кто бы ни проиграл, вы всегда в выигрыше.

— Может, закончим? Уже почти три часа, а нам нужно еще многое обсудить.

— Это все, что вы скажете?

— А чего говорить?

— Вам совсем-совсем нечего сказать?

— Где хоть один факт? Где мотив? Зачем мне было убивать беднягу Шона?

— Хороший вопрос! Я бы никогда не додумался, что убийца — вы. Мне помог именно мотив.

— Да?

— Из-за чего обычно убивают людей? Из-за денег. Из-за женщин. Из-за желания убрать с пути конкурента... Денег у Шона не было. Женщин он вряд ли интересовал. Но на самом деле мотив есть. И знаете какой? Шон был убит, чтобы скрыть другое, гораздо более серьезное преступление.

— Очень интересно.

— Помните, как все происходило? Как только мы спустились в туннель, Шон забеспокоился. Он что-то заметил. В конце концов, он спросил у меня, как зовут этого офицера? Я очень хорошо это помню. Через минуту после того, как он подошел к вам, вы остановились возле щита. Вы уже знали, что вам понадобится топор.

Я перевел дыхание и потерял колючий подбородок. Курить хотелось до обморока.

— Я шел всего в метре от вас. Вы не знали точно, что именно из разговора с Шоном мне удалось расслышать. На самом деле я не слышал почти ничего — но вы-то этого не знали! Поэтому вы рассказали мне правду — кроме самого главного. Вы сказали, что Шон спросил вас о том, где вы работаете, — и это действительно так. Вы сказали, что он хочет спросить вас о чем-то важном — и это

тоже правда. Вы не сказали только, ЧТО ИМЕННО он хотел у вас спросить. На всякий случай вы посадили на топор отпечаток моего пальца и, когда я приходил к вам в Большой дом, намекнули, что если дело будет вести другой следователь, то меня просто арестуют, и привет. Но знаете — мне сейчас совсем не страшно. А вам?

— Вы так и не сказали, в чем состоит мотив.

Вместо ответа я вытащил из кармана мятую газету трехдневной давности и прочел:

— «Несколько дней назад английская разведка МИ-6 опубликовала список примет разыскиваемого за угон школьного автобуса с заложниками российского резидента. Сообщается, что он чуть выше среднего роста (ирландцы посмотрели на капитана), у него светлые волосы и серые глаза (ирландцы заглянули в серые глаза Игоря Николаевича), а из особых примет упоминают татуировку в виде морского змея, пожирающего подводную лодку, наколотую на левом предплечье, чуть ниже локтя...»

— При чем здесь Шон?

— Я сейчас излагаю так, будто с самого начала все понимал. На самом-то деле до сегодняшнего утра я не понимал ни хрена. А с утра все-таки понял, при чем же здесь Шон...

Капитан по-прежнему смотрел на меня. Он больше не улыбался.

— Когда позавчера я был у вас в Большом доме, вы зачитывали мне анкету Шона. Там значилось, что Шон платил за пользование компьютерной информационной лентой. Это-то и было разгадкой. Не понимаете? Если бы я не работал в газете, то тоже не понял бы. Где журналисты и телевизионщики берут информацию? Получают с ленты новостей. В Африке случилось наводнение. В тот же миг об этом сообщила лента. Журналисты почитали, попили пивка и написали свой комментарий. С утра вы читаете этот комментарий в газете. Понятно?

— Понятно.

— Газеты в Петербурге опубликовали ваши, Игорь Николаевич, приметы во вторник. Значит, на информационной ленте они появились за день, за два до этого. Шон мог узнать о них у себя дома еще в воскресенье.

Я повернулся к Мартину:

— Ты помнишь, что спросил Шон перед тем, как пойти разговаривать с капитаном?

— Нет.

— Совсем не помнишь? Я посмотрел на вас как раз перед этим. Шон тыкал себя пальцем в предплечье, чуть пониже локтя, и что-то спрашивал.

— Слушай, а ведь точно! Он действительно говорил что-то о капитане и спрашивал, не заметил ли я чего-то такого у него на руке? Только я не обратил внимания.

Я посмотрел капитану в лицо:

— Шон знал про татуировку. Он узнал о ней еще дома, а когда приехал в Петербург и у первого же функционера спецслужбы увидел точно такую же, то просто не поверил, что так бывает... Он поступил честно. Подошел и прямо спросил — не вы ли тот герой, которого ищет вся полиция Европы? И вы поняли, что живым из туннеля Шон выйти не должен. Правильно?

Я смотрел на капитана. Капитан смотрел на меня. Секунды сочлились, словно капли крови. Красивое сравнение?

Капитан молчал, и я решил нажать посильнее:

— Можете не отвечать. Есть способ проще. Мы прямо сейчас узнаем, не вы ли прикрывались детьми от пуль снайперов? Не вы ли убили Шона? Покажите нам свое предплечье. Скорее всего, вы давно свели татуировку, но нельзя же свести ее бесследно. Покажите нам руку, и закончим этот разговор.

Ни единого факта у меня не было. Дойди дело до суда, и меня сочли бы полным психом. Но мне не нужна была победа в суде. Мне нужно было, чтобы капитан на секунду потерял свое ледяное спокойствие. Всего на секунду — и тогда он обязательно проиграет.

Я должен был все это сказать. Ирландцы улетали, и я остался с капитаном один на один. Рано или поздно ему бы надоело бояться. Тогда мой отпечаток на рукоятке топора всплыл бы в качестве реальной улики.

Остаток дней я бы провел в местах, о которых не каждая газета рискнет писать. А он все равно остался бы живым, здоровым и свободным.

Он мог просто послать меня со всеми версиями и вместо ответа вызвать по рации плечистых ассистентов. Но он ответил... Я все-таки его сломал.

— Руку? Что ли, ты хочешь посмотреть мою руку?

Пистолет сам выпрыгнул у него из-под мышки. Капитан держал его в вытянутой руке и переводил с ирландцев на меня и обратно.

Я облегченно выдохнул:

— Yesssssss!

Дебби не могла поверить:

— Так это вы? Вы действительно убили Шона?

— Ты думала, я позволю ирландским недомеркам совать рыжий нос куда попало?

— Мазефакер!

— Ага. И еще какой!

— Вас будут судить и расстреляют!

— Нет, дорогая. Меня не будут судить. Все вчетвером — к стене!

Быстро!

Было заметно, что приказывать — дело для капитана привычное. Я повернулся к ирландцам. Они собирались подчиниться.

— Парни. Нас здесь трое. А он — один. Каким бы суперменом он ни был, втроем мы его скрутим.

Капитан медленно поднял руку и навел ствол Брайану в середину лба. Брайан отскочил к стене, прижался к ней и даже заложил руки за голову. Не знаю зачем. Мартин в темпе пристроился рядом с ним.

Капитан повернулся к нам:

— Вы двое тоже.

Мы подошли к стене и встали рядом. Не поворачиваясь к парням, Дебби сказала:

— Похоже, что из присутствующих мужчиной может называться только Стогов.

— Твой идиот Стогов затащил нас в туннель, и нет гарантии, что мы выберемся отсюда живыми. Нашел место выяснять отношения...

Капитан передернул затвор. Мартин всхлипнул и заговорил тонким голосом:

— Вы не станете... Я имею в виду... Зачем? Не надо... Я никому не скажу... Я уеду и навсегда забуду обо всем, что происходило...

Пистолет у капитана был большой и тяжелый.

Он подошел ко мне и заглянул в глаза. Он больше не казался мне героем модного action. На гладко выскобленной верхней губе у него блестели бисеринки пота.

— Собираетесь нас убить? А что вы скажете коллегам, которые остались наверху?

— А ты за меня не переживай. Придумаю что-нибудь. Могли же вы, сговорившись, напасть на меня?

Выкрашенные в черное стены. Тусклые лампы прожекторов. Зеленая кожа у парней. И Дебби... самая красивая из виденных мною женщин.

— Знаете, капитан, хочу попросить о любезности.
— Валяй. Воля умирающего — закон...
— Вы настолько омерзительно выглядите... Не могу отказать себе в удовольствии...

Я коротко, без замаха, выбросил руку вперед и впечатал ему ровно в скулу. Умирать, как баран, было противно.

Капитан даже не изменился в лице.

— Легче?

— Верите? Намного.

— Верю. Только теперь моя очередь.

Он ударил меня рукояткой пистолета, а когда я упал, добавил еще. Несколько раз. Рукоятка была металлическая и очень тяжелая.

— Тайну разгадал? Сдохнешь с разгадкой, как собака...

Утомившись, он шагнул в сторону и взвел курок. У меня в ушах стучал пульс. Единственное, что я видел, — пыльные, вымазанные мазутом шпалы в нескольких сантиметрах от моего лица. Что творилось вокруг и почему Дебби вскрикнула, видеть я из этого положения не мог...

Я зажмурился, ожидая пули, но — ничего не происходило. Я лежал неподвижно и ждал. Потом я решил открыть глаза.

Капитан, неуклюже раскидав ноги, лежал поперек рельсов. Сквозь волосы на затылке у него сочилась кровь, а над ним, ухмыляющийся и довольный, стоял Осокин. Небритый, веселый и по-прежнему одетый в мой старый плащ.

Я поднялся на ноги, автоматически отряхнулся и посмотрел на него.

— Жив?

— Да пошел ты... Дай сигарету.

— Здесь, говорят, не курят...

— Ага. Здесь только трескают по башке топором и стреляют в затылок. Больше ничего.

Осокин бросил мне пачку «Лаки Страйк», и я закурил. Затянулся, закрыл глаза и замер. Живой... Все продолжается...

— Откуда ты взялся?

Наверное, это был глупый вопрос. У ангелов-хранителей не принято спрашивать документы.

— Плащ-то на мне по-прежнему твой. Во внутреннем кармане лежит твоя пресс-карта годичной давности. После того как вы спустились вниз, я подошел к постовому и сказал, что я — это ты, но только опоздал. Ты знаешь — эти бараны поверили. Пропустили

без вопросов. Хорошо, что по туннелю я шел неподалеку. Когда из стены поползла бетонная пердула, еле успел проскочить. Ну и стоял — во-он там. Наблюдал...

— Не мог раньше подойти?

— А не слышно ни хрена, честное слово. Я думал, вы своими следственными экспериментами занимаетесь. Потом смотрю — нет, все серьезно. Ну тут уж я, конечно, вмешался. Зря, что ли, я занял второе место на городском турнире по боксу?

— Что-то я слышал про тот турнир. Это было не в тот раз, когда против тебя выставили однорукого парня со второй стадией дистрофии?

Мы выкурили еще по одной сигарете и решили, что из туннеля нужно выбиратья.

— А с этим что? — кивнул Осокин на капитана.

— Пристрели его, и делу конец! — сказала Дебби.

Она стояла и влюбленными глазами смотрела на Осокина. Я выдернул из брюк капитана ремень и туго скрутил ему руки за спиной. Вдвоем с Осокиным мы оттащили его к стене и аккуратно усадили.

Осокин похлопал капитана по щекам.

— Любезный! Подъем!

Капитан открыл глаза. Взгляд у него был мутный.

— Как разблокировать туннель? Отвечать быстро и четко. И не заставляй меня доставать из кармана зажигалку.

Все было кончено. Это было здорово. Пусть даже Дебби преданно заглядывала Осокину в глаза. По сравнению с пулей в затылок, это ерунда.

Осокин помог капитану подняться, подобрал лежавший на рельсах пистолет, и мы вереницей побрели к выходу. Поковырявшись в кнопках и рычажках, Осокин нашел, как отключить блокировку туннелей. Бетонная плита отползла в сторону.

Дебби подошла ко мне:

— Илья.

— Да?

— Все кончилось.

— Да, Дебби, все кончилось.

— Ты молодец. Ты умный и смелый...

— Это даже не все мои таланты!

— Мы... Мы еще увидимся с тобой?

— О чем ты? Все ведь кончилось... Сегодня ты уезжаешь.

Она посмотрела в глубь тускло освещенного туннеля.

— То, что произошло между нами... Я не хочу, чтобы это кончалось...

— Через несколько часов у тебя самолет. Тебе осталось...

Я вытряс из рукава часы, посмотрел на тускло светящийся циферблат:

— Тебе осталось меньше четырех часов...

Часы показывали двадцать девять минут четвертого. Двадцать девять — без одной минуты половина... После удара пистолетом по затылку соображалось тяжело. Поэтому, когда до меня, наконец, дошло, было поздно. Слишком поздно.

Осокин начал говорить:

— Поднимемся наверх, и я выпью пива. Две кружки. А потом...

Договорить он не успел: в туннеле погас свет. Моментально и опять совершенно неожиданно. Тьма упала на нас ватным одеялом. Точь-в-точь как в прошлый раз...

Прошла неделя, но, как и в тот понедельник, я стоял на двести метров ниже уровня городских улиц, и меня окутывала мгла — непроницаемая и всеобъемлющая... Ночь мироздания... И я снова почувствовал себя заживо похороненным в этом лабиринте.

— Что за фигня? Здесь что...

Осокин неожиданно замолчал. Я вслушивался в то, что происходило вокруг.

— Леша, ты его держишь?

Осокин не отвечал.

— Леша? Леша! Подай голос! Ты где?

Я рванулся назад, зацепился ногой за рельсы, чуть не упал. Уткнулся руками во что-то мягкое.

— Кто это?

— (голосом Брайана) Это я, Илья! Это я!

— Где Осокин? Ты их слышишь?

— Нет.

Я выставил вперед растопыренные пальцы и маленькими шажками стал потихоньку продвигаться вперед.

В воздухе загудело, и через секунду зажегся свет. Осокин лежал, скрючившись, поперек рельсов и глотал ртом воздух. Капитана видно не было.

— Что?! Чем он тебя?!

Осокин махнул рукой, типа жив, и я кинул взгляд в глубь туннеля. Мне показалось, что в глубине я различил метнувшуюся тень.

Первые метров двести я пробежал с приличной скоростью. Потом в боку что-то закололо. Темп пришлось сбавить. Я все равно нагонял его — удаляющаяся спина капитана была уже недалеко. Он бежал, смешно задирая ноги. Скрученные за спиной руки ему мешали.

Он свернул из основного туннеля в боковой, я бросился за ним. Он свернул еще несколько раз, я не отставал. Потом он встал, обернулся ко мне и проорал:

— Не подходи ближе!

Я наклонился и прижал руку к тому месту, где кололо. Вот черт. Дышать было тяжело.

Там, где мы проводили следственный эксперимент, стояла тишина. Теперь вдалеке слышались странные шумы. Я вспомнил — капитан говорил, что этот перегон метро ремонтируют.

— Не подходи! Не подходи ко мне! Дай мне уйти...

— Нет.

Капитан, пятясь задом, отступил еще на несколько метров и теперь стоял поперек рельсов бокового ответвления туннеля.

— Дай мне уйти! Просто стой там, где ты стоишь!.. Не заставляй меня убивать тебя еще раз!

— В прошлый раз у тебя получилось не очень...

Я сделал несколько шагов вперед.

— Я убью тебя голыми руками! Я умею это делать!

— А вдруг мне повезет?

— Ты все равно проиграешь! Такие, как ты, всегда проигрывают!

Он стоял и смотрел на меня. С этого расстояния мне было плохо видно его лицо. У капитана был так себе видок. Вдалеке за его спиной блестел странный свет.

— Кто ты такой? Все было бы нормально, если бы не ты! Откуда ты взялся?! Зачем ты лезешь в то, что тебя не касается?!

Мне было видно, что он пытается высвободить руки, но у него ничего не выходило, и от этого он только еще больше заводился и орал. Свет за его спиной стал ярче. Что там творилось, мне было не видно. Все загораживала фигура капитана.

— Ты алкаш, отброс общества! Таких, как ты, нужно убивать при рождении!

Теперь свет заливал весь туннель. Капитан стоял в его лучах, словно на сцене. Он не видел, что творится за его спиной, а я видел.

— Оглянись! Посмотри назад!

Он не реагировал. Он стоял и, тяжело дыша, смотрел только на меня.

- Сзади! Там поезд!
- Я все равно убью тебя!
- Поезд!

Лязг железных колес было невозможно не слышать, но он слышал только себя.

- Обернись!!

Он обернулся, но было уже поздно.

Груженный гравием локомотив вынырнул из-за поворота на полном ходу. Капитан дернулся в сторону, хотел бежать, но оттуда, где он стоял, бежать было некуда. Даже не вскрикнув, капитан упал, скомканный его движением. В грозном механическом грохотанье колес слышалось что-то, к чему бесполезно обращаться с мольбой.

Я закрыл глаза.

Электровоз прогремел мимо места, где я стоял, даже не притормозив. Я отвернулся и медленно побрел назад.

Первой на рельсах показалась Дебби.

- Ты живой? Что там? Где капитан?

— Не ходи туда, Дебби...

Она заглянула мне в глаза и не стала ни о чем спрашивать.

— Я жив... Все хорошо... Теперь все совсем хорошо...

Она обняла меня и уткнулась лицом мне в грудь.

А по туннелю навстречу нам уже бежали омовцы в камуфляжной форме...

20

Заломив вираж, подняв стену брызг, нырнув передними колесами в лужу, машина свернула с Пулковского шоссе на дорогу, ведущую в международный аэропорт. Дождь лупил в стекло. Не представляю, как таксист умудрялся видеть хоть что-то дальше метра от капота.

Она тихо спросила:

- Сколько времени?

Я сказал:

- Не знаю. Но мы успеем.

Еще не рассвело, но ночь уже состроила мутную утреннюю физиономию. А когда ее самолет поднимется в воздух, наверное, будет совсем светло, и я смогу смотреть ему вслед, а она, может быть,

прижмется к иллюминатору и увидит внизу меня. Маленького... кутающегося в черную и мокрую бундесверовскую куртку.

— Знаешь, Илья, вчера в «Долли»... Глупо получилось... Мы ведь договаривались, что проведем эту ночь вместе. Я ждала. Гото-вилась. Попросила дежурную постелить мне белье получше... Но ты ничего не говорил, и я злилась. Боялась, что ты был пьян и все забыл. А когда ты пошел покупать пиво и присох поболтать у стойки с какой-то шваброй... Знаешь, я разозлилась и...

— Не надо, Дебби.

— Я хотела уйти. И я бы ушла, наделала глупостей, пошла в клуб и сняла бы себе парня на одну ночь, и все такое... Но твой друг Алеша... Он проводил меня до гостиницы и просидел со мной всю ночь... Мы говорили о тебе. Он говорил о том, какой ты на самом деле... Он сказал, что в прошлом году в тебя стреляли... почему ты никогда не упоминал об этом?.. Он очень хороший друг. Он сказал, что мы подходим друг другу, а когда я ответила, что тебе на меня наплевать, он сказал, что ты меня любишь. И он не притронулся ко мне даже пальцем. Потому что друзья не могут так поступать...

— Не надо. Какое это имеет значение? Теперь... После того, что произошло...

После того, что произошло... Эта ночь еще не кончилась, но у меня было ощущение, что она будет мне сниться. Долго. Может быть, всегда...

Еще до того, как эскалатор, забитый омовцами в вязаных ма-сках, поднял нас наверх, мы с Дебби понимали — осталось лишь не-сколько часов. Следует торопиться.

— Извините, у девушки самолет, — сказал я, плечом отодвигая то ли следователя, то ли интервьюера, лезшего к нам со своим дикто-фоном.— Молодые люди ответят на все ваши вопросы...

Мы ушли с Сенной через пятнадцать минут после того, как все закончилось, и ничто на свете не смогло бы нас остановить.

То, что было потом, вспоминается с трудом. Единственное, что я помнил,— ее глаза. Огромные, больше неба... очень зеленые глаза... Я начал целовать ее уже в прихожей своей квартиры, и в моих ру-ках она была словно хрупкий цветок. Слово самый драгоценный цветок на свете. Мне казалось, что от моего дыхания рухнут стены, но они не рушились, а, наоборот, сдвигались все ближе, и нам было тесно в этом самом тесном из миров.

Все заняло несколько сотен секунд, и я не желал, чтобы хоть од-на из них заканчивалась, потому что знал — эти секунды последние.

Я думаю, что, может быть, женщину нельзя так любить, потому что даже самая красивая женщина — это ведь всего лишь человек, и все-таки я любил ее именно так, и, если бы мне предложили отдать все, что у меня есть и когда-нибудь будет, за возможность просто еще раз прижать ее к себе, я бы отдал не задумываясь и долго смеялся бы над продешевившими продавцами.

А потом мы, счастливые и насквозь мокрые, ловили такси, а оно не появлялось, но нам было наплевать, и мы смеялись, а когда машина наконец появилась и шофер узнал, что нам в аэропорт, то он удивлялся, где же наши чемоданы, но мы не обращали на него внимания, мы залезли внутрь и начали целоваться еще до того, как за нами захлопнулась дверь, и, наклонившись к моему уху, она прошептала, что любит меня.

...Взвизгнув тормозами, машина остановилась у дверей аэропорта. Я рассчитался с водителем. Дебби вылезла под дождь. Я заглянул ей в лицо и понял, что сейчас она заплачет.

— Пойдем... Пойдем, нас ждут.

Очередь у стойки регистрации подходила к концу. «Где вы бродите?!» — бросились к нам оба ирландца. Брайан уволок Дебби заполнять документы, а Мартин со счастливой улыбкой принялся рассказывать о том, как он рад, что всего через несколько часов будет дома.

— Здесь было интересно. Это был really fascinating trip! Но дома... Дома лучше.

Он бубнил, что, может быть, в следующем году снова выберется в Россию, только на этот раз, наверное, в Москву, но оттуда он будет мне звонить, и мы обязательно выпьем, и что-то еще такое же нудное и фальшивое. Когда это стало невыносимо, я извинился, сказал, что сейчас приду, и вышел наружу.

Дождь отхлестал меня по лицу. Досталось и куртке, и всему остальному. Я стоял, прятал сигарету в мокрой ладони и смотрел, как правее того места, где виднелись небоскребы Пулковской площади, понемногу светлеет небо.

В голове не было ни единой мысли. Я просто стоял и слушал дождь. Она тихонько подошла ко мне сзади:

— Илья.

— Да?

— Все уже зарегистрировались. Мне пора.

Я повернулся и посмотрел на ее мокрое лицо. По рыжим волосам струилась вода. На футболке расплывались темные круги. По лицу стекали капельки — или слезы?

— Пока, Дебби.

— Я буду писать тебе. Ты ведь ответишь мне, правда?

Я молчал и смотрел на нее.

— Я буду скучать по тебе. Я приеду, как только смогу...

— Не надо, Дебби. Не начинай.

— Почему?

— Ты же знаешь — того, что было, больше не будет. Зачем себя обманывать?

Она молча смотрела на меня своими громадными ирландскими глазами и вдруг бросилась, зарылась лицом в куртку и все-таки заплакала. Сквозь стеклянные двери я видел, как парни, стоящие по ту сторону контрольной линии, машут руками.

— Ты помнишь, вчера в «Долли» я рассказывала про сборник ирландских легенд — «Книгу Красной Коровы»? Там говорилось о принцессе по имени Деирдре?

— Помню.

— Я рассказала легенду не до конца. Принцесса, которую звали так же, как меня, средствами магии могла заставить любого ирландца влюбиться в нее. Но однажды она встретила того, кто не поддался ее чарам. Она пробовала снова и снова, но ничего не получалось. И тогда она сама полюбила его. Полюбила так, что не могла провести без него ни мгновения. Только после этого он ответил ей взаимностью, и они поженились.

— К чему ты?

— Ты же любишь меня — ведь правда, Стогов? Почему мы не можем быть вместе? Я хочу, чтобы так было... пожалуйста! Приезжай в Ирландию. Будь со мной. Я не хочу без тебя жить. Я не могу так.

Я посмотрел ей в лицо. Щурясь от ветра и дождя, она смотрела на меня и ждала.

— Нет, Дебби... Хороший конец бывает только в сказках. А я давно уже не верю в сказки.

Она кулаком вытерла тушь со щек и сказала:

— Ну что ж... Тогда пока... Farewell, honey.

— Пока.

Я смотрел, как перед ней разъехались в стороны автоматические двери. Она медленно прошла внутрь, подошла к стойке и протянула таможеннику документы.

Она была удивительно красивой. Настолько красивой, что, наверное, никогда в жизни мне больше не встретить такой, как она.

Я достал из кармана размокшую пачку «Лаки Страйк». В пачке оставалась всего одна сигарета. Я закурил, поднял воротник и медленно пошел прочь.

Вот и все.

За спиной хлопнула дверь:

— Илья!

Она стояла, растрепанная, со спутанными волосами, и смотрела на меня. Сквозь стеклянную дверь виднелся обалдевший таможенник, держащий в руках ее куртку.

Она подбежала ко мне:

— Илья! Мне нужно идти, но... Я хочу тебя попросить. Просто попросить. Я уеду, и ты обо мне никогда не услышишь. Но пусть каждый раз, когда ты станешь заказывать себе «Гиннесс», ты будешь вспоминать... Нет, не о сегодняшней ночи... Вспоминай, что очень далеко от твоего города есть зеленый остров, населенный веселым и вечно пьяным народом. И на этом острове живет девушка, которая никогда — слышишь? никогда в жизни! — не забудет того, что произошло между нами.

Она легонько поцеловала меня в щеку и добавила:

— Потому что таких парней, как ты, милый, не забывают.

КАМИКАДЗЕ

1998

...Все ходили грязные,
Оттого сделались похожие,
А под дождем оказались разными,
Большинство — чистые, хорошие...

Александр Башлачев

...Объективная реальность — это
бред, вызванный недостатком алког-
ля в крови.

Народная мудрость

23 сентября. Около полудня

Дверь обменника хлопнула, и оттуда вышли сразу несколько человек.

Даниил прищурился и пересчитал: четверо.

Если до этого он нигде не сбился, значит, внутри не осталось никого, кроме охранника и молоденькой кассирши.

Он выкинул недокуренную сигарету. Руки дрожали.

С того места, где сидел Даниил, ему был виден лишь небольшой кусочек дома с дверью и два кота неподалеку. Коты сосредоточенно и молча делали секс.

Люди, проходившие мимо Даниила, тоже были сосредоточены и молчаливы. Широкоскулые лица. Плохая, нечистая кожа. Потерявшая определенный цвет одежда.

Над дверью обменника висела вывеска: «Банк Дорпетинвест. Обмен валюты». Закопченные кирпичные стены... годами не вывозившийся мусор... чуть дальше, за обменником, улица превращается в пустырь.

На пустыре раскуроченной банкой лежал сожженный троллейбус. Ни единого дерева, ни намек на траву. Грязный асфальт, серый бетон, зияющие пустоты расписанных пульверизатором подворотен...

Как вам место для пункта обмена валют?

Последние сорок минут Даниил сидел и по головам считал посетителей обменника. Вошли трое, вышел один... Вошла девушка, двое мужчин вышли... Пауза — еще один вышел... Вошли двое, никто не вышел...

Остальные члены группы сидели в машине. Им было тепло. Они слушали радио...

В кармане дурацкой, на пару размеров больше, чем нужно, куртки у него лежала запасная обойма и сигареты. В эти бесформенные куртки им перед выходом велел нарядиться Густав.

Он сказал, что в том виде, как они обычно ходят по улицам, идти на акцию — значит не прогулять на свободе и суток. Вчера он принес в их квартиру ворох этого тряпья и с утра напомнил, чтобы они не забыли переодеться.

Они не забыли.

За последние пять минут в дверь обменника зашли три человека — девушка и двое мужчин. А вышли двое — здоровенный парень, проторчавший внутри минут пятнадцать, и средних лет мужчина. И вот теперь вышли сразу четыре человека. Значит, внутри не осталось никого.

Даниил поднялся со скамейки и условным жестом поправил вязаную шапочку.

Улица была пуста. Припаркованный в стороне «Москвич» мигнул фарами. Из него выбрался Гребень. Тоже одетый в нелепую куртку.

Гребень хлопнул дверцей, перешел дорогу и направился к обменнику. Машина начала разворачиваться. Еще раз — по возможности незаметно, но без особых шпионских ужимок — оглядевшись по сторонам, Даниил зашагал к дверям.

Заткнутый за ремень «ТТ» больно врезался ниже ребер.

Этот обменник они выбрали больше двух недель назад. Из всех, что они присмотрели, этот был самым удобным. Пустынная улица в новостройках. Ближайшее отделение милиции в двадцати минутах езды. А вот выручка — приличная.

«Один из семи смертных грехов городского партизана — это неподготовленность, — сказал им Густав. — Подверженный этому греху думает, что враг глуп, и считает, что экспроприация — это просто. А в результате он проваливает операцию, которая важна для нашего дела. Вы понимаете, о чем я?»

Они сказали «Понимаем» и принялись готовиться к тому, что должно было произойти сегодня.

Сперва, несколько дней подряд, все четверо членов Боевой группы — Даниил, Лора, Гребень и Артем, — меняясь каждые два часа, наблюдали за обменником. Через несколько дней им было известно, во сколько приезжают инкассаторы и сколько их, инкассаторов. Когда в банке наплыв народа и когда там никого нет.

Они знали даже, что дежуривший день через два толстомордый охранник вечерами провожает симпатичную кассиршу до дому.

Решив, что информации достаточно, они перешли ко второй фазе. Вчера вечером, уехав на другой конец города, Лора и Гребень угнали каждый по автомобилю, которые затем в темпе и не особенно заботясь о правдоподобности, перекрасили и перегнали поближе к обменнику.

Густав лично осмотрел их оружие, приказал всем хорошенько выспаться и добираться до места поодиночке.

— Дальше действуете сами. Все всё помнят?

Они всё помнили.

Перед самой дверью Даниил надвинул вязаную шапочку на глаза. Посетителей внутри не было. В углу на старом стуле развалясь сидел охранник. Тот самый, что вечерами провожал до дому кассиршу.

Два дня назад, чтобы осмотреться на месте, Даниил, в обнимку с Лорой, заходил сюда поменять \$20. В тот раз охранник сидел точно так же: привалясь всей спиной к спинке стула. Жирные ноги широко расставлены. Рука — лениво на кобуре.

«С этим проблем не будет. Ведь правда?» — сказала тогда Лора.

Гребень, похожий в своей куртке на мелкого жулика, уже строился возле окошка кассирши. Он сосредоточенно рылся в бумажнике. То ли документы не мог найти... то ли так и не решился, сколько денег хочет поменять.

В помещении было душно. Дверь в бронированную кабинку кассирши была приоткрыта. Краем глаза Даниил видел, как Гребень двигает ногу в сторону дверной щели.

Сейчас... вот сейчас... сейчас Лора обрубит им сигнализацию и в дверях появится Артем... Даниил скользил ничего не видящими глазами по строчкам обменной таблицы. Зеленые цифры скакали в глазах, как взбесившиеся пони. Внутри... ниже диафрагмы, у него не было больше ничего... только мерзкая, парящая пустота.

(го-сно-ду!)

Он чувствовал, что не может даже нормально вздохнуть. Потом — у-у-у-пуххх... — хлопнула дверь.

Еще до того как она успела закрыться за спиной у Артема, тело Даниила почти против его воли пришло в движение. Левая рука — вокруг шеи охранника. Правая — рывком внутрь куртки за пистолетом. Губы уже шипели сотню раз отрепетированную фразу на счет того, что если парень вздумает шевельнуться — он труп.

Чтобы охранник не сомневался, Даниил громко передернул затвор.
— Руки!.. Руки, с-с-сука, на колени положил!.. Чтобы я видел!..
Теперь на пол... Медленно. Рыпнешься — пиздец тебе...

Охранник медленно всей тушей сполз на пол и лег лицом вниз. Даниил поставил колено ему на спину и потянул на себя воротник форменной рубахи. Второй рукой он вдавил дуло чуть ниже уха.

— Лежишь?! Блядь! Я не слышу — лежишь?!

Задохнувшийся охранник мотнул головой. Типа да, лежу. Даниил расстегнул его кобуру и переложил пистолет к себе в карман куртки.

(оружие городской партизан добывает себе сам, много этого оружия не бывает никогда)

Только после этого Даниил оторвался от охранника и поднял глаза.

Артем перекрывал вход и, низко, у самого брючного ремня, двумя руками держал автомат. Расплющенному, задохнувшемуся под коленом Даниила охраннику автомат был виден.

Нависая над девицей-кассиром, Гребень орал:

— Ключи от кассы!.. Быстро!

Девушка молча и внимательно смотрела ему в глаза.

— Оглохла, сучка?! Ключи, я сказал!

Девушка продолжала молчать. Глаза ее открывались все шире... и шире... и шире... потом это стало казаться почти нереальным.

Гребень коротко, без замаха, ударил ее по лицу. Девушка, мелькнув на мгновение белым в разрезе юбки, с грохотом повалилась со стула. В бронированной кабинке было тесно. Гребень за волосы выволок ее на середину зала.

Коленом, упертым в спину охранника, Даниил почувствовал, как тот напрягся. Даниил еще сильнее потянул на себя ворот его рубахи... еще на сантиметр вдавил пистолет ему в загривок.

Гребень держал девушку за волосы. Дуло его пистолета упиралось ей чуть левее носа.

— Считаю до трех, и твои мозги забрызгают все стены.

С ноги девушки свалилась туфля. Даниил видел, что на большом пальце ноги у нее порваны колготки. Она запрокинула голову, стараясь как можно дальше отодвинуться от дула пистолета. Челюсть и руки дрожали.

— Раз... Два... что ты там пицишь, а?!

— Н-н-э-э... Н-нэ-э... Он-на н-не зак-к-крыт-та...

— Кто не закрыта? Я не слышу! Кто, блядь, не закрыта, а?

— К-к-касса... Н-н-не зак-крыта...

Гребень выпустил ее волосы. Не ожидавшая этого девица гулко ударилась головой об пол. Гребень переложил «стечкин» в левую руку, вытащил из кармана большую сумку из нервушейся ткани и нырнул в кабинку.

Из-за тяжелой двери его не было видно. Время тянулось мучительно. Даниил скрипел зубами и чувствовал, что непроизвольно все глубже вдавливают дуло пистолета в незащитную шею охранника.

Потом он подумал, что вот ведь она, сила тренировок: что бы ни происходило, никто из группы так и не назвал друг друга по имени. Похоже, Густав вбил в них это правило до уровня рефлекса.

Больше он ничего не успел подумать.

С улицы послышался звук... бибикнула машина. Все замерли. Даниил вопросительно посмотрел на Артема. Тот закатил глаза и прислушался.

Сигнал повторился: длинный гудок и два коротких.

— Это нам?

— Твою мать!

— Ну? Что там?

— Ч-черт!

— К нам?

— Похоже на то...

— Б-блядь! Много?

— Тетка... Вроде одна...

Даниил рванул на себя ворот рубашки охранника и заставил его подняться на колени. Наклонившись к самому лицу, он внятно проговорил:

— Не вздумай шевелиться. Застрелю на хуй!

Парень был на грани обморока. Он даже не пытался шевелиться. Даниил слегка отпустил воротник. Парень судорожно втянул в себя воздух.

Даниил видел, как на лице у него выступают капли тяжелого пота... сотни, тысячи капель.

Повисшая тишина давила на уши. Артем, не двигаясь, смотрел, что происходит снаружи. Автомат он перекинул себе на плечо. Правой рукой он давал знак, чтобы никто не вздумал шуметь.

— Точно! К нам! Заткнитесь все...

Гребень за волосы оттащил кассиршу с середины зала. Она страдальчески скривила лицо. Словно насекомое, быстро-быстро заперевирала ногами.

Гребень что-то шептал ей на ухо и придавливал голову к стене. Дуло пистолета он держал прямо у ее виска.

За дверью слышались шаги. Даниил глотнул воздуха и почувствовал, что в животе опять муторно заворочалось. Неужели он действительно все это делает? Неужели все это действительно происходит?

(нас всех поймают... нас поймают... иначе это никогда не кончится...)

Артем густым басом проговорил:

— Закрыт обменник, мамаша. Не работаем мы сегодня. Нет, не работаем...

Тетка за дверью что-то у него спросила. Артем ответил, что кончились рубли.

— Нет. Нет, мамаша, не знаю, когда будут...

Щель в дверях он оставил совсем маленькую и целиком загоразживал ее спиной. Даниил слышал прерывистое дыхание Гребня.

— Ага... ага... заходите еще. Завтра? Ну, может, и завтра...

И тут он совершил ошибку. Вместо того чтобы сперва закрыть дверь, Артем, не утерпев, бросил быстрый взгляд внутрь... а тетка, решив спросить что-то еще, сунула голову прямо в щель... в просвет между краем двери и плечом Артема Даниил отчетливо увидел ее лицо... одутловатое лицо немолодой, помятой женщины... и на этом лице он прочел сперва хмурую озабоченность... потом непонимание... потом от вида парней с пистолетами, прикрывающимися как щитами охранником и кассиршей, у тетки отвалилась челюсть и округлились глаза.

— Бери ее! — срываясь, крикнул Гребень, и Артем, вытянув руки вперед, бросился на тетку.

Она отшатнулась. Артем успел схватить ее за серый плащ и потащил внутрь. Теткина сумочка упала, тетка хваталась за косяк... но Артем был выше ее на голову и вдвое шире в плечах.

Он еще раз рванул ее на себя, и, перелетев через порог, тетка рухнула на пол.

Теперь орали уже все. Тетка протягивала руки в сторону двери. Артем матерно рычал. Кассирша, выпав из реальности, на грани ультразвука голосила.

— Заткни ей пасть! Быстрее!

Спустя еще секунду:

— Мочи ее!

Носком тяжелого ботинка Артем, не целясь, пнул женщину в грудь и сдернул автомат с плеча. У женщины было некрасивое ста-

рое лицо... и некрасивые старые руки... этими руками она пыталась закрыться от пуль, вылетевших из автомата Артема.

Дуло вздрогнуло всего несколько раз. Больше четырех одиночных выстрелов позволить он себе не мог.

(мы не власть. не армия и не менты. городской партизан сам добывает себе боеприпасы. и добывать их приходится большим потом и кровью)

Тело женщины дернулось, съехало со ступенек, и больше она не шевелилась.

Даниил прекрасно понимал, что это означало. Теперь они должны будут убить их всех. Гребень, отвернув лицо, чтобы не видеть, два раза выстрелил кассирше в голову. На стену брызнуло.

Артем, стоя в дверях, орал:

— Уходим! Быстро, быстро уходим!

Ногой он придерживал дверь и, скалясь, будто у него свело лицо, смотрел на Даниила. Гребень уже бежал к выходу, на ходу заталкивая за пазуху сумку с деньгами.

— Ну же! Ноги! Ноги!

Перед глазами у Даниила плыли красные пятна. Он чувствовал ядовитый запах собственного пота.

Он должен был выстрелить. Просто напрячь указательный палец правой руки... и сделать шаг в сторону... чтобы не испачкаться кровью... больше ничего.

Он должен был выстрелить. Но он не выстрелил.

— Писатель!.. Твою мать!.. Кончай его!..

Он все еще стоял и держал свой пистолет возле головы парня. Левой рукой он все еще душил охранника воротником. Тот даже не пытался пошевелиться.

Артем в последний раз крикнул: «Ну?!»

Даниил смотрел Артему в глаза. Он знал, что сейчас произойдет. Он вообще удивительно четко и ясно все понимал. Он чувствовал горячую, мокрую кожу охранника под своей рукой. Тетка хотя бы пыталась защититься от выстрелов руками. Парень же просто стоял на коленях... и дышал.

«О'кей...» — произнес Артем. Большим пальцем он сдвинул рычажок с отметки «одиночный выстрел» на «стрельбу очередью».

Звякнув о стену, гильзы градом посыпались на пол. В воздухе поплыл кислый запах пороха. Только спустя секунду

(секунду?)

от рук до головы Даниила дошло ощущение того, какими тупыми толчками входят пули в упругое... жаркое тело охранника.

Три... шесть... восемь пуль... потом он перестал считать.

Артем все еще стоял в дверях. Он словно застыл в странном танцевальном па. Охранник, взбрыкнув ногами и дернув рукой, начал заваливаться. Прямо на Даниила.

Даниил все так же ясно понимал, что происходит вокруг него, вот только сделать хоть малейшее движение... хотя бы шагнуть в сторону, хотя бы снять руку с шеи парня, он был не в состоянии. Его ладонь все еще была засунута за воротник охранника.

Когда тот навалился на него всей тяжестью своего мертвого... совсем мертвого тела, на ногах Даниил не удержался и рухнул на пол вместе с ним.

Лежа на полу, он полной грудью вдохнул запах крови. Омерзительный запах крови уже умершего человека.

...

Машину вела Лора. Лицо у нее было равнодушное. Рывок переключения передач, резкий поворот руля. В окне мелькали обшарпанные стены домов. Через двадцать минут их «Москвич» стоял в пустом и тесном дворе.

Они покидали в багажник куртки. Гребень шелкнул зажигалкой. Дальше они ехали уже в другой машине. Еще через час, все вчетвером, они сидели на скамейке в скверике на другом конце города и прикуривали одну сигарету от другой.

Говорить не хотелось. Вам бы хотелось?

Потом Гребень сказал:

— Пивка бы сейчас.

Голос у него был усталый. Даниил курил и иногда смотрел на коричневую грязь у себя под ногтями... так себе... просто странного цвета грязь.

— Не нахлобучивайся, Писатель.

Даниил запрокинул голову. Взглянул на пустые, серые и скучные небеса.

— Не переживай. С каждым бывает. Со мной тоже.

Даниил молчал.

— Деньги у нас... Может быть, теперь все получится... Как сказать-то? Типа того, что дело того стоило.

И тогда Даниил поднялся со скамейки, отошел чуть в сторону, и его начало рвать прямо на пожухлую осеннюю траву.

«Всякий раз, когда я надеваю пиджак, я ощущаю жар пролетарского сообщества. Результат меня не волнует, возможный риск не тревожит.

Всякий акт разрушения и саботажа отзывается во мне как голос классовой общности. Я ощущаю лихорадочное возбуждение, как если бы ожидал встречи с любовницей!..»

Это слова идеолога левого радикализма Тони Негри.

Неизвестно, испытывал ли такое «лихорадочное возбуждение» один из боевиков «Красных бригад», профессор литературы Энрико Фенци, когда принимал участие в нападении на банкира Карло Кастеллано.

Фенци страстно желал всадить в него несколько пуль, и именно из-за этого акцию пришлось несколько раз переносить: Энрико постоянно простужался, температурил и не мог выйти из дому. Когда налет все-таки состоялся, профессор прострелил Кастеллано коленные чашечки («Пусть хромает так же, как эта буржуазная власть!»), и тот потом долго лечился в Советском Союзе, в клинике Елизарова.

Банкиру не помогло ничто, он на всю жизнь остался калекой. А профессор на следующий после покушения день с азартом рассказывал студентам о гомосексуальных мотивах в поэзии Пьера Паоло Пазолини...

С этого все и началось. Мазефака! С этих нескольких абзацев его собственной книги. Он помнил каждое слово на той странице.

Свою первую в жизни книгу Даниил писал быстро и легко. По три больших главы в неделю. Почти без черновиков.

Это было самое начало лета, которое в том году выдалось ранним и жарким. На Марсовом поле отцветала сирень. Каждое утро он просыпался от слепящего сквозь окно солнца, чувствовал запах плавящегося асфальта, целовал золотые волосы Полины...

Потом она уходила на работу. Он залезал в душ, включал радио, садился за компьютер и выпивал несколько чашек горячего кофе. Очень пахучего. А затем несколько часов не отрываясь писал.

Так хорошо ему не было еще никогда.

Сперва Даниилу казалось, что пишет он научное исследование. Абсолютно серьезное — со ссылками на источники и библиографией на четырех языках. Немного странно выглядела тема («*Левый терроризм 1970-х годов. История и современность*»), но это была уже головная боль рецензента.

А получилось, что написал он чисто бестселлер. Палп-фикшн с красными, словно туфли у шлюх, знаменами... с кучей динамита, наркотиков и кровавых преступлений.

Тираж разошелся за пять недель. Взмокший издатель оборвал телефон, зазывая Даниила продлевать контракт.

На такой поворот Даниил не рассчитывал. Кому, думал он, могут быть интересны все эти итальянские «Красные бригады», немецкие «R.A.F.», французские «Аксьон директ» и прочая публика, давно обосновавшаяся на тюремных нарах половины стран Европы?

Но раз так вышло, отказываться от увеличившегося почти в четыре раза гонорара не стал. После допечатки первого тиража денег ему выплатили столько, что хватило почти на три месяца. Плюс осталось немного, чтобы покатать Полину на белом пароходике по Средиземному морю.

Полина... Девушка, лучше которой никогда не будет в его жизни. Впрочем, ладно.

Собирая материалы для книги, он беседовал с людьми... с разными людьми. В том числе с такими, с кем мало кому до него удавалось побеседовать. Чем собеседники занимаются сегодня, его не интересовало. Ему была важна психология человека, берущего в руки пакет с динамитом.

Как, спрашивал он, житель скучных мегаполисов конца XX века может сознательно поставить себя вне общества? Что движет парнями, которые с головой окунаются в кровь и грязь классовой войны?

И ладно бы хотелось парням денег... или, например, славы... это было бы понятно. Так нет — взорвав пару вокзалов и ограбив несколько банков, гибнут боевики безвестными и в нищете. И ради чего? Ради фраз, относиться к которым серьезно Даниил, как ни старался, не мог.

Схема была проста. Он звонил, представлялся, просил о встрече, объяснял зачем. Функционеры чумазных партий и крошечных политических движений передавали друг другу слухи о парне, пишущем книгу про радикалов. Через некоторое время звонить стали уже ему.

Таких партий в городе имелось больше дюжины. В каждой обязательно находился хоть один желающий попасть на страницы книги о суровых воинах революции. Даниил никому не отказывал, встречался со всеми, с кем было можно.

Писалось ему легко. Он боялся отвлечься, не задумывался над тем, во что это выльется. Вылилось в то, что через пару недель после запуска дополнительного тиража ему позвонили.

Дело было в конце июля.

Звонок раздался рано. Что-то около одиннадцати утра. Предварительно уточнив, он ли тот самый писатель Даниил Сорокин, автор той самой знаменитой книги о террористах, мелодичный женский голос поинтересовался, не желает ли уважаемый писатель встретиться со специалистами из организации, ведающей у нас в стране антитеррористической деятельностью?

Накануне вечером они с Полиной ходили в недавно обнаруженный ими ирландский кабачок. Очень симпатичный. Слушали «Станберриес», пили черный, пахнущий кофе, «Гиннесс»... часам к двум ночи перешли с пива на виски.

Теперь он стоял босиком и в одних трусах на кухне, прижимал ко лбу прохладный стакан с водой и не мог понять, чего от него хотят. Зато, когда понял, даже обрадовался.

Встретиться Даниил, разумеется, согласился. На следующее утро он отправился в громадное серое здание на Литейном. Разговор вышел не совсем таким, как он его представлял... совсем не таким.

Мужчина, сидевший в большом и хорошо обставленном кабинете с видом на Захарьевскую, улыбался во всю ширину мужественного рта и говорил негромким, хорошо поставленным голосом.

Он представился майором Тыр-пыр-восемь-дыр и усадил Даниила в мягкое кресло. Вроде бы они собирались говорить о его, Майора, трудовых буднях... а то, что разговор съехал на личности тех, с кем Даниил общался, собирая материал для книги, произошло само... как-то само.

Знает ли господин писатель, что при нынешнем, чего скрывать, весьма сложном положении дел в стране возникновение у нас собственных преступных группировок, вроде печально известных «Красных бригад», перспектива вовсе не фантастическая? А знает ли он о том, что половина из тех, чьи интервью помещены в его книге (книге, кстати, очень интересной, захватывающей), являются социально опасными элементами и с часу на час будут выписаны ордера на их аресты? Книга у вас получилась замечательная, персонажей для нее

вы подобрали с большим мастерством. Поверьте, я искренне рад вашей творческой удаче. Вам удалось то, что никому не удавалось до вас. Вы обнажили самое нутро такого мерзкого явления нашей жизни, как терроризм. И я думаю, вы со мной согласитесь — останавливаться не следует. С этими социально опасными элементами должно быть покончено. Мы ведь, по большому счету, Даниил Владимирович, делаем с вами одно дело. Вы со своей стороны, мы — со своей. Ну и так далее.

Организацию, которую представлял собеседник, интересовало политическое движение «Прямое действие».

— Вы ведь некоторых людей знаете там лично?

— Знаю.

— В Петербурге у «Прямого действия» большая структура?

— В Петербурге? Не очень большая. Я писал об этом в книге.

Секрета из этого они не делают.

— Не очень большая?

— Внутри «Действия» есть несколько отделов. Кто-то занимается пропагандой, кто-то устраивает митинги, кто-то ведет работу среди рабочих... или среди студентов. Еще в «Прямом действии» есть за-конспирированное крыло, которое они называют «Боевой группой».

— Да?

— Террор — это работа именно Боевой группы. Это самостоятельная структура, действующая независимо от остального движения. Чтобы не подставлять легальные отделы «Действия», члены Группы постоянно подчеркивают, что их работа абсолютно автономна. Бюро определяет объекты террора, иногда помогает деньгами, публикует в партийной прессе сообщения о терактах. Остальное — целиком на усмотрении руководства группы.

— То, что эти люди сами пошли с вами на контакт, это удача. До сих пор никому из наших людей это не удавалось.

— Да?

— А вот вам удалось.

Майор внимательно посмотрел на Даниила. Даниил внимательно посмотрел на Майора.

— Вы замечательно в этом разбираетесь! Может, и нам сможете разобраться?

— Не знаю... а я смогу?

В течение следующего полчаса Даниил сидел и слушал, как затянутый в безликие пиджак и галстук Майор предлагает ему, мол-ному писателю Даниилу Сорокину, карьеру секретного агента.

— Я не предлагаю дать ответ сразу. Подумайте, взвесьте «за» и «против». Мы вас не торопим. Когда вы будете думать над моим предложением, не забудьте и о том, что эта работа обязательно будет оплачена.

— Оплачена?

— Почему нет? Я, конечно, понимаю, что основным мотивом для людей, соглашающихся работать с нами, является не стремление к материальным благам, а желание принести пользу стране... обществу... однако, раз мы об этом заговорили, хочу сказать, что работу своих сотрудников мы оплачиваем высоко.

— «Высоко»? Это как?

— «Высоко» — это «не низко». Вам с вашей рыженькой девушкой хватит, чтобы купить домик где-нибудь на теплых островах и несколько лет даже не думать о том, чем зарабатывать на хлеб.

Упоминание о «рыженькой девушке» удивило Даниила. На размер вознаграждения он поначалу не обратил внимания. Откуда они знают о Полине?

Вечером они сидели с Полиной в «Mad Dog». Она пила баккарди с грейпфрутовым соком. Он пил пиво «Миллер». Знаете? Пробку с бутылки там нужно сковыривать не открывашкой, а прямо пальцами.

Он рассказывал ей об утреннем разговоре.

— Интересно, они действительно могут заплатить тебе СТОЛЬКО денег?

— О чем ты думаешь, поганка?

— Уехать из этого мерзкого города было бы здорово...

Он не знал, что ответить. Он просто пожал плечами. Из прогулки по Средиземному морю они вернулись всего десять дней назад. У Полины до сих пор сохранился загар. Ее добела выгоревшие волосы еще не успели снова потемнеть.

Загорелые девушки... что еще вставляет мужчин так, как их вставляют загорелые девушки?... белая полоска на том месте, где должны быть трусы... а еще лучше — отсутствие белой полоски... и твои руки на коричневой коже... не только руки.

В кафе играли «The Cure». Какой-то их допотопный альбом. Он смотрел в вырез ее платья. Меньше всего Даниил в тот момент думал о том, сколько отечественные спецслужбы могут заплатить ему за работу. Когда пришло время давать собеседнику из здания на Литейном ответ, он просто согласился.

Майор пожал ему руку. У него были серые глаза и крепкое рукопожатие. Потом Даниил вышел из гранитного подъезда. Он поду-

мал, что вот и стал он почти таким же, как герой его собственной книги, профессор литературы Энрико Фенци, вечерами откладывающий в сторону томик стихов и бравший в руки пистолет...

На самом деле момент для зигзага судьбы был подходящим. Во-первых, деньги, полученные за книгу, подходили к концу. А ежевечерне трескать миног в модных клубах и не задумываясь угощать Полину любимыми сортами джина оказалось приятно. Еще полгода назад о такой жизни он не мог и мечтать. Но ведь к хорошему привыкаешь быстро, не правда ли?

А во-вторых... С момента выхода его первой книги прошло достаточно времени, чтобы задуматься: а что дальше? В модного писателя он превратился быстро. Теперь, по доходившим слухам, читающая публика с нетерпением ожидала, чем на этот раз порадует ее Даниил Сорокин.

Чем в таких случаях положено радовать публику, он не представлял. Так что предложение спецслужбистов подвернулось кстати. Он уже видел, как из типографии приезжает его ВТОРАЯ книга. Такая же модная... еще более модная, чем первая. На этот раз написанная совершенно с другой точки зрения.

«Как я был секретным агентом». Чем не находка?

Сперва новый род занятий ему даже нравился. Он ходил на собрания «Прямого действия», слушал «Dead Kennedys» и Тома Уэйтса, принимал участие в митингах и пикетах, пытался выйти на членов Боевой группы.

Вечерами он рассказывал Полине о том, чем занимался днем. Она, блестя зубами, смеялась. Он пихал ее локтем, гневно сдвигал брови: «Шпионов не уважаешь?» — а потом смеялся над этими историями вместе с ней, и иногда они обнаруживали себя уже в постели и тогда...

Впрочем, не об этом речь.

О новых знакомых Даниил аккуратно сообщал Майору. Большого интереса к ним тот не проявлял. Майор хотел от Даниила не сведений о том, где и когда состоится очередной пикет. Ему нужна была голова руководителя Боевой группы. Человека по имени Густав.

Ни настоящая фамилия, ни приметы данного персонажа известны Майору не были. Зато известно ему было, что боевики «Прямого действия» собраны вместе и вооружены именно Густавом. Что он направлял их удары — всегда точные и неожиданные. Что без него Боевая группа не просуществовала бы и дня.

«Хорошо бы навести справки об этом Густаве у ваших новых знакомых», — сказал он как-то, а Даниил подумал, что если ему действительно удастся выйти на самого руководителя Боевой группы, то книга, которую он об этом напишет, станет не просто бестселлером, а абсолютным хитом десятилетия.

В конце октября Даниил вместе с несколькими новыми товарищами собрался посетить «Dostoevsky-Club». В тот вечер там выступала группа с названием... точно не помню, но похоже на «Смерть бразильца».

К открытию они опоздали. Едва не свалившись несколько раз в темноте, Даниил отыскал свободный столик, и они уселись. Группа оказалась так себе, и все приналегли на алкоголь.

Минут через двадцать стало понятно, что ничего, кроме тоскливого скрежета, из гитар группа извлечь не в состоянии.

— Может, еще куда пойдём?

Пойти решено было в «Бронкс». Длинноволосый парень с плохими зубами, по кличке Брюква, уверял, что в «Бронксе» сегодня конкурс любительского стриптиза: «Любительский, это значит, что раздеваться будут простые тетки из зала».

Из «Dostoevsky» до «Бронкса» идти было минут пятнадцать. Они решили прогуляться пешком.

— Я, между прочим, еще когда на первом курсе учился, разработал целую классификацию поп...

— Классификацию чего?

— Поп. Женских задниц.

— И как ты... в смысле классифицировал?

— Это ведь только кажется, что они все одинаковые, а если присмотреться... Одно дело — это, скажем, «попа-груша». И совсем другое — «попа-слива». Ты понимаешь? Это совершенно различные виды поп! А еще есть большая группа «попа-гладильная доска», но такие попы я не люблю.

Стриптиз в «Бронксе» оказался ничуть не забавнее «Достоевского» панк-рока. На сцену из зала тоскливой вереницей выбирались крепконогие и широколицые претендентки.

Некоторые снимали бюстгальтеры. Снять трусы не отважился никто.

Брюква сказал, что от черного кружевного белья его всегда тошнило. Они перебрались в один из боковых зальчиков.

Проектируя заведение, хозяева «Бронкса» имели в виду что-то грутально-кинематографическое. Со множеством металлических деталей, кирпичными стенами и полуголыми официантками.

Затея не удалась. Из модного клуба «Бронкс» быстро превратился в пивнушку. Зато алкоголь в «Бронксе» был недорогим: меньше \$0,5 за кружку. Уже через полчаса один из партийцев отправился в комнату, где переодевались стриптизерки, с целью объяснить им насчет теории сексуальной революции Вильгельма Райха.

Судя по их визгу и по тому, как заметались охранники, в тот вечер девушки так и не познакомились ни с одной из теорий Вильгельма Райха.

Неподалеку сидела одинокая и трезвая девушка. Брюква попробовал к ней подсесть.

— Как вас зовут?

— Все только на коммерческой основе!

— Редкое имя! Наверное, не русское?

Девушка встала, забрала сигареты и ушла. Брюква грустно смотрел на ее попу-грушу. Даниил выковырял из пачки новую сигарету, прикурил, наклонился к самому его уху и поинтересовался, не знаком ли тот с Густавом?

— С Густавом? Знаком. Кто ж с ним не знаком? Ты чего, решил в террор податься?

Протрезвел Даниил моментально.

— Почему в террор?

— Так Густав же боевик. Он у нас в «Действии» террором заведует. Слышал, как в Москве газораспределительную станцию заминировали? Очень серьезный парень.

Даниил не мог поверить. Неужели вот так, запросто, в перерыве между двумя «Балтиками-номер-семь», можно взять и выдать страшную партийную тайну? А как же конспирация?

Его и раньше удивляло отношение приятелей к подобным вещам. Как-то раз Брюква кивнул в сторону длинноволосого, угреватого типа, забредшего на собрание «Действия»:

— Знаешь, кто это?

Даниил не знал.

— Это Вишняков. В Питере он гасится от пензенских ментов. Неужели не слышал? О нем даже по телику говорили. Вишняков у себя в Пензе одному пареньку уши ножом отрезал. Тот на фэсбэшников работал... ну Вишняк и...

Как при таком отношении к конспирации весь личный состав петербургского отделения «Прямого действия» до сих пор не обособился на тюремных нарах, было для Даниила загадкой.

Он посмотрел по сторонам. Посетителям «Бронкса» не было дела до их разговора. Он сказал, что да, он, Данила Сорокин, действительно хотел бы работать в терроре.

Чувствовал он себя при этом как мальчишка, просящий принять его в дворовую футбольную команду. Брюква воспринимал подобные разговоры на полном серьезе. Он отодвинул бокал с пивом и постарался придать лицу трагическое выражение.

Почувствовав себя увереннее, Даниил ввернул пару фраз насчет «софт-тоталитаризма нынешней системы» и «необходимости врываться в сознание масс посредством динамита».

За время, пока писал книгу, он выслушал и прочел огромное количество таких фраз. Брюква смотрел на него с уважением и обещал посодействовать.

Чем закончился вечерок в «Бронксе», вспомнить Даниил потом не мог. Мало ли их было, таких вечерков? В начале ноября произошло то, ради чего вся эта история и затевалась.

Брюква отвел его в сторонку и, плюясь на новый Даниилов свитер «Polo», зашипел:

— Помнишь, ты меня о Густаве спрашивал?

— Ну?

— Мы с ним встречались. Он спрашивал, не появилось ли у нас в отделении людей, готовых на серьезные дела.

— А ты?

— Я рассказал ему про тебя. Сказал, что ты хочешь с ним работать.

— А он?

— Он спросил, серьезный ли ты парень.

— А ты?

— Я сказал, что ты нормальный.

— А я нормальный?

— Говорят, в Москве кого-то из его парней прямо с «калашниковым» в сумке взяли. Пришлось работу всего отделения сворачивать. Теперь ему нужны люди. Так что он тебе позвонит, жди.

Тем же вечером Даниил снова сидел в мягком кожаном кресле, смотрел сквозь большие окна на безлюдную Захарьевскую и в подробностях пересказывал свой разговор с Брюквой.

Выслушав его, Майор хищно улыбнулся:

— Мы сегодня же поставим ваш телефон на прослушивание. Когда он вам, Даниил Владимирович, позвонит, постарайтесь подольше продержат его на связи. Если получится, арестуем его пря-

мо у аппарата. На всякий случай, если он будет предлагать вам встретиться, не отказывайтесь. Премию, о которой мы договаривались, вы сможете получить сразу же после ареста.

Даниил вышел из здания и подумал, что, если неуловимого Густава арестуют в тот момент, когда он будет ему звонить... или, еще лучше, придет на встречу... члены Боевой группы непременно заподозрят... заподозрят его, Даниила Сорокина... и тогда они...

Что они сделают... как далеко смогут пойти... он старался не думать об этом. Он зарывался лицом в золотистые волосы Полины, до изнеможения целовал ее роскошное, упругое тело.

Перед тем как уснуть, они, лежа в кровати, слушали радио. Она доедала мороженое. Он прямо из горлышка пил вкусное красное вино. Той ночью ему приснился их с Полиной дом, стоящий на берегу теплого моря, и в окно этого дома, сжимая в зубах нож, лез длинноволосый угреватый парень родом из Пензы...

Прежде чем Густав позвонил, прошло почти две недели. Первоначальное, до дрожи в диафрагме, напряжение прошло. Даниил начал понемногу верить, что Густав не позвонит.

Но он позвонил.

— Господин Сорокин?

— Да, это я.

— Я читал вашу книгу. Наверное, это лучшая книга о революции, какую я держал в руках.

Они разговаривали недолго. Положив трубку, Даниил не смог понять, хватило ли спецслужбистам времени засечь, откуда звонили. Он положил трубку и только после этого почувствовал, что ему нечем дышать... почувствовал, как дрожат его руки.

Это был последний день, который он провел как обычно. С тех пор как раздался этот звонок, жизнь его пошла совершенно иначе.

24 сентября. Раннее утро

— Ну давай, Лора...

— Отстань.

— Ну Лорка...

— Говорю — отстань.

— Давай-давай, не ломайся...

— У тебя совесть есть? К похмельному человеку с такими вещами лезть...

— Я сказал, не капризничай...

— Гребень, ты идиот...

— Тебе сложно?..

— А если меня прямо на тебя вырвет?

Короткое шебуршение. Пара всхлипов. Минутная пауза... снова сопение и скрип пружин кровати.

— Убери свою кретинскую руку... И не надо так глубоко.

Еще одна пауза.

— Да говорю же тебе — не надо... Я сама...

Даниил открыл глаза, послушал звуки из соседней комнаты и снова закрыл. Несколько минут лежал не шевелясь, пытаюсь понять свое состояние.

Вроде бы ничего нового. Ноющий пульс в затылке, чужой, не уместающийся во рту язык, пустота ниже диафрагмы. Из необычного смущала лишь саднящая боль в правой руке.

Он вытащил руку из-под одеяла, разлепил глаза и рассмотрел ее. Рука как рука... грязные, с траурными ободками, пальцы. Костяшки были разбиты, и на них запеклась черная кровь.

Кому это я вчера? Ах да...

— Давай... давай, милая... моя дев... моя де-евочка...

Даниил поворочался, стараясь глубже зарыться под одеяло. Зажмуриться бы, вжаться лицом в серую от грязи наволочку и пролежать до обеда.

Он свесил ноги, почувствовал холодное прикосновение линолеума. Первое, на что он каждое утро натыкался взглядом, был висевший на стене портрет Гребня. Портрет нарисовала Лора. Лица на нем было почти не разобрать. Зато выделялся здоровенный, избраженный в анатомических подробностях член.

На стуле под портретом грудой была навалена одежда: палестинский платок и футболка Гребня вперемешку с окаменелыми носками Артема и нижним бельем Лоры.

Похоже, вчера парни начали раздевать ее, даже не доведя до кровати. Чем склонять неизвестно к чему, лучше бы заставили девушку постельное белье постирать.

Ежась от холода, он выудил из кучи свой «Левайс», вжикнул зиппером, протянув руку, включил радио и пошлепал в туалет.

За дверью туалета рычал Артем. Даниил подергал ручку и подождал. Артем задыхался, сипел и отплевывался.

— Долго ты там?

Новый фейерверк звуков. Даниил плюнул и пошел в ванную. Из потемневшего зеркала на него глядело смутно знакомое лицо.

За время, пока он, склонившись над раковиной, тер зубы старой, почти лысой щеткой, по облупившейся стене успела пробежать, наверное, дюжина тараканов. Тараканов в квартире было много. Однажды он проснулся от того, что мерзкая тварь ползла прямо по его волосам...

Даниил жил в этой квартире уже почти три месяца. Вообще, данный притон был найден Густавом как раз на такой случай, как сейчас, — когда вся группа должна быть под рукой.

Недавно он сказал, что намечается большая акция и в ближайшие две недели все они будут жить вместе. Режим конспирации — максимальный. Из дому выходить как можно реже. Никаких магнитофонов и телевизора: не хватало, чтобы соседи вызвали ментов. Помните: здесь, в квартире, почти все запасы нашего оружия и боеприпасов, это понятно?

Даниилу Густав разрешил жить на конспиративной квартире постоянно: «Раз уж у тебя так вышло, то живи. Заодно и порядок тут будешь поддерживать».

Даниил вытер руки, еще раз полюбовался на отражение (покрасневшие глаза, свалывшиеся, нечесанные волосы, щетина, клочками разбросанная по щекам) и вышел из ванной.

— Привет, — буркнул он, заходя на кухню.

Лора кивнула.

— А где Гребень?

— Зарядку пошел делать, идиот. Ты же знаешь — пятьдесят отжиманий и ледяной душ.

Даниил оглядел стол. Пепельницы и грязные тарелки напоминали поле боя. Наших били по всем фронтам. Пустых бутылок набралось столько, что вместо следующей экспроприации их можно будет просто сдать.

Даниил открыл форточку. Уже какой день по утрам у него болел зуб — пятый верхний справа. Денег вылечить зуб все равно не было. Даниил старался не обращать внимания. Зуб ныл омерзительно.

— Еды не осталось?

— Тебе чего? Шашлык по-карски? Осетрину бешамель?

— Вообще ничего?

— Пива вон стоит две бутылки.

— Хм, действительно пиво... Как это мы вчера не допили?

Протискиваясь на кухню, Артем просипел:

— Сосьялисьм о муэрте.

— Муэрте, муэрте. На кой хрен нам сосьялисьм?

Такой, как сейчас, он особенно напоминал толстого, глупого ребенка. Оглядев Артема, Лора сжалилась и спросила, не налить ли ему пива?

— Какое пиво — посмотри на меня... С утра вышел водички попить — блевал час, наверное, без перерыва.

— Это все последняя бутылочка твоя вчерашняя. Кто громче всех орал: «Еще одну! Переходим, блядь, на вино!» Сколько можно? Третий день творения!

— В смысле?

— В смысле, что третий день подряд в тварей превращаетесь! Еще раз устройте то, что вы устроили ночью, — нажалуюсь на вас Густаву.

— А что мы устроили?

— Ты лучше у Лоры спроси, что вы с Гребнем вчера устроили! Спермой всю квартиру провоняли!

Раскрасневшийся и мокрый, из ванной появился Гребень.

— Здорово, парни!.. Артем!.. бразер!.. ты, как бы, живой, что ли?.. а я думал, ты сдох уже на хуй... на радость, как бы, мировой буржуазии!

Гребень скакал по-боксерски вокруг Артема, а тот морщился и защищался негнушимися руками. Из комнаты слышались звуки поповенькой песенки. Звуки казались знакомыми.

Даниил хотел сказать Гребню что-нибудь остроумное и жизнерадостное. Острота умерла, не родившись. Как это обычно бывает с похмелья, ты просыпаешься и обнаруживаешь, что связь между мыслью и словом разрушена. Открываешь рот и понимаешь, что понятия не имеешь, как закончится фраза, которую ты произносишь.

— Люблю похмелье. Вы, как бы, дураки, ни хрена не понимаете в настоящем удовольствии. Я, может, и пью-то только ради этого состояния. Открываешь, как бы, глаза, и — wow! — мир не узнать...

— А я с похмелья мясо люблю. Грузинское. Хинкали там или аджапсандали. Или лобио...

— Лобио — это не мясо, это такие бобы...

Дорезав салат, Гребень пристроился к столу и принялся, сочно хрустя, завтракать. Остальные сидели и молча на него смотрели.

Потом Даниил все-таки сформулировал связную мысль:

— Гребень, ты скотина. Ешь как все — пельмени и макароны. Хватит травить душу своими фруктовыми салатами.

— С чего это мне есть пельмени и макароны?

— Пельмени и макароны — это еда бедных.

- Еда бедных — это, как бы, хлеб без масла.
- Ешь хлеб без масла.
- От мучного толстеют.

«Ха!» — только и сказала Лора. Сама она ела все подряд, причем с утра до вечера. И при этом даже не думала толстеть. Оставалась узкобедрой, узкоплечей, почти безгрудой девочкой-тинейджером. Точеная фигурка, милая мордашка... Вот только губы всегда немного припухшие... словно усталые.

Иногда, глядя на нее, Даниил сравнивал Лору с Полиной. С роскошной, ухоженной Полиной, которая любила свое тело... которая только на косметику, парикмахерскую, стоматолога, нижнее белье и противозачаточные «пилз» тратила в месяц больше \$300.

Лора с ее короткой, почти под ноль, стрижкой и вечно исцарапанными руками была другой. Из тех, переспав с кем, ты просто застегиваешь пуговицы на джинсах и думаешь, что именно сейчас было бы недурно покурить.

Даниил скосил на нее глаза и вспомнил, как Гребень рассказывал, что утренний секс здорово снимает похмелье.

Он привстал с табуретки и взял со стола бутылку пива. На ощупь бутылка была теплая и липкая. Он отковырнул пробку, и из горлышка выполз язычок тягучей пены. Даниил почувствовал, как к царящим в квартире запахам (дешевых сигарет, грязного белья, по-та плохо питающихся людей) примешался мерзкий запах дрожжей.

— Ты, Лорка, помнишь, как мы вчера за этим последним пивом в магазин гоняли?

— Вы, как бы, вчера еще и из дому выходили? Густав узнает — убьет!

— Убрать бы тут... В смысле, к приходу Густава.

— Во сколько он обещал прийти?

— Кто ж его знает? Сказал, в первой половине.

— Время не сказал?

— Шутишь? Он же никогда не говорит. Конспирируется, блядь...

Все посмотрели на стол. На горы неаппетитной грязной посуды. На липкие бутылки с мокрыми окурками внутри. На разбросанные везде почерневшие остатки еды и ярко-вишневое пятно от чего-то пролитого посредине стола...

По линолеуму цвета уличной грязи ползали жирные мухи. Гребень выбрался из-за стола, поставил тарелку в раковину и положил ладонь Лоре на плечо.

— Товарищ, я уполномочен, как бы, донести до тебя задание партии. Тебе выпала высокая честь, товарищ. Ты должна будешь все здесь вымыть, убрать и до блеска надраить. Чтобы лидер нашей, как бы, группы остался доволен. Ты все поняла, товарищ?

Он заглянул Лоре в лицо и улыбнулся.

— Сука ты, Гребень. Мог бы и помочь.

— Я не могу. Я повел, как бы, Жирного на балкон, проветривать. А то он нам сейчас всю кухню заблюет. Ты ж не хочешь, чтобы Жирный заблевал нам всю кухню?

Они ушли на балкон. Даниил выискал себе еще один окурок и с ногами забрался на табуретку.

Лора, состроив мину, оглядела творящийся на кухне сумасшедший дом и начала понемногу складывать грязную посуду со стола в раковину.

Он пускал кольца и смотрел, как она двигается. Ногам было холодно, а справа за ухом противно бился пульс, но Даниил только затягивался... и смотрел.

У нее была длинная, красивая шея и зеленые глаза, а на предплечье была вытатуирована маленькая ящерица с желтым хвостом.

(убери свою кретинскую руку... и не надо так глубоко... я сама)

Вообще говоря, Лора считалась девушкой Густава. Великого и Ужасного, Неуловимого и Всезнающего Густава, приезда которого они ждали сегодня утром. Правда... как бы поточнее? Тут имелся нюанс.

Даниил прекрасно помнил, что, когда в прошлом году Группе срочно понадобились деньги на выпуск листовок, а экспроприацию Густав решил не проводить, дело кончилось тем, что они две недели подряд по очереди водили Лору на вокзалы. Где по сходной цене продавали ее подвыпившим приезжим.

На эти деньги они потом издали целую кучу отличных, забойных листовок и газет. Большая часть из них до сих пор лежала в дальней комнате под кроватью...

Лора составила всю посуду в раковину и подпернула рукава футболки. Он посмотрел на ее губы. Губы у нее были красивые.

(не надо так глубоко... я сама)

Футболка с изображением бандитских рыл незнакомой рок-банды. Угловатые плечи подростка. Полоска белого тела между футболкой и джинсами.

— Лора... — сказал Даниил, чувствуя, как садится его голос. Она перевела взгляд с раковины на него.

- Лора... иди сюда...
- В смысле?
- Ну иди...
- О не-ет!.. Ты-то хоть не лезь.
- Ну Лорка... Ну... Ну иди сюда...
- Вы что все, взбесились?
- Кто «все»?

Он встал, приобнял ее за талию и подтянул к себе. Она не сопротивлялась. Она просто смотрела на него усталым взглядом зеленых глаз.

- Ну давай...
- Чего «давай»? Чего все время «давай»?
- Давай, не ломайся...
- Почему с этим с утра-то лезть нужно, я не понимаю?
- Лора, пожалуйста!.. А поговорим мы потом...
- Слушай, Писатель, у тебя совесть есть? Думаешь, у тебя одного похмелье?
- Давай поговорим потом! Садись!
- У меня башка взорвется сейчас!..

Окончательно переставая понимать, что несет, Даниил продолжал говорить:

— Я быстро... вот увидишь — я быстро... ну давай... ну ПО-ЖА-ЛУЙ-СТА!!!

«Ох, блядь...» — выдохнула она, садясь на корточки и расстегивая молнию у него на джинсах.

В раковине шумела вода, в комнате надрывалось радио, а на столе, в куче мусора, лежала чумазая тряпка. Она умела делать... то, что делала... она умела это так, что мужчин скручивало в узел.

Она вставала с колен и равнодушным жестом вытирала губы, а мужчины долго не могли отдышаться и, поднося зажигалку к сигарете, чувствовали, как дрожит огонек. Но было что-то оскорбительное в покорности, с которой она соглашалась на то, чего хотели от нее мужчины.

Губы у нее были теплые и мягкие... и вся она была очень теплой и очень мягкой. Она делала все, что бы он ни пожелал... даже то, что невозможно сделать.

Он руками прижимал ее голову, а она не сопротивлялась. Она была лишь продолжением его воли, но с каждой минутой Даниил все отчетливее ощущал запах теплого, несвежего пива и собственной давно не стиранной футболки... все меньше понимал, зачем ему это нужно.

Он чувствовал, как издалека... из-за спины... на него накатывает острое, как приступ, удовольствие, как в затылок впиваются сотни тысяч крошечных коготков, как тело опять перестает ему принадлежать.

Она не прекращала двигаться ни на секунду. Он запрокинул голову, задохнулся... и именно в этот момент дверь на кухню открылась, и в дверях появился Густав.

В раковине по-прежнему шумела вода. За окном по небу плыли грязные облака.

«Кхм», — судорожно выдохнул Даниил, чувствуя, как пляшут перед глазами красные чертики восторга.

На Густаве, как обычно, был черный плащ. Смотрел он все так же — будто брезгливо разглядывал что-то за спиной собеседника.

Даниил осторожно убрал ладони с затылка Лоры. Она поднялась с колен.

— Здравствуй, Густав.

— Здравствуй, Лора. Здравствуй, Данила.

— Доброе утро, — проговорил Даниил. Голос его поднялся до совершенно кретинского фальцета.

Лора выключила все еще бьющую в раковину воду и, покопавшись в пепельнице, выудила оттуда совсем маленький окурочек.

Чувства и ощущения возвращались по одному. Неожиданно он почувствовал, что просто помирает от жажды. Секунды тянулись как резиновые.

Густав стоял в дверях. Лора курила. Даниилу хотелось одного: зажмуриться и умереть.

Ровным, ни малейшей эмоции не выражающим голосом Густав наконец проговорил:

— Если вы помните, мы собирались сегодня провести совещание вашей группы. Через десять минут я хотел бы, чтобы вы были полностью готовы.

После этого он аккуратно закрыл за собой дверь.

24 сентября. Утро

Они впятером сели в большой комнате вокруг стола. Радио было выключено. В комнате висела непривычная, нервирующая тишина.

— Сколько вы вчера взяли денег?

— Четырнадцать тысяч шестьсот двадцать. Это если все пере-
считать на доллары.

— Меньше пятнадцати... Что-то не много...

— Больше не было.

— Если каждый раз, когда понадобятся деньги, вы будете остав-
лять после себя по три трупа, то на свободе долго не прогуляете. На
вчерашнюю пьянку вы из этих денег чего-нибудь брали?

Наверное, их вчерашняя суета сместила его. Насколько знал Да-
ниил, за самим Густавом таких экспроприаций было не меньше дю-
жины. Да и самый первый автомат появился в арсенале «Прямого
действия» именно благодаря ему.

Чтобы добыть его, Густав ночью, один, подобрался к складу бо-
гом забытой воинской части, ладонью зажал рот часовому и не то-
ропясь воткнул тридцатисантиметровый охотничий нож ему в
грудь. Несколько раз подряд. После чего аккуратно оттащил тело
подальше от ворот склада и, уходя, не забыл вытащить из подсум-
ка запасной рожок.

(оружие и боеприпасы городской партизан добывает себе сам)

Впрочем, может быть, все происходило и не так. О Густаве в
движении ходило множество страшных и малоправдоподобных ле-
генд. В любом случае этот автомат появился в те времена, когда ни-
кого из них в Боевой группе еще не было.

— Ладно. Насколько я знаю, у ментов никаких зацепок пока не
появилось. Переходим к обсуждению планов?

— Давай перейдем.

— Несколько дней назад прошло расширенное заседание Бюро
«Прямого действия». Это заседание мы планировали провести дав-
но. Дело в том, что последние год-два мы не идем вперед... а значит,
оказываемся отброшенными назад. Обсуждение вышло бурным.
Единогласного решения принято не было. Но в любом случае те-
перь наша работа будет строиться немного иначе. Прежде всего это
касается вашей группы.

Лора скучала. Сизый с похмелья Артем внимательно слушал. Гре-
бень перебирал на столе пробки от бутылок. Даниил же краснел уша-
ми и не мог думать ни о чем, кроме того, что произошло на кухне.

— Не мне вам объяснять, какова технология государственного
переворота. Всем известно, что на первом этапе должна появиться
организация: несколько десятков крепких парней. На втором этапе
начинается партстроительство. Организация растет по всей стране.
Члены движения готовятся к тому, чтобы, когда наступит час

«Зет», заменить органы нынешнего режима на местах. На третьем этапе триста членов движения захватывают Кремль, еще триста — какую-нибудь задроченную воинскую часть, а остальные, сколько есть, из гранатометов обстреливают иностранные посольства, министерства, телестудии и редакции крупнейших газет. В стране хаос и неразбериха. Для спасения нации движение вводит в столицу свои танки и объявляет военное положение. Люди на местах берут власть в свои руки. Всё! Через двадцать четыре часа телевидение транслирует расстрелы прямо у Кремлевской стены, банки национализированы, вместо ментовского беспредела на улицах патрули из улыбчивых комиссаров в кожаных плащах. Правильно?

— Правильно.

— Несмотря на то что схема правильная, сотни раз опробованная, сегодня она не работает. Восемьдесят лет назад она работала у большевиков. Сорок лет назад — у Че Гевары на Кубе. А у нас сегодня — не работает.

Он вздохнул и продолжал:

— Чтобы провести нормальный государственный переворот, необходим железный кулак. Нужны замаскированные под видом профсоюзов или общественных организаций ячейки на предприятиях и люди, симпатизирующие нашей идее в органах власти. Нужны, в конце концов, отряды, готовые по первому сигналу развернуть по стране партизанскую войну... А что мы имеем? Ячейки движения в восьми субъектах Федерации. В каждой состоит по двадцать—тридцать ребят. В основном студенты. Пока это всё. Чтобы собрать вашу группу, я потратил полгода. Полгода, чтобы собрать группу из четырех человек!

— Я не согласен,— сказал Артем.— Я не думаю, что нам нужно много людей. Я думаю, нужен небольшой толчок. Дальше пойдет само.

— Серьезно? Как ты представляешь этот «небольшой толчок»? В августе уже прошли выступления шахтеров. Люди ложились на рельсы, били омонцовцев и хотели линчевать официальных профсоюзников. Чем кончилось? Шахтерам подкинули денег, объяснили, что сложности у них временные, что правительство помнит о них, и все, как бараны, разошлись... Две недели назад в Екатеринбурге выступили студенты. Они перевернули ментовские автобусы, подожгли два магазина, перебили витрины по всей главной улице... а потом перед ними выступил мэр, и все опять успокоилось. Почему?

Артем кусал губы и молчал.

— Представь, что завтра на Красную площадь выбегает толпа каких-нибудь голодных горняков... или рыбаков... или кого там еще. Людям нечем кормить детей! Они берутся за ломы и булыжники! Круша все на своем пути, они начинают штурмовать ГУМ и Мавзолей! Чем это кончится?

Артем по-прежнему кусал губы.

— Я скажу, чем это кончится,— Кровавым воскресеньем, вот чем! Когда толпа вырывается на площадь — это просто несколько тысяч злых и голодных парней. Чтобы толпа стала революционной армией, ей необходимы главари. С четким пониманием цели. Сегодня имеются все условия для того, чтобы в стране все началось всерьез. Но для этого нужно, чтобы люди нам доверяли. Чтобы, выходя на улицы, они знали: на свете есть сила, способная привести их к победе. Пока мы не способны возглавить общенациональную партизанскую войну.

Гребень, слушавший до этого молча, поднял голову:

— Извини, Густав, что я, как бы, вмешиваюсь, но... На хрена нам эта общенациональная революция? Нет, то есть в принципе я, как бы, согласен: революция — это супер. Вот только ждать мы ее будем еще пару тысяч лет.

Он вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Я в прошлом году ездил в Ижевск, договаривался с оружейниками насчет «ГТ» и охотничьего карабина. Помните? В этом Ижевске я, как бы, с парнем, который стволы с завода пронесит, разговорился. Так он целый час ныл насчет того, что зарплату уже полгода не платят. Ему — оружейнику! Элитному, как бы, специалисту! Я ему говорю: «Что ты ноешь? Через твои, как бы, руки в день тонна оружия проходит! Не заплатили зарплату пятого числа — шестого бери ствол и забирай все деньги, сколько найдешь в кассе!» Знаете, что он ответил? Я, говорит, не могу. Мне, говорит, до пенсии всего, как бы, семь лет осталось. А пенсию пока регулярно платят. Блядь! Проблема не в партстроительстве. Проблема в людях. Власть не выпрашивают. Ее просто забирают.

— Кто возражает? Может, расскажешь, КАК ее забирают?

— Взрывать нужно! Беспощадно и каждый день. Директор завода, на котором парни с голодудохнут, коттеджик себе построил? Созвали Бюро, приговорили его и вместе с коттеджиком — как бы на хер! Банкир с мужиков деньги под какие-нибудь облигации собрал и за границу намылился? Вместе с самолетом — к едрене-фене! Орел из министерства новый закончик придумал, чтобы народ

еще с голоду коней двинул? Пусть, как бы, знает: жить ему оста-
часа четыре. Если повезет — четыре с половиной!

И что?

— Чего «что»?

— Что будет после того, как ты перебежешь этих милых парней?

— Будет то, что народ, как бы, увидит... как сказать?... что наша
группа — люди с понятием... поверит нам и, типа того, как один...

— Как народ о нас узнает?

— Ну как? Узнает как-нибудь...

— Я пытаюсь объяснить вам простой факт: до тех пор, пока на-
род не узнает о нас правду, никакой захват власти невозможен. А не
узнают о нас до тех пор, пока мы, как бараны, будем плевать на то,
что пишут в газетах и говорят по ящику. Сегодня мы можем пере-
бить пол-Госдумы — чем это кончится? По телевизору скажут —
смотри, электорат, что за херня творится! Ты в собственный выход-
ной пошел на избирательный участок, выбрал себе народного,
блядь, избранника, а эти уроды его по асфальту размазали!

Он обвел их взглядом.

— вспомните, как каждый из вас пришел в группу? До тех пор,
пока вы смотрели телевизор и читали газеты, в которых вам объяс-
няли, что есть мудрые и добрые дяденьки, которые заботятся о
нас, — до тех пор вы были бессмысленными животными. У вас от-
крылись глаза в тот момент, когда вы узнали правду. Вы получили
информацию, поверили ей и изменили свою жизнь. Процесс занял
несколько лет. А от людей вы хотите, чтобы они прочитали в газе-
те, что Боевая группа, о которой они первый раз слышат, ограбила
банк, и с революционными лозунгами повалили на улицу?

Он вздохнул, подбирая слова.

— Сто лет назад мужик приходил с фабрики, считал бабки и
был готов своими руками свернуть шею фабриканту. Потому что
тот — вор и сука. А сегодня тот же самый мужик сам хочет стать
такой же сукой. Он поверил, что проблема не в фабриканте, а в
том, чтобы больше зарабатывать. Кто сегодня ходит на демонстра-
ции? Студенты и пенсионеры — те, кому делать не фиг. Остальные
ЗАРАБАТЫВАЮТ! Люди смотрят телевизор и видят: у всех всё
есть! нужно просто напрячься и тоже купить стиральную машину,
путевку в аквапарк и искусственную почку! тогда и заживем! Ни-
кто не смотрит по сторонам, все смотрят телевизор. Сегодня госу-
дарственные перевороты делаются не на площадях, а на голубом
экране. Для того чтобы сделать революцию, больше не надо брать

Зимний — нужно снять клип, в котором будет показано, что Зимний уже взят.

— Погоди, Густав. У нас же есть партийная газета. Там хорошо обо всем написано. Правильно и доступно.

— Ага, доступно. Ты знаешь, какой у нашей газеты тираж?

— Ну какой?

— Четыре тысячи. Как у «Вестника чмырьгородской скотобойни». А телевизор ежедневно смотрят сто миллионов человек. И из телевизора они узнают, что наша группа — это фашисты, которые хотят загнать народ в ГУЛАГ и национализировать женщин. Что, если мы придем к власти, у тебя, дорогой Пидор Иваныч, последние портки заберут. Из нас делают либо клоунов, либо уголовников. Пока мы проигрываем информационную войну, о победе в гражданской войне можно не мечтать, понимаете?

— И как мы будем вести эту информационную войну?

— На заседании Бюро мы разработали четкий план. Первым пунктом там значится акция, на которую пойдут экспроприированные вами вчера деньги. Акция состоит в том, что мы должны взять заложников. И в обмен на их жизнь потребовать от правительства эфирное время. По несколько часов в день... ну или хотя бы по часу... на протяжении недели. Потом мы отпускаем заложников... но перед этим говорим людям правду. Что нам не нужны их последние портки. Что наша борьба — это их борьба. Мы говорим о том, что власть сделала этих людей рабами и свиньями... лишила их человеческого лица. И что мы готовы рискнуть жизнью ради того, чтобы вернуть им — простым и беззащитным перед лицом сегодняшнего режима — право на НАСТОЯЩУЮ жизнь... И тогда, возможно, ситуация изменится в нашу пользу..

Даниил потер ладонями лоб и кинул взгляд в сторону окна. Было слышно, как на кухне жужжат ленивые осенние мухи. За окном, похоже, собирался дождь.

— Красиво излагаешь, — наконец сказала Лора.

— Если в общих чертах, то акция сводится к следующему. Через неделю в город приезжает японский премьер. Слышали об этом? Бюро постановило взять его в заложники. Сделать это должны мы. Все вместе.

— Что, и ты с нами пойдешь?

— И я.

Они переглянулись. Такого на памяти Даниила не случилось ни разу. Обычно Густав привозил им разработанный в Бюро план,

снабжал оружием, указывал, какие подготовительные работы должны быть проведены, и исчезал до тех пор, пока не убеждался, что все прошло чисто.

— В программе визита указано, что в пятницу в полдень наш высокий гость должен будет подняться на колоннаду Исаакиевского собора. С целью обозреть город с птичьего полета. В прошлом году на колоннаду лазил премьер Канады. В тот раз я специально отследил, как обеспечивается охрана. С иностранным телом ходят только пятеро личных охранников. Больше нельзя: какие-то международные конвенции запрещают иметь на территории иностранного государства больше пяти бодигуардов. Остальную наружку обеспечивает наше Третье управление. К собору подъезжает машина. У входа гостя встречают двое сопровождающих. Вместе они поднимаются наверх. После того как все поднялись, фээсбэшники перекрывают вход. Гость делает кружочек по колоннаде и спускается вниз. Пока понятно?

— Не очень.

— Перед визитом колоннаду от публики не очищают. Там по будням и народу-то от силы десять человек. И те — иностранцы. Так что в пятницу мы заранее поднимаемся наверх и минут двадцать любуемся видами города. До тех пор, пока не появится гость. Дальше — дело техники.

— Ничего придумано!.. То есть... ага... Нет, здорово придумано! И что дальше? Мы увозим его в заранее оборудованное место?

— Зачем? Как только мы спускаемся вниз, нас, как в тире, начинают шпиговать свинцом минимум полк фээсбэшных снайперов. И вообще — куда ты собрался его везти? Нам с Исаакиевской дальше метра отъехать не дадут! А на колоннаде мы в безопасности. Крыши просматриваются. Вход на колоннаду — только один. Такой узкий, что Лора с детской хлопнушкой может сутки держать там «Альфу» в придачу с «Омегой».

— Супер!

— погоди,— не поворачиваясь, сказал Гребень,— чего тут «супер»?! Я, как бы, одыого, Густав, не понимаю. Допустим, все будет так, как ты сказал. Скрутим мы этого козла нерусского, навешаем на него динамита, предьявим свои, как бы, требования... Но скажи, пожалуйста, как мы оттуда будем уходить?

— В смысле после того, как акция будет закончена?

— Да, после того.

— Я не знаю.

— Как это «не знаю»?! Кто говорил, что городской партизан должен, как бы, продумывать все до малейших деталей?!

— Это говорил я. Только не перебивай. Во-первых, нужно посмотреть, как все пройдет. Может, если все обернется хорошо, мы сможем договориться о предоставлении убежища за границей. Или затребовать гарантий неприкосновенности от самих японцев. Или еще что-нибудь...

— А во-вторых?

— Пойми меня правильно... Никто не спрашивает, должны ли мы вообще оттуда уходить. Такой случай может не представиться еще долго. Может быть, годы предыдущей работы были нужны только для того, чтобы через неделю мы сделали... то, что должны сделать. Понимаешь?

Гребень хрустнул костяшками пальцев и покачал головой. Лицо у него было несчастное.

— Сядем же...

— Ну и пусть сядем! Зато...

— Да погоди ты, Жирный, со своим «зато» лезть! Я сидеть не хочу! Ты, может, думаешь, что тебя, как Кропоткина, в Петропавловской крепости держать будут?! И книжки по теории прибавочной стоимости из Публичной библиотеки присылать?! Сними очки: нас отправят на обычную зону! Где будет куча вонючих уголовников и вечно пьяных конвоиров!

Все молчали.

— Ты, Густав, как бы, пойми: я готов участвовать в любой акции! Хочешь, я завтра с одним «стечкиным» на Смольный нападу?! Ты только скажи! Если шансы будут фифти-фифти, меня это, как бы, полностью устраивает! Но ведь то, что ты предлагаешь, — это сундид!

— Именно поэтому я вместе с вами иду на колоннаду.

— А я вот согласна, — сказала Лора.

Все посмотрели на нее.

— В конце концов, надоело херней заниматься. Тоже мне, революция! То вонючие обменники грабим, то листовочки, блядь, выпускаем... Детский лепет! Давайте наконец сделаем что-нибудь серьезное. Что-нибудь спешиа. Тогда и посидеть не жалко.

— Я тоже согласен, — скорбно и торжественно проговорил Артем.

— Что скажешь, Данила?

— Positive. Давайте попробуем. Может быть, получится весело...

Гребень сходил на кухню, принес недопитую Даниилом бутылку пива и с гулким звуком хлебнул из нее. Кадык у него был длинный и очень острый.

— Тоже мне, блин, викинги революции... Я еще посмотрю, Жирный, как тебя воры на зоне иметь будут куда не лень.

— Ты согласен или нет?

— Да согласен я, блядь! Согласен! Я ведь не трушу, идиоты! Я ведь и о вас тоже думаю. Ну сделаем мы все это, ну посадят нас... Кто в группе-то останется, а? А сидеть я не хочу. Как бы, не могу я жить вместе со жлобьем. У меня, как бы, конституция душевная для этого чересчур тонкая, поняли?

Артем с Даниилом заржали. Густав встал из-за стола:

— Я рад, что мы обо всем договорились. На этом заседание нашей группы объявляю закрытым.

24 сентября. Вечер

Как хлопнула дверь, услышали они одновременно.

— Пришел, что ли?

— Да вроде...

Прислушиваясь к тому, что происходит в прихожей, Даниил покосился на ящик стола. В ящике лежали их с Артемом пистолеты.

Последние пару часов они курили на кухне, и Артем долго и нудно тянул бесконечную историю о том, как в семнадцать лет он с пацанами, еще у себя в Воронеже, ездил на рыбалку, варил уху, и все они напились, и Артем, как всегда, начал блевать, а девчонки, которых они взяли с собой, смеялись, и та, которая была с ним, ночью отказалась делать секс и сказала, что от него пахнет... ну и так далее.

Даниил пил уже пятую бутылку пива, слушал радио, чувствовал, что, несмотря на утренние самобичевания, снова неудержимо напивается, и ждал, пока приедет Гребень.

Гребень тоже любил вечерами поболтать. Его истории никогда не были такими нудными.

— Гребень? Это ты?

— Я! Конечно я... Кто к вам еще приедет?

Гребень повозился в прихожей, раздеваясь. Часы показывали почти десять. В радио орала певица Чичерина.

— Как дела?

— Как горячка бела.

— Сейчас все будет! Я, парни, вам, как бы, грибочков принес — закачаетесь! Как бы, лучше грибочков и на свете нет!

Гребень размотал палестинский платок, скинул куртку и вывалил грибы на разложенную на столе газету. Даниил ради интереса пододвинулся поближе и тоже поглядел.

Поганки, они и есть поганки. Серенькие, с юбочками, на тонких ножках.

— Как тебе?

— На член похоже.

— Сам ты, как бы, на член похож.

Днем, уходя из квартиры, Густав сказал, чтобы пока они отдыхали. Но только безо всяких ночных дебошей. Свинству — бой! Завтра вы понадобится мне свеженькими. Ясно?

Лору Густав увел с собой. Посоветовавшись, парни решили, что, пожалуй, сегодня пить алкоголь не станут:

— Какой алкоголь? Жирный опять блевать пойдет, завтра, как бы, башка трещать будет... и Лорки нету. Разве Жирному впердолить... но что-то не возбуждает он меня, как бы, в последнее время...

— Гребень, я ведь и обидеться могу!

— Я, как бы, не об этом. Я, как бы, о том, что давненько мы с тобой, Жирный, не ели грибочков. Как думаешь?

Артем думал, что действительно давненько. Гребень отправился на одному ему известный сквот покупать грибы, а Даниил, обозвав парней придурками и наркоманами, спустился в магазин, купил себе целую сумку пива и решил, что, может быть, сегодня наконец отоспится.

Гребень высыпал поганки в дуршлаг, окатил водой и ножка к ножке разложил на газете.

— Писатель, ты как? Не хочешь расширить границы сознания?

— Не хоч.

— Имей в виду: от пива толстеют.

— А от наркотиков едет крыша. Уедет совсем — на чем будешь гребень носить?

— Разве грибы — это наркотики? Так... мостик между чистым сознанием и реальностью.

Даниил усмехнулся и пустил колечко дыма. Вообще-то, никакого гребня Гребень не носил. И прозвище это пристало к нему давно, больше десяти лет назад.

Юного Гребня вместе с приятелем забрали в милицию. Обычная проверка документов, а может, милиционерам просто было скучно и хотелось развлечься.

Приятель разорался на предмет ущемленных гражданских прав, и сержант закатал ему с правой в скулу. Когда тот упал, он добавил ему сапогом в бок, чуть ниже ребер.

Совсем молодой и оттого свято верящий, что человека нельзя просто так бить ногами, Гребень лопотал:

— Что вы делаете? За что?

Сержант повернулся к нему:

— Сиди и помалкивай... пока не огреб. Петушок, бля... Вякать будешь — в темпе гребень начищу.

Прозвище прижилось. Через полгода он и сам, представляясь, уже называл себя только так. Приблизительно тогда же он впервые попробовал галлюциногенные поганки.

Один из приятелей свистящим шепотом поинтересовался, читал ли он Карлоса Кастанеду?

— Чего-то читал, а что?

— А то, что у нас, в наших лесах, растут точно такие же галлюциногенные грибочки, как в Мексике. Собрал, съел, и... короче, круче, чем ЛСД. Представляешь? Эти грибы, между прочим, чистый мескалин, и совершенно бесплатно. Со-вер-шен-но! Представляешь?

Очень быстро Гребень обнаружил, что поедание поганок стало общегородской модой. Продвинутые персонажи нарядились в свитера с сибирской символикой

(шаманы эти мухоморы со времен царя-косаря жрут и, между прочим, поздоровее нас с тобой будут, понял?),

а как-то раз поэтичная девушка полночи, перекрикивая громopodobный рейв, рассказывала ему, что, поедая грибы, она в буквальном смысле слова отдается духу Александра Блока... может быть, скоро она родит от него ребенка.

Те годы были, наверное, самыми счастливыми в его жизни. Он читал «Алису в стране чудес» и Теренса Маккену, перепробовал почти все наркотики, которые продавались в Петербурге

(только легкие, никаких опиатов... вены мои девственны),

и успел отметиться на всех модных вечеринках, проводившихся в городе.

Он засыпал под утро, просыпался с закатом и чуть не ежевечерне заволакивал в койку зеленоволосых рейверш.

Ему это было не сложно: высокий, сероглазый, с мужественной челюстью. Курит исключительно «Житан» и «Галуаз». Такие, как он, обычно нравятся родителям девушек, с которыми встречаются.

Он жил как хотел, слушал ту музыку, которая ему нравилась, и не желал ничего в своей жизни менять... менять все равно пришлось.

Началось все из-за легких драгс. Разумеется, из-за них. У него и было-то с собой... меньше двух граммов. Следовательно сказал, что согласно УК РФ такое количество классифицируется как «хранение наркотиков в крупном или особо крупном размере». Срок — до пятнадцати лет.

Ночью в отделении, где держали Гребня, была попойка. Пьяные крепкозубые милиционеры раз в полчаса заставляли его выходить из камеры и показывать вновь прибывшим коллегам татуировки на теле... сережки в сосках... ухмылялись и говорили, что, когда Гребень доедет до зоны... уж там-то!..

Гребень не любил вспоминать о том эпизоде. Злился, когда Даниил расспрашивал о деталях.

До зоны он не доехал. Родители наняли дорогого адвоката и добились освобождения сына под залог. Вечером следующего дня Гребень уже стоял на перроне Витебского вокзала. Через три часа ехал в поезде по направлению к Минску. А через сорок восемь часов вышел на центральную площадь города Варшавы.

После этого он почти пять лет прожил в Европе. Оттуда он вернулся таким, каким был теперь.

— Сколько ты за эти грибы заплатил?

— Тридцак.

— Баксов? — ужаснулся Артем

— Нет, блядь, рублей.

— Почему так дорого?

— Да ладно, «дорого»! Поляну найти, грибы собрать, в город привезти... Между прочим, за все можно элементарно срок схлопотать.

— Разве за грибы сажают?

— Ха! Я, когда в прошлом году последний раз в лес ездил, лично ментовскую машину в кустах видел. Стоит аккуратная машинка... веточками забросанная. А на крыше, как бы, мент с биноклем.

— Да?

— Хотя, говорят, если нарвать не одних поганок, а смешать их со всякими сыроежками, то можно отмазаться. Сказать, что, как бы, не разобрался, думал, лисички.

Гребень, давясь, запихивал в себя бутерброд с маслом, поверх которого аккуратно уложил сразу штук семь поганок.

— Я, как бы, стараюсь из лесу ничего не возить. Либо в городе у парней покупаю, либо уж прямо в лесу и ем. Одно плохо: в поезде накроет — хоть вешайся! Двери электрички хлопают, а я от страха чуть сознание не теряю.

— Я тоже один раз начал жрать грибы и дозу не рассчитал.

— И чего?

— Раза в два больше съел, чем мог. От жадности.

— Дай угадаю! Потом ты сутки блевал?

— Не... Очнулся через день. Стою в парадной и на лампочку смотрю. Она светит, а мне смешно! Яркая такая, необычная... И чего я перед этим делал сутки — не помню.

— К чему ты это?

— Ни к чему. Просто так.

— Неинтересные у тебя истории какие-то.

Артем двумя пальцами брал гриб за ножку, запихивал в рот и, стараясь не жевать, глотал.

— Вкусно хоть?

— Любишь бумагу жевать? Тогда вкусно.

Он скривился и хлебнул из графина кипяченой воды.

— Ты б их сварил. Супчик бы сделал. Заодно бы и с ужином проблему решили.

— Не варят их, эти грибы. От варки из них весь смак уходит. Одна гадость токсичная останется.

Парни двигали челюстями и прислушивались к тому, что творится у них внутри.

— Давайте, может, видик посмотрим?

— Давайте лучше слышик послушаем!

— Кстати, Жирный, а что это за говно у нас по радио играет?

— Это не говно. Это «Скутер». Модная немецкая группа.

— Убери на хрен этих модных немецких козлов. Поищи нормальное чего-нибудь.

— Чем тебе музыка не нравится?

— Это не музыка, это издевательство над личностью. В Европе такую пердулу гомосексуальную никто сто лет уже не слушает.

Даниил еще раз отхлебнул из бутылки. Пиво успело нагреться и потеряло даже намек на приличный вкус. Он поставил пустую бутылку к раковине, взял еще одну и закурил.

Что за музыку нынче слушают в Европе, Гребень знал хорошо.

В Варшаве он пробыл не долго, дней пять. Ночевать приходилось в «хостеле»: крытом спортзале с серым от грязи бельем. Там жили несколько десятков волосатиков со всей Европы: художники, музыканты, анаша, круглосуточное пиво, групповой секс, пение под гитару, полное отсутствие комплексов... Стоимость — два доллара в сутки.

Потом он поменял оставшиеся рубли и злотые на доллары, выпросил у девочки-польки с «Alamo Rent a Car» карту и, изучив ее, решил двинуть дальше.

Всего за тридцать пять дойчмарок он купил «Wochenend Ticket» — льготный «билет выходного дня», действующий с вечера пятницы и до утра понедельника. Этого достаточно, чтобы проехать Германию из конца в конец и оказаться в Голландии.

Он заплатил за туристическую визу и, сидя в вагоне второго класса для некурящих, много часов глазел на одинаковые аккуратные домики с одинаковыми аккуратными лужайками перед входом. В восемь вечера воскресенья он сидел в Роттердаме на набережной Мааса и пил холодный «Budweiser».

На данном этапе он отлично знал, чего хочет. Он хотел жить в собственной квартире, слушать музыку, которая ему нравилась, и никогда в жизни не общаться больше со жлобьем.

Через три месяца он уже мыл полы в чумазом кинотеатрике и жил в цокольном этаже частного дома на набережной. До рейв-пароходика «Штубниц» (ежедневные, кроме понедельника, вечеринки с «экстази», тощими голландскими фрейлейн и непринужденным оральным сексом в кабинках туалетов) было рукой подать, а денег за мытье полов хватало, чтобы на уик-энд до полной отключки укуриться кампучийским гашишем. И никаких тебе пьяных омонцовцев.

Со временем помимо гашиша попробовал он и модный кокаин, а из Роттердама съездил не только в соседние Бельгию с Францией, но добрался даже до Рима.

Садясь на поезд или рейсовый автобус, билет Гребень покупал не до конечной станции, а только на одну остановку вперед. При входе билет проверяли, он залезал внутрь и, стараясь не привлекать внимания, ехал столько, сколько нужно.

Купив как-то билет из Страсбурга до станции Киль (двадцать франков, полтора часа езды), он спокойно доехал до Марселя (шестьсот франков, двенадцать часов езды).

В Марселе он позагорал, покупался и, решив заработать денег на обратный билет, пришел в маленькое бистро, чтобы предложить услуги в качестве мойщика посуды.

Хозяин оглядел его, скривился и сказал, что отбросы вроде Гребня никогда и близко не подойдут к его заведению.

«Сумасшедший», — подумал Гребень и пошел наниматься в другое бистро, через дорогу. Реакция — та же самая. Обойдя за вечер еще полдюжины фастфудов, работы он так и не нашел.

Девчонка, с которой он познакомился на пляже и у которой остановился, смеялась и советовала в следующий раз, прежде чем идти к работодателям, снять хотя бы половину сережек, а прическу убрать под кепку или платок:

— То, что прокатывает в твоём квартале красных фонарей, никогда в жизни не прокатит здесь. Да и вообще, наверное, нигде в Европе.

Сказанное удивило Гребня. Когда люди в России не понимали его татуировок и отовсюду торчащих сережек, это было понятно. Но когда точно так же реагировали на него европейцы?..

Он выходил из дому, и матери, косясь на его прическу, непроизвольно прижимали детей к себе... полицейские провожали пристальными взглядами... охранники магазинов не отступали ни на шаг все время, пока он бродил между прилавков.

Плюс ко всему он был русский, и это просто чертовски осложняло жизнь. Под утро он с приятелями возвращался с вечеринки домой, их машину останавливал дорожный патруль, и после этого все ехали дальше, а он — в участок для проверки, не просрочена ли виза.

Попытавшись однажды разораться на копов, он провел после этого в полиции не положенные полтора часа, а почти двое суток. Камера была чистенькой, с простынями в голубую клеточку и трехразовым питанием. Охранник обращался к нему «Нег». Но вы же понимаете, — это все равно была тюрьма.

Пока он общался с обитателями сквотов и посетителями рейв-party, все было о'кей. Стоило попробовать общаться с рядовыми европейцами — и начинались проблемы.

В Австрии, в гостинице для студентов, дошло до того, что, оценив его внешний вид, в номере забыли сменить белье, оставшееся от предыдущих постояльцев. Это было чересчур, и Гребень устроил скандал.

Скандал вышел недолгим. Администратор вызвал секьюрити, а те, узнав, что он русский, заставили его предъявить документы, встать к стене, задрать руки и вывернуть карманы, а сами, радостно скалясь, переворошили весь его багаж.

Чувствуя, как на щеках проступают красные пятна, он спросил у охранников:

— В чем дело? В чем ваша fucking проблема?

— Наша проблема? У нас нет проблемы. Это у тебя, парень, проблема.

— Да? И какая же?

— Мы тебя, парень, здесь не ждали. Не приглашали. Такие парни, как ты, вообще нам здесь ни к чему. Что-нибудь не устраивает — обращайся в полицию. Причем лучше не в нашу, австрийскую, а у себя. В своей motherfucker стране...

Охранник усмехался и смотрел Гребню прямо в глаза. Он мечтал, чтобы Гребень дал ему в морду. Тогда из ситуации можно было выжать отличную, веселую драку.

Но Гребень не ударил его:

— Я обращусь. Я вернусь домой и обращусь. Но только не в полицию. Я обращусь в ракетные войска стратегического назначения. И вот тогда мы посмотрим, кто из нас прав...

Он собрал разбросанные вещи, вышел и по-хамски хлопнул дверь. Он до судорог сжимал кулаки и понимал, что его смешные угрозы никого на свете напугать не могут.

И все-таки даже после пяти лет такой жизни, после постоянных, по несколько раз в неделю, проверок документов и бесконечных объяснений, кто он такой и что здесь делает, он считал, что все идет нормально.

Осенью позапрошлого года Гребень шел по пустой роттердамской набережной. Что-то в районе Хохенцоллерн-Дамм. Довольно криминальный район. Именно в таких районах он предпочитал жить в Европе.

Банка пива в руке, плеер тянет что-то из Бьорк... в плеере кончались батарейки. И конечно же, его остановили полицейские:

— Индшульдигензи. Могу я взглянуть на ваши водительские права?

Совсем молодой коп. Он разглядывал заграничный паспорт Гребня, а напарник стоял чуть в стороне и делал вид, что скучает, хотя на самом деле не сводил дула автомата с футболки Гребня.

На футболке кривлялась рожа Сиды Вишеза. Дуло вытягивалось, словно хотело чмокнуть Вишеза в губы... а под футболкой у Гребня ничего не было... только тело. И тогда он подумал: а зачем ему это надо? что изменилось с тех пор, как он уехал из собственной страны?

Полицейские давно ушли. Они не задержали его, не нахамили. Все было тихо и благообразно. А он сидел и морщился от понимания... невыносимого, словно заноза в мошонке.

(какое право они имеют подходить и требовать, чтобы я больше не шел туда, куда собирался идти, не делал то, что собираюсь делать... а стоял и выдавливал из себя глупые слова оправданий?)

они подходят, наставляют на меня автомат — и все, больше я не свободный, белый, совершеннолетний парень, а потенциальный злоумышленник)

Кто такие эти полицейские? Кто такие эти пахнущие шавермой омововцы? Они не прядут, не льнут, но регулярно получают приличную зарплату и отдают детей в хорошие колледжи.

Почему?

Потому что они защищают хороших парней от плохих. Но — и это Гребень знал прекрасно — никакая защита ему не нужна. Он годами ходил по самым темным улицам континента — и дома, и здесь, в Европе. Он общался с наркоманами, проститутками и сбродом, живущим на всех в мире вокзалах... причем отлично находил с ними общий язык.

Он жил в верхних этажах публичных домов и ночевал на скамейках в таких местах, куда даже днем не рискнет сунуться ни один легавый. И ни разу у него не возникало идеи позвать на помощь полицию.

Он уехал из дома, чтобы не общаться со жлобьем. Но это и есть жлобье. Люди, которые никогда в жизни не будут равнодушно смотреть на таких, как он. На волосатых, небритых, воняющих кампучийской травкой и не желающих работать парней.

(точно так же ко мне относились и дома. я был не похож на нормальных людей там, я не похож на них и здесь. я забрался черт знает куда, но даже здесь ничего не изменилось.

я как был им чужой, так и остался. не просто не похожий на окружающих, а абсолютно другой... как негр в Антарктиде)

И тогда он понял, что пора возвращаться.

Он закрыл глаза, и по ту сторону век проплыла картина: сжимая в зубах ножи, на улицы выползают те, кто, как и он, моментально привлекает внимание полиции в любой толпе.

Они вылезают из подвалов, вентиляционных шахт, из-под мостов и из расселенных домов, а гладко выбритые, с хорошими зубами и в аккуратных пиджаках мужчины, которые так долго не желали признавать их за равных, замирают посреди улиц... и мочатся в свои дорогие брюки.

А потом начинается самое интересное.

Он открыл глаза и встал со скамейки. Где-то обязательно должны быть такие же парни, как он. Чужие этому миру... но свои ему. *(вы хотели видеть меня врагом? хорошо, я стану вашим врагом. не уверен, что вам понравится)*

С утра он пошел на вокзал и купил билет на поезд до Минска. Из Минска в Петербург он добрался автостопом. Уже через три месяца он встретился с Густавом. А еще через шесть недель он убил первого в своей жизни человека...

— Гы-гы-гы! какой... ка... какой классный мультик! Гы-гы-гы!

Они умяли все, что лежало на газетке, и теперь смотрели телевизор. Даниил знал: по-настоящему их накроет не раньше чем минут через двадцать. Потом придется идти спать, потому что никакого общения уже не получится.

— Смотреть на вас противно.

— Почему?

— Как животные... Поганок нажрались, мультик смотреть сели. Через неделю нас, может, посадят всех. А может, и вообще убьют на хрен...

Гребень помолчал. Потом медленно встал и взял себе сигарету.

— Ну правильно... Может, посадят, а может, убьют. Так что проживем остаток дней весело.

— Проживе-о-ом! Кла... классный мультик! Всё — супер-дупер!

— Супер? Сколько ты в прошлый раз от этих грибов блевал? Уж не двое ли суток?

— Чего ты привязался к парню? Когда мы будем сидеть в тюрьме, ему будет приятно вспоминать этот вечерок.

— До тюрьмы вы с таким режимом жизни можете и не дотянуть.

— А ты хочешь прожить вечно?

— Наркотики — это яд.

— Яд — это алкоголь. А психоделики — это то, что помогает мне жить.

— Посмотри на себя — это ты называешь жизнью?

— Жирный! Ты как считаешь? Мы живем?

— Живем!

Гребень повернул лицо к Даниилу:

— А ты что называешь жизнью? Так и будешь по ней, как бы, с ума сходить, а? Сколько можно?

Он повертел в руках зажигалку. Она была квадратной, металлической.

— Хватит, Писатель, забудь... Радуйся, как бы, жизни. То, что было, давно прошло. Живи сейчас.

— Как ты?

— Как я. Чем я плохо живу?!

Даниил, не поворачивая головы, посмотрел на него. Опухшие веки, безвольно распушенный рот. В углу рта у Гребня запеклись зеленоватые слюни.

— По-моему, ты сейчас вообще не живешь... Спокойной ночи.

В дальней комнате, где он решил сегодня лечь, было темно и стоял запах неделями не менявшегося постельного белья.

На улице капал нудный дождь. Окна домов не горели, как будто во всем районе не осталось ни единой обитаемой квартиры. В ветвях голых черных деревьев шумел ветер. Где-то далеко еле слышно выла собака.

Он прибавил громкости в радио, стянул футболку и стал укладываться. Потянулся, закрыл глаза. От выпитого пива немного кружилась голова, но он не стал обращать внимания.

Скоро он уже спал, и ему снилась она... Полина...

Проснувшись утром, он понял, что ночью у него из глаз опять текли слезы.

За несколько лет до этого. Осень

В обязательном для всех «Учебнике бригадиста» указывалось: «Квартира члена „Красных бригад“ должна быть по-пролетарски скромной. В ней не должно быть ничего лишнего, и вместе с тем она должна быть хорошо обставленной и приличной (шторы, табличка с именем, коврик у входа)...

С хозяевами следует поддерживать хорошие отношения, с соседями быть любезным. После определенного часа не следует включать приемники и проигрыватели.

Следует возвращаться домой до полуночи. Не рекомендуется делать покупки и посещать кафе в собственном районе...

Активист должен быть пунктуальным в отношении квартплаты, прилично одеваться, носить короткую стрижку, быть приветливым, не ввязываться ни в какие ссоры».

Именно такой жизнью жила команданте римской колонны «бригад» Барбара Бальцерани.

В легальной жизни она работала скромной служащей 18-го муниципального округа Рима. В тот момент Барбаре было двадцать семь.

С детства она мечтала стать учительницей, но, приехав из своей глухомани в большой город поступать в педагогическое училище, случайно познакомилась с активистом одной из левых организаций. Левак-обольститель сперва уговорил ее бросить все и уехать с ним в Рим и через некоторое время (Барбара считалась довольно хорошенькой) даже женился на ней.

Впрочем, всего через пару месяцев после свадьбы он ушел от Барбары к ее ближайшей подруге. Вскоре после этого Барбара сближается с «красными бригадами» и начинает вести аскетичную жизнь революционера.

Никто из сослуживцев не мог и заподозрить, что эту милую, немного полноватую молодую женщину разыскивает половина полиции Италии. Взяв на работе отпуск на два дня, она едет в Турин и в упор расстреливает председателя тамошней коллегии адвокатов.

В ее по-пролетарски скромной квартире хранится арсенал, которого хватило бы на небольшую армию, она лично оперирует раненых бригадистов, а из бланков своего учреждения делает замечательные фальшивые документы для террористов...

Когда полтора года тому назад он дописывал эту главу своей книги, то и предположить не мог, что придет время, и такой же жизнью придется жить ему, Даниилу Сорокину.

Это была просто книга, которую он очень хотел написать. А вышло совсем иначе... Через полгода после того, как им домой впервые позвонил Густав, Полина сказала, что перестает его узнавать. *(ты отдаляешься от меня. мы больше не вместе?)*

Он и сам понимал, что теряет контроль над ситуацией... что дела принимают не тот оборот, что он предполагал. Он знал, что она права, но не мог себе в этом признаться, и в то утро они чуть не поругались.

Полина... Его единственная любовь...

Она просыпалась поздно... была б ее воля, валялась бы в постели и до обеда. Розовая, заспанная, она вылезала из-под одеяла, тянулась, голая стоя посреди комнаты, и отправлялась в душ. Он смотрел на все это и каждое утро ловил себя на одной и той же мысли: больше никогда в жизни не будет у него такой женщины.

Он хотел ее постоянно. Как пятнадцатилетний мальчишка. Это было унижительно. Он понимал, что зависит от нее... как джанки от героина... он даже не думал с этим бороться.

Впрочем, она испытывала то же самое. Она любила, когда он ее целовал... она говорила ему «еще! еще!»... она смеялась от восторга... она требовала, чтобы он был быстр... еще быстрее!.. быстрее, чем драм-н-бейс!... пли-и-ззз!..

После того как он наконец отрывался от нее, она говорила: «Не знаю, какой уж ты там писатель... но любовник... как сказать?.. в общем, неплохой...» Он улыбался и прикуривал им по сигарете, она клала голову ему на грудь, и счастливее его не было никого на свете.

Это было похоже на невысокого пошиба сериал, но ему казалось, что он полюбил ее в первый же вечер. Увидел ее, заговорил с ней, в первый раз коснулся ее кожи – и пиздец.

Был обычный октябрьский вечер. Редактор журнала, для которого Даниил в то время писал, поинтересовался. не желает ли он сходить на вечеринку.

– Что за вечеринка?

Редактор вытащил из ящика стола конверт с приглашением и объяснил, что банк, спонсирующий их журнал, известную радиостанцию и пару ежедневных газет, а также, по слухам, давший денег на избирательную кампанию нынешнего главы города, представляет новую региональную программу.

– Должно быть весело. Сам бы пошел, но... Верстка к концу подходит. Не успеваю.

Даниил взял конверт и вечером, надев чистую рубашку, отправился искать указанную в приглашении резиденцию на Каменном острове.

Настроение испортилось сразу, как он вошел. Захотелось обернуться, разглядеть камеру и понять, что да, все правильно, это кино, а в жизни так не бывает.

На крыльце громадного, похожего на торт здания лиловый негр забрал у него из рук куртку и исчез вместе с ней в глубинах необъятного гардероба.

В холле, куда проводил его безмолвный и торжественный охранник, негромко переговаривалась публика – человек сорок—пятьдесят. Кроме него, все мужчины были в худшем случае во фрачных парах.

Они были галантны и тщательно выбриты. Они пахли вкусными афтешейвами и пили дорогие аперитивы. С ними рядом стояли

их женщины в платьях, которые без пары килограммов бриллиантов вроде как неудобно и надевать.

Роскошно убранный зал, наборный паркет, тяжелые шторы... В таком месте хотелось разогнуть согбенную спину, закурить сигару и, может быть, даже обратиться к кому-нибудь «сэр».

(кретин он, этот редактор. мог бы и предупредить)

Программа вечера вполне соответствовала интерьеру. Сперва перед публикой выступил директор банка. Он вкратце рассказал, как именно вверенное ему учреждение собирается облагодетельствовать наш город. Улыбался он так старательно, будто у него свело сразу все мышцы лица.

Потом гостям предложили шампанское и закуски. И того и другого было столько, что не очень большой африканской стране хватило бы на пару лет безбедной жизни.

Под конец было объявлено, что перед собравшимися выступит камерный оркестрик. В углу зала появилось несколько типов с виолончелями и клавесином.

Самый главный и самый лысый из типов вышел на край невысокой сцены и объяснил, что его музыканты рады возможности представить свое творчество на суд столь изысканной публики. Лысому поаплодировали.

Он добавил, что традиции дворцового музицирования возрождаются именно благодаря тем, кто собрался сегодня в этом зале. Ему еще раз поаплодировали. Немного пожиже.

Он не успокоился и рассказал, что сегодняшнюю программу его музыканты разучивали почти полгода. Специально, чтобы порадовать сегодняшних приглашенных. На этот раз аплодисменты звучали так, будто у зрителей болели ладони.

Лысый наконец слез со сцены, и типы в концертных фраках затренькали-запиликали что-то, на вульгарный вкус Даниила, невыносимо занудное. Впрочем, присутствующим нравилось. Они оставили недопитые фужеры и потянулись поближе к сцене.

«Пижоны», — зло подумал он и вышел на небольшой, не больше футбольного поля, балкон.

Там он увидел Полину.

В зале скрипели на виолончелях музыканты и дородные мужчины вели неспешные, преисполненные глубинного смысла разговоры, а на балконе рядом с ним стояла девушка, лучше которой он никогда в жизни не встречал.

Некоторое время они молчали и просто курили. Скосив глаза в ее сторону, Даниил начал издали:

— Как вам вечеринка?

— Тоска смертная.

— Да? Мне казалось, таким девушкам, как вы, должно нравиться.

— А какая я девушка?

Голос у нее оказался спокойный, уверенный... с этакой волнующей сексапильной хрипотцой. Она повернулась к нему, выкинула в темноту докуренную сигарету и достала из пачки новую.

— Я имел в виду...

.. — Да ладно, я пошутила. Вы работаете на городское правительство?

— Нет. Я журналист.

— Как интересно! И для кого вы пишете?

Шея у нее была длинная, зовущая к поцелуям и прочим легкомысленностям. Красивая, в общем, шея.

— Я — то, что называется freelance. Вольное копые. Пишу для тех, кто больше платит.

— О чем?

— О жутких преступлениях, громких скандалах, кровожадных злодеях и бесстрашных героях, которые им противостоят. Обо всем, за что сегодня платит читающая публика.

— Наверное, у вас очень интересная жизнь.

— На самом деле нет. На самом деле моя работа — это нудное, рутинное занятие. Без малейшего намека на романтику.

По опыту он знал: после этой фразы девушки окончательно убеждались, что перед ними — профессионал журналистского расследования. Из тех, кто ради пары абзацев в материале способен ночь напролет лежать под дождем на скользкой крыше, сжимая в немеющих руках микрофон направленного действия.

— А где работаете вы?

— Я работаю с Юрием Анатольевичем.

— Юрием... Как вы сказали? Кто это — Юрий Анатольевич?

Она еще раз засмеялась. Он еще раз поразился, какая роскошная у нее шея.

— Юрий Анатольевич — это глава банка, который устраивает сегодняшнюю party.

— Ах, вот оно что!

Они помолчали.

— Может, шампанского выпьем? — решил наконец Даниил, а она усмехнулась, взяла его под руку и сказала: «Давно бы так».

В тот вечер он был в ударе. Он обрушил на нее все накопленные за долгие годы журналистские байки... играючи называл по именам

знаменитостей... с которыми, разумеется, на дружеской ноге... он намекнул, что работа у него опасная и редко обходится без риска для жизни.

Откуда что бралось? Уже через полчаса он шептал, касаясь губами ее золотых волос, а когда вечеринка была закончена и он, получив в гардеробе свою куртку, лишь с третьего раза попал в рукав, остановить его не могло ничто на свете.

Она доверчиво протянула ему руку, и они полезли сквозь какие-то кусты, ветки царапали ему лицо, и один раз он, поскользнувшись, даже упал, а потом ее ноги белели на фоне черной травы, а когда кто-то, матерясь и чертыхаясь, прошел совсем неподалеку за кустами, они замерли, кожей прижавшись друг к другу, и перед глазами все плыло, но ему было плевать, и она смеясь делала с ним все что хотела, а где-то совсем неподалеку в темноте шумела крохотная речка... потом она на своей машине подбросила его до дома.

Утром он лежал в кровати, тер ноющие виски и прикидывал, следует ли в таком состоянии садиться за компьютер.

(интересно, давал я ей вчера свой телефон? и если давал, то запомнила ли она его? или, наоборот, это она давала мне свой телефон, а я, дурак, спяну забыл?)

Это был нелучший момент для рефлексий. Московский глянце-вый журнал, из тех, работать с которыми мечтала половина журналистов города, заказал ему материал. Сдавать материал следовало очень быстро. Лучше всего — сегодня.

Денег москвичи платили столько, что... в общем, если бы я вам сказал, вы бы не поверили. Он понимал: следует встать, по-быстро-му привести себя в порядок и садиться писать.

(нет, если бы она давала мне свой телефон, я бы не забыл... скорее я бы забыл собственную фамилию)

Первым ощущением наступавшего утра было довольство собой... чувство полноты бытия. Он включил радио, натянул джинсы, закурил и усмехнулся. А чё?

Ближе к обеду он вылез из дому, доковылял до ближайшего кафе *(или все-таки она давала мне чертов телефон?)*

и заказал острое, горячее мясо. В кафе играло радио «Русский шансон». Даниил терпеть его не мог.

К мясу он заказал кружку пива... единственную кружку пива... потом еще одну-единственную кружку

(А ВДРУГ ОНА ЗАМУЖЕМ?!)...

Вернее, не совсем одну.

Спустя трое суток он, так и не написав для московского журнала ни строчки, сидел в том же кафе, слушал тот же «Шансон», пил водку и думал о ней. О ямочке у нее на щеке... о том, как, шурясь, она кусает нижнюю губу... по спине пробегали когтистые зверьки... от курения уже тошнило, но рука все равно тянулась к новой сигарете.

В тот вечер ему пришла в голову простая мысль: именно это и называют любовью. Ни о какой романтике речи не шло. Ощущение было очень физиологическим. Он встал, вышел на улицу и отправился ее искать.

Как уж он раскопал ее адрес — разговор долгий. Журналист в таком городе, как Петербург, может многое. Возможности он использовал на все сто.

Почти совсем ночью он стоял перед ее дверью. Розы, купленные на Торжковском рынке, кололи ладонь. Он стоял и не мог нажать кнопку звонка. Он представлял, как заглянет в ее глаза и скажет... скажет еще вчера придуманную фразу... а она, помедлив минуту, бросится ему на шею.

— Это ты? С ума сошел? Ты знаешь, сколько времени?

Она не ждала его. Она собиралась ложиться спать... практически уже легла... завтра на работу. Он все равно отдал ей розы (красивые. спасибо)

и начал говорить заготовленную фразу. Получалось не очень.

Она слушала долго и внимательно. Потом сказала:

— Что за манера являться к девушке пьяным?

— Да я... как сказать?... Я и выпил-то...

— Ладно. Не оправдывайся. Проходи. Только не долго, о'кей?

Он прошел. Квартира была большая. На кресле валялось ее платье — не то, что в прошлый раз... еще лучше. Он сел на диван, она села рядом, а он протянул руку к ее груди... грудь тоже была большая... и она... ну, в общем, вы понимаете.

Начиная с того мгновения и на протяжении следующих трех лет он относился к ней как диабетик относится к уровню инсулина в крови: хочешь жить, умей поддерживать на нужном уровне.

В начале ноября она купила ему зубную щетку и выдала ключ от входной двери. В тот вечер они купили красного вина, он пожарил мяса, а вечером они гуляли по набережной и она впервые сказала, что он, возможно, лучший любовник из всех, кто у нее был.

— Правда, что ли?

— Я сказала, «возможно»!

От восторга он вынес ее на середину проезжей части и, держа на руках, долго целовал. Проезжающие машины бибикали и мигали фарами. Это был салют в их честь... салют в ее честь.

Так они и прожили почти три года. Время от времени ходили на концерты модных групп и выставки его знакомых художников. На годовщину знакомства он дарил ей огромные охапки роз, а она говорила, что лучше бы он купил себе нормальную рубашку, а то выглядишь как гарлемский драгдилер, в приличную компанию взять тебя стыдно.

Полина говорила, что хочет, чтобы дома был битком набитый холодильник, дорогая собака и он, Сорокин. Смеясь, она перечисляла именно в таком порядке. Детей она не любила и сама рожать не собиралась. А вот собак любила. Чем дороже порода, тем сильнее любила.

Когда он получил гонорар за первый тираж своей книги, они сходили в магазин на Лиговке и купили громадную и дорогую итальянскую тахту. Старая под ними скрипела. Даниил всегда по этому поводу комплексовал.

Потом издательство выплатило ему гонорар за переиздание, и они уехали в круиз. А потом...

Она спрашивала, когда же Майор заплатит ему деньги, которые обещал... и они уедут покупать бунгало на засаженном пальмами берегу, а он, чувствуя, что от него больше ничего не зависит, мычал в ответ... и не мог поверить, что эта история, в которую его засосало, как кролика, решившего поцеловаться со слоном... что эта история может когда-нибудь кончиться.

Но она кончилась. Это произошло быстрее чем он мог представить.

26 сентября. Раннее утро

- Мерзкий городишко.
- Ага, мерзкий.
- Взорвать бы тут все к едрене-фене.
- Допивай, взрывало, пойдем покурим.

Даниил с Артемом сидели в кафе на Ленинградском вокзале в Москве. За столиком напротив сидел мужчина. На первой полосе газеты, которую он читал, крупными буквами был набран заголовок: «Невыносимая мерзость бытия».

Перед мужчиной стояла тарелка чего-то отвратительного в буром соусе. Часы показывали без двадцати восемь утра.

Вчера Густав сказал, что они двое понадобятся ему здесь, вручил билеты на поезд и подробно рассказал, где они встречаются днем.

Сам он то ли поехал на машине, то ли полетел на самолете, а может, самотелепартировался прямо с Невского на Тверскую. Главное, что, как обычно, он ехал сам по себе.

А они — сами по себе. Так что в поезде они быстро перешли с пива на джин-тоник (ничего другого не было)... а ближе к трем ночи — на крепленое вино (купили у старушек на станции «Тверь»).

Поезд прибыл меньше получаса назад. Выйдя на перрон, они уперлись в парочку сонных и злых милиционеров. Те оценили их опухшие физиономии и подрагивающие конечности, грамотно приперли к стене и поинтересовались на предмет документов.

— Что такое-то? Мы только что с поезда...

Оружия с собой у них не было. Артем решил, что может подскутировать. Милиционеры считали иначе. Подняв тяжелый взгляд, тот, что был постарше званием, почти не разлепляя губ, сообщил Артему, что если он не заткнет пасть, то ближайšie трое суток проведет в отделении.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы мент человека от бандитов защитил, а? Наплодили мы их, Писатель, на свою голову. Ведь на наши же налоги, козлы, хлеб с маслом трескают. И что, гады, делают?

— Ты действительно когда-нибудь в жизни платил налоги?

Артем помолчал, глядя на свои здоровенные, похожие на сырых крабов руки, и залпом влил в себя остатки теплого пива.

— Пошли курить?

— Пошли.

Со ступеней вокзала утренняя Москва смотрелась симпатично. Сталинские скайскрепперы. Не отключенная еще с ночи неоновая реклама. Ажурные завитки на теремках соседних вокзалов.

Они перешли привокзальную площадь, рухнули в пластиковые стулья открытого кафе и заказали еще по пиву. На вывеске кафе значилось название неизвестного Даниилу напитка: «Пиво-Пепси».

«Только поищи, брат, похолоднее», — сказал кавказцу, хозяину кафе, Артем. «Холодного нет», — буркнул хозяин и выставил на прилавок все ту же «Балтику» с косо наклеенной грязной этикеткой. У хозяина были черные, зачесанные на лысину волосы и золотой передний зуб.

— Почему у них, в Москве, тоже пьют одну «Балтику»? Своих сортов нет? Нам, может, в тюрьму через четыре дня ехать, а мы, блядь, пива нормального попить не можем...

Даниилу отдающая ацетоном «Балтика» тоже не нравилась. Еще он думал о том, что теперь у него каждое утро здорово дрожат руки. Интересно, раньше они тоже дрожали?

— Лето кончилось, а я и не помню, каким оно было. Что ни вечер — обязательно напьюсь. А раньше я на юг ездил — загорал. Меня девушки любили.

— Сейчас не любят?

— Да кому я такой нужен?

— А Лоре?

— Ну, может быть, Лоре.

Лора и Гребень остались в Петербурге. Густав сказал, что для дела ему нужны только два человека. Артем сделал большой глоток — он вообще очень быстро пил и ел, — почесал заросший подбородок и вытащил из пачки новую сигарету.

Вокруг кафе ветром носило обрывки газет и пустые банки из-под колы. Среди мусора бродили покрытые наростами грязи дети-попрошайки, безумные седые старухи и бомжи.

Некоторые подходили, спрашивали, не могут ли ребята дать им денег? Артем отвечал, что может дать бутылку из-под пива. Еще может дать в рыло. Денег дать не может.

В Петербурге Даниил знал одного бомжа, который работал в паре с замызганного вида подругой. Они сидели неподалеку от Сенной площади и держали перед собой табличку: «Помогите собрать денег на свадьбу. Мы очень любим друг друга».

Народ удивлялся, бросал в их кепку купюры, и жила парочка неплохо. Правда, пожениться так и не собралась.

— Куда пойдем?

— Не знаю. Рано еще.

Даниил приложился к бутылке и опять почувствовал, что, как обычно, с утра у него болит зуб. Вернее не болит, а ноет. Как налитый прыщ внутри рта. Он задирает верхнюю губу и вдыхал холодный воздух. Зуб ныл немножко меньше.

Возможно, что по вечерам зуб тоже ныл, да только вечерами Даниил был постоянно пьян и на зуб не обращал внимания.

Артем рассматривал вывески на ларьках.

— Смешное слово «горячая выпечка».

— Чего в нем смешного?

- На «белая горячка» похоже. Есть хочу.
- Та же фигня.
- Может, чипсов купим?
- Чипсов? Может, лучше мяса купим?
- Где ж мы его купим? Восьми утра еще нет.

Когда-то давно, в прошлой... или даже позапрошлой жизни, Даниил много писал для московских журналов. На гонорары, привозимые из столицы, он мог если не жить так, как хотел, то хотя бы не чувствовать себя находящимся на содержании у Полины.

В те былинные, закончившиеся несколько тысячелетий назад времена он каждое утро брился, его джинсы пахли порошком «Тайд» и его никогда не останавливала на вокзалах милиция... зато всегда без лишних вопросов пропускали через линию фейсконтроля самых пижонских клубов.

Именно с тех пор он хорошо знал, где и почему в Москве можно поесть вкусно пахнущего, острого и горячего — такого, как хочется с похмелья, — мяса.

Память рисовала политые лимонным соком свиные ребрышки в блесках красного перца из «Viva Mexica»... утку с древесными грибами из китайского ресторанчика на Плющихе, которая пахла Азией... пахла так, как только и могла пахнуть реальная китайская утка... холодное розовое сациви, которое в «Куре» носастый хозяин в джигитской рубахе с теми странными штуками на карманах, куда, наверное, удобно совать патроны от собственного пулемета, принесет вам прямо на стол и которое нужно запивать терпким молодым красным вином.

Даниил вспомнил о «ти-бон-стейке» из «Капитана Сильвера», где вечерами терзают струны натянутые в черную кожу молодцы-рокабиллы в остроносых, как лыжи, сапогах, об ирландской лазанье, залитой несколькими слоями сыра, из «Долли», поедая которую ты постоянно ловишь на себе взгляды рыжих завсегдатайш, все как одна в почти прозрачных платьицах и с длинными ногами, и даже о съеденном как-то цыпленке в золотистой хрустящей корочке и обложенном по бокам маринованными дольками невыясненного происхождения, которым его угощал в «Праге» знакомый фотограф...

В Москве много мяса. Может быть, больше, чем где бы то ни было в стране. Но — Артем прав — в восемь утра вряд ли им что-нибудь в этом смысле светило.

- Слушай, а пошли в «Макдоналдс»?
- Да ты что! Это же рассадник блядского буржуинства!

-- Прекрати! Не на митинге. Съедем по бигмаку... картошки французской купим...

— По бигмаку? Ну пойдем...

Московское метро производило впечатление следующего утра после окончания строительства Вавилонской башни. Они доехали до Тверской. Тяжело дыша

(*ебаные московские холмы!*),

добрели до Главпочтамта и, сидя на открытой макдональдвской террасе, стали вгрызаться в невкусные, отдающие жеваной промокашкой гамбургеры.

— Говно, а не еда. Ни хрена на мясо не похоже.

— Точно,— кивнул, двигая челюстями, Даниил.

— Может, еще пива попьем?

— Пива? Не знаю...

— По бутылочке... холодного...

Даниил над этим подумал.

— Нет. Нам скоро с Густавом встретаться.

— Ни хрена себе — «скоро»! Почти пять часов еще ждать. И потом, мы можем жвачку купить — он и не почувствует ничего.

(алкогольная зависимость делает человека хитрым. всю ночь пить... залить вином единственные брюки... проснуться опухшим, воняющим перегаром... а потом купить жвачку... и верить, что никто не догадается, что ты получил-таки свои миллилитры так необходимого алкоголя)

Не было еще и девяти утра. Народу в «Макдоналдсе» было все равно много. Седой мужчина с золотым перстнем читал газету на незнакомом Даниилу языке.

По-модному изможденные девушки возвращались из клуба и заскочили выпить колы. Пара молодых мужчин заказали себе по завтраку с бигмаком и теперь сосредоточенно жевали, посматривая на золоченые часы.

Артем откинулся на спинку стула и вытащил сигареты.

— Нет, не люблю я этот город. Терпеть не могу.

Даниил дожевывал свой гамбургер. Артем покосился в его сторону и, не дождавшись реакции, продолжал:

— Ты посмотри на этих москвичей...

Даниил послушно скосил глаза на спешащих мимо террасы москвичей.

— Идут вроде по улице. Обычные вроде люди. А на самом деле? А? Ты где-нибудь видел, чтобы столько народу — и в галстуках?

Понимаешь? Они не просто идут, они спешат. Ты понимаешь? Со-
бираются своими руками строить завтрашний день. Улыбаются.
Зуки. Еще и зубы у всех хорошие.

— Чего плохого в хороших зубах?

— Да ничего плохого. Просто у меня зубы очень плохие. В Воро-
неже, где я родился, у всех плохие зубы. Зато парни там — нормаль-
ные. Такие, что не нацепят на себя галстук и не пойдут горбатиться
на уродов из банков и правительства. А лучше свернут этим уродам
шею. Эти парни пахнут потом, а не дезиками, но это здоровый пот
здоровых людей.

— Да ты поэт...

Даниил тоже посмотрел на текущую вниз и вверх по Тверской
толпу. С того места, где они сидели, был виден кусочек до санти-
метра изукрашенного неоновыми вывесками дома на другой сторо-
не и пара павильонов с дорогим алкоголем, сигарами и полупорно-
графическими журналами.

Перед павильонами толкались дорого одетые типы, непонятно
чем в такое время здесь занимающиеся. Типам было скучно. У ти-
пов были двубортные пиджаки и аккуратные стрижки. От нечего
делать типы метко плевали в урны.

Судя по виду, типы были небезопасны для любого, кто рискнул
бы сунуть длинный нос в их дела. Прохожие, мужчины и женщины
в дешевых пальто и плащах, проскакивали мимо с видом людей за-
нятых и спешащих.

Поднимать глаза от земли они, на всякий случай, не рисковали.

Даниил начал было думать о том, что Москва... это действитель-
но особый город... вернее, не особый, а...

Додумать он не успел.

— Даня! Ты?!

Из толпы выплыл пухлый субъект в дорогом длинном пальто и
с портфелем из натуральной кожи под мышкой. Он махал руками
и шагал к тому месту, где они сидели.

Даниил не сразу понял, что субъект обращается именно к нему.
Потом еще несколько секунд он не мог вспомнить, кто это. Но
вспомнил-таки.

— Здравствуй, Виктор. Рад тебя видеть.

Это было наглое вранье. Даниил был абсолютно не рад его видеть.

— Ты как в Москве? Почему не позвонил?

Субъект работал в глянцево-м журнале, для которого Даниил
когда-то писал. В те времена, которые прошли навсегда, Виктор

частенько выступал для него с Полиной в роли гида и водил их в клубы, считающиеся модными на этой неделе.

За время, пока они не виделись, Виктор прибавил в весе и стал одеваться консервативнее. Одно его синее длиннополое и с большими карманами пальто чего стоило.

— Рассказывай! Как ты? Для кого пишешь? Что не звонишь?

— Не звоню? Я только что приехал. Только что с вокзала.

— Для кого пишешь?

— Я пока ни для кого не пишу.

— Что-нибудь случилось?

— Я... как сказать? Пока что я в творческом отпуске.

— Что, вообще не пишешь?

— Нет.

— Да ты что? Серьезно, не пишешь?

— Ну да. Я... В общем, не пишу, и всё.

— А чем занимаешься?

— Да так...

Виктор улыбался уже менее лучезарно. Он перевел взгляд на сизого с похмелья Артема. Из-под косухи у Артема торчала серая в разводах футболка с неприличной англоязычной надписью. Вокруг могучей шеи была повязана бандана с обтрепанными краями.

Артему было наплевать на то, что думали по поводу его внешнего вида окружающие.

— А как ты?

— Нормально! Ты знаешь, у меня все нормально! Помнишь Серегу? Он же теперь в «Дженерал фитнес» арт-директором! Ты не слышал? Что ты! Он теперь круче всех мужчин! Знал бы ты, Дая, какой у него оклад!

— Какой?

— Мы теперь с ним вроде как приятели, а помнишь... раньше?.. Чего только не было!.. а теперь собираюсь с ним в Патаяю слетать — бархатный сезон... тайки, море, кьянти с кока-колой!..

Какой Серега? Какая Патаяя? У Даниила было впечатление, что субъект говорит на очень иностранном языке.

— Мне тут англичане заказ для одного журнала подбросили. Обещают платить столько, что сдохнешь от зависти. Как Полина?

Даниил помахал рукой. В том смысле, что так как-то...

— Понятно. Слушай, мы же с тобой сто лет не виделись!

— Ага, сто лет...

Даниил протянул руку к лежащей на столе пачке сигарет и заметил, как противной, мелкой дрожью дрожат его пальцы.

Самое мерзкое, что Виктор тоже смотрел на эти пальцы с траурными ободками ногтей и тоже видел их дрожь. С похмелья под ногтями всегда появляются траурные ободки. Даже если прошлым вечером ты пил в резиновых перчатках.

Они помолчали.

— Классно, что мы с тобой встретились.

— Угу.

— У меня редакция теперь здесь неподалеку, за «Россией». Переехали в район попрестижнее. На Варварке. Знаешь, наверное?

— Знаю... Вернее, нет, не знаю.

— Это рядом с «Иокагамой». Помнишь, как Полина любила пить саке в «Иокагаме»?

(господи! за что мне это?! если ты не хочешь, чтобы я прямо здесь убил его, господи, пожалуйста, убери его от меня...)

Они помолчали.

— Когда домой?

— Не знаю. Наверное, завтра.

— Ты так и не сказал, как Полина?

— Я не знаю, как Полина...

Виктор изо всех сил поджимал пальцы ног. Смотреть он старался в сторону.

— Будешь еще в Москве, обязательно звони.

— Конечно...

— Полине привет.

Виктор зашагал вверх по Тверской. У него было чувство, будто он случайно подсмотрел что-то, что видеть ему не следовало. Например, как какает человек, с которым он только что разговаривал на возвышенные темы.

Даниил тыльной стороной ладоней потер глаза и снова взглянул на улицу. Она не изменилась.

Над Москвой висело тяжелое осеннее небо, а по улицам, сосредоточенно перебирая ногами, шли хорошо одетые и чисто вымытые люди. Шли на работу, шли с работы, шли писать статьи для англичан и покупать билеты в Патайю, где тайские красотки, бананы и къянти с кока-колой... где на берегу бирюзового океана стоит так никем и не купленное бунгало.

— Слушай, ну его на хрен, этого Густава. Ты хотел пива? Пошли поищем, где у них продается пиво...

— Пошли, — улыбнулся, обнажая плохие зубы провинциала, Артем.

В Москву они приехали, чтобы купить взрывчатку. Несколько килограммов отличной армейской взрывчатки. Поставщики обещали, что прямо со склада.

Через несколько дней им предстоит поднять эту взрывчатку на колоннаду Исаакиевского собора.

Сидя на переднем сиденье машины, Густав давал им с Артемом последние инструкции:

— Парни, к которым вы идете, — дагестанцы. Народ горячий и все в таком роде. Не расслабляйтесь — не тот случай. Постарайтесь спиной к ним не вставать и вообще страхуйте друг друга. Это понятно?

— Это понятно.

Густав глянул в зеркальце заднего вида.

— В бардачке возьмите оружие.

Артем открыл бардачок, вытащил из-под кучи газет и тряпок свой «стечкин» и «ТТ» Даниила, сунул стволом за ремень и закрыл бардачок. Даниил положил свой пистолет во внутренний карман куртки.

— Дверь на первом этаже. Та, что справа. Номера на ней нет. Звонка тоже нет. Будете стучать. Скажете, что приехали из Петербурга, они вас ждут. О цене с ними договорено, так что торг устраивать не давайте. В коридоре темно, будьте осторожны. Проверьте, чтобы не сунули какую-нибудь туфту. Надеюсь на тебя, Артем. Осмотри каждую упаковку, чтобы все было тип-топ. Окна выходят во двор, так что наблюдать за вами я не смогу. Рассчитывайте на себя.

— Да ладно, Густав. Первый раз, что ли?

— Ты меня не перебивай. Ты слушай и запоминай. Насколько я знаю, взрывчатки у этих парней немного. От силы пара ящиков. А покупателей они к себе приглашали целую кучу. Чуть не центнер обещали продать. Кого-то они собираются отпустить ни с чем. Хорошо бы, чтобы это были не мы.

Он помолчал.

Он помолчал.

— Денег я вам с собой не дам. Зайдете, выберете все что нужно. Потом один останется внутри, а второй выйдет ко мне. На всякий случай давайте договоримся: тот, кто выйдет, должен будет сказать условную фразу. Если они потребуют, чтобы вышел кто-то из них,

передайте фразу ему: мол, у нас тут вроде пароля. Пусть, например, скажет: «Дай сигарету...» Если я услышу эту фразу, то пойму, что начались неприятности. Вы запомнили?

— Мы запомнили.

Они выбрались из машины.

Кривая, очень московская улочка. Посреди тротуара — нереально огромная куча дерьма. Мертвые стволы деревьев, обшарпанные фасады домов, ни единой души вокруг. Поразившись неживому миру, люди давным-давно отсюда ушли.

Подъезд вонял мочой. Звонка действительно не было. Дверь была драная, а обивка потемнела от древности. На том месте, где во времена какой-то из вымерших цивилизаций был нижний замок, теперь была замаскированная картонкой брешь.

— Притон какой-то, а не квартира.

— Да какая это квартира? Такая же конспиративная делянка, как у нас в Питере.

Артем постучал:

— Открывайте, суки! Ревтрибунал пришел.

Прошло несколько минут. Дверь никто не открывал. Артем постучал сильнее, кулаком. В глубине квартиры послышались шаркающие шаги.

— Кто там?

— Мы из Петербурга.

За дверью повисла тишина.

— Из Петербурга?

— Да, да! Из Петербурга! За покупками.

Щелкнули замки, и дверь приоткрылась. Всего на несколько сантиметров. В щель протиснулась старушечья головка, закутанная в белый платок. Лицо у старухи было смуглое, почти черное, и сморщенное. Тот, кто лепил это лицо, в последний момент передумал и решил, скомкав, выкинуть.

В проеме был виден кусочек ее восточного цветастого платья.

— За какими покупками?

Голос у нее был под стать физиономии — старый и невнятный.

— За дорогостоящими.

Старуха помолчала. Ее азиатские глаза сантиметр за сантиметром ощупывали лестничную площадку.

— Мы беженцы. Ничего не продаем.

— Бабушка, давайте без игр. Мы долго еще будем стоять снаружи? Или вам хочется, чтобы нас кто-нибудь увидел?

Старуха еще раз осмотрела лестничную площадку и закрыла дверь. Когда дверь открылась снова, на пороге стоял огромный, метр девяносто пять, мужчина.

Стрижка почти под ноль, похожая на совковую лопату челюсть, черная щетина до самых глаз. И лицо. Похоже было, что это лицо били всем, чем можно, кроме точечных ядерных ударов.

Все в рубцах, шрамах, следах от лихих апперкотов с разворота... лицо, которому больше нечего бояться на этом свете.

Голос у горца был гортанный:

— Сколко ваз?

— Двое.

— Входите.

Непроизвольно наклонившись, чтобы не удариться головами о косяк, они вошли. С незаинтересованным видом мужчина окинул взглядом лестничную площадку и захлопнул дверь.

Коридор, как и предупреждал Густав, был неосвещен. Только из-под дверей выбивались полоски света. Вдоль стен были навалены бесформенные тюки, поверх тюков брошены грязные тряпки и аляповатые ковры.

В комнате сидели еще четверо. Бычи шеи, неласковые взгляды из-под кустистых бровей. Кулаки размером с маленькую тыкву. «Братья, наверное», — решил Даниил.

— Здравствуйте, — цыкнул он.

Артем спросил, где товар. Дагестанцы переглянулись, и один — обладатель большого костистого носа — откинул тряпку со стоявшего возле него ящика.

Даниил вытянул шею и заглянул внутрь ящика. Хорошая это была взрывчатка или то самое фуфло, о котором говорил Густав, он не имел ни малейшего понятия. Бурые брикеты с желтыми бирочками. *(похоже на хозяйственное мыло)*

Взрывчатыми веществами в их группе занимался Артем. Несколько раз Даниил заставлял его с учебником химии в руках. А один раз он несказанно удивил всех, с завязанными глазами разобрав и собрав настоящую боевую гранату.

Артем наконец оторвался от ящика и сказал, что взрывчатка вроде ничего. Даниил полез за сигаретами.

Дагестанцы среагировали моментально:

— Не кури! Нельзя курить!

— В смысле?

— Взорваться хочешь?

Даниил посмотрел на Артема.

– Точно. От этого говна испарения какие-то исходят. Щелкнул ядом зажигалкой – и всему микрорайону пиздец.

Даниил убрал сигареты в куртку.

– Что теперь?

– Давай деньги и можешь увозить.

Артем еще раз наклонился к ящику, поковырял один из брусков ногтем, попробовал, взявшись за металлическую ручку, ящик приподнять, поднялся с корточек и посмотрел на Даниила:

– Ну чего? Постоишь? Я схожу.

Даниил кивнул. Дальше все происходило быстро. Носатый уже перекрывал Артему дорогу, а еще двое выросли за спиной.

– Ты куда?

– У меня деньги в машине. Я сейчас их принесу.

– Нет.

– Ребята, вы чего? Я же говорю: я в машину. За деньгами.

– Отсюда никто не выйдет.

– погоди, ты, наверное, не понял... Мы, когда сюда шли, деньги с собой брать не стали. Оставили в машине. Чтобы тебе их отдать, я должен туда сходить.

Рука Артема медленно ползла к поясу. Самый здоровенный из братьев что-то сказал на своем языке, и последнее, что увидел Даниил, – перекошенные лица одновременно бросившихся на Артема мужчин.

Сзади Даниила ударили. Он упал.

(что происходит?.. происходит что-то не так...)

Он пытался тянуться к внутреннему карману куртки, где, тяжелый, черный и надежный лежал его пистолет... чужие пальцы уже сомкнулись вокруг его шеи, чужие руки уже шарили по его телу... а он лежал вдавленный в давно не мытый пол и не мог пошевелиться.

Кряхтенье и топтание нескольких пар ног слева над головой. Потом там кого-то громко ударили... перекинулись репликами на непонятном языке.

– Обмануть хотели, да? Думали, мы идиоты, да?

Он дышал и пытался вывернуть голову, чтобы посмотреть, что творится. Пистолет сам выпрыгнул из кармана его куртки в руки дагестанцев. Сжимавшие его горло пальцы чуть ослабили хватку.

(именно об этом говорил Густав...)

Даниилу заломили руки и, приподняв над полом, поставили на колени. Сперва он увидел, что напротив, в точно такой же позе стоит Артем. Губы у него были разбиты, окровавлены.

Потом до Даниила дошло, что в затылок ему упирается что-то жесткое... металлическое. Дуло пистолета. Может быть, его собственного пистолета.

— Где деньги?

— Русского языка не понимаете? Деньги в машине!

— Тот, кто пытается меня обмануть,— покойник. Это понятно?

— Понятно.

Даниил подумал, что точно так же, как его сейчас, дагестанцы держат за конечности своих баранов, которых точными и уверенными движениями режут на радостный праздник Курбан-Байрам. **(ОНИ ХОТЯТ НАС УБИТЬ!)**

Над ухом у Даниила шелкнул затвор. Артем смотрел поверх его головы. Ему было видно, чем занимается дагестанец.

— Знаешь, что я сейчас сделаю? Я убью твоего друга. А если ты не отдашь мне деньги, я буду тебя пытать. И ты все равно отдашь мне деньги. Понятно? Лучше отдай сейчас.

Две пары сильных рук согнули Даниила в пояснице, прижали лицом к коленям и уперли в голову пистолетное дуло. Оно упиралось в затылок, но Даниил отлично видел его... бездонное отверстие на конце ствола... черный зрачок презрительно рассматривал его беззащитный затылок.

(почему я?! почему именно я?!)

— Считаю до трех. Потом я застрелю твоего друга.

Артем молчал. Двое мужчин, державших его руки, тоже молчали. Им было все равно. Пальцы, сжимавшие затылок Даниила, были словно корни дерева... они собирались пустить ростки ему в голову.

— Раз.

Артем молчал. Его футболка почернела от пота. На щетинистой шее вздрагивал кадык. Даниил пытался вывернуть голову и посмотреть дагестанцу в лицо.

— Не надо... Артем... скажи им... Артем...

— Два.

(мне ничего не надо... вообще ничего... не надо сейчас и никогда не понадобится в будущем... только пусть он уберет от моей головы пистолет...)

— С собой денег у меня нет. Честно, нет.

— Где они?

Даниил не мог даже дышать. По глазам стекал раскаленный пот.

— Деньги у меня,— прозвучал спокойный голос. Этот голос расколол мир. Этот голос означал, что они победили.

Он стоял в дверях. В длинном, до пят, черном плаще, с развевающимися волосами и автоматом наперевес. Он пришел к ним на помощь, и в целом мире не было никого, кто мог его остановить.

Густав сделал шаг в комнату, и от этого шага содрогнулись стены. «Птыш-птыш-птыш...» — дернулся ствол его автомата, и стальные тиски, сжимающие затылок Даниила, превратились в ласковые материнские объятия.

Даниил выкатился из-под убитого дагестанца. Перед глазами мелькнул опрокинутый стул, перекошенное лицо Артема и брызги стекла, когда автоматная очередь скользнула по пустым бутылкам в углу.

Грохали тяжелые шаги... слева кто-то хрипел... сочно хрустело под ногами битое стекло. И надо всем этим парили полы черного плаща Густава... словно ангельские крылья.

Те двое, что держали Артема, смешно суетились... взмахивали руками... что-то кричали на своем гортанном языке. Последний из них даже успел выхватить огромный пистолет... он двумя руками держал пистолет перед собой... он изо всех сил пытался спастись... потом зрачки Густава скользнули по нему... на стену брызнули сгустки черной крови... дагестанец в агонии затрясся большим телом и больше не шевелился.

Густав выглянул в коридор. В коридоре было тихо.

— Взяли ящик и быстро к дверям! Без меня из квартиры не выходить! Живо! Живо!

Чтобы подняться, Даниил сперва встал на колени, затем оперся об пол руками и только потом выпрямился. Вытирая ладонями лицо, он почувствовал, что весь залит собственной, неощутимо текущей по щекам кровью... а может, не только собственной.

В воздухе плыл кислый пороховой запах. На пол медленно оседали пестрые клочки. Обрывки грязных обоев?.. Вырванные из дагестанских шелковых рубах лоскутки?..

Пошатываясь, он подошел к стене. Уперся в нее лбом и просто постоял. Потом подошел к разметавшему руки дагестанцу и, стараясь не глядеть ему в лицо, вытащил из теплой ладони свой пистолет.

Над брючным ремнем у дагестанца белела полоска толстой спины. Из заднего кармана торчал краешек почти чистого носового платка.

Ящик был невероятно тяжелым. Он весил больше, чем все вместе взятое, что случалось поднимать Даниилу. Добавьте еще килограммчик, и ящик мог бы вырвать ему руку прямо из плеча.

Не доходя до двери, они поставили ящик и, задыхаясь, упали на корточки. Светлые волосы Артема были мокрые, будто он только что из ванны.

Некоторое время они сидели и прислушивались. Потом Даниил поднялся и прошептал, что сходит глянуть, как там Густав.

Густав стоял в самой дальней от входа комнате, положив тяжелый, с сантиметровой рифленой подошвой ботинок на затылок старухи. Сморщенное лицо женщины было вжато в пол. Щека расплюснута под ботинком.

Даниил замер в дверях. Густав повернул голову, посмотрел на него и, не повышая голоса, проговорил:

— Ящик грузите в багажник. Быстро и так, чтобы вас никто не видел. Я сейчас.

Лицо у Густава было сосредоточенное. Ствол автомата с накрученным на конце глушителем был продолжением его руки.

Когда они выбрались на лестничную площадку, в глубине квартиры хлопнул еле слышный выстрел. Даниилу даже показалось, что он услышал тихий, словно выдох, женский стон.

26 сентября. Три часа спустя

Говорят, прежде чем отлететь в эмпиреи, души только что умерших некоторое время еще видят свои тела. Взлетают и грустно машут им на прощание прозрачными крылышками.

Даниил отхлебнул из стакана и покосился на лежащую на столе руку. Рука была чумазой. Еще она немного дрожала. Представить, как она трансформируется в крылышко, не получалось.

С того места, где он сидел, ему было видно отражение в кособоком, мутном зеркале за стойкой.

Небритые тридцатилетние мужики. Лбы здоровенные. Любой скажет — взрослые, жизнью помятые парни. Даниил не считал, что жизнь помяла его достаточно... он был не против еще помяться... он ведь только начал... даже не начал еще.

Иногда он боялся смерти. В остальное время не думал о ней. Утро этого дня совершенно не было похоже на ПОСЛЕДНИЙ день... как он его представлял. Что было хорошего в его жизни? Или даже нехорошего... просто БЫЛО?

Ну написал он книгу. Ну съездил покататься на белом пароходике по Средиземному морю. Впереди могло быть еще двадцать книг... двадцать пароходиков...

(двадцать Полин...)

Вместо этого, не появившись на пороге Густав, он схлопотал бы пулю в голову. Все просто: он приехал в Москву... посидел в «Макдоналдсе»... попил пива... потом его убили.

В кафешке играла незнакомая Даниилу радиостанция. Из московских, недавно появившихся. Пили они противное вино. У вина был вяжущий привкус.

— Как ты? — спросил он Артема.

Так себе реплика, но нужно же с чего-то начинать?

— Нормально. Совсем нормально.

— Знаешь, Артем... пойми меня правильно... Я...

Артем внимательно на него смотрел.

— Знаешь чего?.. У тебя не возникало желания бросить?

— В смысле?

— Ну... слиться по-тихому — и делу конец?

— Не возникало.

(глупо получилось...)

— Пойми правильно, я не о том, чтобы кого-то предать... подвести. Просто... На самом деле то, что происходит с нами в последнее время... Жуть какая-то...

Артем промолчал. Даниил попробовал сказать то же самое иначе:

— Через четыре дня будет еще хуже. Мы погибнем. Нас всех убьют, или посадят, или еще что-нибудь. Увы, недолго мое тело будет жить на земле! Это все всерьез... Это все очень всерьез.

— Да. Я знаю. Я готов.

— К чему ты готов? Ты всерьез понимаешь, что жить осталось ЧЕТЫРЕ ДНЯ? Друг мой! Какого хрена мы тогда сидим в этой полойке?

— Чего ты разорался? Ты не думай, что я выпендриваюсь. Просто я не знаю, как об этом сказать. Как ни скажу — глупости получаются. Я действительно много думал... обо всем этом. Я не передумую. А ты, если хочешь, откажись. Я поговорю с Густавом, он согласится.

(его не переубедить... это ведь не он лежал на грязном полу... и едва не писался от страха...)

— Я не об этом... Просто на самом деле я устал.

— От чего ты устал?

— Не знаю. От всего.

Они снова помолчали.

— Не понимаю я, когда вы, парни из столиц, так говорите...

— Точно. Если я родился в Петербурге, то устать не могу. Да?

— Можешь, наверное...

Они помолчали. Артем спичкой рисовал на салфетке карикатурную рожицу. Получилось довольно смешно.

— Знаешь, где я родился?

— Знаю. В Воронеже.

— Был когда-нибудь?

— В Воронеже? Зачем?

— Городишко маленький, вонючий. Часов в семь темнеет — и пиздец. Пойти некуда. И по радио только Шуфутинские и всякие блядские «А-хи». Хоть вешайся. Ты даже не представляешь, что это такое...

Он допил вино и поставил стакан на стол.

— Я первый раз алкоголь попробовал лет на шесть позже, чем знакомые. Они уже давно пили... а я отказывался. Не хотелось. Зато как попробовал... Понимаешь, у меня организм алкоголь не держит, блюю все время. Всем противно... да и мне тоже противно. Зато с утра парни подышают, а я как новенький... могу начинать снова. Ну я и начинал... Один раз два месяца подряд пил... каждый день. То есть вообще без перерыва. Я тогда все ждал, когда меня наконец посадят.

— За что?

— За что-нибудь. У нас всех — за что-нибудь. Мне казалось, что таких парней, как я, обязательно должны посадить. Да и развлекался я... так себе развлечения... У меня у друга девчонка была. Он ее любил. Я как-то зашел к ней... сказал, что Валера просил с ней поговорить... завел в подвал и изнасиловал. Несколько раз подряд.

— Зачем?

— Не знаю... Захотелось. Зуб ей выбил...

— Артем, ты сумасшедший?

— То есть девчонка мне была не нужна. Просто... мне хотелось доказать... что я на самом деле живой... Понимаешь?

— Ты сам-то это понимаешь?

— Валере этому... потом... когда он полез мне из-за нее морду бить... я так навешал, что его из реанимации только через две недели перевели. После этого я в Питер и перебрался.

— Не говори «Питер». Говори «Петербург». На худой конец «Ленинград». «Питер» — это московская кличка моего города.

— А в Воронеже у меня девчонка осталась. Олей звать. Мальчишку мне родила... Антона.

— У тебя есть сын?!

— Я его с тех пор и не видел ни разу.

Даниил подумал над тем, что сказал Артем. Потом спросил:

— Ты им хоть пишешь?

— С какой стати?

Даниил полез за сигаретами. Он знал этого парня много месяцев... как-то они вместе с ним и Лорой занимались групповым сексом... у Артема оказался вполне приличного размера член... за последнее время они выпили чуть не цистерну алкоголя...

(а теперь я действительно все это слышу?! от Артема?!)

— Я и в Питере первое время так жил... С утра до вечера пил. Много недель подряд. То есть понимаешь, да? МНОГО недель... Украл куртку у парня, у которого жил в общежитии. А потом все изменилось... Я куплю еще вина. Тебе взять?

— Да. Красного... Или лучше водки? Здесь есть водка?

Артем все равно купил вина. Оно по-прежнему было противным.

— Это было два года назад... Я просто почувствовал... Я пошел на рок-фестиваль... не собирался идти, пил перед этим, не до фестивалей было... но пошел... не помню зачем... В тот вечер пел Егор Летов. Слышал?

— Слышал.

Для петербургской ячейки «Прямого действия» Летов был иконой. Старый магнитофон, стоявший в штабе «Действия», с утра до вечера орал Летовским голосом. Даниилу Летов не нравился. Он предпочитал англоязычные аналоги.

— Я пришел на концерт... хотя до этого и не представлял, кто такой этот Летов... а он вышел на сцену, набросил на плечо ремешок гитары... как автомат в руки взял... и всё! Он еще первый аккорд не успел взять, а двадцать пять тысяч парней уже сошли с ума. Я стоял и слушал... а он говорил мне о том, о чем больше никто мне не говорил... об анархистах, которые знают Смерть... о товарище Ким Ир Сене и о Северной Корее, где тоже хорошо... о Революции... Он орал лично мне: «Вижу, поднимается с колен моя Родина!.. Вижу, приходит Она — Революция!..» И вокруг меня стояли тысячи парней в черной коже, и мы все орали: «Революция!» Он пел, а мне казалось... что Революция — это женщина... ты знаешь, что означают слова «непроизвольная эякуляция»?.. а после концерта менты начали разгонять толпу, и мы мочили их велосипедными цепями. По глазам. Потому что менты били наших парней, а мы били их. Мы сожгли их автобус, потому что нас было больше и мы были злее, а они ничего не могли с нами поделать — вообще ничего! И знаешь,

Писатель, я тогда, может, впервые в жизни понял — я не свинья. Что живу плохо не потому, что я плохой, а потому, что меня заставили так жить... потому что есть враги... те, кому выгодно, чтобы я был скотом.

Даниил много слышал о том фестивале. Он не думал, что когда-нибудь встретит человека, поверившего в революцию просто потому, что о ней спел Егор Летов.

— И я пошел искать тех, с кем плечом к плечу дрался. Я куда только не ходил, я как пьяный был. В голодовке кретинской поехал участвовать... потому что понял: если теперь я сяду в тюрьму, то не как скот, а как пацан нормальный... за дело. За то, что придет момент, и я своими руками вспорю брюхо жирной гниде. И тогда мне понадобится опыт голодовок. Зря смеешься! Я тогда все песни «Гражданской обороны» наизусть выучил... сперва записал в особую тетрадку, а потом выучил. Я готов был для парней, которые меня с собой на тусовки брали, даже за портвейном бегать и носки стирать — только бы не выгнали! Сел читать каких-то долбанных Маркузе с Гаем Дебордом...

— С Ги Дебором...

— Хуй с ними обоими... Я все равно ничего не понял в этих книжках. Но это и не важно. Самое главное, я понял: я живу неправильно. Правильно — по-другому... Ты только не смейся. У меня будто глаза открылись.

Он отхлебнул еще вина.

— Я тогда первый раз понял — тому, кто хочет, чтобы я сдох, как животное, можно дать в морду. Эта жизнь может принадлежать мне. Я смотрел телевизор и шалел от ненависти. Я знал: это — мои личные враги. Чем выше, чем богаче... чем брюхо толще — тем страшнее враг. И я знал, что придет момент, и я буду пиздить его своими руками. Душить, как суку позорную. Я знал, что придет момент, и все начнется...

— Что начнется?

— Война начнется! Мы — против них! Я тогда впервые видел парней, которым нужны не деньги, а война и свобода...

Артем вытащил из коробка спичку, поспешил ее и принялся ронсать на салфетке еще одну рожицу.

(срочно в номер! в Воронеже открыто месторождение последних романтиков XX века. методом перегонки из одного романтика получается приблизительно пара капель романтического эликсира... и два ведра портвейна)

Просто чтобы не молчать, Даниил сказал:

— Жалко, когда юношеские мечты сталкиваются с реальностью...

— Почему мечты?

— Ты считаешь, что так может быть на самом деле?

— Конечно.

— Да ладно! Неужели до сих пор так считаешь?

— До сих пор.

— Брось, Артем! Где ты видел таких парней?

— Видел. Есть такие парни.

— Ты идеализируешь. Всё проще.

Артем пьяно выпячивал челюсть и смотрел на него:

— Да?

— Да. Всё проще. Ты вот из Воронежа. Значит, провинциал. Извини, но ведь это правда? В большом городе тебе не пробиться, правильно? Гребень абориген, но ему мало Петербурга. Он хочет пробиться в Амстердаме... или Роттердаме... ну, ты понимаешь. Вот вы и начинаете красивые фразы говорить: «Нам нужна свобода!.. Без свободы никак!.. Перманентная, блядь, провокация!..» А перевернуть картинку — то же самое и останется. Перережем буржуев, сами станем буржуями. На дорогих тачках ездить станем и не Лорку на корточки сажать, а топ-моделей... э-э-э... с девятым размером бюста.

— Я не хочу быть буржуем.

— Все равно будешь. Отберешь бабки у буржуев, заберешь себе, не заметишь, как начнешь портсигарчики из крокодиловой кожи заказывать и на царских кроватях валяться.

— Ты серьезно так думаешь?

— А ты думаешь иначе?

— Конечно.

— Может, расскажешь тогда, на хрена нам всем нужна революция?

— Не придуривайся. Писатель, ты же сам об этом писал в своей книге.

— О чем «об этом»?

— О том, что революция — это не процесс, а состояние.

(мазепачка! самоуверенный и напыщенный провинциал!)

— Что-то я не помню ничего такого в своей книге.

Артем вздохнул:

— Что значит «жить хорошо»? Кто сейчас живет «хорошо»? Какие-нибудь чиновники... или банкиры, так? Плюс их дети, которым все на халяву досталось, правильно?

-- Ну правильно.

— По идее, мы должны бороться за то, чтобы все жили так, будто наш папа еще сто лет назад своровал полгосказны. Чтобы все жили так, как эти сынки, так?

-- Ну так.

— Ты никогда не думал о том, что эти папины сынки стреляются, вешаются и из окошек небоскребов выбрасываются в сто раз чаще, чем мы, простые парни?

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что эти сынки, может, самые несчастные парни на свете. Мы рождаемся, учимся ходить, выходим на улицу и видим, что, если не хотим к едрене-фене сдохнуть от голода, должны впрягаться в лямочку... и всю жизнь... с утра до вечера... как пони в зоопарке. А они? У них все есть... им не надо как пони. И чем тогда заниматься? Чем им, черт возьми, всю их долгую и сытую жизнь заниматься? Воровать больше, чем папаша? Им абсолютно нечего хотеть.

В стоявшем за барной стойкой радиоприемнике похрюкивали неразборчивые голоса. Даниил морщил лоб. Он так и не понял, что Артем имел в виду.

— погоди... А как же?.. То есть ты...

— Что ты не понял?

— Ты будешь спорить с тем, что революции происходят ради того, чтобы люди жили лучше?

— «Лучше» не значит «жирнее».

-- А что это значит? Ради чего ты, например, впрягся во все это говно?

— Не люблю я об этом разговоры разговаривать.

— Хватит ломаться!

— Я делаю то, что я делаю, ради людей.

— А вот бы нам взять, да и обойтись без красотостей, а? Ради каких людей ты это делаешь?

— Ради людей, похожих на нас. Таких, как мы. Как ты, я, Греть... Как Густав.

— Нимб не жмет?

— Смеешься? Как сказать? Я не знаю... Просто я верю, что я не один. Что есть люди, которые такие же, как я. Ради них я все это и делаю.

— Да какие, черт возьми, люди?

— Разные. Много-много незнакомых мне людей. Вечно пьяных или похмельных... плохо пахнущих, небритых, одетых в черные ко-

жанные куртки... расстроенных из-за того, что им отказала барышня. Парней, которых не пустят в приличные места и у которых постоянно проверяют документы на улице. Сегодня они раздавлены, оглушены, задыхаются и не могут понять, почему этот мир... привычный для всех, омерзителен им, словно они не отсюда? **ВООБЩЕ НЕ ОТСЮДА!**.. В нынешнем мире они не способны жить... как ребенок-инвалид, который родился без кожи... и мне, и этим парням нужен ДРУГОЙ мир... Лучше...

Он перевел дыхание и сделал большой глоток.

— Ты будешь смеяться, но я взялся за оружие не ради того, чтобы жить нормально. Не ради удовольствия или власти. Не ради мести... Я вообще не ради себя все это делаю. Я не достоин другой жизни... вообще, не обо мне речь. Я пришел сюда ради них — моих неведомых братьев. Ради тех, кому сейчас плохо, и ради тысяч тех, кто еще не родился. Пусть хоть им будет легче, чем мне... Пусть хоть к ним новый мир будет милосерднее, чем был ко мне старый...

Он допил вино и посмотрел на Даниила:

— Если хочешь, можешь надо мной посмеяться.

Но Даниил даже и не думал смеяться.

26 сентября. Вечер

Уже на подходе к «Аквариуму» их обрызгал здоровенный, как танк, автомобиль. Хромированный бампер, тонировка на стеклах, почти бесшумно работающий мотор. Он вынырнул из-за угла, окатил их грязной водой и исчез за поворотом.

Они шагали по извилистым улочкам Даниил вспоминал, куда *(fuck all the moscowians!)*

нужно свернуть дальше. Вокруг блестели рекламы. Вокруг было много ночных магазинов, и из-за двери каждого орала музыка. Тем не менее вокруг было... как бы поточнее?.. гнилостно.

Город представлялся Даниилу в виде нескольких концентрических кругов. Как Стоунхендж. Древние руины вымершего московского центра... светящиеся огоньками трупного разложения Садовое кольцо... мертворожденные ублюдки новостроек... несколько подсвеченных неонам мертвых колец.

— Далеко еще?

— Почти пришли.

Раньше Даниил любил ходить в «Аквариум». Во-первых, хоть и в центре, но с недорогим входом. Во-вторых, здесь бывало действительно весело — конкурс на самое быстрое выпивание пива или что-нибудь в таком роде. В-третьих, ему нравился местный интерьер.

Одна стена в клубе целиком состояла из аквариумов. Аквариумы с золотыми рыбками, аквариумы с черными и полосатыми рыбками, аквариумы с морскими черепашками, аквариумы с пираньями, аквариумы с тритонами, сомиками, осьминогами...

Зеленая вода, белые пузырьки воздуха. Скушав экстази, смотреть на экспозицию не рекомендуется: от восторга потеряешь сознание.

У рыб были пушистые хвосты, выпученные глаза, переливающаяся чешуя и ни малейшего понимания, зачем они здесь находятся.

Вылупившись из икры, большие рыбы начинали наколачивать понты перед маленькими. Маленькие, сбиваясь в стаи, лапами до смерти забивали больших.

Всюду жизнь.

Они завернули за самый-самый последний угол, вышли на ярко освещенную площадку и уперлись в нарядный, как новогодняя елка, «аквариумовский» вход. Из глубины доносились глухие удары басов. Над кассой горел огонек.

Еще, незаметная, как крысы на каравеллах Магеллана, неподалеку от входа жила собственной жизнью стайка малолетних попрошайек. Охрана московских клубов постоянно их гоняла. Попрошайки все равно возвращались.

— Деньги у тебя?

— У меня. Почем тут вход?

— Сейчас схожу посмотрю.

Даниил попетлял среди припаркованных машин, поговорил с кассиршей, снова попетлял, а когда вернулся к Артему, тот смотрел в сторону и покусывал верхнюю губу.

Даниил не любил, когда он покусывал губу вот так. Даниил знал, что это означает.

— Вон этот урод, который нас обрызгал.

— Ну и что?

— Он ведь урод, да?

— Прекрати. Бычит? Сунь голову под холодную воду.

— Обрызгал... и ведь даже не извинился.

— Решил развлечь публику коронным правым в челюсть? Я, конечно, попробую договориться, но, скорее всего, медаль тебе здесь не дадут.

Из остановившейся машины выбрался молодой человек. На нем были надеты дорогой пиджак, шелковая рубашка без галстука (длинный воротник рубашки лежал поверх воротника пиджака) и замшевые ботинки с пряжечками. Даниил всегда считал, что к такому стилю одежды хорошо пойдет гармошка через плечо.

Пиджак потянулся, расправляя плечи, не торопясь библикнул брелоком сигнализации и сделал шаг в сторону дверей. Тут же, не давая жертве уйти далеко, перед ним вырос мальчишка в серой куртке и с серой кожей лица.

Он профессионально заскулил:

— Дя-а-адинька! Дайте денежку-у-у! Кушать хо-чется-а-а!

— Иди отсюда, мальчик.

— Ну дя-адинька!

Пиджак скользнул равнодушным взглядом по Даниилу с Артемом и попытался, обогнув их, пройти внутрь. Артем и не подумал сдвинуться:

— Да, мальчик. Ты, пожалуй, иди. У дяди, похоже, совсем нет денег.

Пиджак удивился. Он задрал брови. Он застыл на месте. Обойти их, не наступив в лужу, он не мог, а сходить с пути подонки в кожаных куртках не собирались.

— Дяденька большой и упитанный. Одна беда — очень бедный.

— Вы позволите, я пройду?

— То есть денег мальчишке не дашь?

— С какой стати?

— Конечно! Ты уже вырос. Вон какой большой... Зачем такими же большими быть всем остальным?

— Я не собираюсь кормить голодранцев.

— А и вправду — зачем? Паре пацанов дашь на хлеб, и запросто может не хватить еще на одну машину.

Пиджак огляделся по сторонам. Перед клубом было пустынно. Пиджак посмотрел на Артема... на его заросшую рыжей щетиной челюсть... на согнувшиеся в локтях руки.

— Да на какой хлеб! Он же не на хлеб просит, а на «Момент»! Надышится и помрет...

— Приятно поговорить с гуманистом! Ты переживаешь о нем? Скажи, гуманист, сколько ты планируешь потратить за сегодняшний вечер на алкоголь?

— Вам, ребята, что-то не нравится?

— Точно. Нам очень многое не нравится.

— При чем тут я?

— Ты ни при чем. Ты как раз нравишься. У тебя фигура красивая. И глаза...

Раньше такие ситуации не то чтобы пугали Даниила... они вызывали чувство горожанина, приехавшего в деревню подышать озонном и наступившего там в кучу коровьих какашек.

Теперь ему было все равно.

Пытаясь сохранить видимость респектабельности, пиджак обвел их пустым взглядом... что-то под нос пробубнил... не торопясь развернулся и не торопясь же пошагал к своей машине. Потом хлопнул дверцей и уехал.

— Фанфары! «Интернационал»! Ту-ру-ру-ру-у-у! Наши взяли Царьград! Ты доволен?

— Мудак! Поговорил бы еще пару минут в таком тоне...

— Теперь ты наконец готов пройти внутрь?

Они заплатили за вход и прошли внутрь. Расстроенный мальчишка в серой куртке вернулся к стоящим в стороне компаньонам.

С тех пор как Даниил был здесь последний раз, «Аквариум» не изменился. Бьющий по ушам рейв... худосочные стриптизерки на сцене. Они заказали себе по сто граммов водки с тоником и наконец скинули кожаные куртки.

Через пару столиков от них пожилой плешивый дядька тискал девочку-негритянку и норовил впиться губами в ее жирно накрашенный рот. Было видно, как бегают по сторонам синие белки негритянских глаз. Девушка пыталась ухватиться за беспокойные дядькины руки.

На футболке у нее был нарисован профиль Тупака Шакура. Из рта рэпера выплывала надпись: «Если ты не знаешь, зачем тебе жить, найди хотя бы за что стоит умереть».

Стоило из освещенного холла войти в зал... вы же знаете, как это обычно бывает... все появляющееся во вспышках блэк-лайта и тут же исчезающее показалось Даниилу ненастоящим. Молодой человек с красным носом на тридцать сантиметров разводит челюсти во время зевка. Мужчина в клоунском пиджаке и с тоненькими ножками. Отвратительная толстая женщина в обтягивающем шелковом платье.

(их бы в кино снимать. почему здесь не снимают кино?)

Он еще раз посмотрел на женщину и прокричал Артему в ухо:

— Знаешь, что такое «Фэт Лузер»?

— Нет.

— Это такое средство от ожирения, видел рекламу?

— Ты же знаешь, я не смотрю телевизор.

— Неважно. Там суть в том, что не надо соблюдать диету или заниматься спортом. Съедаешь одну таблетку — и всё. Уже через две недели жир исчезает.

— Отличное средство. К чему ты это?

— Недавно я читал, что на самом деле «Фэт Лузер» — это яйца глистов. Под видом лекарств этим жирным идиотам продавали личинки глистов-гигантов. Они съедали таблетки и действительно очень быстро худели... а через полгода умирали от истощения.

— Глисты — оружие революционеров. Выпьем?

Перекрикивая музыку, Артем говорил что-то еще... до Даниила долетали только брызги. Из-под расстегнутой рубашки у Артема торчала мохнатая грудь. Он потел, много курил и заплетался языком.

Потом они допили первую порцию водки, и Артем вывалил на стол мятые купюры: «Еще по одной?» В этот момент музыка стихла, и на сцену выбралась зеленоволосая девушка с микрофоном в уголке рта.

— Здорово, что вы все пришли сегодня к нам!

Оторвавшись от коктейлей и тарелок, все посмотрели на девушку.

— Как отдыхаем? Соо-оо! Меня зовут Маша Эм-Си, а вас? У меня для вас класс-ная новость! Вы готовы?

— Готовы!

— Вы не поверите! Вам всем сегодня повезло! Вы знаете, что сегодняшняя вечеринка устроена журналом «Ти-Ви Гарден»? Поаплодируем нашему спонсору! На этой неделе наши друзья из «Ти-Ви Гардена» отмечают юбилей! Вышло ровно двести номеров журнала! Поздравим наших друзей с этим замечательным праздником!

Все поаплодировали.

— Вы спросите, какую же классную новость я для вас приготовила? А вот какую! Журнал «Ти-Ви Гарден» сегодня!.. здесь!.. в нашем клубе!.. проводит розыгрыш призов: футболок!.. кепок с символикой журнала!.. а также ручек! Вы готовы вступить в борьбу за приз?! Все, что от вас требуется, — выйти к сцене и сказать слоган для «Ти-Ви Гардена»! Выходите, говорите, и приз ваш! Давайте поблагодарим наших друзей из этого замечательного журнала за сегодняшний праздник!

Артем ушел покупать водку. Даниил откинулся на спинку стула и огляделся по сторонам. Девушка, сидевшая за соседним столом, перехватила его взгляд и повела плечиком. Даниил усмехнулся.

Девушка поерзала на стуле:

— Скучаешь?

Даниил пожал плечами.

— Может, в бильярд сыграем?

Он отрицательно покачал головой.

— Что так? Не любишь гонять шары?

Даниил кивнул.

— Может, хоть пивом угостишь?

— Нет.

— Надо же! Он, оказывается, еще и разговаривать умеет! Скажи-ка чего-нибудь веселенькое...

— Веселенькое? Динамит из Дагестана...

Она над этим подумала. С непривычки думать ей было сложно.

— То есть пива ты мне не купишь?

— То есть нет.

Девушка была хорошенькая, но какая-то... долго бывшая в употреблении. Через некоторое время она решила зайти с другого конца:

— Ты когда-нибудь видел, как писают девушки?

— Что делают?

— Ходят в туалет. Take a piss.

— Видел.

— А парни?

— Сама-то как думаешь?

— Как я думаю? Я думаю, что солнце — это вульва небес. Только мы смотрим на нее изнутри. То есть небо — это внутренняя сторона влагалища, а посередине, где солнце, — это отверстие и есть.

Даниил поморгал. Потом осторожно спросил:

— И чего?

— Да ничего. Просто, когда снаружи в эту дыру нам сюда засунут член... тут-то всему и привет... понимаешь?

Даниил отодвинул от нее свой стул. Артем вернулся от стойки с двумя новыми водками и аккуратно поставил их на стол.

— Дорого тут. Пару часов посидим, а денег потратим — сколько мой батя за полгода у себя в Воронеже не заработает.

— Ладно тебе...

— И вообще, дурацкий какой-то клуб. Пива отечественного нет... На хрена мы сюда поперлись?

Перед сценой толкались желающие получить ценный приз в виде футболки, кепки и, может быть, даже ручки. Зеленоволосая ведущая закатывала глаза, выдавала призы и, ни на секунду не умоляющая, щебетала.

— Что такое этот «Гарден»?

— Программка. Маленький журнальчик, печатающий программ телепередач на неделю.

— Бред какой-то! Надо такой конкурс придумать?.. Водка у них, кстати, тоже дурацкая. Ты любишь водку?

Даниил подумал:

— Не знаю. Наверное... Раньше я коктейли любил.

— От коктейлей башка с утра трещит.

Даниил прикурил сигарету. Это смотря что понимать под коктейлем. Если имеется в виду намешать в стакане ядерного, а с утра ошупывать пылающий череп и клясть судьбу — то да, такие коктейли он тоже не любил. А если подойти к вопросу с фантазией?

Он знал множество рецептов коктейлей. Больше других гордился рецептом напитка «Кровавый глаз». Использовать этот коктейль лучше всего в случаях, когда в компанию затешется неисправимый зануда, везде сующий длинный нос и портящий людям настроение.

Рецепт прост: если «Кровавая Мери» — это томатный сок с водкой, то «Кровавый глаз» — это томатный сок с пивом. Угощаете смесью нежелательного собутельника, и до конца вечеринки он со стопроцентной гарантией отбывает в туалет.

Если он забудет закрыть за собой дверь на защелку и вы, случайно заглянув, встретитесь с ним взглядом, то тут-то и поймете, почему у коктейля такое название...

Диджейша не унималась:

— Ну! Кто еще! Не стесняйтесь! Неужели у вас нет собственного слогана для наших друзей? Неужели вам не нужна футболка «Ти-Ви Гарден»? Кто рискнет?

— Знаешь, — сказал, выбираясь из-за стола, Артем, — я, пожалуй, схожу. Испорчу гадам праздник.

Даниил успел крикнуть Артему вдогонку, чтобы он ее не бил:

— Выгонят, а за билеты мы уже заплатили!

Артем выбрался к сцене и что-то сказал девушке.

— Wow! У нас еще один претендент! У вас вариант слогана?

— Ага.

— Поднимайтесь сюда! Мы слушаем! Говорите!

Оскорбительно улыбаясь, Артем сказал:

— Я бы предложил такой вариант: «Сегодня он читает „Ти-Ви Гарден“, а завтра Родину продаст!»

Ему было наплевать. Он стоял на сцене, молодой и пьяный. Он смотрел на девушку тем же взглядом, каким недавно разглядывал

«пиджака», не давшего попрошайке денег. Он ждал, что будет дальше, и ему было весело.

Если бы в ответ на этот плевок охрана ринулась заламывать ему руки и выводить из клуба, он бы играючи свернул нос половине местных бодигардов и все равно не перестал бы улыбаться.

Даниил вытянул шею, чтобы посмотреть, что будет дальше.

— Wow! Оригина-ально! Похлопаем нашему конкурсанту!

Ди-джейша, блеснув мелкими зубками, засмеялась и подарила Артему ручку с символикой журнала. Сидевшие за столами посетители похлопали ему. Артем слез со сцены и вернулся за стол.

— Ну что, испортил гадам праздник?

— Вот падла. Еще и ручку сунула.

Он залпом допил остававшуюся в бокале водку. Люди за соседними столиками курили, болтали и, забыв об Артеме, слушали следующего соискателя фирменной футболки.

— Бараны... тупорылые животные.

Он играл желваками и старался не смотреть по сторонам. Даниил деликатно отводил глаза. Потом Артем сказал:

— Слушай, Писатель, давай пойдем отсюда, а?

— Ну давай.

— Ничего им не надо... только жрать и срать... никому ничего не нужно...

(кому нужен ты?.. кому нужна твоя революция?.. кому мы вообще нужны?.. нужны ли мы хоть кому-нибудь в этом мире?)

Пробираясь к выходу, Даниил с жалостью глядел в спину этого большого и в общем-то симпатичного ему парня.

За девять месяцев до этого. Конец зимы

...В октябре 1974 года председатель Верховного суда ФРГ Гюнтер фон Дренкман праздновал свое 64-летие. Шампанское лилось рекой, гремела музыка, гости веселились как могли.

В разгар праздника в дверь позвонили. Счастливый новорожденный открыл дверь.

На пороге стояла красивая золотоволосая девушка с громадным букетом алых роз. Немного растерявшись, Дренкман взял цветы у нее из рук.

Тогда на пороге появилась вторая девушка — на этот раз брюнетка — и в упор расстреляла судью из автомата.

Эту акцию провели террористы из легендарной организации «РАФ» — «Ячейка Красной Армии».

«Красноармейцы» много лет безнаказанно терроризировали Германию. Дотла сжигали супермаркеты, из гранатометов обстреливали правительственные здания, в гриме и париках врываются в тюрьмы и освобождая товарищей.

В рядах «РАФа» состояли не только бывшие «Ангелы ада», но и правнучка Гегеля, несколько высокооплачиваемых юристов и модных журналистов. О том, что свои акции вся эта публика планирует и проводит как авангардные хэппенинги, писали все газеты Европы...

Когда гости фон Дренкмана высыпали в прихожую, именинник был уже мертв. А в поздравительной открытке, воткнутой в букет, было написано: «С днем рождения тебя, Гюнтер. И помни — „РАФ“ никогда не прощает своих врагов...»

Той весной, когда Даниил дописывал книгу, эти немецкие радикалы казались ему героями комиксов. Он был уверен, что никогда в жизни (в СВОЕЙ жизни) не встретит таких.

Несколько месяцев спустя он прошел предварительные проверки и стал полноправным членом Боевой группы «Прямого действия». Подвиги «рафовцев» перестали быть для него чем-то сверхъестественным.

Один раз после беседы Майор попросил Даниила задержаться еще немного и положил на стол папку с надписью «Прямое действие».

— Прочтите, Даниил Владимирович. Здесь почти все, что нам известно о ваших новых товарищах. Вам будет полезно с этим ознакомиться. Может быть, вы добавите что-то, что мы упустили. А я, если не возражаете, схожу выпью кофе.

Он вышел за дверь. Даниил открыл папку. Сухим канцелярским языком бумаги из папки — сорок страниц справок и докладных — сообщали следующее.

История «Действия» начиналась безобидно. Всего-навсего с кружка студентов, вузовских аспирантов и начинающих журналистов, в свободное время читавших модных европейских леваков и не издававшихся после революции классиков марксизма.

На собраниях кружка они обсуждали прочитанное и мечтали, как перевешают тех, кто мешает им жить. Мало ли в те годы было таких кружков?

Под скрежет «Exploited» в магнитофоне парни болтали о легализации наркотиков, устраивали вечеринки в поддержку колумбийских герильерос и почти каждый раз после собрания отправлялись выпить пивка.

Шуткой это перестало быть в тот момент, когда они решили поделиться прочитанным с массаами и взялись за издание газеты.

На редакционном компьютере одного из знакомых за пару вечеров они разработали макет газеты. Кто-то, решив, что съездить с семьей на юг ему менее интересно, чем напечатать всамделишную газету, дал денег на тираж нескольких первых номеров. Все вместе они придумали энергичное название — «Прямое действие» и написали передовицу.

Время шло. Отцы-основатели уходили делать карьеру или окунались в семейный быт... на их место приходили другие. Теперь газета выходила регулярно и печаталась в настоящей типографии.

Тираж рассылался по адресам региональных ячеек. В ответ ячейки присылали на адрес Бюро взносы и денежные пожертвования. Денег все равно не хватало. Когда под угрозой оказался выход газеты, была проведена первая в истории «Действия» экспроприация.

Ночью несколько активистов вломилась в 24-часовой магазинчик на окраине. Они приставили кассирше к горлу нож и забрали всю выручку. После этого на заседании Бюро была единогласно принята резолюция о переходе к активной террористической деятельности.

«Настал момент, когда мы должны бросить открытый вызов Системе!.. Люди должны видеть — мы не смирились!.. Мы готовы врываться в сознание масс с помощью „калашникова“ и динамитных шашек!..»

Ну и так далее.

Хорошо сказать — «переход к террору»! А против кого направить первый удар? Следует ли избегать человеческих жертв или наоборот — чем кровавее будет дебют, тем лучше? Где взять оружие?

В то время, четыре года назад, движение возглавлял персонаж, упоминавшийся в папке под псевдонимом Борода. Именно он взялся устроить первый в истории «Действия» теракт.

Несколько месяцев Борода объезжал региональные ячейки движения. Он искал двух-трех

(лучше больше, но хотя бы двух-трех)

решительных парней, способных не только болтать за кружкой пива.

В Москве двое студентов заявили, что согласны заложить взрывное устройство под ближайший к столице газопровод. На то, чтобы по армейскому учебнику выпарить полкило нитроглицерина и соорудить из него способную взорваться мину, ушло две недели.

После этого один из студентов на пригородной электричке съездил к газопроводу. Второй обзвонил несколько газет и телекомпаний и сообщил, что ответственность за взрыв «Прямое действие» берет на себя.

Устройство обнаружили за двадцать минут до того, как оно должно было сработать. Ни одной публикации в прессе так и не появилось. Но начало было положено.

Бюро торжествовало.

Следующую неделю все в «Действии» только и говорили о том, как славно они начали... какую динамитную войну устроят в ближайшее время... а затем Борода был арестован.

Оперативники ФСБ вломились в его петербургскую квартиру. Тем же вечером в Москве были арестованы оба боевика. Без руководства Боевая группа все равно не осталась. Еще месяц спустя ее возглавил Густав.

Кто он... откуда взялся... почему решил сотрудничать с движением... этого до сих пор не знает никто.

Ходили слухи, что раньше Густав был как-то связан с армией... может быть, даже с армейской разведкой (вспоминая его черные до плеч волосы, Даниил в этом сомневался). Поговаривали, что в свое время Густав сидел (но никаких уголовных прихватов заметно в нем не было).

В Петербург на заседание Бюро он приехал всего с одним чемоданчиком. В чемоданчике лежало десять тысяч долларов и автомат, который он снял с собственноручно убитого в глуши часового.

Его кандидатура была утверждена на Бюро единогласно. Уже через пару месяцев в распоряжении Группы было несколько пистолетов, автомат, боеприпасы, пуленепробиваемые жилеты, бинокли, медикаменты, одежда, несколько париков и ксерокс, на котором Густав предполагал печатать листовки.

Он лично снял несколько квартир и лично проверял каждого кандидата в боевики. В феврале позапрошлого года группа дебютирует: в Москве профессионально, без единой зацепки для следствия, взорван целый этаж одного из военкоматов.

Скоро о его Боевой группе писали все газеты страны...

— Что скажете, Даниил Владимирович? Нашли какие-нибудь неточности?

Майор закрыл за собой дверь и сел напротив Даниила. Неразговорчивый мужчина, четко знающий, что и когда делать. Какие вопросы нужно задавать, и какие ответы он хотел бы получить.

Даниилу нравилось, что в этом здании все происходит четко и акkuratно. Здесь работали мужчины, занятые делом. Те, кто был способен приказывать и исполнять приказы.

Все — в одинаковых пиджаках, с острыми, как лезвия бритвы, стрелками на брюках. Все — части слаженного механизма. И он тоже его часть. Успокаивающее ощущение включенности в общее дело.

— Наоборот. Узнал кучу нового. Откуда это у вас?

— Антитеррористической деятельностью в стране занимаются несколько независимых структур. Два управления ФСБ. Особый отдел при МВД. Армейское антитеррористическое подразделение. Специальный комитет при президенте. У какой-то из этих структур в «Действии» тоже имеется свой человек. У какой именно — не знаю. Но, разумеется, этот факт... он должен остаться между нами.

(кто бы это мог быть?)

— Раз уж мы пустились в откровенные разговоры, я тоже хотел бы вас спросить.

— Буду рад ответить.

— Моя работа все еще нужна вам?

— Вы являетесь наиболее ценным сотрудником из всех, что у меня есть. Я дорожу нашим сотрудничеством. Готов сделать все, чтобы оно продолжалось.

Даниил опустил глаза и потянулся за сигаретами. Полгода назад он вошел в этот кабинет впервые. С тех пор многое изменилось. Сильнее всего изменился он сам.

— Тогда чего вы ждете?

— Что вы имеете в виду?

— Я работаю с вами уже больше чем полгода, так?

— Так.

— Я сообщил вам столько, что хватило бы на дюжину показательных процессов. Чего вы ждете? Вам известны имена, адреса, даты... все, что вы хотели узнать. Больше я ничего не смогу сообщить. Выше уровня, которого я достиг, мне не прыгнуть. Почему вы их не берете?

— Даниил Владимирович, наши отношения основаны на доверии... пусть так и останется. Другое дело, что по роду своей работы я не имею права рассказывать вам ВСЁ. Вы меня понимаете?

— Я вас понимаю.

— То, что вы сообщаете нам, крайне важно. На суде мы используем каждое ваше слово. Но время для суда еще не пришло. Мне еще не дан приказ начинать аресты.

— Кто должен дать этот приказ?

— Те, кто рано или поздно его дадут.

— Пока вы выжидаете, «Прямое действие» занимается очень прямыми действиями. Я рассказывал, сколько человек они убили?

— Я вас понимаю. Представляю, как вам нелегко... Я действительно не могу ничего сделать.

За окном стоял дом с мокрым фасадом, а на доме лежал снег. Все вместе было похоже на седого негра. Даниил затушил докуренную сигарету. Было еще одно — может быть, самое важное.

— Как бы поделикатнее?

— Да, Даниил Владимирович?

— Мы уже говорили с вами об этом.

— Что-то не так?

— Я имею в виду свои деньги. Мы договаривались, что вы заплатите мне сразу, как я выведу вас на Густава.

— Да, мы договаривались.

— На Густава я вас вывел.

— Даниил Владимирович, деньги будут сразу же, как только мы его возьмем.

Он пробовал настаивать. Он говорил, что сделал свое дело. Дальнейшее — их проблемы. Он даже сказал, что у него нет больше сил общаться с подонками. Он требовал, чтобы ему заплатили.

Ему не заплатили. Тогда он сказал:

— Я хочу выйти из игры.

Наверное, не следовало говорить об этом Майору. Но это была правда. Когда он услышал о бунгало на берегу впервые, он не обратил внимания на эти слова. Потом вспомнил о них... и обратился.

С тех пор как он вошел в Боевую группу... как боевики Густава при нем убили первого человека... он хотел лишь получить свои деньги... забрать Полину... уехать... скрыться... жить на берегу лазурного ласкового океана... пить кофе и ром... стучать на компьютере... забыть, что когда-то он действительно жил так, как сейчас.

...

Вечером они с Полиной отправились заниматься шопингом. Полина сказала, что ей срочно необходимы новые духи... и туфли... хорошие новые туфли... плюс неплохо бы купить белья... и позавче-

ра в «British-House» она видела такую кофточку, что он, писатель, террорист и супершпион Данила Сорокин, проглотит язык и теперь будет общаться с конспиративными сотрудниками в письменном виде.

«Возьми у своего Майора денег, ладно?» «Ладно»,— сказал Даниил и попросил Майора выписать ему три тысячи долларов. На представительские расходы и для наведения необходимых связей.

Майор выписал. По поводу таких сумм он никогда не спорил.

Вообще-то, на покупки Полина зарабатывала сама. Последнее время она зарабатывала намного больше, чем Даниил.

Каждое утро она уходила на работу в банк

(к Юрию Анатольевичу),

где у нее был кабинет с дорогой офисной мебелью и компьютер парой уровней круче того, на котором Даниил строчил свои опусы. Каждые две недели она приносила оттуда зарплату в длинном синем конверте.

Несколько раз Даниил пытался выяснить, чем она занимается на работе. Потом плюнул. Оплачивался ее труд прилично. Что не мешало ей, как девчонке, радоваться каждой сотне долларов, приносимой в дом Даниилом.

«Денег не бывает много»,— хихикала она, и Даниил чувствовал, как внутри у него все рушится от любви к этой белозубой, золото-волосой... желанной девушке.

Она во всем была такой — жадной. Она быстро ела, много и не пьянея пила, могла всю ночь танцевать и делать секс, а потом, так и не поспав, поехать на работу... для нее это было просто.

Делать секс... всю ночь подряд... он отлично помнил, как она... впрочем, что за мазохизм?

Они ходили по модным бутикам. Полина мерила все, на что падал взгляд. Даниил покупал все, что она мерила. Спустя три часа от суммы, выданной Майором, не осталось и половины.

Куплены были духи, кофточка из «British-House», туфли (точно такие же, как пара дюжин остальных ее туфель, стоявших в прихожей), ароматизированные шарики по \$2.50 за штуку, которые для благоуханности следовало класть в стопки чистого белья, и еще два пакета нужных

(ненужных)

и дорогих вещей.

Они шли по «Гостиному Двору». Даниил рассказывал Полине об утреннем разговоре.

— Почему их не арестовывают? Все же подготовил!.. Все равно тянут, уроды!

— Может, есть причины, о которых ты не знаешь?

— Например?

— Может быть, кому-то выгодно, чтобы они были на свободе.

— Прекрати! Они террористы. А мой начальник — майор спецслужбы. Если он пристроит их на нары, ему орден дадут.

— О! Смотри-ка, Пит! Это же Писатель! Здорово, Писатель!

Даниил скривился и пожал руку Султану. Тот тоже состоял в «Действии» и считался приятелем Даниила.

— Ты чего вырядился?

Даниил был одет так, как обычно одевался, выходя куда-нибудь с Полиной. На Султана были все те же армейские ботинки, все тот же палестинский платок. Рядом с ним стоял невысокий паренек.

— Знакомься, Писатель, это Володя-Пит. Позавчера Володя вернулся из зоны. Мы отжигаем. А вы?

Володя-Пит улыбнулся и протянул Даниилу руку. Ладонь у Володи была грязная. Они выбрались на галерею, чтобы выкурить по сигарете. На Садовой горели фонари. В их желтом свете, напомиравшем детство и Новый год, падали громадные снежинки.

Одетые в теплые куртки и шубы, мимо шли люди, только что купившие себе целые сумки нужных и дорогих вещей. А они стояли и слушали, как Султан, ни на секунду не останавливаясь, говорил о героине, который недавно наконец попробовал... о девушках, которых называл «гражданочками»... о том, что Хряк... сука-в-рот-име-мая... так и не отдал ему пять долларов США... а ведь клялся, что всего на два дня берет.

Прохожие недоуменно косились в их сторону. Даниил чувствовал, как превращается в камень рука, держащая его под локоть.

Потом Султан сказал:

— Здорово, что мы с тобой, Писатель, встретились...

— Да. Здорово.

— Лысого-то видишь?

(о, боги! какого лысого?)

— Нет. Не часто.

— Чего вообще у тебя нового?

— Все по-старому. Пишу иногда для глянцевого журналов. Один здесь, за углом. В самом, можно сказать, престижном районе города.

— Да?

— Скоро, может быть, в теплые края уеду. Там, где море, желтый песок и кьянти с кока-колой... Жду не дождусь.

— На какие деньги ты в теплые края собрался? Пишешь, что ли, чего-нибудь?

— Пишу.

— Книгу?

— Нет, книг я больше не пишу. Невыгодно. Переключился на модные журналы. Мне тут англичане заказ для одного журнала подбросили. Так что зашиваюсь. Обещают заплатить столько, что слохнешь от зависти.

Потом Султан начал прощаться. Даниил еще раз пожал грязноватую руку только позавчера вернувшемуся с зоны Володе.

— Сорокин, где ты находишь таких приятелей?

— Это не приятели. Это товарищи по партии.

У нее было выражение лица... то, которое он терпеть не мог... глядя в такое ее лицо, он каждый раз чувствовал себя виноватым.

— Чем они тебе не понравились?

— А чем они понравились тебе?

— Что я должен был сделать? Притвориться, что не узнаю их?

— Обрати внимание: ты встречаешь таких подонков каждый день. Тебе не кажется это странным? Как звали вчерашнего красавца?

— Сердюк.

Накануне он пригласил Полину в «Дикий пони». Сердюк попросился пойти с ними. Он тоже был товарищем по партии. В пабе Сердюк не нашел ничего лучше, как развлечь Полину светской беседой на тему «Когда я последний раз лечился от сифилиса, то, помню, был со мной такой случай...».

— Интересно, а в городе еще остались отбросы общества, с которыми ты пока не знаком?

Она остановилась у витрины с фиолетовыми манекенами и, наклонив голову, полюбовалась на желтый в красный горошек купальник.

— Зачем ты сказал им про юг? Какой юг? Когда мы уедем отсюда? Ты только обещаешь! Мне надоело ждать! Я хочу на море!

— Хочешь, я куплю тебе этот купальник? Теперь я уже точно договорюсь. Сегодня Майор сказал, что ждать осталось... ну, может, пару месяцев. Сейчас февраль... как раз к маю и уедем. Теперь уже точно. Сейчас там все равно холодно... Покупать купальник?

— Покупай.

Стоя возле кассы, он наклонился к ее шее и прошептал:

— Ты хочешь со мной уехать?

— Хочу,— сказала она и улыбнулась.

Выходя из «Гостиного Двора», он верил, что все будет именно так. Оставались мелочи: дожать Майора насчет денег и уехать.

Он еще не знал, что вместе им осталось быть меньше трех месяцев.

27 сентября. День

— За последнее время мы провели несколько акций. Если точнее, то пять различных акций. Например, на Невском проспекте мы провели сбор подписей за канонизацию нынешнего президента страны.

У докладчика были длинные сальные волосы, прыщи и очень крысиная физиономия. Он хихикал и обводил слушателей взглядом.

— Суть акции состояла в том, что на Невский вышел одетый в поповскую рясу наш активист Николай. Размахивая кадиллом, Николай агитировал прохожих подписаться за то, чтобы президента прямо при жизни причислили к лику святых. Президент столько для нас сделал! на него давно пора молиться! церковные специалисты выяснили, что он не человек, а новая инкарнация ангела Рафаила! Подписались почти две тысячи тупоголовых. Некоторые целовали Коле ручку.

...Утром Гребень предложил посетить собрание легального крыла «Прямого действия».

— Чего такого? Пойдем, Писатель, приколемся. Там, между прочим, тетки. Ты знаешь, какие там тетки? С сиськами!.. У2 слушают!.. И вообще, как бы, не стоит нам, Писатель, отрывать от партийных масс!

У легальных активистов «Действия» в городе имелась легальная штаб-квартира. Сами они называли ее «наш бункер». На самом деле речь шла об обычном подвале в центре города.

Несколько лет назад подвал удалось за недорого взять в аренду у продовольственного магазина. Потом магазин разорился. Подвал оказался полностью в распоряжении «Действия».

Теперь по четвергам здесь проходили партийные собрания. В остальные дни партийцы распивали в штаб-квартире дешевые алкогольные напитки. Если сил добраться до дому не было, оставались переночевать.

Улица, на которой располагался бункер, была тиха. Она упиралась в парк, и черные деревья смотрелись на фоне опавшей листвы как карие на нечищенных зубах.

Со времен, когда в подвале квартировал магазин, вокруг постоянно ошивались облезлые бездомные собаки. Парочка сидела и в тот момент, когда к штабу подошли Даниил с Гребнем.

Псы увидели их издалека. Поджав хвосты, они отбежали чуть в сторону. Подвыпившие партийцы пинали псов под ребра коваными армейскими ботинками. Те усвоили: не стоит мешкать на пути затянутых в черную кожу парней.

Последний раз Даниил был в штаб-квартире, когда собирал материалы для книги. С тех пор она не изменилась. Полки с кустарно переплетенными трудами Мао. В углу — магнитофон. Сейчас по причине партсобраний он был выключен.

— Еще одна акция была проведена на прошлой неделе. Несколько наших активистов обратились в городскую администрацию с заявкой на регистрацию «Общественного движения в защиту слова „хуй“». Литературный язык — это продукт идеологизированной тоталитарной власти. Человеку с детства внушают, что мат — это нечто непристойное. Целый пласт лексики загоняют в подсознание. Мы приняли решение бороться с Системой и на этом фронте. Как только народ начинает не стесняясь использовать непечатные слова в беседе с друзьями... при объяснении дороги прохожему... во время сдачи экзаменов... происходит мощная революция сознания. Люди избавляются от страха переступить через запреты. От революции слова, через революцию сознания — к революции дела!

Следующим выступал стеснительный паренек с аккуратной стрижкой и в футболке с Че Геварой. Этот рассказывал о политике движения в области отношений с массмедиа.

В нынешнем обществе, сказал он, пропаганда более тоталитарна, чем в любом «недемократическом» обществе. Когда у власти были капээсэсники, они, конечно, ввали, но — в меру. Бояться им все равно было некого.

Ложь нынешних олигархов чудовищна. Телевизор и газеты выливают на головы обывателя тонны зловонной лжи. Они не оставляют правде — НАШЕЙ правде — ни малейшей лазейки. И мы не можем позволить уродам из телевизора безнаказанно дурачить народ.

Даниил подумал, что паренек скажет что-нибудь об их послезавтрашной акции, и начал прислушиваться внимательнее. Докладчика повело в другую сторону:

— В нашем филиале движения возникла идея учредить особую структуру — «Лигу журналистов». Сокращенно «Лижу». Почетными членами этой организации становятся журналисты, отличившиеся в запудривании мозгов населению... те, кто за бабки олигархов внушает людям, что на самом деле они классно живут. Таких журналистов мы будем премировать почетным значком Лиги. На нем будет написано «Член Лижу».

Чтобы до слушателей дошло, потребовалась почти минута. Потом партийцы захихикали.

— Однако олигархи не всегда доверяют задачу пудрения мозгов журналистам. Некоторые не прочь выступить по ящику сами. Это так называемые «вершители судеб народных»: депутаты, банкиры, политологи. Таких деятелей мы предполагаем объединить в особую структуру — «Союз Судьбоносцев». Сокращенно «Сосу». Это будет что-то вроде актива нашей Лиги. Им мы будем вручать значок с надписью «Член Лижу и Сосу».

Сидевший рядом с Даниилом смутно знакомый паренек в ободранной куртке из кожзаменителя прекратил грызть ногти и попытался поплодировать. Даниил давно забыл, как звали паренька. Но помнил, что тот рассказывал, как, пытаясь закосить армию, целых двенадцать лет пролежал в психушке.

Потом Даниил сказал, что здесь жарко, и они выбрались в коридор. Сели на здесь же стоящий диванчик. Закурили.

Вокруг висели плакаты и объявления. «Заплати налоги и умри спокойно, мерзкое насекомое!», «Убей мента» (ниже мелкими буквами — «в себе»), «Сбросимся на киллера для мировой буржуазии?»

На большом листе ватмана было написано:

«Товарищи студенты! Вам не платят стипендии? Вы не получаете деньги на проезд в транспорте? В этом виноват ректор университета Владимир Константинович Щербаков, который недавно отстроил себе загородный коттедж и купил новую иностранную машину для своей дочери Светланы Щербаковой.

Позвоните ему, поинтересуйтесь, сколько все это стоило и где он взял деньги. Его домашний телефон 246-14-48. Звонить лучше с 2 до 3 ночи. Вместе победим!»

Даниил спросил у Гребня, какие планы. Чем вообще тот думает заняться?

— Чем угодно и чем угодно.

— Дай угадаю: мы напьемся, да?

— Почему напьемся? Пошли куда-нибудь музыку послушаем... пива выпьем...

— Опять?

— У тебя другие предложения?

— Да нет.

Они помолчали. В зале громко смеялись над следующим, тоже очень веселым докладом.

— Какое сегодня число?

— Двадцать седьмое.

— Через два дня?

— Через два дня.

Гребень вытащил новую сигарету.

— Страшно?

— Еще как! Можно подумать, тебе не страшно! Умничай не умничай, а, бывает, проснешься ночью... и думаешь: какого хрена?.. как бы, рано мне, молодому и красивому, умирать.

— Да-а-а...

Они снова помолчали.

— Кстати, Писатель. Давно хотел с тобой поговорить. У меня к тебе, Писатель, есть мужской разговор.

— Мужской? Ну давай.

— Ты ничего странного в Лорке в последнее время не замечал?

— Странного? Вроде нет. А что?

— Да ничего... Просто... Как сказать-то? Пока вас не было, она все время про тебя спрашивала.

— У кого?

— Что — «у кого»?

— У кого спрашивала?

— У меня, конечно, — у кого ей, кроме меня, спрашивать?

— А чего она спрашивала?

— Да вроде ничего особенного... Просто спрашивала...

— Не понимаю.

— Ну спрашивала, и всё. Когда, говорит, Писатель наш, интересно, придет? Я ей: «Завтра придет». А она снова: «Эх, мол, скорей бы Писатель приехал...»

Даниил внимательно посмотрел на Гребня:

— Издеваешься?

— Почему? Нет, не издеваюсь.

Даниил еще раз подумал и снова посмотрел на Гребня:

— Ты это, вообще, к чему?

— Я, как бы, думаю, что нравишься ты ей, Писатель.

— То есть?

— Не понимаешь?

— Не понимаю.

— Ну как объяснить? Вот раньше я ей говорил: «Давай, как бы, Лорка, делать секс! Орально!» А она мне: «Виртуально! Хитрый ты, Гребень!» В общем, по-разному у нас получалось... А последнее, как бы, время я ей иногда говорю: «Давай, Лорка, делать оральный секс!» А она говорит: «А, давай!» Понимаешь? Нет? Короче, странное с ней чего-то творится.

— Это и есть твой «мужской разговор»?

— Это, как бы, и есть мой мужской разговор.

— Что я должен ответить?

Гребень пожал плечами. Они достали еще по сигарете. Потом Даниил сказал:

— Знаешь что? Культурную программу на сегодня мы выполнили. Партийный долг тоже. Может, действительно пива? Прямо сейчас, а? Я тут на Шпалерной знаю миленький джаз-клубик. Там бы и поболтали...

— Что сегодня за программа?

— Заодно и выясним. Ты любишь свинг? Лично я терпеть не могу свинг! Но пиво там точно есть. Холодное и недорогое.

— Холодное?! Недорогое?! Ты доведешь меня до обморока!

Они с кряхтением выковырялись из дивана и зашагали по направлению к двери.

Ночь на 28 сентября

— Лора, ты боишься послезавтра?

— Нет.

— Совсем-совсем нет?

— Сейчас же не послезавтра.

Они лежали рядом под одеялом, и он был здорово пьян... в затылке все кружилось... а она лежала слишком близко, и там, где соприкасались их ноги, ему было жарко... но сказать, чтобы она отодвинулась, было неудобно... он злился все сильнее, а в затылке кружилось... да еще она положила голову ему на грудь... голова была тяжелая как гири.

— Я такая пьяная.

— Seriously?

— Протяни руку, дай сигареты.

Он протянул руку и дал ей сигареты. Выключать радио на ночь они не стали. В динамиках надрывался психопат Marilyn Manson. Из-за занавесок выглядывала большая и плоская морда луны.

Она щелкнула зажигалкой, огонек лизнул лицо, шею и голую грудь. Грудь у Лоры была некрасивая, маленькая, Даниил такие не любил.

В темноте огонек ее сигареты был похож на странное насекомое. Она докурила, встала с постели и прошлепала к окну выкинуть сигарету. На фоне окна Лора смотрелась тоненькой... похожей на молодое дерево.

Она прыгнула обратно под одеяло и опять прижалась к нему:

— Как холодно! Тебе холодно?

— Мне жарко.

— Хочешь, я отодвинусь?

— Да нет, лежи.

— Seriously, если тебе жарко, я отодвинусь.

— Лежи.

Она поворочалась, устраиваясь удобнее, и снова положила голову ему на грудь.

— К чему ты спросил про послезавтра? Боишься?

— Боюсь.

— Зря. Не бойся. Не думай об этом. Я тоже боюсь. Все боятся, не ты один.

Даниил закрыл глаза. Под веками тут же завертелось, пришлось уплыть вбок... глаза пришлось открыть.

...

Вечером они с Лорой сидели в «Бодрой Корове». Свободных мест было мало. Сидеть пришлось в проходе.

Артем с Гребнем задерживались. Мимо столика постоянно ходили. Один раз Даниила задела сумкой по голове.

Лора сняла куртку и откинулась на стуле. Под курткой у нее была полупрозрачная футболка, а лифчик она не носила принципиально.

У нее была длинная шея, татуировка в виде зеленой ящерицы на плече и длинные, не уместающиеся под столом ноги. Мужчины в баре повернули головы в ее сторону и сглотнули.

Даниил чувствовал себя... так, как давно не чувствовал... он забыл, что может так себя чувствовать. Он острил, много и не пьянея

пыл, держал сигарету, по-гангстерски зажав ее в пальцах, и пускал красивые кольца.

К пятой кружке пива (второй бутылке вина... двумстам пятидесяти граммам водки) душа лбом ударяется о бесчувственность этого мира... самого бесчувственного из миров... и тогда душе нужна поддержка... ей хочется опереться о теплое живое человека. Если в процессе поучаствует и тело, душа обычно не возражает.

Лора была очень красивой... с каждым глотком она становилась еще красивее. Какая разница, если она — девушка Густава? Она ведь здесь. Сегодня она почти ЕГО девушка.

Потом он даже сказал Лоре:

— Хочешь, мы будем вместе?

— Вместе?

— Ты и я. А остальные — в задницу! Хочешь?

— Зачем?

— Не хочешь?

— Писатель, тебе плохо?

— А что?

— С какой стати мы должны быть вместе?

— Я тебе... э-э-э... не нравлюсь?

— В каком смысле?.. Писатель, о чем мы говорим?

Она засмеялась. Он посмотрел на свою сигарету... очень по-гангстерски зажатую между пальцами... и далеко отшвырнул ее от себя. Почти сразу после этого к их столику подошел тот тип.

Здоровенный, вдрабадан пьяный, бессмысленно водящий по сторонам глазами. Именно такие типы обычно сидят в вонючих окраинных заведениях с названиями вроде «Бодрая Корова». Он навис над их столиком и принялся рассматривать Лору.

Даниил знал сценарий на пару ходов вперед. Если приятели сейчас не уташат общительного собутыльника в сторону, он просто рубанет ему промеж рогов, и тут же появится охрана.

В таких местах всегда есть охрана. Пьяная, ленивая, редко выходящая из подсобных помещений, но есть.

Берясь рукой за кружку, он дал типу последний шанс:

— Проблемы?

— Сзади еще двое.

Точно — двое. Утаскивать собутыльника в сторону они не собирались.

— Чего ты с ним разговариваешь? Бери бабу, и пошли!

— Ты спрашиваешь, нет ли у меня проблем? У меня проблем нет, а у тебя?

«Лучше сидеть в тюрьме, чем лежать в гробу», — повторял им Густав. В случае если дело дойдет до драки, он советовал не сомневаться в выборе средств. Ударить молотком в висок... ткнуть карандашом в глаз... разбить стекло и полоснуть осколком по лицу...

(убить вы его не убьете. чтобы убить здорового парня голыми руками, нужна выучка)

— О! Жирный! Ты видел? — удивился, входя в кафе, Гребень. — Стоило на минутку опоздать! Наша Лорка пользуется спросом у пролетариата. Это хорошо. Пролетариат нам, как бы, классово близок. Правда?

Артем расправил необъятные плечи... улыбнулся. Он никогда не отказывался от хорошенько подрасться.

Тип, нависший над столом, поднял глаза и посмотрел на парней. Голос его был пропитан угрозой, как ром-баба сиропом:

— Что-то забыли?

— Жирный, ты как думаешь, мы чего-нибудь забыли?

— Ага! В пиздюлятор кой-кому накачать! Мужик, ты не против?

Прятели типа так и не успели выбраться из-за стола. Когда на голову одному из них опустилась тяжелая

(их делают такими тяжелыми специально, да?)

пивная кружка, упал он не на пол, а прямо на стол... лицом в очки рыбы, которую только что грыз.

Выходя из зала, Лора успела наступить одному из них тяжелой подошвой на лицо. Если хозяева и стали вызывать милицию, то забирать, кроме троих залитых кровью потерпевших, было некого.

Какое-то время они пили пиво возле станции метро. Парни предлагали вместе поехать в только им известный модный дансинг на Лиговке. Они отказались и решили вдвоем пойти в заведение неподалеку.

Было слышно, как скрипят, шатаясь под осенним ветром, ржавые уличные фонари. Лора была обута в ботинки на толстой подошве. Не глядя под ноги, она шагала прямо по лужам.

Припозднившиеся граждане жались к освещенным участкам дороги. Иногда мимо проезжали патрульные машины. Даниил видел, как, расплющивая нос о стекло, милиционеры разглядывали их с Лорой. Лишний раз останавливаться и вылезать из машины милиционерам было лень.

Дойдя до заведения, они заказали по пиву. Даниил трогал набухшую разбитую губу и большими глотками пил из кружки. После адреналиновой инъекции руки дрожали.

Он молчал. Разговаривать о том, что вот, мол, если бы... да, эх, жалко парни подошли, а то бы я... и вообще, мало мы им... было глупо, а чего еще говорить, он не знал.

— Ненавижу! — наконец сказала Лора.

— Кого?

— Как кого? Их...

Даниил подумал:

— Парней, которые машут кулаками в пивнушках?

— Мужиков, воняющих как бесплатный туалет!

— Что они тебе сделали?

— Они козлы! Вот что они сделали!

— За это и выпьем!

— Ты даже не представляешь, что такое мужики!

— Как это я не представляю, что такое мужики?

— Ты пришел, пожрал, сделал секс и спать лег. Никогда не пробовал представить, что чувствует женщина, когда все, что ее окружает, замешано на «делать секс»?

Даниил промолчал.

— Ужасно — бояться надеть платье, которое тебе нравится, потому что ты выйдешь на улицу и тебя начнут трогать. Потными руками... Ты выходишь из дому, и мудень, который душ принимал еще в прошлой жизни, тут же начинает тебя трогать!

Даниил вздохнул. Подобных разговоров он не любил.

— Странная у них в баре музыка играет.

— Когда Густав рассказывает об этих штука... об освобождении... о том, что человек не должен использовать другого человека... Ты понимаешь... я не о fucking пролетариате и буржуазии думаю. Я о девчонках думаю.

— О красивых? Давай думать о них вместе?

— Я читала, что у нас в стране половина женщин — фригидны.

Знаешь почему?

— Ты веришь газетам?

— Потому, что мужики — козлы. И мир, который они построили, — козлячий мир. Хочешь сидеть дома — делай секс с кретином мужем. Хочешь делать карьеру — с кретином начальником. Знаешь девиц из высотных зданий? Они оформлены секретаршами и офис-менеджерами. А нужны, чтобы, когда босс... с брюхом, как

бочка... решит отжигать, ему не нужно было покупать проституцию на улице. Эта девица приносит родителям зарплату... а те радуются, что дочурка нашла себе хорошую работу...

— Мы тоже козлы?

— Чего с вас взять? Вас всех убьют через два дня. А эти останутся. Вы хоть после этого благодетелей из себя не строите.

— А как же любовь?

— Любовь?

— Ну да. Читала «Ромео и Джульетту»? Есть такая книжка.

— Последний раз я произносила это слово в девятнадцать лет.

Два года назад.

— А потом?

— Потом перестала произносить. Потом все поняла.

— В смысле — нет никакой любви?

— Типа того. То есть любовь — это, конечно... как сказать?.. это важно. Иногда мне жалко, что все так устроено. Что эти скоты сделали так, что сегодня уже нету никакой любви. Только — «делать секс». Причем лучше оральный... чтобы не напрягаться.

Даниил допил пиво. Подумал, стоит ли покупать следующее?

Потом спросил:

— Хочешь вина?

— С чего бы это?

— Тебе не кажется, что именно сейчас имеет смысл купить бутылку молодого красного вина? Терпкого на вкус? Очень бы, знаешь, под разговорчик о любви хорошо пошло вино.

— Не знаю. Ну хорошо. Давай выпьем вина.

Он заставил барменшу выставить на прилавок все вина, какие у нее были, и долго читал надписи на этикетках.

— «Хванчкара». Урожая прошлого года.

— Стоило столько времени умничать, чтобы купить такое говно.

Он налил себе полный стакан, выпил и налил еще один. Все как-то так совпало... Он все-таки стал рассказывать ей о Полине. Хотя и не собирался.

Он выдавливал гнойник, а в этом деле спешить нельзя. Так что «Хванчкару» пришлось покупать еще несколько раз. Он рассказывал ей о всемирном заговоре, который ему удалось раскрыть. О том, что раньше у него все было нормально. Как у всех. Нормальная работа. Нормальные приятели. Его любили девушки... самая важная девушка. А потом мир, брызгаясь, захохотал ему в лицо. И оказалось, что не бывает на свете ничего НОРМАЛЬНОГО. Не бы-

ает «самых важных девушек». Вернее, бывают, но только в кино. **Ведь** откуда мы можем знать, как «у всех»? Не исключено, что когда наступает ночь, «все» ложатся в постели и принимаются грызть подушки... сгрызают их до дюжины за ночь.

В зеленых глазах Леры стояли большие слезы:

— Бедный...

— Ага. Практически нищий. Духом. И мое есть Царствие Небесное.

— Остришь?

— А что, смешно получилось?

— Попробуй забыть об этом.

— Ты думаешь, я чем последние несколько месяцев занимаюсь?

— Просто ты еще не знал, что для этого нужно...

— А что для этого нужно?

— Я покажу тебе, что для этого нужно.

Она притянула его к себе за кожаный лацкан. Он увидел ее губы рядом со своим лицом и услышал, как она произносит:

— На самом деле для этого нужно очень немного.

28 сентября. Первая половина дня

Если пить не долго, а **ОЧЕНЬ** долго, то никогда не знаешь, чем это кончится.

Кто-то решает поразговаривать с Богом. Кто-то слышит, как зеленые черти разговаривают с ним. У Артема все было проще. С утра он почесал щетинистый подбородок и сообщил:

— Желудок расстроился — не поверите! Дальше десяти метров от туалета отходить не рискую.

Они с Гребнем ввалились посреди ночи, поспали всего несколько часов, а потом разбудили их с Лорой:

— Одевайтесь, романтические влюбленные!

— Да! Одевайтесь! Башка трещит! Сдохну сейчас!

«Отстаньте, остолопы», — стонала еле живая Лора. Они не отставали. Они заставили их одеться и выволокли-таки из дому.

Заплетаясь ногами, они брели по пустой улице. Парни водили по сторонам незрячими глазами и хихикали. Час был ранний. Пива попить было негде.

На одном из ларьков висела очень длинная вывеска: «Пиво-Сигареты-Мясо-Водка-Сыр-Чипсы-Кока-Кола». Гребень сказал, что

если добавить сюда же «Девушки», то он попросит в ларьке политического убежища.

Артем страдал и штурмом брал заведения, в которых имелся туалет для посетителей.

Они подолгу его ждали. Лора злилась:

— Сначала реши свои проблемы, а потом буди! Какого хрена вы нас разбудили?

Потом Гребень сказал, что в центре, неподалеку от Казанского собора, есть клуб... вернее бар... он работает круглосуточно... там есть пиво, поехали, а?

В метрошной надписи «Канал Грибоедова» не хватало стартовой «К». Они поднялись по эскалатору и вышли на осенний Невский. На тротуаре лежали сухие, как мартини, листья.

Скучавший без дела уличный фотограф навел на них фотоаппарат, заулыбался и затянул:

— Простите-за-беспокойство-можно-вас-на-минуточку-давайте-сделаем-отличную-фотографию...

— О! Давайте, действительно... это самое... Вы как? Когда еще представится случай?

— Не майся дурью. Далеко до твоего бара?.. в смысле клуба?

— Недалеко. За углом. Сколько стоит групповое, как бы, фото?

— Смотря чем снимаем. Вам, наверное, на «Полароиде»? Чтобы сразу?

— Гребень! Посмотри на Артема. Нам сейчас придется мыть тротуар.

— Не хаами!

— Давайте, давайте, встаем! Нет, не так... Писатель... Лорка... Мы готовы, ты готов? Cheese!

Покривлявшись, будто ищет удачный ракурс, фотограф шелкнул камерой и выдал влажный серый квадратик.

— А где это... В смысле — где мы?

— Деревня! «Полароидом» никогда не снимался? Надо подождать. Сейчас проявится.

Они сунули фотографу деньги и, чуть не стукнувшись головами, нависли над карточкой. Силуэты на снимке проступали постепенно.

— М-да,— сказала Лора.

— Может, фотографу рожу набить?

— Знал, что плохо выгляжу. Не думал, что настолько.

В помещении Артем потрусил к двери с мужским силуэтом. Бестолково толкаясь у стойки, они долго выясняли, кто что пьет, заказывали и разбирались, кто будет платить.

Заведение было маленькое. Десяток деревянных столов, жестяные пепельницы с ажурными краями, пиво в дешевых кружках из толстого стекла. Наверное, вечерами здесь случались веселые массовые драки. Зачем было ехать в центр, чтобы усесться в этой дыре, Даниил не понимал.

Гребень закурил сигарету и сказал:

— Я тут пару недель назад домой заезжал. С сестрой разговаривал. Она мне анекдот рассказала.

— Большая сестра?

— Нет, как бы, маленькая. На одиннадцать лет меня младше.

— О! Мой любимый размерчик! Симпатичная? Познакомь!

— Значит, так. Еще раз услышу — убью. Это не шутка.

— Да ладно. Я ж так. Что с анекдотом?

— Да нет, анекдот-то, как бы, говно. Просто мне понравилось, как она его рассказывала. Было, говорит, у царя три сына: русский, немец и еврей.

Они посмеялись.

— Это еще не все. Было, говорит, у царя три сына: русский, немец и еврей. И сказал им царь: «Кто достанет для меня молодильные яблоки, тому я, как бы, отдам в жены свою дочь...»

Из туалета вернулся Артем. Он схватил кружку, присосался к ней и на стол поставил уже пустую. На секунду зажмурился:

— Не ту эмоцию назвали оргазмом!

Они тоже допили первое пиво, потом купили еще по одному и стянули кожаные куртки.

— Девчонки — это на самом деле, как бы, очень важно. Потому что все орут: «Мы! Мужчины!» А если разобраться, что такое мужчина?

— Да! Что такое мужчина?

— Мужчина — это, как бы, тот, у кого есть женщина. Если у меня такая тетка, что, когда я вхожу в клуб, все, как бы, сознание теряют, значит, я крутой. А если девушка моя, как бы, лошадь безгрудая, то и сам я — чмырь. Незачем пацанам нормальным при встрече подавать мне руку...

Артем задумался.

— А мне с девчонками не везет. Они всегда меня обманывали. А мне так хотелось... ну, понимаете... невинность потерять. Приятель-уголовники мне даже в постель теток запихивали. Все равно не получалось!

— Почему?

— Я же говорю: не везет! Бывало уже лежим... целуемся. И вдруг она начинает рассказывать, что сейчас не может... ну просто никак! Давай, говорит, завтра! Завтра все будет супер... а сегодня никак. Я каждый раз им верил. А они больше на свидания ни разу не приходили.

— Как же ты? В смысле в первый раз?

— Не скажу. Это личное.

— Сколько тебе было лет?

— Семнадцать.

— Ха! Я в семнадцать лет уже сам девушек невинности лишал!

— Многих лишил?

— Очень. Больше десяти. Лорку, например. Да, Лорка?

— Гребень, ты идиот!

— Не обижайся, Лорка. Ты же нам родимая. Как пятно.

— Ты самый идиотский идиот из всех, которые...

— Зря обижаешься.

— Я не обижаюсь. Купи сигарет. У меня кончились.

— Тебе надо, ты и купи.

— Не ссорьтесь, — вылез из-за стола Артем. — Я схожу.

Даниил пил пиво, тер руками глаза и вспоминал. Она сказала, что полюбить — это не сложно... он сказал, что не знает, что такое любовь... она сказала, что сможет любить его, если он... нет, это было еще до этого.

Shit!

Когда он учился в университете, преподавательница психологии рассказывала на лекции об интересном феномене.

Один англичанин, работавший курьером, нес важный пакет. По дороге он напился и потерял его. Причем абсолютно не помнил где. С горя он решил не ходить на работу, а снова напиться. Выпив первый же виски, он все вспомнил, забрал пакет, донес до адресата, и потом у него все было о'кей.

История запомнилась. Иногда Даниил надеялся, что, чуть-чуть выпив с утра, обязательно вспомнит то, что навсегда ушло за грань последней порции вчерашнего алкоголя.

Ничего не вспоминалось. Следующим утром он снова чего-то не помнил. Так повторялось каждый день.

От стойки вернулся Артем:

— Говно бар. Туалетной бумаги в туалете нет. Сигарет тоже нет. На хрена мы сюда пришли? Пришлось купить японские папиросы.

— Японские? Никогда не курил японских папирос.

— Наверное, такие пахитоски курили «сёкигуновцы».

— Кто курил?

— Парни из «Рэнго Сёкигун». Японские революционеры. Я тебе рассказывал.

— Ты? Мне? Не помню.

— Ты, как бы, никогда ничего не помнишь! Лет двадцать назад в Японии была организация «Рэнго Сёкигун». Переводится — «Красная армия Японии». Как-то парни угнали стратегический бомбардировщик и собирались разбомбить Пентагон. Представляешь? Только их поймали. Об этом даже наш Писатель писал. Да, Данила?

Даниил покивал. Как же, как же. Писал что-то такое.

— Пентагон взорвать... не хухры-мухры.

— Взорвать Исаакиевский собор — тоже не хухры-мухры.

— Чего хорошего — взорвать собор? Памятник архитектуры — кому он мешает? И потом... ты сначала взорви. Убьют нас всех послезавтра, и делу конец.

— Да-а. Ко-не-е-ец... Еще по пиву?

Они выпили еще по кружке, поболтали еще о японцах и о том, какие ботинки Гребень видел в «Солдате Удачи». Вообще-то он предпочитал английскую обувь. Но эти, хоть и испанские, были тоже ничего.

Народу становилось больше. За соседним столом нарисовалась парочка крашенных блондинок. Девушки внимательно читали меню.

(так бы внимательно им читать мою книгу)

Гребень страдал долгих сорок секунд. Потом забрал свое пиво и ушел к блондинкам. Не садясь, он что-то сказал им, девушки посмеялись, и Гребень отправился покупать им алкоголь.

Артем страдал:

— Умеет же, гад!

Он вытащил из японской пачки папиросу и прикурил. Пачка была зеленая с желтым. У папирос был запах тлеющего мусора.

Вернувшись за стол к блондинкам, Гребень затянул одну из своих историй. Истории у него были длинные, с множеством отступлений и очень смешные. Всего их было три.

За время, пока Даниил болтался с ним по клубам, фазы обольщения девушек он успел выучить наизусть. История. Четыре кружки пива. Лаконичный оральный секс в ближайшем подходящем месте. Желательно безлюдном... хотя необязательно. На прощание Гребень платит за такси подвыпившей возлюбленной.

Блондинки закатывали глаза под жирно покрашенные веки и интересовались, почему Гребень так странно выглядит?

— Странно?

— Ну, в смысле необычно. Вы так интересно одеты.

— Ну, как бы, что могу сказать? Это длинный разговор. Не дать ли слово коллеге? Коллега!

Гребень махнул рукой. Чуть не выронив сигарету, истосковавшийся Артем побежал на зов.

Даниил проводил его взглядом

(да-да... знакомьтесь!.. это Артем... а это... э-э-э... напомните, как вас зовут?..),

вытащил из пачки новую папиросу и поднял глаза на Лору.

— Как ты?

— О'кей. А ты? Зуб болит?

— Уже нет.

Даниил разглядывал истрепавшийся рукав куртки. Драная подкладка торчала наружу прямо из-под кожного рукава.

— Лора, знаешь... Давай...

— Что?

— Давай уйдем отсюда?

(знаешь, что самое ужасное? то, что я не могу вспомнить, о чем мы с тобой договорились, лежа в постели)

— Куда?

— Не знаю. Домой. Куда-нибудь...

Она смотрела на него. Он добавил:

— Не хочу с ними... С тобой хочу...

За соседним столом Гребень переходил от первой истории ко второй. Блондинки хихикали и прикрывали ладошками отсутствие некоторых коренных зубов.

Лора притронулась к руке, в которой Даниил держал пивную кружку.

— Хорошо. Давай уйдем. Только знаешь что? Давай я пойду первая, а потом мы встретимся. Просто чтобы вопросов не возникало.

— Давай.

— Где встретимся?

— Все равно где. Давай дома.

— Хорошо, — сказала она.

— Дождись меня.

Она пошла к выходу и, уже уходя, обернулась:

— Я дождусь... Приезжай...

Неблагодарные блондинки сбежали, не попрощавшись. Зато за столом нарисовался немец. Настоящий немецкий немец, в серой футболке и модной стрижке, неплохо говорящий по-русски.

То ли Гребень по дороге в туалет с ним разговорился, то ли он сам, заскучав, к ним подсел. Когда Даниил обратил на него внимание, немец скалил кривые передние зубы, смеялся и дергал Артема за рукав.

Артем возмутился и завалился на бок. На столе перед Артемом лежали остатки чипсов.

Они были куплены здравомыслящим, имеющим четкие жизненные убеждения мужчиной. Чипсы еще не успели кончиться, а вместо него за столом сидел представитель семейства млекопитающих, овладевший навыками питания материнским молоком и писанья под себя.

Гребень наклонялся и макал длинные волосы в кружку.

— Не люблю я ваших, американцев.

— Я не американец. Я из Германии.

— Неважно. Ты же меня понял?

— Понял.

— Не люблю я ваших... короче, западных.

— А я ваших chicks люблю.

— Кого-о-о? — ревел до краев налитый алкоголем Артем.

— А я бы хотел с американочкой... это самое...

— Ничего хорошего. Я пробовал.

— И чего?

— Тебе бы не понравилось.

— Чего-о-о?

— Эх, пришел бы ты на пару часиков пораньше, мы б тебя с Лорой познакомили! Такая девушка!

Артем, теряя связь с реальностью, переводил взгляд с одного на другого. Даниилу было неприятно слушать, как они обсуждают Лору... он хотел вмешаться, сказать, чтобы они заткнулись.

Вместо этого он поперемигивался с девушками из-за соседнего столика. Скоро к девушкам пришел кавалер, и они все вместе ушли. Потом он прикурил сигарету, а она выпала из онемевших губ и упала на пол. Пришлось прикуривать новую.

Потом в памяти образовался некоторый провал... скорее всего, не очень долгий, а потом немец ушел в туалет, и он услышал, как

Артем, склоняясь к самому уху Гребня, предлагает ткнуть немца ножом.

— Зачем?

— Деньги отнимем.

— Ты думаешь, у него много денег?

Он тоже был пьян, но не так, как Артем. Он слегка отставлял локоть, чтобы Артем на него не свалился.

Обшитые деревом стены грустно вращались вокруг макушки Даниила. Говорить не хотелось... все равно не получится.

Держась обеими руками за липкую крышку стола, он приподнялся со стула.

— Короче, это... Знаете чего?..

— Чего?

— Я пошел.

— Н-н-не понял?

— Пока,— сказал Даниил и, не оборачиваясь, порулил к выходу.

— Писатель! Ты куда? Да погоди! Сейчас вместе пойдем!

Он не обращал внимания. Сегодняшнюю ночь он должен был провести с ней. Потому что никакой другой ночи у них может и не быть, ведь правда?

...

Лора зашла в квартиру, скинула куртку и, не разуваясь, прошла в комнату. В квартире пахло остатками вчерашней еды. Она включила радио, упала в кресло, прикурила, киношным жестом далеко отбросила спичку и с минутку подумала: а не полить ли пива?

Она прошлась по квартире, забрела в дальнюю комнату, легла на кровать. Каждую ночь... а иногда и не только ночь... на этой кровати... как бы это сформулировать?.. кровать была насквозь пропитана... нет, не так... в общем, если бы эта кровать была женского пола, то в квартире было бы уже две кровати.

Сегодня в баре Гребень сказал, что был ее первым мужчиной.

Ну да... был... и чего?

Подруга, вместе с которой они учились в художественном училище, пригласила ее в гости. Остальные приглашенные считались художниками. В основном они расписывали пасхальные яйца, которые потом продавали пожилым европейским и японским туристам.

Публика была ничего, но вечеринка в целом — ужас. Один из гостей порывался сыграть на гитаре. Хозяйка многократно повторяла: «Терпеть не могу собачий вой» — и прибавляла громкости в радио.

Гребня она заметила не сразу. Большую часть времени он проводил на кухне... вроде бы что-то там нюхал... а может быть, и нет.

Почти совсем утром в квартире осталось всего несколько человек. Большинство спало. Она докуривала последнюю сигарету и понимала, что уйти нужно было еще вчера. Он сидел напротив и молчал. Потом встал, молча подошел к ней... расстегнул ремень... ладонью пригнул ее голову.

Только при следующей встрече он спросил, как ее зовут.

Несколько раз в разных компаниях они вместе пили алкоголь. Как-то он спросил, а она ответила, кивнула головой... да, она девушка... мужчин еще не было... он засмеялся и пропел: «Like a virgin!»

Нельзя сказать, что он настаивал на традиционном сексе. Просто так вышло, что она согласилась, чтобы первым был он. Вернее, не стала возражать.

После этого встал вопрос, где? Гребень позвонил приятелю, тот сказал, что проблемы никакой. Только у него гости, ничего? Лора пожала плечами. Она не совсем поняла, что он имеет в виду.

Квартира, в которую они приехали, располагалась на первом этаже. Стены в парадной были расписаны пульверизатором. Часть надписей, возможно, была выполнена на санскрите... или иврите... прочесть их было трудно.

Выделялась художественная картина: повешенный на длинной веревке Санта-Клаус сжимает в костенеющей руке мешок подарков. Над его головой читалось: «Dead Moroz».

Внутри квартиры они застали молодых людей, которые выпаривали из лекарства «Солутан» наркотическое вещество эфедрин. Гости по одному заходили в дальнюю комнату и делали себе инъекцию.

Две минуты острого, как приступ, удовольствия... потом они занимали очередь с конца и опять ждали возможности оказаться в темной комнате.

Лора не могла поверить, что все произойдет именно здесь. В комнату они зашли только спустя несколько часов. «Вы же недолго, да?» — вежливо спросил у них хозяин квартиры.

Гребень сказал, чтобы она снимала джинсы. В темноте она почти не видела его. Она боялась, что будет больно... но ей почти не было больно.

(что ты делаешь?.. я не могу так... ну, пожалуйста... погоди!!!)

Спустя две минуты:

(а вдруг я буду беременна?).

Потом он долго сидел на кухне, курил и разговаривал с молодыми людьми. Она долго ждала его, сидя на табуретке в прихожей. Не хотелось даже плакать.

В метро они успели. Это была даже не последняя электричка. После темной комнаты, темной прихожей и темной улицы она щурила глаза. Потом опустила взгляд на свои светло-голубые джинсы «Симаггон» и все-таки заплакала.

На джинсах расплзлось огромное черное пятно ее крови. Все пассажиры в вагоне видели это пятно... понимали, ОТКУДА она едет... им было лень даже смеяться над ней.

С тех пор прошло два года. Теперь она лежала на кровати и курила. Зачем врать самой себе? Она оказалась здесь случайно. Она не собиралась проводить жизнь в пивнушках и болтать о революции с парнями, одетыми как драгдилеры из gangsta-movie.

Всю жизнь находился кто-то, кто брал ее за руку и с плейбойской ухмылочкой говорил: «Пойдем, подруга, со мной». Она шла, соглашалась на то, что ей предлагали. Чем еще следовало заполнить странное богатство долгих лет жизни?

Большинство подружек успели устроиться на работу, съехать от осточертевших родителей, обзавестись мужьями, родить по ребенку. Сперва она тоже собиралась действовать по не ею разработанному плану. Ей нравилось, с ногами забравшись на диван, вязать... интересно, пальцы еще помнят, как это делается?

Потом она забыла, что ее тело умеет рожать детей... что где-то на свете есть те, кто просыпается по утрам и в электричках метро едет на работу. Просто у нее получилась немного другая жизнь.

(идиотизм! жить осталось два дня, а время уходит на то, чтобы дождаться парня, который, скорее всего, еще час назад был не в состоянии встать со стула)

Валяться ей надоело, она перевернулась со спины на живот, потом обратно, потом совсем скатилась с дивана и, не обращая внимания на то, что делает, скинула тряпки, наваленные для маскировки поверх ящика с тротилом.

Половину Густав сразу увез на другую, только ему известную квартиру. Оставшейся половине должно хватить, чтобы их группе дали попасть в телевизор и рассказать правду.

Правду о том, что люди живут неправильно... хотят не того, чего стоит хотеть... стремятся не к тому, к чему стоит стремиться. Сама она так и не поняла, как ей стоит жить. Зато собирается научить других.

Сразу после рекламы
(не-хотите-ли-купить-того-говна-которое-мы-уже-давно-не-
знаем-кому-бы-вдуть?..)

в радио затренькали на гитарах полысевшие красавцы из U2. Возможно, у себя в Дублине парни когда-то тоже выслушивали от девушек, что те терпеть не могут собачий вой.

Она прикурила новую сигарету, сняла с ящика крышку, посмотрела на одинаковые тротилловые шашечки и подумала, что нет, наверное, она все-таки знает, как ПРАВИЛЬНО. Сейчас знает...

Это значит вот так сидеть и ждать того, кто придет к ней. Неважно, что никакой любви между ними нет,— она будет. Может быть, прямо сегодня она полюбит его — ведь это несложно.

Полюбить... ждать... дождаться... как бы это поточнее?.. это настоящее. Когда он и она вместе. В здравии и болезни, горе и радости.

Сигарета обжигала ей пальцы. Она не обращала внимания. Она ждала, когда наконец раздастся звонок в дверь, он войдет и обнимет ее. Войдет, чтобы больше никуда не уезжать.

...

Такси он поймал почти сразу. За рулем сидел молодой парень. Даниил согласился на предложенную им цену не торгуясь.

С разговорами парень не лез. Это было здорово. Они ехали вдоль заброшенных железнодорожных разъездов и кирпичных складов с закопченными стенами. Снаружи было темно. Стены казались бесконечными.

В самых неожиданных местах фары выхватывали из темноты не по сезону одетых дамочек, стоявших не поднимая руки на обочине. Чаще попадались милиционеры в тяжелых бронежилетах, касках и с автоматами через плечо.

Машина ныряла в норы подземных переездов, виляла среди груд битого кирпича и вброд перебиралась через мутные лужи. Снаружи моросил сентябрьский дождь. Там было холодно, а внутри машины тепло. Горел уютный зеленый огонек радиоприемника. Под спиной пружинило кожаное кресло.

Ехать бы и ехать.

Дорогу было видно далеко вперед. От этого и от того, что музыка в машине играла негромкая, ему было необыкновенно хорошо... спокойно.

Он ехал к девушке, которая его ждет. Ему предстоит проснуться в одной постели с той, к которой едет в теплой и уютной машине.

— Здесь куда?

— Налево... Прямо... И во двор...

Машина взвизгнула тормозами и застыла перед пузатым и злым милиционером. Милиционер махал жезлом:

— Отъезжай! Ну чего встал, стояло? Отъезжай!

Парень вывернул шею и принялся сдавать назад. Из двора грозно и неторопливо на них выезжал бронетранспортер. С огромными колесами и автоматчиком в каске на броне.

Выпустив облачко вонючего дыма, бронетранспортер завращал многочисленными колесами, развернулся и отполз, перекрыв въезд во двор.

— Веселенький у тебя тут, брат, райончик.

Пытаясь протрезветь, Даниил смотрел на бронетранспортер. Протрезветь удавалось плохо.

К окошку водителя подошел милиционер.

— Вы во двор? Живете там?

— А в чем дело?

Голос у Даниила оказался высокий, истерично-пьяный.

— Сейчас туда нельзя. Объезжайте по соседней улице.

Водитель, едва не задев махину бронетранспортера, развернулся, отъехал за угол, и Даниил полез за деньгами. Холода он больше не чувствовал. Воротник кожаной куртки противно прилипал к голой шее.

Раздавался шум множества работающих моторов, мелькали огни, было слышно, как рыкающий голос отдает во дворе неразборчивые команды. Даниил выкинул сигарету, сунул руки в карманы и в обход, через два проходных подъезда, зашел во двор.

Двор был заставлен машинами — пожарными, «скорой помощи», с эмблемами МЧС, МВД, ФСБ и АБВГД. Кучками стояли плечистые парни в камуфляже. Между машинами бродили полураздетые люди, завернутые в одинаковые серые одеяла.

Медики в белых халатах выносили кого-то на носилках. Вперед ногами и с головой накрыв простыней.

Голос в мегафоне бубнил:

— «Пятый»! Подойти к Шерстобитову! Повторяю, «пятый»!..

По диагонали через двор лежали длинные тени. Асфальт на дорожках был потрескавшийся. Непослушными, пьяными ногами он запинался о выбоины.

Люди переговаривались вполголоса. Несколько мужчин в накинутых поверх рубашек куртках. Старуха в платке. Молодая женщина.

— У вас тоже окна выбило? У меня все четыре окна вдребезги. А ведь скоро зима. И каждое стекло — пол моей зарплаты. Как их теперь вставлять?

— Говорят, в таких случаях выплачивают компенсацию. Всем пострадавшим за счет государства.

— У нас? В нашей стране? Людям от государства?

— Извините... извините, что перебиваю... а что случилось?

Даниил старался как можно тщательнее выговаривать слова. Чтобы не дышать на окружающих водкой, он отворачивал голову в сторону.

— Вы не знаете?

— Нет.

— Взрыв... Произошел взрыв...

— Что взорвалось?

— Газ, наверное. Газовая колонка.

— Да какой газ?! Где у нас в доме газовая колонка? Это бомба! Кому-то подложили бомбу!

— Я имею в виду: ГДЕ взорвалось?

— Да вот же!

Мужчина вскинул руку. Подчиняясь его жесту, Даниил задрал голову. Сперва он ничего не увидел. Над ним было мертвое небо. Не узнавая, не находя привычных квадратов окон, он сместил взгляд чуть в сторону, и тогда до него полностью дошло.

Квартиры больше не было. Вместо пяти этажей в его доме теперь было три. Вместо двух верхних чернели обугленные стены и хлюпала, стекая по стенам, мокрая пена пожарных брандспойтов.

Запинаясь о неровный асфальт, он пошел к своей парадной. Почти у самой двери зажмурился и опустил голову.

Когда он снова открыл глаза, рядом стоял тощий врач в белом халате.

— Вы врач?

— Вам нужна помощь?

— Кого-нибудь нашли?

— В смысле?

— Кого-нибудь из разрушенных квартир? Кто-нибудь спасся?

Выжил?

Врач ответил коротко:

— Нет.

— Никто?

Врач помолчал, а потом сказал:

— Под окнами нашли женскую руку. С татуировкой в виде ящерицы... Вам это что-нибудь говорит?

(ну вот и все... на этот раз — совсем-совсем все...)

За полгода до этого. Весна

Идеолог левого терроризма Хуан-Карлос Маригелла писал:

— Физическое истребление предателей даже более оправданно, чем убийство врагов! Добиваясь торжества нашей идеи, нашей истины, мы не можем испытывать сомнений!

Руководствуясь этим принципом, современные террористы не оставляют предателям ни единого шанса.

Карло Фьорони, член «Красных бригад», выдавший полиции троих товарищей, был повешен уже на следующий день. У Патрисио Печо, руководителя одной из ячеек «Бригад», перешедшего на сторону властей, боевики вырезали всю семью.

Чтобы вопросов, почему свершилось возмездие, не возникало, «бригадисты» отмечают трупы предателей особым знаком: им в гортань забивают большие куски битого стекла.

Наиболее жестокими расправами над изменниками прославилась японская организация «Рэнго Сёкигун» — «Красная армия Японии».

На учредительной конференции «красноармейцы» приняли решение «взорвать штаб-квартиру Интерпола и министерство обороны Японии, а также стереть буржуазию с лица земли».

Выполняя резолюцию, в начале 1970-х боевики захватили самолет с несколькими министрами Японии и угнали его в коммунистическую Северную Корею. В 1980-х они обстреливали ракетами клас-са «земля—воздух» консульства европейских капиталистических стран.

Их самая громкая акция была проведена в 1990-м. Тогда «красноармейцы» осмелели настолько, что с борта угнанного стратегического бомбардировщика пытались забросать бомбами Пентагон. Несколько лет назад в одной из своих групп руководители «Армии» обнаружили ростки измены. Для их искоренения был сформирован карательный отряд.

Когда в квартиру, где пытались укрыться предатели, прибыла полиция, первых прошедших внутрь офицеров пришлось выносить.

Обезображенные трупы устилали пол огромного помещения. У предателей были вырваны языки и раскаленными металлическими штырями выжжены глаза. Один из изменников был повешен на собственном вырезанном из живота кишечнике.

Беременной девушке, входившей в состав провинившейся группы, боевики положили на живот доску и прыгали на ней до тех пор, пока не случился выкидыш.

Террористы всегда помнят главный принцип конспирации: «Кто не молчит, тот должен умереть!»

Иногда, перед тем как отправиться на доклад к Майору, Даниил перечитывал эту страницу и улыбался. За ним стояла машина настолько огромная и грозная, что он чувствовал себя в абсолютной безопасности.

Да, он общался с подонками и у него больше не было работы. Зато теперь он ничего не боялся, не испытывал недостатка в деньгах и жил как хотел. Вернее, не так. Он жил как хотел, но чересчур много пил.

Это его «много пил» началось именно тогда. Он не хотел пить... не хотел пить ТАК... хотел пить реже. Все равно он был похмелен и пьян, пьян и похмелен каждый день.

На полчаса оставив Полину, он вышел поговорить с приятелями. Было понятно, что «полчасика» — это вряд ли. Он все равно сказал: «Скоро буду. Без меня не ложись» — и ушел.

Ближе к полуночи, растеряв приятелей, он обнаружил за соседним столиком «Кактус-клаба» коллег из городской газеты, для которой когда-то писал. Дальше они клубили вместе.

Он еще помнил, как они ехали в такси и за рулем сидел огромный, наверное два сорок ростом, парень. В «девятке» он выглядел как бигмак в упаковке от чизбургера. Помнил, как во всю ночь работающей кантине они договорились пройти внутрь вшестером, заплатив только за троих. Дальше с памятью начались проблемы...

Танцуя, он забрался на сцену. Охрана довольно вежливо попросила его «покинуть». В следующем клубе (ехали опять на машине, но кто платил?), не добежав до туалета, в коридоре на пол блевал известный телеведущий (или этого не было?). Что запомнилось хорошо — финал вечеринки.

Вместе с долговязой рыжей девицей он был заперт в женском туалете «Корсара». Она стояла спиной к нему, со спущенными ниже колен белыми трусами. В тусклом свете они смотрелись особенно

белыми. Девушка громко и неприлично стонала, всхлипывала, хрипела и говорила «Fuck!».

Продолжалось это долго. В дверь иногда стучали. Задыхаясь, рыжая выкрикивала: «Занято!» Потом она торопливым, детским, жестом натягивала обратно свои белоснежные трусы, а он прикуривал и, морщась, кривя губы от дыма, движениями сильного мужчины застегивал ширинку.

Девушка за руку провела его сквозь строй столпившихся у входа в туалет дамочек. Те обалдели от подобной наглости. Потом девушка растворилась в ночи. А он побежал к Полине.

Весь день он говорил ей ласковые слова и виновато заглядывал в глаза. Она не могла понять, в чем дело, и говорила: «С ума сошел?» Не дожидаясь вечера, он все-таки затащил ее в постель и раз и навсегда решил, что лучше ее на свете нет... зачем ему кто-то еще? и чтобы он?! когда-нибудь еще?! ей?! своей Полинке?! изменил?!

Прошло две недели. Возвращаясь из «Mad Dog'a», на заднем сиденье такси, он слушал, с какими утробными всхлипываниями возится, уткнувшись лицом в его ширинку, крашенная блондинка. Таксист всю дорогу мужественно не оборачивался.

Утром Даниил снова целовал золотые волосы Полины. Да чтобы я?! когда-нибудь еще?!

Это была не его вина. Просто в то время он слишком много пил.

Раньше по утрам он вскакивал, приводил себя в порядок и садился работать. Сел за компьютер, громко включить радио, поставить перед собой чашку с горячим кофе.

С похмелья все упрощалось, становилось примитивным, направленным на самое близкое. Теперь по утрам

(в два часа пополудни)

он сидел со вчерашними собутыльниками в городских скверах и радовался, что жив.

— Голуби пошли какие-то больные. Облезлые. Смотрите! У них же на лапах пальцев нет!

— Голуби заразу переносят. Могут даже сифилисом заразить.

— Один раз я делал секс на крыше университета. Знаете? На Васильевском. С собой у нас было две бутылки шампанского. Но только один презерватив. Мы долго делали секс, а иногда прерывались и пили шампанское. Большими глотками...

— Слово-то какое — «прерывались».

— Та тетка заразила меня сифилисом. Как голубь... Вон на ту была похожа.

Все поворачивали головы и глядели на девушку, похожую на ту, которая заразила нашего друга сифилисом.

Потом, если были деньги, все шли пить пиво. После первой бутылки утреннего пива лицо становится тяжелым. Ты расплываешься в улыбке и глазах прохожих, и кажется, что пьян так же, как вчера.

Впечатление обманчиво. Если на первой бутылке остановиться, то через полчаса ты будешь в порядке. Тем летом Даниил останавливался редко.

Кроме того, раз в две недели Даниил занимался делами, знать о которых партийным товарищам было незачем. Встречался с Майором. Ходил в серое здание на Литейном. Являлся на встречи в конспиративных квартирах.

Конспиративных квартир в конторе было много. Даниил бывал не меньше чем на четырех. Большинство — просто квартиры. Там можно было, не привлекая внимания, поговорить, рассмотреть фотографии, получить новое задание.

Через год после начала работы Даниил впервые оказался в особняке с колоннами в центре города. Несколько этажей здания были заставлены одинаковыми серыми металлическими гробами с мигающими лампочками и скачущими стрелками индикаторов. Аппаратурой слежения. Последними наработками в области контроля.

Как все это работает, Даниилу объяснил молоденький лейтенант-«слухач». Не выходя за пределы своего этажа, лейтенант мог отследить чуть не каждое слово, произнесенное в подведомственном районе. Комната спутникового контроля. Слуховые детекторы. Машины, переводящие электрические импульсы в видеосигнал.

Лейтенант пробовал набиться Даниилу в приятели. Пару раз они даже выпили по чуть-чуть алкоголя. Никакого удовольствия от посиделок Даниил не получал. Лейтенант предпочитал пить водку. Говорил он с чудовищным провинциальным акцентом.

(лучше бы пил кровь младенцев. это бы я ему простил. акцент — не могу)

— Думаешь, чтобы прослушать разговоры, нужно, как раньше, по ночам влезать в квартиры? ставить «жучки»? Это даже не вчера — это позавчера нашей техники. Мои машины могут прослушать, о чем говорят в любой комнате всего центра города. Понимаешь?

— Нет.

— Смотри. Всего один пример. В любом телефонном аппарате есть микрофон. Когда трубка повешена, микрофон отключен. Я посылаю на аппарат электрический импульс, и микрофон активизируется. Начинает передавать звук. Трубка положена, а мы можем слышать, о чем говорят на том конце. И таких способов у меня очень много!

В тот вечер у Даниила должна была пройти рабочая встреча. Даниил сдает рапорт, объясняет лейтенанту, что и когда следует взять под контроль. Майор убеждается, что работа идет. Можно быть свободным.

Лейтенант сказал:

— Майор просил подождать.

— Подожду.

— Сказал, что хочет сказать тебе что-то важное.

— Пусть скажет.

Он сел на диван и стал листать журнал по радиоэлектронике. Минут через сорок журнал был тщательно изучен. Погоду с лейтенантом они обсудили несколько раз подряд.

Еще через час Майор позвонил и сказал, что сегодняшняя встреча не состоится. Срочные дела, он просит извинить. Даниил сказал «слушачу», что, пожалуй, пойдет.

— Может, подождешь?

— В смысле?

— Работа у меня кончилась. Техники сейчас разойдутся. У меня с собой.

— А здесь можно?

— Здесь только часовой на этаже. В аппаратную он не сунется. Понимаешь, у дочки день рождения, а она у меня в другом городе. Год ее не видел.

— За дочку? Ну хорошо. Только немного, о'кей?

— Майору не говори.

Через час Даниил заметил, что у «слушача» немного заплетается язык. Тот запихивал розовую вареную колбасу под рыжие усы.

— Где мне еще такую технику дадут? Больше нигде нет такой техники. А у меня есть! Ты, Данила, писатель. Тебе интересно книжку написать. А я — техник. Для меня это железо — как для тебя твои книжки.

— Да-а-а.

— Ты даже не представляешь, как интересно бывает за людьми наблюдать. У нас тут кассет — полторы комнаты. Не считая тех, что

в Главке. Когда вокруг никого нет, люди так себя ведут! Знаешь, кто для «Московского комсомольца» министра с тетками в бане снял?

— Ты?

— Почему я? Это же в Москве было. Ты порно смотришь?

— Бывает. Хотя не люблю.

— Я тоже не люблю. Но когда все в живом режиме... банкир или глава администрации... хочешь покажу?

— Потом как-нибудь...

Даниил прикурил сигарету. Улыбнулся. Одно дело — выпить после работы. Пусть даже на рабочем месте. Совсем другое — болтать о секретах майоровской конторы. А если он пойдет к банкиру... или главе администрации... и решит продать информацию?

Банкир... Банкир, резвящийся у себя в кабинете... С секретаршей... Тот, кто работает в банке...

— погоди. На твоей территории находится этот... как его?..

Он назвал банк, в котором работала Полина.

— На моей.

— Там есть такой Юрий Анатольевич. Лысый кекс, с педерастической бородачкой.

— Наверное, есть. А что?

— У тебя на него что-нибудь есть?

— У нас на всех есть. А зачем тебе?

Уговорить «слухача» показать пленку с Юрием Анатольевичем стоило Даниилу пятнадцати минут макиавеллиевских махинаций. На шестнадцатой минуте лейтенант ушел в дальние помещения, долго там брякал и вернулся, только когда Даниил начал прикидывать, а не сходить ли за ним, может, заснул?

— Вот она! Видишь индекс? Тут твоему Анатольевичу на два инфаркта хватит.

Он склонился над монитором, а потом повернулся и посмотрел на Даниила. Глаза у него были пьяные.

— Только, Данила... Между нами, ладно?

— Могила!

Кассета была вдвое меньшего размера, чем стандартная. Сперва долго, минут сорок, шла запись переговоров Юрия Анатольевича с тщедушной мужчинкой в ярком галстуке.

— Это мы перемотаем. Это он взятку дает. Или ему дают. Во! Смотри!

Снято происходящее было с неудобного ракурса. Но главное было видно.

На экране голый по пояс снизу Юрий Анатольевич багровел лицом. Ему было неудобно, мешал живот и душил галстук. Он продолжал сосредоточенно двигать могучим тазом.

Из-под него торчала тощая блондинка. Она лежала, откинувшись на столе и до шеи задрав подол черного платья. Блондинка напоминала дрессированную обезьянку.

— Выпьем еще?

«Слухач» начал разливать остатки водки. Рука дрогнула, и водка полилась на стол. Даниил вытер стол подвернувшейся салфеткой, разлил оставшееся, повернулся к экрану и умер.

В тот вечер он умер, а взамен никто не родился. Его вообще больше не было. То, что похороны до сих пор не состоялись, было недоразумением.

Домой, туда, где они жили с Полиной, он не вернулся... даже не стал забирать вещи. Через четыре дня он немного протрезвел и поговорил с Густавом. Тот разрешил поселиться в квартире.

На встречи с Майором Даниил не ходил больше ни разу. Не желал вспоминать о нем — Майоре из всемогущей организации. То, что он увидел на экране, навсегда выжгло из него желание иметь дело с людьми из любых организаций.

(ах... можно еще?.. так хорошо мне не было никогда...)

Он сидел, держал в руках чашку и смотрел на экран. Через некоторое время выпитый за вечер алкоголь спрессовался в районе желудка, обжег его, в клочки разорвал горло. Рвало Даниила мучительно.

(а ведь с этим отвратительным мужчиной она делала ЭТО совсем не так, как со мной... почему?)

Он не помнил, как выбрался из особняка. Следующие две недели он тоже не помнил. Он не желал даже в памяти возвращаться к тому, что произошло. Только иногда, просыпаясь, он понимал, что ночью опять плакал.

...

Спустя месяц он случайно наткнулся в газете на заметку. Труп лейтенанта-«слухача» был выловлен в мелкой окраинной речке. Подозревали чеченцев и тамбовскую братву. Товарищи убитого офицера клялись отомстить. Похороны были устроены с ружейными залпами и венками от боевых товарищей.

Даниил отложил газету. Он-то знал, в чем здесь дело. Просто Майор никогда и никому не прощал совершенных ошибок.

После долгого подъема на колоннаду в боку кололо. Даниил пошел к бортику и облокотился на него обеими руками. Закрыв глаза... постоял молча... полез в карман за сигаретами.

Там, наверху, все опять напились, опрокинули пепельницу, и мир стал серым. С колоннады город казался жалким, совсем маленьким. Напрягись, плюнь — доплюнешь до самых окраин.

Согласно плану Даниил занял позицию неподалеку от входа на колоннаду. Чуть дальше видами Петербурга любовался Гребень с гитарным футляром в руке, а на другой стороне уже минут двадцать прогуливался Артем. Полный молодой человек в мешковатом плаще.

Горизонт выглядел так, что его хотелось пожалеть, назвать «горизонтик». За ним, далеко слева, лежал невидный Финский залив. Внизу плыли ржавые крыши троллейбусов. Даниил отвернулся и прижался к бортику спиной. Поправил воротник куртки. Несколько раз прошелся туда-сюда. Пригляделся к остальным посетителям.

Пожилая пара (немцы? скандинавы?), ходят, любят. Молодой человек с девушкой, — видно, что из провинции. Очкарик в дождевике. Типчиков с мускулистыми плечами и характерными стрижками видно не было.

Он еще раз достал из кармана сигареты, прикурил и снова повернулся лицом к Исаакиевской площади. Серое, похожее на тюрьму здание гостиницы «Астория». Зеленый от окиси Николай Первый на коне. Облезлый фасад Мариинского дворца.

Понятно, почему туристы к нам не едут. Приедешь в такую Северную Пальмиру, погуляешь по набережным и площадям, а потом вернешься в гостиницу и повесишься от тоски и безысходности.

В гробу туристы видали такой отдых — лучше уж съездить... ну, например, на Ривьеру. Впрочем, на Ривьере Даниил не бывал. Возможно, там все было так же, только солнца больше.

Сигарета, которую он держал в руке, быстро промокла. Он больше не чувствовал ее вкуса.

Стоявший дальше по галерее Гребень отвернулся от бортика и посмотрел Даниилу прямо в глаза. Не меняя позы, Даниил задрал бровь: «Что?» Гребень повел подбородком вниз. Даниил понял, что к лестнице, ведущей на колоннаду, прошел Густав.

Значит, через несколько минут появится и японец. Очень хорошо.

Он швырнул докуренную сигарету в лицо заплаканному миру и стал смотреть в сторону входной двери. Если бы Гребень не предупредил его заранее, он никогда бы не догадался, что перед ним Густав-Великий-и-Ужасный.

Бочком протиснувшись, под дождь выбрался средних лет мужчина в длинном, дорогом и элегантном пальто. У мужчины была чересчур пижонистая для его возраста испанская бородка и дорогая оправа очков. Он скривился, посмотрел на небо, откуда продолжали сыпаться гаденькие капли, и раскрыл черный зонт.

Скользнув равнодушным, неузнающим взглядом по Даниилу, мужчина поправил воротник пальто и, не торопясь, зашагал по галерее. Когда он проходил мимо Даниила, тот почувствовал запах дорогого афтешейва.

Почти сразу снизу пискнули милицейские sireны, и из-за «Астории» показался кортеж машин. Впереди бело-голубая милицейская, за ней — несколько дорогих лимузинов. Красные солнца на прикрепленных к капотам флагах были единственными солнцами этого самого дождливого из миров.

Высыпавшие из головного лимузина бодигуарды в темпе образовали живой коридор, и только после этого дверца самой большой машины открылась, и над макушкой японского премьера раскрылся громадный зонт. Вокруг раскрылось еще несколько зонтов поменьше. Все это вместе поплыло в сторону собора и скрылось из виду под массивным фронтоном.

Во рту стоял кислый привкус. Как будто он только что на время пробежал стометровку. Вон в том ресторанчике за Мариинским дворцом они с Полиной как-то ели вкусного цыпленка. Сколько ему потребуется времени, чтобы подняться на эту высоту? По телевизору говорили, что нынешний японский премьер — спортсмен и вообще энергичный парень. Пистолет, лежавший в кармане, невыносимо оттягивал левую половину куртки. Даниил почувствовал, что начинает сутулиться. Сколько времени уже прошло? Он вспомнил, как позавчера, уходя, Лора сказала, что обязательно дождется его — во сколько бы он ни приехал. Или она не говорила «во сколько бы ни приехал»? Почему он это вспомнил? Говорят, перед смертью человек вспоминает самое главное в своей жизни. Он что, сейчас умрет? Когда же появится этот японец?

Дул сильный ветер. От холода у Даниила противно ныло ухо. Цыпленок с Полиной... Лора, обернувшаяся на пороге... это и было самым лучшим в его жизни?

В дверном проеме показалась внимательная физиономия бодигарда. Не делая последнего шага вперед, он обвел взглядом галерею, зацепился на мгновение глазами за Даниила и наконец целиком вышел наружу.

Бодигард был здоровенным мужиком под два метра ростом. У него был неброский, но очень дорогой пиджак и галстук спокойного сероватого оттенка. Ни того, ни другого бодигарду жалко не было. Не обращая внимания на дождь, он сделал несколько шагов по галерее. За ним вышли и все остальные.

Сверху, из-за зонтов, Даниилу не было видно, сколько человек приехало с японцем. Теперь, когда все поднялись, он задрал брови: на галерею вывалилась целая толпа сопровождающих.

Охранников, как и обещал Густав, было четверо. Один рядом с телом, держит зонт. Еще двое — по бокам, чуть сзади. Сухонький японец мелкими шажками шел по металлическому полу галереи и вполсилы улыбался всему, на что падал его взгляд.

Рядом, старательно выговаривая слова, шагал отечественный дядька в дешевом костюме. Экскурсовод, догадался Даниил. За ним, на ходу тараторя, двигалась молоденькая переводчица с зачесанными назад волосами и в юбке, как положено, чуть выше коленок. Остальная публика идентификации не поддавалась.

— Колоннада Исаакиевского собора — самая высокая смотровая площадка города. Петербуржцы и гости любят подниматься сюда, чтобы полюбоваться красотой открывающегося вида.

Провинциальные влюбленные прекратили свои фотоэксперименты

(давай сними меня вполоборота, чтобы было видно, какая у меня куртка, и во-о-он тот голубенький домик, но только на фоне площади, и пусть влезет немножечко неба, ладно?)

и тоже обернулись в их сторону. Когда японец проходил мимо, Даниил как можно дальше отступил из прохода и вежливо опустил глаза.

— С этой стороны, господин премьер-министр, вы можете любоваться знаменитой стрелкой Васильевского острова и неторопливым течением Невы, главной реки нашего города...

Одновременно с экскурсоводом чирикала, едва успевая, переводчица. Японец прошел мимо Даниила, поравнялся со старичками-иностранцами. Охрана аккуратно убрала с дороги влюбленных. Не торопясь и не меняясь лицом, премьер кивал окружающим, послушно смотрел в ту сторону, куда указывал экскурсовод, и не переставал улыбаться.

Охранники настороженно вращали маленькими, коротко остриженными головками.

Они отошли от входа на галерею уже метров на десять. Мимо Даниила ползли последние сопровождающие. Из-за поворота показался Артем.

Артем прогуливающимся шагом шел навстречу японцу, а тот слушал, что Васильевский остров, отлично видный справа от нас, был назван так в честь одного из сподвижников знаменитого русского царя Петра Первого.

На Артеме был надет несуразный, почти до щиколоток плащ. В плаще он выглядел на несколько размеров толще, чем был на самом деле. Когда он прошел мимо Гребня, тот отвернулся к стене и спиной закрыл чехол своей гитары. На Гребня никто не смотрел. Гуляющие по колоннаде смотрели на японца, а японец и охрана смотрели на приближающегося Артема.

Как только мимо прошагал замыкающий бодигуард, Даниил передвинулся на центр прохода, сунул руку за пазуху и нащупал рифленую рукоятку «ТТ».

Артем сделал еще шаг, и путь ему преградил охранник в дорогом пиджаке:

— В сторону, пожалуйста. Официальная делегация.

Артем был одного с ним роста и не обратил внимания на его слова. Он стоял и глупо улыбался. Громко, через голову бодигуарда, он сказал:

— Вы переводчица?

От удивления девушка запнулась, попыталась договорить предложение, окончательно забыла, о чем речь, и повернула голову в его сторону.

— Вы переводчица?

Охранник не понимал, что происходит. Одной рукой он пытался сдвинуть с пути Артема, а вторую шаловливо тянул к нижней пуговице своего пиджака. Словно прикидывал, а не пописать ли ему хоть раз в жизни с колоннады Исаакиевского собора, но немного стеснялся.

— Да, я переводчица.

Артем очень медленно расстегнул пуговицы и отвел в сторону левую полу плаща,

— Переведите, пожалуйста, что это шесть килограммов армейского тротила. Если я просто шевельну пальцем, от собора не останется даже пары кирпичей.

Куда лучше эта картина смотрелась бы весенним солнечным утром, когда на металлических поверхностях играли бы блики света и мужественные лица бодигардов покрывались смертельной бледностью.

Но утро было не весенним. За бортиком ограждения нудно барабанил дождь.

Даниил вытащил руку с пистолетом из-за пазухи и сделал шаг назад.

«Шаг в сторону! Это захват!» — рявкнул Артем, и все четверо бодигардов синхронно, словно части одного механизма, пришли в движение. Двое телами закрыли непонимающего японца, а тот, что ближе всех стоял к Артему, с пистолетом в руке бросился на него.

Это было глупо. Они не блефовали. Чтобы взорвать бомбу, Артему действительно нужно было лишь двинуть пальцами. Это было глупо, но громадный стокилограммовый мужик, не рассуждая, как учили, летел на Артема.

Руки у Артема были заняты. Он держал проводки детонатора, а охранник уже вытягивал пистолет к его голове. Спустя мгновение тишину взорвал первый за бесконечное утро выстрел. А спустя еще одно — молоденькая переводчица что есть силы завизжала. Так, как умеют визжать до смерти перепуганные молодые и симпатичные женщины.

Охранник рухнул на металлический настил сразу — всем телом. Густав, размахивая пистолетом, гаркнул: «Всем лечь!» — и одновременно Гребень дал очередь в воздух из «калашникова».

— Лежать! Лежать! Все взорвется! Лежать!

Он, насаживаясь, кричал слова приказаний, но ничего не происходило. Охранники, вытянув в его сторону стволы пистолетов, прикрывали японца. Сопровождающие, открыв рты, смотрели на Густава в упор.

Густав шагнул, приставил свой пистолет к высокому, с залысинами, лбу экскурсовода. И нажал на курок. Голова с громким хрустом разлетелась на куски.

Стоявший рядом с экскурсоводом пузатый тип в галстуке весь до пояса покрылся мелкими черными брызгами крови. Сила выстрела была такой, что стоявшего у самого ограждения экскурсовода выбросило наружу.

Мелькнув в воздухе старыми ботинками, он рухнул вниз и, проскользив немного по мокрой крыше, застрял, зацепившись плащом, почти у самого края.

Все разом повалились на мокрый металлический настил. Замыкавший колонну охранник рывнулся куда-то вбок. Даниил упер ему в лицо дуло пистолета.

Японец медленно присел на корточки. По его черным прилизанным волосам стекали капли. Прикрывавшие его бодигуарды опустились вместе с ним.

— Это захват! Малейшее движение — и все взлетит на воздух!

Даниил, как и было ему сказано вчера на инструктаже, следил за теми, кто лежал у его ног, и одновременно посматривал, чтобы кто-нибудь не появился из ведущей на колоннаду двери.

(появится — тут же стреляй. или в голову, или в живот. будешь мяться — и себя погубишь, и акцию)

Забухав коваными ботинками по настилу, Гребень обежал колоннаду вокруг. Оттуда, тыча в бок автоматом и держа рукой за ворот куртки, он прихлопнул давешнего интеллигента в дождевике.

— Больше никого?

— Никого.

За спиной Густава серел мокрый город, и серело над городом мокрое небо. Зеленый от окиси Николай Первый презрительно отвернулся от происходившего на колоннаде. Ему, самодержцу и реакционеру, никогда не нравились злые парни в черных кожаных куртках.

Густав картинно передернул затвор «макарова» и не торопясь обвел взглядом распластанных перед ним мокрых людей.

— Все слушают меня внимательно. Мы не уголовники, мы ведем политическую борьбу. Никакого вреда простым людям мы не причиним. Это ясно?

Женщины тихо всхлипывали. Густав перешагнул через несколько тел и подошел к японцу. Охранники снизу вверх, как бездомные псы, смотрели ему в лицо.

Густав обратился к переводчице:

— Скажи ему, что мы не уголовники, что у нас только политические требования.

— Я уже перевела... все, что вы сказали.

— Скажи ему, чтобы лежал тихо. Будет делать как я скажу. — останется жить. Переведи, что у нас бомба и смерти мы не боимся. Когда наши требования выполнят, он сможет идти.

Девушка, смешно кривя губы, залопотала по-японски. Премьер внимательно выслушал ее и сказал что-то в ответ. Даже лежа животом в луже, он умудрялся выглядеть так, словно под зацветающей вишней ведет неспешную беседу с приятным собеседником.

— Господин Фукоку просит, чтобы вы отпустили ни в чем не повинных людей и допустили врача к этому несчастному молодому человеку.

Густав перевел взгляд на охранников:

— Кто старший в группе?

— Я.

— Ты представляешь, что такое шесть кило тротила?

— Представляю.

— Тогда сдай оружие и скажи своим, чтобы сдали.

— А когда...

— Не рассуждать! Исполнять приказ! Еще слово скажешь, и я твоему японцу пулю между рогов влеплю! Сдал оружие и лег мордой в пол! Быстро!

Охранник положил пистолет на пол. Двое его подчиненных положили свои рядом.

— Ты! Иди сюда и осмотри раненого. Быстро! Остальным не шевелиться.

Охранник подошел к подстреленному парню. Вокруг того успела натечь довольно большая лужа черной крови.

— Плохо. Тут врач нужен.

— Тебя учили оказывать первую помощь? Перевяжи, и пусть лежит.

— Какая помощь? У него дыра в животе. Его тронешь, он кровью истечет.

Густав молча смотрел на охранника. Потом достал из нагрудного кармана вчетверо сложенный листок бумаги.

— Вот это — передашь своему начальству. Это наши требования. Когда придет врач, скажете, что мы разрешаем ему подняться. Без фокусов — вход мы заминировали прямо сейчас.

Охранники переглянулись.

— Я останусь с японцем.

— Ты останешься здесь только трупом, ясно? Бегом вниз! И если через десять минут нам не передадут ответ на наши требования, я лично отстрелю твоему японцу ухо, понял?

Охранники поднялись. Дорогие костюмные брюки облегли их мокрые мясистые ноги. Артем закрыл за ними дверь на галерею.

Наглый Гребень, с автоматом наперевес, улыбался во весь рот. Даниил понимал его: еще ни одна их акция не проходила так гладко. Вот что значит — с ними Густав.

Густав скинул пальто и очки прямо под ноги. Бородку он отлепил одним движением.

— Теперь быстро! Данила! Артем! Закрыть дверь! Ты — быстро на ту сторону! Японца я держу. Поехали, поехали!

Повозившись с проводами, Артем прикрутил скотчем несколько шашек тротила к дверному косяку и вогнал в дверь несколько принесенных с собой гвоздей. Остальную взрывчатку он вытащил из-за подкладки плаща и сложил аккуратной стопочкой перед японцем. Проводки детонатора тоже очень аккуратно протянул в сторону.

Спустя минуту появился Гребень:

— На той стороне тихо.

— Сейчас станет громко. Минут через пять.

Даниил опустил пистолет и наконец сунул руку в карман плаща. Там лежали сигареты.

Все. Совсем все.

— Мы все-таки сделали это?

— Сделали. Вы молодцы.

— И что теперь?

— Осталась ерунда.

Даниил услышал, какая странная тишина повисла сзади, и обернулся. У парней были вытянувшиеся, непонимающие лица. Он перевел взгляд на Густава.

В руках у Густава была рация — маленькая, черная. Он поднес ее к уголку рта и негромко сказал:

— Центр? Алло, Центр? Говорит «Семнадцатый». Мы взяли его. Переходим ко второй фазе.

30 сентября. То же время

Сигнал о взятии заложников поступил на пульт диспетчера группы в 11.05, а уже спустя пятнадцать минут «Гром» в полном составе мчался в сторону Исаакиевского собора, распугивая пешеходов воем сирен.

Полковник любил такие минуты. Оружие в руках, парни замерли на скамьях. Его отряд делал дело. Люди могут быть уверены — он начеку. Парни натянут маски на лица, возьмутся за оружие и восстановят порядок. Что бы ни случилось. Быстро и надежно.

Машина затормозила резко. Стуча подошвами, бойцы посыпались наружу.

Полковник негромко скомандовал «Построиться!» и поискал глазами встречающих. Встречающими были несколько типов в милицейской форме.

— Полковник? Мы вас ждем.

— Нас ждать не надо. Мы на месте. Что там?

Тип в милицейской форме обильно потел, вытирал толстую шею носовым платком и по третьему разу описывал, что именно происходит.

— Японский премьер? Ничего себе!.. Они что-нибудь требуют?

— Да, передали меморандум.

— Деньги? Самолет? Наркотики?

— Эфир на телевидении.

— Чего?

— Эфир на телевидении.

— Психи ебаные!

Милиционер с тоской заглядывал ему в глаза.

— Что теперь?

— О чем вы?

— Что будем делать?

— Вы — отдыхать. Руководство операцией переходит ко мне.

Пожарных вызвали?

— Да. Пожарных... «скорую». Все едут. Собор оцеплен, народ с площади убираем.

— Вы свободны. Лейтенант! Ко мне!

(просто так светомузическую гранату на колоннаду не закинешь. нужна «Муха»)

Тип в милицейской форме, о существовании которого Полковник давно забыл, был еще здесь.

— Простите, Полковник. Это не всё.

— Что еще?

— С вами хотят поговорить.... понимаете...

— Кто?

Тип наклонился и на ухо сказал Полковнику кто.

— Откуда-откуда?

— Точно вам говорю. Прежде чем начинать, вы бы с ними поговорили.

На огражденную решетками и тройным кордоном площадь начинали прибывать пожарные машины. Милиционеры не пускали их ближе первого кордона. Пожарные, перекрикивая шум моторов, надрываясь, орали.

Вместе с милицейским начальником Полковник побродил между большими рычащими машинами. У «Волги» были государственные номера. Сам Полковник давно пересел на служебный «SAAB».

(«Волга»... смешно... почему «Волга»?)

Перед машиной стоял охранник в зеркальных очках и пиджаке. Он открыл дверцу:

— Садитесь внутрь. Быстро!

От этого тона Полковник вскинул голову... будто кто-то высморкался в его мундир... будто он увидел, как лезут в постель к его жене. Потом он опустил голову обратно и все-таки сел в машину.

Тип в милицейской форме остался ждать снаружи. Сквозь незакрытую дверцу «Волги» до него долетали обрывки разговора:

— Так точно!.. Да, товарищ майор!.. Все понял!..

— Вы всё поняли?

— Так точно!

— Особенное внимание обратите на тех, кого я вам описал...

А потом тот, кого называли майором, добавил фразу, которую должен был услышать, наверное, только Полковник, но которую милиционер услышал тоже:

— Ни один из них с колоннады уйти не должен. Вообще ни один.

...

— Что это?

— Это рация. Моя рация.

— Густав... Зачем тебе рация, Густав?! С кем ты разговариваешь?!

— Сядь! Убери руку от детонатора! Я все объясню! Конкретно тебе ничто не угрожает, слышишь?

— Густав, что ты затеял?

— Можешь больше не называть меня Густавом. Можешь называть меня по званию. Просто Капитан.

И он назвал организацию, в которой работает.

А Даниил-то думал — кого Густав ему напоминает?

(антитеррористической деятельностью у нас в стране занимаются несколько независимых друг от друга структур. у кого-то из них в движении есть свой человек)

Подняться на колоннаду. Прodelать отверстие в животе у охранника. Взять в заложники премьеру могучей азиатской империи. И узнать, что рядом с тобой стоит офицер спецслужбы!

Гребень шагнул к японцу и ткнул ему автоматом в лицо. Он заваленно озирался. Переводил взгляд с Густава на Артема, а с него на Даниила.

— Успокойся и выслушай. Я ВСЕ ОБЪЯСНЮ!

— Что ты объяснишь?

— Всё! Сядь!

— Что здесь можно объяснить?!

— Опустив ствол. Или я тебя пристрелю.

Внизу суетились люди и выли sireны машин с государственными номерами, а они стояли вокруг распластанного на металлическом полу японца и смотрели друг на друга. Пальцы впивались в курки, но никто не торопился выстрелить первым. Никто никуда не спешил.

Потом Гребень убрал дуло автомата от лица японца и сделал шаг в сторону.

— Хорошо. Можешь сказать, что ты хотел. Я слушаю.

У Густава была немного смущенная улыбка. Будто он пукнул при дамах, но ведь он не специально! с кем не бывает? Да, он работал на Контору, а что здесь такого? Поверьте, парни, так было лучше для вас. Вы хотели сыграть и выиграть? Вы сыграли и выиграли!

— Ты думаешь, почему мы смогли его взять? Ты думаешь, иностранного премьера можно вот так взять в заложники? Открой глаза! Нас прикрывали! Нас всю дорогу прикрывали! Нас и дальше будут прикрывать. Можете считать, что отныне вы на государственной службе. Вам, парни, ничто не угрожает.

— Как ты мог?!

— Я хоть раз тебя обманывал?

— Ты врал нам с самого начала!

— Я просто не говорил ВСЕЙ правды. А теперь сказал. Я не подставлял вас раньше. Не подставлю и теперь. Все идет по плану.

— А как же решение Бюро?

— Какого Бюро?

— А как же решение? Наша информационная акция?

— Не было никакого решения! Не было Бюро, не было решения...

— Ты с самого начала знал, что никакой акции не будет? Что подумают люди из Бюро?

— Бюро — это я. Всех этих деятелей повязали почти год назад. Уже очень давно все «Прямое действие» — это я. Просто вы об этом не знали.

— Сука.

— Я?

— Нет, я! Из-за тебя мы здесь! Нас сейчас мочить начнут!

— Не начнут. Я специально пошел сюда вместе с вами. Операция прошла удачно. Ты попадаешь под программу защиты лиц, сотрудничающих с Конторой. Ты получишь деньги и документы на другое имя. Сможешь уехать из страны.

Он повернулся к Артему с Даниилом:

— Вы тоже получите все, что причитается. Ты, Данила, можешь забрать деньги, о которых договаривался со своим Майором. Деньги приготовлены. Ждут тебя внизу. А тебе, Артем, я хочу предложить работать со мной в паре. Я к тебе присмотрелся и понял — ты сможешь...

Густав говорил медленно, как гвозди вбивая им в голову каждое слово. Они стояли и молчали.

— А как же?..

— Что?

— Я не понимаю. Если ты работаешь на НИХ... если ты с самого начала работал на них... зачем ты нас сюда приволок?

— Честно?

— Честно.

— Понимаешь, Артемка, наша с тобой Контора получает деньги из международных фондов. Большие деньги. Эти деньги перечисляют, чтобы мы развивали программы по борьбе с терроризмом. Последнее время финансирование свернули... Акция была необходима... Со временем я объясню подробнее. Ведь теперь мы работаем вместе, да?

— Все-таки ты сука...

— Ты думаешь, я один сука? Между прочим, Писатель тоже наш человек. С самого начала был наш.

— Писатель, это правда?

Парни, как механизмы, повернули головы. У Артема был охрипший голос.

— Ну ладно — он... Но ведь мы с тобой...

Еще у него были огромные глаза. Даниил попробовал ответить. Ничего путевого из этого не вышло.

— Всё! Кладем оружие и спускаемся! По одному! То, что я сказал, остается в силе. Если не соглашаетесь — вы трупы. Если соглашаетесь — можете считать, что сегодня у вас самый удачный день в жизни.

Моросящий дождь все стучал и стучал по жестяному козырьку. Гребень снял руки с приклада автомата... опустил руки. Даниилу показалось, что сейчас он заплачет.

— Нет. Это неправда.

— Что «неправда»?

— Все неправда. Я никогда не работал на спецслужбу. Он врет.

— Хватит, Данила. Все кончено. Зачем тебе эти понты?

Артем с Гребнем смотрели только на него. Так смотрят на доктора родственники онкологических больных.

— Не слушайте его. Не знаю, что он себе навоображал, но это вранье. Ни из какой страны уезжать я не собираюсь. Что он имеет в виду — понятия не имею. И вообще, парни, нас тут трое, а он один. Может, пристрелим умника?

— Данила, ты сумасшедший?

Даниил вытащил из кармана сигареты, прикурил и убрал пачку обратно.

— Не знаю. Может быть. Наверное, я сумасшедший. Но я — не сука. По крайней мере не такая сука, как ты. Отсюда по собственной воле я не уйду. Мы поднялись делать дело? Давайте делать дело.

Все смотрели на него. Даниил курил и, усмехаясь, разглядывал их лица. У сигареты был отличный вкус.

— Ты серьезно? Не уйдешь?

— Не уйду.

— А я-то подумал...

— Ты что, не знаешь меня?

— Знаю. Просто когда говорят такие вещи... Сам понимаешь...

Артем широко улыбнулся.

— Дай, как бы, Писатель, сигарету, что ли.

— Свои кури. У меня мало.

— Вот и хорошо, что мало. Здоровее будешь.

Он вытащил из пачки Даниила сигарету, прикурил и кивнул в сторону заложников:

— Что будем делать с ними?

— Как я понимаю, эфира на телевидении нам не дадут. Или дадут, а, Густав? Я думаю, ребят можно отпустить. Нам тут и без них вроде не скучно...

Гребень подошел к лежащим заложникам.

— Всех?

— Всех.

— Может...

— Да брось ты. Нам бы между собой разобраться.

Гребень велел им встать и построиться. Одежда у стоящих людей была мокрая, слипшаяся, перепачканная ржавчиной. По лицам, прокладывая дорожки в грязи, текли капли дождя... или слезы?

— С вами — всё. Можете идти.

Сперва нерешительно, а потом почти вприпрыжку заложники двинулись к выходу. Старичок-скандинав поддерживал свою старушку под локоть. Упитанные мужчины из сопровождения японца вжимали головы в почти белые воротники рубашек.

Лежать оставались только японец и давящаяся слезами девушка-переводчица. Артем наклонился к ним и помахал рукой в сторону выхода:

— Алё! милые! идите отсюда!

Девушка перевела. Премьер поднял серое лицо. Потом поднялся на ноги. Артем махал руками у него перед носом.

— Нерусский? Не понимаешь? По губам читай: «По-шел-на-хер!»

Даниил докурил, бросил сигарету вниз и огляделся. Странное дело: дождь все еще лил. Ветер все еще завывал. Город был все еще серым. Больше это его не трогало.

— Хорошо-то как.

— Ага.

— Как бы, неплохо начать отсюда выбираться.

— Да. Неплохо.

Они разом посмотрели на Густава, держащего руку на рукоятке «макарова». Артем, не поднимаясь с корточек, сказал:

— Знаете, парни? Вы идите, а я его задержу.

— Ты?! Меня?! Задержишь?!

— Да. Я. Тебя задержу. Идите, парни, и, если получится, убейте внизу несколько ублюдков вроде этого.

— Не катит. Уходить — так, как бы, всем вместе. Сначала этого вниз сбросим, а потом пойдем.

— Вы это серьезно?

— Вполне.

— Не хотите сдать на моих условиях?

— Засунь свои условия себе, как бы, в задницу.

— Артем, ты тоже не хочешь сдать?

— Нет.

— Данила?

— Да пошел ты...

Густав не спеша вытащил пистолет из-за пояса.

— Мне казалось, что из вас может выйти толк. Я ошибся. Прощайте.

...

— Готовы?

— Так точно.

— Как они стоят, запомнили?

— Так точно.

Снайперы были рассажены вдоль бортов. Старший группы пересел, поудобнее усаживаясь на полу, и сквозь прорези в маске поглядел в лицо Полковнику.

Полковник, пригибаясь, чтобы не задеть макушкой железный потолок, прошел в кабину, сел в кресло рядом с пилотом и нацепил наушники с микрофоном.

— «Первый»! Слышишь меня?

— Слышу хорошо, товарищ полковник, прием.

— Ориентируйся на первые выстрелы. Как только снайперы стартуют — оба взвода должны рвать наверх, как русские борзые. Понял меня?

Он махнул пилоту рукой: «Взлетаем!» Парни в камуфляже аккуратно сняли борт с машины. Лопасты крошечного вертолета задрожали, будто планировали прямо сейчас забиться в истерику.

Земля наклонилась, прицелилась дать Полковнику по лбу.. он понял, что вертолет оторвался от земли. Такие шестиместные (пилот, командир группы и по два снайпера с каждого борта) машины он пробовал использовать еще там... в Анголе... сколько же лет назад это было?

Если противник засел, скажем, в ущелье... где-нибудь на высоте... если он считает, что застрахован от сюрпризов... то и пусть себе считает. Грузишь вертолет в фургон (кто догадается, что вертолет можно привезти в машине?) и подъезжаешь к объекту как можно ближе.

Вертолет взлетает почти беззвучно. Когда противник увидит, как на него выныривает вся в прожекторах морда вертолета, одновременно врубаются все сирены и тут же с земли его начинает поддерживать артиллерия... в лучшем случае у него хватит времени помолиться. Какой-нибудь очень короткой молитвой.

— Отсчет высоты пошел. До контактного уровня осталось двенадцать метров... Десять... Семь... Четыре...

Оборачиваясь к замершим снайперам, Полковник повторил:

— Четыре. Мы начинаем.

...

Справиться не то что с тремя, а даже с тридцатью тремя такими, как эти, для Густава было просто, как потушить окурок об спящую кошку. Перед началом операции руководство его Конторы просчитало все до деталей. Он был уверен, что сюрпризов не будет.

И все-таки он проиграл.

Уехать из страны... жить в лучших отелях мира... делать секс с влажногубыми мулатками. Занимайся чем хочешь — у тебя столько денег, что ты можешь позволить себе всё.

Они должны были согласиться, поверить ему, сложить оружие, сдаться, подставить затылки. Тогда он аккуратно, одного за другим, перестрелял бы их как собак.

Но они не согласились. А когда японец скрылся в дверном проеме и он мог начинать — было поздно.

Из-под колоннады, ревя сиренами и слепя прожекторами, выплыл вертолет. В эту секунду растерялись все, но Артем пришел в себя быстрее, чем даже Густав. Даниил успел заметить, как, изогнувшись дугой, мелькнуло в опасной близости от края его большое и грузное тело.

Они рухнули на пол и замерли.

Артем обеими руками сжимал провода детонатора:

— Бегите! Я взрываю!

Одновременно с его криком Даниил услышал, как о камень плющатся пули снайперов.

Краем глаза Даниил видел, как, переползая через окончательно замершего охранника, к нему карабкается Гребень. У него было безумное лицо. Снаружи бешено ревели сирены.

— Артем, они убьют нас всех! Я знаю этих людей! Подними руки и отойди от детонатора! Они убьют нас всех!

Гребень был уже близко. Он, словно большое насекомое, перебирал руками-ногами и двигался к выходу. Даниил приподнялся на локте, кинул взгляд в сторону вертолета и тут же нырнул обратно.

— Бегите, парни! Я взрываю!

— А ты? — успел крикнуть Даниил, но ответить Артем не успел.

На стенку брызнуло черным. Перед глазами танцевали угольки, а вокруг не происходило больше ничего особенного. Не надо было никуда спешить. Можно было посмотреть в глаза Артему и увидеть, что ему больно, но пока он держится.

(fuck!.. умирать-то как неохота)

Вертолет все ревел. Он почти нависал над ними. Тень от него почти накрывала ползущего в сторону выхода Гребня.

— Бегите, блядь! Я взрываю!

Приняв решение не умом (какой уж тут, в задницу, ум?), а тем, что ниже диафрагмы, Даниил рванул с места и, пригибаясь как можно ниже, побегал. Каждый шаг... словно новая строчка на экране зависающего компьютера... Даниил просто считал шаги и боялся оглянуться, чтобы посмотреть, как там сзади.

Он бежал, а за краем колоннады, ревуший и страшный, висел вертолет. Даже пригнувшись, он ощущал на себе сосредоточенные взгляды снайперов. Он уже видел выход с колоннады, но чувствовал, что добежать до него не успеет, и, когда до двери оставалось несколько метров, он не выдержал и прыгнул, а взрыва все не было, и повисшая ватная тишина... куда только делись сирены?.. давила на уши, а пульс бился в ушах, сотрясая колонны и давно, наверное, взбудоражив весь город, но, когда у него за спиной наконец рвануло, он уже летел, раскинутыми руками чувствуя холодный осенний воздух, и только потом на другой от него стороне планеты на волю вырвался ослепительный свет, и все сделалось пусто и безвидно, и продолжалось это не просто вечность, а сразу несколько вечностей подряд.

Миры возникали, успевали надоесть и исчезали, а вокруг по-прежнему была пустота.

Небеса обрушились на землю, и больше он не помнил ничего. Совсем, совсем ничего.

1 октября. Два года спустя

Даниил вошел в квартиру, запер за собой дверь, снял куртку, повесил ее в шкаф, помыл руки, не разуваясь, прошагал в гостиную, включил телевизор и сел на диван.

В телевизоре широко, будто готовясь откусить от громадного гамбургера, улыбался диктор. Даниил откинулся на спинку дивана и ладонями потер глаза.

Несколько минут он сидел и пытался сосредоточиться на том, что несла телевизионная говорящая голова. Сосредоточиться не получалось.

День был окончен. Оставалось прожить вечер. Еще один вечер его жизни.

Ничего не произойдет. Он посмотрит телевизор, разденется, ляжет в постель и уснет. Завтра встанет и начнет все сначала.

Даниил запрокинул голову и коснулся затылком плюшевой спинки дивана. Закурил. Потянулся за программкой... ничего интересного.

Дым от сигареты тоненькой струйкой утекал под потолок. Стараясь не уронить пепел на палас, он встал с дивана и вернулся в прихожую.

Все как обычно.

Он скинул ботинки и брюки, залез в душ, собираясь с силами, посидел перед телевизором и пошел ужинать. Варить пельмени. У пельменей был вкус — словно однажды кто-то уже пытался их прожевать.

Можно было бы пойти в кафе, но обойдется дороже, а следующую порцию гонораров неизвестно когда еще удастся из нынешнего редактора выжать.

Завтра неплохо бы встретиться с редактором цветной газеты, который собирался заказать ему статью... и позвонить в Москву: когда они заплатят наконец за его августовский материал?.. ремонт надо заняться... потолок черт знает на что похож... а может, лучше не ремонтом, а купить новый пиджак, старый надоел... и вообще, нормальные люди ремонтом занимаются летом... но какого хрена ждать лета, если деньги пока есть, а летом, может, не будет... летом он, может, на море поедет... или не на море... все равно куда-нибудь поедет... чего сидеть в городе?.. главное, чтобы газета, для которой он подрядился писать, не закрылась... а если закроется, можно будет написать роман... за романы тоже неплохо платят.

Он поставил тарелку в раковину, прикурил от горевшего на плите голубого пламени и подошел к окну. За окном была всегдашняя ночь его новой жизни.

Морщась от отвращения, он сполоснул тарелку, поставил ее в сушилку и вернулся в комнату. На экране все еще улыбался кретин ведущий... или это был уже другой? Даниил попереключал каналы и понял, что ничего веселее ему все равно не найти.

Он лег наконец во весь рост и почувствовал, как устал за день. Болела спина, чесались белки глаз. Сегодня он рано встал. Сходить купить пива? Попробовать уснуть? С тех пор как он вышел из тюрьмы, он не любил спать.

Изолятор, в котором он сидел, был ведомственный. Двух-трехместные камеры, сносное питание. Вместо парашни — стандарт-

ный унитаз. К нему в камеру никого не подсеяли. Это было хорошо.

Он целыми днями лежал на правом, менее поврежденном боку и разглядывал трещинки на бетонном полу. За девять месяцев он запомнил их хорошо. Стоило ему зажмурить глаза, и они до сих пор причудливым узором проплывали под веками.

Считается, что те, кто попадают в тюрьму, мечтают поскорее вернуться домой. Даниил, оказавшись дома, всего лишь до поздней ночи смотрел телевизор, листал глянцевые журналы двухлетней давности, а измотав себя усталостью, засыпал — как проваливался. И никогда не видел снов.

Заранее зная, что будет жалеть, он встал с кровати и сделал то, что давно собирался. Как-никак сегодня круглая дата. Два года. Он подошел к письменному столу, выдвинул нижний ящик и достал полароидную фотографию. Она была поцарапанной, потрескавшейся и серой от прикосновения жирных пальцев.

Как фотография выжила в том бардаке, который творился с ним последние двадцать с лишним месяцев, он не знал. С фотографии на него смотрело его вчера.

Смеющиеся, уже с утра пьяные, молодые. Они еще не знают, что скоро все до единого будут мертвы. А он останется и будет вынужден жить дальше.

Из тюрьмы он вышел четыре месяца назад. В самом начале лета, которое выдалось ранним и жарким. На Марсовом поле отцвела сирень. Каждое утро он просыпался от спящего сквозь окно солнца и чувствовал запах расплавленного асфальта.

Он залезал в душ, а потом сидел и подолгу не мог понять, чем же следует сегодня заниматься... чему посвятить еще не прожитый день. Во сколько бы он ни вставал, ему казалось, что за окном ночь и пора ложиться спать. Впрочем, со временем он втянулся.

Первые полгода, проведенные в тюрьме, он почти не помнил — лежал в больнице. Ожог — двенадцать процентов кожи. Его несколько раз оперировали. Из академии специально приезжало седьмое светило с собственными ассистентами.

Теперь шрамы он почти не чувствовал. Они побелели и не беспокоили. Первое же время заживающие ожоги страшно чесались. Особенно один, самый большой, на груди.

Как только он смог нормально ходить, его перевели в специзолятор под Выборгом, и начались допросы.

Фотография выжила, а люди, на ней изображенные, — нет. Предметы всегда долговечнее хрупких человеческих существ. Тоший Гребень, пузатый Артем, короткостриженная Лора, он сам с отросшими ниже плеч волосами. Вместе во все дни до скончания века...

— Вы признаете, что совместно с гражданами Иващенко, Гусевым и Докучаевым вступили в преступный сговор, имеющий целью террористический акт в отношении премьер-министра Японии, господина Фукоку?

— Признаю.

— Кто еще участвовал в планировании и проведении данного теракта?

— Никто.

— То есть вы собирались провести его вчетвером?

— Впятером.

— Кто был вашим пятым соучастником?

— Теперь это неважно. Пятой была девушка. Ее звали Лора. Теперь она мертва.

Он поднес фотографию к глазам. Просто картонный квадратик, в центре которого похмельный Артем смешно нахмурился в объектив. В то утро у него расстроился желудок.

В протоколе, с которым ему дали ознакомиться, значилось: «т-ла террористов, известных по псевдонимам „Густав“ и „Артем“ (настоящие фамилии — Докучаев и Иващенко), поступили к судебно-медицинскому эксперту в виде, обезображенном настолько, что опознанию не подлежали».

Какое, в задницу, опознание? Перед тем как его, с сожженной кожей, истекающего кровью, увезли на реанимационной машине от собора, он видел, что взрывом был выворочен целый пролет балюстрады. Говорят, куски гранита забросило чуть не на другой берег Невы.

То, что они с Гребнем успели добежать почти до выхода, спасло им жизнь. Даниил пострадал больше. Гребень — меньше. В камеру выборгского изолятора он попал месяца за четыре до Даниила.

Первый раз Даниил видел его на очной ставке, устроенной им прошлой зимой. Даниил ковылял по коридору на костылях. По коридору навстречу шел, зажатый по бокам мордастыми конвоирами, Гребень.

— Писатель! Ебты! А я думал, эти гандоны тебя уже убили!

Он отпихнул конвоиров, он бросился к Даниилу, он блестел зубами, а когда конвоиры заломили ему руки, не переставая улы-

баться, наклонился к тому, что был поближе, и спросил, почему тот редко заходит в камеры?.. ведь ээки любят таких... пухлогубеньких.

Конвоир изменился в лице и несколько раз ударил его рукояткой пистолета пониже ребер. Гребень не перестал улыбаться. У него была злая улыбка сильного и свободного животного.

Второй, и последний раз Даниил видел его сразу после Нового года. Протухший взгляд, грязная одежда. Этот пиджон перестал даже умываться. У него не было двух передних зубов. Через левую бровь тянулся большой белый шрам...

Еще полтора месяца спустя он повесился в камере на скрученной в жгут простыне.

(как бы, не могу я жить вместе со жлобьем. у меня, как бы, конституция для этого чересчур тонкая, поняли?)

А вот Даниилу повезло. По крайней мере так ему казалось, когда он вышел за покрашенные зеленым ворота изолятора.

Столичные газеты поместили материалы о взрыве на первой полдсе. Для некоторых из этих газет Даниил раньше писал. Авторы высказывали сомнения в том, что известный журналист Сорокин действительно мог иметь отношение к организации взрыва.

При чем здесь писатель? Пусть нам назовут имена настоящих организаторов этой варварской акции! Версию о том, что спецслужбы взяли совсем не того, кого следовало, подхватили говорящие головы из телевизора.

За две недели до суда в камеру к Даниилу пришел Майор. Даниил не видел его почти год, но он совершенно не изменился. Тот же серый пиджак, то же незапоминающееся лицо.

В результате суд вышел скомканым. Еще через три недели Даниил был дома. С формулировкой: «Вина не доказана». Судья особенно напирал на то, что японец остался жив, а Даниил несколько лет назад писал о терроризме книгу. Какая между этим связь, Даниил не понял, но спрашивать не стал.

Он огляделся и обнаружил себя на знакомом с детства плюшевом диване. Где с тех пор и пребывал, не отвечая на просьбы об интервью и заворачивая приглашения поучаствовать в модных токшоу. Майор может быть доволен: как они и договаривались, никто не узнает о том, что же на самом деле произошло на колоннаде Исакиевского собора.

Когда-то он влез в эту историю ради того, чтобы написать книгу, получить деньги и уехать с НЕЙ на необитаемый островок. Ост-

ровок, на котором он приземлился, оказался действительно необитаемым. Размером он был всего-навсего с плюшевый диван.

Даниил кряхтя поднялся, выключил телевизор и включил радио. Покрутил колесико настройки, остановился на «Хит-FM 90.6», немного убавил громкость, снова взял со стола полароидный снимок.

Самым ужасным в его новой жизни были вечера, когда он оказывался дома один и понятия не имел, чем занять отломившийся бонус: несколько десятков лет предстоящей жизни.

Когда он вернулся в квартиру родителей на Моховой, те устроили ему праздничный ужин. Отец рассказывал старые, запомнившиеся Даниилу еще с детства анекдоты. Он одолжил ему денег, и Даниил снял квартиру, перевез мебель, купил телевизор и кое-что из одежды.

Теперь у него было вроде бы все. Можно было начинать все снова.

Он закрыл глаза и, не шевелясь, выкурил сигарету. Сходил на кухню, попил воды, вернулся в комнату и выкурил еще одну. Потом включил маленький ночник на стене, выключил верхний свет и стал не торопясь стаскивать рубашку, футболку, брюки, мягкие, удобные семейные трусы с пуговичкой на ширинке...

Времена, когда он носил камуфляжные футболки и кожаные джинсы, как у Пола Хьюсона из U2, прошли.

Строители нового мира. Парни в черной садомазо-коже и футболках с апокалипсическими надписями. Пьяная и веселая заря нового века. Какого хрена?!

Пили, делали секс, носили в карманах кожаных курток большие металлические пистолеты. И что? От нового мира остался сгнивший труп с разломанными шейными позвонками, оторванная рука с нататуированной ящерицей и полведра брызг, опознанию не подлежащих.

(вижу: поднимается с колен моя родина! вижу: приходит она — революция!)

Еще остался он, Даниил Сорокин. Тоже ненадолго. Тридцать лет. Впереди еще столько же, но — по нисходящей. Девушки постепенно перестают улыбаться тебе на вечеринках. После третьего коктейля в боку начинает ворочаться дырявая печень.

Вокруг, в точно таких же блочных коробках, лежат в постелях тысячи тысяч точно таких же, как он. Уставших на работе, принявших душ и пожевавших пельмени.

А в сыром (обязательно в сыром и дурно пахнущем!) подвале сидят, болтая о молодости мира, те, кто не желает уставать на работе, делать супружеский секс и есть пельмени.

Парни в черных кожаных куртках.

Эти разговоры, эти подвалы, этот новый мир — все это вирус. Шел человек по улице. На работу или к девушке. Поднял голову к свинцово-грязным небесам... готово! Через неделю можешь искать его, одетого в футболку с Че Геварой, в подвале.

Отныне долгими осенними вечерами парню предстоит сидеть и мечтать, как с борта стратегического бомбардировщика он будет забрасывать ракетами Кремль.

(парни из «Красной армии Японии» времени на всякую херню не тратили. уже через пять лет после того, как собрались, парни пытались угнать стратегический бомбардировщик и к едрене-фене закидать ракетами Пентагон!)

Каждый из них схватил этот вирус по-своему. Гребень хотел удовольствий. Артем — служения... жертвы. Лоре просто хотелось любви. Ничего особенного. Кончилась история тем, что они умерли.

Сиди дома, говорил им этот мир, и я не трону тебя. Они не сидели, и мир их убил. Он так устроен, этот симпатяга мир. Тот, кто не хочет лежать в теплой постели, будет лежать на кладбище.

(вы мертвы, парни.

я никогда не говорил вам этого, мазефакеры, но я любил вас. вы были самыми лучшими, самыми чистыми из всех, кого я знал.

вы хотели, чтобы как лучше... вы сделали как нужно... и вы мертвы. с теми, кого вы ненавидели, нельзя играть по их правилам. они все равно выиграют. вы попытались — и больше вас нет.

вы убиты, вы сгнили, вы забыты. а я... жив.

как мне прожить то, что осталось? время, которое я не собирался проживать?

эту бесконечную ночь?)

Он уже засыпал, проваливался в текущую из вчера в завтра реку, и мысли текли сами собой. Вялые, мягкие, ускользающие... Под веками у него уже плыли ажурные парусники, и под одеялом было тепло, а внутри разливалось теплое чувство.

Он знал — теперь все будет хорошо. Он засыпал, а на его губах застыла детская безмятежная улыбка.

Теперь он знал, чем ему предстоит заняться...

Он встал, оделся, до самого подбородка застегнул молнию черной кожаной куртки и, хлопнув дверью, вышел из квартиры.

Ночь. Просто осенняя ночь

(он раздвинул ветви и огляделся. никого. быстро, в несколько прыжков, он преодолел открытое пространство и рухнул в траву. перекатился на спину, подтянул сумку с оружием к себе и затаился.

небо было черное, пустое, ни единого облачка. отличная летная погода. он приподнялся над травой. с этой стороны база не охранялась, но он все равно сделал все как положено: лежа ничком, опустил маску на лицо и лишь затем поднялся на колени.

забор был высоким. его это не смущало. вчера, осматривая базу в бинокль во-он с того холма, он заметил несколько росших у самой ограды деревьев. пригибаясь к земле, он добежал до ближайшего дерева, закинул сумку за спину, быстро вскарабкался до первой развилки и снова замер.

черный комбинезон, на лице маска, оружие обернуто в мягкую фланель и не брякнет, даже если сбросить сумку на асфальтовую дорожку.

покрепче обхватив ствол, он подтянулся и заглянул за забор. вдоль забора через каждые сто метров были натяканы вышки с яркими, ярче солнца, прожекторами, и база лежала теперь перед ним как на ладони.

в обе стороны, насколько хватало глаз, тянулась взлетная полоса с яркими лампочками разграничительных полос. на противоположной стороне в тени замерли истребители. вокруг ходили с деловым видом механики в защитных комбинезонах. еще дальше вправо были припаркованы несколько заправщиков.

он перекинул сумку вперед и вытащил из бокового кармашка ку-сачки. Колючая проволока была натянута в восемь рядов. он аккуратно перекусил четыре нижних и, насколько хватило рук, отогнул проволоку в сторону. даже сквозь вязаные перчатки он чувствовал, какая она холодная.

он осторожно, так чтобы не зацепиться, свесился на ту сторону забора, сбросил сумку на землю и нырнул вслед за ней сам. Приземлился на руки, подхватил сумку, пробежал, пригнувшись, несколько метров и затаился возле забора. осторожно выглянул, пытаясь разглядеть, не слишком ли заметна перекушенная проволока.

он вынул из сумки пистолет, накрутил на дуло трубку глушителя и прикрепил к поясу. достал автомат, щелкнул для проверки

затвором, пихнул в сумку на поясе пару запасных магазинов. гранаты убирать не стал, зажал в руке. последний раз осмотрелся.

ну что — поехали?

короткими перебежками он добрался до ближайшей вышки. привалился к забору и огляделся. медленно поднял ствол пистолета, совместил в одну линию мушку, прицел и затылок часового и плавно спустил курок. выстрел получился тихим, не громче хлопка в ладоши. часовой повалился, даже не вскрикнув.

Даниил подбежал к одной из свай, вытащил из нагрудного кармана фляжку с бензином, разбрызгал, чиркнул зажигалкой. одну из зажатых в руке гранат он, выдернув чеку, прикрутил скотчем к опоре, потом отбежал в сторону, коротко замахнувшись, швырнул в забор вторую гранату, а сам бросился в сторону стоявших на другом конце взлетной полосы самолетов.

все получилось как он предполагал. через десять минут уже выли сирены, гудело пламя, неслись, стуча сапогами, солдаты в форме, мимо ангара, за которым он отсиживался, пронеслось несколько пожарных машин. он пару секунд полюбовался на то, что устроил, и все так же, короткими перебежками, побежал дальше.

возле самолетов осталось стоять только трое техников. техники нервно курили, вытягивая шеи, заглядывали на то, что творится в дальнем конце взлетной полосы, и негромко переговаривались.

— эй! мужики!

они посмотрели в его сторону. у техников вытянулись лица. как он и предполагал, один — самый бестолковый — тут же потянулся к висевшей на поясе кобуре. Даниил всадил в ногу герою пулю. тот, даже не застонав, рухнул на бетон.

— лечь на землю! лицом вниз! руки за голову!

переводя взгляд с лежащего на земле товарища на вязаную маску Даниила, они начали укладываться. он перебросил автомат на спину, подбежал к ним и вдавил первого из техников коленом в бетонное покрытие.

из бокового кармана брюк он вытащил моток скотча и быстро смотал технику руки. потом, кинув взгляд по сторонам, передвинулся и точно замотал ноги. под конец залепил рот и оттащил к самой стене ангара.

хорошая штука — скотч.

замотав двух оставшихся, он сбегал к углу ангара и огляделся. пожар только-только начали сбивать, офицер в летной форме орал солдатам, кто-то пытался организовать оцепление. все бежали и суетились. в его сторону никто не смотрел.

он вернулся к техникам и, выбрав самого испуганного, рывком отлепил полоску скотча от его губ. тот сморщился от боли, но промолчал.

— отвечать быстро и четко. не вздумай врать — пристрелю как бешеную собаку! понимаешь меня?

тот кивнул.

— у какого самолета заправлен полный боекомплект?

— э-э-э... у всех самолетов... в смысле они все снаряжены, ракетами.

— ракеты учебные?

— настоящие. учебные мы давно не ставим.

— горючее тоже во всех заправлено?

— нет, горючего вообще нет.

— ни в одном?

— им запрещено стоять заправленными на земле. их только перед вылетом заправляют.

— там вообще топлива нет? ни капли?

— нет, ну аварийная норма залита, конечно. чтобы по земле ездить. а взлететь не хватит, очень мало.

Даниил полез за скотчем.

— не надо заклеивать мне рот. у меня насморк, я не могу дышать носом. я задыхаюсь.

Даниил, не обращая внимания, отмотал нужный кусок.

— я не буду кричать. я буду лежать молча, не заклеивайте мне рот. я задохнусь! у меня насморк!

— а у меня — автомат. так что заткнись.

он подхватил сумку и бегом направился к почти черным в стоявшей над базой темноте самолетам. слившись со стеной, он подошел поближе, несколько секунд присматривался к часовому в нелепой шинельке, затем вытащил из сумки пистолет и прострелил ему голову.

на то, чтобы вскарабкаться в кабину, завести на четверть мощности турбины и развернуться, у него ушло всего несколько минут. сверившись с планом, он двинул машину к диспетчерскому центру. убедившись, что развернул самолет правильно, он негромко проговорил в микрофон:

— диспетчер?

— да, слушаю.

— позовите командира базы. срочно.

пауза.

— кто говорит?

— я стою перед входом. я захватил самолет, бортовой номер эм пятьдесят восемь. приборы показывают, что в моем распоряжении имеется четыре ракеты «воздух—земля». вы зовете командира?

— зову... сейчас...

в следующий раз динамик заговорил только через несколько очень долгих минут.

— это командир базы. говорите...

— это захват. я стою перед входом в ваш диспетчерский пункт. перед единственным входом. все вы, там внутри,— мои заложники. вы, а также все женщины и дети из здания слева от пункта. это понятно?

— понятно. дальше.

— это я взорвал ваши склады, я убил двух ваших часовых, и сейчас, если будет нужно, я расстреляю ракетами и вас, и офицерские семьи. я не шучу и не собираюсь блефовать. вы находитесь полностью в моей власти, поймите это сразу, повторять я не стану. если вы попытаете начать выводить людей через окна с другой стороны здания, я нажму на гашетку без предупреждения. если вы попытаете атаковать мой самолет — я нажму на гашетку без предупреждения. если вы не выполните хоть одно мое требование — я нажму на гашетку без предупреждения. это понятно?

— понятно.

— очень хорошо. вы прикажете, чтобы мне залили полные баки горючего. к самолету должен подъехать всего один заправщик с одним человеком в кабине. я должен его видеть. после этого я взлетаю — и вы свободны. ваши диспетчеры организуют мне воздушный коридор и ведут туда, куда я скажу. это понятно?

— я должен доложить начальству.

— нет.

— почему?

— разговор окончен.

— я ведь не торгуюсь. без санкции штаба округа я не смогу ничего сделать. я объясню им, что происходит, и они согласятся. мне нужно всего полчаса.

— ладно. докладывайте. но через десять минут я нажимаю на гашетку, и от здания с вашими семьями остается только облачко пара. еще через десять минут я нажимаю на гашетку второй раз — и в облачко превращаетесь уже вы сами.

— дайте мне полчаса...

— нет. десять минут. время пошло.

он бросил микрофон на приборную доску и откинулся в кресле. кресло в самолете было удобным. когда лампочка связи замигала снова, часы показывали, что прошло ровно восемь с половиной минут.

— алло! пятьдесят восьмой! вы меня слышите?

— да.

— ваши требования принимаются. куда вы собираетесь лететь?

— я скажу после того, как поднимусь в воздух.

— если вы собираетесь лететь за границу, мне понадобится связаться с иностранными диспетчерами.

— нет. не за границу.

— вы представляете какую-нибудь организацию?

— зачем вам это?

— меня просили узнать те, с кем я советовался.

он помолчал.

— да, представляю. я представляю боевую группу политического движения «Прямое действие».

— погодите, не так быстро. политического... как вы сказали?

— заправщик должен подъехать справа. ехать медленно, остановиться за белой разделительной полосой. делать он все должен медленно. если что будет не так... вы меня понимаете...

— понимаю.

— если вы надумаете валить мне какое-нибудь не то горючее, или начнете мудрить с воздушным коридором, или еще что-нибудь хитрое придумаете, то... у меня на коленях лежит карта. на карте значится, что вон за тем леском расположен городок Нижнереченск. сколько бы горючего у меня ни было, взлететь мне хватит и до городка я дотяну, и скорее всего успею расстрелять все четыре ракеты. и уж только затем свалюсь на самой оживленной нижнереченской улице. я внятно излагаю? да? давайте обойдемся без экспромтов, хорошо?

— хорошо.

желтый заправщик медленно выехал из-за ангаров. машина подползла к разграничительной линии, и из кабины вылез действи-

тельно один-единственный техник. если что-то и должно было начать происходить, то именно сейчас. но все обошлось. индикаторы показали, что баки полны. заправщик так же медленно уполз обратно.

— все о'кей? — поинтересовался динамик.

— да.

— вы собираетесь выходить на полосу?

— собираюсь.

— погодите, тут с вами хотят поговорить.

в динамике пощелкало. потом Даниил узнал голос:

— Даниил Владимирович? вы меня слышите?

— да, майор, я вас слышу.

— что происходит, Даниил Владимирович? мне сказали, вы захватили базу?

— захватил.

— я не понимаю: вы в одиночку захватили целую базу?

— да.

— зачем?

— давайте вкратце, я очень занят. что вы хотели мне сказать? майор говорил о том, что Даниил поступает странно, очень странно... он подводит лично его. майора, который, между прочим, ходатайствовал за него, ручался и содействовал его досрочному освобождению... а теперь такое начинает происходить... и в этот раз помочь ему будет невозможно...

Даниил не слушал. он обеими руками держал штурвал и, не торопясь, разворачивал самолет на исходную позицию.

когда он подъехал к жирной белой черте с надписью START, то снова взял микрофон и сказал:

— давайте не будем тянуть время. я не передумую.

повисла долгая пауза. посланные майором головорезы в любом случае не успевали подъехать до того момента, как шасси самолета оторвутся от земли.

— куда вы хоть собрались-то?

— я собрался в Москву. все четыре ракеты я собираюсь выпустить по Кремлю.

— по Кремлю?!

— да.

— почему по Кремлю? это же паранойя! зачем вам это надо?!

— я знаю, что это паранойя.

— и все равно делаете?!

— у меня мало времени. попросите командира базы переключиться на связь со мной.

— Даниил Владимирович, что вы делаете, а? вы же понимаете, что у вас нет ни единого шанса добраться до Москвы!

— понимаю.

— и все равно пытаетесь? вас собьют в воздухе. собьют сразу же, как только вы взлетите.

— я знаю.

— тогда зачем вам взлетать, я не понимаю?! все ПВО Северо-Запада уже предупреждены. вам осталось жить от силы двадцать минут!

— майор, вы зря тратите время.

он потянул руль на себя. перед ним лежала бесконечная, ровная и чистая взлетная полоса.

двадцать минут? ну что ж, пусть двадцать... это будет очень интересная жизнь. не очень длинная, и получаса не наберется, но — настоящая жизнь.

взлетная полоса утиралась в прекрасное восходящее солнце)

Ночь кончилась. Начинался день.

МАЧО НЕ ПЛАЧУТ

1999

WARNING!

Данный роман рассчитан на чтение при одновременном прослушивании в плеере альбома «The Fat Of The Land» группы «The Prodigy»,

В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ МОЖЕТ НЕ ТОРКНУТЬ!

Часть 1

ПЯТЬ ВРЕМЕН ГОДА

...Видишь?! Видишь?! Видишь?! — кудахтал, сидя на переднем сиденье, Дин. — Я же говорил, поразвлекаемся! Каждый человек — это кайф, старина!..

Джек Керуак. В дороге

История первая, про колбасу и клубнику

А потом началась весна. Сосульки-фаллосы и все такое. На тротуарах снега уже не было, а на газонах, под деревьями, он еще лежал — грязный, сопливый. Смотреть на него было неловко, как на повешенных в Нюрнберге вождей рейха. По Фонтанке плыли последние льдины с вмержшим мусором. На некоторых скакали наглые вороны. Дети с ранцами на узеньких спинах опирались о чугунные решетки и спорили, чья льдина приплывет к мосту первой.

По утрам мимо цирка я ходил в редакцию. Черный Летний сад был закрыт на просушку. Над деревьями истерично орал птицы. Возле парадной, где мне, пятнадцатилетнему, делала оральный секс здоровенная пьяная тетка, лежали высохшие собачьи какашки. Всю неделю небо висело низко. Асфальт был сухим, а воздух, наоборот, мокрым и пах гнильцой. Погода напоминала девственницу, которая все для себя решила, просто еще не нашла с кем переспать. То есть выйти на улицу в рубашке было бы преждевременно, но это все равно была весна.

И был день, и не было денег. Неделю назад в восемь было уже темно, а теперь и в полдесятого еще не очень. Я вышел из издательства и понял, что все началось по-настоящему. Первый раз за полгода по набережным бродили толпы людей. Девушки кое-где уже без колготок, с нагими белыми ногами. Одноглазый циклон перегрыз глотку антициклону, или Гольфстрим потек вспять, и водоросли Саргассова моря сварились в суп, а может, случилось что-то еще. Вконец ошалевшие городские дурачки стали вдруг очень заметны.

Все часы в городе отчаянно вращались, не сумев разобраться, куда же перевели это сумасшедшее летнее время. Парни с «Балтиками» хватали дам за руки и куда-то звали. Те смеялись. Никто не обижался.

Разумеется, я напился. Ночь была самой первой, самой прекрасной. Я не мог предать этот жирный мрак и мокрый воздух. Долго занимал денег, а потом сидел в «Montreal-Steake»'е за тесным двухместным столом и рассматривал прищуренные глаза красивой барменши. Над головой гирляндой висели ржавые чайнички. Дизайны в «Монреале» еще тот. Я думал о том, что сегодня кто-то непременно расстанется с невинностью — уж такая ночь!

С утра ко мне зашел Глеб — с новой подружкой и несколькими бутылками пива в рюкзаке. Рюкзак назывался «Jan Sport» и стоил кучу денег. Девушку звали Оля. Все подружки Глеба похожи на манекенщиц. У этой были чересчур длинные ноги и крошечный круглый бюст под футболкой. Казалось, что в этих ногах не одна коленка, а минимум три.

Глеб крутил колесико настройки радио и одновременно запихивал пиво в морозилку.

— Погода-то какая, а? нет, какая погода! ты вчера где был? ходил куда-нибудь? ты чувствуешь погоду? тетки ходят... и воздух... ух!.. ты чувствуешь?

Как обычно с утра, пиво поразило терпким вкусом. На этикетке бородатый Степан Разин щитом прикрывал пах.

— Как дела?

— Как у тебя?

— Редко мы стали видеться, а?

— Типа того.

Горлышком своей бутылки Глеб коснулся моей и сказал, что рад меня видеть. Ему было жарко. Он вытаскивал из кармана брюк платок и вытирал мокрое лицо.

— Ну, расскажи! Как ты?

— Нормально. У меня все нормально.

— Супер! Я рад! Как личная жизнь?

— Ничего.

Интересно, его когда-нибудь бросали девушки из-за того, что он слишком много пьет?

— А с работой?

— Да так. Тоже нормально.

— Платят?

— Иногда.

Похмельные утра отличаются от обычных не так и сильно. В первом случае хочется горячего, острого мяса. Во всех остальных — горячего сладкого кофе. Даже сквозь радио было слышно, как во дворе кто-то орет весенними голосами.

Хорошо выпить пива в такое утро. Вам знакомо ощущение, что наступающий день будет очень важным? Что именно сегодня все произойдет?

— Погода-то какая!

— Да-а-а...

— Что ты делаешь летом?

— Не знаю. Еще не думал. Денег нет.

— Посмотри, какая погода!

— Погода просто отличная!

— Поехали в Гоа?

— Денег нет.

— А много и не надо.

— Совсем нет. Нисколько.

— Сто долларов? Не смей меня!

— А дорога?

— Ну и плюс дорога.

— Сто долларов?

— О том и речь! О том и речь! На месяц, а? В Гоа, а?

Глеб задира л брови, опрокидывал в рот бутылку, фыркал и вытирал мокрое лицо. Гоа — это штат в Индии. «Вся продвинутая молодежь должна отдыхать в Гоа!» — орал Глеб. Уже лет тридцать в тамошние бухты со всего мира съезжаются любители модной музыки и легких драге. Глеб уже бывал в Гоа. Теперь каждую весну он ищет компаньонов, чтобы съездить еще раз.

— Из Бомбея до Пондишери едем на автобусе. Четыре доллара с человека. А тут... короче, тут такая, как бы, скала. Объезжаем — хоп! Пальмовый лесок! Всё, приехали! В леске стоят палатки. У тебя есть палатка?

— Нет.

— Неважно! Палатку найдем! Местечко называется Анджуна. Не знаю, как переводится. Пальмы, палатки и ходят голые люди. Нет, хочешь, можешь ходить одетый. Никто слова не скажет! Лично я ходил голый. Супер! Ты не подумай — ничего такого! Там даже дети есть. Тоже ходят голые. Люди со всего света приезжают в Гоа, чтобы ходить голыми. И мы будем! И Оля — правда, Оля? Там есть хиппи, которые еще со времен этих... короче, «Битлз»... с тех

времен ездят в Гоа. Сандаловыми деревьями пахнет. Сан-да-ло-вы-ми! Причем все дешево. Продукты — fake! Доллар в сутки! Может быть, даже полдоллара. В деревне там есть настоящие слоны. Энергетика — положительная! Вечером на танцульки пойдём. В Гоа сводят настоящие диджеи. Не всякие Грувы, а... В общем, ты понимаешь. Так отжигают! Песчаный пляж, гашиш и танцы, а? Пес-ча-ный! Понимаешь? И всего сто долларов!

Длинным чистым пальцем Глеб рисовал на столе карту штата Гоа. Слева от заварочного чайника пыхтел мокрый и сильный, как гиппопотам, Индийский океан. Сквозь немытые с прошлой весны окна светило солнце. Пиво было именно такое, как я люблю. Светлое, но не совсем вода, а... в общем, хорошее пиво.

Мы обсудили, сколько может стоить билет до Бомбея. Глеб сказал, что, если что, он одолжит мне немного денег. Оля спросила, есть ли в его Гоа приличный душ? После купания в соленой воде волосы нужно обязательно сполоснуть. Иначе это вредно.

— А джунгли?! Ты когда-нибудь был в джунглях? То есть в реальных джунглях? Ты сидишь в шезлонге, вокруг трава, а из нее торчит чья-то кожаная спина. Просто торчит из травы. Ну как будто чей-то хребет. В длину — метра три. Извивается. Не знаю, может, это... ну, там крокодил... Один раз я пошел в душ. Включил воду, жду, пока попрохладнее потечет...

— То есть душ там все-таки есть?

— Да отстань ты со своим душем! Вода... короче, жду, пока протечет...

Я достал всем еще по бутылке. Они пили медленно, зато я очень быстро. Пиво не успевало остыть даже в морозилке. Если ты пил вчера, то сегодня уже после пары бутылок у тебя начнет рябить в глазах. Ощущение, будто голова набита грязной ватой из матраса.

Солнце выкарабкалось за крыши домов, привело себя в порядок и порулило дальше. Оказавшись на улице, мы решили, что обязательно найдем магазин с ХОЛОДНЫМ пивом. «Запотевшим, да?» — поднял бровь Глеб.

На углу Моховой сумрачный алкаш лениво бил подружку. У той был неправдоподобно сизый нос. Прохожие улыбались и не вмешивались — весна! Пробежали странные трехногие собаки. Может, действительно уехать? Эти улицы... каждый день одно и то же... В «Кузнечике», рядом с кафе «Роксана», мы отыскивали-таки свое запотевшее пиво. В магазине стоял полумрак. Продавщицы с тоской смотрели на сверкающую в дверном проеме улицу. Глеб на-

стоял, чтобы все пили темное, густое «Мартовское». Пиво отдавало ячменным кофе.

— Куда пойдем?

— А куда можно? Сколько времени?

— На самом деле еще рано. Давайте просто гулять. Я рассказывал, как с двумя французами собирался на паях ехать в джунгли на слоне?

— А я рассказывал, почему «Мартовское» пиво так называется?

— Ну почему?

Мы постояли у магазинчика и зашагали к... просто зашагали. В стеклах машин отражалось ослепительное солнце. На первом этаже, на чем-то подоконнике стояла миска с вонючими рыбьими головами. Вокруг нее, как поросята вокруг свиноматки, пристроилось несколько кошек. Они сосредоточенно жевали и прижимали уши к голове. У них были острые лопатки и раздутые дистрофические животы. Это была солнечная сторона улицы. В грязных кошачьих шкурках пряталось золотистое сияние.

Было почти по-летнему тепло. Над домами висело небо, голубое, как Элтон Джон. Тополя напоминали искалеченную Венеру Милосскую. Вместо отломанных рук они решили отрастить себе пару дюжин пальцев непосредственно из торса. Прохожие шалели оттого, что из дому можно выйти просто в свитере. Все шурились и улыбались. Ходили потрясающие девушки. Интересно, это пиво, или они на самом деле как-то особенно хороши весной?

Хотелось сесть, но это было непросто. После долгих месяцев зимы скамейки были грязные, серые. Возле каждой темнела лужа. Где почище, сидели торжественные бабушки. В платках и тесных пальтушках они напоминали снеговиков особой, жароустойчивой породы. Я уже сто лет никуда не ездил. Забыл, каково это: проходить таможенный контроль... в магазинах разговаривать по-английски.

— Если бы я там не был, я бы ничего тебе не обещал. Понимаешь? Но я там был! Я все это видел сам! Идешь по улице... просто по улице... как эта... а посреди дороги в позе лотоса сидит голый мужик. С бородой. Пишет чего-то. Experience, а? Я как-то шел по Мадрасу, а ко мне подходит парень и говорит: «Мистер, давай я тебе ботинки почищу». Какие, блин, ботинки?! Я в кедах шел! В тех, помнишь? А он говорит: «Вы, белые люди...»

— Ты рассказывал эту историю раз пятьсот.

— В Индии в магазинах говорят по-английски?

— Только по-английски!

Я допил бутылку и бросил ее под дерево. Взметнулся фонтанчик грязи.

— Should we stay, or should we go?

— Действительно. Чего мы здесь встали? Мне не нравится, что мы здесь встали.

От магазина с «Мартовским» отходить не хотелось. Я гадал, когда же Глебу надоест меня угощать? После очередного захода Оля начала озиаться, потом отдала Глебу свое пиво и сказала, что сейчас придет. «Начина-а-ается», — сказал он. Я держался. Стоит начать — дальше будешь исчезать в подворотнях каждые двадцать минут.

На балконе дома напротив несколько мужчин что-то пили из белых стаканчиков. Когда Оля вышла из-под арки и забрала у Глеба бутылку, они переглянулись и громко заржали.

— Может, действительно куда-нибудь пойти?

— Например?

— Может, в «Fish Fabrique» пойдем?

— Посмотри на часы. В такую рань клубы еще закрыты.

— У тебя деньги есть?

— Нет. И не было.

— Ага. Что же делать?

— Придумай чего-нибудь.

— Я думаю. Мне ничего не придумывается.

— Пошли в сквот, к речникам?

— К речникам?

— Да хоть к горнякам! Только давайте уже пойдем!

— Оля, у речников собака.

— Я не боюсь собак.

— Я боюсь.

В подвале на Чайковского Глеб купил пива для нас и «Алазанской долины» для речников. Не доходя до набережной Невы, мы свернули в выкрашенную зеленым арку. Проход изгибался томно, как женские ноги на старых порнооткрытках. На стене, рядом с парадной, черным фломастером было написано «Nirvana», ниже ручкой «Ельцин — шакал», а еще ниже нацарапано неперенное «хуй».

По слухам, пару веков назад в доме речников жил кто-то из знаменитых жуликов. Казанова или Калиостро, а может, барон Мюнхгаузен. Лестницу перестали убирать сразу после того, как гость освободил помещение.

На третьем этаже Глеб долго звонил в неработающий звонок и стучал. Нам открыл парень в футболке с надписью «Hash is the Smash» и застиранном «Левайсе». За ним выскочил огромный, оскаленный дог. Унюхав запах алкоголя, дог успокоился и исчез. Парень что-то буркнул, ушел вглубь квартиры, вернулся, пнул собаку, полез за сигаретами, попробовал закрыть перед нами дверь и спросил, какого хрена нам надо?

- Денис дома?
- Денис в Гамбурге.
- Давно?
- Уехал покупать пластинки и «Е».
- Когда вернется?
- Чего ты хотел?
- Мы посидим?

Парень чуть не заскрипел от досады. Мы все равно прошли. В прихожей паслось стадо велосипедов. Несколько модных «Scott», остальные древние и пыльные. В комнате стояли компьютеры. Они гудели и играючи создавали четырехмерные модели Вселенной. Чуть выше взгляд упирался в сгнившие доски, торчащие из-под отвалившейся штукатурки. По углам стояли плоды творчества аборигенов. Скульптуры напоминали останки очень вымерших животных. К размазанной стене был гвоздем прибит человеческий череп.

«Клуб Речников» это второй по известности петербургский сквот. Пустующий дом, захваченный художниками, наркоманами и музыкантами. Место считалось модным. Понятия не имею, почему у него такое название. К флоту никто из аборигенов отношения не имеет, это точно. Целыми днями они варили скульптуры из металлического мусора и иногда давали концерты в кислотных клубах. Насколько я понимаю, гонораров хватало не только на алкоголь, но и на дорогостоящий кокаин.

Снаружи солнце стояло в просвете каждой улицы. Черные лужи на белом асфальте слепили глаза. Попадаешь в помещение, и в глазах еще долго скачут огнедышащие солнечные кошки. Я выставил бутылки на стол. Упал в истрепанное кресло.

Пиво открывали долго. Потом взялись за вино. Штопора не было. Парень в «Левайсе» перерыл всю квартиру, а оказалось, что бутылки запечатаны пластиковыми пробками. Я кричал, что за секунду открою вино ножом. Глеб отпихнул меня и принялся поджигать пробку спичками. Запахло паленой химией. Вокруг стола, помимо

хозяев, сидело несколько датчан и странная девушка в шапочке из кошачьей шкурки. Все в такт музыке качали ногами.

— Ты можешь представить людей, которые живут в Алазанской долине? Это же реальное место! Нет-нет! Я тебе говорю, на самом деле есть такая долина! Долина реки Алазань. Или... э-э-э... Алазанка. Там кто-то живет! Представляешь?! Где вы прописаны? В Алазанской долине! Или в городе Малага! Или в провинции Бордо! А? Ты понимаешь? Это же оскорбление моей личной личности!

«Левайс» сидел напротив меня и чистил воблу. Рыба напоминала жертву автокатастрофы. Мне хотелось называть парня «хакером». Кадыкастая шея, жилистые ноги, крашеная шерстка на черепе. Обувь, разумеется, с толстой подошвой. В соседней комнате кто-то пытался танцевать. Глеб общался с датчанами.

— Вы голландцы?

— Нет. Я из Дании.

— А правда, что в Голландии детей учат, что у человека четыре пола? В смысле два обычных плюс гей и лесби?

— Я не знаю.

— Почему?

— Потому что я не голландец.

— А откуда ты?

Отыскать в квартире туалет было по силам только опытному следопыту. В туалете имелась жуткая железная раковина с желтым краником. Глеб каждый раз подолгу мыл в ней руки. Он чистоплотный, этот Глеб. Жить с таким парнем в одной палатке будет несложно. Девушке слева я сказал, что мы уезжаем в Гоа.

— Where?

У нее было лицо, похожее на булочку с изюмом. Наискосок через грудь висела маленькая сумочка. Наверное, внутри лежали девушкины деньги. Она придерживала сумочку рукой, даже когда пила вино. Европейцы все такие.

Пустые бутылки тут же убирали со стола. Все было настолько отлично, что можно было умереть, хотя умирать было немного жалко, уж слишком хорошо все было... особенно девушки. Разумеется, я уеду. Я, этот замечательный Глеб и его Оля. Будем ходить голыми, почему нет? Интересно, как выглядит голая Оля?

Ждать не хочется, вот что плохо. Хотя чего-нибудь, наверное, можно сделать уже сегодня. Например, занять у Глеба денег.

— Потому что вы любите драге?

— Почему сразу драге? Совсем не драге.

На вкус пиво начинало горчить. Это значит, что нужно чего-нибудь съесть. Я поискал воблу. На столе валялась только ее белая голова. Просоленный глаз рассматривал меня с хитрым прищуром.

— Прямо на холмах! Совершенно официально! Причем... you know?.. это не наша анаша. Это реальный индийский гашиш! Реальный!

— Я понимаю.

Потом я еще раз сходил за пивом. Город успел прогреться по-настоящему. Когда я вернулся, Глеб кричал, что давайте послушаем «Jamigoquite», кассета у него с собой. Лица менялись. Кто-то прощался и уходил совсем. Я хотел взять сигарету, но почему-то выпил вина. Хотелось сказать: как хорошо, что мы сидим именно вместе. Таким отличным коллективом. Но вдруг меня бы не поняли? Я не знал, как поступить.

Слева кто-то бубнил:

— У него еще такая шапочка из полартекса... знаешь шапочки из полартекса?.. лично я не догоняю такие шапочки из полартекса... у них еще козырек такой... полартексовый...

Собеседник отвечал концептуально:

— Я говорил, от чего сегодня проснулся? От того, что окружающая реальность напала на меня и пыталась порвать на куски. Представь, от такого проснуться?

Потом Глеб увел Олю в прихожую. Скоро там начало что-то шумно падать. Может быть, стадо велосипедов сорвалось с привязи и набросилось на них? Первое, что я увидел, выскочив, это мокрое лицо Глеба. Он держал девушку за волосы и лупил по лицу. Оля орала. Вокруг сразу стало тесно. Все махали руками, кричали, толкали друг друга, порывались куда-то бежать. В давке кто-то упал. Я наступил ему на руку.

Когда Глеба увели в комнату, Оля выскочила следом и с размаху ударила его ногой. Некоторое время все бегали по комнатам. Потом Оля громко хлопнула дверью. Я влил в себя сразу полбутылки пива. Глеб ладонями тер щеки и мелко сплевывал на пол. Датчане смотрели на него с ужасом. Молодой человек в растаманском берете попросил, чтобы Глеб все-таки ушел. Тот не спорил. Я ушел вместе с ним.

— Что случилось?

— Да пошла она!

— Не грузись. Только не грузись, ладно?

— Дай сигарету.

Считается, что определить пьяного можно по запаху или шатающейся походке. Это не так. Главное, это новая, неаристотелева логика. Сознание начинает, шатаясь, бродить по кругу. Через несколько часов после начала вечеринки кто-нибудь обязательно начнет водить по лицам соседей плоскими зрачками и шептать: «А вы, значит, ко мне вот так? Ну что ж! Я думал, вы... а вы, значит, вот так, да?» Поворот головы на три четверти, поджатые губы. Спорить не стоит. Очень скоро собутыльник и сам не сможет сформулировать чего, собственно, хотел.

Начинало темнеть. Пахло лужами, теплом и бензином. В запахе было что-то сандаловое. Сан-да-ло-во-е! Фонари горели, но кому они теперь были нужны? Кошки кричали во дворах, словно маленькие дети. Или это и были дети, которые не давали бедным родителям поскорее запрыгнуть в постель? Этим вечером все должны были оказаться в постели.

На Литейном мы поймали такси. Водитель был старый, прокуренный. Когда он говорил, в горле у него что-то булькало. Светофоры были похожи на девушек в красно-желто-зеленых юбках. Водитель спрашивал, что такое клуб «Мама», а Глеб кривил губы. Как же ты возишь людей, если настолько не знаешь город? Хочешь, я проведу для тебя экскурсию? А? Только рублевич со счетчика скинь, ладно?

Почему-то мы вылезли у Пяти углов. Никто бы не усомнился, что только здесь и можно вылезти. Встав рядом, мы пописали посреди темного двора. Заглянули в пару кафешек с одинаковыми пластиковыми столами и светлой «Балтикой» по полдоллара кружка. В третьем по счету продавались вареные раки. Там мы тоже не остались. Вместо этого сели в «Семирамиде» на Стремянной. Не спрашивайте почему. «Семирамида» нравилась мне еще меньше, чем предыдущие заведения.

- Дура она, эта Оля.
- Да ладно тебе.
- И кафе это — отстой!
- Типа того.
- За тебя!
- Хинди-руси бхай-бхай!

День был будничным. Посетителей в кафе было немного. Барменша сказала, что холодного пива у них нет. Глеб выпятил нижнюю губу и сказал, что как раз пиво нам нужно теплое. Зато, если холодной будет шаверма, он готов даже немного приплатить. Барменша сказала: «Чего-о?»

В кафе были деревянные столы и стулья с неудобными спинками. За окном спускалась настоящая весенняя ночь. Потом зашли две девушки. Заказали себе по пиву и дешевое мясо. Одна была выскокая, с волевым подбородком и крепкими руками. У второй были опущенные, как у бассета, уголки глаз. Девушки не производили впечатления дам, готовых составить нам компанию. Постоянное копание в сумочке, сигарета в отставленной левой руке. Впрочем, сидели они все-таки в «Семирамиде» и пили «Балтику» за полдоллара кружка. Еще через полчаса мы подсели к девушкам.

— Почему вы ставите кружку? Не надо ставить! Выпейте до дна!

— Я выпью. Погодите, я не могу так быстро. А почему вы хмуритесь?

— Он не хмурится. Просто этот парень пьет с самого утра.

— Ха-ха-ха!

Глеб всей грудью наваливался на стол.

— А мы уезжаем в Гоа. Как это вы не знаете, где Гоа? Сейчас расскажу! Сейчас я все расскажу!

Мне казалось, что, допив, девушки встанут и уйдут. Они все сидели. Курили мои сигареты и смеялись над Глебовыми историями об Индии. Истории становились все неправдоподобнее.

— Поедете с нами?

— Конечно!

— Это здорово! Здо-ро-во!

— За Гоа?

— За Гоа!

— Когда едем?

— Как это когда? Какая разница когда? Когда-нибудь! Вот соберемся и поедем!

Мне было лет двадцать. С тремя приятелями я несколько дней подряд пил алкоголь, а потом очутился в Ялте. Купюры не лезли в карманы моих брюк. Если не ошибаюсь, тогда я носил «Bugle-Boy». Как я мог забыть ту весну? Я так давно нигде не был! Как я мог забыть ту ялтинскую девчонку, которая пьяными пальцами долго расстегивала мне ширинку, а когда потом я закурил, танцевала для меня по колено в прибое, падала и смеялась? Мне было ужасно хорошо, как я мог это забыть? Я валялся с ней на пляжных лежаках и не знал, как ее зовут, но это было ничего, ведь и она называла меня почему-то Зураб. Пусть все повторится! Пусть в этот город придут осточертевшие белые ночи — мои ночи будут черны! У индийских женщин огромные коричневые соски... и черные волосы до

ягодиц... до роскошных ягодичек... похожих на иллюстрации к «Кама-сутре»... я обязательно уеду!

Глеб угостил девушек пивом. Потом еще раз. Потом наклонился ко мне и спросил, сколько у меня осталось денег? Девушки тактично отвели глаза. Глеб сказал, что ах, да... я же уже говорил.

— Давай, знаешь чего? Дальше — пополам. То есть я потрачу, а потом ты половину отдашь, о'кей?

Он вызвал из подсобки грустного армянина, хозяина «Семирамиды». Когда ты хочешь поменять несколько долларов у хозяина кафе, в котором сидишь, разговаривать нужно негромко, с большими паузами и глядя собеседнику прямо в глаза.

— Наебал небось конь нерусский. Что за курс?! Нет, ну что за курс?! Ага... нет, не наебал... хм... Да, верно. Что пьем?

Ворох иностранных купюр отразился в глазах девушек, как модница в зеркальной витрине. После следующего пива высокая решнулась и сказала, что неплохо бы потанцевать.

— В клуб? Ты хочешь в клуб? А в «69» пойдешь?

— В гей-клуб? Ты серьезно?

Я боялся, что Глеб переспит с ней прямо в такси. Выбираясь из машины, девушка упала и испачкала пальто. Глеб громко смеялся, а она обижалась. В большой витрине клуба висел постер с мускулистыми морячками в беретах. То, что выпирало у них сквозь брюки, относилось не к анатомии человека, а к галлюциногенным видеонаблюдениям Иеронима Босха.

Глеб показал охранникам свою членскую карточку. У входа в зал милиционер проверил, нет ли у нас с собой алкоголя. Я заученно сосчитал насчет его бегающих по мне ладоней. Вино мы, разумеется, купили заранее. Но для начала сдали бутылку в гардероб. Меня пропустили бесплатно, а за девушек пришлось заплатить. Спорить не стоило. Их запросто могли не пустить вовсе.

Мы сели за столик.

— Давно хотел тебе сказать.

— Начинай.

— Пиво... Оно продается в больших бутылках и маленьких бутылочках.

— Не понял?

— Ну... Ноль-пять и ноль-три.

— Теперь понял.

— Ты замечал, что эти бутылочки по объему отличаются почти в два раза, а стоят одинаково?

— Эуммм...

Он понизил голос:

— А ведь некоторые люди... пьют пиво из МАЛЕНЬКИХ бутылок.

— И чего?

Он перешел на шепот:

— Я таких ненавижу!

Я подумал над тем, что он сказал.

— У тебя вообще нет денег?

— Нет.

— Ты видел, сколько здесь стоят напитки? Они охуели! Чем мы будем поить этих туловищей?

Девушки обшарили весь клуб и даже заглянули в туалет. Наверное, они рассчитывали попасть в грязный притон, где по углам мужчины щиплют друг друга за ягодицы. А оказались в заурядном диско. Томных типчиков в ажурных чулках и с покрашенными ртами видно не было. Та девушка, что пониже, пыталась курить и икала. Иногда получалось довольно громко. За столами вокруг сидели толстяки с запястьями штангистов. Они недовольно посматривали в нашу сторону.

Почему девушкам так интересны гомосексуалисты? Нет средства затащить даму в постель вернее, чем сказать, будто ты гей. На втором этаже «69» имелась dark-room. В комнате было так темно, что не разглядишь и собственного плеча. Там можно было поиметь принципиально анонимный секс. Делаешь шаг внутрь, и чьи-то руки уже ищут zipper на твоих брюках. Хорошо, если две, — рук может быть и шесть-восемь. Перед входом висела табличка «Только для мужчин». Не знаю, как, но Глеб затаскивал туда своих девушек регулярно. Для этого и обзавелся клубной карточкой «69». Как-то провел замужнюю тридцатипятилетнюю художницу. Рассказывал, что первыми словами, после того как она застегнула юбку, были: «Сволочь ты, Глебушка. Я думала, ты и вправду гей».

Он сходил к стойке бара и выставил перед девушками по рюмочке коньяка.

— Вкусный. Можно еще?

— Попозже.

Девушки курили и потихоньку злились. Они не понимали, почему богатый Глеб перестал угощать их коньяком. Девушки не знали, что коньяк был бесплатный. Эти две рюмочки полагались всем обладателям клубных карт. Глеб что-то шептал длинной и пытался

целовать ее в шею. Она молча и сосредоточенно отбрыкивалась. Мне вроде бы достался бассет. Девушка сидела с лицом, глядя в которое я боялся даже думать о том, что с девушками иногда спят.

— Пойдемте стриптиз, что ли, посмотрим?

Глеб говорил так, будто шагал по шпалам. Левым глазом он смотрел на одну девушку, а правым на другую. Фокусник хренов.

Стриптиз в «69» считался любительским. Раздеваться на сцене должны были мужчины из публики. Желаящие находились редко. Перед началом шоу в зал выходили несколько профессиональных танцоров, их-то и вытаскивал на сцену ведущий. Шоумен был одет в костюм презерватива. Оранжевый обтягивающий комбинезон с пимпочкой на макушке. Из низа живота у него торчал водопроводный кранчик. Призом за смелость для стриптизанов служила водка. Человек-презерватив наливал ее в стаканы из кранчика.

Танцоры были мускулисты и носили трусы от «Келвин Кляйн». Девушка-бассет смотрела на них и зло кусала губы. Ей хотелось алкоголя и мужского внимания. Танцоры стаскивали джинсы и хореографически крутили бедрами.

— Знаешь, а я станцюю!

Чтобы мне расслышать, Глеб наклонялся к самому моему уху. Ведущий в микрофон спросил: «Есть еще желающие?» — а он вскинул руку и сказал: «Есть!»

Свитер Глеб оставил в баре. Он неловко выбрался на сцену, сощурился на яркие прожектора и ухмыльнулся. Публика поаплодировала новой жертве. Глеб качнулся в сторону ведущего и что-то ему сказал. Тот засмеялся. Мне казалось, что сейчас Глеб свалится вниз, но все обошлось.

Раздеваться предстояло под «Livin' La Vida Loca». Песня была хитом наступающего сезона. Стаскивая через голову дорогую рубашку, Глеб оторвал с нее несколько пуговиц. В black light его футболка казалась грязной. Он быстро разделся до пояса и взялся руками за ремень. С места, где я стоял, мне был виден край плохо покрашенной сцены и голый Глебов торс над головами впереди стоящих. Какой он белый... незагорелый. Ничего, скоро загорит.

Глеб собрал раскиданную одежду и пошел получать заработанную водку. Приз полагалось разделить между всеми участниками конкурса, но остальные отказались. Водку ему налили в большие пластиковые стаканы — целую бутылку ноль-семь. Мы вернулись в бар. Запить было нечем. Девушки мужественно сделали по большому глотку, задохнулись и захлопали ресницами. Соседи смотре-

ли на Глеба с любопытством. Потом девушки ушли танцевать... а может, им просто стало плохо? Мы выпили еще. Потом подсел кто-то смутнознакомый в круглых очках. Я стал запивать водку пивом из его бокала. В танцзале вопил беззубый педераст Шура. Потом девушки потерялись окончательно. Смутнознакомый что-то покупал... Глеб пронес из гардероба вино... дальнейшее вспоминается расщепленное яркими блестками.

Вот на улице мы грызем длинную колбасину. По очереди откусываем и передаем друг другу. Вот Глеб от плеча, всем весом, бьет в лицо прохожего мужчину. Кровь стекает на светлый плащ. Я бегаю между ними, что-то хочу доказать... не помню, в чью пользу. Доказать казалось страшно важным. Потом я стою в парадной и пью из горлышка крепленое вино. В метре от меня, перед Глебом сидит старательная девушка. Иногда она прерывается и что-то говорит. Уверяет, что время — деньги, и это известно даже детям. Потом Глеб сел на ступеньки и заснул. Бутылка долго катилась вниз по лестнице, но не разбилась, а только пролилась. У девушки оказались тонкие и мягкие ноги. Я что-то говорю. Один раз сказал: «Девочка! У тебя совесть есть?» Потом назвал бод... блад... бодхисатвой и позвал в Индию.

Следующее воспоминание: поддерживая друг друга, мы бредем по Старо-Невскому. Из-за французской булочной «La Bahlsen», страшно слепя фарами, выруливает милицейская машина. Я пытаюсь что-то говорить о газете, в которой работаю... что не стоит им с нами связываться. Дальше мы все равно едем в клаустрофобически тесном заднем отсеке «уазика». На коленях у Глеба сидит пьяная женщина в кособоких очках. Во сне Глеб бьется головой о металлическую дверцу. Надо мной, сидящим, нависает еще не старый бомж.

Даже в этот час воздух не был холодным. Интересно, когда начнут ездить те замечательные желтые поливальные машины? Тыча в спину автоматом, меня провели в отделение. Короткая лесенка, дверь со средневековым зарешеченным окошком. Пахло «Беломором» и немывыми полами. Пока оформлялся рапорт, всем было велено сесть. У постовых были серые кители и тяжелые уличные куртки. «Гы-гы-гы! Володька! Ёбтваюмать! Оторви жопу, налей мужикам чаю!»

Опьянение выветривалось медленно и с неохотой. Глеб тер глаза. На несколько голосов бубнили рации. Сержант за рукав поднял Глеба и подвел к столу. У сидящего мужчины на погонах были офицерские звездочки.

— Все из карманов на стол. Оружие? Наркотики?

Глеб начал вытаскивать вещи из карманов. Карманов было неправдоподобно много. Поверх кучки легла надорванная упаковка презервативов.

«Хм»,— сказал офицер, разглядев среди вещей стопку иностранных купюр. Он посмотрел на Глеба, покусал моржовый ус и вышел из комнаты. Сержант, стоявший рядом, вытащил деньги из общей кучи и убрал в карман форменных брюк.

Все молчали. Потом Глеб сказал:

— Это мои деньги.

— Где?

— У тебя в кармане.

— А что ТВОИ деньги делают в МОЕМ кармане?

Глеб бросился на сержанта. Тот сбил его с ног первым же ударом. Из коридора ввалилось еще несколько милиционеров. Бомж и кособокая женщина равнодушно наблюдали. Сложив руки в замок, я попробовал ударить ближайшего милиционера в шею ниже скулы. Разумеется, промахнулся. Он был рыжий, с могучим животом и на голову выше меня. Он ударил мне дубинкой по ключице, а когда я упал и задохнулся, наступил ботинком на шею. Из угла, где били Глеба, доносилось сопение и хлопающие звуки. Вокруг задастых постовых бегал смешной маленький старшина. «Ну, мужики! Ну дайте ёбнуть-то, мужики! Ну хоть разик-то, дайте!»

Офицер вернулся минут через двадцать. Я был наручниками прикован к батарее. Глеб, скрючившись, лежал в углу. На лбу, возле самых волос, у него был оторван большой лоскут кожи. Еще одна струйка крови стекала изо рта на свитер. Забрав мое редакционное удостоверение, офицер велел отвести нас в камеру. Камер было три: две мужские и женская. От коридора их отделяло не мутное оргстекло, как обычно, а толстая решетка. Наша камера ближе всех располагалась к туалету. Сочно воняло хлоркой.

У окна грыз спичку лысый мужчина лет семидесяти. Желтое лицо, светлая куртка, ботинки с галошами. Первые полчаса новоприбывшие обычно суетятся, кричат и бегают из угла в угол. Потом достают пронесенные в трусах и носках сигареты или пробуют поспать. Не любят в камерах только тех, кто блюет. Но таких быстро увозят в вытрезвитель.

Глеб стал устраиваться на нарах.

— Очень видно, что нос сломан? Суки. Лучше бы теток на все деньги в «69» напоили.

Я хлопком убил ползущего по руке таракана, но оказалось, что это родинка. Хуже нет, когда ты хотел бы выпить еще и точно знаешь, что не получится. Это как крик на грани истерики. Именно в такие минуты человек способен топором зарубить собственную старушку-мать.

Утром нас отвезли в суд. Постовой с пистолетом в расстегнутой кобуре встал так, чтобы отрезать путь сразу ко всем выходам и окнам. Может быть, он боялся, что бомж или очкастая женщина как-то связаны с оставшимися на воле колумбийскими наркобаронами? Руки немного дрожали. Вибрация зарождалась в бицепсах и через ногти выходила наружу.

Судья оказалась совсем молоденькой. Глаза у нее были сонные, ненакрашенные. Секретарь громко и четко проговорила: «Встать! Суд идет!» Фраза странно звучала в обшарпанном и пыльном зале. Судья полистала протокол нашего задержания и, не поднимая глаз, объявила: каждому по \$5 штрафа.

Я хотел объяснить... сказать какие-то грозные и могучие слова. Встал, произнес «Блуммм», смутился и сел.

Не знаю, как Глеб, а я свой штраф платить не стал. Порвал квитанцию и никогда о ней не вспоминал. Мы вышли из здания, пожалли друг другу руки и поехали отсыпаться. В лужах резвились солнечные зайчики. Зайчиха-мать строго смотрела на них из-за крыш. Рядом с троллейбусной остановкой из мокрого газона торчал черный куст. Как школьница прыщами, куст был усыпан вспухшими почками. Его стволы напоминали похотливо раскинутые ноги.

История вторая, о моей душечке, пончике и ватрушечке

Лет в пятнадцать у меня была странная фобия. Я боялся, что, когда стану взрослым, на свете не останется музыки, которая мне нравится. Группы распадутся, песни забудутся... жить придется в абсолютно чуждом мире. Ощущение лягушки, которая боится, что пересохнет ее лужа.

В те годы люди еще слушали не радио, а альбомы. Представляет, как давно это было? Я пошел в школу одновременно с выходом «секс-пистолзовского» «Never Mind The Bollocks» и закончил ее, когда «Depeche Mode» записали «Black Celebration». Под «Joshua Tree» группы «U2» я попробовал поступить в институт. Когда «The

Cure» выпустили «Desintegration», попробовал еще раз. Потом перестал пробовать. До самого «Into The Labyrinth» группы «Dead Can Dance» я просто ухаживал за девушками, пил алкоголь и катался по свету. Иногда очень осторожно употреблял легкие наркотики.

Разумеется, я не любил отечественную музыку. Кто из пижонов моего поколения признался бы, что она вообще существует? Исключения, правда, бывали. Однако радикально ситуация изменилась только нынешним летом.

Лето выдалось жарким. Может быть, самым жарким за столетие. Город пах, как вареная рыба. Продавцы мороженого и холодного пива становились миллионерами в три дня. Тропическое слово «система» наполнялось глубинным смыслом. Человек в пиджаке мог быть только иностранным шпионом. Бездомные псы лежали в высохших лужах и агонизировали. Мужчины ведрами пили пиво... отвратительное теплое пиво. У кормящих матерей из груди текла сразу простокваша. Кое-кто пробовал ходить босиком даже по Невскому. Я тоже попробовал. Ногу обжег так, что три дня не мог встать с кровати. Трусов летом я не ношу. В транспорте ягодицы намертво прилипали к кипящим кожаным сиденьям. Я навсегда поругался со знакомой девушкой, которая сдуру попробовала на улице взять меня за руку. Секс был невозможен в принципе. Лицом поймав ветерок, хотелось упасть и совершить намаз. Иногда по ночам в небесах что-то рыгало. «Неужели?» — замирали жители тропического города Санкт-Петербург. Но приходило утро, и ничего не менялось... А еще этим летом повсюду играл первый альбом группы «Мумий Троль».

Несколько месяцев подряд я слушал только их. Покажите мне человека, у которого это было иначе! В мюзик-шопах, впервые за много лет, образовался дефицит. Красно-коричневые кассеты «MT» исчезали через два часа после появления на прилавке. Мне тоже не досталось. Как только солнце прятало гнусную морду и асфальт переставал напоминать плавленный сырок, я выходил из дому и часами пил пиво у круглосуточного павильона с «однорукими бандитами». Иногда от пива уже тошнило. Я все равно выходил и пил. В павильоне нон-стопом играл «Мумий Троль». Дело того стоило.

Можете представить, что я почувствовал, когда появились афиши, сообщавшие, что группа приезжает в мой город? Не помню, так ли я ждал первого орального секса с любимой девушкой. Чтобы подробнее рассмотреть «мумийтрольное» шоу, я решил пойти не на стадион, а в клуб «Mad Wave».

Клуб неудобно расположен. Самый край Васильевского острова: проедешь на квартал дальше и упрушься в Финский залив. У охранника было лицо, будто ему постоянно хочется спросить: «Непонял?» Он поискал мою фамилию в списке приглашенных. Долго водил по одежде металлоискателем. С растопыренными руками я напоминал самому себе пойманного герильеро.

Разумеется, на концерт аккредитовались все, кто только мог. Коллеги- журналисты потели и пили один на всех лимонад. Я поздоровался и отпил из общей бутылки. Потом покурил, сходил в туалет и на обратном пути встретил Шута.

— О! И ты здесь?

— Привет. Как дела?

— В клубмены подался?

— На себя посмотри.

— Как ты прошел? Билеты стоят больше, чем твоя квартира.

— Я аккредитован. Пресса ходит по клубам бесплатно.

Разговаривая, Шут смотрел куда-то вбок и поводил плечами, как штангист перед жимом. Ему не нравилось, что я тоже здесь.

— С кем ты?

— С коллегами.

Он поискал глазами столик прессы. Презрительно скривился. Такие морды строят наемные убийцы из боевиков категории «Би». Задираете уголок рта и одновременно прищуриваете глаз. У Шута получалось очень похоже.

Мы подошли к стойке. Он сказал: «Два пива!» Бармен-иллюзионист выхватил бокалы из заднего кармана моих джинсов. Я сказал, что денег у меня маловато. Шут не обратил внимания. Пачка купюр у него в руках была толстая.

— Ничего себе! Ты стал богатым парнем?

— Наживаю понемногу.

— Как, интересно?

— Кто спрашивает о таких вещах?

— Я спрашиваю.

— Сказано: на-жи-ва-ю.

Когда-то у него на голове цвели сальноватые вихры. Теперь черная шерстка плотно облегла бугристый череп. Уши беззащитно оттопыривались. Несколько лет жизни Шут провел в казарме мореходного училища. Тогда он одевался опрятно и неброско. Сейчас на нем был желтый пиджак в веселенькую клеточку. В вороте шелковой рубахи виднелось униформенное золотое распятие.

— Ты все пьешь? Смотри, козленочком станешь. Выглядишь черт знает как.

Сам он не пьет. Хотя сегодня немного можно. Он ходит в спортзал. Ест белок, тягает штангу, парится в сауне. Комплекс хороший и очень дорогой. Я спросил, когда он уходит в очередной рейс? Шут снова скривился и сказал, что это особый разговор.

— Как Света?

— Шубу ей недавно купил. Хорошую, очень дорогую. Она тоже ходит в комплекс. У нее там солярий.

— Зачем в такую погоду ходить в солярий?

— Машину собираемся купить.

— Я думал, ты уже давно купил. Что-нибудь хорошее и очень дорогое.

— Купишь тут!

Он облокотился на стойку и почесал ладонь. Она была похожа на совковую лопату.

— Скоро коммерсантик один денег даст. Тогда и куплю. Животное, бля. Коммерсантик просил подождать, так что пока... Ну и люди помогут. Так что куплю. Скоро уже.

— Вы так и не расписались? Я имею в виду со Светой?

— Дай сигарету. Что ты куришь?

— «Pall-Mall Light».

— Лоховские сигареты.

— Да иди ты!

— Только лохи курят «ПэлМэл».

— Значит, я лох.

— Пацаны курят «Мальборо» в серебряной пачке.

— Когда я говорил, что я — пацан? А «Мальбора» твоя — говно.

— Не вздумай так говорить при пацанах! Опозоришь меня. Сидишь с какими-то сволочами. «ПэлМэл» куришь... Что с тобой?

— Почему со сволочами? Это журналисты. Довольно известные.

— Такие же известные, как ты?

Он еще раз сказал: «Два пива!» Рассказал, что покупает продукты в «Super Siva». Магазин хороший и очень дорогой. Только ездить далеко. Зато еда там лучшая в городе. И Светке очень нравится. А вот ездить далеко.

— Ничего, скоро будет машина. Скоро уже. Коммерсант... Животное, бля.

Он завел странную манеру поддерживать разговор. Ты задаешь вопрос, а он, вместо ответа, левой рукой чешет ладонь правой, кри-

ля губы, смотрит по сторонам, делает глоток из кружки и начинает говорить совсем о другом. Если бы я не знал этого парня сто лет, я бы поверил, что передо мной настоящий, опасный гангмен.

— Ладно, пойду. Что делаешь после концерта?

— Пока не знаю.

Шут повел плечами.

— Хочешь, ко мне поедem? Светке тебя покажу.

— Ты с компаньонами?

— Ну да.

— Посмотрим. Я к вам еще подойду.

...

Самое интересное, что это я познакомил Шута с компаньонами. Тем летом он привез из Александрии бельгийский автомат и искал куда бы его пристроить.

Автомат был совсем новый, весь в смазке. Массивный корпус, удобная ручка. Плюс два рожка патронов. Не знаю, как Шут провез его в страну. Хотя, похоже, у себя на корабле он мог замаскировать даже стадо дрессированных слонов. Перед автоматом он провез здоровенный пакет опия. Несколько месяцев пакет валялся у него дома, в шкафу с постельным бельем. Мама Шута ругалась, что опий жутко воняет. В конце концов, он доехал до Правобережного рынка и кому-то его продал. Странно, что покупатель не оказался агентом УНОН*.

Встретиться с компаньонами договорились в блинной на Гагаринской. Здесь подавали блинчики с полезными и вкусными алтайскими травками. Все тогда помешались на вегетарианстве. В том, как блины расползались под ножом, было что-то вагинальное. В блинную ходила вся окрестная богема. Несколько раз я оказывался за одним столом с актером... не помню как фамилия... он играл в фильме «Мой муж инопланетянин». Деньги нужно было, как в парижских кафешках, просто оставлять на столе.

Был летний вечер. В скверике на Гагаринской сочно зеленели тополя. Когда мы вошли, компаньоны уже сидели за деревянным деревенским столом. Перемазанные желтым маслом тарелки. Ягодки красной икры на ножах. Домашний блинный запах бросался на встречу и норовил лизнуть в нос.

Парни вроде компаньонов едят ни на что не похожим образом. Сочно почавкивают, вздрагивают могучим туловищем, языком облизывают передние зубы.

* УНОН – Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Старший компаньон привстал со скамейки:

— Эдуард.

— Володя.

Шутом Володю звали потому, что у него фамилия Шутов. Мы поболтали о ценах на бензин, погоде, курсе доллара и общих приятелях. Я успел съесть блины и заказал чаю без добавок. Слово «элеутерококк» всегда напоминало мне название неприличной болезни. Симпатичные официантки сгребали со столов купюры и мелочь.

— Ну что, пойдём глянем твою вольту?

Словарный запас Эдика всегда вызывал во мне внимательный восторг. Купюры определенного достоинства он называл жутким, дореволюционным словом «Катя». О том, что ходил есть, Эдик общал выражением «А мы шанежки хавали!». Начиная вечеринку, каждый раз оглядывал присутствующих и объяснял:

— Сегодня без пацанских нахватов. Шаболд не пиздим, кошельки не подрезаем.

В машине я сел на переднее сиденье. Шута усадили сзади, между двумя компаньонами. Он достал из-под куртки автомат. Тот был завернут в тряпочку. Эдик крепче закрутил тонированное стекло.

— Сколько?

Шут засуетился:

— Э-э-э... Ну как?.. В общем... Да ладно... Я же...

Эдик посмотрел на него в зеркальце заднего вида.

— Короче... Я же это... Ну вы лучше знаете... Я первый раз, да?.. Так что... А сколько дадите?

Эдик не менял позы и молчал.

— Я вам доверяю.

ТЬфу! Кто так делает? В глазах Эдика, как значок доллара в зрачках Скруджа МакДака, высветилось: «Лох!»

Шут мял пальцы и растягивал рот в улыбке. Ему было неудобно сидеть между мясистыми компаньонами. Эдик открыл бардачок и кинул сверток внутрь.

— Ладно. Посоветуюсь с пацанами. Встретимся, поговорим.

— Ну, это... Хорошо... А когда встретимся?

Шут чувствовал, что что-то пошло неправильно. Но, может быть, так и делаются НАСТОЯЩИЕ дела, а?

— Встретимся как-нибудь.

Эдик хищно улыбнулся.

...
Мама Шута была учительницей. Если я не путаю, у нее даже была медаль за педагогические заслуги. Еще не пожилая, высокая женщина с тонкими губами. В их причудливо спроектированной петербургской квартире у нее был отгороженный шкафом закуток. На столе с настольной лампой лежали стопки тетрадей и методических пособий. Мама не была занудой. Могла выпить вина с друзьями сына. Сама резала им сыр на закуску. Я называл ее на «вы», но по имени.

Еще в квартире жил кот. С годами он почти ослеп и полысел. Под мехом виднелась серая кожица в родинках. Шут возил его к ветеринару. Никогда не забывал подлить в блюдце молока. Сидя у телевизора, он чесал спящего кота за ухом. Телевизор был втиснут в стенной шкаф. Вокруг стояли старые книги. В основном русская классика. Самое странное, что книги кто-то читал. Несколько раз я заставал на диване открытого Чехова или, скажем, Лескова. Еще в квартире жила совсем старенькая бабушка Шута.

Не знаю, почему он пошел в моряки. Скорее всего, просто косил армию. Училище Шут закончил с отличием. Я видел фотографию, где он в новенькой форме офицера торгового флота стоит на палубе своего первого корабля. К третьему курсу ему было разрешено жить не в казарме, а дома. Где-то в это время он познакомился с девушкой Светой. Кукольные, вечно распахнутые глаза, круглые щечки. Совершенно не мой тип женщин. Хотя я согласен: она была довольно хорошенькой. Первое время Света где-то училась. Потом бросила и переехала к Шуту.

Когда бы я ни зашел, Света и мама хлопотали на кухне. Мне сразу наливали горячего, свежесваренного чая. «I don't drink tea, I drink coffee, my dear», — но отказываться было неловко. Обе улыбались и говорили, как хорошо, что я зашел. Я подозревал, что обем казалось, будто я плохо влияю на Шута. Уходя со мной, он возвращался за полночь и долго не мог попасть ключом в скважину. Часто его рвало. Женщины Шута ахали и не ложились, пока ему не становилось легче. Утром они поили его специально сваренным компотиком.

Пить Шут не умел. Знал свой недостаток, переживал из-за него, но поднимал бокалы до последнего. В результате доходило до анекдотичных падений лицом в салат. Как-то мой знакомый, журналист-американец Джейкоб, пригласил съездить в Таллин. У Шута была пара недель до следующего рейса. Он поехал с нами.

Проводники носили по купе корзины с пивом и арахисом. В вагоне-ресторане мы пили мерзкую эстонскую водку. Уже на перроне Шут икал и водил по сторонам невидящими глазами. В гостинице, возле стойки регистрации, его вырвало. В вытрезвитель мы не отбыли только потому, что у Джейкоба был американский паспорт. Утром я нашел Шута спящим в туалете. Там же он провел три из четырех следующих ночей. Джейкоб называл его «рикер» — блевун.

Напротив гостиницы стояли будки междугородних телефонов. Каждое утро, помывшись и побрызгавшись одеколоном, Шут бежал звонить Свете. За день до отъезда он потащил меня по магазинам покупать ей подарки.

— Ты быстро считаешь? Сколько это в долларах? А в рублях, значит... Надо, надо что-то привезти моей девочке. Я тут развлекаюсь, а она... Ты в курсе, что Светка недавно второй аборт сделала? Бедолажка!

— На хрена вам аборты? Вредно же.

— Сам знаю. Но ты же видишь, какая у нас ситуация.

— Что с твоей ситуацией?

— А то ты не в курсе? Денег нет!

— Только давай не будем, ладно? Ты знаешь, сколько мне платят в моей газете?

— Ты еще с бомжом меня сравни! Квартиры нет? Нет! Думаешь, Светке нравится жить с мамой? А если ребенок родится? Я даже одеть Светку нормально не могу. Ходит как школьница. Все, что привожу, приходится продавать. А если будет ребенок, то... Ну не знаю... Всякие там памперсы. В хороший садик устроить. Потом в хорошую школу. Везде плати. Компьютер, наверное, понадобится. Я не хочу, чтобы мой сын собирал на улице пивные бутылки.

— Ты представляешь, сколько сейчас стоит квартира?

— А что? Если поговорить с капитаном и начать гонять пизженные машины... Я посчитал: за десять рейсов можно даже на двухкомнатную набрать. Не в центре, но нормальную. На первую тачку занять, а потом раскрутиться.

— Десять рейсов — это еще четыре аборта. О детях можешь забыть.

— Нет, абортов больше не будет. Я Светке так и сказал: сделай последний раз, и всё! В следующий раз мы просто поженимся. К тому времени я уже заработаю.

Мы стояли на горбатой центральной площади Таллина. Готические теремки отбрасывали сочные тени. Шут выбирал подарки в

дорогуших бутиках. Но, посчитав наличность, купил только футболку с ратушей и бутылку ликера «Vana Tallinn».

— А сколько твой америкос зарабатывает в своей газете?

— Не знаю. Он известный журналист.

— Хоть приблизительно?

— Думаю, что раз в пятьдесят больше меня.

— Ну сколько?

Я сказал сколько.

— В месяц? Ох, ни хрена ж себе! Сука! То-то я гляжу, он такую дорогую гостиницу выбрал!

— За гостиницу платит его газета.

— Проституток ему тоже газета оплачивает? Такие бабки! И за что? Я за копейки здоровье гроблю, а он!.. Ты же знаешь: я не переношу морскую болезнь. Выходим в Атлантику — и пиздец! Там ведь качка настоящая, оксанская. Представь? Это не автобус до ближайшего порта — минимум месяц блевотины. А эта сука черкнула статеечку — и столько денег! Мне б половину такой цифры платили, я бы тоже проституток каждый день покупал!

Накануне мы ходили в модное диско «La Playa». Заведение показалось мне простеньким. Там Джейкоб купил себе проститутку — русскую девушку. Как известно, в Таллине все маленькое и аккуратное. Все, кроме зубов и ступней девушек-эстонок. Шут заходил к нам в номер, мям пальцы и даже в шутку ущипнул девушку за грудь. Но спать с ней категорически отказался.

Когда мы вернулись в город, он часто рассказывал об этом эпизоде. Если свежих слушателей не было, рассказывал даже мне. Со временем из рассказа стало совершенно непонятно, кто проститутке платил и кто именно с ней спал. Шут действительно верил в картину, которую рисовал. Ему казалось, что так же должны верить окружающие. Звоня по телефону, он вместо «Привет! Как дела?» каждый раз орал: «Ты охуел? Ты почему дома?! Тут такое происходит! Блядь! Бери тачку и приезжай!» Я знал, что ничего ТАКОГО не происходит. Но знал-то это я, а не он.

Как я и предполагал, за автомат ему не заплатили. Эдик встретился с ним несколько раз и даже познакомил Шута с остальными компаньонами... просто о деньгах разговор как-то не заходил. Правда, когда из следующего рейса Шут привез еще один автомат, Эдик все-таки дал ему денег. Света хвасталась мне стопкой зеленых купюр. Когда стопка станет толще, они купят квартиру. У синюков жилплощадь можно выкупить за копейки. Об этом даже Эдуард

рассказывал. В квартире будет хорошая мебель и дорогая техника. Света перечисляла: холодильник... плюшевый диван... музыкальный центр... кухонный комбайн...

Деньги, полученные за второй автомат, пришлось потратить почти целиком. Вместе с деловыми партнерами Шут ходил в сауну и пил виски в «Немо» на Гороховой. Потом возникла необходимость съездить в мотель-кемпинг «Ольгино». Оттуда Шута привезли в таком состоянии, что несколько дней он не мог оторвать голову от подушки. Мама даже хотела вызвать ему врача. Он сипел: «Не надо». Хочешь делать дела с такими людьми, как компаньоны? Смирись с издержками.

Мне было немного неудобно. Я постарался реже видаться с ним и компаньонами. В «Mad Wave» я встретил его впервые... ну, наверное, за десять месяцев.

— Вчера ездили в «Южную»! Убрались в говно! Жестко оттопыривались, жестко! Там такие телки!

Шут сидел на переднем сиденье машины и махал длинными руками. Эдик ворочал рычагом переключения передач. В три ночи Дворцовый мост ненадолго сводят. Нужно было успеть проскочить. Остальные ехали во второй машине сзади. Даже ночью город казался сухим и горячим, как рукопожатие тифозника. Когда мы проезжали Невский, я заметил, что на ступенях кафе «Север» сидит стайка разморенных роллеров. А ведь лет десять назад сюда могли ходить только спекулянты валютой, дорогие сутенеры и первые в стране наемные убийцы. Омни... э-э-э... флюрент... или флюэрент?.. не помню, как дальше.

— Можете не разуваться. Светка! Светик! Мы приехали!

Собственную квартиру он так и не купил. Зато поставил в квартире родителей металлическую дверь с замком «Цербер». Именно такие двери особенно любят взламывать нынешние квартирные воры. Компаньоны ввалились следом. Шут, брякая бутылками, вошел у холодильника. Холодильник у него тоже был новый, двухкамерный.

У Светы была новая прическа. По дому она ходила в дорогом спортивном костюме. Увидев меня, она удивленно задрала брови. Сказала, что я хреново выгляжу, и ушла резать непременно сыр.

Я не люблю пить алкоголь дома. Давным-давно кто-то сказал при мне, что бытовое пьянство — кратчайший путь к алкоголизму. Фраза запомнилась. Я боюсь алкоголизма, как врывающиеся в еврейское местечко махновцы, наверное, боялись сифилиса. Ком-

паньоны попадали в кресла. На столике стояли рюмки. В вазочках плавали соленые огурцы и маринованные грибочки. Они напоминали отходы при производстве обрезания. На большой тарелке лежала порубленная колбаса.

Рядом с Эдиком сидел невысокий Руслан. У него была плохая кожа вокруг рта и сзади на шее. Бывают такие вечно диатезные парни. Когда-то Руслан был боксером. Ни разу не видел его на ринге, но, наверное, он был хорошим бойцом. Как-то при мне он из положения «сидя на корточках» ударил в лицо парня, подошедшего взять плату за парковку. Руслан сел в машину и уехал. Парень не мог подняться еще минут десять.

Клуб, за который раньше выступал Руслан, купил ему квартиру в центре. Откуда он приехал в Петербург, я не спрашивал. И так было видно, что очень издалека. У него был слегка монголоидный нос, голая кожа на месте бровей и выдающиеся вперед острые скулы. Такие парни до старости выглядят как хулиган-подросток со стеклянными глазами. Любитель бритвой отрезать лапки лягушкам и щипать девушек в присутствии их молодых людей.

Света принесла с кухни большую корзину с горкой мягкого хлеба. На экране телевизора кого-то со знанием дела били. Час был поздний. Работали только музыкальные и кабельные каналы. Компания скинула ботинки и громко смеялись. Ногам положено дышать.

— С кем вы вчера ездили? Кореец был?

— Все были.

— Главное, я тебе говорю, это подход!

— А Кореец был?

— Вся банда была.

— Парня развести... как сказать?... тут подход нужен.

— Ты лучше расскажи, Борман, как девочку двенадцатилетнюю трахал.

— Отвали!

— Стесняешься, что ли? А трахать не стеснялся?

— Отвали!

— Помнишь, как она плакала: «Дя-а-адинька! Нина-адо!» Помнишь?

Борман улыбался.

— Откуда ты знаешь, что она плакала? Ты же накубатурился и заснул. Да и не плакала она. Вообще не плакала. Взяла денежку и спасибо сказала.

При мне никто не называл Бормана по имени. Он был ближайшим приятелем Эдика. У него были вечно черные пальцы. На ногтях виднелись большие продольные трещины. Пару раз я видел его в тренажерном зале. Оказалось, Борман весь изукрашен старыми зелеными татуировками. Такие узоры накалывают в тюрьме, растопив на спичке подошву кирзового сапога.

Еще Эдик рассказывал, что в пенисе у Бормана имеется имплантат из оргстекла. Ошалев от скуки и онанизма, эки черенками алюминиевых ложек дырявят свои члены и вживляют туда брусочки или шарики. Долгие годы до освобождения они мечтают, как станут извиваться на этих членах сочные женщины воли. Через некоторое время имплантаты выгнивают наружу. Но сперва жизнь не кажется такой однообразной.

— А мне недавно показали амфетамин, который можно с алкоголем жрать.

— Говно твои амфетамины!

— А что не говно?

— Алкоголь не говно.

— Алкоголь — это бычий кайф. Он тупит. Золотую тему, короче, знаешь?

— А сыр еще есть?

— Амфетамины с алкоголем мешать нельзя. А этот можно. Бензодол называется. Мне химики посоветовали. Те, помнишь?

— Сыр, говорю, есть еще?

— Светка, принеси сырку! И грибочков! Грибочков принеси! А то все кончилось.

— А где он, сыр?

— В верхней камере. Ну, найдешь, короче.

— Если амфетамины с алкоголем жрать, на такую депрессию нарвешься... А с бензодолом можно. И стоит недорого.

Обычно я запиваю водку. Еще лучше мешать ее с колой. Купить лимонад никто не догадался. Я решил закусывать сыром. Скоро он опять кончился. Я откинулся на диване. Теперь мне загораживала экран спина Вадика. Он был похож на молодого Джона Малковича. Вадик куда-то звонил, пытался пригласить девушек. Часы на стене показывали полпятого. Необъяснимо, но девушки обещали скоро быть.

У Вадика были странные отношения с компаньонами. Вроде бы бизнес они делали вместе. А с другой стороны, любой мог сказать: «Сгоняй за сигаретами!» — и Вадик бы сгонял.

Кончил Вадик плохо. Где-то через полгода он украл у компаньонов деньги. Они вместе пили в офисе охранной фирмы. Потом понадобилось куда-то уехать. Когда вернулись, оставленного в офисе Вадика не было. Вместе с ним пропал небольшой офисный сейф. Денег внутри было немного, меньше \$5000. Зачем он его уволок, я так и не понял. Его стали серьезно искать. Парень попробовал даже уехать из страны. Но по дружбе сказал Шуту, что отлеживается на квартире сестры.

Оттуда его и забрали. Ночью компаньоны привезли его на кладбище и топором отрубили кисть правой руки. Несколько человек держали его — Шут тоже держал, — а Эдик в два удара оттяпал торчащую из манжеты руку, ухватился за длинный средний палец, кинул ее в полиэтиленовый пакет и увез с собой.

Думаю, сперва ничего такого они не планировали. Но как было не разойтись на подобной декорации? Пахло жирной землей. В свете луны надгробия казались зелеными, как шкала радиоприемника. Вадик лежал прижатый к чьей-то могиле и скулил от ужаса. Эстетические чувства не чужды компаньонам. Сестру Вадика, стриптизерку дорогого клуба, они отправили отрабатывать украденные деньги. За нее кто-то вступился. Компаньоны пошли на конфликт. В общем, это долгая история.

Я сидел с Шутом на кухне и курил. Пол был залит водой. Шут по третьему кругу рассказывал, как вчера съездил в «Южную». Я широко распахивал веки. Все равно казалось, что я смотрю на мир только одним глазом. Из рук постоянно выпадала сигарета.

— Мы это... Короче, с пацанами на машинах... Подъехали... Ну там, посидели, покушали... Там так нормально, в этой «Южной»!.. Гостиница «Южная», никому не нужная!.. Ха-ха-ха!.. Телки... С правой в дыню, и в багажник!.. Ха-ха-ха!.. Долбиться!.. Жестко, жестко, жестко!

— Что — «жестко»?

— Все — жестко! Танцевали, кокс нюхали... Пакетик из носка достали, а он мятый такой... грязный... Представляешь какой вонючий?.. Константинов всю машину заблевал... Рукер, бля!.. Я одну — прямо в туалете!.. Вся такая, на поцелуйчиках!.. Сироп-девочка... Жестко!.. Прямо в туалете!.. Только Светке не говори.

— Не скажу.

— То есть со Светкой мне тоже нормально. Просто это другое, понимаешь?

— Понимаю.

— Это... Как сказать?.. Ну, короче, ты понимаешь?

— Понимаю.

Потом приехали девушки. Их количество постоянно менялось. Сперва мне показалось, что их... может быть, четыре. Потом за столом сидели совершенно точно две. Потом я запутался. Некоторые исчезали в дальней комнате и больше не появлялись. Запомнилась шатенка с мелкими зубами и жирно подведенными глазами. Она хихикала и пила из всех рюмок подряд. У нее были дурацкие черные колготки в зацепках.

Иногда из своей комнаты, затерянной в петербургской квартире Шута, выплывала его старая бабушка. На нее не обращали внимания. Орало радио. Во дворе-колодце Шута была отличная акустика. Бабушка убирала со стола грязную посуду и исчезала. Потом к Шуту заглянул незнакомый мне тип с женой. Посидел полчаса и уехал. Без конца звонил телефон. Я тоже куда-то звонил.

Потом в дверях кухни появился Эдик. У него была мохнатая грудь и огромные мышцы плеч. Ширинка перепачкана белым. Возможно, это был соус. Раньше член называли «срамный уд». Смешное словечко.

— Слушай, Володя. Алкоголь, это... Кончился.

— Сейчас схожу.

— Зачем? Вола пошлем. Только ты ей скажи, где тут. Сам понимаешь, за руль я не сяду.

Девушка долго искала туфли. Платье спиралью заворачивалось вокруг ее выпуклого живота. Я снова поразился, какая толстая пачка денег лежит у Шута в кармане. Эдик сказал, что не дай бог девушке потеряться.

Мы опять сидели в большой комнате.

— Я тут книгу читал. Короче, знаешь, что такое «туалетный раб»? Между прочим, хорошая книга.

— Я этому черту говорю: «Слышь, ты, черт!»

— Только не сквозани! Андрюха, я тебя прошу: не сквозани!

— Блядом буду, не сквозану!

— Кем будешь? Андрюха, ты точно не сквозанешь?

— С чего мне сквозануть?

— Я же вижу: ты сейчас к Машке поедешь.

— Не поеду. Зачем мне ехать? Тем более к Машке.

— Андрей, я прошу! Как пацана прошу: не сквозани! Не сквозанешь?

Девушка вернулась быстро. В пакете утробно булькало. Света помыла бокалы. Эдик влил туда сразу пальца на четыре водки.

— Володя! Слушай меня, Володя!

— Да.

Шут долго искал его глазами.

— Может, групповичок устроим?

— Давай.

— Я отдам Арину, а ты Светку.

— Кто это — Арина?

— Да вот же!

Эдик уперся толстым пальцем в девицу. Она была похожа на странное голокожее животное.

— А я кого отдам?

— Светку.

— Как это, Светку? Нет, Светку я не отдам.

— Почему?

Эдик удивлялся искренне, как ребенок.

— Светку? Нет, не могу.

— То есть я свою женщину могу, а ты не можешь?

— Это несерьезно.

— Так ты со мной, да? Так ты с пацанами?

— При чем здесь пацаны? Ты же знаешь. Со Светкой у меня серьезно.

— То есть я поганку замутил, а у тебя — серьезно?

— При чем здесь поганка? Я на Светке женюсь. А ты на этой... («На Арине», — подсказал Эдик. «Да. На Арине», — кивнул Шут.) Ты на ней женишься?

— Конечно! Запросто! Я хоть завтра женюсь. У меня все супер-серьезно. Просто я не такой. Мне для пацанов... как сказать? Я кусок мяса из бока вырежу и на зажигалке поджарю. Если пацану нормальному надо. А ты, значит... Из-за вола, да? Эх, Володя, Володя...

Шут поднял на него глаза. Мотнул назад головой, повел плечом и одновременно несколько раз выпрямил спину. Он был настолько пьян, что казалось, сейчас его тело развалится на отдельных существ, и каждое убежит в свой угол.

— Не... Я, это...

Он вздохнул. Будто всхлипнул.

— Ты шутишь, да?

Эдик улыбался и молчал. Света с улыбкой рассматривала телевизор. Телевизор у Шута тоже был новый. Довольно дорогой. Внутри экрана кто-то разевал красные рты.

— Конечно шучу. Какие разговоры? Давай выпьем. Когда я тебя обижал, Володя?

Шут выпил. Потом еще. Потом закашлялся и вышел из комнаты. Я с кем-то чокался, расплескивая водку, что-то кричал. Крепкощекая Арина задирала большую верхнюю губу. Телевизор расплылся в глазах. На столе были навалены объедки.

Я выглянул на кухню. Шут спал, упав на диван. Через несколько минут его вырвало на подушку. Я оттащил его голову чуть в сторону, чтобы он не захлебнулся. Рядом с его носом на подушке лежало золотое распятие с шеи. К металлу прилипли полупереваренные крошки.

Я снова пил. Кожаное лицо Арины уплывало все ниже. Помню след от тугой резинки трусов на ее бедре. Когда все кончилось, я почувствовал себя немного трезвее и тут же выпил. Света танцевала под орущее радио. При каждом движении ее грудь вздрагивала и шлепалась о голые ребра. Звук был похож на первобытные тамтамы.

Я захотел в туалет. Попробовал сообразить, как туда лучше попасть. Можно было пройти через кухню, но на кухне лежал Шут. Еще можно было пройти через большую комнату. Там стоял огромный шкаф с зеркалом и огромная кровать. В комнате всегда пахло книгами, уютными пуфиками и постиранным мамиными руками бельем. Подняться удалось с трудом. Открыв дверь, я нащупал выключатель.

Нагромождение тел на кровати напоминало римский барельеф. Могучие, вскормленные мясом тела. На самом верху белели чьи-то поросшие рыжеватой шерсткой ягодицы. В том, как они двигались, было что-то торопливо-собачье. Лицо Светы запуталось в кудрявых волосах чьего-то паха. Пухлую щеку поразил флюс размером с яблоко. Она не перестала двигаться, даже когда я включил свет. Ее глаза были отчаянно зажмурены. Не повышая голоса, Эдик спросил, охуел ли я.

— Чего?

— Свет выключи.

Я мало спал предыдущей ночью и много пил этой. За окном светало. Казалось, что кто-то давит на глаза большими пальцами рук. На обратном пути из туалета я поправил скрюченную голову Шута. Его все еще рвало. Комната казалась ненастоящей. В глазах проплывали детали, неспособные сложиться в целое. Ощущение парения. Как ни старайся, не разберешь, что творится на плоском экране твоего зрения. На диване кто-то чихал, хихикал и тискался. У парня единственной одеждой были задранные на лоб модные очки.

Потом в гостиную из кухни вышел Шут. В прожекторах света плавали пылинки. Радио молчало. Было слышно, как жужжат

мухи. Лето — это всегда проснуться от пыльного солнца и услышать мушиное жужжание.

— О-о-о! Володька! Ты как? Наконец-то! Ну-ка налейте Вовану!

— Привет.

— На, выпей!

— Не, пацаны. Не, погодите.

— Да ладно! Выпей, легче станет!

— Не могу. Погодите, пацаны. Что-то я опять... это самое...

Вместе с ним в комнату вполз кислый запах рвоты. Лицо Шута выглядело как нефритовая ацтекская маска.

Он сел на диван.

— Худо мне, парни.

Все сидящие за столом были голые. Только на Эдике были широкие сатиновые трусы. Слева от меня сидела Света. Ее соски напоминали прошлогоднюю черешню. Может быть, даже позапрошлогодною. Света курила и пьяными глазами смотрела на пальцы ног. Под взглядом хозяйки те старались особенно не шалить.

Шут икнул.

— Что-то у нас огурчики кончились. Принеси, Света. Знаешь, где лежат?

Света стряхнула пепел. Попасть в пепельницу не удалось. Сигарета совершила сложный вираж над полированным столом.

Шут далеко задрал голову и попробовал сфокусировать глаза.

— Света! Огурчиков, говорю, принеси!

— Огурчиков?

— Да. Они там... На дверце. Знаешь?

— Огурчики? Засунь в жопу свои огурчики!

Все внимательно смотрели на них. Даже мухи притихли и насторожились.

— Где ты был? Блевал? Полудурок! Огурчиков захотел? Не вырвет, от огурчиков-то? Засунь свои огурчики в жопу!

Шут морщил пьяный лоб. Он не понимал, что происходит. Света плевалась и выкатывала глаза.

— Огурчиков! Мудак! Посмотри на себя! На хрена ты опять нажрался, как скот?! А?! Ты нажираешься каждый день! Не надоело? Огурчиков! Почему я должна приносить этим скотам огурчики? Ты кормишь их огурчиками, а сам блюешь, тебе ЭТО нравится?! Вся квартира провоняла твоей блевотиной! Ты ПОСТОЯННО блюешь! Я устала стирать твоё бельё! Понимаешь, мудило?

— Чего ты? При всех-то зачем?

— Ты их стесняешься? А знаешь, как они тебя называют? Шут! Ты для них Шут, понял? Ты хуже, чем Шут! На эти огурчики ты проебал все деньги! Где твои деньги? Покажи деньги, огурчик! Блевун! Ты всё! всё! всё! проебал...

У Светы было пьяное перекошенное лицо. Как будто ее показывают по плохо настроенному телевизору.

— Чего ты молчишь?

— Голова болит.

Шут задрал на нее жалобные глаза.

— Честно, болит. Не кричи. Принеси огурчиков. А мне — рассола. Ты же знаешь, я не могу много пить.

— Зачем пьешь, раз не можешь?

— Зачем что? Зачем я пью? Я не пью. Принеси рассола. А почему ты голая?

— Член сосала.

— Прекрати.

— Почему? Думаешь, шучу? Вот у этого сосала... и у Руслана. Не веришь?

Она через плечо тыкала в парней ярким ногтем. Он был похож на точку лазерного прицела.

— Прекрати.

— Ты думаешь, я шучу? **ТЫ ДУМАЕШЬ, Я ШУЧУ?**

Она газом вперед сползла с дивана. Положив толстую, некрасивую грудь себе на колени, стащила с Эдика трусы. Светлый затылок мелькал у меня в глазах, как колесо, которое, если смотреть пристально, всегда крутится в обратную сторону. Прядка ее волос прилипла к Эдикову члену. Света вынула его изо рта и ногтями пощипала себя за язык. Ее глаза были снова отчаянно зажмурены. Член был серый и маленький. Он норовил выскользнуть из руки и уткнуться хозяину в бедро. Так маленькие дети прячутся за спину родителей от страшной собаки.

— Света! Хватит!

Она замерла.словно всей спиной прислушиваясь к тому, что происходит.

— Иди за рассолом!

Лицо Шута сползло на пол, как выплеснутый на стену желток. Света поднялась на ноги. Солнечные квадраты похотливо гладили ее кожу.

— Что скажешь? Понравилось?

— Иди на кухню.

— Это все?

Эдик щелкнул резинкой трусов и сказал, что действительно... огурчики были бы супер... вон, еще и водка осталась.

Света наотмашь вытерла губы. Повернулась и ударила Эдика по лицу.

— Не понял?

Она качнулась и еще раз ударила Эдика. Он защитился рукой. Хороший боксер никогда не пропустит два удара подряд. Света выдернула руку и треснула его ногой по лодыжке.

Все замерли.

Эдик сказал: «Ммда».

Мутный дым сигареты переливался в утреннем солнце. Он закручивался водоворотиками и расслаивался, как плохо взбитый коктейль. Казалось, что вышедший на рок-сцену Эдик сейчас спотет. Я подумал, что сломанный нос, как правило, не идет девушкам.

Эдик аккуратно, чтобы не уронить пепел, поднес руку с сигаретой к пепельнице. Щелкнул по ней пальцем.

— Ладно. Пойду я.

Все смотрели на него и ждали. Он потянулся за джинсами.

— Не думал я, Володя, что так все выйдет. В твоём-то доме!

— погоди, Эдик!

— Чего тут ждать? Заехал, понимаешь, к товарищу.

— Да погоди ты!

— Чего ждать, Володя? Чего ждать? Ты же сам все видишь!

— Не, ну ты чего? Ты думаешь... Света, ты чего?

— Пошли, пацаны.

Шут покачивался на тонких волосатых ногах. Парни начали вставать с кресел. У них были обиженные лица. Эдик, шлепая рукой по дивану, искал рубашку.

— Да куда вы собрались-то? Парни! Это самое... Светка!

— С волом не можешь справиться?

Шут повернулся к Свете. Потом еще раз оглядел комнату. У него была большая и сильная рука. Мне показалось, что Света упала еще до того, как он ее ударил. В воздухе мелькнули длинные голые ноги. словно растопыренные в знаке «Victory» пальцы.

Спиной она угодила прямо на стол. Что-то звякнуло. На книжные шкафы брызнул маринад. Лежащая в осколках и объедках Света напоминала фигуру на ростре фрегата. Корабль не выдержал тяжелого плавания и на всех парусах шел ко дну. Спустя очень длинную секунду, вслед за ней на пол свалился низкий стульчик.

...

В прихожей кто-то бубнил, что волам только дай волю... нельзя волов распускать... ты же понимаешь! Сообразить, как зашнуровываются ботинки, было нелегко. Последний раз я так напрягался, сдавая экзамен по тригонометрии. Я похлопал себя по карманам. Интересно, что именно я забыл?

Уже открыв дверь, я решил, что неплохо украсть немного сигарет. По комнатам бродили голые, полуголые и совсем не голые люди. На кухне я искал в холодильнике пиво. Эпоха чудес закончилась еще до моего рождения. Я налил себе немного водки. Сигареты обнаружили только в комнате. Пачка была смята так, будто ночь напролет танцевала ламбаду с Чикатило.

Через экран телевизора ползли серые полосы. Эдик сидел, с ногами забравшись в кресло. Курил и покусывал губы. На его лице краснела Светина пятерня.

— Уже уходишь?

— Да. Пойду.

— Может, выпьешь? А то все расплозлись.

— Да я только что. Счастливо, Эдик!

Я обернулся.

— Володю не видел? Хочу попрощаться.

— Там где-то.

Проходя мимо ванной, я услышал шум воды. Они не заметили, как я открыл дверь. Света сидела на корточках. Шут полотенцем смывал с ее лица и груди кровь. Он все еще был пьян и слегка покачивался.

— Ну что ты, Светик?.. Ну что ты?.. Не плачь... Ты же знаешь... Не надо...

— Не буду... Сейчас... Я не буду плакать...

— Ты — моя душечка, пончик-ватрушечка... Да, Светка?

Света поднимала на него заплаканные глаза.

— Да.

— Пончик-ватрушечка, да?

— Да... Пончик... Ватрушечка... Спасибо тебе...

Он кренился и целовал ее в макушку.

— Светка... Ты же знаешь...

— Я уже не плачу... А ты — моя ватрушечка...

Я аккуратно закрыл дверь и вышел из квартиры. В тот день, ближе к вечеру, начался первый за все лето дождь.

История третья, о голосе голода и голове голого

- Куда бы нам пойти, а? Что здесь поблизости, а?
- До хрена чего! Здесь все поблизости! Хочешь, в «Метро» пойдем?
- Нет, в клуб не хочу. Пойдемте куда-нибудь выпьем.
- Просто выпьем? А потанцевать?
- Пойдемте в «Сундук»? Дженнет, вы пойдете в «Сундук»?

Я знал это заведение. «Сундук» из тех баров, где у хозяев не хватило денег на живую музыку, и они развлекают посетителей другими средствами. Например, бармен с расстояния в полметра вдруг начинал общаться с вами через мегафон. Или в туалете вместо туалетной бумаги вы обнаруживаете мятую газетку («Для старообрядцев») и рулон наждака («Для любителей острых ощущений»). Над унитазом висит «Список лиц, которым разрешается не поднимать стульчак». Под номером восемь значится Венера Милосская.

Сологуб уверял, что нам понравится.

— А далеко это?

— Да нет! Минут за пятнадцать пешком дойдем!

— Да, Жанночка... понравится... пойдемте... пешком.

Феликс клонился к австралийке, будто собирался поцеловать ей ручку. Напиваясь, он всегда переходил на такие гусарские ужимки.

— Меня зовут не Жанна. Дженнет. Это другое имя.

...

Эта осень целиком состояла из выборов. Власть должна была смениться снизу доверху. На Дворцовой каждую неделю давали концерт... в поддержку кого-нибудь. Все торопились заработать. Сологуб рассказывал, что кто-то из кандидатов прислал ему \$500, чтобы тот НЕ писал о нем. «Представь, сколько мне платят, когда я все-таки сажусь за компьютер!» Я сказал, что пусть кандидатик даст мне сотку, и я поклянусь никогда в жизни не упоминать его имени.

Мне денег никто, разумеется, не предлагал. Газета, для которой я писал, была крошечной. Я подозревал, что сразу после выборов она закроется. Чтобы выбить мне аккредитацию в Смольный, редактор потел и тужился две недели. Теперь я отработывал крошечную зарплату. Болтался между пресс-центром и смольнинским буфетом, пил кофе и выкуривал в день полторы пачки сигарет. Какой из меня политический журналист? Все сенсационные подробности своих репортажей я черпал из разговоров с Сологубом.

Он был симпатичным еврейским юношей. Немного портила его разве что вечная небритость. Наверное, он считал, что она придает ему мужественности. За глаза приятели называли его щетину «лобковой растительностью». После прошлых выборов он купил себе квартиру в Купчино. После этих собирался купить машину. Впрочем, Сологуб не был жлобом. Ему было не жаль поделиться информацией с парнями вроде меня. Кроме того, он частенько угощал коллег алкоголем.

Приглашая в буфет, Сологуб каждый раз заходил за Феликсом. Совмещал приятное с полезным. Феликс был пресс-секретарем небольшого отдела на втором этаже и мог рассказать что-нибудь интересенькое. Он носил дорогие, но неброские пиджаки и узкие галстуки. Разговаривая по телефону, прижимал трубку плечом и одновременно что-то строчил в органайзер. Тоже очень положительный и, скорее всего, тоже еврей.

Сегодняшняя вечеринка началась стандартно. Сперва Сологуб угостил всех коньяком. В буфете были высокие потолки, кованые люстры и потертые ковры. У входа охранник с честным лицом убийцы проверял пропуска. По щекам буфетчицы ползли красные прожилки. Хрипловатый баритон, веселенькие колготочки на тощих ногах. Она аккуратно, до копейки выдавала сдачу. Покупатели аккуратно ее пересчитывали. Сидевшие за столом мужчины были в галстуках и очках с дымчатыми линзами. У женщин имелись могучие зады и брошки на платьях.

- Дурацкая погода. Правда, Дженнет?
- Что? Погода? Да.
- Я не люблю дождь. А вы любите?
- Что? Нет. Не люблю.
- У вас в Австралии сейчас, наверное, весна?
- Да. Весна.
- Все цветет, наверное?
- Да. Цветет.
- А в Австралии бывает снег?
- Что? Снег? Нет, не бывает.

С нами сидела австралийская журналистка Дженнет. В Смольном она изучала российские выборные технологии. Парни распускали хвосты. Их усилия пропадали втуне. Девушке не хватало знания языка. Светлые волосы, пухлые губки. Не была б она девушкой с Запада, могла бы быть ничего. Хотя можно ли сказать, что Австралия расположена на западе?

С неба капало уже несколько дней подряд. Тучи висели так низко, что на улице приходилось немного сутулиться. В буфете горело множество уютных электрических ламп. Иногда Феликс спрашивал, не хочется ли Дженнет чего-нибудь? Ну, там, фруктов или мороженого? Покупая рюмку коньяку, он каждый раз, для конспирации, выливал ее в кофе.

Главным моим ощущением было чувство голода. Было время, когда я тоже считал, что голодная рябь в глазах и еженедельная потеря веса на дырочку в ремне — это что-то из репортажей про Африку. А недавно, в гостях у малознакомого персонажа, я дождался, пока хозяин выйдет поговорить по телефону, без спросу залез в холодильник и вместе с оберткой сжевал здоровенный ломоть сыру. Уже несколько недель единственным съедобным продуктом в моей квартире был кетчуп.

Раз в полчаса Феликс поднимался к себе. Узнавал, нет ли распоряжений от руководства. Глава отдела был на выезде, распоряжений не было. Сологуб подливал девушке коньяку. Из их беседы до меня долетали словечки типа: «девятое управление КГБ» и «покупной соцпропс».

Первый глоток алкоголя на голодный желудок — как удар под дых. К третьему бокалу начинает заплетаться язык и возникает вопрос, а что я здесь делаю? Странно: химическое соединение «алкоголь» впитывается в стенки желудка, а меняется ваша личность. Да еще этот бесконечный кофе. После него есть хотелось особенно.

Я, щурясь, рассматривал соседей. У них были очень геморроидальные профили. Мне казалось, что я пьянее всех в здании. Допив следующий коньяк, я понял, что мне категорически не нравится компания.

— Знаешь что, Феликс? Давно хотел тебе сказать. Дурацкая у тебя, Феликс, работа, вот что.

— Почему?

— А вот дурацкая, и всё!

Феликс внимательно на меня посмотрел.

— Ну хорошо. У меня дурацкая работа.

— А знаешь почему?

— Хочешь коньяка?

— Огромное здание. Куча народу. Чем вы занимаетесь? Выборы какие-то придумали!

— Выборы придумал не я. Честное слово.

— Да кому они нужны, ваши выборы? Посмотри вокруг! Куча народу! Коньяк пьют, галстуки, блин, носят...

— При чем здесь я?

— Ты же сам рассказывал о москвичах, которые привезли оборудование. Дженни, вы слышали эту историю?

— Я не понял, коньяк покупать или нет?!

— Неужели не слышали? Из Москвы местным кандидатам прислали оборудование. Две фуры компьютеров, факсов-шмаксов и всякого фуфла. Зачем прислали? Что со всем этим делать? Половину оборудования сотрудники в первый же день растащили по домам, а вторую половину перебили, когда устраивали для гостей фуршет. Напились и перебили. Причем алкоголь для фуршета в приказном порядке обязали выделить местный винзавод. Бесплатно! Скажешь, неправда? Ты же сам говорил, что твоему шефу два раза из «внешних связей» ГУВД звонили!

— За что не люблю журналистов, так это за цинизм. Лишь бы все опошлить.

— Да что опошлить-то? Я сколько здесь торчу, только и слышу: мы работаем! мы думаем о людях! вот этими руками мы удерживаем город на краю пропасти! Посмотри вокруг! О каких людях?!

Феликс молчал.

— Вы сами-то в это верите? Что тут можно опошлить?

Феликс посмотрел на буфетчицу, потер подбородок, выбрался из-за стола и сказал, что сходит посмотреть, не приехал ли шеф.

Сологуб потянулся за сигаретами.

— Зря ты. Обидел парня.

— Почему обидел?

— Он неплохой парень. Чего тебя понесло?

— Меня не понесло. Я что — сказал неправду?

— Хватит бычить!

— Нет, ты скажи — это правда или неправда?

Я тоже закурил. Дженетт старалась глядеть в окно.

— Ладно. Он придет, и я извинюсь.

Сологуб купил коньяку. Феликс пришел не скоро.

— Пошли, поднимемся ко мне. Шефа сегодня, похоже, не будет.

— Тебе здесь плохо?

— Не нарваться бы.

— Брось! На что мы нарвемся?

— Пошли, пошли! В кабинете тоже можно нормально посидеть.

— А алкоголь?

— Есть у меня. Тебе хватит.

Коридоры Смольного освещены так, что даже с утра кажется, будто ночь. Каменный пол, крашенные в мутное стены. Все шагают с сосредоточенным видом, даже если идут в туалет. По дороге к кабинету Феликс упирал подбородок в грудь. Пожимая руки коллегам, на мгновение задерживал дыхание.

Я тронул его за рукав.

— Не обижайся.

— Я не обижаюсь.

— Нет, серьезно. Не хотел тебя обидеть.

— Да не в этом дело. Просто... все ведь действительно не так!

— Я понимаю. Извини.

В желудке что-то болело. Ощущение беременности тройней... тройкой нападающих. Во рту стоял кислый привкус. В кабинете Феликса за столом сидел мужчина с проваленным носом и трагическими складками по сторонам рта. Феликс хлопнул мужчину по спине и сказал, что сегодня отчет должен быть готов. Тот был лет на пятнадцать старше Феликса, но вы же понимаете: начальником-то был не он.

Как это обычно бывает, скоро я почувствовал раскаяние. Вернее, не раскаяние, а теплоту... благодарность. С чего меня, действительно, понесло? Чтобы загладить впечатление, я вызвался вымыть всем по стакану. Смольнинские туалеты поражали воображение. Стоя у раковины, я подумал, что было бы смешно встретить тут кого-нибудь из первых лиц города. Потом я попил воды из-под крана. Какой идиот сказал, что это притупляет чувство голода?

— Слушай, Феликс. а правда, что здесь бродит привидение Кирова?

— Да ладно тебе!

— Почему? Его же здесь убили, да?

— Ну убили.

— Это же здесь, за углом было, да?

— Ну да.

— Значит должно быть и привидение. Пошли, поищем! Хорошо бы спросить у него о результатах голосования. Представь, если я за неделю до выборов смогу предсказать все до процента?

— Нет, ребята, давайте из кабинета выходить не будем.

— Брось! Пошли погуляем! Для Дженнет экскурсию проведем. Дженни, хотите поваляться на кровати Ленина?

— На кровати Ленина? Он что, здесь спал? В этом здании?

— И спал, и ел. И с Крупской это самое...

— Вы шутите?

— Какие шутки! Это же Смольный! Здесь этажом выше хранится зеркало, с которого Ленин нюхал кокаин!

— Ленин нюхал кокаин? Вы шутите?

Феликс хмурился.

— Нет, ходить никуда не будем. Не дай бог, увидят. Знаешь, как меня на аппарате выебут? Извините, Жанночка.

— Меня зовут не Жанна. Дженнет. Это другое имя.

Мы пили коньяк. Феликс наливал его из стоящей под столом канистры. Сперва запивали холодным чаем, потом просто водой. Подчиненный молча работал. Когда он, наконец, положил на стол свой отчет, Феликс попробовал его почитать. Сказал, что вроде бы все нормально, но точнее он скажет завтра.

— Жанночка, а хотите, я познакомлю вас с имиджмейкерами? С очень знаменитыми имиджмейкерами? Вы даже не представляете, что это за люди! Я вас обязательно познакомлю. Налить вам еще?

— Только немного.

Потом Сологуб встал.

— Что я хочу сказать?.. Да слушайте вы, наконец! Я по поводу того, что было в буфете.

— Глупо получилось.

— Я же извинился.

— Я не об этом. Просто... Чтобы закончить с этим...

— Да! Давайте закончим!

— Я хочу выпить за... На свете есть не только говно. Вы меня слушаете? Я хочу выпить... за хорошее. Ведь есть на свете... ну там, дружба... Цинизм — цинизмом, но хорошего-то все равно больше! Давайте выпьем за светлое! За вещи, которые... ну, вы понимаете.

— За девушек.

— За девушек! Да! За нормальные отношения между людьми! Ведь все мы люди! Вместе сидим! За то небольшое святое, что осталось в нашей жизни! Чтобы мы всегда оставались... ну, вы понимаете.

В электрическом освещении кабинет напоминал немного облагороженный каземат. Прямо передо мной на столе стояла фотография жены Феликса. На коричневой стене висел плакат с лицом губернатора. Бумаги на столе лежали в строгом порядке. Пару часов назад Феликс и сам был в порядке. А теперь последняя перед брюками пуговичка на рубашке расстегнулась, и в просвете торчал мохнатый живот. С каждым глотком у Феликса становилось все более резиновое лицо. Когда Дженнет ушла в туалет, он заговорщически прошептал:

— Парни, давайте выберем австралийку, а?

Сологуб вежливо отвернулся. Я сказал, что видно будет. Потом коньяк кончился. Было решено куда-нибудь пойти.

— В «Конти»? Хотя в таком виде... А клубы у нас поблизости... э-э-э... Предлагайте чего-нибудь, что вы молчите?

Остановились на «Сундуке». Долго шли мимо массивных дверей и спускались по узким железным лестницам. «Да тише вы! Здесь нельзя! И хватит икать!» Надевая плащ, Феликс забыл вытащить из рукава шелковый шарф. Тот упал на пол, и он наступил на него ботинком. Сказал «блядь!» и в несколько оборотов намотал на шею.

Памятник Ленину перед фасадом Смольного казался маленьким и беззащитным. В круглую лысину бились мелкие брызги. Я сказал, что, наверное, это памятник Ленину-ребенку. Сологуб картинно хлопнул себя по лбу.

— Слушайте! А может, нам в баню сходить?

— Жанночка, пойдемте в баню?

— Меня зовут не Жанна. Дженнет. Это другое имя.

— По-моему, отличная идея! Поехали в баню!

Над зданием висел мокрый флаг. Судя по цветам — государства Тринидад-и-Тобаго. В самом начале Суворовского мы поймали такси. Подаваясь вперед, Сологуб разговаривал с водителем о выборах. Феликс был налит алкоголем до самой макушки. При каждом толчке машины он чуть не бился носом в лобовое стекло.

Когда мы вылезли из машины, Дженнет удивленно огляделась. Вокруг было темно и страшно. Волосы у меня сразу намокли и прилипли к голове. Я провел по ним ладонью. У тусклых круглосуточных ларьков кучковались алкаши. Под козырьком, у входа в баню, калачиком сворачивались рыжие собаки.

— Что это за клуб?

— Это не клуб. Это баня.

— Я думала, «Баня» — это название клуба.

— Нет. Баня — это название бани.

Дженнет засмеялась и спросила, зачем мы сюда приехали? Купальника у нее с собой нет, и вообще... Наверное, она устала. Спасибо за компанию. Завтра увидимся в Смольном.

— Жанночка! погоди! Иди сюда! На минуточку. Давай поговорим спокойно... спкйно...

Вокруг пузырились лужи. В просвете улицы мелькал Невский. Я был здорово пьян. Феликс что-то говорил, дергая девушку за рукав. Она порывалась уйти. Феликс бубнил и дергал за рукав.

Дженнет вырвалась и перебежала на другую сторону.

— I WONT GO!

— А как же имиджмейкеры? Жанночка! Имиджмейкеры!

Сологуб взял Феликса под руку и привел обратно. Тот путался в полах отяжелевшего плаща и чуть не ронял дипломат.

— Сучка, бля!

Сологуб протянул ему сигарету.

— Да и пусть катится! Еще сифилиса австралийского мне не хватало! Сучка, бля! Коза, бля! Хрен она у меня теперь аккредитацию получит!

— Феликс. Пьяный мужчина может интересовать женщину только в одном случае. Знаешь в каком?

— Знаю.

— А чего тогда лезешь?

— Коза, бля!

— Ты лучше скажи, у тебя деньги есть?

Феликс напрягся, мучительно пытаясь протрезветь.

— Есть немного. А что?

— А то.

— Здесь есть?

— Должны быть.

Феликс порылся в карманах и отдал Сологубу ворох мятых купюр. Тот долго что-то высчитывал, раскладывал деньги кучками, часть отдавал обратно, потом снова забирал. Когда он посмотрел на меня, я сказал, что даже сигареты с утра купил поштучно.

Сологуб свернул деньги в тугую трубочку и сказал: «Пошли». Он долго стучал в алюминиевую дверь бани. Звук далеко разносился по пустой улице. Нам открыл постовой в форме. Я заметил, как моментально изменился Сологуб. Теперь он чуть не по локоть засовывал руки в карманы, мелко сплевывал под ноги и, щурясь, озирался по сторонам.

— Что скажешь, командир?

Милиционеру в глаза он не глядел. У того были серые скулы и рыжие усы.

— Трое? На второй этаж.

Мы прошли облицованный мрамором холл и поднялись по лестнице. На крашенной под дерево двери висела табличка: «Отделение ЛЮКС». Звонить пришлось долго. Потом лысый мужчина в белом халате объяснял, что мы ошиблись и баня закрыта. Блики света, как зимние дети, катались по склонам его крутого лба. В рас-

стегнутом вороте торчал похожий на мохнатый галстук клоч шерсти.

Потом банщик неожиданно сдался и кивнул, чтобы мы заходили. Когда дверь закрылась, он говорил уже другим голосом.

— Почему сегодня?

— Как всегда.

— А если троих купим?

— Первый раз, что ли? Знаешь же, что скидок не бывает.

— Никак?

— Не та ситуация.

— Тогда одну.

Банщик пересчитал деньги и убрал их в ящик старого рыжего стола.

— Париться тоже будете?

— Будем, будем! И париться, и водку! Направо?

В раздевалке пахло осенней гнилью. Я сообразил, что это запах березовых веников. На полу лежали мокрые резиновые коврики. Одежду нужно было вешать на гнутые крюки в стене. Когда, интересно, я последний раз менял нижнее белье? Феликс пересчитал оставшиеся деньги и спрятал их во внутренний карман пиджака. Потом достал и переложил в носок. Подумав, затолкал носок глубоко в ботинок.

— Я не буду трахаться с проституцией. Вернее, буду. А вы?

Мы расселись вокруг столика. Он был немного влажный. Трусы никто пока не снимал. Даже сквозь ткань кресла казались холодными и скользкими. Будто касаешься ягодицами свежей форели. Все разглядывали друг друга и поеживались.

Банщик принес большую бутылку водки. Следом за ним в раздевалку вошла девушка. Феликс попробовал поднять на нее глаза. Его веки напоминали наросты на старых деревьях. На девушке была кофта и серая юбка. Узкие полоски сгрызенных ногтей, тоненькие икры. Кофту она повесила поверх феликсовского плаща. Точно такую же кофту в черных разводах когда-то носила моя классная руководительница.

— Привет.

Мы сказали, как нас зовут. Девушку тоже как-то звали.

— С какого момента начинаем засекаеть время?

— Если Я не спрашиваю, то чего ТЫ суетишься?

— О! Вы слышали? Она мне нравится! Давайте пока просто посидим. Хочешь водки?

Я не мог понять, пьяна ли девушка. Вы замечали, что если не пить с человеком с самого начала, то он всегда кажется трезвее, чем ты сам? Разумеется, болтать начали на тему «А с чего у вас ЭТО началось?», «А что вы чувствуете, просыпаясь с утра?», «А есть ли у вас бойфренд?». Насколько я знаю, если случается пауза, такие вопросы задают десять из десяти отечественных мужчин.

— А вы кем работаете? Коммерсанты?

— Ага. Такими штуками торгуем — закачаешься!

— Сколько с вас этот лысый взял?

— Коммерческая тайна. У нас, коммерсантов, все тайны — коммерческие.

Феликс уснул незаметно. Тугой живот свешивался на его семейные трусы. На животе, под волосами, белел шрам от аппендицита. По трусам скакали веселые слоники. Из угла рта на шею сползала слюнка.

— Не обращай внимания. Пусть посидит.

— Мне-то что?

— Выпей. Не сиди просто так. Ты тоже наливай.

— Хорошая водка.

— Как ты говоришь, тебя зовут? А живешь где? В общежитии?

Девушка рассказывала, что снимает комнату. Недорого и хозяйка хорошая. Правда, недавно в комнате завелись тараканы. «Целых одиннадцать штук, представляете?» Мы с Сологубом делали вид, что очаровываем даму. Дальнейший секс — результат нашей неотразимости. Кто за этим столом произносил слово «деньги»?

Потом Сологуб сказал, что у него обрезан член.

— Видела когда-нибудь?

Мне тоже стало интересно. Я привстал и посмотрел. Член был здоровенный и синий. Большого отличия от собственного, необрезанного, я не заметил. Девушка повертела член в руках. Сологуб допил водку и сказал: «Ладно, мы сейчас».

Под юбкой у нее были кожаные трусы с узеньким ремешком вместо задней части. Ремешок врезался в ягодицы и, наверное, мешал ходить. Вернувшись, она налила себе водки и сделала несколько маленьких глотков. Прежде чем проглотить, долго держала ее на языке: дезинфекция. Меня передернуло.

— Теперь ты?

— Да вроде.

— Здесь будешь или в душевую пойдем?

— А там кто-нибудь есть?

— Кто там может быть?

Душевая напоминала осень на складе сантехники. Девушка скороговоркой проинформировала, что анальный секс исключен в принципе, а традиционный возможен только с презервативом. У нее были плохо выбритые подмышки. Мокрая спина с острыми позвонками была похожа на перевернутую лодку

— Да погоди ты... Захлебнусь!

Шумела вода. Как хлопнула деревянная дверь, я не расслышал. Феликс облокотился рукой о стену и икнул. Из-под мокрых черных волос торчали глаза, а сразу за ними начинался скрюченный рот. Все целиком лицо было похоже на тонированное стекло автомобиля. Другой рукой он придерживал себя за пах.

— Ты долго?

— Чего ты хотел?

— Угадай.

— А меня обязательно прерывать?

— Ну, ты хоть долго?

Дверь открылась еще раз, и в душевую вошел Сологуб. Интересно, они все на самом деле считают, что эрекция — это что-то похожее на дрессированных кремлевских часовых?

— Феликс, пойдем! Не мешай!

— Погоди, я хочу посмотреть!

— Скажи ему!

— Я тихонечко. Мешать не буду.

— Можно я побуду один, а?

— А чего такого?

— Феликс, выйди, пожалуйста. Я не хочу. Я, понимаешь?

— Ничего-ничего! Давайте, парни, отдерем эту падлу как следует!

— Насмотрелся мультиков про Бивиса и Батхеда?

— А чего такого-то? Слышь, падла, поворачивайся!

— Прекрати. И вообще, отстань от девушки.

— Какая она девушка?! Заплатили ей? Пусть поворачивается!

— Феликс, я тебя прошу!

— Любишь, когда тебя в задницу дерут, а? Лю-убишь, сука!

— Мне больно! Слышь! Что ты делаешь?

— Ну-ка, давай!

— Феликс, хватит! Только проблем в бане нам не хватало!

— Какие проблемы? Пусть эта сучка отрабатывает! Давай-давай, коза, бля! Задницей поворачивайся!

За Сологубом хлопнула дверь. Проститутка покосилась в мою сторону и вздохнула. На ее бледной коже ладони Феликса казались

очень загорелыми. Позавчера он рассказывал, что нынешним летом отдыхал с женой где-то на море.

— Совсем охуела? Учти, если мне не понравится, то я...

Я вышел в раздевалку. Там было холоднее, чем в душевой. Держать сигарету мокрыми пальцами было неудобно. Ногти казались неправдоподобно розовыми.

— Успел? Хоть чего-нибудь?

— Успеешь с этим Феликсом!

— Да-а. И с Дженнет этой... тоже неловко вышло.

— Водка еще осталась?

Губы тоже были мокрыми. Я совсем не чувствовал вкус дыма. Зато чувствовал вкус голода. При каждом резком движении в глазах что-то скакало. По краям изображение теряло четкость и расплывалось. Хоть помылся, и то хорошо.

— А мне она понравилась. Такая нежная.

— Нежная?

— Сделала — как родному.

— Хорошо тебе.

Окно в раздевалке было выложено плитками толстого непрозрачного стекла. Снаружи понемногу светлело. Сологуб что-то говорил и ерзал в кресле.

— Что-то долго они. Сходи посмотри, а?

В школе по анатомии я имел твердую четверку. Но как он умудрился таким образом скрутить ей ноги, так и не понял. На спине у Феликса было несколько противных складок. Заканчивалась спина неожиданно впалыми ягодицами. Тоненькие женские руки упирались в скользкие стены. Все вместе напоминало работающий бульдозер или, например, схватку единорога с канализационной трубой. Изпод покатоного мужского плеча торчала сморщенная проституткина мордочка. Она кривилась от боли, и издавала положенные всхлипы.

Говорят, до революции падшие женщины ловили богатеньких господ на фразу: «Я — Незнако-умка. Не желаете ознако-умиться?» Принято считать, что проститутки — это по-своему красиво. Но пробовали ли покупать проститутку лично вы?

В Петербурге квартал красных фонарей расположен на нескольких проспектах вокруг Московского вокзала. У площади Восстания улицы темны и пустыньны. Ближе к Александро-Невской лавре становится посветлее. Вывески модных бутиков придают району европейский вид. В 24-часовых магазинах здесь продается до двух дюжин разновидностей презервативов.

Как и все женщины, вынужденные проводить много времени вместе, проститутки сбиваются в кучки, ставят на место зарвавшихся нахапок и улыбаются подругам. То, что фонари на этих улицах редкость, на руку дебелим, сальноволосым и прыщавым продавщицам розничной любви. Найти покупателя удастся не каждую ночь. Девушки толкуются у обочин, болтают с продавщицами ларьков, обсуждают учебу, куда ходили вчера и что за юбку сшила Светка.

Уровень образования категорически упал. Блока больше никто не читает. Подойдите к девушкам, и они, как продавщицы капусты, в лоб назовут вам цену. И, поверьте, нет ничего интересного в сексе, который вы за эту цену приобретете. Дамы закомплексованы, истеричны, почти не двигаются и называют то, что делают, дурацким словом «работа». Трусые они натягивают таким же суетливым движением, как та мясистая десятиклассница, которая когда-то лишила меня невинности. Никогда не возникало у меня желания полностью с ними расплатиться.

...

Когда мы вышли на улицу, дождь все еще шел. По грязным рекламным щитам текла мутная вода. Феликс мотнул головой и спросил, сколько времени? Пожалуй, он дойдет до работы. Ехать домой смысла нет.

— Зря. Шел бы отсыпаться.

Феликс молча развернулся и убрел за угол. Улица напоминала черно-белую фотографию. Сологуб долго шарил по карманам. На такси не хватало. Я тоже пошарил. Интересно, что я надеялся отыскать? Мы зашагали к метро. Голова немного болела.

— Завтра в Смольный пойдешь?

— Пока не знаю.

— Я-то пойду. Мне нужно. Кандидаты эти... заебали.

У женщины, сидевшей в будке возле эскалатора, была красная форменная шапочка и красные глаза. Есть хотелось так, что казалось, меня сейчас вырвет. Как ни странно, какие-то люди уже поднимались по эскалатору вверх.

— Хорошая проститутка.

— Да-а.

— Зря Феликс с ней так. Какая бы ни была, все-таки девушка.

— Да-а.

В вагоне было совсем мало народу. Мужчина уже в пальто, пара девушек. Одна внимательно читала толстую книгу. На обложке читалось: «Русско-японский словарь». Несколько человек, мотая

Мачо не плачут

головами, спали. Как обычно с утра, было чувство, что произошла катастрофа, а ты о ней забыл.

Поезд двигался рывками, а потом и вообще встал. Где-то ниже диафрагмы во мне лежал протухший булыжник. Я смотрел на свое отражение в стекле напротив. Если подойти поближе, то будет заметно, какие желтые у меня белки глаз. Это от плохого питания. Китайская лапша быстрого приготовления, булка, чипсы, бесконечные пельмени, снова булка. Чистая питательность, еда бедных — как сухие корма для собак. От таких кормов уже через полгода псы мочатся кровью. Потом у них отнимаются задние ноги. Через год мертвую собаку зарывают в землю.

Пахло мокрой одеждой. С обуви на пол стекала вода. Ботинки были похожи на переваренные пельмени. Помню, в детстве я терпеть не мог гречневую кашу с молоком. В детском саду меня как-то даже вырвало от одного ее вида.

Мы молчали. Поезд не двигался. Потом в вагоне неожиданно погас свет.

— Оп-па!

— Что это такое?

— Может, чего случилось?

Я встал и заглянул в окно в конце вагона. Свет погас во всем составе, не только у нас. Повисла странная тишина.

— Что за херня?

— Непонятно.

В темноте кто-то шепотом обсуждал, не пора ли воспользоваться экстренной связью с машинистом? Меня, если честно, больше интересовало нельзя ли под эту лавочку прямо в вагоне покурить?

— Идет. Там кто-то идет.

Дверь в дальнем конце вагона открылась. Внутрь шагнул милиционер.

— Проходите! Все двигаемся через первые вагоны!

— Куда проходить? Что случилось?

На ходу расталкивая спящих, милиционер прошагал через вагон и начал ковыряться в замочной скважине.

— По туннелю, что ли, пойдем? Вот это да!

Мы прошли насквозь несколько вагонов. Становилось светлее. В головном вагоне двери были открыты. Снаружи начиналась станция «Владимирская». Пригибая голову, будто боясь удариться, пассажиры выходили на платформу.

Первое, что я увидел, был лежащий на платформе мужской ботинок. Из его развороченного нутра торчало что-то лохматое. Дальше платформа была усыпана мелкодробленным стеклом. Оно хрустело под ногами. Я прошел к началу состава и заглянул в кабину. Внутри сидел машинист. Он смотрел перед собой стеклянными глазами. На пульте подкладкой вверх лежала его фуражка. У машиниста было серое мокрое лицо. Пол в кабине был густо усыпан стеклом.

Из вагона выходили пассажиры. Скоро на платформе стало тесновато. С ее дальнего конца прибежал еще один милиционер. Машинист не менял позы. Его бил озноб.

— Вон он!

Все забубнили и столпились у середины головного вагона. Сологуб плечом раздвинул толпу. Он долго смотрел в просвет между платформой и вагоном, потом вернулся ко мне:

— Сходи, посмотри.

Уткнувшись лицом в грязные шпалы, под вагоном лежал человек. Почему-то голый выше пояса. Из-под брючного ремня торчала полоска светлых трусов. Вдоль позвоночника кожа была несколько раз разорвана. У меня над ухом сопел толстый дядька в шляпе и очках. Он сдвинулся от края платформы, сказал: «Фу! Гадость!» — и отошел. На его место встали молодой человек с девушкой. Они плотно прижимались друг к другу. Девушка покусывала губы и смотрела широко открытыми глазами.

Подскочил Сологуб:

— У тебя удостоверение «ПРЕССА» есть?

— Есть.

— А диктофон?

— Диктофона нет.

— Фигня! Записывай ручкой. Старайся четко выяснить должность и фамилию. По коням! Ты бери на себя ментов, а я поговорю с машинистами. Блядь! Почему у нас нет с собой фотографа? Давай, давай!

Я порылся в карманах и пошел искать милиционера. Чистого листа бумаги не было. Данные я решил записывать на оборотной стороне старого факса. Увидев мое удостоверение, милиционер удивился. У него были волосы цвета давно не стиранных носок. Сперва он спросил, как это пресса успела так быстро подъехать на место происшествия? Потом объяснил ситуацию. Как все произошло, милиционер не разглядел. Стоял в дальнем конце платформы. Увидел, что поезд резко затормозил, и посыпались стекла.

Понял, что что-то не так. Согласно инструкции начал выводить людей из состава.

— Свидетели есть?

— Откуда! Тут всего три человека стояло. Вон та парочка и этот Каренин. Парочка целовалась, парень лежит на рельсах. Никто ничего не видел.

Пассажиры бродили по платформе, выискивая где поинтереснее. У них были лица детей, только что заставших родителей занимающимися сексом. Тетка в очках брызгалась и доказывала, что этого человека сбросили. Совершенно точно сбросили! В руках тетка держала по сумке. Пытаясь без рук поправить сползающие очки, она противно скрючивала лицо. Единственным слушателем был сонный дед. Он был одет в пиджак с орденскими планками, спортивные штаны и кепочку фэна «Chicago Bulls».

— Ну что?

— Мент дал комментарий. Я все записал.

— Фамилию выяснил?

— Черт! Фамилию забыл.

— Сейчас приедет начальник подвижного состава. То ли станции, то ли всего метрополитена. Машинист в ауте. Его самого отсюда на «скорой» увозить будут. Блядь! Почему нет фотографа!

Я плюнул на все, достал сигареты и закурил. Пробегавший мимо сержант недовольно поморщился, но останавливаться не стал. Пассажиры обходили лежащий на платформе ботинок. Я прогулялся мимо запертых книжных лотков. С обложек мне подмигивали глянцевого, недавно побывавшие у дорогого дантиста люди. Надоело это безденежье. Может, и мне написать роман, который начинался бы со слов «У майора был гранитный подбородок и глаза цвета штормового моря»?

Днем на станции весело. На лавочках сидят панки в куртках из кожезаменителя. Стоят безногие нищие в десантном камуфляже. В переходе на «Достоевскую» играет саксофонистка. Не Кэнди Далфер, конечно, но хорошенькая. Мундштук губами она обнимает так, что если я иду в тесных джинсах, то на всякий случай стараюсь не поднимать глаз. Сейчас под высокими потолками метались гулкие голоса. Погуляв по платформе, пассажиры все равно возвращались и рассматривали умирающего. Кое-кто сплевывал под ноги.

Через полчаса на станцию начали прибывать службы и начальство. Сперва появился врач. Он, не торопясь, шел с дальнего конца платформы. Под халатом у него виднелся растянутый серый сви-

тер. В руках он нес чемоданчик. Рядом, тоже не торопясь, шагала медсестра. Она обеими руками прижимала к белому животу черную папку. Они подошли к тому месту, где был виден голый человек. Врач поставил чемоданчик на землю и сложил руки на груди.

Вслед за ним возникли метрополитеновские чины в синей униформе. Сологуб кинулся на них, как граф Дракула на последних незараженных СПИДом землян. «Без комментариев!» — вытянул вперед растопыренную пятерню старший из чинов. Пятерней он, наверное, хотел закрыть объектив телекамеры. Камеры не было. Чин расстроился и опустил руку.

«Я сказал, без комментариев!» — повторил он, но что был Сологубу какой-то метрополитеновский чмырь? Уже через минуту они стояли над местом, где была видна голая спина, и чин бубнил, упираясь губами в диктофон.

— Машиниста будут судить?

— Надо разобраться. Скорее всего, нет. Вряд ли это вина машиниста.

— А чья это вина?

— Если он был пьяный и упал сам... Или если его сбросили, то... А если выяснится, что пострадавшего задело зеркалом заднего обзора... Хотя, скорее всего, в этом случае виноват тоже пострадавший. Слишком близко встал к краю платформы. Думаю, машиниста не будут судить.

Мужчина старался говорить развернутыми, литературными фразами. Вокруг кружком стояли пассажиры.

— Вы думаете, он выживет?

— Это вопрос не ко мне. Вот стоит врач. Спросите у него.

— Я имею в виду — как часто люди выживают после таких падений? Я не думаю, что это первый случай за время вашей работы.

Мужчине хотелось сказать что-нибудь сногшибательное. Он подумал и все-таки признался, что на «Владимирской» этот случай первый. Сологуб повернулся на каблуках и сунул диктофон в зубы врачу. Диктофон был дорогой. Из тех, что рассчитаны не на стандартную, а на совсем маленькую кассету. Он все делал правильно. Чем ближе к лицу собеседника подносишь диктофон, тем острее он ощущает себя героем красивого кино.

Врач спросил, какое издание представляет Сологуб? Тот назвал свою газету. Врач, не торопясь, заглянул в просвет и сказал, что вряд ли этот человек выживет.

— Но сейчас он жив?

— Конечно. Вы же видите: кровь продолжает течь. Налицо дыхательные движения. Нет, сейчас он, безусловно, жив.

Пассажиры, как школьники на экскурсии, вытягивали шеи и следили за пальцем врача.

Потом прибыло милицейское начальство, и зрителей стали отеснять с платформы. Сержант передал наверх, чтобы все эскалаторы запустили на подъем. «Па-а-апрашу! Па-а-апрашу на выход!» Пассажиры ругались и говорили, что опаздывают. Как прикажете добираться на работу?

Сержант попробовал отправить наверх и нас. Сологуб удивленно задрал брови. Неужели сержант не знаком с «Законом о пресесе»? Не знает, что за препятствия, чинимые работникам массмедиа в исполнении профессиональных обязанностей, у нас в стране полагается административная ответственность? Вот мое удостоверение, вот здесь, сержант, черным по белому написано, что предьявителю сего губернатор Санкт-Петербурга просит оказывать всяческое содействие, а можно взглянуть на номер вашего жетона, сержант? И вообще, зачем ссориться? Мы просто постоим в стороне. Посмотрим. Мешать не будем, посмотрим и уедем. Договорились, командир?

Сержант сходил к крепкозادому мужчине в коричневой кожаной куртке и что-то долго говорил ему, кивая подбородком в нашу сторону. Вернувшись, сказал, что ладно. Крепкозadый курил «Беломор» и взад-вперед ходил по платформе. Я сказал, что зря мы остались. Вышли бы наружу, наскребли на бутылку пива.

Сологуб убивался:

— Ты знаешь, сколько получила девчонка из «Буденновской правды» за съемку налета Басаева на город? Почему у нас нет с собой фотографа? Когда чеченцы стали отходить из Буденновска, они согласились обменять беременных женщин на всяких там чиновников и журналистов. Чиновники, ясное дело, приссали, а девчонка поехала. Просто сопля, у которой в тот момент с собой была камера! Она и в газету-то только месяц как устроилась! Всю дорогу шелкала своей мыльницей. Нащелкала три кассеты. Так французы за непроявленную — НЕПРОЯВЛЕННУЮ, понял? — пленку заплатили ей столько... Короче, девица смогла купить себе квартиру в Париже. Не снять, а купить, понял? Такой шанс, как сегодня, бывает раз в жизни. На квартиру, допустим, не хватило бы, но год после сегодняшнего можно было бы не работать. Ты не представляешь, как меня достали эти кандидаты! Почему с нами нет фотографа?

Эскалатор за нашей спиной остановился и заработал не на подъем, а на спуск. На платформу вышло несколько мужичков в оранжевых куртках. На спинах читалась аббревиатура «ПСВ». Поднеся диктофон к краешку рта, Сологуб вслух описывал происходящее. Мужички спрыгнули на рельсы и исчезли под поездом. Пузатые метрополитеновцы иногда нагибались и что-то кричали им. Скоро состав начал медленно уезжать задом в туннель.

— Как это? Задавят же его на хрен... А-а! Они левые колеса отжали! Хитро!

Сжимая под мышкой серый сверток, мимо пробежал давешний сержант. Сверток оказался тряпичными носилками. Милиционер развернул их, несколько раз встряхнул, кинул оранжевым спасателям и сам спрыгнул на пути.

— Ага. Кажется, несут. Пошли!

Носилки несли вшестером. Пятеро мужичков и сержант. Доктор наклонял голову к плечу и шел рядом. Эскалатор опять включили. Сологуб пристроился сразу за носилками. С того места, где я стоял, мне была видна взгрызенная грудная клетка, обрубок ноги и лицо. Одного глаза у мужчины не хватало. Второй, зеленый, был полуприкрыт. Грязное лицо выглядело немного грустным.

— А почему он раздет?

— Движущийся поезд снимает одежду, как ножом. Вы же видели, как повреждена его спина. Тем более что машинист пытался тормозить. Под колесами было как между жерновами.

Сквозь ткань носилок на ступени просачивалась кровь. Пока мы ехали, натечь успело довольно много.

— Нет. Совершенно точно не выживет.

— Но пока еще жив?

— Да, конечно. Если хотите, я могу посветить ему в зрачок, и вы увидите реакцию сжатия.

Держать носилки спасателям было тяжело и неудобно. Тот, что стоял ближе всех ко мне, поморщился и уже на выходе из метро попробовал сменить руку. Голова голого мужчины качнулась. Мне показалось, что он задержался на мне уцелевшим взглядом. Пушистые ресницы вздрогнули. Может быть, он мне подмигнул?

Все шестеро, семеня ногами, поднесли носилки к белой «скорой помощи». Последней шла медсестра. Она за шнурок несла ботинок с оторванной ступней внутри. Выглядело это так, будто девушка за шкирку несет отмывать гадливого котенка.

Я докуривал последнюю сигарету. Она загибалась вниз, как обрезанный член Сологуба. Под дождем ежился гранитный Достоевский. Так тебе и надо, антисемитская морда!

- Ладно. Поеду домой.
- Пива хочешь?
- Нет, наверное. Пока.
- Не повезет так не повезет!
- Ты о чем?
- Ну почему с нами не было фотографа?
- Счастливо.

Было совсем утро. Дождь-хамло сквозь зубы плевался в серые физиономии луж. Те морщились, но не спорили. Домой я поехал на утреннем троллейбусе. У пассажиров были невыспавшиеся, набрякшие лица. От голода и этой ночи кружилась голова. Подташнивало. По дороге я все-таки уснул. Мне снилось сочное свежее мясо... покорное мясо... много мяса... оно было податливо... оно ничему на свете не сопротивлялось.

История четвертая о Марии и Хуане

С Кириллом я познакомился три зимы тому назад. Дело было в «Корсаре». Его привел парень по имени Герман, который имел какое-то отношение к модельному бизнесу. Шел сухой мелкий снег — словно наверху у кого-то была перхоть. Я сидел с девушкой, а кто был еще, не помню. Мы не то чтобы собирались выпить, но к стойке бегали частенько. А Кирилл так и просидел весь вечер над единственной кружкой. Правда, иногда отходил покурить марихуаны. С улицы Кирилл возвращался красный, холодный, улыбающийся.

Он показался мне ничего. Этаким несложный, ни на чем не настаивающий. Когда за столом появились девушки, стал за ними ухаживать. Когда девушки ушли, не расстроился, а сходил покурить еще. На нем была куртка «LaVamba». Это такая войлочная, с кнопками и эмблемой хоккейного клуба на груди. Голову он брил наголо. Слева на черепе у него был розовый, цвета попы младенца, шрам. Кирилл говорил, что во время концерта пьяный бык ткнул его розочкой в висок. Джинсы он носил исключительно кожаные. Умудрялся всего за несколько долларов покупать их в секонд-хенде. Из обуви предпочитал сапоги.

Знакомя нас, Герман сказал, что у Кирилла своя рокабилльная группа. Я специально полистал английскую рок-энциклопедию. Там было написано, что «рокабилли — это синтез искренности раннего рок-н-ролла с энергией панк-рока». То есть как будто Элвис Пресли вколол себе четыре куба героина, запил это дело пинтой пива и с криками «No Future!» рванул рубаху на облысевшей груди.

Специалисты уверяли, что среди петербургских рокабиллов Кирилл если и не номер один, то скоро им станет. По клубам за ним ездили поклонники и, особенно, поклонницы. Мне запомнились две: обе в кожаных жилетках и с одинаковыми татoo. Танцевали они так, что Ума Турман из «Pulp Fiction» казалась безногим инвалидом. В паузах между песнями девушки иногда обнимались и целовались вясос.

Несколько раз мы пересекались в клубах и на вечеринках. Потом он стал приглашать меня на свои концерты. К тому, чем он занимается, Кирилл относился нормально. При встрече не цедил, что опаздывает: его уже несколько часов дожидаются голландские продюсеры. Но и не строил глазки насчет «Да-ладно-вам-ребята-это-ж-я-просто-так-на-гитарке-потретькать-вышел». Еще до нашего знакомства он записал первый альбом. Вкладыш с текстами песен оформил тоже сам. Рисовал Кирилл очень прилично. Вроде бы даже закончил художественное училище. По черному вкладышу ползали инопланетные уродцы, а парни в нашейных платках катали на «кадиллаках» красноротых блондинок.

Он поздно просыпался, выкуривал утренний джойнт и садился играть. Через полчаса забивал еще один. Иногда что-то писал на мятых бумажках. В комнате стоял диван, два кресла и столик со следами от сигарет на полировке. Над диваном висели постеры любимых «BatMobile» и «Stray Cats». Музыканты рассматривали гостей Кирилла и собирались поинтересоваться: «Кошелек или жизнь?»

Читал Кирилл много. Как-то взял у меня «Электро-Прохладительный Кислотный Тест». Речь там идет о первых американских хиппи. Запасшись парой ведер ЛСД с орандж-джусом, они колесили по стране на старом автобусе, устраивали концерты и скандалы. Книга произвела на Кирилла впечатление. Мы сидели в «Трех Мертвецах». Он говорил, что если подтянуть под спонсорство богатый пивзавод... и пару радиостанций... а автобус купить списанный и отремонтировать... что я по этому поводу думаю?

Я сказал, что никогда не пробовал искать спонсоров. На стене раз в тридцать секунд взмахивал пластиковой рукой зубастый

скелет. Он внимательно следил, чтобы я каждый раз допивал пиво до дна.

— Я пробовал. Когда писал альбом. Но теперь, наверное, придется ехать в Москву. У нас никто не даст таких денег.

— А сколько надо?

— Я бы назвал это «Большой Рокабилльно-Пивной Тур». Ездили бы по провинции. Давали бы по концерту в день. Если заснять все это и сделать фильм, то часть денег можно было бы отбить.

— Серьезно?

— А ты пробовал ЛСД?

— Нет.

— А хотел бы?

— Где же ее взять?

— С пивом выйдет, конечно, не то. Хорошо было этим... из твоей книги. С ЛСД я бы такой тур забабахал!

— Да?

— На самом деле из легких драге я пробовал почти все. Пи-Си-Пи, там... грибочки... А вот вены мои девственны.

...

Спонсора Кирилл так и не нашел. Денежным мешкам было не до глупостей. В конце концов он плюнул и решил просто съездить в провинцию на гастроли. А дальше видно будет. Парень, которого все называли Зуб, договорился, что самый дорогой клуб города Суздаля оплатит группе дорогу и проживание. Я удивился: неужели в Суздале есть музыкальные клубы?

Зуб был молод, но успел провести в тюрьме то ли пять, то ли шесть лет. Что-то связанное с грязными деньгами. У него были детские губы бантиком и вечно выпученные глаза. Ходил он, загребая косолапыми ступнями. Зуб пытался делать музыкальный бизнес. К гастролям Кирилла он подошел ответственно. Областная FM-станция рассказывала о визите столичных знаменитостей раз в полчаса. Вряд ли суздальцы понимали, что за концерт их ждет. Но билеты худо-бедно раскупили.

В день выступления Кирилл нервничал. Одно дело играть для заранее оргазмирующих петербургских девчонок. Другое дело здесь. Лучше было, конечно, спеть в Нью-Йорке, но ведь с чего-то надо начинать? Он лично проверил всю аппаратуру. Наорал на кадыкастого контрабасиста. Вынюхал пополам с Зубом целый грамм привезенного кокаина... А когда концерт кончился, вышел на крыльцо клуба:

— Мы поставили этот городишко раком!

Группа отыграла так, что, если бы зрителей попросили, они тут же нататуировали бы фамилию Кирилла у себя на лбу. На чьей-то машине Кирилл уже ехал к девушке. Что-то пил с ней и водителем из одной бутылки. У девушки были смешные неровные зубы. Дома она прижала пальчик к губам: «Тсссс! Родители!» Она очень хотела понравиться знаменитому музыканту. В темноте ее ягодички белели, как круглые фаллосы на полотнах Дали. Потом Кирилл курил и слушал, как снаружи воют замерзшие собаки. Может быть, это были даже волки из дремучих суздальских лесов.

Совсем ночью он вернулся к клубу. Двери были уже заперты. Он отыскал Зуба, и тот провел его через черный вход. Бармен отказался бесплатно давать им алкоголь. Здоровенный Зуб ударил бармена в лицо и сгреб со стойки все бутылки, до которых мог дотянуться. Кирилл рассмеялся. В глазах расплывались деревянные стены и зеркала. Они вышли на улицу. На улицах покоренного города Суздаля не горел ни один фонарь. Только большие зимние звезды. Недалеке за сугробами кого-то били. Жертва орала и звала на помощь. Они сделали по большому глотку, каждый из своей бутылки. Кириллу досталась водка.

Как ни странно, на улице его узнали. Девушки смеялись и лезли целоваться. Он тоже смеялся. Кто-то сунул в руку Кириллу петарду. Он поджег запал, размахнулся, чтобы зашвырнуть ее в штурмом взятые суздальские небеса, и тут петарда рванула у него в руках. Ожог был такой, что врач «скорой» причмокнул и велел водителю включить мигалку. До самого утра, шипя и вполголоса матерясь, доктора зашивали Кириллу руки. В поддонах брякали металлические инструменты. На брюки капала кровь. Он зажмурился и отворачивал голову.

Больница в Суздале старая. Желтая штукатурка снаружи, кафель со стершимися надписями внутри. Несколько дней он отсыпался и почти не вставал. Мучило похмелье. По утрам нужно было ходить на перевязки. Вечерами Кирилл сидел у телевизора и пытался общаться с соседями. Все равно было скучно.

Один раз в больницу пришел Зуб. Он принес сигареты и пару бутылок местного пива.

— Слушай, может, нам в лавру съездить?

— Куда?

— В Троице-Сергиеву лавру. Это недалеко. На автобусе.

— И чего там?

- Монастырь. Большой, старинный.
- Я не о том. Чего там делать?
- Что делают в монастырях?
- Понятия не имею, что делают в монастырях.

Большой русский парень Зуб скривился.

— Брось выпендриваться. Съездим, проветришься. Все равно заняться нечем.

Руки под бинтами чесались так, что можно было завывать. Хворые суздальцы отвернулись к стенам и посапывали.

— Ну давай съездим в лавру.

...

Услышав о руках Кирилла, я решил его навестить. Диван в комнате был аккуратно застелен. Пахло чистотой и чем-то цветочным. В CD-рекордере играли грегорианские песнопения. Не замиксованная попса вроде «Энигмы», а настоящие хоралы.

— Привет, калека! Как съездил? Хорошо, что тебе никто не сунул боевую гранату.

Кирилл взмахивал забинтованными клешнями. Я выставил на столик пиво. Выливаясь из бутылки, оно радостно булькало.

— За гастроли! Куда теперь? В Лондон? Пей пиво.

Кирилл улыбнулся.

— Тебе не взять бутылку? Давай помогу. Не стесняйся.

— Да понимаешь... Я больше не пью.

— Что-то случилось?

— Хм...

— Что с тобой?

Кирилл все еще улыбался. Он начал говорить о том, как съездил в лавру. Пиво успело нагреться и по вкусу напоминало хлеб, вымоченный в кефире.

— Ты только не говори, что я псих, о'кей? Я раньше сам к таким вещам относился как к шизофрении. Но это другое, понимаешь? Там, в этой лавре, вообще все другое. Я подхожу к батюшке... он старенький такой... борода седая... а на свитере вывязан череп с костями... прямо вот здесь, на груди. Он смотрит на меня и спрашивает: «Что с руками?» Я рассказал, а батюшка говорит: «Тяжело тебе, сынок, будет... после смерти». Понимаешь? После смерти! То есть он смотрит на меня, а я вижу, что он все знает! И про кокс, и про теток этих суздальских. Ты в курсе, что это был за день, когда мы выступали? Это рождественский сочельник был. В этот день поститься надо. То есть... короче, грех это. А Зуб тому блядскому бармену

нос сломал... и я... ну, ты понимаешь... Я от батюшки отошел и думаю: как это? Почему мне будет плохо именно после смерти? Перед иконой встал на колени. А молиться-то не умею, понимаешь? Стою как дурак! Слушаю. И... блин, как сказать-то? Ну как будто понимаю, что мне НА САМОМ ДЕЛЕ будет тяжело после смерти! Ну как бы ад... и все такое... понимаешь? Стою и шалею!

Кирилл рассказывал, как ночью, укрывшись тонкой курткой, спал на каменном церковном полу. Его трясло. Под куполом древней церкви шелестели мохнатыми крыльями ангелы. Как он вдруг понял, что такое грешить, и плакал, глядя на тусклые золотые иконы. Там его распятый Бог пальцами трогал зимнее небо. Он боялся и чувствовал, что не стоит бояться. Зуб давно уехал в Петербург. Кирилл все еще жил в лавре.

Теперь в его жизни все должно было измениться. Вместо людоедских постеров на стене у него в комнате появилось распятие. Над диваном висела бумажная иконка с Девой Марией. Богородица грустно опускала глаза и тоненькими пальчиками касалась большого сердца. Он перестал брить голову и носил серое колечко со словами «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешного». Он знал, что такое быть грешным. Он слушал хоралы и читал Библию. К концу зимы дочитал до Книги Судей. Мало чего понял, но все равно читал.

По воскресеньям Кирилл ходил в церковь. Приход выбирал долго. Остановился на небольшой церквушке в новостройках. Она стояла посреди большого двора, а вокруг были квадратом выстроены блочные девятиэтажки. Типичный русский храм с луковками на колокольнях. Может быть, такая архитектура как-то ассоциировалась у него с Суздалем? Прихожане из окрестных домов могли выскочить на службу просто накинув куртки на плечи.

Раз в неделю настоятель приглашал желающих попить чаю. Все не спеша разговаривали. Кирилл внимательно слушал. Дома он наизусть учил непонятные молитвы. Каждый вечер он вставал на колени и просил незнакомого Бога, Который говорил к нему в лавре, чтобы Он освободил тех, кто мучается в аду... чтобы в аду никого не осталось... Ты же можешь, Бог!., пожалуйста... ведь ад — это так страшно!

Одинокий, весь в черном, он бродил по зимним улицам и улыбался. Это было правильно. Ему нужно было побыть одному. Многого понять. Иногда он садился где-нибудь на скамейку и просто смотрел по сторонам. Представлял себя семидесятилетним... с седой бородой... в том свитере с черепом на груди... Иногда уезжал куда-нибудь погулять. Как-то доехал до Зеленогорска и над верхуш-

ками голых деревьев разглядел купола собора. Он был агентом, а все церкви мира — явочными квартирами. В соборе был огромный, крашенный в голубое потолок. Через окна светило зимнее солнце. Было тихо и пусто. Только нестарая еще женщина чистила подсвечники и красивым голосом громко пела псалмы. Жизнь напоминала неправдоподобное кино.

Тем, что удалось понять, он делился с окружающими. Ему казалось, что он действительно ЗНАЕТ. Мне было неудобно его слушать. Так бывает, если утром ты идешь проводить до двери незнакому девицу, а она спрашивает, когда ты придешь знакомиться с ее родителями?

— Пару лет назад собирался съездить отдохнуть в Карелию. Ну, там, пансионат, сосенки, все такое. Напихал целый рюкзак джинсов и футболок. А потом до меня вдруг дошло. В пансионате небось только дамочки за сорок, а местные девицы... из этих... как сказать?.. сперва штамп, потом в койку. Так загрузился — хоть путевку сдавай! Неделя без секса! Взорвусь же! А теперь даже не помню, как это. Даже мыслей не возникает.

— Совсем не возникает?

Он подумал.

— Приснилось тут недавно. Как будто я все забыл и это... Как будто вылетело все из головы, и я с кем-то переспал. Как раньше. Не поверишь — в слезах проснулся! Лежу и думаю: как же жить после такого?

Он поил меня чаем. На столе лежал порезанный рулет с маком. Рядом с диваном я разглядел раскрытый на середине томик в черном переплете. «Афанасий Великий. Творения». Я спросил, интересно ли это читать? Кирилл сказал, что пока трудно. Но со временем...

— Не скучно тебе?

— В смысле?

— Да вообще. Ты же привык к другой жизни.

— Ну привык... Отвык уже... То что сейчас — это лучше.

— Играешь?

— Не знаю. С этим сложно. Как раньше, не хочу. Хочу религиозную музыку играть. То есть... такой рокабилли, чтобы можно было играть в церкви.

— Во ты дал! Получается?

— Не-а. И так пробовал, и этак. Пока не выходит. Недавно думал: продам, на хрен, гитару и в лавру уеду. Сразу месяца на три. А деньги на монастырь пожертвую. Не хочешь, кстати, съездить? Тебе бы понравилось.

- Неужели действительно все бросишь? Ты же не был таким.
- Ну не был.
- Ты же был number one!
- Я и сейчас намбер уан!

Мы о чем-то договорились. Кто-то кому-то должен был позвонить... Иногда я спрашивал о нем у общих знакомых. Те пожимали плечами: наверное, он все-таки уехал в свою лавру.

В то время я любил выпить пива со знакомой корейской девушкой. У нее были завитые пышные волосы и будто нарисованные глаза. Очень чувственные. Она была настоящей корейкой, хоть и родилась в Петербурге. Иногда выпить пива ее приглашал кто-нибудь другой.

Такие девушки появляются в «Лениздате» где-то раз в три месяца. Может быть, они члены тайного фан-клуба всех журналистов Петербурга одновременно? Девушек водят на презентации, знакомят со знаменитостями, а потом запираются с ними в редакционных кабинетах. Возвращаясь, они равнодушно поправляют смятые юбки. Так продолжается некоторое время, а потом девушки исчезают. Работа в петербургских газетах оплачивается плохо. Должны же у журналистов быть хоть какие-то радости?

В тот раз вечеринка не задалась. Кто-то из коллег купил бутылку шампанского. Народу было столько, что я не понял даже, каким оно было на вкус. Потом все переместились за угол, в «Бар Юрского Периода». Потом сидели в садике рядом с Публичной библиотекой.

- Зачем было покупать это шампанское?
- Куда пойдем?

В глубине, за деревьями, мужчина в шляпе и с портфелем писал на кусты. Денег оставалось катастрофически мало. Корейка за рукав дергала фотографа Щукина:

- Сфотографируй меня!
- Отстань!
- Ну сфотографируй!
- Знаешь, сколько стоит моя пленка?
- А если я лифчик сниму? Сфотографируешь?

Я предложил пойти в «Money-Noney».

- Там дорого?
- Так себе.
- А за вход заплатить?
- Я договорюсь.
- Точно?

— Ну хотя бы попробую.

Пойти решили пешком. По дороге выпили еще пива. Кореянка пробовала икать, но передумала. «Money-Honey» квартирует за оградой Апраксина Двора. Под аркой там обычно наблевано и валяются коробки из-под бананов. Возникла мысль бросить всех и увести кореянку вглубь территории. Впрочем, пива хотелось больше. Пару раз я обо что-то споткнулся. Перед входом толклись девушки и охранники в камуфляже.

Знаете, кого я увидел пройдя вовнутрь? Ну да, все правильно, Кирилл. Длинный, тощий, ухмыляющийся, он, оседлав стул, сидел на сцене. Снова наголо бритая голова и глумливая тишотка. Сапоги — такие острые, что дотронься — и палец придется бинтовать.

В руках Кирилл держал бутылочку «Балтики № 5». Он отхлебнул и наклонился к микрофону:

— Ну что? Начинаем?

Зал оторвался от кружек и приветственно замычал.

— Эй, носатый! Ты! ты! Тебе тоже привет! Как у тебя с той девицей?

Все посмотрели на носатого. Парень смутился и сказал, что не помнит никакой девицы.

— Твою вчерашнюю подружку запомнил весь клуб. Она была такой жирной, что, выходя, снесла боковые стойки двери.

Было тесно и накурено. Как и должно быть в салуне для настоящих ковбоев. Только настоящие алабамские ранчмены и сидели вокруг. У некоторых коки были такой длины, что, поворачивая голову, они задевали сразу троих соседей. К кирпичной стене напротив входа было прибито старое кожаное седло. Сесть всем вместе не удавалось. Коллеги расползлись по залу.

— Разобрались? Имейте в виду: я начинаю!

«Йух-ты!» — взвизгнули девушки.

Одна, ослепительная, сидела на высоком стульчике прямо передо мной. У стула были бесконечно длинные ноги. У девушки тоже. Пиво она потягивала из бутылки через трубочку. Гадость ведь! Пиво нужно пить, широко открывая рот, запрокидывая голову и проливая немного на грудь. Я посмотрел на свою кружку и понял, почему так пьян.

Это не было концертом. Это была граната, взорвавшаяся в голове каждого сидящего. Выкатывая глаза и упираясь губами в микрофон, Кирилл ревел и стонал, а я знал, что он имеет в виду, с точностью до миллиметра. Это обо мне. Обо мне и таких, как я. Это песня о моей жизни. Эта песня и есть моя жизнь.

Девушка махала красивыми растатуированными руками и пронзительно, как на большом концерте, визжала. Кирилл усмехался. Все девушки клуба принадлежали только ему. Щукин без пауз сверкал своей вспышкой. Он не мог упустить ни мгновения. Он был пьян и снимал плохо. Но это было неважно. Кирилла нельзя было не снимать.

Он допил свою «Балтику», взял следующую, потом еще одну. После каждой песни он орал: «А ну-ка! До дна! Не халявить! Задние ряды! Не вижу!» Обливая футболки, все опрокидывали пиво себе на лицо и хлопали бокалами об стол. У кого-то бокалы бились. Кто стал бы обращать на это внимание?

К грифу контрабасиста был привязан большой красный с синим флаг. Мы были солдатами, и этот кадыкастый парень с контрабасом знал, куда нас вести. «Бумс-бумс-бумс» его струн вбивало гвозди в мою пьяную голову. Корейка что-то кричала. Я не слышал, но кивал и смеялся. Мурашки вгрызались в затылок. Кирилл все пел. Кончиться это не могло никогда.

Все были пьяны и параноидальны, и группа тоже была пьяна и сошла с ума. Незнакомые люди улыбались, и чокались, и даже целовались. Эта музыка была лучшей на свете. Какой мерзавец усомнился бы в этом? Ничего, что барабанщик сбивался с ритма, а гитарист только с третьей попытки смог сыграть свое соло. Было время, и школьный учитель Гордон Самнер так же сбивался с ритма у себя в эдинбургских пивнушках. А сегодня никто не помнит его фамилии. Все зовут его просто Стинг. Это имя собирает стадионы. И Кирилл соберет!.. ведь он лучше Стинга!.. как я лучше Ирвина Уэлша!.. все будет супер!

Парень напротив меня, ни к кому не обращаясь, что-то говорил и качал головой. Я расплывался у него в глазах. Его приятель улыбался корейке. В улыбке не хватало двух передних зубов. Это было ничего! Это было здорово! Кто-то пытался танцевать. Площадка была маленькая, как туалет в моей петербургской квартире. Танцы выходили очень кубическими, а может, мне просто не следовало больше пить? Это с утра танцоры будут жмуриться, вспоминая свои коленца. Сейчас не утро! Все отлично! Давайте, парни! давайте! Не выдержав восторга, кто-то падал. Все смеялись и хлопали в ладоши.

— Посмотри на бармена! Он же хиппи! Старый хиппи!

— И?

— Не слышу!

— И что? Что с барменом?

— У него есть хэш! Наверняка есть! Давай спросим его про хэш! Давай купим у него хэш! Укуримся хэша! Настоящего забойного хэша! У настоящего старого хиппи!

Девушки через головы стаскивали футболки. Эти яркие пятна были пеленой, спадающей с моих глаз. Их тугие, как таджикские дыньки, сисечки рвались наружу из тесных лифчиков. Все радовались, что девушки такие красивые... такие хорошие... Я улыбался всем сразу и махал бармену руками. Пусть он принесет пива!.. не надо хэша!.. пусть эти замечательные люди пьют пиво и слушают эту замечательную музыку!.. и не забудь тех хлебных сухариков с крупной солью!.. пусть они тают на наших языках, пусть!.. пьяными осьминожьими пальцами мы станем сгребать сухарики!.. сразу помногу!.. и пихать их в рот!.. куда только он делся после последнего бокала?.. ведь был же!.. и запьем их огромным глотком пива!.. громадным глотком!.. так что, старичок, принеси сразу много пива!.. много кружек!.. до дна!

Эти люди, эти кирпичные стены, этот глумливый парень, убивающий меня своей музыкой... Больше не было ничего отдельного. Я останусь здесь навсегда. Эти пьяные барабаны были громом Страшного суда. Сейчас... вот сейчас... начнется самое главное!

Ничего, что во время последней песни Кирилл все-таки свалился со стула и дико зафонили сразу все динамики. Что Щукин куда-то поволок меломанку с трубочкой, но не доволок, а, наоборот, заблевал чужой стол. Что кореянка исчезла, ушла с другим. Только так все и могло быть! Это был лучший концерт... лучшая музыка на свете... Все могло быть только так...

...

Позже я спросил Кирилла, с чего вдруг он снова начал играть? Имея в виду снова пить, брить голову, носить сапоги и все такое.

В конце мая он сидел дома и смотрел телевизор. Позади была бесконечная зима. Библия была прочитана больше чем наполовину. Он привык к своей новой жизни. В телевизоре шло комическое шоу «Доктор Угол». Смешной ведущий в белом халате чмокал губами и рассказывал о грузинском вине. «Открываем бутылку... ах!.. восхитительный букет!» Кирилл сидел и слушал. За окном светило солнце. Пахло травой. Девушки надевали легкомысленные шортики. «Шашлык пускай пока лежит на тарелке. Посмотрите на бокал. Отпиваем глоточек! Перекатываем вино на языке. Вилочкой — оп! — подцепляем кусочек горячего, острого мяса!» Последний раз он пил вино еще до той поездки в Суздаль. Он давно не помнил, как

это — глоток вина на языке... Сидел и слушал. Когда программа кончилась, он выключил телевизор и походил по комнате. В раскрытое окно заглядывала наглая и сочная ветка акации. Чирикали невидимые птицы. Стараясь не думать о том, что делает, Кирилл взял куртку и вышел из дому. В ближайшем ларьке купил бутылку «Хванчкары»... Ровно неделю спустя он в семь утра сидел в закрывающемся баре на Разъезжей. Вокруг смеялись незнакомые девушки. Одной из них Кирилл в то утро кулаком разбил очки.

Все говорили, что после возвращения он стал даже лучше, чем был. Что-то накопилось в нем за эти месяцы. В «Манхэттене» Кирилл познакомил меня с программным директором модной радиостанции. Мы сидели за столом, на котором было художественно выпарапано: «Взялся за грудь, говори что-нибудь». Директор сказал, что такого сильного шоу, как у Кирилла, не видел даже в Европе.

Он репетировал, пытался записываться, пил, общался со спонсорами, ухаживал за девушками, рисовал — все одновременно. В нем была какая-то отчаянная решимость. Как у двоечника, который хотел лишь вырвать из дневника листок с плохой отметкой, а в результате сжег портфель со всеми учебниками и ножом изрезал школьную форму. Теперь он часто повторял, что алкоголь это не грех. Даже причастие дается под видом вина. Очень немногие его приятели знали, что такое причастие.

Как-то я поинтересовался, ходит ли он еще в церковь? Кирилл ответил, что как же без этого? Ходит, конечно. Хотя и реже, чем раньше. Потом он все-таки уехал в лавру. Две недели жил в корпусе для послушников. Колол дрова, отстаивал весь суточный круг богослужений. Когда вернулся, больше не рассказывал приятелям о Библии. Взялся усиленно репетировать. А потом я узнал, что с диагнозом «гепатит Б» Кирилл лежит в Боткинских бараках.

Бараки и в мае-то тоскливое место, а уж в начале зимы... Сворачиваете с Невского, проходите мимо надписи «С псориазом — бокс № 3» и попадаете в колхоз полувековой давности. Раскоряченные черные деревья, облезлые фасады. Мужчина с пропитым лицом что-то везет на тележке. Может быть, ампутированные ноги.

Прежде чем я отыскал его отделение, прошло минут двадцать. Воздух пах рвотой. Отделение находилось на третьем этаже. Подниматься пришлось по наружной бетонной лестнице. Кое-где на ступенях лежали окаменелые кучки. Было похоже, что дверь в отделение недавно пытались поджечь.

У Кирилла были опухшие веки. Он странно взбрыкивал головой и норовил захихикать. На кроватях сидело несколько молодых людей. Все лечились от гепатита. Веснушчатого соседа Кирилла в Боткинские бараки привезли милиционеры. Парень находился под следствием. Каждое утро дежурная сестра проверяла, не сбежал ли он? Мне было неловко вытаскивать из кармана принесенный Кириллу апельсин.

Он предложил мне чаю. Я попробовал вспомнить, как передается гепатит. От чаю на всякий случай отказался. Кирилл рассказал, что такое пункция. Потом сообщил, что недавно парни с соседнего отделения вышли в садик покурить марихуаны. В кустах они нашли пьяную тетку в халате и несколько раз с ней переспали. А оказалось, что тетка не пьяна, а без сознания. Тем же вечером она умерла.

Потом он пошел меня проводить.

— Ты понял, да? Это героин.

— Догадывался.

Снег еще не выпал. Вороны клевали подернутую инеем землю.

— Не мое, конечно, дело. Но не связывался бы ты с этим говном.

— Ты, наверное, сотый человек, который мне это говорит.

Я помолчал. Потом спросил:

— Прикольно хоть?

— Героин? Очень прикольно! Лучше, чем секс. Шучу. Но... нормально.

После этого виделись мы редко. Я много пил той зимой. Не так, как сейчас, а **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** много. Выяснил, что если больше двух недель спать не снимая одежды, то она начинает линять и окрашивает тело. Иногда я наткнулся на афиши его концертов. Еще реже мы созванивались.

Незадолго до Нового года в Петербурге выступала модная скрипачка Ванесса Мэй. На концерте я познакомился с девушкой Леной. Скрипачка была так себе, а девушка хорошая. Вообще-то у меня вкусы водителя грузовика. Я люблю грудастых, выше себя ростом, блондинок. Лена была блондинкой, но невысокой и почти безгрудой. Зато, когда мы приехали ко мне, она настояла, чтобы секс у нас был оральный.

Мы договорились куда-нибудь сходить и еще несколько раз делали секс. Потом я вспомнил о Кирилле. Предложил ей съездить в гости.

— Это будет интересно?

— Не знаю. Он музыкант. Может быть.

Зима выдалась теплой. У обочин лежали высокие, в рост ребенка, сугробы. Тротуары покрылись тоннами коричневой снежной жижи. «Сссука!», шипели пешеходы, отыскивая брод. Брюки у мужчин были до самых коленей мокрые, черные.

Кирилл открыл дверь и сказал, чтобы мы проходили. Он был в одних джинсах. На желтой коже татуировки казались слегка стершимися. Кроме него в комнате было еще двое. В кресле возле столика сидела девушка. На корточках у стены — мужчина неопределенного возраста. Так сидят кавказцы или те, кто бывал в тюрьме. Он представился как Рудик.

Я сел на диван и закурил. Спросил Кирилла, как его новый альбом? Он хмыкнул и стряхнул пепел мимо пепельницы. Все молчали. У девушки в кресле из-под халата торчали сероватые ноги. На них выделялись голубые сосудики и разных оттенков синяки. Ноги напоминали географическую карту.

— Может, куда-нибудь пойдём?

— Куда?

— Не знаю. Пива попьем.

Кирилл подумал.

— Не. Я теперь редко хожу на улицу. Домашний стал.

Он сидел с ногами забравшись в кресло. Иногда пальцем выковыривал грязь из-под ногтя ноги. Непонятно по какой ассоциации сказал:

— Недавно так у одной жабы набрался! Перевернуться не мог! Говорил ей: «Жаба! Переверни!»

Играло радио. Из тех радиостанций, где на пять минут музыки — пятнадцать минут рекламы. Всей правой стороной тела я чувствовал, как напряжена Лена.

Рудик поднял голову и внимательно посмотрел на меня.

— Бедро у меня что-то ломит. Не к добру.

Я подумал, что еще немного, и Лена просто встанет и убежит.

— Может, я в магазин схожу?

— Чего купишь?

— А чего ты хочешь?

Все одновременно засмеялись. Даже девица в кресле очнулась и первый раз посмотрела на меня. Кирилл вышел из комнаты и принес пачку «Беломора».

— Будешь? А ты?

Лена выглядела недовольной, но кивнула. Рудик поднялся с корточек.

Мачо не плачут

— Я забью.

Он аккуратно развернул бумажный пакетик. По виду марихуана была ничего. Зеленая, мелкосмолотая. Рудик не смешивал ее с табаком, а засыпал в папиросу щедрой ладонью. Кирилл сказал, что трава должна быть улетная. Пока Рудик мастерил джойнт, он крутил в руках обертку.

— Во дают! Ты посмотри, до чего эти кони додумались! Это же страница из Уголовного кодекса! «Статья 169-я. Дача взятки должностному лицу». Во дают!

Рудик лихо закрутил кончик папиросы. Поискал глазами зажигалку. Внутри гильзы влезло неправдоподобно много. Джойнт получился тугой и упругий. «Тып-тып-тып» — мелко вдохнул в себя дым Кирилл. «Улетная трава!» — еще раз сказал он. Как обычно, голос у него сразу стал глухой, замогильный.

По комнате поплыл кислый запах. Все пододвинулись поближе. Дым был вкусный и очень горячий. Кирилл ухватил папиросу за горящий конец и пустил по струе дыма в рот обеим девушкам. Он был похож на заботливую птицу, кормящую несовершеннолетних птенцов. Лена мелко, не разжимая губ, закашлялась, как икнула. Когда в папиросе осталось совсем чуть-чуть, Рудик ловко загнул ее в трубочку, послюнил край и в две затяжки докурил. На столе перед мной лежала обертка из-под марихуаны. Надо же — действительно страница из кодекса! Заворачивать им больше не во что? Я представил пушеров-дагестанцев. Они сидят в своих общежитиях и смеются над нами. Мы покурим, прочтем все это «три года строгого режима... пять лет с конфискацией...» и жутко перепугаемся. Вот оно что! Эти гондоны хотят испортить нам удовольствие! Все было настолько ясно, что мне захотелось это записать. Всю эту картину: комната, Лена, приятели Кирилла и гондоны-пушеры. Где взять ручку? Это будет рассказ! Или даже роман! Фантастический роман! Речь пойдет о гонданоидах, цивилизации разумных гондонов. Они вторгаются на Землю, чтобы гондонизировать нашу планету. Нам предстоит жестокая война. Война с мутантами... с мудаками... ха!-ха! А кто победит? кто же победит? Наверное, мы проиграем. Все-таки всех гонданоидов не перегондонизируешь! Ха-ха-ха! Ха!-Ха!-ХаХаХа!!! ХА!ХА!ХА! Нужно срочно сказать об этом Кириллу! Но Кирилл и сам что-то говорит мне... каждое его слово наполнено миллиардом смысловых оттенков. Почему раньше я не замечал, какой он веселый, остроумный человек?! Что он способен сыпать такими смешными словечками?! Что?! Что ты

сказал?! ЧТО ТЫ СКА... ХАХАХАХАХА!!! ХАШХАШХАШШ!
От смеха перехватывало дыхание и кололо в боку. Вот это Кирилл!
Отличный парень! Эссе хомо! Нет, эссе хомяк! Хомяк! ХАХАХА-
ХАХАХАХАХАХАХА-ХА!!!!!!! По радио говорили, чтобы петербуржцы были осторожны. Этим летом снегири сбиваются в огромные стаи и нападают на пешеходов... заклеывают их до смерти. У Кирилла был толстый нос, который упирался ему прямо в верхнюю губу и опухшие от марихуаны веки. Он не мог их разлепить, глаза совсем исчезли в складках, и следующую папиросу он забивал на ощупь, но он был опытным парнем, этот молодчага Кирилл, и не уронил ни крупинки травы. Он велик... погоди, я затынусь еще... он, как слон... как мастодонт... мастробонт... он — мастер-мастробастер... ХаХаХа!!! «Фирма „Узбекистан“ предлагает вам свою новейшую продукцию. Одноразовые часы и детскую водку „Малыш“. Оптовым покупателям — скидки. Детская водка „Малыш“ продается по цене сорок пять центов за пол-литра и семьдесят пять центов литр». ХАХАХАХАХА!!!! От смеха Лена почти ложилась на диван. Как я мог с ней спать? Она такая красивая. С нее бы картины писать, а я с ней спал! Просто брал и спал. С легким спаром! Она — редкая красавица. Редкая, но меткая. А я? Интересно, что думает обо мне Лена? Что у нас за отношения? Она... доминирует в нашей паре... а я... кондоминирую... от слова «кондом». Мне, подкаблучнику, она бьет подзатыльники. Ведь на самом деле она не считает меня красивым... я знал это с самого детства... почему раньше я не признавался себе в этом? Дело в моем подбородке. Он слишком маленький, мой подбородок. Крохотный подбородок дебила. Я не вижу себя... а она видит. Все это время она ВИДЕЛА! Я выпятил челюсть так далеко вперед, как только мог, и повернулся в профиль. Она должна убедиться, что со мной все в порядке. Но, чем дальше я его выпячивал, тем меньше он становился. Сразу за верхней губой теперь начиналась шея. Я знал, чем это кончится. У меня больше не будет женщин в этой жизни. Лена уйдет. Моя похоть ей похоть. Она не выйдет за меня замуж. Я не выйду за нее замуж. Мы не выйдем за нее замуж. Они не выйдут за них замуж. Все кончено, отныне каждая моя фрикция... это фикция. Пригоршнями сыпались колокольчики. Лена смеялась. Она высоко задирала уголки губ и была похожа на старую седую собаку с вытянутой мордой. Наверное, по породе Лена колли. Зачем я взял ее с собой? Тратил на нее столько денег? Или это она тратила на меня столько денег? Нужно было не тратить ни копейки... а купить... срочно ку-

пить... я знаю чего!.. пельменей!!.. со сметаной!!!... съесть их солеными, горячими, добавить чеснока... нет, пельмени придется варить, а нельзя ждать ни минуты! Нужно купить буханку черного хлеба. Восхитительного горячего хлеба. Хотя можно и черствого. На все деньги купить хлеба и съесть. Отрывая от корки прямо руками и запихивая в рот. Только... и это очень важно!.. съесть хлеб нужно самому! Главное, не забыть! Не забыть чего? Нельзя... нельзя ни крошки дать Лене... вот чего!.. и этому ужасному Кириллу... Точно! Я куплю несколько... шесть... буханок хлеба. Но как сделать, чтобы никто ничего не заметил? Наверное, они захотят, чтобы я купил им тоже. На свои деньги. Сколько у меня с собой денег? А у меня есть деньги? Но ведь... По дивану пробежала большая рыжая крыса, хотя оказалось, что это Ленина рука. У нее были толстые кисти рук... тонкие кисти рук... хрупкие... не сломать бы их... их уже нет... я сломал их... она умерла, и кости истлели... рассыпались. Или это Кирилл должен купить мне хлеба? Зачем тратить свои деньги, если можно потратить его? Вместо скатерти на столе лежала газета, кое-где прожженная сигаретами. Я несколько раз прочел заголовок, но не смог понять, о чем это. Буквы были черные и жирные, как мухи. Они свободно ползали по газетному листу, иногда складываясь в рожицы мультипликационных поросят или раскосые древнеегипетские глаза. Некоторые из них хотели откусить от моего хлеба. Зачем я здесь? Эти люди злы ко мне... они издеваются... смеются надо мной. Я беззащитен перед их кретинскими ухмылками. Но почему я должен это терпеть? Кирилл открывал рот, собираясь что-то сказать, а я несколько дней подряд думал о том, станут ли они меня догонять, если я встану и уйду? Если побежать, то, наверное, я оторвусь... если побежать быстро... или станут? Сколько я здесь? СКОЛЬКО Я ЗДЕСЬ?

Я встал, вышел в прихожую, обулся... долгие годы ушли на то, чтобы обуться... открыл дверь и ушел.

...

После этого я потерял Кирилла из виду. Лену, кстати, тоже. Зато как-то встретил Рудика.

Прошел год. В конце нынешнего февраля я шел по Суворовскому, неподалеку от площади Восстания. В желтом свете фонарей падал пушистый снег. Под ногами скрипела пенопластовая корка. Дорога была белой, как белая горячка. Я шел в гости. Перехватив руками за дно, нес большой пакет с бутылками.

— Эй! Бес, бля!

Стараясь не шевелить пакетом, я оглянулся. Он был все такой же. Невысокий, похожий на корень тропического растения. Черные руки, прозрачный взгляд.

— А! Не узнал. Как дела?

Я попробовал, не выпуская пакет, пожать ему руку. Рудик покачал головой и хмыкнул.

— Чем занимаешься?

— Ёбты! А ты, я смотрю, все бухаешь?

Он сказал «бухаешь» так, как взрослый мужчина говорит подростку: «Ты все еще занимаешься онанизмом?»

— Кирилла-то видишь?

— Вижу. Раньше видел. Он мне семь долларов должен. Убью.

— За семь долларов?

— За героин. Лучше бы сам проторчал! Ему было плохо, я ему помог. Где деньги? Бес, бля! Еще и прячется! Лучше бы сам проторчал!

— Он плотно на героине?

Рудик только фыркнул.

— Хочешь я отдам тебе семь долларов?

— Ты будешь отдавать все его долги? Он половине города должен. И ото всех прячется.

Мы помолчали. На самом деле у меня не было семи долларов. Я перехватил пакет. Бутылки брякнули. Их я купил тоже на чужие деньги.

— Ты не в курсе, он сейчас играет?

— Какое, на хер, играет! Ты слышал, что Серый сдох?

— Какой Серый?

— Их басист.

— Seriously? Умер?

— А ты не слышал?

— Откуда я мог слышать?

— Ну да. Сдох. Месяца два назад. Бес, бля! Он последнее время у тетки одной жил. Тамарой звать. Она, типа, богатая была. Лет шестьдесят, ничего, а? Какая-то директорша, или хрен знает. Короче, богатая. Серый у нее из дому все золото перетаскал. Чтобы героин купить. Меня как-то угощал. Под конец даже посуду ее продал. А когда деньги кончились, решил к родителям перебраться. Те обрадовались. Ящик вина ему купили. Чтобы он дома переламывался, а не бегал. Ну он дня три и снимался алкоголем. А потом решил «Минуткой» подышать. Заперся в туалете — наверное, совсем худо ему стало...

— Что такое «Минутка»?

— Не помню. То ли окна мыть, то ли лак растворять. Короче, химия. Дышат ею как клеем, знаешь? Он в мешок налил и ко рту поднес. Ну и все! Когда родители дверь сломали, он уже синий там лежал. Задохся на хер.

Басиста с флагом на грифе я помнил хорошо.

— Мудак он, этот Серый. Кто так переламывается? Он, видать, первый раз, что ли?.. или, я даже не знаю... почему он так глупо спинался? Хотя, какое в жопу — первый раз! У них вся группа: к лету переломаются и бухают. А к зиме опять садятся. Зимой, говорят, делать не хер.

Он говорил о Голованове, у которого была машина и пейджер, а он все проторчал... хотя были времена, у него дома по семь граммов кокса лежало... пятерых таких, как ты, убить хватит!... о Лукиче, которого пушеры на «Ломоносовской» зарубили топором... о Кефире, который... бес, бля!.. за три грамма по дурости сел, и теперь неизвестно, когда выйдет.

Я даже приблизительно не представлял, о ком речь. Он плюнул мне под ноги.

— Ладно, пойду я. Увидимся. А Киру встретишь, скажи, что я его убью. Такие долги отдавать положено.

Кирилл я так и не встретил. Хотя недавно разговаривал с ним по телефону. Он позвонил и сказал, что лежит в неврологической больнице. Может быть, я заеду? Я спросил, что с ним случилось? Кирилл помолчал и сказал, что его кормят таблетками. Он весь прохимичен. Было впечатление, что я беседую с радиоприемником.

— А мясом тебя там кормят?

Он замолчал надолго. Я слышал, как он дышит: маленькими глоточками.

— Мясом тоже кормят, но редко. Таблетки очень сильные. Чувствую, что весь прохимичен. Соображаю плохо. Может быть, заедешь?

— Помогает хоть?

— Если честно, не очень. Но таблетки сильные, должны помочь. Чувствую, что весь прохимичен.

— Ну удачи тебе. Поправляйся!

Он снова помолчал. Потом спросил, работаю ли я еще в информационном агентстве? В агентстве я проработал меньше месяца. Это было несколько лет назад. Как раз перед тем, как Кирилл первый раз попал в лавру. С тех пор я рассказывал Кириллу, наверное, о дюжине мест своей работы.

Дома у меня лежит кассета с его первым альбомом. Оформленный Кириллом вкладыш с текстами здорово поистрепался. Хотя кассету я практически не слушаю. В принципе, я никогда не любил рокабилли.

История пятая, о суке и про любовь

Сколько же времени я пил? Вроде бы с понедельника по вторник. Не подумайте плохого: вторник отстоял от понедельника недели этак на две. По утрам в комнату вливали перламутровые гадюки, ужи и миноги. В уголках глаз творилось вообще черт знает что. Иногда кто-то звонил. Понятия не имею, что означали фразы, которые я произносил. С пищеварением происходили вещи стыдные и тягостные. Господи, зачем вчера я обещал милиционерам, что нажалуюсь на них в ООН?!

Потом все начиналось сначала. Знал ведь, что пить не стоит... Впрочем, почему не стоит?.. выбирать приходилось всего-навсего между алкоголем и шизофренией... вы бы что выбрали? Вспоминаются черные провалы арок, переполненные пепельницы. Щетина успела отрасти такая, что развевалась на ветру, как пиратский флаг. Нервные руки напоминали неисправный «Запорожец».

В тот день в кафешке на Литейном я наорал на бармена. Странно, что меня не побили. Возле «Коко-Банго» угощал алкоголем тоненькую тринадцатилетнюю девочку. У нее были куриные ключицы. В витрине «Коко» зеленорожий Джим Керри качал двухметровой ногой. Витрина была достопримечательностью района. Мне нужен был гигиенический пакет... человек — гигиенический пакет... та, в которую меня вырвет накопившимся кошмаром. Девочка пила, далеко запрокидывая маленькую голову, и давала смутные авансы. По ее лицу стекала грязная вода.

Уже совсем ночью, в квартире Андрея Морозова, я мешал жидкость «Льдинка» с пивом и пил. Мир упрямо не исчезал... подонки! Как я оказался на лестнице у Карины, не помню. В костяшках правой руки пульсировала боль. Разговор выходил циклическим.

- Ты спала с ними?
- Ты пьян. Уезжай.
- Спала или нет?
- Какая разница!

- Я все видел! Да или нет?!
- Что ты видел?
- Как ты могла?! Да или нет?!
- Уезжай!

Я снова бил кулаком в цементную стену. Наружная сторона кулака напоминала подушку. Иногда мимо проходили Каринины соседи. Я был настолько пьян, что, пытаясь поднять на них глаза, морщился от боли. Потом обнаружил себя дома: смотрел в окно и пытался курить. Пепел я стряхивал в грязную тарелку. Может быть, перед этим я успел поужинать?

Я заперся в ванной. Сквозь прозрачную воду живот казался рыхлым и толстым. Серел съживившийся член. Какое-то время я пытался пилить запястье безопасной бритвой. Из-под кожи выступали бруснички крови. Совсем маленькие. Я плюнул и взялся за нож. Дело пошло успешнее. Иногда в дверь кто-то стучал. Шумела вода, мне не было слышно кто.

Серегу Кастальский, московский рок-тусовщик, рассказывал, что обычно врачи «скорой» хитрят. В ванную заходит старичок-докторишка и говорит, что устал от идиотов вроде тебя. Хочешь помереть — флаг в руки! Кстати, нет ли выпить? Ты откладываешь лезвие, делаешь шаг за порог ванной, и трое амбалов скручивают тебя смирительной рубашкой.

Со мной все было проще. Молоденькая докторша приподняла мне веки, пощупала пульс на уцелевшей руке. Сказала, чтобы я не шевелился, меня вытащат. Меня одели. В «скорой» меня вырвало на пол. Докторша гладила мою голову и говорила, что это ничего. Санитары вынесли меня из машины и уложили на кожаную кушетку. Она была холодной.

Я пытался что-то рассказывать, что-то объяснять тетечке из регистратуры. Ей было неинтересно. Потом я сидел в облицованной кафелем клетушке. Вместо двери там была сваренная из толстых прутьев решетка. Под потолком на витом шнуре висела лампочка без абажура. Помимо меня в клетушке лежал небритый мужчина. Я попробовал с ним разговаривать. Он хрипел и шлепал губами. Прежде чем мужчину вынули из петли, он успел порвать себе мышцу слева на шее.

Я поднялся и стал трясти решетку.

- Чего я жду?
- Утром придет психиатр. Вас нужно ему показать.
- Утром это во сколько?

— Часиков в одиннадцать. Может, чуть попозже.

— А сейчас сколько?

— Полшестого.

Сосед синел и закатывал глаза. Я попробовал спать. Под веками все кружилось. Меня тошнило. Я сел на пол и вытащил из куртки сигареты. Неожиданно обнаружил, что левая рука до самого локтя замотана ослепительным бинтом. Кончики пальцев высовывали наружу любопытные рожицы.

Я снова позвал регистраторшу и попросил воды. Когда женщина повернула ключ в увесистом замке, я отпихнул ее и побежал к выходу. Ногой пнул дверь, оказался в темном дворе. Из-под снега вытаивали собачьи какашки. Догонять меня никто не собирался. Я прислонился спиной к стене. Сполз на корточки. Заплакал. ТАК НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ!

Карина приехала с самого утра. Я проснулся от ее звонка в дверь. Квартира была пуста. Спать совсем не хотелось. Хотелось вскочить и срочно куда-то бежать. Карина была ненакрашенная и злая. Она села на стул в прихожей и посмотрела мне куда-то в живот.

Мы помолчали.

— Покажись, красавец.

Я повернул ей левую руку внутренней стороной. За ночь под бинтом натекло немного крови. Бинт выглядел грязным. Я чувствовал, как в руке стучит пульс.

— Идиот.

Она стащила с красивых ступней ботинки. В комнате устало положила руки на колени... подавила зевок... подняла на меня глаза. Я стоял и молчал. Усмехнувшись, она через голову стянула рубашку. Модели загорают топлес. Загар был ровным, без паузы на бюстгальтер.

— Так и будешь стоять?

Свет в комнате был серый, утренний. В латунный подоконник стучался последний снег. Или первый дождь? Стягивая брюки, я запутался и чуть не упал. Левая рука забинтована. Правая разбита так, что пальцы не разгибаются и под кожей концентрическими кругами расплзается синяк.

— У тебя есть презерватив?

— Нет.

— Плохо. Точно нету?

Иногда открывая глаза, я видел, какое усталое у нее лицо. А ведь начиналось все неплохо. Я совсем не собирался за ней ухаживать. Просто попросил что-нибудь сказать. Она усмехнулась.

— О чем?

— Не знаю. Скажи о любви.

У Карины был день рождения. Гости собрались у нее дома. Жила Карина в тех жутких кирпичных дворах, что расположены вокруг тюрьмы «Кресты». В ее комнате были огромные окна. При ярком свете все чувствовали себя глупо. На низком столике стояло несколько бутылок красного вина и лежали бутерброды. Терпеть не могу такие вечеринки. Сперва даже думал выпить немного и уйти. Но потом стемнело, лишние люди исчезли, на стол выставили водку. Я остался.

К полуночи возникла идея сходить потанцевать. Карина настаивала на клубе «Wild Side». Она была именинницей, никто не спорил. В машине она сидела у меня на коленях. Ровно мне в лицо упиралась отличная круглая грудь. Я что-то пил из горлышка и иногда с ней целовался. Вообще-то у нас были не те отношения, но так уж выходило. Машину подбрасывало, и я хватался за Карину руками. Сразу под тонкой тканью начиналось жаркое, желанное тело.

Кроме нас в машине сидело еще две пары. Гитарист малоизвестной группы с журналисткой из «Московского комсомольца». Плюс двое испанцев. Парни врасос целовались между собой. Еще дома я спросил, гомосексуалисты ли они? Ответили они разом, как в армии. Один сказал «Да!», а второй «Нет!». По-русски они почти не говорили. Их грозное испанское «тр-р-р-р-хр» перетекало в стеклянное «эль-ль-ль». Парни были красивые, смуглые, с черными ресницами. Тропические и порченые, как лежалые бананы.

С яркого и шумного проспекта Газа мы свернули на набережную Бумажного канала. Пахло мокрой грязью и древесной корой. Возле парадных на веревочках сушилось белье. Неподалеку от входа в клуб блевал военный в форме. Зайдя, я приобнял Карину за талию. Она смеялась и прижималась ко мне.

В баре мы купили водки с апельсиновым соком. Мне хотелось, чтобы она была пьяна.

— С днем рождения!

— Спасибо!

Чтобы расслышать друг друга, приходилось наклоняться и почти орать. Помимо бара в «Wild Side» имелся танцпол. Там было так тесно, что музыканты упирались грифами гитар в противоположную стену. В общем, так себе местечко. В туалете на двери не было задвижки.

— Ну, чего ты молчишь?

— Чего тебе сказать?

— Такая симпатичная — и молчишь. Скажи хоть чего-нибудь.

— О чем?

— Не знаю. Скажи о любви.

Идиоту понятно, что означают такие диалоги. Завтра нам предстоит проснуться в одной постели. Может быть, я стану хмуриться, мучиться и мечтать о моменте, когда за ней захлопнется дверь.

— О любви? Ну что ж... Послушай, если интересно.

Она была не из тех, кто на вопрос «Как дела?» начинает рассказывать как дела. Не знаю, с чего ее повело. Но она говорила... а я слушал.

Было время, и Карина училась в художественной школе. Каждое лето учеников вывозили на экскурсии. Педагоги старались, чтобы подопечные действительно понимали, что значит слово «искусство». Карина ездила в Москву, Прибалтику, по Золотому кольцу. Когда ей было тринадцать, класс отправился в Псковскую область изучать фрески тамошних монастырей. Наверное, уже тогда она была как сейчас... красивой... желанной. Одну из обителей реставрировали, большая часть помещений пустовала. Там-то, в монастыре, ее прямо в келье и изнасиловали двое пьяных монахов.

— Как монахов?

— Так. Монахов.

— Такого не бывает!

— Ты думаешь, я вру?

— Не рабочих? Не послушников? Именно монахов?

— Можно подумать, я в этом понимаю! Бородатые оба... Когда насиловали, балахоны свои черные задирали...

Мы помолчали. Блин!.. Все так удачно складывалось. Не с испанцами же ей было отсюда уходить! А теперь...

С утра я сидел в уличном кафе, возле Дома журналиста. Был какой-то праздник. По Невскому маршировали военные оркестры. Мой столик был, как раб, цепью за ногу прикован к стене. От ставшего снега на нем остались разводы серой грязи. У трубачей некрасиво раздувались щеки. Я пил коку из бумажного стаканчика. Бедная девочка... Бедная девочка... Бедная девочка...

Карина была моделью. Она могла и работать на подиуме, и сниматься в рекламе. Хотя обычно девушкам достается что-то одно. Незадолго до дня рождения она ездила на показ в Лондон. Говорила, что ей заплатили ЦЕЛЮЮ КУЧУ денег! Хвасталась, какие классные юбочки купила на Пикадили-Сёкес. Еще раньше ее лицо показывали в ролике знаменитого шампуня, который крутили по всем центральным каналам.

Когда модная москвичка Маша Цигаль привезла в «Continent» коллекцию «Фавориты Луны», Карину отобрали для показа из нескольких десятков претенденток. Перед показом я сидел в раздевалке на втором этаже клуба и тарашился на гологрудых моделек. Они надевали на свои тела дорогие платья, выходили в зал и улыбались. Что за скользкие гады копошатся в их памяти? У них была тонкая кожа... смешные тонкие руки. Как могут они улыбаться? — мучился я.

Ухаживать за такой хрупкой... чистой девушкой... я не знал, с чего начать. Сперва пробовал приглашать Карину на концерты. Например, мы сходили на английских панк-рокеров «The Exploited». Как известно, концерт кончился большой кровью. Прямо в зале омововцы в касках и бронезилетах атаковали толпу панков. Тех, кто падал, тут же затапывали и, целясь в голову, били дубинками.

— Что они делают?! Это же люди!

В ее глазах стояли красивые слезы. Я удивился... как-то радостно удивился. Обычно такие чистенькие, ухоженные девушки не сочувствуют пьяным гребнястым подонкам. Ну и что, что она модель? Мы могли бы быть парой... неплохой парой. После концерта мы, вместе с группой, поехали в «Fish Fabrigue». Англичане вертели бритыми башками и звенели вдетыми в ноздри цепочками. Выпив пару кружечек, я спросил, не выйдет ли Карина за меня замуж?

— За тебя? Да ты что!

— Не выйдешь?

— Чего в тебе хорошего? Без конца пьешь. Денег нет.

— Почему «без конца»? Неужели во мне нет вообще ничего хорошего?

— Сам-то как думаешь?

Я задумался. Действительно задумался.

— Иногда дома... один... я слушаю радио... и танцую... ну, знаешь?.. перед зеркалом... как будто певец — это я... получается ничего.

Она громко рассмеялась:

— Это все?!

Я постоянно думал о ней. Хотя бывало, что, напиваясь, спал с какими-то девушками. Они казались мне некрасивыми и дурнопахнущими. Допускаю, что был несправедлив. Я трогал их тела, зажимурился, и перед глазами вставала одна и та же картина. Распахивается дверь... бородач в черном глядит в испуганное детское лицо... стадо носорогов выбегает из-под подола его одежды... интересно, они насиловали ее одновременно или по очереди?.. темный ужас заглядывал в мои зрачки. Одна из девиц сказала потом, что

такого накала не помнит за всю предыдущую практику. Я чувствовал только вину. Я не имел права думать об ЭТОМ. Впрочем, все равно думал.

В другой раз Карина попросила сводить ее на шоу группы «Несчастный случай». Концерт оказался похожим на цирковое представление. Шестеро дядек в пиджаках строили дурацкие рожи, рассказывали анекдоты и в паузах между песнями отвечали на записки. По залу бродили дети и трезвые толстые девушки. Когда все кончилось, мы решили погулять. Скоро я не выдержал и все-таки купил себе пива.

Фонари на Троицком мосту напоминали кулак с неприлично вытянутым средним пальцем. Зима уже кончилась, а весна еще не началась. Возле Михайловского замка бродили хихикающие парочки. Все ждали полуночи. Именно в полночь в окне опочивальни должен был проплыть Павел Первый в буклях и треуголке. В Фонтанке между льдинами чернела весенняя вода. Льдины грубо, по-мужски наваливались на ее податливое тело.

По дороге я покупал себе все новое пиво. Возле Аничкова дворца Карина замерзла окончательно. Когда-то в этом здании устраивались роскошные балы. Мужчины надевали обтягивающие брючки, сквозь которые просвечивали их длинные толстые члены. Я зажмурился и вспоминал, что в мусульманских странах за изнасилование положена кастрация.

Погода напоминала нарыв, который не может прорваться. Все отсырело, почернело, набрякло... весна не начиналась. Позвонив как-то, Карина сказала, что устала от этого гнилого города. Не хочу ли я съездить с ней на дачу к приятелям? С трех раз угадайте, хотел ли я!

Добираться предстояло на нескольких машинах. Встретиться договорились у Финляндского вокзала.

Был вечер пятницы. Мы вдвоем приехали раньше, замерзли и бегали греться в метро. Я спрашивал, кто будет еще? Карина отвечала, что так... модели... пара ее подружек... они танцуют в клубах стриптиз... просто всем надоела эта погода... не парься, тебе понравится.

Подъехавшая машина показалась мне очень дорогой. Парень, вышедший из-за руля, вызывал смутные ассоциации с мобильной телефонной связью. Черт бы побрал этих моделей! Он пожал мне руку и открыл багажник. Я бросил внутрь рюкзак. В багажнике стояло два ящика пива и россыпью лежали большие водочные бутылки. Они были похожи на только что выловленных форелей. Всю дорогу Каринины приятели смеялись и громко обсуждали

незнакомых мне людей со странными фамилиями. Я молчал. Сидеть было тесно и неудобно. По дороге я выпил несчетное количество алкоголя. Пили, впрочем, все, включая водителя.

Остальные машины были не дешевле нашей. Когда мы подъехали, они, как зебры на водопое, уже толкались перед крыльцом. В доме горел камин и орал телевизор. На кухне девушки крупными кусками строгали мясо. Кому принадлежал дом, я так и не понял. Он был трехэтажный, с кирпичными стенами. На первом этаже имелась баня и гараж. На втором, помимо комнат и камина, была застекленная веранда. На третий этаж я забрался только утром следующего дня. Там было холодно. Посреди комнаты накануне кого-то вырвало. Еще там стоял огромный диван со следами инея и недавней спермы.

У молодых людей были римские торсы и крепкие челюсти. Переспи с таким — родишь минимум тройню. Девушки, кроме Карины, были какие-то... с попами... не люблю таких. Чем в компании девушек и алкоголя можно заниматься на природе? Уже через час все орали, бродили по комнатам, натыкались на стены и, стаскивая одежду, танцевали.

Была ночь. Я пытался разговаривать с кем-то о музыке. Собеседник постоянно терял нить. Он предложил заняться армрестлингом и чуть не отломил мне руку. Я попробовал обидеться. Никому не было до меня дела. Кто-то кричал, что пора топить баню. Девушки выходили из дальних комнат, щурились на яркий свет и тут же тянулись к алкоголю. Высоченный горбоносый парень повторял:

— Слушай, чего ты лезешь? Это же я нажрался, а не ты, так? Ну и чего ты лезешь? Не нажрался, так и не лезь, понял?

Я стоял на крыльце. Судя по сугробам, гостям было лень бежать двадцать метров до деревянной кабинки. Интересно, что я здесь делаю? Я вернулся в дом. Карины не было ни за столом, ни на веранде. Пару раз я чуть не упал.

Она обнаружилась в самой дальней комнате. Там были обитые деревом стены и минимум мебели. На экране телевизора извивались и причитали: «Дас ист фантастиш... Дас ист...» На кровати были набросаны обнаженные фигуры. Она тоже была голой. На скулах у Карины расплывались пунцовые алкогольные цветы.

Я успел услышать краешек ее фразы, которая начиналась со слова «Мальчики!..». Рядом с ней лежал мохнатоногий блондин. Пах он прикрывал большим зеркалом, по которому ползали белые червяки кокаина. А может, чего-нибудь подешевле, откуда мне знать? Все

вместе — черное зеркало, белый порошок — напоминало Млечный Путь. Астроном-Карина наклоняла к нему красивое лицо.

Дальнейшее вспоминается пунктирно. Прилавок сельского магазина. Тротуар на Литейном, о который я поцарапал коленку. Когда Карина наклонялась к мохнатоному, ее большая загорелая грудь была похожа на раздавленную грузовиком кошку. Мальчики! Ебнйврот! Я пытался проглотить какую-то редкую алкогольную гадость... а через мгновение оказался дома. Забинтованная рука... ее длинные теплые ноги... дождь в подоконнике.

Мне хотелось ее поцеловать. Карина подставляла губы, но ничего не получалось. Из-под одеяла торчало бедро и кусочек плоского живота. Выглядело это как «плейбоевский» постер. Я перекатился на бок. Сморщился, задев левую руку.

— Доволен?

Для дебюта секс вышел грубоватым. Наверное, я слишком долго боялся ее чистого тела, чтобы потом взять и сразу перестроиться. Квартира была настолько пуста, что я слышал, как в кухонную раковину падают капли. Я встал и включил телевизор. А уже через мгновение мы переспали еще раз.

Потом за окном стало темно. Свет мы не зажигали, и от этого казалось, что все предметы в комнате, глядя на меня, кривят губы. Остановиться я так и не смог, а она не сопротивлялась. В паузах мы много курили. Иногда я переключал программы. По-моему, слов не было вообще. Только один раз она сказала, что зря мы спим без презерватива.

Я боялся, что она уедет. Совсем вечером я начал говорить, что наложенные на запястье швы болят просто страшно. На самом деле левой руки я почти не чувствовал. Каринина одежда была разбросана по полу. Ночью я несколько раз бережно поворачивал ее на бок. Она пыталась проснуться и лечь, чтобы мне было удобнее.

— Ничего... Лежи... Я сам...

Кровать скрипела и билась о стену, за которой спали родители. Мне было плевать. То ли от потери крови, то ли после двухнедельного запоя меня потряхивало. Желудок напоминал раненую бабочку.

Утром мы вместе принимали душ. Я целовал ее кожу, но она шептала: «Погоди... Да погоди ты!..» Одеваясь, она спросила, не сходить ли нам погулять?.. как я себя чувствую?.. и я пошел заниматься у отца денег. Глаза у него под очками были похожи на экран стереокинотеатра. Если бы я попросил не денег, а скальп, наверное, он просто стащил бы его с головы и протянул мне. Отдавая купюры, отец спросил, не болит ли рука и еще — во сколько я приду?

Карина старательно обходила лужи. Друг на друга мы не смотрели.

— Надо тебе это было?

— Надо.

— Зачем? Ты хотел переспать?

— Нет. Совсем не из-за этого.

— Не нужно было нам сейчас спать.

— Почему?

— Сейчас — не стоило.

— А с ними ты спала?

— Откуда взялась эта дурацкая идея?

— Я все видел.

— Что ты видел?

— Ты сидела голая.

— Ну сидела.

— Почему ты сидела голая?

— Что здесь такого? Мы модели, понимаешь? Они видели меня голой сто тысяч раз.

— Ты спала с ними?

— О, боги! С кем я должна была спать? Что за паранойя? Я приехала туда с тобой!

— Приехала со мной. Да. А с кем ты спала?

— Упф! Разумеется, в своей жизни я с кем-то спала!

— С кем именно?

— Перестань!

Мы помолчали. Прошли мимо весеннего Спаса-на-Крови.

— Ты не имела права так поступать.

— О, БОГИ! Как — «так»?!

Что я мог ответить? Как я мог объяснить, что девушки, это... что с ними нельзя ТАК... их тело... их смешное, беззащитное тело принадлежит не только им... что я могу умереть, если кто-то просто неуважительно прикоснется к ней... боюсь оставить на ее коже отпечатки пальцев... не верю, что достоин... а она сидела там... далеко отставив в сторону красивое бедро... и я видел... то, что нельзя видеть... что, проходя теперь мимо церквей, я чувствую удар током... что слова «монах»... «ряса»... наполняют меня черным ужасом...
ЧТО Я МОГ ОТВЕТИТЬ, ЕСЛИ ОНА НЕ ПОНИМАЕТ?

Небо выглядело, как моя давно не стиранный наволочка. В переходе возле Гостиного Двора женщины в турецких куртках продавали домашних животных. Круглоглазые котят тыкались носами в

грязные пальцы хозяек. В коробках из-под бананов копошились щенки.

Карина остановилась и заулыбалась.

— Какие хорошенькие!

— Ага.

— Я бы купила таксу. А ты?

— Зачем тебе такса?

— Смотри, какие хорошенькие.

— Где ты будешь ее держать?

— Это будет наша такса. Жить она будет у тебя.

Вы когда-нибудь чувствовали себя зомби? Мне хотелось водить Карину в клубы и поить ее алкоголем, а неизвестно, дадут ли родители еще денег. Но она произнесла эти слова, и я начал выгребать купюры из кармана. Это будет НАША такса!

Щенок извивался у меня в ладони, как червяк. Пугаясь и вздрагивая, нюхал грязный бинт на запястье. Сто граммов моей теплой собственности. Потом мы гуляли. Таксенок свернул длинное тельце и уснул в моих руках. Карина пальцем гладила его круглую голову.

— Ты сегодня останешься?

— Ты хочешь, чтобы я осталась?

— Как ты думаешь?

— Понимаешь... Нам на самом деле не стоило сейчас спать.

— Почему?

— Я могу остаться... но...

— Что?

— Да нет. Ты не думай. Если надо, я останусь.

— Что-то не так?

— Я даже не знаю, обсуждают ли такое?

— Попробуй.

— Ты... У тебя... У тебя слишком большой член!

— Что?

— Ты сделал мне больно.

— Не понимаю.

— Ф-ф-фух! Тупица! Ты... С тобой невозможно спать! Отрастил себе... блин... гениальную гениталию!.. Там... В общем, как будто что-то порвалось. Понимаешь?

Она вздыхала и запинаясь. Она просила подождать. Не трогать ее какое-то время. Хотя бы недельку, ладно? Моя принцесса... Хрупкая... Я сказал: «Конечно!» Неделя, две, полгода — я стану

Мачо не плачут

ждать, сколько потребуется! Мы можем вообще не спать до свадьбы! Она чмокнула меня и сказала, что я супер.

Швы я ходил снимать в поликлинику. После этого руку уже не бинтовал, а заклеивал пластырем. Разбитая правая тоже приходила в себя. Правда, внутри теперь что-то скрипело и пальцы больше не были такими гибкими, как раньше. Я щупал костяшки и чувствовал, что под кожей перекатываются острые осколки.

Несколько раз я заходил в редакцию. Коллеги сказали, что меня дожидается факс. Фирма с длинным названием приглашала на дегустацию виски «Chivas Reagal». Дистрибьюторы готовились масово вторгнуться на отечественный рынок. Для господ журналистов было приготовлено несколько ящиков халявы. Специально ради дегустации из Шотландии должен был приехать специалист по пitiю висок, который обучит гостей своему искусству.

Я позвонил Карине.

— Бли-и-ин! Обожаю виски! Но у меня съемка!

— Отменить никак?

— В том-то и дело!

Я разговаривал по телефону сидя в своей комнате. По паласу ползала наша такса. Щенок успел освоиться. Когда я приходил домой, он выбегал навстречу и махал похожим на морковку хвостом.

Карина попросила, чтобы я взял на дегустацию ее подружку Марину. С Мариной я был знаком, хотя и не очень. Конечно, лучше было пойти с кем-нибудь из приятелей, но я согласился. Ради светского мероприятия я нарядился в белый плащ. Он был старый и с двумя дырками. Я надеялся, что никто не заметит. Марину с ее бойфрендом я забрал на Загородном. У нее были темные глаза и такая же прическа, как у Карины. Она вообще была очень похожа на мою девушку. Парень носил очки с толстыми линзами и дурацкие ботинки. Звали его Евгением, Женей.

Дегустация должна была проходить в кафе «Сити», во дворе Капеллы. Водитель-зануда не разрешал мне курить в машине и что-то бубнил о поворотах, которые запрещены. Когда мы подъехали, я спросил, есть ли у моих компаньонов мелкие деньги расплатиться? Формулировка «мелкие деньги» очень помогает в таких случаях. Женя отвернулся к окну, а девушка сказала, что оставила кошелек дома. С собой — ну ни копейки!

В «Сити» оказалось два зала — побольше и поменьше. В маленьком стояла барная стойка и несколько столиков. Официантка спросила, не хотим ли мы чего-нибудь? Говорили вокруг в основном по-

английски. Несколько краснолицых мужчин пили пиво. Спортивные иностранные женщины громко смеялись. Знакомых журналистов я не заметил. Марина спросила, чего у меня нового?

Она глядела на окружающих чуть-чуть свысока. Ей нравилось, что кафе дорогое и вокруг много иностранцев. Мы поболтали и выкурили по сигарете. Я рассказал вычитанный в газете анекдот. Марина легонько хлопнула Женю по спине.

— Не сутулься.

— Я не сутулюсь.

— Сутулишься! Выпрямись! Сжался, как крючок! Во-от! Другое дело! Запомни, наконец, я не люблю, когда ты сутулишься!

Недавно мы с Мариной ходили к ним в гости. Я с ужасом наблюдал, как Марина давит своему парню прыщи. Из кожи ползли белые жирные столбики. Бедолага не спорил. У него было много прыщей. Не спят они, что ли? И почему девушкам так нравится это гнусное занятие?

Минут через двадцать свободных столиков не осталось. Краснолицые клонились к женщинам и, перекрикивая друг друга, говорили. Дым ел глаза. Я сходил к девушке с биджем «Администратор» и спросил, почему не начинают и какова вообще программа?

— Ждем дегустатора. У мистера Уоллиша проблемы в аэропорту. Но говорят, что он уже едет. Специально для нашего вечера мистер Уоллиш прилетел из Эдинбурга и сегодня же уедет обратно. Как только он приедет и переоденется, начнется дегустация. Минут тридцать пять-сорок. Потом угощение для гостей и прессы. Потом выступит фольклорный ансамбль.

Специалист по питию виски оказался тощим и суетливым мужчиной. Он мимо нас проскочил в дальний зал, а еще через десять минут туда пригласили всех остальных. В зале стояли накрытые столы. Специалист переоделся в килт. Из-под него торчали рыжеволосые ноги. Лицом он напоминал тонкогубого сурка. По скулам разбегались малиновые капилляры. Они были похожи на карту еще не открытой реки.

Выяснилось, что краснолицые были членами петербургского землячества шотландских бизнесменов. Всего за столом расселось человек тридцать. Перед каждым стоял пластиковый подносик, а на нем располагались четырнадцать приземистых бокалов. В каждом на донышко был налит особый сорт виски. Слева направо цвет напитка становился темнее.

Было видно, что проводить посиделки, вроде нашей, для шотландца дело привычное. Остроты он заучил до автоматизма. Кроме

того, мужчина действительно разбирался в предмете. Сперва он рассказал об истории и технологии изготовления напитка. Успевшие выпить по нескольку литров пива шотландцы кивали лобастыми головами и что-то бубнили, когда заходила речь о битве их предков со сволочными англичанами.

Потом специалист показывал слайды с видами шотландских озер. «Лох-Керрбасси... Лох-Брюгге... Лох-Клайм...» После слайдов началась дегустация.

— Возьмите первый бокал. Это наиболее легкий сорт. Понюхайте. Вам не кажется, что в запахе есть привкус лосося, копченного на можжевелевом костерке?.. Четвертый бокал. Данный сорт проходит несколько стадий перегонки и не менее трех лет выдерживается в дубовых бочках. Я советую немного разбавить его водой. Так вы сможете полнее ощутить вкусовую гамму... Бокал номер девять...

В качестве закусок на столах стояли вареные яйца и гренки. Напротив меня сидел молодой человек в строгом черном костюме. В руках он вертел радиотелефон. Закуски он сгребал так, что несколько яиц я отложил на тарелку и придвинул поближе к себе.

В каждом бокале было от силы по тридцать граммов шотландского зелья. Но уже к десятому бокалу я почувствовал, как сзади по шее бегают противные муравьи. Оттенки вкуса перестали ощущаться еще раньше. Голос шотландца доносился как бы со дна пустого ведра:

— Ну и наконец четырнадцатый сорт. Это гордость «Chivas Regal». До сих пор мы дистрибуировали его только в Штатах и УК.

Переводчик, молодой парень в свитере грубой вязки, хлебал из бокалов вместе со всеми. Несколько долгих секунд он прикидывал, как по-русски будет «Ю-Кей»? Сидевший справа от меня тип плевался в лицо собеседнику и объяснял, что его фамилия МакЛауд. Понимаешь? Как в фильме «The Highlander». Клан МакЛаудов, неужели не слышал? Собеседник потел набрякшими щеками и вторял: «Ай донт ан-дестенд. В смысле, ай спик только рашен».

К моменту выхода в зал фольклорного ансамбля коротконогий МакЛауд уже порывался станцевать на столе. Потом побрел в туалет, упал и разбил лицо. Выступления ансамбля я, врать не буду, не запомнил. Все орали и звонко чокались. Парень с радиотелефоном, морща нос, хохотал. Мы познакомились и выпили из наставленных вокруг бутылок.

— Ты не помнишь? Это тот сорт, который пахнет лососем?

— Жопой он пахнет! Какая разница?

Еще за столом сидел американец. Откуда он взялся, я не заметил. У него был нависающий на брючный ремень живот и редкие черные волосы. На белой коже головы они казались ненастоящими. Я сходил в туалет. Там была очередь. Некоторое время я прикидывал, а не подписать ли в раковину? Когда я вернулся, Женя, поджав губы, слушал, как Марина смеется над тем, что говорит американец.

— Ты чего?

— Да нет. Все супер.

— Он к ней пристаёт?

— Хрен его знает. Я почти не понимаю, если честно. Вроде бы нет.

— Эй, мистер! Эта девушка пришла сюда с бойфрендом!

— Прекрати!

Американец не обиделся. Он в курсе. Они с Юджином уже познакомились. Я кивнул и подумал, какой я отличный парень... джентльмен. Потом снова выпил с радиотелефоном. Американец непонятным образом оказался рядом. Иногда я подливал виски ему в бокал. Напиток отвратительно пах самогоном. Я каждый раз мешал его с водой.

Американец спросил, как меня зовут? Он признался, что ему уже тридцать восемь. В родном Огайо у него есть жена и дети. Вроде бы две девочки. Уже взрослые. «За детей!» — сказал я. После следующего бокала я сказал, что работаю в газете. Сигаретная пачка, лежавшая на столе, сложно расплывалась в глазах.

— Марина очень красивая девушка.

— Однозначно!

— Она твоя подружка?

— Она подружка Жени.

— Это я знаю.

Мы выпили.

— Как русские ухаживают за девушками?

— Русские не ухаживают за девушками приятелей. Русские за такие вещи бьют в лицо.

— Это я знаю.

— А вообще-то мы дарим девушкам цветы.

Он посидел, посмеялся над тем, что говорил радиотелефон, потом помолчал и исчез. Кто-то из соседейпил виски прямо из горлышка. На тонкой шее его голова напоминала весенний цветок. Марина смеялась. По скулам у нее расплзались пунцовые пятна. Я снова удивился, насколько они с Мариной похожи.

— Ого!

В руке вынырнувший американец держал двухметровую пла-
стиковую пальму. Она была разлапистая, нереально зеленая и, на-
верное, очень тяжелая. Американец сказал, что выдернул ее из кад-
ки на лестнице. Цветов купить было негде. От удовольствия его
красный носик даже блестел.

— Это мне?

Марина широко улыбалась. Ее отличные зубы были видны на
восемь в каждую сторону. Хмыкая и качая головами, все решили,
что американец достоин поцелуя. Марина выкарабкалась из низко-
го кресла. Рядом с ней американец был похож на мавританского
карлика, стоящего с опахалом у ложа своей белой госпожи. Женя
смотрел в другую сторону. Когда официантка вытирала со стола, он
убрал в карман свои дешевые сигареты.

Около полуночи администраторша сказала, что мероприятие
окончено. Кафе закрывается. Я попробовал уговорить ее немного
выпить. За столом осталось всего несколько человек. Зал был усы-
пан недоеденными яйцами.

— Не хочется расходиться.

— Та же фигня.

— А куда пойдем?

— А куда можно?

Все посмотрели на меня. Я сказал, что неподалеку есть клуб
«Грешники».

— Только у меня денег очень немного.

— Не проблема.

— А что там, в «Грешниках»?

— Танцы. Рейв, пиво. Байсекшувал-шоу.

— О-о!

Такси решили ловить не на Мойке, а пройдя через проходной
двор до Конюшенной. В длинных, как туннели, подворотнях мы ка-
зались стадом мустангов. Где-то на полпути Марина рассмеялась и
сказала, что сперла со стола красивый графин из-под воды. Все то-
же посмеялись. Американец сказал, что украл не пустой графин, а
целую бутылку «Chivas Regal».

«Молодчага!» — хлопнул его радиотелефон. Как самый бога-
тый, он взял на себя роль организатора.

— Нужно разделяться. В одну тачку все равно не влезем. Я ста-
ну ловить тут, а вы отойдите подальше.

Машины брызгали из-под колес бляшками тяжелого, цвета кофе,
снега. Я отпрыгивал от края тротуара и поддергивал полы плаща. Так-

си остановилось быстро. Почему Женя не сел с нами, я так и не понял. Я сидел на переднем сиденье и грел руки в карманах. В зеркало заднего обзора мне было видно, как целуются Марина и американец. Лежащая на ее груди короткопалая лапа казалась огромной, как ковш экскаватора. Запрокинутые головы выглядели, наоборот, карикатурно маленькими. Иногда колеса пробуксовывали в тающем снеге.

— Янки, гоу хоум!

Пьяный радиотелефон вывалился из машины. По пути они куда-то заехали, подкупили пивка. Бутылка с синей этикеткой виднелась и в Жениной руке. Мы прошли через кованные двери клуба. На первом этаже «Грешников» расположен ресторан. К основному веселью нужно подниматься по узенькой лестнице. Мы поднялись.

Бухающие басы били по ушам. По одежде ползали сполохи липкого зеленого света. Танцоры в обтягивающих футболочках толклись перед зеркалом. «Что пьем?» — орали все разом. Я не люблю громкую музыку. Вернее, люблю, но не рейв. Несколько раз, пригибаясь к столу, я отхлебывал из пронесенной с собой бутылки. Потом поднялся на балкон. Оттуда танцпол был хорошо виден, а музыка не так давила. Хорошо бы выпить пива, но денег совсем не осталось. Стрельнуть у американца? У Марины, как я помнил, денег тоже не было.

Я закурил.

— А я тебя ищу! Чего ты здесь сидишь? Ты же говоришь по-английски?

— В меру сил.

— Что значит это слово?

На салфетке было написано и зачеркнуто множество цифр. Перед каждой стоял значок \$. Красивый Маринин ноготь упирался в слово «blow-job».

— Оральный секс.

— Что?

Музыка стучала отвратительно громко.

— О!-ралы!-ный!-секс! С какой целью интересуешься?

Марина махнула рукой и убежала вниз. Чтобы не упасть, она двумя руками держалась за перила. В «Грешниках» чертовски неудобные лестницы. Часов в пять американец стал прощаться. Аккуратно пожал всем руку — Жене тоже — и ушел. Марина сбегала на улицу, в круглосуточный обменник, и угостила меня текилой. У нее же я одолжил немного денег на такси. Брести домой по грязи и слякоти не хотелось. За окном машины было уже утро. Вдоль поребриков текла серая, гранитная вода.

Проснулся я только к обеду. Снова почувствовал, что грязен, похмелен, разбит. Поворочался в постели, потарашился в окно. Встать не хотелось. Я доковылял до туалета. Там-то все и понял.

«Мазефака!» — сказал я.

...

В том году мне исполнилось четырнадцать. Была весна. Все только и говорили о рванувшей Чернобыльской АЭС.

Сколько же лет назад это было?

Вместе с парнем по кличке Лис я жил в полурасселенной квартире на Таврической. Лис уверял, что только что сбежал из колпинской колонии для несовершеннолетних. Как его звали на самом деле, я не спрашивал. В квартире нам принадлежали две смежные комнаты с оборванными обоями и наваленными на пол матрасами. Плюс конфорка на коммунальной плите. Когда становилось совсем нечего есть, мы ходили грабить посетителей модного диско-бара «Вена». Или отправлялись на Университетскую набережную танцевать брейк-данс.

По набережной гуляли ценители белых ночей и разведенных мостов. Публика пила алкоголь, веселилась и бросала нам деньги. Танцевали мы средненько, но на вареную курицу и кофе в «Сайго-не» хватало. Заодно решалась проблема секса.

Ту наголо бритую девицу с сигаретой в ярком рту я заметил сразу. Морщась от дыма, она разглядывала мои па, а потом мы оказались в парадной. Несколько раз она расстегивала свои тесные джинсы. Нас постоянно прерывали. Похоже, что парадная была проходной. Девушка сказала, что это утомительно и нельзя ли пойти ко мне?

Дома она разделась, аккуратно сложила одежду и сказала, что в процессе любит курить. Это считается унижительным для мужчины, но, вы знаете, мне понравилось. На груди у нее были вытатуированы значок «пики» и голый женский силуэт. Сосок был свой, настоящий, лиловенький. Ближе к полудню пришел Лис, и все стало еще интереснее.

О приключении я вспоминал с улыбкой. До тех самых пор, пока моя интеллигентная мама не вызвала меня ПОГОВОРИТЬ. Не ее, конечно, дело... но не хочу ли я показаться венерологу? Я успел вернуться в квартиру родителей. Именно мама стирала мое нижнее белье. Разумеется, я и сам замечал зеленые потоки, коркой застывающие на трусах. Я даже беспокоился по этому поводу. Но и в самом страшном сне я не мог представить, что ЭТО случится со мной. С героями авантурных романов... с алкашами из медицинских брошюр... со смутнознакомыми простофилями...

Впрочем, очень быстро вензаболевания перестали быть для меня экзотикой. Это повторялось столько раз, что иногда бывает трудно вспомнить очередность. Длиннолицая скрипачка из знаменитого ансамбля (двухнедельный курс пенициллина в больнице на Восстания). Вечеринка с тремя учительницами младших классов (тяжелый, с осложнениями трихомоноз, до сих пор отдающий горьким привкусом на языке). Какие-то балерины с косичками...

Так что симптомы я узнал сразу. Стоял над унитазом и разглядывал свой искалеченный член.

— Мазефака... Мазефака, блядь!.. Мазефака...

На кухне я выкурил сигарету. Пепел стряхивал в тарелку. Потом снял телефонную трубку. Кому, интересно, я собирался звонить? Мне вспомнился мужчина из суицидальной больницы. Тот, с порванными мышцами шеи. Большой член, говоришь?

Я вернулся в комнату. Щенок на своих кривых лапах по диагонали полз от книжного шкафа к дивану. Он уже понимал, что это его дом. Он был веселым и любопытным. День за днем он исследовал доставшуюся ему территорию.

Щенок задрал на меня умную морду. Может быть, даже успел понять, что что-то не так. Он завилал всей задней частью длинного тельца, а когда я протянул к нему руку, бросился, задирая лапы, бежать. Разумеется, я был быстрее.

Он посмотрел на меня черными глазами. Лизнул мне пальцы. Я отвернулся, вдохнул поглубже и сжал кулак. Вдох получился судорожным. Всей рукой, до самого плеча, я чувствовал его агонию. Поверьте, это было посложнее, чем распилить собственное запястье.

Пальцы я не разжимал долго. Мертвое тело казалось намного тяжелее живого. Я дошел до помойного ведра. Прежде чем положить туда трупик, не удержался и посмотрел. Умирая, он описал мне рукав. Поверх кулака свисали смешные шенячьи ушки. В ванной я долго тер руки мылом и губкой. Посидел, глядя в стол, на кухне. Через полчаса все-таки донес ведро до мусоропровода.

Потом я стоял у окна и курил. Окно было большое, но мутное. Последний раз его мыли год назад... тоже весной. Помнится, тогда я собирался уехать в Гоа.

Как глупо все получилось... хотя и счастливо тоже. Снаружи светило весеннее солнце. Сосульки-фаллосы и все такое. Весна все-таки началась.

Следующая, еще одна весна.

«Охо-хо», — выдохнул я.

Часть 2

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РЕЦЕПТОВ КАВКАЗСКОЙ КУХНИ

1. Аперитив

Рецепт первый

Терпкое, молодое, красное вино

Потом он так и не вспомнил, с чего они тогда завелись. Выпили после редколлегии по паре «Балтики», плюнуть бы да разойтись — так нет! Спустились на второй этаж к Сердитову, он сказал, что занят. Зато были свободны неизвестно откуда взявшийся немец-журналист и новенькая стажерка. После еще одной «Балтики» немец ушел, а стажерка осталась. Так они и встретились.

На шее у девушки был повязан платок. Тем же вечером выяснилось, что он должен скрывать шрам, здоровенный рубец через все горло. Шрам на шее, множество шрамов на руке: несколько лет назад резала вены. Насчет рубца он решил, что она пробовала вешаться. Его знакомый патологоанатом рассказывал, что у тех, кого вытаскивают с того света, на шее всегда остаются такие шрамы. Через год с лишним они сходили в тату-салон, и девушка обзавелась каннибальским узором на левом плече. В общем, вы представляете, что у нее было за тело.

Из «Лениздата» по Фонтанке они дошли до мексиканской кантины «La Cusagacha». Если бы остались там, то эта книга была бы о мексиканской кухне. Но из «Кукарачи» они ушли, на красный свет перебежали Невский возле Аничкова моста и отправились в «Метехи», грузинское кафе напротив цирка. Дотуда добрались всего троим: он, она и девушка-бильдредактор, у которой были выпученные глаза и противная родинка на щеке.

В «Метехи» низкие потолки, всего пять столиков, на стенах картинки под Пиросмани. На одной носачи в громадных кепках чита-

ют надпись: «Всегда в продаже свежий пиво». У мохнатой официантки были золотые передние зубы. Она совсем не говорила по-русски и стоимость заказа написала на салфетке. За их столик подсаели несколько молоденьких европейцев. Парень с девушкой были вроде бы из Швейцарии, а их приятель — испанец. Когда «Метехи» закрылся, молодой человек предложил продолжить вечеринку в квартире его родителей, здесь напротив.

Представляя их друг другу, редактор ее отдела сказал про молодого человека, что он — «супержурналист» и «гордость их редакции». Так что теперь он сплетничал о «звездах», рассказывал, как прыгал с парашютом на Петропавловскую крепость и как его возили на экскурсию в настоящую тюрьму. Он видел, что девушке нравится.

Где-то в час ночи швейцарка заныла, что хочет хэша. Наверное, он был здорово пьян, потому что тут же поперся с ее приятелем покупать анашу. Побродив по неосвященной Моховой, он мобилизовался и сказал, что, наверное, пушеры ушли спать. Пока их не было, оставшиеся гости нашли в холодильнике банку соленых грибов и зачем-то их пожарили. Дым от подгорелых соленых грибов (как вам такое блюдо?) ел глаза, и гости стали собираться. Пучеглазая бильдредакторша забрала на такси его последние деньги. Девушку он уговорил остаться. Зачем уезжать, раз все так славно началось? И, главное, как? Я включу тебе музыку, а с утра сварю кофе, я очень вкусно готовлю кофе, и спать ты можешь в другой комнате.

План его был коварен, но, спьяну, незамысловат. Вообще-то он был уже четыре года как женат и привык к этому. Ругался с водопроводчиком, с гонораров покупал жене шоколадки, приглашал в гости друзей семьи. Изменять жене он не собирался. Но в ту ночь на пороге возник, положенные слова говорил, влез в постель и долго целовал ее теплую кожу... Глядя как снаружи светает, он продолжал нести бред. Не мог поверить, что ничего не изменишь, идиотом выглядеть он все-таки будет... он ведь даже трусы снял. Он не добился вообще ничего. Едва дождавшись, пока откроется метро, она оделась и уехала.

Он всегда любил девушек, способных много выпить. Эта девушка выпила вчера больше, а пьяна оказалась гораздо меньше его. Плюс то, что она работает в газете. Жена никогда не понимала его профессиональных удач, а с этой... Проснувшись вместе, они шли бы писать каждый свои материалы, а вечером обсуждали их за кружкой «Гиннеса»... Блядь!

Утром он лежал в постели и морщился от липких ощущений. Звонить жене он не стал. Наверняка она обиделась, что накануне

он не доехал до дому, лучше дать ей остыть. Насчет новой знакомой молодой человек решил, что будет вести себя так, будто ничего не было. Однако, увидев ее в «лениздатовском» буфете, говорить стал совсем не то и после работы оказался с ней в безмянном кафе у Пяти углов. Одна стена в кафе была выложена аквариумами, и внутри шевелили хвостами большие рыбы.

Выйдя из кафе, на улице они встретили здоровенного бомжа. Бородатый, с прямым пробором, он был похож на православного батюшку. Посмотрев молодому человеку в глаза, он громко сообщил, что семья это главное для мужчины.

На такси он ехал ее провожать и в машине из горлышка пил шампанское. Потом было снова пиво, а когда пиво кончилось, она сказала, что у нее еще есть коньяк, только он плохой, но он сказал, что ему все равно. Когда в три ночи она спросила, где он будет спать — в дальней комнате, где балкон, или на кресле у нее в комнате, — он сказал, что, разумеется, у нее... Уходя с утра, он спросил можно ли взять послушать ее плеер, и Марк Нофлер долго перебирал свои тоскливые струны.

Жена поняла, что это не рядовая ссора, звонила и спрашивала, что происходит. Недавно он гулял с ней и коляской на пустыре за его купчинским домом. Было жарко, а их общий сын спал, и из уголка его маленького рта свешивалась смешная слюнка... Ему вспоминались ощущения летнего вечера, возвращения домой после рабочего дня... вкус последней перед ужином сигареты натошак... в конце улицы тихо садится солнце... а дома ужин и телевизор... жена готовит еду с множеством холестерина, как и нужно усталому мужчине... а завтра снова на интересную, дающую заработать на жизнь работу... но перед этим будет ночь и до мелочей знакомое, всегда с радостью его, тело жены... Он затосковал, заметался и утром проснулся уже в постели жены. Рядом с кроватью лежала записка. Жена просила больше не уезжать, уверяла, что не собирается ни о чем спрашивать.

На деревьях появлялись подозрительно пегие листья. Он снова гулял с коляской. Псы вертели эрегированными хвостами. Все окна в большом дворе были настезь. Орал телевизор — везде одна и та же программа. Он знал, что через полчаса придет домой и тоже включит эту программу. По ночам вокруг него толпились юнганские уродцы.

Он пытался вести себя так, будто все нормально. Бегая по кухне, жена чересчур оживленно болтала. В постели он называл ее

«Малыш». Потом он на нее наорал. Жена тихонечко плакала, запершись в ванной, а его тошнило от телевизора и до сантиметра знакомой квартиры. Потом он все-таки сбежал. Ему больше не было дела до женщины, с которой он прожил четыре года. Ей предстояло остаться в протухшем позавчера.

Теперь значение имели каждые десять минут. Он набрал номер новой знакомой. Она удивилась звонку. Она спросила, где он пропал? Сегодня она устала и предпочитает побыть дома. У нее был грудной и волнующий голос. Напряжение не проходило, но бежать было некуда.

Он скрипел зубами, мотал головой и мучился. На следующий день ему предстояло сдавать важный материал. Рассвет он все равно встретил в уличном кафе у Гостиного Двора. На столах стояли красные «винстоновские» пепельницы. Кроме него в кафе сидели мясистый бизнесмен из Прибалтики, который раз в десять минут доставал кошелек, чтобы за всех заплатить, несколько пареньков, отмечавших выход приятеля из тюрьмы, и пара молоденьких проституточек, бессовестно разводивших мужчин на алкоголь и чипсы.

Важный материал он все-таки сдал. Толком поспать не успел, но спать и не хотелось. Побродив по «Лениздату», он сагитировал едва знакомого компьютерщика выпить красного грузинского вина. Когда они пошли за следующей порцией, тот уронил бутылку и брызгами испачкал ему куртку. Интересно, он сбежал от жены ради этого? Он вышел из «Лениздата» и перешел через дорогу. Порбрик напоминал разрушенный бастион. Окончательно план оформился уже после того, как он назвал таксисту ее адрес: «Только, слушай, давай заедем куда-нибудь купить цветов, а?»

Он купил много, может быть, двадцать пять роз. Букет был таким толстым, что нести его пришлось обхватив обеими руками, как новорожденного. Шипы сквозь куртку кололи предплечья. Прохождение пальцами показывали ему вслед. Одетая в спортивный костюм, она открыла дверь и удивленно задрала брови. Спустя три минуты розы, разметав могучие ноги, лежали на полу, а они — в постели. Боясь, что это будет последний раз, он был тороплив и груб, но девушка ничего не сказала на это и даже оставила его ночевать.

Он разглядывал ее тело, касаясь губами, щекал внутреннюю сторону красивых бедер, он расцеловал ее везде, куда смог дотянуться. Жуткое предыдущее существование вспоминалось с брезгливой дрожью. Не усидев дома, они выскочили за пивом, потом он купил бутылку шампанского, но пить вино они не стали, а, взболтав, вылили, брызгаясь, друг на друга. Он смотрел на ее узкие плечи,

большую, высокую, хорошей формы грудь... на талию, очень по-античному расширяющуюся в красивые ягодички... ему казалось, что она ненастоящая. За ближайшие пятнадцать лет такая девушка могла бы родить ему восемь мальчиков и семь девочек. «Я говорил, что ты самая лучшая? Считай, что говорю».

К жене он больше не вернулся и отказался разговаривать, когда она позвонила. Он попал в финальные кадры костюмированного блокбастера. Туда, где герой взапуск целует красавицу-героиню. Весь конец того лета и был таким красивым кино. Только в кино никогда не показывают что было, когда поцелуй кончился.

Тост первый,

произносимый обычно тамадой

Ф наших гарах, рассказывают старики, жыл джыгит. Не была равных джыгиту ва всем ауле, и все девушки хатели, штобы он смотрел на них свайми глазами, пронзительными, как сабля абрэка. Но род джыги-та был древний и знатный, и хотел джыгит, штобы жэничина, которая радит ему сына, была лучшы всех. И кагда спустилась на Кавкасский хрибет ночь, темная, как ум двоичника, он сидел за аулом, на высоко-кам и крутом биригу рики Куры, и абнимал дэвушку, стройную, как горная козочка, и цэловал иё губы, вкусный, как глоток маладова вина. И дэвушка абнимала джыгита, и эта ночь была горячей, как тот шашлык, который вы, дарагие гости, видите пирит сабой на стале. Да-а-а...

Но ночь сминилась днем, а патом на горы опять спустилась ночь, и джыгит опять сидел на высококам и крутом биригу рики Куры и снова абнимал дэушку, но это была ужэ другая дэушка. И на этот рас дэушка была прикрасна лицом, как сонце, греющие склоны Кавкассава хрибта, а губы иё были красны, как самый красный губы на свети. И эта ночь тожа была страстной, жгучий и горячий, но и она кончилась утрам, патомушто на смену горячей ночи всигда приходит теплае утра-шмутра, ну вы панимаити.

А патом снова настала ночь, и нисуцая свай воды, как атару барашкав, рика Кура увидила, што на берегу апять сидит джыгит, и снова он сжымаит в свайх абьятьях прикрасную дэушку, и это была ужэ новая дэушка. Третия дэушка была неприступна, как склоны Ильбруса, но джыгит был настойчиф, как сборная страны на альпи-

нису, и дэушка пакарилась ему, как дэушки пакаряюца джыгитам. Спал в ту ночь аул, и никто ни слышал слов, который гаарил джыгит этап дэушке, а если бы и слышал, то честь горца ни позволила бы ему рассказать аб этих словах. Вах-вах-вах!

Адин был джыгит, но многа дэушык было с ним на биригу рики Куры. Так наполним жэ, драгие гости, наши бакалы этим замичательным вином и выпьем жэ да дна за пастаянство нас, мужчин, и нипастаянство жэницин!

2. Холодные закуски

Рецепт второй

Папирасы «Казбек»

Ему нравилось в ней все, начиная от поведения в постели и кончая тем, что она много пьет. Она, не задумываясь, смешивала напитки. После любимой водки с грейпфрутовым соком могла выпить пива, коньяку, водки уже с колой, потом хлопнуть крепленого вина, потянуться и сказать: «Эх, выпить хочется — сдохнуть можно!» Той первой осенью ему казалось, что он спит с героиней романов Хэммета и фильмов с Микки Рурком.

Они поздно просыпались, в темпе делали секс, и он набирал целую ванну горячей воды. Нырять под воду, он целовал пальцы у нее на ногах. Она смеялась, говорила, что щекотно. Как правило, в ванне они делали секс еще раз и потом долго брызгались из водяного пистолетика его сына.

После ванны девушка залезала обратно в кровать, а он шел по магазинам. В видеопрокате на «Чернышевской» брал чего-нибудь посмотреть, а неподалеку от дома выпивал стакан дешевого кислого пепси и покупал равиоли. Магазины были маленькими: саями, чипсы «Лэйс», испанские консервы. Продавщица быстро выучила его репертуар и, когда молодой человек подходил к прилавку, сама тянула руку за «пепсикольным» стаканчиком.

Равиоли они ели из мисочек, похожих на плоские для китайской лапши. Щедрой рукой она влила туда майонез, кинула столовую ложку хрена, «Татарский соус», кетчуп и сметану, а поверх всего этого еще и солила. Ели они снова залезая в ванну или лежа голые в постели. Потом девушка вытягивалась и просила, чтобы он прижимался к ней как можно плотнее. Поглаживания пальчиком по

ладони и булькающие поцелуи в щечку были не для нее. Иногда все кончалось тем, что они снова долго и увлеченно делали секс.

Всем известно, что в хорошем похмелье можно выделить три фазы: «сушняк», «голодняк» и «опасюк». Их особенно доставала фаза «голодняк» — сосущий похмельный голод. Заранее готовясь к схватке, они ездили на рынок. Она ходила между рядами с кимчой и маринованными перцами, а продавцы-кавказцы окончательно забывали русский язык.

Она говорила, что, если в «макдоналдовских» гамбургерах-чизбургерах есть кусочек соленого огурца, значит, где-то должен быть и рассол из-под этих огурцов. «Мы могли бы за копейки выкупать рассол у „Макдоналдса“, а потом разливать в фирменную упаковку и продавать в особых отделах, как коку или пепси». Она обещала, что уже через полгода они станут миллионерами.

В газете, где они работали, как-то отмечали день рождения жены редактора. Прогнуться зашли даже те, кто терпеть не мог ни редактора, ни его жену. Алкоголя было много. Одного из обозревателей, бывшего офицера, служившего военным советником в Никарагуа, ему пришлось выносить в туалет. Чтобы тот не описался, он своими руками расстегнул ему ширинку. Дам присутствовало немного. Потрепанные жизнью, много курящие, машинистки. Пара девушек с первого этажа, связанных то ли с рекламой, то ли с бухгалтерией. Одна из них прославилась тем, что как-то голая купалась в Фонтанке, напротив «Лениздата». Другая любила рассказывать, что у редактора соседней газеты член маленький, и он этого стесняется. Плюс наивные молодые стажерки.

Он не собирался напиваться. Бутылок семь пива или две вина — и можно уводить ее к себе. Он выскочил подкупить алкоголя, встретил знакомых, заболтался, а когда вернулся, веселье било ключом. Толстый верстальщик играл на неизвестно где взятом баяне. Кто-то пытался под баян танцевать, но постоянно падал. Ему сказали, что она в кабинете криминалистов, криминальных обозревателей. Как он не вышиб запертую стальную дверь, никто так и не понял. Он чуть не за волосы выволок ее в коридор, он орал и брызгался. Пригласившему ее пареньку в пиджаке он сказал, что если тот подойдет еще раз — получит ножом в жирный бок. И никакие знакомые менты с бандитами не защитят. Ты понял меня, ублюбок?! нет, блядь, я кого спрашиваю, ты понял?!

Она оправдывалась, говорила, что зашла просто выпить: ни в одном другом кабинете алкоголя нет. Он силой затолкал ее в такси и

отправил домой. Из редакции он ушел, хлопнув дверью и обозвав всех идиотами. Вечер он закончил с коллегами из «Часа Пик» и плечистым американцем, их знакомым. Они немного походили по клубам, потом зашли в «Конан» поесть раков. Раки напоминали отожравшихся тараканов. Американец сказал, что с тех пор, как его бросила девушка, он замечает в себе ростки бисексуальности, и пытался подвести под это заумную теорию. От упоминания о «бросила девушка» молодой человек расстроился и пошел домой отсыпаться.

Глядя ей в лицо, мужчины каждый раз решали, что их победа будет легка. Первый раз заходя в комнату, где она собиралась заснуть, он и сам так считал. Они бились в истерике, перли к ней через стол, как собаки Павлова, пускали слюни и теряли сознание. Ему нравилось, что мужчины никогда не получают того, что в любом количестве получает он.

Несколько лет назад, проехав всего за пять часов от колени апеннинского сапога до середины икры, он остановился в салезианском монастыре города Лоретте Стены там были расписаны ренессансными фресками. Она была одним из тех веснушчатых итальянских ангелков. Грива вьющихся волос — словно черные крылья вокруг головы. Наверное, такой ангел мог бы отвечать на небесах за сектор чувственных удовольствий.

В ту осень в городских пабах только появилась текила. Ему нравились эти ритуальные «лизни-опрокинь-кусни». Они отправились потанцевать в дансинг на Невском, но, обнаружив в баре текилу, он сказал, что танцевать ему расхотелось. Девушку пригласил тип редкой прыщавости. Начинаясь у висков, к середине щеки прыщи сгущались до консистенции румянца русских народных красавцев. Они потанцевали, а когда музыка кончилась, развернулись и уплыли в проход, над которым висел указатель «Мужской туалет».

Это потом он узнал, что на самом деле там просто чил-аут. А тогда рванул к типу с таким лицом, что тот просто исчез — растаял в воздухе. Он зверел и покрывался пятнами. На диванчике сидел охранник, и он пнул его ногой. Невероятно, но вместо того, чтобы рубануть обидчику дубинкой промеж рогов, тот вскочил и принял ся оправдываться. Он ничего не видел! честное слово! где?! кто волочет девушку в мужской туалет?!

В начале зимы он простудился, а девушка сидела у себя дома. Промаявшись целый день, засморкав все найденные в шкафу носовые платки и съев упаковку «Эффералгана-УПСА», вечером он не выдержал и поехал к ней. В гостях у нее сидели подружки. Дамы

собирались выпить по паре пива и курили папиросы «Казбек». Где только взяли? До этого он не видел таких папирос лет семь. Его отравили за «Балтикой-номер-три». Чтобы лишний раз не ходить, он купил сразу бутылок двадцать.

Подружек было две. Задастая, с хищным носом Таня и девушка из Бурятии по имени Ыржэнда. Бурятка обижалась, когда он острил насчет далай-ламы. Его девушка говорила, что реинкарнация — это круто, и еще несколько раз посылала его за пивом. Языки заплетались все сильнее, а потом он стоял, запершись в ванной, и смотрел, как сидящая на корточках Таня расстегивает ему ремень.

Что это? — удивился он. У него и без Тани были неплохие виды на вечер. Наверное целую минуту промучившись, он все-таки сказал, чтобы она остановилась. Подняв голову, Таня на него посмотрела. Он понимал, что если действительно остановит ее, то потом станет жалеть... и зачем останавливаться?.. все ведь уже произошло... от чего он отказывается?.. нужно просто подождать... несколько минут... если он позволит ей завершить, то будет здорово, а если не позволит... то не будет... Он спросил, может ли она проделать совсем уж головоломный оральный трюк, который в свое время так и не удался его жене. Таня проделала этот невозможный трюк играючи. «Ничего себе!..» — но на этом из ванной они все-таки вышли. Под утро Ыржэнда, далеко высунувшись из окна, блевала, а Таня, голая, завернутая только в простыню, бегала на улицу смотреть, как блюющая Ыржэнда выглядит снизу.

Он был горд: проявил силу воли, девушке не в чем его упрекнуть. Через неделю, случайно встретив эту Таню на вечеринке, он попробовал опять увести ее в ванную, но та только презрительно фыркнула. А уже после Нового года с редактором журнала, для которого тогда писал, он пошел в «Арт-клинику», послушать оркестр Кирилла Миллера. Зал «Арт-клиники» напоминал Берлин сразу после налета союзной авиации. Оркестр оказался нудным. Он договорился с охраной и пронес с улицы бутылку водки. Редактор обнаружил в баре двух скучающих молоденьких художниц отсюда же, со сквота на Пушкинской. Скоро редактор ушел, а он сходил купить еще водки и постоянно подливал художницам.

Возможно, в санузлах сокрыт незримый миру эротический потенциал, кто знает? В этот раз все было точно так же. Правда, вместо ванной они заперлись в туалете: ванны в петербургских клубах большая редкость. В дверь стучали, он говорил, что занято. Первая художница была пьяна, теряла равновесие, падала с корто-

чек, стучалась коленями и жаловалась, как ей больно. Он отвечал, чтобы она не отвлекалась. С кончика медного краника в железную раковину капала вода. Выпив еще водки — откуда что бралось? — в тот же туалет он повел вторую художницу. У этой были раскосые глаза и яркая помада. Иногда она поднималась с колен и чего-то требовала. Каждый раз он не мог понять — о чем это?

Потом в дверь стали ломиться особенно активно, и ему пришлось открыть. Там стоял певец Олег Гаркуша из «АукцЫона». Он подошел к унитазу, а обрадованная художница бросилась просить у него автограф. Певец расписался, не отрывая второй руки от... ну, вы поняли. Этот эпизод вспоминается еще неплохо. Из дальнейшего всплывает лишь масштабная драка, и художницы, вцепившись друг дружке в волосы, на весь клуб орали, а он ударил кого-то прямо в лоб и разбил кулак. Утром кулак распух и болел. С грохотом катилась по мраморным ступенькам большая цилиндрическая пепельница, а охранник, наклонившись к нему, говорил: «Э-эх, а еще журналист!..»

Шатающийся, жалкий, неспособный даже развязать шнурки, он посреди ночи приехал к своей девушке. Она гладила его, и он жалел о том, что произошло.

Рецепт третий

Саями, сулугуни и «Цинандали»

Ей хотелось, чтобы у них был собственный дом, но дома у них так и не появилось. Большая часть этой истории происходила в снятых для свиданий квартирах, дома у приятелей, в гостиницах, сквотах, на Витебском вокзале, самом европейском из городских вокзалов, на ночном Марсовом поле, куда они пошли смотреть комету Хейла-Боппа, в клубах, на квартирах случайных знакомых и один раз в настоящем наркопритоне.

Притон принадлежал его приятелю Мыльнику. У него дома окрестные джанки могут за плату оттопыриваться в относительно безопасном помещении. В тот день она зашла к нему на работу, сказала, что хочет есть. В издательстве как раз давали деньги. Может быть, зарплату, а может, гонорары. Из полученных \$550 на ужин он решил потратить долларов пятьдесят—семьдесят. Даже для того времени это было много. Они бродили между французским консульством и желтой немецкой кирхой.

По насыщенности пабами, бистро и кафешками этот район стоит на втором месте в городе, а кто стоит на первом — не скажу. В за-

ведениях было то слишком много народу, то народ был несимпатичный, то ему казалось, что все дорого. Когда они зашли в кафе «У Казанского», девушка заявила, что хватит, она устала и давай останемся здесь.

Администратор торжественно провел их в зал. В кафе не было ни единого посетителя. Зал был светлый, с высокими потолками. Их усадили в самом центре — молодого человека на один конец бесконечного белого стола, а девушку на другой. Посередине администратор зажег свечку в канделябре. Семеро официантов тут же забежали, положили им на колени крахмальные салфетки, оставили стол красивыми, под старину, тарелками, а сами группкой встали в стороне, чтобы успевать менять пепельницы. В кафе были большие, во всю стену окна без занавесок. Прохожие с Невского разглядывали их в упор. Наверное, все это напоминало сцену из «Once Upon A Time In America», где мафиоза Де Ниро увозит девушку в специально снятый ресторан, а потом насилует на заднем сиденье лимузина.

Они уже доедали, когда подскочил улыбающийся администратор. «Привезли пиво! Только что с завода! Холодное! Сколько вам?» Молодой человек сказал, что по бокалу, пожалуй, хватит. Если пить каждый день, теряешь ощущение пивного вкуса. Начинаешь ценить не вкус, а крепость. Пиво нужно пить редко, с большими перерывами. После прекрасного первого бокала вы ощущаете небывалый подъем, понимаете, что соседи по столу — самые близкие вам люди. А те, перебивая друг друга, что-то говорят, покачиваются от собственных острот, и кажется, что так будет всегда. Уже к третьему-четвертому бокалу восторг пройдет. Поверить в это, держа в руке первый, невозможно.

Из «У Казанского» они переместились в дорогое бирштюбе «Чайка», где заказали по бокалу всех имеющихся сортов. Им играл тапер в свитере, потом они стали разговаривать о венерических болезнях... в следующем пабе они пили уже водку. Какие-то этапы он мог и забыть. Что помнится четко, это конечная станция: на пустыре возле мыльниковского притона они пытаются в обмен на бутылку водки заложить в ларьке ее дорогой серебряный перстень.

Полученные в издательстве пятьсот пятьдесят долларов давно кончились. Брать перстень ларечник отказывался, и они не знали, что делать. Долго наблюдавший за ними паренек в немодной куртке сказал, что купит им водки — самую маленькую и дешевую бутылочку. Но, только если они пообещают, что их первый тост будет за Пензу. Родом благодетель был оттуда.

Простыней и одеял для гостей в притоне не водилось сроду. Мыльник стащил с кровати матрас, кинул его на пол и быстро заснул в своей постели. Водка отдавала ацетоном, и после нее на зубах что-то хрустело. Они отгородились от хозяина набросанными в комнате ворванными стульями. Мыльник взял их на хранение, с утра стулья должны были забрать. Спали они прижавшись друг к другу, и девушка шептала ему на ухо пахнущие водкой и шоколадом слова.

Просыпаясь от тяжелого запаха ее волос, разглядев размазанную по ее щекам тушь, он иногда долго не мог сообразить, к кому они вчера заехали? Семь часов подряд они пили теплое пиво в кафе у гостиницы «Пулковская», а потом остались в гостях у рыжей девицы и спали вдвоем в стоящем на кухне кресле. Сутки спустя он обнаружил, что оставил под креслом у рыжей любимые клетчатые трусы с пуговичкой. В квартире ее одноклассницы, с которой она не виделась со школы, но к которой они все равно зашли, их положили спать в метре от детской кровати, и над его головой всю ночь орала трехнедельная девочка.

Один раз они оказались на набережной, напротив СИЗО Кресты. В темноте жирным зверем ползла на запад Нева. Они много выпили, и им хотелось выпить еще, но купить алкоголь было нигде. Невыгодно открывать магазин в районе, где сто процентов населения — заключенные. Лениво переругиваясь, они двигались в сторону Финляндского вокзала. Споткнувшись о неровные плиты набережной, девушка упала и сказала, что сломала палец.

Схватив ее на руки, он рванул ловить машину. За рулем остановившихся «жигулей» сидел лысый, похожий на член, парень. На сиденье рядом — девушка в кислотной куртке. В истерике бился рейв. Отъехав меньше чем на километр, парень затормозил, поглядел в зеркальце заднего вида и сказал, что вон в том ларьке продается пиво. Молодой человек пытался говорить, что, мол, гаишники... а парень за рулем... и вообще, у девушки палец... пиво купить все равно пришлось. За Литейным мостом они купили еще по одной. Когда машина остановилась на Конюшенной, под вывеской с красным крестом, девушка сказала, что все это ерунда и палец совсем не болит.

В «Сим-Симе» на Васильевском им не понравилось, и машина еле успела проскочить разводящиеся мосты. Они остановились у Зимнего дворца, выпили по баночке джин-тоника и поехали в «Wild Side». Лысый просил показывать дорогу, в этом клубе он еще не был. «Wild Side» был закрыт. Девушка лысого вспомнила, что здесь, за углом, есть классное место, называется «Триумф». Когда они припар-

ковались и вылезли, парень присмотрелся к своей машине и спросил, а ровно ли она покрашена? Он всего несколько часов назад забрал ее из покраски. Суки со станций техобслуживания постоянно подмешивают в краску речной песок, а он не хочет, чтобы в краску на его машине был подмешан речной песок, не для того он платит сукам такие деньги, чтобы они, суки, портили ему корпус своим речным песком... Молодой человек никогда не слышал, чтобы в краску мешали речной песок. Перед его глазами скакали белые сказочные кони.

Клуб напоминал греческий театр. Столики ярусами уходили вверх, а на сцене кривлялись кривоватые плясуны на котурнах. В black-light казалось, что их лица поражены гангреной, а зубы желтые и нечищенные. Посмотришь в таком свете на свои джинсы, и захочется их выкинуть. Проносить алкоголь в клубы строжайше запрещено. Он знал паренька, который заливал бутылку водки в трубку от капельницы, обматывался ею под рубашкой и так проходил вовнутрь. В меню они обнаружили коктейль «Сперма бармена». Пить стали все-таки пиво, потом «Бифитер», потом парень сказал, что брейк-бит это его любимый стиль музыки, хотя даже дети понимали, что звучал не брейк-бит, а джангл. Лысый с ногами забрался на стул и стал танцевать, но охранник сказал, что сейчас выгонит всех четверых, и ему пришлось слезть.

Он так и не спросил, как звали парня. Девушки иногда выходили в туалет и возвращались с загадочными лицами. Рейверша прошептала на ухо, что у нее «есть с собой», и если он хочет... Его никогда не трогали ужимки типа отрывистых фразочек шепотом или опущенных долу глазок. Впрочем, уже после пятого глотка алкоголя все менялось. Потом родилась идея сделать групповой секс. Едва родившись, идея умерла, но они все равно собрались и поехали к лысому в гости. По дороге тот кого-то подвозил, и пассажиры расплачивались с ним тоже алкоголем.

В лифте парень нажал кнопку последнего этажа, а когда все вышли, своим ключом отпер железную дверь в стене. Они поднялись на несколько металлических лестничных пролетов. Девушка сказала: «Wow!» Они стояли на залитой черным крыше. Небо уже светлело, справа был виден Финский залив. Кое-где горели окна, над домами орали голодные чайки. Их лысый друг жил в настоящем пентхаусе. Внутри имелась мебель, телевизор со спутниковой антенной и краденый телефон.

У них не было группового секса, у них был самый обычный секс. Если вы думаете, что молодой человек расстроился, то зря. Засыпая, он слышал ругань чаек. Наконец-то он жил так, как всегда хотел.

Говорят, еврейские девушки как-то особенно любят делать секс. Не помню, я говорил, что она была именно еврейской девушкой? Они перепробовали все, даже S & M. Они любили делать секс в неожиданных, не приспособленных для этого местах. На столе в баре «Игуана», на ступенях едущего эскалатора метро, под разведенным Литейным мостом и на диване в опочивальне Павловского дворца...

Ему казалось, что такого, как у них, нет ни у кого. Как-то он рассказал знакомому фотографу, стеснительному парню из провинции, что делал секс на концерте «Dereche Mode», прямо во время песни «Construction Time Again». Парень ответил, что «Депеш Мод» это хорошо... и «Констракшн»... как там дальше?.. тоже неплохо... но пробовал ли ты делать секс в электричке, субботним летним утром идущей на зеленогорские пляжи?

В октябре они ходили в мексиканский ресторан «Senior Lopez». На шершавых стенах цвели акварельные кактусы. В центре зала перебирал струны колченогий мариаччи. Они ели куриные крылышки в белом, тягучем тминовом соусе, а пили водку, запивая ее пивом. Девушка говорила, что зря они это делают, но с ними был редактор небольшой газеты, который (скорее всего, из чистой вредности) настоял, чтобы все пили именно водку с пивом.

Потом редактор ушел. Они остались вдвоем. На улице им встретился знакомый алкоголик, живший в соседнем дворе, и молодой человек купил ему бутылку пива. Тут же набежали соседовы знакомые алкаши. Они были кадыкасты, черны от пьянства и экстравагантно одеты. Происходи дело лет двадцать назад, большие были бы модники. Алкаши неискренне улыбались и хотели, чтобы молодой человек купил алкоголя им тоже.

Они сбежали и решили пойти в «Континент». Вместо «Континента» они оказались в темном садике Мари-инской больницы. Наверное, начала сказываться водка с пивом. Он усадил ее на корточки и одновременно закурил сигарету. На его черных джинсах лежала ее белая рука с накрашенными ногтями. Сквозь лысую ограду ему были видны бредущие по Литейному пешеходы. Девушка ничего не сказала и ни разу не прервалась, но, встав и тыльной стороной ладони вытерев помаду, на целый час перестала с ним разговаривать. Они дошли до «Континента», потанцевали и классно

провели время, но ему пришлось очень постараться, чтобы вечер не закончился скандалом.

Это была единственная проблема: она терпеть не могла оральный секс. Бесилась от одного слова — «оральный». Если что ему и перепало, то будто исподтишка. Спустя еще месяц он за \$45 купил девушке зажигалку «Зиппо», которую она долго выпрашивала, и пошел в «Кастл-Рок» покупать ей кожаные джинсы. Продавцы в магазине принципиально называли клиентов на «ты». Сутулые молодые люди с марихуановыми веками просили «добавить пятерочку». У них были голоса — будто парней кто-то пытался придушить, и теперь им до слез себя жалко.

Выйдя из «Кастл-Рока», они оказались в сквоте на Пушкинской, 10. Лестница в сквоте была широкая, красивая, но последний раз ее подметали больше двадцати лет назад. Чтобы не упасть, она одной рукой держалась за его ногу под коленкой. Когда девушки садятся на корточки, они секунду медлят, а потом, всегда одновременно, закрывают глаза и особым, ни на что не похожим образом приоткрывают губы. Только что купленные кожаные джинсы скрипели при каждом движении.

По тогдашнему курсу он потратил несколько миллионов рублей, и ему казалось, что девушка захочет отблагодарить его за подарки. Он ошибался. Уйдя с Пушкинской, он долго поил ее кофе и кормил мороженым в «Роксане», за пару улиц от сквота. Добившись своего, он всегда чувствовал себя виноватым. Ему следовало обязательно подумать: стоит ли дело того, что потом последует?

Впрочем, со временем она стала очень недурна в этом смысле. Иногда ему приходило в голову, что он сделал ее следующему бойфренду роскошный подарок. Как и все девушки, она была идеальным потребителем рекламы. Стоило сказать, что это «нужно», «мы должны это сделать», «теперь это необходимо», и она становилась как жеваный баблгам. С какого-то момента он стал говорить, что оральный секс по утрам — это их традиция. Не было никакого повода так говорить... но каждый раз у нее становились прозрачные глаза. Он рассматривал, как, неудобно изогнувшись, она пытается исполнить свой долг. У нее дрожал желудок и пульсировала больная голова, но ведь традиции — это важно, правда?

Это срабатывало! Он опять оказался умнее и сильнее женщины. Она была настолько его, что нужды кокетничать не было. После оргазма ты открываешь глаза, и мир начинается заново. С той точки, на которой сфокусировался твой взгляд. Едва очнувшись от скачу-

Дых в глазах красных чертиков, он чесал нос, начинал стаскивать с **языка** прилипшую волосинку или зевать. Вы замечали, что подавленный зевок по звуку напоминает прорвавшийся стон страсти? Он отлично знал, как будет начинаться каждый абзац еще ненаписанных материалов. Нужно было срочно садиться за компьютер. Он что-то говорил, пытался вылезти, возвращался, снова вставал и злился. Ему хотелось курить... ехала бы она домой... и перекусить бы неплохо... когда я в последний раз перекусывал?.. Иногда она обижалась, чаще ничего не замечала. Я же говорю: он был умнее и сильнее.

Рецепт пятый

Лезгинка под «Киндзмараули»

А еще у них была любимая радиостанция: «Радио-Максимум». Пока он был с ней, это радио играло отовсюду: из окон домов, в фастфудах и магазинах. На концерты они тоже старались ходить только на те, которые рекламировали по «Максимуму».

Когда фестиваль «МаксиДэнс» проходил в Петербурге, молодой человек потанцевал и вышел из душного зала на улицу. Уже светало. Он побрел в сторону скрытого за деревьями забора и увидел, что рядом с забором лежит мертвый человек. На нем был старый, но чистенький пиджак. Если бы не мухи, облепившие его лицо, можно было решить, что немолодой мужчина лег передохнуть. Покурив, он вернулся в зал и почти сразу нашел на полу несколько крупных денежных купюр. Вообще-то ему редко удавалось чего-нибудь найти... а тут сразу и труп, и деньги.

Ближайшая ее подруга не выключала «Максимум» даже ложась спать. У нее были глаза, знаете... будто нарисованные на лице... будто она не смотрит вперед, а с усмешкой прислушивается к тому, что говорят сзади. Как-то они оказались у подруги вчетвером: с ними пришел коллега-журналист. Через полгода его расстреляют косо-вские сепаратисты. А тогда они мешали в бокалах водку с «Байкалом» и вполуха слушали MTV. Оглядев компанию — двое на двое, — он предложил сыграть в карты на раздевание. Подруга сказала, что ей все равно. Не веря в удачу, коллега сбежал еще за алкоголем и затянул мутную историю о том, как ездил в Иерусалим, не мог достать в субботу алкоголя и был вынужден купить у арабов гашиша.

После того как молодой человек стянул трусы, она сказала, что он свински растолстел. Все переместились на громадную подругину

кровать. Он на самом деле здорово прибавил тогда в весе. Наверное, это от пива. Коллега с подругой устроились с краю, а они вдвоем легли у стены. Девушка отпихнула его руки и сказала, что это скотство и ей противно. «Чего ты? Давай!» — шипел он. Тюленьё сопление коллеги начинало бесить молодого человека. Он уговаривал ее долго, может быть, целый час. Сколько он мог это терпеть? Он оделся, хлопнул дверью и ушел.

Подруга жила у самого Финляндского вокзала. Дошагав до громадного памятника Ленину, он остановился. На запыленных снегом скамейках спали бомжи. И тут до молодого человека дошло, что он — ушел. А коллега — остался... И она осталась... Они вдвоем остались... Он знал, что как-то коллега уже пытался залезть к ней под юбку. Девушка сама, смеясь, об этом рассказывала.

«Блядь!.. блядь! блядь!! блядь!!!» Картина показалась ему очень логичной. Он почти бегом рванул назад. Она открыла дверь и улыбнулась. Перегнувшись через порог, он сильно, не делая скидки на то, что она девушка, ударил ее в лицо. Она упала. Прихожая была маленькая, оклеенная желтыми обоями. Выскочивший коллега оттащил молодого человека в сторону, быстро оделся сам и увел его на улицу.

Ярость висела у него чуть ниже кадыка, но на коллегу он совсем не злился. Они выпили пива, подождали, пока откроется метро. Коллега жаловался, что за сегодняшнее ему немного неудобно перед женой. Мимо подсвеченного вокзала медленно и печально проезжали милицейские машины. Из ларька с шавермой слышалась восточная музыка. Потом коллега уехал. Какое-то время молодой человек сидел на скамейке и громко икал. Потом попробовал вернуться, но ему не открыли дверь.

С самого утра к нему зашел приятель Стасик. Молодой человек не выспался и встал — весь во вчерашних переживаниях. Стасик спросил, знает ли он, что сегодня в «Голливудских ночах» пресс-конференция «Скутера», поп-идола и звезды дискотек? Если вы не в курсе, то поясню. Ни один нормальный журналист не ходит на пресс-конференции работать. Люди, работающие в газетах, стремятся к эксклюзиву, а на пресс-конференциях информация выдается целой толпе журналистов, всем поровну. Так что по клубным «прессухам» ходят, в основном, прыщавые девушки из газет с невнятными названиями.

Когда они пришли, публика была в сборе, но организаторша пресс-конференции сказала, что поп-идол задерживается, она про-

сят прощения. Выйдя из «Ночей», он перешел Невский и поднялся на галерею Гостиного Двора.

Пол на галерее каменный, неровный. Ножки пластиковых стульев расползаются на нем — слишком мягкие. Из-за столов стереозвучком доносилось «Твъэдр-въё». Знакомый драгдиллер, изъездивший полстраны, уверял, что такой культуры пивопития, как в Петербурге, нет больше нигде. Если петербургского юношу зовут «поговорить», тот всегда понимает, что без пары кружечек не обойдется.

Денег после вчерашнего не осталось. Коллеги угостили его, а потом, решив, что так будет проще, дали немного денег в долг. Пиво в пластиковый стаканчик он наливал не до краев, а где-то на две трети. Дальше оно поднималось само, пыталось вырваться. Все вместе было похоже на хищную голливудовскую протоплазму. К пиву он купил китайского арахиса. Половина удовольствия от пива — это закуски. Плеснявые фисташки, чипсы с сыром, иногда сметки. Без них уже к пятой-шестой бутылке напитки забулькают выше ключиц. Во рту встанет горький привкус. Пиво требует закусок больше, чем даже водка.

Через два часа он снова зашел в клуб. «Скутера» не было. Со всем вечером он вернулся в «Голливудские ночи» третий раз. В туалетах «Ночей» стоят аппараты по продаже презервативов. Продаваемое изделие почему-то названо в привинченных инструкциях «гондоном». Группа так и не приехала. Организаторша извинилась и раздала журналистам приглашения на концерт. Стараясь не заплетаться языком, он спросил что со «Скутером» на самом деле? «Пьют, козлы», — сказала организаторша. На галерею после этого вернулись только пара журналисточек (одна, как обычно, очень прыщавая), молодой фотограф из Западной Украины и девушка, которую все называли Папарацци.

Она носила потертую кожаную куртку и высокие армейские ботинки. До трех часов ночи носилась со своими сменными объективами, пила пиво со всеми, кто угощал, и выкуривала две пачки сигарет в сутки. У нее было трое детей, все мальчики, плюс две собаки и, если не ошибаюсь, три кота. Заботилась вся эта компания о себе сама. Старший мальчик о среднем, средний о малыше, а чем питались кошки и собаки, я не знаю. Возможно, тоже помогали друг другу.

Папарацци спросила: собирается кто-нибудь смотреть «Скутера» или как? Внизу, по Садовой, дребезжали трамваи. Западный украинец спал, положив лицо на грязный стол. Молодой человек засомневался, стоит ли будить парня, но Папарацци сказала, что

ему еще работать, так что пусть встает. Самое неприятное в питии алкоголя с утра — вечеринка может кончиться не начавшись. Выпили по кружке, ощутили кураж и решимость, загалдели, а потом посчитали деньги, вспомнили о делах и разошлись. Остаться одному, выпив алкоголя, это жутко. Куда он мог пойти? Смотреть расползающийся в глазах телевизор? Гадать, позвонит она или не позвонит?

Перед «Скутером» фотографам нужно было заехать в «Полигон», шелкнуть концерт рок-дивы Насти Полевой. Украинец вылез на сцену и даже повел «Никоном» в правильном направлении. Наверное, сориентировался на голос. Парень имел на Папарацци виды, старался не расклеиваться. Когда та сказала, что неплохо бы выпить еще, он тут же вытащил из кармана купюры и отдал их молодому человеку. Правда, предупредил, что расходиться не стоит: следующие гонорары не скоро. У него были железные передние зубы, по-мефистофелевски загнутые вперед мочки ушей и один глаз здорово косил. Что, интересно, он видит им в окуляре?

Молодой человек дошел до кулис и познакомился там с другом Насти Полевой, а может, не другом, может, паренек просто так там стоял. Друг сказал, что ему хочется пива, а денег нет и предложил рассказать анекдот: «Если ты его знаешь, я отваливаю, если нет, ты дашь глотнуть из своей бутылки». Молодой человек сказал, что и так даст глотнуть. Обрадовавшись, друг сказал, что у него с собой отличный гашиш, а молодой человек спросил, нет ли у него вместо гашиша отличной девчонки, к которой можно было бы поехать в гости? Когда украинец задал вопрос, сколько осталось сдачи, молодой человек опустил пьяные глаза. На «Скутера» он с Папарацци поехал лишь вдвоем.

Концерт задерживали уже на два часа. Милиционеры в бронежилетах были на грани истерики. Еще немного, и в ход пошли бы саперные лопатки. Однако Папарацци умела решать вопросы. Толпу она раздвинула острым плечом — «Пресса... Мы пресса... Пропустите прессу...» — а милиционерам улыбнулась. Их пробовали не пустить, но она лизнула языком кончик носа, длинными пальцами обхватила телевик и, глядя милиционеру в глаза, нежно выдвинула-задвинула его. Почувствовав приступ фрейдистского удушья, молоденький офицер пропустил их внутрь.

Они сели в служебном буфете. За столом напротив сидел седой семидесятилетний тип в кожаных джинсах. С чего взялась идея, будто после концерта Папарацци должна ехать в гости к молодому

человеку, не понял он ни тогда, ни наутро. Спустия сорок минут он услышал рев толпы и вопль «Fire-e-e-e-eee!!!». Своротив со стола бутылки, Папараци вскочила и, на ходу вытаскивая из кофра камеру, побежала тускло освещенным коридором в сторону зала.

Перед этим в зал пытался выйти он. Дошел только до первой цепи милицейского контроля. Там стоял жирный постовой с глазами цвета стухшего мяса, а под глазами у него были большие мешки. Персонажей, одевавшихся как молодой человек, постовой не любил. Ботинки на толстой подошве... тишотка с перекошенной мордой... кофта с остроносым капюшоном... «Попадешься еще раз, выгоню к едрене-фене, понял?» Так что теперь молодой человек старался от Папараци не отставать. Загораживая дорогу спиной, та забралась по металлической лесенке и резво выпрыгнула... на сцену. Сцена была залита светом, а еще дальше яростным многоголовым животным бился переполненный зал.

Пьяный, беспомощный, он остался, шатаясь, стоять на лесенке. Рядом замерли бодигарды в пиджаках и немец-звукотехник. Под рукой он ощущал ржавый поручень и на всякий случай сжимал его крепче. Не хватало только выпасть под ноги звездам дискотек. Перед лицом колыхалась затянута в буро-зеленые штаны задница «скутеровского» клавишника. С такого ракурса концерт смотрелся своеобразно. В паузах между песнями клавишник делал шаг в темноту, и его рвало прямо на кулисы. Парня скрючивало, он задыхался, и мало чего выливалось из его мокрого рта.

Выбравшись из Дворца спорта, молодой человек поймал такси, купил еще алкоголя и оказался вместе с Папараци у себя дома. Кстати, вы не знаете, где он взял денег? Первый раз за два дня он поел и уже на кухне стащил с Папараци джинсы. На столе остывала тарелка с ее китайской лапшой. Если ЕГО девушка не появится, думал он, если после вчерашнего у них ничего не будет, он станет спать с Папараци. У нее интересная работа и трое детей. «Она любит детей, и я тоже люблю, мы могли бы быть неплохой парой, почему нет?»

После кухни они переместились в его неприбранную комнату. Когда по «Радио-Максимум» заиграла «You Unbelievable», она, подстраиваясь под музыку, изменила ритм... дура. Приемник орал всю ночь и разбудил его еще до полудня. Папараци ужасно пахла. Эта ночь была ни капельки не похожа на те... предыдущие.

Впрочем, скоро все опять стало хорошо. Разумеется, они помирились, они снова были вместе, все продолжалось.

Тост второй,

произносимый обычно хозяином дома

Старики рассказывают, што жыл на свети джыгит, любивший сваю нивесту так, как никто ни любил сваих нивест да ниво. Но радители нивесты были против их свадьбы, и горячий джыгит украд сваю нивесту, пасадил иё на сваиво скакуна и умчался в горы. Так рассказывают старики...

Ы усы джыгита были чирны, как Чорнае море, а иво сабля была астра, как приступ апиндицита. А ниве-ста джыгита была красива, как маладая винаградная лаза, и пуглива, как горная лань. А конь джыгита был просто конь. Ы скакали ани день и ночь, ы ищо день и ищо ночь, а патом прагаладались. Ы увидел джыгит, што на виршыне самой высокоай гары стаит горный казел, и, не астанавливая каня, на скаку сарвал с плича ружье и стрельнул в горнава казла, но прамахнулся.

«Вах, какой казел!» — сказал джыгит. Астанавил сваиво резвава скакуна, вытинул руку с ружьем и выстрилил в казла ищо раз, но пуля апять пралитела мимо. Удивился джыгит. Никагда он ни видел, штобы иво меткое ружье прамахивалось два раза подряд, ни знала промаха иво рука, верная, как друг ындейцыв. Он ссадил нивесту с каня, прицэлился и — ба-бах! — разнисло горнае эхо звук иво выстрила, но ни один мускул ни дрогнул на лицэ горнава казла. «Харошо жэ, торный казел! — вскричал тагда джыгит, — Никто ищо ни уходил ат иво выстрила, точнава, как ни бровь, а глаз! И ты ни уйдош!»

Джыгит спрыгнул с коня, лег на горнай трапе, извилистай, как змия, прищурил глас, верный, как слово призидента-шмазидента, и нажал на курок. Но ни даждавшись, пака пуля сразит иво, горный казел ускакал па склонам Кавкасскава хрифта. Ни приготовил джыгит шашлык для сваей вазлюблюной ис этава казла, и ана умирла ат голода, а патом умир и сам джыгит. Последним умир конь. Иму ни нужын был шашлык, конь умир просто за кампанию.

Так наполним жэ, дарагие гости, наши бакалы и выпьем за то, штобы никагда в жызни ни встричались на нашэм пути такие вот казлы!

3. Горячие закуски

Рецепт шестой

Закуска «Новогодняя»

Все началось после того, как они вернулись из Швеции. Они разъехались по домам, переделались во все новое, только что распечатанное. Она зашла к нему в редакцию и долго хвасталась коллегам еще мокрыми фотографиями. Вот мы на гигантской американской горке... а вот кормим акулу в музее «Аквария»... акула, между прочим, живая... а это мы у королевского дворца...

Раз она все равно зашла, он решил куда-нибудь ее сводить. Они уже год были вместе, все было сто раз испытано. Если честно, молодой человек чувствовал себя разбито. Предыдущую ночь они без конца проходили то паспортные, то таможенные контроли. Он почти не спал. На улице висела духота, а с самого утра ему нужно было на работу. Когда девушка начала говорить, что он уделяет ей мало внимания, целыми днями болтается с приятелями по барам, а она, возможно, беременна, молодой человек ухватился за повод и с удовольствием с ней поругался. Она позвонила матери, та на машине приехала ее забирать. Потом он часто вспоминал девушку, стоящую на пороге его квартиры. Серая шведская футболка с лосем. Голубые джинсы. Кожаные туфли «Ти-Джей», которые он купил ей в Москве...

Людям необходимо орать и отдыхать друг от друга, но зачем из-за этого расставаться насовсем? У них система примирений была отработана. Иногда они даже заранее договаривались, кто будет первым звонить после следующей ссоры.

Она позвонила очень не скоро. Позвонила сказать, что уезжает на Черное море. Болгария, Греция, Стамбул... Он прижимался лбом к холодной стене. «Зачем ты уезжаешь?! Мы только что приехали из Скандинавии, ты мало отдохала?!» Она сказала, что вернется через три недели... будет писать. По Мойке гоняли флибустьерские катерки. На Марсовом поле, обмахиваясь газетами, сидели старички. Дети кормили уток и лебедей. Он просыпался, пил черный, очень сладкий кофе. ел мюсли. По дороге на работу покупал немного фруктов, вечером мог выпить пива. Куда-то ходил, с кем-то разговаривал. Но на самом деле он ждал.

Общаться с ее еврейской мамой не хотелось, и в день приезда звонить он не стал. Она тоже не позвонила, и с утра он побежал в

«Лениздат». По дороге встретил коллегу, который с похмелья потел и пил пепси из жестяной баночки. От нечего делать он спросил, где тот был вчера, и парень сказал, что вчера был с ней... с той, которую он ждал. Большой компанией они ходили в «Корсар», играли в бильярд. Все здорово напились, и уехала она с каким-то ковбоем...

Он, не торопясь, вернулся домой. Принял душ, дошел до своей редакции. У него внутри была челюсть, состоящая из десяти тысяч зубов, и эти зубы разом поразил страшный кариес. Ему вспоминались ее глянцевые, из лакированной кожи ботинки «Доктор Марте-не». Они купили их в Хельсинки, во дворе универмага «Stockman». В нос у продавца была вдетя сережка, а к плечам свисали по-растамански заплетенные косички. Воспоминания о ботинках вызывали ощущение ужаса. Разумеется, она станет их носить. Только теперь рядом будет идти уже не он... Может быть, «какой-то ковбой».

Тем вечером ему предстояло работать. Лезть в обесточенный тоннель метро и писать об inferнальной жизни Петербурга. Чтобы он смог попасть в туннель, администратор его редакции чуть не месяц ходила по инстанциям, подписывала кучу бумажек. Отменить поход было невозможно. С фотографом он встречался в без пяти полночь на «Технологическом институте». Шатаясь и кренясь, он спустился по лесенке на нижнюю станцию и попробовал отыскать фотографа. Замечали ли вы, что, когда степень опьянения подходит к критической, двигать глазами по сторонам становится больно?

Пока не рассосутся последние пассажиры и не отключат ток, молоденькая дежурная в синей униформе стала поить их с фотографом чаем. Наливая заварку, она как-то странно на него посмотрела. Скорее всего девушку просто удивило, насколько он пьян, но тогда все на свете говорило ему о сексе. Как только они с дежурной остались наедине в неосвещенной части туннеля, молодой человек тут же полез к ней под юбку. Вокруг было пыльно и грязно, он старался не прислонять дежурную к стенам. Пышная, она вздрагивала и жарко шептала, что их увидят. Скоро из туннеля вернулся фотограф. Сопровождать прессу на отдаленные, совсем темные перегоны дежурная после этого отказалась категорически.

Утром его выпустили наверх. Он прекрасно знал, что нужно делать. Нужно сейчас же ехать к ее дому и краской написать под окнами, что все ковбои — козлы. Она проснется, раздернет занавески, увидит эту надпись, и все снова станет нормально. Небо висело как старое одеяло: все в ярких дырочках. Асфальт корежился под ногами выбоинами и ямами. Зажмуриваясь, он рубил воздух кулаками и

скрипел: «Б-б-бля-я-ааа-дь!» Он даже придумал, где в полшестого утра купит краску: на круглосуточных станциях техобслуживания. Должны же они чем-то красить поцарапанные ночью машины? Когда в полдень он проснулся дома, то понял, что пить бесполезно. В таком состоянии организм испарит любое количество алкоголя.

Нашел он ее спустя несколько часов, перехватив по пути на работу. Он потребовал, чтобы она немедленно все объяснила. «Что объяснила?» — удивилась девушка. Она загорела и была невыносимо желанна. Днем они сидели в «Резвом пони». На столе горела маленькая свечка. Она говорила, что классно покупалась и привезла ему из Стамбула подарки. Сережку с черепом и два CD любимых U2. Вечером они поехали в «Бильярдную-В-Стиле-Блюз». Он терпеть не мог бильярд, но, предложи она не то что сыграть, а, например, не жуя проглотить живую гадюку, он бы уступил даме. Ночью он начал вспоминать какая она... какая она на ощупь и на вкус... как она движется, чем пахнут ее черные волосы.

Паранойя запускала сладкие коготки в его затылок. Сперва он вспоминал... все равно что... просто о ней. Больной мозг начинал растить вокруг этой песчинки жемчужину сумасшествия. По мельчайшим намекам ему предстояло понять, что же происходит НА САМОМ ДЕЛЕ. Вспомнить слова, странные взгляды, каждую нестыковку в ее рассказах. В голове проносились картины, заставлявшие терять сознание. Когда дальше расти было некуда, это рвало его голову на куски. Он прикуривал пятую сигарету от догоревшей до фильтра четвертой и наблюдал, как дрожат пальцы.

Эту, вторую по счету, осень они без конца ругались. Наверное, он был невыносим. Незадолго до Рождества поругались очень серьезно. Он ждал, что девушка позвонит, но она не звонила. В прошлый Новый год они пили вино, нюхали кокаин, поехали с приятелями в «Клео» и под утро палили в сторону проезжающих машин из помпового ружья. Он надеялся, что так же славно все будет и в этот раз. Но она не звонила, и 31 декабря он позвонил сам. Она сказала, что он может заехать к ней на работу. Молодой человек оделся и побежал.

Неделю назад он уже покупал ей подарок. Громадную плюшевую Пинк Пантеру и ее любимые духи. Но потом все продал и на эти деньги купил себе алкоголя. Так что теперь бегом добежал до ювелирного магазина и выбрал для нее золотое колечко с бриллиантом. Тротуары обледенели, подо льдом чернел асфальт.

К тому времени она уже работала на своего Политика. Ее офис располагался в роскошном правительственном здании. Он поймал

машину. За рулем сидел негр, настоящий негритос из Африки. Молодому человеку пришлось пальцем показывать дорогу. Как только он ездит, когда в машине нет пассажиров? Через двадцать минут молодой человек уже стискивал ее, прижимал большой грудью и хрупкими плечиками к себе. Платье у девушки на животе было прожжено сигаретой. Кто и что делал с сигаретой в зубах возле ее живота? Прямо в здании, скорее всего битком набитом «жучками» и скрытыми камерами, он завел ее под лестницу, усадил на выступ в стене, задрал прожженное платье, чуть сдвинул в сторону трусы...

На палец ей он надел колечко. Странно, размер удалось угадать до миллиметра. Она сказала, что в Новый год они будут вместе. Она познакомит его с подругой Яной, которая работает здесь же, в правительственном здании, и они поедут к подруге в гости. Он услышал это и стал легким, невесомый, счастливый. Позвонил приятелю и отправился в «Лиссабон» выпить.

Местечко было brutальным. Массовую драку здесь он видел только однажды, но дизайн бара сразу настроивал закатать кому-нибудь промеж рогов. Каждый раз, поднося руку с бокалом ко рту, он чувствовал запах, похожий на аромат сациви, и от этого алкоголь казался ему водой. Липкий, мокрый, первобытный, с головой засасывающий запах желанной собственной женщины. Правда, она сказала, что уже после полуночи в квартиру Яны, возможно, заедет Политик и ему, возможно, придется переждать в каком-нибудь клубе... но это ненадолго.

У приятеля планов на Новый год не было, и он пригласил его с собой к Яне. В пол-одиннадцатого они, все четверо, уже сидели за столом. Иногда он уводил девушку в дальнюю комнату и прямо у порога поворачивал к себе спиной. Он говорил, что этот секс как бы последний прошлогодний... а этот первый в наступившем году... а этот — второй... Тяжело дыша, она садилась на край постели, натягивала чулки и говорила, чтобы молодой человек шел сюда, она его поцелует, потому что он просто р-р-роскош-ш-шный любовник. На краю мироздания работал телевизор... А потом приехал Политик.

Вернее, нет, сначала он позвонил. Политик сказал, что выезжает, и девушка заторопилась, записала молодому человеку телефон Яны, по которому он должен звонить, спросила, где он будет, не дождалась ответа, сбегала за чем-то на кухню, снова спросила, вытолкала его за дверь и сказала, чтобы без звонка он не приходил. «Кто к ним должен приехать?» — спросил приятель, которого вытолкали следом. Молодой человек назвал фамилию Политика, и приятель

сказал: «Ничего себе!» Отъезжая на такси, они успели заметить, как у парадной останавливается машина с мигалкой на крыше.

Пересидеть они решили у знакомых девушек. В гостях он быстро заскучал. Мужчин, кроме молодого человека с приятелем, не было, и он понимал почему. Ничего была только хозяйка квартиры. У нее были роскошные, ниже талии, каштановые волосы. Они выпили привезенное с собой вино и уже на деньги девушек купили еще. Поглядев на часы, он решил, что Политик скорее всего уехал. Набрал записанный на бумажке номер. «Еще здесь», — сказала она, прижав трубку к самому рту.

Еще спустя час девушки, встав в кружок, танцевали под Алену Апиу. Дамы теряли равновесие, приятель кокетничал с длинноволосой, молодой человек пил алкоголь. Политик не уезжал. На кухне молодой человек объяснял кому-то, что такое «ветви власти». Над раковиной висела доисторическая газовая колонка.

В пять он решил, что звонит последний раз — сколько можно? Политик был там и в пять... и в шесть... и в полседьмого.

В семь утра в комнату заглянул приятель. Весь вечер тот ухаживал за хозяйкой — девушкой с замечательными волосами. Он подливал ей в бокал все, что мог отыскать, пил на брудершафт, изобретал немислимые тосты. Дожав-таки, потащил выскальзывающее тело в спальню. Радостный, снял брюки, задрал девушке юбку, и в этот момент с красавицы свалился парик. Что было под париком, он так и не признался. Они вышли в коридор, и, дыша водкой, приятель попросил, чтобы они ушли отсюда. На улице по-прежнему шел снег. Он взял дома денег и поехал к Яне. Забирать свою девушку. Увезить к себе, укладывать в постель, целовать замерзшие длинные ноги.

Когда она открыла дверь, у нее был не живой, остановившийся взгляд. Она была пьяна так, как он не видел ни разу до этого. Она что-то говорила, продолжая начатый еще внутри разговор. Плечом оттерла его от двери, спустилась на лестничный пролет, попыталась прикурить, но не могла попасть в огонек зажигалки. За поручень она держалась обеими руками. На черных ступенях белели разводы мочи. Она не знает, сколько это будет продолжаться. Политик гоняет охранников за виски, сгонял уже три раза и все выпил, а ей приходится пить наравне с ним. Она больше не может это вынести. Молодой человек велел ей одеваться, но девушка решительно замотала головой. «Ты что!.. Я не могу!.. Тебе придется ждать...»

Знакомый ее Политика как-то выпил перед заседанием коньяку, встретил молоденькую секретаршу, только устроившуюся в прави-

тельственное здание, и молча поволок в кабинет. Секретарша вырывалась, и он ударил ее кулаком в лицо. Разбил губы, повредил передний зуб. Раньше мужчина был флотским офицером, бить в лицо умел качественно. Газеты боялись про это писать, но об инциденте все знали. У ловеласа были потом какие-то неприятности, и молодой человек долго над ним смеялся.

У нее на спине, выше ягодиц было светлое родимое пятно. Иногда, глядя на него, он представлял, что она спит со своим Политиком. Что этот раздувшийся омерзительный тип тоже знает про пятно. Это возбуждало его. Но ведь это была игра!.. Э!-то! бы!-ла! иг!-ра!..

Уже светало. Он съездил домой, посмотрел так и оставшееся безымянным кино и снова позвонил. «Забери меня отсюда!» — заорала девушка, и он в одной рубашке выскочил на улицу. Опухший после новогодней ночи водитель с трудом удерживал руль в руках. Когда молодой человек сказал, сколько платит, тот тут же мобилизовался. Иногда ему казалось, что машина все-таки взлетит.

Она открыла дверь и снова оттеснила его вниз по лестнице. Он успел увидеть лежащие в прихожей мужскую норковую шапку и дорогие перчатки. Глядя расширенными зрачками и не видя его, девушка сказала, что не может сейчас уехать. «Но ты же просила тебя забрать!» — орал он, а она пожимала плечами и говорила, что не могла этого сказать, он что-то путает. Она захлопнула дверь, а он вышел в рубашке на улицу. Внутри у него все превратилось в клочущее желе.

Он все-таки забрал ее. Затолкал в такси, увез к себе. Она роняла из пакета свертки и четыре раза спросила, сколько времени. Когда он сказал, что два, задрала брови над невидящими глазами — всего? «Два дня», — сказал он. На улице было холодно, и он замерз. Уже на подходе к дому девушка сказала, что не сделает больше ни шагу, пока он не купит ей пива. «Какое пиво? Посмотри на себя...» — но она орала, что хочет пива, и ему пришлось сходить в магазин, купить бутылку «Балтики». Она зажала ее в руке, отхлебнула, прошла несколько метров и, посмотрев на него совершенно трезвым взглядом, сообщила, что придется вернуться: мы забыли купить пива. Дома он своими руками, как ребенка, долго раздевал и укладывал ее в постель. «Я хочу тебя!» — потребовала она, протянула руки и заснула. До самого подбородка у нее была размазана помада.

Похмелье мучило ее не один день, а три. Он на руках носил ее в ванну, мыл ее тело. Она обессиленно зажмурировала глаза. Он видел,

что она вся еще там, в Яниной квартире. По утрам он поил ее холодным кефиром, а третьего января пошел провожать домой.

«Каким же будет год после такой новогодней вечеринки?» — думал он, возвращаясь домой.

Рецепт седьмой *Немного сырого мяса*

Когда он видел, как его приятели знакомятся с какой-нибудь девушкой, а через неделю та переезжает к новому бойфренду жить, то искренне не понимал — почему? Она стала жить с ним потому, что он — вот такой? Ой, не верю я в сказки. Свою девушку молодому человеку хотелось намертво привязать к себе тысячью ниточек. Общими словами, привычками и воспоминаниями. За те два года, что они были вместе, он, например, сводил ее во все национальные рестораны Петербурга.

Национальные кухни очень недешевы. Ему приходилось использовать служебное положение. Выбрав по справочнику заведение, где они собирались отобедать, он набирал номер и говорил, что собирается писать об этом ресторане. Хозяева интересовались, сколько это будет стоить, и он немного обиженно говорил, что не сколько. «Я не рекламный агент, я хочу дать читателю адекватное представление о феномене национальной кухни». Единственное, что для этого нужно, — может быть, продегустировать несколько блюд. Польщенный хозяин оттаивал, терял бдительность, говорил, что, коли так, проблемы нет.

Молодой человек звонил, и они шли ужинать к арабам в «Сальман», к немцам в «Warsteriner» и к индусам в «Тандур». В «Багдаде» их учили руками есть плов, в «Molly's» поили ирландскими коктейлями, а в «Измайловском Дворе» угощали крокодилятиной и акульим стейком. Главный плюс его ноу-хау состоял в том, что никто не обещал рекламировать ресторан, речь шла лишь о том, чтобы описать кухню. А раз так, то, что бы потом ни появилось в газете, финансовые претензии не принимаются.

Если девушка хотела, то в национальные рестораны они могли ходить и пять раз в неделю. В понедельник в «tex-mex» в «Невских мелодиях», во вторник в итальянский «Милано», в среду в канадский «Монреаль Стейк», и там пьяный хозяин выпивал с ними четыре бутылки самого дорогого виски. А в субботу он приглашал ее, например, в еврейское кафе «Жемчужина» на Васильевском. Она

была еврейской девушкой, но сказала, что разносолов, как в «Жемчужине», не только не пробовала раньше, но даже не слышала, что такие бывают.

Несколько раз он договаривался с плавучим рестораном «Океан», что те пригласят их на свою sushi-party. Добираться до «Океана» было сложно, они так и не собрались туда съездить. «Суши» — это японское блюдо из сырой рыбы с рисом, а суть «океанских» вечеринок состояла в том, что, заплатив \$30, вы можете весь вечер в неограниченном количестве есть это (эту? этот? эти?) суши и накачиваться шампанским.

Угостить ее чем-нибудь японским ему все равно хотелось и, на годовщину знакомства, он взял в библиотеке поваренную книгу, купил в магазине экзотической кулинарии за Московским вокзалом продукты и своими руками наготовил целый стол японских блюд. Он купил цветы и шампанское, и, когда девушка вошла в комнату, на столе уже горели свечи и ароматические курительные палочки. Вечером она сказала, что раз все так удачно складывается, то черт с ним, пусть сегодня будет его любимый оральный секс...

Китайские рестораны они обошли все. Первый раз китайскую кухню им удалось попробовать в Хельсинки. Ресторан принадлежал финским китайцам, им понравилось такое сочетание. В «Тянь-Ань», на Московском проспекте, их угощали «Хо-Го», любимым блюдом маньчжурских императоров. «Хо-Го» — это полоски сырого мяса, нарезанные толщиной в миллиметр. Перед каждым обедающим ставится котелок кипящей воды, вы по куску добавляете приправы и специи. Обмакивая мясо в бульон, доводите до кондиции и тут же едите. Запивали «Хо-Го» они китайской рисовой водкой. В тот вечер в ресторан с ними пошел приятель Миша. Он развлекался тем, что заставлял официантов пить с ним за Мао Цзедуна и всемирную победу культурной революции.

Приятель Миша в свое время был католическим монахом, жил в Польше, во францисканском монастыре. Собирался ехать служить в Сибирь. А потом ушел из ордена, сидит без работы и много пьет. Другой знакомый, тоже францисканец, ушел из монастыря еще раньше Миши, женился и успел сделать двоих детей. Чтобы прокормить семью, днем он бегаёт рекламным агентом, а вечерами работает барменом в клубе «Доменикос». Главное в любой истории, это не начало, а все-таки конец.

Почти сразу после их второго Нового года его пригласили съездить на турбазу в поселок с игривым названием Шапки. Это было

время, когда он не знал, чего еще придумать, чтобы девушка никуда не уходила. Когда он каждый вечер хотел одного: напоить ее до неспособности уехать домой, уложить рядом, всем телом прижаться к ней, трогать ее кожу. Пригласил коллега. В Шапках он обещал финские сани, сауну, танцы ночь напролет и очень недорогой алкоголь в баре.

Они поехали вчетвером: с коллегой была жена. Дешевого, а равно и дорогого алкоголя в турбазовском баре не оказалось. Водку пришлось покупать в сельском магазине. Она была разлита в высокие, узенькие бутылки из-под вина «Ностальжи» с одинаковыми черными этикетками. На некоторых было написано «Московская», а на других «Столичная».

После первого же глотка пахнущей ацетоном «Столичной» коллеги заснул, но в три часа ночи проснулся, избил жену и побегал за следующей порцией алкоголя. Шесть километров в одну сторону, через ночной зимний лес. Утром коллега врулил в дверь и, справившись с непослушными глазами, сказал, что, пока они спали, он обо всем договорился. Вместе с шапковскими колхозниками они идут в баню. Колхозники отличные ребята, их пятеро, ночью он с ними шил, и теперь все будут мыться вместе и голые — так веселее...

И все равно молодой человек был рад. Он катал ее на финских санках. На кособоком облезлом столе они играли в пинг-понг. Ночью они ходили гулять в лес и делали секс при луне, прямо на сугробе. Одеваясь, она спросила, не слышал ли он подозрительных звуков? Ей показалось, что неподалеку бродят злые серые волки. В соседнем номере был приемник, и ночью через стену им была слышна неплохая радиостанция. Единственная проблема — в санатории отвратительно кормили. Когда усталые, пахнущие хвоей, они через три дня подъезжали к городу, девушка спросила, нет ли у него мыслей насчет где бы поесть? Он вспомнил, что сегодня отмечают китайский Новый год и прямо с вокзала позвонил в «Тянь-Ань».

Вдали от родины китайцы стараются не растерять традиций и пышно отмечают национальные праздники. Особым шиком считается, если праздник посетит генконсул КНР. Когда они подъехали к «Тянь-Аню», большая консульская машина с флагом на капоте стояла перед входом. Фонари не работали, в темноте выли замерзшие собаки. А за дверью начинался настоящий, пахнущий пряностями Китай.

В толпе он отыскал Сашу Абакумова. Тот сказал, что ничего интересного они не пропустили. Скоро гости смогут вон в том аквариуме выбрать черенаху, из которой им в темне приготовят жаркое.

Все посмотрели концерт национального ансамбля. Тосты говорились по-китайски, но он верил, что за плохое выпить не предложат, и пил до дна. Китайцы развлекались караоке. Посреди вечера к микрофону вышел квадратный от взбугрившихся мышц мужчина. Хозяин ресторана представил его как чемпиона мира по ушу. Абакумов откинулся в кресле: «Хорошо, блядь, сидим... Едим, понимаешь, пьем... А чемпионы мира по ушу нам еще и песни поют...»

Блюдом вечера были пельмени, которые по традиции должна была готовить жена старшего за столом мужчины. Похожая на старую нянечку супруга консула провела весь вечер на кухне. Гостей было больше сотни, пельменей пришлось налепить огромный таз. Хозяин ресторана, рассмеявшись, что-то крикнул, и гости принялись чуть не руками хватать пельмени. Молодой человек тоже протянул официантке тарелку. Пельмени напоминали магазинные равиоли. Энтузиазма китайцев он не понимал и спросил хозяина, почему все так себя ведут?

По-русски ресторатор говорил плохо, но все-таки объяснил. У них в Китае есть примета. Особая новогодняя примета. В три из нескольких сот пельменей они закатывают по целому арахису. Те, кому достанутся такие счастливые пельмени, могут загадывать желание. Оно обязательно сбудется, ведь это Новый год, вы понимаете, о чем я говорю? Девушка громко, на весь ресторан, рассмеялась. Все три ореха лежали перед молодым человеком на пустой тарелке. Об один из них он чуть не сломал зуб.

Сколько их было, этих пельменей? Никак не меньше десяти тысяч. В варочном котле их, наверное, перемешивали, а уж перед задачей перемешивали точно, он сам видел. Но все три ореха достались ему. Не верите? Честное слово!

«Я хочу на ней жениться... Хочу, чтобы она была только моей... Я устал так жить, устал бояться ее потерять... Пусть теперь все будет иначе... Пожалуйста...»

Рецепт восьмой *Гамбургер по-джигитски*

Второй по счету осенью их отношения больше не были легкими и веселыми. Ему без конца хотелось услышать финальные, все объясняющие слова. Он настаивал, требовал, она не могла понять — чего? Еще через мгновение они уже орали друг на друга. Ему было плевать, где это происходит — дома, в театре, на улице или в пабе.

Едва сдерживаясь, чтобы не залепить ей по физиономии, он эффективно разворачивался, уходил... пугался и замедлял шаг.

Он клокотал от ярости, но мечтал, чтобы она крикнула: «Стой!» Старался идти медленнее, кожей спины ловил малейший сигнал. Пусть не крикнет, пусть скажет шепотом, хотя бы подумает — он поймет! Дальше все будет супер, пусть она крикнет! Тоже эффективно развернувшись, она уходила в другую сторону. Уже в этот момент он знал, что будет дальше, на много ходов вперед.

Первые два дня все было о'кей. Когда его спрашивали о девушке, он усталым голосом говорил, что не собирается мириться... сколько можно?.. когда-то этому нужно положить конец... Люди вообще редко пускают собеседника дальше спрятанного за улыбкой лица. Проблемы начинались в тот момент, когда рогом упираться в работу ему надоело, а чем еще заняться, он не знал. Сперва он замечал, что слишком много курит. Покупал с утра пачку сигарет, а к обеду она кончалась. Разумом он еще не понимал, что происходит, но тело уже сходило без нее с ума.

По телевизору мордатый госчиновник рассказывал, как счастливо он прожил жизнь со своей госчиновницей, а молодой человек знал, что тоже мог бы прожить так... Он смотрел дешевые детективы и не понимал, зачем суеются эти логически мыслящие и накачанные парни, если они все равно живут без Нее? В чем цель суеяты? Стинг пел, что помнит каждый вздох... каждое движение... каждую чашку, которую разбила его жена Френсис Томелти, и молодой человек **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** знал, что он имеет в виду. А когда по радио передавали музыку, которую они слушали вместе, у него начинало рябить в глазах и тело под футболкой съезживалось, как печеное яблоко.

Уже на четвертый день, пустой от отчаяния, он бродил по квартире, представлял, что она сейчас делает, и был готов завывать. Он не мог работать, не мог выйти из квартиры, не мог есть. Извините за подробность, но у него расстраивался желудок, и за неделю он мог сбросить несколько килограммов веса. Он вспоминал все мыслимые приметы, прислушивался: не хочет ли Вселенная открыть какой-нибудь секрет? Руки дрожали. Он сутками сидел за компьютером и раскладывал пасьянсы. Если не разложится, загадывал он, значит, девушка позвонит сегодня... прямо сейчас... Он выигрывал у собственного компьютера громадные суммы денег, а она не звонила.

Он сидел в «Трибунале» и смотрел, как красиво танцуют высокие молодые люди. У них были модные стрижки, английские свитера и

мужественные линии подбородков. Наверное, сейчас она тоже где-то сидит, смотрит на таких же ухоженных самцов и понимает, что он для нее — не лучший на свете, как она лучшая для него. В их вторую осень он был категорически не уверен в себе. Чувство было мерзким, как стыдная резь при мочеиспускании.

От ужаса он даже зажмурился и стал заказывать самый крепкий алкоголь, сразу помногу. Ему казалось, что он не сумеет напиться. Спустя мгновение он ехал с двумя узбечками в общежитие на Васильевском острове. У узбечек были торчащие вперед зубы и одинаковые глупые лица. Сперва ему было плевать, но потом он все-таки сбежал, стал ловить такси, а остановился троллейбус. Вы когда-нибудь ловили на ночной улице троллейбус? Он ехал один в этом огромном темном троллейбусе. За несколько улиц от дома провода кончились, и он вылез. Проснулся он все равно зажатый между двумя девицами, как котлета между гамбургерными булочками. Выкарабкался на край узкой кровати и, чувствуя, что еще здорово пьян, закурил.

Сидя на ступенях эскалатора, он куда-то ехал, лица пролетали стаями. Он мог продать обручальное кольцо жены и на все деньги купить бомжам шавермы. Или наблевать на стол редактору, к которому пришел просить денежную работу. Он снова был ребенком, изучающим острые углы жизни методом сования пальцев в розетку. Считается, что в питии алкоголя с утра есть что-то криминальное. Как делать секс с сестрой или после сладкого есть суп и острое мясо. Нельзя, поспав лишь три часа, начинать день с двухсот граммов текилы в бистро у Московского вокзала. А он начинал и удивлялся — почему нельзя?

Человек пьющий с утра знает: опьянение приходит и уходит волнами. Уж мы-то с вами знаем ритм этого прибою! Первый глоток самый прекрасный, распускающийся в мозгу, как цветок орхидеи. Четвертая бутылка пива, после которой понимаешь, что к работе уже не вернешься, вечер посвятишь алкоголю. Двенадцатая бутылка, после которой кажется, что пьян смертельно и пора спать... и после которой лучше пить уже водку. Самые ужасные утренние глотки, когда никто уже не пьет из удовольствия, а ты думаешь только о завтрашней головной боли. По этому морю он доплывал приблизительно до Папуа — Новой Гвинеи. Но знал туров хейердалов, на счету которых несколько кругосветок за сутки. Главное здесь — доверие. Положитесь на алкоголь, и он вознесет вас к безднам, о существовании которых вы, проводя день на работе, а вечер у телевизора, никогда бы не догадались.

У него была знакомая, о которой он вспоминал каждый раз, когда слышал слова «одержимость бесами». Девушка выскочила за муж за известного в городе бандита, а мужа посадили. У нее было слегка поросячье лицо. Щеки словно собирались напрячься еще чуточку и сжечь-таки с лица вздернутый носик. Три раза в день она обедала в ресторане и вечером заказывала пиццу по телефону. А после еды каждый раз шла в туалет и совала два пальца в рот — берегла фигуру. Она спала с несколькими мужчинами в день, она единственная из известных ему девушек покупала мужчин-проститутток, но как-то призналась, что в перерывах между живыми партнерами подолгу и с удовольствием мастурбирует.

В погоне за удовольствиями она сметала все преграды. Правда, алкоголь знакомая терпеть не могла. Это было не ее удовольствие. Однажды он приехал к ней в Веселый Поселок и заснул, едва доковыляв до дивана. Она растолкала его и выставила на улицу. Выбрасывая следом куртку, знакомая сказала, что, если он хочет делать секс, она ждет его в любое время. Но пьяный чтобы он не смел ее беспокоить.

Последние деньги он перед этим заплатил за такси. Опьянение проходило, его бил озноб. Он подумал, что, может быть, сумеет уговорить водителя доехать в долг. Добрел до незнакомого ночного проспекта и, увидев фары, поднял руку. Когда, сунувшись внутрь, сказал, что ему нужно в центр, то с ужасом понял: это патрульная милицейская машина. Он хотел уйти, но милиционеры сказали, что все в порядке. В центр поехать можно, но сколько это будет стоить? Извинившись, он все-таки ушел.

Через десять минут к нему подошел мужчина в пиджаке и галстуке, но без ботинок, в одних носках. Он схватил молодого человека за руку и, заглядывая в глаза, спросил: не согласится ли он с ним выпить? У мужчины был тонкий профиль сумасшедшего. Он выслушал историю, почему мужчина ходит без ботинок, и, благодарный, тот заплатил за машину, которая отвезла его к разведенному мосту Александра Невского.

Мост сводили только через два часа. Он был не способен пешком идти несколько километров. Лбом он упирался в колени и всем телом дрожал. Пиво — это единственный алкоголь, который не согревает, а холодит. Напротив него остановилась машина, и оттуда несколько раз библикнули. Машина была сочно-красного цвета, вся — чувственно изогнутая. Сидевшая за рулем девушка, перегнувшись вправо, открыла дверцу и спросила долго ей ждать

или он все-таки залезет в салон? Сперва молодой человек решил, что они знакомы. Рассмеявшись, девушка сказала, что хрен-то там!

Она достала из бардачка начатую бутылку мартини-драй, и они сделали по большому глотку. По вкусу мартини напоминал рябиновый компот, которым в детстве его поила бабушка. Положив его руку поверх желтой трикотажной юбки, девушка спросила, чувствует ли он, какое впечатление на нее произвел? Он окончательно перестал понимать, что происходит.

К чему врать? Иногда ему приходилось сексом расплачиваться со старыми стервами, тональным кремом мажущими прыщи на скулах. Школьником он даже отымел искусственным членом 50-летнюю уродливую женщину, обещавшую отмазать его от армии. Войдя в роль растлительницы мальчишек, она сладострастно извивалась и что-то шептала на незнакомых языках. В шепотках ему слышались рывкающие команды прапорщика и грохот армейских сапог. Отчаявшись, женщина вложила ему в руку фаллоимитатор таких размеров, что он стал всерьез опасаться за ее жизнь.

Эта девушка была, конечно, вдрабадан пьяна, но она была молодой, светловолосой, смешливой. Они допили мартини, и он попробовал стянуть с нее трусы. Она сказала, что спешить незачем... она даст ему телефон, и они куда-нибудь сходят... а уж затем... Она умела роскошно целоваться. После того как мост свели, она отвезла его к самому дому.

Его ужасно тянуло набрать продиктованный телефон и посмотреть, что получится. Он мечтал, чтобы, гуляя, на них натолкнулась бы ЕГО девушка. Он выходит из освещенной неонам двери, за которой грохочет музыка, а под руку его держит фотомодельно-красивая блондинка. Он лениво скользнет по девушке взглядом, скажет «Привет, как дела?» и, не слушая ответа, сядет в машину. Он представлял, как станет встречаться с телезвездой, знаменитой теннисисткой, негритянской красоткой. Или порноактрисой — у него было несколько знакомых.

Он хотел, чтобы девушка знала: его СЛЕДУЮЩАЯ подружка будет лучше. Но, глядя вокруг, он с ужасом обнаруживал: нет никаких «лучше». Он продолжал пить и окончательно сходил с ума. Он хотел медленно и больно ее убить. Хотел отомстить, как в четырнадцать лет отомстил школьной подружке, уговорив ее переспать с парнем, у которого была запущенная форма сифилиса. Пусть она потеряет работу и не найдет другую. Пусть распродаст свои шелко-

вые лифчики и дорогие украшения. Пусть ее родители сдохнут, пусть она будет голодать и выть от одиночества.

Выдержка кончалась сразу после того, как кончались деньги. Перед этим он несколько ночей спал не раздеваясь, а футболки и носки менял от силы раз в неделю. Люди в трамваях и троллейбусах, встававшие к нему слишком близко, начинали морщиться и отходили. Придя домой в час дня, он долго смотрел в окно, пытался курить и прикидывал, что же сегодня за день недели. А потом звонил девушке сам.

Ему хотелось упасть на колени прямо у телефона, но ледяным деловитым тоном он выговаривал: «Привет, это я». Невыносимую секунду он ждал, что она ответит. От волнения у него отвратительно мелко дрожала верхняя губа. Он радовался, что видеотелефоны так и не были изобретены.

Он понимал, что завтра все изменится. Отоспавшийся, он будет пахнуть хорошим автешейвом, одет в хорошее нижнее белье и вежлив. Прикуривая сигарету, он обратит внимание, какой изящный у него маникюр, и непременно купит своему ребенку игрушку в самом дорогом универмаге города. Он станет уступать женщинам место в транспорте, будет пугаться громких голосов и избегать встреч с теми, кто видел его предыдущие дни. Небольшая дрожь в руках да слишком быстро пачкающиеся волосы — только это и будет напоминать о маниакально-депрессивном психопате, которым он был накануне. Но это будет завтра. А пока он идет встречать ее к метро.

У пешеходов гранитные плечи и жестокие глаза, а он оказывается самым незащитным в городе. Тревожный, он пытается вытащить из пачки сигарету, дрожащими пальцами ломает ее и ловит на себе взгляды коварных прохожих: «Что это с ним?» Мир рушится, все не просто плохо, все катастрофично. Он плюет на сигареты и дальше почти бежит.

Позади в руинах лежат дюжины дней, от которых остались только неправдоподобные воспоминания. Зато теперь значение имеют каждые пять минут. Откладывать ничего нельзя, он начинает стаскивать ее тесные джинсы в первой попавшейся парадной. У него не остается сил довести ее до дома, он очень спешит, ему плевать, что он будет чувствовать всего через несколько минут, у него нет вчера и нет завтра. Только ее мягкая грудь под руками и влажное дыхание слева над ухом... Зажмуриваясь, он думает, что, может быть, все действительно кончилось.

Рецепт девятый
Лобио-жлобио

Самые трудные времена он пережил в комнате, которую нашел на набережной Невы. Она считала эти времена обычными. Комната располагалась в коммунальной квартире, в которой обитало чуть ли не сорок человек. На потолке с прошлого века сохранились лепные ангелки. Из окна открывался вид на Петропавловку, и ночью они могли, не вылезая из постели, смотреть на разведенные мосты. Мимо окон катались расцвеченные гирляндами речные трамвайчики. Было слышно, как на них играет музыка.

Первый раз они остались здесь в начале сентября. Он работал редактором глянцевого журнала. Ресторан «Кэт» купил в журнале рекламную площадь и расплатился частично не деньгами, а приглашительными билетами. Два билета, каждый с оплаченным столом на двести долларов. Билеты должны были достаться читателям, угадавшим конкурсное задание. Призы в журнальных конкурсах никогда не доходят до читателей. Не забрал бы их он, забрал бы кто-то другой. За месяц до этого рекламная начальница вылечила зубы на \$2000, присвоив все призовые места в конкурсе, проводившемся стоматологической фирмой.

Они договорились встретиться на «Гостином Дворе». За два года, пока они были вместе, девушка ни разу не явилась вовремя. Он все равно пришел пораньше. Занял удачную позицию, стал ждать. Эскалатор как будто рвало людьми. У всех девушек на лицах были прыщи. Прошло десять минут... двадцать... сорок... Сорок минут было многовато даже для нее. Он вышел на улицу, выкурил сигарету. Мерзавка-память подкидывала тысячи моментальных фотографий. Не придет? Неужели не придет? Ладонь, в которой он держал цветы, давно вспотела. Он перебирал причины, по которым она могла не прийти. Причин не было... но ее тоже не было!

Прошел час. Ждать дальше не имело смысла. Он достал из кармана наушники плеера. Куда бы зашвырнуть этот кретинский букетик? Все в нем обрушивалось от горя... от ужаса... от отчаяния. И тут она появилась. Никогда он не ждал девушку так долго, честное слово! Почему она опоздала? А разве она опоздала? Во сколько мы договаривались? Как это в семь? Мы договаривались в восемь! Неужели в семь? Хм, глупо получилось, прости... Над ее головой висела реклама «Баскин-энд-Роббинс» с жирным розовым тортом в виде сердца. Ему показалось, что оно кровоточит.

Хозяин «Кэт» по совместительству являлся графом, председателем одного из городских дворянских собраний. В меню молодой человек обнаружил блюдо, обозначенное как «форель из карельских владений господина графа». Он заказал для нее самые дорогие сорта виски, а на десерт им принесли целый ананас, пропитанный изнутри взбитыми сливками. После ананаса он сказал официанту, что «теперь мы... э-э-э... пожалуй, теперь мы закажем-м-м...» Официант наклонился и прошептал, что четыреста долларов, которые были вписаны в пригласительные билеты, уже кончились. Но если они хотят продолжить за наличные... Он посмотрел на цены и поседел.

Пару дней назад ему в редакцию звонил Олег Алмазов, диджей «ЭльдоРадио». Его интересовало: если на обложке последнего номера журнала он увидел лицо Аллы Довлатовой, диджея «Радио-Модерн», означает ли это, что на обложке следующего номера может оказаться уже его лицо? И если означает, то не мог бы он встретиться с уважаемым редактором в клубе «Луна», где Олег ведет ночные шоу, и за бокалом «Джей-энд-Би» все как следует обсудить?

Довлатова появилась на обложке только потому, что заплатила своему пресс-секретарю, приятелю молодого человека, \$150. С Алмазова он тоже был не прочь получить денег. Но ради того, чтобы куда-нибудь пригласить девушку, он поставил бы на обложку не только лицо, а даже чью-нибудь задницу. Он позвонил в клуб. Олег был там и сказал, что будет рад их видеть. Тем более что сегодня у них «очень ви-ай-пи гость» и стриптиз будет улетный.

«Лунные» стриптизанки не просто стягивают с себя трусы и лифчики, их танцы — это искусство. У каждой девушки своя роль — «Строгая учительница», «Белый ангел», «Официантка», «Сорви-голова», — а в конце каждого часа на сцену выходит транс-сексуал с четырьмя женскими сиськами. Около двух ночи Олег взглянул на дверь и сказал: «А вот и наш гость». Сперва молодой человек не узнал сутулого мужчину дремуче-еврейской внешности, окруженного дюжиной бодигардов. Об этих гастролях уже два месяца орали все телеканалы страны, но не до телевизора было ему той осенью. Девушка громко сказала: «Блин! Неужели Копперфилд?» Самый знаменитый фокусник планеты сел за их столик.

Вокруг выстроилась вся дюжина телохранителей. Маг сидел за столом, весь в черном и почему-то не снимая перчаток. Ничего умнее, чем «Покажите фокус», молодому человеку не придумывалось. «Может, пойдём? Здесь становится скучновато», — сказала девушка. Публика, глотая слюни, смотрела на освободившиеся рядом с

Копперфилдом места. В машине он сказал девушке, что зря она так. Миллионы женщин по всему миру спят и видят, как бы хоть минутку посидеть рядом с человеком, который умеет летать и не исключено, что является инопланетянином. Она сказала, что воспитанные мужчины перчатки за столом обычно снимают.

Сентябрь в Петербурге очень странное время. Еще тепло, и ночи должны быть белыми, но уже осень, и после десяти на улице темно, как зимой. Не знаю с чего, но она вдруг заговорила о своем первом мужчине. Сказала, что это был ее муж... когда-то она была замужем... хотя... нет, не муж... зачем ей врать?.. это был совсем не муж... просто какой-то паренек... тогда она задалась целью лишиться невинности, вот и лишилась... где-то в гостях... Вы помните? Той осенью молодому человеку было тяжело... совсем ни к чему было говорить такие вещи. Он купил себе пива и еще до рассвета, а вы знаете, как рано светает в сентябрьском Петербурге, кончил в нее, которую знал уже год, ровно семь раз... Ну, может, вру, шесть... Все равно много. «Гадина!» — шептал он.

Они стали приходить в эту комнату. Вечером через двор выходили на Шпалерную и шли, например, в джаз-клубик «JFC». Директор клуба Феликс слишком уважал прессу, чтобы разрешать ему платить за напитки. Той осенью молодой человек тратил на нее и зарплату, и гонорары, так что в «JFC» они ходили часто. Прощаясь, Феликс каждый раз грустно говорил: «Приходите еще...»

Если же они с парадного хода выходили на набережную, то шли в сторону Летнего сада. Там нет ни одного магазина, и алкоголь приходилось тащить с собой. Зато, замерзнув, там можно было погреться у Вечного огня на Марсовом поле. По ночам на Марсовом поле бомжи продают романтическим парочкам цветы, подобранные с надгробий воинов революции.

Говорят, машину, которая в милиции составляет фоторобот преступников, сконструировал всего один человек, который всю жизнь смотрел на лица людей и классифицировал их глаза, овалы лиц, брови, подбородки... Смотреть на лица людей... молодой человек хотел бы получать деньги за такую работу. Ее лицо он знал слишком хорошо. Он даже пробовал это лицо рисовать. Он помнил каждую ее веснушку. Я ведь, по-моему, говорил, что она была невозможно красивая?

Последний раз они ночевали в этой квартире в ноябре. Девушке хотелось сходить на конкур, соревнования по верховой езде, и он аккредитовался на мероприятии. Посмотреть на конкур приехали даже члены шведской королевской фамилии. Чтобы сфотографи-

роваться на их фоне, она положила себе в сумочку камеру. Со стадиона они заехали к нему в редакцию. Там отмечали день рождения дамы, которая выполняла не до конца понятные обязанности, обозначаемые словом «офис-менеджер». У нее были длинные ноги и прыщи на длинном узком лице. Когда она улыбалась, то становилась похожа на плоскогубцы.

После полуночи наиболее крепкие отправились к даме домой. Собака-колли, собачьи волосы на коврах. Маринованные болгарские помидоры, рюмки из толстого хрустала. Едва выпив первую водку, он поволок девушку в ванную. Она шептала, что неудобно, нас заметят, но потом взяла сумочку — «Пусть думают, что мне нужно накраситься» — и нырнула за ним. Если вы помните, с собой у них был фотоаппарат, и в ванной офисменеджерской квартиры он первый раз сфотографировал ее голой. Девушка сказала, что это забавно, положила руку на низ живота и томно закатила глаза. Раскрасневшиеся, довольные, они вывалились из ванной, допили алкоголь и почти бегом отправились домой.

Той ночью он понял, в нем погиб порнофотограф, и пожалел о его гибели. Они делали секс почти всю ночь, на сколько хватило пленки. Он придумывал огромное количество ракурсов и позиций. Ему казалось, что этот раз будет последним, и он хотел, чтобы у него осталась память о Ней. Той осенью он постоянно боялся, что все вот-вот кончится.

Они проснулись в семь утра и тут же опять сплелись телами. Она чересчур бесстыдно для такой коммуналки стонала, и он пытался заглушить ее музыкой. Спустя час молодой человек почувствовал, что голоден. Он прокрался на кухню и украл с чужого стола банку рыбных консервов. От нее аппетит только разыгрался. Они вышли из дому и отправились в круглосуточное кавказское кафе «Риони». Щетинистый хозяин кафешки вечно сидит в дальнем углу, рассматривает клиентов, чешет живот и радуется каждой капающей копейке. Официантки в кафе выглядят так, будто сейчас предложат вам переспать.

Она покрутила камеру в руках: «Знаешь, а пара кадров еще осталась». Обе эти карточки они тоже потом напечатали. На первой, людоедски скалясь, девушка сидит перед тарелками с маринованными грузинскими перцами, крупно нарезанным лавашом и лобио. В горшочке дымится аджапсандали, на большом блюде истекают соком крупные куски шашлыка. Второй кадр — глаза у нее сонные и ленивые, а на последней тарелке лежат корки...

Сейчас похмелье у него бывает не реже, чем тогда, но это другое похмелье. Разлепив глаза, он смотрит на пустую стену напротив кровати, а потом снова надолго зажмуривается. Убивающие перегарные ароматы. Он лежит, слушает радио, шлепает на кухню, включает воду и долго, пока она стекает, смотрит в окно. Во дворе лежат несколько сожженных машин и бродят ужасные кошки.

Потом, сдвинув в сторону грязную посуду, он наливает воду в чашку и пьет. Вода все равно оказывается тошнотворно-теплой. Только после этого он говорит первые за утро слова. Чаще всего это бывают слова «Ка-ка-я-мер-зость...».

Тост третий,

произносимый обычно почетным гостем

Адин рас жэницына, жына джыгита, праснулась, пасматрела на часы и сказала «Вах!». Было полдисятава утра, а рибенка, сына джыгита и сына жыны джыгита, принимали в дэтский садик толька да васьми. Жэницына вскочила, схватила рибенка и бросилась лавить такси, а кагда приехала, паняла, что забыла дома деньги. «Вах!» — ищо рас сказала жэницына, а таксист сказал: «В милицию паедим, или как?». «Или как...» — ездахнула жэницына, высаживая рибенка из машины, а сама аставаясь внутри.

Кагда жэницына, жына джыгита и мама сына джыгита, вашла в садик, было ужэ девить часов. Воспитатиль сказал жэницыне: «Вы апаздали, што будим делать? Ни будим брать рибенка в садик или как?» Жэницына сагласилась, патамушта уже апаздывала на работу, а рибенка деть ей было некуда. «Или как, — сказала ана. — Толька пусь дэти не видят, ладна?» «Ладна», — сагласился добрый воспитатиль.

Иликак с воспитатилем прашло быстро, и жэницына, аблигчонно вздахнув, паехала на работу в тралебусе, но в тралебус зашли кантралеры, а дениг на билет у жэницыны с собой не было. Ани спрасили будит ана платить штраф или как, и жэницына подумала, што послитаксиста и воспитатиля лучшы, наверно, иликак, чем штраф и сказала «Или как».

Ана думала, что это все, но кантралерав было много, и, кагда жэницына пришла на работу, путь ей приградил вахтер. «Вах! — сказал вахтер. — Пака вы или-какствовали с кантралерами, начался рабочий день. Будим саставлять акт аб апаздании или как?» Што было делать бедной жэницыне, жыне джыгита? Ана не хатела, штобы на

~~уже~~ составляли акт. Она сказала: «Или как, только скарее, патамуш-
~~ка~~ вприди ищо главный ынжынер, и он можыт пиринисти мой от-
пуск на зимние время, зачем мне это надо, да?..»

Знайти к чиму я это гаварю? К таму, что мы, накануне, вытым си-
годня или как?

3. Горячие блюда

Рецепт десятый (кошерный)

Два шашлыка из свинины

«Занять бы где-нибудь сто пятьдесят бачков. Каждый день менять на еду и сигареты по три доллара и спокойно искать работу. А когда у меня будет нормальная работа, может быть, появится и девушка». — «Зачем тебе девушка? Посмотри на мою. Ей только пить да кокаин нюхать. А оплачивать все приходится мне». — «Кокаин я бы и сам понюхал. Только не спид-бол, а чистый кокс. От спид-бола в носу перегородки лопаются. Я рассказывал, как съел лимон, накачанный ЛСД, и проснулся уже в больнице?»

Лето кончилось. Бредя ночами домой, он подошвами наступал на пузырящиеся лужи. Утром вчерашняя грязь застывала коркой, а воздух казался пустым, будто его нет, и от холода ломило в ушах. Ветер шумел ветками высоченного, выше крыш, дерева. С него сыпались мертвые листья. Ветер смотрел на них со странного ракурса, оттуда, где летают птицы, одна из которых капнула на лучшую куртку молодого человека в тот момент, когда он собирался послушать про ЛСД и больницу. Когда на куртку капает птица, это верная примета, что скоро начнет везти в рулетку.

Их последняя осень началась с того, что городские власти задушили бандитское агентство недвижимости, спонсировавшее его журнал. Когда за дело взялись чиновники, бандиты оказались беззащитны, как дети. Искать новую работу нужно было. Он выяснил, что крупному казино требуется пресс-секретарь. Он-ливанием мирке массмедиа важно не кто ты, а как ты себя преподносишь. По телефону хозяин казино сказал, будто что-то о молодом человеке слышал, и предложил встретиться лично.

На следующее утро он погладил лучшую рубашку, завязал на галстук узел, и тут к нему зашел Попов, который сказал, что сегодня у его дочери день рождения, а он не видел дочку уже несколько

месяцев, последняя жена не разрешает ему встречаться с дочкой, и, может быть, если ты не занят, нам стоит выпить по чуть-чуть алкоголя, в честь дочкиного дня рождения, а то у меня что-то совсем мутно сегодня на душе. Было пол-одиннадцатого утра. С денежным мешком встречаться предстояло лишь через полтора часа. И идти до казино было всего ничего...

Когда к трем дня они доползли до «Money-Honey», то кружку с пивом он уронил и разбил. Чем ему всегда нравился этот клуб – подбором публики. Где еще, скажите, за двухместным столом станут вместе сидеть пузатый бандит, длинноволосый студент, рокабил в остроносых, как лыжи, сапогах и цыган с золотыми зубами, из тех, что грабят посетителей в Апраксином Дворе? В казино перед этим он заходил и даже договорился о чем-то с хозяином. Ума не приложу, о чем.

Ближе к вечеру они с Поповым пили крепленое вино, потом снова пиво. Потом сидели со знакомыми карманниками. Один из них заснул, свалился со стула и разбил себе лицо. Попов остановил такси, вытащил водителя из машины и принялся избивать посреди улицы. Потом они сидели у кого-то в гостях, и, швырнув тяжелую пепельницу, молодой человек разбил в квартире окно. Под утро была какая-то девушка, но, откуда она взялась и куда делась, вспомнить так и не удалось.

Впрочем, на работу в казино его взяли. Работать там было легко и интересно. Он видел, как за вечер рыжий мужчина с лицом язвенника проиграл \$80 000, стоял всего в метре от сцены, на которой посреди выступления умер от инфаркта клавишник ансамбля «Дружба». За работу в казино ему платили немного, но всегда вовремя. Честно говоря, молодой человек был жаден, хотя и не от природы, а от бедности. И все-таки... только поймите его правильно.

Много лет назад, вместе с приятелями, пятнадцатилетними купчинскими кобелями, молодой человек уговорил за деньги заняться оральным сексом случайную... непонятно откуда взявшуюся девицу. Он собирался сбежать от нее не заплатив. Но та попросила настолько смешную цифру, что, порывшись в карманах, он все-таки дал ей денег. Девица села в парадной девятиэтажки. Кто-нибудь один заходил в дверь, а когда он вываливался оттуда, внутрь шел следующий. Молодой человек заходил раза три и в перерыве даже успел сбежать домой перекусить. Под вечер в компанию затесался смутно знакомый пятидесятилетний уголовник. Когда девица вышла из парадной, было уже темно. Накрученный вокруг шеи шар

был заляпан сопливыми сгустками. Она вытерла усталые губы.

«Ну что, желающих больше нет?»

Те несколько недель, что он работал в казино, ему постоянно хотелось задать этот вопрос: «Желающих больше нет?» Короче, в начале октября из казино он все-таки уволился. Если бы не уволился сам, его все равно бы выгнали. Однако деньги были нужны: ему предстояло поддерживать ИХ уровень. Уровень — это чертовски важно. Он знал людей, в гараже у которых стоит что-нибудь вроде «Форда-эскорт», но которые не ездят на модном авто, потому что нет денег на бензин. Когда он интересовался, почему бы не продать машину, знакомые задирали брови и не понимали вопроса.

Времена пошли тяжелые. Он наострился бесплатно пролезать в метро. Когда пил пиво, то больше не выкидывал пустые бутылки и ходил не в платные туалеты, как раньше, а в туалеты фастфудов. Знал, где проблемы не будет, а где охрана может выгнать. Утешало то, что некоторым приходилось еще не слаще. Бывший его заместитель теперь работал гардеробщиком в клубе. Когда молодой человек попробовал ему посочувствовать, тот сказал, что доволен: \$10—15 за ночь имеет. Удивившись, в ответ он узнал, что бывший зам главного редактора журнала теперь лазает по карманам дорогих пальто.

Он знал, что новую работу искать придется, но вместо этого каждый вечер отправлялся с приятелями выпить пива. Каждое утро он решал, что поисками работы займется с утра... со следующего утра.

Знакомо ли вам это состояние? Замирание от того, что все складывается и скоро вы будете пить алкоголь? Когда внутри повисает праздничная пустота и лихорадочно проносятся варианты — куда пойти?.. что пить?.. в каких пропорциях миксовать напитки?.. и уже заранее немного неудобно от того, что будешь говорить девушкам. Будущее китайской стеной отделено от настоящего. Завтра заваренное придется расхлебывать, но, выпив хоть немного, ты искренне не поймешь: неужели такие мелочи могли всерьез волновать?

Ради того, чтобы сегодня все удалось, ты наврешь другу, подведешь надеющихся, словчишь и извернешься. Занять денег, особенно без надежды отдать — великое искусство. И, радостно гогоча, ты понесешься в сторону ближайшего кафе. Ты не хочешь спешить, понимаешь, что денег удалось раздобыть немного, на весь вечер не хватит, и потратить их нужно с максимальным удовольствием. Но все равно первый бокал выпиваешь сразу — залпом! Только после этого начнется самое главное... настоящее...

Они встречались две весны и три осени. Эта осень была последней. Теперь он редко проводил время с ней. Иногда получалось само. За ним кто-то заходил, он звонил сказать, что будет через полчаса. Вечером звонил еще раз, говорил, что еще не дома... а потом больше не звонил. Иногда он ругался с ней специально. Хватался за пустячный повод, устраивал скандал и уходил, радуясь, что не придется смотреть в ее безразлично скривившееся лицо.

Какое-то время после этого он еще помнил о ней. Ему думалось, как лет через тридцать, старичками, они станут сидеть дома. Он — в шлепанцах и очках с дорогой оправой. Она — пожилая, с большой грудью, выкормившей нескольких крепких, как эрегированные члены, русско-еврейских детей. Да-а-а! Он делал глоток из плохо вымытой кружки и закидывал в рот ломтик гадости, которую хозяйка пытались выдать за скумбрию холодного копчения.

Но потом наступала ночь, и больше ему не нужна была виртуальная Она. Он хотел быть рядом с живым, теплым человеком. Он подолгу накручивал телефонный диск, куда-то мчался, шепча, на чем-то настаивал и с утра глупо себя чувствовал, добираясь, еще немного пьяный, плохо пахнущий, домой. Он терпеть не мог утренние электрички метро. Газету с анекдотами купить уже не на что, и, трясаясь в бесконечных перегонах, ты абсолютно не знаешь, чем себя занять.

Рецепт одиннадцатый *Шаверма*

Вы замечали, что именно одежда определяет, как вы станете относиться к людям? Его возбуждало расстегивать девушкины вещи, стягивать их с нее, бросать на пол. Ему не нравилась эта зависимость от вещей, но такие ощущения засасывают. Вещи, которые покупала девушка, всегда ей шли. Особенно она любила покупать нижнее белье, серебряные украшения и средства по уходу за телом. Несколько полок с бюстгалтерами, трусами, поясами для чулок, загадочными сиреневыми, белыми, красными, черными кружевными тряпочками. Каждую неделю — новая ароматическая добавка для ванны, минимум за \$16. Вещи — это ведь как гонорея, диарея или слушать радио.

Она, например, не носила колготок — только чулки. Однажды она даже надела чулки на него в постели. Прикосновение синтетички к коже оказалось раздражающим, и чулки он стянул. Ему нрави-

лось, как она одевается, ее же внешний вид молодого человека не устраивал категорически. Еще в пятнадцать лет он решил, что будет носить не рубашки, а футболки, не модельную, а спортивную обувь, не вязаные вещи, а стопроцентный коттон. Было время, он не соблюдал эти принципы. Живя с женой, он обзавелся несколькими пиджаками, покупал в «Little Wood'e» шелковые галстуки. Но потом все равно сполз к тому, с чего начинал.

Рубашек той осенью у него осталось лишь две. Зато футболок — каких только не было. Камуфляжная, как у колумбийских герильерос. Черная, с рекламой тату-салона, где он подкрашивал свою наколку на плече. Смешная с Бивисом и Баттхэдом и надписью: «All customers are motherfuckers!.. Yeath-Hub-huh!..»

В «Солдате удачи» он купил себе камуфляжные штаны натовского десантника. В «Сити-Клабе» разговорился с моряком из Уругвая и поменял ему свою Т-Short на дорогой палестинский платок. Ближе к весне он собирался вставить в бровь сережку. Если вы одеваетесь так, как одевался в ту осень молодой человек, найти приличную работу вам будет сложновато. Еще труднее общаться с работодателем, если на лице у вас расплывается лиловый синяк.

В «Шаверма-баре» он как-то встретил знакомого негра. Тот пах всемошным пьянством и луком. У негра было смешное имя Арчибальд. Он был не черным, а оттенка шведского шоколада, такого чистого, что хотелось лизнуть. Арчибальд пожаловался, что вчера его побили скинхеды. Они выбрались из бара и пошли искать обидчиков. С собой Арчибальд прихватил здоровенный железный штырь. В два часа ночи на безлюдном Литейном скинхедов не было... были такие же любители размяться перед сном, как и они. В общем, если хотите совет — никогда не пробуйте закрашивать тональным кремом царапины, оставшиеся от удара ботинком по лицу. Выглядеть это будет как неизлечимая зараза, вроде лишая или сифилиса.

В подвальном «Шаверма-баре» пол был всегда грязным и, разъедая глаза, висел сигаретный дым. Радио стояло на стуле посреди зала. Пиво в баре было очень недорогим, ему это нравилось. Правда, барменша четко знала, когда клиент готов, и с этого момента безбожно недодавала сдачу и недоливала напитки. У нее были немного умные глаза и рот женщины, которая сама зарабатывает на кусок хлеба.

Завсегдатаи «Шаверма-бара» смотрелись созревшими для съемок в фильмах Родригеса. Богемные студенты, окрестные алкоголики. Как-то к нему за столик подсел смертельно пьяный милиционер в форме. Шил молодой человек девятый день подряд, и

дразнить милиционера ему было уже немного неинтересно. Он залез к нему в кобуру, забрал поносить фуражку. Милиционер упорно не злился, хихикал и по сторонам расплзался глазами. В его рыжих усах неприлично запутались белые капли шавермового соуса. После того как бар закрылся, они вышли на пустую темную улицу. Он завел валящегося на бок милиционера во двор, ударил по лицу, а когда тот упал и захрипел, несколько раз добавил, целясь в голову, ногой.

После хорошего похода в бар день вылетает. Заняться делом ты все равно не сможешь, станешь бродить по комнатам и тарашиться в телевизор. А потом не вспомнишь, был он, этот день, или не был? Зато еще через сутки все изменится. Ты примешь душ, наденешь чистое белье, и все у тебя будет чистым... свежим... в голову придут чистые мысли... ты подумаешь о будущем... решишь, что да, черт возьми, алкоголь это действительно яд!.. что можно и не пить, это будет здорово!.. жизнь откроет тебе свою светлую изнанку.. ты вспомнишь, что главного до сих пор не сделал... но ведь можешь сделать!.. и даже знаешь как!.. ты займешься этим прямо завтра!.. прямо с утра!.. А потом завтрашнее утро станет вечером и еще раз утром и ты спросишь себя зачем?.. и не найдешь ответа... спросишь, к чему все это?.. и на четвертый день все равно отыщешь себя в «Шаверма-баре» с бокалом в руке... А потом все повторится снова.

Этой последней осенью он, наконец, купил себе косуху. Кожаную куртку с толстой молнией через грудь и двумя маленькими на рукавах. Московский журнал, для которого он пробовал писать, расплатился неожиданно щедро, и молодой человек купил самому себе подарок.

Все говорили, что косуха ему идет. Он не вылезал из обновки неделями. Одетый в эту куртку, он пошел выпить с художником Димой. Заговорили они о супружеских изменах. Дима сказал, что за четырнадцать лет жизни с женой ни разу ей не изменял. В руке он держал стакан с погрызенными краями. Потом они вдвоем дошли до Невского и сели у магазинчика «24 часа». Как я понимаю, они собирались угощать девушек. По ночам из дорогих клубов всегда выбегают девушки: покупать алкоголь внутри им не по карману. К ним подошла глухонемая нищенка с бумажкой, на которой, как обычно, читалось, что она сирота и голодает, дайте, пожалуйста, денег.

Несколько лет назад молодой человек ездил на Сахалин и там. В поселке Взморье, за неимением гостиницы, жил в интернате для глухонемых. С трех сторон поселок был огорожен сопками, а с четвертой серел Тихий океан. Интернат напоминал то ли лепрозорий,

шли индейскую резервацию. Мазанные белым стены, орды диких скалинических тараканов. Глухонемые выращивают мелкий картофель и меняют проезжающим горожанам красную икру на подсолнечное масло. С хозяевами ему приходилось общаться дактильно, как в новостях с сурдопереводом. Он научился неплохо говорить на этом языке.

Молодой человек спросил у глухонемой: не хочет ли она делать секс? Та сказала, что можно. Он сказал, что «делать секс» не подразумевает, что он даст ей за это денег. Девушка ответила, что ей все равно. Двигать пальцами было нелегко. Поздней осенью рука, в которой ты сжимаешь бутылку, сразу покрывается инеем.

Когда он перевел диалог художнику, тот чуть не захлопал в ладоши и нырнул в магазин купить вина. Они дошли до площади Искусств и сели под бронзовым Пушкиным. Нищенка сама расстегнула Диме брюки. В несколько слов на ней были надеты бесформенные свитера, кофты и курточки. До нее это тряпье сменило минимум десятков владельцев. Художник скалился и говорил, что это все-таки очень необычно! Нищенка может что-нибудь сказать ни на секунду не отрываясь от орального секса!

Дима был пьян, все продолжалось долго. Когда очередь дошла до молодого человека, глухонемая пожаловалась, что устала. Ей холодно, здесь ходят люди, и она хочет домой, где тепло и музыка. «Зачем тебе музыка, ты же ни хрена не слышишь?» — засмеялся он, но они все-таки пошли. При электрическом свете нищенка оказалась грязной и несимпатичной. Молодой человек потушил свет.

Девушка стянула с себя пару вонючих футболок, посветила на руку зажигалкой и сказала, чтобы он не думал, будто она проститутка. «Вы просто понравились мне, вот и все». В дрожащем огоньке зажигалки он успел рассмотреть, что живот у нее располосован похожими на розовых гусениц ножевными шрамами. Дима выдал ему презерватив. Зачем он носит их с собой? Ведь перед этим он четырнадцать лет подряд...

Знакомая американка рассказывала, что ее соотечественники на полном серьезе верят, будто русские стирают презервативы и используют их по нескольку раз. Кончая, глухонемая скрючивалась, хрипела и извивалась, будто ее сейчас вырвет. Он настаивал на оральном сексе и несколько раз стягивал презерватив, но каждый раз его приходилось надевать обратно. Пробовали когда-нибудь? Нормально надеть снятый gobber невозможно, он станет висеть бесполезной кишкой. Молодого человек буквально тошнило, но еще омерз-

тельнее стало, когда пару недель спустя он сунул руку под одеяло и вытащил оттуда крошечного, шевелящего всеми щупальцами белесого тельца зверька. Вензаболевания для него не были неожиданно, он успел переболеть почти всеми, но лобковая вошь?

Впрочем, самым страшным было даже не это. Проснувшись с утра, он обнаружил, что нишенки в квартире нет. А еще не было нескольких десятков долларов в Димином кошельке и — косухи. Косуха! моя любимая косуха! Он искал, он надеялся, что вчера она куда-то завалилась. Бродил по разбомбленной квартире и заглядывал под шкафы. Он не мог поверить, что его дорогую куртку украли нишенка с изуродованным животом!.. Косуха! Мой замечательный *biker-jacket*!

Какое-то время, выходя на улицу, он заглядывал в лица прохожим, надеясь встретить воровку. Это было глупо. Он плюнул, влез в долги и купил себе другую косуху. Как оказалось, гораздо худшего качества. Кожа новой куртки не была мягкой, скроена она была плохо. Почти сразу с нее отвалилось несколько блестящих заклепок.

Последние несколько месяцев все вокруг становилось гораздо худшего качества.

Рецепт двенадцатый *Пара баб и люля-кебаб*

К моменту, когда он ушел из казино, в правительственное здание девушку возили уже на машине с мигалкой. Она сделала отличную карьеру. Вечерами она ездила играть в преферанс с политиками и ворами в законе. В паре с ней играл тип, прославившийся тем, что в жуткие тридцатипятиградусные морозы по его распоряжению милиционеры выловили несколько сотен бомжей, отобрали у всех теплые вещи и вывезли в леса, километров за двести от Петербурга.

Когда девушка пришла устраиваться в газету, редактор поставил вопрос ребром. Он дает ей задание, справится — будем работать, нет — до свидания. Задание было пустяковым: сходить в главный корпус гостиницы «Октябрьская» на пресс-конференцию лидера отечественных сталинистов Анпилова. Мало кто знает, что «главный» корпус, это не большое здание, напротив Московского вокзала, а то, что поменьше, стоящее за трамвайными путями на Лиговке.

Пока она бродила по гостиничным коридорам и выспрашивала у горничных, где будет выступать товарищ Анпилов, тот сказал журналистам все, что о них думает, и ушел отдыхать. Однако ей

ОЧЕНЬ хотелось работать в газете. Обнаружив, что конференция окончена, она поднялась к Анпилову в номер. Утомленный сталинист лег посмотреть телик и, может быть, выпить бутылочку холоденького пивка. Дверь он открыл в лопоухих семейных трусах и носках. Она представилась, Анпилов извинился, и вместо тридцати строчек с пресс-конференции она принесла редактору большое эксклюзивное интервью.

Штатную должность она получила в тот же вечер. Сперва ей поручали черновую газетную поденщину. Пресс-конференции, митинги, пикеты и конгрессы крошечных партий. Среди петербургских политических журналистов много алкоголиков и откровенных сумасшедших, вроде Леши Рейна, который на вечеринке в «Новостях» убрал свои замотанные лейкопластырем очки в кармашек усыпанного пеплом и перхотью пиджака и стал не спеша насиловать на столе шестидесятилетнюю корректоршу. Женщины — политические журналисты выглядят даже не плохо, а чудовищно. Колтуном свалывшиеся волосы, отсутствие передних зубов, торчащие из босоножек чумазые ноги. На этом фоне любой взгляд сразу цеплялся за нее. Когда она, еврейская девушка, пошла писать о конгрессе националистических партий, бритоголовые, одетые в черное фашисты гурьбой, словно школьники, бродили за ней по фойе и просили оставить телефончик.

Перелом в ее карьере наступил месяцев через девять после того, как они с молодым человеком познакомились. Сразу после первого апреля. Срочно нужен был розыгрыш, но, как обычно, ничего веселее зеленой обезьяны, сбежавшей из зоопарка и заражающей горожан неизлечимой лихорадкой, не выдумывалось. Редактор мучился неделю, а потом решил, что стоит написать будто она, штатная политическая журналистка, вышла замуж за Вячеслава Марычева, депутата Госдумы, который любил являться на заседания в гриме Саддама Хусейна или с накладной женской грудью.

Молодой человек взял напрокат дорогое свадебное платье, Сердитов договорился, что фирма по доставке пиццы на дом привезет ящик шампанского. Фотограф несколько раз шелкнул, как, багровея от натуги, Марычев держит на руках рослую, тяжелую девочку.

В том году первое апреля приходилось на понедельник. По понедельникам у массмедиа выходной. Газета с розыгрышем вышла во вторник, второго, шутки никто не понял. Бабульки из марычевской партии засыпали редакцию поздравительными открытками, знакомые политики бросились поздравлять ее с удачным браком.

Вскоре после этого ей была предложена должность в правительственном здании. Сначала маленькая, потом повыше. К их последней осени дело, наконец, дошло до собственного кабинета с итальянской офисной мебелью.

Он в ту осень окончательно перешел с «Балтики» на пиво «Степан Разин». Не знаю, замечали ли вы, но последнее время по вкусу «Балтика» стала напоминать ацетон. Сперва молодой человек думал попробовать «Невское», но оно оказалось еще хуже. Выпейте шесть жестяных баночек (не бутылок, а именно банок!), и тротуар рванется навстречу вашему лицу, как соскучившаяся невеста. Методом проб и ошибок он выбрал «Степана Разина» и той осенью чаще общался с ним, чем с ней.

От нескольких последних месяцев ему если что и вспоминается, то тоскливые похмельные утра, собственные сальные волосы, переезды с одной квартиры на другую. Везде его принимают на кухне, кормят плохой, дешевой едой, поят алкоголем. То ли было это, то ли не было.

Еще он пытался писать. Получалось плохо. Раз в неделю он распихивал по редакциям свои старые, публиковавшиеся много лет назад материалы. Как-то просидел за компьютером десять часов подряд, и, когда зазвонил телефон, в глазах у него скрипел мелкий речной песок. Звонила знакомая. Когда-то они вместе работали, а теперь раз в полгода созванивались. Она сказала, что издательство, для которого пишет молодой человек, на грани разорения и, скорее всего, ни копейки ему не заплатит. Если он хочет подробностей — она неподалеку, в кафе. На деньги издательства он рассчитывал и, занервничав, сказал, что сейчас будет.

Оказалось, что издательство ни при чем. Знакомой было просто скучно без мужского внимания. Он разозлился и хотел уйти, но.. не ушел. Кафе было маленькое. Сизый тип в белой тужурке ждал, пока кто-нибудь допьет пиво, чтобы убрать со стола пустую бутылку. Куда ему было идти? Слушать, как, вернувшись с работы, его собственная девушка по сотому разу станет жаловаться на толстого соседа по кабинету, строящего против нее козни... требовать, чтобы он ее пожалел... терять нить разговора? Доходило до того, что как-то она уснула под ним еще до того, как кончился секс. Раньше она не была такой... или была?

Они встречались две весны и три осени. На улице он садился на корточки и завязывал шнурки на ее ботинках. Он говорил, что хочет от нее детей, а она отвечала, что раз ему это надо, то и рожать он должен сам. Так будет и дальше? Они видятся два раза в неделю и

Трижды в неделю делают секс. Они перестали даже скандалить. Они так и останутся чужими... одиноко и безразлично тыкать пальцами в раны друг друга... да?

Когда кафешка закрылась, вместе со знакомой он перекочевал в модный той осенью «Рыжий Чуб». На сцене клуба голосила певица с монголоидным лицом. Нет на свете ничего чудовищнее мужчин в пиджаках, пытающихся под песню Филиппа Киркорова станцевать брейк-данс. Он рассказал несколько традиционно смешных историй. Вздрагивая тугими щеками, знакомая над ними посмеялась.

Он совсем не удивился, когда, хлопнув себя по лбу, она вспомнила, что дома у нее есть большая, купленная в пулковском «дьюти-фри», бутылка мартини. Еще через полчаса молодой человек сидел в глубоком кресле и пил необлагаемый налогом вермут. Знакомая рассказывала, что, когда ей было двенадцать лет и она, тряся косичками, возвращалась из школы, ее изнасиловали на лестнице. Прямо возле собственной двери. Несколько раз подряд... За окном светало, после мартини появился ликер. Прежде чем они разделись, девушка рассказала эту историю раз шесть. Она так искренне себя жалела, что он подумал: зря, уходя, насильники ее не придушили.

Проснулся он только вечером следующего дня и сразу же сказал, чтобы знакомая приготовила чего-нибудь поесть. О происхождении блюда, которое она принесла, гадал он долго. Выглядело оно как черствый хлеб, пропитанный сырым яйцом и декорированный жиром, выковыранным из колбасы.

«Никогда ничего не клеилось у меня осенью. Это все осень, я здесь ни при чем. Мы с детства знаем, как ПРАВИЛЬНО. А потом вырастаем и боимся понять, что ничего правильного в окружающем мире нет. Слова, накрученные вокруг отношений с женщиной, друзьями, родителями... мало ли что можно наговорить? Мир, в который мы попали, не плох. Просто он играет по правилам, о которых нам забыли сказать...»

Потом он поехал к ней. Она оставила его ночевать, и перед сном они успели даже немного поболтать. Засыпая, он что-то шептал девушке на ухо. Он еще не знал, что это будет их последняя ночь.

*Рецепт тринадцатый
«Хванчкара» и хинкали*

За эти два года он много раз пытался уехать от нее. Через пару месяцев, после того, как они начали встречаться, ему позвонил зна-

комый кардинал, монсеньор Ренато. В Дублине кардинал организовывал религиозный конгресс и спросил, не хочет ли молодой человек выступить? Он сказал, что хочет, и даже сел набросать текст доклада. А потом вышел выпить с ней любимого светлого пива... стал делать секс в примерочной кабине «Бритиш Хауса»... купил розы и всю ночь слушал модных DJ-ев в «Туннеле».

Утром они приехали к ней домой настолько пьяные и потерявшие ориентацию во времени, что, встретив в ванной стоящего в пижаме и брившегося перед работой отца, девушка сказала: «Уже ложишься? Ну, спокойной ночи...» На следующий день он сходил в «Люфтганзу» на Вознесенском проспекте и с извинениями вернул присланные билеты.

После Дублина был еще Париж. Прошел год, это была их вторая осень. Они опять поругались, а на следующий день ему позвонил Макеев, хозяин галереи «Петрополь». Галерее исполнилось десять лет, Макеев планировал отметить это событие, ему нужен был пресс-секретарь. В качестве платы за пресс-секретарство он обещал к Рождеству отвезти молодого человека в Париж.

Петербургские галерейщики бедны. Их день проходит в «беломорном» дыму, среди мутных полотен. С тоской они высматривают пузатого немца, из-за плеча которого выглянет номер в «Хилтоне» с баром и джакузи. Макеев был не таков. «Петрополь» торговал дорогими скульптурами из мамонтового бивня. Помещение для галереи Макеев снимал возле самого Эрмитажа. Ни разу в жизни молодому человеку так и не удалось увидеть его трезвым. Однако он был уверен: раз тот обещает, значит, на Рождество он окажется-таки в Париже.

Обсудить все подробнее они договорились в понедельник, в одиннадцать утра. Он пришел, а Макеев был уже пьян. Глупо хихикая, краснея щеками, иногда икая, но ни разу не сбившись с мысли, он объяснил, в чем суть предстоящих торжеств. Ничего умнее, чем всех напоить, в голову ему не пришло. Но проставиться он собирался с размахом. В честь юбилея гости должны будут пить ровно месяц. Каждый день. С часу дня до девяти вечера. Причем не какое-нибудь пиво, а хороший коньяк. Каждая рюмочка будет предваряться тостом и отмечаться на шахматных часах, пропуски не допускаются.

У молодого человека были подозрения, что, кроме самого Макеева, никто в городе не выдержит такого ритма. Уже через неделю гости вряд ли смогут сказать не то что тост, но даже «Му-у-у». Однако он оформил все сказанное в пресс-релиз, раскидал по редак-

ционным факсам и выпил коньяку. «Это армянский. Это его будут пить гости».

Она не звонила. Макеев боялся, что в консульстве не успеют оформить визы. Он торопил, и в день пресс-конференции молодой человек отдал ему свой загранпаспорт. Мосты были сожжены. В тот день Макеев был пьян даже больше, чем обычно. Предоставляя слово спонсору, он указал на здорового усатого дядьку и сказал: «Вам слово, Наташечка».

Потом гостей попросили к столу, и все быстро сравнялись с Макеевым. Застолье протекало захватывающе и кончилось масштабной дракой, во время которой с постамента кувырнули небольшую статую, состоявшую из дюжины рук вперемешку с таким же количеством фаллосов. Мигом протрезвевший Макеев заорал, что статуя стоит шестнадцать косарей грином, и вытолкал всех на улицу.

У него была целая куча денег: Макеев дал аванс. В рюкзаке лежало несколько бутылок «Хванчкары» и коньяку: перед уходом он сгреб со стола все, до чего мог дотянуться. Он пытался кому-то звонить, попробовал зайти в редакцию. Фонари тоскливо освещали пустые улицы. Появись он с этим рюкзаком у своей девушки, она бы радовалась как ребенок. Брякая бутылками, он бродил по городу и не представлял, куда себя деть.

Невозможно пить в одиночестве. Как только выдерживают это парни из американских боевиков? Рано или поздно ты все равно к кому-нибудь подсядешь и начнешь разговор с самой глупой фразы, на какую способен. Уже ночью он зашел в ресторан «Старый замок», честно признался, что алкоголь у него свой, но он может заказать какую-нибудь еду.

К нему подсел щетинистый тип в пиджаке. Молодой человек болтал с ним о Париже. Пришвартованные к низким, не таким, как в Петербурге, набережным *beauteu*. По утрам из-под мостов вылезают смешные клошары. Нервные тонкие брюнетки пьют в кафешантанах семидесятиградусный абсент. Когда с «Хванчкары» они перешли на коньяк, тип встал из-за стола и кулаком разбил ему нос. А на следующее утро телефон в квартире молодого человека все-таки зазвонил.

Полдня он держал на переносице лед, а потом была она: влажная... жаркая и влажная... она пышала влажным жаром... голова у него кружилась, он чуть не упал... «что ты со мной делаешь?!». Совсем вечером он поплелся к Макееву забирать паспорт. Тот болтал о чем-то с полупустой бутылкой коньяка. Молодой человек не сказал,

почему на самом деле не может с ним поехать. Что-то наплел о срочной работе. Подлинная причина без труда читалась на испачканной белым ширинке его джинсов. При воспоминании об этой причине у него начинали противно дрожать губы и хотелось курить.

Через год после Парижа, их ПОСЛЕДНЕЙ осенью, в Петербург с визитом приезжал посол далай-ламы, монах-тибетец Геше Тхинлэй. Он был высок, наголо брит и на тощей руке, торчащей из рукава монашеского плаща, носил золотой «Ролекс». Молодой человек написал о визите для одной из газет. Фото тибетца вышло на первой полосе. А через неделю из китайского консульства в редакцию пришла официальная нота протеста. Тибет — это вроде китайской Чечни: доставучий камешек в сапоге большой империи. Китайцы возражали против того, чтобы кто попало вмешивался в их внутренние дела.

Редактор сказал, что только международного скандала ему не хватало. Молодому человеку пришлось плестись в консульство, заглаживать вину. Консул сидел на низком плюшевом диванчике, сам какой-то очень низенький и плюшевый. У него были птичьи пальчики... очень мерзкие. Консул напоил его чаем и объяснил, что молодой человек написал материал — это его работа, а консул прислал ноту — это уже его работа. Так что теперь все о'кей, можно снова дружить.

Молодой человек откопал визитную карточку Геше Тхинлэя, позвонил в его московскую резиденцию и пожаловался на проблемы. Монах приехал и уехал, а его, между прочим, затаскали по инстанциям. Тибетец огорчился: «Айм рили сори! Могу я что-нибудь для вас сделать?» Молодой человек сказал, что хочет взять у далай-ламы телефонное интервью, пусть ему дадут его номер и предупредят о звонке. Эмигрировав из Тибета, далай-лама живет в Индии. Разницу во времени между Петербургом и Гималаями молодой человек высчитывал долго.

Редакционный факс, с которого он звонил, формой напоминал ленинский броневик. Его быстро соединили с далайламским пресс-секретарем, который сказал, что им необязательно общаться по телефону — лучше будет приехать. Слышно было плохо. Коверкая английские слова, секретарь объяснил, что нужно будет только заплатить за билеты до Дели, дальше они все берут на себя. На машине встретят в аэропорту, поселят в келье. Будут кормить тибетскими лепешками и подарят на память благословенный далай-ламой белый шарф. Он положил трубку и услышал, как дурными голосами орут, скача по лианам, индийские шимпанзе, а где-то в глубине джунглей, призывая их, бестолковых, к порядку, трубят, задирая хоботы, большие слоны.

В тот день девушка по делам была с Политиком в Москве, но, как только она вернулась, он сообщил, что уезжает в Тибет. Она посмотрела на него так, будто молодой человек забыл застегнуть ширинку. Они гуляли по Фонтанке, и, ни на минуту не замолкая, она рассказывала как провела время. Куда ее водил Политик, с какими роскошными людьми она общалась. Уже несколько месяцев она говорила только об этом. Дома по атласу молодой человек уже прикинул, сколько времени добираться из Дели до резиденции далай-ламы, и названия городов — Сахаранпур... Джаландхар... Срингар... — древними заклинаниями стучали у него в ушах. Она говорила, что Политик кормил ее в самом шикарном московском ресторане и дал официанту на чай \$50. В воздухе плыл запах сандала, и на горизонте стеной уходила вверх громадина Джомолунгмы. По большому секрету она сказала, о чем ее Политик разговаривал с первым вице-премьером, а он сделал вид, что страшно заинтересован. В этом мокром, плохо освещенном городе все становилось слишком невыносимо. Пусть тибетцы подарят ему свой шарф. Если это необходимо, он даже станет его носить... «А потом мы ехали мимо ЦУМа, он посмотрел, сколько осталось денег, и сказал водителю, чтобы тот остановился, он хочет мне чего-нибудь купить».

Тот атлас еще долго лежал раскрытым на странице «Индия, Непал и Королевство Бутан». Он знал: вы останетесь мерзнуть в этом городе, а ему предстоит уехать. Несколько недель подряд он не подходил к телефону. Сперва думал купить АОН, чтобы отделять нужные звонки от ненужных. А потом понял, что нужных звонков на свете не бывает.

Он знал, каким будет этот день. Ему не нужно много вещей. С собой у него будет только рюкзак, а что не влезет, он распихает по карманам. На таможне он не задержится и, первым из пассажиров сев в самолет, тут же позовет стюардессу. Он специально полетит не «Аэрофлотом», на рейсах которого очень мало бесплатного алкоголя, а «Люфтганзой». До Дели (время в полете 9 часов 15 минут) он успеет выпить огромное количество немецкого пива, баккарди с грейпфрутовым соком и забористой виноградной водки граппа. Может быть, потом он даже заснет в кресле. Зато, когда он проснется, в его иллюминатор будет бить яростное солнце Индии.

Он будет еще немного пьян, когда выйдет из здания делийского аэропорта «Палам». Встречающим монахам придется по дороге в машину слегка его поддерживать. Салон машины окажется раскаленным докрасна, и тибетцы посадят его к окну, чтобы он мог лицом ловить

жиденский ветерок. Священные индийские коровы, лежащие на шосссе, не дадут развить нормальную скорость, и в конце концов это доставнет-таки невозмутимых монахов. Они тихонечко, чтобы он не слышал, по-своему, по-тибетски, ругнутся матом, да только он все равно поймет, что это не просто так, а именно ругательство, и щуплые люди в бордовых монашеских плащах станут ему еще более симпатичны...

Я уеду, думает он каждый вечер, ложась спать.

Барабанами вуду стучит у него в ушах: Сахаранпур... Джаландхар... Срингар...

Тост четвертый,

произносимый обычно снова тамадой

Ф старый вримиана троя джыгитав поплыли на морю на карабле. Кто уж типерь вспомнит, зачем они паплыли? Можыт, ым нужно была поплыть, а можыт, они проста так поплыли. Аднако карабаль джыгитав начал тонуть, и утонул карабаль. БІ все матросы утонули, ы капитан утонул, ы все пасажыры утонули, ы даже боцман-шмоцман утонул, но три джыгита не утонули. Настоящьи джыгиты никагда ни тонут. Ани стали барахтаца в мори и плыть к беригу, который видели на гаризонте. Но кончались силы у джыгитав, и чувтавали джыгиты, что слабеют их сильньий джыгитские руки.

И тагда первый джыгит закричал: «Ни хочу тонуть, и штобы ни утонуть, загадываю жылание! А жылание у миня такое. Пусть в этом море паявица, как на валшыбству, столько досок, бревен и палачик, сколько рас мне изминяла мая джыгитская жына!» Закричал так джыгит, но ничиво ни появилось в море, только малинький кусочик дащечки, патамушта ни изминяла первamu джыгиту иво джыгитская жына, и утанул джыгит.

И посли этава втарой джыгит тожэ пачуствавал, что ни можэт большэ плыть, и закричал: «Ни хачу тонуть и, штобы ни утонуть, загадываю жылание! А жылание у миня такое. Пусть в этом море паявица, как на валшыбетву, столько досок, бревин и палачик, сколько рас мне изминяла мая джыгитская жына!» Закричал так втарой джыгит, но ничиво ни появилось в море, только малинький кусочик палочки, патамушта ни изминяла и втарому джыгиту иво джыгитская жына, и утанул втарой джыгит, как и первый.

Астался только третий джыгит. Но не таков был джыгит, чтобы сдаваца. И закричал, оставшысь в адиночистви третий джыгит:

«Ни хачу тонуть и, штобы ни утонуть, загадываю жыланье! А жыланье у миня такое. Пусть в этом море паявица, как на валшыбетву, столько досок, бревин и палачик, сколька рас мне изминяла мая джыгитская жына!» И тутжа как на валшыбетву вспенилось бурнае море, и вазникли из ниво тысячи досок, бревин и палачик, который сами собой слажылись в агромный диривянный мост. И выбрался третий джыгит на этот мост, атрихнулся от воды и посуху вышыл на бериг. Был он очинь благадарин сваей джыгитскай жыне и кагда вирнулся дамой, то подарил жыне грамадный букет-шмукет и фся фигня.

Так наполним жэ дарагии гости нашы бокалы и выпьем за жэницын, который всигда выручают нас, мужчын, в трудный минуты!

4. Диггестив

Рецепт четырнадцатый

Вино — снова красное, снова терпкое, но больше не молодое

После обеда он зашел в «Лениздат». Она была там, сидела в кабинете редактора отдела политики. Редактора звали Ян. За немгытми окнами коричневая Фонтанка пузырилась от дождя. Пол коридоров был заляпан грязными следами. Кроме нее, в кабинете сидела нынешняя подружка Яна. У нее была фамилия Достоевская, про нее говорили, что она прапра... внучка Федора Михайловича. Еще у подружки были глаза с опущенными вниз уголками. Казалось, что ей хочется попросить о чем-то важном, а если вы откажете — она заплачет. Девушка написала про какой-то водочный завод, и заводчане подарили Достоевской целый ящик «Нашей водки». Большую часть ящика промокшие и продрогшие коллеги выпили сами, но четыре бутылки удалось спасти.

Ян спросил, не хотят ли они куда-нибудь сходить? Они побродили по Фонтанке, прошли мимо «Кукарачи». Не обращая внимания на дождь, вслед за набережной, спускались и поднимались к воде. На красный свет перебежали Невский возле Аничкова моста. Сесть со своей водкой было негде, и через полчаса компания оказалась-таки в «Метехи». Позже до него дошло, что маршрут этого похода в точности повторял маршрут самого первого похода в те же «Метехи» двухгодичной давности.

В «Метехи» и так обычно пусто, а тут еще дождь. Они сели подалее от барменши, в уголок. Бутылки выставили под стол. Мур-

лыкало радио, что за станция, он так и не понял. У него денег не было. Ян заказал два супа харчо на всех и четыре стакана сока. Из стаканов они собирались пить свою «Нашу водку». Был понедельник, и пить, если честно, не хотелось. Он пил в четверг... и в пятницу... и в субботу... и вчера, в воскресенье... а ведь когда-то по воскресеньям он ходил в церковь... стоит ли напиток еще и сегодня?.. впрочем, ладно.

В тот вечер он как-то неважно себя чувствовал. Вечное похмелье, а теперь еще и болел зуб. Четвертый справа наверху. Ломило до самого виска. Отпивая из стакана, он на мгновение задерживал водку возле зуба, надеялся, что станет полегче. Денег сходить к хорошему стоматологу никогда не оставалось, а бесплатных поликлиник он боялся. «Мне нет еще и тридцати, а я разваливаюсь на куски. Лысею, толстею, разрушаюсь, чувствую себя стариком...»

Они болтали о том, что скоро зима, а теплые вещи никто из четверых приготовить еще не успел. Он сказал, что скоро получит в Москве большие гонорары, и, наверное, денег хватит, чтобы купить теплую куртку американского пилота с мехом на воротнике. Разумеется, наврал. Той осенью он врал постоянно.

Иногда они кого-нибудь ждали, а визави задерживался, и, когда девушка спрашивала сколько времени, он обязательно говорил на десять минут меньше, чем на самом деле. Он чувствовал себя виноватым за то, что они ждут так долго. Вы замечали, какие затравленные лица у постоянно пьющих людей? Он съезживался от этого чувства, когда она наступала в лужу, и у нее промокали сапоги, он готов был извиняться, что в метро полно народу, и ее толкают тетки с сумками на колесиках.

В воздухе стоял уютный гул дождя. В «Метехи» было тепло. Горел неяркий свет, пахло дешевой пищей. Входящие люди стряхивали зонтики и произвольно улыбались. Ему нравилось здесь, и Яну нравилось, и Яновой Достоевской нравилось... ей — больше нет. У нее внутри текла могучая река, и вброд перейти эту реку он не смог. Весь вечер уголки ее красивых губ были приподняты в тихой и мудрой монализированной улыбке. Лаваш она едва куснула и бросила на стол. Ей нужно было просто пересидеть здесь, переждать дождь. Что ей их вечное барахтанье в одной и той же луже?

Она наклонялась к нему прикурить сигарету — и он был кеглями в конце кегельбанной дорожки, а она катящимся на него шаром. У него немела переносица и по шее сзади сбегали сотни маленьких насекомых. Водочное опьянение приходит не сразу, не как пивное, а постепенно. От пива вы можете быть на грани падения лицом в

салат, а через полчаса оказаться трезвее всех за столом, главное, эти полчаса не курить. Человек, пьющий водку, понятен моментально. Вы забираетесь все выше, все ближе к небесам, а потом оказывае-тесь в самом низу. Можете дать в морду ближайшему другу или по-писать посреди ресторана. Все равно с утра вспомнить удастся лишь испуганные глаза женщин и стыдное ощущение полета.

Потом Ян купил пару бутылок вина, и все поехали к нему в гости. Место возле молодого человека в такси было, но она села впе-ред, рядом с водителем. Стоит ли пить вино? — мучился он. После водки пить другие напитки — все равно что делать секс с завязан-ными глазами или подраться в темном дворе, не видя лица против-ника. Никогда не знаешь, чем это кончится.

На лестнице у Яна он запнулся за ступеньку и чуть не унал. В квартире она прошипела ему на ухо: «Зачем мы сюда приперлись и когда же ты, наконец, прекратишь пить?» Их усадили на кухне, и Достоевская попробовала что-нибудь приготовить. Вина он все та-ки выпил, а потом Ян купил еще. Вино оставляло крупные крошки осадка. Разбредаться по комнатам стали только часа в четыре. Она сразу легла, а он пошел чистить зубы.

Когда он пришел в комнату, она спала. Ее черные волосы пахли точно так же, как в их первую ночь. Комната была маленькая, на стене висел портрет Троцкого. Он сел на кровать и попробовал ее разбудить. Девушке смертельно не хотелось просыпаться. Он все-таки разбудил ее, но, скривившись, она сказала, что устала и ниче-го не хочет. Даже когда она снова заснула, у нее было злое лицо го-тового к контракте человека. Он вернулся на кухню. В пепельнице лежали трупы до фильтра докуранных сигарет. Он влил в себя ос-татки вина из чьего-то стакана. Оделся, закрыл дверь квартиры и ушел. Улица прыгала в глазах как новогодняя елка. У него не была секса с ней в ту первую ночь, не получилось и в последнюю. О том, что эта ночь была последняя, догадался он быстро.

Два года подряд он увлеченно складывал все яйца в одну даже не корзину, а лузу. Что бы ни происходило, он знал: она рядом и все хорошо весьма. И вот ее нет... Что делать ему теперь? Что, я вас спрашиваю?! Это действительно была его жизнь и какой же глупой она была! Если вы заметили, слово «любовь» в этой книге я не упо-требил ни разу, хотя если и была в жизни молодого человека лю-бовь, то ее история перед вами. Но простите, разве ЭТО похоже на любовь? Может быть, ему нужно было учиться любви, как в школе он учился математике, в которой до сих пор ничего не понимает?

Две весны и три осени назад он встретил ее, все бросил и общу-
шал себя action-hero, за секунду до титров сграбаставшим в объ-
ятия большеглазую красотку. Откуда ему было знать, что после фи-
нального, во весь экран, поцелуя все только начинается? Что по ту
сторону экрана осталось слишком много вечеров в одиночестве,
брызгающихся криков в когда-то бывшее дорогим лицо, слишком
много алкоголя и третьих лишнего обоого пола?

Недавно, после омерзительного многодневного запоя, он уснул
в чужой квартире, лежа перед экраном телевизора, а потом про-
снулся, дошагал до дома, закурил и заплакал. Только бы мне пере-
зимовать, молился он, только бы пережить несколько следующих
месяцев. Придет май, появится что-то новое, можно будет попробо-
вать сложить осколки воедино... отыскать еще хоть какой-то смысл.

Его день теперь пуст и никчемн. На улицу он выходит редко,
иногда по неделе сидит дома. Куда ему идти? Все, что могло случить-
ся, уже было... и кончилось. Приходит вечер, и он ложится спать. От
двух последних лет у него осталось только несколько странных пред-
метов. Листок бумаги, на котором девушка когда-то написала, что,
хоть он и мудака, она все равно его любит... Любила... Забытые ею
смешные носки с корабликами. Он называл их «гномовыми»: носки
похожи на те, что в диснеевских мультиках носят Бело-снежкины
гномы. Заляпанная их любовью футболка с длинными рукавами.

Впрочем, вру, это не все. Целую неделю после расставания он
еще носил ее сережку. Просто серебряное колечко в мочке уха. Она
сама застегнула замочек, и он ни разу его не расстегивал. А потом,
выходя с концерта группы «The Great Sorrow», потянулся к уху —
сережки не было. Она исчезла, расстегнулась, выпала, потерялась,
бесследно исчезла. Такое уже бывало с ним. Лет десять назад моло-
дой человек встречался с девушкой по имени Анна. У нее были
длинные детские ножки, смешливый подбородок и родинка на
верхней губе. Анна подарила ему дешевое пластмассовое колечко.
На палец оно не налезало, да и глупо было носить на пальце жен-
ское колечко. Он прицепил его к связке ключей.

Колечко провисело больше года, а потом он вдруг увидел, что
оно истлело, словно состарилось. Он поднес его к лицу, а оно хру-
стнуло в пальцах и развалилось на множество мелких кусочков.
Дело было летом, Анна отдыхала на юге. В тот вечер она уехала в
горы с молоденьким кавказцем-милиционером, сидела в машине,
пила привезенное с собой вино и любовалась на маяк и черную
кляксу моря. А налюбовавшись, сказала «Да» и долго делала ему

оральный секс. Торопясь и заранее постанывая носом, расстегнула его форменные брюки, и потом милиционер сказал, что это был первый оральный секс в его жизни.

Издевательски кривя губы и глядя в глаза молодому человеку, Анна сказала, что это было «очень, просто о-о-очень долго». Анне хотелось оскорбить его на прощание. Она на всю улицу кричала, что, когда губами касалась милицейского члена, он показался ей нежным, как кожица новорожденного ребенка. «У кавказцев отличные большие и загорелые члены, хочешь, я покажу, какой они длины, придурок, хочешь или нет, что ты молчишь?!»

Он видел, что Анне страшно. Она боялась, как бы он не ударил ее, и он действительно ударил. Не смог обмануть ожиданий дамы. Дату, когда это произошло, она тоже назвала сама. Колечко развалилось не за день до этого и не на следующий день, а ровно через несколько часов, после того как молодой сержант толстыми волосатыми пальцами застегнул непослушные пуговицы на серых брюках.

Жизнь полна совпадений и странных символов. Просто об этом предпочитают не говорить. В общем, он представлял, что означает потеря сережки... Да ладно, чего уж... говорить, так без утайки. Дело в том, что два дня назад он видел ее. Был тихий осенний вечер, он шел мимо желтой церкви, выстроенной специально для свадьбы императрицы Елизаветы. Сережки уже не было в его ухе. В окнах горел желтый свет, жители Моховой выгуливали собак. На асфальте лежали желтые листья. А на противоположной стороне улицы она выходила из маленького грузинского ресторанчика «Метехи», и смеясь, садилась в машину. Да-да, того самого «Метехи», вы все еще не верите в странные совпадения? На ней было новое дорожное пальто, а на шее был повязан шелковый платок. Тоже желтый. Дверца машины была приоткрыта. Она занесла длинную ногу, чтобы сесть внутрь, и одновременно поправляла дорожную прическу.

Лежа в тот вечер в постели, он видел ее блестящую в осеннем полумраке улыбку. Может быть, хозяин машины сказал что-то смешное, а может, они радовались, что вкусно поели и вечер только начинается. В «Метехи» хорошо кормят: сулугуни, лобно, шашлык, люля-кебаб, хинкали... И все-таки не мог понять он, почему именно этот ресторанчик?

Ему никогда не пришло бы в голову вести свою новую подружку в «Метехи». Да и безо всякой подружки он никогда больше не пойдет сюда обедать. Ему известно это совершенно точно.

Дело в том, что, похоже, он насовсем разлюбил кавказскую кухню.

Часть 3
КУАЛА-ЛУМПУР
(тайна исповеди)

I pray everyday to be strong,
But I know, all I do must be wrong...
Стунг, Moon Over Bourbon Street

1

Билеты и паспорт с визой я забирал в московском корпункте своей газеты. У секретарши были глаза обиженной медведицы. Люди, суки, так и не дали ей впасть в спячку.

— Вместе с вами полетит... сейчас... Его зовут... лама... хм... лама Геше Чокья Нидал. Переводчик этого... Геше звонил уже несколько раз. Сказал, что они заберут вас прямо в аэропорту. Просил не опаздывать.

В аэропорту я сидел на корточках, прислонившись спиной к неудобной колонне. Высматривал в толпе кого-нибудь монголоидного, в монашеском плаще. Регистрацию на рейс уже объявили. Пассажиры, шевеля губами, читали бланки таможенных деклараций.

— Извините, вы не из газеты?

Парень был высоким, тощим, слегка лысоватым. На плече черная сумка с блестящими молниями. В «Delsy», напротив моего дома в Петербурге, такие сумки стоят \$350.

— Из газеты. А вы переводчик?

— Лама уже ждет. Пойдемте.

Ничего монголоидного в ламе не было. Пожилой иностранный блондин, все еще посещающий тренажерный зал. Белые зубы, кислый запах афтешейва. Он пожал мне руку. Спросил, говорю ли я по-английски и — с собой ли у меня билеты?

Очередь на паспортный контроль почти не двигалась. Молоденькая пограничница полистала мои документы. Глаз на меня она не поднимала.

- Конечный пункт следования?
- Куала-Лумпур, Малайзия.
- Цель поездки?
- Деловая.
- Что значит «деловая»?
- Я журналист. Аккредитован при мероприятии.
- Счастливого пути.

Пока лама общался с таможенниками, я успел выкурить еще сигарету. Витрины «Duty Free» настраивали купить что-нибудь дорогое и бесполезное.

Переводчик поставил сумку рядом с моим рюкзаком. Мы помолчали.

- Ты сидишь в салоне для курящих?
- Да.
- Извини, я не расслышал...
- Папаускас.
- Это... Это имя?
- Фамилия. Я из Литвы. Хотя сам – русский. Просто у меня такая фамилия.
- А-а.

Пассажиры рейса № 3744 «Москва—Франкфурт—Куала-Лумпур» пригласили пройти на борт самолета. Пузатые бургеры побрели по бесконечным шереметьевским коридорам. «Люфтганзовские» стюардессы улыбались и пальчиками показывали дорогу.

- В курящем отсеке над креслами торчало всего несколько голов.
- Вы можете занимать любое свободное место.
- Данке шон.

Протискиваясь в узком проходе, Папаускас бился сумкой о спинки кресел. Я убрал рюкзак на полку, и он плюхнулся рядом.

- А где лама?
- В бизнес-классе. Это выше этажом.
- С какого языка ты ему переводишь?
- Я перевожу ему НА датский язык.
- Он датчанин? А почему «лама»?
- Он долго жил в Тибете. Там принял сан.
- Имя у него странное.

– Это не имя, это титул. Геше Чокьи Нидал означает «Океан-Держатель-Учения». Он постоянно ездит по миру и проповедует. У него есть ученики в пятнадцати странах. Ты считаешь, датчанин не может быть ламой?

- Может. Просто странно.
- Он очень продвинутый. Принял посвящение у самого Шестнадцатого Кармапы.
- Охуеть можно!
- Ты знаешь, кто такой Кармапа?
- Нет. Но звучит ничего.

Надпись «No smoking» погасла. Мы синхронно перекатились на ягодицах и вытащили из джинсов сигареты. В проходах ходили симпатичные стюарды. У них были отутюженные рубашки и черные эсэсовские галстуки.

- Вы что-то хотели, сэр?
- Будьте добры, таблетку от головной боли и пару пива.
- Искьюзми, сэр. Вы в курсе, что миксовать таблетки и алкоголь опасно для здоровья?
- Один аспирин. Два пива. Пожалуйста.
- Мне тоже одно пиво. Светлое. У тебя болит голова?
- Немного.

В иллюминаторе луна располагалась почему-то ниже уровня моего кресла. Я отхлебнул пива, откинулся и закрыл глаза. Почувствовал, как дрожат пальцы.

Когда сегодня утром я прибыл на Ленинградский вокзал, табло над платформой показывало «05.32» и «-17° С». И то и другое было мерзко. В вагоне было холодно. Спал я, не раздеваясь. На окнах выросли корки непрозрачного льда. Полкой выше меня некрасивая девушка тайком от проводника провозила безбилетного бойфренда. Иногда я просыпался и слушал, как они шепчутся. Подушка без наволочки пахла средствами от насекомых.

Московский воздух был черным, острым, прозрачным. На крыльях голубей светился иней. В ларьках продавщицы кутались в негнущиеся турецкие куртки. Я долго пил кофе с молоком в привокзальном буфете. В кресле напротив дремал косматый цыган.

За восемнадцать часов пребывания в Москве я успел купить блок сигарет, выпить пива, поменять остатки рублей, забрать документы, выпить еще пива и несколько раз заблудиться в метро. Даже в толстой, с мехом кожаной куртке было холодно. В глазах все скакало. Побаливали ноги.

С разговорами Папаускас не лез, но заснуть я так и не смог. Во Франкфурте «Боинг» сел, когда в Москве было уже два ночи. Пассажиры сгребли ручную кладь и потянулись к выходу. Аэропортов-

ские туннели напоминали что-то из начальных уровней DOOM. В метре от меня цокала стайка католических монашек в сером.

У немца-пограничника был сизый мундир, сизые прожилки на скулах и сизифова мука в глазах. Он о чем-то меня спросил.

— Я не говорю по-немецки.

— Он спрашивает, собираешься ли ты получать транзитную визу?

— Нет.

— Streight through the door. Than to left. Your flying block is «o-seventeen».

Чем ближе к своему «флаинг блоку» мы подходили, тем меньше европейских лиц оставалось вокруг. В зале ожидания было душно. Привешенные под потолок телевизоры транслировали соревнования по борьбе сумо.

Папаускас вертел головой, выискивая ламу. Потом плюнул и сел рядом.

— Это весь твой багаж? Один рюкзак?

— Меум омниум мекум порто.

Рядом сидела смешанная пара: немецкий мужчина в рыжих усах и маленькая азиатская женщина с маленьким азиатским ребенком на руках. Немец несколько раз вставал и ходил к регистрационной стойке ругаться. Насколько я понимал, ему не хватило места в салоне для курящих. Мне тоже не хватило. Когда пассажиров запустили в самолет, оказалось, что мое кресло расположено в носовой части, у самой кабины пилотов. Папаускас сидел через проход.

Было тесно. Противными голосами оралы дети. Сосед справа был толстый, жаркий, неудобный. Я снял куртку, стащил свитер и убрал его в рюкзак.

Потом мы взлетели. Последний раз я ел больше суток назад, но есть и не хотелось. Я сказал стюардессе, чтобы она принесла пива. Перегнулся к Папаускасу.

— Слушай... а ты сам тоже... В смысле — буддист?

— Типа того.

— И как?

— Что — «как»?

— Это самое... Ну... Сложно стать буддистом?

— Ты хочешь стать буддистом?

— Не знаю. Наверное. Это сложно?

— Ты медитируешь?

— Чего?

— Зачем тебе становиться буддистом?

— А тебе зачем? Нужно же мне кем-то становиться.
— На самом деле стать буддистом не сложно.
— А твой этот... датчанин... он может... не знаю, как называется... он может покрестить меня в буддисты? Ну, ты понимаешь.

— Человек, который хочет стать буддистом, уже является буддистом. Главное, понимать, что это такое.

— И что это такое?

Он встал, вытащил с полки свою дорогую сумку, порылся внутри и протянул мне брошюрку.

— Почитай. Здесь все написано.

На обложке значилось «Путь к окончательному Освобождению». Я отхлебнул пивка, открыл брошюрку и начал читать. Когда проснулся, в иллюминатор било солнце. В проходе, над головой, висел монитор. На экране был изображен синий Бенгальский залив, надкушенный острым полуостровом Индостан. Полуостров казался немного кариесным. Наш самолетик по диагонали полз в правый нижний угол.

Папаускас высунул нос из-под колючего «люфтганзовского» одеяла. Зевнул, сморщил лицо, повернул голову в мою сторону.

— Где мы?

— Хуй знает. Где-то.

— Времени сколько?

— Тебе по Москве?

— В смысле, скоро посадка?

— Спроси у стюардессы.

Он потерял глаза и опять зарылся в одеяло.

Стюардессы двигались вдоль кресел и раздавали подносы с завтраками. Пахло кофе и яблочными пирожками.

— Завтрак, сэр?

— Нет. Пиво.

— Пиво, сэр?

— Да. Пиво.

— Безалкогольное?

— Алкогольное. Похолоднее. Три бутылки.

— Три, сэр?

— О, господи! Да! Три бутылки пива! Завтрак не нужен!

Стюардесса скривилась и поплыла дальше. У нее была круглая, затянутая в серое задница.

Я перегнулся через проход.

— Нас в этом Лумпуре кто-нибудь встретит?

— Без понятия.
— У меня с собой меньше двухсот долларов.
— Не парься. Если что, переночуем у друзей лампы. У него друзья по всему свету.

— Даже в Малайзии?
— Я с ним несколько раз уже бывал на таких тусовках. Куда ни приедет — везде друзья.

— Блядь! Это тучело когда-нибудь принесет мне пива?!

Пол под ногами слегка покачивался. Я доковылял до кухни и сказал, что устал ждать.

— Пожалуйста. Вот ваше пиво. Извините.

— Я просил ТРИ бутылки!

— Почему три?

— Потому что!

Я сгреб со стола бутылки и вернулся в кресло.

— Хочешь «Хайнеккена»?

— Нет.

— Смотри. Холодное.

— С самого утра?

Жаркий сосед справа дожевал завтрак и с умным видом листал газету на языке урду. Я надел наушники и поискал что-нибудь веселенькое. Папаускас сходил побриться. Вернувшись, сказал, что в туалете висит три сорта туалетной бумаги.

— У себя в газете ты пишешь о религии?

— Какое там!

— А почему на конгресс послали именно тебя?

— Поездку оплачивает какой-то фонд. Редактор хотел поехать сам, но не смог.

— Здорово, что они проводят Конгресс в таком месте. Позагораем. Покупаемся.

— Малайзия — это буддийская страна?

— Мусульманская.

— Значит, с алкоголем там проблемы...

— Это плохо?

— Да нет. Наоборот. Это хорошо. Здорово оказаться в стране, где достать алкоголь — проблема.

Я допил последнее пиво.

— А буддистам можно пить алкоголь?

— По-разному. Есть такие тантрические школы...

— Твой лама пьет?

– Мало. Три пива за вечер. И то – не каждую неделю. Понимаешь, у буддистов это личное дело каждого. Никакого насилия.

– Было бы еще пиво, выпил бы за буддизм.

Потом я все-таки взял себе еще бутылку «Хайнеккена». Потом мы начали снижаться. В Москве было два дня, а снаружи уже темно. Стюардессы раздавали бланки таможенных деклараций. Жирными черными буквами там было написано, что за ввоз в республику наркосодержащих веществ полагается смертная казнь.

Самолет мелко вибрировал. Когда стали видны огни аэропорта, свет в салоне погасили. Пассажиры прилипли к иллюминаторам. После того как шасси коснулись земли, все долго хлопало в ладоши и улюлюкали.

– Дамен унд херрен! Наш самолет произвел посадку в международном аэропорту «Субанг». Температура за бортом 105° по Фаренгейту. Компания «Люфтган-за» благодарит вас за...

– Сто пять – это много?

– Как сказать? Больше чем сто четыре. Пошли?

– А лама?

– Сказал, чтобы мы ждали его за таможенным контролем.

К двери «Боинга» подогнали ребристую трубу, сквозь которую все прошагали прямо внутрь аэропорта. Третий международный аэропорт за сутки. В этом, на стене напротив входа, висел плакат «Ваша безопасность гарантирована правительством Малайской Республики».

Вдоль стен мигали и позвякивали игровые автоматы. В пластиковых креслицах сидели женщины в желтых сари и с точками на лбу. За громадными окнами лежала взлетная полоса. В самолетных силуэтах было что-то фрейдистское. На фюзеляжах желтели эмблемы незнакомых авиакомпаний.

После двадцати часов лету меня слегка покачивало. Хотя, может быть, это было пиво. К мундиру офицера паспортного контроля были пришиты красивые серебряные пуговицы.

– Цель визита?

– Я аккредитован на конгрессе... э-э... на религиозном конгрессе.

– И! IYC! Welcome to Malaisia, sir!

Папаускас ждал меня за турникетом.

– Что такое Ай-Уай-Си?

– Так называется наш конгресс. Ты не знал? International Youth Congress.

У женщин-пограничниц были злые, как у французских бульдогов, лица. Я прошел сквозь арку-металлоискатель. В ней что-то за-

заснегло. Женщины бросились на меня, оттащили в сторону и при-
дели прощупывать швы на одежде. Одна треснула мне по ногам
резиновой дубинкой. На таможенном контроле меня спросили, не
везу ли я в страну мясо? Я удивился и сказал, что нет.

Мы спустились по коротенькому эскалатору.

— Вон они!

Перед эскалатором стояло человек двадцать малайцев в одина-
ковых белых рубашках навывпуск. Над ними торчал плакатик «IUC-
Delegates». Мы подошли поближе. Папаускас сказал, что «деле-
гаты» это мы.

Малайцы были маленькие и серолицые. Я несколько раз пожал
руки и ответил, что прилетел из России. Шире всех улыбалась де-
вушка с мелкими черными зубами.

— Меня зовут Денти. А тебя? Ты делегат? Давай я подержу твою
сумку.

Лама показался не скоро. Он лодочкой сложил руки перед
грудью и поклонился. Среди малайцев он напоминал побрившегося
Санта-Клауса.

— Пошли?

— Они говорят, что нужно подождать. Хотят посмотреть, не
прилетел ли кто-нибудь еще.

— Я буду снаружи.

Протиснуться сквозь потную толпу было сложно. Двери аэро-
порта открывались автоматически. Черт бы побрал этого Фарен-
гейта. В здании работал кондиционер, а снаружи, разумеется, нет.
Вы когда-нибудь, будучи одетым в кожаную куртку, ныряли в чаш-
ку свежезаваренного бульона?

В обе стороны от ярко освещенного здания уходила эстакада. На
асфальте было что-то написано. Машины и велорикши подплыва-
ли к надписи как-то неправильно. Только через минуту я понял,
что это левостороннее движение.

В автобусе я все-таки стянул куртку. Мою футболку только что
выстирали, но забыли отжать. Помимо нас, встречающие выловили
в аэропорту нескольких сумрачных латиноамериканских типов.
Последними в салон вошли двое молоденьких солдат с винтовка-
ми. У них была форма салатного цвета и сапоги с галошами.

— Ты не спрашивал, куда нас везут?

— Какой-то Конгресс-Центр.

— Мы будем там жить?

— Да. Говорят, это самый комфортабельный отель во всем Лумпуре.

Снаружи было как-то слишком темно. Проплывали пыльные пальмы, подсвеченные гирляндами, как новогодние елки. Потом мы въехали в город. Небоскребы были желтыми, а минареты бесконечных мечетей — ядовито-зелеными. Когда автобус тормозил у светофоров, я разглядывал крошечных пешеходиков.

Водитель посигналил, и нам открыли металлические ворота. Автобус долго ехал по узким аллеям. Невидимые деревья ветками цеплялись за стекла. Сквозь листву мелькали окна. Я вылез наружу. Воздух пах пряностями и бензином. Даже на улице он казался немного прокуренным. Хотя, может быть, так и пахнут тропики?

Перед входом в корпус стояло несколько девушек с беджами «Staff».

— Сюда, пожалуйста. Пожалуйста, потише, сэр. Делегаты уже спят.

Мы все прошли в большой, освещенный зал. Вдоль стен полукругом стояли столы. За каждым улыбалось малайское лицо. Проходя от стола к столу, я заполнил множество анкет. Мне кивали головами и говорили: «Wellcome!»

За последним столиком сидела девушка с жирной родинкой возле носа. На взгляд ей было что-то между двенадцатью и сорока пятью. Не исключено, что она была сестрой-близнецом девушек из-за предыдущих столов.

— Пожалуйста, ознакомьтесь с правилами внутреннего распорядка, сэр.

Лист закатанной в пластик бумаги на трех языках извещал, что поскольку конгресс «Религиозная Молодежь На Пороге Третьего Тысячелетия» является общественно значимым мероприятием и патронируется правительством Малайской Республики, то делегатов настоятельно просят соблюдать следующие правила. Не курить в номерах, соблюдать тишину после 22.30, не подниматься на этаж, где размещаются делегаты противоположного пола, и все в таком роде.

— Вы принимаете эти требования, сэр?

— Полностью.

— Распишитесь, пожалуйста, вот здесь, сэр. Спасибо. Это жесткие правила, но они необходимы.

— Я буду счастлив хоть две недели пожить такой замечательной жизнью.

— Вот ваш гигиенический набор. Have a good time, sir!

В пакете лежали зубная щетка, мыло, футболка с эмблемой конгресса и несколько флаконов со средствами от насекомых. Малаец в белой рубашке и пляжных тапочках выдал мне ключ от номера и пошел проводить.

— Пожалуйста, потише, сэр. Все уже спят.

— У меня в стране сейчас еще даже не вечер.

— Все равно, пожалуйста, тише.

Лестница была широкая, с дубовыми перилами. Дизайн кемпуса напоминал поликлинику в новостройках. Звук шагов метался в пустых коридорах.

Я отпер тяжелую дверь и зажег свет. Крашенные стены, письменный стол, две кровати. На одной кто-то, с головой укрывшись, спал. Из-под простыни торчала мясистая, довольно грязная нога. Я сказал «Искьюзми» и выключил свет.

Ощупью добравшись до кровати, я бросил на нее свой рюкзак. В нем лежали тишотки, плавки, шорты и два «Левайса» с пуговицами на ширинке. Практически весь мой гардероб. Помимо того, что лежало в рюкзаке, к своим почти тридцати я успел обзавестись разве что разводом.

Не трудно подсчитать: когда мне стукнет шестьдесят, «Левайсов» у меня будет четыре, а развода два.

2

Соседом по комнате оказался улыбчивый итальянец. Очки без оправы, сгрызенные ноготки. Его познания в английском ограничивались фразами «Как тебя зовут?» и «Откуда ты?». Еще он сказал мне «Merry Christmas!».

— Вообще-то я буддист.

— Нон каписко.

— Хуйня, милый. Поймешь со временем.

За окном лежал Куала-Лумпур. Я застелил постель и пошел искать душ. Крана горячей воды в душевой не было. Когда я брлся по стене, рядом с зеркалом пробежала небольшая ящерница. Она была похожа на нефритовое украшение.

Часы показывали без пятнадцати девять. Соответственно, в Петербурге не было и четырех утра. На первом этаже кемпуса завтракали делегаты. Столовая была огромная, с высоким потолком и множеством круглых шестиместных столов. Двери на улицу были распахнуты, но все равно стояла духота.

В динамиках играла музыка. Стюарты-малайцы потели, улыбались, гремели поддонами и, вставая на цыпочки, через стойку про-

тягивали делегатам тарелки. На шеях у них были повязаны красные, пиратские банданы.

За столами сидели чересчур толстые американские женщины, парни в растаманских косичках, седобородые индусы с серьгами в отвислых ушах, голландцы в смешных деревянных башмаках, рыжие типы в футболках, инвалиды в колясках с автоматическим управлением, синюшные, потные скандинавы в шортах, японки со скобками в зубах, замотанные в плащи фигуры с четками, кудрявые негритосы, шотландцы в юбках и много кто еще.

Я налил себе кофе и сел за столик. Со мной тут же заговорил мохнатогрудый израильтянин. Стол был покрыт белой скатертью. На середине стояли восемь солонок-перечниц-соусниц. Пышная скуластая женщина, не кусая, запихивала глубоко в рот что-то неприлично-целестрепленное. Я улыбнулся ей, забрал кофе и вышел на улицу.

Снаружи располагался тропический садик. Он был похож на оранжерею неподалеку от Таврического дворца. Хотелось напрячься и разглядеть окна, а за ними снег. Делегаты сидели в шезлонгах, пили коку из баночек и все равно общались.

Я рассмотрел Папаускаса. Сегодня он был одет в шорты и рубашку «LLBean». Тоже, наверное, купил в секонд-хенде.

— Как спалось? Ничего здесь погодка в январе, а? У меня в номере живет какой-то филиппинский упырь. А у тебя? Полночи, сука, спать не давал.

— Да-а.

— Ты, кстати, видел — здесь есть русские. В смысле советские. Грузины какие-то, буряты... Казахав приехало человек десять. Девушки есть. Не видел?

— Не-а.

Я допил кофе, выкурил сигарету и съел анонимный фрукт. Желтая мякоть, а внутри здоровенная косточка размером с ладонь. Возможно, это был манго.

— Ты программу взял? Зайди в оргкомитет.

— Где это?

— Четвертый корпус. Видишь крышу над пальмами? Вон ту?

— И что в программе?

— Сегодня фри-дэй. Развлекаемся самостоятельно. Вечером в столовой будут танцы и поедание национальных малайских блюд. Открытие конгресса завтра. В десять утра по-местному. Делегатам предложено прийти в национальных костюмах. У тебя есть?

— Ага. Лапти. Только я их еще не начистил, ничего?

Конгресс-Центр напоминал пионерский лагерь. Корпуса в колониальном стиле, пышная растительность. Пальмы торчали гораздо выше крыш. Под некоторыми валялась скорлупа кокосовых орехов. По дорожкам шагали строгие и сосредоточенные малайцы. Хотелось заглядывать им в лицо и заискивающе улыбаться.

Перед четвертым корпусом стояли шесты с флагами. В оргкомитете девушка с беджем что-то объясняла группке странно одетых женщин. Может быть, они представляли на конгрессе культ вуду. По стенам были развешены объявления. Я внимательно осмотрел их все. По-русски не было ни слова.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Я журналист. Приехал из России. Буду писать о конгрессе. Нужна ли мне какая-нибудь особенная аккредитация?

— Нет, сэр. Для журналистов предусмотрена та же программа, что и для делегатов. Пресс-релизы вы можете ежедневно получать здесь, в оргкомитете.

Я забрал программу конгресса, полистал ее и спросил, могу ли взять карту города? Карта была выдержана в веселеньких желто-голубых тонах. Район Конгресс-Центра был обведен жирным красным кругом. Рядом читалось «Вы находитесь здесь».

Названия улиц ни о чем мне не говорили.

— Посоветуйте, что можно посмотреть в вашем городе?

— А что вас интересует? Съездите в центр. Здесь... и вот здесь очень красиво. Есть много старинных мечетей. В этом районе вы можете...

— По поводу мечетей. В Куала-Лумпуре есть буддийские храмы?

— Буддийские, сэр? Вообще-то у нас мусульманская страна.

— Ни одного буддийского храма?

Девушка долго крутила телефонный диск и наводила справки. Малайский язык был похож на кошку, угодившую под снегоуборочную машину.

— Я все выяснила, сэр. Буддийский монастырь Сум-бун расположен вот здесь. Это не очень далеко. Место называется «дистрикт Мандалуйонг». Вы запомните или мне записать? Правда, храм открыт для посетителей не каждый день. От Конгресс-Центра это... я думаю, около часа езды. Вы знаете, как туда добираться?

— Вообще-то, я первый раз в Куала-Лумпуре.

— Лучше всего сесть на автобус. Большие автобусы снабжены кондиционерами. И это не очень дорого. Хотя белым... в смысле

европейцам... больше нравятся наши «джипни». Это вроде микро-автобуса. Вы их узнаете, сэр. Они такие... разноцветные. Там немного тесновато, но белым нравится.

— Спасибо.

— Вы собираетесь выйти в город один? Я бы посоветовала взять сопровождающего. Белым в городе небезопасно. И не забудьте документы.

— Спасибо.

— Да, сэр! Ни в коем случае не пейте в городе воду! Возьмите в столовой попить с собой. Или купите бутылку пива. Но ни в коем случае не пейте воду в городе!

Я снова отыскал Папаускаса. Он сидел на корточках перед здоровенной черноволосой девицей. Она была похожа на принцессу Анастасию из мультика про Распутина. Губы — будто девушка только что обозвала кого-то убудком. Несимметричные чувственные глаза.

— Познакомься. Это Бригитта. Она из Бельгии.

— Не хотите съездить в город? Я узнал, где находится буддийский монастырь.

— Знал бы ты, сколько буддийских монастырей я видел в жизни!

— Не поедешь?

— Смотри, какая девица! Может, пива выдьем? В холодильнике стоит совершенно бесплатное пиво. Целыми упаковками. Специально для делегатов. Бери, сколько хочешь!

— Вот, блин! А я-то надеялся, что в мусульманской стране...

— Это ж для делегатов. Бесплатно! Давай?

— Неудобно как-то. Под пивом... в храм...

— При чем здесь храм? Давай! По баночке, а?

— На самом деле мне просто не хочется.

Бригитта помахала мне рукой. В номере я переоделся в пляжные тапочки. Подумав, вытащил из рюкзака любимую футболку в камуфляжных разводах. Рукава не прикрывали и трети моих татуировок.

Конгресс-Центр был обнесен трехметровой бетонной стеной. Перед воротами прогуливался полисмен в форме. Увидев меня, он заулыбался.

— Доброе утро, сэр! Решили прогуляться? Откуда вы? Американец?

— Нет, русский. Из России.

— О! Я слышал о такой стране! Удачной прогулки, сэр!

Сразу за воротами начинался широкий, в двенадцать полос проспект. Сосредоточенно ползли неправильные левосторонние машины. Было пыльно, душно и очень шумно. Я закурил, огляделся, вытер лицо платком и выкинул сигарету. Попытался сообразить, бывает ли на свете пятисотпроцентная влажность?

Крошечные малайские люди сбавляли шаг и пялились на мое европейское лицо. Они были опрятными и очень сухими.

Обещанные «джипни» выглядели так, будто за углом снимают кино про Индиану Джонса. Пот стекал мне на глаза. Я подошел к краю тротуара и помахал рукой. Юркий автомобильчик заломил вираж и притормозил.

— Я доеду до дистрикта Мандалуйонг?

— Ай донт спик инглиш... sir.

— Мандалуйонг! Дистрикт Мандалуйонг!

— О! Йес! Мандалуйонг? Йес, йес!

Я попробовал втиснуться в переполненный салон. Пассажиры возмущенно залопотали. Как белому, мне полагалось сидеть спереди, рядом с водителем.

Ни одного стекла, кроме лобового, в автобусе не было. Снаружи он был расписан люминесцентными красками и увешан гирляндами. Внутри стояли жесткие скамьи без обивки. Из стен торчали зазубренные ржавые заусеницы. Водитель едва доставал крошечными ступнями до педалей. Чтобы не задохнуться выхлопными газами, он зубами сжимал край намотанного вокруг головы платка.

Пробки казались бесконечными. Что такое правила дорожного движения, малайцы если и знали, то давно. Пассажиры выскакивали из джипни на полном ходу. Пешеходы бегали по проезжей части и лихо увиливали от несущихся машин.

Я пытался по карте следить, куда мы едем. Потом плюнул. Иногда закуривал сигарету. Водитель не обращал на меня внимания.

Куала-Лумпур напоминал дачный поселок, через который проложили сумасшедший хайуэй. Дома — максимум в четыре этажа. Глядя на них, я вспомнил сразу несколько старых анекдотов про лилипутика в лифте. По дороге двигались автомобили — добротные японские, но все старых моделей. Дети-малайцы угнали их у рассеянных родителей.

Потом мне надоело ехать. Я вылез, огляделся, прошагал пару кварталов. Все вокруг было пыльное и выцветшее от невыносимого солнца.

Решив поменять несколько долларов, я зарулил в банк. Прежде чем с вывески отвалилось несколько букв, она сообщала, что здесь

находится «National Bank of Malaisia». Перед дверью охранник с винтовкой М-16 на сгибе локтя внимательно ощупал карманы моих джинсов. Он едва доставал мне до плеча. Малайские деньги назывались «рингиты».

Я зашагал вниз по улице. Навстречу шагали жители славного города Куала-Лумпура. У женщин были платья до щиколоток и платки на головах. Мужчины носили белые рубашки навыпуск. Их усы казались приклеенными к несовершеннолетним розовым лицам. Даже местные бабульки выглядели как мечта педофила. У некоторых женщин на руках были крошечные дети. Судя по размерам, этих детей приходилось немного донашивать уже после родов.

Несколько раз свернув, я вышел на площадь. В ее дальнем конце торчала громадная мечеть. Площадь была заполнена жаркой, влажной толпой. Поверх голов были натянуты провода и веревки с разноцветными вымпелами. На здании слева от мечети висела огромная реклама «Kodak».

Пахло жареным мясом. Раскачивались и закатывали глаза косматые малайские старухи. Орала все и со всех сторон. Кое-кто держал в руках горящие свечи, кто-то пританцовывал и хлопал в ладоши. В плетеных корзинах шевелились черные крабы размером с сенбернара. Прямо на земле лежали связанные узлами живые осьминоги. Несколько раз я наступал на их щупальца ногой.

У самого входа в мечеть сидели нищие горбуны. Их перекошенные черные рты были похожи на арки проходных дворов. Калеки тянули руки и подвывали. Некоторые выглядели так, будто их тело сочиняли после многодневного запоя. Меня толкали. Потом, ни с того ни с сего, окатили грязной водой. Я начал выбираться из толпы.

С площади вытекало сразу несколько улиц. Я выбрал ту, что казалась шире остальных. На веревках сушилось жуткое белье. Вдоль стен на корточках сидели серокожие аксакалы. У них были древние морщинистые лица. Бегали дети неопределенного пола.

Я схватил за руку голого по пояс молодого малайца.

— Do you speak English?

Он что-то ответил.

— Ты знаешь, где находится буддийский храм? Монастырь Сумбун?

Он пожал плечами.

— Вот это место на карте. Где это?

Он показал, что не слышит.

— Мэн! Карта! Покажи, как пройти вот сюда!

Вокруг нас собралась толпа. Малайцы орали и махали руками. Тот, что лучше других говорил по-английски, объяснил, что идти следует вниз по улице. Много-много вниз. Потом налево, и там будет река. Я понимаю? Река! Много-много вода! Возле реки буддисты как раз и живут.

Чем дальше, тем уже становилась улица. Несколько раз я спускался и поднимался по стертым ступеням. Из глухих стен росли мясистые листья. В тени лежали бездомные собаки. Шерсти у них, живущих в тропиках, почти не осталось и на безволосой коже цвели разноцветные родинки. Собакам было жарко. Иногда на стенах было что-то написано пульверизатором. Под надписями кучковалась квадратная лумпурская молодежь. Парни провожали меня недоуменными взглядами.

Представить, что еще пару дней назад я находился на другой стороне планеты, было сложно. Почти до дна промерзшая Нева. У пешеходов на обуви разводы соли... Жизнь в Петербурге казалась тоскливым черно-белым кино.

Последнюю ночь перед отъездом я, помню, провел в редакции. На кушетке кто-то храпел. У меня на коленях сидел молчаливый ребенок... не знаю чей. Я рассматривал бесплатные интернетовские порносайты и прихлебывал из липкого стакана. Ребенок тоже смотрел в экран. Из того, что происходило под утро, вспоминаются лишь бесконечные проверки документов на улице.

Все-таки странно, что на конгресс послали именно меня. Было время, в газете меня ценили. Теперь, завидев вдалеке, коллеги судорожно разбежались по кабинетам. Если я приходил в редакцию трезвым, они тревожились и спрашивали что произошло? Телефонные разговоры давно строились по схеме:

— Как дела? Давай встретимся?

— Денег нет.

— А мы не будем здорово напиваться.

И, конечно, развод. Хотя чего еще можно было ждать? Последние месяцы контакты с женой сводились к тому, что она стирала мое нижнее белье. Чем дальше, тем чаще отстирывать приходилось по маду. Соответственно, отношения становились совсем ни к черту.

М-да.

Я вышел на пыльный перекресток. Судя по карте, река должна была протекать где-то здесь. Я долго озирался и бродил по чуждым проулкам. Потом река нашлась. С одного ее берега на другой был переброшен гамак. Отключив зад, в нем кто-то спал. Перейдя реку, я разглядел над крышами пагоду.

Буддийский монастырь Сумбун выглядел как аттракцион из Диснейленда. Слишком разноцветный, слишком нарядный. Китайские фонарики, клумба с яркими цветами. Стены монастыря были выложены вперемешку красными и желтыми кирпичами.

Вокруг не было ни души. Я поднялся по лестнице с широкими мраморными перилами. С крыши свешивались пестрые драконы. У них были глупые морды азиатских коньков-горбунков. Под наветом каменный пол казался даже немного прохладным.

Я подошел к массивной, в два моих роста двери и попробовал ее открыть. Заперто. Я постучал. Потом постучал погромче. Чуть не отбил себе кулак. Рядом с дверью стояла зеленая школьная доска, исписанная мелом. Может быть, на ней и был указан режим работы монастыря, да вот беда, я совсем не читаю по-малайски.

Я спустился обратно на раскаленную улицу и попробовал обойти монастырь вокруг. Встав на цыпочки, заглянул в восьмиугольное окно. Изнутри оно было прикрыто чем-то серым. С обратной стороны монастыря, прислонившись к стене, сидел громадный каменный Будда. Аккуратно сложенные в паху руки. Мочки лопухих ушей лежат на плечах.

Я выкурил сигарету. Стояла мертвая тишина. У Просветленного были плотнозажмуренные глаза. Каменные ресницы намертво впивались в нижние веки. Будете проходить мимо, пожалуйста, не будите Будду.

Когда я выбрался обратно к площади с мечетью, уже начинало темнеть. Самое время пообедать. Я посчитал деньги. На каждом углу стояли жаровни. Аборигены толкались вокруг и громко чавкали. Проходя мимо, я внимательно разглядывал, что именно они едят. Возле одной жаровни мне предложили расфасованную в стаканчики из-под коки бурую массу. По внешнему виду она напоминала человеческие глаза в собственном соку. У следующего поворота тощий малаец торговал шашлычками из нанизанных на лучину неоперившихся птенцов. Самый крупный из них был размером с большой палец ноги.

В боковой улочке светились буквы «BAR». Дверей в заведении не было. Под потолком вертелся вентилятор. За пластиковыми столами молча и неподвижно сидели аборигены. Никто ничего не ел.

— Могу я посмотреть меню?

— Меню? Что это?

— Я хочу есть. Понимаете? У вас есть еда? Понимаете?

— У нас есть лечонг. Еще есть адобо-адобо.

— Что это? Это мясо?

— Чего вы хотите? Вы хотите есть?

— Да. Йес. Понимаете? Я. Хочу. Есть.

— У вас есть малайские деньги?

— Да.

— Садитесь, сэр. Сейчас я все принесу.

Бармен нырнул вглубь помещения. Я сел под вентилятором. Малайцы синхронно повернули головы вслед за мной. В Петербурге я бы удостоился такого внимания, только если бы отрастил на лбу волосатую женскую сиську.

Блюда на мой столик выставляли сразу несколько официантов. Рубашки у них были грязные. Руки тоже. Передо мной возникли несколько тарелочек с кусками мяса, рисом, ядовито-зелеными стручками и бурой кашицей. Последним появился большой, наверное, двухлитровый кувшин пива.

— Восемь ринггит.

— Что это?

— Это пиво.

— Я заказывал пиво?

— Это холодное малайское пиво.

— Я больше не пью алкоголь.

— Что, сэр? Я не понимаю.

— Я НЕ ЗАКАЗЫВАЛ ПИВО!

— Что, сэр? Восемь ринггит. У вас есть малайские деньги? Я могу взять в долларах. У вас доллары?

Малайцы смотрели на меня, приоткрыв рты. Зубы у них торчали далеко вперед. Хотелось поддернуть манжеты и сыграть на них что-нибудь веселенькое, фортепианное.

Бармен, наклонившись, заглядывал мне в лицо.

— Блядь!

— Вы не хотите платить?

— О'кей. Раз так... Блядь! Я заплачу за ваше пиво. Оно холодное?

— Да, сэр. Холодное малайское пиво.

— Я заплачу за него. Но только за одно. Понимаете? Я БОЛЬШЕ НЕ ПЬЮ АЛКОГОЛЬ! Вы понимаете? Understand? Я выпью только одно пиво! Не больше! Одно! Холодное! Пиво!

Я сделал первый большой глоток.

Утро началось с того, что я доплыл до туалета и меня вырвало. В унитаз булькнуло черное, пропитанное ромом, полупереваренное мясо. Потом меня вырвало еще несколько раз. Знаете, что чувствуется тубик, в котором почти не осталось зубной пасты?

Итальянца в комнате не было. Рядом с кроватью валялись мои вчерашние джинсы. Они были до самой ширинки перепачканы желтой грязью. Я полежал, выпил воды, вернулся в туалет, и меня вырвало опять.

Наружу я смог выползти только к обеду. Болело ободранное небо. На языке ощущался вкус рвоты и перегара — будто кто-то умер, а я его съел. Еще болел желудок. Я упал в шезлонг. Руки напоминали брачный танец крабов. Влюбленные крабы теряли головы. Кололись неумытые глаза.

Потом меня нашел Папаускас. Рядом с ним шагала вчерашняя Бригитта.

— Ты чего не пришел на открытие конгресса?

— Э-э... Да как сказать?

— Проспал? Мы с Бригиткой вчера весь вечер тебя искали.

— Если хочешь совет, никогда не пей местный ром. А вообще-то нет, не проспал.

Папаускас сощурился и осмотрел меня.

— Худо?

— Сдохну, на хуй.

— Где ты был?

— Тоже хочешь сходить? Не советую.

Они с Бригиттой стояли надо мной и много курили. Я подумал, что если меня вырвет еще и здесь, то выйдет неловко. В кемпусе негритосы танцевали самбу. По дорожке ползла громадная бабочка. У нее были толстые мохнатые ноги. Была б она девушкой, не в жизнь ей не выйти замуж.

Потом всех позвали в столовую. Я-то зачем поплелся?

На столе стояли тарелки с жирным мясом. Оно было горкой навалено поверх зеленых листьев и пахло. Еще были порезанные фрукты и плетеная тарелка с чем-то вроде крупной клюквы.

— Мерзкое утречко.

— Да? А мне казалось ничего. Солнце... и вообще...

— В жопу это солнце.

— Сходи, выпей пива.

— Не сейчас. Пусть с тех пор, как я блевал, последний раз, пройдет хотя бы пятнадцать минут.

За несколько столов от нас сидел папаусовский лама. На нем был бордовый монашеский плащ, из-под которого торчала футболка с надписью «NIKE». Он доел, вытер губы и подошел к нам. Я подумал, что было бы неплохо встать.

Лама похлопал меня по спине. По-английски он говорил почти без акцента.

— Как вам конгресс?

— Очень захватывающее мероприятие.

— Будете о нем писать?

— Конечно! Я переполнен впечатлениями!

Он снова улыбнулся и посмотрел на меня внимательнее.

— С вами что-то не так?

— Все в порядке. Просто я отравился. В городе очень плохая вода.

— Вы нуждаетесь в таблетках?

— Спасибо. Это пройдет.

— Мне сказали, вы хотите стать буддистом?

— Да. Хочу.

— Правильный выбор! Я буду рад поговорить с вами об этой религии.

— Спасибо.

— Вы медитируете?

— Понимаете, я совсем недавно решил стать буддистом.

— Хорошо. Это очень хорошо. Вам предстоит многое понять.

Буддизм — это религия сильных и смелых людей.

— Да?

— Старайся больше медитировать. Обращай внимание на то, как устроен твой ум. Это очень важно. Больше читай.

— Я буду стараться.

— Через какое-то время мы проведем для тебя несколько ритуалов.

Но главное — старайся понять природу своего ума. Тот, кто понимает природу ума, имеет возможность умереть правильно. Это очень важно.

— А как научиться правильно жить? Что нужно делать для этого?

— Незамутненный ум — это и есть подлинный Свет Будды. Понимаешь?

— В общих чертах.

— Если возникнут проблемы, подходи, не стесняйся. Буду рад помочь.

— Спасибо.

— Тебе точно не нужны таблетки? Поправляйся. Заходи как-нибудь в мой номер. Я дам тебе очень хорошие пособия по медитации.

— Спасибо.

Делегаты перемещались в садик. Малайцы убирали со столов грязную посуду. Бригитта дожевывала бурое мясо. Может быть, это была печень. Может быть, это была моя, неработающая после вчерашнего, печень.

— Твой друг говорил, что ты журналист? Зря ты не пришел на церемонию открытия. Было очень красиво. Все вместе молились. Представители всех религий мира — вместе. Я думаю, это очень важно.

— А кому они молились?

— Мне доверили зачитывать приветствие от имени бельгийской делегации. Жалко, что ты не смог прийти.

— Хорошо, что я вообще выжил.

— Что?

— Не обращай внимания.

Ногти Бригитта красила черным лаком. Я заметил, что ее левая рука от запястья до самого локтя исполосована шрамами. Некоторые были толще моего мизинца. Решительная девушка.

— Ты поедешь купаться?

— Купаться?

— Сейчас всех желающих повезут на пляж. Ты поедешь?

— Да, действительно, поехали! Искупаешься, легче станет.

— Купаться? Ну хорошо. Только подождите, я поднимусь, надежду плавки.

В кондиционированном салоне автобуса было сумрачно и прохладно. Я сел у окна, а Бригитта рядом со мной. Похмелье и клаустрофобия — ничего сочетание? Сзади болтали на незнакомом языке. Мы тоже о чем-то поболтали. Я старался не дышать в сторону Бригитты.

Автобус ехал по узкой горной дороге. Временами она напоминала ленту Мебиуса. Зеленели бесконечные холмы. Они казались немного прыщавыми. Земля похотливо изгибалась, подставляла многочисленные бюсты под чужие ладони. По склонам холмов сползали залитые водой террасы. Кое-где на них копошились яркие фигурки.

Я спросил у Бригитты, как называется место, куда мы едем? Она не знала. Один раз за окном проплыли развалины старинного форта. Я разглядел окислившиеся стволы пушек. Потом начались

джунгли. Может быть, в них водилось что-нибудь вроде настоящих не дрессированных бегемотов.

Водитель припарковался на асфальтированной площадке. Я выbral наружу и огляделся. Цветовая гамма была так себе. Снизу вверх чередовались зеленый город, серый пляж, зеленое море, серые горы, зеленые облака и на самом верху — серый козырек моей кепки.

— Через три часа мы отправляемся назад. Пожалуйста, не опаздывайте.

Делегаты, подгибая колени, зашагали вниз, к городу. У каждого были солнцезащитные очки и камера на груди. Все громко разговаривали. Мы трое брели последними.

Безмянный городок оказался совсем маленьким. Он поднимался и снова опускался. У меня от него кружилась голова. Народу на улицах было мало. Бригитта захотела чего-нибудь купить. Сувенирная лавочка была закрыта, но, разглядев европейцев, хозяин засуетился и распахнул дверь. Английскую фразу «Чем могу помочь?» он прочел по бумажке. На прилавках были разложены лакированные ракушки, китайские веера, черные статуэтки, крохотные колчаны со стрелами, сушеные акульи головы, звякающие амулеты, кораблики, замурованные в бутылки из-под рома. Ром!.. Блядь!.. Чтобы я еще?! когда-нибудь?!

Городок плавно перетекал в пляж. Дома кончились, вместо них появились стойки с фонтанчиками питьевой воды. Желтая вода вытекала судорожными толчками, будто внутри кому-то выдавливают прыщ. У самой границы асфальта и песка, дорогу нам перебежала большая стая хищных рыжих насекомых. Каждое размером с мужской палец. Бригитта громко взвизгнула.

Бухта была узкой и мелкой. Воды в ней было так немного, что казалось, будто ее пролили и забыли вытереть. Местами из нее торчали горбатые островки. Еще виднелись полосатые, как семейные трусы, паруса джонок. Пальмы напоминали суставчатые фаллосы, лобком вверх вбитые в песок. Слева в конце пляжа виднелся бетонный пирс. Из-за него выглядывало неработающее «чертово колесо».

Бригитта была загорелая и чересчур длинноногая. На ней был закрытый купальник — черный, под цвет вьющихся волос. Вы замечали, что с похмелья проблема секса становится крайне болезненной? Хотелось... впрочем, ладно. А вот лезть в воду не хотелось. Я добрел до засыпанного песком лежака. Он оказался узким и неудобным. На европейские габариты здесь не рассчитывали.

Было тихо и спокойно. Солнце уже передумало зажарить меня живьем и остановилось на лишь слегка проваренном мясе. Ветер-похабник что-то нашептывал незнакомым растениям. Те растопыривали уши-лопухи. Было слышно, как за спиной играют в волейбол. Несколько раз ко мне подкатывали велосипедисты-коммивояжеры. Предлагали купить лимонад или освежающий фрукт рондонг. Я прислушался к ощущениям и выбрал баночку шипучей, брызгающей коки. Желудок жалобно взвизгнул.

Или все-таки искупаться?

Плавки «Speedo», которые были на мне надеты, в свое время покупала жена. Сразу после свадьбы мы с ней уехали на юг, в Гагры. Родовались, загорали, пили вино. Может быть, вина было слишком много уже тогда. На пляже его продавали в розлив, так что загорать я предпочитал в одиночестве. Как-то не рассчитал количество и уснул прямо на песке.

Проснулся уже ночью. Надо мной стояла светловолосая девушка в мешковатом мужском пальто.

— Хочешь посмотреть Чебурашку?

— Чебурашку?

Девушка распахнула пальто. Верхнюю часть купальника она не носила. Что-то от лопухого зверька в этом, конечно, было. Потом она ушла, и я недоуменно посмотрел ей вслед. А еще через минуту меня окружили черные, недобрые аборигены. Сеанс был платным. Не хочу ли я сдать все деньги и ценные вещи?

Продавцов Чебурашек было больше десяти. Из-под ботинка первого выкатиться я еще успел. Но подняться мне так и не дали. Сломанное ребро, левая сторона лица, превратившаяся в пунцовую массу. Остаток медового месяца жена всхлипывала и меняла мне холодные компрессы...

Сколько же лет назад это было?

Бригитта вылезла из воды и легла рядом. Сильные ягодицы, большая грудь, узенькие плечи, красивая шея. Вот только челочка — дурацкая. В ушах и на пальцах рук она носила здоровенные серебряные украшения. На щиколотке виднелась совсем маленькая татуировочка.

Я подумал, о чем бы нам поговорить?

— Красивая tattoo.

— У тебя тоже.

— Спасибо.

Мы помолчали.

— В твоей стране это дорого?

— Меня разукрашивали приятели. А, если не секрет, что с твоими руками?

— Суисайд полюшн.

— Это понятно. Несчастливая любовь?

— Нет, героин. Раньше я употребляла наркотики. Очень много героина... Потом реабилитировалась. Три года назад.

Мы опять помолчали.

— У себя дома я работаю с детьми. Сразу после курса реабилитации стала работать на религиозный фонд, который оплачивал мое лечение. У меня группа детей от трех до пяти лет. Я учу их рисовать. Читаю книжки. Ты понимаешь, да?.. Это дети, у которых нет родителей.

— Тебе за это платят?

— Очень немного. Зато они оплатили мне поездку на конгресс. Хотя сама я не религиозна. Мне просто нравится работать с детьми.

— Понятно.

— А ты, я слышала, буддист?

— С позавчерашнего дня.

Папаускас выбрался на берег, по-собачьи отряхнулся и доковылял до нас.

— Видите вон ту рожу на джонке? Я его спрашиваю: сколько стоит прокатиться? Знаешь, что он сказал? Двести баков! Я что, так выгляжу?

Я спросил, слышал ли он о судьбе капитана Магеллана, который где-то в этих краях тоже решил прокатиться на джонке? Папаускас вытерся и долго вытряхивал воду из уха. Закурил.

— Сколько времени? Может, по пиву?

— Ох! Что ж я маленьким не сдох?

— Я смотрю, у тебя сложные отношения с алкоголем?

— Просто вчера я уже выпил кружечку холодного пива.

Мы все равно дошли до пляжного кафе. Оно было оформлено как тропическое бунгало. Крышу выложили связками жестких черных мочалок. С веранды был виден океан и пальмы. Залив напоминал жеваный мармелад.

— Жарко тут.

— Местные говорят, что сезон дождей уже кончился. Хотя, может быть, еще придет тайфун.

Мы поразглядывали океан. Кроме нас в кафе сидел всего один малаец. Он курил и ножичком ковырял оранжевый грейпфрут.

Мачо не плачут

— Когда я вижу малайца в очках, то смотрю по сторонам: нет ли еще и собаки со слуховым аппаратом?

— Злой ты.

— Наверное, слово «Малайзия» переводится как «Азия для маленьких». Рядом с аборигенами я ощущаю себя большим белым колонизатором.

Бригитта пила пиво маленькими глоточками. Потом она спросила, давно ли я работаю журналистом?

— Слишком давно.

— У себя в России ты известный журналист?

— У себя в России я бедный журналист.

— Разве так бывает? А ты женат?

— Развелся. Месяц назад.

— Дети?

— Есть. Мальчик. Белобрысый, очень хорошенький.

— Теперь он живет с женой?

— Разумеется.

— Дети — это важно. Мне всегда очень жалко детей. У них обязательно должны быть родители. В Бельгии после развода детей часто оставляют жить с отцами.

— Нереально. У меня кретинская работа. Я много пью. Денег постоянно не хватает.

— Тебе не нравится твоя работа?

— Мне нравится твоя работа.

— В смысле?

— Плунуть бы на все. Не пить. Пройти... как ты... реабилитацию.

Тоже читать детям книжки.

Она и Папаускас посмотрели на меня.

— Что тебе мешает устроиться на такую работу?

— Да ничего не мешает. Может, я еще и устроюсь. Папаускас, в России есть буддийские благотворительные организации?

— Понятия не имею.

— Ты же буддист?

— Какая связь между буддизмом и благотворительностью? Тебе лама сказал изучать природу ума? Вот и изучай!

— Ладно. Я буду. Хорошо, что именно меня послали на этот конгресс.

— Да?

— Могли ведь и не послать.

— Да?

— Может, когда я вернусь домой, все изменится.

- За это и выпьем!
- Выпейте. Спасибо.

Волны накатывали на берег неторопливо. С ленцой и чувством собственного достоинства. Как и подобает волнам океана, именуемого Тихий, он же Великий. На берег... секундная пауза... от берега. И так — на протяжении последнего миллиарда лет.

Похмелье понемногу отпускало. Я действительно был рад, что мне удалось сюда приехать.

4

Нет на свете ничего более бурлящего и оптимистичного, чем человек, который покончил с алкоголем еще позавчера, а сегодня принял душ, переоделся и пьет кофе.

Кофе я налил себе как люблю: очень горячий, очень сладкий. Зубы были надраены, футболка пахла любимым одеколоном. Строгие малайцы улыбались мне ласково. Они заранее завидовали редактору, который будет читать мой сегодняшний материал.

Заседания проходили в огромном сером главном корпусе. Я закурил. Влился в шеренгу дисциплинированных делегатов. По дороге проверил, пищут ли ручки и как там батарейки в диктофоне.

Расстилающийся день напоминал первую брачную ночь.

За пару аллеек от кемпуса, был припаркован красный «SAAB». Все пять дверей были открыты. Внутри машины громко смеялись. Рядом стоял Папаускас. Заметив меня, он помахал рукой. В другой руке Папаускас держал пластиковый стаканчик.

— А у меня берут интервью! Представляешь? Обещают фото на первой полосе главной лумпурской газеты! Представляешь? Завтра скуплю весь тираж! Парни в Даугавпилсе обзавидуются!

В салоне сидели коренастые малайские мужички. Один был одет в фотокоровский жилет с кармашками и увешан дорогими камерами.

— Кстати, ребята, этот парень тоже журналист.

— О!

— Он аккредитован при конгрессе. Русский. Из Санкт-Петербурга.

— О!

— Они предлагают выпить местного напитка. Будешь? Называется «сосонат-vodka». Как я понимаю, самогон из кокосовых орехов. Экзотика, а?

— Ты на заседание идешь?
— А ты?
— Обязательно. В моей газете интервью с типами вроде тебя за сенсацию не прокатывает.

— Подожди минутку. Сейчас допью и вместе пойдем. Подождешь?

Малайцы подлили ему своей кокосовой гадости. Мне тоже протянули стаканчик.

- Спасибо. Я не хочу.
- Это вкусно. Попробуй.
- Не хочу. Я просто не хочу.
- Я правильно понял? Ты журналист?
- Просто пока мне не хочется. Спасибо.

Последние делегаты заскакивали в двери серого здания. Папаускас выпил не один раз, а несколько. Пахло действительно коками.

- Что вы, гайз, делаете вечером? Пошли в диско?
- В вашем городе есть хорошие диско? Ты пойдешь в диско?
- У нас отличные диско! Только нужно знать, куда идти. И диско, и реер-show, и массажные салоны. Вы уже были в «Ахласаре»?
- Что это?

— Вы не были в «Ахласаре»? Там был даже Кевин Кестнер! Вы знаете Кевина Кестнера? У нас в Малайзии лучший стриптиз в Восточной Азии!

— Лучший стриптиз в Восточной Азии находится в Патайе, Таиланд.

— Fake! Тайки — бляди! А малайские девушки — очень красивые. Вам нравятся наши девушки?

— Если честно, нет. У вас слишком маленькие девушки. Я люблю высоких девушек. Как Бригитта. Ха-ха-ха!.. Кстати, по поводу Бригитты...

Папаускас сунул мне свой стаканчик и нырнул внутрь корпуса. Бригитту он выволок на улицу, держа за рукав. Она удивленно задирала брови, спрашивала, что происходит и куда они идут? Папаускас налил ей водки. Бригитта перестала спрашивать.

Я несколько раз посмотрел на часы.

- Ладно. Все. Я пошел.
- Подожди. Подожди еще минутку.
- Как я буду писать? Я не был еще ни на одном заседании!
- Ты хочешь, чтобы я один тусовал с этими рожами?

Малайцы достали следующую бутылку. В мутной жидкости плавали белесые волокна. Акцент у малайцев был странный, визгливый. Будто они пытались скандалить, набрав полный рот карамелек. Вместо «fifty» они говорили «пипти». Слово «Раша», «Россия», произносили как «Русья».

— А какой у малайцев национальный напиток?

— Что такое «национальный напиток»?

— Французы пьют вино. Шотландцы — виски. А что пьют малайцы?

— «Stoly».

— Что?

— Водку «Stoly».

— Ты слышал? Они что, серьезно? Ребята, вы в курсе, что «Столичная» это русский национальный напиток?

Потом Папаускас сказал, что на заседание мы все равно опоздали, так что можно прокатиться в город. Я пытался говорить, что сегодняшняя тема... и что подумает лама?., а мне еще писать... Все только смеялись. Меня усадили на заднее сиденье, рядом с Бригиттой. В тесноте я чувствовал запах ее духов. На ходу подливая Бригитте в стакан, Папаускас каждый раз проливал немного мне на брюки.

Машина продиралась по узким улочкам. Тянулись бесконечные желтые стены. Камни были тщательно вылизаны ветром. У местных ветров были мокрые и нежные языки. Журналисты хихикали и взвизгивали тормозами на поворотах.

Потом проспекты стали пошире. Появились светофоры. Они были такие низенькие, что встань на цыпочки и дотянешься до красного цвета. Зато небоскребы выглядели очень настоящими.

Мы остановились напротив надписи «Караоке-бар New-York».

— Ну? Где обещанные порнокинотеатры?

— Дождемся вечера. Настоящая жизнь начинается с наступлением темноты.

В этой части города я еще не был. Что-то вроде делового центра. Хотя даже здесь все казалось не до конца продуманным. Перед дорогой витриной из пуленепробиваемого стекла могла лежать груда битого кирпича, обнесенная бамбуковым заборчиком. Словно начали с энтузиазмом, а потом надоело и плюнули.

Для создания праздничного настроения кое-где к столбам были привязаны связки пыльных воздушных шаров. Выглядело это так, будто, пролетая мимо, кто-то решил метнуть икру. Почти каждая дверь вела в банк. Тошие зазывалы хватили меня за руки:

— Change your money, mister! Change your money in our bank!
Please, mister!

Вдоль тротуаров был навален мусор. Пакеты, стаканчики, лохматые бумажные полотнища. Местами мусор достигал уровня колена. Вдоль домов, под навесами сидели женщины, которые сосредоточенно лупили по клавишам раздолбанных пишущих машинок.

Все несколько раз выпили пива. Журналисты смотрели на Бригитту, как подростки, набирающиеся впечатлений для вечернего сеанса онанизма. Заметив это, Папаускас сказал, что мы, пожалуй, пойдем. Всем пока. Малайцы расстроились. Несколько раз спросили, в каком номере нас разместили и можно они зайдут вечером?

Стоять посреди тротуара было жарко. Страшно дымили мотороллеры. Бригитта вливала в себя теплое пиво и разглядывала прохожих малайцев.

— Зайдем в тень?

— Вы заметили, что здесь совсем нет белых? Последнее время мне почему-то хочется здороваться с белыми. Просто потому, что они белые. Даже с незнакомыми шестидесятилетними бургерами.

— Подумать только: я доехал до другой части света!

— У света есть только две части: тот свет и этот.

— Вы не находите, что напиваться с утра — это пошло?

Через пару кварталов обнаружилась громадная вывеска «ROBERTSON'S Department-Store». Внутри был электрический свет и кондиционированный воздух.

— Желаеть чего-нибудь прикупить?

— Я?! Здесь?! Извини, но с тех пор, как я первый раз переспал с женщиной, я больше не ношу джинсы «Райфл».

На первом этаже стояли столы, заваленные пестрыми тряпками и кедиками 38-го размера. Три любые футболки за восемь ринггит. Любые двое джинсов за пятнадцать. Папаускас оторыл смешную T-Short. На белом фоне девять пар черных скелетов сплетались в наиболее популярных эротических позициях. У скелетов-мужчин член напоминал берцовую кость.

— Бригитка! Бригитка! Хочешь, я куплю тебе такую футболку? А чего? Будешь носить у себя в Брюсселе.

Начиная со второго этажа, цены выросли сразу раз в пять. Покупателей почти не было. В секции верхней одежды продавщица, согнувшись на табуретке, стригла ногти на ногах. Ножницы громко щелкали. Кусочки ногтей разлетались по сторонам.

Папаускас купил себе бешено дорогие носки. Я дошел до отдела игрушек и выбрал своему ребенку огромного надувного слона. Может быть, когда я вернусь... я ведь теперь буддист... и не пью... может, хоть теперь?..

Когда бродить надоело, мы на эскалаторе спустились в полуподвальный этаж «Робертсона». Здесь имелось несколько баров, кафе и пиццерий. Играла музыка. Охо-хо! Пять часовых поясов. Два материка. Три океана. И что я услышал? Осточертевших мне еще в Петербурге «The Cranberries»!

Кое-где за столами светлели европейские лица.

Я достал из пакета слона и еще раз его рассмотрел. У него был смешной хобот и маленькие ушки.

— Блядь! Я здесь всего третий день, а денег осталось!..

— Хочешь, одолжу?

— Да пошел ты!

— А чего? Я ж не в обидном смысле. Мне в Карма-Центре выдали командировочные... И лама, если что, добавит...

— А как я буду тебе отдавать?

— Ты выпей со мной, как человек. И отдавать не понадобится.

— Я ведь, по-моему, уже сказал, а?

Разговаривали мы почему-то по-английски. Бригитта сказала, что все-таки странный мы народ, русские...

— Русские? Ребята, вы из России?

Мы с Папаускасом вздрогнули и оглянулись. За соседним столиком сидел краснолицый европеец. Седеющий ежик, накрахмаленная рубашка.

— Мы? Да. Русские.

— Ёбты! Подсаживайтесь! Ёбты! Русские! Ничего себе!

Неожиданный соотечественник улыбался и махал руками. Мы пересели за его стол. Он спросил, пьем ли мы текилу, и сходил за бокалами.

— Ни хуя себе! Русские! Ёбнйврот! За встречу!

Звуки языка, на котором говорили Пушкин и Толстой, Бригитта слушала с вежливым вниманием.

— Вы чего здесь делаете? Меня зовут Виталик, а вас? Вот это встреча!

Рядом с ним сидела малайская женщина. Как обычно, неопределенно- детского возраста. Помада у нее была жирная, а тени над глазами ярко- голубые. На серой коже это выглядело будто она испачкалась, а помыться негде. Она рассмотрела меня и неожиданно проговорила:

- Как дела, морячок?
- Оп-па! Ты научил?
- Проститутка. Только три слова по-русски и знает. Нравится?
- Сколько ты ей заплатил?
- Плюнь! Здесь в порту этого добра!..

Папаускас переводил Бригитте на английский. То, что вечером Виталик звал на корабль («Все равно этой твари до утра заплачено!»), переводить он не стал.

- Когда домой?
- Через десять дней будем в Москве.
- Вот это да! Русских встретить! Наливайте, наливайте! А у меня фрахт. Я через десять дней буду в Японии.
- В Японии?
- Поехали вместе? С капитаном я договарюсь, а? Он русских тоже уже два года не видел. А?
- В Японию? Легко! Ты поедешь в Японию? А ты, Бригитта?
- Вас-то чего в эту задницу занесло?
- У нас здесь конгресс. Религиозный конгресс.
- Религиозный? То-то я смотрю, ты не пьешь.
- Почему? Я пью. Просто жарко. И я не люблю текилу.
- Этот парень решил, что он буддист! Ха-ха-ха!
- Серьезно? Буддист? Тогда тем более, надо ехать. Знаешь, сколько в Японии этих уродов?

Потом Виталик принес еще бутылку текилы. Проститутка облизывала пятую подряд порцию мороженого. Все это уже было со мной. Моряки... проститутка с эскимом... непонятная речь вокруг... Едва кончив школу, я с приятелями уехал в Ригу. Тогда все было точно так же.

Приятелей со мной было трое. С тех пор прошло пятнадцать лет. Я – вот он... а они...

Поехать именно в Ригу предложил здоровенный, двухметровый парень, которого все называли Хобот. Когда он начинал гоготать, дети писались от испуга. В Риге Хобот первым делом подрался с тремя моряками. Они бежали от него, на ходу теряя бескозырки. Он же угощал проституткок мороженым. В его ладони эскимо исчезало, как «Тампакс» в... ну, вы понимаете.

Еще до этой поездки Хобот говорил, что пробовал героин. Мне казалось, что он врет. В те годы героин был заграничной экзотикой. Прошло несколько лет, и родители перестали пускать парня в свою квартиру. Для них героин экзотикой уже не был. Какое-то время

Хобот ночевал в подвале собственной парадной. Рассказывали, что видели его жующим что-то из бачка для пищевых отходов.

Пока судья зачитывал приговор — лечение в психиатрической лечебнице тюремного типа — конвоиры поддерживали Хобота за локти. Он весил тридцать пять килограммов и сам подняться не мог. Я разглядывал его передние зубы — черные, выгнившие. За месяц до этого Хобот пытался украсть висящее на веревке соседкино белье. Тетечка в тапочках и халате выскочила из квартиры и заверещала. Он ударил ее ножом в глаз. До локтя забрызгал себе куртку. Клинок утонул в морщинистой глазнице почти по рукоятку.

Второго приятеля звали Герман. Отлично помню, что в Ригу он поехал, купив первые в жизни кроссовки «New Balance». Герман был очень модным парнем. Каждое утро он жаловался, что не может отмыться от запаха вчерашней подружки. Чем только брызгаются местные сволочи? Его дорогая обувь и форма носа действовали на девушек как хук в подбородок.

Через пять лет Герман стал совладельцем модельного агентства. Кроссовки он больше не носил. Теперь каждый его ботинок стоил как небольшой автомобиль. Под какой-то из проектов Герман занимал денег — а проект провалился. Сумма не была смертельной, все еще можно было уладить. Вместо этого он решил скрыться, пустился в загул, занял еще и каждый вечер угощал кокаином дорогих проституток. Кредиторы решили, что разговаривать с остолопом бесполезно. На счет «Раз!-Два!-Три!» Германа выкинули с верхнего этажа гостиницы «Санкт-Петербург».

Третьим с нами ездил паренек по фамилии Рубинштейн. Он был единственным евреем в классе. За это его частенько били. Я тоже бил, но к выпускному классу мы подружились. Женился Рубинштейн на самой красивой девчонке школы и вскоре увез ее из страны. Не помню куда. Может быть, в Израиль.

Понятия не имею, почему шесть лет спустя они вернулись. Привезли с собой двоих почти не говорящих по-русски детей. Рубинштейн устроился работать охранником в продовольственный магазин. Получал \$2 за смену. Однако своей раздавшейся в ягодицах жене работать не разрешал. Чтобы не помереть со скуки, она развлекалась тем, что затаскивала в койку все, на что падал взгляд. Подвигами хвасталась мужу. Каждый раз Рубинштейн плакал и причитал: «Ну зачем ты, Леночка?.. Зачем?..»

То лето выдалось жарким. Завидев нас, четверых, рижские девушки хлопали ресничками и окончательно забывали русский

язык. Мы громко смеялись и пили красное, как зрачки графа Дракулы, вино в уличных кафешках.

Все было отлично. Все только начиналось...

Прощаясь, Виталик пытался поцеловать Бригитте ручку и чуть не опрокинул стол. Когда я доехал до Конгресс-Центра, было совсем темно. сосед-итальянец лежал на кровати и читал толстую книгу. Может быть, Библию или телефонный справочник. Я был трезвыи и усталый.

Потом я вроде бы даже успел поспать.

— Слышь? Ты чего, уснул, что ли? Слышь? Извини! Ты не видел моих носков?

Папаускас говорил свистящим шепотом. Через приоткрытую дверь на него падал свет. Наклоняясь ко мне, он, чтобы не свалиться, вытягивал пьяные руки.

— Каких носков?

— Я сегодня в «Робертсоне» покупал носки.

— Здесь нет твоих носков. Ты забрал их с собой.

— Точно?

— Сколько времени? Зачем тебе носки в полвторого ночи?

— Хватит спать. Пошли к казахам. Там в садике у кого-то день рождения. Девушки есть!..

— Иди в задницу!

— Не пойдешь?

— Я хочу спать. Завтра на заседание...

Выходя из номера, Папаускас всем плечом врезался в дверной косяк.

Я полежал с закрытыми глазами. Потом встал и в темноте нащупал свои джинсы. В садике вокруг фонарей махали огромными крыльями тропические насекомые.

Узнать соотечественников ничего не стоило. Таких причесок не делают больше ни в одной стране мира. В шезлонгах и на траве сидело человек двадцать. На свету я разглядел, какое стеклянное у Папаускаса лицо. Он приветственно замычал и представил меня имениннику.

Говорили вокруг по-русски.

— Андрюха! Как хорошо, что мы познакомились! Андрюха! Теперь ты мой лучший друг!

— Андрюха?

— Да. В смысле — Боря. Ты — отличный парень!

— Боря?

— Я очень тебя люблю! По-мужски, ты понимаешь? Я считаю, что мужская дружба... это... это...

— Что?

— Ты понимаешь... это...

— Что?

— Слушай, как тебя зовут?

Я взял в холодильнике бесплатную упаковку из шести банок пива и поставил перед собой. На баночках было что-то написано по-малайски. Когда упаковка кончилась, я сходил еще за одной.

Огромная желтая луна в черном небе была похожа на галлюциногенный бред.

5

— У тебя есть деньги?

— Великий Будда сказал: деньги — это героин, геморрой и гонорей. Аминь.

— Может, попросим в кредит? Слышь!.. это... иди сюда!..

— погоди. Не надо. Заберут еще. Пошли, дойдем до кемпуса.

— А где моя куртка? Вы не видели мою куртку?

— Что будем делать с жабой?

— Алё, жаба! Что с тобой делать?

— По-моему, она тухлая. Понюхай, как воняет.

— Да ладно — воняет! Как должна пахнуть жаба? Скажи, чтобы нам завернули с собой. Казахов угощать будем.

— Она была такая... прямая...

— Кишка?

— Нет, моя куртка.

— Лучше бы она была кривая. Очень бы пошла к твоей роже.

Утро кончилось, не начавшись, а потом мы уже сидели в Чайна-тауне. По внешнему виду китайцы совсем не отличались от остальных жителей Куала-Лумпура. Правда, в Чайна-тауне на каждом шагу попадались странные женщины с огромными белыми цветами в волосах. У некоторых цветы были больше самой головы.

От города китайский квартал был отгорожен стеной. Внутри нужно было проходить через украшенную драконами арку. Она похотливо растопыривала могучие бедра. Мы остановились перед ресторанчиком с открытой террасой.

Официантка выглядела как актер театра кабуки. Лицо у нее было выточено из слоновьего бивня. Правда, при жизни слон много курил. Чтобы вокруг столика образовалась тень, она ловко перегруппировала плиты подвижного потолка.

Передо мной и Бригиттой положили меню. Папау-скас сказал, что хочет лично осмотреть образцы блюд. Официантка увела его на кухню.

— Знаете, что я заказал? Жабу! Вы когда-нибудь ели жабу?

— Какой у них алкоголь?

— Водка. Китайская.

— И сколько ты заказал?

— Слушайте, русские, у вас совесть есть? Вы убьете меня своей водкой.

Водка была разлита в чумазые бутылки с кособокими этикетками. Помимо гигантской жабы на столе появилась целая куча тарелок. По террасе поползли запахи Азии. Даже пьяная, Бригитта ловко махала китайскими палочками для еды. Мне донести что-нибудь до рта удавалось даже не через раз.

Допив и расплатившись, мы вывалились на улицу. Прошли мимо витрины, в которой было выставлено фото узенькой китайской задницы с нататуированным драконом. Споткнувшись, Папаускас начал, не сгибаясь, всем длинным телом падать на группку китайцев. Те шаррахнулись в стороны и проводили нас диким взглядом.

— У тебя мелочь на джипни осталась?

— Зачем тебе джипни? Пошли пешком.

— А я бы поехал на верблюде. Здесь есть верблюды? Может, пощем?

Улица, по которой мы ползли, состояла из сотен одинаковых ювелирных лавочек с одинаковыми «Ролек-сами» из фальшивого золота на витринах. Потом попалась китайская аптека. Перед ней, на тротуаре, лежали образцы товаров: связки телячьих хвостов, колбы с сушеными морскими коньками, баночки с чем-то заспиртованным. Может быть, с невинно убиенными христианскими младенцами.

Бригитта смотрела по сторонам, брезгливо кривя лицо. Иногда она громко икала.

— Знаете, гайз, я все время забываю — как называется этот город?

— С ума сошла? Куала-Лумпур!

— Нет, Лумпур — это страна. А как называется город?

Иногда к нам подбегали китайские рикши. У них были визгливые голоса. Одному, особо доставучему, Папаускас по-русски сказал, чтобы он отъебался, пока не огреб.

Потом мы оказались на перекрестке.

— О! Я знаю это место! Здесь рядом есть буддийский храм. Зайдем?

— Жарко. Пошли уже.

— Я очень хочу побывать в храме. Мы буддисты или нет?

— Будда акбар! Ныне и присно...

— А скажи мне, Папаускас, почему у Будды на всех картинках такие закрытые глаза?

— Главное не глаза. Главное в изображениях Будды — это особая шапочка. Она называется будденовка.

— Я серьезно. Для меня это ОЧЕНЬ серьезно.

— Понимаешь... тохарские влияния... и вообще, буддийская иконография... начиная с третьего века нашей эры...

— Нет, ты скажи, ему по хуй?

— Кому?

— Будде. Ему на нас наплевать, да? Почему он на нас не смотрит?

Мы стояли на перекрестке. К храму нужно было идти налево.

Бригитта тоскливо смотрела в противоположную сторону.

— Мы так и будем стоять?

— То есть в храм не пойдём?

— Пошли в кемпус. У меня еще остался алкоголь. Немного.

— Алкоголь? Ну пошли.

Храм остался за спиной. Мы дошагали до парка. На газоне из цветов был выложен огромный циферблат. Стрелки утверждали, что делегаты уже прослушали доклады и переходят к прениям. Над циферблатом стоял памятник неизвестному куала-лумпурскому герою. Мы прошагали по аккуратно подстриженной траве. Герой скривил бронзовое лицо.

В парке росли пальмы незнакомой мне породы. Вдоль дорожек молодые малайцы подпрыгивали, дрыгали короткими ножками и демонстрировали приемы восточных единоборств. Перед каждой группкой стояла коробка, куда прохожие кидали купюры и монетки. В Европе в таких случаях парни танцуют брейк-данс.

Мы остановились посмотреть. Единоборцы задергались активнее. Особенно здорово у них получались боевые выкрики. Папаускас подошел к коробке, где денег было больше, чем в остальных, и выудил оттуда несколько купюр. Малайцы ошалело замерли. Нам в спину уперлось их агрессивное молчание.

Мы выбрались на оживленную улицу.

— Один ринггит — это сколько в рублях?

— В рублях?

- Ну, хотя бы в долларах?
- Один доллар — это восемь ринггит.
- А один ринггит — это сколько долларов?
- Это самое... погоди... так нельзя сказать.
- Короче, на пиво нам хватит?

К Конгресс-Центру мы подъехали на такси. Поднимаясь на этаж, Бригитта несколько раз споткнулась. Я хватал ее за локоть. Потом она долго шарила по карманам.

- Shit! Ключей нет!
- Чего?
- А! Есть ключи! Пошли!

Кровать после предыдущей ночи застелена не была. Водку мы допили чересчур быстро. Она была противной.

- Спустимся за пивом? Или дойдем до liqueur-store?
- Бродить неохота. Поближе ничего нет?
- О! Знаете чего? Меня вчера ирландцы приглашали... или шотландцы?, не помню. У них есть.
- И что?

- Сходи, а? Триста семнадцатый номер. Это на третьем этаже.
- Почему я? Они ж тебя звали.
- Какая на хуй разница? Сходи. Запомнил? Триста семнадцать.

Если не дадут так, скажи, чтобы продали. Денег дать?

- А вы?
- Мы тебя здесь подождем. Только ты не долго, о'кей?

По лестнице я спускался на цыпочках. Ступени коллаборационистски скрипели. Бдительных малайцев видно не было. Дверь триста семнадцатого не открывали чересчур долго. Я постучал еще раз. В узенькую щель высунулся парень с редкими, но вьющимися волосами.

- What?
- Кхм... это...

Парень меня внимательно рассмотрел.

- Ты ведь не из администрации, да?
- Нет. Я журналист. Русский.
- Ну-ка заходи!

На кроватях и на полу сидело человек восемь. Все молчали и смотрели мне в лицо. В комнате висел странный запах. Может быть, это была и не марихуана.

- Гайз! К нам зашел русский!

Сидящие облегченно выдохнули и принялись вытаскивать спрятанные бутылки. Прикурили погашенные сигареты. Один ста-

канчик тут же сунули мне в руку. У парней были круглые британские щечки. Разговаривали они с тем шепчущим миккирурковским акцентом, который действует на петербургских девушек убойнее фаллоимитатора.

— А правда, что русские пьют больше всех на свете?

— Русские меньше всех на свете едят.

— А пьют?

— Не знаю.

— А правда, что вы пьете водку стаканами?

— Не правда. Я не пью водку стаканами.

— Но можешь?

— Могу.

— И «Beafeater» можешь?

— И «Бифитер» могу.

— Ну-ка налейте русскому! Ну-ка покажи! Ого! Ты крутой! Как по-русски будет hangover?

— Будун.

— Я постараюсь запомнить это слово.

— Можешь не стараться. Когда ты проснешься с утра и услышишь в голове «Будуммм! Будумммм!» — это и будет hangover по-русски.

Потом я сказал парням, что не мое, конечно, дело, но в таможенных декларациях по поводу наркотиков было написано... Они сказали, что знают. Потом я вспомнил о Папаускасе и Бригитте.

— Знаете чего? У меня выше этажом сидит приятель. И девушка. Я их позову? Вы как?

— Девушка? Русская?

— Из Бельгии. Я схожу?

— Зачем? Пошли лучше к ней. У нее есть подружка?

Комнату запирали долго. Поднимаясь по лестнице, старались не шуметь и не брякать бутылками. Все прикладывали пальцы к губам, шипели «Тсс!» и хихикали.

Я аккуратно, чтобы не шуметь, открыл дверь и просипел «С'мон!» Папаускас метнулся с кровати и начал торопливо натягивать джинсы. Парни ввалились в комнату, выставили на стол бутылки и начали разом говорить. Бригитта простыней накрыла голый живот.

— Стучаться надо!

— Жуй хуй! Приличные люди в таких случаях запираются. И вообще, говори по-английски. Не вежливо.

— А вламываться без стука вежливо?

Все познакомились, все выпили, все заговорили. Бригитта сходила в туалет, натянула какие-то джинсы. Первый стаканчик она выпила залпом.

— I'm sorry, а у вас нет радио?

— Бесполезно. Я пробовал. Здесь нет FM-станций.

— Здесь?! Нет?! FM?! Станций?! Гайз, куда мы попали?!

— Папаускас! Прекрати! Своим дезодорантом ты провонял весь Куала-Лумпур!

— Это не дезодорант. Это средство от насекомых.

Он сидел на полу и пытался общаться с длинным, заросшим ирландцем. Тот задавал вопросы и кивал вежливой головой.

— Ты тоже русский?

— Да. Я русский.

— Чего ты его слушаешь? Какой он русский? У него фамилия Папаускас! Чухонская морда!

— Что значит это слово?

— Он НЕ русский.

— А ты — националист!

— О! Я много читал о русских фашистах! В России есть фашисты?

— В России русскими фашистами могут быть только евреи.

— Почему?

— Когда русские фашисты видят настоящего русского, они пускают от огорчения и садятся учить иврит.

— Почему?

— Ты когда-нибудь видел живого русского? Настоящий русский туп и плохо пахнет.

— Но ты хорошо пахнешь.

— Во-первых, еще не вечер. А во-вторых, я не настоящий русский. Я живу в Петербурге. В моем городе евреям все-таки удалось ввести моду на одеколон.

— В России много евреев?

— Россия испортила даже евреев. В последнее время они тоже плохо пахнут.

— Ты православный?

— Православный? О! Русская церковь! Когда святые в раю слушают бляение русских попов, они морщатся и блюют!

— Ты не любишь православную церковь?

— Как ее не любить — такую? Пусть блюют святые — я не святой! Я люблю даже такую бессмысленную штуку, как русская церковь! Я обожаю все русское! А все западное я терпеть не могу!

— Надо же. Мы сидим... пьем. А ведь когда-то наши страны были врагами. Если бы Россия и НАТО стали воевать, ты думаешь, вы бы победили?

— А ты сомневаешься? Вспомни Вторую мировую!

— И что?

— Ты думаешь, в такой великой стране, как Россия, не нашлось бы ста миллионов героев, готовых отдать жизнь ради светлой цели? Ради того, чтобы наши генералы могли строить дачи еще и в Майами?

— Ста миллионов?!

— Да! Да! Миллионов!

— Я не понял, ты любишь свою страну или нет?

— Охуел? Разумеется, люблю! Я fuckin' люблю свою страну! Я ее обожаю! Я люблю в ней все! Особенно еврейских девушек!

— А русские девушки?

— Ты можешь себе представить пятьдесят миллионов аноргамических блядей?

— Не могу.

— Приезжай в гости. Я покажу, как это выглядит!

— Все-все-все русские девушки — бляди?

— Да. Только они не любят делать fuck. Делают со всеми подряд, но не любят. Просто это особый подвид блядей.

— А что они любят?

— Русские девушки любят оральный секс.

— Правда?

— О! Оральный секс — это национальное лакомство русских девушек! Ты знаешь, что в России не бывает изнасилований?

— Почему?

— Дело в том, что у русских девушек есть анатомическая особенность. У них по-особому устроен язык. Им ничего не стоит заниматься оральным сексом с первым встречным. Но они физически не способны произнести невыносимое слово «Нет!».

— Правда?

— А знаешь, почему? Я тебе скажу! Только это секрет, ладно? Дело в том, что русские девушки терпеть не могут оргазм.

— Почему?

— Я читал, что на Западе мужчины борются с преждевременным семяизвержением?

— Да. Бывает.

— А в России девушки стонут: «Да когда ж ты, сука, кончишь?!» Русские девушки презирают оргазмы. Они делают нам оральный

секс. Они вытягивают свои губки, трогают пальчиками наши русские задницы — все что угодно, лишь бы не оргазм! Отличная страна!

— Ты меня расстраиваешь. Я читал, что русские девушки недурны...

— Недурны?! Да это лучшие девушки на свете! Правда, русские мужчины предпочитают целоваться не с ними, а с собутыльниками. Стыдно, но признаюсь: мы никогда не целуем своих замечательных девушек. Зато, когда напиваемся, целуемся между собой. Кстати, не пора ли начать?

— У вас много гомосексуалистов?

— В моей стране гомосексуалистов бьют. А самым унижительным занятием для русского мужчины считается останавливать скачущих коней и заходить в горящие деревенские дома.

— Вот это да! Вот это страна! Хотя у нас пидоров тоже не любят...

— Серьезно? Слушай, как называется место, откуда ты приехал? Может, мы родились в одной и той же стране?

— Russia uber alles!

Потом «Бифитер» кончился. Ирландцы... а может шотландцы?.. посчитали наличность и предложили сходить в бар. На улице было уже темно. Постовой у ворот что-то бубнил и тер глаза. Бар отыскался быстро. В нем было светло и чисто. По стенам висели картинки с перекошенными малиновыми рожам. Возможно, они изображали посетителей, уже хлебнувших местного алкоголя.

У стойки стоял невысокий малаец с аккуратной прической.

— Can you buy... в смысле sell me... э-э-э... bottle of rum?

— No.

— Why?

— 'Cos I'm a costumer, as you.

— Ты, сука, умничать будешь? Тебе, суке, усы давно не отрывали?

На купюрах глумились незнакомые азиатские морды. Ирландцы орали и проливали алкоголь на стол. Того, что сидел рядом, я называл Джейсон, хотя его звали как-то совсем иначе. Я без конца оказывался в тесном туалете и бился плечом о стену.

Несколько раз к нам выходил хозяин бара. Он затравленно улыбался и спрашивал, будем ли мы заказывать что-нибудь еще? Когда мы возвращались к Конгресс-Центру, кто-то из ирландцев бросил камнем в проезжавшую машину.

Ворота были уже закрыты. Все полезли через забор. Кривоногий Джейсон писал в траву и громко смеялся. В траве что-то шебуршилось и попискивало. Потом он лез по отвесной стене в номер деву-

~~ск.~~ Мне казалось, что святающееся окно нарисовано на фасаде. Деревяшки верещали и кидались в ирландца пустыми банками из-под пива.

Папаускас обессиленно сползал в шезлонге. По его футболке были размазаны зеленые слюни.

— Нася-а-а!.. Иди ибаца!.. Нася-а-а!..

— Какая Настя? Приди в себя! Здесь нет Насти.

— А кто есть?

— Здесь только Бригитта.

— Бригитта-а-а!.. Иди ибаца!.. Бригиттта-а-а!.. Ты меня слышишь?.. И Настя пусть тоже идет!..

Потом мы сидели в комнате. Иногда кто-то ненадолго засыпал. Может быть, это был я. Вокруг было чересчур много алкоголя. В бутылках, в пластиковых стаканчиках и просто так.

Бригитта клала мне голову на плечо. Голова была невыносимо тяжелой. В черных волосах белели кусочки рвоты.

— Убери, на хуй, свою голову.. вон сидит Папаускас... я-то при чем?.. слышишь?.. а то восемь минут первого... и денег нет... вдруг — хоп!.. разворачивается «четыреста пятидесятый»... когда приехали, я ей говорю: «Иди сюда!»... она говорит: «А ухаживать?»... я говорю: «Глаза у тебя... красивые, короче... иди сюда!»... она ушла, а я даже встать не мог, чтобы дверь закрыть... до утра лежал и водку из горлышка пил... в темноте... я ведь, между прочим... ты знаешь Эрика?.. он интеллигентный парень... кокаином раньше торговал... с Дэйвом Гэаном два грамма за сутки вынюхал... вот и убери свою голову... от тебя членом пахнет... он мне до сих пор должен... но я не спрашиваю... мы у медсестры стеклодола спиздили... и в кружке с чифирем развели... чуть не сдохли... Паша-Лорд ангелов слышал... а потом себе в трусы кончил... хотя... его майор КГБ полночи сапогами по голове лупил... а ты с Папаускасом!.. нет, я понимаю... но ты тоже скажи... падла с патлами... чего тебе надо?.. я ведь в 90-м году... как раз Германии объединялись... а она моряком была, представляешь?.. девушка-моряк!.. всю прихожую ей обоссал... сука фашистская!.. и я захожу в бар... хотел поменять «Левайс» на новые «Найки»... а «Левайс» 846-й!.. это ж модель-кlesh!.. понимаешь?.. когда человек лох, его не то что в клубы... его в метрополитен приличный не пустят... мы там коньяку выпили, марихуанки покурили... а потом бармен мне голову ледорубом проломил... ты меня слушаешь?.. слушаешь или нет?.. я ведь... мне в два часа ночи Яша звонит... говорит: «Можно, я к тебе барабанщика „Laibah“ приведу?»...

а пришел с татарами... подстава, блядь!.. мне ведь с утра на работу... я знаешь, кем работал?.. там такие телки!.. а еще портным и инструктором по велоспорту... и... если бы от тебя моим членом пахло, это ничего... но ведь чужим!.. потому что негритосы возле бара «Карелия» Лёху Бабаева ногами в асфальт втоптали... пятеро одного... в мясо!.. они хорошие парни, поняла?.. и я тогда говорю: «Дай таблетку за пять долларов»... а он?.. потом говорю: «Дай за десять»... потом за двадцать... а он говорит, что сейчас позовет охрану, и драться лезет... ты понимаешь?.. я его до этого угощал... и пока мы нюхали, он у моей девушки шестьсот пятьдесят долларов из сумочки спиздил... и тут еще этот череп... знаешь, сколько я зарабатываю?.. ты сама не знаешь, чего ты хочешь... я с ним разговариваю... я всех угощал, но знаешь, сколько я зарабатываю?.. у меня приятель есть... с тремя высшими образованиями... он в боулинге работает... я ему сказал, на какие деньги я живу, а он заплакал... ты понимаешь?.. при таких зарплатах война скоро начнется... а ты... с Папаускасом!.. ты меня слушаешь?.. сука, почему ты не слушаешь?

За окном светало. На кровати, завалившись, спал Папаускас. У него были огромные пальцы ног. Каждый из них напоминал почкующуюся брюкву.

Бригитта икала.

— Ты меня слушаешь? Убери голову.

— Speak English.

Когда я понял, о чем она, то надолго задумался. В комнате становилось все светлее. Бригиттина голова все еще давила мне на плечо.

6

Где-то к пятому дню Папаускас стал совсем плох. Его бил озноб. Он до подбородка натягивал одеяло и зеленел лицом.

— Это малярия!.. Мой желудок!..

— Пошли, а?

— Какие симптомы у малярии? От малярии можно умереть?

— Главное, влей внутрь первый стаканчик. Потом станет легче...

— Точно! Это малярия! Мой miserable желудок!

— И вообще. Скоро должно открыться второе дыхание... Поверь, я знаю.

— Когда это — «скоро»?

— К завтрашнему дню точно откроется.

Перед этим каждое утро он вваливался в мой номер, глупо хихикал и тер все еще пьяные глаза.

— Куда ты вчера делся? На хрена ты приволок из бара тех троих гангменов? Неужели не помнишь? Лама нас выебет. Пошли?

И мы шли.

Ни на одно заседание я так и не попал. В Конгресс-Центр мы возвращались только переночевать. Иногда заскакивали в столовую, пытались украсть немного еды. Окинув меня взглядом, администратор-малаец как-то поинтересовался: в какой именно стране носят такие странные национальные костюмы?

На ламу я натолкнулся только однажды. Он заулыбался и спросил, когда же я, наконец, зайду? Где, вообще, пропадаю?

— Простите, лама. Читаете ли вы местную прессу?

— К сожалению, я не владею малайским.

— Сенсация! По последним данным, Будда, он же Просветленный, он же принц Гаутама, был гомосексуалистом!..

— Да?

— Причем пассивным...

— Да?

— Именно поэтому я не имел возможности зайти к вам.

— Соггу, почему «поэтому»?

— Я был обязан срочно выпить за упокой души пидораса, пидорасциониста и пидрастеника Будды. Это был мой гражданский долг.

— По отношению к Будде нельзя сказать «за упокой души». Согласно буддийской доктрине, у человека нет души.

— Серьезно? Вы расстраиваете меня, лама! Знал бы, что у меня нет души, давно бы ее продал. Кстати, не интересуется? Душа во вполне рабочем состоянии.

Иногда шел дождь, хотя чаще не шел. Может быть, я просто не обращал внимания. Я просыпался в насквозь мокрой постели. Пот стекал по шее и впитывался в подушку. На полу валялись обгорелые кусочки чего-то, мятые пивные банки, связки нижнего белья, недоеденная пища, рваная бумага и еще очень многое. В половинке скорлупы кокоса лежали окурки, очистки фруктов, использованные презервативы. На подоконнике и письменном столе громоздились липкие чашки, усыпанные пеплом тарелки. В книжном шкафу кто-то разбил стекло. Его осколки поблескивали в ковре. Простыня с кровати была стащена на пол, порвана и перепачкана следами ботинок. Воняло мочой и алкоголем. На стенах желтели

жирные пятна. В переполненном унитазе стояла серая вода. Территория итальянца сжималась... и сжималась... потом я заметил, что он перестал ночевать в комнате.

Восстановить последовательность событий не представляется возможным. В закрывающемся банке я доказывал охраннику с винтовкой, что Папаускас это Бэтмен, а я — Робин. Еще помню странную вечеринку в незнакомом районе Куала-Лумпура. Жилища аборигенов были выстроены из картонных коробок, отломанных автомобильных дверей и кусков рассыпающегося бетона. Под пальмами, укрывшись газетными листами, спали чумазные малайские бомжи. Солнцу было стыдно освещать эту дыру. Понятия не имею, как меня туда занесло.

Папаускаса видно не было. Я сидел в окружении голых малайцев. На некоторых имелись только набедренные повязки. Их ребра вызвали ассоциации с мумией, лежащей в Египетском зале Эрмитажа. Правда, мои собутыльники казались менее упитанными.

Из травы торчали огромная бутылка и горка порубленных фруктов. Я смутно догадывался, что за алкоголь уплачены мои деньги. Стаканчик был один на всех — старый, бумажный, с изжеванными краями. Пили по очереди.

Слева от меня сидел совсем седой дядечка. У него был... не знаю, как называется... церебральный паралич?.. каждая его конечность жила собственной жизнью. Когда подошла очередь, малайцы налили ему из бутылки и замерли. Он протянул к стаканчику непослушную руку. Рука долго извивалась и не желала подчиняться.

Я захохотал.

Дядечка все-таки ухватился за стакан. Жидкость выплескивалась и забрызгивала сидящих вокруг. Малайцы молчали и опускали глаза. Из стаканчика продолжали вылетать капли. Все были уже насквозь мокрыми.

Я хохотал громче.

Наконец, он влил остатки алкоголя в косо прорезанный рот. Складки лица тут же пришли в хаотичное движение. Паралитик долго... очень долго... направлял кубическую руку к фруктам. Проглотить алкоголь без закуски ему не удавалось. Все молчали. Я хлопал малайцев по спинам и спрашивал, почему им не смешно?

Прежде чем разлить следующую порцию, крепыш с узловатыми мышцами под серой кожей, мешая редкие английские слова с множественством малайских, объяснял мне, что седой эксцентрик — его отец. У них в стране не принято смеяться над родителями. Их нуж-

уважать, я понимаю? Я отвечал, что мне насрать. Пока он, сука, шлет за мой счет, я буду делать что хочу! Это ясно?! Ясно или нет?!

Я проснулся в четыре утра, в собственной комнате. Очень четко осознал, что сейчас умру от голода, бросился к столовой. Она была открыта. Я выскочил за ворота. Улицы заволакивал потный и плотный туман. Уже на три метра вперед было ничего не разглядеть. Если из этого белого мрака на меня накинется тропический гад-людоед, я буду абсолютно незащищен.

Стояла жара, а я покрывался инеем. Я бежал все быстрее. Что я здесь делаю? Думать об этом было немного страшно. Чтобы отвлечься, я, как Винни-Пух, в такт шагам сочинял стихи. Они тут же забывались. Помню только, что речь шла о мохнатых, взаимно-приносивающихся Дыре и Штыре.

Мы сидели с Папаускасом в пабе. Я вдруг обратил внимание, что пот он вытирает грязными семейными трусами. После каждого глотка достает их из кармана джинсов и вытирает. У себя в карманах иногда утром я обнаруживал целые россыпи пестрых одноразовых зажигалок. А иногда — не обнаруживал. Проследить закономерность не удавалось. Думал я об этом очень усердно и, из-за чего началась драка, заметить не успел.

Все орало. Трещала мебель. Кто-то, защищая голову, пытался пробиться к выходу. Папаускас обеими руками держал стул с металлическими ножками. Трое аборигенов кидали в него бутылками и пытались загнать в угол.

Я отлично знал, как следует поступить. Не вынимая зажатую между пальцев сигарету, следовало врезать ближайшему малайцу по глазам. Когда он ослепнет, согнется и заорет, нужно сбить его с ног и несколько раз ударить носком тяжелого ботинка в висок. Я должен убить ублюдка. Он должен сдохнуть. Сгнить в жирной почве. Стать перегноем.

— С-сука!

Тяжелых ботинок на ногах не было. Были пляжные тапочки. Сзади на меня навалилось сразу несколько жарких тел. Некоторое время я видел только заплеванный, усыпанный пеплом пол. Руками обхватывал огромную, гудящую голову. Где-то под потолком носился визгливый голос Папаускаса.

Когда приехала полиция, меня за подмышки подняли с пола и усадили к стене. Кто-то принес мокрое полотенце. Я клал его на пылающее лицо. Папаускас курил и мелко сплевывал на пол. Фильтр его сигареты окрашивался в цвет крови.

У полисменов были светлые рубашки, черные брюки и аккуратные ботиночки детского размера.

— Вы туристы?

— Мы музыканты ансамбля буддийской песни и пляски «Нирвана». Наш девиз — «Каждому мужчине нирванную целку!».

— Прекрати! Они нас посадят.

— Белых нельзя посадить.

— Обрисуйте суть произошедшего. С чего началась драка?

— Видите этого... в рубашке? Запишите в протокол: я его рот ебал, ебу и ебать буду. Записали?

Как ни странно, нас все-таки отпустили. На прощание Папаускас сказал полисмену, что его рожа похожа на мошонку. Я хотел перевести это на английский, но не смог вспомнить слово «мошонка».

Счет дней был потерян. В какой-то из них у меня разболелся зуб. Я не стал обращать внимания. Зуб удивился и перестал. Шагая по улице, я вдруг разглядел в толпе свою жену. На ней был надет свитер, который я два года назад купил в Москве. Ее лучший свитер. Я бросился вдогонку... я точно знал, что скажу. Жена нырнула в подворотню и исчезла. Наверное, она еще не успела остыть после омерзительного последнего скандала.

Я залпом выпил бутылку пива. Попробовал рассказать Папаускасу о своей личной жизни. Ему было неинтересно.

— Как дети! Кого ни спроси — у всех проблемы! У каждого — несчастная, блядь, любовь!.. Только у меня все в порядке.

— А кого ты любишь? Светлое пиво?

Однажды деньги кончились. Мы отправились к Бригитте и, сидя на полу, пили «Wild Turkey». Я помнил, что внизу, в столовой, есть еще холодильник, полный бесплатного пива. Это грело.

Бригитта рассказывала, что члены у малайцев, оказывается, большие. Сами малайцы маленькие, а вот члены — большие. Ну не парадокс ли? По цвету члены от европейских не отличаются... да и по вкусу тоже. Потом она стала засыпать, прямо со стаканом в руке. Папаускас строил мне страшные рожи и глазами показывал на дверь. Я сказал, чтобы он недолго, и вышел в прихожую.

Стоять было скучно. Я докурил сигарету, допил виски. На вешалке висела Бригиттина сумочка. Сперва я распахал по карманам все найденные деньги. Потом подумал и забрал два тяжелых серебряных перстня. Их можно будет поменять на бутылку чего-нибудь крепкого.

Мы с Папаускасом ехали в такси. Он рассказывал, что от онанизма у него в ушах растут волосы. Рядом с водителем сидел тол-

стый малаец. До этого мы пили в кафе, а толстяк с двумя подружками сидел неподалеку. Он спросил у меня, холодно ли в России? Я ответил, что очень: когда русские девушки решают станцевать стриптиз, это занимает несколько часов. Через полчаса толстяк отправил своих девиц домой и теперь переводил водителю, чтобы тот ехал к Эрмита-стрит.

— Там действительно много проституток?

— Там ОГРОМНОЕ количество проституток!

Я думал о том, что отправлять тех двух девушек... а потом платить проституткам... нет ли в этом ошибки?.. логично ли это? Причинно-следственные связи выглядели потусторонне. Будто по грудь стоишь в кастрюле с остывшей геркулесовой кашей. Перед глазами текла могучая река. На сиденье я почти лежал. Каждая клетка тела была пропитана тухлым.

Папаускас сказал, что вон та, с кульком, ему нравится.

— Я не уверен, что это проститутка. У нее на руках ребенок.

— Это ребенок? Bullshit! Поговори с ней.

Толстяк открутил стекло, высунулся наружу и залопотал. Девушка заглянула в салон и что-то ему ответила.

— Она согласна. Десять долларов за двоих.

— Пошла она на хуй! В долларах я не плачу даже дома. Пусть берет в этих... как называются ваши деньги?

— О'кей. Восемьдесят рингит.

— Пятьдесят.

— Прекрати душить. Переведи, что мы согласны на восемьдесят.

— Она говорит, о'кей. Только деньги вперед.

Мы выбрались из машины. Проститутка едва доставала мне до плеча. На ней была обтягивающая футболка и длинная цветастая юбка. Внутри кулька что-то сопело.

Чуть в стороне стояло человек десять тинейджеров. Тощими задницами они опирались на сиденья велосипедов и смотрели в нашу сторону.

— Она говорит, чтобы вы отдали деньги этим парням.

— А ребенок? Я не хочу, чтобы она брала с собой ребенка.

— Ребенка она оставит здесь. Но вам придется подождать. Вы отдадите деньги, и она купит себе героин. Поехать она сможет, только сделав инъекцию.

— Героин?

— Да. Эти парни на велосипедах привезут ей героин.

— Папаускас, поехали отсюда. Это подстава.

— Прекрати шизофренировать.

— Какой героин в этой Малайзии? Ты читал таможенную декларацию? Мы отдадим этой пердуле деньги и окажемся в полиции. Я тебе говорю: это подстава!

— Дай сюда восемьдесят ринггит. И успокойся.

Проститутка передала ребенка, отсчитала несколько купюр и села в машину. Один из велосипедистов тут же укатил вниз по улице. Папаускас подошел к оставшимся.

— Если он не вернется, я убью вашу подругу. Понимаете по-английски? *Gonna kill her!* Понимаете?

Они улыбались.

— Ее блядского ребенка тоже убью. *You know?* И вас. Зря улыбаетесь. Вы просто не знаете, с кем связались. Я выпущу ваши вишние малайские кишки. Понимаете?

Малайцы улыбались и кивали. Потом велосипедист вернулся. Он тяжело дышал и вытирал пот. Нырнув в окно машины, он передал проститутке газетный сверток. Всю дорогу она гладила меня по щеке и что-то говорила. Пачаускас спрашивал у толстяка, участвует ли он в вечеринке? Если надо, мы можем немного ей доплатить. Будешь или нет?

Последнюю ночь перед закрытием конгресса я провел в собственном непроницаемо темном номере. Итальянец затравленно копошился в углу. Он был похож на крысу, которую когда-то в Петербурге я убил ударом швабры по маленькой голове. Ни я, ни Бригитта не обращали на него внимания. Иногда я говорил, чтобы она отвлеклась, и протягивал ей липкую пузатую бутылку.

— Бедная мусульманская страна Малайзия! В ней и так было очень немного алкоголя. А когда мы уедем, его не останется совсем...

Сползая обратно вниз, Бригитта неудобно переваливалась и кричала. Кожей я чувствовал, как мелко дрожат ее губы. Время от времени она прерывалась и, всхлипывая, произносила английские слова.

— Потом поговорим. Продолжай.

— У него были ногти.

— У кого?

— У моего ребенка.

— Бригитта! У тебя **НЕТ** детей! Не отвлекайся!

Ягодицами она упиралась в крашеную стену. Над моим животом повисал шатер ее черных волос.

— А у него большие ногти?

— У кого?

— У твоего сына?

– Ногти?

– Да. Большие?

Хлюпающие звуки. Вкус невидимого алкоголя. Луна, отражающаяся в итальянских очках без оправы.

– У моего ребенка были ма-аленькие ноготочки. Крошечные...

Рука, как мой палец... а на ней ноготки.

– What all this shit does fuckin' mean?!

– Он был маленький... красный... мокрый... Мой маленький героинный наркоман. С ноготками. Может быть, у него еще не было глаз, но ногти у него уже были.

Иногда эрекция пропадала совсем. Мокрый член обессиленно прилипал к животу.

– Врач сказал, что он все равно бы не выжил...

– Да кто, черт возьми?!

– Мой сын.

– Сын?

– Вообще-то, я хотела девочку. Я бы заплетала ей косички. У нее были бы длинные волосы, а в них большие банты. В детстве мама всегда заплетала мне косички с бантами... Но врач сказал, что он был мальчиком.

Я еще раз отхлебнул из бутылки. Подумал, что, может быть, меня, наконец, вырвет.

– Перед тем как из него стали делать косметические средства, врач показал мне моего сына.

– Косметические средства?

– Да. Кремы. Лосьоны от морщин. Из моего ребенка получились отличные косметические средства. Очень дорогие. Мне не по карману покупать такие лосьоны. У себя дома я зарабатываю очень мало денег.

– Да ладно тебе! У тебя и так отличная кожа.

– Спасибо.

Потом итальянец вскочил. Что-то выкрикнул. По пути к двери несколько раз споткнулся. Перед тем как дверь захлопнулась, яркий свет успел лизнуть белую Бригиттину кожу.

– Он не вызовет полицию?

– Доделай, наконец... То, что делаешь.

– Сейчас. Извини. Я сейчас.

В бутылке оставалось невыносимо много алкоголя. Закрывая глаза, я видел, как рулеточный шарик скачет по разноцветным секторам. Они бешено вращались.

Интересно... я выиграл?.. или проиграл?..

— У тебя есть сын. Тебе хорошо. А у меня уже никогда не будет детей.

Шарик продолжал скакать. Колесо вертелось все быстрее.

7

Церемония закрытия конгресса «Религиозная Молодежь На Пороге Третьего Тысячелетия» проходила на открытой площадке позади столовой.

Выступающие взбирались на невысокую сцену и что-то говорили. Развешенные на пальмовых стволах динамики фонили. Голоса бились в бесконечном эхо. Небольшую речь произнес и лама Геше Чокьи Нидал. Я не смог разобрать ни слова.

Все хлопали в ладоши, улыбались, обнимались, говорили, как жаль, что приходится расставаться. Под конец хором спели песню.

Я чувствовал себя превосходно. Ничего не болело. Правда, настаивали громкие звуки. От хлопанья дверей возникало желание забиться, наконец, в истерике. Кроме того, вокруг ощущалось странное движение... Очень странное, неуловимое движение... Враждебное мне движение...

Ногти были такими грязными, что не отмоешь. Местами они были отломаны до розового мяса. Пальцы насквозь пропитались куала-лумпурской грязью. Выкинуть их на хуй, завести себе новые. Еще была изжога. Но она как раз беспокоила не очень.

— На этом наш конгресс завершил свою работу. Огромное всем спасибо!

Делегаты заплодировали еще усерднее. Я выбрался из толпы и побрел в столовую. Отыскал Папаускаса. Интересно, моя небритость тоже так омерзительно выглядит?

— Малайцы — суки. Полночи орали у меня под окном: «Торпедо! Москва!» Ты не слышал?

— Вроде нет. Я сплю крепко.

Мы посидели молча.

— Какое сегодня число?

— Улетаем завтра. Если ты об этом.

— Уже завтра? Как-то все... быстро получилось.

— Быстро?

Я положил себе мяса. Хотя обычно не ем мясо с утра. Руки казались мягкими, слабыми. Мясо съелось незаметно. Ниже диафрагмы повисла торжественная тишина. Я положил себе еще порцию. Потом вдруг понял, что сейчас меня стошнит.

Столовая была особенно огромной... необъятной... а я был маленьким. Уже настолько маленьким, что меня можно было безнаказанно ругать, но еще не настолько, чтобы стать совсем незаметным. С размерами вообще возникали проблемы.

Вокруг сидели люди. Много людей... или мало людей? Где-то я определенно видел эти лица... но где? У людей были поджаты нижние губы. Может быть, они знали обо мне какую-то стыдную тайну? Вообще все обо мне знали? Каждое лицо было как удар... било в диафрагму. Хотелось зажмуриться и быстро-быстро замотать головой. Еще хотелось никогда в жизни не родиться.

Я несколько раз пятерней поправил собственную прическу. На ощупь она напоминала женскую промежность. Над верхним веком билась венка. Ритму позавидовали бы и «The Prodigy». По ту сторону зрачков толкались обломки неправдоподобных воспоминаний. Ни один из них не составлял и трети истории. Какие-то хари... ничего не значащие слова... И — ни малейших намеков, насчет КОГДА все это могло происходить.

Наверное, тридцать лет — это много. И я уже не тот, что был. Помню, только начав работать журналистом, я постоянно возил свои материалы в Москву. Там первый в моей жизни редактор как-то поинтересовался, продается ли в Питере пиво «Афанасий»? Спросил, не хочу ли я попробовать? Для начала мы купили ящик.

Через пять дней редактору сообщили, что если ему дорога его должность, то на работу неплохо бы выйти. Еще через неделю редакторова жена выставила нас на зимнюю московскую улицу. И что? Когда после трехнедельного отсутствия я таки вернулся домой, то уже на следующий день был в состоянии сесть за компьютер. Немного беспокоили бегающие по монитору тараканы — но больше ничего!

А теперь?..

Я вышел в садик. Побродил по территории Конгресс-Центра. Нужно было срочно что-то предпринимать. Может быть, куда-то бежать. Может быть, домой, в Санкт-Петербург.

Я дошел до ворот, вышел на проспект, заковылял прочь. Поднял руку, поймал джипни. Куда я еду? Во взглядах куала-лumpurцев угадывалось презрение. Я понимал, что следует встать, откашляться и

решительно извиниться. Когда сидеть стало невыносимо, я вылез. Спускался и поднимался вместе с узкими улицами. Потом узнал площадь и мечеть. Ту самую, которую видел в самый первый день.

Господи, когда это было? И со мной ли это было? И вообще — это было?

На веревках висело жуткое белье. Вдоль стен сидели серокожие аксакалы. Бегали голые дети неопределенного пола. В натянутом через реку гамаке по-прежнему спали. Ну да, все правильно. Пагода буддийского монастыря Сумбун по-прежнему торчала над крышами домов.

Я долго стоял перед лесенкой, ведущей к дверям. Потом поднялся. Под козырьком висела прохлада. Дверь была заперта. Все еще заперта. Я сел на корточки, прислонился к двери спиной и выкурил сигарету. Тело под кожей дрожало, как мармелад. Я дернул за ручку последний раз, спустился и свернул за угол.

Звук моих шагов был слышен даже в соседнем с Малайзией Королевстве Таиланд. Однако Будда не среагировал. Глаза закрыты, руки спокойны, лицо непроницаемо.

Я потянулся за сигаретами, но передумал. Почему все-таки у него такие закрытые глаза?

— Слышь, это...

Я сказал это вслух. По-русски. Удивился звуку своего голоса.

— Будда! Ты слышишь меня?

Я медленно, не очень уверенно опустился на корточки. Коленями коснулся земли.

— Послушай меня, Будда. Ты послушай, а я попробую сказать, о'кей?

Из-под волос на лицо скатывались капли жирного пота. От жары закладывало уши.

— Я буду говорить, Будда, а ты слушай! Хотя бы слушай! Или с тобой нельзя говорить ТАК? Хотя почему нельзя? Ты ведь такой же, как я. Только большой, сильный и умный. Но тогда тем более выслушай. Сильный должен быть добрым. Или тебе все-таки на-срать?

Будда был многотонный, неправдоподобно огромный. Может быть, он не понимает по-русски?

— Что с твоими глазами, Будда? Почему ты не смотришь на нас? Посмотри, а? Хватит сидеть у себя в нирване! В нирване каждый может... но я-то не в нирване!.. слышишь?.. мне говорили, что ты любишь меня... ты любишь?.. только не спрашивай, люблю ли я... Я

не умею... ты большой и сильный... а я так... пос-сать вышел... я не умею любить... you understand?

ЕСЛИ бы напрячься... если в этом дело... я бы полюбил... но ведь так не делается... любовь либо есть, либо нет... у меня нет... это моя вина, да?.. ну накажи меня, если вина... накажи, а потом научи... я ведь... ты же видишь!.. я хочу... просто не умею... слышишь?.. нет?.. чего ты молчишь?

Этот мир и так не был богодухновенным. А с моим появлением он стал просто богобездыханным. Может быть, на свете есть святые люди. Хорошие. Я таких не знаю. Я НЕ хороший. Это как врожденная болезнь. Я родился уже уродцем. Мне не бывает стыдно. Я понятия не имею, что значит это слово. Слышишь? Ты бросил меня, и я живу, как умею. Как получается. Я не виноват!

Все говорят «быть хорошим»! Будто это старт. Как я понимаю — это финиш. До которого добегают один из сотни. Или нет? Если бы у меня был сын-инвалид... ребенок-уродец... я бы не наказывал его, а лечил... сидел бы у его постели... читал бы книжки, учил рисовать... а ты?.. хули ты делаешь в нирване, если я здесь?!.. или ты не любишь меня?.. а говорили, ты всех любишь... я тоже хочу... всех... всегда... всем сердцем... научи, а?

Все говорят о какой-то чистой жизни. О какой чистой жизни?! Где она?! Ты знаешь: я хотел жить чисто! Не так, а... с женой... и вообще... И чего?! Ты видел: я старался! Пусть я мог не много... но ты-то вообще ничего не сделал! Что ты, блядь, молчишь?!

Каждое утро я просыпаюсь... решаю жить ХОРОШО... а потом... хрясь!.. всей рожой... в говно... как мне жить, если вокруг одно говно?!... если я уродец от рождения?!... а ты не желаешь даже открыть глаз?!... а?!

Дорогой Будда! Миленький! Ты же видишь, на что похожа моя жизнь. Это как летучка у плохого редактора. Собрались вроде по делу, хотели горы свернуть. А потом отвлеклись, заболтались, выпили и до утра рассказывали друг другу старые несмешные анекдоты.

Мне говорили, что ты нам — как отец. Какой ты, на хуй, отец?! Даже я со своим ребенком так не поступаю. Хотя я — мудака. А ты — сильный и умный. Вот только глаза открывать тебе лень. Если на свете есть ад, то я знаю, что это такое. Но ты-то! Ты-то сделал хоть что-нибудь, чтобы вытащить меня отсюда?! Я в аду, а ты — в нирване. Супер получилось! И кто, после этого, из нас двоих хороший?!

Прости... слышишь?.. прости, что я так говорю... просто мне действительно нелегко... что я ни делаю, все без толку... я устал... слы-

шишь?.. то есть... ты скажи, что это нужно... скажи, что это правильно... я же не возражаю!.. я заслужил этот ад... я готов искупить... **НО ВМЕСТЕ С ТОБОЙ!**.. не молчи... пожалуйста... помоги мне.

Я барахтаюсь в этом говне каждый день. Мы все барахтаемся. Вот ты — принц Сиддхартха Гаутама Ша-кьямуни. Ты родился царем. Но я-то — нет! Не родился! Мы — рабы, рабы — мы. Родись в свинарнике. Попробуй заработать на хлеб своими руками. Пообщайся с потными и грязными людьми, а? С блядьми, предателями и подонками. И попробуй остаться чистым! Можешь?

Понятия не имею, как все это выглядит сверху... из нирваны... мне не светит туда попасть... не заслуживаю... но выпей с нами вина и останься трезвым... добрым и чистым... сверху смотреть просто... а если нам нечего жрать?!.. ты дал мне это тело?.. дай и еды!.. дай мне хлеба и мяса!.. вправь мои вывихнутые ноги!.. когда я слепну, протри мне глаза!.. можешь?.. **МОЖЕШЬ ИЛИ НЕТ?!**

Если ты дал мне жизнь, то какая может быть смерть? Но я умираю! Я умираю каждый день! Слабо умирать вместе со мной? Корчиться и орать? Почему ты оставил меня, а? Если ты такой, как о тебе говорят, то взял бы и умер вместе со мной. А лучше — вместо меня. А еще лучше — чтобы никто никогда не умирал. Ты же сильный... или не настолько сильный?

Старайся понять природу ума! Это очень, блядь, важно! Незамутненный ум — это Свет Будды! Самому-то не смешно, а? Какой, в жопу, ум, когда меня бросила жена?! Когда, завидев меня, плачет и пугается мой любимый ребенок?! Когда триста шестьдесят четыре дня в году я похож на предмет мебели? Какая, на хуй, медитация, если творится **ТАКОЕ?**

Я хочу жить просто... жить чисто... целовать тех, кто мне дорог... будь со мной в моих **МАЛЕНЬКИХ** делах!.. буддизм — это религия сильных и смелых?.. значит, это говно, а не религия!.. ты можешь мне помочь?!.. или нет?!.. я тебе говорю!.. сегодня давай обойдемся без тибетских словечек, о'кей?.. поговорим лицом к лицу... как мужчина с женщиной!.. что ты кривишь свои губы?!

Мне рассказывают о предыдущих жизнях, а я не помню никаких жизней! Я и эту — не вспомню? Тогда зачем все это? Я хочу подарить тебе свою жизнь. Но подарить **САМ**, понимаешь? Это будет **МОЕ** решение! Хочешь? Бери! Только объясни мне, что происходит! Ты делаешь со мной что пожелаешь? О'кей. Не возражаю. Я — весь в складках. Я как флаг на ветру, а ты — как ветер. Я и на это согласен. Но ради чего?! Я заранее согласен на все, что скажешь... но ты ведь молчишь!

Короче, это... Слезай!.. если ты Бог — слезай! Иди к нам... людям... злобным и тупым животным... Научи и исцели! Ешь с нами!.. Вот моя шея! Положи мне на затылок свою добрую руку. Скажи... хотя бы скажи... что тебе не все равно! Намекни... немножко кивни головой... я замечу!.. честное слово!.. мне хватит этого до конца жизни!.. Дай мне понять это, и я упаду на колени... я уже на коленях... перед тобой, Будда!.. а ведь никогда раньше...

Не обращай внимания, что я плачу. Это так... сейчас я прекращу... извини... Если бы я знал, что ты со мной... если бы я точно знал!.. я бы щекой прижимался к твоим ногам... слезами мыл бы твои ноги... вытирал бы твои святые ноги собственными волосами... только пусть тебе будет не все равно, ладно?.. ничего, если ты не можешь мне помочь!.. это ничего!.. **НО ХОТЯ БЫ ЗАПЛАЧЬ РЯДОМ СО МНОЙ!**.. этого хватит!

На хуя ты дал мне эту надежду, если теперь молчишь?! Хватит молчать! Слышишь меня?! Слезай! Будь рядом! А если нет, то убей меня! Потому что я больше не могу!..

Я прижимал ладони к глазам и орал все громче:

— Я спрашиваю последний раз!.. Ты слышишь меня?!.. Не смей молчать!..

И тогда каменный Будда широко распахнул многотонные веки.

И тогда я узнал эти давно знакомые глаза.

8

Пыльные пальмы тянули темные пальцы, вытягивались, выпрыгивали: кто выше. Солнце было очень красным, а горизонт выглядел как кромка волейбольной сетки. Еще немного — и игроки зашвырнут-таки мяч на ту сторону.

Перед входом в здание аэропорта секьюрити с винтовками без прикладов проверяли наличие билетов. Регулировщик, перетянутый белой портупеей, орал на водителей и махал руками. Может быть, эти мяукающие звуки были жуткими малайскими матюгами.

Вот и все.

Меньше чем через сутки я буду в Москве.

Международный аэропорт «Субанг» выглядел как провинциальный родственник московского «Шереметьева». Пассажиры-европейцы казались непривычно огромными. Между ними бродили малайцы в белых рубашках. Хотелось взять их за руку и отвести

домой. По-английски вокруг разговаривали со всеми возможными акцентами.

Я выкурил сигарету, побродил по «Duty Free». Открытки с местными красотами наводили тоску и стоили больше доллара. На стойке с пейпер-буками истекал кровью бесконечный Стивен Кинг. В туалете, в писсуарах, были для аромата навалены лепестки тропических цветов.

С выезжающих из Республики Малайзия взымали аэродромный сбор в размере 15 ринггитов. Сорок минут назад Бригитта улетела в Париж. У нее был билет на рейс «Air France» и ни цента наличных. Мне пришлось ей одолжить. Девушка долго благодарила и удивлялась, где могла потерять все свои деньги?

Я сказал, что следует быть внимательнее.

— Пока.

— Хочешь, я дам тебе свой адрес в Брюсселе?

— Зачем?

Посреди зала ожидания висело черное табло. Названия наиболее экзотичных городов планеты выглядели как следующая остановка метро. Когда появлялась новая надпись, буквы шелестели, будто шаркали крошечными подошвами. Ниже табло имелось несколько телемониторов. Рыдали одинаковые бритые Шинед О'Коннор.

Папаускас с ламой сидели в кафе где-то на втором этаже. До нашего рейса оставалось больше часа. Я стоял перед огромным окном. Снаружи окончательно стемнело. Единственное, что я видел в стекле, — это непричесанное отражение. Я отвернулся. Запах, кстати, мне тоже не нравился. Принять душ перед отъездом так и не удалось.

Утром я выпил несколько чашек кофе и последний раз прогулялся вокруг Конгресс-Центра. Подумал, не купить ли на оставшуюся мелочь экзотических фруктов? Их можно будет дарить петербургским приятелям. Прощаясь, подарил соседу-итальянцу ручку с надписью: «Санкт-Петербург». Он что-то говорил и тряс мне руку. Я тоже улыбался.

Малайцы подметали усталую территорию. Может быть, завтра здесь начнется новый конгресс. Скажем, «Пенсионеры-Атеисты Прощаются С Уходящим Веком». Холодильник с бесплатным пивом был пуст и печален.

Потом перед кемпусом уже толпились делегаты с чемоданами, сумками, рюкзаками. В аэропорт всех доставляли на автобусе. За окном библикали осточертевшие джипни. Разглядывать город не хотелось.

Пассажиров моего рейса пригласили на паспортно-таможенный контроль.

— Вы сдаете какие-либо вещи в багаж?

— Нет.

— Только ручная кладь? Один рюкзак?

— Только ручная кладь. Один рюкзак.

— Вы вывозите из страны малайские ринггиты?

— Ни копейки.

— Приобретали ли вы за время пребывания в стране какие-либо ценные предметы?

— Пиво у вас... вкусное.

По-моему, таможенник не понял, что я имею в виду. На рюкзак мне привесили желтую бирочку с символикой «Люфтганзы». Сразу за таможей был еще антитеррористический досмотр. Полицейские женщины не нашли у меня ни грамма пластиковой взрывчатки и расстроились.

Во внутренних помещениях аэропорта всю работу выполнял кондиционер. Первый раз за две недели я вдруг замерз. Вытащил из рюкзака смятую зимнюю куртку. В кармане обнаружился окурочек еще птербургского происхождения.

Пассажиры катили свои пластиковые чемоданы с колесиками на нижней стороне. Становилось тесно. Потом я встретил Папаяускаса. К его дорогой сумке были за карабин пришелкнуты толстые финские перчатки с молнией на запястье.

— Сидим с ламой в кафе. Рядом какая-то малайская морда. Он у меня спрашивает: в твоей стране холодно? Я говорю: очень холодно. Чтобы не отморозить руки, мы носим вот такие перчатки. Ты представляешь? Этот конь решил, что я шучу! Не поверил, что эту штуку можно носить на руке. Хихикал и говорил, что я очень остроумный мистер!

— Да-а... Хорошо здесь... Было...

— Конечно! Где еще столько времени тебя станут называть сэром?

— Ты из Москвы сразу домой?

— Ага. Уже и билеты есть. А ты? В Питер?

— На Юпитер! О чем ты? Денег осталось — четыре доллара.

— Займи у Геше.

— Неудобно. Все-таки лама.

— Хочешь историю про ламу? Было время, я жил в Бурятии. Еще при Советском Союзе. В Бурятии очень много буддийских мона-

стырей. Я там прожил целый год. Как дурак, колот всякие блядские дрова... Короче, в моем монастыре собирали пожертвования. Говорили, что на дацан. Люди последнее сдавали. Я один раз до утра столитровую бочку рублей пересчитывал. В смысле — купюр по одному рублю. А когда пересчитал, настоятель себе новую «девятку» купил.

— Серьезно?

Мы сидели под плакатом, сообщавшим, что личная безопасность пассажиров гарантирована правительством Малайской Республики. Спинка пластикового креслица неудобно давила под лопатки.

— Я бы хотел быть ламой.

— Тебе бы не понравилось.

— Почему?

— У лам целибат. Тебе бы не понравилось.

— Совсем целибат?

— Как правило — целибат. Хотя... как сказать? По-разному бывает. Иногда придет какая-нибудь бурятская тетя-мотя помолиться... В общем, заодно и помолится.

Мы помолчали.

— К жене вернешься?

— Попробую.

— А если не пустит?

— Теперь пустит... наверное...

— Если пустит — там и оставайся.

— Не умничай.

— Я так скажу. Хочешь быть религиозным парнем?

— Ну?

— Будь им! Ламы ни при чем. Просто будь.

Непонятно откуда выплыл запах свежей выпечки. Я вспомнил, как раньше жена каждое утро готовила на завтрак блины... еще она пекла булочки... вкусные румяные булочки... когда-то я их любил. Жену люблю до сих пор. Наверное, люблю... хотя что значит это дурацкое слово?

Зимнюю куртку я натянул поверх футболки. Жесткий мех колот голые локти. Было тепло и надежно. Будто кто-то гладил меня по голове. Будто все, наконец, стало совсем хорошо.

— Пассажиров рейса 3864 авиакомпании «Люфтганза», отлетающих во Франкфурт, просят пройти на посадку.

Лента транспортера. Белые стрелки на синем фоне. Надпись «No Smoking». Заложенные уши на взлете.

Вы когда-нибудь видели, как проявляют фотоснимки? Сперва на бумаге расплзаются смутные пятна... а потом вы вдруг узнаете изображение. Эти силуэты я узнал быстро. Мы были давними приятелями. Безденежье... Жена, которая терпеть не может мою фамилию в собственном паспорте... Работа, которую терпеть не могу я...

Я возвращался домой.

В десяти тысячах метров ниже моего кресла проплывала Азия. Три миллиарда незнакомых мне людей. Никогда в жизни я больше их не увижу. Может быть, какого-нибудь серокожего мужчину в эту минуту бросает его серокожая жена.

В проходе, не торопясь, двигались красивые «люфтганзовские» фройляйн. Чудные, все понимающие женщины. Они развозили ужин. До меня дойти должны были не скоро. Я откинулся в кресле и закрыл глаза. Проплывали смутные, но уютные картинки.

Мне было лет двенадцать. Я сидел на диване и разговаривал с отцом. И вдруг ОСОЗНАЛ, сколько ему лет. Сколько! ему! лет! Я смотрел в давно знакомое лицо — будто в посмертную маску. Жизнь после тридцати казалась мне, школьнику, неправдоподобной, как снега Гималаев.

Отец что-то говорил, а мне хотелось орать и бить ногами в пол. Какое право имеет этот человек учить меня, если его жизнь прожита?! Он что-то делал, к чему-то стремился... а теперь все позади! За чем он прожил свою жизнь ВОТ ТАК?!

Не за горами момент, когда крошечный негодяй станет с таким же ужасом глядеть уже в мое лицо. А у меня — ни малейшего ощущения, будто я хоть что-то успел. Пятнадцать лет назад я носил футболки с рожей Сиды Вишеза на груди. Ношу и до сих пор. Рухнуло несколько империй, материки ушли на дно океанов. А я по-прежнему похмелен, глуп, никуда не пришел.

Когда жена была беременна, я купил ей полис в дорогой роддом. Тогда еще мог себе это позволить. Согласно условиям, у меня было право находиться при ней во время родов. Я ждал этого момента. Представлял, как возьму на руки ежащееся тельце. Своего, рожденного мгновение назад, ребенка.

День, когда я стал отцом, вспоминается конспективно. Облицованный кафелем коридор. Перепачканные сгустками крови клеенки. Мне выдали хрустящий белый халат. Ладонка моей корчащейся женщины была мокрой, как свежая рыба. Жестокий, я не давал ей снова оказаться в воде.

Воздух был наполнен воплями, от которых сзади на шее шевелились маленькие волоски. Я выскакивал из больницы и вливал в себя отвратительно пахнущие жидкости. Бредя назад по коридору, причудливо заплетался ногами. Потом ребенок все-таки родился и изумленно на меня посмотрел. Я был пьян настолько, что врачу пришлось поддерживать меня за локоть.

Начало и конец жизни... словно сквозь щелочку в лицо бьет резкий, как нашатырный спирт, запах. Но... не было ничего мистического в этом моменте... просто момент. Может быть, ребенку будет обидно, что его жизнь началась с моих негнущихся пальцев и бессмысленного мычания.

Более гибкой и осмысленной с тех пор жизнь не стала. И все-таки она началась. Я возвращаюсь... я подарю ребенку надувного слона. С хоботом и смешными ушами. Он будет рад. Он станет хватать его маленькими руками. Он, наконец, обрадуется своему папке.

Я снял с полки рюкзак. Долго в нем рылся. Грязное, заляпанное подошвами ботинок тряпье на ощупь казалось мокрым. Среди черных, смердящих футболок отыскался смятый пластиковый стаканчик. Он был перепачкан чем-то лиловым. Жеванные салфетки, измочаленный пресс-релиз с программой четвертого дня заседаний. Еще нашелся порванный Бригиттин лифчик. Выглядел он так, словно в него кто-то высморкался.

Я докопался до самого дна. Пакета с купленным для ребенка слоном не было.

- Добрый вечер, сэр! Желаете ужин?
- Что у вас есть из напитков?
- Кофе? Чай?
- Принесите мне...
- Что, сэр?
- Принесите мне пиво.
- Пиво?
- Да. Пиво. Желательно похолоднее.
- Безалкогольное?
- Алкогольное. Светлое. Три бутылки.
- Три пива, сэр?
- О, господи! Да! Три пива! Ужин не нужен!

За стеклом покрытого инеем иллюминатора вставало солнце нового дня.

mASIAfucker

2002

ЗАПАД ЕСТЬ ЗАПАД, ВОСТОК ЕСТЬ ВОСТОК

Предисловие Алексея Иванова

Все у него было ОК, у этого парня, крепкого и бритого наголо, все ОК и с деньгами, и с любимой работой, и с семьей. Но стало скучно. Целый год ничего не происходит — атас. И парень вдруг завалился в поезд Москва—Ташкент и покатил поглазеть на Узбекистан. То есть взял самого себя, словно камень в руку, и ахнул в омут Азии. Так начинается роман Ильи Стогоффа «тASIAfucker».

Роман лихой, отвязный и упругий от переполняющих автора жизненных сил. Написанный в ритме футбола. И судьба футболит героя через весь континент: от Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей. Самарканд, Сахалин, Чита, Питер, Берлин, Казантип. Но в огромной Евразии герой не может найти Европу, потому что у Азии нет границ. Мальчик хочет в Тамбов, но везде вокруг как у Есенина: «золотая дремотная Азия опочила на куполах».

В смысловом пространстве русской литературы роман Стогоффа движется от «Кавказского пленника» к «Очарованному страннику». Для героя Стогоффа главное — вырваться из Азии. Если она увяжется следом, герой Стогоффа остановит ее разрывными пулями в брюхо. А читатель вслепую нащупывает в романе, что же такое Азия, мазефака?

Вообще-то Стогофф прозрачно намекает, что это постимперская ситуация. Но тут каждый вправе давать собственный ответ. Азия — это разрез глаз, опиум, древние руины, ислам, деспотия, насилие, вечность... Кому что нравится. Однако в романе с таксистами Бухары и попрошайками Термеза, с братками Новосибирска и с

браконьерами Сахалина зарифмованы глянцевого мальчишки Москвы и фарцовщики Питера, гастроли группы «Браво» в Волгограде, безумная любовь в Западном Берлине и глумливое изнасилование в Крыму.

И что же тогда Азия?

Азия — это когда мы ничего не делаем друг для друга бесплатно. Берешь хоть цент — и начинается Азия. Сперва радушно-туристическая, а потом — неизбежная империя и «набитая черепами земля». И дело не в насилии, не в тривиальной корысти. И не в паритете цены и стоимости взятого и отданного. Дело в принципе. Если мы рассчитываем хоть на что-то взамен, хоть на любовь, как было с Деткой в Германии, — всё, приехали, Азия, конечная остановка.

Роман Стогоффа псевдосоциален. Он не про то, как стало плохо с дружбой народов, когда развалился СССР. Роман Стогоффа экзистенциален, как пустыня Каракумы. Он про то, что империя — выше цены, поэтому в ней всё бесплатно. Но империя — это плохо. Однако когда нет ничего бесплатного — тоже плохо. Упс.

А бритого парня, измученного мытарствами в Узбекистане, а потом в Сибири, спасают два бескорыстных святых европейца: пограничник в аэропорте Термеза и священник в Новосибирске. И один говорит: «Национальность здесь ни при чем», а другой говорит: «Ты-то можешь и не верить в Бога. Зато я верю».

Два человека — это уже хорошо. Это уже Европа. Есть кому подносить ленты к пулемету, когда ты стреляешь разрывными пулями в брюхо Азии.

Правил Теодорик тридцать зим
мощью мэрингов, муж всеземнознатный.
Как минуло то, так и это минет.

Мы же немало о Мэдхильд слышали,
как стала ей пропастью страсть Геата,
что мучила ночами мужа бессонного.
Как минуло то, так и это минет.

Анонимный англосаксонский поэт X века

Кто-то выйдет из дома, несмотря на запреты,
кто-то встретит знакомых, купит эту кассету,
в жизни часто неверно нарисованы схемы,
и поэтому с нами возникают проблемы...

А мне бы —
увидеть небо...
ворваться в небо...

Группа «Русский Размер», 2002

Москва. Площадь трех вокзалов
(Расстояние от Петербурга: 7 часов езды)

1

Дорога имеет смысл, если это дорога домой.

Все на свете имеет смысл, только если это помогает тебе оказаться там, где ты должен оказаться.

Дорога домой сложна. Двигаться по прямой — всегда проще. Но как быть, если прямая дорога увозит тебя туда, куда ты вовсе не намерен попасть? В этом случае очень важно остановиться, развернуться и поехать в другую сторону... туда, где ждут.

Можно и не разворачиваться. Не удивляйтесь, если в этом случае вы окажетесь в заднице, из которой не выберетесь уже никогда.

Собственно, это все, что я хотел сказать этой книгой. Если вы **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** понимаете, о чем это, то дальше можете не читать.

2

А началось все с того, что я сидел в окраинном московском клубике и на стене, прямо напротив моего лица, висел плакат: молодой человек в аккуратной стрижечке решительно отстраняет от себя рюмку водки. Подпись под плакатом гласила: «С пидорасами не пью!»

Парни купили пива и сели у самого входа, а через минуту в бар с улицы влетела раскосая девица с искусственным хвостом вьющихся волос. У нее были высокие скулы и жирно покрашенные веки.

Она обвела взглядом заведение, а потом сделала шаг к нашему столику.

- Где Джимми Хендрикс?
- Джимми Хендрикс?
- Да. Где он?
- Ты опоздала, подруга. Джимми Хендрикс умер.
- Как это?
- Передозировался героином.

Прежде чем выяснилось, что девица имеет в виду блюз-кафе «Jimi Hendrix», мы еще какое-то время в том же ключе пообщались. Кто-то даже купил ей пива.

Девушка под села ко мне:

- Ты москвич?
- Не совсем. Скорее я «Жигули».
- Совсем-совсем не москвич? Жалко... а эти?
- Эти — москвичи.
- Что ж они не знают, где «Джими Хендрикс»?

Девушка сказала, что родом из Душанбе, а по национальности — узбечка. Парни поинтересовались, что означают слова «Душанбе» и «узбечка».

- Хорошо с вами. Надежно... У вас еще много денег?
- Зачем тебе в «Джими Хендрикс», подруга? Посиди здесь.
- Нет. Я хочу в «Хендрикс».
- Снаружи дождь.
- А в «Хендриксе» сегодня концерт.

В целом девица была обалденная. Азиатская... этакая ацтекская... с тонкой талией и пухлыми губками.

- Что ты слушаешь, подруга? Ты слушаешь группу «Ленинград»? Любишь Шнура из группы «Ленинград»?
- Терпеть не могу.
- Подруга, мне жаль это говорить, но ты дура.
- Сам ты... Купи еще пива.

Потом парни долго обсуждали своих знакомых, я молча слушал, а тоненькая ацтечка из Душанбе исчезла. Возможно, под дождем побрела в блюз-кафе «Джими Хендрикс» слушать концерт.

Никто не расстроился ее исчезновению.

3

Вы замечали, сколько людей в метро разгадывает кроссворды? Вернее, с какими истеричными лицами они это делают?

Одно время я даже думал, что что-то пропустил и теперь за полнотью разгаданные кроссворды можно получить кучу денег. Выяснилось, что не в деньгах дело. Пассажирам-эрудитам просто неохота смотреть вокруг. Замечать других людей. Впускать их внутрь гудящей головы.

То, чем я занимался последнее время, было из той же оперы.

Иногда в жизни должно что-то происходить. Иногда не должно происходить ничего. Весь последний год в моей жизни происходило НИЧЕГО. Это было хорошо.

Год назад подули иные ветра, кометы полетели хвостами вперед, а в переулках Петроградской стороны был замечен бар, в котором голые стриптизерки на глазах изумленной публики укутывались в куртки и натягивали меховые кальсоны... Год назад все изменилось и я изменился вместе со всем.

Этот год я просидел дома. Я не отвечал на телефонные звонки, не приходил домой под утро, не пил алкоголь, зато завел себе аквариум с черепахой-триониксом, уволился с работы, поправился на шесть килограмм, начал наголо брить голову и попробовал выучить польский язык.

Как вам времяпрепровождение?

Ходить на работу я не желал. Вернее, не мог себя заставить. Не мог понять, зачем?

Раньше какая-то работа у меня была. То есть я раскладывал на редакционном компьютере пасьянс «косынка», а редакция платила мне в качестве зарплаты цифру, которую удавалось у компьютера выиграть.

Теперь на жизнь приходилось зарабатывать путем написания статей для московских глянцевого журналов. Таких, знаете, «Дорогой-читатель-сейчас-я-расскажу-тебе-ТАКО-О-ОЕ-что-ты-вскро-ешься... не-обращай-внима-ния-что-подобным-говном-тебя-кор-мили-уже-тысячу-раз».

Редактора считали, что статьи у меня получались хорошие, дорогостоящие. Каждый месяц мне заказывали минимум одну такую статью. Это был выгодный бизнес. Одна беда: за гонорарами приходилось каждый раз ездить в Москву. Переводить деньги по почте москвичи отказывались.

Каждый приезд оборачивался походом по клубам. Смотреть, как редактора-деньгодатели накачиваются алкоголем, входило в стоимость статьи.

В этот раз все началось с пары пива в уличном кафе, рядом с засаленным зданием, в котором квартировало большинство глянце-вых редакций. Оттуда меня на такси повезли в центр.

В машине водителю было велено вырубить ту херню, которая играла в радио, и поставить кассету с группой «Ленинград». Водитель сказал, что у него нет магнитофона — только си-ди-рум. Редактора не растерялись и сказали, что «Ленинград» у них есть и на CD тоже. Беззубый ленинградский панк сообщил водителю, что является алкоголиком и придурком.

В центре Москвы были грузинская шашлычная, буфет в Доме то ли кино, то ли архитекторов и пустой в столь ранний час клуб...

Еще мы сидели за пластиковым столиком в уличном кафе, рядом с зоопарком. Рядом сидели два уличных фотографа. Они пили пиво из бутылок, а обезьян, с которыми могут сфотографироваться детки, фотографы посадили в сумки и кидали им внутрь кусочки вяленой рыбы.

На этой стадии ряды начали таять. Кинообозреватель желтой, как гепатит, газеты уснул за столом. Небритый дизайнер мужского журнала сказал, что жаль, но ему пора на работу.

В девять вечера я сказал, что мне пора на вокзал. Провожать меня поехали всего двое.

Мы сели в вокзальном буфете. С интервалом в десять минут группа бомжей из-за соседнего столика засылала ко мне парламентаря, который стрелял пару рубликов. Я не отказывал. Полученный гонорар был столь огромен, что не умещался в кармане.

Первого провожающего звали Макс. Понятия не имею, чем он занимался в своем журнале. Познакомился я с ним на вечеринке в московском заведении «ПирО.Г.И.». Нас представили друг другу в тот момент, когда долговязый нескладный Макс бил по лицу изможденного кинорежиссера, который попытался приударить за максовской girlfriend.

Еще провожать меня поехал парень, который без конца чистил обувь. У него не было денег на сигареты, зато обувь выглядела отлично.

Макс интересовался:

— Сколько тебе лет?

— Много. Тридцать. Даже тридцать один.

— Тридцать один? А чего врешь?

— Я не вру. Я так и сказал: «тридцать один».

— Ты сказал «тридцать». Ты стесняешься своего возраста? Не стесняйся. Шнуру, кстати, тоже тридцать один. И всем нормальным парням в этом году исполняется ровно тридцать один. Ты, кстати, нормальный парень?

- Так себе.
 - А почему ты тогда не любишь Шнура? Так и скажи, что завидуешь ему.
 - Я? Ему? У него же зубов нет!
 - При чем здесь зубы? Шнуру, кстати, все завидуют.
 - Ну, раз все, то и я. Признаюсь: немного завидую, да. Зато Земфира посвятила мне песню. А Шнуру кто-нибудь посвящал песню?
 - Земфира, кстати, жаба.
 - Земфира круче, чем Бьорк! Только не такая sexu.
 - Тридцать один год... это ведь очень много... это ОЧЕНЬ много... кстати, самое интересное в твоей жизни уже прошло... ты в курсе?
 - Сколько тебе, умник?
 - Я молод. Мне 26. А ты все — свое отжил. Что за кассета у тебя в плеере?
 - Это не плеер. Это радио.
 - Радио? А я думал, Шнур.
 - Я настолько не люблю Шнура, что отказываюсь от своего возраста. Мне не тридцать один. Мне пятьдесят шесть. Вернее, сто пятьдесят шесть.
 - О как!
 - Целое поколение мутантов. Всем — тридцать один. Почему так, а?
 - Генетика. Кстати, давайте выпьем за генетику?
- Я посмотрел на часы. До поезда домой оставалось еще два с половиной часа. Я не был уверен, что вынесу общество парней еще хотя бы десять минут.

4

Парни пили водку, а я не пил. Уже почти год я не пил водку, не пил пиво, не слушал Шнура из группы «Ленинград», который, по слухам, пьет и то и другое... я прятался от мира, а мир этого не замечал.

Все эти разговоры... слова, означающие только то, что собеседникам нечего сказать... кроме того, я устал. Вчера я лег поздно, ночь провел на верхней полке, встал в полседьмого утра и весь день болтался с этими остолопами. Спать хотелось так, что, прикуривая, я зажмурился от попавшего в глаза дыма и едва не заснул.

Я посмотрел на часы и сказал, что еще минут двадцать, и я пошел. Парни пробовали уговорить остаться в Москве еще на день.

- Зачем тебе в Петербург?

- У меня билет.
- Поменяй билет. Поезжай лучше в Ленинград.
- Слушать Шнура?
- Да! Да!
- Терпеть не могу Шнура.
- И вообще, переезжай лучше в Москву, а?
- Что я буду делать в этом странном городе?
- А что ты у себя в городе делаешь? Романы пишешь?
- Романы я решил больше не писать. Платят плохо, и вообще... сволочной бизнес. Лучше уж вам, козлам, продаваться.
- Тогда чем занимаешься?
- Я много чем занимаюсь. У меня, между прочим, недавно сын родился.
- И все?
- Еще я работаю.
- Над собой?
- Я очень много чем занимаюсь.
- Парень! Ты занимаешься херней!
- Сын – это тоже херня?
- Не обижайся. Выпей.
- Да иди ты!..

Я сказал парням, что сейчас приду. По мраморному полу Ленинградского вокзала цокали пассажиры не очень дальнего следования: от касс до расписания поездов и обратно. А вдоль стен сидели люди, которые никогда и никуда отсюда не уедут. Которые уже доехали до самой последней станции в своей жизни.

Снаружи было темно. Чертовы московские небелые ночи — никогда не поймешь, что за время года.

Курсанты в военной форме, черные дагестанцы, даже летом в ондатровых шапках, беззубые, как певец Шнур, проститутки, милиционеры, туристы с рюкзаками... дед в пиджаке с орденом и планками спит прямо на асфальте.

Об деда стучали капли дождя. Именно так выглядел мир, от которого я прятался.

Может быть, одна из причин того, что я прятался от мира, состояла в том, что я не желал слушать о том, что 31 год — это конец... и самое интересное уже прошло... но стоило мне отъехать от дома на одну ночь пути, как я услышал именно это.

Я завел себе аквариумную черепашку... и бросил пить алкоголь, ведь трезвые мы редко думаем о таких вещах... а этот гад взял и все испортил.

В низинке стоял Казанский вокзал с голубым циферблатом часов, левее концертный зал с подсвеченными афишами, еще левее стеклянная коробка универмага «Московский», Ярославский вокзал и теремок станции метро «Комсомольская».

На фоне этого языческого великолепия Ленинградский вокзал выглядел очкариком в шляпе-пирожок, который говорит: «Нет, спасибо», когда соседи по купе спрашивают его: «Эй, чмырь, хочешь стакан самогона и закусить чесноком?»

Странно, я приезжаю в этот город уже пятнадцать лет подряд, но я ни разу не был на Казанском вокзале... и в Казани тоже не был... что говорить про те края, где растут дыни и героин, у девушек ацтекские профили и никто не знает, что Джими Хендрикс — мертв?

До поезда домой была куча времени. Подземный переход пах рвотой. Чем еще он мог пахнуть?

Внутри Казанский вокзал был громаден, темен и полон таинственных голосов. Как рекламный проспект: посмотрите на вокзал и представьте, как выглядят места, до которых можно отсюда доехать.

Перед окошками касс не было ни единого человека.

— Знаете... это... У вас есть билеты в...

— Куда вам нужно?

— Куда-нибудь поужнее.

— На море?

— Нет, на море я не хочу. Есть билеты до Китая?

— Вы хотите уехать из Москвы в Китай? У нас нет прямого сообщения с Китаем.

— А с чем есть?

— Куда вам надо?

— В Китай. Или в Иран.

— В Иран без пересадки проехать невозможно.

— А с пересадкой?

— Я не знаю. Вы хотите уехать в Иран?

— Да. В Иран или в Китай. Что там есть неподалеку?

— Где «там»?

— Ну... рядом с Китаем? — Там много чего есть.

— Когда ближайший поезд до много-чего?

— Острим?

— Смешно получилось, да?

— Хотите, я позову милиционера?

— Не надо. Продайте мне билет до...

— Докуда?

— До ближайшего к Китаю... или к Ирану места. На ближайший поезд до ближайшего места.

Кассирша долго шелкала компьютерной клавиатурой. Если я захочу передумать, то делать это нужно было прямо сейчас. Я стоял и слушал, как кассирша перечисляет названия городов. Каждое из них пахло дыней и изюмом.

— Есть билет до Ташкента.

— Отлично! Я беру.

— Поезд фирменный. Дорогой.

— Не проблема. Когда он отходит?

— Через двадцать минут.

Я достал из кармана московский гонорар. Часть денег была в долларах, но некоторая часть — в рублях. Я по одной закидывал желтые купюры в крошечное окошко кассы.

5

Табло «№ 613, Москва—Ташкент, 23:35» отыскалось быстро. Перед табло стояла огромная толпа МИЛИЦИИ И пассажиров. На перрон никого не пускали.

Азиатские мужчины выкрикивали свои брызгающиеся слова. Я протиснулся в центр толпы. Дорогу дальше перекрывали плечом к плечу стоящие люди в черной униформе. Возможно, железнодорожники.

Стоящий передо мной молодой узбек что-то выкрикнул и тут же получил милицейской дубинкой в лоб. Парень упал. Толпа отшатнулась назад. Запищали придавленные дети.

Черный железнодорожник крикнул мне:

— У тебя что? Удостоверение?

— Билет. Вот он.

— Русский? Проходи!

За первой цепью стояли еще типы в штатском. Они досматривали сумки и карманы пассажиров. Мои досматривать не стали. Проходя мимо подземного перехода, ведущего на перрон, я заметил, что внизу он тоже блокирован милицией.

Фирменный и дорогой поезд был, как близнец, похож на тот, что мог увезти меня домой. Завтра с утра жена проснется заранее... станет лежать, длинноногая... не вставая из постели, она будет прислушиваться... а когда я на цыпочках войду в комнату, жена, не открывая глаз, улыбнется...

Вернее, нет. Не улыбнется.

Проводник был одет в парадную желтую форменную рубашу.

— Проходи! Билеты есть? Проходи!

Я зашел в купе. Сказал попутчикам «Здрости», взял с собой сигареты и вернулся на перрон.

— Ташкент, это что за страна?

— Узбекистан.

— Слушай, а чего здесь всегда так?

— Как?

— Ну, милиция... лупят всех.

— Всегда.

— Понимаю. Мы поедем через русско-узбекскую границу?

— Мы поедем через русско-казахскую границу. А потом, через казахско-узбекскую.

— Навороты, mazafaka.

— Что?

— В России мы где-нибудь будем останавливаться?

— Много раз!

— Ну, например, где?

— Например, в Волгограде.

Поезд потихоньку тронулся. Я докурил сигарету, зашел в вагон, залез на верхнюю полку и уснул еще до того, как опустил голову на подушку.

Волгоград не был мне интересен. Я уже бывал в этом городе. Правда, давно.

Волгоград

1986 год

1

На день шестнадцатилетия мне аплодировал громадный Дворец спорта. Я сидел — единственный во всем громадном здании, — а несколько тысяч мужчин и женщин хлопали в ладоши и поздравляли меня с моим праздником.

Здоровенный, битком набитый стадион рукоплескал... лично мне... стоя... очень долго... вам когда-нибудь аплодировали Дворцы спорта?

Тогда, пятнадцать лет назад, все вообще очень неплохо начиналось...

Чернобыль рванул весной 1986-го. Крыша у меня рванула приблизительно тогда же. Возможно, между двумя этими событиями есть какая-то связь.

Перед тем как допустить меня к выпускным экзаменам за восьмой класс, директор школы вызвала родителей на беседу и поставила вопрос ребром: либо после экзаменов они забирают меня из вверенного директору заведения, либо директорша приложит все силы, чтобы меня посадили в тюрьму.

Родители выбрали вариант под номером один. Дальше я должен был продолжать образование в ПТУ.

А по утрам дворники поливали пыльные дворы из брызгающих резиновых шлангов... и мужчины в белых тужурках продавали квас из желтых бочек... город пах квасом, пылью и тополями... а количество цветков сирени с пятью лепестками «Загадай-желание» в ту чернобыльскую весну било все рекорды... и ни одно желание из тех, что я загадывал, не было связано с продолжением образования.

Единственными моими джинсами в ту весну был индийский Miltons чудовищного темно-синего цвета. Брюки были с большим трудом куплены для меня родителями. Надевать мне их разрешали лишь в торжественных случаях.

Первое, что я сделал, закончив школу, это навязал на Miltons'е несколько узлов и сварил брюки в целом ведре хлорки. Теперь цвет меня более или менее устраивал. Вторым шагом было то, что я прокол себе ухо.

Заранее купить сережку перед этим я не догадался. Ухо мне прокалывал приятель. Для дезинфекции он облизал булавку и, зажмурившись, ткнул в мочку, пропоров ее до самой шеи. Чтобы дырка не заросла, булавку вынимать не стали, так и оставили торчать.

Я ехал домой в переполненном вагоне метро. Подходить ко мне ближе чем на метр пассажиры не решались. Если бы на моем лице виднелись признаки проказы, думаю, они отнеслись бы ко мне более снисходительно.

Через несколько дней страна праздновала День воздушно-десантных войск. Не продумав последствий, я вышел к Гостиному Двору купить сигарет. Первый пьяный десантник разбил мне нос уже через два квартала от дома. Второй — еще через квартал. Третьего я решил не дожидаться и без сигарет вернулся домой.

В общей сложности синяку не удавалось сойти с моего лица месяца три. Стоило ему немного побледнеть, как находился еще один желающий объяснить, что настоящие мужчины булавками уши не прокалывают.

Синяк и разбитый нос — это было еще ничего. Немного позже я познакомился с парнем, который рассказывал, что сейчас он и сам... в смысле теперь-то он врубается... а раньше они с ребятами этих... которые Родину позорят... просто так не отпускали... и один раз, взяв за руки — за ноги, бросили пидораса с платформы под поезд где-то во Всеволожке... потому что пацаны так себя не ведут и бранзулетки бабьи в ушах не носят.

3

Найт-лайфа в нынешнем виде тогда, разумеется, еще не существовало. После полуночи пойти было некуда. Круглосуточные гастрономы уже ликвидированы, клубы еще не появились. Досматривай телевизор и вешайся.

Правда, существовали диско-бары... дальние предки найт-клубов... тупиковая ветвь эволюции... неандертальцы клубного движения.

В Петербурге их было около двух дюжин. Один, «Ровесник», он же «Белая Лошадь», на правом берегу Невы. Еще один, маленький и дорогой, под названием «Сонеты», рядом с Домом кино. Но самые лучшие диско-бары города располагались вокруг станции метро «Ломоносовская».

Модная молодежь подтягивалась к метро часов в шесть. Девушки были одеты в бледно-зеленые (вариант — бледно-розовые) раздувающиеся на запахах бриджки. Молодые люди носили сразу по две клетчатые фланелевые рубашки, надевая их одну поверх другой. Выглядели и те и другие по-дурацки, но такая уж тем летом была мода.

От «Ломоносовской» можно было пешком дойти сразу до нескольких дансингов. Большинство модников посещало заведение, называвшееся «Вена».

Когда-то «Вена» была пивбаром на втором этаже стеклянного торгового центра. Потом превратилась в диско. Правда, с прежних времен здесь сохранилась липкая барная стойка и «Бастурма по-венски» в меню.

Вход на мероприятие стоил рубль. Это было недорого. По пути от метро до заведения нужно было всего пять раз попросить у про-

хожих двадцать копеек. Аборигены давно смирились с повадками приезжающих в их район модников. Стоило подойти поближе и открыть рот, как они сами тянулись за кошельками. Пожилым людям было не жалко мелочи для веселой молодежи. В те годы отношение к деньгам вообще было немного другим.

Дискотека начиналась в семь вечера, а заканчивалась к десяти. Исключение делалось только для одной ночи в году: для пасхальной ночи. Советская власть считала, что танцы все-таки лучше, чем крестный ход. Накануне Пасхи в диско-бар приходили мужчины в райкомовских костюмах и с каменными подбородками. Они беседовали с директором и по результатам беседы танцы затягивались до полуночи.

Зал в дансинге был длинный, как туннель. На противоположной от входа стене зажигались и гасли буквы «Невские Звезды». Туалеты были облицованы светлым кафелем. Засохшие сгустки крови смотрелись на нем особенно ярко.

Сама вечеринка начиналась с того, что в абсолютной темноте звучал вальс «На прекрасном голубом Дунае» и из-под сцены выползали клубы горячего пара... а потом сквозь пар пробивался ярко-красный свет и Шуберт превращался в Duran-Duran... а когда глаза привыкали к свету, вы видели, что перед пультом диск-жокея танцуют, встав в несколько параллельных рядов, девушки... очень красивые... и танцуют они тоже красиво... но не дай вам Бог было вообразить, будто красивыми танцами девушки собираются очаровать лично вас... светлый кафель туалета в этом случае становился еще пестрее.

Бородатый диск-жокей не просто менял магнитофонные бобины — он делал шоу. Его коньком было рассказывать особые диско-сказки. Выглядело это приблизительно так:

— Жила-была Красная Шапочка. Не то чтобы она очень любила красный цвет, но голубой она любила еще меньше. В общем-то, Шапочка была довольно деревенской девицей. (Дальше звучал хит популярной команды Village Peoples.) Как-то Шапочка пошла в лес. Выйдя на полянку, она увидела там нескольких симпатичных пареньков и сказала: «О! Мальчики!» (Дальше звучала песня певицы Саманты Фокс «Boys, boys, boys!».) А потом Шапочка наткнулась на двух негодяев: барона ДэГенерата и герцога ДэБила...

Ну и так далее.

Когда танцы заканчивались, можно было пойти домой, но вместо этого я ехал на Адмиралтейскую набережную. Там, напротив зе-

ленной Кунсткамеры, гуляли толпы людей, байкеры пытались перепрыгнуть через разводящиеся мосты, все смотрели на белые ночи и украдкой пили портвейн, а по гранитным парапетам, испуганно улыбаясь, шагали девушки... девушки из провинции... хотя и не обязательно из провинции.

С мая по июль это было очень модное место. Там на набережной у меня было много знакомых. Ближе, чем с остальными, я сошелся с двумя.

Один уверял, что находится во всесоюзном розыске за убийство, причем его главной приметой, известной милиции, являются пронзительно-голубые глаза. Чтобы не быть арестованным, он каждое утро капал в глаза по капельке йода: от этого голубая радужка должна была превратиться в карюю.

Второй приятель в розыске не находился, но милицию тоже не любил. Заметив постового, он пристраивался к нему сзади, отвратительно харкал тому на униформу, а милиционер потом ходил и не понимал, почему прохожие над ним смеются.

Именно такие персонажи учили меня ухаживать за девушками. Это было сложное искусство. Вовсе не каждая девушка соглашалась, завидев меня, сразу же сесть на корточки... некоторые предпочитали сперва познакомиться. То есть в основном, конечно, девушки не возражали, но иногда — возражали.

В этом случае преподаватели советовали с разворота бить девушкам в нос. Мне это казалось излишним. Все и так было отлично. Первые мосты под общие аплодисменты разводили в без пятнадцати два. Как правило, к этому моменту первая провинциальная золотая рыбка уже клевала на мой ультрамодный Miltons... прежде чем мосты сведут, иногда успевала клюнуть и следующая... а засыпал я лишь к полудню следующего дня.

Не было только алкоголя. При Горбачеве алкоголь вообще был проблемой. Остальное было все. А главное, меня никто не контролировал.

Тем летом моей маме предстояла очень серьезная операция. Она в основном лежала в больнице, а отцу тоже было чем заняться... поэтому просить у прохожих денег приходилось не только на билет в диско-бар, но иногда и на еду.

Когда маму выписали, я как раз собирался сходить потанцевать. Она в дверях схватила меня за рукав рубашки... она не хотела, чтобы я уходил из дому... рукав остался у нее, а я все равно ушел... и две недели не возвращался.

Мне было пятнадцать лет. Это было мое первое взрослое лето... и девушки тоже были первыми. Я чувствовал себя очень счастливым. Так продолжалось несколько месяцев, и мне казалось, что так может продолжаться всю жизнь.

4

Поддерживая репутацию лучшего диско в Ленинграде, хозяева «Вены» иногда устраивали у себя тематические вечеринки. То есть там играли не new-wave или eurodisco, а например, только появившийся heavy-metal-rock.

Как-то я сходил на такую вечеринку. Эх, жалко, не было у меня в те годы видеокамеры... сегодня мог бы делать большие деньги.

Вместо крашенных челок — черные гривы. Вместо румынских кроссовок — пэтэушные кованые ботинки. Вместо «Голубого Дуная» мероприятие открывалось Hells Bells AC/DC. Если вы не в курсе, то сначала там двенадцать раз бьет колокол, а потом следует такой звук, будто солиста вырывало и он от стыда покончил с собой. Одновременно с последним ударом колокола вся банда бабуинов сходила с ума. Что за движения должны сопровождать AC/DCшные вопли, каждый решал для себя сам, так что... черт, все-таки жаль, что у меня не было камеры.

Metal-party мне не понравилась. В дни, когда они проводились, я отправлялся в иные заведения. Когда я узнал, что, помимо металлических, в «Вене» будут проводиться также и ретро-вечеринки, я расстроился еще больше, но из любопытства сходил и туда.

Билет на тематическую вечеринку стоил в три раза дороже, чем на обычные танцульки. Я заплатил, поднялся на второй этаж... и перестал жалеть о переплаченных двух рублях. Впервые в жизни я узнал, что хорошая музыка это не обязательно Depeche Mode... что танцевать твист — это как девушек целовать... даже труднее... но ведь и интереснее!.. что Элвис Пресли — это Король... единственный реальный Король!..

С тех пор на ретро-party я ходил, а на все остальные — нет. Если была в моей teenage-юности первая мальчишеская любовь, то это была любовь к визгливой музыке 1950-х.

Уже через два месяца я был в полном порядке. У меня имелся галстук, на котором с изнанки читалось «Фабрика им. Володарского. 1956 год». Имелись брюки, как у Шурика в «Кавказской плен-

нице», — короткие ровно настолько, что над носком торчала нога. Имелась рубаха с огромным воротом, а главное, у меня были остроносые ботинки... настоящие остроносые ботинки... чудом выжившие с самых что ни на есть ретро-времен ботинки со шнурками на трех дырочках сбоку... о таких ботинках мечтал каждый твистер в городе, но были они только у меня... их нос был острее, чем стрела Амура... отличные ботинки.

Два вечера подряд я собственными руками вырезал для своих чудо-ботинок каблук. Потом всунул ногу внутрь. Каждым пальцем ноги я изнутри целовал свои ботинки. Два раза, сбившись в банды, твистеры из враждебных кланов порывались снять ботинки с меня. Скорее уж я согласился бы на ампутацию ног! Когда, обутый в эти ботинки, я выходил танцевать твист, прочих модников сдувало с танцпола... мне не было равных во всех девяти мирах.

В этих ботинках я был неотразим. Единственная проблема состояла в том, что пойти в ботинках было в общем-то некуда.

Ретро-вечеринки устраивались в «Вене» всего несколько раз. Потом нерентабельное мероприятие прикрыли. Купить себе пластинку Stray Cats и танцевать твист на дому... до того, как это станет возможным, нужно было подождать еще десятилетие.

Что оставалось? Оставалось ходить на концерты.

Во всем СССР мне была известна лишь одна банда, официально игравшая ту музыку, которую слушал я... и слушали парни, мечтавшие украсть мои ботинки. За небольшую плату их кассету мне дали переписать приятели.

Музыка была отличная, а у анонимной вокалистки был пронзительный голос. Позже я узнал, что вокалистка — это Жанна Агузарова, а группа называется «Браво».

Был, конечно, еще Рок-клуб... но вся эта кухонная самостоятельность в тельняшках прошла мимо меня... она не была мне интересна. А вот «Браво» было интересно... еще как было!

В сентябре 1986-го группа приезжала в Ленинград. Это стало главным событием той осени.

5

Гастроли «Браво» в Ленинграде продолжались не день и не два дня — они продолжались десять дней. Причем в субботу и воскресенье музыканты давали аж два концерта: в пять и в восемь часов.

Попасть на концерты в те годы было несложно. Бабушки-билетерши кроме проверки входных билетов обязаны были распространять билеты лотерейные. Разумеется, никто их не покупал.

Билет на концерт стоил от трех до десяти рублей. Лотерейный билет — тридцать копеек. Так что секрет прохода на концерт был прост: нужно было купить у старушек три билета на рубль и, пройдя в зал, занять любое свободное место.

Гастроли «Браво» не были сольными. Вместе с ними выступало еще несколько групп. Каждого нового исполнителя объявлял конферансье. Пожилой мужчина в футболке и блестящем пиджаке поверх футболки рассказывал анекдоты и взмахивал рукой: «Встречайте!»

Сперва волосатый певец, похожий на английского бомжа, пел грустные блюзы про скрипача, который повесил на спинку стула свой сюртук. Слушать их мне было скучно. Я занял лучшее место рядом со сценой и ждал Агузарову так, как может ждать девушку с таким голосом 15-летний подросток, рожденный танцевать твист.

Вторым номером программы была группа «Рондо». Знаете, наверное: их солист Александр Иванов до сих пор мелькает на MTV. После каждой песни публика аплодировала. Иногда на сцену забегали девушки и дарили музыкантам цветы.

А потом откуда-то сбоку вышел... а может быть, выполз... как-то странно появился низенький «бравовский» гитарист... он всем телом пригнулся к инструменту, и первое, что я увидел,— его гитара... на ней были прорези, как на скрипке... узенькие, сбоку... волосы зашевелились у меня на предплечьях... а зал уже орал... и я прозевал момент, когда они появились: толпа незнакомых мне твистеров... они выкатились прямо на пустое футбольное поле... один был в косяке, которые прежде я видел только на мутных черно-белых фото импортных рокеров... они уже вертелись как волчки... их ботинки мелькали в воздухе... отличные ботинки, не хуже моих... и милиционеры ничего не могли сделать, потому что вслед за твистерами на поле начали выходить и обычные люди... даже пожилые женщины... а гитарист извлекал из своей скрипичной гитары такие звуки, что милиционеры теряли фуражки, и Жанна... Господи! какая она носатая... некрасивая... но зато какой голос!.. Жанна уже сметала своим голосом передние ряды... и целый стадион танцевал... и я тоже вертел в воздухе своими ботинками... все сорок минут подряд.

Ленинградские гастроли «Браво» 1986 года стали первым официальным концертом в СССР, на котором публике было позволено

выходить на поле и танцевать. Власти просто смирились: нельзя же арестовать сразу семь тысяч человек.

Слухи о том, что творится в «Юбилейном», ползли по городу. На следующий день все повторилось. Спустя еще день во Дворец спорта пришли футбольные фанаты, мутные типы с заводских окраин, волосатые автостопщики и множество просто красивых девушек.

Перемены всегда начинаются с рок-н-ролла... с того, что человек встает с кресла, с которого нельзя вставать, и, улыбаясь, идет на цепь милиционеров... люди на поле танцевали, дарили друг другу деньги и, возможно, пробовали делать секс... все понимали — это и есть шаги истории... это и есть грохот ее кованых сапог... даже такие бессмысленные животные, как офицеры милиции, понимали это и приплясывали в такт агузаровским твистам.

Как каждая победившая революция, толпа из «Юбилейного» не знала, куда девать свалившуюся свободу. Нужно было поднимать над Дворцом спорта черный флаг и отплывать всем вместе по серой воде Малой Невки, а люди просто расходились по домам.

Разумеется, я не пропустил ни единого концерта. Посетил все до единого. Где-то к четвертому дню я уже знал, когда пора, и первым выпрыгивал на поле... а уже за мной выпрыгивали все остальные. «Рондовский» Иванов со сцены показывал на меня пальцем. Девушки подходили ко мне после концерта и просили, чтобы я записал их телефон. Когда все заканчивалось, я огибал «Юбилейный» и смотрел, как боги садятся в красный «Икарус». От Дворца спорта автобус шел прямо на небеса. На меня усталые боги не смотрели. Повезло мне только один раз: в выходные, когда два концерта шло почти без перерыва, музыканты «Браво» пошли в блинную перекусить, а я пошел с ними.

В блинной были вцементированные в пол столы с мраморными крышками. Боги заказали кофе с молоком и невкусные оладьи со сгущенкой. Люди в очереди понятия не имели, чье сияние заливает чумазую блинную.

Все пятнадцать минут, пока музыканты перекусывали, я молчал, а потом попробовал им сказать... открыл рот, но понял, что ВСЕ сказать не смогу... начал говорить, что скоро они уедут... но ведь так не должно быть!.. это не должно кончаться... ТАКОЕ не кончается... силы тьмы не должны победить... после этого у меня окончательно сел голос.

Кто-то из музыкантов, дожевывая оладушку, пожал плечами:

— В чем проблема? Из Питера мы едем в Волгоград. Приезжай, поотжигаем.

Спустя три дня музыканты уехали. В «Юбилейный» ходить было незачем. Каждый день с утра я чистил гуталином ботинки и думал, где мне взять денег на билет до Волгограда.

6

Билет стоил 9 рублей 80 копеек. Туда и обратно — 19.60. В крайнем случае можно было купить билет только в один конец, а дальше что-нибудь придумать. Но даже на один конец все равно не было денег.

Я попробовал занять у родителей... потом попробовал занять у приятелей... потом решил попрошайничать на улицах... спустя неделю в активе имелось ровно 1 рубль 40 копеек.

Чтобы выяснить, как ходят поезда и вообще есть ли билеты, я сходил в кассы на Московском вокзале. Осенило меня на обратном пути, в тот момент, когда я протискивался через вокзальную толпу и коленками бился о чужие чемоданы. Носильщики помогают с транспортировкой багажа прибывающим пассажирам, но кто позаботится об отъезжающих?

Заняв позицию у метро «Площадь Восстания», я ждал, пока эскалатора сойдет тетенька с одышкой и вся обвешанная тюками. Вслед за тетенькой я шел метров десять... до первого тетенькиного привала... после чего улыбался и объявлял таксу: пятьдесят копеек отсюда и до самого вагона. Тетеньки решали, что я ангел.

Цены были демпинговые. Если бы я был разоблачен носильщиками-профессионалами, то в лучшем случае мне бы сломали нос... впрочем, все обошлось. Через неделю я был готов к выезду.

За время таскания чужих чемоданов я сошелся с тусовщиком с Московского вокзала. Представляясь, тот внимательно глядел вам в глаза, а потом произносил: «Пингвин».

Я пытался рассказать Пингвину про «Браво»... про то, что видел, как будущее растет сквозь подошвы моих ботинок... по-моему, парень не понял. Однако сказал, что хотел бы поехать со мной. Деньги у него были, а еще он принес из дому половинку копченой курицы.

Одну ногу мы съели сразу, а то, что осталось, я завернул в салфетку и положил в карман плаща. Потом я шагнул внутрь вагона.

Петербург, носивший тогда имя Ленинград, остался за спиной. Вагон отправлялся в Волгоград, больше известный под девичьей фамилией Сталинград.

Главный минус далеких путешествий на поезде: ко второму дню езды ты обнаруживаешь, что абсолютно нечем заняться.

Москву мы объехали, не заезжая в сам город. Сосны северо-запада сменились елками Средней полосы. Один раз поезд остановился посреди чистой равнины. Я открыл дверь вагона и хотел спрыгнуть на землю, но тут поезд опять тронулся. К вечеру второго дня я стал высматривать в окне великую русско-татарскую реку Волгу, но так и не высмотрел.

Беседовать с Пингином было не о чем. В твистерском плаще, остроносых ботинках и с зонтом-тростью в руке я бродил по вагону. Зонтом я гордился почти так же, как ботинками. На его деревянной ручке была вырезана львиная морда. Добрая проводница спросила, обедал ли я и зачем я хожу с зонтиком, ведь в вагоне не бывает дождя?

Я съел проводницыны бутерброды, а по поводу зонта сказал, что тут она права... зонтик злобный... в смысле модный... гармонирующий с моим имиджем... для тех лет это был вполне нормальный сленг.

Чем ближе к Волгограду, тем чаще начали меняться пассажиры в вагоне. Прокуренные мужчины с бакенбардами в пол-лица. Тетки в пуховых платках, узлом завязанных поверх пальто. Это были жители моей страны... страны, которую я совсем не знал.

Названия городков звучали как припев народной песни. Один раз в вагоне оказался парень приблизительно моего возраста. Мы с Пингином съели его хлеб и холодные вареные яйца.

— Ты откуда?

— Я-то? Из Незавертайловки. Солнечногорского района. Слышали, наверное?

— Весело у вас там... в вашем районе?

— А чего? Весело.

— Как веселитесь?

— Да по-разному.

— Знаешь группу «Браво»?

— Не-а.

— Ты рок-н-ролл-то вообще слушаешь?

— Не-а.

— Что так? Не нравится?

— Я вообще-то на электрика учусь.

— Понятно.

За окном мелькали деревни, но чаще — дремучие леса.

— А панки у вас в городе есть?

— Да у нас не город. Поселок городского типа.

— А типа панки у вас в поселке типа есть?

— Не-а.

— Ни одного панка на весь район?

— Я ж говорю: я на электрика учусь.

— металлисты? Хиппи? Хоть кто-нибудь есть?

— Не-а.

— Вообще никого нет?

— Раньше у нас гунявые были.

— Иди ты! щ

— Рожи себе красили. Как группа KISS.

— Во! А ты говоришь никого нет! Как называются? Гунявые?

А почему «были»?

— Так посадили их.

— За что?

— Я ж говорю: рожи красили. Как группа KISS.

Мы с Пингином, ошалев, отсели. Провинция, по направлению к которой ехал поезд, начинала пугать издалека.

На центральный вокзал Волгограда поезд прибывал рано утром. Я рассчитывал, что проводница разбудит нас заранее. Когда проснулся, поезд уже стоял. Последние пассажиры маленькими шагами выходили на перрон. Я толкнул Пингина, вскочил на ноги, хотел выйти вслед за пассажирами... Путь мне преградили сразу три офицера милиции.

Как выяснилось, еще накануне вечером по рации из головного электровоза милая женщина проводница передала в Волгоград, чтобы нас встретили. И теперь все было по полной программе. Четверо офицеров блокировали выходы. Трое стояли с задней стороны вагона, на случай если мы попробуем прыгать в окна. Внутрь их зашла целая толпа... может быть, десять человек.

Нам было велено собрать все свои вещи. Один офицер наручником пристегнул к себе Пингина, а второй меня. В кольце милиции мы все вместе прошагали в привокзальное отделение.

Ни мне, ни Пингину шестнадцати лет еще не исполнилось. Так что до полудня мы сидели в пикете, а потом подтянулись инспектора по делам несовершеннолетних, и нас начали водить на допросы.

Пингина увели первого. Вернулся он растрепанный. Сел на нары, закрыл лицо локтем и заплакал.

Инспекторша, которая допрашивала меня, была толстая и крик-
ливая. В руке она держала заявление проводницы.

— Ты что, дурак?

— Я?

— Ты что, действительно член антисоветской организации?

— Организации?

— Что ты из меня дуру делаешь?

— Я?

— Ты! Что вылупился? Думаешь, мы таких, как ты, не видели?

— Это... как сказать-то?

— Ты зачем вербовал пассажиров в члены своей организации?

— Вербовал?

— Да вербовал! Тут все написано!

— О Господи! Того парня, что ли? Да кто его вербовал! Мы есть
хотели! А у него яйца были...

— Ты пидор?

— В каком смысле?

— В прямом смысле! И ты и твой приятель пидорасы, да?

— Нет, я не про эти яйца.

— А почему у тебя серьга? А почему твой приятель трусы под
брюками не носит?

— Он не носит трусы?

— Зачем ты сюда приехал?

— Приехал?

— В ГЛАЗА СМОТРЕТЬ! НЕ СМЕТЬ ВРАТЬ!

— Да мы... это... на экскурсию. Город-герой... все такое.

— Почему у тебя серьга в ухе?! Снять серьгу! Живо!

Я снял. Инспекторша спросила, где мы собираемся остановиться?
Я сказал, что нигде. У нас и денег-то нет. Посмотрим город и уедем.

— Зачем у тебя с собой зонтик?

— Зонтик? Ну, это... дождь...

— У меня написано, что твой зонтик символизирует силу и жесто-
кость.

Мне понадобилась целая минута, чтобы сообразить, откуда это.

— О Господи! Она не поняла! Я не говорил, что символизирует!

Я сказал «злобный зонтик!». Это просто такое выражение. Я не то
имел в виду!..

Какое-то время мы еще в том же ключе общались. Потом меня
отвели обратно в камеру. Пингвин уже не плакал. Ближе к обеду
дверь открылась, и нам было велено подойти.

Старший офицер, не глядя в нашу сторону, инструктировал долговязого парня. Как я понял, тот был членом отряда «Дзержинец». Была в ту пору такая добровольная молодежная организация, помогавшая милиции бороться с преступниками.

— Пойдешь за ними. Проследишь... А то город-герой, видите ли, посмотреть хотят. Если что, пресекай сразу. Или звони, мы подыдем. Уяснил? Если попробуют сбежать, бей не стесняясь.

Парень кивал и улыбался. Офицер званием помладше отдал мне и Пингвину документы. Мы вышли из пикета.

Город-герой не заслуживал того, чтобы его осматривали. Весь до крыш он был усыпан шелухой от семечек.

Я достал из кармана сигареты. Спички остались в столе у милицкого офицера. В метре позади нас шагал следопыт-дзержинец. Я повернулся к парню и спросил спичек у него.

— Разговаривать не положено.

— Прекрати выебываться. Мне просто нужны спички.

— Я сказал: не положено. Я на работе.

В отделении я видел, как долговязый клал себе в карман кастет и гиричку на веревочке. Получить гиричкой в лоб от этого сумасшедшего не хотелось. Я прикурил у прохожего.

По площади перед вокзалом во всех возможных направлениях двигались волгоградцы. На их фоне я, в твистерских ботинках и с зонтом, смотрелся чуть менее естественно, чем смотрелся бы зулус в боевой раскраске.

В голове не было ни единой мысли насчет того, что теперь. Еще хотелось есть. Я спросил у Пингвина, правда ли, что он не носит под брюками трусы? Он сказал, что это не мое собачье дело.

С площади отъезжали троллейбусы. На борту одного я разглядел конечный пункт: ДВОРЕЦ СПОРТА. Мы втиснулись внутрь, а следопыт втиснулся в соседнюю дверь.

Дворец спорта стоял на холме... на такой небольшой возвышенности. Я увидел его издалека. Когда мы подъехали поближе, то помимо Дворца я увидел Александра Иванова из группы «Рондо». Он переходил дорогу. Его крашенная в ослепительно-белое, но с черными прядями голова была узнаваема в волгоградской толпе даже сильнее, чем мой символический зонтик.

Мы выскочили из троллейбуса. Мы бежали за Ивановым, смеялись на бегу и махали руками. Это мы! Саша! Мы приехали, как обещали!

Сперва он не узнал нас. Перебивая друг друга и понимая, что никакого иного шанса не будет, мы произносили только одно слово

«Ленинград!.. Гастроли в Ленинграде!..». Я даже задрал ногу в ботинке и начал танцевать... после этого он тоже заулыбался и сказал, ах да... действительно...

— Где вы остановились?

— Мы только с поезда.

Он оказался хорошим парнем, этот поповый певец Александр Иванов. Он отвел нас в гостиницу, в которой разместили музыкантов, долго ругался с коридорной, не желавшей пропускать нас без «Карточки гостя», он вытащил из номера директора гастролей... в общем, он нам помог.

Пингвин улыбался, и мне было видно, какие плохие у него зубы.

— Хороший он парень!

— Просто отличный!

— А менты — гондоны!

— Представь, что скажет своему капитану следопыт! Ты видел его рожу, когда мы встретили Сашу?

Мы громко смеялись.

8

По дороге из Ленинграда, где-то в непролазной русской грязи, застряли машины с аппаратурой музыкантов. Поэтому волгоградские концерты задерживались. К моменту, когда мы приехали, задерживались уже дня на три.

Директор тура выписал нам с Пингвином удостоверения рабочих сцены. Каждое утро мы ездили с музыкантами во Дворец спорта и узнавали, что аппаратуры по-прежнему нет. Музыканты пробовали репетировать, а я танцевал свой твист в гулком и пустом зале.

Афишами был заклеен весь город. Последние билеты продали за месяц до первого концерта. Вокруг Дворца спорта бродили толпы разъяренных зрителей. Единственным человеком, которому задержка нравилась, был я.

Спать нас с Пингвином пристроили в номере «бравовских» ударника и саксофониста. Те стащили с кроватей на пол дополнительные матрасы и даже выделили нам одну на двоих подушку.

На подпевках в «Рондо» в те годы работала красивая, похожая на Кайли Миноуг певица. Сегодня она считается главной секс-достопримечательностью страны, а тогда девушка кипятком разводила нам с Пингвином суп из пакетиков, и мы говорили ей «Спасибо, Наташа».

Вечерами, не зная, чем заняться, все напивались в гостиничной бильярдной. С алкоголем в стране были проблемы, но парни находили какие-то способы. Способы были действенными. Иногда по утрам музыкантов находили без сознания в ванной.

Агузарова в вечеринках не участвовала. За первую неделю я вообще видел ее только один раз. Агузаровская гримерша, крошечная азиатская девушка с дюжиной тяжелых колец в каждом ухе, смеялась надо мной и Пингвином и говорила хозяевам номера, в котором мы спали, чтобы те не мешали нам вечером заниматься онанизмом перед фотографией Жанны.

Она, кстати, единственная из музыкантов оценила мои ботинки:

— Отличные ботинки. Дорогие?

— Не очень.

— Как у вас в Питере называются парни в таких ботинках? Стиляги?

— Твистеры.

— Не стиляги? Именно твистеры?

— Лучше, чтобы я был стиляга?

— Будь, кем хочешь. Твистер, панк, хиппи, гау, фашист, баптист... лишь бы не совок.

Накануне дня, когда аппаратура все-таки приехала, грустный, похожий на англичанина блюзмен достал канистру домашнего вина. Нам, несовершеннолетним, хоть это и было illegal, тоже налили.

Попивая вино и стучая кием по шарам, музыканты обсуждали кого-то из своих приятелей:

— Он проснулся с утра: денег ровно три рубля девяносто копеек. Причем он помнил: сегодня нужно звонить немцам. Именно сегодня, завтра будет поздно. То есть немцы обещали, что запишут ему пластинку, напишут приглашение на гастроли, все такое... Полная сбыча мечт. Но денег: три рубля девяносто копеек. То есть хватает либо на звонок немцам, либо на две бутылки портвейна... На то и на другое одновременно — не хватает...

— И что он выбрал?

— Что он мог выбрать? Разумеется, портвейн. Ни пластинки, ни гастролей так и получилось...

Я слушал эти обрывки чужой взрослой жизни и был готов заплакать. Мне было пятнадцать лет, и я обещал самому себе, что свою жизнь проживу именно так... что мечта всегда должна оставаться мечтой... а выбирать нужно то, что достойно мужчины.

Я был уверен, что Волгоград взорвется не хуже, чем взорвался мой собственный город... но он не взорвался.

Милиции на концертах было почти столько же, сколько зрителей. За попытку не то что начать танцевать, а хотя бы встать с кресла люди отбывали в пикет до конца концерта.

Больше всего меня расстроило даже не это. Сладенькие попсовые «Рондо» понравились Волгограду больше, чем рок-н-роллишки «Браво». Тем долго аплодировали и даже подпевали, а к третьей песне Агузаровой зал начал пустеть.

После концерта Агузарова рыдала у себя в гримерке. Ее истерика была слышна даже на улице. Ее успокаивала азиатская девушка.

— Уроды! Все уроды!

— Да, Жанна.

— Они уроды!

— Да, Жанна!

— Мы — круче, чем Rolling Stones! А они — уроды!

Потом Агузарова потребовала, чтобы все объявили «Рондо» бойкот. Музыканты устали. С ней никто не спорил. Они просто погрузились в автобус и уехали в гостиницу.

Я тоже сидел в автобусе. Снаружи, у черного входа во Дворец спорта, кучковались такие же, как я, но из Волгограда. Я даже хотел им крикнуть, что «Икарус» идет именно в гостиницу... не на небеса, парни, нет!.. я точно выяснил: в гостиницу!.. но не стал.

Через два дня у меня был день рождения. Мне исполнялось 16 лет. Я становился совершеннолетним и с этого дня мог нести уголовную ответственность за многие проступки, за которые раньше не мог нести.

От музыкантов мне хотелось получить какой-нибудь подарок. Ну, например, чтобы носатая Агузарова поцеловала меня в губы... что-нибудь в таком роде. Я не знал, как им об этом сказать.

За меня о дне рождения сказал Пингвин. Поцелуя я не дождался, зато «бравовский» гитарист подарил открытку с автографом, а остальные сказали, что 16 лет дата круглая, и крепко пожали мне руку.

Концерт в этот день начался с того, что конференсье (все та же T-Short... все тот же пиджак с блестками...) вышел на сцену и не стал рассказывать анекдот, который я слышал уже раз сто.

Вместо этого он сказал:

— Приветствую, Волгоград! Я вижу, что вы рады нашей встрече, ведь каждый концерт — это праздник. А еще сегодня особый день. Сегодня день рождения у нашего друга... вот он сидит, прямо в первом ряду. Этому парню исполняется шестнадцать лет, давайте начнем наш концерт с того, что встанем и поаплодируем ему!

И тогда все зрители, битком набившиеся в здоровенный волгоградский Дворец спорта, поднялись и долго хлопали невидимому мне, сидящему в первом ряду.

Может быть, все подумали, что это шутка... что суть не в парне, у которого день рождения, а просто таким способом конференсье заводит зал... все орали, топали, свистели... продолжалось это долго.

Я был единственным человеком во всем Дворце, который остался сидеть. Я думал о том, что если так все начинается, то что же будет дальше? Как будет выглядеть мой тридцатый день рождения, если шестнадцатый — вот он?

Как выяснилось, дальше все следовало по нисходящей. Тридцатый день рождения был обычным днем, который трудно вспомнить... просто день.

За следующие пятнадцать лет моя страна много раз изменилась... изменялся и я... не скажу, что все эти перемены меня радовали.

Москва — Ташкент

(Время в пути: 62 часа)

1

На третий день езды в поезде соседка по купе, светловолосая русская девушка, посмотрела в окно и сказала:

— Ой, верблюд!

Я свесился с верхней полки и тоже увидел верблюда. Даже двоих: маму-верблюдицу и верблюжонка. Это были могучие скоты, с толстыми ногами, с парой могучих мохнатых горбов каждый. Они напоминали машины-убийцы из Star Wars, эпизод V.

Само окно было разбито камнем, но осколки заботливые проводники склеили скотчем. На полу купе валялись мои кеды со звездами. Кеды назывались Converse. Они были светлыми.

Было время, и, чтобы попасть в эти края, люди снашивали сотни пар такой обуви. И тратили несколько лет жизни. Теперь все

проще. Поболтался с приятелями по клубам, доехал до вокзала, купил билет, и твои кеды еще не успели испачкаться, а ты — за четыре тысячи миль от квартиры, где тебя ждет жена.

2

Весь первый день за окном были леса, во второй появились степи, а теперь начиналась пустыня. Жалко, что я не съездил в эти края школьником: имел бы твердую пятерку по географии.

Юг России был забит военной техникой и теми, кто знает, с какой стороны к этой технике подойти. Военные ехали в Чечню, ехали из Чечни, ехали в регионы, расположенные рядом с Чечней, а параллельно с ними во всех перечисленных направлениях передвигались и сами чеченцы.

Едва мы отъехали от Москвы, во внутриэкспрессном радио звучала турецкая музыка. Рыдающие голоса и барабаны — как просыпавшаяся крупа. Русские морщились и выключали динамики. Узбеки улыбались и делали погромче.

У меня дома есть пара компакт-дисков с такой музыкой. Они выпущены в серии, которая называется «Этническая коллекция». Однако здесь ритмы звучали совсем иначе.

Понимаете, тигр в зоопарке и тигр, который стоит поперек тропинки, по которой вы шли домой, это одно и то же животное. Но воспринимаете-то вы его не одинаково, правда?

Когда наш поезд останавливался на станциях, русские бабушки с криками «Салям алейкум! Пирожки не желаете?» бежали вдоль вагонов.

Одна старушка продавала громадных красных раков. Дети Азии столпились вокруг, долго кричали на своем языке и тыкали в раков пальцами, а потом поинтересовались: если съесть этих животных, они не укусят клешнями изнутри за живот?

Купе, в котором я ехал, было единственным «русским» во всем экспрессе. Там ехал я, девушка-блондинка, совсем древний голубоглазый старик и молчаливая женщина, сопровождавшая старика.

Остальные купе были заняты азиатскими женщинами. Женщины, похожие на героинь индийского кино, женщины, похожие на Рамсеса Второго, женщины с громадными этнографическими серьгами в ушах, женщины, похожие на Джеки Чана, женщины в шароварах, галошах и пестрых балахонах...

Опустив верхние полки, они клали на них фанерные щиты — получилось вроде балкончика. Рассевшись вдоль стен, человек 12—15, азиаты так и ехали. Спали сидя. В коридор старались выходить пореже.

С женщинами ехали дети. Матери привязывали их за ручки нитками к двери, и дети неподвижно сидели в купе. Иногда их отпускали погулять. Лобастые, черные дети забредали в мое купе, молча садились, какое-то время сидели, а потом уходили.

Закрывать двери в купе здесь было не принято. Даже нижнее белье мужчины переодевали при распахнутых дверях. По ночам к нам в купе кто-то постоянно заглядывал. Просто, чтобы посмотреть: как мы тут?

В коридоре и тамбуре для курения тоже ехали пассажиры. Некоторые спали прямо на полу. Некоторые сидели, поджав ноги, и разгадывали кроссворды на азиатских языках.

Через одно купе от моего ехал азиат, лицо которого было покрыто розовыми язвами. Сперва я думал, что это шрамы... или солнечные ожоги... а потом оказался прижатым к нему в очереди в туалет и увидел, что одно ухо у мужчины полностью отгнило и теперь на его месте осталась только дырочка, чтобы подслушивать, о чем болтают окружающие.

Мне с моими комплексами и мизантропией следовало угодить именно в такое место. Менее комфортно, чем здесь, я чувствовал бы себя, наверное, только в тюрьме.

Чаше всего я общался с блондинкой, ехавшей в моем купе. Она рассказывала, что раньше жила в Узбекистане, потом эмигрировала в Россию, а сейчас едет навестить родственников.

— Уехала я ребенком. Еще в школу не ходила. Но до сих пор, когда вижу по телевизору человека в тубетейке, чуть не плачу. Очень теплое чувство к Азии. Несмотря на всю дискриминацию русских.

— А была дискриминация?

— Была.

— Хамили в магазинах? Отказывали в приеме на работу?

— В девяносто первом в сельских районах всех русских вырезали. Мама даже не стала продавать квартиру. Мы просто собрали, что успели, в коробки и бежали.

Проводники и пассажиры смотрели на ее белые волосы как на непристойную фотокарточку. Южане любят блондинок.

Как-то, проводя каникулы на Черном море, я забрел ночью на пляж. Там целая стая аборигенов по очереди делала секс с русской девушкой. Ее белые волосы разметались по гальке.

Южные мужчины подошли к месту машины и подсвечивали себе фарами. Некоторое время я стоял в темноте и смотрел на происходящее. Когда прикуривал сигарету, девушка еще кричала и отбрыкивалась. Когда я выкинул окурочок, она даже не шевелилась. Мне была видна запекшаяся кровь на ее незагорелых ногах.

3

Утром третьего дня ритм, в котором стучали колеса, изменился. Раньше он напоминал стихотворный размер «Калевалы», а теперь — каламбуров Омара Хайяма.

Холмы за окном были покрыты сгоревшей травой. Совсем на горизонте виднелись горы. Они были голубые.

Чтобы не портить ландшафт, аборигены спилили на дрова все деревянные столбы, и теперь единственной неровностью, попадавшей за окном, были старинные мусульманские кладбища... городки мертвых... купола и минареты, стоящие прямо посреди плоской степи.

Из-за того что степь была холмистой, горизонт казался очень близким, а мир — маленьким. Он весь был моим.

Русскую границу мы проскочили ночью. Моя большая страна без сожалений выпустила блудного сына. Зато с утра по вагонам начала ходить казахская полиция.

Я пошел умываться и сразу же наткнулся на карликового, но коренастого полисмена в форме.

В отличие от меня, он был опрятен, свеж и сух, как «Хаггиз». Он спросил мое имя, фамилию, конечный пункт следования и не везу ли я чужих передач? На все вопросы я отвечал быстро и четко.

Хорошо, что он не спросил, с какой целью я еду. Вот тут я бы растерялся.

Разглядев мою фотографию в паспорте, полисмен перевел взгляд на меня.

— Зачем ты бреешь голову?

— Мне эстетически неприятно наличие на голове у мужчин сальных выростов, именуемых «волосами», вы понимаете?

— Ты из этих... которые бьют нерусских?

— Нет.

— Да, да! Ты точно из них!

Он смотрел на мою лысую голову и улыбался. Передние зубы у милиционера были вставные. Дешевая металлокерамика. Не исклю-

чено, что собственные милицейские зубы остались где-нибудь в Москве, рядом со скинхедовским ботинком на толстой подошве.

— Пойдем-ка, выйдем в тамбур.

Мы вышли в тамбур. Там стояло еще несколько казахских ковров. Они пообщались на своем языке. Среди слов я разобрал и несколько русских: «бритый» и «дать пизды». Мне не понравилось то, что слова стояли так близко.

Отвечать за все, что натворила моя страна... за скинхедов... за Чечню... я не был уверен, что являюсь подходящей кандидатурой для этого.

Оно конечно: Россия — великая страна. Великая величиной продаваемого на Запад газа, но еще более великая — великой русской культурой. Вы, кстати, замечали, что главной темой этой культуры является отвращение ко всему русскому?

Все более или менее приличные русские писатели всегда жили за границей. Те же, у кого денег уехать из России не хватало, писали исключительно о том, как блевотворно все, что их окружает. За что те и другие и были признаны великими гражданами своей страны.

Как каждый приличный человек, я терпеть не могу свою Родину. Однако объяснять это казахским полисменам не хотелось. Те обступили меня полукругом.

— Терпеть не могу бритоголовых тварей.

— Понимаю.

— Как увижу бритоголового — нос ему ломаю.

— Что я должен на это сказать?

Полисмены поболтали еще, кинули мой паспорт на пол и, уходя, наступили на него ногами. Один из них процедил, глядя мне в глаза: «Урод!»

Я поднял паспорт, сунул его в задний карман брюк. Потом все-таки дошел до туалета, умылся, вытерся и долго рассматривал свое отражение в зеркале.

Почему урод?

4

Днем мы долго стояли на небольшой станции в Казахстане. Часы следовало перевести на час назад.

Я вышел из вагона и закурил. Станция была маленькая. Объявления на казахском языке смотрелись импозантно. В тени на кор-

точках сидели местные старики. Они, как индейцы-чероки, носили шляпы допотопных фасонов. По выставленным в витринах продуктам ползали божьи коровки.

Ко мне подошла русская нищенка. Уже с утра она была смертельно пьяна. Женщина плакала и просила хлеба. Говорила, что собирает на вокзале пустые пластиковые бутылки из-под минеральной воды.

Все передние зубы у нее были золотыми. Я сделал вывод, что собирать бутылки — бизнес в Казахстане выгодный.

По сравнению с Россией здесь все было немного иным. Неизменными остались только реклама кока-колы и цыгане. Маленькие цыганские дети подходили ко мне, улыбались, ни о чем не просили, разглядывали мою бритую голову. Наверное, они никогда не сталкивались со скинхедами.

Я вернулся в вагон и стал смотреть на станцию через окно. Станция сразу стала казаться более симпатичной.

Это очень важно, чтобы между тобой и всем остальным было стекло. Плоский экран. Если стекло есть, все о'кей. Можешь считать, что жизнь — это просто кино. Если нет, приходится признать, что творящаяся на свете задница имеет какое-то отношение к тебе... какое-то очень серьезное отношение.

5

В вагоне был не один проводник, а целая бригада. На пассажиров внимания они не обращали. Парни были заняты серьезным бизнесом.

Еще на территории России старший бригады, улыбаясь, сказал, что в моем купе он провозит четыре коробки минеральной воды. Не мог бы я на таможне сказать, что это мое?

Теперь он коробками и ящиками скупал товары на каждой станции. Некоторые ящики он, свинтив плиты потолка, запихивал под обшивку вагона. Причем один раз, кряхтя от натуги, крикнул мне:

— Чего сидишь-то?! Вставай! Помогай!

Мне было наплевать, если бы он провозил наркотики или оружие, — но что, если в коробках была свежая рыба? А снаружи духота? Задохнемся ведь!

Непрерывным потоком по вагонам шли коммивояжеры. В основном вьетнамцы (пиво, сигареты, фрукты, шоколад в огромных

килограммовых блоках) и казахи (верблюжьи носки, туфли с загнутыми носами, огромные пельмени-манты). Еще шли нищие. За час их проходило не меньше сорока человек. Соседка-блондинка пробовала угощать их апельсинами.

За разрешение пройти через территорию все платили проводнику какую-то денежку. Во время стоянки одна казашка попыталась шмыгнуть, не заплатив. Проводник с ассистентами бросился на нее, далеко отшвырнул тележку с товарами, следом выкинул сумку с деньгами, а под конец туда же полетела и сама прохиндейка.

Вскочив, тетка с криками бросилась на штурм вагона. Проводники заняли оборону. Сигареты и жирная еда вперемешку лежали на асфальте. Зрители и милиционеры молча наблюдали, чья возьмет. Один из милиционеров кушал мороженое.

Пассажиров-безбилетников проводники начали набирать сразу, как мы отъехали от перрона в Москве. Сперва это были в основном русские. На одной из станций в вагон сели парень с беременной женой в джинсовом сарафане.

Проводник взял с них полную стоимость проезда, но место поделил лишь одно на двоих. Плюс сказал, чтобы они заплатили за постельное белье. Пара попробовала возмутиться. Проводник ответил, что еще слово, и они на ходу будут прыгать из вагона, а деньги он им все равно не отдаст.

У одного из коммивояжеров я на пробу поменял несколько долларов на узбекские сумы. На самом деле я не собирался уезжать из дому надолго. Поэтому взял с собой минимум. Кто мог подумать, что все так обернется?

Я вытащил рюкзак, высыпал все, что в нем было, попытался разложить на кучки.

В рюкзаке нашлась зубная щетка, распечатанная бритва «Жиллет», полбутылки одеколona, дезодорант, футболка, три пакетика кофе Nescafe и несколько кассет.

Бритва была тупая. Побрить ей лицо еще можно, а вот голову — вряд ли. Если что, придется сходить в среднеазиатскую парикмахерскую.

Еще я порылся в карманах. От полученного гонорара осталось \$470. А ведь надо еще и чем-то питаться. В джинсах нашлись ключи от петербургской квартиры.

В нагрудном кармане куртки лежал розарий — католические четки. Уезжая из дому больше чем на день, я всегда беру их с собой. Не помню, я говорил, что был крещен именно в католической церкви?

На ногах были носки. Один был надет правильно, а второй вывернутым на левую сторону. Это ничего: в конце концов, ноги у меня тоже не одинаковые, а разные: одна левая, а другая правая.

Это было все. Именно с этим добром мне предстоит жить дальше.

Я лег спать. За окном мимо поезда ползли руины космодрома Байконур. Над руинами светили азиатские звезды, до которых отсюда уже никогда не доберется ни один из рожденных на Земле.

6

Утром попутчик-старичок первый раз посмотрел на меня осмысленным взглядом и спросил, правильно ли он понял: я еду в Азию один? Я сказал, что да, все верно.

— Один? Ты что, дурак? В эти края по одному не ездят.

— Почему?

— Ты даже не дурак, ты покойник! Зачем ты поехал?

— Ну... как сказать?

— Хрен ты оттуда выберешься. Там в кишлаках на границе людям ноги бомбами-растяжками отрывает. Прямо на улицах. Идешь, а вокруг — оторванные ноги!

— Так не бывает.

— Да ну?

— Неужели бывает?

— Сам увидишь. Только для тебя, парень, будет уже поздно.

Мы полежали молча. Каждый на своей полке. Потом я спросил:

— Оттуда действительно сложно выбраться?

— Оттуда невозможно выбраться! Там на вокзале очередь за билетами — на несколько километров. Люди неделями спят в этих очередях, понял? Стоя! Несколько километров узбеков, каждый из которых обеими руками держится за задницу впередистоящего, понял?

— Зачем они держатся за задницу?

— Чтобы без очереди никто не влез. Там на поезд вместимостью тысяча двести человек продают по пятнадцать тысяч билетов. Они выстаивают такую очередь, покупают билет, но все равно не могут уехать. Потому что ты с билетом, как лох, подходишь к вагону, а там стоят люди с пистолетами, которые упирают ствол тебе в лоб и говорят, чтобы ты шел вон, понял? Там все поезда куплены на пятнадцать лет вперед.

— Кем куплены?

— Ты действительно, что ли, идиот?
— Вообще-то нет. Просто никогда не был в Средней Азии.
— Там все купе забиты дынями и героином. Целые купе героина, понимаешь?

— Разве так бывает?

— Ага. Тут еще и не так бывает. Ты открываешь дверь купе, которое указано у тебя в билете, а там до самого потолка вбиты холщовые мешки с героином. Сесть некуда, парень.

Мы опять помолчали.

— Зачем вообще ты сюда поехал?

— Так. Не знаю, зачем. Прогуляться.

— Прогулялся? Можешь считать себя покойником. Русских там не любят.

Он помолчал, перевел взгляд на меня и добавил:

— Особенно таких, как ты.

Я вышел в тамбур и выкурил сигарету. Это была 120 488-я сигарета в моей жизни.

Ташкент—Самарканд

(Время в пути: 6 часов)

1

Утром в купе заглянул проводник.

— Просыпайтесь. Готовьте валидол. Казахская граница.

— Все так серьезно?

— Шутки еще дома кончились.

Поезд двигался вперед короткими рывками, а потом встал окончательно. Для начала состав загнали на солнцепек и забыли про него на несколько часов.

Вокруг вагонов в оцеплении стояли пограничники в бундесверовской форме и со злыми собаками на поводках. Даже майки, видные под расстегнутыми рубашками, у них были в модных камуфляжных крапинках.

За спинами военных виднелось множество легковых машин с местными номерами. Аборигены специально приезжали к этому месту, чтобы, дождавшись, пока пассажиры начнут выбрасывать из окон нелегальную контрабанду, потом всю ее подобрать и увезти.

Во время стоянок генератор электровоза вырубался. Кондиционер не работал. К двум часам дня стекла в вагоне начали плавиться. Мне было видно, как по железнодорожным путям бродят куры. Утешало, что солдатам из оцепления еще хуже.

Когда пограничники решили, что начальник поезда созрел, к нему были отправлены парламентареры. Они долго торговались. Я надеялся, что предложенная сумма устроит начальника. Соседи по купе говорили, что в этом случае проверять пассажиров не станут. Если же сумма его не устраивала, то поезд должен был стоять до тех пор, пока не устроит.

Переговоры не задались. Еще через час в вагон вошли несколько мужчин в камуфляже. Они громко скомандовали:

— Паспорта! Всем приготовить паспорта!

Вслед за военными по купе двигались лица в штатском. Они, разумеется, не представлялись, но, как я понял, имелось в виду, что лица выполняют функции таможни.

В мое купе зашел тип, на лице которого имелись очень близко посаженные и узкие глаза. Сочетание придавало мужчине экзотический вид. На нем была клетчатая рубашка с короткими рукавами и дорогие ботинки. По-русски он говорил практически без акцента.

Сперва он проверил у всех паспорта. Я все равно знал, что это ко мне.

— Выйдите из купе. Я хочу подробно проверить мужчину.

Старичок переполошился:

— Меня?

— Нет. Лысого.

Все, опустив головы, выскочили в коридор. Я остался. Таможенник сел и посмотрел на верхнюю полку, где лежал я. Молчание длилось долго.

— Слезьте, пожалуйста. Сколько мест багажа вы провозите с собой?

— Один рюкзак.

— Покажи. Оружие? Наркотики? Устройства для их применения? Иконы? Антиквариат? Изделия из золота и драгоценных металлов?

— Ничего из перечисленного.

— Чистосердечное признание является обстоятельством, смягчающим вину обвиняемого. Повторяю еще раз. Оружие? Наркотики? Устройства для их применения? Иконы? Антиквариат? Изделия из золота и драгоценных металлов?

— Нет.

— Хорошо. Сейчас я буду проводить наружный досмотр. Если чего не сказал, сам виноват.

Сперва казах тщательно обыскал меня. Даже сквозь трусы потрогал мошонку. И охота ему... по такой-то жаре?

— Сколько марок ты провозишь?

— Такой валюты больше не существует. Все страны Европы перешли на евро.

Мне показалось, что сейчас он меня ударит, но вместо этого он спросил, сколько рублей я провожу? А казахских тенге?

Он тщательно прощупал каждую вещь у меня в рюкзаке. Вещей было так немного, что мне стало неудобно. Зато в кармане куртки он нашел мои доллары. Все четыреста семьдесят.

— Ну вот. Я спрашивал про иностранные деньги. А ты отказался их декларировать.

— Вы не спрашивали про доллары. Я не отказывался их декларировать.

— А это что?

— Это узбекские сумы.

— Где ты их взял? Ты знаешь, что менять деньги у валютчиков — это нарушение закона?

— Seriously?

— Ты нарушил закон. За это нужно платить.

Молчали мы долго. Потом я сказал:

— Три доллара США.

— Что «три доллара США»?

Я промолчал.

— Как тебя зовут?

Я сказал, как.

— Вставай. Собирай вещи. Выходим. Тебя отдадут под суд. Ты будешь сидеть в казахской тюрьме. Я постараюсь, чтобы сиделось тебе как можно тяжелее.

Я встал и начал собирать вещи. Успел подумать, что кондиционера в казахской тюрьме наверняка нет.

— Давай поговорим по-мужски.

— По-мужски?

— Три доллара — это смешно.

— А сколько не смешно?

— Десять долларов.

— Нет. Я останусь в чужой стране без денег. Не смогу уехать. Я не могу заплатить столько. Дело в том, что я собираюсь приехать на вокзал, купить билет и сразу же уехать. В эту же секунду.

— Тогда семь.

— Нет. Я же говорю: три. Через несколько часов мне предстоит опять с вами встретиться. И представьте, сколько раз мне еще предстоит до этого платить. Я столько не зарабатываю.

Мы сошлись на пяти долларах. Таможенник пошел дальше по вагону. В купе вернулись соседи. Они боялись на меня смотреть. Я вышел в тамбур и достал сигареты. В тамбуре было душно.

Потом я вернулся на свою верхнюю полку. У соседнего купе стояли, за руку держа детей, бледнеющие поверх загара узбеки. Внутри купе кого-то из них очень подробно досматривали.

2

После таможи поезд отставал от расписания больше чем на шесть часов. Проводников и пассажиров это не трогало, а почему это трогало меня, объяснить я бы не взялся.

Едва мы отъехали от погранзаставы, как поезд сразу же остановился опять. Выяснилось, что на рельсах стоит еще одна бригада пограничников. Начальник поезда долго объяснял, что нас только что осмотрели и поставили штампы, а те говорили, что настоящие пограничники не те, а именно они, поэтому необходимо все еще раз внимательно проверить.

В Узбекистан поезд въехал одновременно с тем, как стало темнеть. Практически сразу по пересечении границы начался город Ташкент, столица республики.

Я стоял у окна и рассматривал этот четырехмиллионный мегаполис. На его главной улице косматый баран с разбегу бился рогами в грудь испуганной тощей коровы. Пытаясь спастись, та бегала по проезжей части, а легковые машины причудливых моделей сигналили и пытались объехать место по тротуару.

Проводник осмотрел пассажиров и велел мужчинам встать спеди, а женщинам и детям отойти в глубь коридора. Мне он вложил в руку швабру на длинной палке.

— Не жди. Будешь ждать — погибнешь. Сразу бей по голове. Понял?

Если честно, я не понял. Но времени переспрашивать уже не было. Поезд подходил к перрону.

Состав рывками вползал в огражденное со всех сторон толстыми решетками пространство. Еще до того, как он остановился, прямо на

стены вагона начали прыгать полуголые люди. Они, как человеки-пауки, цеплялись за оконные рамы и пробовали пробраться внутрь.

Пассажиры плотнее прижались друг к другу. Тихонечко выли дети. Как только поезд полностью встал, все резко двинулись к выходу.

Меня вынесло к двери. Швабру вырвало из руки еще до того, как я смог выйти в тамбур. Внизу со всех сторон поезд окружили тысячи черных голов.

О том, чтобы сойти по ступеням, не могло быть и речи. Я прыгнул пятками вперед, прямо на толпу. Толстый узбек, пытавшийся прыгнуть за мной, исчез под ногами, а когда его опять вынесло вверх, на седых волосах виднелись сгустки черной крови.

Отбиваясь кулаками, я пытался пройти хоть на миллиметр вперед, выбраться из давки. Рядом со мной пытался пробиться молодой азиатский парень. У него была в клочья разорвана рубашка.

В карманах джинсов я чувствовал сразу несколько чужих рук, но не возражал, потому что заранее спрятал деньги и паспорт под футболку. Слышался звон бьющегося стекла.

Железную решетку, ограждающую перрон, я перелез. Спрыгнул, отряхнул колени, посмотрел, не разорван ли рюкзак, и оказался в руках первого ташкентского милиционера.

Он проорал мне в лицо непонятную узбекскую фразу. Я пожал плечами: не понимаю. Он легонечко ударил меня в живот и велел показать паспорт.

— Русский? Понятно. Листовки есть?

— Листовки?

Он ударил меня в живот посильнее.

— В Зингату захотел? Сейчас организуем! Живо сдал экстремистские листовки!

— Ангелы-хранители! В экстремизме какого рода вы меня подозреваете?

— Ваххабитская рожа!

— Ваххабитская?! Я?!

Немного позже я узнал, что Зингата — это недавно построенная под Ташкентом особая тюрьма для исламских фундаменталистов. Узники там содержатся в особых железных стаканах, не позволяющих разогнуться в полный рост и в считанные месяцы делающих из человека полного инвалида.

Вывод же о том, что я ваххабит, милиционер сделал на основании того, что я был единственным бородатым мужчиной во всей республике Узбекистан.

– Нет. Вы не поняли. Это не борода. Просто я несколько дней не мог побриться в поезде. Хотите, я наизусть прочитаю «Отче наш»?

Офицер милиции оказался неплохим парнем. Всего за один американский доллар он передумал, перестал считать меня экстремистом и даже пальцем показал дорогу к железнодорожным кассам.

У касс, как и было обещано, стояли люди, каждый из которых сжимал в руках брюки впереди стоящего. Зато до окошка «Справочное» я достоялся за каких-то сорок минут.

– Могу ли я получить у вас справку о наличии билетов?

– Можете. Билетов нет.

– Вы же даже не спросили, куда я хочу уехать.

– А билетов нет никаких.

– Если вы поможете мне уехать сегодня в Москву, я заплачу на сто долларов больше.

– В Астрахань? Саратов? Иркутск? В любой город России!

– Поезд, который ходил в Иркутск, снят с маршрута. Вон он гниет.

– А куда от вас ходят поезда?

– От нас поезда ходят в Москву. Один поезд. Тот, на котором приехали вы. Других поездов нет.

– Вообще нет?

– Вообще нет. Никуда. Ни за какие деньги.

– Я заплачу двести долларов.

Девушка продолжала веселиться:

– Следующий! Молодой человек, не задерживайте очередь.

– О'кей. Я заплачу двести долларов, чтобы доехать хотя бы до Казахстана, из которого только что приехал.

Толпа потных узбеков оттерла меня от окошка.

За большими, но грязными окнами вокзала виднелось черное небо Азии.

3

Я вернулся к перрону, свернул, протиснулся через ряды мужчин с ключами от машин в руках и вышел на вокзальную площадь. Она была темная и страшная.

Я был чужим на этой площади, как пахнувший одеколоном и помадой Филипп Киркоров был бы чужим в переполненном городском троллейбусе.

Первым делом я хотел выпить холодной воды. Или не воды, а просто чего-нибудь холодного.

У продавцов в ларьках не было холодной воды, холодного сока, холодной «коки», холодной минеральной воды... Холодными в этих краях были разве что ноги покойников в городском морге, да и то вряд ли.

Напротив вокзала стояло пятиэтажное здание с надписью HOTEL. Я поднялся по ступеням.

— Могу я снять у вас номер на одну ночь?

— Вы откуда?

— В смысле?

— Значит, из России. Жителям России все только за доллары США.

— Вам кажется это логичным?

— Будете платить?

— Сколько?

Женщина назвала астрономическую, совершенно невозможную для такого заведения сумму. Мне некуда было идти. Я согласился заплатить столько, сколько она сказала.

— Давайте ваш паспорт! О! У вас нет регистрации?

— Я только что с поезда.

— Не важно. Без регистрации в ОВИРе никакого номера вы не получите.

— Уже ночь. Где я получу сейчас регистрацию?

— Молодой человек, выйдите из гостиницы.

— Куда?

— Это не мое дело.

— Можно я переночую у вас до утра? В вашей личной комнате? А с утра получу регистрацию?

— Если вы сейчас же не выйдете отсюда вон, я позову милицию.

Я забрал рюкзак, вышел вон, и милиция появилась безо всяких призывов. Если звезды на погонах означают то же, что и в России, то на этот раз передо мной стоял молодой майор милиции.

То, что приезжих на улицах грабят милицейские чины столь высокого ранга, было странно. В моей стране майор милиции — это большое звание. По рангу ему положено грабить не меньше чем целый вещевой рынок за раз.

Прежде чем увидеть меня, офицер регулировал дорожное движение. Он подошел, отобрал мой паспорт, положил его в задний карман брюк и вернулся к прерванному занятию.

Я подождал, но офицер больше не обращал на меня внимания. Я докурил и подошел к нему сам. Майор задрал брови: «Да?»

— У вас мой паспорт.

— Твой?

— Ну да. Вы забрали мой паспорт.

— Ах, это твой.

Он достал мой паспорт из кармана и долго разглядывал фотографию.

— Это же не ты.

— Это я. Просто на фотографии я с волосами, а теперь бритый.

— Но ты не похож.

— Это действительно я.

— Если это ты, то что ты нервничаешь? Сейчас проедем в отделение, все выясним, установим твою личность.

О том, что после таких проверок люди в Узбекистане пропадают навсегда, я слышал. О том, что в первую же ночь после инаугурации местного президента милиционеры вывезли всех воров в законе или просто лиц, состоявших на учете в милиции, за город и расстреляли, мне тоже рассказывали. Так что от майора я предпочел откупиться.

Итог: десять метров ходьбы по ташкентскому тротуару стоили мне приблизительно десять долларов США. С такой интенсивностью всех моих денег хватит от силы на полкилометра. Вернее, даже меньше.

4

На темной площади возле закрытого ларька стоял узбек приблизительно моего возраста. У него не было одного глаза и двух пальцев на правой руке. Зато рубашка была модного оранжевого цвета.

За его спиной, возле вокзала, таксисты выкрикивали душманские названия городов: Коканд! Бухара! Фергана! Самарканд!

Я угостил парня сигаретой. Он прижал руку к груди, поклонился и сказал «Рахмат!».

— Помоги мне. Мне нужно уехать из этого города. Докуда отсюда можно доехать? Какие города здесь рядом?

— Здесь рядом — всякие города.

— Мне нужен большой город. Маленький город не нужен. Что бы была гостиница и авиакасса. Билет на самолет покупать буду. Понимаешь?

- Понимаю.
- Фергана – большой город? Там есть кассы?
- Фергана – пиздец, маленький город!
- А Самарканд?
- Самарканд – пиздец, большой город!

Я подошел к толпе таксистов и громко крикнул: «Самарканд!» После небольшой драки среди водителей нарисовалось три финалиста, готовые отвезти меня до автобуса, идущего в, пиздец, большой город Самарканд.

За десятилетие без советской власти узбеки почти совсем разучились говорить по-русски. Водители, взмахивая руками, что-то мне объясняли, а я почти ничего не понимал.

В конце концов черный азиат с кустистыми бровями просто взял мой рюкзак, положил его в багажник своего антикварного транспортного средства, и мы поехали.

Ехать молча в Центральной Азии считалось верхом неприличия. Водитель развлекал меня светской беседой:

– У нас дороги лучше, чем в России. И питание у нас лучше, чем в России.

– Вы были в России?

– Никогда не был. А ты кушал в наших чайханах?

– Нет.

– У нас все блюда... как сказать?... для мужской силы. Попробуй.

– Зачем мне здесь мужская сила? У меня жена – за четыре тысячи километров отсюда.

– С собой возьмешь. Или здесь используешь. У нас цивилизованный город. Бары, шлюхи на каждом шагу. У нас все есть!

– Шлюхи? Русские?

– Почему? Разные. Негритянки есть. Я один раз итальяночку отодрал. Я тебе говорю: мы нормальный город.

– И местные есть? Узбечки?

– Конечно! Знаешь, какие нежные!

– В шароварах? С золотыми зубами?

– В русских платьях. Нежные. Сходи в любой клуб. Тебе понравится.

В этих краях есть клубы! Отдам два пальца на левой ноге, чтобы услышать, какая музыка играет в клубах города Ташкент!

Мы припарковались на асфальтированном пустыре. Водитель сказал, что сейчас придет. Не было его долго. Вернувшись, он сказал, что менты, суки, обложили, ходить опасно, но он договорился: автобус ждет, я могу ехать.

— Ну, так пошли?
— Какое, пошли! Деньги давай! Деньги!
— В смысле?
— Я заплатил за твое место в автобусе! Если бы менты увидели, что ты платишь, тебя бы сняли с автобуса! Давай! давай! Скорее плати! Автобус уходит! Скорее!

Я вытащил из кармана пачку узбекских денег, и водитель долго отсчитывал свою долю. Быстро пересчитывая купюры, он пополам порвал одну, но не обратил внимания, бросил половинки на пол и стал считать дальше.

Потом я схватил рюкзак, и мы бегом добежали до автобуса. Водитель махал руками и кричал водителю по-узбекски.

Я заскочил внутрь, и автобус сразу же тронулся. Пассажиры выдохнули: «Аллах акбар!»

Когда-то в предыдущей жизни наш междугородний автобус был американским школьным автобусом. Потом из него вынули все стекла, ободрали обшивку с кресел и украсили рекламными наклейками товаров, которые никогда не продавались в этих широтах.

Белых среди пассажиров не было. Были типы в тубетейках, выглядящие так, будто их верблюды с привязанным пулеметом едет багажом, а хозяин, прикола ради, решил попутешествовать налегке. Все курили. Когда курить надоело, они протягивали недокуренную сигарету соседям: «Хочешь?»

Свободное место обнаружилось только в самой дальней части салона. Я сел, засунул рюкзак под сиденье, закрыл глаза.

Какое-то время я просто сидел. Потом подумал, что пошли уже вторые сутки, как я не ел, вспомнил о печенье, купленном еще в Казахстане, достал рюкзак, порылся в нем, но печенья не нашел, оно пропало, и я убрал рюкзак обратно.

В рюкзаке лежало не просто много денег. В моем рюкзаке лежало больше денег, чем было у остальных пассажиров автобуса, вместе взятых.

Было жарко. В проходе между сиденьями стояли алюминиевые бидоны с жидкой грязью. Пассажиры засасывали немного жижи в пластиковые бутылки, пили и передавали соседям.

Я еще раз закрыл глаза. Ко мне тут же подошел юноша, который сказал, что мне пора заплатить за проезд.

— Я же уже платил.

— Когда?

— Я заплатил таксисту, который меня сюда посадил. Он сказал, что заплатил за дорогу сам.

Юноша сходил к водителю, посоветовался с ним, вернулся, долго говорил узбекские слова, среди которых удалось разобрать «пидораса гнойная», а потом объяснил, что таксист не отдавал им ни единого узбекского сума и поэтому мне все-таки придется заплатить.

Иногда автобус останавливался и подбирал попутчиков. Сидячих мест давно не было. Новые пассажиры оставались стоять.

На одной остановке внутрь вошли плешивый горбун, узбекская женщина с нарядной маленькой девочкой на руках и военный в форме.

Честно сказать, я устал как собака. Я хотел спать. Но я не мог видеть стоящую надо мной женщину с ребенком. Я встал и уступил ей место. Сидевшие вокруг мужчины посмотрели на меня с интересом.

Военный подмигнул мне, показал, что, как и у всех приличных азиатов, у него имеется полный рот золотых зубов, и спросил, откуда я? Сам он — прапорщик Узбекских ВС. Уволился и едет домой. Я сказал, что рад за него.

— Тебя как зовут? А меня — Абдула-Умар. Двойное имя, понимаешь?

— Очень приятно.

— Ты куда едешь?

— Во-он туда.

— И что там?

— Я думал, ты знаешь, что там.

Грохоча на выбоинах в дороге, завывая турецкими голосами в динамиках, воняя азиатскими папиросами и бараньим салом, автобус ехал в глубь пустыни Кызылкум, а я ехал внутри него.

Самарканд

(Время пребывания: 5 суток)

1

Я нанял Абдулу-Умара. До самого четверга я обзавелся Пятницей, и обошлось мне это меньше чем в \$10.

Мы болтали всю дорогу до Самарканда. Золотые зубы прапорщика блестели в темноте. К моменту, когда мы проехали горный перевал, называвшийся «Ворота Тимура», молодой и чернокожий Абдула-Умар предложил, чтобы сегодня я переночевал у него.

Я спросил, женат ли он?

1. — Да. Два раза.
— По очереди? Или одновременно?
— Сейчас у меня есть две жены.
— Жена... в смысле, две твои жены не будут возражать, что ты посреди ночи приволок домой чужого человека?

Абдула-Умар не понял, о чем я.

Мы вылезли на темной, неосвещенной улице Самарканда, пересели в такси, еще немного проехали, а потом долго шли в темноте вдоль бесконечного забора. Я не видел дороги, а она была неровная, и я спотыкался, не успевал за прапорщиком.

В горах, окружавших город, шла гроза. В полной тишине блестяли изгибы молний, но ни дождя, ни грома не было. Это была очень необычная гроза.

2

Проснулся я в пустой комнате загородного дома Абдулы-Умара. Пол был в несколько слоев укрыт мохнатыми коврами. Кровати не было, и спал я на накиданных на пол подушках.

В туалете вместо туалетной бумаги висел узорный металлический кувшинчик. Инструкции не прилагалось. Как использовать кувшинчик я не знал. Возможно, внутри кувшинчика жил старик Хотабых, и бумагу нужно было спрашивать у него.

Еще в комнате прямо на коврах валялись забытые женщинами прапорщика шароварчики. Я внимательно изучил, как они устроены.

Абдула-Умар принес в комнату низенький столик, ополоснул пиалы, сделал мне и себе чаю. Еще он принес в комнату маленький телевизор. Канал, как я понял, был самаркандский.

— Как ты?

— Жарко здесь.

— Понимаю. У вас сейчас, наверное, снег?

— С чего ты взял? Я что, живу на Северном полюсе?

— Нет снега?

— Зимой у нас снег. Летом у нас нет снега.

— Я думал, у вас всегда снег. Наш президент, наверное, у России речку купит.

— Как это?

— У нас Аральское море пересохло, слышал? А в России много речек. Наверное, мы одну купим.

— Почему нет? Купите у России речку. Дело хорошее. А платить чем будете?

— У нас очень умный президент. Мне в армии говорили, что платить будет солью. На том месте, где раньше было море, теперь очень много соли. Мы вам соль, вы нам речку. Пей чай.

— Я не люблю чай.

— Когда купим речку, здесь не так жарко будет.

— Знаешь, кроме жары, у вас еще очень однообразный пейзаж. Не прикупить ли вам на Кавказе какую-нибудь гору?

По телевизору показывали клипы. Пожилые и выглядящие большими женщины в национальных костюмах двигали тазом вокруг громадного концертного рояля. Данная видеопродукция вызвала бы у хозяев MTV истерику. Рекламные блоки состояли из устных объявлений, типа «Срочно продам подержанную бетономешалку».

— Ты знаешь группу «Ленинград»? Слушаешь Шнура?

— Никогда не слышал.

— А у вас здесь русских бьют?

— Кто?

— Ну, хоть кто-нибудь?

— Нет. Никто не бьет. Может быть, только в милиции, да и то вряд ли. Мы любим русских. Россия — самая великая страна на свете.

Я вышел во двор и закурил. Русских не бьют, Шнура не слушают... это примиряло меня с реальностью.

Я сказал Абдуле-Умару что мне нужно в авиакассy, а кроме того, решить вопрос с обменом долларов на местные суммы и гостиницей. Он сказал, что проблемы нет. Только сперва пообедаем, ладно?

Место, в котором я ночевал, оказалось реальным азиатским кишлаком с домами, построенными из глиняных блоков, с вкраплениями рубленой соломы.

Мы пешком дошли до дороги и поймали такси. В машине играла радиостанция «Европа-Плюс». Вместо попсовеньких мотивчиков из колонок выли все те же турецкие мелодии.

В городе вдоль дороги стояли здоровенные рекламные щиты. Все до единого рекламировали лицо местного президента. Президент со старичками, президент с детишками, президент читает толстую книжку...

Россия, конечно, страна рабов, но такого количества президентских рож я не видел даже в России.

Я спросил у Абдулы-Умара, зачем им столько плакатов? Боятся забыть, как выглядит глава их государства? Он ответил, что узбеки

любят своего президента. Я сказал, что им проще, чем мне. Я вот люблю свою жену. Но она, наверное, на меня обиделась.

Кафе, в котором мы пообедали первый раз, представляло из себя бетонную коробку без крыши. Хозяева относились к едокам так, будто это их личный гость. В смысле — так же хамовато. На барной стойке стояло громадное объявление: «В КРЕДИТ НЕ ДАЕМ. ПАСПОРТА В ЗАЛОГ НЕ БЕРЕМ».

Обслуживал нас лобастый мальчик лет пяти. Папа мальчика жарил мясо и резал салаты, а ребенок приносил все это за стол. На столе в баночках из-под майонеза стояли специи и рыжий непрозрачный соус.

Абдула-Умар заказал много еды и еще больше водки. Узнав, что я не стану пить алкоголь, он расстроился.

— Совсем не будешь?

— Совсем.

— А фрукты будешь?

— Нет. Боюсь.

— Зря. У меня есть таблетки от поноса.

Водку прапорщик пил пиалами. Такими азиатскими пологими чашечками. В каждую влезало не меньше чем сто пятьдесят грамм теплого напитка.

Хлопнув алкоголя, Абдула-Умар каждый раз делал такой мусульманский жест, будто умывал лицо. Я спросил: как же так, он, наверное, мусульманин, а водку пьет?

— Я военный, понимаешь?

— И чего?

— Нам в армии рассказывали: служба в армии — это и есть исповедание веры. Водку можно, все можно. Тот, кто служит в армии, и безо всякого намаза является верующим мусульманином.

— Веселая у вас, ребята, религия.

— Религия — хорошая! Дома — тоже хорошо! Дома — как рай!

— Я думал, у мусульман должен быть прохладный рай.

— А у тебя какой?

— Для меня твой рай — это ад.

Часов на стойке в кафе не было. На руках у посетителей часов не было тоже. Зато на стене висел календарь. Я рассмотрел его повнимательнее и понял, что оказался в той части света, в которой меньше всего хотел бы оказаться.

Такие незначительные детали, как дни недели или месяца, календарь игнорировал. На большом листе бумаги было указано: 2000 год является годом Змен, 2001 — годом Лошади, и так далее...

Я сказал, что хватит, пора ехать и встал из-за стола. Прапорщик крикнул в сторону кухни, чтобы принесли счет и еще графинчик. Пока я расплачивался, он допил графинчик до дна.

Обед из четырех блюд, плюс водка, обошелся мне приблизительно в тридцать центов. Каждый из центов был кирпичом в стене, отделяющей меня от дома.

После кафе мы еще раз поймали машину. Таких такси, как в Самарканде, я не видел уже лет пятнадцать.

Водитель сажал тебя в салон своего драндулета, потом сажал туда же полдюжины попутчиков, сперва развозил по домам их всех, а о тебе старался не вспоминать. Встречая приятелей, он глушил мотор, выбирался наружу и долго вел светские беседы. Впрочем, и стоила поездка тоже копейки. На светофоре рядом с нашим такси стояли ушастые ослики, впряженные в тележки. Снаружи, рядом с дворцами и минаретами, прямо на тротуар какали маленькие дети.

Самаркандские авиакасы были просторны и абсолютно безлюдны. Женщины в белых рубашках и синих галстуках подставляли лица вентиляторам. Когда я подошел к стойке, авиакассира не обратила на меня внимания. Я сказал, что хочу улететь в Россию.

— Гражданам России все только за доллары.

— Я в курсе. Я согласен.

— Куда вы хотите улететь?

— Вообще-то в Петербург. Но готов согласиться на любой русский город. Вообще на любой.

Женщина даже не попробовала щелкнуть по клавишам компьютера. Она просто сказала, что билет на самолет можно купить исключительно в Ташкенте.

Я достал из кармана пачку долларов. Выглядели они, на мой вкус, довольно аппетитно. Внешний слой пачки составляли сто-долларовые купюры, а более мелкие я засунул в середину.

Глядя кассирше в глаза, я сказал, что **ОЧЕНЬ** хочу улететь. Она сказала, чтобы я подождал ее снаружи, возле автобусной остановки.

Я успел выкурить две сигареты подряд, и только потом женщина, озираясь по сторонам, ко мне подошла.

— У тебя есть регистрация в узбекской милиции?

— Нет.

— Обязательно получи. Без регистрации тебя не выпустят из страны.

— Хорошо. Я получу.

— Куда тебе лететь?

— В Россию. В любой город России. На самый ближайший рейс.

— Понимаешь, это действительно невозможно.

Я молчал. Зачем-то ведь она велела мне подождать снаружи, правда?

— Билеты с вылетом из Ташкента продаются только в Ташкенте. Они ведь не дураки, чтобы терять такие деньги. Ни единого места нам не дают, все держат для себя.

— И?

— У меня есть знакомая в ташкентских кассах. Я могу с ней поговорить. Могу даже съездить в Ташкент купить тебе билет и привезти сюда.

— И?

— 500 долларов.

— Не реально.

Она долго объясняла, сколько стоит билет, сколько ей придется дать коллеге из Ташкентских касс и (я умею считать?) сколько после всего этого останется ей... а ведь работы здесь не меньше чем на двое суток.

Я развернулся и, не прощаясь, ушел. Я понял, что умру в этом пыльном городе, и мне было наплевать.

3

После авиакасс мы поехали искать гостиницу. В первой, в которую привез меня Абдула-Умар, тетечка с reseption сказала, что не может меня принять: у них нет лицензии на обслуживание иностранцев.

Во второй лицензия была... а еще прямо в холле там была драка... все били всех... стулья и черепа трещали, а горничная была настолько пьяна, что даже с третьей попытки не смогла ответить мне, сколько у них стоят номера.

Остановиться удалось лишь в третьей по счету гостинице. Женщина в цветастом азиатском платье долго вела переговоры с Абдулой-Умаром, торговалась относительно цены, широко улыбаясь, спросила, что за подарок я ей подарю, выписала в качестве квитанции об оплате рукописную грамотку, велела никому ее не показывать и, озираясь по сторонам, отвела в номер.

За окном номера на газоне паслась тощая корова. Я бросил рюкзак, сполоснул лицо и спустился обратно в холл. По дороге почувствовал, что за сегодняшний день успел стереть ноги на всем не очень длинном протяжении от паха до пяток.

Прапорщик курил сигареты и тосковал. Ему хотелось не бродить по жаре, а валяться на подушках и пиалами пить водку.

— Что теперь?

— Не знаю. Я бы переждал где-нибудь жару.

— Пошли пообедаем?

— Тетка в кассах говорила, что мне нужна какая-то регистрация.

— Нужна.

— Давай получим регистрацию?

— Поехали. Давай получим. Но потом — сразу обедать, ладно?

Здание самаркандского ГУВД было одноэтажным и таким же пыльным, как все в этих краях.

Никаких табличек, типа «Сходящих с ума русских отпаивают валерьянкой в такой-то комнате и там же регистрируют», я не нашел. Мы зашли в первый попавшийся кабинет. Там шел допрос мохнатого узбекского уголовника, наручниками прикованного к столу. Судя по виду, тот обвинялся не меньше, чем в каннибализме.

На нас никто не обратил внимания. Абдула-Умар постоял, послушал, о чем спрашивают уголовника, а потом забыл обо мне, подсел за стол и тоже начал задавать какие-то вопросы.

Нужный кабинет мы нашли не скоро. Регистрацией русских ведал мужественный офицер с седым ежиком волос и крепкой челюстью. Белая униформенная рубашка с короткими рукавами подчеркивала особый, шоколадный оттенок его загара.

Офицер через Абдулу-Умара попросил у меня три доллара взятки, достал из кармана штамп, щелкнул мне в паспорт печать и объявил, что теперь я нахожусь на территории республики Узбекистан на законных основаниях, но через три дня регистрация истечет и продлить ее можно будет только в Ташкенте.

Я не обратил внимания на этот нюанс. Я не желал думать о том, что будет со мной через три дня.

Мы вышли из ГУВД, и мой прапорщик начал ныть, что ему опять хочется в кафе.

— Может, просто купишь себе водки и станешь пить по пути, а?

— Э-э! Кто так делает? А посидеть? А поговорить?

— Мы уже обо всем поговорили... или нет?

— Разве это разговор?

— О'кей. Сейчас ускоришься. Только мне нужно поменять денег.

— Сто баксов?

Я видел, что Абдуле-Умару наплевать, сколько я хочу поменять денег: ему нравилось само словосочетание. Я в сотый раз объяснил

прапорщику, что не собираюсь тратить много денег. Он в сотый раз подряд мне не поверил.

Мы подъехали к рынку, вылезли из машины и долго шли между торговыми рядами. Продавцами были умирающие от голода узбекские мужчины и женщины. А перед ними лежали товары в ассортименте, способном вызвать инсульт даже у привычного к универсамам меня.

Валютный отдел располагался с изнаночной стороны рынка. Пустой двор. Кучи строительного мусора. Торчащие над низенькими зданиями минареты Биби-Ханум. Одинокая земляная печь тандур. Вокруг печи прямо на земле сидят узбекские деды в тубетейках и линялых халатах.

Над тандуром висела вывеска «Ход-Док». Я даже не сразу понял, что имеется в виду.

Мы отыскивали место в тени и закурили. Абдула-Умар смотрел на группку парней в противоположной стороне двора, а они смотрели на нас. Они видели, что я белый, и понимали, зачем я сунулся в эту дыру, но не спешили.

Потом к нам был прислан переговорщик. Пожав Абдуле-Умару руку и поболтав с ним по-узбекски, он спросил, сколько денег я хочу поменять? Голос у парня был такой, словно он перед публикой читает стихи из Корана. Кожа у него на лице лопалась от нестерпимого зноя.

Я сказал, что \$20.

— Давай.

— Что, давай?

— Деньги давай.

Я отдал ему зеленую купюрку, парень сунул ее в карман и, не торопясь, ушел.

— Он не обманет?

— В смысле?

— Он не исчезнет с моими деньгами?

— Зачем?

Парень все не возвращался.

— Почему вообще такие сложности?

— Менять валюту — уголовное дело. Сразу тюрьма.

— Для русских тоже?

— Для русских особенно.

Оказаться в тюрьме по такой жаре не хотелось.

Минут через пятнадцать к нам подошел уже совсем другой парень. Он протянул мне пачку местных дензнаков. Я попробовал засунуть ее в карман. Ощущение было такое, будто я несу в кармане джинсов кирпич.

Над Самаркандом спускался вечер, и мы наконец шли в чайхану нормально поговорить.

Мы попетляли по улице, по которой в свое время пронеслись, взяв город штурмом, кентавры Чингиз-хана, поднялись на холм, где еще раньше стоял походный шатер Александра Македонца, он же Искандер Великий, и вышли к знаменитому во всех частях света мавзолею Шах-и-Зинда. О существовании мавзолея я три минуты назад узнал от прапорщика.

Это был самый конец города. Скала, к ней прилепился мавзолей с кирпичным куполом, вокруг старинное кладбище, а сразу за ним крутой обрыв: метров тридцать отвесной стены. Внизу виднелся утонувший в жидкой грязи арык.

Дальше начиналась пустыня и горела помойка. Дым полз по пологим холмам и ел глаза. Несмотря на благочестивое прошлое, сойти сюда не рисковали даже наглые узбекские жандармы.

На заборе перед входом в мавзолей было мутной краской написано: «Fanta. Vodka». Это была реклама заведения и вывеска одновременно. Абдула-Умар носом чуял запах алкоголя, норовил перейти с рыси на аллюр и по ходу объяснял, куда именно мы бежим:

— Это хорошее кафе. И недорогое. Прямо за мавзолеем.

— Если недорогое, то вряд ли хорошее.

— Там за кафе есть такой обрывчик. Оттуда сбрасывают вниз людей.

— Каких-то конкретных людей? Или всех подряд?

— Если серьезные парни решают обсудить серьезное дело, то договариваются встретиться в Шах-и-Зинда. А если дело не выгорит, то кого-нибудь сбрасывают с обрывчика вниз. Милиция никогда не возбуждает дело, потому что свидетели каждый раз говорят, что тот, кто упал, был пьяный и просто поскользнулся.

— Я что-то не уверен, что хочу идти в это кафе.

Перед входом стоял большой стенд для туристов. На нескольких языках он объяснял, где именно мы планировали перекусить и выпить водки. Больше всего в исторической справке мне понравился заключительный абзац, сообщающий, что человек, совершивший возле мавзолея намаз на протяжении сорока четырех понедельников подряд, может рассчитывать на исполнение любого желания.

Место, как я понял, действительно было... как сказать?.. с атмосферой. Даже нищие здесь не просто кланчили денег, а попрошайничали «ради ста чудес Шах-и-Зинды».

Посреди чайханы стоял бетонный бассейн с тоненькой струйкой фонтана. В воде охлаждались бутылки с местным пивом. Азиаты не обращали на них внимания. Верные заветам своего земляка Омара Хайяма, они пили не холодное пиво, а теплую водку.

Ужинать следовало не сидя за столами, а откинувшись на громадных, как кусок пляжа, лежаках и утопая в куче подушек. Мы сняли обувь и легли. Официант принес осточертевший зеленый чай и черствые лепешки. На лежак перед нами поставили столик почти без ножек, а на столик поставили водку. Она воняла бензином.

На лежаках вокруг меня сидели и лежали молчаливые люди. Чуть в стороне в огромном котле людям готовили жирную еду. Женщина в национальном костюме из ведра брызгала водой на пыльную дорожку.

Еще неподалеку несколько мужчин в странных одеждах сворачивали головы и рассматривали меня. Очень долго и пристально рассматривали.

Я спросил у Абдулы-Умара, почему они так на меня смотрят? — Это джуги. Черные люди. К ним не ходи. Они даже своих грабят. На всех плохо смотрят.

Пиалы с теплой водкой мелькали в его ловких пальцах. А япил минералку и нюхал дым горящей помойки. Плохо не пить в чужом городе. Алкоголь — очень выгодное вложение денег. Ты покупаешь кружку пива, а она гарантированно сжирает $1/72$ часть твоих суток.

Если покупать в сутки семьдесят две кружки пива, то вся твоя жизнь будет без остатка занята важным и очень интересным занятием: перегонкой пивного солода на воду и крахмал. Почти смертельно пьяный Абдула-Умар объяснял, что курить вредно:

— Вот — лошадь. Пусти ей струю в нос — упадет. Мы, когда пачанами были, лошади в ноздри струю дыма пускали: лошадь падала. Или поймаем змею, пасть ей разождем и дуем туда. Она танцует, ей кайф, понимаешь? Больше не кусается...

Потом Абдула-Умар заснул прямо за столом. Я решил бросить его и пойти в гостиницу спать. Однако перед этим хотелось посетить туалет. Бармен сказал, что какой-то особой уборной у них нет и мужчины писают, просто подойдя поближе к обрыву.

Я сходил к обрыву, потом застегнул неудобные пуговицы на джинсах, обернулся и увидел, что окружен группой джугов.

Они были пьяные и действительно очень черные. Они внимательно меня рассматривали. Оторвавшись от стола, теперь они цыкали всеми возможными зубами.

Просто так взять и рубануть незнакомому человеку по голове... по себе знаю, насколько это нелегко. Я знал, что сначала они что-нибудь мне скажут. Один из джугов на очень плохом русском спросил, зачем я сюда приехал?

— Тебе действительно интересно это узнать?

— Моему дяде такие лысые, как ты, в Москве глаз выбили.

— Я искренне сочувствую твоему дяде.

— Они ударили, и глаз на землю упал... А ведь он пожилой человек.

— Тем сильнее я ему сочувствую...

Они еще поцыкали. Я видел, что сейчас... вот сейчас, кто-то первый выбросит кулак в мою сторону.

— Не надо было тебе сюда приезжать...

— Да?

— Мы сейчас убивать тебя будем.

— Стоит ли?

Фраза была неуместна, как я, со своей необрезанной крайней плотью, был бы не уместен в главной самаркандской мечети.

Драться с семерыми сразу было бесполезно. Я стоял на самом краю обрыва, причем двое стояли у меня за спиной. То есть я бью в лицо первому из джугов, и это будет последнее, что я успею, прежде чем забрызгаю камни вниз.

Кроме того, мне не хотелось драться. Мне хотелось белого молока жизни, а вовсе не драться.

Нужно было выруливать, но я не знал, как.

Я обшаривал полустертые файлы памяти, но находил там только всякий мусор... ничего важного там не находил.

Странно... ведь было же во мне что-то ценное... то, что не позволяло за просто так сбрасывать меня на дно обрывов... но вспомнить, в чем оно состояло, я не мог. Я мог бы сказать им... если честно, я не мог сказать джугам ничего.

Представьте, как бы глупо я выглядел, если бы вздумал рассказать этим черным людям про то, что всего полгода назад жадный, но модный глянцевоый журнал ОМ, с которого месяцами невозможно получить уже заработанный гонорар, назвал меня «Лучшим писателем страны».

Там была моя фотография, а рядом — фотография ведущей ТВ-шоу «Квартирный вопрос». Девушку признали «Showgirl года», с

формулировкой: «Что еще может интересовать современного человека, как не обустройство собственного жилища?»

Я считал себя довольно современным парнем. Однако я стоял на краю обрыва, зажатый среди семерых центральноазиатских гангменов, и сознавал, что помимо обустройства квартиры меня занимает множество иных вопросов.

Готов ли я умереть прямо сегодня вечером? Готов ли я к тому, что последнее, что мелькнет перед моими собственными глазами, это арык, выше берегов набитый узбекским дерьмом, и спящий за столом прапорщик местных Вооруженных сил?

Милиционеры заберут мой труп и закопают его в местную почву. Прежде я представлял это событие немного иначе. Знаете, я действительно испугался, стоя там, на обрыве.

Один из джугов разбил бутылку о камень и, наклонив голову, бросился на меня, но еще этого из-за камней показался бегущий со здоровенным колом в руках Абдула-Умар, а за ним в нашу сторону неслась целая толпа прихожан мечети, все — в белых шапочках, и все они орали непонятные мусульманские слова, слышав которые, джуги, черные и злые люди, грабящие даже своих, задирая ноги и поднимая тучи пыли, бежали вниз, прямо по древним и узким узбекским могилам.

Они сбежали на дорогу и уже неслись прочь от города. Я стоял и смотрел, как они убегают.

...

Мне говорили: бойся беды, напоминали, что нет надежды, но помню я — тело дороже еды, а жизнь важнее одежды.

Самарканд—Бухара—Самарканд (Время в пути: 14 часов)

1

Как я понял, главным условием выживания в Азии является отсутствие у вас такой штуки, как жизненное пространство... способность улыбаться во время поездки в переполненном автобусе, когда на вас навалилось сразу несколько человек и некуда деться от запаха чужих жарких тел.

Проблема состояла в том, что мое жизненное пространство было огромно, как Тихий океан. Чувствовал я себя отвратительно.

То есть вообще-то я был сыт, и у меня было место для ночлега. Родись я животным — наслаждался бы жизнью. Но поскольку родиться животным не удалось, то теперь мне хотелось знать, зачем я здесь?.. и что будет дальше?.. я засыпал с этими вопросами, просыпался с ними же, не мог есть и за три дня сбросил четыре килограмма веса.

Я жил в самой грязной трехзвездочной гостинице Азии, битком набитой душманами и проституцией. В номере у меня за стеной постояльцы ставили непонятные химические эксперименты. Может быть, варили героин. Может быть, выпаривали гексоген. Химией воняло на весь Самарканд.

На второй день моей жизни в отеле у унитаза в номере горлом пошла вода. Вернее, не только вода... он же был унитазом, вы понимаете? После этого я мечтал, чтобы опять начало вонять всего лишь химией, но было поздно.

Кровать была не просто скрипучая: при попытке повернуться она издавала допотопный рев. Из стены торчало множество выключателей. Я долго щелкал ими, но ничего не происходило. Ни единого действующего электроприбора в здании обнаружить мне не удалось.

Разумеется, не могло идти речи о таких странных вещах, как кондиционер, телевизор, холодильник, вода в кране или занавески на окнах.

По ночам меня кусали невидимые насекомые. В углу комнаты жил здоровенный ядовитый паук. Не исключено, что тот самый, который цапнул Питера Паркера. Он жрал тех сволочей, которые жрали меня. Паутина была полна высосанных вражьих трупов.

Когда темнело, я, голый и мокрый, сидел на балконе на пол, курил и смотрел на город... а еще иногда смотрел на небо. Самое обидное, что никто во всей Центральной Азии не поверил бы в то, что со мной происходит.

Когда в Петербурге по вагонам метро ходят просить денег цыгане, все воспринимают это нормально. Но представьте, как удивились бы пассажиры, обратиться к ним с той же просьбой голландцы или шведы?

В сторону сумасшествия я двигался семимильными шагами. Мысль о том, что узбеки украдут мои деньги, превратилась в психоз. Оставить деньги в рюкзаке — обнесут номер. Брать с собой — ограбят на улице. По плавящемуся городу я передвигался короткими перебежками, от тени к тени, и боялся смотреть людям в лицо.

Мне бы нормального кофе по утрам... мне бы хоть одно утро провести нормально... мне бы цен в нормальной валюте... посидеть полчаса-

ка за компьютером, полчаса послушать FM-радио, клянусь: я опять был бы в форме... но в этой части света не было радио, не было компьютеров... невероятно, но попить кофе здесь тоже было невозможно.

Пахнувший жженой резиной «Нескафе» считался в Самарканде редким заморским напитком. Подавали его в заварочных чайниках: один пакетик на чайник. О том, что кофе можно пить с сахаром, не догадывались даже самые утонченные гурманы республики.

2

Гуляя по центру города, я сел попить минералки в уличном кафе, а ко мне за столик подсел молодой англичанин. Мы с ним были белыми. Нам следовало раскланиваться на улицах и делиться сплетнями.

— Откуда ты, тап?

— Русский. Из России.

— А-а... похож на европейца.

— Я и есть европейец. Последний, mazafaka, европейец в этой заднице. Скоро тут вообще никого не останется, один европейский я.

Собеседник сказал, что сам он из Лондона. Я спросил, чего он здесь забыл?

— Я приехал сюда получить fun. Но здесь нет fun'a.

— Это точно.

Мы поболтали еще немного. Чем дольше мы болтали, тем меньше собеседник мне нравился. Вам бы он тоже не понравился. Мы с ним были белыми, но чувствовал я солидарность не с ним, а с узбекскими нищими, издали смотрящими на то, как мы пьем холодную минеральную воду Nestle.

Я умру от голода скоро. Узбеки — чуть позже. А англичанин не умрет никогда.

Укуренный местным гашишем. Отрастивший клочок волос на подбородке. Повесивший на шею модные бусы. Остановившийся в самом дорогом отеле города.

Парень имел вполне нормальный билет на самолет отсюда и до дому, а если бы он потерял билет, то всегда оставались папина кредитка и Соединенное Королевство, готовое выслать ему на помощь взвод рыжих рейнджеров с разукрашенными рожами.

Парень с трудом удерживал тяжелые от гашиша веки и через слово повторял, что ислам — это очень молодая религия.

— Чего в нем молодого?

— А христианство давно устарело. Скоро мы все сделаем себе обрезание и станем совершать намазы. А наши белые девицы будут ходить по клубам в чадрах.

— Ты уже сделал себе обрезание?

— А ты был в местных клубах?

— Нет. Только слышал про них.

— Сходи, не пожалеешь. В моей гостинице есть клуб для белых. Называется «Дворец Афросиаба». Unbelievable! Танцы начинаются в пять вечера, а заканчиваются в десять. В десять вечера. Здоровенный пустой зал с дневным освещением. Диджей укрывает аппаратуру от жары белыми простынями. Под его музыку все танцуют медленные танцы.

— Серьезно? Закрывается в десять?

— Ага! Ты замечал, что здесь даже проституция выходит на улицы в восемь утра: пока не очень жарко.

Парень искренне веселился. Я думал только о том, что если бы мне удалось зарезать умника, то, возможно, по его документам меня бы выпустили из страны.

Через дорогу от места, где мы сидели, начинался пустырь, на котором высились груды битого кирпича. То есть это сейчас они стали грудями, а когда-то, наверное, это были дворцы... или мавзолеи... наверное, они считались красивыми.

Я спросил у официантки, чья именно это могила. Про жесточайшего завоевателя Вселенной, про того, пред чьим именем трепетали континенты, официантка говорила так:

— Короче, это... жил у нас в городе один парень...

Я забрал со стола сигареты, ушел из кафе, перешел пустой автобан, побрел в сторону руин.

Когда-то посреди пустыря стоял громадный купол. Теперь из стен здания вываливались громадные кирпичные блоки. Купол зарос жесткой рыжей травой. Кроме того, с флангов на штурм здание шли азиатские пески. Прорвать линию обороны им кое-где удалось.

Я обошел руину вокруг, но так и не нашел входа. В траве валялись громадные мотки ржавой колючей проволоки. Я пожалел, что забрел на пустырь, но тут из спрятанной за занавеской двери выскочила пожилая женщина. Она улыбалась, говорила одновременно на пяти языках и за руку тащила меня внутрь.

— Экскурсия! Я проведу экскурсию!

— Для меня?

— Стоит один русский рубль. Вы русский?

У меня давно не осталось русских денег, поэтому я протянул женщине узбекскую купюрку Она взмахнула рукой: «Пойдемте!»

Груда кирпича носила красивое имя Рухабад: «Дом Души». Было время, и паломничество сюда заменяло хадж в Мекку. Внутри здания был похоронен мусульманский праведник, обративший в ислам Центральную Азию и собиравшийся обратиться в Китай.

— Как его зовут?

— Кого?

— Праведника?

— Не знаю. Вернее, я забыла. Он очень святой.

— Да?

Пригнув голову, я зашел в Дом Души. Тетечка показала мне место, где совсем недавно... каких-то триста лет назад хранилась реликвия: шкатулка с клочком волос из бороды пророка Магомета.

Изнутри купол был черен от копоти. По вручную вытесанным плитам пола ходили голуби. Последний раз ремонт в Рухабаде проводился ровно полтысячи лет тому назад. Под отваливающимися слоями штукатурки были заметны арабские граффити тех времен.

— Что здесь написано?

— Здесь написано: «Сие прекрасное строение вечно да будет почитать потомков своим великолепием и прославлять мое имя».

— Да? А кто это написал?

— Не помню... Никто уже не помнит... Раньше помнили, а теперь забыли...

Женщина сказала, что раньше возле Рухабада ходили толпы верующих. Теперь осталась только она и ее брат-инвалид. Брат ткет скатерти с силуэтом святыни, она за деньги рассказывает приезжим об истинной религии Пророка, призывает верить в Книгу его.

Осмотрев достопримечательности пустыря и поблагодарив женщину, я добрал до места, где кончался песок и начинался асфальт. Песок из брюк и кедров я вытряхивал долго.

3

К концу первой недели пребывания в Центральной Азии я захотел помыться. Вернее, не захотел, а понял, что если сейчас же не помоюсь, то умру.

Я сказал об этом Абдуле-Умару, и тот ответил, что проблемы нет. В Бухаре, в еврейской махале, он знает бабку, в квартире которой стоит ванная.

— Что такое махаля?
— Не знаю, как по-русски. Много домов. Место, где живут евреи.
— Еврейский квартал?
— Наверное. Там хорошие ванны.
— Скажи, Абдула-Умар, а ближе, чем Бухара, нет мест, где можно помыться?

— Зачем тебе ближе?

Рейсовый автобус шел до Бухары около семи часов. Это были семь часов страшного зноя. От автовокзала до места, где живут бухарские евреи, мы ехали на такси.

Улочки квартала были пыльны и пусты. В одном месте бульдозер срывал стены развалившегося дома. Наша машина с трудом взбиралась на кучи битого кирпича и поворачивала среди вплотную прижатых друг к другу стен.

Потом она застряла окончательно, и дальше мы пошли пешком.

В воротах дома, к которому привел меня Абдула-Умар, не хватало нескольких досок. На стене краской было написано по-русски: «САМОВОЛЬНО НЕ ЗАСЕЛЯТЬСЯ. ДОМ ИДЕТ ПОД СНОС».

— Здесь. Пойдем.

— Здесь?

Мы прошли в ворота. За ними начинался огромный двор, перегороденный фанерными заборчиками и веревками с бельем на множество отсеков. Пригибаясь под веревками, спотыкаясь о набросанные кирпичи, кивая встреченным мужчинам в майках и чуть не наступив на привязанного к стене щенка дога-долматинца, мы забрались в самый далекий угол двора.

— Салям алейкум.

Абдула-Умар низко кланялся, улыбался и прижимал руки к груди. Под козырьком, в тени, сидело несколько молчаливых женщин в пестрых платьях. На земле лежала автомобильная крышка, на ней — несколько досок, на них газета, а на газете незнакомая мне пища, которую женщины ножами резали на мелкие кусочки.

Когда мы подошли поближе, дамы, не поднимая глаз, подпернули, прикрывая лица, свои платки.

Из дому вышла говорящая по-русски пожилая женщина. Она объявила мне цену помывки. Я на нее согласился.

— Мыло дать?

— Да. Дайте. Пожалуйста.

— У меня только хозяйственное.

— Дайте хозяйственное.

Ванная комната была именно комнатой. Огромным, как школьный спортивный зал, помещением с несколькими узкими окнами и широкими щелями в стенах. Посреди комнаты лежала лохматая собака.

Старушка терпеливо терла тряпочкой стенки ванной. Сливное отверстие она заткнула не затычкой, а той же самой тряпочкой.

— Воду не закрывай. Пускай течет. Если наберется чересчур много, лучше выпусти лишнюю, но не закрывай.

— Почему?

— Взорвемся. Газовая колонка плохо работает. Один недавно закрыл — чуть полдома не снесло.

Старушка вышла из ванной. Я остался стоять посреди комнаты. Еврейская собака, задирая брови, рассматривала меня, ждала, пока я начну раздеваться. А ведь мы даже не были представлены.

Я решил не мыться, а просто переждать здесь, сделать вид, будто помылся, может быть, намочить голову и уйти. Женщины, сидящие во дворе, смотрели на меня сквозь щели и молча продолжали резать еду.

Вода текла из краника не желтая, а серого, металлического цвета. Она была абсолютно холодная.

Я выкурил сигарету и все же начал стягивать через голову свою футболку, которую надел две недели назад в другой части света, в ту эпоху, когда еще не знал, что окажусь там, где я оказался.

Вода пыталась наполнить ванну больше сорока минут. Но выше чем на четыре пальца ее уровень так и не поднялся. Из ванны я вылез гораздо более грязным, чем залез.

Потом мы пошли с Абдулой-Умаром гулять по Парижу исламского мира, священному городу Бухара. То, что я увидел, было даже хуже, чем ванная в еврейском квартале.

Улицы Старого города были так узки, что я задевал плечами за стены сразу с обеих сторон. Солнце не проникало в щели между домами. Улицы были выше щиколотки покрыты слоем жидкой вязкой грязи. Зато в одном месте из окна я услышал старую песенку *Dire Straits*. Это было, как если бы мама погладила меня по волосам.

Вода в бассейнах на площадях высохла, и дно покрылось толстым слоем пыли. Когда-то здесь, наверное, били фонтаны и было красиво. Теперь здесь бьют разве что заезжих белых по голове.

Возле бывшего невольничьего рынка стояли корявые деревья. На одном висела табличка, сообщавшая, что дерево посажено в те годы, когда Христофор Колумб был еще полностью уверен, что за горизонтом плоская земля заканчивается и можно увидеть слона, от

скуки машущего длинным хоботом. Почти белый от старости ствол напоминал сгнивший гриб. Мы постояли в тени, отдышались.

По поводу каждого встречного здания Абдула-Умар рассказывал мне историю, вроде того, что проектировщика этого медресе живым замуровали в фундамент здания, а архитектора вот той мечети сбросили с минарета на мостовую. Я сделал вывод, что строительные специальности в этих краях не очень выгодны.

В справочниках указывалось, что население Бухары составляет полтора миллиона человек. Может быть, когда-то так и было. Но к моменту, когда в город приехал я, Бухара была пуста, безлюдна, разрушалась, приходила в упадок.

Здесь не осталось даже нищих. Те, кто мог, погрузились на ишаков и уехали. У кого не было ишаков — ушли пешком. За девять часов, проведенных в мертвой Бухаре, я встретил от силы сорок человек и два автомобиля. На втором из них я уехал обратно в Самарканд.

Машина была модная и почти новая. Японская DAEWOO открыла в республике завод по сборке автомобилей. Это был единственный действующий завод во всей Центральной Азии.

Несколько лет назад я, помню, оказался в Маниле, Филиппины. На южных островах мне предстояло участвовать в международном конгрессе, но вместо того, чтобы идти на заседание, я каждое утро уходил болтаться по городу.

Один раз я забрел в район с названием Мандалуйонг. Это была такая дыра, что даже на картах города ее обозначали лишь белым пятном. Когда филиппинцы узнавали, что я был в Мандалуйонге, они бледнели и говорили, что сами ни за что в жизни туда бы не пошли.

Район представлял из себя бесконечные, до горизонта ряды хижин, построенных из картонных коробок, отломанных автомобильных дверец, пальмовых листьев и обожженных солнцем досок.

Аборигены сидели перед домами и на швейных машинках с ручным приводом шили джинсы. Десятки тысяч голых филиппинцев с утра до вечера шили джинсы, в которые потом впихивали задницы модники Европы и Северной Америки.

С тех пор я знаю главный секрет Западного Процветания. Белые люди живут хорошо не потому, что умеют работать, а остальные нет, и не потому, что у них какая-то особенно эффективная экономика.

Все проще: белые носят модные брюки лишь потому, что в местах, которые не обозначаются на карте, голые цветные на машинках с ручным приводом эти брюки для них сшили.

В Бухаре я купил себе пеструю тюбетейку. Мне показалось, что если я ее надену, то стану похож на аборигена и не буду привлекать к себе столько внимания.

Я надел шапочку — ничего не изменилось. Нищие точно также бросались ко мне на улицах, только теперь вместо криков «Дай денег!» они кланялись, делали мусульманские жесты и говорили «Благословите, святой человек!».

Я стащил шапочку с головы, спрятал в карман, а вечером стоял в номере перед зеркалом и пытался разглядеть в рыжебородом отражении хоть что-нибудь похожее на святость.

Именно в этот момент в дверь постучали. Я открыл.

Снаружи стояла высокая узбекская девушка. На ней были прозрачные гольфики, немодные адидасовские кроссовки, обтягивающая белая шелковая рубашка... помесь стюардессы и школьницы старших классов.

А на мне были семейные трусы и волшебная шапочка на лысой голове. Я был толстый, потный и грязный.

— Good evening! Услуги не нужны?

Знаете, может быть, я дурак, но сперва я решил, что посреди ночи девушка пришла ко мне в номер починить унитаз. Я прошел в номер и натянул брюки. Девушка прошла следом и начала раздеваться.

— Э! Подруга! Что ты делаешь?

— Недорого, мистер.

— Одеваемся! В темпе!

— Откуда вы?

— Я сказал, о-де-ва-ем-ся!

— Двенадцать тысяч узбекских сум. В смысле — один доллар.

— Ты понимаешь русский язык? Нет?

Девушка все еще раздевалась, а я наклонялся, подбирал ее вещи, совал их ей в руки, но она снова кидала их на пол.

— Пожалуйста, мистер! Не выгоняйте меня!

— Я устал. До свидания.

— Вам жалко один доллар?

— Да. У меня мало денег.

— Хорошо. Семь тысяч сум. Шестьдесят центов.

Я сел на кровать и закурил. Кровать душераздирающе застонала.

— Смотрите, какая я гибкая!

- Покувыркайся.
- Почему вы не хотите, мистер?
- Я женат.
- Все женаты.
- Это-то и плохо... все женаты и все тыкают в твое туловище

СВОИМИ членами...

- Пусть тыкают. Чего плохого?
- Нельзя так.
- Почему нельзя?

Я порассматривал девицу. На ее необъятном лице были жирно нарисованы глаза.

- Тебя действительно это интересует?
- Интересует. Да.

– Понимаешь, подружка, я много думал об этом. Почему одно плохо, а другое – не плохо? И я только недавно понял, в чем здесь штука. Хочешь, скажу? Дело в том, что недавно до меня дошло, что такое грех.

- Нашли тоже грех: трахаться!

– В твоём городе, подружка, совершенно нечем заняться. Поэтому я думаю об очень странных вещах. Например, о том, что там, где грех, там обязательно чьи-то слезы. В этом-то все и дело. Может быть, этих слез не видно. Или их не сразу видно. Но они обязательно где-то льются. Копни грех, и увидишь слезы. Хорошо, если не пробитые ребра, понимаешь?

– Хотите, я сделаю тебе, мистер, скидку, но вы и меня пойми. У меня одно белье, знаешь, сколько стоит?

– Вот, например, курение. Курить вредно, а грехом это не считается. Понимаешь? А с другой стороны, секс. Какие уж здесь слезы, да?

- Да! да! Какие?

– У меня в Петербурге был знакомый. Пожилой человек...

– Ты из Петербурга, да?

– Он всю жизнь прожил с женой. Не знаю, может быть, сорок лет... или тридцать. Очень много лет. Потом они с женой состарились, и он зачем-то спросил у нее, изменяла ли она ему? В том смысле, что жизнь прожита, чего уж теперь скрывать.

– Дурак он. Кто такое спрашивает?

– Жена призналась, что да, было. Очень давно и один раз. Где-то в гостях, спяну. После этого мой знакомый почернел, лег на диван, пролежал три дня и умер. Молча. Понимаешь?

– Нет. Не понимаю.

— Это и есть чьи-то слезы... она считала, что ничего страшного, а он умер.

— Мистер, мне еще тетке внизу нужно сколько-то заплатить. Она ждет. Так что меньше чем за шестьдесят центов я не могу, понимаете?

...

Это была, наверное, самая тяжелая ночь из всех, проведенных мной в Азии. Я ворочался, чувствовал, как по коже ползают насекомые, задыхался от духоты, весь взмок, сбил постельное белье и проснулся гораздо более усталым, чем лег.

Именно после этой ночи жизнь, скрипя, начала вращаться в обратную сторону.

Самарканд—Термез (Время в пути: 9 часов)

1

На пятый день моей жизни в гостинице туда для проверки пришли милиционеры, и из отеля я вылетел вон.

Милиционеры были довольно вежливы. Прежде чем попросить у меня взятку, они долго жали руку, расспросили о семье, угостили минеральной водой. Да и размер взятки был смешным. Просто именно к этому времени поменянные у спекулянтов узбекские деньги кончились, а оставшиеся доллары все были в крупных купюрах.

Я ужасно злился на азиатскую милицию. «Знаешь, парень, мы тебя здесь не ждали, ты нам не нравишься, узбеков в твоей стране бьют... так что по совокупности ты должен уплатить такую-то денежку»... это бы вполне меня устраивало... но их бесконечные улыбки, рукопожатия, многозначительные паузы... это выматывало меня.

В Петербурге меня последний раз забирали в милицию довольно давно. В кожаных джинсах, черной куртке с капюшоном и в ботинках на толстой подошве я пытался шмыгнуть в метро. Дорогу преградил пузатый постовой. Он предложил пройти в пикет, а там спросил, нет ли у меня с собой оружия или наркотиков?

— Нет. Ни того, ни другого.

— Все из карманов на стол.

Я выложил все из карманов на стол. Помимо ключей, сигарет и мелочи, в моем кармане лежал небольшой пакетик, свернутый из газетного листа. Небольшой аккуратный пакетик.

Постовой улыбнулся улыбкой счастливого человека:

— Ну вот! А ты говоришь — нету! Признаешь, что это твое?

— Признаю. Только не мните.

— Почему?

— Вам не понравится.

Постовой развернул пакетик. Он перестал улыбаться.

Объясню. Дело в том, что у меня дома живет мягкотелая аквариумная черепашка-трионикс. Кормить ее следует штукой, которая называется «мотыль», а по сути — живыми червяками.

Постовой первый раз видел человека, который носит в кармане завернутых в газету живых червяков. Он отпихнул пакет от себя и сказал, чтобы я убирался.

2

Упаковав рюкзак, я дошел до автовокзала и внимательно изучил расписание. Было понятно, что ни в одну гостиницу Самарканда меня больше не пустят. Поэтому теперь план состоял в том, чтобы купить билет до самого дальнего населенного пункта и переночевать в автобусе.

Следующим вечером можно купить билет назад, и так, катаясь, проводить каждую ночь. Получалось даже дешевле, чем гостиница.

Весь день я копил усталость, как пенсионеры копят мятые рубли на собственные похороны. В автобусе мне просто необходимо было вырубиться. Я бродил по жарким улицам, валялся на подушках в чайханах, взбирался на каждый холм, который попадался по пути...

К девяти вечера я все-таки поменял немного денег и отправился на автовокзал. Спустя еще час мой автобус отправился в сторону афганской границы, в город Термез.

Никогда в жизни бы не поверил, что буду ехать по направлению к Афганистану добровольно... я ведь 1970 года рождения... мой призыв был последним из всех, что отправлялись в эти края на военных самолетах.

Автобусы дальнего следования в Узбекистане бывают двух типов: подороже и подешевле. Отличаются они только культурной программой.

В первых имеется видеомэгнитофон, который можно всю ночь смотреть. Репертуар состоит из индийских мелодрам или любительских съемок со сценами расстрелов и пыток русских солдат в Чечне. Узбеки предпочитают индусов.

Во вторых видеомэгнитофона нет. Чтобы пассажирам не было скучно, водитель нанимает музыканта с национальным инструментом... не знаю, как называется... такая гитара со здоровенным грифом... и он всю ночь поет свои песни.

Таких нюансов я не знал. Мой автобус оказался из дешевых. Чертов муэдзин сидел прямо у меня за спиной. Его вокал напоминал конкурс: «А вот кто сумеет с помощью губ, языка и нескольких пальцев издать наиболее причудливый звук?».

Я готов был приплатить ему, чтобы музыкант заткнулся, но он на меня не реагировал. Вокруг, распахнув рты, спали узбеки. Чувствуя, что сейчас завою от ярости и отчаяния, я курил одну сигарету за другой и так и не заснул.

На остановках я вылезал наружу и переводил дух. Один раз ко мне подошла тощая нищенка. Лицо она прикрывала платком, а в другой руке женщина держала ржавый дуршлаг, внутри которого тлели ароматные травки. Окуриив меня дымом, она молча протянула ладошку за деньгами.

3

Когда до Термеза оставался какой-то час езды, у автобуса взорвалось колесо. Скорость была не очень большая, водитель вырулил, мы не перевернулись.

В салоне поднялась такая пыль, что я не видел даже спинку предыдущего кресла. Громко орали дети. Водитель аккуратно притормозил у обочины.

Национальный музыкант на полуслове заткнулся. Я надеялся, что, когда автобус тряхнуло, он проглотил свои золотые зубы. Все отправились смотреть, как водитель будет менять камеру, а я наконец заснул.

Проснулся с трудом. Это было правильно: заснул с трудом... проснулся тоже с трудом. В сало не было так жарко, что, пожалуй, стоило бы написать, как в этом месте я умер, и закончить сей скорбный труд.

Я выбрался наружу и спросил узбеков, сколько времени мы будем еще стоять? Один сказал «Час», а второй — «Три часа». Инте-

ресно, что ребята были уверены, будто говорят об одном и том же временном интервале.

Забрав из автобуса рюкзак, я отошел от автобуса на сотню метров и начал ловить машину. Она поймалась быстро. Доехать до Термеза договорились за восемь тысяч узбекских сум, что составляло приблизительно \$0,80.

В магнитофоне опять играла турецкая музыка... правда, прислушавшись, я узнал в ней песню Стинга Desert Rose. Я впихнулся на заднее сиденье, между мужчиной в тубетейке и женщиной тоже в тубетейке.

Несмотря на платье и шаровары, у женщины была знойная нога. Там, где ее нога соприкасалась с моей, иногда начинала виться струйка дыма.

Только уже на подъезде к городу я заметил, что дама беременна. При том, что выглядела она лет на сорок пять. То есть, по местным понятиям, ей следовало уже готовить внуков к свадьбе.

Разумеется, водитель поинтересовался, откуда я, подробно рассказал о своей семье и расспросил о моей. Иногда он обращал мое внимание на мелькающие за окном достопримечательности:

- Здесь у нас трасса. Во все культурные страны попасть можно.
- Это в какие?
- В Турцию. В Иран...

Один раз нас обогнал военный джип с американскими номерами. Чем южнее мы продвигались, тем чаще начинали попадаться блокпосты. За пятьдесят метров до поста нужно было остановить машину, заглушить двигатель, потом завести его снова и со скоростью пешехода двигаться вперед. Жандармы с автоматами выглядывали из-за мешков с песком и провожали машину злыми взглядами.

Еще водитель пытался поговорить со мной о политике. О том, что во время последней Афганской войны Россия, конечно, упустила свой шанс. Они, узбеки, на пару с американцами уничтожили талибов и скоро вместо России станут великой державой... я молчал и мечтал поскорее приехать.

На последнем перед Термезом блокпосте офицер милиции жезлом показал, что машина должна припарковаться, и велел всем выйти. Мой паспорт он рассматривал долго.

- Русский?
- Ага.
- Зачем сюда едешь?

— Если сюда нельзя ехать, то я разворачиваюсь и еду обратно, идет?

— Ты наемник?

Он убрал мой паспорт в карман и ушел за мешки с песком. Стоять на солнце было жарко. Вернее, очень-очень жарко. Попутчики молча смотрели на меня, и я сказал водителю, что ладно... это мои проблемы... разберусь сам, а он пусть едет.

— Нет. Ты — гость. Я помогу.

— Как ты поможешь?

— Я с ним поговорю.

— Не надо. Езжай. Разберусь как-нибудь.

— Я же говорю, ты гость. Мы с ним поговорим по-узбекски, и он отдаст паспорт.

Водитель отправился вслед за милиционером и действительно скоро вернулся с моим паспортом в руках.

— Поехали.

— Он отдал паспорт?

— Поехали, по пути поговорим.

Все опять забрались внутрь машины и поехали дальше.

— Сколько он с тебя взял?

— Не дорого. Я же говорил: договорюсь.

— Сколько?

— Двадцать долларов.

— ДВАДЦАТЬ ДОЛЛАРОВ?!

— Да. Он хотел больше, но я договорился.

— Fuck! Как вы мне все надоели!

— Почему?

Что я мог ему сказать? Что я прекрасно знаю: взятка самому высокопоставленному местному офицеру милиции не может составлять больше пяти долларов? Что мне отлично известно: у водителя просто не могло быть с собой такой суммы, как \$20, потому что в Узбекистане это средняя зарплата за три месяца? Что мне надоело, когда меня грабят все встречные узбеки?

Водитель делал обиженное лицо и повторял, что я гость, а он просто выполнил свой долг, и я если не хочу, то могу не отдавать ему деньги, это ничего не изменит, он будет по-прежнему хорошо ко мне относиться.

Я чувствовал себя смертельно усталым. Я отдал ему деньги. Еще через полчаса мы въехали в город.

Термез интересен тем, что именно здесь была зафиксирована самая высокая температура на планете: что-то около 53 градусов Цельсия. Узбекские пограничники варят выдаваемые им яйца, просто положив их на солнцепек.

Во времена Чингиз-хана и Тамерлана это был вполне приличный городок. Ко времени моего приезда город представлял из себя дыру, чересчур грязную и заброшенную даже для узбекских клошаров.

Единственным источником существования здесь были несколько американских военных баз и граница с Афганистаном, через которую Россия гнала на юг гуманитарную помощь.

На Афганистан можно было полюбоваться невооруженным глазом. Течет вонючая речка, один берег — узбекский, а на другом национальным спортом всего лишь пятнадцать лет назад являлась игра в футбол головами русских военных.

Я вышел на главную улицу Термеза, и у меня сложилось впечатление, что главная улица является также единственной. Я побродил по пыльным кварталам. Осматривать здесь было нечего.

Единственное, чем я собирался заняться, — ждать наступления вечерней прохлады и на автобусе поехать еще-куда-нибудь... пока не знаю, куда.

Под жутким солнцем время расплавилось, растеклось и потеряло способность к движению. Выбрав самое заброшенное и вроде бы необитаемое здание, я спрятался в его тени, снял кеды, задрал ноги и решил, что посижу здесь хотя бы полчаса.

Спустя приблизительно минуту выяснилось, что здание — единственная в Термезе действующая мечеть. Изнутри вывалилась толпа прихожан. Встав полукругом вокруг меня, они громко и по-русски начали обсуждать исторический парадокс: раньше в их городе неверных просто резали, а теперь... вот ведь странность!.. белым бороду разрешают носить, а им, правоверным, не разрешают... почему так?

Я встал, обулся, забрал рюкзак и ушел. Мусульмане молча смотрели на мою спину.

Наступление прохлады я встретил во вполне приличного вида кафе. Там был сонный вентилятор под потолком, на стенах висели

календари с тетками в лифчиках, а официантки носили пиво на подносах. Иногда, правда, по инерции пытались не нести поднос в руках, а поставить на голову.

У девушек были причудливые прически. Они им шли. Я имею в виду, что если бы девушки были лысыми, то это шло бы им меньше.

А главное, в кафе были русские. Представляясь, парни произносили не Аладдин или Али-баба, а... вообразите!.. Толик и Юра! Пожав им руки, я подумал, не зарыдать ли мне?

Парни служили в российском Министерстве по чрезвычайным ситуациям. Они возили медикаменты и теплые одеяла в Афганистан, а сами были родом с Сахалина. Я не знал, где это, но знал, что Сахалин — это почти дом.

Парни пили пиво и тоже были рады меня встретить.

— Давно ты здесь?

— Уезжал — застегивал ремень на первую дырочку. А теперь на третью.

— Путешествуешь?

— Пытаюсь убраться из этой дыры.

— В смысле?

— Заехал случайно. На поезде. А билетов, чтобы уехать, нет.

— Лети на самолете.

— Нет билетов

— Нет билетов даже на самолет?

— Нет. Вернее, есть, но только в Ташкенте. А в Ташкент я соваться не могу. Боюсь. Там милиция.

— Неужели здесь нет билетов на самолет? Не поверю. Дай им денег. За двадцать долларов эти парни отнесут тебя до Москвы на руках.

— Я тоже так думал. Хрен! Они хотят пятьсот долларов. У меня столько уже не осталось.

— Поезжай автостопом.

— Ты видел местные таможи?

К пиву парням хотелось чипсов. Однако в этих краях никто не знал, что означает слово «чипсы». Летчики ругались с официанткой:

— У вас есть чипсы?

— Нет.

— Во всем Узбекистане нет чипсов?

— Были, но кончились.

— Во всем Узбекистане кончились?

Потом официантка все-таки продала парням то, что, по ее мнению, могло прокатить за чипсы. Блюдо было похоже на кусочки черствого лаваша. На чипсы оно похоже не было.

У парней были шелушащиеся от солнца рожи и светлые рубашки летчиков русской авиации. Они еще поболтали со мной, еще раз рассказали про то, что глупые афганские производители героина шьют из одеял, которые парни им раздавали, плащи, а потом сказали, что сейчас придут.

К моему столику подошли две девочки, лет пяти. Не удивлюсь, если на самом деле им было этак девять—двенадцать. Тоненькие ручки. Чем-то зеленым покрашенные ногти. Они попросили у меня денег на хлеб. У меня действительно не было денег... вернее... в общем, я ничего им не дал.

Девочки стояли и смотрели на меня. Ножки у них были еще тоньше, чем ручки, и девочек слегка пошатывало. Одна была одета в белое пушистое платье... маленькая невеста. Раз я не дал им на еду, то девочки попросили попить минералки из моей бутылки, сморщили рожицы от газа и тихо-тихо исчезли.

Вернувшись, русские задали вопрос в лоб: я упомянул, что пятисот долларов у меня не осталось, но сколько же в этом случае у меня осталось?

— С какой целью интересуешься?

— Давай мы впишем тебя на наш самолет.

— Куда вы летите? На Сахалин? Что я буду делать на вашем Сахалине?

— Ты дурак? купишь билет и через семь часов обнимешь жену.

— На Сахалине есть билеты до Петербурга?

— Там, брат, родина. Там все есть.

— А если нет?

— Ну, сиди здесь.

Семь часов... и обнять жену... мазефака, это казалось не более реальным, чем через семь часов голой рукой потрогать марсианский грунт.

За услугу парни попросили по \$150 на каждого. У них были сосредоточенные лица серьезных бизнесменов. Мне были смешны их ужимки. Я жил в этой дыре почти неделю, я общался исключительно с узбеками, я почти что сам стал узбек... чтобы сбить цену больше чем в три раза, мне понадобилось меньше чем две минуты.

— Хорошо. Уговорил. Согласны.

— Но я заплачу только по прилете.

— Имей совесть. Мы не собираемся тебя обманывать. Заплати сейчас.

— А вы точно не собираетесь меня обманывать?

Я отдал парням зеленые купюры. Парни пересчитали их и заулыбались. Я сказал, что пусть они не забудут: они обещали, что купить билет до Петербурга с Сахалина не проблема, и если это все-таки проблема, то они, как авиаторы, должны будут меня оттуда вытащить.

Парни сказали о'кей.

6

Ночь я провел в зале ожидания. Я выкурил полторы пачки сигарет и пытался что-то читать, но слова не складывались в строчки, и я понятия не имел, о чем это.

Аэропорт города Термеза был построен от силы лет тридцать назад. Теперь он разрушался. В холле и рядом со зданием лежали груды щебня. Руководство аэропорта пыталось сделать хорошую мину и замаскировать все происходящее под ремонт. На стенах висели объявления «Просим извинить за временные неудобства».

Объявления пожелтели от времени. Неудобства здесь были вечными.

Когда начало светать, я вышел из здания аэропорта. Нищие в чалмах поднимали глаза и долго смотрели мне вслед. На велосипедах катались дети. Им было не лень восемь раз подряд проехать мимо меня и тщательно рассмотреть мое непривычно белое лицо.

За порядком в районе следили уже не алчные милиционеры, а военные с бэджами «Служба безопасности».

В восемь появился краснорожий Толик. От него отлично пахло. Наверное, успел выпить уже с утра.

— Выспался?

— А что, похоже?

— Пройдешь все контроли с общим потоком. Сперва таможеню, потом паспортный. Там билет не спрашивают, только документы.

— А если с паспортом будут проблемы?

— Прости, брат. Тут помочь тебе нечем. Ждем тебя час. Не приедешь, мы взлетаем.

Встретиться договорились внутри, возле Duty-Free, сразу за линией антитеррористического досмотра.

Таможеню я прошел быстро. Меня обыскал пограничник, обнюхали собаки, облучили аркой-металлоискателем и разрешили идти

дальше. Оставался только паспортный контроль. Я предполагал, что с ним у меня возникнут проблемы.

Узбеков, шедших передо мной, пограничник спрашивал:

— Фамилия?!

Те в ответ выдавали фразу, состоящую не меньше чем из семнадцати слогов.

— Я сказал: фамилия?! Ах, это фамилия? Ладно, проходи.

Я засунул в щель под пуленепробиваемым стеклом свой паспорт.

— Получали ли вы регистрацию в республике Узбекистан?

— Получал. Там есть отметка.

— Какого числа вы въехали в республику?

— Там написано. В прошлый вторник.

— Ваша регистрация давно истекла.

— Что же делать?

— Ничего. Разворачивайтесь.

— Куда?

— Вам придется вернуться в Ташкент и получить штамп о регистрации в центральном ОВИРе.

Через сорок минут «Антей» Министерства по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации взлетал и отправлялся домой. За полет на этом самолете я уже отдал свои деньги.

От места, где я стоял, Ташкент находился на расстоянии семисот километров песков, духоты, нищеты и блокпостов, каждый из которых стоил мне \$20.

С пограничником я разговаривал через бронированное стекло. В нем не было ни малейшей дырочки, в которую можно было бы зачихнуть взятку.

Я вздохнул.

— У меня еще остались какие-то узбекские деньги.

— И что?

— Можно, я оплачу штраф здесь, на месте? Не в Ташкенте?

— Не положено.

Пограничник был русским парнем. Первым русским парнем, которого я видел в этих чертовых песках. Он был настолько русским, что даже ресницы у парня были белыми.

До вылета оставалось тридцать семь с половиной минут.

— Послушайте. Вы же русский.

— И что?

— И я русский. Позвольте мне оплатить штраф здесь, на месте.

Парень молчал. Потом он сказал:

— Национальность здесь ни при чем.

Он щелкнул штампом «УБЫТИЕ» в моем паспорте и сказал, что я могу идти. Денег он так и не взял.

7

Над проходом, ведущим на летное поле, висел плакат «Мы обязательно увидимся с Вами снова!».

Вот уж, черта с два! Разве что вы припретесь ко мне домой. Но и в этом случае я встречу вас лишь разрывными пулями в живот.

Чуть ниже висел еще один плакат, сообщавший, что аэропорт награжден орденом имени Тамерлана. Рядом с ним начиналось огромное окно, а за окном, на взлетной полосе, стоял огромный, крашенный в серое грузовой самолет американских ВВС.

Несколько дней назад я сидел непосредственно на гробе того, чье имя носил орден и курил свои сигареты. В усыпальнице Тимуридов стояла большая прозрачная копилка для денежных пожертвований, и я (единственный живой человек во всем квартале) прикидывал, что украсть немного денег у молодца, ограбившего Вселенную, — не будет ли это справедливо, а?

Сгнивший скелет Тамерлана лежит в мавзолее Гур-Эмир. Вернее, не весь скелет, а то, что осталось от него после эксгумации, проведенной русскими археологами в 1941 году.

Гробы других эмиров сделаны из белого мрамора, но Тамерланов гроб — из черного камня. На высоком шесте над гробом привешена грива его любимого коня. За последние полтысячи лет грива немного ссохлась и посерела.

Тамерлан так и не дошел до Москвы. Зато дивизии русского самодержца Александра Второго дошли до Тамерлановой столицы Самарканда.

Сгнивший скелет самодержца лежит в Петропавловской крепости. Вернее, не весь скелет, а то, что осталось от него после взрыва народовольческой бомбы на набережной Екатерининского канала.

Места, где были убиты другие самодержцы, ничем особенно не выделяются, а на месте, где разорвало Александра Второго, сегодня стоит похожий на мечеть православный Спас-на-Крови. Вокруг бродят японские туристы.

То, что присоединил к России Александр, сумели удержать те, кто расстрелял Александрова внука. Всадники комдива Фрунзе

вырезали самаркандских басмачей, вывесили на бухарских минаретах красные флаги и подумывали, не сходить ли им походом на британскую Индию?

Сгнивший скелет комдива лежит у Кремлевской стены, которую собирался штурмом взять самаркандский эмир. Вернее, не весь скелет, а то, что осталось от него после того, как сам комдив был зарезан сталинскими хирургами.

Так все и происходит. Все жили вовсе не долго и не очень счастливо, а потом умерли.

Где лежат скелеты тех, кого вели в бой эмиры, самодержцы и наркомы, сказать трудно. Надгробий не сохранилось. Где будет лежать мой личный скелет — об этом я пока не думал... а где будет лежать ваш?.. сыщется ли и для него свободное место?.. скелеты усеяли землю, чуть копни — тут же заденешь чей-нибудь череп... в самом причудливом месте — самый причудливый череп.

Черепы выпускников Оксфорда лежат в индийских джунглях... черепа воронежских крестьян — в предгорьях Тянь-Шаня... черепа солдат микадо — на пляжах Полинезии... те самые черепа, которые с таким трудом разверзали ложесна матерей... внутри которых рождались миры... теперь это просто черепа... словно кто-то удачно шелкнул кием, и бильярдные шары раскатились по свету... спроси их: ребята, что ж вас сюда занесло?.. промолчат, не дадут ответа.

Империи рушатся, как зубы в хорошей драке. В тех краях, откуда я столь позорно бежал, их успело возникнуть и развалиться не меньше дюжины.

Падение последней я видел своими глазами. Теми самыми глазами, которые закрыл в момент, когда транспортный борт российского МЧС оторвался от битком набитой черепами земли Средней Азии.

Западный Берлин

1990 год

1

Свой первый в жизни загранпаспорт я потерял. Страна не обиделась на меня за это и выдала новый.

Если бы я не потерял его, то смог бы показать вам фотографию себя, девятнадцатилетнего, в модной рубашке, а также отметку

убытия: аэропорт Шёнефельд, Германская Демократическая Республика, 4 октября 1990 года.

В этот день две Германии сплелись в эдиповом поцелуе: откормленная сосисками Западная по самые тощие ребра вонзилась в тощую Восточную, и с карты Европы исчезло два государства, а вместо них появилось одно. Для меня этот день начался с того, что я долго блевал в туалете берлинской подружки, а закончился так, что я и до сих пор не берусь об этом вспоминать.

Тысяча девятьсот девяностый год нашей эры был серым и унылым годом. Единственное развлечение: включить телевизор и посмотреть шоу репортера Невзорова, в котором он демонстрирует насквозь пробитые ломом человеческие головы и то, что в бутылке молока нашли использованный презерватив.

На автобусных остановках в том году появились люди, собиравшие окурки. Вы выходите подождать транспорт, закуриваете, видите, что из-за поворота появился ваш автобус и выкидываете едва прикуренную сигарету... а эти типы бросаются вам под ноги и подбирают ее.

Сигареты в 1990-м продавались по карточкам. Точно так же, как сахар, водка и много чего еще. Меня это не касалось. Я курил Marlboro в красной упаковке, носил кроссовки New Balance и отлично себя чувствовал.

Я был фарцовщиком: парнем, меняющим сувениры иностранным туристам на возможность не отоваривать талоны в советских магазинах.

В том году огромное количество советских парней занималось тем же, чем я. Милиция по-прежнему боролась с фарцовщиками... кого-то даже сажали в тюрьму... но остановить процесс было невозможно.

Одним из немногих товаров, еще имевшимся в советских магазинах, были зеленые водоросли, расфасованные в маленькие металлические баночки. На боку таких баночек была нарисована рыба. Ну, то есть, вы понимаете, да? Баночки были точно такие же, как баночки с черной икрой, но стоили меньше трех центов, а читать кириллические буквы иностранцы все равно не умели.

Знавал я умельцев, торговавших водорослями почти в промышленных масштабах. Раз в неделю «Жигули» с целым багажником баночек приезжала в Петропавловскую крепость. Гуляющие по крепости иностранцы теряли голову: black caviar! по \$3 за банку! демпинг, мазефака!

Багажник разлетался меньше чем за полчаса. От пятисот до полутора тысяч долларов чистой прибыли. Фантастические деньги в умирающей от голода стране. Единственная проблема: никто не знал, зачем они нужны, эти иностранные деньги.

Быть арестованным с долларами в кармане... в ту пору это было все равно что быть арестованным с мужиком в постели... и то и другое значило надолго сесть в тюрьму. Поэтому до открытия первого гей-клуба в Петербурге оставалось еще четыре года, а брать доллары от иностранцев мне было немного страшно.

3

Компаньоном в моем личном бизнесе был молодой человек, полуармянского, полуеврейского происхождения, который к тому же еще и родился не в Ленинграде, а в Лондоне, в семье, если не ошибаюсь, советского торгпреда.

Компаньон говорил, что по иностранным законам все, кто родился в Соединенном Королевстве, независимо от национальности, имеют право на британское гражданство. И что, может быть, он со временем уедет жить в Лондон. Я советовал ему эмигрировать в Ереван.

Мы долго присматривались друг к другу. Сошлись на почве музыки. Я рассказал ему про группу The Cure, а он дал мне послушать альбом Стинга Nothing Like The Sun. Про тот альбом и про Стинга вообще парень знал много подробностей... например, из-за чего именно от певца ушла жена и сколько времени после этого тот пил... слушая его, я видел, что парень понимает бизнес правильно... также, как я. То есть, что деньги нужны, чтобы купить все кассеты на свете и влезть в такие же джинсы, как у любимого исполнителя... а больше они ни зачем не нужны.

По-английски дольщик разговаривал лучше, чем по-русски. Это и было нашим главным оружием.

Традиционные фарцовщики бросались к группе и так испуганных иностранных туристов с перекошенными харями и шипели: «Ченч ё мани, мистер! Ченч, блядь, ё мани, осел нерусский! Ай вонт бай ё джекет, мистер! Дам гуд прайс!»

Представьте, насколько выгоднее смотрелись мы, красавцы, когда дольщик как бы невзначай на образцовом английском заговаривал, скажем, о погоде, и как вам наш город?.. кстати, вы в курсе, что в доме, мимо которого мы идем, был убит Григорий Распутин... да!

да!., а за углом — Иван Грозный!.. сегодня мне как раз некуда спешить, хотите, покажу?

Чтобы не подпадать под действие статьи УК о незаконных валютных операциях, мы практиковали натуральный обмен. Выменивали джинсы и тишотки на красные флаги, футболки с Gorby, лакированные шкатулки, оренбургские пуховые платки и лицензионные советские пластинки Пола Макартни.

Советское военное обмундирование было тогда в моде. Каждый американец, посетивший агонизирующую Империю зла, мечтал привезти домой армейский китель или хотя бы ушанку с кокардой.

В Военторге на Невском обмундирование продавали только по предъявлению офицерских документов. Поэтому за военную мы выдавали в основном униформу учащихся ПТУ или железнодорожников.

Технология проста: берете любую куртку, более или менее напоминающую военную, крепите на нее погоны с буквами СА (Советская Армия), на рукава шьете шевроны (чем больше и аляповатее, тем лучше), а на место медалей прищипливаете несколько значков с Лениным. Стоил такой китель-мутант ровно два «Левайса» или одни кроссовки Reebok. Торг не уместен.

Всего через год эта мода среди американцев прошла. Но к тому моменту мой шкаф был забит джинсами и модной обувью на годы вперед. Правда, выходить во всем этом на улицу можно было не всегда, а только изредка.

Модно одеваться в тогдашнем СССР было опасно. Одного моего знакомого убили, всего лишь чтобы отнять финский свитер.

Будущий убийца напился с двумя проститутками в кафе «Север». Выйдя из кафе, он сел в такси и повез проститутку в мотель «Ольгино». Из окна машины одна девица пальцем показала на свитер и сказала: «Отличная вещь!»

Убийца велел водителю остановиться, затащил моего знакомого в такси, увез с собой в «Ольгино», а потом сказал проституткам, чтобы они ждали, отвел парня в лес и убил. Свитер он подарил дамам. Те долго спорили, кому достанется модная обновка.

Туристы предпочитали самые красивые места моего города, и я тоже предпочитал именно такие места. На пару с компаньоном я

ходил в Эрмитаж, прогуливался по набережным и ездил в Павловский парк.

Мы не стремились к моментальному обогащению. Мы были терпеливы. Иногда неделями просто гуляли по городу, высматривали клиентов, пили жидкий кофе в Петропавловской крепости и ели сосиски в тесте в садике у Адмиралтейства.

В то утро мы шли по центральной аллее Летнего сада. Новорожденные листья, как улитки, высовывали рожицы навстречу солнцу, а солнце играло с ними, как играют с улитками скучающие на дачах мальчишки.

Дойдя до того места в парке, где косматый Крон зубами впивается в пузо собственного ребенка, мы сели на скамейку. По другую сторону от мраморного живодера сидела одетая во все черное девушка.

Дольщик толкал меня в бок и шептал, что девица — иностранка... уан хандрид процентов... спроси у нее чего-нибудь.

— Точно не иностранка.

— Я тебе говорю — иностранка... давай!

— В лучшем случае — Прибалтика.

— Какая в жопу Прибалтика?! У нее ногти в черный цвет покрашены! Я тебе говорю...

— А если все-таки Прибалтика?

Потом я что-то у девушки спросил. Она посмотрела на меня, и мне показалось, что у нее лицо ангела. Дольщик был прав, девушка была не из Прибалтики. Девушка была немка, настоящая немка из Западного Берлина.

— Да? Из Западного? А когда вы приехали?

— Я приехала вчера вечером.

— Надолго?

— Я буду учить здесь русский язык.

— Да? Русский язык? Здорово!

Девушка угостила нас сигаретами, а мы развлекли ее рассказом про то, что на соседней аллее ровно двести пятьдесят лет назад в страшных мучениях умерла императрица, нимфоманка и землячка нашей новой знакомой, Анна Иоанновна.

Потом девушка сказала, что ее зовут Детка, а нас?

— Как? Детка?

— Да. Это мое имя.

— Странное имя. Оно русское?

— Не знаю. Может быть. Это что-то значит по-русски?

Мы выкурили еще по сигарете... девушка была симпатичная и сказала, что будет в Петербурге месяц... с одной стороны, это плохо (вдуть барышне матрешку не светило)... а с другой... она спросила, не могли бы мы куда-нибудь сходить?.. попить алкоголя, потанцевать?.. и я даже продиктовал ей свой номер телефона... а потом мы все вместе поднялись со скамейки, и я громко захохотал.

В немецкой Детке было два метра четырнадцать сантиметров роста. А во мне — один метр семьдесят шесть сантиметров. Вы бы тоже захохотали на моем месте.

В течение следующей недели она два раза звонила. Появляться на публике с такой дылдой мне было неловко. Детка снимала квартиру в новостройках. Как-то я даже заехал к ней в гости и выпил вина. Но сорок сантиметров разницы роста разделяли нас надежнее, чем Берлинская стена разделяла ее родной город.

Еще через неделю я забыл о ее существовании.

5

Большую часть того, что удалось выменять у иностранных туристов, я оставлял себе. А кое-что продавал.

Один раз мы поменяли двум противным прыщавым англичанкам кроличью ушанку и шелковый красный флаг с бахромой и надписью «Дружина 298-й школы» на поношенные кроссовки и несколько аудиокассет Talking Heads.

Операция оказалась выгодной. Флаг был куплен за три рубля у пионеров, которые выкрали знамя из собственной школы. Ушанку дольщик сорвал с головы пассажира метро, успев взмахнуть рукой за секунду до того, как дверь в вагон захлопнулась и поезд укатил в туннель. Между тем одна только кассета с модной музыкой стоила в те годы не меньше 25 рублей.

«Говорящих голов» забрал себе приятель. Мне при разделе достались кроссовки. Они были хорошие... почти новые... но — 38-го размера. Я договорился продать кроссовки знакомому. Встреча с ним была назначена в полуподвальном кафе на улице Жуковского.

Я пришел, отдал пакет с кроссовками контрагенту, тот заглянул внутрь, не доставая кроссовки из пакета, посмотрел на подошву и состояние шнурков и протянул мне восемьдесят рублей.

На этом коммерческая часть была окончена, и мы купили пива. Я заплатил за свое, а знакомый за свое. Парень рассказывал, что

поругался с девушкой. Возможно, с той самой, для которой купил у меня кроссовки. Потом мы купили еще по пиву... а за коньяк платил уже я...

Прямо над нашими головами висел телемонитор, на экране которого нон-стопом транслировались видеоклипы. Звук был еле слышен, а знакомый чем дальше, тем громче орал про свое разбитое сердце.

Потом на экране появилась группа Black... а может быть, это не группа, а фамилия исполнителя... выступающего соло... без ансамбля... исполнитель исполнял песню It's A Wonderful Life... тем летом эта песня слышалась из каждого открытого окна.

Знакомый, обливая рубашку, допил коньяк.

— «Вандефул лайф» — это песня, под которую я познакомился со своей девушкой.

— Иди ты!

— Это отличная песня. Я сейчас заплачу.

— Если ты заплачешь, то и из моих глаз потекут слезы, поэтому не надо, друг, давай лучше я куплю еще коньяка, а то, смотрю, твой кончился, а мой нет, потому что я люблю не коньяк, а пиво, но раз ты любишь эту гадость, то давай, друг... сколько купить?

Грустно вздохнув, знакомый поднялся со стула, встал на стул ногами, потом влез на покрытый скатертью стол и начал вертеть на мониторе ручку громкости.

В дверях кафе появился охранник. В руке он держал кирку, выкрашенную в цвета пожарного стенда.

— Алё! Я не понял!

Приятель нагнул, взял со стола бутылку из-под коньяка и запустил охраннику в голову. Охранник увернулся и побежал к нам. Приятель еще раз нагнул, взял стул и лихо разбил окно.

Кафе было полуподвальным. Снаружи окно находилось на уровне тротуара, а изнутри располагалось высоко. Прямо со стола знакомый прыгнул в окно и оказался на улице.

То, что я попытался последовать за ним, было страшной ошибкой. Сидел бы тихо, сказал бы, что знать его не знаю, может, все бы и обошлось. Но я попытался нырнуть следом, разумеется, зацепился за осколки стекла, поскользнулся, грохнулся на пол, почувствовал, как пальцы охранника сжимаются у меня на затылке и дальше мало чего помню...

Проснулся я в постели долговязой немецкой Детки. Разорванная в клочья, залитая кровью рубашка лежала на полу. Один глаз не

открывался вовсе, а второй — почти не открывался. Под волосами на голове нащупывалась громадная рваная рана.

Кровь, натекаящая из раны на джинсы, засохла, и теперь брюки не стибались в коленках, зато их можно было поставить на пол, и они не падали.

Детка... голая... огромная... сидела рядом, песня English Man In New-York. Я проснулся и услышал, как всхлипывает саксофон и Стинг говорит, что не пьет кофе... он, дорогуша, пьет исключительно чай.

Детка просунула руку под одеяло и коснулась моего тела. Там, где она касалась, у меня ничего не болело.

— Я буду называть его шнюзеньке.

— Что это значит?

— The Gord. Шнурок.

— Шню... шню...

— Шню-зень-ке. Шнурок.

— Неужели настолько тоненький?

— Настолько длинный... Первый раз такое вижу... Помню, у одного парня, которому я...

Деткиной хозяйки не было дома. Одеваться мы не стали. Голые, на кухне мы, как советовал Стинг, выпили чаю, вернулись в комнату, она еще раз сделала со мной секс, еще раз рассказала про то, что у немецких парней все устроено немного иначе, а потом выдала брюки, чтобы я мог доехать до дома, и выгнала вон.

Деткины глаза... я не отражался в них... ей вообще не было дела ни до меня, ни до моей разбитой головы... все утро она смеялась и говорила про секс с другими... не со мной...

Рана у меня на голове затянулась всего через несколько дней. Рана внутри головы не могла затянуться гораздо дольше.

6

Западные женщины не были для меня экзотикой. Иногда коммерческие отношения с туристками становились... как сказать?... не только коммерческими. Горбачев пробовал наладить отношения с Рейганом — странно ли, что подданные двух империй тоже искали пути к сближению?

Самая первая американка, проснувшаяся у меня на плече, служила во флоте США. Их корабль пришвартовался у Университет-

ской набережной моего города. Зрелище было невиданное. Потарашиться на него приходили толпы горожан.

Из подробностей ночи с офицером штатовского флота вспоминается лишь то, что перед решающим моментом девушка вдруг вскочила с постели, постелила поверх простыни тряпочку, а когда все кончилось, вскочила еще раз и рванула в ванную: тряпочку следовало постирать.

Но с Деткой дело было совсем не в том, что она — немка. Моя мама говорила потом, что слышала, как во сне я каждую ночь кричал английские слова и всхлипывал. Днем, наяву, я занимался приблизительно тем же.

Как-то она сказала, что хочет со мной серьезно поговорить. Она сказала, что не понимает наших отношений, попросила меня не давить на нее... в ее глазах стоял страх... раньше она не знала, что просто секс бывает ТАКИМ... она видела, что я хочу не спать с ней, а ножом распилить ее на куски.

Сочетание крошечного имени и нереального роста создавало впечатление, будто я сплю с двумя разными девушками. Одна умещалась в ладонях и двух слогах «Дет-Ка»... со второй я как-то шел мимо уличного кафе, в котором обедали рабочие в рыжих строительных касках. Заметив нас, мужчины громко загоготали и стали показывать в нашу сторону грязными пальцами.

Подрасться в 1990 году в одиночку сразу с несколькими здоровенными и пьяными мужиками — это был отличный способ покончить с собой... то, что творилось со мной в тот месяц, было густо замешано на желании умереть... что угодно, лишь бы ЭТО кончилось... поэтому с первого рабочего каску я сбил ногой... а дальше мужики разбежались как перепуганные дети.

Один раз я спросил у Детки, сколько парней у нее было до меня? Она ответила, что больше восьмидесяти. Я сел на поребрик и заплакал.

Я не давал Детке ходить на ее занятия по русскому языку. Я сказал, что если увижу ее с кем-нибудь из согруппников-парней, то выбью ей передние зубы. Уже к одиннадцати утра я напивался так, что не мог встать со стула и именно в этот момент вставал, чтобы поехать к ней... а по дороге высчитывал, сколько часов осталось до момента, когда она уедет домой... и сколько минут... шутя перемножал в уме восьмизначные цифры.

Не выдержав, за две недели до того, как уехать, она сходила в немецкое Генконсульство на Фурштатской и выписала мне приглашение. Даже заплатила за него сколько-то дойчмарок.

— На. Это подарок. Тебе. Можешь больше не параноить. Оформ ми документы и приезжай ко мне.

Я посмотрел на бумагу. Под множеством длинных немецких слов, начинавшихся с большой буквы, стояла печать зеленого цвета.

Я спросил, сколько времени может занять оформление документов? Она пожала плечами. Все зависит от советских законов. Может быть, месяц... или два месяца...

Я смотрел, как, ударившись о ее красивое лицо, на асфальт падают клочки бумаги, и лишь потом понял, что обрывки — это порванное моими руками приглашение. Что возможность уехать из СССР и быть с ней я только что своими руками разорвал, кинул ей в лицо... сам все уничтожил.

Передо мной стояла высоченная нерусская девица, но видел я не ее... месяц (два месяца) она будет не со мной... с немцами, которые без словаря понимают слово шнюзеньке... я видел тысячи постелей, разбросанных по пяти федеральным землям Германии... миллионы мужчин, способных с зажмуренными глазами найти в гавкающем немецком языке целую кучу ласковых слов... и я не мог этого вынести.

Она села на корточки, подобрала клочки бумаги, назвала меня идиотом, уехала в свои новостройки, и два дня мы не виделись. Два дня: ровно шестнадцать тысяч глотков алкоголя.

Потом я ей позвонил. Трубку взяла хозяйка. Она сказала, что Детка не хочет со мной разговаривать. Я пообещал сжечь ее ебаную квартиру, и через секунду Детка сказала «Але».

Мы договорились встретиться возле ее дома. Там на пустыре шла стройка. Взяв за руку, я молча увел девушку за забор, разорвал на ней рубашку... модную... рубашка стоила не меньше ста пятидесяти рублей... не меньше месячной зарплаты отечественного служащего... и над стройкой плыли неприличные ласковые слова... возможно, те же, какими Брюнгильда плакала над гробом своего Зигфрида... у девушки были громадные ноги... белые и бесконечные... она никогда не жила в коммуналке... и в пятиэтажках с картонными стенами тоже не жила... она кричала и рычала очень громко... во весь голос... она ничего не стеснялась... а потом она пыталась прикрыть грудь обрывками модной рубашки, и я вставал на цыпочки, тянулся, но все равно не мог достать ее губ.

— Ты идиот.

— Я знаю.

— Зачем ты порвал приглашение?

— «Детка» по-русски это как «Baby».

- Ты говорил мне это миллион раз. Сто миллионов раз. Ты русский идиот. Вы все здесь такие?
 - Не вздумай проверять. Если я узнаю... что ты...
 - Прекрати... Ты можешь на меня не давить?
 - Могу. Вернее, не могу.
 - На. Это тебе. Но это последний раз.
 - Что это?
 - Приглашение. Я выписала дубликат.
 - Надо же. Я думал ты на меня злишься.
 - Я не злюсь на тебя. Я терпеть тебя не могу. Я понятия не имею, зачем я связалась с таким идиотом, как ты.
 - Что тебе сказали в консульстве?
 - В консульстве?
 - Ну, когда ты выписывала дубликат, что сказали?
 - Сказали, что я совершаю ошибку. Советовали не приглашать к нам в страну таких типов, как ты.
 - И они все равно выписали?
 - Все равно выписали...
- Через несколько дней она уехала в Германию. А я остался.

7

В те годы получить иностранную визу советскому человеку было не сложно. Сложно было получить от собственных, советских бюрократов такую штуку, как ВЫЕЗДНАЯ виза.

Я сдал документы в ОВИР. Я был спокоен: в военную тайну никто меня не посвящал, и вообще, Родине я был ни к чему. Меня должны были выпустить из страны.

Вечерами я звонил Детке в Берлин. Денег заплатить за международные переговоры не было, но счета должны были прийти не скоро, поэтому я все равно звонил... кроме того, я каждый вечер писал ей письма... а днем просто лежал и слушал Стинга.

Утром — отмечаться в очереди у Генконсульства ФРГ, днем — сорок шесть раз подряд прослушать «Англичанина в Нью-Йорке», вечером — позвонить ей, убедиться, что мое место в ее постели все еще не занято.

Так прошел месяц. Я не пил алкоголь, не гулял с компаньоном по Эрмитажу, не обращал внимания на девушек. Зато выучил наизусть все тексты Стинга.

Только один раз за все это время приятели зазвали меня в гости к девушкам. Я смог просидеть там меньше получаса. Потом, не прощаясь, ушел. Даже если бы я пробыл там до утра, то не нашел бы ничего лучше того, что уже и так было моим.

Не возьмусь говорить за других, но мне никто и никогда не объяснял все эти штуки... насчет верности и все такое... что девушкам нужно быть верным... ничто в моем личном жизненном опыте не подтверждало, будто действительно нужно... прежде мне и в голову не пришло бы уйти от девушек... зачем?.. но я, разумеется, ушел... мне пришлось высчитывать эти формулы самостоятельно... формулы были старыми, но я-то их не знал, понимаете?.. только лбом врезавшись в то, во что я врезался, когда Детка смеясь рассказывала мне про чужие члены у нее во рту... я понемногу... очень понемногу начинал узнавать, что по ту сторону известных мне отношений есть что-то еще.

Спустя четыре с половиной недели после того, как я подал документы в ОВИР, отечественные службы разрешили мне покинуть пределы Советского Союза. Немецкие службы, не разобравшись, тоже поставили мне в паспорт все необходимые печати.

Спустя еще сутки я сказал «аэрофлотовской» кассирше, что хочу купить билет на ближайший рейс до Берлина.

Ближайший взлетал через четыре часа и приземлялся через шесть. Внутри него, приземлявшегося, сидел я.

8

Билеты на рейс Ленинград—Берлин стоили ровно 124 рубля 60 копеек. Чтобы купить их, я продал некоторые особенно модные предметы гардероба.

Чтобы купить Детке подарок, продал некоторые оставшиеся... уже не такие модные, как предыдущие.

Ну, и то, что больше месяца я отказывался заниматься коммерцией...

Когда я проскочил незаметный паспортно-таможенный контроль и убедился, что да... все верно... я в Берлине... то из наличных денег у меня имелась только ирландская монетка-сувенир в пять пенни.

Других денег не было. Даже советских рублей.

На мне были надеты старые черные джинсы, лакированные ботинки-«инспектор» с узором из дырочек на носке, растянутая кофта с капюшоном и белый плащ. Продать все эти чудеса в Ленинграде не удалось. Иначе посреди аэропорта Шенефельд я стоял бы в трусах и босиком.

Перед вылетом я не успел позвонить Детке. Как добираться из аэропорта до ее дома, я не знал. Знал только адрес.

У девицы в Information был визгливый гестаповский голос. Одетая девица была в отутюженную синюю пилотку, отутюженный китель с платочком в нагрудном кармане и отутюженную юбку.

— Расскажите, пожалуйста, как проехать до улицы Хохенцолерн-Дамм?

— Вам нужно пройти до станции У-Бан, купить билет до...

— Что такое У-Бан?

— Надземное метро.

— Надземное? Сколько стоит билет на ваше надземное метро?

— Я не знаю.

— Понимаете, у меня нет денег.

— Нет денег?

— Да. Совсем нет денег.

— И что?

— Вы не посоветуете мне какой-нибудь другой способ... чтобы не нужно было покупать билет, а?

— Таких способов не существует.

— Понимаете...

— Что вы от меня хотите?

— Я хочу...

— Вы приехали в другую страну не имея денег?

— Да.

— И вы не говорите по-немецки?

— Не говорю. Совсем.

— Зачем вы сюда приехали?

— Понимаете, мне очень нужно на этот... Хохен... Помогите мне.

— Мне нечем вам помочь.

— Как лично вы добираетесь до работы? Тоже на У-Бане?

— Вы что, угрожаете мне?

— Я хочу узнать, нет ли другого способа добраться до города?

Посоветуйте мне что-нибудь.

— Советую: пройдите вон к тому окошку и улетайте домой.

Было очень рано. Может быть, полседьмого утра. Местность вокруг аэропорта ничем не напоминала то, что показывали в иностранных кино. Широченное поле желтой осенней травы. Кучи земли.

Я дошел до стоянки автомобилей. Несколько немецких теток в дурацких юбках запикивали сумки в багажник. Я улыбнулся теткам и спросил, не говорят ли они по-английски? Тетки не говорили, но махнули рукой, чтобы я садился в машину, они подвезут.

Город, по которому мы ехали, выглядел, как бесконечное Купчино. Тетки на пальцах объясняли, что нужно подождать, это еще Восточный Берлин, западные чудеса начнутся позже.

В одном месте за окном мелькнули колючая проволока и тюремного вида вышки.

— Это Стена? The Wall, да?

— Я! Я! Зе Уол!

В Западном Берлине тетки высадили меня из машины. Дальше я ехал на метро. Оно было грязное, серое, словно железная дорога в пригороде. Кроме того, в метро можно было курить.

Станции были натканы по городу, как автобусные остановки. На той, что называлась «Хохенцолерн-Дамм» я вылез. Несколько раз я спрашивал дорогу у прохожих. То, что я спрашивал по-английски, никого не поражало. Мне просто махали рукой: туда!

С двухметровой Деткой я столкнулся в дверях. Она выходила из парадной и собиралась идти на службу.

— Привет, фроляйн...

— О! Надо же!

Я стоял и молчал. Она тоже молчала. Я потянулся, поцеловал ее... за месяц губы забыли, как это делается. Я почувствовал запах ее духов. Они были дорогие, но мне казалось, что от Детки пахнет солеными огурцами.

Этот запах — главное, что я запомнил из той поездки. Спросите меня, чем пахло объединение Германий, и я отвечу: солеными огурцами.

Кровати в Деткиной квартире не было. Спала она на матрасе, который каждое утро убирала в стенной шкаф. Мы лежали голые на светлом ковровом покрытии, курили... все еще молчали. Потом она поднялась и уперлась макушкой в потолок... неужели вот по этим громадным ногам... по этому белому животу я сходил с ума все эти недели?

— Вот тебе ключ от квартиры. У меня дела, я пошла. К моему приходу вымой посуду.

9

Никакую посуду мыть я не собирался. Я и дома-то ее никогда не мыл. Я ушел из дому сразу после Детки. Мне нужно было срочно убедиться, что жизнь удалась.

Что, попав в космос, вы сможете увидеть такого, чего прежде не видели бы на фото? Тем не менее космические туристы платят по \$22,5 миллиона за путевку, лишь бы оказаться на орбите.

В 1990-м оказаться по ту сторону железного занавеса было престижнее, чем по ту сторону земной атмосферы. Что бы ни произошло дальше, это было не важно. Я УЖЕ находился здесь... ленинградские приятели УЖЕ не поверят, что это действительно происходило со мной.

Вечером Детка пришла с работы. Ни тогда, ни потом я так и не спросил, кем она работала. Она пришла, и через мгновение спину ей уже кололо жесткое ковровое покрытие... и я задыхался от запаха ее соленых огурцов... а потом мы сели ужинать.

Основными блюдами были три, прежде никогда не слышанные мною штуки: мюсли, йогурт и фрукт киви. Ни одно из открытий мне не нравилось. Я говорил Детке, что хочу мяса, а она злилась, что я не вымыл посуду, и предлагала завтра пойти в театр. Я отказывался.

— Тебя не интересует театр?

— Вообще не интересует.

— Я уже заплатила за твои билеты.

— Ты! Жопа нерусская! Не смей попрекать меня своими ебаными деньгами!

— Где ты сегодня был? Ты мог хотя бы сказать, что уходишь.

— В моей стране не принято разговаривать о деньгах!

— Если бы ты привез с собой хоть немного денег, мы бы о них и не разговаривали. Ты приперся ко мне без копейки и целый день шлялся по магазинам.

— Где мне еще шляться? Сходить в театр?

— В театр ты уже отказался сходить. Теперь сходи в музей.

— В Берлине есть музей?

— У нас отличный музей древнеегипетского искусства.

— Какого искусства?

— Древнеегипетского.

— Ты! Жопа нерусская! В моем городе в одном зале Эрмитажа больше египетского искусства, чем во всем остальном мире!

— Поэтому в музей ты тоже не пойдешь, а станешь шляться по магазинам?

— Иди в задницу!

— Прекрати со мной так разговаривать!

— Иди в задницу!

— Ты ешь мою еду! И живешь в моем доме! Не смей так со мной разговаривать!

— Можешь сама жрать эти помои!

Начиная с этого вечера и всю следующую неделю при разговоре со мной Детка особым... очень мерзким способом поджимала губы. Она использовала свои губы только для этого... только чтобы доводить меня до истерики тем, как она их поджимает... раньше губам находилось и иное применение... но теперь эти времена прошли.

Каждое утро она говорила, чтобы к ее приходу посуда была вымыта. Каждый вечер мы громко ругались. Назло мне она бросила курить и тем оставила меня без сигарет.

К вечеру третьего дня единственной фразой, которую она произносила, обращаясь ко мне, было «Иди на хуй!». Я просил у нее сигарет... или хотя бы денег на сигареты, а она произносила эти три слова — по-русски и почти без акцента.

— Я хочу курить!

— Иди на хуй!

— Вон автомат. Напротив твоего окна.

— Иди на хуй!

— Я просто выйду из дома и куплю сигарет.

— Иди на хуй!

— Дай мне денег, пока не огребла! Шнеля-шнеля! Не зли меня!

— Попробуй. Возьми и ударь меня. Просто попробуй. Только не забудь, что мы не у тебя в стране, о'кей?

— Дай мне четыре дойч-марки, и я отстану. Просто дай мне четыре марки, жопа!

Потом она встала, подошла к столу и написала на бумажке несколько немецких слов.

— Что это значит?

— Это значит «Подайте, пожалуйста, одну сигарету, я нищий». Выйди на улицу, покажи эту бумажку прохожему и кури сколько влезет.

10

А Германия готовилась объединяться.

Город был заклеен плакатами, на которых здоровенный медведь (символ Берлина) прижимал к пивному брюху беременную медведицу. Та держала в руке надкушенный банан. Эта деталь особенно

смешила берлинеров. Западные немцы только и говорили о том, что после падения Стены с прилавков моментально исчезли бананы. При коммунистах на Востоке банан считался экзотикой.

Выходя по утрам с Деткиной Хохенцолерн-Дамм, я сворачивал к площади Ойропеа-Центр. Посреди площади там стоял полуразрушенный готический собор, у которого почему-то не хватало крыши, и четыре стеклянных небоскреба вокруг.

На площади было весело, почти всегда играли уличные музыканты, выступали клоуны, и иногда проходили митинги за (против) объединения страны. Кроме того, там было огромное количество магазинов.

Разумеется, мне хотелось чего-нибудь украсть. Но сперва я не знал как.

Еще в СССР я читал, будто все западные магазины оборудованы системами слежения за покупателями. Поэтому начал я с того, что пробы ради украл маленькую аудиокассету.

Я зашел в магазин, взял кассету с прилавка и втянул руку в рукав плаща. Мелочь, чтобы купить кассету, у меня была. Если бы на выходе что-нибудь зазвенело, я бы сказал, что иностранец, прошу прощения, не разобрался, ищу кассу.

Я вышел из магазина на улицу. Ничего не зазвенело. В погоню за мной никто не бросался. Я вернулся вместе с кассетой внутрь и проделал путь еще раз. После этого поверил: воровать в этих краях можно и нужно.

В тот же день, неподалеку от Берлинского зоопарка, я нашел громадный оптовый рынок. В залах на втором этаже, там были наставлены груды коробок с обувью, висели бесконечные ряды модных рубашек. Поляки скупали товары оптом, все бегали и суетились.

Я снял свои ботинки, надел померить роскошные остроносые сапоги и пошел искать зеркало. Пройдя пару кварталов от магазина, зеркала я так и не нашел.

Увидев сапоги, Детка изменилась в лице:

— Thief! You're fuckin' russian thief!

— А ты — дура!

— ЕСЛИ тебя арестуют, у меня будут проблемы!

— Почему это меня должны арестовать?

— О, Lord! Зачем я выписала тебе приглашение?!

— А зачем ты украла в пабе на Литейном кружку из-под пива?

— Это была всего лишь кружка! Это был сувенир! А ты воруюшь в магазинах! Если бы тебя поймали, ты бы сел в тюрьму!

— Я бы тоже сказал, что это просто сувенир.

Самый же большой fly-market находился тогда возле Бранденбургских ворот, на самой границе между двумя Берлинами. Я подумал, что туда стоит сходить: может быть, удастся украсть что-нибудь дельное.

Рынок состоял из бесконечных рядов, укомплектованных вьетнамцами и поляками. И те и другие продавали советские генеральские шинели и отбитые молотком осколки Берлинской стены. Кое-кто торговал пивом. Чем-либо дельным не торговал никто.

Среди рядов бродило много русских. Это раздражало.

Мне хотелось купить кассет с модной музыкой... кроме того, хотелось попить пива... но денег, которые мне с утра выдавала Детка, хватало только на что-нибудь одно.

То, что кассеты и пиво стоили почти одинаково, раздражало даже больше, чем толпы идиотов-соотечественников. На родине кассеты с U2 или Frankie Goes To Hollywood стоили столько же, сколько два ящика пива. Здесь — столько же, сколько маленькая банка.

Мне хотелось купить музыки... но пива хотелось все-таки больше... последние дни мне хотелось только пива и Детки... она перестала делать со мной секс, и я тут же начал нуждаться в ее бесконечных ногах... в ее тевтонских воплях... а вчера она прямо при мне выдавливала себе прыщ и сказала, что прыщи — это плохо... что, наверное, она снова начнет спать с Арнольдом, с которым спала до того, как связалась со мной, идиотом... так что купил я все-таки пива.

Именно в эту минуту поляки начали разбегаться. Я никогда не видел, чтобы люди разбегались вот так: поляки топтали друг друга, теряли ушанки и с разбега прыгали через высоченный строительный забор.

— What happens?

— Skins! Skinheads're coming!

Из-за поворота дороги выплывала толпа... увидев, насколько она огромная, я напрягся... но быстро успокоился: это были не скинхеды, это были панки. Девушки с зелеными волосами. Молодые люди, сбежавшие со съемок кино про Мэд Макса.

Панков я совсем не боялся. Здесь, в Берлине, я и сам был панк.

Толпа не просто двигалась в сторону Восточного Берлина. По дороге все орало в мегафоны, раздавали листовки, били в рожу тем, кто не там стоял, и кокетничали с дамами.

Девушка с цепочкой, висящей через всю щеку от уха до ноздри, что-то громко крикнула мне и рассмеялась, а я пожал плечами: не понимаю. Она перешла на английский, спросила, откуда я?

Детка предупредила, чтобы, гуляя по ее объединяющейся стране, я не вздумал признаваться, будто приехал из СССР: побьют. На всякий случай я заготовил легенду, будто являюсь ирландцем.

Очень удобно: с одной стороны, отпадают вопросы, почему по-английски я разговариваю с акцентом (потому что я не англичанин, а ирландец). А с другой — кто сможет меня проверить? Какой нормальный человек знает, что там в Ирландии творится, кто у них премьер-министр и как называется главная площадь Дублина?

Возможно, эти милые парни начали бы меня бить... я понятия не имел, что написано на их транспарантах... не знал, может быть, демонстрация проходила под лозунгами «Хороший русский — мертвый русский!»... я все равно сказал им, что я из СССР. Девушка задрала брови, спросила, как меня сюда занесло, и приобняла за брючный ремень.

Полисмены в шлемах со стеклянными забралами появились быстро. Они сдвинули щиты и оттерли панков в западный сектор. За спинами полисменов виднелись пожарные машины. Подъехавшие телевизионщики снимали происходящее с крыши своего автобуса.

Покричав еще немного, панки начали расходиться. Девушка с цепочкой угощала меня пивом и что-то быстро говорила. Ее английский был гораздо лучше моего. Кроме того, перед этим я сутки не ел... мюсли достали, а больше Детка мне ничего не давала... и от пива кружилась голова... а новая знакомая сказала, что мы с ней обязательно должны съездить в Кройцберг... это такой район.

К одиннадцати вечера я потерял и девушку, и представление о том, где нахожусь. В кармане плаща у меня еще с ленинградских времен валялась ирландская монетка. Желтая, здоровенная, похожая на юбилейный рубль монета с нарисованным музыкальным инструментом лирой и двумя буквами: 5P.

Это был мой амулет: то, что можно сжать в руке, когда не знаешь, какой выбор является правильным. Буквы означали «пять пенни». Однако если вы не в курсе, то «фунт стерлингов» по-английски тоже начинается с буквы «пи»: «паунд». В этом и состояла суть того фокуса, который я весь вечер демонстрировал желающим.

Я заходил в бар и говорил: «Пиво!» Бармен наливал мне пиво, объявлял цену, а я пригублял из бокала и вместо того, чтобы заплатить, рассказывал каждый раз одну и ту же историю:

— Короче, слушай меня, мужик. Я — ирландец, врубаешься?

— И?

— Я приехал из Ирландии и сейчас не могу в вашем сраном городе поменять ирландские деньги, врубаешься?

— И?

— Вот тебе монетка в пять фунтов. Это много денег. Этого хватит заплатить за четыре пива, врубаешься?

Бармены с тупыми лицами разглядывали мою монетку, а потом говорили, чтобы, допив, я забирал свои монетки и покинул их заведение.

Вряд ли они до конца понимали всю историю. Еще маловероятнее, чтобы они в нее верили. Но это было не важно. Важно то, что я сам в нее верил.

Сколько кройцбергских пивнушек я обошел в тот вечер — не помню. Я действительно практически не ел все предыдущие дни, зато пил много... один раз в баре хлопнул не пива, а double vodka... и вроде бы бил кого-то по лицу... какого-то вроде бы пожилого человека... но это — все, о подробностях меня не спрашивайте.

11

Детка говорила, что в квартиру меня принесли. Мне и до сих пор лень думать о том, кто бы это мог быть. О том, что в прихожей меня вырвало прямо на ковер, я догадывался и безо всяких ее рассказов.

Она попросила меня вернуться домой. В смысле — в СССР. Утром, пока я спал, она, дождавшись, пока откроется «аэрофлотовский» офис, сходила, поменяла мне билеты. Потом я проснулся, она отдала билеты мне, и мы сели завтракать. Я выпил кофе, ушел в уборную и там меня опять долго рвало.

Самолет улетал вечером. Разговаривать было не о чем. Ноги дрожали, а перед глазами стояли тухлые круги.

Прежде чем уйти из квартиры, я попросил у Детки денег, добраться до аэропорта Шенефельд.

— Нет. Не дам. Ты все равно пропьешь.

— Сука. Как я поеду? Я не могу идти в твой Шенефельд пешком.

— Не моя проблема.

— Ну, хотя бы мелочи.

— Нет. Ты ведь как-то добрался оттуда?

Впрочем, мелочи она мне все-таки насыпала. Не оборачиваясь, я забрал рюкзак и вышел из квартиры. День только начинался.

В берлинском метро нужно было покупать бумажный билетик, как в пригородной электричке. По вагонам, не торопясь, ходили контролеры в синей униформе. Поэтому на выданные деньги я

купил себе пива, а потом стоял у самой двери в вагон и высматривая контролеры фуражки.

Часть метро была проложена под землей. Ехать там было не веселее, чем в метрополитене моего собственного города. Однако, оказавшись в Восточной части, поезд выныривал из-под земли и взбирался на проложенный на сваях высоко над городом путь. С высоты рассматривать берлинские кварталы... и пить пиво... немецкое холодное пиво... через некоторое время жизнь вернулась ко мне, хотя и не совсем.

Снизу плыли бесконечные закопченные фабричные дворы. Все вместе напоминало обложку альбома группы U2 Achtung, baby, до выхода которого оставалось еще двадцать месяцев. Люди, которых удавалось разглядеть, были удивительно некрасивы.

В аэропорту я опять оказался таким же, как все: русским среди русских. Соотечественники были столь же некрасивы, как и немцы, но теперь они совсем меня не раздражали. Все было окончено. Пора домой.

Когда из Ленинграда я уезжал в Западный Берлин, приятели с завистью в голосе спрашивали: «Ведь, наверное, ты не вернешься, да?» Их можно понять: человека, пережившего клиническую смерть и видевшего ангелов, но все же реанимированного, даже хирурги воспринимают как неудачника.

Однако я вернулся. Оттуда, где я был, я не привез ничего... даже жестяной баночки с пивом... в те годы на моей родине напитки никогда не разливались в баночки: только в бутылки.

Посадки в самолет предстояло ожидать в тесном отстойнике. Там были рыжие пластиковые креслица и бар. На барной стойке стоял телемонитор, внутри которого (поверите?) Стинг бродил по Манхэттену и распевал песенки про то, что он не пьет кофе... он, дорогуша, пьет исключительно чай... теперь мне тоже предстояло пить только чай. Отныне и на годы вперед — душистый русский чай.

Советский строй был плох всем — кроме одного. Я жил плохо, но знал, что где-то такие, как я, живут хорошо. Жизнь в СССР была скучна, некрасива и ограничена миллионом запретов. Зато из нее можно было убежать... а куда мне бежать теперь?

— Суки! — шипел я. — Они отняли у меня зрение... теперь мне не на что оглянуться... я почти инвалид.

Прежде чем увидеть этот ублюдочный немецкий мир, я верил: все ничего! пусть я живу не очень, но есть на планете места, где живет иначе. Конечно, есть! Иногда эти места показывают в кино. Ими пахнут страницы контрабандного журнала GQ.

Во что мне оставалось верить теперь?

Я запросто мог прожить без сигарет и пива. Я мог напрячься и обойтись всего парой новых аудиокассет в год. Но жить без культа, пророком которого был двуликий Янус Сталлоне-Шварценеггер, было незачем.

Пьяный, растрепанный, с красными глазами и ободренным горлом, я сидел в баре берлинского аэропорта и бормотал:

— Суки... что же делать-то теперь, а?.. делать-то что?.. суки...

Пассажирам не было до меня никакого дела.

Южно-Сахалинск—Чита

(Время в полете: 2,5 часа)

1

Южно-Сахалинск — город из серии: «Уважаемые пассажиры, мы приземляемся, пожалуйста, пристегните ремни и переведите часы на пятнадцать лет назад».

Первое, что меня поразило в аэропорту: огромное количество белых голов. В основном, конечно, крашенных, но были и настоящие. После Узбекистана блондины казались редким природным извращением, вроде сиамских близнецов.

Разумеется, вы догадываетесь, что именно я сделал, едва сойдя с трапа самолета. Ну да, все верно: купил батарейки для плеера и поймал волну местного радио. В том месте, откуда я прилетел, батарейки не продавались, а о таком чуде, как FM-радиостанции с европейской музыкой, там не слышали даже искушенные меломаны.

После этого я купил эмчээсовцам водки и поехал в гости. На столе стояла красная рыба и красная икра, а у мужчин за столом были красные рожи. Они пили алкоголь и орали о своем:

— Винтокрылая машина — красивая машина! Я — парень преданный малой авиации! Малой, понимаешь?

Это были крепкие мужчины с громкими голосами, которые обычно бывают у глухих... с вонючими пахитосками в нагрудных карманах рубашек... с плоскими животами, жесткими рыжими усами и прижатыми к голове ушами... когда такие мужчины ходят в баню, видно, что у них коричневые шеи и коричневые кисти рук, а остальное тело — не просто белое, а почти синее... это были мужчины, спо-

способные выпить за ночь несколько литров водки, но не способные с утра об этом вспомнить... это были отличные люди.

Дом — это когда ты приезжаешь и звонишь друзьям: «Ура! Я вернулся!» Но в Петербурге мне совсем некому позвонить... с таким же успехом я могу набрать произвольно выбранный номер в этом городе.

Раз мне некому сообщить, что я вернулся, значит, можно считать, будто я совсем и не уезжал... разумно?

С утра один из эмчээсовцев на стареньком «Москвиче» отвез меня в аэропорт купить билеты, а потом все повторилось опять.

Утром третьего дня я заметил, что жена хозяина посматривает на меня косо. Когда хозяин проснулся, выпил пива и почистил зубы, я сказал, что спасибо, но я, наверное, пойду.

— У тебя самолет когда?

— В пять утра.

— Ну, и куда ты в такую рань?

— Погуляю. Полюбуюсь красотами.

— На море поедешь?

— Здесь есть море?

— Ты чего! Охотское море! Тихий океан! Горбуша на нерест идет! Такая рыбалка!

Я расспросил, как доехать от его дома до Охотского моря. Это оказалось несложно. Хозяин дома долго пожимал мне руку и даже выскочил в тапочках проводить на улицу, а там наклонился к моему уху и занял немного денег на алкоголь.

Сам город представлял из себя двенадцать улиц, зажатых между четырьмя холмами, которые здесь следовало называть сопками.

Я вышел на центральный проспект. Там стоял ларек с пивом «Балтика». Возле него стоял мужчина, а вокруг мужчины бегал ребенок лет пяти и просил, чтобы папа купил ему конфет, но папе было не до того: он пил пиво со своей старшей дочерью.

Вокзал был грязен и пуст. Чем ближе к нему, тем больше пьяных сахалинских мужчин лежало на асфальте.

Особенностью местной железной дороги было то, что рельсы были проложены не в два параллельных ряда, а только в один. Паровозик отправлялся в путь, доезжал до конечной станции и по тем же самым рельсам ехал назад.

В вагоне помимо меня ехал лишь один пассажир. Разумеется, смертельно пьяный. Он громко на два голоса разговаривал сам с собой. Других желающих пообщаться не нашлось.

Я понемногу начал вспоминать, какая она, Россия.

Смешно: когда мне было шестнадцать лет... ну, от силы, семнадцать, я составил план, программу, в соответствии с которой собирался прожить жизнь. Каждому возрасту там соответствовала определенная денежная сумма.

Дословно, разумеется, не помню, но были там пункты вроде: «к 21 году кончить вуз и купить автомобиль... к 23 жениться и переехать в четырехкомнатную квартиру».

Квартира, в которой я живу, все еще не очень большая. Автомобиля у меня нет и, наверное, никогда не будет. Зато я женился. Что было, то было. Все вообще произошло очень похоже... но все равно — совсем не так.

Впервые в жизни какие-то деньги появились у меня год назад. То есть плавного накопления до этого не то что не было, а был бред собачий, и, вообще, хорошо, что я не помер с голоду.

Все изменилось после выхода романа, подписанного моей фамилией. Очень быстро модная московская газета начала приторговывать футболками с моим изображением... в книжных магазинах появились плакаты с моим изображением... в глянцевых журналах публиковались рассказы обо мне, сопровождаемые моим изображением... даже в мюзик-шопах продавался CD, включив который, можно было послушать мой голос, а на вкладыше которого виднелось мое изображение.

Издатели выстраивались в очередь... совали купюры в замочную скважину моей запертой двери, просили взять и опять красиво помереть... по просьбе читателей...

Мне не хотелось больше умирать. Хотелось жить. Но я не знал, с чего начать.

Именно издатели подсадили меня на деньги... зависимость оказалась похлеще, чем от героина. Ты берешь в руки первую купюрку... как шприц... ты думаешь, что сильный парень, справишься... но ты проиграл уже в эту минуту.

Ты решаешь немного заработать... просто чтобы не думать о деньгах... и мир радостно дает тебе заработать, но ни о чем, кроме денег, думать ты больше не можешь.

Издательский бизнес — сволочное занятие. Когда-нибудь я расскажу вам обо всех его секретах, но не сегодня, идет?

За первые три месяца карьеры писателя я заработал не меньше \$7000. С одной стороны — скромненько. Московские редактора

зарабатывают и побольше. С другой стороны — в год должно было получиться около \$28 000. Правда, лафа кончилась гораздо быстрее чем через год.

Тем не менее я успел купить себе жалюзи на окно в кухне, умную, как говорящий попугай, стиральную машину, дорогой стульчак на унитаз, моющий пылесос Rowenta, машинку, чтобы брить голову, телевизор с самой большой диагональю, какой только бывает, коляску новорожденному сыну, компьютер и удобный стул, чтобы сидеть за компьютером, целую кучу модной одежды, индийских курительных палочек, лосьонов для бритья, мебели, ароматизированной туалетной бумаги, корма для аквариумной черепахи...

Еще я купил себе навороченный телефонный аппарат с автоответчиком. Мне нравилось с ним баловаться. Сперва я замогильным голосом записал на нем такой текст: «Если вы срочно не повесите трубку, то в ухо вам вонзится отравленная стрела. До выстрела осталось три секунды... две...»

Потом мне показалось, что это не смешно, и вместо предыдущего текста я записал такой: «Подумайте, на хрена вы звоните мне? Позвоните лучше родителям».

Трубку я не брал принципиально. Просто лежал и слушал реакцию тех, кому было не лень набрать мой номер.

Прежде ничего этого у меня не было. Не было даже дома, куда все это добро можно было бы сложить. Потом дом появился, и первое, о чем я подумал, а не сжечь ли мне его на хер, как думаете?

Жизнь напоминала дешевое порно. Тот же поток мутных физиологических жидкостей. То же полное отсутствие вяжного сюжета.

Заработать денег. Купить новые ботинки «Доктор Мартенс». Сидя перед экраном с MTV, дожидаться, пока ботинки порвутся. Заработать денег на новые. Сидя перед экраном...

Протрезветь не удавалось неделями. Ну, и, конечно, девушки...

Скоро я умру. Тоже стану мутной физиологической жидкостью. Донашивать «Доктора» и досматривать модные клипы станет кто-то еще... кто-то следующий.

3

Года четыре назад я, помню, сидел в небольшом баре. Бар располагался на центральной площади городка в Северной Франции.

Вокруг орали и махали руками похожие на носатых кавказцев смешные люди французы. Я сидел спиной к входу. Тишина повис-

да резко. Отвесив челюсти, французы круглыми глазами смотрели мне за спину.

Я оглянулся. В дверях стоял мужчина в косухе, узких рваных джинсах и остроносых сапогах.

Хищный профиль. Седые волосы до плеч. Серебряные перстни на узловатых пальцах. Образцово-показательный персонаж movie про ужасы на Среднем Западе.

Французы не сомневались, что сейчас персонаж начнет приставать к женщинам и тырить пирожные. А я вот не испугался. Я не был знаком с женщиной, но много раз видел его портреты.

Мужчина был не ангелом ада, но вестником рая. Его звали Ги Жильбер — «священник в косухе». Знаменитый на весь мир отец Ги евангелизировал парижских рокеров, портовых шлюх и наркоманов.

Священник купил себе кофе. Я извинился и попросил разрешения к нему подсесть. Мы поболтали.

Я спрашивал отца Ги, сложно ли ему работать с подобной публикой? Он отвечал, что сейчас ничего... сейчас полегче... а вот сначала... слева у него не осталось ни одного несломанного ребра... зато многие из его первых клиентов сегодня завязали с героином и проституцией... живут в нормальных семьях.

С тех пор я не встречал отца Ги ни разу. Но часто вспоминал о том, как давным-давно разговаривал с ним в маленьком баре в маленьком французском городке.

Можно ли ходить в косухе и быть хорошим человеком? Вернее, так: можно ли ходить в косухе, узких рваных джинсах и рок-н-рольных тишотках и при этом являться самым настоящим святым?

Что есть грех? Что — любовь? Как мне жить в этом странном мире? Я имею в виду: что мне делать, чтобы ПРАВИЛЬНО прожить жизнь в этом странном мире?

Я вспоминал носившего косуху священника, и мне казалось, что я знаю верный ответ.

4

Поселок, в котором я вылез из поезда, уступами спускался с сопкок. Деревьев на сопках не было, а было то, что осталось от последнего пожара: скелеты деревьев... серые сталактиты... кариесные зубы земли.

Сам поселок, как компьютерная игра, состоял из нескольких уровней. Последний располагался почти у Тихого океана, однако между ним и прибоем сумела уместиться еще безымянная речка. В самом глубоком месте — приблизительно по щиколотку. Туда и шла на нерест горбуша.

Местная рыбалка меня поразила. Рыбаки стояли вдоль берега. На них были пиратские ботфорты до самого паха.

Из воды торчали черные горбы лососей. В руках рыбаки держали спиннинги. Длинная леска заканчивалась крючком, изготовленным из трех скрученных вместе гвоздей.

Рыболовы почти без замаха выбрасывали крючок вперед, цепляли рыбин за спины, подтягивали к берегу, выдавливали икру в чумазые гнутые ведра, а пустых, как допитая бутылка, горбуш бросали под ноги. Пляж был усыпан вонючими рыбьими трупами.

Я снял кеды, закатал брюки и походил по реке. Горбуши глядели на меня желтыми глазами. В реке не хватало воды, чтобы скрыть рыб целиком.

Потом я сел на песок и выкурил сигарету. Рыбаки вытащили из воды еще полкило красной икры, но на этом утомились, подцепили свои ведра и убрели в поселок. По песку рядом со мной пробежал крошечный крабик.

За моей спиной лежал океан. Из песка торчали камешки и обсопанные волнами осколки японских пивных бутылок. Океан был тих.

Разумеется, мне хотелось все это сфотографировать. Приезжая в незнакомые края, люди давно не смотрят вокруг, кроме как в объектив.

Ерунда, что срок хранения фотоснимков составляет десять лет, а видеокассет — пятнадцать, и уже ваши дети будут не в состоянии рассмотреть ни единой картинки из семейного архива. Зато, щелкнув камерой, вы можете считать себя собственником Вселенной.

Я потихоньку пошел к станции. Поднялся по деревянной лестнице на более высокий уровень поселка, прогулялся по паре пустынных улиц. Дома, в которых жили русские, были просто домами. Те, где жили корейцы, поражали воображение. В них, например, поверх крыш были набросаны связки вонючих, как аптека, длинных зеленых водорослей.

В поселковом магазине можно было приобрести подсолнечное масло, сахарный песок, шоколадку «Сникерс» и шестнадцать сортов водки.

Рядом с железнодорожными кассами на ящиках были разложены корейские холодные закуски. Рядом сидела продавщица: заку-

танная корейская бабушка. Между тем, как выглядела она, и тем, как выглядели ее товары, было много общего.

Старушка была очень молчаливая. Я спрашивал, можно ли попробовать вот это, и она кивала головой. А вот это? — новый кивок.

Не заплатив ни копейки я довольно плотно пообедал корейской сырой рыбой, свиной кожей и капустой, замаринованной в соку местных древесных жуков... языка я не чувствовал после этого ровно двое суток.

Отойдя от старушки, я подумал, что на самом деле с тех пор, как опасность навсегда остаться в песках Центральной Азии отступила, мне постоянно хочется есть. Не есть, чтобы выжить... а так, пожевать от нефиг делать.

На железнодорожной станции несколько сахалинских мужчин играли в домино. Один сидел на неудобном белом табурете. Только присмотревшись, я сообразил, что это не табурет, а позвонок какого-то гигантского животного. Может быть, конечно, и динозавра, но скорее все-таки кита.

Один из мужчин поинтересовался, не за икрой ли я приехал?

— Нет.

— За крабами, что ли?

— Нет. Просто так. Посмотреть.

— А чего здесь смотреть? Ты сам откуда? Икры точно не нужно?

— Нет.

— Корейцы — заебали. Видел корейцев?

— Видел.

— Мало их японцы топили.

— Вы не любите корейцев?

— Ты, что ли, любишь?

— Они съели вашу собаку?

— На катере во-он там в море отойти, там под водой баржу видно. Перед тем как тут все бросить, японцы ими несколько барж нагрузили... и, это... с криками «Банзай!». Там все дно до сих пор белое.

— От чего?

— От черепов корейских.

— Все дно?

— Все дно.

Мы помолчали.

— А собаки у меня нет. Я — рыбак, понимаешь? Зачем мне собака?

Вчера в южно-сахалинском аэропорту я сказал девушке в кассе, что хочу долететь до Петербурга. Она ответила, что напрямую с Сахалина это невозможно, слишком большое расстояние, придется где-нибудь пересаживаться.

— Знаете, я в этих краях первый раз. Посоветуйте, где мне лучше пересесть?

— Лучше всего в Хабаровске. От нас берете билет до Хабаровска, а там есть рейсы и до Москвы и до Петербурга. Но это немного дорого.

— Немного?

— Я бы на вашем месте взяла билет до Читы. Самолет вылетает завтра ночью. А там из Красноярска или Новосибирска — прямо куда вам нужно.

Ни одно из перечисленных географических названий ни о чем мне не говорило. Я просто заплатил за билеты и сходил выкурить еще одну сигарету.

Зал аэропорта был пуст и пылен. Два газетных киоска, прилавков с пивом, чипсами, называемыми «Зяки-Зяки», и сахалинской рыбой в красивых банках. Жесткие ободранные кресла. Самой свежей газете, которую можно было здесь купить, уже исполнилась неделя от роду.

Рядом со мной сидела нетолстая женщина. Она вязала коричневый носок. Говорила, что это помогает убить время. Сел, начал вязать и не заметил, как время кончилось.

Женщина транзитом ехала домой аж с Камчатки. Говорила, что там до сих пор лежит снег.

— Хочешь, книжку дам?

— Зачем?

— Почитаешь. Хорошая книжка.

— Как называется?

— Не знаю. Но книжка — что надо. В голове не застревает.

— В смысле?

— Просто убить время. Очень легкая книжка.

Я отказался. Женщина не поняла почему. Она еще несколько раз пыталась со мной заговорить. Переживала, что раньше все пассажиры общались, болтали, убивали время, а теперь все молчат.

— Точно читать не будешь?

— У меня сложные отношения с временем. Когда-нибудь я вам расскажу.

— Да?

— Да. Я не хочу, чтобы мое время было убито. Пусть оно просто пройдет, понимаете?

— Как это?

— Вы ведь не убиваете вымирающих животных?

— Нет.

— Жизнь — это и есть время... определенное количество времени... кажется, что его много... а потом проснешься, и вокруг лишь трупы зарезанных часов, а никакой жизни уже не осталось.

— Куда тебе столько времени?

— Не знаю. Сколько-нибудь часов можно продать. Поменять на деньги. И вообще...

— Часто продаешь?

— Я бы продавал часто, да мало кто покупает. Так что обычно я дарю. Вернее, пытаюсь дарить.

— Знаешь что?

— Что?

— Странный ты парень, вот что.

7

В аэропорту предстояло сидеть до пяти часов утра. Сперва я пытался заснуть. Это было невозможно. Потом я начал считать, сколько времени сейчас в Петербурге. Потом я понял, что времени как раз столько, чтобы позвонить жене.

Переговорный пункт уже закрылся. Я спросил у женщины в «Информации», сколько будет стоить, если я позвоню с ее телефона в Петербург? Названная цифра меня устроила. Не устроило то, что, выдав мне телефонный аппарат, женщина по пояс высунулась из окошечка и внимательно слушала, о чем я разговаривал.

Я пытался встать к ней боком, отодвинуться как можно дальше. Но у аппарата был короткий провод.

Там, куда я звонил, стояли белые ночи. Трубку жена взяла почти сразу.

— Привет. Это я.

— ...

— Я не пропал.

— ...

— Так вышло. Пойми, просто так вышло.

— ...

— Нет... Нет... Я не оправдываюсь. Нет... Нет...

— ...

— С Сахалина. Это остров, около Японии... Я тоже не знаю, как меня сюда занесло...

— ...

— Нет, до этого я неделю был не на Сахалине. Расскажу, когда приеду... Скоро... Я приеду уже скоро...

— ...

— Мне наплевать, кто звонил... Тем более мне наплевать на голландцев.

— ...

— На тебя — нет. На тебя — не наплевать.

— ...

— Я поэтому и звоню.

— ...

— **НО ВСЕ ВЕДЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ.ТАКИ!**

— ...

— Прости. Честно — прости. Я скоро буду.

— ...

— Помнишь вечер, когда я уезжал? Тебе не хотелось готовить, на ужин у нас была всего одна куриная нога, а нас было двое, и ты сказала, что не голодна, чтобы отдать ее мне... помнишь?..

— ...

— Да ни к чему. Просто вспомнилось.

— ...

— Я тоже тебя люблю. Сильно.

Я положил трубку и заплатил за разговор. Через полтора часа женщина в синей форме проверила у пассажиров билеты, велела подождать, а потом пешком отвела в самолет.

На поле стояло всего три самолета. В крошечный Ил-18 нужно было взбираться по приставной железной лестнице. В нескольких метрах от самолета начинались заросли желтой травы.

Разбег перед взлетом был короткий и сильный, как удар в нос, вдребезги разносящий очки.

Уши закладывало, но стюардесса принесла мне минеральной воды. В проходе между креслами бегало сразу три собачки: пудель и две дворняги. Хозяева дремали в креслах.

Потом я заснул.

Чита—Иркутск (Расстояние — 800 километров)

1

Вы когда-нибудь заходили в туалет петербургского клуба «Хали-Гали»? Стена, на которой там висят писсуары, сделана прозрачной. Ровно за ней находится раздевалка стриптизерок. То есть писаете вы практически на девушек. А в динамиках вздыхает и завывает немецкое порно.

Туалет железнодорожного вокзала города Чита был похож на сортир в деревенском кинотеатре. Проржавевший сток общего на всех писсуара. Цементированные дыры в полу и по бокам — металлические упоры для ног.

Часы на здании вокзала показывали семь утра местного времени. Читинские бомжи спали, а пассажиры еще не успели подтянуться. Большинство надписей в здании вокзала и ближайших магазинах было продублировано по-китайски. В ларьках продавалась китайская лапша быстрого приготовления с портретами Кормчего Мао.

Помимо меня по зданию читинского вокзала слонялся лишь пожилой англоязычный кришнаит. Бритая голова. Сзади хвостик выющихся светлых волос. На шее — бусы. В руках — дорогая travel-сумка и ноутбук.

Из Узбекистана мне удалось вывезти приблизительно \$300. Пребывание на Сахалине обошлось еще в \$14. Плюс за \$190 были куплены билеты на самолет до Петербурга. Итого оставалось \$96.

Исходя из этой суммы, мне предстояло добраться из Читы до Новосибирска. Как выяснилось, Новосибирск отстоял от места, где я сидел, на три дня пути. Покупая билеты с пересадкой, я не думал, что здесь все настолько далеко друг от друга.

Пункты обмена валюты если и существовали некогда в Чите, то к моменту моего появления вымерли, так же как чуть раньше вымерли местные мамонты. Последние доллары мне пришлось поме-

нять у постового милиционера, охранявшего выход на перроны. Пытаясь сбить курс, он отчаянно торговался.

Потом я пил кофе в вокзальном буфете. Это был плохой кофе, зато я знал, что до места, где продают хороший, уже недалеко.

За мой столик подсел очень толстый мужчина в аккуратной стрижке. Он повертел в пальцах ключи от машины и спросил, куда мне нужно ехать.

— Никуда. Я только приехал.

Мужчина помолчал и задал тот же вопрос еще раз. Я честно объяснил ему, что устал от парней вроде него. Хочу побыть один. Не надо ко мне лезть. Тем более с утра, ладно?

— А все-таки, куда?

— Хорошо. Уломал. В Новосибирск.

— На поезде поедешь?

— Наверное.

Мужчина подробно, с перечнем промежуточных остановок, объяснил мне то, что имел в виду.

Из того города, в котором сижу я, поезда в Новосибирск ездят два раза в неделю. А из соседнего Иркутска (несколько часов на машине) — ежедневно. Сам мужчина как раз собирается перегонять в Иркутск свою машину. Ему нужен попутчик. Денег за поездку он возьмет с меня минимум. Меньше стоимости железнодорожного билета. Просто потому, что ему не хочется в одиночку ехать через Бурятию.

— А что там, в Бурятии?

— Был когда-нибудь?

— Не доводилось.

— Правильно, что не был. И не суйся туда.

— Что так?

— Нечего русским там делать. Злые они.

— Знаете, сколько злых людей я видел за последнее время?

— У нас здесь казачий город. Никто тебя не тронет.

— А там?

— Сам смотри. Можешь, конечно, сунуться к ним в одиночку. Только имей в виду: мы их здесь гоняем, а там... там — их земля. Один пропадешь.

— Такие злые? Мне казалось — спокойный буддистский народ.

— Ага. Буддистский. Рожу тебе будут бить спокойно и неторопливо.

Я подумал над тем, что сообщил симпатяга-водитель. Принимать решение с утра... хуже нет.

Я допил кофе и выкурил сигарету. Вокруг орала красноносые сопливые дети. Любящие отцы говорили первенцам: «Саня! Хули ты орешь? Поджопник захотел?» Трудно поверить, но из таких вот детей и вырастают огромные сибирские мужики.

Читинские девушки носили брючки, как у Бритни Спирс: спущенные на бедрах. Бедра красоток были уродливы. Спроси меня, и я ни за что не вспомню ни единой песни Бритни Спирс. Зато в брючках, как у нее, ходят даже на границе с Монголией.

Я не стал сопротивляться. Я уточнил, сколько именно денег водитель хочет взять с меня за проезд до Иркутска, выкурил еще одну сигарету и сказал, что согласен поехать с ним.

Через сорок минут мы выехали за деревянные окраины казачьего города Чита.

2

Водитель сказал, что я могу называть его Гена. Болтал он без остановок. Возможно, Гене казалось, что за оговоренную сумму он обязан развлечь меня светской беседой.

Мне общаться не хотелось.

Я думал о том, что современное мне общество продвинулось настолько, что каждый его член может вообще никогда в жизни не встречаться с остальными членами.

Почему нет?

Вот, например, я. Я журналист... вернее, был журналист, до того, как уехал из дома... и, скорее всего, буду, когда вернусь... на жизнь я зарабатываю оптовой продажей слов.

Из этих слов я, не выходя из дому, могу наклеить абзацев и ото-слать их редактору по электронной почте. А редактор переведет мне заработанные бабки на credit-card. По ночам, когда улицы пусты и нет прохожих, я могу ходить в 24-часовой универсам через дорогу. Чувствовать себя оторванным от жизни мне не даст телевизор.

Эрго: единственным живым человеческим лицом, которое уви-жу я в своей жизни, будет лицо продавщицы.

Впрочем, продавщица — это не совсем человек.

Вместо того чтобы заводить жену, можно заплатить \$8 проститу-ции. Ерунда, что барышня лицом похожа на лошадь и на ногах не стоит от героина. Зато, кроме \$8, она ничего от вас не попросит. Во-обще ничего! А если захочется еще и тепла, можно завести себе по-пугайчика.

Вроде бы именно этого ты и хотел. Но в ту минуту, когда ты наконец остаешься один, ты понимаешь, что не в состоянии вынести одиночества. Просто человек так устроен: ему плохо быть одному.

И через всю Азию ты возвращаешься туда, откуда недавно мечтал уехать. Совершаешь множество странных поступков — лишь бы быть с теми, кого ты меньше всего хотел бы видеть рядом с собой.

3

Облака над Бурятией были похожи на полупустую банку солевых огурцов. Они болтались ровно над головой и отбрасывали на землю столь четко очерченные тени, что под ними можно было прятаться, как под зонтиком на пляже.

За открытой форточкой моего автомобиля лежал самый слабозаселенный участок планеты. Дорога шла по холмам, заросшим редкими березками.

Староверские деревни, где, если вы попросите воды, вам, конечно, принесут попить, но потом разобьют чашку, которой вы касались... Брошенные поселки золотоискателей... Разрисованные бегущими оленями утесы.

Восемьсот лет назад здесь родился Чингиз-хан. Триста лет назад здесь жили русские драг-дилеры, гнавшие на запад экзотический допинг под названием «чай». А двадцать тысяч лет назад здесь ничего не было. И через двадцать тысяч лет — тоже ничего не будет... даже раньше.

Гена продолжал говорить:

— У меня друзья были — буряты. Не разлей вода. Со школы дружили. А как Союз развалился — началось. Как-то пьем, а они мне: «Генка, однако, уезжать тебе скоро отсюда нужно».

— Откуда «отсюда»?

— Ну, из Сибири. Из Прибайкалья.

— Уезжаешь?

— Перебьются. Ты вот знаешь, что раньше только донские и наши, забайкальские, казаки могли носить на штанах красные лампасы?

— А остальные?

— Остальные носили синие.

— Красные — это лучше, чем синие?

— Ха! Красные — это круто! К нам в Читу буряты со своими понятиями не сунутся.

— Штанов с лампасами испугаются?

— То есть вообще-то они не плохие. Если ты им понравишься, то лучше у тебя и друга-то не будет. Просто понравиться им невозможно.

Иногда снаружи мелькали священные камни местных буддистов... а может, не буддистов. Они были обнесены оградками, а к оградкам привязаны пестрые ленточки. Выглядело это так, будто в этом году камням предстояло идти в первый класс, и родители повязали им бантик.

Только один раз за окном возникло и исчезло что-то действительно древнее... азиатское... руины чего-то такого, куда стоит во-звать туристов.

Я спросил у Геннадия, храм каких именно богов мы только что проехали, а он объяснил, что это не храм, это китайцы пару лет назад начали строить здесь придорожный ресторанчик, но разорились и не достроили.

4

После обеда мы въехали в деревянный городок с пыльной центральной площадью, баром под вывеской «Шофер» и названием, не способным застрять у меня в памяти.

Геннадий посмотрел мне в лицо и сообщил, что больших городов до Иркутска больше не будет, так что отсюда необходимо взять попутчика, иначе денег, которые я ему плачу, не хватит даже на бензин.

Я сказал, что мне все равно. Мы выбрались из машины. Одновременно потянулись.

Вокруг ходили жители Азии. Это не были рахитичные вьетнамцы. Это были громадные, выше русских, широкоплечие, вспоенные кумысом мужики с крепкими и кривыми ногами. Гортанные и горбоносые кочевники.

Попутчика мы ждали долго. Гена ходил к автобусной станции, выкрикивал: «Иркутск! Едем в Иркутск!», но желающих поехать в его автомобиле не было.

Рядом с местом, где я стоял, пожилая проститутка с серьезным лицом и могучими руками, очаровывала бурята в очках:

— Мне много денег не надо. Мне только чтобы на брюки новые хватило. А то старые порвались, видишь?

— О-о!

— И уж за эти деньги ты полюби меня как следует. Как следует, понимаешь?

— О-о...

У проститутки была крашенная шерстка на черепе. День заканчивался. Оказаться в незнакомом Иркутске ночью, опять пытаться сообразить: идти в гостиницу, на которую, я и так знал, у меня нет денег, или пытаться найти в спящем городке бабушек, пускающих переночевать лысых приезжих... меня не устраивал такой вариант. Я несколько раз подходил к водителю, говорил, что пора. Потом я даже наорал на него.

— Ладно. Не кричи. Не хочешь ждать — не надо. Сколько сейчас времени?

— Понятия не имею, сколько у вас здесь времени!

— У тебя ж часы!

— На них московское время.

— Хорошо. Давай так: перекусим и, если попутчиков не будет, сразу поедем. Идет?

— Идет.

— В позную пойдешь?

— Это место, где принимают позы?

— Это место, где едят позы. Вроде пельменей. Вкусно.

У входа в позную висела музыка ветра... Такая, знаете, металлическая брякалка. На конце длинного шнура болталась металлическая жаба, которая билась о полые трубочки.

Нам принесли позы: здоровенные пельмени с рубленным мясом и травками внутри. Они были холодные. Я был голоден, но все равно не стал их есть. Еще подали соленый чай с концентрированным молоком.

За столиком рядом с нами сидели молодой бурят (якут? казах? тувинец?.. Господи, где именно я сегодня нахожусь?) и русская девушка. Оба были пьяны. Девушка орала парню в лицо какие-то непонятные посторонним упреки, а парень дремал. Потом девушка пошла в туалет и исчезла.

Все до единого посетители позной пили «Балтику-девять». Ядерное пошло со вкусом хлеба и крепостью портвейна.

По слухам, в этих краях напиток фальсифицировали, как в моем городе фальсифицируют водку. Умельцы разбавляли пивносусло техническим спиртом и клеили на коктейль этикетки, изготовленные на цветном ксероксе. Уверяли, что бизнес прибыльнее, чем мыть золото в тайге.

Любовь сибиряков к алкоголю понятна. Им предстояло прожить жизнь в месте, не приспособленном для жизни. Как именно нужно жить, сибирякам никто не объяснил... единственная внятная инструкция читалась на этикетке пива «Балтика».

В кафе вошла симпатичная бурятка. В очках, с чистыми волосами и дорогой сумочкой. Для азиатки у нее был довольно большой бюст.

Геннадий сказал, что пили у них в Сибири всегда. Чего еще делать, если не пить? А кроме алкоголя они еще иногда едят черняшку но вообще-то черняшка — это развлечение для подростков.

— Что такое черняшка?

— Короче, мак надрезаешь: появляется такая черная пердула... не знаю, как сказать... у нас ее собирают и едят. Говорят, это полезно.

— Развлечение для подростков? Гена, ты псих? Это же опий. Черная смерть.

— Да какая смерть?! Я тебе говорю: черняшка. У меня отец ее сеял и ел. Всю жизнь здоровый был, а потом умер. Ему эту хрень доктор прописывал.

Бурятка в очках купила две бутылки «Балтики», прямо у стойки выпила одну, искала глазами свободный столик, села напротив дремлющего парня, сделала большой глоток из второй, достала из сумочки книжку, открыла ее, и в этот момент из туалета вернулась подружка.

— Овца ты конченная! Ты к нему лезешь? Она к тебе лезет?

Музыка ветра продолжала печально звенеть. Не уверен, что кроме меня кто-нибудь слышал этот звук. Бурятка сказала: «Извините», встала, забрала бутылку и пересела за соседний столик.

— Ты — овца конченная!

Девушка была настолько пьяна, что, пытаясь нависнуть над собеседницей, чуть не свалилась.

— Почему ты лезешь к чужим парням, конченная овца?

— Я уже извинилась.

— Да ну? Слышь, красота! Спаси мир!

Бурятка допила второе пиво, положила книжку на стол, встала и с разворота ударила девушку кулаком в нос. Кулак у азиатской барышни был немного крупнее моего. Собеседница грохнулась на пол. Бурятка несколько раз ударила девушку каблуком в затылок.

Дремавший бойфренд тут же очнулся и, спешая столы, бросился на обидчицу. Она попыталась выбежать на улицу, но он оказался быстрее, схватил ее за вымытые дорогим шампунем волосы и начал бить лицом в стену. Бурятка орала и выворачивалась, но парень был сильнее.

Очки у девушки разбились, оправа погнулась, по скуластому лицу текла кровь. Из окошка в стене, за которым начиналась кухня, выскочили сразу несколько круглоголовых бурятов. Парня повалили на пол, обрушили ему на голову деревянную скамейку... скоро дракой были охвачены все посетители кафе.

Мой водитель Геннадий тоже порывался принять участие, но я попросил его уйти. Когда мы выходили из кафе, музыка ветра продолжала печально брякать.

4

Едва мы отъехали от городка, как машину начало сводить судорогами. Сперва погасли фары дальнего света, потом что-то лопнуло в капоте, и оттуда послышался громкий стук.

Гена выругался и заглушил мотор. Потом попробовал завести его снова, но мотор не пожелал заводиться. В наступающей темноте мы долго толкали автомобиль до станции техобслуживания. «Долго» — это значит минут сорок. Иногда мы останавливались покурить. Я чувствовал, как у меня дрожат пальцы.

Станция техобслуживания была закрыта. Свет погашен, будочка персонала заколочена, люди давно ушли.

Гена сказал, что попробует исправить поломку сам. Он долго копался в моторе. Потом плюнул, вытер руки, сказал, что скоро вернется, и пешком ушел вниз по дороге.

Я остался возле машины один. Вокруг была Бурятия.

Было слышно, как в воздухе ноют невидимые комары. Я забрался на заднее сиденье машины и уснул. Проснулся через несколько часов от того, что замерз так, что совсем не чувствовал собственного тела. Обрадовавшись беспризорности, тело тряслось и вибрировало каждым суставом.

Дрожащими руками я развязал веревочки на рюкзаке, натянул на себя все, что было внутри. Если вы думаете, что после этого мне стало теплее, то зря.

Снаружи вернувшийся Гена все еще чинил машину. Я понаблюдал за ним в зеркальце заднего вида, вылез наружу и закурил сигарету.

Над деревьями светлело. С пригорка, на который мы вчера за толкали машину, был виден изгиб дороги и чуть в стороне — начало бетонной стены.

Вещи, которые я натянул на себя, все еще пахли одеколоном. Это был запах дома... нормальной жизни... разумного устройства вселенной... того, что я навсегда потерял.

Я кивнул на стену:

— Это что?

— Дацан.

— Действующий?

— Ага. На тамошних мужичках все местные сучки поджениться мечтают.

Я выкинул сигарету и сказал Гене, что схожу посмотреть.

— Станут поить водкой, пролей немного на землю. Такая, типа, вежливость.

— Я же не пью алкоголь.

— Не вздумай там отказываться. Обидятся.

— Ты серьезно?

— И вообще: куда тебя несет? Сейчас починю, и поедем.

Я зашагал вниз по дороге. В ворота дацана я постучался с опаской. Местная форма буддизма не подразумевала обетов ненасилия. Открыв, лама запросто мог съездить мне по носу.

Дверь открыл послушник в бордовом плаще.

— Здравствуйте. У нас сломалась машина. Можно я зайду?

— Зачем?

На сером лице молодого пузатого ламы имелись такие небольшие смотровые прорезы, из-за которых удобно прицелиться и пустить отравленную стрелу. Назвать это глазами я бы не взялся.

— Во сколько у вас начинаются службы?

— У нас не ведутся службы.

— Почему?

— Только похороны и гадания.

— У нас сломалась машина. Мне действительно холодно. Напите меня чаем.

— Дальше по шоссе есть кафе. Там есть чай.

— Дальше это сколько?

— Около двадцати километров.

— Двадцати? Я же говорю: у нас сломалась машина. Как я доеду до вашего кафе?

Лама сделал шаг в сторону и разрешил мне пройти. Изнутри буддийский монастырь пах скисшим молоком.

Посреди двора стоял стенд с указанием, что желающий получить расположение богов должен обходить монастырь посолонь, слева

направо, а если обойти наоборот, то боги монгольского буддизма обидятся. Еще стояли здоровенные барабаны: одно вращение заменяет произнесение десяти тысяч мантр. Все для удобства клиента.

Дальше начиналась небольшая площадь, а за ней стоял сам дацан. Беленные мелом стены. Латунные водосточные трубы. Больше всего архитектурное решение дацана напоминало сельсовет процветающего колхоза.

Над одной из дверей было написано: «Астрология — сюда». Понятия не имею, что это значило. На самой двери кнопкой был прикреплен выцветший постер с лицом Далай-ламы XIV.

Какое-то время я стоял посреди площади один, а потом ко мне вышел старший по званию. Лицо у него было помятое. Ради меня ламу подняли с постели. Я еще раз рассказал ему всю свою историю. Мне действительно было холодно.

— Я не могу тебя пустить. Чини машину и уезжай.

— Можно я хотя бы посижу у вас в храме? Мне холодно. Я замерзаю.

Монах объяснял долго. Как я понял, помещение монастыря они сдали в аренду, под склад товаров, привозимых из Китая. Он про сит прощения, но ходить туда запрещено. Отводя меня обратно к воротам, молодой лама спросил: турист ли я? Я ответил, что нет. Просто очень замерзший парень.

— Приезжай недели через две.

— Вы дадите мне горячей пищи?

— Здесь будет проводиться праздник. Снимешь с себя порчу.

— Вы считаете, кто-то навел на меня порчу?

— У нас, кстати, обряды дешевле, чем в других дацанах.

Парень захлопнул за мной гулкие металлические ворота.

5

В Петербурге я видел женщину, которая в начале 1980-х была первой официальной супермоделью СССР. Ей предлагали карьеру в Европе, а она, бросив все, уехала в бурятскую тайгу изучать тантру. И появилась в следующий раз в цивилизованных краях только спустя полтора десятилетия.

Женщина говорила, что недавно в автобусе в Улан-Удэ услышала музыку, под которую когда-то выходила на подиум... посмотрела на себя и заплакала.

Теперь у нее имелись мозоли от топора, которым она рубила дрова, и двое русско-бурятских детей. Она рассказывала, что жизнь в Бурятии нелегка.

Зарплату бурятам выдавали редко. От силы два раза в год. Вооружившись винтовками, районное руководство забирало перечисленные деньги себе — сразу за несколько месяцев вперед.

Оставшееся, не выпуская винтовок из рук, раздавали подчиненным. Каждому доставались буквально копейки, но этого хватало, чтобы таежные жители объявляли общерайонные каникулы и окунались в многодневный запой.

Во время этих запоев, сбиваясь в большие отряды, буряты приходили к ее дому и порывались изнасиловать. Бежать в тайге некуда, и она досками заколачивала изнутри вход в свою избу, пыталась отсидеться. Иногда ей это удавалось.

Каждое утро она вставала, читала мантру, занималась хозяйством, после обеда медитировала, тряпочкой протирала стоявший в комнате алтарь... пыталась выжить. А потом убежала домой в Петербург. В самолете разглядывала в зеркало свое старое лицо.

Она говорила, что в Ленинграде, еще когда работала манекенщицей, она принимала кустарные, плохо очищенные драгс и чувствовала гармонию со всем миром... с деревьями, с небом... все было так, как ей и обещал Будда... но почувствовать гармонию с пьяными монгольскими кочевниками она была не в состоянии.

Хуже нет, когда ты начал на что-то надеяться, и надеялся до конца, а твое «что-то» оказалось недостойно надежды.

6

Последние несколько часов мы ехали вдоль Байкала. Священное море... зарождающийся океан... место жизни главных богов Сибири... воображение озеро все равно не поражало. Видывал я водоемы и поинтереснее.

По обочинам дороги на корточках сидели продавцы. Чем ближе к Иркутску — тем больше продавцов. Брусника в меде, вяленый омуль, кедровое масло, сборы таежных трав в туесках...

Один коммерсант продавал коврик с вытканым портретом папы Иоанна-Павла II. Надпись на коврике гласила, что изображенный носит титул «Папа-лама».

Продавцы выполняли очень важную функцию. Как биотуалеты или пункты скорой медицинской помощи. Ехать по трассе... быть оторванным от привычного ритма жизни... и **НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ НИЧЕГО НЕ ПОКУПАТЬ**... современный горожанин способен на такое не больше, чем героиновый джанки способен жить без своего расфасованного на граммы смысла жизни.

Геннадий объяснял мне:

— Омуля купи и холодного и горячего копчения. Горячего съешь сразу, пока не остыл, а холодного повесишь дома, чтобы жир стек и — с пивом. Только обязательно купи! Это, типа, традиция.

Иногда мы останавливались, и он тыкал пальцем в рыбы тушки. Омуль был похож на балтийскую селедку. По крайней мере, выражение лица у этой рыбы — такое же бессмысленное.

У меня денег хоть что-нибудь купить уже не оставалось. Поэтому я просто рассматривал продавцов. Думал о том, как эти бурятские парни просыпаются по утрам, жуют траву, вместо чистки зубов, и выходят делать бизнес. Раскладывают на стертой автомобильной крышке свое пиво, ягоды и копченых омулей.

Пока покупателей нет, парень машет рукой: отгоняет таежный гнус. Двадцать восемь тысяч взмахов, и становится ясно, что покупателей сегодня опять не будет. Пиво и омуль отправляются в холодильник, а продавец идет спать.

В паузах между коммерческой деятельностью, он находит себе жену, вставляет искусственные зубы, наблюдает за тем, как горит и опять вырастает на пепелище тайга... языком изнутри рта трогает свои зубные протезы.

Его жена, похожая на серое от времени сельскохозяйственное орудие, не торопясь рождает парню детей. Спят они, никогда не целуясь. Пройдет немного времени, и бутылка пива, вместе с окончательно ссохшимся омулем, переходит к детям парня, как фамильный бизнес.

Я в Петербурге... а знакомые редактора в Москве... мы живем приблизительно так же. Только нам постоянно кажется, будто в бутылке, которую мы продаем, запечатан джинн.

...

Потом выше деревьев показались крыши городских домов, а еще дальше — зеленая река Ангара.

Мы въезжали в Иркутск.

Транссибирский экспресс:

Иркутск—Новосибирск

(Время в пути: 46 часов)

1

Лето уже кончилось, а дожди еще не начались. Такое время. Как раз чтобы съездить погулять. В тот день он решил, что пусть все произойдет именно сегодня, и поехал гулять в Павловск. С девушкой, которой предстояло стать его женой.

На Витебском вокзале платформу накрывал громадный, размером с футбольное поле, железный козырек. На нем было множество заклепок. В американских киношках 1930-х годов так показывают возвращение героя с войны. Он идет по пустому перрону, навстречу бежит девушка, цоканье ее каблучков далеко разносится по вокзалу, и все плачут от умиления. В электричке напротив них сидели двое глухонемых. Разговаривать при них звуками казалось нарушением норм приличия. Стекла были грязные, поцарапанные. Глядя сквозь них на Петербург, хотелось, чтобы он поскорее кончился.

В Павловске на перроне стояли девушки. Разумеется, они были вульгарны... все — со стриженными челочками. От петербургских аналогов красоток отделяли световые века.

Это был такой тихий, неторопливый городок, что даже на автобусные остановки люди выходили, лишь чтобы поболтать о погоде. Павловские бабушки, как одна, носили перчатки и говорили не «Спасибо», а «Благодарю вас!». У местных мужчин были острые кадыки на прокуренных шеях. Мужчины не понимали, зачем из Петербурга к ним приезжают городские пижоны.

Почему поговорить нужно было именно в Павловске, он не понял. Может быть, дело в том, насколько красиво здесь осенью.

Они перешли асфальтированную дорогу, заплатили за билет и шагнули на территорию фамильного поместья курного императора Павла I Петровича.

Было пусто и грустно. Возможно, в тот день они были единственными посетителями парка. Небо было громадным. Можно, я не стану описывать дальше?

Вчера с утра он ходил в дорогой винный магазин на Петроградской стороне, смотрел, сколько может стоить шампанское. Бутылки, как новорожденные поросята, рядами лежали на полках. Они были старые и дорогие. Чтобы никто в этом не усомнился, бутылки были покрыты пылью. Возможно, их покрывали пылью в специальных мастерских.

Денег, чтобы купить вино в подобном магазине, у него не было. Пришлось сходить в «Букинист» на Литейном и продать несколько старых книг, принадлежавших когда-то его отцу.

На совершеннолетие отец подарил ему библиотеку, которую собирал всю жизнь. Теперь, когда нужны были деньги, молодой человек просто кидал в пакет несколько томов и отправлялся в «Букинист».

Книжный приемщик был жлобом. Купюры он отсчитывал так, словно делился заначкой, предназначенной для покупки необходимого ему героина. Молодой человек купил шампанское, два пластиковых стаканчика и шведскую шоколадку. Позвонил ей, предложил погулять в Павловске.

Неподалеку от входа в парк старушка продавала орехи. В мешочках их лежало больше двух дюжин видов. На одном было написано: «СОЛЕННЫЕ. Белок не кормить!»

Белки появились почти сразу. У них были серые, уже зимние хвосты. Он все равно попробовал бросить им соленых орехов. Белки осадил его презрительными взглядами.

Аллеи были видны до самого конца — на километры вперед. Ветра не чувствовалось, но листья все равно подрагивали, словно пальцы психопата. Кое-где виднелись присосавшиеся к березовым стволам... как это называется?.. наросты?.. древесные грибы?.. выглядели они как гномы, насилующие Клаудию Шиффер.

Какое-то время он молчал и хмурился. Потом забыл, что хмурится, стал улыбаться, в парке ногами зарываться в груды мертвых листьев, поднимать их с земли, бросать в девушку.

Листья были цвета только что отрезанного сыра. Редкие зеленые смотрелись на фоне желтых как болезнь. Один раз он поднял с земли совсем крошечный листок и подумал, что, наверное, это листик-детеныш.

Потом они обогнули пруд. Вышли на огражденный балкон, виисящий над текущей по парку рекой. Внизу начинался XVIII век.

Там стояла желтая, с белыми колоннами беседка... придет ли кому-нибудь в голову беседовать в подобном строении? Еще из земли торчали каменные вазы на постаментах. Семь тысяч раз подряд слева за вазами заходило солнце и начиналась ночь. Возможно, вазам было страшно одним, ночью, в пустом и холодном парке.

Было не просто тихо, а так тихо, как бывает лишь в Павловске той осенью, когда ты знаешь, что скоро окажешься женат и, кроме этого, не осталось ничего во всем мире.

Она тоже чувствовала эту тишину... и еще тихий смог над текущей внизу речкой.

Спустя секунду из-за поворота тропинки к реке вырулила толпа тинейджеров в широченных, висящих на бедрах штанах. Из их магнитофона, распугивая белок с серыми хвостами и сшибая листья с кленов, ревел голос Дейва Гэна, советовавшего Enjoy the Silence.

Девушка тоже понимала по-английски. Улыбнулись они одновременно.

Он протянул ей руку, помог спуститься по грязному склону, из которого торчали камни и сгнившие корни деревьев. На границе парка и спуска к реке, там, где начинались голые и ровные склоны холмов — слишком голые, слишком ровные, скорее всего искусственные, — они отыскивали корявое, изгибающееся во всех возможных направлениях дерево. Возможно, дуб. Одна из ветвей отходила от ствола низко, у самой земли, параллельно склону. На нее, как на скамейку, они и сели. Он достал из рюкзака шампанское. Протянул ей стаканчик. Пальцы, которыми она его держала, заканчивались красивыми, длинными ногтями.

Когда они допили шампанское, он отбросил пустую бутылку в траву. Может быть, ей тоже придется провести здесь семь тысяч закатов подряд.

Потом закапал дождь. Ни единого слова так и не было произнесено. Впрочем, оба понимали, что предложение сделано и ответ на него получен положительный.

Выбравшись из-под ветвей дуба... а может, не дуба?.. они быстро промокли. По ее скулам сбегали серые от туши капли. По тропинке, по которой они полезли вверх, сбегали коричневые от грязи ручейки.

Пока они шагали до станции, дождь еще усилился. Это был очень озябший дождь... почти снег... осени в том году почти не было, и зима началась быстро.

Брак — это такая штука... в словосочетании «семейная жизнь» главным словом является «жизнь». То есть ты один раз говоришь «Да. Согласен» и потом долгие годы просто живешь рядом с другим человеком... а он (она) живет рядом с тобой... долгие-долгие годы...

Если тебе не понравится то, как ты проводишь время, можно попытаться свалить. Я вот, например, попытался.

Я сел на поезд и оказался здесь... а жена со смешным, ползающим по купленному на мои гонорары ковровому покрытию домашним зверьком осталась дома... единственное, чего я теперь хотел, — тоже почувствовать пальцами ног это ковровое покрытие.

До этого оставалось несколько тысяч километров... и еще оставалось понять, что, как ни странно, я вовсе не всегда бываю прав... и, может быть, стоит попробовать хоть иногда просить прощения... не очень часто, но попробовать стоит.

Я проснулся на верхней полке девятого вагона. Транссибирский экспресс приближался к станции Логовушка. Название звучало одновременно ласково и настораживающе.

Полку подо мной занимал громадный молчаливый дагестанец. Просыпаясь с утра, он долго лежал, смотрел в окно, потом доставал свертки и завтракал: выпивал бутылку водки и четыре бутылки пива, а закусывал он все это копченой рыбой.

Дагестанец да я — остальные пассажиры были местными. Крепкими сибирскими мужчинами. На пальцах они носили перстни из фальшивого золота. Еще в самом последнем купе перед туалетом ехали несколько солдат в коротких кирзовых сапогах и гимнастерках без ремней.

Соседи пробовали со мной общаться. От голода и усталости я не был способен на вежливость. Когда один, с ног до головы изукрашенный синими уголовными татуировками и имевший восьмиконечные звезды на коленях, сказал, что мои татоо — гнилые, я ответил, что зато у него — очень красивые.

Сибирский мужчина посмотрел на меня так, будто я только что, стянув носок, размешал горячий чай в его стакане грязным и большим пальцем ноги.

Поезд ехал через Иркутск, Красноярск, Новосибирск... гнойные промышленные наросты с ошалевшим от безденежья населением и бандитами в спортивных костюмах, носы которых выдавали их боксерское прошлое.

Куда именно нужно переводить время, я давно забыл. Спать начинало хотеться в самые неожиданные моменты. Иногда — сразу после обеда. Иногда в семь вечера. Зато после часу ночи заснуть было практически нереально.

Я не ел второй день. Сперва было тяжело, а потом втянулся. Иногда я ходил пить воду из-под кранчика в туалете. Зато сигарет у меня было еще много.

Деньги давно кончились. Рублей осталось всего несколько, а доллар — один, годный разве что на сувенир.

Спал я не раздеваясь. Белые катышки от простыней смотрелись на моих черных джинсах так, будто я провел ночь в вытрезвителе... а ведь ни разу в жизни я не проводил ночь в вытрезвителе.

На станциях бабушки продавали не семечки, а кедровые орешки. Кроме как на станциях я совсем не видел за окном людей. Покосившиеся дома, распаханые квадратики земли, столбы электропередач, брошенные исполинские бетонные коробки, сгнившие железные механизмы... а между ними — огромные необитаемые пространства.

То есть следы есть... когда-то человек здесь водился... только ушел при нашем приближении, а может быть, спрятался... не любит дневного света. Она такая, моя большая, занявшая две трети Евразии, страна. Много-много места... и совсем немного запуганных, много пьющих людей.

Тайга снаружи горела. Копоть проникала в мельчайшие оконные щели, пачкала белье и оседала на волосах. Может быть, поэтому машинисты спешили проскочить таежные перегоны. Состав летел с трудно представимой скоростью.

Впрочем, иногда тормозить все-таки приходилось. Там, где рельсы шли по узким, нависающим над обрывом участкам, мы останавливались и дальше ползли со скоростью выпившего пешехода.

Внутриэкспрессное радио транслировало характерные мотивчики про козырную юность и плачущую на суде маму. Пассажиры, перекивая радио, общались:

— Что ты, падла, крыльями своего носа тут машешь? Взлететь охота?

Уже к четырем часам дня в вагоне не оставалось ни единого трезвого мужчины старше четырнадцати лет. Допив напитки, сибир-

ряки вставали и шли ухаживать за проводницей, пожилой монголоидной женщиной. Они называли ее «Солнышко», они пахли в ее сторону своими телами... иногда они засыпали, не дойдя до купе проводников.

Так я и ехал. Планета Земля два раза подряд подставила бока своему светилу... исполнилось ровно три недели, как я уехал из Петербурга, и волосы на моей голове отросли еще на полтора миллиметра... больше в мире не произошло ничего... я засыпал в тайге и просыпался в тайге, я становился старше, но не становился умнее, а поезд ехал все западнее.

6

Возникало ли у вас ощущение, что кровать, в которой вы проснулись,— это и есть ваш единственный дом? Другого не будет. Вы просыпаетесь, закуриваете, понимаете, что бежать некуда.

Прежде чем родился мой сын, я довольно часто просыпался в чужих кроватях. Навыки, необходимые для ночевания в незнакомых квартирах, выработались у меня быстро.

Просыпаясь, я всегда знал дальнейшую последовательность действий. Например, где, если проснулся раньше хозяев, искать кофе и сигареты. Понимал, когда нужно убирать за собой кровать, а когда — не обязательно. Умел мыться в чужих ваннах.

Теперь, столь же быстро, я обучился жизни в поездах. На верхнюю полку я взбирался ловчее Спайдермена.

В Красноярске дагестанец, занимавший полку подо мной, вылез, а его место занял старик-инвалид. Возможно, покупая в кассе билет, он заплатил за него только половину стоимости. У него была всего одна рука (левая) и одна (тоже левая) нога.

Правая рука отсутствовала по самое плечо. Спал старик именно на правом боку. Когда вечерами мне было не уснуть, я лежал и пытался понять: удобно спать, опираясь на плечо, из которого не растет рука, или, наоборот, не удобно.

Лежа у себя на полке старик читал книгу, на обложке которой значилось «Васко Нуэньес де Бальбоа. История покорения Западных Индий». В томе было не меньше полутора тысяч страниц.

Рядом с ним ехали каторжники и беглые солдаты... ехали люди, которые подолгу обсуждали, можно ли считать настоящим вором гадыча, отсидевшего в тюрьме меньше двенадцати лет... а он сквозь

очки читал книжку с таким странным названием... мне нравилось смотреть на всю эту картину.

Среди московских журналистов у меня есть шапочный знакомый, в свое время возглавлявший отдел в серьезном еженедельнике. Смыслом его существования было изучать французский язык.

Он не просто разговаривал по-французски. Он ради этого жил. Специально ставил себе акцент, выписывал и учил редкие обороты речи...

При этом парень был не дурак выпить. Как-то он приехал в город Ярославль и с радостным визгом предался древнерусскому запою в компании ярославских трактористов.

На одиннадцатый день он проснулся в стогу сена. Стог располагался на обочине трассы «Золотое Кольцо». Ботинок на ногах у приятеля не было, зато на его голое тело был надет ватник... почти не рваный.

Неподалеку был припаркован двухэтажный автобус, и стайками бродили... правильно, французы. Сизый, подрагивающий конечностями коллега подошел поближе и на языке Мишеля Монтеня спросил у французов, который час и не дадут ли они ему сигаретку?

Не возьмусь описывать выражения французских лиц.

7

Новосибирский железнодорожный вокзал был импозантен. У входа в прохладный «Зал ожидания» дежурная орала на чернокожего кавказца, чтобы он убирался туда, откуда и возник. Я понял, что вернулся домой.

В ларьках по-прежнему продавалась кока-кола. Рекламные щиты рекламировали средства мобильной связи. По привокзальной площади ходили красивые и модные девушки. Поймите меня правильно: КРАСИВЫЕ И МОДНЫЕ ДЕВУШКИ.

Это был дом. Почти моя прихожая. Все, что могло произойти со мной плохого, уже произошло, а теперь начиналась цивилизация, и это было хорошо.

Я купил себе газету «Московский комсомолец». Ничего, что на полосе официальной хроники был помещен отчет о Всемирном съезде сибирских шаманов. В остальном это была настоящая свежая газета, говорившая именно о том, о чем я привык слушать.

Рядом с газетным киоском стоял ларек с видеокассетами. Среди новинок имелось такое чудо, как «Жадные спермоглоты. Часть 17». То есть, возможно, где-то существовали и шестнадцать предыдущих частей.

Я чувствовал родной, но чуть подзабытый запах: это была цивилизация, а у нее были гнилые зубы.

Оставшейся мелочи должно было хватить на маршрутку до аэропорта. Регистрация на самолет до Петербурга начиналась приблизительно через полчаса, а заканчивалась через полтора.

— Такси не нужно?

— Нет.

— А тебе куда?

— В аэропорт.

— Опаздываешь на самолет? Не отказывайся. На машине довезу быстро.

— Сколько стоит?

— Как обычно.

— Я не знаю, как здесь обычно.

— Тариф: доллар.

Если честно, мне хотелось приехать в аэропорт именно на такси. Просто для того, чтобы окончательно убедиться, что Азия окончена и начинается цивилизованная жизнь.

И как раз доллар у меня был. Ровно один американский доллар.

Таксист был невысок, мускулист и рыжеус. Может быть, он был отставным военным невысокого звания. Я кинул рюкзак в багажник, сел на переднее сиденье и закурил. Таксист вырулил на мост через реку Обь.

Город Новосибирск был из тех, про которые говорят «чистенький», как про носки, которые носят уже пятнадцать лет и при этом постоянно стирают.

Мы болтали. Водитель сказал, что помирает, пива хочет и научил меня зажигалкой открывать бутылки. Чтобы скovyрнуть пробку, говорил он, нужен не удар, а толчок. Упираешь зажигалку не в большой палец, а в сгиб указательного — хоп!

— Именно указательного?

— Он мягкий. На нем синяков не остается.

— А-а-а...

Мы проехали еще. Многоэтажные дома давно кончились, но Новосибирск все еще продолжался.

— Большой город. В смысле — длинный. Едем-едем...

— Да. У нас просторы сибирские.

— Цены, я смотрю, тоже.

— В смысле?

Таксист сказал, что если поехать вон туда, то попадешь в Академгородок. Я спросил далеко это? Сколько стоит доехать?

— Так у нас везде одинаково.

— Сколько это, «одинаково»?

— Я ж тебе сказал: тариф.

— То есть?

— Один километр — один доллар. — Останови.

— Где?

— Прямо вот здесь и останови.

Вы понимаете, да? По идее нужно было открывать дверь, хватать куртку, выпрыгивать и убежать. Но мой рюкзак лежал в багажнике. Поэтому я начал объясняться.

— Сколько мы проехали?

— Пятьдесят два километра.

— Значит, я должен...

— Пятьдесят два доллара. Ну, и там на чай, то-сё.

— Ты всерьез думал, что я столько заплачу тебе за двадцатиминутную поездку?

— А чего?

— Fuck! Разумеется, я не стану платить за поездку на такси пятьдесят долларов. Это нереально. Столько даже в Нью-Йорке не платят.

— У нас, брат, не Нью-Йорк.

— Именно поэтому я и не стану столько платить.

Водитель слушал меня, пробовал возмутиться, тер пальцами нос и выглядел несчастным.

— О'кей. Сколько ты сможешь заплатить?

— У меня всего один доллар. Ровно один. Ты не четко выразился, а я невнимательно слушал. Дальше я дойду пешком. Спасибо. Вот этот доллар. Больше у меня нет. Вообще ничего нет. До свидания.

Водитель покрутил бумажную денежку в пальцах и сказал, что машина -- не его, он ездит на чужой и за деньги ему предстоит отчитываться, так что пусть я подожду, сейчас подъедут ребята, и я должен буду объяснить недоразумение им, ладно?

Он набрал номер на мобильном телефоне, и ребята появились почти сразу. Они выбрались из машины, шелкнули резинкой тренировочных штанов, громко сморкнулись. Сморкались они просто здорово. Очень киногоенично.

Один наклонился к окну машины, поинтересовался, в чем проблема.

— Леша, этот парень платить не хочет.

— Как это?

— Говорит, нет денег.

— А чего ж тогда садился?

В том городе, в котором живу я, так одевались бандиты конца XX века. Спортивные костюмы, кожаные куртки с погончиками, лысые черепа. Ребята напоминали русских мафиози, как их показывают в дешевых иностранных кино, но которых никогда не встретишь в реальной жизни. Я не боялся ребят.

— Ну-ка, это... вылез-ка из автомобиля.

Я вылез. По обочинам дороги стояли деревянные дома, а за ними начиналась тайга.

— Платить отказываешься?

— Я не отказываюсь. Ваш водитель нечетко сформулировал, сколько стоит поездка. У меня нет таких денег.

Я был уверен, что ничего особенного не произойдет: поговорим, и разойдемся. В моем городе такие парни контролируют автозаправки и стриптиз-бары, но давно не грабят приезжих, не способных заплатить за поездку на такси.

Я был настолько в этом уверен, что не успел увернуться, и когда по ту сторону моих век все наконец взорвалось, я просто упал навзничь и не сразу сообразил, что голову стоит прикрыть руками, потому что ноги у парней сильные, а голова у меня всего одна.

Они били меня сильно и молча. Зато не очень долго.

Потом один из ребят стал шарить у меня по карманам. Я не врал: денег у меня действительно не было.

Мой рюкзак и лежавшую на заднем сиденье такси куртку ребята забрали в качестве трофея. В куртке лежали билеты на самолет. Увидев, что они собираются уезжать, я поднялся и бросился к машине. Один из них ударил меня чем-то тяжелым по голове, и я опять упал.

8

До аэропорта я добрался через сорок минут после того, как авиалайнер, выполняющий рейс по маршруту Новосибирск—Петербург, поднялся в воздух.

Клянусь: никогда в жизни я не обращался за помощью к милиции. Не обращался раньше и, надеюсь, не обращусь в будущем. Но тут был экстремальный случай.

Я доковылял до постового и рассказал ему о случившемся. Он полистал мой паспорт и спросил, чего я от него хочу?

— Помогите мне.

— Как?

— Попробуйте найти этих орлов. У них мои билеты на самолет.

— Ты же сам говоришь, что твой самолет улетел.

— Ну, да.

— И в машину к ним ты сел тоже сам.

— У них остались мои билеты! Теперь я не смогу улететь!

— А как ты собираешься улетать, если самолет уже в воздухе?

— Я попробую объяснить в кассах. Мне должны вернуть стоимость билета... хотя бы часть стоимости.

— Знаешь, разбирайся со своими проблемами сам, ладно?

— Вы не станете их искать?

Постовой только рассмеялся.

9

Всю ночь я просидел на поребрике возле аэропорта. За спиной в ларьке «Аудио-Видео» играла группа «Русский Размер». Знаете? Это два таких пожилых толстых клоуна. Последние викинги русского техно. Пророки поколения, которого нет... моего поколения.

Иногда я пальцами трогал разбитое, немного незнакомое лицо. Оно болело.

Тысячелетие тому назад в странном городе, название которого почти невозможно вспомнить, хотя называется он Санкт-Петербург, я ходил в дорогой клуб на мероприятие, во время которого «Русский Размер» отыграли пару своих песен.

К синтезаторам и сэмплерам эти парни подошли так, будто перед ними пулемет с последним патроном. В тот вечер я понял, что мне нравятся эти толстые персонажи, потому что последнее время я тоже толстый и мое время тоже давно прошло, и хотя я никогда особенно не любил электронную музыку, я купил их кассету и прежде, чем оказаться в этих краях, иногда слушал ее дома... думал о том, как хорошо все начиналось и как глупо закончилось.

На самом деле момент появления техномызыки я прозевал. «Гагарин-party» уже закончилась, и декорации разобрали, а я по-прежнему не отличал Бобби Макферена от МС Хаммера.

Я не успел заметить путча-1991. О том, что СССР перестал существовать, я узнал с опозданием на несколько месяцев. Просто в то время мне было не до того.

Симптомами наступления совершенно новой эпохи стало для меня, во-первых, появление на улице круглосуточных ларьков с фальшивой водкой и «Сникерсами», а во-вторых, то, что все газеты города вдруг стали публиковать объявления с телефонами проституток.

Весь 1992 год люди вокруг меня говорили лишь о том, кого из приятелей вчера застрелили возле ларька и как собеседники (знакомые собеседников) обманули службу охраны проституток. Говорить на эти темы следовало широко распахнув глаза и теребя что-нибудь в нервных пальцах.

Это было время, когда люди вдруг обнаружили, что теперь можно все, и испугались своему открытию.

Можно было веревкой перегородить дорогу около своего дома и, как Робин Гуд, взимать с прохожих плату за проход. Или официально заказать в Колумбии пробную партию хорошего кокаина.

По Кремлю бродили банды магистров черной магии, а за то, за что вчера сажали в тюрьму, можно было получить правительственную награду.

У меня был приятель, который жил в квартире ровно над одним из первых частных ресторанов города. Ресторан располагался почти в подвале. Чтобы посетители могли курить, госинспекция потребовала установить в помещении вытяжку воздуха, но помещение ресторана было тесным, и установить ее было некуда.

Рестораторы мучились долго, а потом нашли выход, который устроил всех. Вытяжку провели прямо в квартиру моего приятеля. За это тот вместе с женой и братом жены мог один раз в день бесплатно получать в заведении обед из трех блюд на каждого, правда, без алкоголя.

Я же говорю, это было время, когда каждый сам решал, как станет жить дальше. Например, я в год открытия первого официального rave-клуба страны взял и женился.

2

Я пытался заработать на жизнь работой в газетах. В те годы это было невозможно. Газеты появлялись, исчезали, каждый месяц меняли название и никогда ни копейки не платили сотрудникам.

Моими любимыми джинсами тогда был рваный, весь в дырках, как у Стива Тайлера из «Aerosmith», голубой «Левайс». К 1993 году джинсы истрепались настолько, что превратились во что-то вроде домашнего халата. По крайней мере, из дому в них я старался не выходить: чересчур экстремально.

Мое утро начиналось с того, что я обзванивал редакции, пытался выклянчить хоть несколько рублей. Каждое утро я злился и хотел, чтобы редактора расплатились прямо сейчас.

Как-то главный редактор издания, которое задолжало мне больше других, сказал, что, ладно, уговорил, только пусть по дороге я заеду в Эрмитаж и напишу что-нибудь про открытие тамошней выставки, потому что открывает выставку не хухры-мухры, а наследный принц Бельгии.

То, что мне платили деньги, было настолько невероятно, что, лишь входя в эрмитажный пресс-отдел, я сообразил, что так и не передел брюки. Работницы отдела смотрели на меня круглыми глазами и не могли поверить, что выглядящий ВОТ ТАК парень... явно необразованный молодой негодяй, через дырки в брюках которого видны не только рыжеволосые коленки, но даже и кусочек ягодицы, хочет быть аккредитованным на столь официальном мероприятии...

Редактор все-таки дал мне денег. Я смог накормить жену и поесть сам. На сдачу я решил купить хотя бы одни более или менее новые джинсы. Приблизительно в то же время, что первые клубы, в Петербурге появились и первые second-hand'ы.

Самые большие «вторые руки» функционировали возле станции метро «Пионерская». Раскладушки с тряпьем занимали площадь, на которой могла бы разместиться Бельгия, наследный принц которой из всего посещения Эрмитажа отчетливее всего запомнил мои рваные брюки.

Гуляя по second-hand'у, я после долгого перерыва встретил Олега. Мне было приятно его встретить.

Олег был из тех, кто в момент наступления новой эры совсем не растерялся. Он знал, чего хочет: Олег хотел танцевать. Впервые настало время, когда ему никто не мешал заниматься именно этим.

Милиция не возражала против его видов на будущее. Больше того! Теперь, устав под утро, офицера милиции из охраны клуба можно было послать за холодным пивом, и он бы сгонял.

В те годы в Петербурге, на набережной реки Фонтанки, располагалось несколько сквотов: самовольно захваченных расселенных квартир. Жили здесь художники и музыканты. Именно там проводились первые в стране вечеринки с техномузыкой.

Для каждого вечера придумывалась особая примочка. То в качестве группы поддержки для диджея приглашались настоящие балерины в пачках и пуантах. То одновременно надувалось несколько тысяч воздушных шаров, в которые можно было с разбега прыгать и зарываться. Стоимость развлечения — \$5. Алкогольные напитки и наркотики просьба приносить с собой.

Девушки красили губы особой помадой, особой, светящейся в темноте помадой... ты заходишь в комнату, а там целая толпа бесхозных губ... юноши танцевали даже в туалете и постоянно забывали свои зеркала с парой дорожек чего-нибудь недонюханного и дорогостоящего.

На танцы приходили все самые светские львы страны. Но даже на их фоне Олег смотрелся звездой. Он выглядел моднее, чем журнал «Птюч». Такой вот парень.

Олег спросил, как дела, и я сказал, что недавно женился. Мне казалось, что он должен за меня порадоваться. Вместо этого Олег сказал, что зря я это сделал.

— Почему зря?

— Ты же не собираешься прожить со своей подругой всю жизнь? Зачем тогда жениться?

— А если собираюсь?

На раскладушках лежали самые модные на свете джинсы. Одни, наименее модные, зато дешевые, я купил для себя. Мне было неудобно платить за эти джинсы в присутствии Олега.

Потом мы выбрались из толпы на пустырь возле метро, и я спросил:

— Ладно, я. Я покупаю здесь одежду от бедности. А зачем сюда приходишь ты?

— От модности. У тебя нет денег?
— Есть. Но очень мало.
— Значит, жена скоро от тебя уйдет.
— Почему?
— Или ты от нее уйдешь. Понимаешь, секс невозможно загнать в рамки. Это как цунами. Нужно лечь на волну и плыть. Я меняю девушек довольно часто.

— Ты крутой.

— Нужно слушать свое тело. Оно все делает правильно. А если ты будешь душить собственную энергию, то уже к сорока годам станешь ходячим психозом. Дерганым неврастеником. Даже раньше чем к сорока.

— Это точно? Что стану?

— Чем меньше в каждом отдельном человеке комплексов, тем меньше зла в мире. Танцуй, онанируй, старайся не мешать другим.

— Онанируй?

— Онанируй! Люби свое тело! Люби тела окружающих! Ты когда-нибудь видел, чтобы человек, который каждый вечер онанирует и меняет три девушки в неделю, бил бы лица прохожим? Насилие происходит оттого, что люди женятся, как ты, и начинают душить свое собственное тело, понимаешь?

Мне нечего было ему возразить. Он скупил все самые модные рубашки на рынке и уехал. Он был высокий, сероглазый и свободный. А я был бедный, женатый и закомплексованный.

То, что денег не хватает, становилось чем дальше, тем заметнее. Иногда мне приходилось действительно тяжело. В такие минуты я думал, что, может быть, Олег прав.

3

Страна продолжала меняться. Делала она это молниеносно. Год засчитывался за три. Книги Кастанеды, растворимые лимонады Invite, путч-93, рубашки из флуоресцирующей материи, группа «Иванушки-International», пирсинг, междометие «Йоу!»... к середине десятилетия собственной крышей обзавелись даже бабушки, торгующие у метро горячими булочками.

Один мой приятель как-то под утро возвращался домой и в темной парадной встретил паренька, который спросил, не Лешей ли

зовут приятеля? У паренька были черная куртка, черные брюки, черная шапочка, черные ботинки... просто паренек.

Мой приятель рухнул на колени, достал паспорт и зарыдал:

— Я НЕ Леша... я Миша... честное слово!.. не убивайте...

К середине 1990-х первый в стране техноклуб «Туннель» превратился в то, во что и должен был превратиться: чумазую дыру, набитую пэтэушниками и невменяемыми от допингов бандитами. Олег предпочитал ходить не туда, а в пижонский «Планетарий». Он зарабатывал столько, что мог позволить себе не экстази, а реальный кокаин.

Обо всем, что считалось модным, и чем, в отличие от меня, занимался Олег, теперь можно было прочесть в русскоязычных глянце-вых журналах. Иногда мне удавалось наскрести денег и купить такой журнал. Иногда я встречал там статьи об Олеге.

Если бы даже редактора журналов решили написать обо мне, то про меня в те годы нечего написать, как нечего написать про бульдозер на свалке, который сегодня... как и годы назад продолжает вгрызаться в груды мусора... рыть свои ненужные туннели... у которого никогда ничего не меняется.

У Олега все менялось постоянно. Встречая его, я узнавал, что он только что вернулся с Ибицы... или из Индии, где пробовал гашиш и жил в общине одного из местных богов... подружек он менял постоянно... рубашки и обувь — тоже.

Олегу все давалось очень легко, и меня слегка удивляли его темпы. Сколько бы я ни зарабатывал, мне никогда не удавалось жить вот так. Впрочем, возможно, дело было в том, что я женат. В середине 1990-х иметь семью было очень дорогим удовольствием.

4

Олег доверял своему телу, и тело не подводило: доставляло хозяина именно туда, где стоило находиться. Единственное, чего немного смущался Олег: того, что ни разу в жизни он не был в Казантипе.

Журналы утверждали, что до того самого дня, когда будет проведена первая рейв-party на Луне, Казантип останется наиболее модным местом на нашей планете... а вот Олег там не бывал.

В тот момент, когда империя СССР уже гнила, корчилась в агонии, но не желала сдаваться, на мысе Казантип (Азовское побе-

режье Крыма) было решено построить атомную электростанцию. Корпус для реактора возвести успели, но больше не успели ничего.

Первыми на место наткнулись серферы. Вслед за ними приехали длинноногие и большеротые девочки, любительницы загорать без лифчиков, а там, где есть такие девочки, не могли не начаться танцы.

В 1990-х Казантип превратился в рейв-фест континентального масштаба. Три круглосуточно работающие танцпола. Сто пятьдесят тысяч красивых и молодых посетителей. Главная вечеринка в пустом и громадном ядерном реакторе.

Украинские продавцы допингов паковали чемоданы и, плюнув на богатенькую киевскую клиентуру, приезжали сюда, а уезжали уже миллионерами.

5

Летом-98, еще до дефолта, Олег неведомым мне способом заработал кучу денег и купил квартиру. Туда он первый раз в жизни пустил пожить более или менее постоянную подружку.

Едва въехав, подружка начала ныть, что хочет в Казантип. Он не возражал съездить... против того, чтобы съездить на Средиземное море или Южный полюс, он тоже не возражал.

Отстояв в многочасовой очереди, подружка принесла в их квартиру железнодорожные билеты на поезд до Феодосии. Поезд отходил в пять утра. Накануне вечером они сообразили, что вещи не собраны и бросились паковать: ее джинсы, его футболки, сигареты, плавки...

Был июль, стояла духота. Они выскочили из дому купить «коки». На этом сборы были вроде бы окончены, можно было выпить по бутылке холодного пива.

Когда совсем ночью они приползли домой, было ясно, что если они сейчас уснут, то к едрене-фене проспят поезд. Чтобы не отключиться, подружка лежала в ванной с холодной водой, что-то читала. Может быть, телефонный справочник.

Более или менее протрезвел он только к украинской границе. Он лежал на верхней полке, а под ним очкастый ребенок вслух разгадывал умные кроссворды.

На подъезде к Харькову, первому большому украинскому городу, по вагонам стали ходить менятели валют. Железный пол грохо-

тал под их шагами. Курортники волновались и вытаскивали из лифчиков рубли и доллары.

Украинские деньги назывались гривны. Сориентироваться в курсе не получалось. Олег все равно поменял на пробу \$20, купил у украинских старушек вареной картошки, потом прикинул сколько это будет в рублях и решил, что дешевле было бы сходить в ресторан где-нибудь на Невском.

Воздух в вагоне был расплавленным. На какой-то станции Олег купил русскоязычную газету и весь день читал ее от начала к концу и от конца к началу.

Подружка злилась на него и один раз спросила:

— Да что с тобой, параноик?

Он не стал отвечать. Он закрыл глаза, пожевал и побрел сползнуть лицо в мокрый чугунный туалет. Глядя в зеркало, подумал, что, может быть, чтобы прийти в себя, стоит уговорить девушку сделать в уборной секс... а может быть, не стоит.

Таксисты на вокзале в Феодосии выглядели так, будто прикидывают: угостить вас коксом или ткнуть ножом? Девушка пыталась договориться с ними, бегала и суетилась. Олег сидел на газоне и курил. У него болела голова. На хрена они сюда приперлись?

Цену поездки до Казантипа водители называли в непонятных гривнах. Сошлись на \$15.

Всю дорогу Олегу хотелось то ли пива, то ли кофе. Еще хотелось свернуть подружке шею.

Он в уме считал свои деньги и прикидывал, сколько же здесь стоит хорошенько напиться?

Потом они приехали.

— Что это?

— Это Щелкино.

— Отличное место. А где Казантип?

— Это и есть Казантип.

— Да?

Щелкино выглядело так, как только и может выглядеть место с таким названием. Часов до двух они искали, где остановиться. То есть они шли по улице, а к ним подходили аборигены и за рукав тянули с собой, обещали роскошное жилье, и даром, а потом каждый раз оказывалось, что им предлагают поселиться в картонной коробке без крыши и стоит это как номер в «Рэдиссон-САС».

Дольше всех их таскала за собой тетечка в домашнем халате, изпод которого торчала ночная сорочка.

Олег не мог понять: на каком языке она разговаривает? На русском? Или украинском? Язык был смутно знакомый и очень нежный. Например, проходя мимо обнесенной забором здоровенной виллы в строительных лесах, тетечка без запинки проговорила:

— Дачка дочки Кучмы, сучки.

Кончилось дело тем, что за два доллара в сутки с человека они купили беленную штукатуркой пристройку. Одна кровать — зато большая. Холодильник и плита на улице.

Бросив вещи, они пошли смотреть море. Оно отыскалось быстро. Обрыв... а за ним поверхность, похожая на жеваный мармелад.

— Миленький горизонтик.

— Горизонтик?

С того места, где они стояли, пляж виден не был. Зато были слышны бухающие басы. К самому пляжу от пансионата RIGA ве- ла лестница, состоящая, как он позже сосчитал, из 97 ступеней.

Олег сел прямо на землю и опять закурил.

6

Знакомо ли вам состояние, когда с утра ты просыпаешься оттого, что понимаешь: пора снова ложиться спать? Когда ты выбираешься из серых простыней и пододеяльников... идешь на кухню... не зажигаешь свет, потому что смотреть все равно не на что... закури- ваешь сигарету, неподвижно сидишь... а через полчаса вытираешь с подбородка слезы и идешь умываться... знакомо?

Когда ты сутками смотришь телевизор, лишь бы не смотреть по сторонам, когда ты боишься отвлечься и подумать о том, что же остается, когда все кончается?..

До главной казантиповской вечеринки оставалось еще почти неделя. В ожидании события нон-стопом работало несколько танцполов. Подружке было интересно ходить на танцульки. Олег ходил с ней, но интересно ему не было.

Серферы кувыркались в прибое. Девушки с голыми сисечками, как и положено, пускали слюнки. Вообще-то нудизм на Украине наказуем, просто никто не хотел об этом вспоминать.

Они просыпались рано. Оргазм — маленькая смерть... а потом они шли загорать. Вода была холодная, и Олег просто лежал на солнце с закрытыми глазами. После предыдущей бессонной ночи

по поверхности пляжа были набросаны сотни спящих туловищей. Выглядели они ничейными.

Непрекращающийся алкоголь, вспышки света, некрасивые танцы, убитые наркотиками негритянки с розовыми ногтями, разговоры про то, что ночью собеседник видел во сне облезлого тюленя-людоеда... к чему такое снится?., все это достало его еще в Петербурге. Он уехал почти с Белого моря почти на Черное, но ничего не изменилось.

Один раз Олег спросил у подружки, нравятся ли ей голые мужчины? Она ответила, что голый человек не может быть эротичным. То, что нравится в мужчинах лично ей, куплено в дорогих магазинах, а под одеждой — все одинаковые. Олег над этим подумал.

По пляжу ходили украинские подростки, предлагавшие купить креветок в газетных кулечках. Самцы были смешные, соленые, а у жирных желтых самок на лице были две икринки глаз и множество икринок на брюшке.

Когда наступала совсем жара, они одевались и шли в город. Вернее, к тому скоплению лачуг, которое считалось здесь городом. Каждый раз проходили мимо двух магазинов, на одном из которых было написано «Сыру с Ирой», а на втором «Магазин 24 часа: рыба, водка, торты, а также продовольствие».

На обед они покупали местного вина. Подружка могла выпить бутылку или даже две, а Олегу украинский алкоголь не нравился.

За два дня до главной party, он прозевал момент, когда нужно было валить с пляжа, и сгорел так, как не сгорал, наверное, никогда в жизни. К вечеру у Олега даже поднялась температура. Ощущение было таким, словно тело обернули в колючее шерстяное одеяло.

Совсем худо ему стало к полуночи. На окне их патио висела деревенская занавеска, а из-за занавески слышалась модная музыка.

Подружке хотелось пойти на танцы, но она не стала его бросать, осталась дома, просто сидела за столом, пила пахнущий черешней портвейн и, чтобы Олег не умер от тишины, вслух читала ему бразильский роман про любовь.

Ему было настолько плохо, что он не мог даже сам перевернуться на другой бок, и подружка помогала ему. Потом она допила вино, легла рядом и уснула. Он лежал, и в темноте слушал играющую на пляже музыку.

Он всю жизнь чего-то ждал... в детстве — когда пойдет в школу, в юности — когда ее закончит, после двадцати — новых вечеринок, потом — когда ж ему отдадут денег те, кто давно обещал отдать долги, или когда ему дадут в долг те, кто давно обещал дать... всегда оставалось ощущение, что ЕСТЬ чего ждать... а теперь?

Теперь он мог дать, например, начала главной вечеринки на ядерном реакторе. Не ахти что, но все-таки...

Солнечные ожоги почти прошли, но ходил он по-прежнему очень осторожно: вдруг тонкая кожа лопнет на сгибах и все, что было под кожей, вывалится на песок? Подружка сбегала в оргкомитет и узнала подробности мероприятия. От счастья у нее горели щеки.

Когда дни совсем не отличаются друг от друга, это обидно. Ведь даже сто лет — это всего лишь три с половиной тысячи дней. Три с половиной тысячи вечеров. Каждый из которых нужно чем-то занять. Может быть, выгулять собаку. Или основать империю. Или убить вечер телевизором. Или сделать подружке ребенка.

Скоро на parties девушки станут за спиной называть его именами покемонов. Толстыми и смешными кличками.

Что же, черт возьми, остается, когда все кончается?

8

На главное событие Казантипа-98 набилось столько народу, что Олег искренне не понимал: в остальных районах Украины хоть один живой человек остался или все уже здесь?

Он пытался пробиться в глубь помещения, но это было как вброд перейти поток извергающейся магмы. Он сдался, позволил толпе вынести себя к месту, где наливали алкоголь, и остался там.

Подружка встретила петербургских приятелей, у которых была бутылка джина, пошла выпить и исчезла. Вместо нее рядом появилась незнакомая девица в синем платье. Из-под громадных очков торчал кусочек ее радостного лица. Девица смеялась, широко распахивая рот.

Из-за музыки ему не было слышно, он только видел, как она смеется. Их со всех сторон толкали.

Потом девица показала, чтобы он наклонился, и проорала ему в ухо:

- Хочешь секса?
- Не знаю. А ты?

Они протолкались к выходу, протолкались прочь от толпы, поскальзываясь, долго влезали на темный, заросший деревьями холм.

Она через голову стянула платье, расстегнула ему брюки и громко кричала. Он не услышал, как их со всех сторон окружили гогощие колхозники из ближайшего села.

С утра его собственная подружка где-то купила амфетаминов и сама скрутила ему трубочку из украинской купюры. Может быть, дело в них, а может быть, в том, что он давно отвык общаться с такими парнями... Олег чувствовал, что не просто боится их, а **ОЧЕНЬ** боится.

Их было несколько. У того, что говорил больше всех, была крашенная перекистью челка, падающая на один глаз. Парень всей пятерней ее поправлял. На среднем пальце руки у него была зеленая татуировка в виде перстня. Господи! Последний раз Олег видел прически, как у него, больше десятилетия назад.

Было так светло, что на голой девицыной спине можно было пересчитать все позвонки, от третьего до одиннадцатого. Девица быстро натянула трусы и замерла. Колхозники громко засмеялись. Олег промолчал.

Колхозники тянули руки к телу девушки, а Олег не мог заставить себя открыть рот и сказать хоть что-то.

Крашенный крымчанин крикнул:

- Ша, братва! Конец рассказа!

Девица вертела головой, поворачивалась к Олегу. Потом она громко завизжала.

Крик был слышен плохо, гремела музыка, но это все равно подействовало, парни шарахнулись.

— С-сучка!

— Пойдем отсюда. Пойдем скорее.

— Еще раз встречу: соски зажигалкой прижгу!

Девица тянула Олега за рукав и говорила, что хочет уйти. Пробираясь обратно через кусты, он старался не бежать, идти медленно. Внутри все дрожало.

Они вышли к свету и к людям... к знакомому миру... девица вдруг резко остановилась:

- Я забыла очки.

- И чего?
- Я забыла очки ТАМ. Сходи за ними.
- Плюнь на них.
- Я не могу. Это мои любимые очки. Сходи, а?
- А ты?
- Я подожду здесь.

Олег лез обратно через кусты и боялся чего-то очень плохого. Именно очень плохое с ним и произошло.

Стараясь не обращать внимания на пахнувших грязью крымчан, Олег поискал девицны очки. В высокой траве это было бесполезно, и он развернулся, чтобы уйти...

Колхозники не дали ему уйти. Они окружили его, и крашенный парень, взяв его за рубашку, сказал, что так и думал: Олег обязательно вернется.

Еще он говорил о понаехавших в их область уродах... и что-то такое, во что невозможно было поверить... произнося слова «в рот», он задирает верхнюю губу, и Олег видел, что у парня ужасные редкие зубы.

- Убери руку.
- Да? А если не уберу?
- Я сказал: убери руку!
- А я сказал, что ты сейчас сделаешь это! Прямо сейчас!

Чувство было как в кресле у стоматолога, когда ты сидишь с распахнутым ртом и не можешь поверить, что пришел сюда сам... своими ногами... и прямо сейчас начнется самое страшное.

- Ты сумасшедший?
- Я сказал: давай!
- Нет! Да нет же!
- Ты не понял? Живо!
- погоди... да погоди же...
- *(свистящим шепотом)* Что ли ты не понял?
- Я же мужчина... так не бывает.
- Все! Больше — не мужчина!

Объясняя, чего он хочет, главный колхозник будто немного стеснялся и говорил очень тихо. Он даже ни разу не ударил Олега. Вернее, ударил, но чуть-чуть, не сильно... от этого все казалось еще страшнее, чем было на самом деле.

Потом парень сорвался на крик *(Ж-И-В-О!)*, и Олег все-таки сполз на корточки. Пальцами и коленками уперся в украинскую грязь. Он не желал открывать глаза... ему было страшно и омер-

зительно смотреть на мир, который вытворял с ним, Олегом, такое.

Обступившие их, спинами прикрывавшие то, что происходило, парни молчали, улыбались и не произносили ни слова.

Крашенный прервался только два раза. Один раз, чтобы прикурить папиросу. Второй — чтобы сказать Олегу, что если тот не перестанет больно делать ему зубами, то парень затолкает ему в ухо спичку и порвет Олегу барабанную перепонку...

Когда парня начали бить конвульсии, Олег отшатнулся, но тот сжимал волосы у него на затылке... сжимал все сильнее... чтобы не упасть, Олег взмахнул руками и все-таки приоткрыл веки... успел заметить молнию на ширинке парня... и его сведенные пальцы... они были мерзкие... две фаланги пухлые, как у младенца, а последняя, с грязным ногтем — будто из другого комплекта... тонкая и длинная.

10

Подруга пришла домой вечером следующего дня. Олег спал. Она легла рядом и обняла его. Он чувствовал ее руку, но не стал этого показывать.

Поезд из Крыма до Петербурга полз гораздо дольше, чем из Петербурга в Крым. Возможно, дело было в том, что денег хорошенько напиться уже не оставалось.

Москва. Площадь трех вокзалов

(Время в пути — бесконечность)

1

В 10:24 я вышел из девятого вагона Транссибирского экспресса. В Москве было жарко. Вокруг пахло жареным. Это был запах московского лета.

Все-таки Москва — очень русский город. Для меня — чересчур русский. Все эти названия районов, заканчивающиеся на «ка»: Сретенка... Воздвиженка... будто американские инвестиционные компании: Сретен & Со, Воздвижен & Со.

Прямо на газонах лежали нищие... очень много бездомных людей. Сначала я решил, что это брошенный на траву мусор. Окружающие относились к людям именно как к брошенному на траву мусору.

Бездомные женщины и мужчины плотно прижимались друг к другу, чтобы было теплее. Некоторые лежа читали потрепанные книжки. Один, косматый инвалид, спал в инвалидной коляске. Вокруг него были набросаны пустые бутылки от пива «Миллер». Мне вот пить такой напиток не по карману.

2

Чтобы скоротать время перед вечерним поездом на Петербург, я позвонил приятелям, и дальше не обошлось без нескольких модных московских клубов.

Клубы отличались друг от друга только тем, что в некоторых приятели порывались подраться с присутствующими, а других не рисковали. Дым. Кирпичные стены. На столах коробки из-под апельсинового сока, грязные тарелки огромных размеров.

Улыбчивые модники пили пиво. Грудастые девочки с чистыми волосами плечами прижимали к ушкам трубки мобильных телефонов. За соседним столиком красивая москвичка говорила подруге:

— Эта дура своим Йоджи Йомамото надушилась: весь вечер мне испортила.

Парни пробовали уговорить остаться в Москве еще на день.

— Зачем тебе уезжать?

— У меня билет.

— Поменяй билет.

— Нет. Хочу в Петербург. Там жена.

— Зачем тебе в Петербург? Поезжай лучше в Ленинград.

— Слушать Шнура?

— Да! Да!

— Терпеть не могу Шнура.

— И вообще, переезжай лучше в Москву, а?

— Что я буду делать в этом странном городе?

— А что ты у себя в городе делаешь? Романы пишешь?

— Романы я решил больше не писать. Платят плохо, и вообще... сволочной бизнес. Лучше уж вам, козлам, продаваться.

- Тогда чем ты будешь заниматься?
- Теперь я знаю, чем я буду заниматься. Теперь я отлично знаю, чем буду заниматься.
- Точно?
- Иногда я стану приезжать к вам за гонорарами. И рассказывать, чем я теперь занимаюсь.
- Кстати! Давно хотел спросить: куда ты тогда делись?
- Когда?
- Ну, мы как-то сидели... где-то месяц назад, а ты пропал.
- Я? Я не пропал. Я нашелся.

3

В аэропорту Новосибирска я просидел почти двое суток. Я открывал глаза с утра, закрывал их вечером, а остальное время просто сидел и молчал. За это время разбитое лицо даже успело немного прийти в себя.

Нет денег — нет жизни. Куда я мог идти?

От нечего делать я придумывал сюжеты рассказов, за которые московские журналы заплатят мне денег, и я отсюда уеду.

Утром третьего дня я впервые поднялся с кресла и начал рыться по карманам. Мне хотелось найти мелочи, а если мелочь не найдется (я знал, что не найдется), то хотя бы сделать вид, будто я все еще жив.

В заднем кармане грязных джинсов нашелся паспорт. Когда-то он был новенький, но давно перестал быть. В переднем обнаружился носовой платок и розарий — католические четки.

Розарий натолкнул на мысль сходить в церковь. Тот день не был воскресеньем, но ведь в воскресенье я тоже не был в церкви, потому что был в краях, где церковей не построили... почему не сходить сегодня?

Я пошел в самую обычную православную церковь и отстоял там всю целиком службу. Разумеется, служба была непонятная. Потом она кончилась, и прихожане разошлись по домам, а я все еще стоял... смотрел, как девушка в светлом платочке ходит по церкви, задувает свечки, гасит свет.

Батюшка подошел ко мне и улыбнулся:

- Все кончилось. Иди домой.
- Мне некуда идти.
- Каждому человеку есть куда идти. Где твой дом?

- Мой дом не здесь. Очень далеко.
- Почему же ты не там? Почему не вернешься?
- Это долгая история.
- Я не тороплюсь.

— В самом начале я сделал неправильный шаг. Мне нужно было двигаться в одну сторону, а я начал совсем в другую. Вы ведь понимаете, батюшка: чем дальше ты идешь в неверном направлении, тем сложнее потом развернуться... начать движение в противоположную сторону.

— Понимаю.

— Сперва все было неплохо. Мне казалось, что вот сейчас все станет нормально... я смогу... сам все исправлю, сделаю, как раньше... но пришел момент, когда я понял, что это не в моих силах.

— И это я тоже понимаю.

— Это словно уже не зависело от меня. Я словно разрешил кому-то чужому распоряжаться маршрутом... и все стало не плохо, а очень плохо.

— Поэтому сейчас ты не знаешь, как тебе попасть домой?

— Я уже почти забыл о том, что у меня есть дом. Я перестал верить в то, что мне есть куда вернуться.

— Это неправильно.

— Я знаю.

— Ты должен подняться еще раз. И продолжать идти.

— Это сложно. У меня совсем-совсем не осталось сил.

— Я знаю. Это всегда так бывает. Но по-другому никак.

— Я не могу. Я один. Это очень трудно.

— Ты не один.

— Нет, батюшка... не один я был раньше, пока не начал двигаться в неправильном направлении. А теперь я один... и я больше не могу так.

— Я говорю тебе: ты действительно не один. И никогда не был один. Ты просто не хочешь об этом вспоминать.

— Да?

Я посмотрел на батюшку. Он был молодой, от силы на пару лет старше меня, а мне в этом году тридцать один. У него была борода... обычный православный батюшка.

— Знаешь что? Дай-ка мне посмотреть твой паспорт.

— Вы не поняли. Я ни о чем не прошу.

— Вот и зря, что не просишь. В любом случае, выбираться-то тебе отсюда нужно, так?

— Так.

Мой паспорт батюшка рассматривал долго.

— Мы здесь живем бедно. Живых денег у меня, конечно, нет. Но раньше, пока я еще учился, мы с матушкой... в смысле с моей супругой... иногда закладывали в ломбард обручальные кольца... ну, и по мелочи: цепочку, сережки, кулончик у нее есть... в виде коровки.

— Понимаю.

— Я заложу кольца и кулон и отдам деньги тебе. Этого должно хватить. Только обязательно пришли потом деньги, а то мне будет все это не выкупить, понимаешь? Адрес я тебе запишу.

Он снял с руки кольцо и велел принести кулон... своего теленка из золота. Этого просто не могло происходить.

— Я же католик!

— Ну, католик, да. В Иисуса Христа ведь веришь?

— А если бы не верил?

— Я — верю.

...

Через пять часов я сидел в вагоне поезда Новосибирск-Москва, а Азия оставалась у меня за спиной.

4

Макс делился с собутыльниками новостями. Новости были ужасающими.

В октябре прошлого года в московском клубе с дорогим входом группа «Ленинград» давала концерт. Макс отправился на концерт, вдоволь наорался, выпил пива... выпил еще пива... проснулся вечером следующего дня. Лицо разбито. Куртки нет. А в куртке, в кармане, лежали ключи от квартиры.

Ключи были настолько сложные, что менять пришлось не замок, а всю дверь. Это было дорого. Макс заработал денег, и все равно ее поменял.

Неделю назад группа «Ленинград» в том же самом клубе презентовала свой новый альбом. Макс пообещал себе, что пить не станет и вообще будет осторожен.

Он пошел в клуб, вдоволь наорался, решил, что баночка пива погоды не сделает... и две-три, тоже не сделает... проснулся вечером следующего дня. Лицо разбито. Куртки нет. А в куртке, в кармане, лежали новые ключи, от новой двери в квартиру.

Он попытался вспомнить. Подробности вспоминаться не желали. Может быть, им было стыдно. Всплывало круглосуточное кафе... А девушки, к которым он лез с разговорами... но где куртка с ключами?

Макс порылся по карманам брюк. Из необычного там лежала лишь салфетка с записанным номером телефона и именем: «Людмила».

Это ничего не меняло, потому что никакой Людмилы Макс тоже не помнил.

Он умылся, выпил пива и начал реконструировать ситуацию. Вчера в кафе он знакомится с девушкой. Она приглашает его в гости. Раздеваться они начали сразу, прямо в прихожей... но тут раздался звонок в дверь: вернулся муж.

Оставив куртку на полу, он прыгает в окно. Это, кстати, объясняет разбитое лицо. Логично?

Лицо болело. Денег вставить новый замок не было. Плюс было жалко модной куртки. Макс решил набрать номер.

— Алё! Людка?

— Кто это?

— Это я.

— Кто, я?

— Ну, это... мы вчера в кафе...

— Я не ходила вчера в кафе.

— Как это не ходила?

— Вчера я ездила к ребенку на дачу.

— Во! Точно! С утра — к ребенку. А вечером в кафе! Мы еще Шнура слушали, припоминаешь?

— Молодой человек! Я НЕ ходила вчера ни в какое кафе.

— Слышь! Вонючка! Ну-ка давай, вспоминай!

Потом трубку на том конце выхватил Людмилин муж. Разговор не сложился...

5

Прятели обсудили рассказанную историю. Общее мнение сводилось к тому, что живут же, черт побери, типы вроде Макса интересной... насыщенной жизнью, а у других в жизни никогда не происходит ничего интересного... fuck!

Мы сидели в буфете Ленинградского вокзала. Вокруг сидели безногие, парализованные, глухонемые, однорукие и изъеденные

неприятными язвами люди. Возможно, физически полноценным пассажирам следовало сидеть в каком-нибудь другом буфете.

Где-то я читал, что руки-ноги нищим ампутуют специально. С целью повышения сборов. Впрочем, скорее всего это писал парень, просто не желавший давать инвалидам денег. Я каждый раз, когда у меня просили купюрку лез в тесный карман джинсов

Я тоже слушал Максовы истории, но — вполуха. Я просто сидел и смотрел в окно. Очень привычное занятие. Как телевизор, только звук нельзя прибавить.

Все-то я видел, все-то я знаю... сижу... тихонечко выживаю.

Макс спросил, неужели я совсем не пью алкоголь? Я сказал, что да, совсем. Тогда Макс спросил, может быть, я и курить бросил? Я сказал, что нет, курить не бросил.

— Тогда давай курить сигареты.

— Давай.

— А ведь когда-то, на конкурсе по скоростному выпиванию пива, ты взял сразу два первых места.

— Это было давно.

— Ты считаешь, что не пить алкоголь, это правильно?

— А ты вспомнил, чей телефон был записан на салфетке?

— Вспомнил.

Спустя несколько дней, Макс проснулся посреди ночи, от того, что картина полностью всплыла в памяти. Он сел и громко рассмеялся.

Выйдя с концерта группы «Ленинград», он, шатаясь, добрал до кафе, сел за столик и тут же начал лезть к девушкам с разговорами. Девушки попались суровые, а может, он просто был чересчур пьян. Девушки обзывали его алкоголиком и советовали лечиться. Они продиктовали ему телефон народной целительницы, кодирующей от запоев: целительницу звали Людмила...

Все сказали: «Й-й-йух ты!» И еще сказали: «Вот это история!»

6

По Ленинградскому вокзалу бродили цыгане. Цыгане в Москве практически не отличались от петербургских, казахских или римских аналогов.

В Риме я был несколько лет назад. Сам городок, если вы не были, совсем крошечный. Зато битком набитый антиквариатом. Авто-

бусная остановка, возле которой зарезали Юлия Цезаря. Макдональдс, больше похожий на Колизей, чем сам Колизей.

Какая-нибудь мраморная пердула, торчащая из асфальта, распиленная пульверизатором и засиженная римскими бомжами, которые не знают, где бы приткнуться и попить винца из бумажных пакетиков, может оказаться наиболее древней статуей континента.

В то утро я, помню, шел в град Ватикан, на службу. Я был выбрит и чист. Свернул за угол римской улочки и увидел, что навстречу мне идет целый табор точно таких же цыганских дамочек с детьми, какие бродят в районе Старо-Невского проспекта.

Растянутые «адидасовские» тренировочные... Цветастые платки... Как известно, цыгане — главные проводники мирового глобализма. Напротив Ленинградского по-прежнему стоял Казанский вокзал. Туда прибывали поезда с теневой стороны планеты.

Два дня назад я на поезде проезжал место, где с одной стороны от железной дороги расстреляли самодержца и святого православной церкви Николая II Романова, а с другой — дуэлянта и реинкарнацию Чингиз-хана, черного барона фон Унгерна... места обеих казней располагались совсем рядом.

У выхода из здания Ленинградского вокзала спали бездомные собаки. Целые стаи облезлых псов. А вот, например, в индийских кварталах Йоханнесбурга, ЮАР, совсем нет бездомных собак. В Южной Африке собакам жарко, у них не осталось шерсти — только кожа. Индусы ловят своих собак, кастрируют, сажают их в клетки, держат в клетках, как домашних канареек.

Радиоголос объявил посадку на мой поезд. Перед выходом на перрон цепью стояли милиционеры. Они проверяли у пассажиров наличие билетов. Тех, у кого билетов не было, заворачивали назад.

Милиционеры были похожи на караульного возле королевского дворца в Стокгольме. Перед входом во дворец там стоит длинный нескладный швед в форме и с длинным ружьем. Когда туристы хотят с ним сфотографироваться, он отставляет ружье в сторону, обнимает туристов за плечи и улыбается в камеру.

Через восемь часов буду дома и никогда в жизни больше его не покину... а может быть, и покину.

За сегодняшние сутки в Москве я устал больше, чем за предыдущую неделю, проведенную в Транссибирском экспрессе. Болели глаза и ноги. Прости меня, мое бедное тело, что тридцать один год и пять месяцев я таскаю тебя по самым вонючим дырам Восточно-

го полушария... по местам, которые невозможно запомнить и еще невозможнее понять, зачем я там побывал.

Потерпи, тело, осталось — децл. Скоро я положу тебя рядом с той, которой тебе не хватало... она станет гладить тебя по обгорелой коже... плохое закончилось, осталось хорошее. С этой минуты и навсегда — только хорошее.

Я буду богатым и бедным, валяющимся перед TV и шагающим под дождем, раздраженным и дремлющим после ужина, толстым и не очень толстым, мучающимся от зубной боли и глядящим детей по голове, пьяным, старым... очень разным... и все это время кто-то будет меня ждать. Кто-то будет переживать, что на улице ночь, а меня до сих пор нет.

Я протянул проводнику билет. Он кутался в форменную синюю шинель и не желал разглядывать мои билеты.

Я шагнул внутрь вагона. Там было прохладно.

13 МЕСЯЦЕВ

2003

КОРОТКО О ГЛАВНОМ

Предисловие Дмитрия Глуховского

Сегодня целый день пытался вспомнить, как же я познакомился со Стоговым. Не потому, что мучаюсь склерозом, а оттого, что кажется: да как так — «познакомился»? Я же его всегда знал!

Сверяешься с фактами: нет, не всегда. А всего-то года три. Всего три?.. Каждый раз, когда мне случается приехать в Петербург, я первым делом звоню ему. Потому что: без Стогова это просто промозглый и гордый чужой город. А с ним Петербург вдруг превращается в какой-то фантастический заповедник былинных героев. Нет больше улиц и набережных со смутно знакомыми названиями — каждый шаг ты ставишь ногу туда, где случилось что-то трагическое или анекдотическое. Герои девяностых — бандиты и рокеры, герои семидесятых — я их не застал и не запоминаю, герои позапрошлого века -- непохожие на свои бюсты и посмертные маски... Ну и герои сегодняшние тоже: Стогов — он хоть и классик, но ведь живой же. В общем, нет для меня никакого Петербурга Достоевского, и не надо.

Есть Петербург Стогова.

Говорят, хороший писатель должен быть талантливым рассказчиком. Стогов в таком случае получается писателем отличным, потому рассказчик он просто гениальный. (Я, например, по этой системе получаюсь как писатель довольно-таки дерьмо.)

Мозг Тургенева по сей день где-то выставляется как курьез: это один из самых тяжелых человеческих мозгов в мире. Уверен, что мозг Стогова тоже можно смело выставлять — из-за другой особенности. На нем просто нет живого места — он весь под завязку набит феерическими историями.

Его книги — это и есть его рассказы. Он так и говорит в жизни: теми же фразами, о тех же героях, точно так же мешая правду и вымысел в одному ему известных пропорциях. Слушаешь его и понимаешь: этот человек имеет право писать. Изучил жизнь. Рисковал шеей. Повидал. Осмыслил. Если бы в девяностых не только шлялся по миру, но еще и поучаствовал в жизни бандитского Петербурга, вышел бы русский Хемингуэй. Моя личная ассоциация. Впрочем, не уверен, что Стогов хочет быть Хемингуэем.

Черт вообще знает, каким должен быть правильный русский писатель. У Набокова с Платоновым, кроме русского языка, считай, ничего общего и нет. Но мне почему-то кажется так: те, кто сегодня вручают друг другу всяческие литературные премии, к жизни имеют отношения мало и в историю войдут навряд ли. Лет через сто о них только в Литинституте будут сонным графоманам рассказывать.

А туристы тем временем будут стоять в очередь на экскурсии «Петербург Стогова».

Salve, Regina, Mater misericordiae!
Vita dulcedo, et spes nostra, salve!
Ad Te clamamus exules filii Haeve.
Ad Te suspiramus gementes et flentes
In hac lacrimarum valle.
Eja ergo, Advocata nostra,
Illos Tuos misericordes oculos
Ad nos converte!
Et Jesum, benedictum fructum ventris Tui,
Nobis post hoc exilium ostende!
O, clemens!
O, pia!
O, dulcis Virgo Maria!

Декабрь

1

Эта история началась 22 декабря 2001 года. А закончилась спустя ровно год.

Иначе говоря, это не очень длинная история. Но для меня она была очень важна.

2

Вместо ручки на тяжелой металлической двери было кольцо. Тоже тяжелое и металлическое.

Стоять на лестнице было холодно. Я долго звонил. Потом начал думать, что, может быть, звонок не работает? Может, здесь принято стучать? В этот момент мне все-таки открыли. В дверях стояла монахиня. Вся в белом, а поверх — черная накидка. Улыбнувшись и кивнув, чтобы я проходил, она опять исчезла в глубине квартиры.

Я прошел. Две комнаты, слева кухня. На стенах — фотографии и иконки. Так выглядел Доминиканский монастырь. Обычный дом в центре Петербурга. На втором этаже дома — обычная квартира. А в квартире живут пять монахинь: настоятельница-итальянка сестра Матильда и четыре сестры из Латинской Америки. Ту монахиню, что открыла мне дверь, звали сестра Суяпа. Она была невысокой, смуглой, робкой. По-русски разговаривала смешно вытягивая губы. Словно пробовала русские суффиксы на вкус, и этот вкус ей нравился.

Сестрам тесно жить в двухкомнатном монастыре. Чтобы не загромождать большую комнату, раскладные кровати днем они уби-

рают в шкаф. А часовню, место, где начинается и где заканчивается их день, монахини отгораживают жалюзи. Очень удобно: раздвинул — оказался в часовне. Задвинул — просто в комнате.

Я переобулся, прошел в комнату, сел на диван. Постепенно монастырь заполнялся посетителями: петербургскими доминиканцами. На пятимиллионный город их набралось меньше десяти человек. Одеты они были тоже в белое и черное: цвета Ордена.

Женщины принесли хлеб и вино. Мужчины сдвинули с центра комнаты стол и расставили стулья. Единственный курящий мужчина (я) зажигалкой зажег стоящие на алтаре свечи.

Ровно в полдень все мы плечом к плечу встали перед алтарем и запели древний гимн:

— Veni Creator Spiritu!

3

Поколение, под скрежет Ramstein и Nine Inch Nails практикующее сегодня тантрический секс гордо своей продвинутой. Во как можем! Никто так не мог, а мы — пожалуйста!

Лучше бы вместо опусов Ирвина Уэлша поколение читало книги старого и мудрого еврейского царя Соломона. Тогда бы поколение знало, что нет и не может быть ничего нового под солнцем.

Восемьсот лет назад в Южной Франции уже произошла одна из первых европейских сексуальных революций. Сексуальная революция сопровождалась революцией психоделической. Также одной из первых.

Позже то, что происходило в те годы в Южной Франции, назовут ересью альбигойцев. Перерезав католиков, французские альбигойцы, гордые своей продвинутой, отжигали на бесконечном карнавале... они раз и навсегда решили, стоит ли жизнь того, чтобы жить... решили для себя, стоит ли задавать этот скучный вопрос.

Это были модные и красивые люди. Им была знакома радость свободной любви и радость расширения сознания. А главное — радость от того, что за все предыдущие радости им, красивым и модным, ни от кого не попадет.

В тех солнечных, располагающих к бесконечной сиесте краях было все, что считается модным сегодня. Ну, может быть, кроме Виктора Пелевина, который описал бы эту красоту. Остальное было все.

Да, чуть не забыл. Еще на захваченных альбигойцами землях остался один, самый последний католик. Этого странного и несовременного человека звали Доминико Гусман.

Каждое утро он приходил в свою церковь (самую последнюю церковь Южной Франции) и служил мессу. Никто не понимал зачем, а он все равно служил.

Каждый вечер он вставал на колени и молился о том, чтобы люди, живущие рядом с ним, были счастливы... Они удивлялись: о чем это он?... а он все равно молился.

Так продолжалось двенадцать лет подряд. Один, всеми брошенный, стареющий, Доминико продолжал служить и молиться. И, вы знаете, Господь услышал его молитвы.

Один за другим к Доминико начали приходиться ученики. Те, кто не желал альбигойского счастья. Те, кто хотел странного счастья Доминико Гусмана.

Никто не заметил, как все изменилось... но все действительно изменилось. Именно доминиканцы, люди в белых передниках и черных капюшонах сделали из Европы то, что мы сегодня называем Европой. То есть они показали уставшим от карнавала европейцам, что есть и другая жизнь, и эта новая жизнь европейцам понравилась.

Многие ли сегодня способны правильно поставить ударение в слове «альбигойцы»? Основанный же Домиником монашеский Орден до сих пор является самым распространенным монашеским Орденом в мире. Доминиканцы есть даже в том городе, в котором живу я.

4

Священник, стоящий за алтарем в домашних тапочках, торчащих из-под длинного облачения, выглядел непривычно.

Священник прочел всем нам проповедь. Проповедь была хорошая. О чем именно он говорил, я вам не скажу.

После проповеди начался сам обряд приема в Орден. За почти тысячу лет обряд ничуть не изменился. В промерзшем Петербурге начала третьего тысячелетия все происходило так же, как в теплой средневековой Франции:

— Чего ты просишь?

— Прошу тебя, сестра, принять меня в Орден проповедников...

Во всех больших католических Орденах существует как бы несколько под-Орден: мужчины-монахи, женщины-монахини и миряне. Меня, женатого парня, принять могли, разумеется, только в общину мирян. Состояла община в основном из женщин старше меня. Еще год назад я бы удивился: зачем мне общаться с такими

женщинами? Теперь я понимал: это моя семья. Люди, более ценные для меня, чем семья. Те, у кого мне предстоит учиться.

Они примут меня в общину, и дальше я стану смотреть, как живут они, пытаться жить так же. Это будет как школа. Мне предстоит начать все заново и разучить множество само собой разумеющихся штук. Типа, как ходить? как говорить? как поступать с окружающими? Это ведь только кажется, будто жить — занятие элементарное. На самом деле, это искусство. Более сложное, чем плетение макраме или компьютерный дизайн.

5

А потом священник через голову стянул облачение, монахини пригласили нас в соседнюю, маленькую, комнату, и все сели пить чай с пирожными.

Лично я чай не пью вообще никогда. Сестры сказали «ОК», отвели меня на кухню и выдали банку настоящего кофе из Латинской Америки. У той монахини, что мыла для меня чашку, на безымянном пальце правой руки было надето обручальное кольцо. Невеста Христова.

Священник, улыбаясь, рассказывал, как недавно ездил в Краков на юбилей. Один из краковских доминиканцев отмечал шестьдесят пять лет священства.

Я удивился:

— Шестьдесят пять?

— Шестьдесят пять. Он стал священником в 1936-м. И с тех пор каждое утро встает, умывается и идет в часовню молиться. Ничего нового: каждый день встает, умывается, идет молиться. Шестьдесят пять лет подряд... Мир несколько раз полностью изменился с тех пор, как он начал ходить в эту часовню... а он и до сих пор туда ходит. Говорят, в том месте, где он молится, в огромных каменных плитах образовалось углубление, продавленное человеческими коленями.

Допив кофе, я вышел на лестницу и выкурил сигарету. Стены на лестнице покрывались инеем.

Первая ступень принятия в орден называется «постулат» и длится год. Затем следует «новициат». Это еще год-три. Потом можно приносить обещания на всю жизнь.

Несколько лет... каких-то несколько лет и я — доминиканец.

1990-е... странное время. Чем я только не занимался на протяжении этого десятилетия. До годов, начинающих с цифры «20», мог, наверное, и не дожить. Однако дожил. Жив до сих пор.

Крещен я был в Католической церкви. Так уж получилось. Я был крещен не в детстве, а будучи взрослым парнем: двадцать мне уже исполнилось. То, что было до, и то, как стало после этого события... это было даже не разными частями одной жизни, а двумя разными жизнями. Я имею в виду, что отнесся ко всему этому очень серьезно.

Крестили меня утром, а уже вечером все сережки были вытаснены из моих ушей, футболки с нецензурными англоязычными надписями отправились в мусоропровод, а компакт-диски любимых U2 были раздарены знакомым...

Разливное пиво и растатуированные подружки остались в прошлом. Началась совсем другая история. Это было хорошо.

Друзья отжигали на первых rave-parties, а я читал отцов Церкви. Они уезжали на танцульки в Гоа, а я нешком отправлялся в паломничество в Могилев.

Так продолжалось какое-то время... а потом я огляделся и вдруг увидел, что все уже не так... что сережки и футболки на старых местах... что в CD-проигрывателе опять надрывается U2... а отцы Церкви лежат недочитанными.

Однако это был не окончательный финиш, а всего лишь промежуточный. Осенью 2001 года, Господь, богатый милосердием, еще раз тихонечко позвал меня по имени.

Мне была дана еще одна попытка. Шанс жить правильно.

Я не был уверен, что действительно знаю, как это — правильно. Мне предстояло сыграть партию в игре, в которой я не знал и половины правил. Откуда мне было их знать, если всю предыдущую жизнь я старался жить как раз НЕправильно?

Перед тем как уйти из монастыря, я все-таки задержался еще на немного и спросил у священника: что же мне делать теперь? Как жить дальше?

— Ты действительно хочешь жить правильно?

— Да. Хочу. Это сложно?

— Чтобы жить правильно, нужно просто жить. И смотреть, как у тебя получается. И если получается неправильно, если ты видишь, что упал, то нужно вставать и еще раз начинать все заново. Понимаешь?

- Если честно, нет.
 - Ничего страшного. Ты поймешь. Иди вперед, но каждый раз, когда упадешь, поднимайся снова.
 - Да?
 - Конечно! Давай поговорим об этом через год. Давай?
- Я сказал «Хорошо». Так начался год, о котором я хочу вам рассказать.

Январь

1

Проснулся рано. Не было еще и девяти. Полежал, не открывая глаз. Серая комната, сбитая простынь. Не поймешь: действительно ли начался день, или ты еще спишь?

Вылез из постели, выглянул в окно. Грязный снег за окном казался куда чище моей простыни. Умылся. Дошел до универсама, чтобы купить себе завтрак, но универсам был закрыт. Серый асфальт, смятое небо. Нет, похоже день действительно начался. В ларьке возле универсама купил себе печенье Choko-Pie.

Поцеловал детей и дважды жену. Вышел во двор. Сделал по двору несколько шагов. Конечным пунктом маршрута был Петропавловск-Камчатский. Край Азии. Берег Тихого океана. Место, за восемь тысяч километров от моего дома.

Сейчас, в момент когда я шагаю по своему утреннему двору, там уже поздняя ночь. Не знаю, продается ли в тамошних ларьках Choko-Pie. Не знаю и того, есть ли там вообще ларьки.

2

Самолет Ту-154 был тесным, у меня была клаустрофобия, посадили меня к самому окну, а почти что мне на колени посадили мясистого камчатского мужчину в меховой шапке и толстой куртке. Из носа мужчины торчали пучки шерсти.

В салоне погасили свет. Уши заложило еще до того, как мы оторвались от земли. Ненавижу это ощущение. Самолет сперва замер на секунду, а потом резко рванул вперед и вверх. Трясло так, что из

пластикового стаканчика, который мне принесла стюардесса, по сторонам разлетались брызги воды.

Облака начались почти сразу. Чтобы не смотреть в окно, я откинулся и закрыл глаза.

Думать начал, разумеется, о том, что там, куда я лечу, в 1982-м советские ПВО сбили южнокорейский «боинг». Погибло несколько сотен человек. А в 1999-м русский Ил-96 грохнулся прямо на жилой район в Иркутске. Погибло несколько сотен человек.

Когда ты взлетаешь, то всегда думаешь о чем-нибудь в этом роде. Втискиваешься в алюминиевую кастрюлю, повисаешь на высоте одиннадцати километров над промерзшей землей и начинаешь понимать, что прожил жизнь неправильно... что тратил ее не на то, на что стоило тратить... а потом ты приземляешься, подошвами касаешься земли и не можешь поверить: Господи! Неужели я и в самом деле думал обо всей этой херне?!

3

Из-за того, что самолет двигался с запада на восток, у меня было ощущение, что на месте я буду только завтра. Ведь прежде, чем мы приземлимся, должна будет пройти ночь.

Правда, для меня ночь будет длиться всего пару часов. Наступит полночь, мы начнем снижаться и приземлимся сразу в полудне завтрашнего дня.

По прямой из Петербурга в Петропавловск-Камчатский лететь больше тринадцати часов. Поэтому в пути самолету нужна передышка и дозаправка. Через пять часов после взлета мы начали снижаться для промежуточной посадки в Красноярске.

Температура в Красноярске была -14°C . Разница во времени с Петербургом — четыре часа. То есть у меня дома был ранний вечер, а здесь — глубокая ночь.

Транзитный зал был выстроен посреди заснеженного сибирского поля. Внутри рядами стояли кресла и еще был небольшой бар, всего на четыре столика. За одним девушка кушала мороженое. За тремя оставшимися мужчины стаканами пили водку. Под надписью «НЕ КУРИТЬ» стояла толпа мужчин с сигаретами. Среди них я разглядел и милиционера в форме.

Сидеть просто так было скучно. Я решил купить в баре бутылку минеральной воды.

В очереди передо мной стоял мужчина в камуфляжных штанах.

— Сок есть?

— Есть.

Долгая пауза. В этих краях торопиться не принято.

— А яблочный есть? В порядок себя приводить надо.

— Есть и яблочный.

— Нужно в порядок себя приводить.

— Наливать сок?

— Да. Яблочный. И водки. Двести пятьдесят.

— Двести пятьдесят?

— Влезет в чашечку двести пятьдесят? Если не влезет, то хотя бы двести.

Девушка наливает напитки в старые фаянсовые чашки с погрызенными краями. Мужчина не спеша, громко глотая, выпивает водку, чуть пригубляет сок и надолго задумывается.

— Еще чего-нибудь?

— Я ребятам говорю: мне же еще лететь! На самолете! А им не остановиться!

— Еще чего-нибудь?

— Да. Соку.

— Сколько?

— Чашечку. И водочки.

— Еще двести пятьдесят?

— Влезет в чашечку двести пятьдесят? Если не влезет, то хотя бы двести.

Девушка наливает ему в чашку еще двести пятьдесят граммов водки. Мужчина не спеша ее допивает. Смущенно улыбается. Трет переносицу. Кладет деньги и, шаркая подошвами, отходит покурить.

4

Потом в самолете я все-таки заснул. Поспать удалось всего минут сорок. Когда проснулся, ниже самолета лежала невнятная пенопластовая поверхность. Может быть тундра. Может быть замерзший океан.

Русские завоевали Сибирь меньше четырехсот лет назад. Темпы покорения необъятной территории поражают. Чтобы добраться от Урала до Тихого океана казакам понадобилось всего сорок лет.

Правда, прогресс не стоит на месте. Мой Ту-154 преодолел тот же путь всего за пять часов.

От взятой из дому книжки уже тошнило. Я стал просто смотреть в окно. Это было немного неудобно, потому что ровно мне в нос упиралась спинка впередистоящего кресла.

У меня было ощущение, что из дому я вышел несколько лет назад. Неужели печенье Choco-Pie я покупал всего лишь сегодня утром?

Во время посадки в Красноярске у самолета сменился экипаж. Теперь пилот вел самолет так, словно это был его личный велосипед. Резко заламывал виражи. Дергал руль. Самолет трясло.

Потом мы все вместе поднырнули под облака. Оказалось, что день сегодня довольно пасмурный. Я вытянул шею, посмотрел вниз, и Камчатка показалась мне черно-белой, как передача по старому телевизору.

Сразу под облаками начинались сопки. Ниже сопок начиналась бухта. По бухте ползли игрушечные кораблики. Я раздумывал, куда именно здесь можно втиснуть взлетно-посадочную полосу, а самолет пытался зависнуть в воздухе, встать на крыло, развернуться в этом самом тесном из возможных миров.

Потом самолет, наконец, коснулся земли и сразу, как при посадке на борт корабля-авианосца, замер.

Стюардесса прошла по рядам и предупредила:

— Готовьте паспорта. У выхода из самолета будет пограничный контроль.

Контроль оказался не сложным. Толстый майор-пограничник не глядя на проверяемых листал документы, потом устал, плюнул и побрел в здание комендатуры.

5

До города я ехал на корейском джипе. За рулем сидел молчаливый камчатский водитель. Я спросил, сколько стоит поездка, он, не разжимая губ, пробурчал, что \$7, и мы тронулись.

Сам город показался мне одноэтажным и серым. В одном месте я успел заметить вывеску стрип-бара. Перед входом не было ни единого человека. Спирт в этих краях шел гораздо лучше, чем стрип.

Пошли уже вторые сутки, как я не спал. Предыдущие четырнадцать часов я провел в неудобном самолетном кресле. Глаза слипались. Я полез за сигаретами.

— У вас в машине курят?

— Кури. Сам-то я бросил. Хотя раньше курил. Бывало, вечером, засяду в туалете. Пока сижу, две папироски выкурю. Так что — кури.

Спустя еще час я сидел в буфете гостиницы «Гейзер». Буфет был открыт, но буфетчица куда-то ушла. Я хотел выпить кофе и просто ждал, пока она вернется. За окном лежала Авачинская бухта. На барной стойке стояла местная водка в чумазых бутылках. Бухту мне было видно плохо, а водку — хорошо. Возле стойки RECEPTION на полу лежали мохнатые камчатские собаки. Внимания на людей они не обращали.

Потом буфетчица, наконец, появилась.

— Я хотел бы выпить кофе.

— Ой, а у нас нет кофе.

— Совсем нет?

— Ой, совсем.

— А есть где-нибудь рядом кафе, в котором продается кофе?

— Ой, тут рядом есть летнее кафе, только оно закрыто.

— Закрыто? А когда откроется?

— Ой, так летом и откроется! Да только лето у нас редко бывает.

— Нет кофе. Нет кафе, в которых есть кофе. А что у вас есть?

— Ой, печенье есть. Корейское. Называется Choco-Pie.

Господи, зачем я уезжал из дому?

6

Утром следующего дня я вышел из отеля. Народу вокруг почти не было. Большой сибирский мужчина в камуфляжной куртке и меховой шапке нес на плече целый мешок замороженных костей. Зарывшись в снег на обочине дороги, дремали бездомные псы.

Учуяв запах из мешка, псы встрепенулись, почувствовали себя охотниками и с лаем бросились на мужчину. Он остановился, нагнулся, не спеша, поднял с земли здоровенную ледяную колобаху и с чмокающим звуком вlepил ее псу-предводителю в бок.

Собаки тут же забыли об охотничьих инстинктах, заткнулись, прекратили лаять и вернулись дремать в снег.

Петропавловск-Камчатский тонким слоем расплзся между бухтой и двумя сопками. Будто кого-то вырвало. Ни единого дома выше пяти этажей. Ни единого здания старше тридцати лет. Ни одного, которое простоит хотя бы еще тридцать лет.

Я дошел до автобусной остановки. На остановке молча стояла корейская семья. Спустя пару минут подошел бородатый камчат-

ский мужчина. Очень спокойный. Подошел, сказал «Здравствуйте» и замер. Руки вдоль тела.

Мне сложно простоять полчаса без движений. Я порываюсь бежать, мечусь из стороны в сторону, много курю, сбиваю с ботинок снег. А вот мужчине это — раз плюнуть.

Мне никак не смириться с тем, что никаких срочных дел на свете не бывает. Все уже произошло. Бежать некуда. Я специально придумываю себе занятие — лишь бы не останавливаться. Лишь бы продолжать бег.

Жители Камчатки приняли этот мир как мужчины. Лицом к лицу. Нашли в себе мужество просто встать и полчаса не шевелясь ждать автобуса.

7

Нырять между сопок, автобус довез меня до центральной площади города. С одной стороны там высилось надгробие английского мореплавателя Кларка. После того как Джеймс Кук был съеден гавайцами, его заместитель Кларк привел корабли куковской флотилии в Петропавловск и тоже умер. С другой стороны лежало море.

Вода была очень чистая и воздух тоже. На воде стояли шесть больших рыболовецких кораблей и один военный, тоже большой. Просто стояли. Никто никуда не спешил.

Я выкурил сигарету. Над бухтой по диагонали полз вертолет. Даже он полз совсем бесшумно. Тишина на берегу была какая-то... вакуумная. Только вороны хлопали крыльями. Таких ворон, как здесь, я не видел нигде. Громадные, размером с пингвина. С могучими костяными носами. Похожие на летающих ящеров из третьего Юрастик-парка. Вороны лапами выкапывали из снега давно сгнивших моллюсков.

Взлететь эти жирные твари уже не могут и лишь ходят, переваливаясь с ноги на ногу. Говорят, вороны живут триста лет. Не исключено, что некоторые из этих птиц еще помнят времена, когда Ворон-Кутх был верховным божеством этих мест.

Серое небо. Серая бухта. Серые сопки. Выше ближайших сопкок — ослепительные белые горы. Четыре параллельные полосы. Честно сказать, я не любитель рассматривать пейзажи. Но бухта была реально красива.

Прекрасная молчаливая природа. Прекрасные молчаливые люди. Я думаю, что в жизни обязательно должны быть паузы. Такие

дырки, когда с вами ничего не происходит. Когда не бубнит телевизор. И вас не глушит бессмысленная болтовня. Когда вы просто сидите и смотрите на мир, а мир смотрит на вас.

Современный человек боится молчания больше, чем СПИДа. Но пока не прислушаешься, ты ничего и не услышишь, ведь так?

Продать квартиру в Петербурге. Купить дом в Петропавловске. Поздно просыпаться. Жить так, как живет стоящее на подоконнике растение. Часами смотреть на рассвет над бухтой. Просто смотреть. Жить в абсолютной тишине. Не подозревать о существовании MTV. Может быть, купить себе кресло-качалку и начать курить трубку. Научиться у камчатских людей их молчанию.

Впрочем, на какие бы деньги я здесь жил?

8

Вечером в местной газете я прочел, что в часе езды от Петропавловска вторую неделю идет извержение вулкана. Заметка была крошечная. Сообщалось, что до города пепельные бомбы не долетают, а долетают только до тамошней военной части, но военные к этому привыкли.

Рутина...

На относительно небольшой Камчатке насчитывают почти три тысячи вулканов. Во всем остальном мире — приблизительно столько же. Действующий вулкан здесь есть даже в черте города: Авачинская сопка.

Я спрашивал у петропавловцев:

— Не страшно?

— А чего? Ну, дымит. Нам не мешает.

— Жителям Помпеи Везувий тоже до поры до времени не мешал.

Петропавловцы пожимали плечами. Они никогда в жизни не слышали ни про Помпеи, ни про Везувий.

Подвали такое счастье москвичам (вулкан! работает! и место для парковки есть!) уж они бы развернулись. Вокруг кратера выросла бы сеть гипермаркетов и ежевечерне проводились бы вечерники с дорогим входом. А вот жители Камчатки настолько медлительны и нелюбопытны, что главная достопримечательность полуострова, Долина гейзеров, была открыта всего несколько десятилетий назад.

Долина — это пять километров чисто лунного пейзажа. Из обугленной, залитой серой поверхности к небесам бьют раскаленные фонтаны: грязь, вода и пар. По слухам, зимой это место чертовски красиво. В Петропавловск я прилетел как раз, чтобы написать о Долине. Материал был заказан мне американским географическим журнальчиком. На то, чтобы все осмотреть и сфотографировать, у меня ушла почти неделя. Ну а разобравшись с делами, я решил захватить еще и в «зону Паратунка»: другую долину, тоже сплошь усыпанную бьющими из-под земли горячими источниками. Возле каждого построен небольшой пансионатик или дом отдыха. Любимое место отдыха местных жителей.

9

Это был самый холодный день за все время моего пребывания в Петропавловске. Я вышел из отеля, застегнул на куртке все кнопки, ниже бровей натянул шапку, внутри перчаток сжал руки в кулаки.

Изо рта у меня валил густой пар. Щетина на верхней губе сразу покрылась густым слоем инея.

В автобусе рядом со мной сидела женщина-военная с маленькой дочкой. На женщине была толстая зимняя форма. Из-под шапки с кокардой виднелись уши с сережками.

В транспорте здесь никто не читает. Не читает книг, не читает газет, не разгадывает кроссвордов. Ничего в таком роде. Слова излишни в таких местах, как Камчатка. Я со своей суетливостью и многословием, тоже был лишним в этом молчаливом мире.

Вместе со всеми я просто смотрел в окно. Сопки снаружи были могучие и складчатые. Как слоночья морда. Садясь в автобус, я спросил у водителя, где мне лучше всего вылезти? Он промолчал. Я решил, что мужчина не в духе и не настаивал. Оказалось, водитель просто думал.

Через восемьдесят минут скачек по необъезженной камчатской дороге, он кивнул подбородком и просто сказал:

— Вот тут.

— Что «вот тут»?

— Лучшее место для купания.

Воздух был холодный и очень ясный. На горизонте виднелись белые, очень высокие горы. Прямо передо мной стояло обшарпанное здание.

Ветки деревьев были покрыты инеем, как трубочки в коктейлях — сахарной пудрой. Холодно было так, что я почти не чувствовал ног. Вокруг не было ни единого человека. Только зарывшись в сугроб грелась мохнатая ездовая собака. Увидев меня, она попробовала тявкнуть, начала выкапываться из сугроба, но замерзла, плюнула и зарылась обратно. Так выглядело лучшее на Камчатке место для купания.

Гнутые металлические буквы на фасаде здания сообщали, что передо мной — пансионат «Костер». Собаку я обошел, сделав большой крюк. Я боюсь больших собак.

Впрочем, внутри здания стены были обшиты деревом, персонал широко улыбался, а как выбираться отсюда, я не знал. Так что мне все равно пришлось бы остаться. Хотя бы на одну ночь.

С клиентами общалась красивая, высокая женщина-администратор. Номер с двухспальной кроватью, сообщила она, стоит в их пансионате \$25.

— Мне не нужна двухспальная кровать.

— Что ли ты один?

— Один.

Женщина долго переживала за меня, качала головой и говорила, что плохо человеку быть одному. Потом решила, что еще за \$12 подселит мне в номер симпатичную девчонку и на этом успокоилась.

10

Батареи были раскаленными. Наверное, их топили теплом из подземных источников. Да и могло ли быть холодно в пансионате, стоящем прямо на вулкане?

Через полчаса горничная выдала мне постельное белье: подушку толщиной в ладонь и две простыни. Я сказал ей спасибо, закурил и пошел взглянуть на бассейн.

Серая, растрескавшаяся, осыпающаяся бетонная емкость располагалась под открытым небом. Воняло серой. Перед деревянными ступеньками, ведущими в воду, лежал вытертый коврик. К самой воде свисает ветка дерева с длинными сосульками.

Сняв перчатку, я потрогал грязную воду. Потом сел на скамейку и вытащил сигареты. Стены были покрыты пятисантиметровым слоем инея. Ягодицы, которыми я касался скамьи, моментально замерзли. О том, чтобы искупаться, речи не шло. Я раздумывал, хватит ли у меня духу снять ботинок и сунуть в бассейн голую ногу?

От воды поднимался пар. Такой густой, что лишь докурив сигарету до конца, я разглядел: в бассейне целуется молодая пара. Из воды торчали только головы: белая ее и темноволосая его. В их волосах блестели вмерзшие льдинки.

Девушка положила молодому человеку голые руки на плечи. Влюбленные тихонечко разговаривали. Мне было слышно о чем: так, ничего не значащее влюбленное воркование. «Мур-мур-мур», — говорила девушка. «Ну так ебнийврот!» — отвечал возлюбленный.

11

В «зону Паратунка» петропавловцы ездят отжигать. Я говорил людям, что планирую провести там ночь, или даже две, и на меня смотрели со смесью зависти и сочувствия. Так смотрят на парней, сообщающих, что они спят с собственной сестрой.

В пять вечера начали подтягиваться гости. Мой номер располагался недалеко от входа. Из-за дверей было слышно, как визжат и хихикают женщины. Заплатив за номер, мужчины сразу спрашивали, где именно находится бар.

Натянув куртку, я вышел из номера. Вечер пятницы. Party-time. Пансионат «Костер» приобретает свой истинный вид.

На улице, у бассейна, играет радио. Все вокруг были пьяны и, перекрикивая музыку, общались. Причем употребляли существительные, которые мне было бы неудобно произнести вслух, даже если я уроню на ногу топор.

На стол для пинг-понга выставили водку и соленые огурцы в больших банках. Рядом стояли две невероятно толстые женщины. Они не стесняясь переодевали бюстгалтеры. Когда женщины улыбались, было видно: передние зубы у красоток — металлические. А камчатские мужчины были толсты и незагорелы. На плечах у них имелись флотские или армейские татуировки. Один стал вылезать из бассейна по скользким ступенькам, поскользнулся и всем голым телом рухнул на цементный пол. По сторонам брызнула черная кровь. Но улыбаться никто не перестал.

В штат пансионата включен массовик-затейник. Прокуренный мужчина пытается сделать вид, будто гости не просто накачиваются водкой, а отдыхают культурно. Мне были слышны его крики:

— Следующий конкурс! Играем на раздевание! Победит та команда, которая раздевшись быстрее всех, свяжет из своих трусов самую длинную гирлянду!

Из-за дверей моего номера слышался диалог. Юноша, лет двадцать, беседовал с пожилой регистраторшей.

— Бабуля, а у тебя газетка с телефонами есть?

— С какими телефонами-то?

— А с этими-самыми!

Бабуля роется в ящиках своего стола. Находит старую газету, в которой опубликованы телефоны контор, привозящих проституток на дом.

— На, сынок.

— А дорого это?

— Не знаю, сынок. Ты позвони, спроси.

Юноша вертит телефонный диск. Громко, не стесняясь, он договаривается с диспетчером, чтобы ему привезли двух девушек. На два часа каждую.

— Но они точно приедут? А то мы заказывали в прошлый раз, а нас обманули. Не привезли. Как зовут? Юля? Они хоть камчатские?

Регистраторша спрашивает, все ли ОК? Юноша тяжело вздыхает. Нет, бабуля, не все ОК. Цены оказались выше, чем он планировал. Испытывая неловкость, он спрашивает, не одолжит ли пожилая женщина ему \$15? Проститутки стоят немного больше денег, чем у него есть с собой. Но с утра он все отдаст.

Женщина улыбается и вздыхает:

— Ну что с вами делать? Выручу, конечно.

На этой стадии я все-таки засыпаю.

Часовые пояса сбили мой режим дня. Который день подряд я засыпал в восемь вечера, а просыпался в три ночи.

Вот и сегодня. Я повалялся с выключенным светом. Потом повалялся с включенным. Снаружи тихо. Почти тихо. Только женский голос объясняет кому-то, что если клиент пьяный и заснул, то это не важно. Она его поласкает, и он проснется.

Ночь прошла на редкость спокойно. Драка в коридоре случилась всего одна, а магнитофон в соседнем номере выключили уже в четыре утра. Наверное, не любят музыку.

Я натянул брюки, запер номер и пошел умываться. Перед входом в пансионат стоял микроавтобус. В салоне грелись проститутки. Высоченные, широколицые русские девицы. Крашенные волосы. Толстые шубы. За рулем сидел толстый бородатый сутенер в рыжей дохе.

Основная масса отдыхающих спала. Некоторые заснули прямо на полу в коридоре. Те, кто не спал, растаскивали проституток по номерам. В этом не было ничего, что заслуживало бы слова «эротический». К происходящему камчатцы относились так, будто речь идет о чем-то естественном и не очень интересном. Например, о выдавливании прыщей. Неторопливое и молчаливое древнерусское похабство.

У самого входа в душевую, стоит группка подростков. Тощие, короткостриженные. Из одежды только плавки и пляжные тапочки. Заискивающе улыбаются.

Перед подростками стоит громадная проститутка. Она поводит плечами и зычно выговаривает:

— Ну, мальчики, вы попали! Кто, говорите, первый?

Тинейджеры улыбаются еще шире.

14

Едва приехав в Петропавловск, я купил себе красивый дорогой путеводитель. Вечерами, валяясь на гостиничных койках, я прочел его весь. Триста глянцевого страниц.

Знаете, что интересно? Путеводитель был нашпигован полезной информацией. В нем указывались адреса и телефоны ресторанов, бань, баров, автозаправок, контор, позвонив в которую вы можете заказать вертолет и с борта вертолета застрелить черного камчатского медведя.

Но координат церковью указано там не было. Ни православной, ни католической. Никакой.

Составители путеводителей считали, что рассказали обо всем, что может понадобиться туристу. Зачем туристу нужен храм, они искренне не понимали.

Этот роскошный мир фонтанировал гейзерами. Голубел бухтами и сопками. Он был прекрасен, а ведь считается, что люди, которые живут рядом с прекрасной природой, тоже должны быть прекрасны.

Люди, живущие на Камчатке, прекрасными не были.

Я умылся, выпил кофе и вернулся в свой номер. Настроение было ни к черту. Бог хотел сделать людям подарок. Он придумывал

этот день, желая, чтобы день стал для нас маленьким праздником. Он все сделал верно... но некому было оценить Его подарок.

Первое, что приходит на ум человеку, решившему изменить свою жизнь, это то, что жить надо ЕСТЕСТВЕННОЕ. Без наворотов. Чем проще живешь, тем лучше становишься.

Камчатские люди жили проще некуда. Они были молчаливы, а я привык думать, что безмолвие и мудрость — почти синонимы. Ведь для того, чтобы услышать, нужно прислушаться. Эти люди прислушивались всю жизнь... но услышали они вовсе не то, что следовало. Могло ли быть иначе? Ведь на Камчатке практически нет церквей...

В этом мире очень легко заблудиться. И если ты идешь не по направлению к церкви, то заблудишься обязательно. Проснешься, а за окном вулкан, в объятиях широкоплечая камчатская проститутка и единственная мысль в пульсирующей голове: как теперь отдавать доброй старушке из RECEPTION взятые в долг денежки?

Глупо ругать грудного ребенка, за то, что он не говорит родителям «Доброе утро!» и ходит в туалет под себя. Окружающие меня люди были вежливы и чистоплотны. Даже с унтами камчатские мужчины носят выглаженные костюмные брюки. Камчатка — единственное из всех известных мне мест, где пьяный мужик, наступив тебе на ногу, тут же извинится, при этом сказав тебе «вы». Но хорошими эти люди не были. Они были просто людьми.

15

Я полез в рюкзак, порылся в нем, нашел breviарий. Если вы не в курсе, то breviарий, это такая богослужебная книжица. Псалмы, разделенные на несколько ежедневных чтений: утренняя, дневной час, вечерня, завершение дня.

Первую службу следует читать рано утром. С восходом солнца. Уже больше года я начинаю каждое свое утро с того, что читаю псалмы.

От частого использования breviарий стал, как старый боевой пес. Вытертые бока. Порванный переплет — как задетое в драке ухо.

Я открою свой breviарий и первым на планете прочту утреню. Я восславлю Создателя моего, а уже после меня — остальной мир. Камчатка — это ведь первый часовой пояс в мире, и новый день рождался всего лишь в десяти километрах справа за окном моего пансионата.

Глядя туда, на восток, я прочту три положенных псалма. Где-то через час другие люди прочтут точно то же самое во Владивостоке

и Благовещенске. Еще через час — в Хабаровске и Маниле. Через три часа — в Иркутске и Монголии.

Так и пойдет...

Говорить «Спасибо» не сложно. Главное начать.

Снаружи каркали священные местные вороны с костяными носами. Вокруг лежал самый дикий край на планете. И единственным человеком, способным оценить маленький шедевр нового дня, был я.

Я открыл книгу на первой закладке:

Сейчас, когда взошла заря,
Молитвы Богу вознесем,
Чтобы во всех делах дневных,
Он зорко нас хранил от зла.
Пусть будет в нас душа чиста,
От неразумия и зла,
Да обуздаем нашу плоть,
Храня умеренность во всем.
Чтобы, когда окончим день,
И возвратится ночи час,
Мы, незапятнанные злом,
Хвалу Ему воспели вновь...

Я стоял перед окном, за окном начинался новый день, и теперь все в этом дне было хорошо.

Февраль

1

Книга, которую я перечитываю чаще всего в жизни, называется «Исповедь» святого Августина. Первый раз я прочел ее, когда мне было двадцать, и с тех пор читаю не реже, чем раз в год.

Бывали, правда, тяжелые времена, когда толком почитать не удавалось. Но в основном — раз в год.

В одном месте «Исповеди» Августин пишет о своем умершем друге. Дословно не помню, но звучит примерно так: «Мой друг был половиной меня. А я — половиной его. И когда друг умер, я боялся тоже умереть, чтобы друг мой не исчез совсем».

Когда я прочел это первый раз, помню, фраза показалась мне фальшивой. То есть сказано-то, конечно, красиво... но о чем это?

Недавно я понял — о чем.

Я — не самый общительный парень на свете. В жизни у меня был всего один друг. Его звали Сергей Мыльник. Про него я и собираюсь вам рассказать.

2

Он жил в дурацком новостроечном районе. Раньше я тоже там жил. Но потом переехал. А он прожил в этом районе всю жизнь.

Я учился вместе с ним в школе. Но дружить мы стали только в последнем, восьмом, классе. До этого довольно часто дрались. Помню, как-то решили подраться в школьном туалете. Туалет был облицован белым кафелем. Раунд закончился вничью: Мыльник поврал мне пионерский галстук, а я разбил ему бровь.

Мы даже невинность потеряли одной и той же весной. В парадных одного и того же длиннющего блочного девятиэтажного здания. Он — во второй парадной, если считать от автобусной остановки, а я — в седьмой. Но у него это случилось на два месяца раньше, чем у меня. Зато у меня — с чуть-чуть более красивой девицей.

После восьмого класса из школы выперли нас обоих. Я, год поваляв дурака, пошел работать. А он в семнадцать лет женился на очень красивой девушке по имени Лена.

Лена была девушкой из приличной семьи. Ее папа работал во французском консульстве. Не знаю кем. Разумеется, не дипломатом... может быть электриком, или что-нибудь в этом роде. На свадьбу богатый папа смог подарить молодоженам небольшую квартиру.

Лена была действительно красива. Она была старше Сережи на год. У нее были рыжие, апельсинового цвета, волосы. Я был бы не прочь и сам быть рядом с такой девушкой. Но она предпочитала моего друга Мыльника.

Это не странно. Сережа был очень симпатичным парнем. Таким, знаете... похожим на Билли Айдла. Пока мы учились в школе, даже учителя говорили ему об этом. Наш с ним криминальный дуэт никому не нравился. При этом про меня все говорили, что я сволочь, а про Мыльника: какая он все-таки обаятельная сволочь.

Женившись в семнадцать, еще до достижения восемнадцати Мыльник развелся. Вместе с новорожденной Сергеевной рыжая Лена рыдая отправилась назад, к богатому папе.

Моим первым местом работы стал магазин по продаже спортивных велосипедов. Работа была дико денежная. Именно поэтому, проработав всего четыре месяца, я был вынужден уволиться. Нашлись люди, которые угрожали, что если я не освобожу доходную должность по своей воле, они просто посадят меня в тюрьму.

После этого я работал барменом, съездил в Германию, поучился в университете, а потом устроился работать закройщиком. В мои обязанности входило вырезание из норковых шкурочек определенного вида деталей, из которых скорняки потом шили шапки и шубки. Контора была частная и очень подпольная. Денег там платили еще больше, чем в велосипедном магазине, однако через два месяца я уволился и оттуда: мне было жалко животных.

Кончилось тем, что в девятнадцать лет я получил должность музыкального обозревателя в крупнейшем советском таблоиде. Моим непосредственным руководителем был мужчина, имевший удостоверение члена ЦК комсомола. Работа была не бей лежачего: раз в месяц я отсылал в Москву большую статью о той музыке, которую слушал, и все остальное время был полностью свободен.

Получив в журнале первый большой гонорар, я поехал не домой, а в гости к Мыльнику. Купленная по поводу свадьбы квартира располагалась на первом этаже. Чтобы попасть внутрь, нужно было постучать в окно и только потом, поднявшись по лестнице, позвонить в дверь. Если хозяин не хотел вас принимать, то звонить вы могли хоть до утра: Мыльник просто не реагировал.

Впрочем, видеть меня он был рад. На деньги, уплаченные центральным комитетом комсомола, мы купили целый ящик сухого вина. К полуночи от него осталось меньше трети.

Мы сидели в креслах, поставленных друг напротив друга, пили вино прямо из горлышка, курили сигареты и слушали любимую мыльниковскую кассету: старый альбом группы The Cure «The Head On The Door». Иногда в гости заглядывали странные типы. Люди без передних зубов, люди с загадочными татуировками, люди с глазами знатоков героина. Заходили и девушки. Одну из них хозяин увел в ванную, прихлебывая вино, в темпе сделал с ней секс и пинком выгнал вон.

Так прошло двое суток, а утром третьего дня мы сидели в грязном пивбаре, квартирующем на верхнем этаже прокопченного тор-

гового центра. Снаружи капал мокрый снег — озябший дождик. Пиво уже не лезло в горло и приходилось подталкивать его пальцем.

На тот момент я встречался с красивой девушкой по имени Карина. Сейчас она работает моделью в Лондоне... а может, уже и не работает... ушла на пенсию... вы же в курсе: модели старятся быстро.

Тогда ни о каком Лондоне речь еще не шла. Карина училась в школе. Ее карьера модели только-только начиналась. Пройдя суровый кастинг, Карина вела юношеское ток-шоу на телевидении и снималась в смешных кустарных рекламках.

Она действительно была очень красивой. На журнальный гонорар я собирался увезти Карину в Крым. Здесь, в Петербурге, встречаться с девочкой-школьницей было невыносимо. Каждый раз, как только мы запирались с ней в комнате, дверь сразу же распахивалась и на пороге появлялась Каринина мама, которая кричала, что если я сейчас же не застегну ширинку, то сяду в тюрьму прямо этим вечером.

О планах насчет Крыма я рассказал Мыльнику. Он сказал, что никогда не был в Крыму. Да и вообще на юге... там, где море.

— В чем проблема? Поехали с нами.

— Да ну. Ты с ней станешь спариваться, как нутрия. А я?

Мы помолчали. Купили себе еще по пиву. По осточертевшему, многократно разбавленному отечественному пиву в больших кружках.

Когда оно было допито, я уже понимал, что вряд ли в ближайшее время узнаю, на что еще способны теплые Каринины губы. Девушка осталась в дождливом Петербурге, а в Крым я улетел со своим другом Сергеем Мыльником.

4

Собрались быстро. Я купил блок сигарет, а Сережа кинул в пакет чистые футболки и любимую аудиокассету. Я сразу предупредил, что не собираюсь тратить на него остатки гонорара. Поэтому Мыльник сходил к знакомому и продал ему ультрамодные брюки Bugle-Voy. Теперь мы были готовы.

Я дозвонился до аэропорта, заказал два билета, узнал, что регистрация на рейс начинается через сорок минут, и засуетился. Выйдя на обочину оживленного хайвея, мы начали махать руками проезжающим автомобилям и объяснять водителям, что опаздываем на самолет. Через три часа мы уже смотрели на черное ночное Черное море.

Мыльник бросал в море докуренные сигареты и говорил, что, вот ведь, блин, никогда его раньше не видел, а оно, оказывается, вот какое.

Первые два дня все было ОК. Это была последняя осень Советского Союза. Билеты из Петербурга в заросшую пальмами Ялту стоили копейки, и все равно никто не желал туда лететь. Мы были, наверное, единственными туристами в этой осенней советской Ялте. У нас было действительно много денег. Дни заканчивались вечерами, вспомнить которые наутро было невозможно, и это было хорошо. Только один раз мы с Мыльником провели вечер в относительно вменяемом состоянии. То есть, выпито, конечно, было немало, но сознания никто не терял.

Мы сидели на набережной. Она была пустой и темной. Не знаю, с чего, но я спросил Сережу о смерти. Боится ли он ее? Думает ли о ней?

— Не-а. Не думаю.

— Вообще?

— Ты что ли думаешь?

— Да нет. Просто так спросил.

Не знаю, с чего я завел этот разговор. Но, сидя на неосвещенной ялтинской набережной, поплеывая в Черное море и куря вонючую болгарскую сигарету, я предложил своему другу сделку. Договор о взаимопомощи.

— Понятия не имею, когда я умру. Не знаю, что там... ТАМ, you know?.. Возможно, там ничего нет, но если все-таки есть, то хотелось бы подстраховаться.

Мыльник на меня покосился. Думаю, что все это интересовало его в тот момент не очень сильно.

— Короче, суть в следующем. Если умрешь первым, то ты меня подстрахуешь. Ну, там, походатайствуешь... если будет перед кем. Что-нибудь в этом роде. А если первым умру я, то сам за тебя похлопочу. То есть, тот, кто умирает первым постарается встретить того, кто умирает вторым... ну, если, конечно, получится... Договорились?

— Договорились.

Вряд ли он запомнил тот разговор. А я, вот, помню его до сих пор.

5

Обычно перечень семи смертных грехов начинают с неводержанности. Ни я, ни Мыльник воздержанными действительно не были.

Много алкоголя, много девушек... все, что предлагал нам мир, мы тут же тянули к себе, спешили попробовать. Верили, что миром стоит пользоваться, пока можно. Не знали еще, что под видом карамели мир предлагает детям в основном динамит.

Очень быстро мой друг дотянулся до hard-наркотиков. Стал жадно пробовать их тоже. А мне вот хватило и алкоголя.

После того раза в Ялте я был всего однажды. Несколько лет назад съездил с подружкой. Я не хотел ехать: был уже, хватит. Но все равно поехал.

Пил я четвертый месяц подряд. С Нового года до самого конца апреля. Если бы нашлись желающие увезти меня не в Ялту, а на Колыму, то я съездил бы и туда.

На вокзал в СПб я прибыл настолько пьяным, что помню, громко беседовал с бронзовым Петром Первым, выставленным в Зале ожидания. Петр косился и трусливо помалкивал.

Всю дорогу до украинского Крыма я продолжал пить. Подружке было за меня стыдно. Иногда она делала вид, что едет вовсе и не со мной, а иногда визгливо орала. Требовала успокоиться.

Успокоиться, не пить, вести себя как человек было для меня не проще, чем вести себя как птица и, махая руками, летать вокруг вагона.

В Ялту мы приехали рано с утра. Вышли на перрон и я с удивлением заметил, что, оказывается, с собой у подружки был большой солнечный зонтик. Она говорила, что еще в Петербурге я помогал вносить этот зонтик в вагон, но я абсолютно этого не помнил.

Какое-то время я отсыпался. Потом выполз за порог арендованной квартиры, выпил пива, прогулялся по ялтинскому бульвару.

Вон там мы с Мыльником как-то сидели в уличном кафе. Вот тут на второй день по приезде познакомились с двумя смешливыми крымчанками, которые даже не слышали о таком слове, как «стыдно». Помню, какие круглые у них были сисечки... С тех пор прошло десять лет. Мне уже исполнилось 29, а Мыльник к этому времени уже умер.

6

Я жил своей жизнью. А он своей. Медленно, но верно я становился лучшим газетным репортером Северной столицы. Из карьерных соображений иногда мне приходилось нацеплять галстук, но я знал:

тылы прикрыты. В окраинных блочных гетто живет мой друг, свободный настолько, что даже не слышал о такой штуке, как карьера.

Он был тем, кем я мог стать: live fast, die young. Но, к счастью, не стал. Я был уверен, что иду в гору, а он сползает вниз. Мне было приятно, что этот парень был стопроцентный панк и еще приятнее — что панк все-таки он, а не я.

Мой друг жил, как жилось. И в то время я думал, что может быть мне тоже стоит жить именно так. Если бы мне рассказали, будто на свете бывает какая-то еще жизнь, то я рассмеялся бы и не поверил, что действительно бывает.

И все-таки его жизнь мне не нравилась. Жить как живется — в этом мне виделся какой-то подвох. Я пил не меньше, чем он. Может быть даже больше. Но я пил в модных заведениях и делал это в компании медийных рож. Я верил, что разница между нами существенна.

Думаю, мне было просто страшно стать точно таким же, как мой друг. Виделись мы редко. Последний раз — месяца за два до того, как он умер.

7

Получилось так, что я заночевал в чужой квартире, которая располагалась всего за пару кварталов от мыльниковской и, проснувшись с утра, подумал: почему бы не зайти к старому другу?

Как и положено, сперва я постучал в окно и только потом позвонил в дверь. Не открывал он долго. Я начал думать, что может быть мне отказано в посещении. Но оказалось, Мыльник просто спал.

— О! Привет! Деньги есть?

Я прошел, не разуваяясь дошагал до кресла и закурил. Кресла, как и десять лет назад стояли друг напротив друга. Только The Cige Мыльник давно уже не слушал.

— Деньги, говорю, есть?

— Нет.

— Совсем нет?

У меня действительно не было денег. Накануне я напился за чужой счет и теперь даже до метро мне предстояло идти пешком.

— Совсем нет.

— Повторяю последний раз: совсем-совсем? Может все-таки есть?

Я порылся в карманах. В карманах брякала мелочь. В общей сложности, меньше четверти доллара.

— Вот. Это все.

— Ха! А ты говоришь нету! Ща все будет!

Отобрав у меня мелочь, Мыльник исчез. Я успел выкурить еще сигарету. Вернулся он с бутылкой из-под «Фанты» и парой молодых людей: юношей и девушкой.

Девушка была дико косоглазая. Чтобы понять в какую именно сторону она смотрит, мне приходилось серьезно напрягаться. Девушка вымыла всем по стакану.

— Что это?

— Ты не в курсе? Это «Льдинка».

— Это пьют?

— Еще как пьют! Отличный напиток!

Тощий мыльниковский собутыльник рассказал, что вообще-то напиток предназначен для мытья то ли окон, то ли автомобилей. Но за два подъезда отсюда живет дядя Гурам, который в промышленных масштабах разбавляет «Льдинку» водой и фасует в такие вот бутылочки.

— Слушайте, вы серьезно? Станете это пить?

— А ты не станешь?

— Разумеется, нет.

— Хорошо. Не пей. А мы выпьем. Правда, Наташа?

Косоглазая Наташа кивнула. Она-то конечно, выпьет. Дядя Гурам разбавляет жидкость в нужных пропорциях. Он заботится о клиентуре и никогда не забывает капнуть в бутылочку немного уксуса, снижающего риск ослепнуть от первого же глотка. Так что, почему бы не выпить?

В качестве закуски тощий принес с собой сладкий болгарский перчик. Его разрубили на восемнадцать частей и вечеринка началась.

8

Раз в десять минут Наташа начинала вращать непослушными глазными яблоками и спрашивала у молодых людей, который час?

— Десять.

— Десять вечера?

— Десять утра.

— Понятно. Выпьем еще?

— Выпьем!

— А теперь сколько времени?

— А теперь семь минут одиннадцатого.

— Вечера?

— Утра.

— Понятно. Выпьем еще?

После первой бутылочки на столе возникло еще несколько. Наверное, мелочь завалилась не только в моих карманах.

К чему скрывать? Я тоже выпил немного «Льдинки». Я утешал себя тем, что настоящий репортер должен попробовать все на свете.

В бутылке плавали белые волокна. Мыльник сказал, что это ва-та. Дядя Гурам фильтрует напиток чрез ватные тампоны.

— Сколько времени?

— Пол-одиннадцатого.

— Вечера?

— Утра.

Я спросил у девушки, в чем причина? Почему она так интересуется временем?

— Боюсь пропустить.

— Пропустить что?

— Пропустить, когда будет восемь.

— Восемь чего?

— Восемь вечера.

— А что произойдет в восемь вечера?

— У меня важная встреча.

Тощего парня звали Гомер. Узнав об этом, я порадовался: какие все-таки образованные в Петербурге панки! А оказалось, что в виду имелся не автор «Илиады», а персонаж мультфильма про Симпсонов.

У Гомера были длинные пальцы с красивыми ногтями. Под ногтями чернела жирная грязь. Он рассказывал, как недавно ходил на дискотеку в соседний микрорайон и там незнакомый пидор угостил его вкусной свининой.

— Пидор?

— Ну да. Гибкий такой. Как глиста. Говорит: хочешь, я тебе, дружище, мяса куплю?

— А ты?

— Поел. Чего не поесть?

Наташе Гомер приходился мужем. Они сидели на диване плотно прижавшись друг к другу и со стороны выглядели, как большой и указательный пальцы на ноге. Насчет важной встречи Гомер все мне объяснил:

— В соседнем микрорайоне азербайджанцы открыли ларек. Наташка договорилась в восемь вечера подойти и сделать тамошним

обезьянам оральный секс. Азербайджанцы обещали заплатить. Так что, пока можно пить и не париться: вечером деньги будут.

-- А вдруг они обманут? Не заплатят?

— Заплатят. Куда денутся? Если не заплатят, я им ларек сожгу.

Восьми вечера пара не дождалась: исчезла раньше. Не знаю, заплатили ли им азербайджанцы. Я в восемь вечера уже ехал куда-то на такси.

Я сидел впереди, рядом с водителем. Мыльник и еще один растатуированный орангутанг сидели сзади и громко (так, чтобы было слышно водителю) общались.

— Зря ты того таксиста зарезал.

— Думаешь, зря?

— Конечно! Отнял бы бабки, ткнул бы ножом... Ну, глаза бы вырезал... А убивать-то зачем?

— Ну, может, действительно зря.

— Сегодня-то топор взял?

— Конечно! Я без топора никуда! И топор, и заточку. Все со мной.

На водителя я не смотрел. А он, похоже, не смотрел на дорогу — только в зеркальце заднего вида.

Когда мы доехали, я вылез из машины и аккуратно закрыл за собой дверь. Мыльник сказал «спасибо», тоже вылез и таксист сразу же исчез. Растворился в воздухе. Парни долго над ним смеялись.

Вечер закончился тем, что мои спутники, взяв тяжелые деревянные колья, долго лупили по лобовому стеклу и капоту дорогой машины. После этого Мыльника я не видел ни разу.

Он умер, задохнувшись во сне. Обычная смерть героиновых джанки. Дело в том, что их организм постепенно разучивается дышать и вообще делать хоть что-то, кроме переваривания инъекций.

9

Говоря об умерших, живые выпячивают грудь. Бедолаги! Уже умерли! То ли дело мы! Мы-то живы! Для нас-то все продолжается.

Не думаю, что простая продолжительность жизни играет большую роль. Какая разница: жив ли ты, умер ли... важно, в какую сторону ты живешь, а сколько живешь — это уже частности.

Между мною и моим умершим другом больше общего, чем отличий. Отличие вообще лишь одно: Господь дал мне остановиться.

Позвал меня и дал сил расслышать. Возможно, Мыльника Он звал точно так же. А тот решил, что ему показалось.

Мне точно известно: Господь очень хотел помочь моему другу. Просто иногда мы не желаем, чтобы нам помогали.

Мыльник пришел домой. Не раздеваясь, уснул. Сделал последний глоток грязного воздуха. И я уже никогда не узнаю, что творилось с ним дальше. Вернее, узнаю... но в тот момент меня будет куда больше интересовать собственная биография.

Мы родились с этим парнем в один год. Были маленькими, сорокасантиметровыми. Радовали родителей тем, что научились ходить... смешно ковыряли в носу... через двадцать с чем-то лет он умер.

На похороны я не пошел. Не по каким-то соображениям... просто был пьян в тот день. Разумеется, пьян. По слухам, пришедшие на поминки приятели умершего нажрались, как скоты, и вели себя отвратительно. Я тоже в тот день вел себя отвратительно. Но, по крайней мере, не на глазах мыльниковских родителей.

Я заходил к ним пару раз. Сережина мама говорила, что собирается продать квартиру на первом этаже и уехать жить в провинцию. Там у них родственники. О сыне старалась не говорить.

Я тоже редко говорю о нем вслух. Но часто думаю про своего друга. По справедливости место Мыльнику в аду. Мне тоже. Но я по-прежнему надеюсь, что все еще может обернуться хорошо. Для нас обоих. Ведь Бог, в которого верит моя церковь, не справедлив, а милосерден.

Заклячая взаимовыгодную сделку, там, на ялтинской набережной, я не думал, что все так обернется. Мой друг умер первым. Как и обещал, я молюсь о его душе. Каждый вечер встаю на колени и прошу Бога, богатого милосердием: прости нас, что Ты подарил нам жизнь, а мы распорядились ею столь бездарно...

Март

1

Пятнадцать лет назад, едва приняв крещение в своей церкви, я отправился в паломничество.

Не подумайте, будто отправился я куда-нибудь типа Иерусалима или Рима. Путь мой лежал всего лишь из русского Смоленска в белорусский Могилев.

Одновременно с началом паломничества в тех краях начался сезон непролазных, стеной идущих ливней. Иногда идти приходилось буквально по пояс в жидкой грязи. Палатки ставили прямо поверх воды. Спали не раздеваясь. Во сне плотнее прижимались к теплым телам соседей.

На девятый день ходьбы по непролазным белорусским болотам, все мы, паломники, вышли на окраины безымянного села. Для жителей это стало невиданным аттракционом. Колонна состояла из нескольких тысяч по уши заросших грязью пешеходов. Впереди шли монахи с хоругвями. Каждый — в одежде соответствующего ордена.

Сперва жители решили, что началась война, и попрятались. Потом, разглядев хоругви, начали понемногу вылезать из домов. «Божеверующие!» — удивленно шептали они.

Ошалевшие от радости мальчишки... бабушки в чистых платочках. Одна толстая белорусская женщина подскочила к группе африканцев и принялась хватать их за руки, приговаривая, что ах, какие они черненькие, никогда не видела живых негритосов!

Ноги у меня были стерты по самые уши. Я доковылял до первого попавшегося пригорка и вместе с рюкзаком рухнул в мокрую траву.

Неподалеку тут же нарисовался хулиганистый белорусский мальчишка. Сперва он просто сел рядом. Потом вскочил, пробежался вокруг и снова сел. Только после этого решился заговорить:

— Дяденька! Дяденька! А вы кто?

Джинсы, в которых я вышел из дому, порвались приблизительно неделю назад. Теперь нижняя часть моего тела была одета в чужие тренировочные штаны. На два размера больше, чем нужно. Верхняя тоже была во что-то одета, но из-под толстого слоя грязи было невозможно понять во что.

Кожа у меня на лице сторела и свисала клочьями. Так что вопрос был уместен. Возможно, мальчишка рассчитывал, что я чистосердечно признаюсь в том, что являюсь инопланетянином.

Я сказал:

— Мы, мальчик, христиане.

Мальчик опять вскочил, сделал еще кружочек вокруг, вернулся и задал следующий вопрос:

— Дяденька! Дяденька! А христиане — это кто?

— Христиане, мальчик, это...

(Господи, как объяснить ему одной фразой?)

— Христиане, мальчик, это сильные, но добрые мужчины и любящие, но верные женщины.

Мальчик не стал больше вскакивать. Он посидел, подумал над тем, что я сказал, потом поднял лицо и совершенно серьезно сказал:

— Таких людей, дяденька, на свете не бывает. Тот, кто сильный, добрым быть не может...

2

То паломничество было сложным... но и радостным тоже. Паломники шли пешком, а весь багаж везли за ними на больших КамАЗах. Идти предстояло десять часов в сутки. Просто идти, вслух читая молитвы или слушая проповеди.

Проповеди читали монахи-доминиканцы. Тогда я впервые увидел этих странных мужчин в белых плащах с капюшонами. Чтобы проповеди были слышны даже в хвосте многотысячной колонны, монахи говорили в электрические мегафоны. От этого проповеди казались особенно необычными.

Каждый вечер КамАЗы с багажом подгоняли поближе к лагерю. Молоденький монах родом из Чехии, забирался в кузов и сбрасывал рюкзаки на землю, а дальше паломники, толкаясь, наступая друг другу на стертые ноги, разбирали вещи.

Стояла жара, и вечерами, стаскивая облачение, чех ходил просто в шортах. Как-то я стоял перед кузовом и уперся взглядом в его голые колени. Коленки были стерты. Буквально до кости. Монах был всего чуть-чуть старше меня, но его кровоточащие колени наглядно свидетельствовали, чем он занимался почти всю жизнь. Чем, в отличие от меня, он занимался почти всю свою жизнь.

В ту ночь я долго не мог уснуть. Как я хотел, чтобы мои колени выглядели так же! Ему, чеху, будет что показать Богу на Страшном суде, а вот что покажу я?

3

А приблизительно за полгода до того, как окунуться в дремучие белорусские болота, я твердо решил принять таинство крещения.

В детстве родители меня не крестили. А когда при Горбачеве ходить в церковь стало модно, то от крещения вместе с младшим бра-

том я просто отказался. Терпеть не могу делать то, что принято делать в нынешнем сезоне.

В начале 1990-х все вокруг меня вдруг стали жутко набожны. И, разумеется, я тут же ощутил себя воинствующим антиклерикалом.

Одним из моих ближайших приятелей тогда был парень-баптист родом откуда-то с американского Юга. У баптистов не принято пить алкоголь, поэтому я ежевечернее вливал в приятеля несколько бутылок вина

(тут тебе не Америка — пей! пей, говорю, а то поругаемся!)
и до слез доводил его своими остротками на тему Библии.

Американца звали Джейсон. Как-то мы гуляли по тесному петербургскому центру. Парень рассказывал, что дома, в Штатах, у него есть girl-friend. Когда он вернется домой, то наверное сразу же женится на ней.

— Здорово! Прямо сразу-сразу женишься?

— Ага.

— Что-то физиономия у тебя кислая.

Джейсон сказал, что нет... на самом-то деле он рад, просто... короче... в общем, его избранница весит двести килограмм. Я наверное в курсе: в Америке существует проблема избыточного веса у женщин. Его girl-friend как раз из таких.

— ДВЕСТИ?!

— Да. Ровно в четыре раза больше, чем я.

— Офигеть! Двести килограмм! Не могу не спросить: как же вы... ну, это...

— До свадьбы мы договорились не делать секс.

— А после свадьбы? Парень! Впереди тебя ожидает реальное приключение! Напишешь потом, как все прошло?

— Ты действительно считаешь, что это смешно?

— Где ты взял такую подружку?

— Наши родители дружат. Я знаю Кэрри с детства. Раньше она была не такой... э-э-э... в общем проблема избыточного веса раньше не стояла столь остро.

— Двести килограмм! А рост? Какой у нее рост?

— В том-то и дело! Меньше пяти футов.

— Меньше пяти футов? Блин! Когда она ложится вверх животом, то выглядит наверное выше, чем когда стоит на ногах, да?

— Зато она очень хороший человек.

Болтая, мы просто бродили по улочкам. В тот момент как раз брели мимо странного здания из серого гранита. Я заинтересовал-

ся и остановился. Прежде я не встречал в своем городе столь странных зданий.

Внутри вел десяток ступеней. Однако пройти и рассмотреть все хорошенько было нельзя: вход в здание был перекрыт железной решеткой. По ту сторону решетки, прямо на фасаде здания была установлена статуя Девы Марии.

Улочка была настолько крошечная и пустынная, что, возможно, не значилась ни на одной карте города. Три низеньких дома. Потрескавшийся асфальт. Высоченный шпиль гранитного здания. За решеткой — статуя женщины с огромными глазами.

Потом Джейсон вернулся в свою Америку и, наверное, все-таки женился на хорошей девушке, испытывающей проблемы с избыточным весом. Он не писал мне и вскоре я забыл о нем. О нем, о его девушке, обо всем, что связано с этим парнем...

А потом все изменилось. Мне будет затруднительно объяснить вам, что именно произошло... а кроме того, я и не хочу вам это объяснять... но все действительно стало другим.

4

Я — парень очень русский. Решив принять крещение, я, разумеется, имел в виду принять крещение в Православной церкви.

О религии в тот момент я не знал ничего. Даже еще меньше. Поэтому решил сходить в церковь на разведку. Посмотреть, как все это происходит. Просто чтобы потом в нужный момент не чувствовать себя дураком.

Я дошел до желтого православного собора, стоявшего почти напротив моей тогдашней квартиры, и узнал, что назавтра служба начнется вечером, а как раз перед ней и проводится таинство крещения.

Деньги, чтобы заплатить за крещение, у меня были. Я не переживал. Решил, что схожу, хорошенько все рассмотрю и стану настоящим христианином без особых проблем.

На следующий день после обеда я лег почитать и заснул. А проснулся, когда времени было уже в обрез. Вскочил и (еще сонный) побежал в церковь.

Знаете, бывает такое состояние... когда ты толком не понимаешь, спишь ты или уже нет. Когда все зыбко... болезненно. Когда серый мир наваливается на тебя, давит, агрессивно хмурится тебе, плохо соображающему, в лицо. Вот в таком состоянии я и добежал до храма.

Все еще потирая глаза, вошел внутрь. В соборе был высоченный, выше неба, потолок. Где-то там, под потолком, металось древнее песнопение. Чернобородые, заросшие по самые глаза священники бесконечными рядами выходили из-за иконостаса. Каждый из них был огромен и пузат. Каждый из них держал в руках кадило. От дыма мне сделалось дурно.

Византийская литургия напугала меня. Это было как заглянуть в зрачки сфинкса: я не отражался в этих зрачках.

У священников были высокие черные головные уборы. Их было настолько много, что я растерялся. Низкими голосами они пели о чем-то, чего я абсолютно не понимал. О чем-то величественном и грозном. О чем-то, перед чем я был лишним.

Я стоял у самых дверей. Дальше пройти не решался. Вокруг стояли широколицые люди. Такие же русские, как я... вернее, гораздо более русские. Они все понимали прекрасно. Когда нужно — до земли кланялись. Когда нужно — размашисто крестились.

Это была церковь моих предков. Многих поколений моих далеких предков. Но моей эта церковь не была. Простояв в храме меньше получаса, я вышел на улицу.

5

Только не подумайте, будто я ругаю Православную церковь или что-нибудь в этом роде. Я не сомневался, что передо мной настоящая церковь Христова. Не сомневался и в том, что эта церковь ведет людей в правильном направлении. Я сомневался, существуют ли точки соприкосновения между этой церковью и лично мной.

Вокруг сбора был разбит небольшой садик. Я сидел на скамейке, курил и, если честно, был ужасно расстроен. Неужели я все понял неверно? Мне казалось, что меня зовут — я пришел и оказался здесь чужим. Неужели все-таки ошибся?

Докурив третью подряд сигарету, я решил вернуться в храм. Подошел к входу. Постоял. Послушал доносящийся изнутри непонятный гимн. И внутрь не пошел. Не смог себя заставить. Именно тогда я вспомнил о здании, которое видел, гуляя сто лет назад со знакомым американцем.

На самом деле я не знал, что это за здание. Не знал, храм ли это и, если храм, то какой конфессии. Я ни разу не вспоминал о нем. Я даже не очень четко помнил, где его видел. Но, уйдя из право-

славного собора, решил сходить, поискать. Делать-то все равно нечего. Почему не пойти? Именно так я первый раз в жизни попал на мессу в католической церкви.

Даже если бы я планировал специально, то вряд ли вышло бы лучше. В церковь я вошел ровно за минуту до начала службы. Я сделал шаг, и, будто обрадовавшись, тут же заиграл орган.

Народу было немного. А священник был и вовсе один. Молодой, гладко выбритый. Почти в конце службы он обеими руками поднял над головой Хлеб, переставший быть просто хлебом:

— Вот Агнец Божий, берущий на себя грехи мира! Блаженны вы, званные на вечерю Агнца.

Прихожане опустили на колени и все вместе ответили:

— Господи! Я не достоин, чтобы Ты вошел под кров мой! Но скажи только слово — и исцелится душа моя!

И опять стало тихо-тихо.

Я сидел на старой деревянной скамье. Разглядывал живые цветы, стоящие в красивых вазах... витражи на больших окнах. Я отсидел всю мессу, которая оказалась совсем не длинной: меньше сорока минут.

После мессы священник смущенно улыбнулся:

— Возлюбленные! Мы редко общаемся. Давайте попробуем лучше узнать друг друга! Спускайтесь в нижний зал нашей церкви, там приготовлен чай. Мы будем разговаривать, а потом вместе помолимся.

Я понял, что вернулся домой.

6

Несколько месяцев назад я разговаривал с отцом Даниель-Анжем: самым известным из ныне живущих христианских проповедников.

Настоящего имени этого священника я не помню. Оно у него длинное и очень сложное. Отец Даниель-Анж родился в старинной аристократической семье и даже воспитывался вместе с бельгийским королем Бодуэном.

Повзрослев, он вступил в орден бенедиктинцев. То есть, вообще-то, он отшельник, и по идее не должен никуда из своего монастыря уезжать. Некоторое время он и не уезжал. Жил в монастыре, а монастырь располагался где-то в Африке. Не помню, где именно.

Иногда отец Даниель-Анж встречался с местными жителями. Они разговаривали... просто разговаривали... но всего через

несколько лет африканцы оставили свое язычество, были крещены и едва ли не поселились при бенедиктинском монастыре.

В частной беседе священник не производил какого-то особенно-го впечатления. Сухонький. Очень старый. Седые волосы и черные глаза. Но когда становится совсем плохо, когда кажется, что надежды нет, людей не переубедить и все рушится, тогда именно этого человека просят приехать и поговорить с людьми.

Он не отказывается. Приезжает. И все опять становится хорошо. Когда со священником встречался я, он рассказывал:

— Я много езжу. Иногда неделями не бываю у себя дома, в монастыре. Я стараюсь хотя бы два-три дня в неделю проводить в молитве и созерцании. Но получается не всегда.

Один раз мне нужно было в течение трех недель прочесть сорок проповедей. Это было в Канаде. Я с братьями ездил по детским больницам и приютам для детей-инвалидов.

Если честно, я устал как никогда. Я очень хотел домой. В монастырь. Просто ОЧЕНЬ хотел.

Мы приехали в приют, где лежали совсем маленькие дети. Там был мальчик, который вообще не вставал с постели. Чтобы поговорить с ним, я подошел поближе, а он посмотрел на меня и очень четко проговорил:

— Не скучай по дому. Твой дом — это месса.

7

Месса это и мой дом тоже. Я почувствовал это сразу. С того момента как первый раз в жизни оказался на христианской службе.

Я долго шел, а потом оказался дома. Там, где ждали. Там, где хорошо. Откуда по своей воле я не уйду.

Несколько месяцев после того, как я крестился... я и до сих пор вспоминаю их, как самые счастливые. Впервые в жизни у меня все было хорошо. Вообще все!

Спросите любого христианина: он подтвердит. Тыходишь в церковь одним человеком, священник проводит над тобой обряд крещения, и ты выходишь совсем другим. Отныне у тебя все хорошо.

Тогда я впервые вдруг увидел, что у жизни есть какое-то особое измерение. На самом-то деле она не плоская, а имеет этаким объем. И я попробовал пойти в ту сторону.

Это оказалось сложно и очень скоро я упал. Грохнулся, больно ударился, извалялся в грязи. Но это был не конец. Это была одна из множества попыток. Упав, я встал и пошел опять. Иду в ту сторону и до сих пор. Все еще падаю иногда. Но каждый раз встаю.

8

Я был крещен вовсе не сразу. Во все не на следующий день. В католической церкви невозможно заплатить и тут же покреститься. Сперва тебе придется ходить на особые занятия, готовиться, узнавать, во что верит твоя Церковь.

Я и ходил. Несколько месяцев. Я был словно пьян. Я просыпался с утра и думал только о том, что скорей бы на службу. Кованую решетку у входа в храм отпирали в шесть вечера, но не дождавшись этого, иногда я прибежал к своей церкви прямо с утра. Просто чтобы постоять рядом. Убедиться, что все происходящее — правда.

Мы всю жизнь бегаем, суетимся, хотим чего-то такого... этакое... а то, что нам реально нужно — оно рядом. Нам просто нужно чувствовать себя нужными. Быть тем единственным, за кого отдадут все. Кого ценят дороже жизни.

Человек так устроен, что быть любимым для него важнее, чем дышать. И когда ты найдешь место, где тебя любят, то по собственной воле оттуда уже не уйдешь.

Я такое место знаю. Уходить из него не собираюсь. Такая вот история. Может быть, кому-то все это покажется смешным, но я и не возражаю: пусть кто-то посмеется.

Апрель

1

Ночью я приехал из Киева, а утром мне нужно было рулить на Петербургскую книжную ярмарку, она же — книжный салон «Белые ночи».

Я хотел отоспаться. И хотя бы два часа полежать в ванне. Смыть с себя липкий украинский акцент. Но жена сказала, что пока меня не было, с ярмарки звонили аж несколько раз: хотели напомнить, что сегодня у меня запланирована встреча с читателями.

Так что я побрился, надел чистую футболку и поехал в Ледовый дворец. Ярмарка в том году проходила именно там. PR-директора своего издательства я встретил в дверях. Это был такой, знаете... невысокий мужчина с папочкой... всегда спешащий... знающий свою жизнь на пять ходов вперед.

— О! Здравствуйте! Вернулись из Киева?

— Типа того.

— А я сегодня был на радио «Европа-Плюс».

— И как там? На радио-то?

— Разговаривал с Романом Трахтенбергом. Знаете такого?

Я знал Трахтенберга. Вернее, не лично, а слышал о его существовании. Роман Трахтенберг — один из трех наиболее известных в Петербурге шоуменов. Человек, прославившийся тем, что может несколько часов подряд ругаться матом и при этом ни разу не повториться.

— Роман узнал, из какого я издательства, и сразу спросил про вас.

— Про меня?

— Он читал ваши книги. Он спросил, не напишете ли вы книгу и про него тоже. Вы не напишете?

— Разумеется, нет.

— Почему?

Поезд, которым я приехал с Украины, шел долго. Я был выше крыши сыт общением со случайными, необязательными собеседниками. Конечно, я мог обрушить на PR-директора все свои амбиции. Рассказать о том, что я пишу книги... о чем-то, во что не укладывается толстый Рома со странной фамилией. Но объяснять не хотелось, и вместо этого я выбрал путь, который в тот момент показался мне самым коротким.

— Пусть Трахтенберг заплатит мне пять тысяч долларов. Тогда напишу. Я, кстати, занят. Извините.

Я ушел. Протиснулся внутрь дворца и стал искать стенд, возле которого должна была проходить встреча меня и читателей. Сама встреча прошла, разумеется, бездарно.

2

Не знаю, почему я решил, что пять тысяч американских долларов сумма для Трахтенберга нереальная? Почему-то решил.

Понимаете, заработки в шоу-бизнесе и среди писателей отличаются, как солнце и луна. Очень немногие писатели способны до-

стать из кармана сумму вроде этой и потратить ее на бесполезную прихоть. Если быть точным, то меньше десяти русских писателей. Причем я в эту десятку не войду никогда.

Между тем для Трахтенберга указанная цифра была довольно скромной. Я подозреваю, что он согласился бы и на \$15 000.

Я отсыпался после поездки в Киев. Поздно просыпался. Бессмысленно бродил по квартире в одних трусах. Сидел на кухне, с поджатыми на табуретку ногами, пил кофе и курил сигареты.

Именно в такую минуту зазвонил телефон.

На проводе был гендиректор издательства. У него в кабинете сидит Рома с бабками. А я сижу дома в одних трусах. Правильно ли это?

— Погодите... это самое...

— Ты хотел пять косарей за роман? Рома привез денег.

— Я же... это самое... Да погодите вы!

Мне все равно пришлось одеваться и ехать в издательство. У Трахтенберга плохая репутация. Я был готов к тому, что увижу перед собой идиота. Что парень начнет оттачивать на мне свои шуточки и, может быть, сидит в кабинете моего гендиректора с голой задницей.

Задница Трахтенберга была прикрыта. Вполне приличными джинсами. И сам он тоже был вполне приличным. Негромкая речь. По ту сторону очков — вполне вменяемые глаза. Только вот бородакракрашена в ослепительно рыжий цвет. Трудно представить, что вчера вечером этот приятный собеседник голый по пояс, потный и волосатый, стоял в экране моего телевизора и предлагал школьницам какать перед камерой, а потом демонстрировал публике девичьи ягодички, перепачканные рыжими фекалиями.

Стол в кабинете у директора был огромен, как Украина, с которой я вернулся всего лишь позавчера. Я опоздал и поэтому сказал «sorry». Я пожал обоим мужчинам руки. Всю дорогу я прикидывал: как бы объяснить парням, что пошутил? Писать-то я в любом случае не собираюсь. Даже за \$5000. Но отказываться было поздно.

Возможность того, что я не стану писать, никто не хотел даже обсуждать. Даже верить в то, что такую возможность можно обсуждать. Я назвал цену. Рома согласился. Не пора ли засучить рукава?

Деньги были вынуты из портфеля и положены на стол прямо передо мной. Тошная пачка сто долларовых купюр, перетянутых резиночкой. Ровно пятьдесят купюр.

Глядя поверх очков, шоумен пересчитал деньги и молча протянул пачку мне. Для меня это были довольно бешеные бабки. В ру-

ках хозяина деньги вели себя смиренно и не выдавали своего бешенства ни единым симптомом. Мы договорились, что я зайду к Трахтенбергу в кабаре и посмотрю, про что там можно написать.

Роман покачал головой:

— ОК. Договорились. Когда тебя ждать?

Я не знал. Я взял деньги, но мне вовсе не хотелось браться за эту работу. Я сказал: «Может, на следующей неделе?» Я имел в виду — может, в следующей жизни?

— На следующей? Чего так долго? Давай завтра? Можешь завтра?

— Завтра я занят.

— Чем ты занят?

— Чем я занят?

(действительно, чем же я занят?)

— Ну, хорошо. Давай завтра.

3

Завтрашний вечер начался с того, что я стоял перед дверью Трахтенберговского кабаре. У входа сидел здоровенный негр в ливрее.

О кабаре говорили много, и то, что о нем говорили, мне не нравилось. Во-первых, кабаре было за пределами дорогим. А во-вторых, несмотря на во-первых попасть туда было непросто. У меня был приятель, журналист из Германии, который как-то приехал в Трахтенберговское заведение, но чем-то не понравился охране и был чуть ли не пинками выгнан от дверей вон.

Секьюрити показали мне, где искать шоумена. Я поднялся по лестнице. В гримерке у Трахтенберга сидела девушка, журналистка из COSMOPOLITAN. Шоумен рассказывал ей о своей личной жизни:

— Понимаешь, я поймел каждую эту сволочь. Всех до единой! Приходит ко мне девочка. Просится в шоу. Я говорю ей честно: с какой стати я должен тебе помогать? Ты мне чужой человек, понимаешь? Вот если отсосешь, другое дело. Они все сосали! Только поэтому до сих пор и работают.

Девушка-журналистка кивала головой. У нее было очень серьезное лицо. Какое-то время я раздумывал на тему: нельзя ли отдать девушке половину полученной суммы и договориться, чтобы книжку про Трахтенберга написала она?

— Летом, когда у меня жена уезжает на дачу, я вот здесь вывешиваю график. Кто и в какой последовательности должен оказывать

мне сексуальные услуги. Я их заранее предупреждаю: график соблюдать неукоснительно! НЕ-У-КО-СНИ-ТЕЛЬ-НО! Они, падлы, слушаются...

Примерка была тесная: зеркало, стул, диванчик. На диванчике сидел я. То есть я сидел и все это слушал. У меня дома лежало пять тысяч перетянутых резиночкой причин, чтобы сидеть и слушать все, что говорил толстый человек с клочком покрашенных волос на подбородке.

4

За десять минут до начала шоу Рома отвел меня в зал и ушел переодеваться.

В центре зала находилась сцена. Не очень большая. По сторонам от нее стояли фигуры атлантов, поддерживающих балкончик. У атлантов были задорно задранные к потолку пенисы.

На экран, сбоку от сцены, online транслировалось происходящее в раздевалке стриптизерок. Сперва я разглядывал, происходящее на экране, а потом мне надоело. Ничего интересного. Сидят голые женщины. Некоторые курят. Растатуированный парень (тоже голый) угощает их минералкой.

Ко мне подошла официантка. Она была некрасивая. Из одежды на ней был лифчик и золотая бахрома, прикрывающая пах. Под бахромой было голое тело.

Официантка положила мне руки на плечи. Мокрым языком лизнула в ухо.

— Котик! Купи чего-нибудь.

— Не хочу.

— Хоть воды попей. Сейчас жарко будет.

— Воды можно. Принесите, пожалуйста.

Официанток в зале было больше, чем публики. На груди у каждой висела бирочка с именем: «Жопризо», «Василиса Чапаевна», «Клиторок», «Зульфия»...

Потом свет погас и заиграла классическая музыка. Я слаб в этом вопросе, но, может быть, это был Гайдн. Проникновенный, записанный на пленку голос сообщил:

— Господа! Второй звонок!

Занавес на сцене был выполнен в форме вульвы. Из-под сцены пополз дымок. Впрочем, возможно, в зале просто много курили. Пьяная публика радостно заголосила.

Сперва посетителям продемонстрировали парад-алле. Все артисты кабаре вышли на сцену и просто прошлись под музыку. Древняя египтянка с искусственным пенисом. Женщина-свинья. Садомазо-ангел.

Потом началось само шоу. Основным блюдом был, разумеется, стриптиз. Выступавшие девушки были высокими, большегрудыми, очень красивыми. Будучи еще маленькими, эти девицы пошли в балетную школу. Долго учились стоять на пуантах. У них болели ноги, но девушки упорно тренировалась. Годы спустя они научились владеть телом в совершенстве. Им ничего не стоило завязать свои длинные ноги в морской узел.

Теперь девушки работают по специальности. Артистками балета. У них — престижная и высокооплачиваемая работа. В наше время так везет не каждому. Суть этой работы состоит в том, что девушки выходят на сцену, растопыривают ноги и засовывают себе в промежность здоровенные оструганные морковки.

5

Прежде чем объявили антракт, я выкурил еще несколько сигарет. В жизни я видел столько стрип-шоу, что вам будет даже сложно представить. Но здесь все было немного иначе. Здесь дело было вовсе не в голых женских туловищах.

Здесь, например, на сцену выпрыгивала та, очень толстая, женщина в костюме свиньи. Женщина не раздевалась — просто прыгала по сцене. А на экран за ее спиной проецировались кадры, как с живого козла сдирают шкуру. Такой вот развлекательный номер.

Или выходил голый фокусник в маске. Маска изображала... правильно, пенис. Здоровенный. Негритянский. Этот мужчина зубами вытаскивал гвозди из досок и молотком заколачивал их себе в нос. Гвозди имели не меньше девяти дюймов в длину.

В самом конце мужчина за металлический крючок привесил к мошонке тяжелый грузик. Мошонка оттянулась. Мне показалось, что вот сейчас кожа лопнет. Я не выдержал и отвел взгляд.

После фокусника шло выступление акробатки. Довольно заурядное. Просто цирковой номер. Единственное отличие — акробатка тоже была голой. С бритой промежностью и красивыми татуировочками сзади на ягодицах.

Я снова закурил. Подумал о том, что быть дамой — выгодный бизнес. Можешь овладеть любой профессией. Хоть профессией уборщицы. А потом ты выходишь на сцену и просто делаешь то, что умеешь, но без трусов. Обязательно найдутся желающие заплатить за то, чтобы на это взглянуть.

Сценок было много. Они были короткие и зрелищные. Женщины-хоккеистки валили судью и запикивали ему в задницу клюшкой... Прыгающий трехметровый фаллос испускал фейерверки... Одним-единственным телом Белоснежка умудрялась удовлетворять сразу шестерых гномов одновременно, а про седьмого говорилось: «Этот гномик оказался гомик!»

Я сидел у стойки бара, которая плавно перетекала в сцену. Девушки танцевали прямо у меня над головой. Мне было видно, какие разношенные у них туфли. Из публики стриптизеркам орали:

— Давай! Еще давай, кобыла толстожопая!

Иногда в трусы и чулки девушкам пихали денежные купюры. Одной напихали довольно много. Уходя со сцены, часть купюр она уронила на пол. Следующая девушка ногой сгребла их за кулисы.

Между номерами на сцену выходил сам Трахтенберг. Рассказывал анекдоты. Оскорблял публику. Советовал закусывать водку кашей и виноградом, потому что кашей блевать легко, а виноградом — красиво.

Публика расходилась все больше. Трахтенбергу орали:

— На хуй со сцены! Жирный мартыш!

В раздевалке у Трахтенберга я оставил рюкзак. С шоу мне все было понятно и хотелось домой. Я бы давно ушел, но как быть с рюкзаком?

Особым номером программы был аукцион. Например, за определенную цифру можно было отстричь Трахтенбергу его крашеную бородку. В тот раз бороду стричь никто не захотел, зато толстый и очень пьяный клиент купил у Трахтенберга футболку.

Торг шел лениво. Настоящей схватки не получилось. Футболка ушла всего за \$90, хотя говорят, бывали вечера, когда выкрикивались и четырехзначные цифры.

Относить футболку новому владельцу пошла самая некрасивая официантка. Трахтенберг предупредил, чтобы покупатель не вздумал целовать ее в губы: буквально вот сейчас за кулисами девушка делала ему, шоумену, оральный секс. Официантка смущенно улыбнулась и пожалала плечами.

На сцене танцевал мужчина в костюме Мерлин Монро. Трахтенберг в микрофон комментировал танец:

— Этот мудень — транссексуал. Отрезал себе член и стал настоящей бабой. Ну не идиот ли? Кстати, в зале сидит сын этого чудика. Пооплодирuem!

Транссексуал был высоким, тощим и довольно пожилым мужчиной. Бледная старая кожа. Под белыми чулками — жилистые, мужские, плохо выбритые ноги. Дряблые руки в сочетании с широкой спиной.

Суть танца состояла в следующем. Мужчина изображал Монро, которая вытанцовывает над отверстием в асфальте, из которого должна бить струя воздуха, поднимающая юбку, но струя почему-то не бьет.

Он пристраивается и так, и этак — безрезультатно. Он снимает с себя почти всю одежду и пристраивается ягодицами почти к самому полу. Нет струи. Стащив трусы, мужчина начал раскручивать их над головой, чтобы зашвырнуть в зал.

Я почувствовал, что сейчас меня стошнит. Причем буквально. Я был уверен, что если он бросит свои грязные шелковые трусы в зал, то долетят они только до моего лица.

Потом струя воздуха, наконец, ударила. Юбка задралась. Мужчина оказался реальным кастратом и я почувствовал, что больше не могу.

Впрочем, я досидел до самого антракта. Мне пришлось досидеть. Но сразу же после того, как в зале зажегся свет, я рванул за кулисы. Прошел мимо кухни, поднялся по узкой тусклой лестнице, прошел по коридору, заканчивающемуся тупиком, и забрал рюкзак из трахтенберговской раздевалки.

Шоумен нервно курил. Он был голый по пояс, потный и нервный. Руки у него были куда более волосатые, чем у меня ноги, а спина широкая, как Сибирь. С незнакомыми мне людьми он обсуждал посетителей:

— Слышали? Эти уроды мне угрожали!

Собеседники качали головами:

— Да-а... Бычье-о-о...

Я просто забрал рюкзак и ушел. Я больше не мог видеть их всех... мне хотелось оказаться снаружи. Там, где все не так. В знакомом, разумно устроенном мире.

В коридоре курила и хмурилась голая девица. Из одежды на ней была лишь лобковая растительность и блестящие туфли. Расте-

тельность была аккуратно подстрижена. У туфель были острые каблуки. Одним она случайно наступила мне на ногу.

— Извините, пожалуйста.

— Ничего.

Я вышел на улицу и поймал такси.

7

Есть такие слова, о смысле которых давным-давно никто не задумывается. И так все ясно. Например, слово «счастье». Чего тут может быть непонятного?

Счастье — это максимум удовольствия. Слово, похожее по значению на слово «оргазм». Так считают девять из десяти... девяносто восемь из ста... практически все... кроме нескольких немодных людей, до сих пор уверенных, что «счастье» и «удовольствие» это совсем разные штуки. Даже и рядом не стоящие.

Кто как не шоумен Роман Трахтенберг ежевечерне получает максимум удовольствия? Но счастлив ли этот толстый парень? Или не счастлив?

Попробуйте представить себе рай. Готов поспорить: описывать вы станете что-то похожее на Ромино кабаре. Может быть, там не будет старых кастратов и живьем свежюемых козлов, но по сути — очень похоже.

Делать все что хочу, и чтобы мне за это ничего не было. Вот и счастье! Ничего иного в голову человеку не приходит. Удовольствия, удовольствия, удовольствия... и чтобы потом за все за это не отвечать.

Спросите любого взрослого русского мужчину, и вам ответят: Трахтенберг уже сегодня живет в раю. В личном маленьком раю Романа Трахтенберга. Он делает все, что нельзя, и ему за это платят. Платят столько, что на часть гонораров он способен заказать мне жизнеописание замечательного себя.

Он говорит гадости, когда ему хочется. Уверяет, что спаривается с красивыми женщинами. Они сами его об этом просят, причем не стесняются раздвигать ноги там, где удобно не им, а бесстыжему Роме. Он пьет водку: бесплатно, сколько угодно и вкусно закусывая. А все вокруг говорят ему:

— О! Ну-ка! Давай еще! Молоде-ец!

Шоумен Роман Трахтенберг отгородился от дневного света и стал жить так, будто все, во что я верю, — бред.

Только не подумайте, будто я стану осуждать этого парня с крашеной бородой! Я ведь отлично его понимаю. Дело в том, что я и сам — такой же. Тоже — немного Трахтенберг.

Вы думаете, мне хочется делиться жизнью с окружающими? Черта с два! Большая часть меня спит и видит, как бы бетонной стеной отгородиться от мира. От Того, Кто не спуская глаз смотрит на меня. Отгородиться и делать то, что нельзя.

Много-много лет я провел как раз в попытках отгородиться. Устроить себе счастье из бесконечных удовольствий. Одноместный рай. И чтобы там близко не было никакого Бога!

Это мне почти удалось. Я почти совсем уничтожил себя. То есть сам-то я считал, что все ОК, и в те часы, когда был почти мертв, я как раз считал, что очень даже жив. И только недавно оглянувшись на свою биографию, я осознал, что был в аду. Ведь маленький одноместный рай это всегда ад.

Теперь-то я знаю это точно. А вот убедить в этом никого не могу. Вернее, может быть кого-то и могу... но вот, например, шоумена Романа Трахтенберга — нет, не убедил.

Я вернул ему деньги. Всю перетянутую резинкой пачку долларов США. Жена не понимала, что я делаю, у нее уже были планы на эту сумму, и в издательстве на меня смотрели косо, но я, разумеется, все вернул.

Первое время мне было мерзко вспоминать о визите в Трахтенберговское кабаре. Я пытался просто о нем забыть. Ничего не было! Я никогда не видел, как девушки на сцене пихают себе в промежность морковки!

Красивые девушки... каждая из которых могла бы стать чьей-то единственной любовью... каждый вечер они выходят и заискивающе улыбаются... пытаются развлечь смертельно пьяных мужчин.

Забыть не удалось. Прошло полгода и я написал слова, которые вы только что прочли.

Глупо: за весь этот текст Трахтенберг не заплатит мне ни единой американской копеечки.

У самого въезда в поселок нам попался охотник. Здоровенный заполярный охламон в мохнатой одежде ехал верхом на лошади. Сзади к седлу была привязана свора охотничьих собак.

В снегоходе вместе со мной ехали несколько местных жителей. Проводив охотника заинтересованными взглядами, они тут же начали объяснять:

— На охоту поехал. Соболя бить будет. Первый раз собак в тундру ведет.

Всю зиму местные мужчины растят щенков, а потом уезжают в тундру и подросших собак берут с собой. Толковых, способных к охоте, оставляют жить. Остальным стреляют в ухо. После охоты из десяти собак в живых остается одна-две.

Я поморщился.

— Фу! Как вы можете? Жалко же.

— А чего? У собаки мясо чистое. И потом в тундре свои законы.

Водитель снегохода улыбался, наверное, представлял себе вкус собачьего мяса. Мы помолчали, а потом я не выдержал и сказал:

— Злые вы тут, в Заполярье.

— Не-ет! У нас тут народ хороший. Добрые люди живут. А вот из тундры выедешь — там люди, говорят, не очень. Говорят, колдовства там много. Могут, говорят, даже так наколдовать, чтобы член не стоял. Все, говорят, от зависти.

— Ты когда-нибудь был по ту сторону Большой тундры?

— Никогда не был. И не хочу. Мне и дома хорошо.

А началось все с того, что мне позвонила девушка-немка по имени Соня. Она работала в газете, редакция которой квартировала в Мюнхене. Соне хотелось, чтобы я что-нибудь написал для ее газеты. А мне хотелось куда-нибудь из Петербурга уехать. Короче говоря, наши желания совпали. Немцы перевели мне денег и я пошел покупать билеты.

План состоял в том, чтобы проехать с самого юга моей страны на самый север. И написать обо всем, что я видел. Не знаю, зачем это нужно было немцам. У нас в стране продать подобный репортаж нереально. Никого не интересуют трипы через русскую глубинку. А вот немцам интересно.

Стартовал я из города Кызыл, столицы республики Тыва. Сам город был так себе, зато достопримечательностей в Кызыле было целых три. Во-первых — монумент «Центр Азии». Центр безбрежного континента находился именно в Кызыле и был отмечен крошачьим цементным монументом. Во-вторых, здесь имелся буддийский монастырь «Цеченлинг». На его строительство российский министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу из личных сбережений выделил \$15 000. А в третьих, здесь есть единственная в мире шаманская клиника. Платите в кассу, проходите в кабинет, и реальный шаман с бубном и в короне из оленьих рогов будет прыгать вокруг, петь заклинания и всячески вас лечить.

Выехав из Кызыла на север, в течение следующих двух недель чего я только не видел. Я взбирался на вершину самого громадного в Азии кургана Салбык. И заглядывал вглубь знаменитой Кашкулакской пещеры, на дне которой живет злобный дух и где даже самые опытные спелеологи сходят с ума в течение получаса. А кроме того я перепробовал целую кучу странных блюд: жаркое из верблюжьего горба, шашлык из оленины, пельмени с грибами тундры и сырую рыбу по-ненецки...

Ах, эта рыба!.. она была нежная... не такая конечно нежная, как моя жена, но все-таки.

Наверное, это такие подростковые комплексы. Чтобы чувствовать себя мужчиной мне до сих пор необходимо... ну, если не открыть Северный полюс, то хотя бы съездить посмотреть: что же такое там открыли до меня?

Полет на полюс немцы не оплатили. Но маршрут вышел все равно ничего. За пятнадцать дней я проехал с самого юга на самый север моей громадной страны. От гималайских предгорий до Северного Ледовитого океана. Правда, неплохо?

3

Последним пунктом программы был Нарьян-Мар, столица Ненецкого автономного округа. Прибыть в этот город мне хотелось на

чем-нибудь вроде оленьей упряжки. Но оленей в окрестностях Нарьян-Мара не было. Их уже отогнали на летние пастбища. Так что до города я добирался на снегоходе. За рулем сидел водитель из местных. Он сказал, что его настоящее имя мне все равно будет не выговорить, так что я могу называть его Эник.

Большую часть пути Эник молчал. Ехать было скучно. Тундра была бесконечная и однообразная. Лет семьдесят назад коммунисты попробовали согнать местные племена в оленеводческие колхозы. Кто-то подчинился, а одно ненецкое племя Ямб-То решило, что безопаснее будет исчезнуть. Ушло в Большую тундру и потерялось.

Беглецов искали НКВДшники с автоматами и ученые-этнографы. За ними посылали погони и следили со спутников. Но найти так и не смогли. В следующий раз Ямб-То появились только в 1986 году. Аборигены закупили чаю и сигарет и опять без следа пропали. Я же говорю: местные территории ОЧЕНЬ огромны.

Один раз Эник все-таки попробовал завести беседу:

— Во-он тот изгиб реки видишь?

— Ага. Вижу.

— Там в прошлом году грузовой вертолет упал.

— Да?

— Восемь мужчин умерло. Разбились они. А знаешь, что хорошо?

— Что же тут может быть хорошо?

— Хорошо то, что вертолет вез шоколадки «Сникерс» и водку в баночках. Как называется?

— Джин-тоник?

— Да! Отличный напиток! Двенадцать тонн водки и шоколадок! Наша бригада всю зиму вокруг этого места кочевала. Каждый день кушали и выпивали... Хорошо нам было.

4

До самого Нарьян-Мара снегоход добрался к пяти часам утра местного времени. День был серый, пасмурный. Этот день начался три недели назад, а закончиться должен был к середине августа. Тусклое солнце висело над Нарьян-Маром и недовольно морщилось. Солнцу предстояло не заходя освещать эту дыру еще несколько месяцев подряд.

Сам город немного напоминал Флоренцию. Нарьян-Мар тоже можно было весь обойти за полчаса. Правда, это было единственное

сходство. Пойти некуда. Заняться нечем. Полдня я просто просидел на берегу северной реки Печоры. Около двух часов пополудни съел купленную еще в Перми банку ананасов. А около четырех почитал оставленную кем-то газету «Комсомольская правда» двухнедельной давности. От ананасов руки у меня стали липкие, а от газеты грязные.

Идти было совершенно некуда. Я смотрел на воду и думал о том, что за последние две недели видел не меньше десяти сибирских, уральских и приполярных городов. И все они по внешнему виду совсем не отличались друг от друга. Пять улиц вдоль и семь поперек. Почему так? Вон, в Канаде или Австралии тоже просторы. Но там каждый городок или регион — совершенно особый мир. А у нас куда ни приедешь основной архитектурный стиль — тюремного вида бараки.

Чтобы считать задание немецкой газеты полностью выполненным, мне оставалось проехать километров двести вниз по реке — и все. Там лежит Северный Ледовитый океан. Проблема состояла в том, что никакого регулярного сообщения с побережьем океана не было.

У самого берега болтался на привязи сгнивший, проржавевший дебаркадер. Чтобы попасть на борт, нужно было пройти по хлипким доскам и немного поперепрыгивать по здоровенным автомобильным покрышкам. К дебаркадеру была пришвартована хлипкая лодка. Толстый одышливый мужчина пытался вручную завести мотор и оглушительно матюгался. Я спросил, не прокатит ли он меня? Я заплачу.

— Мне твои деньги не нужны. Хочешь, садись, так поедем.

— И куда вы направляетесь?

Мужчина произнес длинное эвенкийское название местности. Мне оно ни о чем не говорило.

— Далеко это?

— Нет. Не очень. Трое суток ходу.

(трое суток? на этом дырявом ведре? он что, серьезно?)

— И что там?

— А ничего. Тундра! Дом, в котором я живу. И еще два дома.

— А обратно вы меня потом привезете?

— Чего же не привезти? Привезу. Только следующей осенью.

Раньше от нас никто в город не поедет.

Я понял, что пора возвращаться домой.

5

Всю дорогу в самолете я составлял план. Прикидывал, что именно напишу мюнхенской газете. Мне хотелось куда-нибудь съез-

дить — и вот, съездив, я, наконец, возвращался. Я был преисполнен ощущениями.

В Москве со здорового Ил-86 я пересел на маленький Ил-18. Очередь на посадку состояла из опрятных людей в модной одежде. А я был пыльный, небритый и усталый. В Петербурге самолет приземлился в шесть вечера. Дома я был около семи.

На улице, разумеется, шел дождь. Вечный петербургский дождь. Какая Тыва? Какое Заполярье? Все это дезинформация. Нет и не может быть на свете ничего, кроме этого вот дождя. Этот дождь вечен и всеобъемлющ. Он был всегда и будет везде.

Почему-то мне казалось, что, едва я нажму на звонок, дверь распахнется и жена бросится мне на шею. Но звонить пришлось долго. Потом жена, наконец, открыла. Плечом она прижимала к уху телефонную трубку и вытирала мокрые руки кухонным полотенцем.

Вытянув губы («Целую!») она махнула рукой («Давай! Проходи!») и глазами показала, что секундочку — сейчас доболтает с подружкой и придет. Я прошел в собственную прихожую. За две недели отсутствия я успел забыть, как она выглядит.

На кухне тесть взобравшись на табуретку чинил карниз. Пока меня не было, с карнизом что-то случилось и тесть специально приехал к нам в гости чтобы его починить.

— Приехал? Привет! Где был?

— Я был в...

— Прости, не подашь молоток? Ага, спасибо... А теперь во-он тот гвоздик.

— Который гвоздик?

— Вон лежит.

— Пожалуйста.

Положив трубку, жена вернулась на кухню. Поцеловала меня в щеку. Сказала «Привет» и спросила, привез ли я подарки?

— Какие подарки? Ты хоть приблизительно представляешь, где я был?

Жена сказала, что не представляет. Но я ведь сейчас ей все расскажу, да? Еще она спросила, буду ли я пить кофе?

— Наверное. Да, буду. Точно! Я выпью кофе. Ведь там, откуда я приехал, сейчас глубокая ночь.

Жена сказала: «Да?»

— Представляешь, там есть места, где до сих пор лежит снег! Огромные сугробы снега! Некоторые я вот этой рукой трогал сегодня с утра! А еще...

Жена опять сказала «Да?»

— Пока я добирался до Печорской губы, то...

Жена сказала, что ах, как это здорово! Ее муж добирался до Печерской губы! А вот к кофе у нас ничего нет. Может, я схожу? Все равно переодеться я еще не успел. Что именно купить в магазине она мне сейчас напишет.

Я вернулся в прихожую, натянул перепачканные сибирской грязью ботинки и сходил в магазин. Неужели на свете существуют места типа Саянского хребта или Эвенкийской тундры?

Пока мы пили кофе, я еще два раза пытался рассказать жене о том, где был. Жена ответила, что классная руководительница старшего сына очень хотела бы меня видеть. На этом фоне мои заполярные истории выглядели бледненько.

— Что-то серьезное? Пока меня не было этот парень сжег школу?

Мы поговорили об учебе старшего сына, потом поговорили о здоровье младшего сына и о том, что на улице уже жарко, так что неплохо бы купить ребенку летней одежды, всяких там футболочек и шортиков, потом тесть дочинил карниз и тоже попил с нами кофейку, хотя время-то уже позднее, от кофе он может потом и не заснуть, но за компанию все равно попьет, а кстати, и расскажет, как недавно с соседом по лестничной площадке собирался сходить в баню.

Путешествовать сегодня — самый модный вид досуга. Всем хочется куда-нибудь ездить, самоутверждаться, самореализовываться, проживать жизнь с толком, оставлять след на земле. И я тоже хочу того же самого. Но чем чаще я уезжаю из дому, тем меньше понимаю, зачем. Мужчины — до старости дети. Жизнь они придумывают себе, как сценарий приключенческого кино. Хотя реальная жизнь — вот. Там, где живет твоя семья. И никакой другой жизни не бывает. Настоящая жизнь протекает рядом с ребенком, которого никто кроме тебя не поцелует. Рядом с женой, которой никто кроме тебя не пришьет карниз. А Ледовитый океан... это ведь просто миф... кто его вообще видел, этот океан?

Только совсем уже вечером я переоделся в старые домашние джинсы и вымотанный (впервые за последние две недели вымотанный почти до обморока) упал на диван, чтобы посмотреть телевизор.

В телевизоре шло шоу «Кто хочет стать миллионером?». Костлявый телеведущий Максим Галкин спрашивал у очередной крашеной дуры в шиньоне: куда она потратит деньги, если миллион достанется ей?

— Я стану путешествовать. Знаете, я всегда хотела путешествовать. Побывать в каких-нибудь романтических необжитых местах... например за полярным кругом... или в центре Азии... Господи! Как я завидую тем, кто там побывал!

Июнь

1

В Москве приятель на машине забрал меня с Ленинградского вокзала. Всю дорогу он злился и махал руками: неправильно я живу. Вот он живет правильно, а я — нет.

— Это твоя петербургская лень! Провинциальное желание до обеда валяться в постели, а потом сидеть в «Идеальной чашке» и болтать о всякой фигне! Делом надо заниматься! Понимаешь? Де-лом!

Я молчал. Потому что стоило бы мне вставить хоть одно замечание, и разговор тут же сполз бы на вечную тему: Москва — большая деревня... а Петербург — провинция и бандитское гнездо... в Москве говорят «шаурма», а в Северной столице — только «шаверма»... Страной теперь рулит президент-петербуржец... А денюжки как были, так все и остались в столице южной... Зато самая популярная группа страны сегодня называется «Ленинград»... Правда, живет лидер группы последнее время в Москве... Правда, московский мэр запретил ему там выступать... Как все сложно в нашем мире.

В пробке мы простояли с девяти утра и до полудня. Потом приятель заплатил полтора доллара сонному охраннику, тот отпер металлическую калитку, и машину мы загнали во двор, а сами пошли пешком.

2

Два года назад приятель жил в Петербурге. Работал фотографом в журнале, для которого я в ту пору писал. До обеда не валялся и о фигуре не болтал. Уже тогда занимался делом. Потом переехал в Москву.

После года работы в московских журналах парень купил себе новую немецкую спортивную машину. Потом купил квартиру. Не в центре, но ничего. В Петербурге ни машины, ни приличной жилплощади у него не было.

Работать парень теперь ездил в Милан (Италия). За одну съемку зарабатывал больше, чем в Петербурге за год. Отпуска проводил, катаясь на дорогостоящих горных лыжах.

Пока мы шагали до его редакции, парень все жаловался на то, что не высыпается:

- Встаю в пять утра. Каждый день.
- Зачем?
- Езжу в бассейн.
- А почему так рано?
- Нужно успеть проскочить, пока не начались пробки.
- Ну так плюнь ты на этот бассейн! Отоспись.
- Во-во! Типичный пример петербургской лени!
- Каждый день просыпаться в пять утра! Немыслимо!
- А иначе никак. Я должен держать себя в форме. Потому что бизнес это война.

3

Парень работал в наимоднейшем московском журнальном холдинге. Здание редакции располагалось в самом центре. Оно выглядело больным. Как глистами-паразитами фасад здания был облеплен саркомами банкоматов.

Мы поднялись в лифте. Он был, как корова, снабжен мелодичным колокольчиком. Наверное, чтобы не потерялся и не уходил далеко. Мы зашли внутрь роскошной редакции и уперлись взглядами в почти голую девицу. Специально выписанная из-за границы модель-длинноножка прикидывала, в чем бы этаким ей сняться на обложке мужского издания?

Фотограф должен был сдать журнальным дизайнерам отснятые слайды. Это требовало какого-то времени. Сперва я просто болтался по редакции, а потом сел на диванчик и полистал наваленные журналы. Рядом сидели двое незнакомых парней. Один из них рассказывал:

— Имел я тут беседу с девушкой, подругой вокалиста из группы (далее он назвал группу: наиболее популярное в стране мальчиковое трио). То-то я смотрю, этот парень перестал участвовать в их концертах! Знаешь, оказывается, что произошло?

— Что?

— Ребята всей группой сидели дома у своего продюсера (далее он назвал фамилию продюсера: одного из мастодонтов отечествен-

ного шоу-бизнеса). А за одним столом с ними сидел какой-то бандос. И этот бандос просто забавы ради треснул парню по зубам. Ну, чтобы потом хвастаться: а я этому парню по зубам как-то съездил. Певец упал и наткнулся головой на угол стола. И отбыл в реанимацию. Еле откачали... Теперь он инвалид. Представляешь? Просто ради развлечения этот урод искалечил молодого парня!

— Да?

— И что самое поразительное: выписавшись из больницы парень все равно продолжает ходить в гости к продюсеру и улыбаться его знакомым бандосам. И на концертах он все так же улыбается. А что ему остается делать? Это ведь бизнес. Не будешь улыбаться — упадешь.

Собеседник покачал головой, помолчал, а потом спросил:

— Почему твой журнал обо всем этом не напишет?

Его приятель даже растерялся. Прежде чем ответить, долго думал. Потом ответил:

— Шутишь? Кто же о таких вещах пишет?

— А что? Это же правда.

— Ну, журналы... они ведь не для того созданы, чтобы правду писать.

Я почти не слушал, о чем они болтают. Просто сидел и листал журнальчики. Сперва прочел колонку редакторши в женском издании. Та сообщала читателям, что у нее очень ревнивый бой-френд. За кокетничанье с посторонними он отобрал у нее подаренный недавно автомобиль, но она нашла выход и покарала обидчика. Девушка за неделю изменила ему с четырнадцатью мужчинами, и отелло, зарыдав, автомобиль вернул, на колени пал и умолял больше так не делать.

Я знаком с редакторшей. Это несурзная нерусская средних лет бабища. Ни автомобиля, ни бойфренда у нее нет. У нее есть какое-то кожное заболевание на лице, а больше ничего. И четырнадцати мужчин у нее не было не только за неделю, но, скорее всего, и за всю жизнь. Но это не важно! Я был готов ей верить! Говори, редакторша, говори! Слепи меня своей историей! Пусть я поверю: пре-красная жизнь из гляцевых журналов возможна!

Потом я открыл мужской журнал того же холдинга. Здесь редакторская колонка была не интересная, зато один из колумнистов рассказывал, какую классную party недавно посетил. Вот это да! — восторгался он. Ни у кого такой вечеринки давно уже не было, а мы вот отождгли, так отождгли! Ух, как повеселились!

Как ни странно, я тоже присутствовал на этом событии. Вышло случайно: я как раз был в Москве и меня пригласил заскочить приятель. Да и с колумнистом я тоже был знаком. Уже уходя с мероприятия, я встретил его у дверей. Не знаю почему, но дальше он пройти не решился. Стоял и делал вид, будто ему и здесь неплохо. Сил его не хватило даже на то, чтобы пройти до противоположной стены и взять себе стаканчик халявного алкоголя. На лице у него читалось: «Большие ребята играют, а меня не взяли!» И вот теперь он отчитывался об этом событии.

Передо мной лежал толстенный глянцевый журнал. Страницы у него были мягкие и жирные, словно нарезанный сыр. Фотографии ослепляли: вот она настоящая жизнь! Вот она подлинная красота! Дочитав колонку до конца, я уже не сомневался: журнал прав, а я со своими личными воспоминаниями — нет. Верить стоит журналу, а себе верить не стоит. Ну не чудо ли все это, а?

Я работаю в прессе скоро пятнадцать лет. Но к этой магии привыкнуть не могу до сих пор. Можно сколько угодно думать: как же жить правильно? А есть другой способ. Можно плюнуть на реальность и попробовать все уболтать. Наговорить столько слов, что исчезнет даже возможность найти в этих словах смысл. Этой жизнью тоже живет довольно много людей.

4

Посидев в редакции, мы с фотографом отправились на вечеринку. Даже не помню, бывало ли такое, чтобы я приехал в Москву, а приятели под вечер не утащили бы меня на какую-нибудь вечеринку. При том что дома, в Петербурге, я уже сто лет не хожу вообще никуда.

Не помню, чему именно была посвящена вечеринка. Но, думаю, что затевали ее с таким литературным уклоном. Едва пройдя в зал, я встретил прозаика Дмитрия Быкова. В том году он получил литературную премию размером в три миллиона рублей и постоянно пребывал в приподнятом настроении. Увидев меня, он сообщил, что недавно был в Новосибирске — ух, как там здорово! Потом разразился неприличным поэтическим экспромтом, хлопнул водки, отошел в сторонку дать телевизионное интервью, вернулся, выдал еще один экспромт (на этот раз совсем неприличный), а потом сообщил, что сегодня в его, Дмитрия Быкова, честь дают торжествен-

ный ужин и уехал. Я смотрел на полного жизни Быкова и понимал, что ненавижу Петербург и все, что с ним связано.

Недавно я читал интервью с лидером петербургской группы «Сплин». В самом начале своей карьеры, тот, оказывается, занимал пост программного директора довольно крупной радиостанции. Но никогда не ставил в эфир песни собственного сочинения. «Почему?» — спрашивали у него. «Потому что у нас так не делается, — отвечал музыкант. — Быть успешным и получать за это большие деньги, — согласитесь, это совсем не по-петербургски».

Помимо Быкова на вечеринке присутствовала целая толпа литературных знаменитостей. Одних только поэтов было не меньше дюжины. У стенки в ряд выстроились фотокорреспонденты и телеоператоры. Девушки с диктофонами подходили к знаменитостям и задавали вопросы. Знаменитости улыбались и остряли. Девушки хихикали. А я смотрел на все это и думал, что вот, например, в моем городе писатели никогда не дают телеинтервью. Смешно даже представить, будто улыбаясь в камеру кто-либо из петербургских мэтров слова стал бы лихо самопиариться и зазывать публику на собственный поэзоконцерт. Угрюмые, никогда не улыбающиеся, понятия не имеющие о том, как вести себя перед журналистами, петербургские литераторы проводят вечера в подвале галереи «Борей» и никогда не видят солнечного света.

Приятель-фотограф потерялся, зато рядом со мной нарисовалась девушка-журналистка из крупнейшего в мире софт-порножурнала. Она была совсем молоденькая — тонконогая брюнетка. Яркий мейк-ап, обтягивающий свитер. Еще до того, как гостям предложили алкоголь, она протиснулась ко мне сквозь толпу и представилась. Но как ее зовут я, разумеется, тут же забыл. Мы немного поболтали.

Девушка все стояла рядом и что-то говорила. Потом я потерял ее из виду, а когда увидел снова, девушку здорово мотало из стороны в сторону. То есть времени брюнетка не теряла. Сжимая в руке недопитый бокал с коньяком, она еще раз проручила ко мне, взяла под локоть и перекрикивая музыку поинтересовалась: куда пойдём?

— Куда пойдём? А куда можно пойти? И вообще: зачем нам хоть куда-то идти?

— Понимаешь, нам надо куда-нибудь отсюда уйти.

— Зачем?

— Понимаешь, редактор дал мне задание. Nothing private. Это просто задание.

- Да в чем, черт возьми, задание-то?
- Не понимаешь? Он попросил меня тебя соблазнить. Написать, каков ты в постели...

Отделаться от подружки стоило мне больших трудов.

5

Считается, будто журналист — сам себе не хозяин. Существо подневольное. Пишет не о том, о чем хочет, а о том, что интересно публике. И еще считается, что публика хочет читать только о трех вещах... о трех самых важных на свете вещах: о сексе, смерти и утолении голода.

Одни пишут об этих вещах. А другие о них читают. Все, вроде, верно.

Но почему меня уже не первый год тошнит от одного вида отечественных журналов? Почему не покидает ощущение, будто без моего ведома меня лишили чего-то жизненно важного?

Позже, уже вернувшись в СПб, я попробовал обсудить эту проблему со своим приходским священником.

Он внимательно выслушал меня и сказал:

— Помнишь, где-то год назад, все телеканалы трубили о том, что в Австралии подросток застрелил учителя и трех школьников? Прямо в школе. Я дома смотрю «EuroNews». Там этот сюжет крутили три раза в час. Несколько суток подряд. И наши каналы начали выпуски новостей тоже с этого же самого.

— Ну, и?..

— Тележурналисты уверены, что случившееся в Австралии (на другом конце света) обязательно должно стать известно у нас в стране. Но в тот же день, когда это случилось, дети из класса, в котором я веду беседы о вере, при мне делили шоколад. Шоколадок было двадцать восемь, а детей — тридцать два. Детям — по восемь лет. Они и так прикидывали, и этак... Не делится!

— Ну, и?..

— Дети сложили весь шоколад в кучку и попросили меня отдать его сиротам из детского дома. Сами. Никто их этому не учил. Но об этом ни один телеканал в мире не расскажет. Нет остроты.

— Ну, и?..

— Понимаешь, если бы я на уроке избил ребенка, то попал бы в новости. Возможно, на полдня я стал бы самым знаменитым священ-

ником в мире. А вот про то, о чем мы с детьми разговариваем во время урока... о любви и прощении... о любви, которая сильнее смерти... обо всем этом говорить в новостях не принято. Просто не принято.

Священник посмотрел на меня и спросил:

— Ты понимаешь, о чем я?

Я сказал «Понимаю» и почувствовал, что ненавижу свою профессию.

Июль

1

В Италию я должен был ехать через Москву. Я приехал в столицу, а оказалось, что билеты мне никто еще не купил, и в Москве я проторчал целых двое суток. Поселили меня в католической семинарии, носившей красивое имя «Мария — Царица апостолов».

Это было почти пятнадцать лет назад. Стояло лето — самое первое лето без СССР. Семинаристы разъехались на каникулы. В семинарском общежитии было полно свободных коек. Одну из них разрешили занять мне, а соседями по комнате были трое парней, готовившихся к карьере священников.

В основном я гулял по Москве и валялся на койке. Заходя в семинарский туалет, каждый раз натывался глазами на рекламный стикер: «Мы слушаем Радио-Ватикано!» Утром читал вместе с соседями breviарий. Вечером ходил на мессу. Днем обедал в семинарской столовой. Меню напоминало то, как меня кормили в средней школе: суп, пюре с тощим хвостиком поджаренной рыбы. На третье — компот. Перед тем как сесть за стол, все молились.

Во время еды кто-то из старшекурсников обязательно вслух читал жития святых. Младшие семинаристы ели и уходили из столовой. Старшие убирали за ними и только потом садились за стол сами. То есть дедовщина была и здесь, но только наоборот.

Вечером, после breviария, я мог некоторое время поболтать с соседями по комнате. Как я понял, двое из трех парней являлись отъявленными фанатами группы U2. В том году как раз вышел альбом Zoогора, и парни слушали его сутки пролет.

Один из них говорил:

— А не создать ли нам при семинарии рок-группу? Мы могли бы выступать прямо в сутанах.

Он вставал посреди комнаты и, подпрыгивая, изображал, как именно они выступали бы прямо в сутанах.

Оба меломана ушли из семинарии еще до наступления зимы. Насколько я знаю, священником из моих соседей по комнате стал только третий парень, тоже любивший U2, но не скакавший с невидимой гитарой наперевес, а вечно сидевший в углу и с улыбкой читавший Фому Кемпийского.

Стать священником — это не то же самое что стать водителем троллейбуса или космонавтом. Особенно — стать католическим священником в России. От твоего желания тут мало что зависит: Господь либо зовет тебя к этой жизни, либо не зовет.

Наверное, тем двоим парням Господь просто уготовал другую карьеру. Тоже нужную, но не священническую.

2

Потом билеты для меня все-таки были куплены, и на следующий день я отправился в Шереметьево-2. До аэропорта меня подвозили на семинарском минивэне.

За рулем сидел почти не говорящий по-русски священник. Он перекрестился, поддернув сутану влез внутрь и разогнался до восьмидесяти километров меньше чем за семь секунд.

Вместе со мной в Италию должен был лететь еще один священник и девочка-москвичка. У нее был очаровательный дефект речи. Представляясь, девушка сказала:

— Натаффа.

В самолете мы немного поболтали. Девушка через слово повторяла:

— Роскоффно!

Когда самолет сел, снаружи начинало понемногу темнеть. В миланском аэропорту вся наша группа пересела на двухэтажный автобус и еще через полчаса оказалась на миланском железнодорожном вокзале. Он был похож на петербургский Витебский. Перроны были накрыты ажурным чугунным козырьком с множеством заклепок. Свет был не солнечный, а теплый, электрический. Я люблю такие вокзалы.

Билеты в итальянские поезда продаются без указания мест. Как в русских автобусах. Кто успел, тот и сел, а остальные постоят.

Итальянцы под руки вели закутанных в черное бабушек. Погрузив старушек в вагон, они сажали их прямо на пол. Купе были шестимест-

ные, а туда набивалось человек по восемь — по десять. Места были исключительно сидячие, ведь в Европе просто нет маршрутов столь длинных, чтобы в пути пассажиру пришлось бы ложиться спать.

В России ты можешь ехать неделю и единственное, что увидишь: леса и пару заляпанных дерьмом деревушек. Людей нет. Следов людей нет тоже. Просторы, mazafaka. Только попутчики в поезде, которые узнавали, что я не пью алкоголь, и поражались:

— Во ты дал! Чем ж ты тогда, парень, занимаешься?!

Здесь не было просторов. В этой тесной Европе людям некуда было бежать и они облизали каждый миллиметр доставшейся им земли. Так и стоит эта Европа... облизанная.

Вернувшись из Италии, я поймал себя на странном ощущении: я люблю свою страну. Мне грубили в транспорте, мне нагло по сотому разу ввали по телевизору... никуда не делась ни грязь, ни бессмысленность... а я продолжал ее любить.

Мне было жалко ее, как жалеют больного ребенка. У других родителей дети здоровы и опрятно одеты. А мне достался визгливый психопат, пораженный самыми дурнопахнущими на свете недугами. Повод ли это махнуть на него рукой?

3

В Италию я приехал, чтобы участвовать во Всеевропейском конгрессе католической молодежи. Я не чувствовал себя европейцем... да и молодым тоже не чувствовал... но все равно приехал.

Конгресс проходил в городе Лоретто. Городок был настолько крошечный, что с его центральной площади были видны еще четыре таких же городка.

Основная достопримечательность Лоретто — привезенный крестоносцами из Палестины каменный домик, в котором провела детство Дева Мария.

Девятьсот лет назад кто-то из итальянских аристократов приказал разобрать дом по камешкам. Потом камешки пронумеровали и на нескольких галерах перевезли через кишачье мавританскими пиратами море. Потом, сверяясь с номерами, собрали заново.

Сегодня над святыней выстроен огромный Лореттанский собор. В глубине собора стоит мраморный саркофаг, выточенный из целой скалы. Каждый сантиметр саркофага украшен резьбой. Внутри саркофага стоит сам бедный и закопченный домик. Перед собором

расположена площадь с фонтаном и несколько каменных домов. Собственно, это и есть весь город. Самый большой дом на площади — это очень старинный салезианский монастырь, при котором есть гостиница для паломников. В гостиницу поселили меня.

4

Каждое новое утро моей жизни начинается с чашки эспresso. Я долго выбирал себе любимый сорт кофе, долго экспериментировал с кофеварками, но зато теперь каждое новое утро начинается с глотка обжигающего напитка, после которого в мозгу распускается прекрасный цветок и дальше день становится понятен до самого вечера. Все на свете может меняться, но не это. Я пью кофе, долго курю первую сигарету, пью еще кофе, и только после этого день начинается по-настоящему. Переночевав в салезианской келье, утром я отправился искать свой эспresso.

В Лоретто имелось всего два бара. Один располагался напротив лореттанской базилики, а второй чуть за углом. В десять утра оба они были закрыты.

Перед одним заведением в креслице дремал пузатый хозяин.

— Синьор! Синьор! Do you speak English? Кофе, синьор! Плиз!

Синьор продолжал дремать. Когда слушать мои завывания ему надоело, он просто ушел внутрь помещения. Кофе он мне так и не продал.

Я обошел весь город. Работающих баров не было. Я всерьез обдумывал, что скажут прохожие итальянцы, если я попрошусь попить кофе к ним домой. Мир был хмур и единственным способом заставить его улыбаться была чашка кофе, но в Лоретто не было чашек с кофе, и мир хмурился все сильнее.

Я вернулся к монастырю. За рукав поймал проходившую монашку в сером платочке. На пальцах объяснил ей свой вопрос.

— Бабене! Кофе? Си! Си! Бабене!

Она махнула рукой. Мы спустились в неглубокий подвальчик. Там располагалась монастырская столовая. Сводчатые потолки. Столы с деревянными столешницами.

Понажимав кнопки на кофеварке, монашка выдала мне чашечку эспresso. Чашечка была такого размера, что в нее вряд ли удалось бы запихать даже большой палец ноги. Я выпил кофе залпом и попросил еще. Монашка замахала руками: «Хватит!» и отправила меня на улицу.

Днем священник, с которым я приехал, объяснил мне, что завтракать в Италии не принято. То есть вообще. Первый прием пищи — сразу обед.

Обед начался около трех. Он меня поразил даже больше, чем то, что по утрам здесь никто не пьет кофе.

Сперва на стол выставили килограмм пасты (макарон). Потом — еще один килограмм пасты (тоже макарон, но другого цвета). Потом — килограммовый кусок мяса с картошкой фри. Из напитков на столе имелось шесть полуторалитровых бутылок молодого вина.

Мои соседи по столу съели все, что им принесли, и до капли допили вино. После этого они немного покурили и вернулись к работе. Я тоже выпил вина. Тогда алкоголь еще не был для меня проблемой. Выпив бутылку, я еще не бежал покупать сразу ящик.

5

Вообще-то такие конгрессы устраиваются, чтобы молодежь лучше узнала друг друга. Подружилась. Наладила личные связи. Если у тебя есть проблема, просто посмотри, как ее решает сосед, и, может быть, тебе станет проще.

На конгрессе были представлены делегации всех экс-советских республик. Западные украинцы общаться со мной просто отказались. Я пытался им улыбаться и что-то говорил, а они смотрели сквозь меня и не понимали: чей это голос раздается в полной пустоте?

Из Прибалтики приехала целая толпа народу. Парень-литовец угостил меня лимонадом. Он сидел за столом напротив меня со скорбным лицом, смешно коверкал русские слова, и я видел, что для него беседа с русским является подвигом милосердия. Как для средневековых святых — перебинтовать прокаженного.

С восточными европейцами, типа чехов или болгар, болтать не хотелось мне. В результате, общаться я стал с парнем из Грузии, по имени Заза и с фамилией, состоящей из двадцати трех слогов, последними из которых были «-швили».

Каждый делегат носил на груди бэдж с фамилией и названием страны, из которой приехал. У одной девушки на бэдже я разглядел надпись BELORUSSIA.

— О! Привет! Ты из Белоруссии?

Молчание.

— Здорово, что ты из Белоруссии. А я — русский. Из Петербурга.
Молчание.

— Как-то я был в Белоруссии. А ты в Петербурге была?

Молчание.

Я перестал улыбаться:

— В чем проблема?

— I don't understand. Would you be so kind to speak in any human language?

Мне захотелось ударить девушку по очкастому лицу. Но я просто покраснел и отошел.

Заза только рассмеялся.

— Не грузись! Тут еще и не такое было! За день до твоего приезда в Лоретто приезжал Папа. Организаторы конгресса предложили югославской делегации продемонстрировать Папе, что идущая у них война все-таки не до конца их всех разделила. Нужно было выйти к алтарю и пожать друг другу руки. Просто пожать и все.

— Ну и?

— Отказались! Все до единого! Даже перед Папой.

Я закурил. В том году по всей Восточной Европе пахло гарью. Светская беседа между соседями могла с пол-оборота перерасти в поножовщину. Страны делили имущество и территории, проводили размежевание с бывшими союзниками, а кое-где дошло и до этнических чисток. Прежде чем регион худо-бедно успокоился, прежде чем сербы стали подавать руку хорватам, а прибалты и западные украинцы начали улыбаться, заслышав русскую речь, должно было пройти еще целое десятилетие.

6

В последний день работы конгресса для делегатов устроили танцы. Танцевать предлагалось под открытым небом, а в качестве музыки имелся ансамбль старательных аккордеонистов. А на следующее утро всех погрузили в автобусы и из Лоретто повезли в Рим.

Уезжали мы рано. В автобусе я заснул. Потом, около полудня проснулся и долго смотрел в окно. Потом достал брeвниарий, прочел все, что положено читать днем, и опять задремал.

Днем мы заехали в Ассизи. Городок, где родился святой Франциск Ассизский. Наверное, самый известный святой моей церкви.

На его гробнице для нас отслужили мессу, а потом повезли обедать. В ресторанчике подавали вино, на этикетках которого был изображен тот же пейзаж, что виднелся за окном.

За соседним столиком сидела группа туристов из ЮАР. Пообедав и закулив, они улыбнулись мне и сказали, что, эх, красиво тут у нас, черт подери!

— У нас? Понимаете, сам-то я не местный.

— А откуда ты?

— Я русский. Из России.

— Это же все равно где-то здесь, рядом, да?

— Ну... не совсем рядом.

После обеда я попробовал вскарабкаться на холмы, на которых стоял сам город. Взбираться было сложно. Впереди меня в том же направлении карабкалась группа монахов-францисканцев в средневековых плащах, подпоясанных белыми веревками. Среди монахов было несколько негров. Вдоль тропинки росли пыльные деревья. Присмотревшись, я удивился: это были оливки. Они росли здесь прямо на улице, как в моем городе растут тополя.

Потом мы опять долго ехали в автобусах. Италия напоминала Грузию. Извилистые горные серпантины. Ухоженные виноградники на зеленых холмах. Вся страна была очень маленькая и очень старинная, а там, где она кончалась, сразу же начиналось теплое море.

В кресле рядом со мной сидел кадыкастый тощий хорват. Во время какой-то из югославских войн у парня вырезали всю семью. Иногда он доставал из рюкзака бутылку виноградной водки граппа и делал большой глоток. Предлагал выпить и мне. Совсем ночью автобус въехал в Рим.

7

Читая в журналах о головокружительных приключениях, не завидуйте тем, с кем эти приключения творятся. Путешественники никогда не поражаются тому, что видят. Уезжая из дому, новое ты способен воспринимать первые три дня. От силы неделю. Потом тебе становится все равно.

Ничего головокружительного в Риме со мной не случилось. А если бы и случилось, наверное, я бы не заметил. Утром в ватиканском соборе святого Петра для нашей группы служили мессу. После мессы я по-честному осмотрел римские достопримечательно-

сти: фонтан Треви, руины Форума, что-то такое, выстроенное еще Муссолини... Главным ощущением все равно была усталость.

Спустя еще день я стоял в римском международном аэропорту. Рядом стояли все тот же священник и все та же Наташа. Мы улетали домой, в Петербург. Снаружи, за стеклами, лежала Европа. А я уезжал в Россию. Завтра меня здесь уже не будет. На свете есть огромное количество городов, в которых я провел какое-то время, но больше никогда не побываю. Вот теперь еще и Рим.

Последнее время некоторые мои приятели любят гонять в Европу на выходные. На протяжении субботы и воскресенья они хлещут пражское пиво или лиссабонский портвейн, а в понедельник утром уже выходят на работу. Для них Европа это что-то очень привычное. Почти соседний квартал. Для них Европа — это веселые выходные, для других — гипермаркеты и хорошие дороги, для кого-то еще — большие зарплаты или ресторанички итальянской кухни. Но моя Европа вовсе не в этом. Я читаю европейских писателей и верю в европейские ценности. Но вот в чем они состоят... толком рассказать об этом у меня никогда не получалось.

Вчера днем я шел по римской улице и видел, как рабочие телефонной компании раскопали тротуар и пытались запихнуть в яму свои кабели. Я заглянул в раскоп. Из рыжей римской почвы торчали странные старинные мраморные углы. Рим — такой город, что, собираясь прокладывать телефонный кабель (о строительстве метро я уж и не говорю), будь готов к тому, что с первым же взмахом лопаты опровергнешь сразу несколько археологических теорий.

Думаю, что в Италии асфальта лежит метров на двадцать выше, чем положено от природы. Вся история мира утрамбована в почве под этим асфальтом. На метр вглубь — эпоха Наполеона. На пять метров — средневековые войны. На пятнадцать метров — время Юлия Цезаря.

А вот в моей стране слой почвы — тоньше бумаги. Ничего-то на нем не растет.

Недавно под Смоленском я разговаривал с парнем, которому тракторным механизмом вырвало три пальца на правой руке.

— Какой ужас! Как же вы после этого?

— А чего? Пил неделю, пока не заросло. А потом дальше стал работать.

— А пальцы? Куда вы дели оторванные пальцы?

— Без понятия. Там, наверное, и лежат, где упали.

Эти пальцы – единственное удобрение моей худосочной почвы. Мы там, в России, такие. Хлебом не корми – дай удобрить почву оторванными конечностями. И вот это отличие для меня важнее наличия гипермаркетов и зарплат. Пятнадцать лет назад мне казалось, будто отличия русских от французов и немцев скоро сгладятся. Стоит еще немного напрячься, и мы тоже станем жить в Европе. Лишь с годами выяснилось: на наших почвах ничто европейское не растет.

8

Мы все еще стояли в очереди на регистрацию. Я разговорился с кудрявой итальянской теткой. Она спросила, как мне понравилась Италия? Я столько раз отвечал на этот вопрос, что заучил ответ наизусть.

– Италия мне очень понравилась. Я впервые попал в нормальную католическую страну. Мне нравится то, что у вас так много церквей и то, что все эти церкви полны народом. Мне на самом деле очень важно знать, что в мире есть такая страна, как ваша.

Тетка скривилась:

– Ты серьезно?

– Разумеется.

– Брось! Ну что Италия?.. Вот Россия!..

– А что Россия?

– Россия – это да! Мне кажется, что у вас все не так.

– У нас и есть все не так.

– Я не об этом...

Она долго говорила мне о том, что обновление должно прийти с Востока. О великой православной духовности – особой... очень искренней. О том, что на Западе люди верят: русским удалось сохранить что-то такое, что давно утеряно у них и в чем они очень нуждаются.

Господи, думал я, как же все-таки хорошо там, где нас нет!

Август

В августе ничего интересного со мной не произошло.

У водителя, который подвез меня к хабаровскому железнодорожному вокзалу, были бегающие глаза. Всю дорогу он бубнил что-то о головорезах из комсомольской мафии, приставленных к горлу ножах, за копейки зарезанных таксистах. Мне он советовал быть осторожнее и, по возможности, в этих краях не задерживаться.

А я не собирался задерживаться. Я планировал купить билет на ближайший поезд и уехать с Дальнего Востока домой.

В здании вокзала я отыскал кассы и занял место в очереди. Вокруг бродили дети с характерными отеками на лице: дети нюхали клей «Момент». Передо мной стоял паренек, который ел... даже не знаю, что это было. Но пахло оно омерзительно. Доев, паренек оглушительно рыгнул и начал громко цокая языком чистить зубы.

Двигалась очередь медленно. Кассирше нравилось отказывать людям. Ни один клиент не отошел от ее окошка, получив то, что хотел получить. Пассажиры пробовали скандалить и обещали жаловаться. Кассирша только смеялась. Мне она тоже отказала. Я просил билет, чтобы уехать прямо сегодня, но кассирша сказала, что билеты есть только на завтрашнее утро.

Спорить я не стал. Достал из кармана деньги и заплатил за билет на поезд, уходящий завтра с утра.

Ночь я провел в привокзальной комнате отдыха. За \$4 мне была выделена койка в восьмиместной комнате. Помимо меня в «комнате» ночевал всего один человек и несколько миллиардов остро-зубых тварей, которые ночью искусали мне все, что торчало из-под одеяла: руку, грудь, лицо... Лицо было особенно жалко.

Время в Хабаровске отличается от московского на семь часов. Спать я лег в восемь вечера, а проснулся в три ночи. Чтобы никого не будить, тихо сидел в коридоре. Пил кофе. Молчал.

На Дальний Восток я ездил, чтобы написать о людях, которые гоняют из Японии ворованные автомобили. Интервью с гангстера-

ми вышло вроде бы ничего. Я достал из рюкзака диктофон, включил, проверил, как там все записалось.

— *Подержанными машинами в Японии торгуют пакистанцы. Японцы их не любят. Русских тоже не любят. А русские не любят ни японцев, ни пакистанцев. Но все как-то уживаются.*

— *К русским в Японии действительно плохо относятся?*

— *А за что к нам хорошо относиться? У японцев, например, есть обычай: по дому ходить босиком. Обувь и зонтики всегда оставляют за порогом дома. Идешь, а на крыльчке кроссовки всей семьи, зонтики в подставки. Ага! Русские как пришиваются, в первую же ночь бегом в город. С целой улицы обувь соберут в громадные сумки, и на корабль!*

— *Ты тоже воруешь?*

— *Редко. Я специализируюсь по машинам.*

Нажав на перемотку, я прокрутил пленку немного вперед и еще раз включил.

— *Десять лет назад гонять было действительно опасно. А сейчас в нашем бизнесе убивают редко. По всему Приморью криминал остался только в Хабаровске. Если Хабаровск проскочил, то дальше тебя никто не тронет. В Сибири дороги пустые. Едешь-едешь целый день. От силы одну машину встретишь.*

— *А как нужно проскакивать Хабаровск?*

— *Проще всего заплатить 30 долларов милиционеру. Он связывается с бандитами и перетирает, чтобы те не лезли. За двойную цену может проводить тебя до границ области. Почти стопроцентная гарантия. Можно заплатить и самим бандитам. Обойдется долларов в 100–200.*

— *Все платят?*

— *Некоторые до сих пор пытаются проскочить без платы. Набиваются в машину человек по пять-шесть. Все с ружьями. Но у бандитов для таких случаев есть особые старые машины. Они на полном ходу таранят ими проезжающие иномарки, мнут их, на ходу бейсбольными битами крошат стекла. Умудряются на скорости 120 км ножами распарывать покрышки. В общем, цирк!*

Я выключил диктофон и убрал его обратно в рюкзак. В шесть утра я рассчитался за ночлег и вышел из «Комнаты отдыха» наружу.

Все вокзалы моей страны пахнут одинаково: смесью хлорки, лука из пирожков и запаха рвоты. Хабаровский не был исключением. Рано с утра по залу бродили сумасшедшие с натянутыми на руки носками, косматые старухи, воры с металлическими зубами, черные от пьянства и грязи проститутки. Прислонив костыли к стене, на бетонном полу спали бездомные. Милиционеры с дубинками кокетничали с продавщицами пирожков. На корточках сидели темнокожие нерусские люди.

Голос в динамиках уже объявил посадку на «Экспресс номер 1», но сам поезд еще не подошел. Я стоял и ждал. Холодно было так, что я старался не делать лишних движений. Боялся, как Терминал-2 развалиться на мелкие обледенелые кусочки.

Медленно рассветало. Потом поезд все-таки подошел. Вагоны были покрашены в цвета российского флага. Проводница в очках спросила:

— Ко мне?

Посмотрела билет и еще спросила:

— А куда?

Утренний холод не дал мне подробно рассказать ей, куда я еду.

— Погоди. Не влезай еще. Сейчас хунхузы выгрузятся.

— Кто?

— Полвагона китайцев. Сейчас вылезут.

Китайцы были опухшие со сна. Перед собой они несли огромные баулы. За китайцами наружу выскочили и просто пассажиры. Они купили себе пива в двухлитровых бутылках и заскочили обратно.

Первые несколько часов езды в транссибирском экспрессе я проспал. Вы даже не представляете, как это приятно: после недели болтания по самым грязным дырам Дальнего Востока, влезть в теплый вагон транссибирского экспресса и уснуть.

Теперь весь смысл заключался в том, чтобы ехать. Спать, просыпаться, есть, смотреть в окно и (как только захочется) опять засыпать. Ничего не решать. Все уже решено в тот момент, когда ты заплатил за билет.

Соседями по купе был монголоидный мужчина в тренировочных штанах, русская бабушка и майор, возвращающийся из отпуска дослуживать в Чечню.

После стоянок на крупных станциях пассажиры брались за еду. Основным блюдом была китайская лапша быстрого приготовления. Такая лапша давно стала русским национальным блюдом.

Сосед-майор запихивал лапшу под рыжие усы и заливался:

— Вот приезжал к нам в часть генерал... ты пойми: генерал, это ведь... ты когда-нибудь видел настоящего генерала?

Я молчал. Единственный живой генерал, которого я видел в жизни, это Карлос Асперос Коста — нынешний Генерал Ордена Доминиканцев. 42-й по счету преемник святого Доминика. А лапшу и рыжеусых военных я терпеть не могу.

Первую половину дня пассажиры спят. Вторую половину — тоже спят. В окна светит солнце. Чтобы никому не мешать, я сидел в коридоре на откидном стульчике и через окно смотрел наружу.

Зрелище было унылым. Изредка снаружи проплывали обнесенные колючей проволокой лагеря. Первыми ссылать зеков в эти края додумались еще монгольские ханы. С тех пор традиция не прерывается уже почти тысячелетие.

В ближайшем купе пассажиры пили водку. До меня доносились обрывки их беседы:

— Мы — экологи. А вы? Давайте выпьем?

— Давайте.

— Вот сейчас мы здесь едем. А в прошлом году по этим самым рельсам ехал спецпоезд Ким Чен Ира. Я, между прочим, его видел.

— Неужели? Самого Ким Чен Ира?

— Ага! Я на вокзале стоял. А этот черт из вагона вышел рукой помахать. С ним два секьюрити. Один справа, второй слева, а по центру-то — я! Понимаешь? Был бы гранатомет, я мог бы его грохнуть и хрен бы меня поймали!

Накануне вечером я проспал всего час. Проснулся от того, что едущие за стеной экологи громко включили магнитофон. Может быть, эта фаза их вечеринки подразумевала танцы.

Я полежал не открывая глаз. Спать хотелось жутко. Музыка орала так, что вибрировала стена.

Чтобы отрубиться, я попробовал в уме посчитать, сколько именно денег потратил за эту поездку, и сколько осталось. Вместо того чтобы уснуть, расстроился и проснулся окончательно.

Слез с верхней полки, натянул брюки и дошел до экологов.

— Ребята, а вы еще долго планируете веселиться?

Ребята ответили честно:

— До утра!

В купе плохо пахло. То ли копченой рыбой, то ли просто никто здесь давно не принимал душ. Я огляделся. Ребята были не просто пьяны. Они были полумертвыми от алкоголя. По моим прикидкам сидеть им оставалось полчаса. После этого они свалятся на пол и уснут. Пределы возможного есть у любого организма.

Я решил, что полчаса это ничего. Можно подождать.

Блин! Я плохо знал сибиряков! Ребята веселились не просто до утра. Их вечеринка продолжалась до обеда следующего дня. На пол падать они не собирались даже после этого.

4

Транссибирская магистраль Владивосток—Москва внесена в Книгу рекордов Гиннеса как самый протяженный железнодорожный маршрут на планете. Расстояние в десять с лишним тысяч километров поезд № 1 преодолевает за 7 дней, 20 часов и 25 минут.

По утрам я натягивал брюки в одной климатической зоне, а вечером снимал совсем в другой. За окном проплывали пихтовые леса, маньчжурские сопки, настоящая тайга, прибайкальские степи и бетонные сибирские города, похожие друг на друга как близнецы. На второй день езды начались степи. Не ровная поверхность, как в европейской России, а все те же холмы, но без леса. Сотни голых склонов до самого горизонта. Словно смотришь поверх голов в кинотеатре, а все зрители — лысые. Вдалеке, на фоне сопok виднелись пасущиеся верблюды. Иногда, как в кино про Гражданскую войну, наперегонки с моим поездом скакали раскосые кочевники в мохнатых шапках.

Проходили дни. Я просто лежал и смотрел в окно. А мой телефон лежал у меня в кармане и иногда звонил. Прежде путешественники узнавали о пройденных верстах по верстовым столбам. В наше время об этом узнают потому, как мелькают на экранчике телефона имена все новых операторов связи. Этих имен было много. Каждое утро — новый оператор. Все они были прежде неизвестными: Ural-Tel, Ермак-RTS, какие-то CSC. Некоторые аббревиатуры были и вовсе произносимыми — словно заклинания местных, сибирских шаманов.

К четвертому дню езды организм окончательно запутался во временных поясах и перешел на двухразовый режим сна. Я засыпал в семь вечера, просыпался в два часа ночи, а днем обязательно устраивал себе тихий час.

Просыпаться ночью — неинтересное занятие. Я выбирался в коридор и часами стоял у темного окна. Было темно и пусто. Свет не горит во всем составе. Пассажиры спят. Странно, но иногда спали даже веселые экологи. Накануне к ним в купе посадили даму. Джентльмены обрели второе дыхание. Стоя в коридоре, я слушал, как они интересуются у попутчицы, чем та будет запивать водку? Минеральной водой? Попутчица смущенно улыбалась и говорила, что если можно, то пивом.

Один раз поезд остановился в поселке со странным названием «Ерофей Павлович». Я вышел из вагона. Путевая обходчица громко крикнула:

— Спать что ли? Так ты давай, ссы! Отвернись! Прямо здесь вставай и ссы!

— Да нет. Я посмотреть. Интересное название.

Обходчица стояла в метре от меня. Но орала так, будто я нахожусь на другом конце платформы.

— Чего тут интересного-то? Даже вокзал на дрова разобрали. Ты лучше иди в вагон греться. А то сейчас внутри будет холоднее, чем на улице.

Ждать следующий город, следующую остановку пассажиры начинали сразу же, как только мы отъезжали от предыдущей. Они сверялись с расписанием, выглядывали в окно, делали вид, что все еще живы. В поезде, идущем неделю, доходящем с Тихого океана почти до Атлантики, делать больше нечего.

В расписании часы прибытия на станции были указаны по московскому времени. Местное выставлять было бесполезно, потому что менялось время иногда трижды за сутки. В туалете, рядом с купе проводников я нашел объявление:

Уважаемые пассажиры!

Огромная просьба: по большой нужде в этот туалет не какать. Стенка не герметичная и запахи идут к нам в служебку.

В вагоне несли службу две проводницы. Одна работала днем, а вторая ночью. В меру сил проводницы боролись с веселыми экологами. Когда состав делал большую остановку на станции Чернышевск-Забайкальский, проводница успела привести с перрона наряд милиции, а милиционеры составили на экологов рапорт и оштрафовали их на \$30.

Проводница инкриминировала экологам конкурс на самый громкий свист, который проводился у них в купе в полчетвертого

утра и то, что парни всю ночь ходят к ней в купе, чтобы сообщить, что следующий танец — белый. Экологи не отрицали своей вины.

Когда милиционеры выходили из вагона, я стоял снаружи и курил. Мне было видно, что полученный с дебоширов штраф они по-братски разделили с проводницей: \$15 ей, \$15 себе.

5

А за пару недель до того как оказаться на Дальнем Востоке, я ездил в Москву, чтобы поучаствовать в телешоу «Большая стирка». Программа входила в десятку наиболее рейтинговых на отечественном ТВ. Каждый вечер по будням тысячи тысяч домохозяек щелкают пультиком по кнопке ОРТ и вздыхают: «Ах, Андрей Малахов!.. Какой обаяшка!..»

Мне трижды предлагали поучаствовать в шоу. Два раза я сумел-таки вывернуться и не поехать. На третий раз вывернуться не удалось.

Голос редакторши «Стирки» ворковал в телефонной трубке:

— Приезжайте. Вас покажут по телевизору. Вас станут узнавать на улице. Вы будете знамениты и богаты. Зачем вам отказываться, а? Приезжайте!

— Но я не хочу, чтобы меня узнавали на улице.

— Прекратите! Все хотят, чтобы их узнавали на улице. Все хотят быть богатыми и знаменитыми. Приезжайте.

Я — человек мягкий. А когда томный девичий голос обещает все на свете и за счет встречающей стороны, отказаться вообще сложно. Я купил билеты в Москву и поехал становиться знаменитым и богатым.

Всю дорогу я думал о том, что как все-таки быстро меняется значение слов. Вот, например, «неудачник». Еще десять лет назад оно означало всего лишь парня, постоянно проливающего себе кофе на брюки. А сегодня — это матюг. Страшное оскорбление. Сегодня это слово означает, что свою жизнь вы прожили зря. Что вы упустили свой личный шанс стать богатым и знаменитым.

6

Телецентр в Останкино — место с атмосферой. Заходишь в лифт, видишь знакомое лицо, автоматически открываешь рот, чтобы поздороваться и только произнеся «Здра...», понимаешь, что ни-

какой это не знакомый, а, например, ведущий ток-шоу Владимир Соловьев.

На вокзале меня встретил водитель. В руках он держал бумажку с крупно написанной моей фамилией. Водитель был заспанный. Он отвез меня в Останкино и попытался сдать на руки редактору «Большой стирки», но в такую рань никакого редактора на месте еще не было, и мы полтора часа подряд просто стояли перед дверями и курили сигареты.

Вход в здание перекрывали арки-металлоискатели и двое постовых с автоматами. Арки выглядели неприступными. Водитель махнул рукой и объяснил, что на самом деле они не работают. Возможно, автоматы у постовых тоже были игрушечными, но без пропуска лезть на них грудью я все равно не стал.

Потом редактор все-таки появился. Я прошел внутрь здания. Больше всего в громадном Останкино мне понравился буфет на первом этаже.

Звезды экрана сидели за столиками и громко обсуждали дико секретные сплетни. Те, кто звездой пока не являлся, просто стояли кольцом вокруг и глотали слюнки. Слева от буфета находился мужской туалет. Вместо туалетной бумаги там лежали жесткие, крупно нарубленные листы бумаги. Возможно, это все, что осталось от сенсационных сценариев.

Сами съемки шоу начались в 16-00. То есть ровно в тот момент, когда я, разбитый после ночи в поезде, мечтающий о душе и чтобы снять, наконец, ботинки, все-таки стал засыпать.

Сперва восемнадцать дублей подряд снимали аплодисменты зрителей. Во всех телевизионных шоу самое главное — аплодисменты восторженных зрителей. Звезда нисходит к простым смертным, и те теряют сознание от восторга.

В этот раз публика попалась тупая. Сознание терять отказывалась. В ладоши хлопала вяло.

— Всех вышибу из зала к едрене-фене! Уроды! Хлопаем, я сказала! Хлоп-хлоп-хлоп.

— Девицы! Кто состроит самое эротическое рыло, крупный план гарантирую! ХЛО-ПА-ЕМ!

Хлоп-хлоп-хлоп.

— Ты! Да, вот ты! Встал и пошел отсюда вон! Остальные хлопаем! Хлопаем!

— А почему вон?

— Рожей не вышел!

— А можно...

— Я СКАЗАЛА ВО-О-ОН!

Режиссерша багровела шеей и орала. Прекрасный, загримированный и нарядный Андрей Малахов стоял здесь же. Он не обращал внимания на то, что происходило вокруг. Стоял ипил «Коку» из баночки.

Я отошел в сторону и прислонился к стене. Мимо, толкаясь и наступая мне на ноги, прошагали три практически голые девицы. Со здоровенными бюстами и эротическими татуировочками на ягодицах. Я чувствовал запах их духов. Духи нравились мне даже больше, чем то, что удавалось рассмотреть.

Малахову передали, что это пришла группа ВИА-Гра. Он сказал: «О!» С того места, где я стоял, мне было слышно: телезвезда завел с киевскими певицами светскую беседу и для начала поинтересовался, а кто у них, украинок, самый любимый писатель? Тарас Бульба?

Потом начали снимать героев шоу. Жмушуюся в угол кучку расстерянных людей. В том числе меня. Сам момент съемок запомнился мне смутно. Я просто вышел в студию, сощурился от света прожекторов, сел на диванчик. Малахов о чем-то меня спросил. Я что-то ему ответил.

Зал был полон людьми, которые отложили все свои дела ради того, чтобы поучаствовать в съемках шоу. Несколько десятков человек строили рожи и вели себя как полные кретины, потому что режиссерша обещала: обладатель самой идиотской физиономии будет снят крупным планом. Получит причитающиеся ему десять секунд славы. Перестанет считаться неудачником. Станет удачником.

Никогда в жизни больше не соглашусь сниматься ни в одной телепередаче — обещал я себе. Да меня и так, наверное, больше не позовут. И вообще: едучи в пятнадцатом вагоне транссибирского экспресса, думать об этом совсем не хотелось.

7

На самом деле транссибирским экспрессом я поехал специально. Можно ведь было купить билет на самолет и через девять часов оказаться дома. А вместо этого я неделю подряд тащился через бесконечную родину, проехал ее всю, с востока на запад. Мне хотелось почувствовать это расстояние на себе. Попробовать одним словом сказать: какая она, страна, в которой я живу.

Где-то к шестому дню езды я понял, что это невозможно. Страна оказалась слишком большой, чтобы ее можно было втиснуть в единственное прилагательное. Девять часовых поясов, сто сорок миллионов человек, а сколько людей — столько и вариантов счастья. Те, кто приехали сниматься в «Большой стирке», хотели стать богатыми и знаменитыми. Монголы в мохнатых шапках мечтали вырастить такого скакуна, чтобы когда-нибудь он все-таки обогнал поезд. А проводнице из моего вагона хотелось, чтобы пассажиры не какали по большой нужде в туалет за стенкой. Не может быть в мире такого порядка, чтобы он устроил всех. Как сделаешь счастливым и рыжеусого майора, и телеведущего Соловьева, и перегонщика ворованных машин, и путевую обходчицу из поселка «Ерофей Павлович»? Что одному из них хорошо, для трех других — смерть. Но при этом (думал я) суть моей веры как раз и состоит в том, что Бог даст каждому из нас счастье, которое устроит всех.

Счастлив будет каждый, а несчастных не будет вовсе. Как это получится, я не знаю. Более того: пытаюсь представить такую картину, я понимаю, что она невозможна. Но тем не менее именно так все и получится. Ну, не чудо ли?

Последнюю ночь пути я, как и все предыдущие ночи, провел на своей верхней полке. Все думы были передуманы. Я просто собирался уснуть. В дверь купе постучали. Местного времени было два часа ночи.

Я открыл. Снаружи стоял сосед-эколог. Он был налит алкоголем до краев.

Посмотрев мне в подбородок, он негромко сказал:

— Командир! Ебтваюмать!

— Это все?

— Ебтваюмать!

— Это я слышал. Это все?

— Это... ы-ы... Ебтваюмать!

Я закрыл дверь. Едва задремал, в дверь постучали снова.

— Что надо?

— Ебтваюмать!

— Что-нибудь кроме этого скажешь?

— Погоди... Не обижайся... Понимаешь: ебтваюмать!

Я вернулся на свою полку. Прежде, чем закрыть глаза, подумал, что вот ведь: из поездки по Транссибу я сделал какие-то свои выводы. А эколог — свои. Мой вывод уместился в один абзац, а его — в одно слово.

Утром за окном показалась Москва. Транссибирский экспресс закончил свой самый длинный на свете рейс.

Октябрь

1

В конце 1996 года двадцать три латиноамериканских партизана из «Революционного движения имени Тупак Амару» провели самую виртуозную акцию в истории мирового терроризма.

В здании японского посольства в Лиме (Перу) в тот вечер должна была проходить вечеринка. Партизаны переоделись поварами и официантами и проникли внутрь. В разгар веселья они достали из-под одежды «Калашниковы» и после этого веселье продолжалось, но весело было уже не всем.

В заложники тупакамаровцам удалось взять целую толпу VIP-персон. В том числе американских дипломатов, тещу перуанского премьера и много кого еще.

Правительство отказалось выполнять требования партизан. А партизаны отказались покинуть здание. В результате следующие полгода ситуация пребывала в состоянии пата.

Партизаны боролись за счастье всех обездоленных. Они защищали тех, кого любили. Не за себя, а ради счастья других людей они взяли заложников и были готовы идти до конца. Партизанам противостояли псы антитеррора. Полицейские в масках и с супероружием в натренированных руках тоже защищали тех, кого любят. Они готовы были грудью закрыть женщин и детей от нелюдей-террористов.

С крыш окрестных домов телевизионщики снимали, как во семьдесят заложников дни напролет пьют орандж-джус, а их стражи играют во дворе в гольф. Жизнь вошла в привычную колею. Кончилась зима... потом весна... потом прошло еще сколько-то месяцев, после чего последовал штурм, во время которого все партизаны были перебиты. Так все и происходит: лицом к лицу сходятся люди, готовые умереть за тех, кто им дорог. Начинается бой, и с обеих сторон появляются трупы. То есть, говорили-то все вроде о счастье, но несчастливы оказываются обе стороны.

2

А я в том году работал редактором небольшого, но глянцевого журнала. Редакция располагалась в доме, стоящем сразу позади Зимнего дворца, на углу с Мойкой.

Дом этот был примечателен сразу по нескольким причинам. Главными из них были две: во-первых, с изнаночной стороны от моей редакции находилась квартира тогдашнего петербургского мэра Собчака, а во вторых, левой стеной этот дом упирался в здание японского консульства.

Вечером того дня, когда погибли туакамаровцы, я здорово напился. На следующее утро я даже пришел в редакцию, но было ясно, что работать у меня все равно не получится. До самого обеда я сидел у себя в кабинете и хотел пива. День был солнечный, снаружи ходили девушки, а я хотел пива.

В редакции у меня имелась собственная секретарша. На дальнем плане сознания давно бродила мысль, что порядочные начальники за своими секретаршами ухаживают... в смысле — приударяют... или хотя бы делают вид, что ухаживают... а я вот поухаживать так и не собрался. Я как раз думал, как бы спросить у девушки, не сбежать ли нам из редакции, когда ко мне в кабинет заскочил Дмитрий.

Дмитрий был городской достопримечательностью: самым известным в Петербурге левым радикалом. Почти что профессиональным революционером. Еще на заре перестройки этот длинноволосый, похожий на индейца, парень в косухе ходил на демонстрации под черными знаменами анархии. Потом он зарегистрировал первую в стране троцкистскую организацию. Потом еще что-то организовал. Он возглавлял колонны, клеил листовки, устраивал стачки и возможно занимался еще чем-то таким, что знать мне было вовсе не обязательно. А в свободное время Дима успел сделать офигительную журналистскую карьеру, стать отцом двоих сыновей и получить степень чуть ли не доктора наук. Интересный, в общем, парень. Той весной он возглавлял петербургскую ячейку национал-большевистской партии Эдуарда Лимонова.

Дмитрий спросил:

— Я собираюсь в «Манхеттен». Хочешь, пойдем вместе?

— Хочу. Пошли. Тебе здесь еще долго?

— Нет. В принципе я уже свободен.

— Пойдем?

Я забрал куртку и спросил у своей секретарши, не хочет ли она выпить кружечку пива? Девушка не любила пиво, но работать она любила еще меньше, а день был солнечный, и мы все втроем пошли в «Манхеттен».

В «Манхеттене» было здорово. Дима спрашивал:

— Какие планы?

— У меня никаких. Я на сегодня свое уже отработал. Как видишь, пью пиво.

— А я вечером организую пикет у японского консульства.

— Когда организуешь?

— А вот прямо сейчас. Через сорок минут. Прямо с изнанки твоей редакции. Пойдем вместе?

— Чем тебе не нравятся японцы?

— Ничем не нравятся. Ты слышал, что вчера в Перу убили всех тупакамаровцев?

— С утра смотрел в новостях. А причем здесь японцы?

Дима долго объяснял, что Перу, хоть и находится в Латинской Америке, но на самом деле давно превратилось почти в японскую колонию. Там даже президент — японец и фамилия у него Фухимори. Так что в смерти партизан виноваты как раз японцы, и их нужно срочно заклеить.

Дима был очень образованный парень. Он отлично разбирался в таких странных вещах, как, например, внутренняя политика Перу. Мне слушать его было интересно, а вот секретарша заскучала. Слушая Диму, я опять забывал за ней ухаживать.

— Пойдешь участвовать в пикете?

— Пойду. Почему не поучаствовать в пикете? Непременно пойду и поучаствую!

— Тогда допивай. Кстати, после пикета можем поехать в бункер. К нам приехал Лимонов, он там сегодня выступает.

3

Собственно, главным героем этого рассказа, является как раз Эдуард Лимонов. Димин партийный начальник и живой классик русской литературы. На следующий день, после того, как перуанский спецназ перебил в Лиме всех партизан «Тупак Амару», и сразу после того, как мой приятель Дмитрий организовал пикет у здания японского консульства, я первый раз в жизни сходил посмотреть, как выглядят русские писатели.

В начале 1990-х, когда в стране были наконец изданы ранние лимоновские романы «Это я, Эдичка» и «Дневник неудачника», шок не пережили только те, кто не научился в школе читать. Шатающийся по Большому Нью-Йорку влюбленный русский перевернул представления о том, как должна выглядеть литература. И мое лич-

ное отношение к литературе он, конечно, тоже перевернул. Следующих лимоновских романов я ждал, как граждане в те годы ждали того, что за ваучер им дадут личный самолет. Но на «Эдичке» все и кончилось.

Ничего хотя бы отдаленно похожего на две первые книги Лимонов так и не написал. Иногда его проза выглядела по-настоящему жалко. А в 2000-м году Лимонов был арестован по крайне невятному обвинению в подготовке государственного переворота. Оказавшись в тюрьме, он засучил рукава, и вскоре в продаже появилось сразу несколько его книг. Гораздо более интересных, чем дотюремные.

Одна была посвящена кумирам писателя. Она называлась «Священные монстры». Пятьдесят три биографии тех, с кого стоит строить жизнь. Я купил эту книгу и внимательно прочитал. Строить жизнь предлагалось с людей своеобразных. Например, с Фридриха Ницше: человека, закончившего дни, попивая мочу из собственного ботинка. С вечно покрытого гнойными фурункулами маркиза де Сада, проведшего всю жизнь в закрытых психушках. С Чарльза Мэнсона, которого в тюрьме привязывали к койке, лишь бы он прекратил онанировать, потому что вместо семени из члена Чарльза уже шла кровь, а он все онанировал...

Не кажется и вам странной вся эта компания?

Почему все кумиры прозаика закончили дни в сумасшедшем доме? Почему с их портретов на вас глядит безумие? Не благородное и величественное безумие христианских святых, а мелкое, вечно бубнящее безумие со слезящимися глазами и слюнявым ртом?

Ответ прост: все эти люди были антихристианами.

4

Единственный кит, на котором стоит все мировоззрение антихристиан, это любовь к себе. Всегда и во всем слушайте только себя! Всегда! Культивируйте в себе восторг перед собой! Преклонение перед собой! Вы — Божественны!

Если вы помните, то именно эту позицию перед первыми людьми пропагандировал змей, пробравшийся в Эдемский сад. Будьте как боги! Считайте богом себя, а Бога богом не считайте!

При этом в глубине души сами-то антихристиане понимают: мелочный эгоизм вряд ли сделает из них супергероев. Но это и не важно! Зато вы сами будете считать себя супергероем!

Позвольте древнему Змею уговорить вас. Впустите его в свою жизнь... или хотя бы просто не мешайте ему вползти в вашу жизнь. Матрица тут же окружит вас сотней уютных галлюцинаций.

Отныне свою непрекращающуюся истерику вы станете называть «душевной тонкостью». Когда близких станет тошнить от ваших маний и комплексов, вы сочтете это знаком Высшей Избранности. И недалек тот день, когда свои книги вы станете подписывать «Господь Бог».

Думаете, я шучу? Ох, как я хотел бы, чтобы все это было просто несмешной шуткой!

5

Пикет, устроенный Дмитрием, уложился минут в десять. Партийцы развернули транспарант «Фухимори сбросим в море!», и к ним тут же подскочил постовой милиционер от парадной мэра Собчака.

— Почему без разрешения пикетируете подъезд мэра?

— Мы не мэра. Мы консульство.

— А что такое Фухимори?

— Фухимори — это фамилия перуанского президента.

— Какого президента? Перуанского? А почему стоите у японского консульства?

— Потому что Фухимори — японец.

Постовой задумался. Было видно, что в слове «фухимори» ему чудится незнакомый матюг, адресованный все-таки лично мэру Собчаку. Через две минуты раздумий, пикет он запретил, партийцы свернулись и ушли, а я и Дмитрий побрели следом.

Секретарша хмурилась и понимала, что до ухаживаний дело сегодня опять не дойдет. Бункер, в котором квартирует петербургское отделение лимоновской партии, это на самом деле никакой не бункер, а подвальный склад продовольственного магазина. В свое время для партии его арендовал музыкант Сергей Курехин, а когда он умер, аренду стали платить сами партийцы.

Когда мы пришли, Лимонов был уже на месте. Невысокий... очень невысокий... ниже меня, мужчина в кожаном пиджаке. Тонкий голос. Ходит очень маленькими шажочками. Лимонов стоял и говорил, а человек тридцать партийцев сидели на стульях и продавленных диванчиках. Несколько раз он повторил, что просит де-

ржать все, о чем здесь говорится, в секрете. Лишнего не болтать. Я внимательно его слушал.

В своих последних книгах Лимонов и о себе пишет, как об антихристианине. Как о Богоборце. Я — христианин и я могу сказать, что такие люди, как он, действительно победили Бога.

Он сделал все, от Него зависящее, чтобы дать им жизнь. Они предпочли пить мочу из ботинок и корчиться в агонии. Он терпеливо и многократно повторял: позвольте Я спасу вас! Я умею! Если у вас не хватает сил, возьмите Мои... Мне невыносимо смотреть, как вы гибните, и Я готов отдать все, что имею, лишь бы вы жили!

А Лимонов и те, кого он считает своими учителями, ответили: «Нет!» И вот они стали теми, кем они стали.

Антихристиане мало чем отличаются от христиан. Всем нам, людям, нужно одно и то же. Разница лишь в том, что христиане согласились быть любимыми детьми, а остальные захлопнули перед этой любовью дверь.

Может быть, они просто не поняли?.. не расслышали?.. Чтобы Его слова стали еще понятнее, Господь пришел на землю Лично. Пришел, долго повторял то же самое... и был здесь, на земле, убит.

Все мы столько раз видели изображения Распятия, что давно забыли, сколь мучительна эта казнь. Забыли о том, что ничего более мучительного, чем смерть на кресте, люди так и не изобрели.

Сирийские наемники, которыми была укомплектована гвардия Пилата Понтийского, били Его по лицу. Плевали в Него. Надев на Него корону из колючек, они смеялись удачной шутке: вот коронация Того, Кто называет себя Царем иудейским!

Он переносил все это молча. Потому что пришел и к ним тоже. И эти гогочущие люди тоже являются Его детьми.

Потом на Его плечи, до мяса изодранные бичом, положили пятидесятикилограммовую перекладину от креста и велели нести. Он не мог нести. Он постоянно падал.

Устав ждать, солдаты велели нести перекладину случайному прохожему. Это был единственный человек, хоть как-то облегчивший Его страдания. Остальные зрители были равнодушны и не смотрели на скучную казнь. Все думали исключительно о том, как весело проведут наступающую Пасху.

На холме Голгофа Его раздели. Солдаты забрали Его одежду и 20-сантиметровыми гвоздями прибили Его к кресту. Он задыхался, умирал, пытался подтянуться на руках и глотнуть хоть немного воздуха, а они играли в кости и ленились поднять на Него глаза.

Потом Он умер.

Бороться с сильным — почетно. Восстать на тупую, несправедливую силу — поступок героический. Антихристиане считают такой силой Бога, а себя считают героями. На самом деле, они ведут себя хуже, чем те, кто железными кулаками лупит по старому лицу свою мать.

6

Я все еще сидел в партийном бункере и слушал Эдуарда Вениаминовича. Похмелье пойманной птицей металось у меня в голове.

В одной из своих книг Лимонов писал: «Вспоминая свою жизнь, я вижу только пизды и автоматы... секс и войну». Что ж, писатель прожил свою жизнь не зря. В этой жизни было много секса и оружия. Писателю никто не сказал, что после 16-ти жизнь не заканчивается, а только начинается. И что взрослый человек, это не тот, кто много делает секс и дни напролет играет в солдатиков. А тот, кто живет ПРАВИЛЬНО.

Представьте на секунду, что загробная жизнь существует. Наш писатель умирает... и вскоре обнаруживает, что умер он не совсем. Что знакомая земная жизнь плавно перетекла в Вечность.

Что изменится для него с этим переходом?

Злой... на весь мир обиженный ребенок... кричащий от боли существования... пытающийся доказать миру, что он все еще жив... и при этом очень боящийся жизни, потому что счел себя потерявшимся... счел, будто остался совсем один.

На протяжении земных десятилетий писатель так и не научился видеть в окружающих людях людей. Ему все еще хочется стрелять в мужчин из автомата и чтобы женщины покорно и с радостью раздвигали ноги.

Вряд ли в Вечности он получит то, чего хотелось. У женщин там нет ног, а мужчин нельзя застрелить, потому что каждый из них давно умер... уже прошел через смерть. Но от этого хотеться будет лишь сильнее, ведь вспоминая свою жизнь, он видит только... см. выше.

Единственный, кого при жизни любил писатель, это прекрасный Он Сам. И эта удушающая любовь тоже останется с ним навсегда. Добавьте к этому нажитые им комплексы и мании -- перед вами подробное описание христианского ада.

Писатель Эдуард Лимонов выстроил для себя этот ад уже на земле. Таких горбатых, как он, не меняет даже могила. Вернее, не так. Именно могила и не исправит таких, как он.

Впрочем, думаю, если бы там, в бункере я встал бы с места и, собрав расплывающиеся мысли в кулак, изложил бы все это самому Лимонову, он бы только рассмеялся. Думаю, он сказал бы что-нибудь вроде: да, жизнь моя вовсе не похожа на жизнь христианских святых. Но это лишь потому, что я — герой. Я не стал хорошим человеком, но именно поэтому вся страна затаив дыхание и наблюдает за моей жизнью. Именно поэтому мое имя на устах всех, кого ни спроси.

7

В бункере я просидел от силы минут сорок. Накануне я действительно здорово напился. Честно сказать, меня тошнило. Партийцы задавали вопросы. Вождь обстоятельно на них отвечал. Потом я окончательно выдохся. Извиняющимся взглядом посмотрел на Диму, взял за руку секретаршу и ушел. Думаю, что если бы просидел еще хотя бы десять минут, то меня бы вырвало прямо на пол.

В полуквартале от бункера мы нашли кафе. Я выпил пива. Тошнота немного разжала объятия. Секретарша смотрела на меня преданными глазами.

— Слушай, а кто этот мужик?

— Который мужик?

— Ну, который больше всех говорил. В очках.

— С ума сошла? Это же Лимонов!

Девушка улыбнулась еще раз.

— А кто такой Лимонов?

Ее улыбка была обворожительна.

Ноябрь

1

Осмотр достопримечательностей города Улан-Удэ не занял у меня много времени: в Улан-Удэ нет достопримечательностей.

Центральную авеню бурятской столицы составляли невысокие кирпичные коттеджи. Улица параллельная центральной была уже

одноэтажной и полностью деревянной. На следующей улице город заканчивался.

Напротив моей гостиницы стоял магазин. Его вывеска гласила: «Все виды продуктов! Европейское качество! Мы работаем круглосуточно!» Магазин был закрыт, окна заколочены досками, а внутренние перекрытия давно рухнули.

Национальным блюдом бурятов считаются позы — огромные пельмени, внутри которых лежит не рубленное мясо, а целиковые куски говядины.

Есть позы нужно особым способом. Дело в том, что внутри мучного конвертика мясо запекается вместе с густым бульоном. Поэтому сперва позу нужно надкусить, потом осторожно высосать изнутри бульон, а уже потом съесть все остальное.

Позная, в которую ходил я, была одной из лучших в городе. Восемь столиков. Стойка бара сверкает европейскими этикетками. Больше ничего европейского в заведении не было.

За каждым столом пьют водку. В крайнем случае — чай с молоком, слоем бараньего жира и солью.

Я заказал позы. Заплатил. Ждал довольно долго. Потом мне крикнули: «Забирай!» Я взял тарелку, сел за стол и только тогда сообразил, что барменша забыла дать мне вилку.

— Дайте, пожалуйста, вилку.

Барменша удивляется:

— Вилку?

— Да. Дайте, пожалуйста, вилку.

— Ну на.

Я беру вилку, возвращаюсь за стол и понимаю, что вилка не просто грязная, а УЖАСНО грязная. Жирная. Со следами чьей-то пищи на зубцах.

Возвращаюсь к стойке.

— Дайте, пожалуйста, другую вилку.

Барменша удивляется:

— Другую?

— Да. Дайте, пожалуйста, другую вилку.

— Ну на.

На вкус позы оказываются чудовищны. Без приправы запихать в себя кусок холодного сырого теста у меня не получается. А единственная доступная приправа — стоящий на столе пластиковый стаканчик, по стенкам которого размазана горчица.

Я вышел на улицу и огляделся. Ко мне тут же подошел местный подросток и стрельнул сигаретку. Я спросил у него:

— Слушай, а у вас всегда так тихо?

— В смысле?

— Ты послушай, чувствуешь? Даже музыки ниоткуда не слышно. Полная тишина.

— Да. Музыка нет. А зачем?

— Ну, а, например, ночные клубы у вас есть? Танцы какие-нибудь? Чем вообще вы здесь занимаетесь по вечерам?

Ответил парень честно:

— Кто чем. Я вот, например, спать ложусь.

2

Прогулявшись по центру горда, полакомившись позами, я за \$15 нанял таксиста, который обещал отвезти меня в Иволгинский дацан — головной офис всего русского буддизма. Позже выяснилось, что это в пятнадцать раз дороже реальной стоимости такой поездки.

Недавно в монастыре произошло важное событие. По особым сверхъестественным знамениям удалось отыскать тело последнего дореволюционного настоятеля. За несколько десятилетий тело совсем не разложилось, а лишь чуточку ссохлось. Прибывшие из Тибета специалисты по общению с мертвыми выяснили, что после смерти настоятель решил не уходить в нирвану, а остаться в монастыре и присматривать, чтобы все было ОК. «Чудо!» — шептали пораженные буряты. Усопший настоятель был с почестями перенесен в большую бетонную усыпальницу.

Ехать из города до дацана предстояло около часа. Дорога была пустая. Сопки на горизонте. Миллионы тонн снега. Больше ничего. Пейзаж был реально чарующим. Может быть, именно так выглядела бы земля, если бы Господь решил не заселять ее людьми.

Таксист был из местных, из бурят. У него был огромный живот, огромная, не вмещающаяся в автомобильное кресло задница и очень толстое лицо. По дороге он рассказал мне пару расистских анекдотов про бурят. Довольно смешных. Вдоль дороги иногда мелькали группки местных коров. Животные заросли густой рыжей шерстью и напоминали скорее рогатых медведей.

Машина была ужасающе старая. Ни единый прибор на приборном щитке не работал. Двери закрывались только с третьей попыт-

ки и все равно дребезжали во время езды. Кресло подо мной было настолько продавленным, что колени располагались гораздо выше плеч. Водитель умудрялся выжимать из своего драндулета больше ста километров в час.

Уже на подъезде к дацану о лобовое стекло разбилась птица. Что за порода я так и не понял, потому что бедолагу всю аж размазало. Среди трещинок на стекле разглядеть удалось лишь толстый клюв.

3

У входа в дацан продавались буддийские сувениры и козье молоко. Увидев меня, продавцы заволновались:

— Есть амулеты для защиты автомобиля! Очень сильные! А вот четочки! Хотите четочки? С человеческими черепами?

Перед деревянными воротами, ведущими внутрь буддийской святыни, лежали свежие коровьи какашки. В ветви деревьев были вплетены разноцветные ленточки. Вдоль тропинки, ведущей к главному храму, стояли молитвенные барабаны. Одно вращение заменяет десять тысяч повторений мантры. Шагая по тропинке, я разглядывал толстого бритого ламу в бордовой монашеском плаще. Тот мыл шампунем свою дорогую машину.

Главное богослужebное здание монастыря было деревянным. В переводе на русский оно называлось «Колесо Учения, приносящее счастье и исполненное радости». Почитав перед поездкой в дацан путеводитель, я выяснил, что службы здесь проводятся рано утром. Монахов созывают на них, трубя в дудочку, сделанную из берцовой кости 16-летней девушки. Хозяйка кости умерла почти столетие назад. Теперь отполированный фрагмент ее ноги красиво отделан серебром.

Я открыл дверь и шагнул внутрь. Молитвенный зал был огромным. Бесконечные ряды скамеек для лам и прихожан. С потолка свешиваются флаги.

Я сделал шаг вперед. Ко мне тут же подскочил здоровенный лама. Стоп! Все неправильно! В знак почтения к богам местного буддизма мне следовало не ломить прямо, а свернуть налево и сперва сделать круг по залу.

К богам местного буддизма я не испытывал ни малейшего почтения. Но все равно сделал, как велено.

Дальняя стена в зале была застекленная. По ту сторону стекла были выставлены тысячи... тысячи тысяч статуй богов. Некоторые выглядели так, будто действительно отлиты из золота.

Я поразглядывал статую симпатичной богини. Изображена она была голый. Во всех подробностях. Скользнув взглядом по... ну, вы поняли... я удивленно задрал брови. ОТТУДА, из складок кожи на меня смотрел глаз. Взгляд был пристальный. Смутившись, я отошел.

Все эти буддийские навороты вызывали ощущение изжоги. Только изжога была не внутри, а снаружи. Ею был пропитан сам воздух. словно в этом месте мир смертельно самому себе надоел.

Я сел на скамейку и попробовал записать все что вижу в блокнот. Тот же здоровенный лама опять подскочил и громким басом поинтересовался:

— Вы, вообще, по какому вопросу?

— По личному.

— Что пишем? Ну-ка дай-ка посмотрю.

Я довольно вежливо ответил, что не его собачье дело, что мы тут пишем, и лучше бы он следил за противопожарной безопасностью, а то вон, рядом со свечками, у его бога с зеленой харей что-то одежда уже дымится.

Стоящие у дверей прихожане начали подтягиваться поближе, прислушиваться к нашей беседе. Двое монголов встали у меня с боков. Наклонили головы лбами вперед.

Плюнув, так ничего и не записав, я вышел из дацана вон.

4

Ни один человек на свете не родился полностью христианином. Христианство — это путь, который каждому из нас предстоит пройти. Каждому — на разное расстояние. А раз человек не рождается христианином (решила публика), значит, он рождается атеистом. Звучит логично, хотя на самом деле, все не так. Антоним к слову «христианин», это не «атеист», а «язычник». И удаляясь от христианства, человек приходит не к безбожию, а всего лишь к идолопоклонству.

В больших городах, где я провожу большую часть времени, идо-лы, конечно, хищны и безжалостны, но, по крайней мере, давно зна-комы. Это деньги, секс, удовольствия, власть над другими людьми,

карьера и любовь к родине. Каждый из них высосет вам мозг и изуродует биографию. Но с этими идолами я сталкиваюсь каждый день и в общих чертах представляю, что можно им противопоставить. А оказавшись в Бурятии, честно сказать, растерялся. Здесь язычество было другим. Могучим и первобытным. Жуткая вера каменного века.

Огромная, мрачная, едва заселенная территория. Ночь мироздания. Край, где богов, как крыс, созывают игрой на дудочке, сделанной из человеческой кости. И люди, верящие в то, во что невозможно верить.

На обратном пути из Иволгинского дацана толстый таксист рассказывал:

— А у нас в Бурятии вера сильная! Хоть русский, хоть бурят, хоть татарин — мимо священных мест едут, обязательно деньги кинут. Есть бумажные — кинут бумажные. Нет бумажных — мелочь кинут. И никто не поднимает. Лежат деньги. Очень сильная вера! А водку сядем пить — капелюк богам нальем. У нас все так делают. Потому что мы — верующие.

Хорошо рассматривать буддийские монастыри в приключенческих киношках про Тибет. Но самому оказаться под этими необитаемыми небесами?.. Азия и так вызывала у меня депрессию. А после посещения местных святынь депрессия превратилась почти в истерику. Я ощущал себя так, словно остался последним христианином на свете.

Я вернулся в гостиницу. Нужно было успокоиться. Я стал вспоминать.

5

С чего я взял, будто остался один? В Улан-Удэ есть христиане. Причем довольно много. И пусть католического храма в Бурятии пока нет, зато по соседству, в Монголии, есть. Можно сесть на автобус и всего через сутки я могу попасть на нормальную мессу. Говорят, приход там довольно большой: больше сорока человек.

Да что Монголия! Всего в четырех часах лету отсюда, на Камчатке живет мой знакомый священник, отец Себастьян.

Помню, церковь в Петропавловске я искал долго. Но в конце концов нашел. Дом был самый обычный, наполовину деревянный, состоящий из шестнадцати квартир. Внизу, в парадной, дровяной складик. На дверях висят допотопные почтовые ящики.

Дверь мне открыл невысокий смуглый мужчина. Да, это адрес прихода. Нет, по утрам мессы не служатся, только вечером. Да, сам он священник. Нет, я его не оторвал, мы можем поболтать.

Родом отец Себастьян был из Индии. Сперва мы разговаривали просто стоя в прихожей. Потом я все-таки разулся, прошел на кухню, отец Себастьян напоил меня индийским кофе. Над столом висела карта мира с надписью «Вначале сотворил Бог небо и землю». Отыскать на этой карте точку, в которой я находился, было почти невозможно.

На тот день у меня была запланирована поездка на военном катере по Авачинской бухте. Я плюнул и никуда не пошел. До темноты разговаривал со священником, а в полседьмого мы пошли в часовню, где отец Себастьян служит мессы.

На самом деле «часовня» — это очень старый деревянный дом, висящий над склоном вечных камчатских холмов. Всего одна лавина — и местным католикам придется искать новое место для своих встреч.

Через двухметровые сугробы к дверям была протоптана узенькая тропинка. В помещении, где идут службы, на стене висело большое деревянное распятие. Нас было всего двое: священник и я, в качестве единственного прихожанина. На протяжении своей жизни я участвовал во множестве богослужений. Самых разных. В том числе очень странных. Но никогда еще я не был единственным прихожанином.

Нас было двое в этой пустой, скрипящей деревянной коробке... Вернее, трое. Я, смуглый человек из Индии, которого я называл «отец» и Тот, Кто пообещал, что где двое или трое соберутся ради Него, там и Он будет с ними...

(Им было страшно идти сквозь ночь. Им на лица давила мгла. Но камень, который был выброшен прочь, оказался главою угла.)

6

А если не хочется лететь на восток, можно двинуть на запад. Говоря точнее, на юго-запад. В Среднюю Азию.

Там, всего в трех часах лету от Бурятии живут братья-францисканцы. Согласно местной легенде, их церковь стоит на том мете, где некогда жил библейский пророк Иов, которого мусульмане чтут под именем Айюб.

Едва приехав в Самарканд, я, помню, купил себе туристическую карту. Что именно на ней изображено, понять так и не смог.

Во-первых, узбекские названия улиц были нанесены на карту латиницей. Во-вторых, эти названия не имели ничего общего с тем, как улицы назывались на самом деле. А в-третьих, никакого отношения к реальности не имели и контуры улиц. То есть там, где, судя по карте, должен был начинаться большой проспект, я видел просто пустырь, а там, где проспект должен был кончаться, он наоборот вдруг возникал.

В воскресенье с утра я отправился искать католическую церковь. Надежды на то, что я ее найду, не было никакой. Город был пропитан пылью и отчаянием. Карта уверяла, что церковь где-то рядом, но никакой церкви видно не было.

Я брел по пыльным улицам... жарким и пыльным улицам... самым жарким улицам в мире, вдобавок насквозь пропитанным пылью. Здесь, на границе пустыни Кызылкум нет церквей. Я понял это очень отчетливо. Здесь есть сорокаградусная жара и ослики, па-сущиеся в тени развалившихся домов. Церквей нет.

Становилось ясно: пора возвращаться в отель. Однако, сделав еще несколько шагов и подняв голову, я все-таки увидел ее. Из-за глинобитных хижин торчал шпиль, увенчанный крестом. Здесь есть церковь. Даже здесь есть моя церковь.

Ерунда, что внутри самаркандского храма сидело всего четыре человека, причем двое из четырех — нищие в шлепанцах, забредшие переждать жару. Ничего, что азиатские власти строжайшим образом запретили молодым миссионерам даже заговаривать о том, что может быть расценено как религиозная пропаганда. Главное, что они уже здесь.

Чистые белые стены. Большое деревянное распятие напротив входа. В зале нищенка в цветастом платье грудью кормит крошечного узбекского ребенка. И всего один священник, который каждый день выходит к алтарю и делает, то, что необходимо. Каждый день. Год за годом. А когда он состарится и умрет, к алтарю будет выходить кто-то следующий.

Они уже здесь. Значит, здесь и Тот, о Ком они несмотря на запреты все-таки говорят своим прихожанам. Кого они любят... и Кто сильнее жизни любит нас всех.

...

(И когда нам кричали, что мы слабы, что прекрасней победы — бой, мы знали, что лучший способ борьбы: повернуться второй щекой.)

Я все еще сидел в улан-удинском отеле, курил и смотрел в окно. Дремучая, бесконечная часть света... вернее, тьмы. Люди, никогда не слышавшие о том, что их рабство отменено. И всего несколько священников. Всего несколько небогатых храмов с деревянными распятиями на пустых стенах.

На всю восточную Сибирь наберется от силы три тысячи католиков. Двадцать в Улан-Удэ. Восемь на Камчатке. Приблизительно сто в Магадане. Думаете, это мало? Между прочим, Господь соглашался помиловать Содом ради трех праведников, да только в Содоме трех не нашлось. А здесь — сразу в тысячу раз больше. Значит, все хорошо.

Мне рассказывали о священнике, которого еще при СССР за религиозную пропаганду посадили в сибирскую тюрьму. Он отсидел лет пять... или, скажем, семь и на этом срок заключения истек. Тюремное начальство велело батюшке собираться, и — на выход.

Священник обратился к начальству с просьбой:

— Прошу оставить меня в тюрьме. Хотя бы ненадолго.

— Как это — оставить?

— Понимаете, только-только все нормализовалось. Не могу пока уйти. Прошу разрешить остаться еще хотя бы на пару лет.

Начальство все равно не могло понять:

— Да что нормализовалось-то?

Священник вздохнул:

— Образовался кружок по изучению Писания. И две молитвенные группы. По воскресениям в нашем бараке проводятся службы. Несколько человек готовятся к принятию таинства крещения. Как я могу все бросить?

Таких людей немного. Их и не может быть много. Христиане вообще нигде не являются большинством. Но они есть. Все вместе эти люди меняют лицо мира. Каждый день. По чуть-чуть. К лучшему.

Я тоже пытаюсь. У меня получается плохо, но я все равно продолжаю пытаться.

...

(И не важно, что жизнь задает вопрос, ведь мне известен ответ: я помню — казался бессильным Тот, сильнее Которого нет!)

Опять декабрь

1

Вместо ручки на тяжелой металлической двери было кольцо. Тоже тяжелое и металлическое.

Стоять на лестнице было холодно. Я долго звонил. С прошлого года помнил: в эту дверь нужно не стучать, а именно звонить. Потом мне, наконец, открыли. В дверях стояла монахиня. Вся в белом, а поверх — черная накидка. Улыбнувшись и кивнув, чтобы я проходил, она опять исчезла в глубине квартиры.

Год назад я решил стать членом доминиканского братства. Теперь перед лицом Бога и членов моей общины мне предстояло принести обещания на следующий год. Ну и отчитаться за то, чем я занимался.

Не думайте, будто стать членом монашеского ордена легко. Будто вы постучитесь в двери монастыря, двери тут же захлопнутся у вас за спиной — и привет. Обратной дороги не будет. На самом деле все наоборот. Стать членом ордена — это сложно и долго. А вот вылететь из него — раз плюнуть.

Я разулся, прошел из прихожей в комнату. С одной стороны там стояла елка. За окном город похрустывал от рождественских морозов, а в монастыре было тепло. На окне стояли цветы. Они были красивые.

На самом деле жить по-христиански, это ведь значит просто жить. Проводить много-много времени с Тем, Кого ты любишь. Стараться проводить это время так, как нравится Ему, а не тебе. Это и значит жить «правильно».

Постепенно монастырь заполнялся посетителями: петербургскими доминиканцами. Женщины принесли хлеб и вино. Мужчины сдвинули с центра комнаты стол и расставили стулья. Единственный курящий мужчина (я) зажигалкой зажег стоящие на алтаре свечи.

Ровно в полдень все мы плечом к плечу встали перед алтарем и запели древний гимн:

— *Veni Creator Spiritu!*

2

А за неделю до этого, в прошлую среду, я проснулся от мысли, что чуть не прозевал собственный день рождения. Не открывая

глаз, полежал в постели. Ну да, все верно. В субботу, пятнадцатого декабря мне исполнится тридцать три, а я совсем об этом забыл.

Тридцать три: черт возьми! Третий века — неужели я действительно все это прожил? Выкарабкавшись из-под одеяла, я поплелся на кухню варить кофе.

Недавно по телевизору я смотрел ток-шоу, с участием знаменитого и очень пожилого актера. Актер жаловался на возраст:

— В детстве я просыпался, умывался, выбегал на улицу, болтал с друзьями, запускал голубей, бегал на речку, дергал девчонок за косы... каждый день успевал переделать огромное количество важных и интересных вещей.

— А теперь?

— А теперь жизнь строится так: Новый год, Новый год, Новый год...

В голову лезли мысли насчет того, что тридцать три это все-таки не семнадцать. Больше половины моих одноклассников просто не дожило до этого возраста. Вождение авто в пьяном виде. Прохождение воинской службы в чересчур горячих точках страны. Попытка сделать бизнес не на том, на чем стоит его делать. Банальные суициды. Но в основном, конечно, наркотики. А я вот жив. Накануне дня рождения положено подводить итоги. Наверное, уже сегодня в моей биографии есть что-то такое, чем можно гордиться. Я закурил первую утреннюю сигарету и стал вспоминать.

Сперва вспоминались всякие глупости. Типа того, что назад несколько лет я записывал пластинку вместе с группой Би2. Или что как-то мой портрет был вывешен в Эрмитаже. Или что в Москве торгуют футболками с моей фамилией на груди. Ну да. Все это было. Хотя вряд ли подобными вещами стоит гордиться. А тогда чем? Я сварил себе еще чашку кофе, выкурил еще сигарету. Ну да, я написал приблизительно пятнадцать книжек и их перевели приблизительно на двадцать иностранных языков. В 1999 году я был признан лучшим журналистом Петербурга. В 2000-м — лучшим русским писателем. Вон за холодильником пылится бронзовый Достоевский — статуэтку вручили мне, как автору лучшего книжного проекта в России. А если покопаться, то можно, наверное, найти и диплом, удостоверяющий, что программа, которую я делал для «Пятого телевизионного канала», была названа «Лучшим развлекательным шоу» во всем СНГ. Я курил сигарету за сигаретой и понимал: это не то.

За окном рассвело. Стол был заставлен чашками из-под кофе. Гордиться пыльными дипломами и статуэтками — какая нелепая

идея! Я все еще торчал на кухне. Правильный ответ не находился. Жена поглядывала на меня с опаской. Я все сидел и думал: тридцать три — много это или не очень? За прошедшие годы мои ровесники успели обзавестись морщинами, лысынами, пивными животами, женами (некоторые — большой коллекцией жен) и детьми... кто-то — состояниями, большинство — долгами... мы успели накопить множество модных и нужных вещей, большинство из которых перестали быть модными еще до того, как мы выплатили за них кредит, а нужными, если честно, они не были и до этого... а потом вместо нас стало появляться какое-то еще поколение.

Следующее. Уже не мое.

Вряд ли у меня есть повод гордиться хоть чем-то из того, чем я обзавелся к своим тридцати трем. Но зато к этому возрасту я все-таки отыскал свою Церковь. Нашел людей, которые знают, как жить правильно. Больше я не нашел ничего. Но больше мне ничего и не надо.

3

А потом священник через голову стянул облачение, монахини пригласили нас в соседнюю, маленькую, комнату и все сели пить чай с пирожными.

Священник улыбаясь рассказывал, что время перед Рождеством — самое тяжелое время в году. Четыре мессы в день: для детей, по-английски, по-русски... плюс занятия с людьми... плюс недавно умер один прихожанин, нужно организовать похороны... и самое главное — исповедь... священники сидят в огромных неотапливаемых церквях и слушают, как грешники раскаиваются в совершенном... по много часов в день... неделя за неделей... такая вот жизнь.

Я вспомнил, как год назад он рассказывал о священнике, который был рукоположен еще до Второй мировой. Я спросил, как он? Как его здоровье?

— Недавно он умер. Помолился, вернулся к себе в келью и умер.

— Да? Соболезную.

— Братья не сомневались, что он — настоящий святой. Они клали ему, уже умершему, на руки бумажные иконки. Чтобы он последний раз их благословил. А потом похоронили его в монастырском дворике.

- А как можно понять, что человек стал святым?
- Разве это сложно? Тот, кто живет правильно, непременно станет святым.

4

Храм святой Екатерины, прихожанином которого я являюсь, стоит прямо на Невском проспекте. Прямо на главной авеню моего города. Когда-то, столетие тому назад, это был самый главный католический храм Российской империи.

Накануне революции дома вокруг моей церкви составляли своего рода католический городок. Здесь была своя школа. Вернее даже две — для мальчиков и для девочек. В школах преподавали лучшие профессора города. На органе моей церкви (лучшем органе столицы) играл молодой чиновник Министерства юстиции молодой Петр Чайковский.

Потом все кончилось. Орган сгорел. Имущество было конфисковано. Последнего настоятеля моей церкви расстреляли в пасхальную ночь 1923-го года.

Несколько раз я приходил в огромный церковный двор, гулял по его закоулкам и с тоской рассматривал трескающиеся стены. Господи! Сколько всего было! Сколько труда... сколько сил положено на то, чтобы построить все это. Люди отдавали церкви лучшее. Старались. В чем-то себе отказывали... и зачем? Где все это? Что от всего того осталось?

Только недавно до меня дошло: остался я.

Ничего не кончилось, потому что есть, кому все это продолжать. Те, прежние прихожане сделали свою часть работы. Я сделаю свою. Потом, когда я умру, придет кто-то еще...

Это не закончится никогда. Главное, чтобы каждый из нас сделал свою часть работы хорошо. Жить — это ведь не сложно. Просто жить нужно правильно — и тогда пойдет.

5

Служба закончилась, чай был выпит, петербургские доминиканцы разошлись по домам, а я все сидел в монастыре. Только перед тем, как попрощаться, наконец, с усталыми хозяевами, я все-таки

не выдержал и еще раз спросил у священника: как это — жить правильно?

Священник улыбнулся.

— Ты действительно хочешь жить правильно?

— Да. Действительно. Это сложно?

— Ты ведь теперь доминиканец, да? Я открою тебе секрет. Большой доминиканский секрет. Вернее даже два Больших Доминиканских Секрета.

— Два?

— Во-первых — всегда молись...

— А во-вторых?

— А во-вторых никогда не прекращай молиться!

— Это все?

— Это все.

Я сказал «Хорошо, я буду». Священник улыбнулся мне еще раз. Пока что я держу свое обещание.

МЕРТВЫЕ МОГУТ ТАНЦЕВАТЬ

Археологический комментарий на конец света

2005

Все государства и населенные пункты, упомянутые в тексте, автор посетил лично. Все артефакты, упомянутые в тексте, включая манускрипты, надгробья и предметы культа или антиквариата, автор видел своими глазами.

Предисловие Вадима Назарова

Я совсем не уверен, что Стогов был в тех городах, о которых пишет. Это не рассказы о том, как человек путешествует, это истории о странствии духа.

Отправляясь в дорогу малолетним грешником, завершает свои заметки автор стареющим миссионером. Про грешника читать весело, про миссионера местами скучно, но чтение это совсем не бесполезное.

Стогов — это писатель в дороге. Недаром его кумиром когда-то был Керруак. Путешествие Стогова началось в дебютной «Тайне исповеди», более известной под придуманным мною названием «Ма-чо не плачут», продолжилось в «13 месяцах» и еще не завершено. Писатель дважды обогнул Землю и написал об этом два десятка книг. Использовать эти книги в качестве путеводителей я бы поостерегся. В моей конфессии странствия, подобные тем, о которых пишет Илья, называют мытарствами. Другими словами, это посмертные приключения. Писатель ведет нас по миру, который уже пережил свой конец. Люди, что встречаются ему по пути — тени, а достопримечательности — потертые почтовые открытки.

Все дороги, по которым идет Стогов, ведут не в Рим, но в Ватикан. Видимо, другого пункта назначения после Конца Света и быть не может. Чтобы идти следом за автором читателю необходимо мужество, потому, что ему предложено участвовать не в путешествии, в паломничестве. Паломники же — любимая добыча для бесов и искушений. Паломник не наслаждается видами, он совершает подвиг. Наверное, поэтому рассказчик в книжках Стогова часто похож на исполненных мрачной решимости героев Хэммета, второго кумира Стоговской юности. Только у нашего писателя Сэм Спейд сжимает в кармане не револьвер, а молитвослов.

Я благодарен Стогову за его книги. Они помогли мне в очень трудный час, когда других путешествий, кроме совершенных в обществе его героев, я себе позволить не мог. Но сегодня я бы предпочел этому чтению прогулку по парку. Пепел, который сыплется со стоговских страниц, стал мне слишком горек. Впрочем, речь сейчас не обо мне, а об истории, которая была рассказана много лет назад, когда все было иначе.

Часть 1

ТАМ, ГДЕ У УЛИЦ НЕТ НАЗВАНИЯ

1. Старая Ладога, бывшая столица Руси

1

Работодатели терпеть не могут парней вроде меня. Чтобы жить и кататься по миру, мне нужны деньги. Поэтому нет работы, от которой бы я отказался. В моей карьере имеется даже такой перл, как работа сэндвичем в гипермаркете: полтора месяца подряд я ходил среди прилавков в костюме красного мобильного телефона Nokia.

И все равно. Наверное, по мне видно, что все это ненадолго. Я прихожу просить работу, протягиваю работодателю документы, и тот понимает: бок о бок прожить со мной жизнь не выйдет. Скоро я заберу эти документы назад, распишаю зарплату по карманам и свалю.

Как-то я посчитал, сколько всего профессий сменил к тридцати годам. Число получилось ужасающим. Особенно на фоне моего отца, который в прошлом году вышел на пенсию, а до этого несколько десятилетий подряд не увольнялся вообще ни разу, а только (еще при Горбачеве) перевелся как-то из отдела в отдел.

Нигде и никогда я не работал дольше девяти месяцев. Последняя (двадцать седьмая по счету) запись в моей трудовой книжке датирована 1996 годом. После этого я работал в основном по договору, а книжку сохранил, как сувенир. Я никогда в жизни не платил налогов и ничего не отчислял в фонд своей пенсии. Устроюсь, скоплю денег, уеду. Вернусь, назанимаю кучу денег, рано или поздно снова устроюсь на работу, отдам долги и еще раз уеду. За что работодателям меня любить? Они-то ведь никуда не ездят.

В прошлом году я получал зарплату в довольно большой PR-конторе. Денег в этой работе было немного, а смысла в ней не бы-

ло вообще. Мне нужны были пиарные деньги: ни на какую другую работу меня не брали. Но сама работа доводила меня до истерики.

Труднее всего было под Новый год. 31 декабря 2005 года контрора еще работала, у всех был рабочий день, а 3 января сотрудникам было велено снова выходить на работу. За неделю до праздника я посчитал свободные дни и наличные деньги. Выходило, что на полтора дня я могу куда-нибудь съездить. Дольше чем на полтора дня вырваться не получалось, но с другой стороны, если бы я не съездил вообще никуда, то просто сошел бы с ума.

Времени самостоятельно колдовать с визами уже не оставалось. Я начал обзванивать турагентства. Это было бесперспективно. Путевки были раскуплены еще в ноябре. Я говорил, что черт с ними, с теплыми краями, и просил отправить меня хотя бы в Финляндию. Мне отвечали, что под Новый год как раз путевки в Финляндию (на родину Санты) кончились первыми и нужно было думать раньше.

В результате 2 января вместо теплых краев и вместо Финляндии я отправился на автобусную экскурсию в деревню Старая Ладога Ленинградской области.

2

Погода была такая, будто наверху все опять напились, заскандалили, опрокинули пепельницу, и мир внизу стал серым.

Ни запахов. Ни цветов. До дыр застиранный мир. Любые оттенки серого, а вот других цветов, прости, браток, у нас тут не водятся. Поверить в существование Калифорнии, где всегда солнце и жажду утоляют, просто срывая с деревьев мандарины, — поверить в это было невозможно, как в опасную ересь.

Экскурсионный автобус уходил в несусветную рань с Московского проспекта. До половины седьмого утра я мерз на улице совсем один и оббивал носками ботинок льдинки, прилипшие к водосточной трубе. В витринах стояли грустные лысые женщины-манекены.

Потом стали подтягиваться и другие экскурсанты. У них были опухшие лица. Рано утром все мы, люди, не таковы, как в остальное время. В десять минут восьмого появился водитель. Он пробурчал извинения за опоздание, прогрел двигатель и кивнул пассажирам, чтобы залезали в салон греться.

Экскурсовод появился последним. Он плюхнулся на сиденье, втянул голову в воротник немодного пальто. Еще через минуту наш автобус выехал за черту города, а через час мы приближались к Ладожскому озеру. Дорога была белой от снега и отполированной, а земля по сторонам от дороги, наоборот, черной.

Выцветшие краски. Промерзшая почва. Семь месяцев в году — снег. Даже летом дети ходят в теплых курточках и комбинезонах. Серая хвоя. Черные торфяные болота. Корявые стволы старых деревьев. Что ж ты так неважно выглядишь, моя северная Родина?

3

Никогда мне не было дела до других людей. Жизнь я прожил сам по себе. И уж тем более никогда мне не было дела до страны, в которой я живу. А потом мне исполнилось тридцать, а потом — еще больше, чем тридцать, и страна стала важна для меня, как вдруг становится важна ушедшая к другому жена, с которой прежде ленился даже целоваться перед сексом.

К полудню мы заехали перекусить. Ланч был сервирован в уютной деревенской столовой. Пассажиры успели отоспаться и теперь даже пробовали улыбаться. Мне досталось место за столиком рядом с экскурсоводом. На десерт официантка предложила всем нам мороженого. По такой погоде это было странно. Молодой экскурсовод сказал, что любит не пломбир, а просто beer. Он заказал себе бокал пива.

В 1960-х советские туристические агентства запустили два новых громких маршрута: Золотое кольцо вокруг Москвы и Серебряное кольцо вокруг Петербурга. Денег, правда, хватило на раскрутку только первого, золотого: Троице-Сергиева лавра, Ростов, Суздаль, Ярославль... Кокошники, блины и построенные из бетонных блоков макеты древнерусских храмов.

Серебряный маршрут так и остался необъезженным. Хотя старинных руин в Ленинградской области хватает. Входить в маршрут должны были пять крепостей, два больших монастыря, Выборгский замок и Новгород с Псковом.

Серые елки, торчащий из-под земли гранит, свинцовая вода. Я дожил до тридцати лет, и все эти погрызенные временем руины вдруг стали для меня очень важны. Мне хотелось приехать сюда.

Посмотреть на эти камни... потрогать их... что-нибудь у камней узнать... не знаю, что.

Моя страна прожила свою жизнь. Я прожил свою. Не знаю насчет страны, а я свою жизнь собирался прожить совсем иначе.

4

Прежде чем въехать в самую Ладогу, автобус остановился возле могилы Вещего Олега. Жрецы предсказали Олегу смерть от коня, и тот велел пасти четвероногого друга где-то здесь, на ладожских заливных лужках. Потом в черепе коня поселилась ядовитая змея, которой не нравилось, чтобы по облюбованному ею черепу кто попало ходил ногами. В 912 году Вещий Олег умер от змеиного укуса, и приятели насыпали над его телом здоровенный курган.

Тысячу лет спустя курган взялся на собственные средства исследовать некий поляк. Средств хватило, только чтобы выкопать посреди кургана здоровенную ямищу. Так и не дойдя до самого захоронения, поляк бросил раскопки и съехал на историческую родину. Что там находится ниже линии раскопа, не известно до сих пор.

Экскурсанты вылезли из теплого автобуса. Забираться на обледенелый могильный холм было сложно. На вершине холма стоял ладожский мужчина и его десятилетняя дочка. Папа носил очки и был в домино пьян.

— Ты, доча, смотри... Тут ведь все не просто так... Тут, блин, доча, энергетика...

Самому папаше энергии не хватало. Он шатался и поливал могилу пивом из зажатой в руках баночки.

— А те, которые из городов к нам, доча, приезжают... как сказать-то?.. они, доча, не понимают...

Наш экскурсовод тоже выпил пива уже с утра. Он стоял от ладожца в полуметре и не обращал на него никакого внимания. Перекрикивая дядькины завывания, экскурсовод рассказывал об истории кургана.

Торчать на вершине было холодно. Руки я кутал в перчатки, которые еще осенью купил в Вене. У них были обрезанные пальцы, а если становилось совсем холодно, то сверху можно было натянуть еще и отдельно пришитую к перчатке варежку. Варежки были дорогие, зато удобные.

Потом я спустился с кургана вниз и залез обратно в автобус. Через замерзшие стекла мне был виден кусочек древнерусской реки Волхов. Откуда ж ты взялась, моя Родина, слишком странная даже для меня, русского?

5

Нынешняя Старая Ладога — деревня в Ленобласти. Над избами вьются печные дымки. Всего одно кафе с фирменным блюдом «разливная водка». Наш автобус припарковался на улице Варяжской. Ладога — маленькое село, зато местная Варяжская улица — самая древняя в стране.

Проложили Варяжскую улицу древние варяги — рыжебородые шведские убийцы. 1200 лет назад они приезжали в Старую Ладогу, пересаживались с больших морских драккаров на плоскодонные речные посудины, спускались еще ниже по течению, грабили местное население, жгли нищие села и насиловали белоголовых незагорелых женщин, а потом возвращались назад, на названную в их честь улицу, и пропивали награбленное...

Здесь, в Ладоге, шведы поклонялись своим бородатым богам. Здесь они умирали, и на вершинах их курганов воины приносили Одину кровавые жертвы. Возвращаясь домой в Швецию, варяги скучали о Ладоге и во время пирушек просили скальдов спеть о любимой Варяжской улице.

В 862 году на Варяжской улице поселился конунг Рюрик с братьями и дружиной. Братья скоро умерли, а дружина перебралась чуть южнее, туда, где сегодня лежит город Новгород. Именно с этой даты начинается отсчет русской истории.

Я бы полюбил тебя, моя страна. Так многие делают, и жить ради тебя, наверное, проще, чем неизвестно ради чего. Но я до сих пор не вижу, за что тебя любить, да и на смысл жизни, моей личной жизни, ты не тянешь.

Экскурсанты побрели осматривать крепость. Я с ними не пошел. От крепости к реке Волхов вели каменные ступени. Я спустился к воде. Пейзаж напоминал романы Толкиена. Серая хмурая земля. Чужое небо. Этот застиранный край просто не может быть моей родиной. Он вообще не приспособлен для жизни.

Моя страна началась с этих пригорков. Тысячу с чем-то лет именно здесь все и завертелось. Я сел на корточки, стянул варежку

и положил руку на камни. Они были холодные. Покрытые инеем. Я ничего не почувствовал.

6

Лет сто назад в Ладогe активно искали могилу Рюрика. Монахи соседнего монастыря как-то разгребли завалы в проложенном под крепостью подземном ходе и умудрились добраться до камеры, где стоял золотой гроб конунга.

Запасшись фонарем, лопатами и ломом, отправились они на просмотр любопытного прохода. Скоро путникам пришлось с опасностью пробираться в полумраке между рыхлыми от сырости и нависшими каменными сводами подводной галереи. Стены последней были покрыты густой массой бледно-зеленой плесени, в которую уходили руки, не встречая ничего твердого для опоры.

Воздух становился удушливым, над головами стоял шум от перекатывающихся волн. Кругом раздавалось шлепание от движения отвратительных гадин. Все это угнетало мозг до того, что терялось соображение и вязнувшие в грязной тине ноги отказывались служить. Наконец от спертости атмосферы погас огонь в фонаре и спички не загорались.

Наши смелые очевидцы, где сгибаясь, где ползком, едва выбрались из мрачных и душных переходов подземелья...

Врут смелые очевидцы. Нет и никогда не было в Ладогe золотого Рюрикова гроба. Не существовало, скорее всего, и самого конунга Рюрика. Хотя его могилу в Ладогe ищут и до сих пор. Я сам видел типов с металлоискателями, которые бродили вокруг крепостных стен. На что эти люди тратят свое время?

Вся земля перелопачена. Археология больше не порадует нас ни единым открытием. Так же, как не порадуют нас физика, химия, биология и ни одна другая наука. Все, что можно было узнать об окружающем мире, уже известно.

Лучшие умы человечества веками трудились над техническими изобретениями. Результат выглядит жалко. Вся техническая революция привела всего-навсего к тому, что по МТУ теперь постоянно предлагают скачать прослушиваемую мелодию себе на мобильный телефон.

От изобретения паровоза до изобретения компьютера прошло всего 136 лет. Между этими событиями уместились открытие дру-

гих галактик, покорение полюсов и Эвереста, расшифровка ДНК, запуск человека в космос и повсеместное внедрение телевидения. Археологи за это же время открыли Трою и гробницу Тутанхамона. Но вот золотой гроб Рюрика им все-таки не найти. Земля отдала все, что имела. Впереди нас не ждет ни единое археологическое открытие. Сейчас специалисты уточняют некоторые нюансы, и всю научную лавочку можно прикрывать.

Еще недавно будущее представляли, читая Герберта Уэллса. Теперь — читая Ирвина Уэлша. Земля отдала все, что имела: сокровища Трои и собственные, земные сокровища — нефть, газ, цветные металлы. Мировые запасы газа и нефти кончатся всего через несколько лет. Еще недавно говорили, будто это произойдет спустя десятилетия. А теперь говорят, что это случится буквально послезавтра.

Нефть кончится, последний литр бензина сгорит в чьем-то авто, экономика России рухнет, арабские шейхи обнищают и пересядут с «Кадиллаков» на верблюдов, а у американцев не останется цели, ради которой стоит вести колониальные войны. Автотрассы и виадуки будут стоять пустыми. Остатки автомобилей станут ржаветь там, где их застал момент окончательного исчезновения топлива.

Мое поколение — не очень приятное. Но оно — последнее поколение, которое живет в нынешнем мире. У вас в квартире когда-нибудь отключали свет? Представьте, как тоскливо станет в тот момент, когда электричество кончится по всей планете.

К началу 2010-х годов планета Земля перестанет быть похожа на саму себя. Жизнь изменится так сильно, что вы решите, будто перед вами какая-то другая планета.

Мир станет жить совсем иначе. Кончилось все.

Ничего больше не будет.

Ничего.

2. Каир, самая первая столица мира

1

Видели когда-нибудь, как на древнеегипетских фресках изображалось катание фараона по Нилу? Рядом с лодкой там всегда нарисованы такие маленькие птички типа отожравшихся воробьев. К нашему времени в живых не осталось ни единого фараона, но птички были на месте и целыми стаями носились над водой.

Круизы по Нилу уже лет десять как запрещены египетскими законами. Террористическая угроза: прогулочные кораблики слишком легкая мишень для га моджахедских гранатометов. Это не помешало мне дойти до набережной, нанять на пристани возле площади Тах-рир арабскую пирогу и устроить себе маленький одноместный круиз. Причем за деньги, за которые в Петербурге любому водителю было бы в падлу довезти меня даже от дома до метро.

Пирога принадлежала двум заспанным флибустьерам. Они только что проснулись и носом чуяли: я несу им наживу.

— Мистер! Мистер! Хотите почувствовать себя фараоном?

— Нет. Фараоном не хочу.

— Мистер! Фараоном... Почувствовать...

(Черт! Они совсем не понимают по-английски!)

— Я хочу доехать до района Фустат. Вы знаете, где это? Фустат! Понимаете?

— Фустат? О, Фустат! Сюда! Сюда! Сейчас вы почувствуете себя фараоном!

Над Каиром лежал утренний туман. Берегов было не рассмотреть. Мы договорились, куда именно парни меня довезут, и я отдал им деньги. Сразу после этого флибустьеры забыли о том, что собирались ехать в Фустат, зарулили в грязную нильскую протоку и долго писали с борта в воду.

— Хотите курнуть, мистер? Отличный хэш.

Они произносили это слово, как «аш».

— Не хочу.

— Зря. Помогает проснуться.

Было очень тихо. Даже Нил почти не журчал. Потом мы наконец поехали. Пирога разогналась довольно прилично. В лицо бил холодный ветер. Еще дома, в Петербурге, я застудил себе коренной зуб, и он до сих пор побаливал. Я чувствовал, что голова моя опять замерзает, и боялся, как бы зуб не стал болеть сильнее.

Я взял у лодочников одеяло и укутался в него по самый нос. Одеяло жутко пахло грязными телами и еще более грязными носками писающих в воды Нила и курящих черт знает что каирских флибустьеров.

2

До Каира я добирался с пересадкой в Германии. В транзитном аэропорту во Франкфурте я просидел больше четырех часов. Про-

сто рассматривал громадное, размером со стену, тонированное стекло. Скоро объявят посадку в самолет. Лайнер разгонится и взлетит. Я немного попереживаю из-за того, как там по прилете все выйдет с отелем, и еще подумаю о том, как не хочется возвращаться в серый зимний Петербург... а возвращаться и не придется.

Какова ты на вкус, моя собственная смерть?

Скажем, я сижу у иллюминатора. Снаружи виден кусочек боинговского крыла. словно в замедленной съемке крыло трескается, крошится под жутким давлением встречного воздуха, разделяется на множество мелких зазубренных осколков. Один пробивает обшивку самолета и сносит мне пол черепа. Из всего самолета я погибаю первым, а остальные спустя минуту.

Или так.

Мы летим уже третий час. Двигатели гудят ровно... а потом что-то кашляет первый раз. Скоро гул исчезает совсем. Самолет словно налетает на невидимую стену и заваливается носом вперед. В иллюминаторе мелькает блин земли вниз. Тело, мое привычное тело, съеживается от ужаса. Тело становится мне тесным. Машина рушится с десятикилометровой высоты и всмятку размазывает тело о грунт. Оно перестает быть привычным... Становится непривычным...

Или так.

Сосулька самолетного салона разламывается прямо в воздухе. Мгновение невесомости — а потом мы все вместе ухаем вниз. Сердце мое не выдерживает и рвется в клочки. Из горла наружу выплевывается сразу несколько литров черной венозной крови. Брызги-шарики долго летят к земле, то чуть обгоняя, то чуть отставая от моего уже мертвого лица.

Я не боюсь авиакатастроф. Просто иногда мне действительно интересно: какова она на вкус, моя собственная смерть?

3

Самолет взлетел, а через четыре часа приземлился. Рутинка: никакой беды не случилось. Я вышел из аэропорта, поймал такси, доехал до каирского района аль-Тауфикийя, нашел недорогой отель, заплатил за две ночи вперед и лег спать. За окном сигнализировали машины.

Каир — непрекращающаяся клаустрофобия. Это как прийти на концерт «The Exploited», быть прижатым визжащей толпой к самой сцене и остаться там навсегда. Переполненные улицы, тысячи

сигналищих машин. Двадцать миллионов круглосуточно орущих арабов — кто такое вынесет?

Пять тысяч лет назад на месте Каира стояла величественная столица Древнего Египта, город Мемфис. Именно отсюда победоносные армии фараонов отправлялись на завоевание мира. Сегодня от Мемфиса не осталось ничего. Ни единой руинки.

Потом Древний Египет сгнил. На месте Мемфиса римляне построили крепость «Вавилон-на-Ниле». Гарнизон Вавилона контролировал земли от Александрии до Эфиопии. Сегодня от крепости осталось две крепостные башни: одна целиком, а вторая наполовину разрушенная. Та, что поцелее, вся оклеена выцветшими, ободранными, полинявшими, но не сдавшимися рекламными плакатами ZANUCCI.

Потом римляне были вырезаны безжалостными мусульманскими наездниками. На руинах Вавилона арабы основали аль-Кахиру — Каир, «град победоносный». Семь столетий Каир был самым роскошным мегаполисом Вселенной. Здесь и сегодня на каждой улице больше шедевров исламской архитектуры, чем во всем остальном мире.

Вечерами я сидел у себя в отеле, курил и через дырочки в ставнях смотрел на улицу. При фараоне Рамсесе II в древнеегипетском Мемфисе жило несколько сот тысяч человек. Потом Мемфис пал. Дворцы и каналы занесло песком. В Александрии Египетской, самом густонаселенном городе античного мира, жило полмиллиона человек. Потом Александрия пала. На ее руинах жило всего шесть семей неграмотных рыбаков. При халифах из династии Фатимидов в Каире жил миллион человек...

Я выкидывал докуренную сигарету наружу, тут же закуривал следующую и думал: куда же девались все эти миллионы, полумиллионы и четвертьмиллионы людей? Черт с ними, с занесенными песком городами, — куда девались люди?

4

Приблизительно треть территории современного Каира занимают кладбища. За несколько тысячелетий людей здесь нахоронили столько, что двадцать миллионов живых каирцев смотрятся забавным исключением.

На горизонте ослепительно белые холмы. На холмах — турецкая Цитадель. До самых холмов — бесконечные могилы, мавзолеи,

мечети, склепы и минареты. Груды мусора, битого кирпича, песка и фекалий высотой с пятиэтажный дом. Из-под пустых бутылок и мятых газет торчат цементные надгробия.

На кладбищах, прямо в склепах, живет довольно много народу. Город мертвых в Каире — один из самых населенных кварталов. Бродят мужчины в мусульманских балахонах, похожих на женские платья. Смеются голые дети. В ушах у девочек — золотые сережки. Кое-где из жилищ слышится музыка. Далеко-далеко сигналият машины. Они всегда здесь сигналият.

Живя в Каире, я ходил гулять по кладбищам ежедневно. Как-то решил срезать угол, свернул с тропинки, сделал всего несколько шагов и был атакован стаей собак. А может, отожравшихся на мертвечине шакалов. Они бросились на меня без предупреждения и предварительного гавканья: молча и сразу.

У той псины, которую я успел пнуть, был розовый отвисший живот, весь в кожаных складках. Я взмахнул крыльями и взлетел на вершину пятиметрового минаретика. Правда, по дороге содрал себе ноготь на большом пальце правой руки. Он и до сих пор растет у меня немного кривой. Я цеплялся за древние, крошащиеся кирпичи, подтягивался все выше и орал на всех худо-бедно известных языках. Добрые аборигены отогнали собак, помогли мне спуститься, а потом долго смеялись, хлопали по спине и благодарили за доставленное развлечение.

В другой раз в самом дальнем углу города мертвых я забрел в огромную и совершенно пустую мечеть. Потолок ее сгнил. Стены были покрыты гарью. Обувь у входа забирал уродливый чернокожий карлик. Каменный пол был вытопан до зеркального блеска.

Справа от михраба я разглядел дверной проем. За ним начинались спиральные ступени на минарет. Я долго лез по этим ступеням. Окон в минарете не было, на лестнице было абсолютно темно. Я руками нащупывал следующую ступеньку и боялся думать, как потом стану слезать вниз. Зато с вершины минарета открывался роскошный вид на Каир. Город тысячи и одной ночи в году.

Сверху я долго смотрел на бесконечное, И от горизонта до горизонта кладбище. Я хотел жить, а вместо этого каждое мгновение умирал, и если что-то не предпринять прямо сейчас, то скоро я, наверное, умру насовсем.

Черт возьми! Мы рождаемся, чуть-чуть взрослеем, учимся без почтения относиться к родителям, влюбляемся в музыку каких-нибудь мазефакеров типа U2, потом влюбляемся в девчонку (такую же пры-

щавую, как мы сами) и верим, что так будет вечно... Потом любимая песня, под которую ты танцевал с тощими одноклассниками, превращается в омерзительное ретро. И одеколон «One Man Show», который казался тебе лучшим запахом во Вселенной, начинает вызывать лишь тошноту. И ты с ужасом ощущаешь, что родители, с которыми ты на смерть боролся в детстве, скоро умрут, а твои собственные дети в разговоре с тобой начинают презрительно кривить губы... как-то уж больно знакомым образом они их кривят... кого это они тебе напоминают, а?.. И все это значит лишь одно. Скоро ты станешь надгробием, и чужие люди станут равнодушно читать буквы с этого надгробия...

5

А три самые известные могилы Каира расположены на левом берегу Нила. Из центра города ехать до них минут двадцать-сорок: зависит от пробок.

Вблизи великие египетские пирамиды смотрятся жалко. Больше всего они напоминают груды строительного мусора. Туристы платят за такси, чтобы попасть к пирамидам, потом платят за вход, чтобы подойти к пирамидам поближе, потом платят еще раз, чтобы пройти внутрь самих пирамид, потом мучительно ищут в окрестностях хоть один туалет, а в окрестностях нет ни единого туалета, потом они платят таксистам за обратную дорогу и, возвращаясь на Родину, закатывают глаза: ах, это впечатление на всю жизнь!

Никто не может признаться, что их надули, и в реальности пирамиды не стоят и десятой доли уплаченных денег, потому что вся египетская археология — выдумка современных туроператоров.

Людам хочется, чтобы всепожирающий Молох был не всемогущ. Чтобы на свете нашлось хоть что-то, обо что поломают зубы даже время. За этим европейцы и едут смотреть на каменные руины Египта. Им никто не сказал, что на самом-то деле Молох всемогущ.

Если поставить камеру, которая делала бы один-единственный кадр в год, то получившееся 10-минутное кино было бы страшнее любого Хичкока. В лицо человеку заглянул бы зверь, жрущий города, и, возможно, мы услышали бы хруст и стоны заживо сгрызаемых колонн. Людям с большим сердцем вход в зал, где станут демонстрировать эту картину, был бы запрещен.

Не правда, будто время боится пирамид — время ничего не боится. Все, что создано человеком, будет разрушено временем. Ина-

че не бывает. Великие столицы древности неплохо смотрятся на фото, но в реальности все они — лишь жалкая кучка камней. Я видел египетские Фивы, греческие Микены, турецкую Антиохию, каракумский Ургенч, пакистанскую Хараппу китайский Сиань, мексиканскую Чичен-Ицу. Я видел все столицы всех легендарных империй Древности. Расчищенная от камней площадка... торчащий из земли обрубок колонны... в щебень перемолотые изваяния... Больше там ничего нет.

6

Могилы фараонов все еще разбросаны по нильским берегам. А сами владыки Обеих Земель давно перелегли из гробов в витрины Каирского музея.

Главное содержание музея — отломанные ноги безымянных фараонов. Десятки тысяч бесформенных каменных ломтей. Вход в музей стоит почти десять долларов, но это не все. Чтобы пройти в «Зал царских мумий», нужно купить дополнительный (еще более дорогой) билет. У входа висит значок «Не болтать!». Туристы платят за осмотр мертвых фараонов кучу денег и болтают в полный голос.

Свет в зале немного притушен. У мертвой королевы Неджмет, жены фараона Херихора, заплетены африканские косички. Из-под свалывшихся волос местами торчит серый череп. Женщины-туристки светят на ее мертвую голову фонариком-указкой и обсуждают прическу.

Жутче всех выглядит эфиопский самозванец Секененр. Проломленная голова, срезанные с лица губы, скрюченные пальцы с длинными ногтями. Мальчик и девочка экскурсанты разглядывают самозванца, прихлебывая холодную «коку» из бутылочки.

Выставленные в витринах мужчины и женщины свою смерть уже встретили. Думали они о ней или не думали, теперь-то им уже отлично известно, какова она на вкус. Фараоны строили гробницы, велели рисовать на стенах смешных человечков в профиль, а потом умирали. Были живыми, но переставали быть.

Сейчас я жив. Как именно умру — пока не знаю. Честно сказать, я и до нынешнего-то своего возраста жить не собирался. А ведь когда-нибудь мне, наверное, исполнится и шестьдесят... и больше.

Я лежу дома. Старый, не способный даже доковылять до туалета. Закрывая морщинистые, как у черепахи, веки, я засыпаю. С утра

скрюченное старое тело находят родственники. Молодые скоты, думающие, что уж они-то будут жить вечно.

Впрочем, в наше время старики редко умирают дома. Скорее всего, сперва меня отправят в больницу, и там доктор пощупает пульс, выйдет к сидящим в приемном покое родным и скажет, что состояние, конечно, тяжелое, но они сделают все возможное. Вечером, после работы доктор поедет домой. Он будет смотреть телевизор и есть приготовленный женой ужин. А родственники по дороге из больницы обсудят, как надоела эта зима и скорей бы уж май, чтобы поехать на море. А для меня не будет ни вечера, ни мая, потому что в это самое мгновение я умру, и сегодняшнее сегодня не кончится для меня никогда.

Врач станет шупать все новые пульсы. Родственники похоронят мое тело. А может, кремируют — это дешевле и быстрее. Они все-таки уедут в отпуск на море. Мне будет все равно. И насчет их отпуска, и насчет кремации. Как бы красива ни была моя могила, долго-то она все равно не простоит. Тем более что вряд ли найдется кто-то, кто станет за ней ухаживать. Я ведь видел могилы самых известных жителей планеты, но на могилы собственных бабушек и дедушек не ездил никогда.

3. Москва — бывший Третий Рим

1

В начале 1990-х годов я жил в самом центре Петербурга, а ночи проводил в петербургском Jazz-club'e. Как-то возвращаясь под утро домой, я обнаружил, что на площади перед Преображенским собором установили новый памятник. Я подошел посмотреть поближе.

Была теплая, летняя белая ночь. Вернее, уже утро. На площади было тепло и пусто. Кого именно изображает памятник, понять мне не удалось. На постаменте стоял зеленый бронзовый конь с крыльями, а на коне сидел усатый дядька прусского вида. Я посмотрел дядьке в лицо. Еще раз обошел вокруг. Какой-нибудь малоизвестный Романов? Нестор Махно?

Начало 1990-х было смутным временем. Новый памятник мог изображать кого угодно. Страна не понимала своего завтра и вытаскивала из вчера самые причудливые фигуры. За то время, пока я сидел в Jazz-club'e, в стране запросто мог появиться новый общена-

циональный герой — это было бы не странно. Вот только почему у геройского коня растут крылья? Аллегория военной мощи? Новое видение музыки Пушкина?

Пока я рассматривал памятник, из-за поворота, со стороны Фонтанки, на площадь выехал танк. Над площадью понеслись многократно усиленные эхом английские слова из громкоговорителя. Вращая грозными гусеницами, танк пер прямо на меня.

Я отскочил на тротуар. Танк обдал меня вонючим соляничным дымом. Мгновение подумав, он всем корпусом впилился в памятник и своротил его к едрене-фене. Многотонный постамент сложился, как гармошка, а дядька с конем плюхнулся танку прямо на башню. Я застыл на тротуаре с открытым ртом.

Над площадью все еще неслись трассирующие иностранные слова. Танк с памятником на крыше замер посреди площади. Я был близок к обмороку.

Неподалеку от танка я разглядел милиционера. Он смотрел на происходящее равнодушно. Я подошел поближе и спросил: что происходит? Началась война? Милиционер устало вздохнул:

— Американцы кино снимают. Про Джеймса Бонда. Называется «Золотой глаз».

2

Я родился в самом начале Литейного. В здании, стоящем на пересечении проспекта и набережной Невы, напротив Финляндского вокзала.

Мои родители жили там в коммунальной квартире чудовищных размеров. Кроме нас — еще двадцать семей. В квартире были лепные потолки и окна невероятной высоты. Помыть их было невозможно, даже если встанешь на цыпочки и вытянешь руку со шваброй. Парадная лестница имела двенадцать пролетов — каждый по восемь метров в ширину. У пожилых соседей уходило по полтора часа, чтобы взобраться на последний этаж.

Окна моей комнаты выходили на Неву. Когда маленьким я из окна смотрел салют на 7 ноября, то видел залпы сразу с четырех точек: от крейсера «Аврора», от Петропавловской крепости, со стрелки Васильевского острова, из-за тюрьмы «Кресты»... Я лежал на подоконнике, и этот город весь был моим.

Задним фасадом мой дом выходил на «Большой дом» — офис ленинградского КГБ. В начале 1960-х в камерах «Большого дома»

томился поэт Иосиф Бродский. За тридцать лет до него здесь застрелили Даниила Хармса. А еще за тридцать лет до этого на месте «Большого дома» располагался Петербургский суд. И первая победоносная русская революция началась с того, что здание было сожжено и разграблено.

На рассвете 27 февраля 1917 года на Литейный проспект повалили толпы вооруженных солдат. Утром солдаты уже перебили своих офицеров и взломали склады оружия. Теперь толпа ворвалась в здание суда. Кабинеты были разгромлены, и бумаги свалены в кучу и подожжены.

К месту события прибыли пожарные. Восставшие запретили им тушить здание. Пожарные промолчали и уехали.

Солдаты провели митинг и всей толпой через Литейный мост двинули к тюрьме «Кресты». Надзиратели заперлись внутри и приготовились к осаде. Солдаты предложили им сдаться по-хорошему. Надзиратели все взвесили и приняли предложение. Две тысячи зеков вывалили на улицу. Среди них были политические узники. Так у солдатского бунта появились вожаки, и все происходящее из хулиганского дебоша превратилось в Февральскую революцию.

3

В том году священные империи рушились по всему миру. Русская февральская революция... Синьхайская революция в Китае... анархический путч в Испании... революция младотурок в Османской империи... крах Австро-Венгрии... и веселая безымянная революция в Мексике.

Священные империи рушились одна за другой. К 1920-м годам священного в мире почти совсем не осталось. Зато можно было заниматься тем, чем давно мечтал. Каждый стал сам себе господин.

Самоубийства в те годы были модны. Томные набриолиненные типчики донюхивали последнюю дорогу кокаина и усталой рукой пускали себе пулю в висок. Поддавшись поветрию, с собой покончила и Русская империя.

По-другому выйти и не могло. На самом деле империя была мертва задолго до 1917-го. А тут еще в столице начались перебои с хлебом. Собравшись в очередь перед булочной, люди впервые взглянули в глаза друг другу, впервые поговорили начистоту и поняли, что больше не хотят так жить. Люди в очереди заорали «Хва-

тит!», и император, не раздумывая, отрекся от престола. Империя пала, и мир кончился.

После Февральской революции город еще долго оставался в руках восставших. Продовольственные магазины брались штурмом. Труп Григория Распутина вытащили из могилы и сожгли. На полицейских была устроена настоящая охота. Если их ловили, то убивали на месте, безо всякого разбирательства. В Мойке и Фонтанке было утоплено несколько тысяч человек. Достаточно было крикнуть, что пойман легавый или, наоборот, вор-карманник, и толпа уже бросалась топить схваченного бедолагу.

Большевикам понадобилось больше десятилетия, чтобы навести порядок на взбунтовавшейся территории. Самым видимым знаком этого порядка стал «Большой дом», напротив которого я родился.

4

Говорят, из «Большого дома» в Неву выведены особые трубы, по которым в реку стекает кровь расстрелянных. Когда в следующий раз вы станете здесь гулять, то не поленитесь заглянуть через ограждения на набережной: вода и на самом деле красноватая. Говорят, это особенность придонного грунта. Но ленинградцам 1930-х годов смотреть на эту особенность было невесело.

Советский Союз был создан в порыве мечты, а стал кошмаром. К моменту, когда я родился, СССР почти совсем сгнил. Жизнь в нем стала невыносима. Что угодно, лишь бы не это. Советская жизнь была сытной и спокойной. Вся система отлично функционировала. Но воспринималась она как полная шизофрения.

Я, маленький, ни о чем подобном не думал. Я просто жил напротив «Большого дома» и любил этот район, потому что он был моим собственным, а кроме того, никакого другого района тогда я еще не знал. Плохо было одно: погулять ребенку-дошкольнику здесь было негде. Одетый в кроличью шубку, я выходил во двор-колодец, пытался детской лопаткой поковырять асфальт и очень быстро возвращался домой.

О детстве у меня нет ни единого теплого воспоминания. Мерзость, прыщи, кретинские школьные дискотеки, монстроидные педагоги, ежедневные драки в туалете, трижды сломанный нос. на парте нарисованы мужские половые органы, девичьи не обращают на меня внимания, раз в год визит к стоматологу, одноклассники уверяют, что слово «интим» непременно подразумевает «in team», о

чем идет речь на уроках, я не понимаю даже приблизительно, классная руководительница ругает девочек за то, что у них period, гулять до шести вечера, а пойти некуда, постановка на учет в милицию...

Я окончил школу, хлопнул дверью и вычеркнул мерзкие детские годы из своей жизни. Это был самый конец 1980-х.

5

В самом конце 1980-х ленинградские бандиты не ходили на дискотеки. Приличным бандитам того времени полагалось ходить не на танцы, а в Jazz-club.

В моем городе бандиты были самые грозные, но в то же время и самые изысканные в стране. Вечерами эти крепкие мужчины надевали пиджаки с широкими ватными плечами, драили лакированные туфли, непослушными пальцами затягивали узел на галстук и ехали на Загородный проспект слушать реальный джаз.

Jazz-club был самым модным местом города. Ковры, неяркие лампы, постеры с Майлзом Дэвисом. Здесь можно было не только послушать музыку но и перекусить. Первые бандиты города предпочитали сидеть на балконе. Там они пили водку. Электрический свет отражался в медных тромбонах и на потных лбах тромбонистов. Музыканты перебирали струны, а на балконе в такт их инструментам позвякивали фужеры.

Около восьми на сцену выходили пианист и долговязый немолодой парень с саксофоном. Слушатели хлопали в ладоши. Саксофонист облизывал губы и дул в мундштук первый раз. Девушки в зале начинали залиристо верещать. А минут через двадцать после начала концерта изысканные ленинградские бандиты уже вскакивали из-за столиков и в такт саксофону начинали лупить соседей кулаками по морде. Если вечер удавался, то на головы посетителям попроще с балкона мог прилететь даже накрытый стол.

Ровно через семь минут после начала драки из соседнего отделения милиции прибывал наряд в шлемах, со щитами и дубинками. Балкон омоновцы штурмовали, как петровские гвардейцы штурмовали крепость Орешек. Драка заканчивалась, зачинщиков увозили, концерт продолжался. На следующий день все начиналось опять — точно по той же схеме.

Я родился в 1974-м. Свой шестнадцатый день рождения я отмечал как раз в ленинградском Jazz-club'e. Начиналось последнее десятилетие XX века. Я понятия не имел, как все обернется. Мне было

шестнадцать, я ни разу не выезжал за пределы Ленобласти и 1990-е обещали стать самым замечательным десятилетием моей жизни.

6

Моя жизнь началась со смерти империи. Я окончил школу, отпраздновал совершеннолетие и был готов к подвигам как раз в тот момент, когда Советский Союз, издав предсмертный стон, наконец издох. Я не расслышал этого стога. Пятнадцать лет назад мне было наплевать на свою страну. Но она развалилась, и дальше все в моей личной биографии пошло наперекосяк.

Пятнадцать лет назад каждый новый день был маленьким приключением. А теперь самое лучшее, что есть в наступающих сутках, это первая утренняя сигарета. Проснулся, выкурил сигарету, и в принципе можно снова ложиться спать.

В той коммуналке на набережной до сих пор живет мой отец. Чем дальше, тем больше я становлюсь на него похож. Только жизнь у меня вышла совсем другой. Например, отец никогда в жизни не менял квартиру: здесь, на набережной, родился, здесь же всю жизнь и прожил. По утрам он выходит на балкон и делает зарядку. Раньше после этого он ехал на работу, но недавно вышел на пенсию и больше не ездит.

Отец следит за своим здоровьем. Вкус первой утренней сигареты ему не знаком. Я никогда так и не решился спросить: каково же главное удовольствие в его-то жизни? Чем дальше, тем сильнее я становлюсь на него похож. И все-таки мы совсем разные люди. Чтобы не жить вместе с отцом, я до сих пор снимаю квартиры. Когда деньги кончаются, снимаю не квартиры, а комнаты или живу у приятелей. В среднем выходит пять-шесть переездов в год. За десять лет — пятьдесят-шестьдесят переездов.

Плюс еще какое-то количество отелей. Я ведь без конца уезжаю из города.

4. Киев, бывшая столица Руси

1

В Хартуме (Судан) я провел четыре дня. Все это время меня интересовал вопрос: что за обезображивающие кровоподтеки видны на лицах у местных мужчин?

Потом мне объяснили: это особая мусульманская отметина. Не что среднее между синяком и мозолью. Доброго мусульманина всегда можно узнать по этой отметине, остающейся на лбу после самозабвенной, со множеством поклонов и уда ров лбом об пол молитвы. А у кого такой отметины нет, тот, скорее всего, плохой человек. С таким ни одна приличная девушка даже в кино пойти не согласится.

В Хартум я прилетел в пятницу. Протиснулся через паспортный контроль, вышел в здание аэропорта и от неожиданности даже присел. Все пассажиры, все работники аэропортовых служб, все до единого люди в здании совершали молитву. Солдаты в желтом камуфляже, таксисты в чалмах, полицейские с автоматами, летчики в фуражках — несколько тысяч человек стащили ботинки и кверху ногами лежали на полу.

Судан — самое исламское государство в мире. Хуже, чем здесь, разве что в Иране. Вообще-то у меня был план притвориться глухим татаринком и из Судана через Йемен рвануть в Мекку. В священные города ислама немусульманам въезд-то ведь до сих пор запрещен. Но поближе рассмотрев, как живется в настоящих исламских странах, я засомневался: стоит ли ехать?

На самом деле я хорошо отношусь к мусульманам. Это гостеприимные и чистоплотные люди. Мусульманские девушки довольно симпатичны: из-под платка-хиджаба у них торчат жирно покрашенные ресницы, а через плечо может висеть модная розовая сумочка. Но долго жить в странах ислама я не могу. Вместо того чтобы ехать из Судана на восток, в Мекку, я отправился на юг, в Эфиопию.

Из Хартума на дорогом итальянском автобусе с кондиционером доезжаете до городка Кассала. Дальше идет граница, а за ней начинается Эфиопия. Эфиопы — это уже христиане. Проезжаешь линию паспортного контроля и чувствуешь: тут даже воздух другой.

Словами такое не объяснишь. Я ведь как был в Африке, так и остался. Вокруг не появилось ничего похожего на мой собственный северный город. Меня по-прежнему окружали одни негры. И все равно: после спертого, душного воздуха ислама ощущение — будто ты уезжал, а теперь вернулся домой. Мой автобус шел только до Бахр-Дара, а там я пересел уже на эфиопский автобус и через семь часов был в Лалибэле — священном городе эфиопов.

Сама Лалибэла — это даже не город, а деревня. Красные домики, построенные из глины вперемешку с соломой. Мужчины жуют табак и, сидя прямо на перекрестках улиц, прядут шерсть. Женщины на ослах возят воду из колодца.

Главная достопримечательность Лалибэлы — одиннадцать древних, вырубленных в скалах, монастырей. Эфиопия — совершенно не туристическая страна. Внутри монастырей пусто. Белых практически нет. Бродят только смешные эфиопские священники. За каждым священником непременно идет мальчишка со здоровенным белым солнцезащитным зонтом. Одиннадцать лалибэльских монастырей построены в разное время и совсем не похожи друг на друга. Стены монастыря Мар-Ливанос вырублены из фосфоризирующего камня и светятся по ночам... В монастыре Бетэ-Гиргис монахи показывают запертую на семь ключей могилу Адама... Внутри монастыря Медхани-Алем есть каменная плита, на которой высечена дата начала Страшного суда... К сожалению, семьсот лет назад плиту укрыли бархатным покрывалом, и с тех пор под покрывало никто не заглядывал.

2

На самом деле я видел все самые знаменитые монастыри мира. Лалибэла стала последней, а до нее были греческие Метеоры, итальянское Субиако, грузинский Света-Цховбели, пещерные монастыри в Каппадокии, Солемское аббатство и три коптских монастыря в Вади-Нутрун...

Сказать, что поездка в монастырь духовно обогащает, не возьмусь. Что тут может обогатить? Древние стены рушатся, количество монахов сокращается, вместо паломников в ворота стучатся организованные тургруппы во главе с наглыми гидами. Хуже всего в этом смысле в Синайском монастыре Святой Екатерины (самом древнем православном монастыре планеты). Позади территории там есть вырубленная в скале лестница: четыре тысячи ступеней, ведущих к месту, на котором пророк Моисей когда-то разговаривал с Богом. Сегодня по лестнице безостановочным потоком ползут целлюлитные тетки и прямо на ступенях в спальных мешках спят укуренные голландские хиппи.

Монастыри выглядят ободранно и странно. Но если бы они вдруг совсем позакрывались — лучше бы не стало. Голые, умирающие с голоду эфиопы выглядят счастливыми: у них есть священная Лалибэла. Многогонные вырубленные в надежных скалах монастыри стоят, и значит, тылы прикрыты. Поэтому эфиопы неторопливы, улыбкивы, внимательны... Они знают какую-то настоящую жизнь, а я о ней только слышал.

Все на свете народы гордятся своей историей. Когда сложно, народы оглядываются назад, и становится немного легче. Только русские смотрят всегда лишь в будущее. У русских прошлого нет. Что-то напутано с нашей историей, а что — уже и не разберешься.

3

Последний раз я был в Киеве два года назад. Мне позвонили и предложили в качестве журналиста поработать на выборах. Денег обещали столько, что, услышав сумму, я сразу пошел собирать вещи.

Мои работодатели были бандитами средней руки. Выглядели они что надо — стопроцентными головорезами. День их начинался в десять утра: молодые люди встречались и решали перекусить. Они садились в ближайшем ресторанчике и заказывали по здоровой тарелке борща. Я покупал себе чашку кофе и подолгу думал: часто ли эти парни убивают людей? От запаха борща меня тошнило.

Дозавтракав, молодые люди рассаживались по джипам и отправлялись на соседнюю улицу пообедать. Теперь покупался не борщ, а, например, мясо. Они опять долго его ели. Я опять долго пил свой кофе. Думал о том, что эфиопы нам не указ. Пусть они у себя в Африке проводят воскресные утра в церквях. У русских свои представления о правильной жизни.

Парни подзывали официанта и велели рассказать, что у него в заведении есть еще. Официанты подолгу рассказывали. Парни морщили лбы, пытались сделать хоть какой-то выбор, но воспринять информацию на слух не могли. Официанту они говорили:

— Что-то ты меня паришь... Какой-то ты высокопарный...

После второго ресторана были еще третий... и седьмой... и тринадцатый... Джипы каждый раз парковались поперек тротуара. Где-то по ходу появлялась водка. Парням хотелось, чтобы одновременно с водкой появились также и дамы, но опускаться до проституции им не хотелось. Парни вставали с мест, подходили к девушкам из-за соседних столиков, хватали их за руки и отпускали комплименты:

— Слышь, это... Ты такая красивая... На Фредди Меркьюри похожа... Пойдешь с нами?..

Так продолжалось до глубокой ночи. Хозяин последнего ресторана долго извинялся, просил господ посетителей закругляться и говорил, что его заведение уже закрыто. Те отвечали:

— Закрыто? Жалко! Как же мы тогда отсюда выйдем?

За две недели в Киеве я обошел ресторанов больше, чем в Петербурге за всю жизнь. Написать для работодателей мне удалось от силы полторы строчки. Парней это вполне устроило, и расплатились они без обману. Не понятно с чего, но молодые люди сочли, что поработать нам всем удалось на славу. В последний день они пригласили меня прогуляться: спросили, не хочу ли я побывать в Лавре? Я сказал, что хочу. Тогда я не очень понимал, что такое Киево-Печерская лавра.

4

Киев — город в стиле «Воплі Відоплясова». Полная противоположность Петербургу. Мой город сер, уныл, гранитен, не приспособлен для жизни. Киев — веселый, южный, почти средиземноморский. Улыбаются грудастые девушки. Если бы не их акцент, киевлянки были бы безупречны.

С залитой солнцем киевской улочки мы вошли внутрь самого древнего русского монастыря. Снаружи, за стеной, остался бесконечный киевский карнавал. В Лавре висела тишина. Подгибая колени, мы прошагали вниз по склону холма. Экскурсоводом была ненакрашенная тонкогубая православная женщина в платочке.

— Готовы? — спросила она. — Прошу мужчин снять головные уборы. Сюда, пожалуйста.

Голос у экскурсоводки был такой же тихий и бесцветный, как все вокруг. Мы вошли в двери небольшой часовни.

— Здесь вы можете взять свечи. Они освященные. Прежде чем мы спустимся в лаврские пещеры, я должна рассказать, что ждет каждого из вас после смерти.

На стене часовни висело громадное живописное полотно. Как я понял, это было что-то вроде карты загробного мира. На полотне мохнатые черти вилами рвали кожу на боках грешников.

— На девятый день после того, как вы умрете, душа попадает вот сюда... На этом уровне мытарств воздушных вы поймете, что...

Бесцветным монотонным голосом женщина рассказывала: здесь, в Лавре, есть особое помещение, в котором батюшки изгоняют бесов из женщин. Священник читает молитву, а женщины на коленях ползут к нему через длинный зал. Бесы рвутся и мечутся. Женщин бросает из конца в конец помещения. От криков изгоняемой нечисти закладывает уши.

Яркое киевское солнце показалось мне тусклым изнутри этой часовни. Я видел самые известные монастыри мира, но такого, как здесь, не видал никогда. Здесь, в Лавре, монастырь пах не радостью, а могилой. Здесь люди вели суровую жизнь, и эта жизнь могла за просто закончиться непоправимой смертью.

— А теперь давайте осмотрим сами пещеры.

Присмиревшие экскурсанты начали по одному протискиваться в узкую дверь. Вниз, к пещерам, вел тесный лаз. Он был настолько узкий, что левым плечом я касался одной стены, а правым — другой. Где-то в другом мире по-прежнему играла танцевальная музыка и смеялись веселые киевлянки. А я полз по направлению к древним могилам, и мне было страшно. Допотопные монахи спускались в эту могилу и никогда в жизни больше не видели света, но они делали это добровольно, это был их выбор, а я хотел не ползти по направлению к могилам, а жить, и еще я хотел понять: зачем эти допотопные люди сами закапывали себя в этих жутких подземельях?

Я не очень представлял, сколько времени займет спуск. Я надеялся, что вот сейчас, за поворотом, мы окажемся на месте. Но лаз все не кончался. На каком-то из поворотов я сдуру оглянулся. Сзади меня плотно натрамбовалось несколько сотен экскурсантов со свечами в руках.

Дошло до меня моментально. Если я передумаю и захочу вернуться наверх, то просто не смогу этого сделать. Более жуткого приступа клаустрофобии прежде я не испытывал.

5

Как-то я был в Италии и там ездил посмотреть на древний, давно не обитаемый монастырь Монте-Кассино. Он лежит на вершине зеленого-зеленого холма. Карабкаться на вершину нужно приблизительно полчаса. По сторонам дороги там росли настоящие оливки. Рядом со мной шли еще несколько людей. Иногда мы смотрели друг на друга и улыбались.

Я видел самые знаменитые монастыри планеты и могу сказать: все они лежат на вершинах холмов. Запыхавшийся, ты наконец добираешься до вершины, и улыбающиеся монахи протягивают тебе стакан холодной воды.

И только в моей собственной стране дорога на небеса проложена под землей. Под зеленым лаврским холмом расположено гигант-

ское средневековое кладбище. Здесь похоронены все, о ком вы вспоминаете, когда слышите слова «Киевская Русь» — от Нестора-летописца до Ильи Муромца. Здесь, под землей, они жили, здесь похоронены, здесь и лежат уже тысячу лет.

Взмокший, с расширенными зрачками, ты, пригибаясь, крошечными шажочками двигаешься вперед, а по сторонам в стеклянных фуглярах лежат мертвые люди. И могучую веру дедов ты начинаешь понимать не мозгом, а ежащейся в истерике кожей. Обжигаясь о догоревшую свечу, ты долго ползешь по темным, узким, беспросветным подземным коридорам, сгибаешься все ниже, ползешь все глубже — а там, в самом конце, нет ничего, кроме древних костей... Очень похожих на твои собственные...

И вот я думаю: почему наша вера так темна? Почему из всех смыслов жизни русские всегда выбирают смерть? Воистину ты для меня странна, моя собственная страна...

Часть 2

...And I still haven't found what I'm looking for

5. Каракорум, бывшая столица мира

1

В Петербурге у меня был приятель, чиновник из Смольного. Он курировал молодежь: был не дурак выпить, дружил с рок-н-рольными музыкантами и при каждой встрече ныл, чтобы я спродюсировал ему татуировку на плечо. Иметь татуировку ему хотелось, а платить за нее — нет.

Я был знаком с парочкой тату-мастеров. Мне не хотелось во все это ввязываться и лишний раз кого-то просить, но в конце концов я позвонил-таки в тату-салон. Мастер сказал, что сегодня не занят, мы можем подъехать. Смольнинский приятель воодушевился, по селектору вызвал гараж, заказал «Волгу» с мигалкой, и мы поехали.

Мастерская располагалась на набережной канала Грибоедова, неподалеку от Гороховой. Тату-умелец усадил приятеля в кресло. Делать татуировку — долгая история. Пару раз я выходил на лестницу покурить. Потом сказал, что схожу, прогуляюсь.

Мне хотелось выпить кружку пива, но в том районе выпить кружку пива было негде. Горбатые мостики, узкие улочки. Народу — никого. Когда-то здесь жили герои Достоевского, но мертв Достоевский, и разбежались из района его герои. Вечером набережные канала темны и пусты. Выпить кружку пива здесь было негде.

Уйдя за три квартала от тату-мастерской, я обнаружил булочную, в которой имелся отдельчик с разливным пивом. В те годы это было возможно: обычая булочная, справа лежат булки и дремлет кассирша, а слева наливают пиво и стоят три дребезжащих столика. Я сел.

С собой у меня была толстая книжка. Это было прекрасно: пить холодное пиво, читать книжку и знать, что времени хватит выпить еще одну кружечку, но на две уже точно не хватит, так что можно и не спешить.

Кроме меня в булочной сидел всего один клиент: пожилой неопрятный дед в таком дореволюционном пальто с бобровым воротником. Приятного вечера не вышло: стоило мне купить свое пиво, и дед тут же подсел поближе, стал лезть с разговорами и мешать читать.

Сперва я пытался быть вежливым. Потом пробовал демонстративно не слушать. Потом думал даже уйти, поискать другую булочную с пивом. Дед не отставал, бубнил, портил мне жизнь.

— Вот Дима...— говорил он.— А с другой стороны, вот Лёва...

Я кивал и злился.

— Диме я возражал вот так...— не успокаивался он.— А Лёве вот так...

Я опять кивал, но злился чем дальше, тем меньше.

Понемногу до меня доходило, что вдрабадан пьяный собеседник говорит странные вещи. Дима, о котором шла речь, явно был академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. А Лёва — историком Львом Николаевичем Гумилевым. Но кем, черт возьми, был сам дед в бобровом воротнике?

— К Лёве как-то пришли журналисты. Говорят: «А можете изложить свою теорию этногенеза кратко и просто?» Он говорит: «Конечно, могу!» Они спрашивают: «А в триста строк можете уложиться?» Он говорит: «Конечно, могу! Для вас, уважаемые, могу даже в три предложения уложиться!» Они говорят: «В три предложения? Вся теория этногенеза? Как такое возможно?» Он говорит: «Возможно-возможно! Готовы записывать?» Они достали перья и приготавились. Говорят: «Мы готовы!» Лёва им отвечает: «Раз готовы, то пишите: сначала ни хуя — потом ни хуя-а-а себе! — а потом опять ни хуя! Успели?»

Откидываясь на расползающемся стульчике, дед хихикал:

— Хи-хи-хи!

Потом он наконец встал и начал прощаться. На чумазом столе он оставил недопитую кружку бледно-желтого пива. И с этого ракурса я все-таки узнал его. Собутыльник тоже был академиком. Ведущим спецом по древнерусской культуре.

Пошатываясь, он побрел к выходу из булочной. На пороге обернулся и сказал, что Золотая Орда — вот корень всех проблем современной России.

А я в тот момент как раз собирался съездить в Монголию. Мне хотелось проехать из Европы в Азию тем же маршрутом, каким за семьсот лет до меня проехался венецианский жулик Марко Поло.

Самолетом из Москвы я долетел до Алма-Аты (Казахстан). К югу лежали горы Кюнгей-Але-Тоо, а за ними начинались бесконечные пустыни Центральной Азии. Марко Поло уверял, что в его времена тамошние содержатели караван-сараев в плане гостеприимства предлагали путникам собственных жен. К моменту, когда сюда приехал я, от традиции не осталось даже следов.

Я сел на дребезжащий казахский автобус, доехал до железнодорожной станции «Дружба», встал в очередь на границе, долго ругался с китайскими пограничниками (они хотели тысячу долларов взятки, а я предлагал им два доллара — сошлись на трех), потом долго ехал через Синьцзян-Уйгурский укрепрайон (сплошные рвы, надолбы и колючая проволока), а потом оказался в первом большом китайском городе Урумчи.

На Urumchi-Railroad я вылез из автобуса, и меня тут же попыталась ограбить банда русскоговорящих цыган с ножами. Они приняли меня за челнока и намеревались отобрать товар. Я сказал, что товаров у меня нет. Цыгане расстроились. После некоторого торга я все-таки согласился уплатить им \$8 на всех.

Мы расстались довольные друг другом. Цыгане получили \$8, а я получил возможность рассказать вам об этом эпизоде.

В Китае на железнодорожный перрон можно попасть, только имея билет. Проходы перекрыты полицией, «зайцев» заворачивают. При этом в кассах билеты не продаются никогда. Поэтому пассажиры, сбиваясь в мобильные отряды, лезут через заборы, штурмом берут заколоченные двери, пролезают под ограждениями и выламывают доски в заборах.

Как только поезд трогается, по вагонам начинают объявлять: «Уважаемые безбилетные пассажиры! Пройдите в вагон такой-то и оплатите проезд». Зайцы послушно прутся куда велено и оплачивают.

Купейные вагоны в Китае редкость. В основном ходят жесткие сидячие вагоны. Сесть в них негде, в проходы набивается по сотне лишних людей. А ехать от Урумчи до Пекина семьдесят часов. Кто пристраивается подремать даже на полу в туалете. Остальные спят стоя, непрестанно курят, громко чавкают, развлекаются ловлей карманников, болтают визгливыми голосами и бродят из вагона в вагон.

На второй день этого аттракциона в моем вагоне на минутку стало посвободнее. Я плюхнулся на кресло возле окна. Поезд въезжал в провинцию Ганьсу. Здесь кончались центральноазиатские степи и начинался реальный Китай. От окружающего мира он был отгорожен Великой Китайской стеной. Я успел увидеть, как за окном вагона проплыли укрепления Цзяюйгуань — самый западный и самый разрушенный кусочек неприступного укрепления.

4

Понятия не имею, как через эту стену перелезали кривоногие монгольские всадники и как они перетаскивали на ту сторону своих кривоногих лошадок. Чингиз-хан взялся за завоевание мира довольно пожилым джентльменом. Когда мир впервые услышал о его конниках, самому Чингизу было уже за пятьдесят.

В 1206 году Чингиз первый раз покинул родные степи и вторгся в Северный Китай. Китайские летописцы писали:

Китайцев истребляли так, что кости трещали, словно сухие сучья. Дороги были завалены горами трупов, как гнилыми деревьями. Все равнины стали издавать зловоние. Золото и шелк, сыновья и дочери, волы и кони — все, подобно циновке, было свернуто и увезено. Дома сожжены, города превращены в развалины.

Всего монголы срыли с лица земли 862 китайских города. Военачальники Чингиз-хана обсуждали план поголовного истребления китайцев и устройства на освободившихся землях пастбищ для монгольских скакунов.

После этого армия Чингиз-хана двинулась на мусульманский запад. К тому времени среднеазиатские оазисы имели за плечами несколько тысяч лет истории. Это был цветущий край, более культурный, чем тогдашняя Франция. На походе Чингиз-хана его история и закончилась.

В Самарканде монголы казнили 100 000 жителей. Сам город они затопили, отведя воду из реки Зеравшан. Древний и прекрасный Хорезм монголы разграбили и сожгли. Бухара была разрушена так, будто вчера ее и не было. После резни в городе Мерв подсчет трупов продолжался 13 ночей. Под Нишаппуром стрелой был убит зять хана. Заперев ворота милосердия, монголы истребили всех жителей и разрушили город. Место, где он стоял, они распахали. Буквально за три года цветущий край превратился в пустыню Кызылкум. В плане экологии последствия монгольского нашествия не преодолены и до сих пор.

5

Из Пекина я на автобусе доехал до монгольского блокпоста Залин-Ууд. Там я пересел на автобус, идущий в столицу Улан-Батор. Оттуда (уже на третьем автобусе) я доехал до древнего города Каракорум. Во времена Марко Поло здесь жили повелители Вселенной. Именно в Каракоруме располагалась ставка великого Чингизхана и его не менее великих потомков.

Грозная столица поразила Марко. Каракорум был крупнейшим городом Вселенной. Здесь были построены храмы всем известным тогда богам. Сами ханы и их близкие жили в роскошных дворцах. На центральной площади бил фонтан, из золоченых труб которого, не смешиваясь, выливались вино, верблюжье молоко, мед и рисовое пиво.

Сегодня от всей древней красоты осталась только одна каменная черепаха. Довольно облезлая. Через несколько веков после смерти Чингиза монголы решили оставить древнее язычество и обратиться в буддизм. Из кирпичей своей брошенной столицы они построили первый в Монголии буддийский монастырь Эрди-нэ-Дзу. Монастырь до наших дней дошел, а грозная столица — нет.

Я зашел внутрь монастыря и какое-то время слушал, как монахи поют свои буддийские песенки. Голоса у них были низкие, грудные. Потом я вышел из монастыря, дошел до древней каменной черепахи и выкурил сигарету. Больше в древнем Каракоруме заняться было нечем.

Молодые монголы любят лезть к белым с разговорами. Не понятно, зачем: по-английски они знают ровно два предложения — «Откуда ты?» и «Как тебя зовут?», а ответов никогда не понимают.

За монастырем из земли торчало несколько камней — все, что осталось от дворца Великих ханов. Я облокотился на них и опять закурил. Первый монгол подскочил сразу:

— Where are you from?

Я сказал, что местный. Такой же монгол, как и он. «А-а!» — закивал парень и заулыбался.

Второй монгол подошел спустя минуту:

— What is your name?

Я сказал, что Бритни Спирс. «А-а!» — закивал он и заулыбался.

Обратно в Улан-Батор я уезжал на автобусе. Ждать его было долго. Я сидел на остановке и смотрел, как напротив, прямо посреди чистого поля, аборигены готовили блюдо из лошади. Гикая и улыбаясь, они привели коня, повалили его на землю, перерезали животному горло, содрали шкуру, сварили мясо... через полтора часа от лошади остались одни копыта.

Милейшие люди. И природа очень красивая. Кто мог подумать, что отсюда распространится чума, уничтожившая мир?

6

К 1227 году Чингиз оказался господином всей Центральной Азии. Во время следующего похода он умер. Впрочем, у монголов было кому продолжать его дело. Вскоре после смерти Чингиза держава его наследников стала самым огромным государством в истории.

Сперва было завершено покорение Китая. Потом пали Корея, Бирма и Вьетнам. Потом монгольский флот отбыл к берегам Японии и Индонезии. Потом монгольские отряды полностью вырезали все население Южной Сибири. Через десять лет после смерти Чингиза его внук Батый выступил в поход к последнему морю. Последним оказалось Адриатическое море. По пути монголы вырезали грузинов и армян, потом уничтожили государство куманов, потом Волжскую Булгарию, потом Русь, а под конец полностью истребили 30-тысячную польскую армию Генриха Благочестивого. Самому Генриху монголы отрезали голову и гвоздями прибили ее к обозной телеге.

На следующий год Батый захватил и разграбил земли литовцев, венгров, болгар и сербов и вышел на границы Италии. Европейские монархи точили мечи и молились об упокоении собственных душ. Но в этот момент в далеком Каракоруме умер очередной хан, и Батый отдал приказ разворачивать коней.

Никто не знает, сколько лет нашему миру. Никто не знает, сколько миров родилось на протяжении истории человечества. Но совершенно точно известно, что сегодня все эти миры мертвы.

Не вспомнить сегодня и того, откуда началась история моей родины. Прекрасный древний Киев, мать городов русских, погиб во время нападения монголов в 1240 году. Осада длилась десять недель и четыре дня, а потом город пал. 6 декабря верещащие монголы прорвались в город. В наши дни археологи извлекают из киевского чернозема такое, что не каждому под силу это вынести.

Братские могилы людей, погибших в ту ужасную зиму, до сих пор находят по всей территории города. Во дворе современного дома № 4 по Житомирской улице археологи исследовали древнерусское жилище, внутри которого в три-четыре слоя были навалены обгоревшие, перемешанные с глиной скелеты. В соседнем здании была найдена печь, внутри которой, обнявшись и прижавшись друг к другу, лежали останки двух девочек-подростков. Рядом с домом № 2 по Десятинной улице был обследован подвал сгоревшего дома. Внутри в неестественных позах лежало множество обугленных останков мужчин, женщин и детей. У девочки лет четырнадцать, тело которой некогда лежало на самом верху, череп был насквозь пробит копьём. Рядом с ней найдены многочисленные фрагменты костей рук: очевидно, руки были отрублены и зачем-то принесены в это место. Чуть в стороне от основной массы тел найдены скелеты мужчины и двух детей. У мужчины череп раздавлен на мелкие фрагменты. Ноги обуглились. В правую лопатку воткнут металлический наконечник копья.левой рукой, на которой сохранился браслет, мужчина обнимает ребенка, у которого вся нижняя часть тела была сожжена...

От главной киевской Десятинной церкви сохранился лишь фундамент. Археологи нашли подкоп, через который запертые внутри киевляне пытались выбраться из осажденной церкви и спастись от ужасных монголов. Они успели прокопать почти пятиметровый лаз. На дне его археологи нашли заступы, ведра, которыми наверх поднимали землю, и веревки. Но спастись не удалось никому. Монголы сожгли церковь вместе со всеми защитниками.

На одном конце Евразии некогда лежал прекрасный город Каракорум. От него ничего не осталось — только облезлая каменная черепашка. Много-много веков назад жители этого города сели на коней, отправились на противоположный конец континента и сожгли другой прекрасный город — Киев. От древнего Киева не осталось вообще ничего.

На Каракорум мне наплевать — пусть о его судьбе переживают монголы. Киев мне жалко — с него началась история моей собственной страны. А чего уж там не поделили монголы и киевляне, сегодня не помнит никто.

Миры могут умирать без следа. Не только чужие миры, но и наш. То, что кажется уютным и вечным, завтра может превратиться в ничто. Для киевлян этот конец наступил в 1240-м. Жуткая зима того года стала последней зимой их мира. 1241-й наступил уже не для них.

Узкоглазые кочевники сожгли город, разграбили храмы, содрали кожу со священников, перенасиловали женщин и увели в рабство детей. Киев исчез с карты мира. Следующие триста лет эти земли были необитаемы и еще полтысячелетия после этого город лежал в руинах.

Сегодня в разных концах Евразии стоит множество прекрасных городов. Самые красивые из них я видел своими глазами. На это у меня ушло пятнадцать лет жизни, и дальше я собираюсь заниматься тем же самым: ездить и рассматривать города. Потому что не за горами момент, когда от них может не остаться даже облезлых каменных черепашек.

Моя страна прожила свою жизнь. Глядя на нее, я прожил свою. Не знаю насчет страны, а я свою жизнь собирался прожить совсем иначе.

6. Сарай-Берке, бывшая столица Руси

1

Все на свете народы гордятся своей историей. Когда сложно, народы оглядываются назад, и становится немного легче. Только русские смотрят всегда лишь в будущее. У русских прошлого нет.

Даже националисты, даже почвенники, почвенные, как кирзовый сапог, верят не в прошлое России, а в ее будущее. Потому что русские взялись ниоткуда. Никакого прошлого у нас не было. На что оборачиваться?

Столица моей страны называется «Москва». Ни единый русский на свете не способен ответить на простой вопрос: что означает это слово? Посреди столицы стоит жуткая кирпичная крепость. Она называется «Кремль», и как переводится это название, тоже неизвестно. В Кремле жили монархи и монахи, а простые люди жили рядом с Кремлем в Китай-городе. На свете нет ни единого лингвиста, способного объяснить: причем здесь Китай? Две трети страны составляет Сибирь. Догадались? Разумеется, значение этого слова тоже неизвестно. Более того: неизвестно, что означает само слово «Русь». Понятно, что «русь» — слово нерусское, но больше с этим словом ничего непонятно. Правда, известно, откуда взялось слово «Россия».

Название страны, в которой я живу,— это изобретение европейских грамотеев. На восток от Европы всегда жили татары. К этому Европа давно привыкла. Потом выяснилось, что там же вместе с татарами живет и некий народ *rus*. Это было неожиданностью. Европейцы принялись листать справочники, искать: что за народ эти *rus*?

Ответ нашелся в Библии. Там говорилось, что на варварской окраине ойкумены живет множество апокалиптических племен. Одно из таких племен называется *ros*, а правят ими жуткие владыки Гог и Магог.

«Рус», «рос» — правда, похоже? С XVI века земли к востоку от Европы стали именоваться *Rossia* — страна библейского народа *ros*. А спустя еще двести лет эту обидную кличку стали использовать и сами русские.

2

Какое бы время ни отбивали куранты на Спасской башне Кремля, хоть семь утра, хоть час дня, впечатление все равно такое, будто новогодняя полночь и пора пить шампанское.

К шестидесятилетию Сталина, в 1939 году, куранты отремонтировали, а Спасскую башню решили хорошенько почистить. Во время ремонта рабочие наткнулись на старинный клад татарских монет. На каждой из них было арабской вязью написано: «Аллах да благословит правление султана Джанибека, повелителя Вселенной».

Семьсот лет назад на месте кремлевской башни располагалась деревянная татарская крепость. Русских не подпускали к Кремлю и на расстояние выстрела из лука. Внутри крепости жили страшные воины султана Джанибека и бухарские евреи: воины собирали с местных жителей дань, а евреи пересчитывали ее, вносили в учетные книги и отправляли в Орду. Кто-то из них и закопал в землю 91 татарскую монетку, найденную спустя века сталинскими реставраторами.

В 1939-м внимания к находке постарались не привлекать. Руководству СССР не нравились разговоры о татарском прошлом державы. Именно при Сталине был сформулирован взгляд на историю, который с тех пор преподается русским школьникам. Учителя объясняют: русские всегда были великим и свободолюбивым народом. С самого начала их могучая держава (Киевская Русь) была частью Европы. Правда, потом татары напали на Русь и их иго длилось триста лет, но это не очень важно, потому что в 1380 году русские разбили татар на Куликовом поле и тем отвоевали свободу.

Нельзя сказать, будто в этой точке зрения нет ни капли правды. Эта картина тоже по-своему верна — в ней просто неправильно расставлены акценты, ведь, как известно, Киевская Русь не имеет к нынешней России никакого отношения. Да и дань татарам платил еще Петр Первый, а с Большой (казахской) Ордой русские сражались вплоть до 1860-х годов.

3

В 1147 году князь Юрий Долгорукий в одном из своих писем упомянул населенный пункт под названием «Москов». Этот год и считается датой основания русской столицы.

На самом деле финская деревенька Москва стояла на пересечении торговых трасс уже лет за двести до Долгорукого. Но ни при финнах, ни при киевских князьях никакой роли она не играла. Расцвела Москва только под управлением татарских наместников.

Монголы уничтожили Русь. То, чем правили древние киевские князья, теперь лежало в дымящихся руинах. Народ отсюда ушел или был истреблен. Необитаемую освободившуюся территорию прибрали к рукам язычники-литовцы. Сегодня эти земли мы называем Украиной и Белоруссией. А то, что сегодня именуется Россией, в те годы называлось просто Ордой.

Пятьсот лет назад неподалеку от нынешней Астрахани находилась столица ханов Золотой Орды, город Сарай-Берке. Это был центр мира. Отсюда хозяева Вселенной повелевали среднеазиатскими мусульманами, волжскими язычниками и православными русскими. Все эти народы были членами единого государства: величественной и несокрушимой Орды. Иногда они могли сражаться между собой. Но это не мешало им всегда оставаться рабами одного хозяина: хана несокрушимой Золотой Орды.

Ханы обеспечивали православным подданным мир и спокойствие. За это отдавали своим ханам все наличные деньги. Кроме того, татары-мусульмане на собственные средства содержали Русскую Православную церковь. Именно отсюда идет странный обычай венчать русские христианские церкви изображением мусульманского полумесяца.

Главным ханским уполномоченным являлась Тверь. Православные жители Орды сдавали деньги тверским князьям и те, разумеется, жульничали. Отсылали хозяевам в Сарай не всю сумму. Из-за этого остальные русские Тверь ненавидели.

Прищурив безжалостные глаза, князья соседних городков ждали: когда же Тверь оступится? Князья были терпеливы. Они ждали долгие годы, а потом Тверь все-таки оступилась. В городе вспыхнул бунт, и первыми отреагировали на него соседи-москвичи. Московский князь Иван Калита сжег город, перевешал бунтовщиков и, обогнав конкурентов, привез в Сарай новую порцию денег.

Хан убедился: Калита — верный раб. Отныне именно ему было разрешено собирать деньги с православных подданных хана. В знак почтения Калита облобызал туфлю повелителя, а хан в ответ подарил ему «золотую шапку». Со временем ее стали называть Шапкой Мономаха, хотя никакого отношения к византийскому императору Мономаху данный головной убор не имеет. Позже шапку стали использовать как корону, но сперва-то она была символом не всемогущества, а рабской покорности.

Калита был самой верной собакой хана. Он топил в крови любые попытки антитатарских восстаний. Он коррумпировал двор в Сарай-Берке. Сетью интриг и взяток он оплел Орду вплоть до малейшего чиновника. Он душил любые попытки конкуренции. По его доносу в Орде были убиты и порублены на куски несколько детей ненавистного тверского князя. Дань для татар Калита собирал почти сорок лет подряд. Именно на эти деньги и была отстроена белокаменная Москва.

Центр Московского Кремля — это Соборная площадь. Вокруг нее расположены несколько старинных соборов и единственный на 12-миллионную Москву бесплатный туалет. Приземистый, светло-желтый собор в дальнем левом углу площади называется Архангельским. Перед вами — главное кладбище Великих русских князей.

Собор был построен итальянским архитектором Алоизиум де Каркано. Вообще-то Алоизий был спецом по исламской архитектуре. Прежде чем браться за кремлевские соборы, он строил дворцы и мечети для татар в Бахчисарае. Впрочем, это было не важно. Разницы между татарскими ханами и русскими князьями в те годы еще не существовало.

Московских владык хоронили в Архангеле четыреста лет подряд. Всего — 56 надгробий. Вся история моей Родины.

Надгробие Ивана Калиты стоит справа у самого входа. Рядом похоронен его наследник, Семион Гордый. Он первым стал именоваться «князем всея Руси». Когда первая жена Семиона умерла, хан милостиво разрешил князю жениться вторично, но жену сглазили на свадьбе: Семион ложился к ней на супружеское ложе и каждый раз видел перед собой разлагающийся труп. Так и не лишенную девственности княжну вернули отцу.

Дальше еще несколько надгробий. Последняя могила в первом ряду — победитель в Куликовской битве, князь Дмитрий Донской. Верный лизоблюд ханов, четко понимавший, когда именно нужно воткнуть своему господину нож в спину. Самый жестокий правитель своей эпохи, он умер в тридцать восемь лет, скорее всего от ожирения. Впрочем, тела князя под могильной плитой нет. В 1864 году во время ремонта эту сторону собора затопило и останки Дмитрия смыло водой.

У правой стены все места были заняты, и после Донского князей стали хоронить вдоль задней стены собора. Первой там стоит могила сына Дмитрия Донского — князя Юрия. После смерти отца он, выжигая все на пути, двинулся к Москве, сверг собственных племянников, отнял у них трон, но почти сразу после этого умер.

Править страной попытались двое его сыновей: Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Косоглазие Косого так раздражало нового Великого князя Василия, что тот велел захватить кузена и ножом вырезать ему глаза. За это брат Косого Шемяка вырезал глаза уже са-

мому Василию. Вернув себе трон, слепец Василий Шемяку приказал отравить. Яд был подсыпан царскому кузену в курицу. Чтобы не рисковать, яду насыпали столько, что тело потом даже не смогло толком разложиться, а лишь почернело и скукожилось.

Следующая могила принадлежит серпуховскому князю Василию Ярославичу. Великому князю он приходился шурином (братом жены). По княжескому приказу его заковали в кандалы и двадцать семь лет продержали в земляной яме. Правда, когда Василий умер, то его, как и положено великокняжеским родственникам, торжественно похоронили в Архангельском соборе.

На этом кончилась и задняя стена собора. Дальше могилы стали втискивать вдоль последней (левой) стены. Первым вы увидите надгробье князя Андрея Большого. Князь был родным братом Великого князя Ивана III. Тот приказал посадить его в дворцовый подвал и уморить голодом. Детей брата, своих племянников, Иван замуровал в тюремных камерах, где они, сходя с ума и вечерами воя от отчаяния, провели всю долгую жизнь...

У правителей Москвы были татарские реденькие бороденки и желтые раскосые глаза. Они были достойными наследниками великого Батыея. Они знали: в их стране, чтобы выжить, на вероломство нужно отвечать чудовищным вероломством, а на жестокость — десятикратной жестокостью. До пятидесяти лет из них не дожил никто. Зато ко времени Ивана III именно москвичи были готовы окончательно оттеснить от власти татарскую династию и по праву встать во главе всей непобедимой Орды...

5

Казахско-узбекскую границу я пересек в машине, вместе с местными скупщиками овчины. Они направлялись на юг: Минг-буллак, За-рафшан, Гиджуван, Газли... Вряд ли вы представляете, где это, но поверьте — приблизительно там, где Омар Хайям предполагал наличие рая земного. Ко времени моего приезда единственными обитателями этого выжженного, раскаленного ада были заключенные спецтюрем.

Летом ездить в пустыню — так себе затея. Не знаю, какую-такую овчину собирались скупать в узбекской глубинке мои спутники. Все, что видел лично я, — это песок, сгоревшая на солнце трава, опять песок и ослепшие от зноя, сошедшие с ума от такой жизни тюремные охранники.

Посреди пустыни для заключенных выстроены обитые жестью бараки. Днем температура внутри была такова, что вода в стакане медленно закипала. Зеки прятались от солнца в подземных карцерах, мастерили из одежды тенты, забивались в любую тень и никогда не протягивали здесь дольше трех месяцев.

Через пять дней езды мы добрались до Самарканда. Там я попрощался со скупщиками и отправился посмотреть на мавзолей Гур-Эмир. Вокруг мавзолея расположено несколько старинных мечетей и единственный на 4-миллионный город приличный туалет с проточной водой. Узорная сине-зеленая постройка в дальнем правом углу комплекса — это и есть сама гробница. Перед вами могила великого завоевателя Тамерлана.

Тамерлан был воистину Бичом Бога. Захватив город садов и фонтанов Исфахан, он выложил на его главной площади пирамиду из 70 000 отрубленных человеческих голов. По высоте она превышала семиэтажный дом. Взяв Багдад, который осмелился противиться его воле, он выстроил уже не одну, а сто двадцать подобных башен.

Западнее державы Тамерлана набирало силы государство турок-османов. Тамерлан направил на запад копыта своих коней, и государство турок исчезло с карты на полстолетия. В плен к нему попало 120 тысяч христиан: армян и наемников-сербов. Тимур велел замесить глины и построить из тел живых пленников несколько минаретов.

К востоку от державы Тамерлана лежала Индия. Как раз в те годы она стояла на пороге расцвета. Но в Индию вторгся Тамерлан, и не случилось в Индии никакого расцвета. В лагерь завоевателя было согнано до полумиллиона местных жителей. Всех до единого их живьем закопали в землю.

А еще Тамерлан уничтожил Золотую Орду. Его предки, как и предки русских, были рабами монголов, но в отличие от русских Тамерлан не желал подчиняться выродившимся потомкам Чингизхана. Он желал править сам.

6

Таксист, который подвезил меня до Гур-Эмира, был довольно пожилым. Он рассказывал, что позавчера праздновал обрезание младшего внука, и жаловался, что нынешний мулла за обрезание берет дорого, а делает больно. У парня весь болт раздуло — плачет.

С раскаленной самаркандской улицы я вошел внутрь гробницы Гур-Эмир. Там было немного прохладно. Я подумал, что жаль, никто не проводит здесь техно-вечеринки. На таких декорациях было бы отлично встретить что-нибудь вроде Millenium'a. За вход люди не жалея платили бы по \$2500, да только некому устроить танцы в Гур-Эмире: узбеки не любят техномузыку, а у русских промоутеров нет таких бюджетов.

Слева у входа стоял лоток с сувенирами и буклетами для туристов. Я порассматривал красивую карту, изображающую державу Тамерлана. Москва на этой карте значилась как узбекская колония.

В 1395 году Тамерлан атаковал Золотую Орду. Обе столицы (Сарай-Бату и Сарай-Берке) были срыты с лица земли. Археологи до сих пор не могут отыскать их следов. Истреблено было до четверти миллиона татар. От удара Тимура Орде было уже не встать.

Там, где прошел Тимур, жизнь замирала на века. Так было в Турции, в Индии, в Персии, так вышло и в Орде. Именно Тимур уничтожил это величественное государство. Пораженное в самое сердце, оно распалось на пять частей: Большая Орда на Волге, Крым, Москва, Астрахань и Казань.

Русские были частью Орды, гордились этим и не хотели себе другой судьбы. Ни отделяться от Орды, ни разворачиваться в сторону христианской Европы русские не собирались.

Но вечная Орда вдруг пала. Это было жутко и неожиданно.

На протяжении следующего столетия осколки Орды будут бороться между собой и выяснять: кто же из них подомнет остальных? Время показало, что самым сильным наследником великой и непобедимой Орды стала именно Москва.

7. Санкт-Петербург, бывший Четвертый Рим

1

К 1993 году великая Советская империя, в которой я родился, сгнила окончательно. Рухнуло все, и возможным стало тоже все, и смерть весело махала косой, а люди весело махали руками на первых рейвах. Один мой знакомый за месяц заработал миллион долларов, а другого (взрослого бородатого дядьку) как-то прямо на улице изнасиловала банда дагестанцев, а еще в том году обокрали Императорскую Публичную библиотеку.

Мне только-только исполнилось девятнадцать. На смерть империй мне было плевать, разбогатевшему знакомому я завидовал, изнасилованному — сочувствовал, а о краже пришел написать, потому что на тот момент работал криминальным обозревателем городской газеты. Триста строчек с места события — ровно пятьдесят два североамериканских доллара.

Я заранее позвонил в Рукописный отдел обворованной библиотеки. На входе меня уже ждал рыжебородый хранитель. Паспорта у меня с собой не было, а по журналистскому удостоверению служительница пропускать меня не хотела. Бородач сказал: «Ничего страшного» и провел через расположенный за углом служебный вход. Там никакой охраны не было. Удивительно, что Публичку не обнесли раньше.

Место преступления выглядело роскошно. На полу валялись письма хазарских каганов, оторванные обложки от узорных Коранов, поломанные японские веера и допотопные папирусы неизвестного науке происхождения. Воры были такими же деградантами, как и остальные жители заживо гнившей страны. Все, что не смогли унести, они разорвали и вывалили на пол.

Ради прикола я легонечко наступил толстой подошвой на рукописный листочек возрастом в полтора тысячелетия. В том году я носил первые в жизни ботинки DrMartens. Ботинки стоили \$85, а листок ровно в две тысячи раз дороже.

Рыжебородый хранитель занимал какую-то не очень высокую должность. О случившемся в библиотеке мне рассказывал не он, а женщина-заведующая. Она была длинная, тонкогубая, короткостриженная и болтливая. Я слушал ее почти два часа, а потом сказал, что мне пора.

Уже на прощание женщина сказала, что жалко: всю жизнь она сдувала пыль с этих книжек, а что толку, если их все равно украдут, или приватизируют, или подарят каким-нибудь новым стратегическим партнерам умирающей страны?

— В этом помещении у нас хранятся одновременно «Остромирово Евангелие», еврейский «Ленинградский кодекс», все, что осталось от греческого «Синайского кодекса», и плюс — Коран, заляпанный кровью халифа Османа ибн Аффата. Такой коллекции нигде в мире нет. И не было никогда, понимаете?

Она посмотрела на меня, увидела перед собой мальчишку — криминального обозревателя, которого не интересует ничего, кроме пятидесяти двух североамериканских долларов, и махнула рукой:

— Впрочем, конечно же, не понимаете...

Странно, но на самом деле я понимал, о чем речь. Дело в том, что все самые древние священные книги человечества хранятся в том городе, в котором живу я. «Ленинградский кодекс» — это самый древний в мире Ветхий Завет, «Синайский кодекс» — самый древний Новый Завет, а окровавленный «Коран Османа» — это самый древний на свете Коран.

На свете существует приблизительно двадцать пять старинных рукописей, страховочная стоимость которых зашкаливает за миллион долларов США. У каждой из них есть имя собственное: роскошный «Ватиканский кодекс»... еврейский кодекс «Кэтэр» из Алеппо... ацтекский «Кодекс Борбоникус»... «Миланский манускрипт» из Амброзианской библиотеки... 21-й папирус сэра Честера Битти...

В Петербурге хранятся четыре такие рукописи. Больше есть только в Риме и Нью-Йорке: там их по семь. Петербургские манускрипты хранятся в сейфах с полуметровыми стенками из крупновской стали, но я приходил, говорил, что журналист, обещал написать про отдел, и книжки доставали из сейфа. Я трогал страницы пальцем. Они были теплые.

Трогать древние книжки — одно удовольствие. Каирские еврейские рукописи пахнут чем-то терпким, будто переписывали их в ларьке с шавермой. У старых бумажных книг — странички дряблые, как ляжки старух. Свитки из кожи похожи на бабл-гам и кажутся мягкими, хотя на самом деле они хрупкие и крошатся. Я трогал их, вдыхал их запах, приподнимал над столом и чувствовал, какие они тяжеленные.

Как-то я сходил на экскурсию в древлехранилище Пушкинского дома. Позвонил в их пресс-отдел, представился, договорился о встрече. Молодой, плоховыбритый пресс-отделец познакомил меня с главным хранителем рукописей. Я пожал ему руку. Хранитель был только что из кафе. Его шатало.

Мы прошли в хранилище. Пьяный немолодой дядька долго и бесвязно рассказывал мне о чем-то, чего я совсем не понимал. У него был странный зубной протез: нижняя челюсть далеко заползала на

верхнюю. Стоять становилось тяжело. Я подумал, что, может, стоило купить ему водки и в качестве благодарности попросить почтить какую-нибудь древнюю книжку домой?

Потом дядька наконец скатал тряпочки, укрывающие стенды с рукописями. Он подробно рассказывал, чем примечательна книжка, где найдена, сколько стоит, кто ее исследует. Я смотрел на страницы и понимал: лично для меня в этих книжках не написано ни слова. На вопрос, который есть у меня, эти книжки не ответят.

— А вот это (видите?) — это собственной рукой написал Иван Грозный.

— Сам Грозный? Не может быть! А что именно он написал?

— Никто не знает. А вот это — автограф царицы Софьи, старшей сестры Петра Первого. Да-да! Левее — рукописи патриарха Никона.

— Да что вы говорите! И о чем же говорится в этих рукописях?

— Об этом исследователи пока спорят. На этом стенде вы можете видеть знаменитый «Пустозерский сборник» протопопа Аввакума. В Пустозерске Аввакума не сколько лет содержали в земляной яме. С собой у него была вот эта записная книжка. На ее страницах Аввакум записал главное из того, что понял к концу жизни. Видите?

— Вот это? Вижу. Но что это значит?

— Неизвестно.

— Сам Аввакум не пояснил?

— Самого Аввакума в Пустозерске сожгли на костре. Как расшифровываются его каракули, так до сих пор и не ясно. Буквы есть, но что они означают — неизвестно. Да и не очень интересно.

4

В 1805 году бывший личный секретарь императрицы Екатерины II разбирал гардероб умершей государыни и среди погрызенных молью платьев нашел старинное рукописное Евангелие: 296 листов из телячьей кожи. Как рукопись попала в гардероб и кому принадлежала прежде — установить так и не удалось.

Какое-то время старый слуга хранил ее у себя. Потом сдал в Публичную библиотеку. Историю не стоило бы и упоминать, если бы это Евангелие не оказалось самой древней русской книгой на свете. По заказу новгородского посадника Остромира она была переписана аж в 1057 году.

Все на свете народы гордятся своей историей. Когда сложно, все оглядываются назад и становится немного легче. Только русские смотрят всегда лишь в будущее. У русских прошлого нет.

Если считать вместе с «Остромировым Евангелием», то с домонгольских времен до нас дошло всего 22 русские книги. Для сравнения: в Монголии, в одном только монастыре Гандан-текчинлинг хранится 50 тысяч манускриптов. Армянских рукописей ученым известно приблизительно 25 тысяч. Эфиопских рукописей — около 17 тысяч. Русские оказались способны всего на 22 экземпляра. Хуже дела обстоят только у народов доколумбовой Америки: там насчитывается 14 рукописных книг.

Этого не может быть, решили русские. Слишком уж мы великий народ, чтобы цифра в 22 книжки была правдой. Наверное, где-то должны существовать подлинные духовные сокровища нашего великого народа, решили русские, нужно только их отыскать. Самое смешное, что кое-что действительно нашли.

5

В 1822 году архивариус при рижском архиве откопал в хранилище старинную грамотку. В ней перечислялись названия книг, хранящихся в библиотеке царя Иоанна Грозного. Архивариус ознакомился со списком и потерял сознание.

В списке были упомянуты книги, за которыми европейцы охотились уже несколько веков. Полный сборник речей Цицерона. Утраченные пьесы Эсхила. Легендарное начало «Истории» Тита Ливия. «География» некоего Гефестиона. Несколько поэм, прежде известных историкам только по названиям. Полные тексты Саллюстия и Полибия. Древнегреческий эротический роман. И еще 800 наименований такого, о чем прежде невозможно было даже мечтать.

Специалисты заявили, что список составлен самим архивариусом. Тем не менее искать библиотеку Грозного начали сразу же. В 1891-м по Высочайшему соизволению раскопками руководил немецкий филолог Треммер. В Кремле ему удалось отыскать четыре пустые бочки и склад дров. В 1930-х поисками библиотеки занималась правительственная комиссия. В этот раз археологи напали на след старинной канализационной трубы.

Наверное, дело в происках кремлевской службы охраны, решили искатели. О каких раскопках можно говорить, когда в затылок

тебе дышат чертовы спецслужбы? Плюнув на библиотеку Грозного, энтузиасты переключились на поиски библиотеки Ярослава Мудрого в Киеве. В отличие от библиотеки Грозного, ее вроде бы видели, причем совсем недавно.

В 1932 году рядом с украинской столицей строили дачу первому секретарю Киевского обкома Постышеву. И вроде бы нашлись свидетели, которые лично видели подвал, доверху набитый древними манускриптами. Стройка была срочная и секретная. Поэтому обследовать подвал не стали, а просто залили ход в него бетоном — и все.

Библиотеку Грозного ищут уже двести лет. Библиотеку Мудрого — пятьдесят лет. Ни единой странички, ни единой буковки найдено так и не было. Странного в этом ничего нет. Еще в эпоху Пушкина умение читать даже среди дворян считалось редким извращением. А сто лет назад неграмотными в России были девяносто четыре человека из ста.

Какие уж тут библиотеки!

Правда, в 1979 году археологи открыли в пещерах Киевской лавры здоровенный деревянный ящик, обитый телячьей кожей. «Вот оно!» — заверещали газеты. На дворе стояло серое советское время. Но процедура вскрытия ящика была обставлена, как в голливудских киношках: журналисты, телеоператоры, приглашенные VIP-персоны... Ящик оказался пуст. Книг там не было. Да и откуда им взяться в стране, в которой никогда не было слов?

6

В барах Киото (Япония) для посетителей есть особый вид сервиса. Алкоголь там можно купить не на граммы, а сразу бутылку. Бармен маркером напишет на бутылке ваше имя и поставит ее на полочку. Каждый вечер вы можете подсаживаться к стойке и пить из собственной бутылки. Платить придется только за тоник, лед и дольку лимона.

К 1993 году великая Советская империя, в которой я родился, сгнила окончательно. Рухнуло все, и возможным стало тоже все. Смерть весело махала косой, люди весело махали руками на первых рейвах, а я в том году впервые в жизни выехал за границы своей страны.

У меня был приятель, гонявший из Японии ворованные тачки. Вместе с ним я сел на паром во Владивостоке и отправился в японский порт Иокогама. Там приятель занялся своим криминальным бизнесом, а я доехал до Киото, сел в баре и купил бутылку напитка

сётю. Там в баре я и просидел до самого уезда. Кроме этого заняться в Киото было нечем. Я не пошел смотреть даже великое языческое святилище Киёмидзудэра.

В моем собственном городе под дождем мокнут грозные соборы и по серой воде плывет отражение имперских дворцов — что мне все их игрушечные дальневосточные святилища? Япония — не моя история. Больше в ту сторону я не ездил. Допил сётю, вернулся домой и стал ездить совсем в иные края. Так и катаюсь по свету уже двенадцать лет. Не реже, чем пять-шесть раз в год покупаю билет и уезжаю из дому.

В течение жизни каждому приличному человеку необходимо побывать минимум в десяти странах. Из них пара-тройка могут располагаться в Европе, а остальные пусть будут азиатскими. Прочие континенты (Африку, Австралию, обе Америки и Антарктиду) можете проигнорировать. Ничего стоящего там вы не увидите, потому что у мира, в котором мы живем, есть всего две половины: речь и молчание... смех и отчаяние... Европа и Азия... свет и мгла.

Европа — это там, где люди знают, зачем живут, и способны рассказать об этом с помощью слов. Единственное, что есть ценного в Европе, — это слова о жизни. Именно поэтому крохотный Запад так и не сдался перед лицом безбрежного Востока. Обидно, но моя собственная страна к Европе никакого отношения не имеет.

Россия слов не знает. Она молчит.

У нас, в Азии, люди всегда жили недолго и молча. У русских хорошо получалось рожать детей и умирать за свою страну. А вот со словами у нас как-то не ладилось. Азиатская Московия была сильна совсем не этим. Художественная литература появилась в России приблизительно на тысячу лет позже, чем в Европе. Европейская система образования так и не прижилась в моей хмурой татарской стране. Собственного изобразительного искусства типа живописи и скульптуры в России не было никогда. Театра тоже. О философии или фундаментальной науке смешно даже упоминать.

Что наука! За тысячу лет русские так и не сумели толком перевести на собственный язык даже Библию и до сих пор ведут церковные службы на вымершем древнеболгарском.

Европейцы любят слова. Они говорят постоянно. Они пакует реальность в аккуратные брикетки слов. В России никто ничего ни во что не пакует. Россия молчит. Много-много веков подряд.

Жители моей страны понимают: большая русская лодка пробивается через шторм, а в шторм на корабле приказ нужно не обсуж-

дать, а выполнять. Россию интересуют не красивые слова о несбыточной мечте, а выживание. Русским во все времена приходилось тяжело. Пятидесятиградусный мороз, реки, больше похожие на море, дикие племена, норовящие пустить стрелу в спину... Когда им говорили, что нужно пойти и умереть,— они шли и умирали.

Молча.

Она такая, моя татарская страна. Много-много пространства. Не очень много людей. И совсем нет слов. Ни пути, ни истины, ни жизни...

8. Якутск, бывшая столица Сибири

1

О своей первой поездке в Сибирь вспоминать я не люблю. А последний раз я был там два года назад: собирался по реке Лене доплыть из Якутска до порта Тикси, стоящего на берегу Северного Ледовитого океана.

По телефону (4112) 42-40-03 я из СПб заказал себе билет на громадный прогулочный теплоход «Кулибин». Мне казалось, это очень здорово — побывать на берегу странного океана, в котором нет воды, а только лед. Но, похоже, никто, кроме меня, так не считал: пассажиров на «Кулибине» почти не было.

Торчащие из воды скалы, бесконечная тайга, и в тайге летают сибирские жар-птицы со своими жар-птенцами. Река Лена — суицид гринписовца. С борта «Кулибина» все загрязнение окружающей среды выглядит не более чем засохшим плевком. По ходу дела теплоход проходит там через местности, откуда можно месяц двигаться в любом направлении и не встретить ни единого следа пребывания человека. Только небо и землю.

Первые три дня на теплоходе мне очень нравилось. А на четвертый день, едва мы миновали утесы Таба-Бастах, я понял, что занимаюсь херней. Ну, посмотрю я на Ледовитый океан... ну, не посмотрю... через неделю мне будет не вспомнить, как этот океан выглядит, а через полгода я и сам не поверю, что был там.

Зачем я встаю по утрам и делаю то, что делаю? Ведь уже к вечеру от утра не останется ничего. В полном отчаянии, в ближайшем порту я слез с «Кулибина», вертолетом вернулся в Якутск, до полусмерти напился в аэропорту и улетел в Петербург. Зачем вообще

мы занимаемся тем, чем занимаемся, если все это так ненадолго, а надолго в этом чертовом мире не бывает ничего?

2

Испанским конкистадорам понадобилось целых семнадцать лет, чтобы покорить языческую Мексику. А у русских на завоевание языческой Якутии ушло всего четыре года. И это при том, что Якутия больше Мексики в шесть раз и вообще превышает по площади всю Западную Европу вместе взятую.

После того как великая Золотая Орда пала, Москва взялась за соби́рание ордынских земель. Татарская Сибирь должна была достаться русским, и дело тут не только в международном престиже. Тогда, как и сегодня, дело было в природных ресурсах. Пятьсот лет назад соболиные меха ценились не меньше, чем сегодня ценится нефть, а добывать их было куда легче, чем нефть. Чтобы стать богатым, нужно было всего-навсего добраться до любого сибирского племени, отрубить голову шаману, взять в заложники вождя, провести показательный расстрел нескольких недовольных и объявить, что отныне члены племени обязаны платить белому русскому царю «ясак»: дань соболиными мехами.

На одного вернувшегося из Сибири приходилось по пятьдесят погибших. Зато те, кто выживал, оказывались сказочно богаты.

У русских был свой *Drang Nach Osten* — «Натиск на Восток». Вся русская история — это и есть движение с запада на восток. Якутия для России всегда была важнее, чем Франция. Да и в моей личной жизни Якутия тоже сыграла кое-какую роль. Об этом я и собираюсь вам сейчас рассказать.

3

В 1620 году крепкий русский мужчина Демид Сафонов по прозвищу Пянда первым услышал от эвенков, с которых собирал ясак, о великой восточной реке Елюене (Лене). Двое шаманов, Томканей и Лавага, подробно рассказали ему, как от уже освоенного Енисея можно добраться до сказочной Якутии — сибирского Эльдорадо.

Пянда был отважен. На покорение Ленских земель он отправился во главе отряда всего в сорок человек. С собой он взял пороху,

свинца, десять панцирей, пищали и пушечку железную, а к ней сто полуфунтовых ядер. Через неделю судно с припасами перевернулось на высоком речном пороге и все перечисленное плюс продовольствие ухнуло на дно реки.

В октябре начались первые заморозки. Пянда решает оставить вмерзшие в лед суда и дальше двигать пешком. Надежда была на то, что где-нибудь неподалеку удастся отыскать аборигенов, которых можно будет обложить ясаком.

Впрягшись в нарты, казаки день за днем ползли по льду. Часть отряда, не выдержав, сбежала назад в Тюмень. Зато вскоре русские наткнулись на первых оленеводов. Пянда пытался торговать, но товары быстро закончились, и дальше казаки действовали пытками. Эвенкийский князь Доптыуль был взят в заложники, а с его племени русские собрали ясак. Начало было положено.

Казаки стали устраиваться на зимовку. Местным жителям было объявлено: они обязаны сдать сорок кузовов круп и десять олешек на мясо. Оленеводы не спорили и сдали все, как положено. Однако посланные за продовольствием казаки не успокоились и всем отрядом изнасиловали, а затем убили княжескую дочь.

Терпение племен лопнуло. Часть казаков была перебита, а оставшиеся бросили добытые продукты и спаслись бегством. Пянда и его люди остались на зиму без еды.

Семь зимних месяцев его отряд отбивался от атак эвенкских лучников и не забывал охотиться на песцов. Эвенков было застрелено много, а песцов — не очень. Как только в июне началась весна, Пянда срубил новые лодки и попробовал снова углубиться в тайгу. К концу лета он продвинулся всего на пятьдесят верст и вынужден был зазимовать еще раз.

Вторая зимовка превратилась в кошмар. Со всех сторон лагерь Пянды атаковали разъяренные аборигены. Люди Пянды питались травой и кореньями. Не выдержав, казаки начали готовить похлебку из тел убитых врагов. Чуть позже в ход пошли и собственные замерзшие товарищи.

4

Русские конкистадоры были дики и неуправляемы. Единственное, о чем они мечтали, — открыть еще не объясаченное племя, изъять у аборигенов меха, вернуться в цивилизованные края живыми и потом всю жизнь отрываться по полной.

Уголовники, охотники за ясаком, беглые бунтовщики, государевы стрельцы, внебрачные дети татарских вельмож — каждый мечтал урвать на новых землях свой кусочек счастья. Покоритель Камчатки Атласов открыл гигантский полуостров, сразу после этого ушел в трехмесячный запой, допился до того, что собственные товарищи заковали его в кандалы, год просидел под замком, вышел, снова запил и тут уж пил до тех пор, пока не был зарезан восставшими коряками. Первооткрыватель реки Амур тысяцкий Поярков лично вырезал пленным шаманам глаза. Покоритель воинственных бурятских племен Бекетов завел себе на покоренных землях гарем, куда отбирал только девиц княжеских кровей.

Помню, когда я прочел об этом Бекетове, то удивился. Монголки ведь антисексуальны. Это красивые, высокие, широкоплечие люди. У них хорошие зубы и густые волосы. Но спать с ними?

Я не всегда был такой, как сейчас. Мне есть что рассказать об азиатских девушках. Да и не только об азиатских. Если вам интересно, то в постели монголоидные крестьянки никогда не двигаются, лежат с закрытыми глазами и даже не дышат. Впрочем, одно исключение мне известно.

5

Фамилия у нее была Егорова (якуты все — Егоровы), а по имени приятели звали ее Наташа. Я тоже звал, пока где-то через год не заглянул случайно ей в паспорт и не обнаружил, что на самом деле девушка носит странное якутское имя Юрюнг. Я удивился: причем здесь «Наташа»? Называла бы себя Юля — это хоть на ту же самую букву.

В 1994-м я поступил на истфак Петербургского педагогического университета имени Герцена. Там мы с ней и познакомились. Правда, со второго курса я ушел, потом восстановился, но после следующей сессии был отчислен уже официально и навсегда. Она, кстати, до диплома тоже не доучилась. Хотя в ее случае дело было вовсе не в успеваемости.

Если сказать о ней одним словом, то это будет прилагательное «надменная». Презрительно изогнутые нецелованные губы. Вскинутая голова на длинной шее. Она была якутской языческой богиней-девственницей: заглянешь такой в глаза, ощутишь собственную ничтожность, и эрекция пропадет у самого самонадеянного, но

это ничего, потому что дева Юрюнг знала триста тридцать три способа поправить это дело.

Она была высокой и тоненькой. У нее были тонкие, длинные пальцы и тоненькие детские ножки. Она была такая тоненькая, что я мог обнять ее всего одной рукой. При этом для монголки у нее была очень большая грудь. Волосы у нее были ослепительно черные и густые. Еще она носила очки в дорогой оправе. Кроме того, она была самой неразговорчивой девушкой из всех, кого я знал. За полтора года я услышал от нее от силы десять слов.

Ей было девятнадцать, и она только что приехала из своей Якутии. Разумеется, она была девственна. Снять трусы она согласилась только через несколько месяцев. А до этого мы практиковали штуки, о которых прежде мне и в голову не приходило, что такое возможно.

Бросив вуз, я так и не устроился на работу, поэтому просыпался поздно. Обычно от ее звонка в дверь. Она приходила ко мне утром, перед лекциями. Она звонила в дверь, я открывал, и иногда все происходило прямо в прихожей. Кожа у нее была белая, а одевалась она всегда только в черное. У нее были длинные, острые, твердые и всегда покрашенные в темное ногти. Она губами касалась моей кожи, там где я хотел, чтобы она касалась, и кожа начинала дымиться. Ее лицо с яркой помадой и очками... Ее вагина, более яркая, чем помада... Ее высоченная якутская грудь... Ее детские пальчики на ногах... Вспоминая 1995-й, я вижу только это, а больше не вижу ничего.

Мы ни разу никуда не сходили. Даже в кино. Даже выпить кофе. Я понятия не имею, чем она занималась во второй половине дня. Мы никогда не разговаривали. С утра она молча приходила в мою квартиру, и я подолгу делал с ней все, что хотел. Я не очень хорошо помню ее прическу, зато линию бикини на спор нарисую хоть прямо сейчас.

Потом, вся перемазанная спермой, она долго искала, куда мы закинули ее лифчик. Она краснела и, опуская глаза, натягивала крошечные трусы. Уходила она не позже полудня, и после ее ухода ничего интересного в истекающем дне уже не оставалось.

31 декабря, под самый Новый 1996-й год, рано с утра все наконец произошло по-настоящему. Это был очень странный новогодний подарок. Мой диван был насквозь пропитан ее кровью. Ей было очень плохо в то утро. Ее тошнило, и кровь долго не останавливалась. Я даже хотел вызвать врача.

Мы собирались поехать отмечать праздник к друзьям, но ей было так плохо, что вместо этого она поехала к себе, на съемную квартиру, а потом она, разумеется, поправилась, и после этого все стало еще лучше.

6

Ей было всего девятнадцать.

Несколько лет назад родители за руку водили ее в школу. Теперь детство кончилось и нужно было вести настоящую взрослую жизнь. Она не знала, как это делается, но думала, что знаю я, хотя, разумеется, я тоже не знал, а просто делал вид, будто в курсе, потому что очень уж хотел с ней спать.

У нее были черные глаза, черные волосы, огромная грудь и черное, очень дорогое белье. Она была черноглазым порноангелом. Но только когда, лежа на моем диване, высоко задирала свои красивые длинные ноги, медленно разводила их в стороны и похотливыми азиатскими глазами смотрела на меня сквозь стекла дорогих очков. В остальное время она была просто 19-летней неразговорчивой девицей. Она каждый день звонила родителям, по-честному ходила на лекции, верила в дурацкие girl-журнальчики и забавно морщила нос, когда смеялась. Сейчас она, наверное, такая же старая и опустошенная, как я сам.

Как-то она познакомила меня со своими братьями. Братья в количестве то ли четырех, то ли пяти рыл жили в Петербурге и, как я понимаю, являлись видными деятелями местной якутской мафии. Мы разговаривали на протяжении приблизительно часа. Они были тупыми и по-настоящему омерзительными. Единственный вопрос, который читался у парней на лицах: не пора ли доставать ножи и рубить мне то, чем я сплю с их сестрой?

Луноликие и кривоногие упыри. Откуда в их семье взялась она — такая красивая и тоненькая?

Семья для нее была святое. Если речь заходила о родственниках, она сразу становилась серьезной и говорила, что семья у нее древняя и знатная. Уже потом, когда мы съездили к ее родителям, я видел на стене их квартиры грамоту со здоровенной печатью на веревочке. Слова были написаны по-якутски, прочесть их я не мог, но Юрюнг объяснила: в грамоте говорится, будто их род происходит от великого Тыгын-тойона.

Разумеется, я бегом побежал в библиотеку читать, кто он такой, этот тойон. Как я понял, предок моей девушки был сибирским Монтесумой: повелителем языческой державы, уничтоженной рыжебородыми и безжалостными белыми людьми.

В книжке о нем говорилось вот что:

Когда Тыгыну было шесть лет, играя, он поднял копье острием вверх и воскликнул:

— Дух Хаара Суорун-тойон! Все создавший отец мой! Тунгусы нас, невинных, обидели! Стерли наш род с лица земли! Если суждено мне отомстить им, то ниспошли кровавый символ войны и убийства: ханнах ылбыс!

В ответ на самом острие копья появился кровавый сгусток. Младенец проглотил его и с этого момента стал быстро расти, превратился в грозного воителя. Уже с десяти лет он превосходил всех силой, умом и знаниями.

«Высокочтимых-Людей-Потомок», «Знатного-Рода-Отпрыск» — так именовала его старуха-воспитательница. Когда Тыгыну исполнилось триста лет, его сажали на высокое сидение и все приезжие подходили, издали кланяясь, как божеству.

Он единственный смог сражаться с русскими, когда они пришли.

7

До весны из всего отряда Пянды дожила горстка людей. Зато как только вскрылся лед, казаки получили подкрепление. Сперва из Тобольска по Енисею поднялся Иван Галкин с двадцатью головорезами. Чуть позже с большим отрядом пробился Василий Бугор.

Казаки перешли в контратаку. Несколько местных городков было скрыто с лица земли. На покоренных землях Пянда основал первый якутский острог. Главные силы остались под прикрытием укреплений, а небольшой отрядик казаки выслали на восток, чтобы глянуть: что видать?

Из посланных людей назад вернулись только двое. Остальные были перебиты сразу же, как только отошли от основного лагеря. Пянда понимает, что земля горит у него под ногами.

С трудом прорубившись через тайгу всего на несколько верст, Пянда уперся в ошетилившиеся отравленными стрелами тунгус-

ские отряды. Собрав ополчение племен, тунгусы дали казакам решающее сражение. Русские понесли большие потери и отступили на Юрьеву гору. Там они в темпе срубили еще одну крепость и снова остались зимовать.

Только четвертым летом Пянда дошел до берегов Лены. Перед ним лежала Якутия. Силы отряда были на исходе. На полномасштабную войну Пянда уже не решался. С повелителем якутов Тыгын-тойоном казаки попробовали договориться миром.

Легенда гласит, что впервые увидев русских, правитель якутов произнес:

— С выдающимися носами, с глубоко посаженными глазами, должно быть, они сильные и трудолюбивые люди! Они годны для работы и будут у нас рабами! А чтобы уменьшить их силу, подрежем им мышцы и жилы!

Отряд Пянды был взят в кольцо и разоружен. Якуты подрезали русским пленникам ахиллесовы сухожилия и отправили их на удаленные острова косить сено.

8

А потом она сказала, что беременна. Вернее, как обычно, она ничего не сказала. Я как-то сам все понял.

Ей еще не исполнилось и двадцати, а я был всего на полтора года старше. Мне хотелось с ней спать, а если быть совсем точным, то мне просто хотелось хоть с кем-нибудь спать, а с ней это выходило лучше, чем с другими. Общаться с ее родителями, возиться с ребенком, слушать ее бесконечное молчание — ничего этого мне не хотелось.

Сейчас я бы многое отдал, чтобы хоть что-то из перечисленного было в моей жизни. Да только кто ж сейчас мне это даст? Теперь-то я знаю, что секс — вовсе не главное на свете, хотя тогда мне казалось, что главное на свете — это именно секс.

Я спросил, будет ли она делать аборт? Она категорически отказалась. Точно не помню, но, возможно, она даже произнесла какое-нибудь слово. Например, «Нет!». Я занял у нее денег и пошел покупать авиабилеты. Мы отправлялись в Азию, свататься к ее якутским родителям.

Бреясь перед вылетом, я весь изрезался, заляпал кровью воротник светлой рубашки и, наверное, был смешон ее богатому папе, который не знал, что скоро станет дедушкой. Наверное, вся моя дальнейшая биография уже тогда читалась по изрезанному лицу: безденежье, одиночество, отчаяние, две попытки суицида и сорок с чем-то мест работы... Он не хотел для дочери такого мужа, как я.

Квартира у родителей была огромная. Постели нам были приготовлены как можно дальше друг от друга. С утра я попробовал поговорить с папой еще раз. Я хотел спать с его дочерью и ради этого был готов на многое.

Говорить с блинорожим папой было бессмысленно. Он был таким же тупым животным, как и пятеро его сыновей. Он работал в «АлРосе» (торговал якутскими алмазами) и знал свою жизнь на много ходов вперед. Длинноволосых русских подонков в этой жизни не было.

Перед самым отъездом я увел Юрюнг в ванную, развернул к себе спиной, разорвал на ней трусы... В предыдущие разы она всегда очень громко кричала. Может быть, по-якутски, а может, по-звериному. Но в этот раз все произошло молча. Она была на четвертом месяце беременности. Уходя из квартиры, я подумал, что для ребенка все это может оказаться вредным.

9

Я не переживаю, что так вышло. Вернее, переживаю, да что тут поделаешь? Я уехал домой, она осталась в Якутске. Больше мы не виделись ни разу. Нашему сыну уже восемь лет. Я узнавал у общих знакомых: отчество ему записали какое-то взятое с потолка... не мое.

Она была самой лучшей женщиной в моей жизни. Тогда мне казалось, что впереди будут тысячи таких, как она, но оказалось, что нет впереди ничего интересного. По крайней мере в этом смысле.

А за четыреста лет до меня из Якутска так же позорно бежал крепкий мужчина Демид Сафронов по прозвищу Пянда. Но это было тоже не важно. По проложенному Пяндой пути в Якутию, страну дальнюю, от века неслыханную, шли уже не отдельные авантюристы, а до зубов вооруженные правительственные отряды из Тобольска.

Якуты пытались сопротивляться. Один из охотников за ясаком писал царю в Москву:

Тех же якольских людей князьцы с нами, холопьями твоими, дрались по все дни, твоего, государева, ясака нам не давали и нас, государь, холопей твоих, не хотели из своей земли выпускать, а нас, государь, было немного и по все дни мы нужу, стужу и голод терпели, кобыльей прочую скверну ели...

С покорением Якутии территория России разом увеличилась в шесть раз. Именно после этого стало ясно: Евразия будет русской. Якутск стал главным плацдармом при завоевании новых земель. Отсюда было очень удобно двигаться и на северо-восток (к Чукотке и Камчатке), и на юго-восток (в сторону Китая).

Через пятнадцать лет после Пянды Губарь Иванов с тридцатью всадниками первым дошел до Чукотки и встретил там воинственные племена юкагиров. Аборигены приняли лошадей за диких животных и пытались на них охотиться. В ответ казаки принялись за планомерное истребление юкагиров.

Не хуже шли дела и на китайском направлении. Через тридцать лет после Пянды казачьи отряды вышли к Тихому океану. Сотник Иван Черный случайно наткнулся на Курильские острова. Он тут же обложил островитян данью, провел несколько показательных казней, в погоне за разбегавшимися племенами открыл еще 19 островов, и если бы не был срочно отозван назад в Якутск, то наверняка присоединил бы к Москве весь Японский архипелаг.

Русская конкиста продолжалась шестьдесят лет. Ввязавшись в драку на Урале, русские не успокоились, пока не попытались присоединить к Москве Китай и Северную Америку.

И все равно самой богатой русской колонией была Якутия. Бунты и волнения длились еще столетие, но князьям тайги все равно пришлось принести присягу на верность Ырыхтаагыту — «царю, далеко пребывающему». В смысле — русскому царю.

А старый, совсем дряхлый Тыгын-тойон, далекий предок моего наполовину якутского, наполовину русского сыночка был взят казаками в заложники и погиб в только что отстроенной русской крепости — Якутском остроге.

Часть 3

С ТОБОЙ ИЛИ БЕЗ ТЕБЯ

9. Стамбул, бывший Второй Рим

1

Я приехал в Стамбул, чтобы встретиться с главным турецким писателем Орханом Памуком. Под эту поездку я развел на аванс редактора одного некрупного московского журнальчика, плюс добавил немного собственных денег.

Памук в Турции дико популярен. В бук-шопах на главной улице Стамбула книжки продаются всего двух видов: либо Коран, либо написанные Памуком. При византийцах главная стамбульская называлась Меса, а при янычарах стала называться Диван-йолу. Она шла от Голубой мечети до Крытого рынка. Бук-шопов на этой улице было много, а вот попить кофе здесь почти негде. Местами продавался турецкий кофе, но его я не люблю. Эспрессо из автомата здесь не продавали.

Дома, в Петербурге, я заказываю в кофейнях double-espresso. Солнечная сторона Невского от площади Восстания до улицы Маяковского давно превратилась в одну большую кофейню. Сперва там идет «Идеальная чашка», потом «Кафе Марко», потом анонимное заведение с кожаными диванчиками, потом Republic of Coffee... Между кофейнями втиснулось еще два кинотеатра и три книжных магазинчика. Это был отличный квартал, вот только я для него немного староват.

В петербургских кофейнях сидят тысячи модников. Девушки носят спущенные на бедрах брючки. Из-под брючек торчат девушкины трусы. Молодые люди носят очки без диоптриев. С собой в кофейни они приносят глянцевые журнальчики и модные романы, но никогда их не читают, а только пьют кофе, громко болтают, курят сигареты light и шлют соседкам по столику эсмэски.

А за тридцать лет до появления моды на торчащие из-под брюк трусы во всем моем городе было только одно кафе, где варили нормальный double-espresso — «Сайгон» на углу Невского и Владимирского.

Сюда ходили рок-н-роллышники и похмельные поэты. Произносился «маленький двойной», они имели в виду не чашку хорошо сваренного кофе, а наперсток ядовитого варева. Помимо «маленьких двойных» эта публика пила также «маленькие четверные» и даже «восьмерные». В миллиграммовые чашечки буфетчицы утрамбовывали смертельные дозы кофеина. Михаил Файнштейн из грбенщицковской группы «Аквариум» рассказывал мне о буфетчице, которая варила такой напиток, что после пары глотков стены вокруг начинали менять цвет.

«Сайгон» был неплохим местом. Да только когда он переживал свои лучшие годы, лично я был школьником младших классов и ходил не сюда, а в кружок при Дворце пионеров.

В прошлом году мне исполнилось тридцать. На свете нет ни единой кофейни, в которой я был бы как дома. Те, кто ходил в «Сайгон», давно стали бронзовыми памятниками. У тех, кто сидит в «Идеальных чашках», все еще впереди. А вот где попить кофе таким, как я?

Мучаясь этим вопросом, пока что я сидел в Стамбуле и пил жидкий невкусный «Нескафе».

2

Отель у меня был дешевый. При этом окна номера выходили ровно на Святую Софию. Она была огромная и зеленая от времени. Жить здесь было красиво, хотя настоящие-то продвинутые парни предпочитали селиться не в стамбульском Центре, а на противоположном берегу залива Золотой Рог, вокруг Галатской башни. Там с 1960-х осталась куча веселых заведений с ритм-н-блюзовыми плакатиками на стенах и барменами, которые еще помнили, как славно отождли у них в баре Джим Мориссон с Аленом Гинзбургом, эх, времена были!

Телефона Памука у меня не было. Поэтому я просто болтался по району Султан-ахмет, заходил посидеть в кафешки, иногда ложился вздремнуть после обеда, а вечером курил кальян в кебаб-баре, построенном на руинах константинопольского Инподрома. Плохо только, что насчет попить кофе так и не получалось.

Незадолго до Стамбула я был в Северной Африке. Вот там с этим делом все в порядке. Правда, африканский кофе распробовал я не сразу. Сперва мне казалось, что чертовы туареги кладут туда слишком много сахара. Потом я понял, что сахар тут ни при чем — дело в воде. То ли она чересчур жесткая, то ли еще что, но кофе получался густым, плотным. В Северной Африке его пьют из маленьких стаканчиков — в России такие используют под водку. Кофе умудряется не остывать по полчаса.

Думаю, янычары пили тоже такой. Научились во время египетского похода и привезли привычку домой. Полтысячи лет назад грозные стамбульские янычары только и делали, что валялись в кафешках и ведрами пили кофе. Они пили пахнувший духами кофе, и им принадлежал весь мир, а их коротконогие, но жутко глазастые женщины замирали от восторга и подглядывали за красавцами с зарешеченных балкончиков.

Кафе с европейским кофейным аппаратом я нашел только на третий день жизни в Стамбуле. Над барной стойкой там стояли баночки с кофейными зернами и надписями типа «Голубой Йеменский» или «Насыщенный Пуэрто-Рико». Завтракать я стал ходить не в отельный ресторан, а сюда.

Хлопнуть несколько чашек эспresso на голодный желудок — значит, минут через пятнадцать получить крайне неприятный кофейный передоз. У вас застучит в ушах и подогнутся колени, желудок покажется пустым и прозрачным, а пальцы рук откажутся слушать команды... Чтобы передоз не оказался совсем уж катастрофическим, перед кофе я выпивал стакан апельсинового сока с круасаном.

Через два дня в замороженном Санкт-Петербурге мне предстояло сдавать редактору интервью с Памуком, которое я так и не написал. Это было мерзко. Зато пока я сидел в самом прекрасном городе мироздания. От этого предстоящая мерзость казалась не такой уж и мерзкой.

3

В последний день моего пребывания в Стамбуле я опять сидел возле Голубой мечети, и опять пил кофе, и снова отлично себя чувствовал, а мне на мобильный из Лондона позвонил агент Памука и все-таки дал его номер телефона. Я сказал «Спасибо», дошел до

отеля и позвонил живому классику турецкой литературы. Он согласился принять меня через час.

Я поймал такси и показал водителю бумажку с адресом. Памук жил на другой стороне залива Золотой Рог. Я смотрел на Стамбул через окна такси и думал, что жизнь бывает короткой и длинной. Короткая жизнь — это плохо. Длинная — хорошо. У Константинополя была очень длинная жизнь. Здесь было все нужное для хорошей истории. Потом эта жизнь кончилась.

Справа от дороги лежал пролив Босфор. Он отделял Европу от Азии. По одну сторону жизнь имела цену и смысл. Здесь, в разумно устроенном мире, все всегда было хорошо. А с азиатской стороны Босфора начиналась совсем иная история.

Защищать Царьград значило не просто оборонять город. Защищать Второй Рим значило стоять на страже всего, ради чего стоит жить. А потом пришел момент, когда у жителей Города не осталось сил защитить свои стены.

Турки переправились через пролив за столетие до взятия Царьграда. Много раз Азия вонзала зубы Европе в бок. Турки продвинулись на запад дальше всех. Если бы они смогли продвинуться еще на неделю пути, то над миром навсегда повисло бы беспросветное азиатское молчание.

Но дальше на запад турки идти не могли: в тылу у них оставался Царьград. Со всех сторон окруженный турками, этот город все равно оставался Вторым Римом и крупнейшим городом планеты. Последним островом Европы посреди торжествующей Азии.

Потом кольцо наконец сомкнулось. За год до решающего штурма, в 1452 году, молодой султан Мехмет II велел построить в самом узком месте пролива Босфор крепость. Укрепления были возведены всего за четыре месяца. Единственный путь снабжения Константинополя продовольствием был перекрыт.

В крепости был расквартирован элитный полк янычар. Укрепления получили название Румели-Хисары — «Перерезанная глотка». Гордые и бесстрашные венецианцы не поверили, что варвары-турки в силах диктовать их галерам, куда плыть, а куда нет. На помощь отрезанному Константинополю они выслали корабль, груженный зерном. Он поравнялся с Румели-Хисары и был тут же затоплен. Пленных моряков посадили на кол и обезглавили. Отрезанные головы турки катапультами зашвырнули внутрь городских стен Константинополя.

Судьба Второго Рима была решена.

Если бы я был не журналистом-лузером, а модным режиссером, я бы снял о падении Царьграда кино. Думаю, съемки обошлись бы не очень дорого. Фильм мог получиться почти документальным. Я снял бы то, что происходит вокруг меня, и это был бы самый правдивый рассказ о падении Царьграда.

Турки подбирались ко Второму Риму почти век. И все это время беспечные горожане веселились, трагичали деньги и зарабатывали новые, строили дворцы... жить в которых предстояло совсем не им. Смерть уже барабанила в двери их мира. Но слышать этот стук никто не желал.

7 апреля 1453 года молодой султан Мехмет II отдал приказ о начале бомбардировки Константинополя. Турок был уверен в легкой победе. Его артиллерия была на тот момент лучшей в мире. Армия Мехмета превосходила число защитников Города почти в 60 раз. Сжимая в зубах ятаганы, воины султана полезли на древние стены. Защитники Города подпустили их поближе и сожгли всех до единого жутким греческим огнем.

Спустя десять дней начался второй штурм. Теперь турки атаковали город сразу и с суши, и с моря. Жители Константинополя проснулись и обнаружили, что турецкий флот стоит прямо под городскими стенами: восемьдесят галер были посуху втащены в залив Золотой Рог. Закончился штурм тем же самым: заживо горящие янычары в панике бежали в лагерь, все до единой галеры были уничтожены, а саперов, пытавшихся подкопать стены, погребла разверзшаяся земля.

Мехмет рассчитывал взять Город с наскоку. Но прошло два месяца, а Константинополь не собирался сдаваться. Мехмет метался, отдавал нелепые приказы и подумывал о суициде.

Гигантские турецкие пушки-единороги в упор лупили по городу еще несколько недель. Следы этого артобстрела видны в Стамбуле и до сих пор. Ночью 28 мая 1453 года султан объехал свои полки: «Либо на рассвете, либо никогда!» — кричал он. «На рассвете!» — отвечали ему янычары.

Таксист решил не стоять в пробке на Галатском мосту, развернулся, перескочил Золотой Рог по мосту Ататюрка, и впереди оказалась Генуэзская башня.

Двести лет подряд русские мечтали водрузить над Царьградом Андреевский флаг. Но в страшном 1453 году, когда все мог решить один-единственный отряд лучников, московские цари и не подумали отправить помощь в Константинополь. Вместо русских спасать второй Рим шли европейцы: генуэзцы и венгры.

«Константинополь на краю гибели!» — было сообщено в Европу.
«Мы пойдем и умрем за него!» — ответили европейцы.

На помощь Городу шли воины и на доспехи каждого из них был нашит крест. Мужчины последний раз обняли жен и детей, вскочили на коней и повернули лица к востоку. Там смерть восстала против жизни. Значит, нужно было поехать туда и умереть.

Все в нашем мире смертно, и бояться смерти бессмысленно, потому что смерть — это почти так же естественно, как жизнь. Европейцы загоняли лошадей. Они спешили на помощь попавшим в беду братьям, и земля сотрясалась от топота копыт.

Но они не успели. Царьград пал.

На рассвете турки забили в громадные барабаны, заиграли на трубах и литаврах. Им ответили все колокола Святой Софии. Последняя литургия в соборе началась еще затемно. В тот раз греческие православные служили своему Распятому Богу вместе с европейскими единоверцами. Когда смерть двумястами тысяч глоток голосила у древних стен их Города, что значили все земные разделения?

От шума стрелявших пушек и пищалей, от колокольного звона и криков дравшихся людей, от молний выстрелов и рыдания женщин казалось, что сами небеса колебались и готовы рухнуть на землю. Нельзя было слышать друг друга. От множества огней и стрельбы сгустившийся дым покрыл Город и войска. Люди не могли видеть друг друга. Многие задохнулись от порохового дыма.

Последний император Второго Рима Константин XII Драгаш причастился, вышел из дверей храма, вытащил меч из ножен и, перекрикивая грохот, обратился к брату:

— Пойдем и умрем?

Тот засмеялся в ответ:

— Разумеется, умрем, брат! Я не желаю видеть, как эти псы войдут в мой Рим!

Обезображенный труп императора Константина нашли четыре дня спустя. Опознать его удалось только по красным сапожкам с золотыми пряжками. Труп его брата не нашли вовсе.

Много-много веков назад Константинополь был основан как Второй Рим. Первый Рим казался старым, он всем надоел, и люди основали себе еще один Рим, поновее. Город получился роскошным. У него была очень длинная жизнь. Здесь было все нужное для хорошей истории. Потом эта жизнь кончилась.

Все в этом мире смертно, и бояться смерти бессмысленно, потому что смерть — это почти так же естественно, как жизнь. Проблема не в самой смерти, а в том, сможете ли вы, умерев, вновь стать живым? Потому что жизнь бывает не только короткой или длинной — еще она бывает вечной.

Как Рим.

Смерть и рождение — самый естественный закон мироздания. Родиться, состариться, умереть. Не желать ничего другого, потому что на свете нет ничего другого. Но людям хотелось именно другого. Им хотелось, чтобы в мире было хоть что-то вечное.

Рим называли Вечным Городом. Все в этом мире смертно, а вот Рим почему-то вечен. Рим не был первым великим городом мира. До него были Вавилон и Мемфис. После него было множество других. Величие его не в прошлом, а в том, что он все еще жив. Рим всегда был единственным — город, который смерти оказался не по зубам.

Рим называли Вечным Городом — но только первый Рим. Второй Рим — это ведь просто город. Его-то история закончилась навсегда.

Первым на стены Царьграда взобрался гигантского роста янычар Хасан. Его лицо было обезображено шрамами, а руки забрызганы кровью. Хасан влез на стену, воткнул перед собой зеленое знамя ислама и был тут же в куски изрублен защитниками Города. Но было поздно. Пушки Мехмета раскололи стены возле ворот святого Романа, и в образовавшийся пролом уже рекой текли двести тысяч закованных в броню воинов султана.

Экскурсоводы до сих пор показывают на одной из колонн Святой Софии стершийся отпечаток человеческой руки. Горбоносый хищный турок Мехмет II, получивший в тот день почетное прозвище Завоеватель, верхом на коне въехал в христианский храм. Древнего пола было не разглядеть. Конь турка осторожно перешагивал через изрубленные детские трупы. Из дверей собора на улицу вы-

текала густеющая кровь. Потом конь все-таки поскользнулся, и, чтобы не свалиться, султан рукой схватился за колонну.

Отпечаток окровавленной пятерни стал точкой в конце строки. Константинополь стал Стамбулом. Святая София стала мечетью.

10. Венеция, бывший Третий Рим

1

В Дели мне оставалось продержаться только сутки. Послезавтра рано с утра я через Ташкент улетал домой, в Петербург. Рюкзак уже был упакован, город осмотрен. Я думал только о том, что послезавтра — домой.

Как бы вы ни любили кататься по миру, этак к концу второй недели езды вас непременно накроет состояние одеревенения. От английской речи тошнит, достопримечательности не вмещаются в голове, жалко потраченных денег, чуждые иностранные рожи сливаются в одну, и хочется домой. У меня как раз наступило такое состояние.

Накануне я гулял по городу: прошел от Лал-Кота до самого Красного Форта. Я провел на ногах 14 часов, и теперь ноги мстительно болели. В коленях сгибаться они не желали, в икрах гудели, а ближе к паху одну из них я стер. Впрочем, особенно двигать ногами я и не собирался.

Я проснулся к обеду, подумал о том, что уже послезавтра буду дома, и решил, что сегодня никуда не пойду. Так, выползу на улицу, пройду в сотый раз вокруг отеля, куплю сигарет — и все.

2

Самая доставучая нация на свете — это турки. Правда, арабы куда хуже турок, а индусы даже хуже, чем арабы.

Стоило мне выйти на улицу, и индусы были тут как тут. Попрошайки, англоговорящие гиды по несуществующим достопримечательностям, продавцы неизвестно чего. Йогги, еще раз попрошайки, голодные дети, тощие родители, какие-то самоуверенные типчики в светлых рубахах, предсказатели судьбы, заклинатели змей и в третий раз попрошайки...

Особенно усердствовал молоденький таксист. Он все повторял, что если я хочу, он отвезет меня в Агру. Я знаю Агру! Там Тадж-Махал. Восьмое чудо света. И прайс тоже гуд. Он может за ту же цену провести для меня экскурсию на английском языке. По-английски он говорил с таким акцентом, что я даже не понимал, как он меня называет: то ли «мистер», то ли «мсье».

Я знал, что ни к какому Тадж-Махалу не поеду. Просто не успею. За последние дни я осмотрел чертову прорву индийских городов. На Агру у меня не оставалось ни сил, ни денег.

— Поехали, мистер?

— Не поеду. Просто не успею.

— Вы знаете, сколько тут ехать? Это рядом! Недалеко! А в Агре Тадж-Махал... Знаете, какой прекрасный?

Я докурил сигарету и вернулся в отель. Подъезд у отеля был здоровенный и грязный. У самого входа на стене был краской нарисован слоголовый божок Ганеша. Выглядел он смущенно. Посреди лица художник пририсовал ему пенис.

В холле на здоровенных лежаках с подушками спали двое индусов. Еще в холле бродили кошки. К номеру нужно было подниматься на стареньком, но резвом лифте. Я отпер перекошенную дверь, сел на кровать и закурил.

Всего кроватей в номере было три. Сам номер был огромен, как стадион. В нем пахло краской и средствами от насекомых. В углу стоял унитаз. Меня предупредили сразу: он не работает. Еще в номере стоял шкаф с отломанными дверцами. За окном торчал гигантский минарет Кутб-Минар. Стекол в оконных рамах не было.

Ничто из перечисленного мне не нравилось. Да и вообще от Индии уже тошнило. Заискивающие улыбочки. Вечное нытье и ожидание, что вот сейчас белый даст им денег. Мне хотелось домой.

Я докурил, встал с кровати, взял свой заранее собранный рюкзак и вернулся вниз. Таксист по-прежнему стоял у входа в отель.

Я сказал:

— Ладно. Поехали в твою Агру.

Прокляная все на свете, я влез в машину, и мы поехали смотреть Агру.

3

В древнем мире существовало семь чудес света. Для нынешнего мира журналисты пытаются отыскать восьмое чудо, но не могут

сойтись во мнениях. Хотя насчет Тадж-Махала согласны почти все: зданьице выдающееся.

Вблизи беломраморный Тадж-Махал выглядит пообносившимся. Как и все прочие чудеса света, хорошо смотрится он не живьем, а в красочных туристических буклетах. Буклетики, постеры, сувениры и открытки с видами Тадж-Махала продаются в Агре на каждом углу. Тадж-Махал в них называют «великим чудом индийской архитектуры». Правда, о том, кто именно является архитектором чуда, в буклетах пишут редко. Потому что спроектировано оно никакими не индусами, а венецианским умельцем Джеронимо Веронео.

Помимо Тадж-Махала на звание восьмого чуда света претендует еще несколько азиатских достопримечательностей. Например, Запретный город маньчжурских императоров в Пекине.

Китайцы меньше зависят от туристических долларов, чем индусы. Хотя буклетики для приезжих любят печатать и они. Гордые за свою великую родину китайцы объясняют туристам: Площадь Небесного Спокойствия Тяньаньмэнь — самая большая площадь в мире. А стоящий на ней музей Гугун (собственно Запретный город) — самый большой императорский дворец в мире. Об авторах проекта в буклетах опять ни слова — и опять по той же причине. Маньчжурский дворец, вершина китайской архитектуры, выстроен не китайцем, а снова венецианцем — Джузеппе Кастильоне.

Московский Кремль тоже претендует называться восьмым чудом света. Странно ли, что и он тоже построен итальянцами? Как известно, стены Кремля выстроены по образцу стен Миланского замка, а автором проекта выступил венецианец Марко Руфо.

4

Турки взяли Царьград, и единственной православной державой на свете осталась Русь. Но реальным-то наследником Царь-града, реальным-то Третьим Римом была, разумеется, никакая не Москва, а Венеция.

Пятьсот лет назад мир принадлежал итальянцам. Эти веселые люди делили мир между собой. Венецианец Марко Поло открыл Азию. Генуэзец Кристофоро Колумб открыл Америку. Флорентинец Америго Веспуччи ничего не открыл, но обскакал обоих, и Новый Свет стал в его честь называться Америкой, хотя должен был назваться Колумбией.

Венецианские иезуиты крестили Китай. Падуанские францисканцы крестили Кавказ. Миланские инженеры снабжали азиатов огнестрельным оружием. Генуэзские стратеги объясняли татарину Мамаю, как именно он должен вести сражение на Куликовом поле, и еще неизвестно, где бы были сегодня русские, если бы тот послушался их совета.

Азия была огромной и грозной. А Европа была крошечной и лежала в стороне от культурных краев. Но сердце мира билось в Европе, и громадные азиатские монархии отдавались европейским прохиндеям за связку бус. Глядя на итальянцев, собственными колониями стали обзаводиться и остальные европейские народы. Лучше всех это выходило у англичан.

5

Индия стала британской колонией через двести лет после окончания строительства Тадж-Махала. Москве предстояло стать колонией почти сразу после того, как был достроен Кремль.

Чтобы освоить Индию, англичане основали Ост-Индскую компанию. Чтобы колонизировать Московию, ими была основана Московская компания («Общество купцов и искателей стран и земель»). Первую эскадру «Общество» отправило на восток в 1557 году. Возглавил ее адмирал Уиллби. Сам адмирал в пути погиб, но миссию эскадра выполнила: путь на восток был проложен, русский Север приведен к покорности. Владычица морей обзавелась еще одним доминионом.

Вернувшихся моряков встречали, как триумфаторов. Поэт Уоркер сложил в их честь оду. В ней он перечислял новые владения британцев: Кольский полуостров, Обская губа, острова Белого моря, берега реки Печоры...

Москва в тот момент погрязла в бесперспективной Ливонской войне. Англичане снабжали ее новейшими моделями вооружения и военными советниками. За это нужно было платить. В течение следующих десяти лет Лондон монополизировал внешнюю торговлю Московии. Туземцы должны были истреблять друг друга в междоусобицах, а Британия должна была богатеть и править миром.

Всего за пятнадцать лет англичане скупили все уральские железные рудники, изгнали с русского Севера голландских конкурентов, основали на территории России несколько фортов и начали

чеканить здесь свою монету. Оставался финальный аккорд: местный вождь подписывает необходимые бумаги, власть переходит к британскому комиссару, аборигены приступают к работе на британских факториях либо отправляются воевать в составе туземных корпусов.

Так было в Новом Свете. Так было в Индии. Так было в британской Африке и Полинезии. Так должно было случиться и в Московии.

6

Как известно, на Спасских воротах Кремля высечена надпись: «Эта башня сооружена Пьетро Антонио Солари из Медиолана в лето Воплощения Господа 1491». Ничего особенного: несколько строчек на латинском языке. Триста лет подряд в Москве не находилось ни единого человека, способного прочесть древнеримские буквы. Европа на латыни молилась и спорила. В Москве надпись считали басурманским заклинанием и на всякий случай снимали перед ней шапки.

Все столицы нынешней Европы основаны римлянами. Было время, когда британский Лондон именовался «Лундинум», французский Париж — «Лютетией», итальянский Милан — «Медиоланумом», немецкий Кёльн — «Колонумом», австрийская Вена — «Вендибатуром»... Все, что мы сегодня называем Европой, когда-то называлось Римской империей. Восточнее Вены городов римляне не строили. Поэтому на Вене Европа и заканчивается.

Французы могли, сколько влезет, воевать с немцами и англичанами. Это было не страшно, потому что за спиной у всех них стоял Рим. За спиной Москвы стояла Золотая Орда — и это было уже принципиально.

Европейцы не собирались принимать татарскую Московию в свою компанию. Они мечтали о Риме и служили мессы на латыни. А в Московии носили высокие меховые шапки и писали кириллицей. Москва для Европы была чуждой. Только от Рима зависело, чего ты стоишь, а Москва не имела к Риму никакого отношения.

Сам Рим давно исчез. Тысячу лет назад семь его холмов заросли кустами, а древние амфитеатры были перестроены в крепости. Но мечта о Вечном городе осталась. Эта мечта сделала Европу Европой. Именно эта мечта гнала Марко Поло на восток, а Христофора Колумба на запад.

Много столетий эта мечта оставалась просто мечтой. Англичане собирались воплотить эту мечту в реальность. Пришел момент, когда они всерьез взялись за восстановление Империи. Британские офицеры водружали свои стяги на всех четырех известных тогда континентах. Казалось, еще немного, и величие павшего Рима будет восстановлено.

К Москве все это не имело никакого отношения. Она так и осталась бы медвежьим углом мироздания. Она бы умерла, расчлененная соседями, и некому было бы о ней заплакать. Но нашлась сила, которая не дала ей исчезнуть. Татарскую Московию неожиданно разбудили.

7

Дело было так.

После падения Царьграда уцелевшие члены византийской династии перебрались в Рим. Это было не странно, ведь только от Рима зависело, чего ты стоишь. Наследницей константинопольского престола считалась 12-летняя принцесса Зоя Палеолог. Как только девочка достигла брачного возраста, в Рим потянулись сваты со всей Европы.

Папа Павел II принимал в судьбе сиротки живейшее участие. Женихов одного за другим заворачивали назад. В конце концов Понтифик огласил решение, которое удивило всех. Зою было решено выдать за московского князя Ивана III.

Принцесса плакала и просила не высылать ее из солнечного Рима в варварскую «Страну Рос». Князь Иван (на две трети татарин по крови) тоже был не в восторге. Но спорить было бесполезно.

Царьград пал.

Третьим Римом вместо него назначалась Москва.

Все.

Заочное обручение Ивана и Зои состоялось в ватиканском соборе Святого Петра. В 1472 году свадебный кортеж через всю Европу двинул в Москву. В качестве приданого Зоя, взявшая в браке имя Софья, везла мужу новый герб — двуглавого орла. Кроме того, Ивану разрешалось отныне именоваться в официальных документах не «великим князем», а «царем».

Рим послал Москве открыточку с видом Стамбула. Казалось бы — ерунда. Но именно с этого момента для моей страны началась совсем иная история.

Некогда главной святыней одного из воинственных индийских княжеств была огромная статуя бога Шивы. Глазами статуе служили два гигантских алмаза. Камень из левой глазницы был прекрасного голубовато-зеленого оттенка и носил имя «Дериа-Нур» («Море света»). Правый был серый и назывался «Кох-и-Нур» («Гора света»).

Сотни лет камни хранились в глазницах, а потом были выковыряны оттуда и переместились в сокровищницу Великих Моголов. Как именно это произошло — загадка. То ли они достались в бою, когда гневные мусульманские всадники заливали Индию кровью и рубили идолов, ненавистных Единому Богу. То ли были принесены в качестве дара. То ли куплены у расхитителей святынь на рынках Голконды, где и до сих пор алмазной торговле отведена целая улица длиной в два часа пешего хода.

Шах Джахан так любил эту пару, что приказал огранить алмазы. Камни потеряли почти половину веса, зато теперь (хвастался султан) стоимость их в два раза больше, чем весь мир зарабатывает за целый год. В султанской сокровищнице камни заняли почетное место. Хлопнув опийной настоечки, Великие Моголы подолгу смотрели, как по граням скачут искорки света.

В 1737 году сокровищницу Моголов разграбили дикари-афганцы. И на этом этапе близнецы-алмазы разделились. Стального оттенка Кох-и-Нур отправился в Персию, а голубой Дериа-Нур всплыл в Амстердаме.

Говорят, за пределы Индии он был вывезен армянским коммерсантом, распоровшим себе ногу и зашившим бриллиант внутрь раны. В результате длительных махинаций камень достался русскому графу Григорию Орлову. То, что когда-то было левым глазом языческого идола, теперь стало подарком на именины матушке Екатерине II.

Государыня приняла презент с милостивой улыбкой. По ее повелению алмаз получил имя «Граф Орлов» и был вставлен в Большой Императорский скипетр Российской империи.

Брат-близнец нашего «Орлова», алмаз Кох-и-Нур, добирался до Европы на столетие дольше. Но все-таки добрался. В 1849 году он был подарен на день рождения дальней родственнице русских императоров, британской королеве Викторнии.

Королева приняла презент с милостивой улыбкой. По ее повелению алмаз получил дополнительную огранку и был вставлен в Большую корону Британской империи.

Индусы верили, что тот, кому принадлежат оба камня, будет владеть миром. Разумеется, разлученные близнецы должны были принадлежать не двум хозяевам, а одному-единственному хозяину. Борьба за их воссоединение шла двести лет. Театром военных действий служили три континента и четыре океана.

2

Императорский скипетр русских самодержцев хранится в Кремле, в самом охраняемом зале Гохрана. А Большая корона Британской империи лежит на витрине в лондонском Тауэре, в самом охраняемом зале Королевской сокровищницы.

Чтобы попасть в Тауэр, вам надо спуститься в лондонскую подземку и доехать до станции «Tower Hill». А если по той же зеленой ветке метро вы проедете на две остановки дальше, то попадете на станцию «Mile End». Там находится миленький клубик «Peoples». Хозяин заведения был приятелем моих приятелей. Как-то он свел меня со старыми британскими хиппи, державшими турагенство «Patna Roadfinders».

«Patna» отправляла желающих в Индию по старой хиппи-трассе через Турцию, Иран и Афганистан. Лет сорок назад этим маршрутом на Восток ездил волосатые экстремалы, типа Джорджа Харрисона и Тимоти Лири. Их Индия пахла сандалом, гашишем и потными девчонками, фанатками The Beatles. Лично я не способен насвистеть ни единого мотивчика легендарной четверки. Да и Восток мне не кажется таким уж прекрасным. В мое время оттуда ждут не мудрости, а удара. В середине 1990-х отправиться хиппи-трассой в Индию мог только самоубийца. Там сегодня живут не йоги и не Рави Шанкар, а талибы и Усама Бен Ладен. В Иране и Афганистане за мини-юбки и провоз гашиша на любом блок-посту немедленный расстрел.

«Patna Roadfinders» дышал на ладан. Клиенты появлялись раз в пару лет. Хозяевам на это было плевать. Туроператоры докуривали последние крохи из старых запасов и слушали ранние альбомы группы «Grateful Dead». Ничем другим заниматься они не собирались. Седогривые джентльмены были по-своему счастливы.

О допотопной hippie-road я много слышал еще и до этого. Несколько лет подряд я собирался с силами и все обещал себе, что когда-нибудь попробую проехать этой трассой. Но собрался только летом 1998-го. Ни одна поездка не давалась мне столь тяжело, как та.

3

Я — довольно бедный парень. Почти такой же бедный, как хиппи сорокалетней давности. И по миру я люблю кататься так же, как они. Но разница между хиппи и мной все-таки есть.

В 1960-х волосатые дети цветов ездили сквозь Азию автостопом. Лично я автостопом в своей жизни не проехал ни метра. Автостоп, попрошайничество, ночевание на скамейке, гашиш и свальный блуд — это не мой метод. Я готов на многое, но отель и обратный билет мне необходимы.

В середине августа я накопил-таки денег, самолетом добрался до Болгарии, пересек болгарско-турецкую границу и купил билет на поезд из Эдирне до наиболее восточного турецкого города Ван. Поезд был отличный, комфортабельный. От европейских он отличался только тем, что туалеты «М» и «Ж» были разведены в нем по разным концам вагона.

Из Вана я планировал попасть в Иран. Виза там не нужна, въехать в страну можно и без нее, главное потом получить штамп регистрации в ближайшем полицейском участке. Однако с иранской границы меня без объяснений завернули назад.

Турки показывали паспорта и пересекали границу. Пограничникам было лень на них даже смотреть. А мне с моим русским гражданством было велено валить туда, откуда пришел.

Я вернулся назад в Ван, переночевал в отеле и с утра попробовал пересечь границу еще раз. Я надеялся, что утренняя смена будет более сговорчивой. Я надеялся зря.

— Вы откуда?

— Русский. Из России.

— Вам отказано во въезде.

— Но почему?

Долгое молчание. Долгий взгляд черных мусульманских глаз.

— Что непонятно?

— Ничего не понятно! Почему все проходят, а я не могу?

— Властью, данной мне Исламской Республикой Иран, я отказываю вам во въезде. Вопросы?

На прощание пограничник званием помладше сказал, что сунусь снова — поймею кучу проблем. Я третий раз вернулся в Ван, провел в отеле еще одну ночь и стал думать: что теперь?

4

Я и до сих пор не понимаю, чем я не понравился Исламской республике. Не думаю, что дело в России, думаю, дело во мне лично. Не любить русских иранцам не за что: наши дивизии досюда не доходили. В Иран русских не пустили англичане.

Граница между мирами в этих краях видна четко. От Батуми до берегов Каспия по-русски понимает любой прохожий. А всего в тридцати километрах к югу, в иранском Тебризе, вам придется говорить уже по-английски. В узбекском Термезе — снова по-русски, а в индийском Дели — опять по-английски.

Эта линия начинается в Стамбуле и идет до тибетской Лхасы. К северу от нее стояли русские, к югу — британцы, а победа должна была достаться только одной империи. Два глаза Шивы, серый и голубой, плохо переносили разлуку.

В 1700 году не каждый европеец представлял, где именно находится государство по имени «Россия». А спустя всего семьдесят лет матушка-императрица Екатерина объединила под своей всемогущественнейшей дланью большую часть Восточной Европы и с интересом поглядывала на Западную.

При Екатерине Россия выиграла две русско-турецкие войны, а всего этих войн было двенадцать. Ни с одним государством мира русские не воевали столько, сколько с Турцией. И все двенадцать войн Россия выиграла.

Когда-то янычары покорили мир. Но теперь все было иначе. Второй Рим превратился всего лишь в Стамбул. А Москва перестала быть сестричкой Астрахани и Бахчисарая и стала следующим Римом — кто бы теперь осмелился ей противиться? Выродившихся янычар русские делали, как детей.

Двуглавый русский орел хищно озирался по сторонам всеми головами сразу. Византийская птица рвалась на родину, в Стамбул. На тульских заводах отлили православный крест для Святой Софии. Внук доброй императрицы, цесаревич Константин, учил греческий язык и готовился принять корону Царьграда. Ради обладания этим городом русские были готовы заплатить любую цену.

Правда, при Екатерине добить Османскую империю не удалось. За эту задачу взялся император Николай Павлович. В 1829 году его полки опять стояли под стенами Константинополя. От грохота русских барабанов снова сотрясались минареты и вода Босфора в ужасе бежала вспять... И опять ничего не вышло.

Последняя попытка была предпринята в 1870-х. Казалось, уж теперь-то Царьград будет наш. Ординарцы непобедимых русских генералов в бинокли рассматривали центр Стамбула и спорили: чей барин обустроится в городе лучше? Добить Турцию русские могли в течение 48 часов. Но за спиной турок вдруг заблестели английские кокарды — русский орел клюв к носу столкнулся с британским львом.

5

Выбора у меня не было. Из турецкого Вана мне пришлось двигаться на север, в экс-советское Закавказье: Ереван, Тбилиси, Евлах, Баку. На этой стадии с родины стали доходить сведения о грохнувшем дефолте. В 1998 году экономика моей страны рухнула, и за неделю рубль обесценился в пять раз, но я об этом еще не знал.

В Баку я сел на паром и переправился в туркменский город Туркменбаши. Это была совершенно не hippie-road. От этого я злился. Однако все еще оставалась надежда сделать крюк и через Среднюю Азию все-таки вырулить на пакистанское направление. Я продолжал двигаться на восток.

В Туркмении я сел на автобус, идущий до узбекской Бухары. Слухи о дефолте-98 становились все более ужасающими. Меня окружали серые от грязи азиатские нищие, а я думал только о том, как бы очень скоро мне и самому не оказаться таким же серым и вечноголодным азиатским нищим. Чтобы хоть как-то отвлечься, я смотрел в окно автобуса.

В 1864 году две тысячи русских пехотинцев выступили против 30-тысячной армии Кокандского хана, разгромили его и штурмом взяли Ташкент. Сразу после этого генерал Кауфман разгромил Бухарский эмират и взял священный город Самарканд. Три года войны — и вся Средняя Азия стала русской.

Англичане так и не дали русским добить турок. За это русские решили аннексировать британскую Индию. В Бухаре Кауфман посадил 8 тысяч своих пехотинцев на верблюдов, пересек непроходи-

мую пустыню Кызыл-Кум и присоединил к Империи последнее независимое ханство — Хивинское. Дорога на Индию была открыта.

Два глаза Шивы, серый и голубой, смотрели друг на друга с разных концов Европы. Две империи знали, что созданы друг для друга. Это знали русские, это знали британцы.

Сперва был Царьград, потом Персия и Индия, а к началу XX века наступил черед Тибета. Подлунный мир был слишком тесен, чтобы в нем могло существовать две империи. И Лондон, и Петербург светились сиянием павшего Рима. Англичане создали государство, какого не видывал мир. Лондон управлял семидесятью процентами поверхности земли. Но теперь против Британии встали русские, и земля закачалась у англичан под ногами.

Новая Россия не просто претендовала на место в Европе. Теперь она претендовала на ведущее место в Европе. Русские полки стояли у границ Европы, и континент поживался от ужаса. Батый не дошел до Атлантики, но эти-то дойдут! Жители жутких восточных степей, всадники в мохнатых азиатских шапках — как таких остановишь?

Мировая война была неизбежна: степь против островов, Андреевский стяг против Юнион-Джека: кто — русские или англичане?

6

В Бухаре я застрял почти на неделю. Моя гостиница называлась «Мехменхона». Она располагалась с обратной стороны самого высокого в мире минарета Калян. Район был запущенным даже по азиатским меркам. Как-то среди мусора разглядел сплюснутую дохлую кошку. Ее задние ноги кто-то недавно грыз. В другом месте поверх груды щебня лежал грязный отрубленный человеческий палец. Заняться было нечем.

В пустынях умершие культуры выглядят особенно омерзительно. Жарко, мутит от запахов, и вечная, въедающаяся под ногти, пыль. Никуда не деться от этой ужасной пыли.

В Узбекистане телевизоры ловили московский телеканал ОРТ. В первый раз за две недели я посмотрел выпуск русских новостей. Дикторши строили глазки и избегали называть вещи своими именами. Но было ясно: это пиздец. Нужно не маяться дурью, а возвращаться на историческую родину.

1998 год стал концом эпохи. По крайней мере для меня. До этого казалось, что все идет по восходящей. Да, я занимаюсь черт знает чем,

вечно сижу без денег и не понятно, что будет дальше. Но это просто потому, что я молод. Повзрелею и все будет ОК: зарплата, дом, семья... А теперь я, пропитанный пылью, сидел в Бухаре, сжимал в руках тающие купюры и ежился от ужаса: это навсегда. Пройдет пять лет, или двадцать пять — ничего не изменится.

Прежде казалось, будто мир устроен разумно и все мы, доведшись, станем похожи на собственных родителей. Будем работать, жить семьями, приходиться с работы и целовать детей... Тоже проживем долгую, разумно устроенную жизнь...

После 1998-го эти иллюзии рассеялись.

Я всегда буду таким, как сейчас. Вот она, моя жизнь — никакой другой жизни нет. Я всегда буду безденежным и никому не нужным. А через тридцать лет еще и безнадежно старым.

7

В небе над Бухарой даже в самый солнечный день торчал огрызок полумесяца. Это было не странно: что еще могло висеть в небе над таким городом, как этот? Я сутками лежал в гостиничном номере, смотрел на полумесяц и готов был разрыдаться. Жизнь моя оказалась пустой и никчемной. Чтобы в ней появился хоть какой-то смысл, в жизни ведь должно быть что-нибудь большое. Например, империя. Если бы я был молодым лейтенантом имперской армии, то не сидел бы в этой заднице и не маялся бы дурью, а сидел бы там, где приказано, и делал бы то, что должен делать.

Я не служил в армии. Но последнее время я иногда думаю, что зря. Быть офицером — прекрасный способ решить вопрос о смысле происходящего. Ты принимаешь присягу, и мир становится очень простым. Как бы ни обернулась жизнь, ты всегда будешь знать, что делать. У солдата дорога одна: идти и победить! Или умереть.

Двести лет подряд англичане кричали: *God Save The Queen!* Русские отвечали: Боже, царя храни! Тысячи таких же, как я, отправлялись черт знает куда и с мальчишескими улыбками отдавали молодые жизни ради великой цели. А потом это занятие всем надоело. Видел я молодых англичан: они наелись такими игрушками даже больше, чем русские.

Шестьдесят лет назад рухнула Британская империя. Пятнадцать лет назад развалился СССР. Ни Петербургу, ни Лондону Азия больше не нужна. Никому больше ничего не нужно. Люди по инер-

ции зарабатывают деньги, завоевывают женщин, продумывают жизненные стратегии — будто строят собственные (совсем крошечные) империи. В том, чтоб присоединять к России Стамбул, смысла было немного. Но в этих занятиях его нет вообще.

Я все еще торчал в Бухаре. На улице стояла жара. Деньги мои кончались, а на Родине бушевал дефолт. Жить даже ради самой высокой цели на свете было все равно бессмысленно. А жить ради маленькой цели было противно.

12. Рига, столица Латвии

1

В Петербург с визитом приехал модный французский писатель Фредерик Бегбедер. Осветить событие поручили моей знакомой телевизионной режиссерше. Она французского модника не читала, но знала, что читал я. Режиссерша позвонила, попросила ей помочь. Я согласился.

Снимать звезду договорились в гостинице. Часам к семи вечера съемочная бригада подъехала к отелю. Бегбедер спустился и предложил пообщаться в гостиничном ресторане. Рубашка, в которую он был одет, поражала воображение.

Телевизионщики задали писателю пару вопросов, записали ответы и, чтобы зря не тратить пленку, выключили камеру. Им было безразлично, что именно он ответит: в сюжете французскую речь все равно будет не слышно, а в переводе они смогут сказать за него то, что подходит по смыслу. Француз об этих нюансах не знал и продолжал кривляться еще минут сорок.

Совсем вечером в клубе «Полиглот» для Бегбедера устраивалась вечеринка. Из ресторана мы двинулись в клуб. Бегбедер сказал, что поедет с нами, и попросил немного подождать: он должен переодеться в вечернюю рубашку. В клубе было тесно. Все пили вино «Божоле-Нуво», потому что спонсором вечеринки выступила французская алкогольная компания.

Сразу, как только мы приехали, Бегбедер на минутку исчез, а появился уже с двумя ослепительными проститутками. Девицы были русскими, но Бегбедер уверял, что он познакомился с ними еще в прошлом году, в Париже, на дне рождения Лари Флинта. Прости-

тутки не очень понимали, куда попали, выглядели испуганными и по-русски спрашивали у Бегбедера, поедут ли они сегодня в дорожный ресторан «Акварель».

Писатель орал иногда, перекрикивая музыку:

— Водка-фор-эврррибади!

Или так:

— Оргия! Лет'с старт оргия!

Потом проститутки все-таки увезли его.

Может быть, им даже удалось доехать до «Акварели».

2

А я встретил на вечеринке в «Полиглоте» знакомую. Девушку звали Марта. Недавно она продала квартиру в СПб и уехала жить в Прибалтику. По слухам, отлично устроилась.

Я сказал:

— Привет! Сто лет тебя не видел.

Марта щекой коснулась моей щеки и сказала:

— Привет-привет!

Она спросила:

— Что ты пьешь?

— «Божоле». Тут больше ничего нет.

— С Бегбедером уже поболтал?

— Зачем это мне с ним болтать?

— Представляешь, он подарил мне свою книжку!

— Только не говори, что ты станешь ее читать.

— Ну, не стану. Все равно, приятно. У него смешные книжки?

— Нет.

— Нет? Жалко. Расскажи о себе. Как ты?

— Ничего.

— Все ездешь? Не надоело?

— А чем мне еще заниматься?

И Марта, и я родились в Петербурге. При этом познакомились мы с ней в Гоа (Индия), а виделись последний раз год назад в Амстердаме.

— Куда ездил теперь?

— Тебе это интересно?

— Не очень. Но ты все равно Расскажи.

— Две недели назад был в Хорватии.

- Там тепло?
- Еще как!
- Понравилось? Расскажи, что именно тебе понравилось в Хорватии?

(В Хорватию я ездил ровно перед Рождеством. Дома лежал грязный снег, а там было тепло и пахло апельсинами. Мне уже давно не было так хорошо. Крошечная страна. Крошечное средиземноморское счастье. Я провел в Хорватии всего две недели, и этого хватило, чтобы я забыл, каков он, мой собственный город.

Потом я прилетел домой, вышел из здания Пулково-2. Снаружи бродили люди с лицами собак. Снаружи простиралась слякоть и грязь. Вечная грязь и слякоть — особенно в глазах у людей. Самое мерзкое в любой поездке — это приехать домой и опять стать русским в толпе русских.)

Мы помолчали. Марта взяла себе еще бокальчик вина. Она спросила:

- В Ригу не собираешься?
- Хорошо там?
- Да уж лучше, чем здесь. Там Европа.
- Европа?
- Конечно, Европа! Обращаясь ко мне, не забудь добавлять слово «мисс», понял?
- Понял... мисс. Там действительно хорошо?
- Там отлично!
- Где ты там живешь?
- Я купила дом в самом центре города. В этом доме есть привидения.
- Привидения?
- Дом очень старый. Раньше в нем был монастырь. Говорят, семьсот лет назад два монаха попросили замуровать их в стену. Когда они умерли, стену просто заложили, и скелеты до сих пор находятся где-то внутри. Представляешь?

(Жить так, как я живу, невозможно, невыносимо, нет больше сил терпеть, и главное, незачем.

Марта уехала и чувствует себя счастливой. Какого черта я не могу жить так же?

Эта страна мне вовсе не мать — почему я должен ее терпеть?

*А ведь впереди еще кровь и ужасы финального распада страны. Зачем мне этот мертвый, остывающий мир и люди, окончательно не-
нужные друг другу?)*

Мы помолчали. Потом я спросил:

— Ты сама видела эти привидения?

Марта ответила:

— Нет.

3

— Я думаю, что из монахов, наверное, не получаются привидения. Души монахов, наверное, сразу попадают в рай.

— Не факт. Может, это были плохие монахи.

Из «Полиглота» мы перебрались в ирландский бар «Почтовый экспресс». Марта спросила:

— Какие у тебя планы?

— На вечер? Или вообще?

— На вечер.

— Не знаю. Уже поздно. А вообще, я бы тоже попробовал уехать из страны.

— Ты же пробовал. Ты же не можешь жить нигде, кроме своего города.

— Ну, да... Ну, не могу...

— У меня в пяти минутах ходьбы от дома течет рижская река.

— Да?

— Называется Даугава. Если по ней поплыть на запад, то попадешь в море.

— В какое море?

— В Балтийское. Наверное, в Балтийское. Не важно. Какое-то большое море. Раз в два дня я с приятелями укуриваюсь до полного аута, смотрю на реку и все думаю об этих замурованных мужиках. О монахах, похороненных в моем доме. Представляю, как умру и меня тоже с НИМИ замуруют.

— А я совсем лох. Вне Петербурга долго жить не могу. Марихуану не люблю. Тебе, наверное, смертельно скучно со мной, да?

— Сексом тоже не занимаешься?

— Почти совсем нет.

— И не хочется?

- Почти совсем нет. Привык уже.
 - Поезжай в Лондон. Ты же раньше хотел жить в Лондоне.
 - Больше не хочу.
 - Почему?
 - Там все давно умерло.
 - Тогда поезжай в Берлин.
 - В Берлине тоже все давно умерло. В Европе везде все давно умерло.
 - Здесь у тебя зато жизнь!
 - Здесь на Востоке жизни никогда не было. Но теперь ее нет и на Западе.
 - Что же делать?
 - Ничего. Дожить свою жизнь до конца и тоже стать мертвым. Как весь окружающий мир. Скоро Россия начнет разваливаться на куски и нас всех поубивают.
 - Вот так, да? Никакой надежды?
 - Я, знаешь, марихуану не люблю. Не в обиду присутствующим – на мир смотрю трезво.
 - Я, между прочим, тоже курю не очень часто.
 - Да? А как же замурованные мужики?
 - Что, « замурованные мужики »?
 - Мне казалось, ты укуриваешься через день.
 - Через день, это и есть не очень часто.
- Мы помолчали. Марта спросила:
- Вне Петербурга ты жить точно не можешь?

(Первый раз я думал уехать из России пятнадцать лет назад. В тот раз – в Нью-Йорк. Тогда я встречался с девушкой-американкой. Она выписала мне invitation и обещала помочь с грин-картой. Тогда мне казалось, что у меня все выйдет... что в Нью-Йорке я нужен... теперь-то я знаю, что я и дома никому не нужен.)

- Точно.
- Купи себе дом в Хорватии. Там хорошо?
- Там очень хорошо.
- Ну и купи. Сколько. интересно, там стоит дом?

(На самом деле, я узнавал, сколько там стоит дом. Я отлично знал, что за те деньги, за которые в Петербурге не купишь ничего, кроме клетушки на окраине, в Загребе можно купить особняк австро-венгерской постройки.)

Там, в Загребе, пожилые мужчины носят шейные платки, с утра бреются в парикмахерских, а потом до заката сидят в кофейнях. Кофе они пьют из маленьких чашечек. Людям не нужна большая родина, им нужна маленькая. Аккуратненькая европейская родина. Никаких надчеловеческих целей. Жизнь без единого события.

Сотни лет Хорватия была частью Австро-Венгерской империи. Но больше ею не является. Никто в мире не в силах ответить: где находилась эта Австро-Венгерская империя? Или Османская империя? Или Маньчжурская империя?

Хорватия — крошечная и прекрасная страна. Кофе там пьют из крошечных и прекрасных чашечек. В нынешнем мире не осталось империй — только кофейни.

Хороший был мир. Хорошая у него была история. Жаль, что нам из нее ничего не досталось.)

Марта махала бокалом с вином и смеялась:

— купишь себе дом. Заведешь хорватку. Станешь по утрам пить кофе в кофейнях. Как по-хорватски называется кофейня?

— «Кафич».

— Так просто? Тебе даже язык учить не придется! Будешь сидеть в «кафиче»... Читать свои книжки... Часами смотреть на море...

(Я бы все отдал за такую жизнь. Но я не могу.)

— женишься на хорватке. Или хотя бы не женишься, а просто так. Там красивые девушки? Ну и давай! Она тебе детей родит. Станешь водить их на хорватские пляжи. И в хорватскую школу. Может, хоть они будут не такими уродами, как мы!

(Я бы все отдал за такую жизнь. Но я не могу.)

— Станешь жить без русского ухарства. Там, наверное, никогда ничего не случается, в твоей Хорватии, да? Купи себе дом с балконом и видом на море. Закинешь ноги на ограждение балкона в тридцать лет и снимешь только, когда умрешь. В семьдесят шесть.

(Я бы все отдал за такую жизнь. Но я не могу.)

— Отличная перспектива.

- Не станешь пробовать?
 - Не стану.
 - Даже пробовать не станешь? Ну и дурак. Сгниешь тут, в своем болотном городе.
 - Ну, сгнию.
 - И жениться на хорватке не попробуешь?
 - Я боюсь жениться. Я боюсь быть с другими людьми, понимаешь?
 - Чего может быть страшного в браке?
 - А что я ей дам? У меня ни денег, ни работы. Как я стану ухаживать за будущей супругой? Мне даже поужинать ее не на что.
 - Тебе не приходило в голову, что даме может быть интересен не ужин, а лично ты?
 - Не приходило.
 - Давай купим еще вина?
 - На самом деле я люблю людей. Только мне трудно с ними. Я и девушек люблю. Только у той, которая со мной свяжется, жизнь будет ох как попорчена. Кто захочет жить с парнем, у которого ни денег, ни работы?..
 - Со мной же ты разговариваешь.
 - Разве это разговор?
 - Может, и сексом займемся?
 - Ты бы стала?
 - Нет, наверное. Но когда парень орет, что у него уже несколько лет не было девушки... Кто хочешь почувствует себя охотницей.
 - Я не орал. Ты спросила, я ответил.
 - Не злись. Давай купим еще вина.
- Мы помолчали.

(Даже я еще помню, как люди из России мечтали уехать в могучие западные державы. Но к началу XXI века что-то будто сломалось. Теперь все хотят жить в карликовых государствах-калевалах. В Финляндии, в Новой Зеландии, в Латвии... в Хорватии.

Чем карликовее, тем лучше. Чтобы там не было ничего могучего. Чтобы никогда ничего не происходило...)

Марта веселилась:

- Прекрати молчать. Поговори с девушкой. Что ты молчишь? Сейчас же расскажи мне о своей Хорватии! Там красиво?
- Очень.
- Это как что? Как Кипр?

— С ума сошла? Хорватия — это как Венеция, только маленькая. И туристов нет. Оттуда и ехать-то до Венеции часа три вместе с очередью на границе.

— Seriously?

— Там на побережье есть такой город, называется Ровинь. Я когда до него доехал, чуть не расплакался. Городок на холме, двери домов выходят на лагуну, над городком — венецианская башенка и абсолютная тишина.

— И что?

— Не понимаешь? Это в точности как Венеция, только все дешево и никаких туристов.

— Seriously?

— В Венецию хорошо приехать на недельку. Дольше ты там с ума сойдешь. А тут все то же самое, только все дешево и очень тихо.

— Ну так и поезжай! Я же, видишь, уехала!

(Я стану поздно просыпаться. Выходить на балкон. Смотреть на Адриатику. Пить кофе из крошечных чашечек. Разговаривать вполголоса и редко. Перестану биться в вечной русской истерике. Буду жить долго и тихо. Перееду в этот чудный край, и больше в моей жизни не произойдет ни единого события.)

Продать квартиру родителей. За эти деньги в городке Ровинь можно купить венецианское палаццо XVI века. Немного потратить на ремонт и жить. Идеальный вариант. Море. Улыбчивые девушки: с одной стороны такие же славянские, как я, а с другой все-таки средиземноморские.

Плохо только, что кофе здесь пьют из совсем крошечных чашечек. Не поймешь, то ли это они всерьез, то ли придуриваются. Я так не люблю. Но если надо — научусь.)

— Ну так и поезжай.

— Может, и уеду.

— Никуда ты не уедешь. Всю жизнь станешь мотаться с места на место. Всю жизнь будешь один. Проживешь несчастным и умрешь никому не нужным.

Мы помолчали. Вставая, Марта спросила.

— Ко мне точно не пойдешь? Секс там, то-сё?

— Нет. Спасибо.

— Тогда пока.

Она ушла.

Часть 4

ПУЛЯ ГОЛУБЫХ НЕБЕС

13. Вавилон, бывшая столица мира

1

Есть на планете места, где никогда не бывает зимы. Там круглый год играет пляжная музычка и даже в январе можно купаться. Обеденный перерыв там длится с полудня до 17.00, а для белых он длится вообще круглые сутки. Каких-то сто лет назад все эти прекрасные места были колониями.

В 1883 году «Международная компания спальных вагонов» запустила легендарный рейс Париж—Стамбул, больше известный как «Восточный экспресс». Рекламные постеры уверяли, что экспресс — самый роскошный способ передвижения с момента изобретения колеса.

Купе первого класса были оформлены по эскизам модного дизайнера Альфонса Мухи. Вагоны имели особую подвеску, поглощавшую стук колес. Оконные рамы были изготовлены из дорогостоящего красного дерева. К потолку были привешены бра из хрусталя. На полу лежали настоящие бухарские ковры. В каждом купе имелась отдельная ванная комната. В каждой ванной комнате имелись водопроводные краны из позолоченной бронзы.

Повара в вагон-ресторан организаторы аттракциона переманили из парижского Ritz. Отобедав, можно было перейти в обитый кожей сигарный вагон, в котором имелись неплохая библиотека и лучшая в Европе коллекция портвейнов.

До Стамбула «Восточный экспресс» шел 84 часа. Дальше можно было пересесть на «Багдадский экспресс», а в Багдаде — на индийский Royal Orient, иначе называемый «Дворец на колесах». Ты

прибываешь на вокзал, и туземцы почтительно сгибаются в поклоне: «Гуд морнинг, белый сахиб!»

Смуглые носильщики отнесут багаж, а если надо, то и тебя самого. Черный повар приготовит обед. Няня-филиппинка присмотрит за детьми. Ты можешь развалиться на веранде, пить свой кофе и лицом ловить бриз с океана. Курить кальян... Кататься на верблюдах... Или на слонах...

А можно с самого утра пить не кофе, а бурбон — кто осмелится спорить? Или не лицом ловить бриз, а круглыми сутками валять на кровати грудастых колониальных девок. Они станут радостно отдаваться за зеркальце и связку бус. Уходя, они поклонятся и со смущенной улыбкой скажут: «Спасибо, white sir!»

Если не хочется сидеть на одном месте, то можно отправиться в круиз по Нилу. Все то же самое, только за иллюминатором каждый день новые прекрасные виды. Круиз начинался в Александрии, в супердорогом мавританском отеле «Сесил», а заканчивался спустя девять дней в Асуане, на веранде отеля «Old-Cataracte» (любимом отеле Эрjouля Пуаро).

Люстры в каюты прогулочных теплоходов были заказаны точно такие же, как в холле отеля «Негреско» в Ницце: 1680 хрусталиков в каждой. Ковры изготовили мастера-ковроделы из Обюссона: чтобы повесить самый большой ковер в кают-компании, была задействована бригада из 14 рабочих и особый подъемник.

Длительность круиза составляла девять суток. Реклама уверяла, что это будут самые волшебные девять суток вашей жизни. На протяжении поездки пассажиры могли бесплатно получать фрукты и десерты. Вечерами на палубе их вниманию предлагались изысканные североитальянские вина. Каюты были отделаны мрамором и зеркалами. В этих зеркалах отразился весь XIX век.

2

Обидно: при разделе курортов англичанам досталась Индия. французам Сиам, а русским всего лишь Сочи и Юрмала. Европейцы катались «Восточным экспрессом» до Стамбула, а русские в то же самое время, прорубаясь через тайгу и сопки, строили самую длинную железную дорогу на планете — Транссибирскую магистраль.

Пару лет назад у меня кончился срок действия загранпаспорта. а денег, чтобы быстренько оформить новый, не было. Несколько

месяцев подряд я ездил внутри страны. Тоже неплохо: я побывал в куче мест, в которых давно собирался побывать, да как-то не вышло. Например, прокатился по Транссибу и съездил в Тыву.

Транссиб и до сих пор единственная внятная дорога через русскую Сибирь. Там, где при Александре III не проложили рельсы, передвигаться сегодня можно только с помощью вертолета. Маленькая буддийская Тыва как раз из таких мест. Транссибирские рельсы доведут вас только до Красноярска. Там придется пересест на местную электричку и доехать до города Абакана, стоящего у подножия Саянских гор. Через Саяны придется двигать уже не поездом, а на хлипкой «Газели».

Тыва — последнее территориальное приобретение русских. К СССР ее присоединили в 1944-м. Тут и до сих пор почти не говорят по-русски. Бедность настолько вопиющая, что зарезать вас могут просто за пару ботинок с целой подошвой.

К концу Второй мировой Тыва еще оставалась независимой, а хозяином мира в тот момент уже был СССР. Если бы русские захотели присоединить не крошечное буддистское княжество, а сделать весь Китай шестнадцатой республикой Союза — кто бы им помешал?

Русские подлодки стояли от Кубы до Антарктиды. Наши стратегические бомбардировщики вспарывали небо над Гималаями и Сахарой. Правда, потом все как-то пошло на спад. Русские ушли с Кубы, русские ушли из Индокитая, русские оставили Африку. Подлодки развернулись носами к дому. Бомбардировщики устало сложили крылья.

3

Главный туристический аттракцион Тывы — это монумент «Центр Азии». На берегу серого, грязного Енисея стоит рушащаяся бетонная болдовина. Именно так выглядит центр безбрежного континента.

Москва так и не осилила роль Третьего Рима — ну так хотя бы центр Азии станет наш. Думаю, за этим-то Тыву и присоединяли. Да только нет ничего важного в центре Азии. Точка как точка. Она совершенно ничего не означает.

Произнося слово «Азия», каждый представляет что-то свое. Один — минареты Стамбула. Другой — китайские пагоды. Эту дыру не захочет представлять никто. Тут ничего нет. Сюда совершенно незачем ехать.

Центр Азии лежит в Тыве. А центр мира совсем в другом месте. Об этом не принято говорить вслух, но у мира действительно есть центр. И русские всегда находились от этого центра страшно далеко. Поэтому-то в моей стране так невыносимо жить.

Еще одна местная достопримечательность: самый маленький буддийский монастырь России «Цеченлинг». Он расположен в городе Кызыле, столице Тывинской республики. Построен монастырь на личные средства министра РФ по чрезвычайным ситуациям Сергея Шойгу.

Архитектору хотелось изобразить что-нибудь в тибетском стиле. Из этого ничего не вышло. «Цеченлинг» — зрелище унылое. Ободранный фасад. Безграмотные монахи. Запах благовоний, в котором больше нет ничего благого — одна вонь. Обидно, но так же последнее время выглядят монастыри и моей собственной родины.

От великих русских монастырей остались ободранные фасады, безграмотные монахи и запах свечей. Кто сегодня поймет, зачем звонят колокола Троице-Сергиевой лавры? Каков смысл существования Оптиной пустыни и Валаама? Кто вспомнит имена похороненных здесь святых?

Когда-то на месте России располагалась Атлантида. Вернее, град Китеж. Потом все, что здесь было, превратилось в отражение на серой воде, а освободившееся про странство заселили совсем другие люди. По наследству им достались непонятные имена городов и рек. Не досталось только истории, на которую можно обращаться, чтобы стало полегче.

4

Как-то на Филиппинах я слышал, как здоровенный русский мужчина через переводчика объяснял аборигенам, что такое Россия, из которой он приехал. У мужчины были красные, сторевшие на солнце уши, мохнатая грудь и золотой православный крестик на груди.

— Короче, где находится Америка, ты знаешь?

Крошечные аборигены кивали черными головами:

— Конечно! Все знают, где находится Америка!

Русский расплывался в улыбке:

— Ну, вот! А все остальное в мире — это Россия и есть!

В середине 1980-х СССР вывел войска из Африки и Латинской Америки. В 1989-м последний русский солдат ушел из Афганиста-

на. То, что завоевывалось веками, теперь отдавали за просто так. Еще два года спустя русские ушли из Германии. Спустя еще год — из Прибалтики, Закавказья и Средней Азии. Думаю, и это не предел. Скоро ведь все будет иначе... Рано или поздно русские солдаты уйдут и из Татарстана, и из Якутии. Сожгут собственные базы на Каспии и на Курилах. Поймут, что не в силах удерживать Приамурье и Кольский полуостров. Отведут танки от казахской границы. Бросят остатки флота на Камчатке и Черном море...

В 1992-м (еще до Чечни) восстала крошечная буддийская Тыва. Тувинцы — охотники, оружие есть в каждом доме. Низенькие кривоногие люди объявили о выходе из состава России и начали район за районом зачищать территорию от белых. В тот раз бунт продолжался полгода. Его удалось-таки раздавить шипастыми траками русских БТРов. Но что будет, когда восстанет вся Сибирь?

5

Полтора века назад столицей Индии была Калькутта. Город населяли юные британские джентльмены в пробковых шлемах. Едва прибыв к месту службы, джентльмены объявляли, что для работы им необходимы переводчицы в возрасте от 14 лет. Набрав штат сотрудниц, молодые люди запирались дома и потом месяцами не выходили наружу, занимаясь только курением опия и штуками, рядом с которыми сексуальная революция хиппи — детский лепет.

Калькутта считалась самым развращенным городом мира, а второе и третье места делили Сайгон и Таити. Это были уже владения Франции. Французские джентльмены не носили пробковых шлемов, но в остальном от британских сверстников старались не отставать. Колониальный чиновник, гарем которого состоял менее чем из сотни туземок, мог считаться вполне нравственным типом.

Потом колонизаторы ушли, а привычка осталась. В сегодняшнем Таиланде самым подходящим возрастом потери невинности для девочек считается 8—10 лет. Есть семьи, где именно в этом возрасте мамы начинают обучать дочерей сложному искусству открывания пивных бутылок с помощью мышц влагалища.

На секс-туризме Таиланд делает почти столько же денег, сколько Россия на продаже нефти. При этом сам секс туристам не очень-то и интересен. Туристам интересно почувствовать себя богом.

Что ты представляешь собой дома? Жизнь твоя сера, и сам ты тоже сер. Дома ты никто, но заплати \$850, пролети пять часовых поясов и попадешь в фантастическое порно-кино. Именно ты сыграешь в нем главную роль. Крошечные женщины будут смотреть на тебя снизу вверх. Ты снимешь штаны, вывалишь наружу свой крошечный белый членик, и раскосоглазые тропические красотки от восторга разинут рот: вот это да! Пенис — песня.

Все это удовольствие стоит столько же, сколько дома банка пива. Так что на протяжении месячного отпуска можешь чувствовать себя белым богом. Взамен остальные одиннадцать месяцев в году тебе придется корячиться на службе и чувствовать себя чернокожим рабом.

6

Сегодня к теплым морям ездят за деньги. Сегодня все продается за деньги, даже преклонение перед вашим белым членом. А сто лет назад к морю ездили не с кошельком, а с автоматической винтовкой. Тогда-то член облизывали действительно от души. Это и называется колониализм.

Услужливый фотограф с тоненькими усиками и в шляпке-канотье щелкнет громоздким аппаратом. На карточке видны вы, ваша спутница и руины туземного храма. Может быть, войдет еще погонщик, под уздцы держащий слона. Деревенские парни в униформе в кадр не войдут.

Эти парни всегда есть. Именно их винтовки гарантируют: туземцы не перестанут улыбаться. Полвека назад эти парни вдруг исчезли, и счастье кончилось.

Кончалось оно везде одинаково. В город вползали липкие слухи: на подходе отряды тех, кто вчера был рабами. Только теперь вместо улыбок в их губах зажаты зазубренные ножи. На пристань в панике бежали тысячи людей с чемоданами. Женщины визжали в давке, и пароходы переворачивались под тяжестью пропитанных ужасом тел.

СССР был последней колониальной империей. Французская и Британская империи пережили все это несколько десятилетий назад и уже успели оправиться. Теперь пришла очередь моей страны.

Ровно в ту ночь, когда американцы штурмом взяли Багдад, иракское посольство в Москве ограбили. Неизвестные в масках проникли в здание, скрутили охранников и унесли с собой \$3 000 000. В том, что это дело рук самих посольских работников, не сомневался никто.

В то лето я последний раз пробовал пожить в Москве. Редактор газеты, для которой я писал, попросил меня осветить событие. Я позвонил в посольство и побеседовал с их пресс-секретарем.

— Можете звать меня просто: «доктор Мухаммад»,— представился тот.

Пресс-атташе оказался лысым негром. Здание посольства опечатала милиция, поэтому беседовали мы у него дома. Он показывал фотографии из личного архива. На некоторых доктор Мухаммад был сфотографирован с сыновьями Саддама Хусейна. Они были высокими. Их окружала толпа народа. Они улыбались.

За день до нашего разговора кто-то слил американцам данные о том, где скрываются эти улыбчивые парни. Сыновей Саддама не стали брать живыми. Их сожгли из огнеметов, всадили по контрольной пуле в голову. Патологоанатомы через край заштопали лопнувшую кожу, слегка подрумянили изувеченные лица, и в таком виде предъявили тела журналистам.

В начале XX века мир был поделен между пятью супердержавами. К началу XXI века супердержава осталась всего одна. Американцам нелегко нести это звание, но они стараются изо всех сил.

Хусейн сорок лет душил исламских радикалов по всему Ближнему Востоку. Американцы себе на голову уничтожили то, что он строил, за сорок дней. Вороватые арабы ноздрями втянули воздух: воздух пах бакшишем.

Сразу же, как только Багдад пал, иракцы бросились грабить собственное посольство. Кто-то спер деньги, кто-то вывез оргтехнику. Доктор Мухаммад, как я понимаю, подрезал чистые паспортные бланки. Он понимал, что второго такого шанса не будет. Из сложившейся ситуации он постарался выжать все. За интервью он требовал денег. Готов был продать любую информацию, но за очень дорого. Он звонил по многу раз в день. В основном с городского телефона на мой мобильный. Много и непонятно говорил. Иногда угрожал, что найдет на мою газету иракских подпольщиков. Иногда, наоборот,

улыбался, предлагал взять телефонное интервью у шиитского аятоллы и звал по поддельным паспортам съездить в Багдад.

Несколько раз он предлагал:

— Приезжайте. Я оформлю вас как иракского дипломата. Обязательно приезжайте в Багдад!

— Чего мне там делать?

— Я сделаю вам поддельный паспорт. У нас осталось много лишних бланков. По этим документам вы сможете кататься по всему миру, представляете?

(Скорее всего, как только я предъявлю на границе хусейновский паспорт, меня тут же посадят в тюрьму — и уже никогда оттуда не выпустят.)

— Приедете? Договорились?

— В Багдад?

— Конечно! В Багдад! Это самый красивый город в мире! Город-сон!

— Что я стану там делать?

— Чай пить станем! Я познакомлю вас с людьми из подполья.

— А Вавилон от Багдада далеко?

— Вавилон?

— Я читал, что руины древнего Вавилона находятся недалеко от Багдада. Это правда?

Доктор Мухаммад мрачнел и надолго замолкал.

— Нет больше Вавилона. Американцы его срыли. Три часа артподготовки, и от Вавилона не осталось ничего.

8

Двадцать семь столетий назад древнееврейский пророк Исайя писал:

Вавилон, прекраснейшее из царств,
Слава и гордость халдеев — погибнет!
Уже никогда в нем никто не поселится,
Вовеки никто не будет там обитать!
Там араб шатра не раскинёт,
Пастухи не пригонят туда свое стадо.
Дикие твари туда не придут,
Совами наполнятся дома,
Будут страусы там обитать,
Косматые демоны будут скакать!

Залают гиены в его твердых,
Завоют шакалы в роскошных дворцах.
Близок уже его срок,
Время Вавилона идет к концу!

Вавилон был самым огромным и самым прекрасным городом Древнего мира. Кроме того, он прожил настолько долгую жизнь, что всем казалось: Вавилон вечен. Теперь Исайя обещал: Вавилон скоро падет. От зиккуратов и висячих садов не останется ничего.

Современникам это известие казалось дико смешным. Послушать еврейского клоуна приходили толпы народу. Сам Исайя жил в медвежьем углу мира, в мало кому известном населенном пункте под названием Иерусалим. Исайя уверял: Иерусалим будет стоять вечно, а Вавилон падет. Слушатели покатывались со смеху.

Вавилонская башня (зиккурат Эль-Темен-Ан-Ки) больше двух тысяч лет оставалась самым высоким и самым роскошным зданием Азии. Когда строители закладывали первые камни в фундамент башни, кое-где на планете еще водились мамонты. Как может пасть это великое сооружение? Скорее уж луна упадет в море!

Все вокруг рушилось, но Вавилон стоял непоколебимо. Он пережил цивилизацию шумеров, империю ассирийцев, набеги египтян, вторжение хеттов и персидскую оккупацию. Все вокруг рано или поздно превращалось в прах. И только Вавилон по-прежнему стоял.

Вавилон просто не мог пасть. Но Исайя проорал свои пророчества — и Вавилон пал.

Что с ним случилось — до сих пор непонятно. Словно городу вдруг ампутировали позвоночник: хоп! — и он разучился стоять прямо. В первом веке нашей эры на развалинах необъятного города жило лишь несколько сотен деградантов. Спустя еще двести лет город полностью ушел под песок.

Вся история нашего мира — это комментарий на книгу пророка Исайи. Все произошло так, как и предсказывал древнееврейский пророк:

Умолкли веселые бубны,
Ликующих голосов не слышно,
Веселые арфы умолкли.
Уже не пьют вина, не поют песен —
Горьким кажется хмель.
Город вымер, опустел.
Заперты дома, в них не войти.

На улицах крики —
Город опустошен,
Ворота его разбиты.

Спустя еще две тысячи лет американцы полностью срыли руины Вавилона. Самый древний город мира перестал существовать. Над пустыней, как и было обещано, теперь звучит только страшный хохот шакалов. Скоро весь наш мир превратится в такую же пустыню.

14. Александрия, бывшая столица мира

1

Знакомая телевизионная режиссерша позвонила и сказала, что сегодня они снимают реальную звезду порно-кинематографа. Если мне интересно, я могу подтягиваться к часу в Эрмитаж.

Я удивился:

— Вы будете снимать порно-актера в эрмитажных интерьерах?

— Этот умник в Эрмитаже работает, представь? Днем сидит в греческом зале, а вечерами направо-налево машет членом. Гармонично, блин, развитая личность.

— Ты про это снимаешь?

— Не про это. Я снимаю про то, что жизнь — очень интересная штука. Эрмитажные работники снимаются в порно. Жену шведского дипломата застукали в свингер-клубе на Садовой. Оперная певица недавно загремела в вытрезвитель. Сколько возможностей проявить себя! А зрители ленятся выйти из дому.

Пронести телевизионную аппаратуру во внутренние помещения Государственного Эрмитажа не легче, чем бомбу на территорию ядерного полигона. Перед служебным входом телевизионная бригада просидела часа полтора. Я с режиссершей выходил на набережную курить сигареты. Накануне она уже посмотрела киношку с участием сегодняшнего героя. Режиссерша волновалась и повторяла: «Знаешь, какой у него член? Вот такенный!»

С Невы дуло.

Потом все подписи были наконец собраны и необходимые решения получены. Пожилая женщина с бэджом «ГосЭрмитаж» длинными коридорами провела нас к античному отделу. По дороге

она спросила, какую именно выставку мы собираемся снимать? Я сказал, что мы, собственно, не выставку. Она спросила, а что же тогда? Я ответил, что репортаж будет о нелегком труде эрмитажных сотрудников. Она покачала головой.

Народу в античном отделе было немного. Телевизионщики начали устанавливать свет. Вокруг стояли боги умершего мира. Они символизировали жизнь. Порноактер с вот такенным членом — тоже. Режиссерша показала, куда именно порностар должен встать и куда смотреть.

— Готов? Снимаем! Первый вопрос. Давай поговорим о том, как ты умудряешься совмещать чисто академическую карьеру и порно. Тебя это внутренне не раскалывает?

Порно-стар вел себя, как баран. Как только включили камеру, он выпучил глаза и начал бубнить, что не делает ничего плохого. Он делает девиц счастливыми, заставляет их испытывать оргазм, а оргазм — это очень приятно и, значит, он не делает ничего плохого.

2

Парень занимался безнравственным бизнесом и прекрасно это понимал. Он спал с множеством женщин и получал за это бабки, но счастливым это его не делало. Вспотевшая от напряжения режиссерша наконец велела выключить камеру. Ни единого внятного ответа от парня она так и не добилась. Сказав на прощание, что у человека прекрасным бывает что-нибудь одно: либо член, либо башка, а и то, и другое вместе не бывает, телевизионщики отчалили. А я остался погулять по Эрмитажу.

Высеченные из мрамора похотливые античные женщины с презрением смотрели на окружающий мир. Мир изменялся каждую секунду — женщины были почти вечны. Правда, время соскребло их лица, отломало статуям руки и ноги, и сегодня взгляды статуй уже не казались такими уж презрительными.

Бесконечные ряды мраморных болванок. Тысячи искалеченных зевсов и афродит. Осколки чего-то такого, чего уже никто не помнит. С детства терпеть не мог этих коротконогих мраморных женщин и их широколицых мраморных мужчин.

Кто сказал, что Античность — бабушка современной Европы? Эрмитажные груды мрамора вовсе не перешли к нам по наследству

от прародителей. Статуи, выставленные в европейских музеях, были просто украдены европейцами у азиатских мусульман.

Чтобы сомнений в этом не возникало, подписи под статуями общали, откуда именно в Эрмитаж было свезено все это добро. Подписи можно было разгадывать, как ребус: догадаешься ли ты, что малоазийский Бергам — это античный Пергам? Что турецкий Эдирне — это древний Адрианополь? Что сирийская Антакья — это великая Антиохия? Сможешь ли ты прочесть мусульманские названия так, чтобы узнать в них знакомые античные?

3

Три самых прекрасных места на планете — это Калифорния, Полинезия и Средиземноморье. Если бы я мог жить хоть где-то, кроме своего покрытого инеем города, то только в одном из этих мест. Минус один: до Калифорнии и Полинезии безумно дорого добираться. Просто безумно дорого! Зато вокруг Средиземного моря я как-то объехал, имея в кармане всего \$650 плюс обратный билет.

План в тот раз был такой. Через турагентство я оформляю себе шенгенскую визу и вылетаю в Испанию. Обратный билет в «Аэрофлоте» я покупаю с открытым пунктом отправления. Из Испании я начинаю двигаться по часовой стрелке на восток. Доехав до конца Шенгена, дальше страны со строгим визовым режимом я пропускаю, а внутри безвизовых стараюсь передвигаться наземным транспортом. Там, где кончатся деньги, я меняю билет на ближайший рейс до Москвы и возвращаюсь домой.

Небезупречный план, но он удался. Испанская Тарагона — французский Арль — итальянский Турин — византийская Равенна — греческие Салоники... Дольше всего я задержался в Турции — на десять дней. Турцию немного портят турки, но в остальном это райский уголок. Вот курортный городок Сельчук. Две тысячи лет назад он назывался Эфес, и посреди города тогда стоял храм Артемиды Эфесской — одно из семи чудес античного света.

Сперва храм спалил Герострат, потом его восстановили, потом опять сожгли, под конец город занесло илом, а сто сорок лет назад место, где он стоял, расчистили, и образовавшийся пустырь стали за бабки показывать туристам из Европы.

Час езды от Сельчука, и вы на главном турецком курорте Мармарис. В сезон самолеты из России приземляются здесь ежеминут-

но. Пляж усыпан телами челябинских домохозяек. Развлечений в Мармарисе немного. Поел, на пляж, снова к столу. Можно, впрочем, нанять на набережной катерок и съездить на соседний остров Родос. Визу заранее делать не надо, и стоит она меньше \$15. Челябинские домохозяйки никогда не ездят на Родос: на Родосе нет радости, а в отелях all inclusive — есть.

Две с половиной тысячи лет назад на Родосе стоял бронзовый Родосский колосс — второе после эфесского храма чудо света. Простоял он всего семьдесят лет, а потом во время землетрясения рухнул. Остатки статуи продали на переплавку. Сегодня на месте, где стоял колосс, построен замок Великих магистров Мальтийского ордена. В наши дни в замке проводятся танцы и световое шоу для туристов.

Турция полна античных руин. Римских храмов здесь куда больше, чем в Риме. В получасе езды от Мармариса лежит еще один турецкий курорт: Бодрум. Не город, а сказка. Турок почти не видно: одни туристы. На улице Джумхуриет в кафешках играет не осточертевший Таркан, а реальный джаз. Минареты утопают в средиземноморской зелени. По извилистым дорожкам, как в рекламных роликах, не торопясь трусит лопухий ослик, запряженный в арбу.

В античные времена Бодрум назвался Галикарнас. Здесь некогда жил царь Мавзол, гробница которого носила название Мавзолей и тоже считалась чудом света. Две тысячи лет Мавзолей простоял нетронутым, а потом земля вздрогнула под копытами тюркских коней, воздух запах войной, и крестоносцы перестроили чудо света в рыцарский замок, но это не помогло, и тюрки все равно стали хозяевами Галикарнаса, правда, потом все еще несколько раз изменилось и сегодня турок в Бодруме почти не видно: одни туристы. На улице Джумхуриет в кафешках играет не осточертевший Таркан, а реальный джаз.

4

Семь чудес античного мира лежали на землях нынешних Турции, Сирии, Египта и Ирака. Именно эти страны и являются наследниками античной цивилизации. Но от самой античности там не осталось ничего.

От храма Артемиды Эфесской не осталось ничего. От колосса Родосского не осталось ничего. От Мавзолея в Галикарнасе не осталось ничего. От висячих садов Семирамиды не осталось ничего.

Средиземноморье все еще прекрасно. Море все еще лижет теплый берег. Но того, что здесь было, больше нет. От целого мира, от миллионов жизней не осталось ничего.

Завороженные туристы шагают по мраморным наборным полам, рассматривают стершиеся лица изваяний и не понимают, куда попали:

— Это храм, да? Древние здесь молились, да?

Экскурсоводы объясняют:

— Древние здесь мылись. Это баня. Здесь они раздевались, проходили вот сюда, тут их тела натирали маслом, а вот здесь они сутки напролет лежали в джакузи и болтали о том о сем.

Главное, что осталось от Античности,— это развалины бань. Древние греки проводили в банях круглые сутки. Средневековые мусульмане — тоже. Куда торопиться? Знаменитое азиатское спокойствие — это ведь оборотная сторона отчаяния. Беги не беги, все равно ничего не изменишь. А в бане прохладно и умиротворяюще течет вода...

5

Из семи чудес до нашего времени дожило одно: египетские пирамиды. Тысячелетия назад пирамиды стояли посреди пустыни. Сегодня они — ближний пригород Каира. Погрызенный временем сфинкс с тоской смотрит на расположенную у него прямо между лап закусочную KFC.

Четыре часа езды на комфортабельном египетском поезде, и из пыльного Каира вы попадаете в аль-Искандерию, она же — Александрия Египетская. Старожилы еще помнят, как пятьдесят лет назад в этом городе можно было смело подходить к любой женщине на улице и называть цену. Если цена устраивала, женщина пойдет с тобой. Если нет, вежливо откажется. По лицу не получишь, это точно! Такой уж город.

Под нынешней Александрией лежит восемь метров культурного слоя — руин и костей. Люди в этом городе делали вид, будто все еще живы. Они прижимали к своим телам чужие женские туловища и кожей чувствовали дыхание другого человека. От этого людям казалось, будто смерти не будет. Чтобы эта иллюзия у клиентов длилась как можно дольше, несовершеннолетние александрийские проститутки часто-часто всхлипывали и тазом выписывали головокружи-

тельные овалы, но все это бесполезно, потому что восьмиметровый культурный слой скоро станет девятиметровым, а потом двенадцатиметровым... правда, новые девицы для подпольных борделей найдутся, наверное, и тогда.

Античным людям казалось, что их мир вечен. Современным горожанам тоже так кажется. Но от Античности не осталось ничего — что останется от нашего мира?

К моменту, когда в Александрию приехал я, исламские фундаменталисты позакрывали все сорок тысяч публичных домов, все десять тысяч дансингов, все бесчисленное количество александрийских пабов с танцем живота, изгнали проституток с тесных улиц, и даже кофейню здесь теперь можно найти с большим трудом. Единственный признак былой распущенности: туалеты в местных барах. Писсуары прилеплены прямо к барным стойкам и от зала отгорожены прозрачными занавесочками.

Главная достопримечательность нынешней Александрии — форт Кайт-бей. Желтая игрушечная крепость на фоне моря. Внутри — недействующая мечеть, морской аквариум и выставка смешных мамелюкских пушечек. Крепость построена на сваях, забитых при строительстве древнего Фаросского маяка. Это последнее, седьмое, чудо света.

От форта Кайт-бей начинается главная александрийская набережная Корниш. Синее небо, белые здания, пустая шестиполосная автострада. В ландо катаются редкие туристы. Вечерами над Корнишем светят здоровенные средиземноморские звезды. Если бы разбираться в их рисунке, то, наверное, можно было бы найти и крошечное созвездие Волос Береники.

Тысячи лет назад в Александрии жила царица Береника. В честь ее волос было названо созвездие. Именно в Александрии небосклон был разделен на двенадцать знаков Зодиака. Знаки получили названия в честь местных, египетских знаменитостей. Именно александрийские астрономы присвоили звездам те имена, которыми мы пользуемся до сих пор. И вот звезды по-прежнему светят, а от древней Александрии не осталось ничего. Только трамвайная остановка «Лагерь Цезаря» и восемь метров культурного слоя.

Нынешняя Александрия — это минареты, шумные базары, греческие пирожковые, заколоченные синагоги, провонявшие арабами улицы... Старики в белых балахонах сидят на неудобных деревянных стульях и курят бесконечный кальян. Повизгивают таксисты и муэдзины... Мир родился, мир умер — Азии наплевать.

У писателя Эдгара Райза Берроуза есть смешной роман о том, как лет через пятьсот американцы откроют Старый Свет. Мол, Европа давно одичала, погрузилась во мглу, и даже память о ней стерлась. И вот новый американский Колумб отплывает к ее берегам и боится: что там, за диким восточным краем горизонта? А потом он натывается на заселенные дикарями европейские берега и не может понять, что за народ оставил эти величественные руины?

Бывает так, что мир умирает. Последний раз такое случилось полтора тысячелетия назад. Тогда умирала Античность — самая красивая цивилизация истории. Все, чем гордились античные люди, все их главные войны и главные книги остались в прошлом. Полторы тысячи лет назад их мир подошел к концу.

Античность умирала, но сами античные люди этого не понимали. Для людей античности все вроде бы продолжалось.

Вечный Рим пал под ударами варваров, но Рим лежал далеко на западе. Здесь, в теплом античном Средиземноморье, думать об этом никому не хотелось. Здесь лето длится 364 дня в году, и кто стал бы думать о суровом западном Риме и о его суровых западных мечтах? Здесь солнце было ласковым, и волны лизали камни, и ничто никогда не могло измениться. Еще через несколько веков античные земли были завоеваны мусульманами, но даже это ничего не изменило.

Пророк Мухаммад скончался в 632-м. Отныне правоверными должен был править «халиф» — заместитель Пророка на земле. Халифы могли меняться, система оставалась неизменной: Аллах — на небе, халиф — на земле, и, значит, все хорошо. Первый заместитель Пророка, поэт и рубака Абу Бакр, двинул свои отряды за пределы Аравии. Он захватил Александрию и превратил ее в аль-Искандерию. Город пережил это не поморщившись, а так же равнодушно пережил еще несколько смертей и рождений подряд.

Кочевники пустыни дали региону новый арабский язык и новую исламскую религию. Сразу после этого они растворились в завоеванных райских землях, как сахар в стакане черного египетского чая. Те же люди продолжали вести тот же образ жизни. В Средиземноморье никогда ничего не меняется.

Море. Прохладные колоннады. Носатые люди, сидя в бане, ведут бесконечные философские разговоры. Мир возник... Мир ис-

чез... Всем наплевать... Кроме тех, кто умирает... Кроме тех, чья жизнь в стогах и мучениях заканчивается навсегда...

7

В Александрии за взятку в \$17 я купил себе марокканскую визу. Это было не очень законно, зато быстро. На этом мои деньги кончились. Пора было возвращаться в Петербург и немного подзаработать. Но на то, чтобы три дня пожить в городе Марракеше, где когда-то отжигал наркоман и убийца Уильям Берроуз, денег еще хватало.

Из Египта в Королевство Марокко я прилетел на тарахтящем самолётике местной авиалинии. На день съездил в священный мусульманский город Мулдай-Идрик, а потом вернулся назад в Марракеш. Там я поселился в самом проститутском районе города, но даже не догадывался об этом. Мне казалось, что это просто самый грязный городской район планеты — и больше ничего.

То есть я, конечно, замечал мужчин, вечерами ныряющих в темные переулки, и странные разговорчики шепотом, и общую нервную обстановку. Но как-то не обращал внимания. До тех пор, пока прямо на улице ко мне не подошел развязанный подросток и не предложил «пристроить банану». На вопрос, что это означает, он потупился и сказал, что массаж... то-сё...

Я удивился. Славянские проститутки всегда предпочитали богатынских иностранцев. Но в странах ислама проституция — продукт исключительно внутреннего потребления. Сунетесь в квартал красных фонарей — и как минимум проведете ночь в полицейском участке. Белому не светит ничего — это аксиома, а тот, кто в ней усомнится, поймет кучу геморроя.

Я посмотрел на распущенного подростка повнимательнее. Я не хотел иметь кучу геморроя.

— Пойдете или нет?

— А что конкретнее там будет, если пойду? Расскажи!

— Молодые девочки. Тело крепкое. Как дыня.

Ну, да. Дыня выросла — ее пора есть. Девушки тоже выросли — с ними пора спать. Очень естественный подход к вопросам пола.

— Девки — чмок! По-разному умеют. И выпить там можно.

Мальчишка особенно упирал на алкоголь. Там, куда он меня звал, будут не только телки, но и пиво. Он выпучивал глаза и шипел: be-e-egrr! Только об этом — никому ни слова!

— О пиве? Или о телках?

— Да какие телки? Конечно, о пиве!

Почему нельзя продавать запрещенное Кораном пиво, азиатский мальчишка понимал. Почему нельзя продавать чужое тело — нет.

— Идете или нет?

Я задумался. Представить, как могла бы выглядеть проституция в этой дыре, не получалось. Не снимая платка-хиджаба, глубоко запихивать себе в рот вонючие арабские члены? Нет, не получалось...

— Хорошо. Пошли ходим. Я не стану ничего покупать. Но если ты покажешь мне продажных женщин, я дам тебе один американский доллар. Идет?

Мальчишка кивнул. Мы несколько раз свернули в переулки. Становилось все темнее и грязнее, хотя уже после первого поворота казалось, что грязнее некуда. Потом мы остановились перед широким дверным проемом, занавешенным бесформенной тряпкой.

— Здесь?

Он кивнул. Темно было так, что я не мог разглядеть даже мальчишкиного лица. Я дал ему доллар, откинул тряпку, зашел внутрь и осмотрелся. То, что я увидел внутри, было по-настоящему омерзительно.

15. Нью-Йорк, нынешняя столица мира

1

Посреди нью-йоркского Централ-парка стоит древнеегипетский обелиск. Нью-йоркеры называют его «Игла Клеопатры». Обелиск был изготовлен три с половиной тысячи лет назад, при фараоне Тутмосе III. Сегодня на фоне нью-йоркских небоскребов он смотрится жалко.

Монумент весит сотни тонн. Кажется, будто он стоял здесь всегда. И останется тоже навсегда. На самом деле нет в мире более непоседливых штук, чем многотонные древнеегипетские монументы.

В Нью-Йорке я бывал многократно. Последний раз полтора года назад. Я прилетел под утро, кинул вещи в маленьком хостеле, принял душ, выпил кофе, прогулялся по Виллиджам, съел хот-дог, не заметил, как стемнело, вечером, перекрикивая музыку, пытался общаться с барменом, а на утро сидел под «Иглой Клеопатры», курил, прижимал ко лбу холодную «коку» и пытался понять, почему от всех взятых из дому денег теперь осталась только треть.

Не стоило Колумбу открывать эту сторону планеты. Отсюда в Старый Свет были привезены лишь галлюциногенные грибы, табак, ядерное оружие и сифилис. Кроме этой мысли, в голове вертелся вопрос: зачем я вчера пил водку?

— Позвольте к вам обратиться, юный джентльмен? Уделите мне немного времени?

Надо мной нависал симпатичный американский дядька. Он был из таких, знаете, вызывающих расположение с первого взгляда. Седая подстриженная борода. Добрые морщинки вокруг глаз. Непьющий Хемингуэй.

В руках он держал толстую книгу. Я подвинулся на скамейке. Дядька сказал, что хочет сообщить мне крайне важную штуку. Дело в том, что моя жизнь нуждается в исправлении, а если я не знаю, как это делается, то он мне сейчас расскажет.

— Вы готовы всем сердцем принять то, что я вам сообщу?

Я сказал, что в принципе не против. Чтобы не дымить на собеседника, я даже выкинул только что прикуренную сигарету. Я и в самом деле был не прочь послушать о Царстве Небесном. Иногда мне бывает жаль, что я не веду ту жизнь, которую бродячие проповедники советуют мне вести. Но я надеюсь, что когда-нибудь жизнь моя все-таки изменится к лучшему.

Дядька открыл свою книгу. Страницы ее были размечены маркером. Он начал говорить, и я обнаружил, что в руках у него вовсе не та книга, о которой я подумал.

— Сура «Корова», аят 25-й! Вы видите? Здесь написано!..

— Это Коран? Вы собираетесь рассказать мне о Коране?

— Да, юный джентльмен!

— Но почему именно Коран?

— Потому что это священная Книга Пророка — да благословит его Аллах и да приветствует!

Я рассмеялся. Если ужасный ислам нельзя победить, то можно хотя бы перейти на его сторону. Я извинился, встал, сказал, что мне пора, и ушел. Седобородый апостол ислама остался сидеть. Он был смешным и жалким.

2

«Игла Клеопатры» приехала в Нью-Йорк из Египта. Как и тот единственный парень, который предстал-таки перед судом по

обвинению в причастности к теракту 11 сентября. Кто именно обрушил самолеты на Нью-Йорк, так до сих пор и не известно. Зато известно, что тот парень получил пожизненное.

Каждой нации нужен враг. И вот после долгого перерыва США опять отыскиали себе врага. Американцы искренне поверили, будто ислам XXI века — гораздо более опасная штука, чем коммунисты XX. А ведь еще лет сорок назад такая фобия показалась бы полной чужью.

Триста последних лет ислам дряхлел и умирал. Потом он вроде бы наконец умер. Все облегченно вздохнули. Но в 1973 году в разгар очередной арабо-израильской войны нефтедобывающие государства Персидского залива объявили, что прекращают отгрузку нефти израильским союзникам. Цены на бензин моментально скакнули вверх — и с тех пор уже никогда не опускались до прежнего уровня. Именно с этого момента нефть стала основой мировой экономики. Мусульманские государства впервые в новейшей истории стали богаты. Сперва просто богаты, а потом фантастически богаты.

Собственно никаких других резонансов для разговора об исламской угрозе и нет. Есть просто очень много денег, оставшихся от экспорта нефти. Советский Союз использовал эти деньги для помощи иностранным коммунистам. Саудовская Аравия на те же самые деньги поддерживала братьев-мусульман. А оплачивали и то, и другое американские автолюбители.

Утешает одно: последняя тонна нефти сгорит в автомобильном двигателе не позже 2010 года. Деньги от экспорта кончатся, арабы опять станут бедны, как были бедны всего полвека назад, и ислам исчезнет так же, как исчез Коминтерн. Впрочем, можно не сомневаться: к тому времени голливудские продюсеры непременно придумают для земляков какого-нибудь нового врага.

Ислам называют молодой религией, потому что возник он на 624 года позже христианства. Но что такое 624 года для Господа вечности?

3

Реально ислам давно умер от старости. Я могу назвать вам даже точную дату его смерти: 17 ноября 1922 года.

Полтора тысячелетия во главе правоверных стоял халиф — заместитель Пророка на земле. Халифы могли меняться, система

оставалась неизменной: Аллах — на небе, халиф — на земле, и, значит, все хорошо.

Последним халифом в истории ислама стал Мехмет VI Вахиддин. Большую часть жизни он провел в гареме своего стамбульского дворца. До 67 лет он ни разу в жизни не выходил на улицу. А 17 ноября 1922 года вышел: на английском крейсере халиф сбежал из собственной столицы, отрекся от титула повелителя правоверных и кончил жизнь как гражданское лицо на вилле под Римом. Турецкое Национальное собрание объявило, что титул халифа отныне упраздняется. История ислама была окончена.

Начало XX века для империй было тяжким временем. Русская Февральская революция... Синьхайская революция в Китае... крах Австро-Венгрии... анархический путч в Испании... веселая безымянная революция в Мексике... революция младотурок в Османской империи. Священные империи рушились одна за другой.

К 1920-м годам священного в мире почти совсем не осталось. Каждый стал сам себе господин. Последний халиф истории предпочел не править правоверными, а резаться в казино. После отречения от титула в свите Мехмета остались один чернокожий евнух и всего две жены. Дворец Топкапы в Стамбуле (бывшая резиденция халифа) был превращен в музей. Все, что осталось от ислама, после 1922 года это тоже один сплошной музей.

4

Перед дворцом Топкапы в Стамбуле стоит точно такой же обелиск, как в нью-йоркском Централ-парке. При халифах с вершины обелиска протягивали веревку до соседней колонны. По ней с завязанными глазами ходили канатоходцы. Иногда они падали и разбивались насмерть. Это жителям столицы нравилось особенно.

Обелиск был привезен в Город по приказу византийского императора Константина. В те годы Стамбул еще назывался Константинополь. Император заботился о городе, названном в его честь. Из Египта в Константинополь доставлялись древние обелиски. Из Иерусалима — христианские святыни. Из первого, предыдущего Рима — античные статуи и барельефы.

Тысячу лет подряд Константинополь оставался главным музеем мира. Сегодня из всего этого богатства выжил только древнеегипетский обелиск, стоящий перед дворцом халифа в Топкапы.

Нет на свете более непоседливых штук, чем гигантские монументы. После захвата Афин древние римляне вывезли оттуда 250 подвод статуй. После того как столица была переведена из Рима в Константинополь, те же самые 250 подвод двинулись в обратном направлении.

Семь чудес античного мира располагались в Азии. Все, кроме одного: гигантской статуи Зевса. Когда-то позолоченный Зевс стоял в древнем городе Олимпия. Император Константин распорядился демонтировать скульптуру и тоже перевезти ее в новую столицу. В Константинополь отвезли и гигантскую металлическую статую Афины. Когда-то статуя стояла на афинском Акрополе, и солнце, отражаясь на острие ее копья, было маяком для судов. Обе легендарные скульптуры прибыли в Константинополь и тут же потерялись. Второй Рим — очень большой город. Статуи размером с пятиэтажный дом пропадают в нем без следа.

Жителям Константинополя казалось, что свезенное в их город добро у них навсегда и останется. Но Константинополь был разграблен гогочущими венецианцами, а потом еще и улюлюкающими турками, а потом сюда повадились европейские коллекционеры, и древние реликвии опять разлетелись по свету.

Мы тоже не знаем, где через тысячелетие окажутся монументы, которые сегодня олицетворяют для нас неизбежность. Не перевезут ли все изваяния острова Пасхи в лос-анджелесский Диснейленд? Не отправится ли Эйфелева башня постоять на главной площади Шанхая? Не продадут ли священный «черный» исламский камень из Мекки анонимному нью-йоркскому коллекционеру? Не окажется ли петербургский Медный всадник стоящим где-нибудь на главной площади чеченской столицы?

Сегодня египетские монументы стоят в Стамбуле, Париже, Петербурге и Нью-Йорке — куда увезут их те, кто рано или поздно придет разграбить и сжечь эти города?

5

Говорят, лет восемьдесят назад власти моего города решили почистить дно Невы возле Академии художеств. На набережную, украшенную египетскими сфинксами, подъехала бригада водолазов. Первый из них натянул скафандр, нырнул в грязную воду и почти сразу подал сигнал: «Вытаскивайте!»

Помощники свинтили у него с головы тяжелый бронзовый шлем. Водолаз вращал безумными зрачками и повторял:

— У них там митинг!.. У них там митинг!..

Как выяснилось, именно в этом месте на протяжении всего лета 1917 года топили трупы с привязанными к ногам грузами. А поскольку течение возле набережной сильное, то казалось, будто раздувшиеся покойники под водой колыхались, размахивали руками и разевали сгнившие рты.

О дальнейшей судьбе утопленников мне лично ничего не известно. А вот египетские сфинксы стоят на набережной и до сих пор.

Вообще-то сперва здесь хотели установить бронзовых коней, отлитых бароном Клодтом. Но барон заломил за них такую цену, что дешевле оказалось купить сфинксов в Египте, послать за ними военный корабль, привезти в Петербург, и после этого даже осталось немного денег на то, чтобы изготовить под сфинксов гранитные постаменты. А коней Клодта позже установили на Аничковом мосту.

Французы завидовали петербуржцам. Им тоже хотелось украсить свой город чем-нибудь древнеегипетским. Через четыре года после установки петербургских сфинксов в Париже, на площади Конкорд, был установлен древнеегипетский обелиск. Интересно, что когда-то это все была единая композиция: в древнем египетском Луксоре нью-йоркская «Игла Клеопатры» стояла справа, парижский обелиск слева, а петербургские сфинксы парочкой лежали прямо перед ними.

Одновременно с французами за импорт древнеегипетских монументов взялись англичане. Приличного обелиска им уже не досталось. Вместо него в Британский музей были доставлены два колосса эпохи Рамзеса II. Войдя во вкус, англичане перевезли к себе в столицу еще и скульптуры с афинского Парфенона.

Парфенон, главный античный храм планеты, на протяжении двух с половиной тысяч лет своей истории почти не пострадал. При византийских императорах он был превращен в христианскую церковь. Христиане регулярно его реставрировали. А потом в Афины прибыл британский граф Элджин, который по камешку разобрал греческую постройку и на 22 кораблях вывез камни в Лондон.

То, что после этого осталось от Парфенона в Афинах, напоминает обглоданную куриную ножку. Зато перед входом в Британский музей ежедневно выстраиваются очереди. Греки скрипят зубами от обиды, требуют вернуть статуи и в каждом путеводителе по Афинам не забывают упомянуть, что умер-то граф Элджин не абы как, а от сифилиса.

На заключительном этапе к гонке коллекционеров подключились немцы. Эти решили брать не размером, а качеством. Установить перед Рейхстагом обелиск им не светило, зато именно в Египетском музее Берлина хранится знаменитый бюст Нефертити.

6

А вот Нью-Йорку ни одна из знаменитых реликвий древности не досталась. Американцы свой шанс упустили. В Метрополитен-музее сегодня хранится несколько каменных быков из Ассирии (гораздо худшего качества, чем луврские) и какое-то количество золота инков (не идет ни в какое сравнение с берлинским золотом Трои). Больше похвастаться нечем.

Впрочем, Нью-Йорк знаменит, конечно, не прошлым. В Нью-Йорк ездят не вздыхать об ушедшем, а смотреть на будущее.

Осмотр Манхэттена лучше начинать с Баттери-парка, разбитого на стрелке острова. Отсюда открывается прекрасный вид на залив и Статую Свободы. Статуя знаменита в основном тем, что внутри нее снималась сцена финальной драки для фильма «Люди Икс-1».

В двух шагах от Баттери-парка стоит старинная ирландская церковь Святой Троицы. Под ее фундаментом в «Сокровище нации» было спрятано золото тамплиеров. Рядом расположена станция метро «Боулинг Грин». В третьем «Крепком орешке» ее взорвали международные террористы, а в «Денежном поезде» именно с этой платформы отчалил поезд, ограбленный Вуди Харельсоном.

Дальше начинается собственно Нью-Йорк. В фильме «Водный мир» этот город ушел на дно океана, в «Послезавтра» — покрылся километровым ледником, в «Искусственном интеллекте» — и то и другое одновременно, а в третьем «Терминаторе» был разрушен точечными ядерными ударами.

За Финансовым районом лежат веселые нью-йоркские Виллиджи. Внешне этот райончик довольно мил, однако не стоит забывать, что именно здесь открыл охоту на людей инопланетный Хищник из «Predator, часть II», и именно по этим переулкам бродила чудовищная ящерица Годзилла. Если прогулка вас утомила, то можно сесть и перекусить в одном из местных ресторанчиков. Говорят, кухня лучше всего в том, который некогда разгромил шестирукий Профессор Октопус из второго «Спаيدرмена».

Из Виллиджей можно отправляться в Нижний Ист-Сайд. Места основных сражений между «Бандами Нью-Йорка» вы узнаете без тру-

да. Также отсюда открывается неплохой вид на небоскреб Крайслер-билдинг. В самом первом «Кинг-Конге» 1930-х годов на него взбиралась гигантская обезьяна. В более новом «Кинг-Конге» с Джессикой Ланж обезьяна карабкалась на башни-близнецы Всемирного торгового центра, но их по понятной причине вы уже не увидите.

Дальше к северу находится знаменитый «Дом-утюг», куда ходил на службу Человек-паук. Если за «Утюгом» повернуть налево по 30-й Вест-стрит, то вы упретесь в стадион Мэдисон-сквер-гарден, на раздвижной крыше которого Жан-Клод Ван-Дамм сражался с террористами во «Внезапной смерти», а Брюс Уиллис танцевал джигу в «Последнем бойскауте». Кроме того, отсюда открывается роскошный вид на дом, в котором происходит действие фильма «Ребенок Розмари».

Двигаясь дальше по Бродвею, особое внимание обратите на площадь Таймс-сквер. Именно здесь наблюдается самая высокая концентрация внеземных опасностей. В фильме «Армагеддон» именно сюда упали осколки небесного астероида. В «Дне независимости» над Таймс-сквером завис блин космической тарелки. В «Охотниках за привидениями» именно здесь толпа встречала овациями бесстрашных борцов с нечистью, а в первой «Матрице» по этой площади разгуливала сногшибательная блондинка в красном, специально смоделированная для Киану Ривза.

Еще пару кварталов выше, и вы окажетесь на границе Централ-парка. Чтобы не потеряться в зарослях, иногда задирайте голову: вы всегда сможете сориентироваться по торчащим над деревьями небоскреbam-близнецам «Сан-Ремо». Правая башня знаменита тем, что именно на нее в «Побеге из Нью-Йорка» упал самолет президента США. В левой башне в фильме «Один дома-2» жил беспризорный Маколей Калкин. А в самом Централ-парке, у подножия «Иглы Клеопатры», черепашки-ниндзя как-то спасли потерявшегося космического бейби.

7

В Нью-Йорке египетский обелиск один, а в древнем Риме их было больше двадцати. До наших дней дошло тринадцать. Античные императоры привозили обелиски из Египта и устанавливали на главных площадях Вечного города. Их позолоченные вершины слепили глаза. Жителям Рима казалось, что это навсегда.

Потом античный мир умер. Готы и вандалы играючи повалили египетские стелы на землю и разломали их на куски. Там, в земле,

обелиски пролежали тысячу лет. Когда средневековые европейцы выкопали их с пятиметровой глубины и с трудом заставили снова стоять прямо, над землей восходило солнце уже совсем другого мира.

Бывает так, что мир умирает. Предпоследний раз такое случилось полтора тысячелетия назад, а последний раз это происходит сегодня. Все, чем гордится человечество, все главные войны и главные книги остались в прошлом. Наш с вами мир умер. Но никто не хочет этого замечать.

Особенно трудно заметить это в Нью-Йорке. Сто два этажа небоскреба Эмпайр-стейт-билдинг. Сто миллионов киловатт электрического освещения на Таймс-сквер. Эту площадь американцы с гордостью называют самым электрифицированным местом на земле. Что ж, в тот момент, когда из-под земной коры будет высосан последний литр топлива, эта площадь станет просто местом.

Рано или поздно нью-йоркские небоскребы перестанут скрести небо. Станут смиренно лежать поперек тротуаров. Трудолюбивые мексиканцы распашут север Манхэттена под маисовые плантации. Бродячие скотоводы еще скормят своим стадам траву, выросшую над братской могилой Манхэттена. Потом остатки небоскребов (то, что не сгниет и не рассыплется в труху) будут извлечены из земли археологами. Кто-то непременно прославит свое имя открытием допотопного города Нью-Йорка. Очкастые знайки станут пинцетом вытаскивать из глубоченных раскопов осколки гипсокартона. Они еще напишут толстые книжки, в которых выскажут несколько смелых гипотез, относительно того, как именно выглядели верхние этажи Эмпайр-стейт-билдинг. На место, где стояло это чудо света, непременно придут экскурсии. Люди еще поразятся гигантскому фундаменту бетонного чудища.

Впрочем, это будут какие-то другие люди. Живущие в каком-то другом мире. И вообще это будет не скоро. Пока небоскребам предстоит пасть и веками лежать под землей.

16. Рим

1

Неделю назад я заходил в музыкальный магазин «Титаник». Мне нужно было взглянуть: нет ли у них альбома The Joshua Tree груп-

пы U2. У самого входа в магазин я заметил девушку, с которой встречался восемь лет назад. Она рассматривала витрину с DVD. У нее были сногшибательные сапоги. Она была модная, прекрасная, в дорогой одежде, с ключами от дорогой машины, в дорожных очках, с дорожной сумочкой в рифму к сапогам, а я был такой же, как всегда.

Восемь лет назад она поднимала ко мне мокрое лицо и слизывала капельки спермы с верхней губы. Прекрасно помню, как, испытывая оргазм, она по-дурачки растопыривала ноздри и все повторяла мое имя... Сейчас она на меня даже не смотрела. Думаю, если бы я попробовал с ней заговорить, девушка вызвала бы милицию.

Восемь лет... и все встало на свои места. Не жизнь, а сплошное расстройство. Из «Титаника» я ушел, так и не купив свой The Joshua Tree.

Этот альбом я купил спустя два дня. Раньше я обычно покупал его на кассетах, а последнее время на CD. Я часто переезжаю с квартиры на квартиру и за время этих переездов перетерял все любимые книги, все любимые диски, несколько любимых джинсов... всех друзей, всех девушек, любую надежду на нормальные отношения с кем бы то ни было... Ну, потерял и потерял — ничего из перечисленного вернуть я не пытаюсь. И только альбом The Joshua Tree каждый раз покупаю заново.

2

Где-то до июня-июля год медленно ползет в гору. А потом — вжжжхх! — следующих месяцев до самого декабря ты и не вспомнишь. С жизнью тоже так.

Тем, кто вместе со мной начинал слушать U2 в 1980-х, сейчас под сорок. Им пришлось несладко. Моему поколению достался сложный вираж, и проходили мы его с трудом. Но следующему-то поколению не досталось ничего. К тому моменту, когда они родились, мир был уже мертв.

К тридцати годам наши родители имели маленькие, но твердые зарплаты. Они планировали летние отпуска, покупки шуб и кооперативных квартир. Мои ровесники к тридцати годам даже и не думают начать раздавать долги. Большинство именно за счет родителей и живет.

В конце 1980-х казалось, будто мы — победители. Самое свободное поколение в истории страны. Чтобы понять, что это была

ошибка, понадобилось целых пятнадцать лет. А ведь впереди еще какая-никакая старость.

Никому из моих ровесников пенсия не светит. Кто-то провел жизнь в бомбоубежищах, переделанных под рейв-клубы. Кто-то — сидя в кофейнях на Невском. Я — катаясь по свету. В молодости мы как-то умудрялись находить денег на еду, алкоголь и авиабилеты. Еще лет десять можем продолжать в том же духе. А потом?

Пятнадцать лет назад я жил в самом центре Петербурга, носил модные футболки и общался лишь с теми, кто завтра станут героями. Среди моих приятелей были будущие миллионеры и будущие звезды рок-н-ролла. Я был знаком с будущими мужьями самых красивых женщин мира и теми, кому на набережных моего города непременно будут установлены бронзовые бюсты... У всех нас было блестящее будущее. Только оно так и не наступило.

Один мой приятель сегодня зарабатывает на жизнь тем, что продает тупым японским туристам фальшивую черную икру. В магазине аналоговая икра, сделанная из рыбьего мяса, стоит \$2,5. Парень продает ее, как настоящую, по \$12. Вдуть удастся от силы десять банок в неделю. Вырученные деньги он тут же пропивает с друзьями. Хорошо так жить, когда тебе семнадцать, но как быть, если тебе скоро сорок?

Другой друг юности числится рабочим при главной петербургской панк-группе. В его обязанности входит кататься с группой по гастролям, драться во время концертов с фанами других коллективов и с утра до вечера И пить с музыкантами алкоголь. Прекрасная профессия для двадцатилетнего паренька, но выдержишь ли ты такой ритм в пятьдесят?

Эти двое еще неплохо пристроились. Парень, в 1990-х снабжавший меня флаерами на первые рейвы, теперь сидит в испанской тюрьме (14 граммов кокаина). Остальные приятели работают в основном охранниками в дешевых магазинах. Две недели они ходят на службу, потом решают начать новую жизнь, увольняются, месяц ищут новую работу, потом понимают, что никакой новой жизни не бывает, и находят место охранника в дешевом магазине, и опять две недели ходят на службу, а потом опять понимают, что дальше так жить нельзя, и опять увольняются, и так без конца...

Двухтысячные оказались похмельем. Мой век весь вытек.

Кто-то из приятелей уже умер. Недавно, вернувшись из китайского Тибета, я включил телевизор, а там по всем каналам рассказывали, что моего одноклассника по имени Ян застрелили в Иркут-

ске. Парень работал журналистом, поехал участвовать в выборах, перебежал какую-то лишнюю дорогу и схватил пулю. Вроде бы даже две пули: в грудь и контрольную в голову.

Не стану врать, будто событие меня потрясло. Последнее время мы с Яном почти не общались. Встречаться было незачем, говорить не о чем. А потом его взяли и застрелили...

Я полистал записную книжку в мобильном телефоне, нашел его номер, долго-долго разглядывал цифры, а потом нажал кнопку Delete. В этой телефонной книжке и так было лишь несколько номеров. А скоро их, наверно, не останется совсем.

3

Когда мне было шестнадцать, ночи я проводил в петербургском Jazz-club'e. С тех пор я перепосещал чертову прорву похожих заведений. Где-то в них я потерял лучшее десятилетие своей жизни. Иногда я пытаюсь отыскать его обратно.

Последнее время если я куда и выбираюсь, то только в бар «Дача». Заведение принадлежит губастенькой девушке-немке. Ходят в «Дачу» для того, чтобы к двум часам ночи выпить до потери человеческого облика и сплясать на столе. Летом в баре так жарко, что пот капает вам в пиво прямо с потолка.

Как-то в этом баре я встретил молодого англичанина, который прибыл в Петербург из Камбоджи через Киргизию и русский Урал. В моем городе он собирался отдышаться, Western Union'ом получить денежный перевод и порулить дальше.

Мы разговорились, обсудили страны с недорогим визовым режимом и выпили по пиву. Пять недель назад этот парень сидел в камбоджийских джунглях и рассматривал древний потерянный город Ангор. Теперь он пытался мне об этом рассказать. Выходило у него не очень. Я знаю это состояние. Когда два месяца подряд не разговариваешь вообще ни с кем, то забываешь, как это делается.

Он спрашивал:

— Ты был в Индокитае?

— Я много где был. Но в Индокитае не был.

— Ни разу не был в Индокитае? Даже в Таиланде не был?

— Нет.

— И не собираешься?

— Там же секс-туризм!

— Ну и что?

- Не люблю я все это...
- Ни разу не был в Индокитае! Блин, парень, куда ж ты тогда ездил?
- А чего мне делать в Таиланде?
- Да ладно! Знаешь, как там красиво? А в Мьянме еще красивее!
- Да?
- Ты просто не представляешь, какая там красота!

(Типы вроде него (и вроде меня) ничего и никогда не построят. Зато могут что-нибудь украсть. Когда мы все наконец поумираем, после нас не останется даже детей, способных нас похоронить (подробнее об этом см. гл. 8).)

- Я не за этим езжу по свету. На красоту красивую я могу посмотреть и дома, в Петербурге.
- Right! Ваш Петербург — очень красивый город.
- Ну и нафига тогда мне ездить за красотой в Индокитай?
- А зачем вообще ты куда-то едешь?
- Я ищу.
- Ищешь?
- Я пытаюсь найти такую штуку, которая не развалится от времени. Не умрет, понимаешь? Я ищу место, об которое время сломает зубы. В Индокитае такого точно нет.
- Такого, парень, нигде на свете нет!
- Ха! Много ты знаешь!
- Есть?
- Такое место есть. И я даже знаю, как оно называется.

4

Я очень люблю Европу. Но не саму по себе, а как указатель: «Хочешь жить правильно? Тебе — туда!» Европа — это ведь всего лишь крошечный мыс на западной окраине Азии. Зато в Европе есть Рим. А в Риме есть ответ на самый главный вопрос.

В баре стало невыносимо жарко. Я вытащил из-под стола рюкзак, наступая на ноги, прошел к выходу, а англичанин протиснулся за мной. Ему все еще хотелось поболтать. Мы вышли на набережную канала Грибоедова. За чугунными решетками плескалась грязная вода. На другой стороне канала стоял Казанский собор. Вытянутый купол... разведенная для объятия колоннада... наш, русский клон ватиканского собора Святого Петра.

В каждом приличном городе мира должно быть что-то римское. Иначе городу не устоять. По всему миру стоят маленькие копии большого ватиканского храма. В Петербурге — Казанский собор. В Вашингтоне — Капитолий. В Париже — Пантеон. В Лондоне — собор Святого Павла. Все они так похожи, что на фото их можно спутать.

Каждый из перечисленных городов скоро падет. Останутся только римские храмы. Когда мир умирал в прошлый раз, так уже было. Города пали, а римские храмы остались. Они до сих пор стоят по всей Европе. Напоминают: Рим — город вечный.

И мы все скоро тоже умрем, но тоже, надеюсь, не целиком. Моя личная жизнь скоро кончится, но ничего страшного в этом нет. Смерть — это почти так же естественно, как жизнь. Главное, чтобы от этой жизни хоть что-то осталось.

Когда умрет мир, от него останется Рим (ничего больше, ничего вечнее, чем Рим, не бывает). А когда умру я, от меня, наверное, тоже что-то останется, ведь не могу же я умереть весь целиком, иначе зачем все вообще затевалось?

Рим — это утертая слеза. Рим — это жить, зная, зачем ты это делаешь. Проблема только в том, что я-то живу не в Риме. В самом начале я собирался прожить свою жизнь не так, как прожил. Никогда мне не было дела до других людей. И уж тем более никогда мне не было дела до страны, в которой я живу. А потом мне исполнилось тридцать, а потом — еще больше, чем тридцать, и страна стала важна для меня, как вдруг становится важна ушедшая к другому жена, с которой прежде ленился даже целоваться перед сексом.

Рим будет стоять вечно, а моя собственная страна умирает на глазах. Я бы, конечно, хотел жить в Вечном городе, но, наверное, все-таки умру вместе с ней.

Англичанин все еще стоял рядом. Я видел, как не хочется ему уходить. На шее у парня болтались наушники от плеера. На прощание я спросил, что он слушает. Он ответил:

— The Joshua Tree.

5

XX век был последним, а ирландские мазефакеры U2 стали последней великой рок-н-рольной группой этого столетия. Конец света случился в ритме их бас-гитары.

Альбом The Joshua Tree вышел осенью 1988-го. Я слушал его по семь раз в день... по полсотни раз в неделю... по двести раз в месяц... и слушаю его до сих пор. Я понял еще семнадцать лет назад: ничего похожего больше не появится. Дальше все будет, может, и не плохо, но уже не так. Лучшим временем останется та осень: я молод и длинноволос, воздух пахнет возможностями, мир рушится, и я наступаю на его обломки ногами, а в плейере круглые сутки играет U2.

После The Joshua Tree группа замолчала на целых три года. Я начинал понемногу нервничать: что же будет дальше? Запишут они еще что-нибудь или не запишут? Следующим их альбомом стал Achtung, Baby, и на этом мир кончился.

Альбом вышел в августе 1991-го. Одновременно с его выходом умерла страна, в которой я родился, и мир умер вместе с ней, и стало ясно, что ждать больше нечего. СССР был последней великой империей мира. Жить в ней было невыносимо, как в любой великой империи. Я бы не хотел, чтоб СССР вернулся, но он пал, и мир стал пуст.

А три года назад U2 выпустили альбом All That You Leave Behing. Альбом оказался полным фуфлом. В том же году, когда он вышел, я последний раз пробовал построить отношения с девушкой.

Дело было в Хельсинки (Финляндия). Я возвращался в Петербург из Франции: Страсбург — Бремен — Стокгольм — Турку... Поезд — паром — опять паром — междугородний автобус. Утром я приехал в Хельсинки, и до дому осталось всего шесть часов езды.

Впереди была родина. Это вовсе не радовало. Ехать сразу в Петербург не хотелось. Пару дней я просто болтался по барам. Где-то в баре я и познакомился с той полячкой.

Она была блондинкой. У нее были жирно покрашенные ресницы. Она без конца смеялась. Я даже не помню, как ее звали. В первый же вечер она разделась, легла в мою гостиничную постель, широко раздвинула ноги, повернулась, чтобы мне было удобнее — никому на свете я не был так благодарен, как ей.

Она была со мной... Она была со мной... Она была со мной, а больше я никому на свете был не нужен.

Я говорил:

— Не уезжайте. Оставайтесь со мной.

Она только смеялась.

— Не уезжайте. Пожалуйста. Давайте поедем обратно.

— Обратно? Куда обратно?

Я гладил ее волосы, объяснял:

— Обратио в Петербург. Будем вместе жить в Петербурге. Знаете, как прекрасно жить в Петербурге?

— Знаю. Еще я знаю, как прекрасно жить в Амстердаме, Афинах, Барселоне, Берлине, Братиславе, Бухаресте, Вене, Кёльне, Кракове, Лондоне, Львове... Продолжать?

— Я хочу с вами жить. Вместе. Вы родите мне детей, и мы не будем никуда уезжать.

— Вы не сможете никуда не уезжать. Я не смогу никуда не уезжать. Мы не сможем никуда не уезжать. Никто не сможет никуда не уезжать.

Она сползала по простыне вниз и в шутку щекотала мне член кончиком своего польского языка. Потом она ложилась ко мне на подушку, а я целовал ее волосы, ее губы, ее щеки, ее шею... ее уши... кто придумал смешное слово «мочки»?

Я из Европы ехал в Петербург, а она, наоборот, из Петербурга возвращалась в Европу. Она была такой же, как я. Тоже ездила по свету одна. По полгода не бывала в родном городе. У нее тоже не было ни дома, ни работы. Она сказала, что до этого тоже несколько недель ни с кем толком не разговаривала. Я целовал ее тело, гладил ее кожу, говорил ей русские слова, и она их понимала.

Типов вроде меня (и вроде нее), в одиночку едзящих из страны в страну, выбирающих где подешевле и поменьше соотечественников, общающихся только на reseption и с продавцами сигарет, а секс не делающих вовсе,— таких типов полпланеты. Сейчас полячка уедет, и от моей жизни вообще ничего не останется...

Опять вода гранитного цвета и бесцветное небо. Снова дожди, снова люди с плохими зубами и серой кожей. Каждый — сам по себе. Это-то и невыносимо. Здесь моя серая северная родина. Вчера здесь ничего не было, и завтра от родины ничего не останется. Рим лежит от нас далеко, а без римской мечты эта жизнь ничего не стоит.

И что-то я, знаете, запил. Это бывает со мной нечасто, но тут случилось. Я пил и говорил, а она не уезжала, слушала. Так долго меня давно никто не слушал.

Я говорил:

— Вы поедете со мной?

Она смеялась, снова сползала пощекотать член, а набаловавшись, возвращалась на подушку и закуривала новую сигарету.

— Не уезжайте. Давайте поедем обратно.

— Ах, какие у вас губы. Классно целуетесь!

— Мне не с кем целоваться. Губы есть, а целовать некого. Оставайтесь со мной.

Она только смеялась.

— Или хотите, я поеду с вами? Будем жить в вашем Кракове. Вместе. Вы родите мне детей, и мы не станем больше никуда ездить.

— Вы не сможете никуда не ездить. Я не смогу никуда не ездить. Мы не сможем никуда не ездить. Никто не сможет никуда не ездить.

На седьмой день я проснулся один. Полячки не было. Гостиничный номер выглядел, будто его бомбили. Окурки валялись даже у меня в постели. Я заглянул в рюкзак: уходя, девушка вроде бы ничего не украдала. Разбитый и ужасно себя чувствующий, я поперся в душ.

От душа мне стало только хуже. Стоя под струей, я заглянул в зеркало и увидел, что у меня на груди видны черные крупные буквы. Я вылез из кабинки и подошел к зеркалу поближе. Перед глазами все плыло.

Смешно: тушью для ресниц полячка написала мне прощальную записку прямо на коже. По-английски, с кучей ошибок. Я долго пытался разобрать ее каракули. Если вкратце, то она жаловалась, что не могла меня пьяного разбудить и говорила, что ей действительно пора. Внизу, в постскриптуме, она писала, что рожать от меня детей ей бы не хотелось.

Никто на свете не хочет рожать детей таким, как я.

Говоря честно, мне и самому не захотелось бы родить ребенка такому парню, как я.

6

Это было три года назад. С тех пор ни единого романа в моей жизни не случилось. Да я и сам не хочу.

Заводить семью, наверное, поздно. Пытаться проработать хоть где-то дольше полугода — бессмысленно. Сидеть дома или даже по кофейням на Невском — невыносимо. Умирать страшно.

И рано.

И не за что.

Так что пока можно ездить. Наверное, скоро я опять куда-нибудь уеду.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТВЕРТКА	3
КАМИКАДЗЕ	249
МАЧО НЕ ПЛАЧУТ	397
mASIAfucker	615
13 МЕСЯЦЕВ	769
МЕРТВЫЕ МОГУТ ТАНЦЕВАТЬ	871

Литературно-художественное издание

Ведущий редактор *Екатерина Серебрякова*
Ответственный редактор *Филипп Бастиан*
Художественный редактор *Юлия Межова*
Технический редактор *Валентина Беляева*
Компьютерная верстка *Ольги Савельевой*
Корректор *Валентина Леснова*

Подписано в печать 12.07.2012. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 62,0. Тираж 2000 экз. Заказ 2187.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1: 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса:

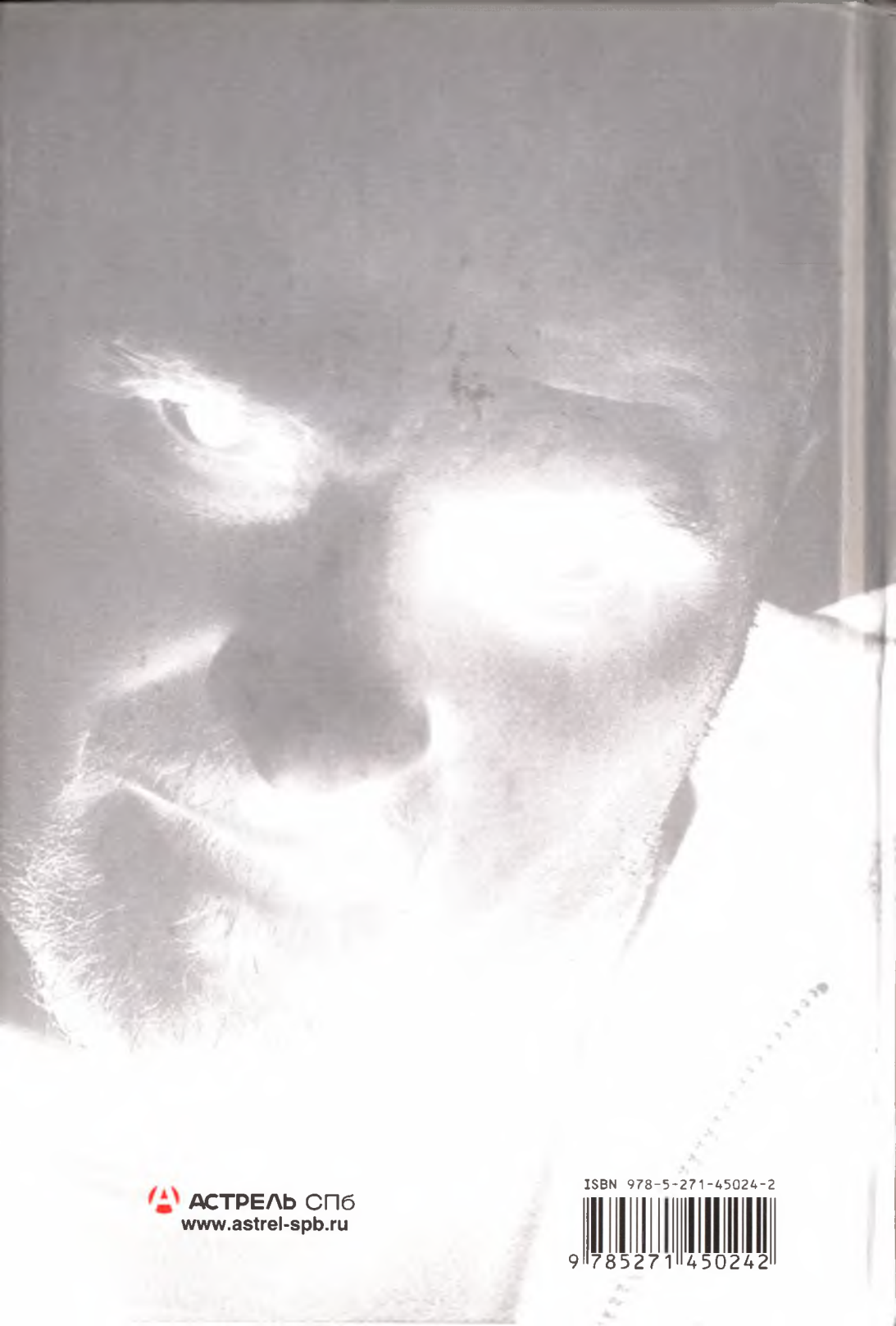
WWW.ASTRU

E-mail: astpub@aha.ru

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛИ № 02330-0494179 от 03.04.2009.

Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

 АСТРЕЛЬ СПб
www.astrel-spb.ru

ISBN 978-5-271-45024-2

9 785271 450242